

В. Г. Васильевский

Лекции по истории средних веков

BIBLIOTHECA
medii
ÆVI

БИБЛИОТЕКА
СРЕДНИХ
ВЕКОВ

Редколлегия серии «Библиотека Средних веков»:

*член-корреспондент РАН С. П. Карпов (председатель),
Н. И. Басовская, О. И. Варьяш, Л. И. Киселева, Г. Е. Лебедева,
В. Н. Малов, А. А. Сванидзе, П. Ю. Уваров, В. И. Уколова,
С. Е. Федоров, Н. А. Хачатурян, В. А. Якубский*

ИСТОРИЧЕСКАЯ
КНИГА

В СЕРИИ
БИБЛИОТЕКА
СРЕДНИХ
ВЕКОВ

вышли в свет:

Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда
Под ред. Н. А. Хачатурян

Искусство власти. Сборник в честь профессора Н. А. Хачатурян

Конфессионализация в Западной и Восточной Европе
в раннее Новое время. Под ред. А. Ю. Прокопьева

Право в средневековом мире. Вып. 2–3: Сборник статей

Проблемы социальной истории и культуры Средних веков
раннего и Нового времени. Под ред. Г. Лебедевой. Вып. 4, 5

Судьбы и образы женщин средневековья.
De Mulieribus Illustribus

Арнаутова Ю. Е. Колдуны и святые:
Антропология болезни в Средние века

Зюмтор П. Опыт построения средневековой поэтики

Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности
в XII–XIII вв.

Карсавин Л. П. Римская империя, христианство и варвары

Лучицкая С. И. Образ Другого:
мусульмане в хрониках крестовых походов

Усков Н. Ф. Христианство и монашество в Западной Европе
раннего Средневековья. Германские земли II/III — середины XI в.

Федоров С. Е. Раннестюартовская аристократия
(1603–1629)

Франциска Фуртай. Записки средневекового масона.
Альбом Виллара де Оннекура

Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике

В. Г. Васильевский

**ЛЕКЦИИ
ПО ИСТОРИИ
СРЕДНИХ
ВЕКОВ**

Ответственные редакторы
Г. Е. Лебедева, С. Е. Федоров

Санкт-Петербург
АЛЕТЕЙЯ
2008

УДК 94“653”
ББК 63.3(0)4
В19

*Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»*

Издание подготовила *Л. Н. Заливалова*

Васильевский В. Г.

В19 Лекции по истории Средних веков / В. Г. Васильевский ; сост. Л. Н. Заливалова ; отв. ред. Г. Е. Лебедева, С. Е. Федоров. — СПб. : Алетей, 2008. — 646 с. : ил. — (Серия «Библиотека Средних веков»).

ISBN 978-5-91419-010-8

Предлагаемое издание — первая публикация университетского курса по истории средневековой цивилизации профессора Санкт-Петербургского университета В. Г. Васильевского (1839–1899). Лекции охватывают широкий хронологический диапазон — с I по XIII вв., отражают лучшие достижения отечественной и европейской медиевистики XIX века. Богатство исторического материала и его оригинальная интерпретация делают курс Васильевского ценным пособием для начинающего ученого. Широкие круги читателей познакомятся с яркими историческими портретами знаменитых королей, монашеских миссионеров христианства, деятелей средневековой культуры. Римская эпоха во время кризиса и первые варварские королевства, истоки возвышения панства и бунты горожан, кодекс чести рыцаря и взгляды вождя еретиков — всё это и многое другое прослеживается на обширной источниковедческой базе.

Лекции выдающегося византиниста В. Г. Васильевского — памятник русской и европейской исторической мысли, ценный источник для изучения истории отечественной науки.

Для историков, преподавателей, студентов и широкого круга читателей.

УДК 94“653”
ББК 63.3(0)4

ISBN 978-5-91419-010-8

© Л. Н. Заливалова, составление, 2008
© Издательство «Алетей» (СПб.), 2008
© «Алетей. Историческая книга», 2008

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВАСИЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ВАСИЛЬЕВСКИЙ

*Книги – корабли мысли, которые странствуют по волнам времени
и бережно несут свой драгоценный груз от поколения к поколению.*

Фрэнсис Бэкон

Публикация лекций академика Императорской Академии наук Василия Григорьевича Васильевского (1839–1899) по средневековой истории Западной Европы открывает малоизвестные нашему читателю страницы творческого наследия выдающегося русского историка. В дооктябрьской России он был основоположником и главой исследовательской школы научного византиноведения, которая завоевала международный авторитет. Главное место в трудах Васильевского занимали проблемы истории Византийской империи и славянских народов, судьбы которых оказались связаны с отечественной историей.

Научное наследие Васильевского, высоко ценимое современниками, не было обойдено вниманием в советской историографии. В 1994 году, юбилейном для российской византологии, академик Г. Г. Литаврин в большой статье, посвященной ученому, писал о его роли в исторической науке: «Среди крупнейших византинистов XIX столетия можно назвать отнюдь не столь много имен ученых, научные заслуги которых были бы признаны столь единодушно и повсеместно, высокий авторитет которых не поколебало бы истекшее время, а исследовательский метод не принимался бы по-прежнему за образец, заслуживающий подражания в наши дни. Бесспорно, к числу таких имен принадлежит и имя академика Василия Григорьевича Васильевского».¹

В течение всей жизни Василий Григорьевич совмещал научно-исследовательскую работу и преподавание. Несколько поколений российских историков и учителя в конце XIX–начале XX века, будучи студентами, начинали знакомиться с актуальными проблемами европейской медиевистики по его лекциям. Студентов историко-филологического факультета Петербургского университета лекционные курсы профессора привлекали глубиной содержания. Один из слушателей, граф П. С. Шереметев, посещавший лекции в 80-е годы, вспоминал о впечатлении от университетских чтений Васильевского: «От них, бесспорно, веяло чем-то правдивым и искренним: соединением тонкого аромата первоисточника с глубокой эрудицией теоретической мысли, и это редкое сочетание делало их особенно ценными».² Лекции Василия Григорьевича были неоднократно литогра-

¹ Литаврин Г. Г. Василий Григорьевич Васильевский – основатель Санкт-Петербургского центра византиноведения (1838–1899) // Византийский временник. – 1994. – Т. 55(80). – С. 5.

² Василий Григорьевич Васильевский // Санкт-Петербургские ведомости. – 24 мая (5 июня). – 1899. – № 139. – С. 3.

фированы. В 1870-е годы Василия Григорьевича приглашали в Санкт-Петербургскую Духовную академию для преподавания истории «всеобщей гражданской» (историю христианской церкви как отдельный предмет вели только профессора академии). В памяти выпускников надолго осталось интересное изложение событий эпохи Средневековья.³ По лекциям В. Г. Васильевского начинали знакомство с медиевистикой слушательницы Высших женских (Бестужевских) курсов – первого в России женского университета. По приглашению профессора К. Н. Бестужева-Рюмина он читал лекции и исполнял обязанности заведующего историко-словесным отделением (1878–1889). Учебная программа курса, разработанная Василием Григорьевичем, охватывала европейскую историю III–XV веков и по своему содержанию близка университетской. С разрешения профессора лекции были изданы лито-графическим способом. В качестве учебного пособия их использовали не только курсистки, но и студенты университетов, даже много лет спустя, после того как он оставил преподавание на курсах. И. М. Гревс, известный русский историк-медиевист, ученик Василия Григорьевича и преемник по кафедре в Петербургском университете, размышляя в 1929 году о значении его педагогической деятельности для российского просвещения, пришел к такому заключению: «Можно сказать с уверенностью, что из бывших его слушателей не только те, которые сами стали профессорами или учеными специалистами, чтили его память и с удовлетворением и благодарностью сознавали себя в известном смысле его духовными питомцами», но также и «многие из тех, кто трудился на педагогическом поприще, учителями истории, литературы или древних языков».⁴

Лекционные курсы В. Г. Васильевского по истории средневековой Европы в настоящее время привлекают к себе внимание как памятник исторической мысли своей эпохи. Круг развиваемых в лекциях идей – это суждения великого русского ученого по актуальным проблемам медиевистики второй половины XIX века. В связи с этим их изучение открывает новые грани в понимании процессов преемственности научной мысли XIX и XX веков.⁵

Для истории отечественной науки существенно важно, что оказывается заполненной лакуна в наших представлениях об уровне исторического образования и преподавания в России XIX века. До сих пор о содержательной стороне подготовки историков-медиевистов широкие круги исследователей могли судить только по опубликованным лекциям Т. Н. Грановского (1813–1855) и П. Н. Кудрявцева (1816–1858), профессоров Московского университета и старших коллег В. Г. Васильевского. Расцвет их учебно-педагогической деятельности приходится на середину XIX века. Сведения о том, чему учили и как учили студентов в университетских аудиториях во второй половине столетия до недавнего времени можно было найти главным образом в воспоминаниях современников. Безусловно, как ученый Васильевский принял и ценил наследие Т. Н. Грановского и

³ *Васильевский В. Г.* // Церковные ведомости. – 1899. – № 22. – Ст. 882.

⁴ *Quiescet in pace: к 100-летию со дня смерти В. Г. Васильевского: Глава «Последний год жизни»* из неопубликованной монографии И. М. Гревса / Подготовил к печати И. П. Медведев // *Византийский временник*. – 1999. – Т. 58(83). – С. 117.

⁵ См., например: *Российские университеты в XIX–начале XX века: Сб. науч. статей*. – Воронеж. Вып. 1. 1993; Воронеж. Вып. 2. 1996; *Киреева Р. А.* К. Н. Бестужев-Рюмин и историческая наука второй половины XIX в. – М., 1990; *Лантева Л. П.* Славяноведение в Московском университете в XIX – начале XX века. – М., 1997; *Фролов Э. Д.* Русская наука об античности: Историографические очерки. – СПб., 1999; *Историческая наука в Московском университете, 1755–2004* / под ред. С. П. Карпова. – М., 2004 и другие издания.

П. Н. Кудрявцева, но теоретические позиции его были иными. Цели, которыми он руководствовался при разработке курсов, соответствовали новому этапу развития европейской исторической науки и были связаны с потребностями образования в пореформенной России.

Избирательный подход советской историографии к научно-педагогическому наследию ученых XIX—начала XX веков проявился в том, что лекционные курсы В. Г. Васильевского, П. Г. Виноградова, В. И. Герье⁶ наряду с многими другими были исключены из повседневного учебного процесса на исторических факультетах университетов. В то время как по воспоминаниям одного из учеников Василия Григорьевича известного византиниста П. Г. Безобразова, взгляды которого на историческую науку, однако, весьма отличались от концепции учителя: «Литографированные лекции по Средним векам надолго по окончании курса делались настольной книгой у всех занимавшихся всеобщей историей. В них можно было найти ясное и критическое изложение различных теорий и исторических взглядов, кроме того, подробную литературу предмета, потому что В. Г. Васильевский обладал обширной эрудицией и зорко следил не только за капитальными явлениями западной литературы, но даже за журнальными статьями».⁷

Научно-педагогическая деятельность В. Г. Васильевского связана прежде всего с Санкт-Петербургским университетом — около тридцати лет он работал на историко-филологическом факультете (1870–1899). Он искренне любил университет, хорошо знал его проблемы, неравнодушно относился к переживаемым университетом трудностям и радовался успехам. Путь в замкнутую корпорацию профессуры столицы не был легким.

Василий Григорьевич родился 20 января 1838 года в семье священника небольшого села Ильинское-на-Соти Любимского уезда Ярославской губернии. Его отец, обремененный большой семьей, на свои доходы смог обеспечить только первые годы пребывания сына в уездном духовном училище. В последующее время и в училище, и в Ярославской духовной семинарии (1852–1856) Васильевский учился за казенный счет. Рано проявившиеся способности к гуманитарным наукам получили развитие во многом благодаря личным качествам его характера: настойчивости, трудолюбию, упорству. Он очень любил латинский и греческий языки, много читал. Накануне выпуска из семинарии Васильевского отличали блестящие успехи по всем предметам, примерное прилежание и безупречное поведение. Ректор Ярославской семинарии архимандрит Иустин ценил талантливого ученика и убеждал продолжать образование в духовной академии.

Однако Василий Григорьевич поехал в Петербург и, выдержав экзамены, стал студентом историко-филологического факультета Главного Педагогического института (1856–1859). В последующие два года, ввиду реорганизации института, он посещал занятия на историческом отделении Петербургского университета и педагогических курсах при университете. В студенческие годы определилась область будущей научной деятельности Васильевского — всеобщая история. В начале 1862 года император Александр II удовлетворил ходатайство Министерства народного просвещения об отпуске средств из казны для обеспечения способных к занятию наукой выпускников университетов, отправляемых на учебу

⁶ Историографическая оценка лекций В. И. Герье: *Кирсанова Е. С.* Проблема генезиса западноевропейского феодализма в лекционном курсе В. И. Герье (1870/71 г.) // Средние века. — Вып. 45. — С. 196–211.

⁷ *Безобразов П. В.* В. Г. Васильевский // Византийский временник. — 1899. — Т. VI. — Вып. 3–4. — С. 650.

за границу. В первую группу молодых дарований был включен Василий Григорьевич Васильевский, командированный за границу для специальной подготовки по всеобщей истории.

Во время зарубежной стажировки (1862–1864) Васильевский знакомился и осваивал последние достижения современной ему европейской медиевистики в лучших университетских центрах Германии и Швейцарии. Заметим, что кандидаты самостоятельно определяли программу занятий и о ходе ее выполнения обязаны были информировать министерство. В одном из первых официальных отчетов Василия Григорьевича о работе за границей читаем: «Хотя мои основные усилия направлены на антиковедение..., считаю обязательными для себя и занятия медиевистикой». Судя по содержанию других отчетов, вначале он выбрал для посещения занятия многих преподавателей, в том числе известных специалистов по истории Средневековья. Однако некоторые лекции «скоро перестал посещать», поскольку счел их малосодержательными, другие – «слушал с интересом ... и получил большую пользу для себя». Среди последних Васильевский особо выделил лекции знаменитых в Европе ученых И. Г. Дройзена (по актуальным и мало разработанным проблемам позднего европейского Средневековья и методологии истории) и Р. Г. Гнейста (по политической истории раннефеодальной Англии), прослушанные в Берлинском университете, а в Лейпциге – чтения профессора В. Рошера, одного из основоположников нового, быстро набиравшего силу в те годы «историко-экономического» направления в немецкой исторической науке. Основательную школу историко-филологических приемов и методов исследовательской работы с античными и раннесредневековыми письменными памятниками начинающий ученый и «кандидат на занятие профессорской должности по всеобщей истории Василий Васильевский» прошел в семинарах, которые вел выдающийся европейский историк XIX века Т. Моммзен (римское право и история государственных учреждений). Он слушал лекции крупного архивиста и публикатора профессора Ф. Яффе по римской и средневековой хронологии, а на его семинарах изучал латинскую палеографию и дипломатику IX–XII веков. Посещение семинаров профессора А. Шмидта оказалось полезным для получения практики источниковедческого исследования памятников средневекового права.⁸

Весной 1870 года, вскоре после блестящей публичной защиты магистерской диссертации в собрании ученого совета Петербургского университета, Васильевский был утвержден в должности «доцента по кафедре всеобщей истории» на историко-филологическом факультете с обязанностью «чтения лекций по Средней истории».⁹ Первую лекцию в университетской аудитории Василий Григорьевич прочитал 2 октября 1870 года. Одновременно для студентов старших курсов, он начал вести специальный курс по источниковедению истории крестовых походов. Разносторонняя специальная подготовка Васильевского позволяла руководству факультета надеяться на существенные перемены в преподавании истории Средних веков как учебной дисциплины и ожидать активизации исследовательской работы по медиевистике.

До появления на факультете Васильевского чтение лекций по средневековой истории поручали профессорам разных кафедр, а временами учебные занятия во-

⁸ См.: Извлечения из отчетов лиц, отправленных Министерством народного просвещения за границу для приготовления к профессорскому званию. Ч. I. – СПб., 1863; Ч. II. – СПб., 1863; Ч. III. – СПб., 1864.

⁹ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 6717. Л. 32.

обще отменяли из-за отсутствия преподавателя. Неудовлетворительное положение с преподаванием предмета было особенно заметно на фоне успехов университетских кафедр славистики и антиковедения. Профессор И. И. Срезневский, один из основоположников русской филологической науки, знаток славянской палеографии и археологии, в те годы декан историко-филологического факультета, читал специальные курсы по кафедре славянской филологии. С приходом В. И. Ламанского – историка широкого диапазона исследовательских интересов – преподавание славистических дисциплин расширяется и углубляется. Лекции по русской истории читали профессор К. Н. Бестужев-Рюмин и разделивший с ним эту обязанность (с 1871 года) Е. Е. Замысловский – знаток древнерусского права и средневековой русской истории, который с увлечением занимался исторической географией русского и западного Средневековья, новым тогда научным направлением. Благодаря усилиям профессора Ф. Ф. Соколова – основоположника историко-философского направления и И. В. Помяловского – филолога-классика, эпиграфиста и палеографа, менялось положение в антиковедении.¹⁰

Вступая на университетскую кафедру, Васильевский отчетливо видел и понимал причины отставания русской медиевистики от уровня развития этой области исторического знания в других странах Европы (особенно в Германии, Франции, Англии), и вряд ли заблуждался насчет того, что разрыв можно преодолеть за короткий срок. Огромной его заслугой стала коренная перестройка всей учебной работы по предмету. Так называемый «общий» лекционный курс по истории средневековой Европы, который по существующим в российских университетах правилам обязаны были посещать все студенты, В. Г. Васильевский наполнил актуальным материалом современной историографии; для слушателей, избравших историю как предмет специализации, он разрабатывал дополнительные курсы по узкоспециальным и ключевым проблемам (например, «История Англии в средние века», «История Франции при королях из дома Валуа», «История городов и городских учреждений в средние века», «Источники по истории крестовых походов», «Второй крестовый поход» и другие). Очень важно, что впервые в практику российского университетского образования была включена подготовка специалистов-исследователей по византиноведению. Василий Григорьевич разработал первые специальные курсы византийской истории и проводил практические занятия по источниковедению и историографии Византии.

В Петербургском университете он ввел специальные занятия по проблемам Средневековья, так называемые «исторические семинарии». Это был особый вид аудиторных занятий со студентами-историками, на которых под руководством Василия Григорьевича они занимались чтением и разбором оригинальных письменных памятников, постигая тонкости латинской и греческой палеографии и осваивая специальные приемы источниковедческого исследования. Впервые такого рода учебные занятия появились в университетах Германии еще в середине XIX века по инициативе Л. Ранке и Г. Зибеля, крупных историков и организаторов исторической науки. Важным свидетельством плодотворности этого начинания явились успехи немецкой исторической школы в научной разработке большого комплекса известных письменных источников Средневековья, а также введение в научный оборот массы новых документов. Опыт Германии использовали в учебных заведениях Франции, Англии и других стран Европы. В практике учебного процесса российских университетов начала 1870-х годов положение было иное: умения и навыки исследовательской работы с историческим материа-

¹⁰ См. о кафедре древней истории: *Фролов Э. Д.* Указ. соч. Ч. II. Гл. 4.

лом студенты могли получить только на индивидуальных занятиях с профессорами, которые преподаватели проводили у себя на дому в виде исключения.

Немалые усилия приложил Васильевский к тому, чтобы семинары по средневековой истории стали постоянным видом учебных занятий для историков и были включены в расписание обязательных занятий на факультете. Академик С. Ф. Платонов вспоминал: «В особенности любовались мы Васильевским в специальной аудитории (в семинарии), где ... он раскрывался вполне, не смущаемый многолюдством и не связанный лекционной формой изложения. Загромодив кафедру принесенными их дому и из университетской библиотеки книгами и рукописями, он начинал свою беседу о каком-нибудь эпизоде византийско-готских или византийско-русских отношений, ставя нас лицом к лицу с текстом первоисточника и наглядно показывая, как из этого текста извлекался исторический вывод, иногда большого интереса и значения. Мы вступали в самый процесс ученого исследования и творчества и начинали понимать завлекательную прелесть успешного научного труда».¹¹ Школу источниковедческой подготовки на материале средневековых памятников прошли многие ученые, труды которых составляют гордость русской исторической науки, в том числе: С. Ф. Платонов, А. С. Лаппо-Данилевский, М. И. Ростовцев, А. А. Васильев, И. М. Гревс, С. И. Жебелев, Т. Д. Флоринский, Н. М. Бубнов.

Полный общий курс Средневековой истории европейских стран, который был разработан Васильевским для студентов историко-филологического факультета Петербургского университета, охватывал четыре учебных семестра и состоял из четырех частей. Первая часть включала обзор положения древнейшего населения Европы и римских завоеваний, проблем романизации провинций и кризиса античного общества. Вторая часть курса была посвящена истории отношений варварского мира и Римской империи в I–IV веках, дискуссионным вопросам позднеантичной эпохи, а также событиям VI–начала IX веков. В третьей части Васильевский показывал специфику феодальных отношений, рассматривал генезис средневекового города и политическую историю IX–XII веков. Четвертая часть общего курса включала историю феодальных государств Европы в XIII–XV веках. После введения в 1884 году нового университетского устава изменились не в лучшую сторону учебные планы, количество аудиторных занятий по предмету значительно сократилось. Судя по учебной программе, которую Васильевский разработал в соответствии с новыми требованиями, структура общего лекционного курса не изменилась. Он корректировал содержание лекций, сокращая или увеличивая время на чтение отдельных разделов.

Настоящая публикация воспроизводит первые записи студентами историко-филологического факультета второй и третьей частей общего курса лекций, которые были литографированы в 1880-е годы. К этому времени Василий Григорьевич уже приобрел опыт преподавания в столичном университете и не раз апробировал подготовленный материал в студенческой аудитории. Самостоятельность и творческий поиск, отличавшие Васильевского-исследователя, в полной мере были присущи ему и как преподавателю. Он был убежден, что элементарные знания по предмету студенты могут получить при самостоятельном изучении литературы, и во время занятий рекомендовал слушателям издания, которые считал лучшими или наиболее полезными. Свои лекции Василий Григорьевич постоянно пополнял новым конкретно-историческим материалом, наработанным в науке. Он знакомил студентов с результатами собственных научных исследований,

¹¹ РНБ. Ф. 585. Оп. 7. Д. 1211. Л. 10.

акцентировал их внимание на дискуссионных вопросах и мало изученном материале, переводил средневековые источники на русский язык, чтобы они были доступны не только студентам-медиевистам. Понимая историческое знание в целом как изменяющийся во времени процесс открытия и познания историками прошлого человечества, он был убежден в относительности любой исторической теории. В общие курсы лекций Василий Григорьевич включал историографические обзоры, считая их необходимым элементом общеисторической подготовки студента. В воспоминаниях профессора И. М. Гревса о научно-педагогической деятельности Васильевского особо выделена такая черта личности профессора: «Василий Григорьевич не любил повторений в своих университетских беседах с кафедры. Трудно было бы представить себе его читающим из года в год то же самое, как считают полезным иногда делать некоторые другие профессора, даже напечатав собственные прекрасные руководства. Отдельные курсы его носили, поэтому ярко индивидуальный отпечаток».¹²

Таким образом, благодаря деятельности В. Г. Васильевского, в течение последней четверти XIX века в Петербургском университете общий курс по истории Средневековья стал важным элементом исторического образования всех студентов историко-филологического факультета, качественно изменилась методика преподавания. Кафедра всеобщей истории обеспечивала подготовку специалистов с высокой исследовательской техникой и знанием новейшей историографии, способных разрабатывать узкоспециальные темы, актуальные в европейской историографии Средневековья и византологии. Отмеченный историографией подъем российской медиевистики в первой четверти XX века напрямую связан с научно-педагогической деятельностью и традициями, заложенными В. Г. Васильевским в Петербурге, В. И. Герье и П. Г. Виноградовым в Москве.

В лице В. Г. Васильевского на историко-филологическом факультете появился первый преподаватель, который, во-первых, имел великолепную специальную подготовку по антиковедению и медиевистике, во-вторых, выбрал медиевистику для научных исследований, отдавая приоритет истории Византии, о проблемах которой в историографии тех лет были еще самые неопределенные представления. Он написал более ста пятидесяти работ, опубликованных в разных изданиях. Наиболее ценные труды ученого были переизданы Академией наук.¹³ Первая крупная работа Васильевского «Византия и печенеги» (1872) и более поздняя «Из истории Византии в XII в.» содержали новый материал о внешней политике империи и международных отношениях в Европе, освещали историю крестоносного движения. В замечательном цикле исследований по истории русско-византийских отношений IX–XII веков были уточнены многие вопросы, показано международное положение Руси, особенности ее связей с Византией. За эти работы Московский университет присвоил Васильевскому почетную степень доктора русской истории *honoris causa* (1879). Большое значение для византологии и славяноведения имели труды Василия Григорьевича, посвященные истории южных славян, особенно Болгарии XII–XIII веков. Почетное место в историографии российского и мирового византинovedения занимают работы, в которых предметом исследования являются внутренние процессы в Византийской империи VIII–XII веков, в первую очередь, история аграрных отношений, а также широкий круг вопросов политической, социальной, правовой и культурной истории. Васи-

¹² Гревс И. М. Василий Григорьевич Васильевский – как учитель науки // ЖМНП. 1899. Август. С. 56.

¹³ Труды В. Г. Васильевского. Т. 1–4. СПб. – Л., 1908–1930.

лий Григорьевич всегда использовал самый широкий круг источников, разрабатывал сложные дискуссионные темы и многое сделал для уяснения специфики Византии. В то же время в его исследованиях убедительно показано, что, несмотря на особенность исторической судьбы, Византийская империя является не архаичным «пережитком» античного мира, а средневековым государством.

Очевидно, что проблематика византиноведческих исследований Васильевского, связана с актуальными темами в западноевропейской историографии Средневековья последней четверти XIX века: генезис феодализма, развитие институтов средневековой государственности, аграрная история в связи с социальной, международные отношения, изучение специальной терминологии. Большие заслуги ученого в области византийского источниковедения были оценены в историографии. Заметим лишь, что, изучая византийские и славянские источники, Васильевский не «отделял» их от общего круга средневековых письменных памятников, расширяя тем самым источниковедческое поле всей медиевистики.

Василий Григорьевич не оставил концептуальных трудов или крупных монографических исследований по средневековой истории Западной Европы. Некоторые работы отражают характерный для него интерес к исторической конкретике. В статье «Древняя торговля Киева с Регенсбургом» (1888) рассмотрена история торговли и международных торговых отношений в Европе в X–XII веках. Выводы Васильевского убеждали в существовании развитых торговых связей Киева и германских городов. Он обратил внимание и на эволюцию торговых отношений: в X–XI веках инициатива была у русских купцов, в XII веке «дело было иначе: регенсбургские купцы ездили туда и обратно, а Русь вела только пассивную торговлю», а также на особое значение внешней торговли для развития средневекового города.¹⁴ Исследование «Польская и немецкая печать о войне Батория с Иоанном Грозным» (1889) содержит источниковедческий анализ такого сложного комплекса источников, как публицистика. На основе многочисленных архивных материалов подготовлена большая работа «Очерк истории города Вильны» (1872–1874). По мнению Васильевского прибалтийский средневековый город имел определенные черты сходства с западноевропейским (германским) городом. По воспоминаниям учеников Василия Григорьевича его особенно интересовала история скандинавских стран и раннесредневековой Англии.

Как член Ученого Комитета при Министерстве народного просвещения по Всеобщей и Русской истории (1874–1890), Васильевский многое делал для того, чтобы библиотечные фонды учебных заведений России пополнялись лучшими учебными пособиями и научно-популярной литературой, полезной для процесса организации обучения и интересной для учащихся. По представлению Василия Григорьевича Академия наук удостоила Большой премии имени Петра Великого пособие профессора М. Н. Петрова «Лекции по всемирной истории». Немало содействовал Васильевский выходу в свет серии «Книга для чтения по истории средних веков», инициатором подготовки и редактором которой был профессор Московского университета П. Г. Виноградов.

Последние десять лет жизни (1890–1899) Василий Григорьевич особенно много сил и внимания отдавал научно-организационной работе. Как главный редактор «Журнала Министерства народного просвещения» (с 1890 года), он значительно повысил научный уровень публикуемых на его страницах исследований по истории. В. Г. Васильевский был основателем и редактором журнала «Визан-

¹⁴ *Васильевский В. Г. Древняя торговля Киева с Регенсбургом // ЖМНП. 1888. Ч. 258. Отд. II. С. 144.*

тийский временник» (1894–1899) – первого и единственного в дооктябрьской России специального научного издания Академии наук по истории. В 1994 году научная общественность торжественно отметила 100-летний юбилей журнала.

Василий Григорьевич Васильевский скончался в 1899 году во Флоренции, где находился на лечении. Он оставил яркий след в памяти и судьбах людей, которые с ним встречались, о чем свидетельствуют воспоминания коллег и учеников. В этом отношении показательно мнение Л. Н. Майкова, который многие годы был близко знаком с Василием Григорьевичем: «Да, скромность, поистине феноменальная, и полнейшее желание не выставлять свою личность на показ служили отличительной чертой его характера. А между тем, в ряду учено-литературных деятелей того литературного поколения, к которому он принадлежит, мало можно назвать людей столь же богато одаренных и умевших так же плодотворно употребить свои дарования на пользу русской науки и просвещения».¹⁵

Университетский курс лекций В. Г. Васильевского по истории средневековой Европы до 1917 года в полном виде типографским способом не был опубликован, хотя многие выпускники университета высказывали такое пожелание. Научные исследования Василия Григорьевича свидетельствуют о том, что он предъявлял к себе как ученому высокие требования. Его работы написаны прекрасным литературным языком и с интересом читаются не только профессионалами-историками. Столь же строго он подходил к возможности появления в широкой печати своих университетских чтений. Для «Журнала Министерства народного просвещения» Васильевский подготовил большую статью «Вопрос о кельтах» (1882–1883), которая представляла собой основательную переработку фрагмента из первой части общего курса. Он хотел опубликовать лекции именно в таком виде – обновленными и дополненными новым материалом. Однако замысел остался неосуществленным.

После 1917 года положение в российской науке изменилось. Ряд причин, которые следует отнести к разряду мировоззренческих, и утвердившиеся в связи с этим историографические подходы вели к упрощенной оценке научного наследия ученых дооктябрьской России. В обобщающих работах, опубликованных во второй половине XX века дана краткая характеристика исторической концепции Васильевского, а заслуги в становлении и развитии медиевистики в России, по существу, не показаны. Прижизненные литографированные издания университетских чтений представляют библиографическую редкость.

Для настоящей публикации в качестве основного текста использованы литографированные издания Санкт-Петербургского университета за 1882/1883, 1884/1885, частично 1894 и 1896 годов, которые имеют разрешительную запись Васильевского и хранятся в библиотеке Санкт-Петербургского университета. Кроме того, включены фрагменты из авторизованной литографии 1886/1887 года.¹⁶ Основной текст был сопоставлен нами с литографированными изданиями лекций, которые находятся в фондах Российской национальной библиотеки и библиотеки Академии наук (БАН) в Санкт-Петербурге, а также в Российской государственной библиотеке и Исторической библиотеке Москвы. Приняты во внимание издания лекционных курсов Васильевского, которые ныне находятся в составе личных фондов некоторых историков, бывших выпускников Петербург-

¹⁵ Майков Л. Н. Памяти В. Г. Васильевского // Русская старина. – 1899. – Т. 98. – № 6. – С. 581.

¹⁶ В примечаниях к лекциям указаны все данные о литографированных изданиях, которые были использованы при подготовке настоящей публикации.

ского университета. Как оказалось, помимо авторизованных, сохранилось большое количество литографий (1884, 1890, 1894, 1896 годы), сделанных частными издателями и не имеющих разрешительной записи профессора Васильевского, а также есть издания без указания выходных данных. При сравнении литографированных публикаций 1880-х годов с изданиями 1890-х выяснилось, что в последних текст структурирован иначе; фрагменты лекций, где он обращался к историографическому освещению вопроса были частью изъяты, частью сокращены; некоторые разделы содержат меньше материала, чем в изданиях 80-х годов. Также нами принята во внимание ценная информация, уточняющая структуру и тематику университетских чтений, которая содержится в воспоминаниях учеников Василия Григорьевича. Привлечены материалы из личного архива В. Г. Васильевского в собрании Санкт-Петербургского филиала Российской академии наук (ф. 96), имеющие отношение к преподавательской деятельности. Сопоставление прижизненных авторизованных лекционных курсов В. Г. Васильевского, которые были в нашем распоряжении, показало наличие в них различий, а также уточнений и дополнений в сравнении с первым изданием. Весь этот материал внесен в примечания к публикуемому основному тексту.

Историографическая ценность лекций, представляемых нашему читателю, в том, что их текст авторизован. Из этого следует, что прежде чем записи студентов были отданы на литографирование, Васильевский по меньшей мере дважды их просматривал. Порядок изложения исторического материала соответствует сохранившимся учебным программам, которые написаны профессором Васильевским. Вместе с тем необходимо учитывать, что авторизованные литографии основаны на записях студентов и не являются формой изложения, адекватно передающей живое слово, точную мысль лектора. Заметны, например, неполнота выражений, иногда обрыв авторской мысли, разная стилистическая манера передачи устной речи. Некоторые наблюдения Васильевского требуют более развернутой аргументации, которая, по-видимому, присутствовала во время чтения лекций перед слушателями.

Положив в основу хронологического расположения материала курса принципы эволюции и причинности, Васильевский предлагал слушателям такую периодизацию истории Средневековья: первый период – I–V века (переходное время от античной эпохи к средневековой), второй – V–XIII века (собственно «Средние века»), третий – XIII век – рубеж XV и XVI веков (переходный этап от Средних веков к Новому времени). История человечества предстает в курсе лекций как эволюционный процесс: «Зародыши новых явлений кроются всегда в предшествующей эпохе... отдельные явления связаны друг с другом; если взять какое-нибудь явление отдельно от других, то понять его правильно мы будем не в состоянии».

Особого внимания, по его мнению, заслуживают V и XIII век, потому что «сила исторических явлений тогда такова, что с периодом процветания неразрывно бывают связаны и первые моменты падения». В V веке завершается борьба «двух миров» (варварского и Римской империи) и в то же время появляются «средневековые начала». В XIII веке, с одной стороны, «начинают развиваться идеи, которые хронологически должны бы были быть отнесены к Средним векам, а по содержанию своему всего более соответствуют понятиям Новой истории». С другой – одновременно с этим «XIII век был веком полного господства церковно-канонических идеалов, расцвета богословско-аристократической культуры, веком гармонического развития всех заключавшихся в нем сил». В современной исторической науке не утихают дискуссии по вопросу о границах отдельных эта-

пов европейской истории. Хронологические рамки относительной периодизации Средневековья, обозначенные в лекциях Васильевского, выдержали проверку временем.

Обратившись к содержанию лекционного курса можно определить критерии, положенные Васильевским в основу структуризации материала: 1) Средневековье как исторический период ценно само по себе, особенности эпохи необходимо выделять и изучать; 2) переходные периоды между историческими эпохами (от Древнего мира к Средним векам и от последних к Новому времени) представляют собой настолько значимый этап в истории европейской цивилизации, что им должно быть уделено особое внимание.

Изложение материала основывается на сочетании хронологического и проблемно-тематического принципов. Основная тема в области политической истории – становление средневекового государства и его институтов. В соответствии с европейской традицией понимания политической истории учеными XIX века, профессор Васильевский объединяет исторический материал по нескольким направлениям: процесс образования варварских королевств (вестготов, остготов, бургундов, вандалов, лангобардов, англо-саксонские государства); историческая роль личности (Хлодвига, Теодориха, Каролингов и других правителей); истоки и предпосылки политического кризиса. Центральное место в лекционном курсе Васильевского занимает история Франции. Средневековая история Германии, Италии и Англии представлена менее полно и широко. При изложении актуальных тем и дискуссионных вопросов, переходящих среди исследователей от поколения к поколению, Васильевский применяет прием историографического освещения материала (проблемы древнегерманского общества, происхождение колоната, генезис средневекового города). Проблематика социальной истории средневековья представлена на фоне лучших трудов современной Васильевскому зарубежной историографии и с комментариями его самого (социальные предпосылки бенефициальной реформы, социальная природа средневековой знати, специфика вассально-ленных отношений, социальные конфликты). Большое внимание в лекциях уделено показу наиболее ярких явлений позднеантичной и раннесредневековой культуры.

Что касается истории католической церкви в средние века, то необходимо учитывать, что курсы церковной истории читали в университете профессора Духовной академии. Василий Григорьевич выбирал для чтений в аудитории такие аспекты исторической жизни церкви, которые необходимы и важны для понимания слушателями общеисторического процесса. Выделяются четыре темы: положение христианской церкви после 313 года и в том числе кризис античного мировоззрения (в качестве примера – блестящий очерк об императоре Юлиане); проблема христианизации варварских народов, включая и такие вопросы, как историческое значение ирландских и англосаксонских миссионеров монашества, типы монастырей, деятельность св. Северина, роль св. Бенедикта и св. Бонифация в истории Западной церкви; историческая обусловленность автократической структуры католической церкви (ее истоки Васильевский видел в росте папской власти при Григории I и его преемниках, а завершение – в союзе папства и Каролингов); наконец, история крупнейших в Европе еретических движений XII века как отражение перемен в религиозном массовом сознании.

Особая притягательность и жизненная сила лекционного курса В. Г. Васильевского – в последовательности его стремления выявить и осмыслить многообразие социальных, экономических, политических связей исторических событий и явлений в их взаимосвязи и взаимовлиянии. Его лекции наполнены богатым ма-

териалом, они интересны для специалистов и студентов, а также широкого круга любителей средневековой европейской истории. Изложение увлекает потому, что это живое выражение мысли талантливого ученого: местами даны результаты его собственных исследований, местами он привлекает выводы других историков, но предварительно им проверенные и обдуманые. Университетский курс В. Г. Васильевского занимает почетное место в истории российского исторического образования.

Считаю своим долгом выразить глубокую благодарность моим учителям – профессорам Санкт-Петербургского университета Г. Л. Курбатову (1929–2003) и Г. Е. Лебедевой за неизменную помощь и поддержку при подготовке материалов этого издания. Искренне признательна специалистам по классической филологии С. Ю. Крицкой и Л. А. Самуткиной, принявшим участие в технической подготовке к печати отдельных фрагментов латинского рукописного текста. От всей души благодарю Н. А. Емельянову и Д. С. Лысенко, сотрудников Костромского госуниверситета им. Н. А. Некрасова, за нелегкий труд первого компьютерного набора с рукописного оригинала текста.

ТОМ I

ВАРВАРЫ И РИМ

I. ГЕРМАНСКИЙ ИЛИ ВАРВАРСКИЙ МИР. ТАЦИТ

ОБЩИЙ ХАРАКТЕР СОЦИАЛЬНОГО БЫТА ГЕРМАНЦЕВ

Приступая к рассказу о германцах, начиная рассмотрение этого составного элемента новой цивилизации, мы должны прежде всего остановиться на главном источнике, из которого мы черпаем наши сведения о первоначальном быте «варваров», на небольшом, но замечательном сочинении Тацита «*De origine situ moribus ac populis Germanorum*», познакомиться с содержанием и характером этого лучшего и драгоценного источника, дающего нам подробные и неоценимые сведения для знакомства с первобытным строем общественной и государственной жизни германских племен.¹

«Германия» Тацита заключает в себе всего 46 глав, из которых первые 27 составляют общую часть, а последние 19 посвящены описанию отдельных германских народцев, их образа жизни и этнографических особенностей.

Прежде чем передавать сведения, оставленные нам Тацитом о германцах, скажем несколько слов о степени достоверности этих сведений. Вопрос необходимо разъяснить, так как существует много различных мнений относительно самого сочинения, не согласных ни между собой, ни с тем воззрением, которое, по нашему мнению, должно быть принято как более беспристрастное и точное.

Некоторые ученые, во-первых, считают «Германию» не чем иным, как политическим памфлетом, имевшим целью отвратить императора Траяна от предполагавшегося им завоевания этой страны и указать ему на все непреодолимые трудности опасного предприятия. Мнение это, очевидно, несостоятельно, так как нельзя ничем даже доказать, что в 92 году по Рождеству Христову (год появления «Германии» и вместе с тем восшествия на престол Траяна) император имел в виду план похода против варваров.

Второе мнение, очень распространенное, говорит, что сочинение Тацита — намеренная сатира на римские нравы. Проникнутый глубоким уважением к идее о прежней гражданской доблести римлян, полный негодования к современному ему падению нравов в империи, он хотел рельефнее и ярче выставить пороки современников, но не прямой проповедью, а посредством противопоставления их добродетелям германского народа, который он возводит в идеал. Так что, в сущности, Тацит имел в виду не столько изображение быта германских варваров, сколько обличение нравов римлян.

Действительно, нужно сказать, что во многих чертах произведение Тацита есть зеркало, в котором отображается «физиономия» императорского Рима. Настойчивость, с которой он констатирует у германцев отсутствие известных пороков и наличие известных добродетелей, показы-

вает, что при каждом таком случае мысль его переносится к его отечеству. Каждая похвала германцам содержит в себе более или менее открытое обличение, более или менее явную, но всегда горькую печаль и в то же время серьезное предостережение горячего патриота, обращение к погибающим, летящим вниз головой в бездонную пропасть порока римлянам.

В 17, 18 и 19 главах Тацит с особенной похвалой останавливается на добрых нравах германцев, крепости и святости у них семейных уз. «Никто там не смеется над пороком, – говорит Тацит, – и соблазнить и быть соблазненным не считается там светскостью». В той же главе он говорит, что «германские женщины живут оберегаемые своими добродетелями, без зрелищ, которые бы развращали их, без пиров, возбуждающих чувственность».⁽¹⁾

Очевидно, что когда он говорит таким образом, нельзя не подумать, что перед ним рисуется противоположная описываемой чистоте картина упадка нравов римлян и бессилия различных законодательных мер, которыми во время республики и в первый век империи так тщетно старались остановить зло. В сущности, если мы примем в расчет устройство германских народов или, вернее, поселений и первобытный строй их общественной жизни, то окажется весьма естественным, что германские женщины не были склонны к зрелищам и пирам уже потому, что не знали их совсем и описать это так Тацит мог только с намерением показать противоположность между нравами германскими и римскими. «Из всех варваров, – замечает еще Тацит, – одни только германцы не имеют обычая многоженства, за исключением только очень немногих, которые не вследствие грубой чувственности, а вследствие благородства имеют несколько жен».⁽²⁾ «Имея одно тело и одну жизнь, – говорит он в другом месте, – женщины точно так же должны иметь одного только мужа и любить в нем супружество гораздо больше, чем супруга».⁽³⁾ И в этой черте германского народа, вызывающей такую похвалу Тацита, должны мы видеть открытый намек на легкость разводов, на распущенность нравов римлян. Мы можем найти много мест и у других римских писателей того времени, у Ювенала, Горация и даже Овидия, которые могут служить комментариями к только что приведенным выдержкам из Тацита.

Подобных мест, очевидно представляющих сатиру на римские нравы, много можно написать из Тацита: «plusque ibi boni mores valent, quam alibi bonae leges, – говорит он в 19-й главе, – numerum liberorum finire aut quietquam ex agnatis necare flagitium habetur». Это ясный намек на безнравственный, возмутительный, укоренившийся среди римских женщин обычай вытравления плода, который, естественно, и в голову не мог прийти германцам. Такого же рода те места, где Тацит восхваляет германцев за то, что они не убивают детей, а дети и родственники наследуют имущество без всякого духовного завещания. Понятно, что не мог иметь места у них обычай умерщвления новорожденных, довольно рас-

(1) Germ., 19.

(2) Germ., 18.

(3) Germ., 19.

пространенный в древности, отвратительный обычай, против которого восставало и законодательство, и потом христианство. А завещаний у них быть не могло уже потому, что письменность была там мало распространена. Но это последнее замечание получает значение, если мы обратим внимание на дальнейшие слова «*pec ulla orbitatis pretia*» – холостяки не имели в Германии никакой цены (Герм., 20), тогда как в Риме бездетные старики считались лакомым кусочком, их окружала всегда целая толпа льстецов, прихлебателей, паразитов, которые как манны небесной ждали для себя какой-нибудь крошки в их духовном завещании. Это явление часто осмеивали римские сатирики (см.: Гор. Sat. II. 5; Sat. II. 3).

Конечно, не без намерения автор «Германии» выводит в своей книге такие разительные контрасты. Очевидно, что, описывая у народов, подлежащих его наблюдению, вышеназванные хорошие черты, он необходимо должен был обращаться взором назад, к своему отечеству, и с прискорбием видеть там обычаи и нравы, далеко уступающие по чистоте и нравам варварам. Таким образом, мы должны признать несомненное существование обличительного сатирического элемента в «Германии», но, тем не менее, мы не должны рассматривать это сочинение как исключительно сатирическое. Цель Тацита была не только назидательная, он имел в виду не только представить картину римского общества, только переодетого, травестированного, как говорят некоторые ученые, но задался также целью описать точно и правильно быт германцев и с этой точки зрения сочинение его имеет научное значение: этнографическое и географическое описание Германии, очень обстоятельному и подробному, посвящена вся вторая половина его сочинения (девятнадцать последних глав). С большой достоверностью можно предположить, что Тацит имел намерение совершенно объективно представить картину германского быта, но, будучи вместе с тем проникнут чувством глубокого патриотизма, он не мог равнодушно отнестись к пороку и упадку современного ему общества, и невольно иногда тон его описания звучит горькой иронией и искренней скорбью.

Наконец, есть еще ученые, которые держатся третьего, несколько отличного от второго, мнения о содержании и значении «Германии». Они говорят, что это сочинение не что иное, как романтическая утопия, риторическое описание, сентиментальная картина идеального, несуществующего общества – первобытного и неиспорченного, с простыми обычаями и добродетелями в противоположность римскому упадку нравов. В германцах Тацита мы не должны видеть будто бы именно германцев, но варваров вообще, которых не коснулась еще «растлевающая рука цивилизации» и которых Тацит выставлял как идеальный народ, а быт их – как идеальный быт. Таким образом, Тациту приписывается тенденция очень распространенная между романтическими писателями XVIII и XIX веков, например у Руссо и Жорж Санд: как Тацит выставлял в розовом свете германцев, которые, несмотря на некоторую суровость и дикость, энергией, прямою ума, простотой сердца стоят гораздо выше римлян, так эти последние выставляли краснокожих индейцев как идеал нравственного совершенства. Согласно этому взгляду мы не должны считать

действительными и реальными отдельные черты, очевидно назначенные для более резкого показа контраста во всей картине. Взгляд этот, в общем, односторонен, хотя действительно нужно заметить, что не только Тацит, но и другие римские писатели были проникнуты убеждением, что золотой век лежит далеко позади, в глубокой древности, в отдаленных младенческих годах народной жизни, и сообразно этим взглядам выставляли первобытные племена и варварский быт за образец для печального настоящего. Выражение такого взгляда мы также встречаем и в одном отрывке из «Анналов». Первобытные люди, говорит там Тацит, еще свободные от беспорядочных страстей, вели жизнь чистую, невинную, не имевшую нужды в принуждении и наказании; награды также не были им необходимы, так как они были добродетельны, сами того не сознавая; и так как они ничего не делали против обычая, то ничто не запрещалось им под страхом наказания. Но после того, как равенство исчезло, вместо уверенности и честности воцарились властолюбие и сила, образовались монархии. Точно так же, в тех же выражениях последней главы «Германии», которыми заключается описание бедного и грязного быта феннов, Тацит говорит об их грубой жизни, недостаточном земледелии, полной беспечности относительно будущего, равнодушия к лишениям всякого рода, даже к недостатку в пище и одежде и прибавляет, что они достигли того, что всего труднее достичь, а именно того, что не имеют нужды даже в желаниях.⁽⁴⁾

Но все же мы не можем сказать, что подобного рода взгляды и выражения выступают в труде Тацита на первый план, составляют его главный характер. Цель сочинения все-таки остается научная, а вышеприведенные особенности представляют только окраску, необходимо вытекающую из его личных воззрений как мыслителя-стойка, как гражданина и человека.

Таким образом, нужно признать в «Германии» и сатирический элемент, направленный к обличению римских нравов, и связанную с этим некоторую цивилизацию черт жизни первобытного племени, объяснение простых и весьма естественных в варварском быту явлений высшими идеями и целями; например, описывая брачные обычаи германцев, он находит в них глубокий нравственный смысл, который едва ли могли осознавать и понимать сами германцы. Все это, конечно, нужно иметь в виду, пользуясь данными из «Германии», но доходить до отрицания этой маленькой, но великопленной книжки было бы излишней и несправедливой крайностью, и немцы основательно гордятся тем, что им выпало на долю найти в такой древности замечательного писателя, который так толково, талантливо и подробно описал их первобытный строй. Если бы не было Тацита, замечает Вайтц (Waitz), пришлось бы начинать историю германцев на 500 лет позже, только с тех пор, как появились сочинения Григория Турского и других и как написан был в первый раз свод обычного права у франков Салических. По мнению немецких ученых, известия Тацита настолько определенно и точно указывают на истинные свойства германского народа, обличают такое близкое знакомство автора со страной и ее жителями, что один из комментаторов даже утверждает, что Та-

(4) Die Annalen des Tacitus. III, 26; Germ., 46.

цит сам должен был путешествовать по Германии, чтобы знать те многие технические выражения, те частности и тонкости быта, которые он приводит. Последнее мнение преувеличено, но, тем не менее, ясно, что Тацит получал сведения о Германии очень точные, из первых рук.

Перейдем теперь к изложению главных черт германского быта по Тациту. Подробное ознакомление с этим вопросом очень важно и само по себе, и, в особенности, для сравнительного изучения первоначального быта других европейских народов.

Тут нужно обратиться, как к первоначальному пособию, к замечательному сочинению Вайтца (Waitz) «*Deutsche Verfassungsgeschichte*», которое признают классическим во всей Европе.² В 1880 году вышло третье издание, значительно дополненное и измененное на основании новых трудов по вопросу об исследовании первобытного германского права, авторы которых часто находятся в оппозиции со взглядами Вайтца. Этим последним изданием и нужно пользоваться.

Из других сочинений, содержащих разбор Тацита и изучение древнегерманского быта, укажем на следующие.

1. Ehrhard. *Aelteste Germanische Staatenbildung*. Leipzig, 1872.

2. Sickel. *Geschichte der deutschen Staatsverfassung*. Halle, 1879.

Последнее сочинение во многом противоречит взглядам Вайтца, но вряд ли можно сказать, что исследование Зиккеля представляет прогресс в науке. Он считает возможным конструировать древнегерманский быт на основании соображений, по аналогии с бытом позднейшим и в этой области дает слишком много свободы своей фантазии, и уже теперь должен был отказаться от многих ранее высказанных им взглядов.

3. По Вайтцу написана глава о быте древних германцев в сочинении Кауфмана: «*Deutsche Geschichte bis auf Karl den Grossen*», 1880.

4. Кроме того, интересен труд Зибеля (Sybel) «*Die Entstehung des deutschen Königthums*», появившийся в 1881 году вторым изданием в переработанном виде. Зибель доказывает существование родового быта у древних германцев и сильным движущим началом признает влияние римского права; доказывает, что королевская власть образовалась и развилась не внутри германского народа, а вследствие внешнего римского воздействия.

Взгляды Зибеля во многом противоположны со взглядами Вайтца, и еще в 40-х годах между ними возникла горячая и резкая полемика по вопросу о степени культуры древних германцев, причем Зибель, как сторонник родовой теории, доказывал, что предки немцев во времена Тацита стояли на очень низкой ступени развития. Вайтц же утверждал, что они достигли уже довольно высокого государственного и общественного развития и дошел в пылу ученого спора до того, что стал обвинять Зибеля в отсутствии патриотизма. Но потом ученые примирились, о чем сам Вайтц заявляет в первом томе своего труда (издание 1880 года). Родовая теория Зибеля отличается некоторой искусственностью в построении. В русской литературе она отразилась в известной статье Т. Грановского «О родовом быте у древних германцев», помещенной в первом томе его сочинений, а применена была к русской истории в труде профессора

Варшавского университета А. И. Никитского «Очерк внутренней истории Пскова» (С.-Петербург, 1873 г.).

5. Затем, очень интересно и важно сочинение Баумштарка (Baumstark) «Ausführliche Erläuterung der Germania des Tacitus». Он много занимался изучением и объяснением тацитовской «Германии» и издал обширное сочинение, критически рассматривающее все сообщаемые Тацитом сведения, причем он не следует порядку изложения Тацита, а располагает данные в своей системе. Это сочинение важное и замечательное, хотя некоторые ученые очень упрекают Баумштарка за неумеренно резкую полемику. После его смерти труд был издан в измененном виде, в виде последовательного объяснения «Германии», по порядку – одной главы за другой, как общей, так и этнографическо-географической части.

6. Лучшее издание Тацитовой «Германии» принадлежит Мюлленгофу, который поместил также выдержки из других древних авторов, сообщающих известия о древних германцах, могущие служить дополнениями и комментариями к Тациту.

7. Из французских сочинений по этому вопросу назовем только Gefroy: «Rome et les barbares. Études sur la Germanie de Tacite» – ряд хороших лекций, читанных в «Collège de France».³

Перейдем теперь к описанию главных черт германского социального быта, каким его рисует нам Тацит. При изучении «Германии» Тацита мы пойдем сверху вниз: рассмотрим сначала, что связывало германцев в одну общую нацию, затем спустимся к меньшим подразделениям нации, потом к сельскому общинному быту и, наконец, к личному положению отдельного человека.

При описании германских племен Тацит различает:

- 1) нацию;
- 2) племена и колена;
- 3) политические единицы государства, которые он подобно Цезарю называет *civitates*.

Очевидно, что в точном значении понятия германская нация во времена Тацита не существовала, так как отдельные колена не имели никакого единства. Самое слово «*Germani*» не принадлежит немцам. Первоначально этим именем называли их галлы, а потом римляне, и так это слово сохранилось за предками нынешних немцев; сами же германцы не осознавали своего национального единства и не создали на своем языке общего племенного родового названия; это единство раньше заметили их соседи и враги галлы. Они-то сначала и окрестили именем «*Germani*» соседнее с ними и часто нападавшее на них племя тунгров, с которых это название распространилось на все родственные им племена. Существуют различные толкования слова «*Germani*». По мнению одних филологов, это слово значит «громкоголосые люди», «хорошие крикуны», другие же переводят его словом «соседи». Нужно думать, что второе толкование гораздо достовернее. Сами германцы, как сказано, не называли себя никаким общеплеменным именем. Слово «*Deutsch*» позднейшего происхождения; оно входит в употребление не раньше IX века и происходит от прилагательного «*theutisc*», «*theutisc*», «*diutisc*». Первоначально это прилагательное употреблялось только для обозначения языка (*diutisca lin-*

gua) и только потом стало присоединяться и к слову «народ». Оно, вероятно, находится в связи с готским словом *tjod* – народ. Что же касается названия «тевтоны», то римляне обозначали им сначала только одну ветвь обширной германской расы, а именно тот не особенно многочисленный народ, который вместе с кимврами навел некогда еще во времена Марии такой страх на Италию. Впоследствии имя это сделалось в римской литературе книжным названием для обозначения всей германской расы. *Teutonicus* приравнялось к *Germanicus*, но никогда не было народным, то есть распространенным среди самих германских племен; оно во все даже не стоит в связи с прилагательным «*thutisc*». Что касается теперешнего употребления слов «германский» и немецкий «*Deutsch*», то нужно заметить, что первое понятие обширнее второго. Под именем «немцев» понимаются только граждане образовавшихся в материковой части срединной Европы государств, в понятие же «германцев» входят, кроме того, и народы скандинавского севера – шведы, норвежцы и датчане, а также англичане. Некоторые из нынешних ученых считают нужным делить всю германскую расу на две больших половины: на германцев восточных, к числу которых они относят скандинавов и готов, и германцев западных, к которым причисляются остальные многочисленные большие и малые племена. Эта новая терминология является совершенно излишней, так как придумана для выражения отношений, не существовавших в действительности.

В сущности, германская нация не имела в древнейшие времена ни федеративного, ни какого-нибудь другого единства. Тацит указывает только на некоторую связь, бывшую между отдельными коленами, связь преимущественно религиозную, выражавшуюся в избрании общих несколькими племенами депутатов для отправления различных религиозных обрядов. Но это не было единство политическое, ибо германская раса в этом отношении представляет только множество разрозненных единиц, отдельных общин, обозначаемых Тацитом римским именем *civitates*, но гораздо вернее характеризующихся немецким словом *Völkerschaft*.

Сама территория, которую занимала германская раса, ограждена теми же пределами, какие мы встречаем и в настоящее время: германцы населяли пространство между Рейном, Вислой, Дунаем, Немцем и Балтийским морями. Придунайские земли занимали кельты, а германцы доходили только до реки Майн. Южная гористая часть Германии покрыта была лесами, такими густыми, непрерывными и бесконечными, что по древнегерманской поговорке «белка пробежала по семи миль, перепрыгивая с дерево на дерево». Не такую картину представляла северная Германия. Это была низменная пустыня, покрытая многочисленными и обширными болотами; суровый климат, туманы и облака закрывали солнце большую часть года; все реки замерзали зимой, везде водились дикие звери; пашни было мало, лугов гораздо больше. Стада были многочисленны, но плохой породы. «Боги, – говорит Тацит, – по благосклонности или по гневу отказали германцам в золоте и серебре, хотя и трудно утверждать, чтобы в земле их не было золотых или серебряных жил, но, вероятно, они не умеют извлекать из них драгоценные металлы, да и не имеют в том нужды» (*Герм.*, 5).

Но тем не менее почва была и тогда довольно плодородна и Германия, по свидетельству некоторых древних писателей, должна была быть очень населенной страной. Указания на многочисленность населения существуют еще со времени раньше Тацита. Так, Цезарь⁴ говорит, что одни свевы (хатты) могли выставить до 200 000, способных носить оружие; цифра эта предполагает общую численность этого племени не менее, как в 800 000 человек. Население тенктеров и узипетов, упоминаемых также у Цезаря, простиралось до 400 000 жителей. Хотя Цезарь, конечно, имел некоторые побуждения преувеличивать, но его показания в данном случае сходятся и с другими известиями. Аммиан Марцеллин решительно приходит в ужас перед не уменьшающейся, несмотря на продолжительные войны и жестокие поражения, массой бургундов, готов и аллеманнов. Из этого делается понятно, почему римляне держали стотысячную армию на рейнской границе для защиты от одних германцев. Варвары одним численным превосходством своего населения, простиравшегося до нескольких миллионов, могли раздавить окончательно даже несравненно лучше вооруженные и дисциплинированные римские легионы.

Но это было уже позднее, а пока, благодаря тому что германцы распались, как было сказано, на многочисленные группы, политически разьединенные и постоянно враждовавшие между собой и не имевшие ясного представления о племенном единстве и его выгодах, они еще не могли угрожать Риму неминуемой опасностью. Только в песне о Манне (Мань), первом человеке, и его трех сыновьях, рассказанной Тацитом (Germ., 2), родоначальниках трех больших подразделений германских колен или племен — ингевонов (живших вблизи океана), герминонов (в средней Германии) и истевонов (в южной), выражается некоторое смутное представление о единстве происхождения и о том, что известные группы многочисленных народов более родственны между собой как потомки одного и того же из сыновей Манна. Следует, впрочем, заметить, что это скорее напоминает сагу о происхождении всего рода человеческого от одного лица, чем сознание племенного единства германской расы, и что уже во времена Тацита это тройное деление не имело никакого практического значения и даже римские писатели не в состоянии были сказать ничего определенного о том, какие именно племена принадлежали к тому или другому отделу.

Не менее того остается темным и сомнительным, сколько именно и какие племена следует различать в историческом периоде со времени Тацита. Мы знаем, что визиготы и остготы, гепиды, тайфалы и вандалы были близко родственны друг с другом и представляли отдельную группу. Подобным же образом можно было бы составить еще несколько групп, но, не имея определенных сведений, скоро приходится переходить в область догадок.

Постараемся теперь представить приблизительную картину германского быта, выработать возможно ясную и последовательную схему, в которой выразились бы их взаимные племенные, религиозные, политические, семейные отношения, которые должны были необходимо существовать, выливаясь в ту или другую, конечно, очень несовершенную, форму.

Прежде всего, если мы поставим на очередь вопрос о германской расе, то должны немедленно ответить, что ее в настоящем смысле, в народном самосознании, в смысле организованного социального или политического тела не существовало вовсе во времена Тацита. Единственной связью, объединявшей расу, естественно бессознательно, незаметно для самих германцев, был общий язык.

Затем, если от общего родового понятия германской расы мы спустимся к более частным видовым понятиям племенных колен, то увидим здесь кроме языка еще и другую связь – единство религиозное. Ход немецкой истории не был таков, что старые племена или колена, связь которых основывалась на общности происхождения, превратили свой слабый и неопределенный союз в союз государственный так, чтобы вместо отдельных маленьких народцев носителем политической жизни сделалось племя или нация. В этом отношении они представляют полную аналогию со славянскими племенами, населявшими древнюю Россию. Остготы и вестготы, вандалы долгое время оставались совершенно отдельными государствами, пока не слились с другими, чуждыми племенами. Даже мелкие народности делились, входили в связь и соединение с другими составными частями; на место старых, исчезающих являлись новые племена, новые народности – этот ход немецкой истории содействовал тому, что старое деление на племена было забыто. Но и в первоначальное время почти не было учреждений, в которых племенное родство находило бы более резкое и определенное выражение. Народцы, связанные между собой племенным родством, так же часто боролись между собой, как и с чуждыми племенами. Единственной объединяющей связью некоторых из этих племен был, как сказано, религиозный культ. От Тацита, например, мы имеем сведения, что марсы имели общий храм в честь богини Тамфаны; в этом храме они собирались вместе для отправления религиозных обрядов и принесения жертв («celeberrimum illis gentibus templum, quod Tamphanae vocabant...» – Тацит, Анн. 1, 51). В других местах своих сочинений Тацит приводит еще три подобных примера.

1) Несколько племен, перечисленных им (Reudigni, Aviones, Anglii, Varini, Eudoses, Nuithones и др.) – имели общий культ богини Нерты, святилище которой находилось на одном из островов Балтийского моря, неподалеку от берегов Дании или Голштинии, вероятно Рюгена.⁽⁵⁾

2) Семноны (Semnones), занимавшие нынешний Лаузиц на реке Шпрее, Бранденбург и Саксонию – и родственные им народности приносили жертвы и отправляли ежегодно торжество в честь Zio или Ziu (Thio) – бога войны (Germ. 39).

3) Народцы, поименованные Тацитом и входившие в состав лугиев (Harii, Helveconae, Manimi, Helisii, Nahanarvali – Germ., 43), жившие в

⁽⁵⁾ «Nec quicquam notabile in singulis, nisi quod in commune Nerthum, id est Terram matrem, colunt eamque intervenire rebus hominum, inveni populis arbitrantur. Est in insula Oceani castum nemus, dicatumque in eo vehiculum, veste contactum; attingere uni sacerdoti concessum. Is adesse penetrati deam intellegit vectamque bubus feminis multa cum veneratione prosequitur» (Germ., 40 и далее Germ., 43).

нынешней Силезии, приносили общую жертву Кастору и Поллуксу, которых называли *Alci* (отсюда, вероятно, Алкуин).

Судя по этим примерам, некоторые *civitates* сохраняли между собой некоторую племенную связь, находившую выражение в общности религиозного культа. К какому-нибудь храму какого-нибудь общепочитаемого божества сходились для отправления культа представители от каждого из маленьких народцев; это было нечто вроде греческих амфиктионий, в состав которых входили народные единицы одного племени, имевшие свой круг богов. В этих религиозных союзах не было исключительности: боги одного племени находили доступ и к другим племенам. Но несомненно, что если не существовало замкнутости религиозных союзов, то было противоположное, то есть многие соплеменные народцы не имели общего культа. Постоянной, определенной и прочной связи между всеми племенами и коленами германской расы не было.

Идем далее, все ниже опускаясь к более частным подразделениям германской нации, обратимся к так называемым *civitates* (*Völkerschaften*). Носителями политической жизни в первобытной Германии были не племена, которые постоянно изменяли свой объем, то соединяясь, то распадаясь на еще более мелкие подразделения, а их части (*civitates*, *Völkerschaften*). Их было очень много, и Тацит перечисляет их во второй части «Германии». Назовем важнейшие, группируя их последовательно по месту жительства.

В Скандинавии жили *Suiones* (общее название) и *Gothi*.

На островах Балтийского моря (*More Saelicum*) и полуострове Ютландия: *Dani*, *Cimbri*, *Heruli*, *Anglii*, *Saxones*, *Eudoses*.

Между Рейном, Эльбой и Салюю.

1. По берегам Немецкого моря (*Oceanus Germanicus*): *Batavi* населяли страну, называемую *ursula Batavarum*, между Рейном и Ваалом, *Frisii* – между реками Рейн и Эмс, *Chauci* – между Эмсом и Эльбой.

2. На юг от них – *Usipii*, *Tencteri* и *Sigambri* на Рейне, *Bructeri* – в треугольнике между Эмсом и рекой Липпе; потом *Angrivorii* и *Cherusci* по Везеру (граница на востоке с народностями по Эльбе).

3. Еще далее на юг: *Mattiaci* (ныне – Нассау), *Chatti* (до Везера, ныне Гессен); к юго-востоку *Hermunduri* на верхнем Майне, на восток и юг они простирались до Богемского леса, верхнего Дуная и римского пограничного вала.

К востоку от них, в Богемии – *Marcomanni*, в Моравии – *Quadi*.

На севере Гермундуры граничили с *Semnones*, жившими по реке Шпрее, на запад до средней Эльбы, на восток до реки Одер.

В Силезии *Lugii* и *Voio*, к которым принадлежали также вандалы.

В Познани и Пруссии – *Burgundiones*, *Gothones* и другие. На берегу Балтийского моря – *Rugii* между Одером и Вислой, по нижней Эльбе *Langobardi*.

Вот главные *civitates*, на которые распалась во времена Тацита германская раса. Кроме того, остаются не упомянутыми еще много имен, которые должны быть причислены к мелким подразделениям вышеназванных. Определить точные границы между областями, занятыми каждым из названных народцев, почти невозможно; можно только сказать,

что границами не служили, во всяком случае, реки. Нам известно, например, что херуски жили по обеим сторонам Везера, бруктеры – по обеим сторонам Липпе, лангобарды – по обеим сторонам Эльбы и так далее.

У всех племен развивалась государственная власть, но развивалась отдельно в каждом. Большая часть тех задач, которые исполняет нынешнее государство, или были совсем неизвестны германцам, или же исполнялись не государством, а семьей, фамилией, родом. Потому говорят, что до поселения на римской почве германцы не знали настоящего государства, но жили исключительно в родовом быту, знали только государство родовое, то есть совокупность семей, соединенных в форме одной фамилии. Органом власти в этих отдельных маленьких *civitates* (*Völkerschaften*) были веча (*concilia*).

Укажем еще низшую единицу приводимой здесь схемы, подразделение *civitates* на так называемую сотню, *pagus*, по-немецки *Gau*, по-русски – волость. Это подразделение имело значение не политическое, а только судебное.

Таким образом, последовательная схема форм германского быта представляется в следующем виде:

- 1) германская раса – сознательного единства не существует, естественное единство – язык;
- 2) племена или колена – связь неопределенная, непостоянная и только религиозная (общие культы);
- 3) народцы (*civitates*) – связь и жизнь политическая, орган власти – вече;
- 4) волости или сотни (*pagi, gaue*) – судебные сходы.

Далее идут: 5) села и 6) дворы.

Если мы сопоставим германский быт с бытом славянским, то понятие германцев будет соответствовать понятию «славян вообще», понятие племен и колен будет соответствовать таким делениям, как «славяне русские», «славяне ляхитские» и так далее. Название *civitates* можно было бы применить к полянам, древлянам и другим, а название *pagus* – к русским волостям.

Теперь посмотрим, что же представляло собою древнее германское государство (ставя этот вопрос, мы имеем в виду только *civitates*, так как они одни были носительницами политической жизни). Рассмотрим несколько подробнее, можно ли убедительно доказывать существование родового государства в отдельных мелких германских племенах.

Сторонники теории родового быта доказывают, что государство в Германии имело очень ограниченное число функций, большую часть государственных задач исполнял род. «Древнегерманская община есть не что иное, как род, – говорит Грановский, популяризируя в своей статье “О родовом быте у древних германцев” взгляды Зибеля, – члены рода живут соседями в деревнях, или отдельными дворами на общей земле, марке, обнесенной со всех сторон лесом, болотом или другой природной границей. Это граница рода: на нее положено заклятие. Ее охраняют языческие боги (являющиеся демонами после введения христианства) и бесчеловечно жестокие постановления исключительно родовой общины.

Смерть ожидает инородца, самовольно переступающего рубеж... Не собственность, а происхождение, принадлежность к роду определяли значение лица в такой общине. Инородцу не было в ней места. Но родовые связи заключались не в одном кровном родстве: род увеличивался не через нарождение только. В состав его можно было вступить извне, посредством усыновления или брака. Вообще женщины служили часто посредницами и примирительницами родов, смягчая их начальную исключительность. Англосаксонская поэзия недаром называет женщину *freodowebbe*, то есть ткущая мир. Этот превосходный эпитет показывает ее значение в основанном на родовых отношениях обществе. Приобщенный посредством брака или другим образом к чуждой ему дотоле общине, инородец становится ее родичем, потомком ее родоначальника. Вымышленное искусственное родство (родовая фикция) заступало место кровного» (стр. 140, 141, 142).⁵

С отдельным человеком родовое государство также не имеет никакого дела; оно знает его только в совокупности членов того или другого рода, то есть группы фамилий, соединенных в одно целое в форме рода. Всякий член рода ближайшей, или, лучше сказать, единственной властью над собой признает родоначальника; к этому последнему обращается с приказами, требованиями и государство, перед которым он несет всю ответственность за членов своей фамилии. Таков общий характер родового государства.

Теперь, если обратимся к Германии Тацитовских времен, то увидим, что она к тому времени уже вышла из подобного строя общественной жизни, пережила пору исключительно родового быта. Доказательств только что высказанной нами мысли немало можно найти у самого Тацита. Укажем на некоторые из них. Во-первых, самое подразделение государства (*civitas*) на сотни (*pagus*) основывается не на родстве, а на числе (*Germl.*, 12). Во-вторых, *principes* – старшины, жупаны, главы пагов избираются на народном вече не из какой-нибудь одной фамилии, а свободно, и по некоторым данным можно думать, что члены одного и того же рода делались по избранию в одно время главами над различными волостями-сотнями. Они – представители волостей, но избираются на общем вече, а не на родовых сходках, не вырастают из родовых отношений (*ibidem*). Уже один этот факт может служить веским доказательством того, что родовое начало не преобладало в быте древних германцев в историческое время. Но есть еще указания и на то, что германцы уже вышли из тесных рамок родовых отношений еще до столкновения с римлянами. Тацит прямо говорит, например, что юноша, достигнувший известного возраста, способный носить оружие, делается собственностью государства – «*pars rei publicae*» (*Germl.*, 13). Также, когда являлась необходимость в важных делах собрать на совещание войско или вообще весь народ, государство передавало требования всем своим совершеннолетним людям не через родоначальников и князей, а прямо и непосредственно. Не явившийся на собрание или не ставший в ряды войска был ответственен за себя и сам терпел наказание. Эта очень важная черта доказывает, что отдельное лицо имело тогда уже прямое отношение к государству.

В известиях позднейшего времени (V и VI веков) мы видим, что государственная власть простирается уже и на тех, кто до тех пор состоял исключительно под властью главы рода, то есть на женщины. Так, Теодорих Великий в указе об одной знатной женщине, нанесшей тяжкое оскорбление другой, повелевает, чтобы ее наказал род, семья; если же это не будет исполнено, то государство возьмет на себя эту обязанность. Далее, в одном лангобардском законе (в лангобардском праве Ротари) говорится, что женщина, вступившая в связь с рабом, должна быть казнена смертью или же продана в рабство и исполнение этого закона лежит на ее роде; если же род уклоняется от этого, то королевский чиновник исполняет приговор и зачисляет ее в число невольниц короля.⁶

Во время Тацита несовершеннолетние и женщины состояли еще под властью старшины рода, что доказывает обычай наказания за нарушение супружеской верности (Germ., 19).

Таким образом, из всего вышесказанного следует, что в Германии хотя и сохранились остатки древнего родового быта, но государственное устройство уже существовало в отдельных племенах; во время Тацита государственной власти подчинена значительная часть населения – все совершеннолетние свободные люди. Органами государственной власти были: вече (concilium) всегда и князья (principes) – у некоторых народов.

Прежде чем приступить к характеристике этих двух органов государственной власти, остановимся на вопросе о сословиях, на которые разделялись древнегерманские общины.

СОСЛОВИЯ

Германская нация, какой она является в описании Тацита, не была соединением равноправных, различающихся друг от друга только личными качествами индивидуумов. В ней существовало разделение на сословия. Но эти сословия не были тесно замкнутыми кастами и не задерживали свободного течения жизни; они не основывались также на разнице происхождения, национальности, а выработались внутри народа, или это были чуждые элементы, принятые в народ и слившиеся с ним так, что не осталось никакого воспоминания о различии.

Настоящих сословий было три.

1. Благородные (эделинги, *Adeliche*) – *nobiles*.

2. Свободные люди низшего сословия (*fraie*, *фралинги* – *курлы* или *керлы* (*ceorl*)).

3. Зависимые (*Hörige*, *liberti*, *liti*); к ним нужно еще присоединить рабов (*Servi*, *Knechti*), положение которых было таково, что они представляют собой не столько сословие, сколько противоположность настоящим сословиям.

В Германии не было особенного жреческого сословия, и это составляет важную отличительную черту их быта.

Зерно народа, естественно, составляли свободные простолюдины, они получили впоследствии у различных племен различные названия

(*friling* – у саксов, *seorl* – у англов и т. д.). Рождение от свободных родителей давало свободу. Свободная женщина только от свободного мужа могла иметь свободных детей.

Это разделение сословий мы выводим из сличения слов Тацита с немецкими источниками. Указания же Тацита не совсем точны. Он говорит, например, что у германцев существовали рабы, но германцы обращались с ними не сурово; что они хотя и не имели собственной земли, но получали от хозяина, как римские колонны, участки, которые они обрабатывали, и за это обязаны были платить господам ежегодный оброк, состоящий из хлеба, скота и одежды. В этом и состоит вся их служба. Весьма редко рабов заковывали в цепи, били или принуждали работать через силу («*verberare servum ac vinculis et opere coercere garum*» – Germ., 25).

Но тем не менее, прибавляет он, каждый господин в минуту гнева мог убить своего раба даже с истязаниями, и это всегда проходило безнаказанно («*occidere solent, non disciplina et severitate, sed impetu et ira, ut inimicum, nisi quod impune est*» – Germ., 25). Затем Тацит говорит о вольноотпущенниках, положение которых немногим отличается от положения рабов, за исключением нескольких особенных случаев, когда они, вступая в дружину короля, возвышаются до высших степеней силы в государстве. Тациту, очевидно, недостает слова (термина), и он в одном понятии «*servi*» смешивает различные степени зависимых отношений: литов (*letus, litus, lazzi, lissi*) – полусвободных (*Höfinge*) с настоящими рабами-невольниками (*Knechti* – холопы).

Первые происходили, вероятно, от потомков первобытных обитателей средней Европы – кельтов или народов туранско-финского корня, которых германцы частью вытеснили оттуда своим напором, частью поработили, привели в зависимое состояние. Покоренные народы занимали рабское положение среди завоевателей, что видно из слов, выработавшихся у некоторых германских народов для обозначения понятия «раб»; например, у немцев в позднейшем языке «*Sclave*», то есть «*Slave*» – славянин, у англов «*vealch*» – валах и так далее.

Много спорили в науке о правах литов: были ли они свободными или нет. Но нужно сказать, что они не были ни тем, ни другим, а составляли особенное сословие, которое имело особые права и занимало особенное положение в общине. В отличие от рабов литы – не просто вещь, они пользуются правом личной неприкосновенности (в этом литы походят на римских вольноотпущенников) и их число увеличивается через отпущение рабов на волю. Литы владеют землей не свободно, но от имени какого-нибудь хозяина, которому обязаны известными службами и повинностями. У них не было законных брачных отношений (римск. *connubium*) с людьми свободными. На народных сходках, когда дело шло об их частных правах, они сами могли лично являться как истцы и ответчики, но в политических делах не имели никакого участия. Что касается настоящих рабов – холопов (*Knechti*), то они вполне бесправны, происходили от военнопленных, от людей, потерявших свою свободу в азартных играх (Germ., 24) или каким-нибудь другим способом. Впрочем, их, по всей ве-

ростности, было немного; основная масса населения состояла из свободных.

Перейдем теперь к дворянству.

Что касается сословия благородных (эделингов, *nobiles* Тацита), нужно заметить, что об этом также поднималось много споров в ученом мире. Раньше и естественнее всего должен был возникнуть вопрос, каким образом появился у германцев в их первобытном общественном устройстве этот первенствующий класс и какое он мог иметь значение? В прежнее время сословию этому, действительно придавали первенствующее значение даже и в политическом отношении, но такое мнение никак не может быть основано, по крайней мере, на словах Тацита.

Если собрать, разобрать и сравнить все места, в которых Тацит говорит о *nobilitas*, то обнаружится тот факт, что, по мнению великого историка, это сословие пользовалось скорее почетом и уважением, чем какой-нибудь особенной властью, каким-нибудь выдающимся политическим положением. «Германцы избирают своих королей между самыми благородными, военачальников между самыми храбрыми. Власть этих королей не ограниченная и не самовольная; что же касается военачальников, то они повелевают скорее примером, чем властью («*Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt*» и так далее – Germ., 7)». «Когда все в полном сборе (на вече), – говорит он в другом месте, – король или старшина, смотря по летам и по благородству происхождения, держит речь к народу и заставляет слушать себя скорее силой убеждения, чем своей властью» («*Mox rex vel princeps, prout aetas cuique, prout nobilitas, prout decus bellorum, prout facundia est, audiuntur, auctoritate suadendi magis quam iubendi potestate*» – Germ., 11).

Из только что приведенных, а также из многих других подобных мест «Германии» можно заключить, что дворянство пользовалось почетом, уважением, авторитетом, но только не политической властью, на которую нет и намека. «Благородство рождения, заслуги предков могут сообщить достоинство вождя и внимание со стороны военачальника даже юноше» («*Insignis nobilitas aut magna patrum merita principis dignationem etiam adulescentulis adsignant*» – Germ., 13). Из этого видно, что заслуги и благородство происхождения доставляли уважение даже вождя, но именно уважение, а не власть. Прежде Савиньи и теперь Зиккель доказывают именно власть благородных, приравнивая друг к другу выражения Тацита *principes* и *nobiles*, но это воззрение неверное, и Вайтц убедительно опровергает его.

Обращаясь к позднейшим известиям V и VI веков, мы находим там те же указания на высокое общественное положение дворянства, на то уважение, которым оно пользовалось.

В одном Саксонском законе⁷ говорится, что за один мизинец эделинга платится такая же вира, как за убийство простого свободного человека. У некоторых германских племен вира за убийство эделинга полагалась вдвое или втрое большая, чем вира за убийство простолюдина. Обычай свидетельских показаний на суде также служит доказательством преимущества дворянства; свидетельское показание эделинга имело больше веса, чем показание простолюдина. Эделинг мог гордиться сам за себя, и

суд довольствовался этим; между тем как простой свободный человек непременно обязан был для подтверждения своего слова представить несколько соприсяжников (*conjuratores*), которые должны были клятвенно подтвердить его показание.

Из всех этих источников и свидетельств можно вывести ясно и последовательно поставленное нами выше положение, что германское дворянство (*nobilitas*) пользовалось только преимуществами почета и уважения своих соплеменников и что не было никаких прав и привилегий политических, которые были бы специально присвоены этим сословием и которыми бы оно наследственно пользовалось. Нужно полагать, что этот почет был закреплен за благородными еще в глубокой древности. Эделинги — это старые роды, из которых обыкновенно выбирались короли, поэтому племя привыкло смотреть на них как на лучших носителей своих интересов, так как их предки в отдаленные времена, еще во времена великих первоначальных переселений, были вождями народа, стояли во главе отдельных племен или частей племени и еще тогда оказали племени великие услуги. Происхождение эделингов бывает даже облечено в форму мифических рассказов. Это древнее германское дворянство, основывавшее свои преимущества на чисто нравственном фундаменте, отнюдь нельзя смешивать с позднейшим служилым германским дворянством.

Положение и численность знатных дворянских родов было неодинаково у различных германских племен. У одних их довольно много, но у большей части — число благородных незначительно, а у некоторых племен даже совсем не упоминается о них. Так, например, у баваров было только пять знатных родов кроме герцогского рода Арнульфингов. В то же время франки, кроме рода короля, совсем не имели эделингов в историческое время. У готов было два дворянских рода: Амалы — у остготов и Балты — у вестготов. У саксов совсем нет королевской власти, но упоминается о довольно значительном числе знатных родов. Этот последний факт служит неопровержимым доказательством против воззрения тех ученых, которые утверждают, что эделинги именно члены королевского рода. Такое положение решительно не выдерживает критики. Сопоставление королевского рода с эделингами невозможно, потому что мы встречаем постоянные указания на существование дворянства там, где нет королей. Возражение, которое делается на это, что будто бы у таких племен, как саксы, прежде существовала королевская власть, но потом исчезла, а потомки королевского рода обратились в эделингов, также недостаточно: еще Тацит, первоначальный источник, указывает на то, что были племена, у которых и в его время не было королей.

Таким образом, сословие дворян в германском быте существовало, но не имело привилегированного политического значения перед свободными простолюдинами.

Древнегерманский быт был по преимуществу демократическим. Ни в первобытной Германии, ни впоследствии в V и VI веках не видим мы, чтобы одно сословие присваивало себе исключительные права, чтобы один класс политически преобладал над всеми остальными. Даже право носить оружие, — как известно, это был признак благородного происхо-

дения в средние века, – в первобытной Германии не принадлежало одним эделингам. На вечевых собраниях германцы все присутствуют вооруженными. «Они не обсуждают, – говорит Тацит, – никакого общественного или частного дела иначе, как с оружием в руках» (Germ., 13). Право являться на народный сход вооруженными принадлежало всем свободным. Оно сохранялось долго в виде обычая в лесных кантонах Швейцарии (Швиц, Ури, Унтервальден, Люцерн), и там собирались односельчане или жители одной волости, одного округа до последних времен для обсуждения общих дел, непременно со своим старым заржавевшим оружием в руках. Между вечевым собранием и ополчением их не было даже особенного различия, что ясно доказывает то право носить оружие, которое простой крестьянин имел наравне со знатным эделингом. В случае необходимости войско составлялось из всех свободных совершеннолетних членов общины. Следует заметить, что в устройстве и распределении рядов этого войска родовые связи имели еще большое значение: родичи обыкновенно располагались вместе и составляли отряд. «Более всего возбуждает их храбрость, – говорит Тацит, – состав отрядов войска, которые не представляют случайного набора чуждых друг другу людей: они собраны из членов одной фамилии и родственников».⁽⁶⁾

Кроме этой общей массы войска, германские конунги, старшины и князья (главари) имели еще свою дружину, и наконец, сверх всего этого, каждое войско имело еще избранный отряд, который даже у народов, обыкновенно сражавшихся пешими, составлялся из конников. Каждый из них выбирал себе смелого и расторопного товарища-пехотинца, и таким образом отряд этот, в общей сложности равнявшийся 100 человекам, становился впереди войска, как его надежда, его главный оплот. В рядах этого войска смешивались и стояли друг возле друга знатный эделинг и беднейший простолюдин.

Эта равноправность сословий, этот исключительно демократический социальный строй объясняется отчасти самим экономическим бытом древних германцев.

Рассмотрим теперь несколько подробнее эту сторону германской жизни.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БЫТ. ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ

Ни в одном из вопросов древнегерманского быта не поднималось ни прежде, ни отчасти даже еще теперь столько споров в ученом мире, как в аграрных отношениях: как племена относились к земледелию, как смотрели на землевладение, в какие формы оно у них вылилось, какое значение имело для жизни племен. Все эти вопросы чрезвычайно важны. На первых ступенях экономического развития народов главным и могущественным двигателем хозяйственной жизни представляются силы приро-

⁽⁶⁾ «Quodque praecipuum fortitudinis incitamentum est, non casus nec fortuita conglotatio turmam aut cuneum facit, sed familiae et propinquitates» (Germ., 7).

ды, в особенности земля. Отсюда, права на землю, распределение поземельного владения между членами общества обуславливают общественную, а за ней и политическую организацию народа. Так что на правильном понимании сущности этих вопросов основываются в значительной степени верные выводы о степени культуры, о государственном и общественном строе народа.

Еще раньше, говоря о поземельных отношениях, существовавших между кельтами, ясные следы которых сохранились в законах бретонов, мы указывали на то, что современная наука пришла к результату, что у всех решительно народов арийской семьи на той или другой, более отдаленной, степени развития непременно существовало общинное землевладение как явление общее и характерное. На основании серьезной и вполне научной аналогии с другими племенами мы можем смело утверждать, что эта форма поземельных отношений когда-нибудь непременно существовала и у германцев. Поставим еще вопрос: было ли у них общинное землевладение в то время, когда с ними впервые познакомились римляне? Обсуждая его, мы должны необходимо отрываться от известий Цезаря и Тацита как от лучших древнейших и единственных источников. Других достоверных свидетельств решительно нет. Ссылки на памятники, возникшие впоследствии, в эпоху переселения народов и образования новых государств, не должны быть допускаемы, потому что четырехвековые сношения с Римом не могли не иметь влияния на Германию и не произвести в бытие ее населения значительных перемен.

К сожалению, выражения Цезаря и Тацита, особенно последнего, оказались не совсем ясными, и ученые различных лагерей толковали их вкривь и вкось, одни – подтверждая, другие – упорно отрицая существование у германцев тех времен общинного землевладения.

Мы должны прежде всего высказать свое мнение, что прямое, не искусственное понимание слов Тацита в свете широких и прочных аналогий, добытых из сравнительного изучения первоначального быта других народов – индийцев, кельтов, славян, а также и неарийцев, доказывает существование в Германии тацитовских времен общинного поземельного строя с отсутствием частной, личной собственности.

Прежние исследователи, особенно Вайтц, увлеченные отчасти национальными, патриотическими стремлениями, упорно утверждали, что нельзя доказать полное отсутствие более совершенных форм поземельных отношений у древних германцев, что при остатках общинного землевладения (*Feldgemeinschaft*) у них существовало уже и, пожалуй, даже преобладало, землевладение частное, личная собственность (*Privateigentum*). В настоящее же время многие замечательные ученые, вопреки мнению Вайтца, прямо проводят аналогию между древнегерманским и нынешним русским общинным бытом. Об общинном землевладении в Германии и вообще у первобытных народов много написано. Укажем несколько сочинений по этому вопросу.

Прежде всего нужно назвать труд знаменитого ученого Маурера «*Einleitung in die Geschichte der Mark-Hof-Dorf und Stadtverfassung*»⁸ (переведен на русский язык Коршем: «Герцога Людвиг Маурера. Введение в историю общинного, подворного, сельского и городского устройства и

общественной власти». Москва, 1880). Затем важно сочинение французского ученого Laverge: «La propriété primitive», 1874; назовем еще небольшую, но очень интересную русскую книжку Н. Нелидова «Обзор некоторых существенных вопросов, относящихся к древнегерманскому государственному устройству» (Казань, 1868), в которой просто, понятно и последовательно рассматриваются взгляды различных ученых на экономическое положение древней Германии. Этими сочинениями мы ограничимся, хотя можно было бы назвать довольно много других трудов.

Итак, возвратимся к известиям двух вышеназванных римских историков.

Цезарь два раза упоминает о поземельной общинной собственности у древних германцев.⁹ В первой главе четвертой книги комментариев к Галльской войне он говорит о племени свевов; в других местах — уже обо всех германцах при сравнении их с галлами. Земледелием они не занимаются; пища их преимущественно состоит из молока, сыра и мяса; ни у кого из них нет определенных, отмежеванных участков земли; начальники и старшины выделяют ежегодно землю, определяя по собственному усмотрению место и количество ее отдельным родам и семействам, живущим вместе, через год они заставляют менять участки.

Рассмотрим подробнее эти слова Цезаря. *Magistratus ac principes* производят дележ земли, они назначают каждому роду его участок, они же назначают ежегодный передел. Эти власти-магистраты, старшины, не могут быть приняты за глав целого государства или народа, племени, потому что сам же Цезарь говорит, что в мирное время политическая германская община совсем не имела ни одного начальника (*nullus magistratus communis habent*). Следовательно, эти люди (*magistratus et principes*) могут быть рассмотрены только как выборные старшины каждой отдельной волости или сотни (*pagus*), из которых слагался маленький народец (*civitas*). Производство поземельного дележа этими старшинами дает право предполагать, что земля рассматривалась как собственность всей волости и обрабатывалась родами, входившими в состав волостной общины, так что определенное пространство земли отводилось в годичное пользование не отдельному лицу, а целому роду, причем только род на этот один год и селился тут на отведенном участке. Поэтому-то и раздел земли производился теми лицами, которые стояли во главе коллективной единицы, называемой Цезарем и Тацитом *pagus* (волость). Ежегодный переход с места на место указывает на обширность территории, принадлежащей общине, и стоявшее на низкой ступени развития народное хозяйство. Поля, очевидно, не удобрялись и плохо приготавливались к посеву. Ежегодно поднимали и распахивали новь, и возделанное поле оставалось до следующей очереди под паром. Очевидно, что и внутри сотенных волостей не существовало точных поселений и что быт того времени был близок к пастушескому.

Таким образом, мы должны сказать, что во время Цезаря личной поземельной собственности не существовало; землей владела целая волость, и члены ее вели полуседлую жизнь, ежегодно переходя с места на место; постоянных деревень или сел с определенным полем не

было, союз марки (*Markgenossenschaft*)⁽⁷⁾ совпадал с пределами целой волости.

Такое рода представление можно вывести из слов Цезаря, и оно представляет аналогию с русским общественным бытом. Это соответствует прежней русской не деревенской, а волостной общине, сохранившейся на самом севере России в Олонекской губернии и, очевидно, представляющей наиболее древнюю архаическую форму землевладения общинного. С этим вопросом можно хорошо и подробно познакомиться по двум исследованиям П. Соколовского: 1) «Очерк истории сельской общины на севере России» (СПб., 1877) и 2) «Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей перед крепостным правом» (см. стр. 115 и *passim*; СПб., 1878).

Такой порядок землевладения существовал при Цезаре и с этой точки зрения он описан даровитым писателем вполне вероятно и близко к истине, благодаря тонкой наблюдательности его пронизательного ума. Отчетливо понятие в свете общераийских аналогий описание Цезаря дает прямую возможность сопоставить древнегерманскую общину с древнеславянской волостной общиной, занимавшей обширную территорию, внутри которой каждый отдельный род мог владеть землей, где ему было угодно и удобно, переходя с места на место; необходимости в правильных пределах еще не было, они стали являться только позднее.

Спустя полтора столетия лет другой великий историк древности, Тацит, дает нам следующее понятие о состоянии землевладения у германских племен. В устройстве общины (*Germ.*, 26) замечается значительная перемена сравнительно с той, которую изображает Цезарь.

Частной поземельной собственности по-прежнему не существует, по крайней мере в обширном смысле слова, землевладение по-прежнему остается общинным, но существенная разница состоит в том, что коллективной единицей, собственником общинной территории является уже не волость (*pagus*), а меньшая единица — род или, лучше, село (*vicus*); сельская община уже существует, и ежегодная смена участков совершается в более узкой сфере. Роды — прежние временные владельцы земли теперь прочно уселись на своих местах, построили постоянные жилища, перестали вести бродячую, пастушескую жизнь, одним словом, выработали из себя сельские общины: из одной большой волостной общины обособилось, выделилось несколько меньших — сельских, из которых каждая представляет совокупность семей одного рода. Между всеми дворами или домами каждого такого села и происходит ежегодный раздел пахотной земли, если только этот обычай по-прежнему сохранился; союз марки (*Markgenossenschaft*) теперь совпадает с сельским союзом, сельской маркой (*Dorfmarke*). Но выгоны и леса остаются еще собственностью всей сотни или волости и для распоряжения ими недостаточно одного села.

(7) «Слово марка имеет несколько значений. Собственно оно означает границу, *limes*. Но сверх того под ним разумеются: а) служащие границей, находящиеся в общем владении луга и леса; в) совокупность земель, принадлежащих общине и, наконец с) самая община, которой члены называются потому *compagani*». (Слова Грановского, 1 т. его сочинений, стр. 136). Точнее см.: *Грановский Т. Н. О родовом быте древних германцев // Сочинения Т. Н. Грановского. Т. I. Ч. 1. М., 1866. С. 136.*

Таким образом, каждая отдельная семья является членом двух общин: сельской поземельной – по своему праву на участок пахотной земли при ежегодных разделах, и волостной – по своему праву вместе с другими односельчанами и жителями других сел сотни пользоваться общим выгоном, пастбищем и лесом.

Кроме того, во время Тацита являются уже зародыши частной поземельной собственности, это принадлежащие каждой отдельной семье – дом, двор вокруг, ближайшая частица луга или огород, вообще то, что мы теперь назвали бы усадебной землей.

Резюмируя все сказанное нами для объяснения слов Тацита, мы найдем, что полтора века спустя после Цезаря германские роды владеют уже известной, хотя небольшой собственностью, имеют право на ежегодную долю пахотной земли и на пользование вместе с другими волостными угодьями – выгоном и лесом.

Необходимо прибавить, что такой быт сохранялся в Германии довольно долго: только в V и VI веках начала разлагаться общинная поземельная собственность и принимать форму отдельных частных хозяйств. При знакомстве со способами землевладения необходимо должен еще возникнуть вопрос: отличались ли чем-нибудь эделинги от простолюдинов, имели ли они право на большие и лучшие участки земли? Ответ на это мы можем отчасти найти в той же 26-й главе «Германии» Тацита. Упомянув о земельном наделе, он говорит, что участки были разделены сообразно достоинству и значению («*agri pro numero cultorum ab universis in vices occupantur, quos mox inter se secundum dignationem partiuntur; facilitatem partiendi camporum spatia praebent. Arva per annos mutant, et superest ager*»). На основании этих слов можно заключить, что иногда члены наиболее знатных родов получали или большие участки, или два вместо одного. Но и здесь, впрочем, дворянское сословие не пользовалось исключительными преимуществами, так как бывало, что простой крестьянин, имевший больше скота, рабов, бывший в состоянии обрабатывать значительный кусок земли, точно так же, как и самые знатные эделинги, получал вдвое.

Мы постарались найти самое простое объяснение первоначального поземельного строя Германии, каким он представляется нам из слов Тацита, понятых и просто и истолкованны в свете весьма близких аналогий. Некоторые из самых известных немецких ученых, отправляясь от предвзятых и ложных взглядов о несовместимости такой «варварской» и «грубой» формы землевладения, как общинная, с исконным уважением «германского духа» к принципу собственности и началам права, до сих пор не решаются остановиться на таком, наиболее естественном, толковании. Знаменитый автор «Истории немецкого государственного устройства» Вайтц в последнем издании своего сочинения хотя уже и не защищает с прежним жаром господство частной и личной собственности у древних германцев по отношению к земле, все-таки не соглашается назвать их быт чисто общинным. Мы считаем полезным ближе познакомиться с его толкованием слов Тацита (Герм., 26), которые, к сожалению, никак нельзя назвать вполне ясными.

Вайтц подробно разбирает слова Тацита в главе о землевладении в своей «Deutsche Verfassungsgeschichte». ¹⁰ Ни чтение вышеозначенного места Тацита, ни значение его слов, думает Вайтц, не ясны вполне. Все-возможные и самые разнообразные взгляды опираются на них. В этих словах в том виде, как они обыкновенно читаются, говорится о двойном разделе земли («in vices» и «arva per annos mutant»). Во-первых, вся совокупность земледельцев (universitas), большая собирательная единица меняет поля, то есть переходит с данного места на другое.

Как часто происходит и чем регулируется такая смена, прямо не указано. Если бы мы поняли это так, что известные племенные группы произвольно перекочевывают с места на место как придется, то получили бы представление о быте еще более грубом, чем тот, который описывает Цезарь; а он говорит даже об участии властей в разделе, следовательно, о некотором порядке. Поэтому слова Тацита объясняют так, что обрабатывались попеременно то одни, то другие поля из всех тех, которые принадлежали общине. Но и это объяснение, по мнению Вайтца, неправдоподобно. Он утверждает, что римский историк говорит здесь о единичном, а не о правильно повторяющемся действии, что видно из следующих слов: «*mox inter se...*» («сейчас же»). Это выражение ясно указывает на однократность действия, которое могло, пожалуй, повториться когда-нибудь не скоро, в далеком будущем, но отнюдь не должно было повторяться постоянно и правильно. Такое толкование места заставляет Вайтца признать более правильным другое чтение текста, по которому вместо слов «*ab universis in vices*» («всем племенам попеременно») ставят — «*ab universis vicinis*», то есть «целыми селами», так только объясняется, кто же были те, которые сообща принимали участие во владении и в разделе земли. Таким образом, Тацит говорит здесь только о первоначальном занятии земель и устройстве деревень или поселений. Такого рода переселения должны были случаться и во времена Тацита, и еще долгое время спустя, когда какое-нибудь племя захватывало силой новую область и начинало ее возделывать или когда оно заселяло мирным образом прежде пустынные местности, расчищало там леса и делало землю годной к посеву.

Второе предложение Тацита, в котором говорится о втором разделе, продолжает Вайтц, подвергается также различным толкованиям, смотря по тому, говорится ли здесь о перемене во владении или способе пользования, возделывания полей. Некоторые думают, что отдельные члены общества ежегодно меняли участки, которые доставались им при разделе. Это положение связывают с известиями Цезаря.

Но Вайтц, не находя ничего подобного у последнего, считает более правильным отнести слова Тацита к перемене в возделывании или засевах полей. Он думает, будто римский историк хотел сказать, что поля относительно посева ежегодно менялись, и в виде объяснения прибавил, что земли для этого было достаточно. Отсюда можно было бы вывести, что Тацит намекал на трехпольную систему (Dreifelderwirtschaft) земледелия, (то есть попеременное следование из года в год на одном и том же поле озимого посева, ярового и пара), которая потом вошла в общее употребление в Германии; но Вайтц, имея в виду исследование других уче-

ных, не решается этого утверждать положительно, а допускает возможность видеть в словах историка указание и на другие системы, которые могли практиковаться у германцев эпохи Тацита (*Zweifelderwirthschaft*, *Feldgraswirthschaft*). Впрочем, смена засеваемых полей, то есть переход с одного поля на другое, может быть делом как отдельных лиц, так и совокупности их, целого общества; в последнем случае право отдельного лица подвергается известным ограничениям – отведенный участок (*in secem*) делается непостоянным. Полагают, что это и имеет в виду Тацит.

Далее Вайтц говорит о способе поселения у германцев. Он говорит, что они только в виде исключения – вследствие случайных только обстоятельств – селились отдельными дворами, окруженными каждый своим участком поля, пастбища и луга. Обыкновенно же германцы жили селами, скотоводство и земледелие управляли всеми отношениями и они же привели к необходимости строить села.

Люди, которые были связаны между собой в тесном союзе вследствие родства или какого другого обстоятельства, занимали большую или меньшую полосу земли. В одном каком-нибудь месте они строили себе жилища, но не сплошными улицами, а каждое на свободном пространстве, которое отдельному лицу нравилось. Дома окружали участки усадебной земли *Hofstlette*, в северной Германии – *Wurth*, на скандинавском севере – *Taft*. Затем в прилегающей территории *полевой земли* образуются особые клочки или участки – *коны* (*gewanne*), причем берутся в расчет и одинаковое качество почвы, и одинаковое расстояние от села. Каждый член сельской общины получал, часто по жребью, выпавший ему участок в каждом из них – и в хорошем, и в дурном, и в близком, и в отдаленном. Таким образом, число участков в каждом коне равнялось числу членов общины. Цель этого устройства – достигнуть возможности уравнительного и справедливого раздела. В каждом коне общинник получал обыкновенно равную долю, величина которой колебалась, смотря по качеству земли и по разным другим обстоятельствам. Позднее, когда вошла в обычай система трехпольного хозяйства, то вся пахотная земля, то есть все ее коны разделились на три большие части – озимое, яровое поле и пар. Все говорит, утверждает Вайтц, о древности хорошо организованной германской общины. Но и раньше, когда было больше простора в смене возделывателей территории, причем попеременно одни поля распахивались, другие отдыхали и обращались в пастбища, должны были существовать те же общие правила при обработке.

Такого рода поземельные отношения Вайтц называет *Feldgemeinschaft* или *Flurgwang* (неполная форма общинного землевладения). *Feldgemeinschaft* может быть такого рода, что доли в полях или конях не распределяются между отдельными членами раз и навсегда, но всякий раз, как приходит очередь до известного поля, снова производится раздел (не передел): так как общее качество всех участков одинаково, то для получателя безразлично, достанется ли ему тот же участок или другой, одинаковый по величине. Это – строгая *Feldgemeinschaft*. Указания на такую земельную организацию мы встречаем и позднее. Но известия Цезаря и Тацита не подтверждают, что в их время везде распространено это полное общинное землевладение. По всей вероятности, существовало оно

только не в полном виде *Flurgwang*, то есть в необходимости каждого отдельного хозяина сообразоваться в своих хозяйственных действиях с деятельностью остальных жителей деревни, оставлять под паром известную часть своего участка и выгонять свой скот в известное поле вместе со всеми другими. Таким образом, Вайтц, который ранее совершенно отвергал существование у германцев права коллективного общинного землевладения, потом сделал некоторые уступки в своей теории, убежденный замечательными исследованиями других ученых.

По мнению Маурера, марковое устройство древних германцев представляет переход от быта кочевников к оседлой земледельческой жизни, в состоянии которого находились германцы, современные Тациту и Цезарю. Потому первые учреждения германцев при поселении в империи были рассчитаны на скотоводство и необходимые для него пастбища и носили на себе характер «союзности, общности». Это замечание, по словам Маурера, должно быть отнесено не только к поселениям целыми деревнями, но и к отдельным дворам. Первоначально многие из них составляли союз, общество.

У них в общем владении находились неразделенные луга, выгоны и леса. При устройстве первоначальной деревни каждый участник союза получал известное пространство для дома и двора, затем ему выделялся участок земли в пахотном поле и давались права пользования в неразделенных общинных землях. Участие члена союза во всех составных частях полевой марки сначала было чисто идеальное, и это не только в лесах, пастбищах и лугах, но и в наделе пахотной земли. Это следует из ежегодной перемены владения и ежегодно вновь предпринимаемого отвода отдельным лицам земли, как это делалось во времена Цезаря; та же система сохранилась и во время Тацита и кое-где уцелела в Германии до позднейшего времени.

В большей же части страны это древнее устройство не удержалось в первоначальной чистоте. Участки, находившиеся в пользовании, мало-помалу перешли в отдельную собственность, подобно тому как продолжительная аренда переходит в наследственную. Маурер думает, что в Германии переход этот совершился около времени переселения народов. Но в отдельную собственность были обращены повсюду только участки пахотной земли и усадьбы; леса и луга вместе с водами и дорогами остались в общем владении. Даже относительно полей община удержала за собой право определять способ пользования землей. В приведенных строках заключается сущность мнения Маурера. Он не допускает существования отдельной поземельной собственности у германских племен в эпоху Цезаря и Тацита. Надобно заметить, что сведения, сообщаемые обоими писателями древности, не противоречат мнению Маурера.

Конечно, древнегерманская *Feldgemeinschaft* не может быть приводима к понятию о полной поземельной общине, какая, например, существует теперь у русских крестьян. Немецкий исследователь *Nasse* (автор труда «История следов общинного устройства в Англии») в своей рецензии на Бюхеровскую переработку книги Лавалэ вооружается против отождествления древнегерманского общинного быта с русским. Нам кажется, говорит он, что Лавалэ недостаточно указал на различие между развити-

ем аграрных отношений в России и среди германских племен. Нынешняя русская сельская община представляется ему, по-видимому, живой картиной древнегерманского общинного землевладения, и потому-то русская община стоит на первом плане в его построении. Но основная черта устройства последней — признание равного права всех совершеннолетних жителей на равное участие в землях, составляющих сельскую общину — никаким образом не может быть доказана в германских селах в историческое время. Можно считать вероятным, что с тех пор как германцы прочно уселись на известных местах, всякий взрослый член союза получил свой участок на общинной ниве, но после того как раздел был совершен, и каждый получил свою соху (Hufe),⁽⁸⁾ при возрастании населения безземельный (на долю которого не хватало участков) должен был рассчитывать только на свой труд для других или же на обработку невозделанной земли как на жизненные средства, раздел уже не производился. Пустующая земля, которой было много, конечно, долго избавляла новые поколения свободных поселян при возрастающем населении от безземелья; при этом или части принадлежавшей к общине девственной земли разделялись на новые сохи при старом селе, или на ней образовывались новые младшие села. Часто также при увеличившемся населении несколько семейств обрабатывали один участок, одну соху. Только позднее в большей части Германии естественное разделение (die Naturaltheilung) сделалось общераспространенным. Но о праве безземельных требовать нового передела земли с целью увеличения числа сох через уменьшение величины прежних, сколько известно Nasse, не находится никаких сведений в немецкой истории.

Таким образом, Nasse отвергает существование у германцев такой общины, которая бы основывалась на периодически повторяющемся переделе пахотной земли. Причем Nasse в конце прибавляет, что и в древнерусском поземельном строе несколько столетий ранее настоящего времени периодические переделы не составляли необходимости.

Это последнее замечание должно быть признано весьма основательным; оно свидетельствует о хорошем знакомстве Nasse с новейшими трудами русских ученых. По этим исследованиям существование переделов до прикрепления крестьян к земле оказывается весьма сомнительным; только с развитием крепостного права деревенская община, ограниченная известной территорией, должна была «в случае нарушения равенства подворных участков» (от неравномерного изменения в составе семейств) «прибегать теперь к новому способу для уравнивания этих участков — к переделу земли, который при прежней свободе выселения должен был составлять лишь исключительное явление» (См.: *Соколовский*. Очерк истории сельской общины на севере России. С. 93; с. 86–92).

Приведенными сведениями о землевладении у древних германцев мы должны будем ограничиться. Как бы то ни было, но мы должны сказать, что из двух главных видов владения землей — общинного и частной собственности — во всяком случае тогдашнее германское владение гораздо более подходит к первому.

(8) Hufe — идеальная единица, выражавшая право участия отдельного лица на известную долю усадебной и полевой земли. На наш язык этот термин лучше всего переводится словом «соха».

ДРУЖИНА

Своеобразное место в ряду учреждений, из которых слагались формы жизни древних германцев, занимала дружина (тацитовское *comitatus*).¹¹

Прежде всего заметим, что германская дружина далеко не имела такого всеобъемлющего значения, какое придают ей некоторые ученые, между ними и Гизо, полагающий, что большинство немецких государств на римской почве было основано дружинами. Как увидим ниже, ничего подобного не было; но во всяком случае в социальном отношении дружина имела важное значение в Германии.

Дружина представляет общество свободных людей, собравшихся добровольно вокруг своего вождя. Они не теряли личной независимости и обязаны были повиноваться вождю только как своему военному начальнику. Дружинники жили обыкновенно в доме вождя; вместо платы он давал им пищу, одежду, оружие, коня, устраивал обильные пиры, раздавал роскошные подарки из военной добычи (см.: *Germ.*, 14). Они имели полное право выйти из дружины одного вождя и перейти к другому.

Связь между ними и вождем была исключительно нравственная; отличительной чертой этой связи была добровольная верность (*Treue*), а не обязательное подчинение. Для дружинников считалось вечным позором и стыдом возвратиться живыми с поля сражения, в котором убит был их вождь; за него и с ним должны они были умирать. Они раньше поклялись защищать его и посвящать свою храбрость его славе: «Вожди сражаются для победы, дружинники дерутся за вождя».⁽⁹⁾ Если он был конунг или князь и лишен власти, то они могли не покидать его и следовать за ним повсюду. Очевидно, что учреждение это важное и интересное, но, тем не менее, не в нем должны мы видеть основное начало различных германских государств, образовавшихся на развалинах Римской империи. Дружинники уже потому не могли основать их, что вообще были немногочисленны. Подтверждение этого мы имеем в свидетельствах многих писателей.

Так, Аммиан Марцеллин в рассказе о битве Юлиана Отступника с аллеманнами у Агрентората (Страсбург) говорит, что конунг их *Chnodomagus* после долгой борьбы наконец сдался со своей дружиной и что дружина состояла из 200 человек, что составляло весьма незначительный процент в сравнении с остальным ополчением аллеманнов (пало 6000 человек).⁽¹⁰⁾ Из позднейших известий мы знаем, что норвежский король имел дружину в 120 человек, и когда захотел удвоить ее, народ возроптал.

Во всяком случае дружина составляла опору вождя, его славу и почесть во время мира, его защиту во время войны, она была основой той силы, с которой соперничавшие между собой князья вели борьбу («*haes dignitas, hae vires; magno semper et electorum iuvenum globo circumdari in pase decus, in bello praesidium*» — *Germ.*, 13). Дружина заменяла конунгам недостаток постоянного войска и чиновников. С другой стороны, уч-

⁽⁹⁾ «*Principes pro victoria pugnant, comites pro principe*» (*Germ.*, 14).

⁽¹⁰⁾ *Ammiani Marcellini Rerum gestarum... Lib. XVI. 60, 63.*

реждение это давало возможность отдельным лицам следовать излюбленным идеалам своего сердца. Удалая и тревожная, но добрая и веселая, чувствующая избыток жизненной силы молодая дружина постоянно старалась найти применение этой силы, и в случае долгого мира в своей земле предлагала часто свои услуги другим воюющим племенам («si civitas, in qua orti sunt, longa pace et otio torpeat, plerique nobilium adulescentium petunt ultra eas nationes, quae tum bellum aliquod gerunt» – Germ., 14). Учреждение это, впрочем, не удержалось навсегда в первобытной чистоте свободных отношений дружинников к своему вождю. Пока господствовала неприкосновенность общинного землевладения и оно сохраняло первобытный характер. Но когда появились постоянные наделы и участки общинной земли обратились в частную поземельную собственность отдельных лиц, и когда вместе с тем естественно явились свободные безземельные люди, искавшие себе пропитания службой, – это учреждение существенно изменилось. Дружинник является уже не вольным товарищем вождя, а вольным наемником. У англосаксов и северных германцев в позднейшие времена нет даже юридического различия в понятиях «вольный работник крестьянина» и «дружинник короля».

Тот и другой называются у скандинавов *Hus Korl* (*Huskerl*), у англосаксов – *thegn, gesith* (позднее немецкое – *gesinde* – челядь). Крестьянин-хозяин и конунг по отношению к работнику и дружиннику одинаково именуются *Hlaforð* (то есть «кормилец»). Как дружинник служит оружием королю, так и «*Huskerl*», «*Gesinde*» должны были помогать крестьянину оружием, если у него случалась ссора с другим.

Вообще челядь (*Gesinde*), в которую превратилась первоначальная дружина свободных ратных товарищей вождя, состояла тогда из различных элементов. В нее вступали, во-первых, люди, не любившие труда, искавшие веселой жизни, веселых пиров и общества военных товарищей; во-вторых, молодые люди из богатых фамилий, когда у них пробуждались отвага и сила, жажда славы и воинских подвигов, и, в-третьих, бедные, несостоятельные люди, или же такие, которые вынуждены были искать убежища. Крестьянские *Huskerl* пополнялись, разумеется, только из людей третьей группы, в дружинах же королевских наемников попадались представители каждой из трех.

Изменение характера дружинного быта лучше всего рисует нам древняя англосаксонская поэма о Беовульфе,¹² происхождение которой относится к VIII веку. Из встречающихся в ней описаний видно, что дружинники короля должны были исполнять даже разные низкие службы. Блестящей представляется их жизнь, когда они представлены в своем великолепном вооружении и слушают на королевском пиру певца; является тут и королева и говорит почетные слова, раздает подарки – золотые запястья и кольца, одежду и гривны.⁽¹¹⁾ Но все-таки один из товарищей должен во время пира служить чужеземцам, и та же комната, в которой пируют днем, служит ночью дружине местом сна.¹³

(11) «Beowulf» немецкий перевод, стих. 80–81, 1980–1983, 2863–2869, 1228–1231, 614–624.

Также хорошо обрисовывается дружинный быт в рассказе о короле Фродо, напоминающем рассказы нашего народного эпоса о князе Владимире – Красном Солнышке и его удалой дружине. Фродо должен был жениться, так как его дружинники пообносились и некому было почитать их износившееся платье.⁽¹²⁾

Дружинники со времени изменения характера их быта исполняли различные полевые и домашние работы; доказательством этого служит рассказ о короле Сигурде. Когда во время работ на поле он попросил сына своего Олафа оседлать ему коня, то юноша рассердился и не исполнил просьбу отца, в виде злой насмешки он оседлал козла вместо коня. Из этого ясно только, что молодое поколение, к которому Олаф принадлежал, считало такие услуги уже унижительными для свободного и благородного человека. О том, что прежде эти услуги были обычными, свидетельствуют названия разных придворных должностей, исполнявшихся прежде дружинниками, как, например, *Marechal* (маршал) – от *mahre* – лошадь, *Schalc* – слуга (*Knecht*).

Из «Беовульфа» ясно также, что дружинники получали плату, чего не существовало прежде. Формула присяги, сохранившаяся у англосаксов, говорит, что дружинник обязан быть верным и ни словом, ни делом не совершать ничего такого, что было бы оскорбительно для господина, под условием, что господин будет держать его, как он того будет заслуживать, и что он исполнит все, что требуется в договоре, заключенном между ними, когда он ему подчинился и признал его власть.

Некоторым противовесом обязанности послушания является возможность и право дружинника всегда оставить своего *hlaford'a*, кроме только того времени, когда ему грозит серьезная опасность. Впоследствии к этому присоединяется еще новое существенное изменение – являются дружинники, не живущие при дворе короля и сами имеющие дружину. Так, например, Беовульф, дружинник короля, поселился на своем наследственном участке и все-таки оставался в дружине. (*Thegn, Degen*)¹⁴ датский начальник береговой стражи в «Песни о Беовульфе» является также дружинником короля, но и сам имеет дружинников под собой.

Важно еще обратить внимание на вопрос: кто же имел право держать дружину? Прежде писатели, которые вообще придавали дружине в высшей степени важное, первенствующее значение в судьбах германских племен, предполагали, что дружиной мог окружать себя каждый, принадлежавший к сословию эделингов. Но это мнение опровергнуто исследованиями Вайтца и другими учеными, и в настоящее время почти никто уже не считает возможным его держаться. Оказывается, что только главари (*principes*) – старшины административно-политических отделов нации (*civitates*), а вовсе не эделинги пользовались этим правом. С этой точки зрения делается совершенно ясно, почему дружина не представляла самостоятельного и отдельного начала в первобытном германском общественном организме, настолько сильного, чтобы оно могло оказывать в

⁽¹²⁾ *Saxo Grammat. Hist. Dan.* p. 68 / Ed. Müller et Verschow. Havniae. 1839.1, 169.

состоянии произвести такой огромный переворот, как разрушение целостности Римской империи.

Такие предприятия, как походы англов и саксов, как страшное нападение Ариовиста на Галлию и нашествие Радагайса на Италию, никак не могли быть выполнены дружинами. В таких движениях действовали вместе самые разнообразные элементы. Иногда отдельные, не связанные между собой племенным родством толпы, иногда же целые небольшие народцы (*Volkerschoften*) приходят в движение и предпринимают поход на чужие страны. Вождем их является король или простой предводитель – герцог. Часто несколько племен или несколько частей различных племен соединяются под начальством непременно одного вождя. Часто враждебно с оружием в руках наступают они на римлян и силой пытаются захватить новые земли на территории провинций Римской империи. Нередко также получают они от римского правительства плату или землю и за это обязываются исполнять всякую службу в интересах империи и принимаются в союз римского государства, которое думает воспользоваться ими как новыми силами, но, само того не осознавая, вбирает в себя элемент, который тут же начинает работать на разрушение обветшавшего здания.

Слишком разнообразна и богата историческая жизнь, чтобы можно было подвести ее проявление под одно какое-нибудь определенное правило, под действие одной только силы, и дружинный строй, в особенности, не может быть назван той силой германского быта, которая разрушила Римскую империю, разорвав ее на части, овладев одной за другой ее различными провинциями. Дружина представляет, повторю, оригинальную черту древнегерманского общественного устройства, она выдвигается в известные моменты вперед, но не выходит из рамок общего строя и ее значение остается ограниченным.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ БЫТ

Мы уже раньше упоминали, что германские племена не составляли одного целого государства, а разделялись на множество отдельных политических тел (*civitates*), в свою очередь распадавшихся еще на волости, сотни. Характерной чертой государственного быта всех племен Германии служит непрочность связи, соединявшей общины в государстве; эта связь легко могла быть разорвана и так же легко вновь восстановлена.

Если народ был слишком многочислен, так что не мог собираться на одном вече, если возникала сильная и долгая распря, если было несколько членов королевского дома или же несколько мужей, владевших силой и славой и могущих поддерживать притязания на роль вождя; если часть народа при военном походе находила землю, которая ей больше нравилась, то государство распадалось на части, на уделы, причем вследствие благоприятных обстоятельств всегда могло последовать новое соединение.

В начальные эпохи политического развития народов отдельные ветви государственной власти, которые впоследствии являются самостоятель-

ными с резко очерченным кругом действий своих органов, обыкновенно еще неясно выделяются друг из друга, находятся почти в безразличном смещении; законодательство, управление и суд являются функциями, которые отправляются в большей части случаев одними и теми же органами. Государственная власть у древних германцев в эпоху Тацита принадлежала народу; народное вече у Тацита (*concilium*), состоявшее из всех свободных членов государственной общины, распоряжавшейся территорией и решавшей все важные дела, было главным и общим всем германским государствам политическим органом. Правило это настолько общее, что по собранию на одном вече мы можем судить о принадлежности нескольких племен к одному государству. Надобно думать, что первоначально были только одного рода собрания, именно – собрания марок. Впоследствии, при увеличении населения, когда марки стали под-разделяться, марковые собрания стали собраниями целой народности (*civitas*) – собраниями свободных людей всего государства, собственно государственными собраниями, а рядом с ними возникли собрания волостей государства (*centeni, pagi*). Взаимное отношение этих двух видов вечевых собраний составляет важнейшую черту древнегерманской государственности. Круг дел, подлежащих ведению обоого рода собраний, в двух пунктах однороден: решались судебные споры и тяжбы, и оба имели право распоряжаться подведомственной им областью (маркой). Территориальное пространство, на которое простирались компетенция каждого из двух собраний, важность и количество каждой особой группы дел, поступающих на рассмотрение того и другого, были различны, но оба собрания вели судебные дела и распоряжались землей, это были *Gerichtsversammlung* и *Markversammlung (Marveginge)*, хотя в большинстве случаев судебные дела решались в низших, волостных собраниях, так как они обыкновенно стояли ближе к самому делу, лучше могли рассмотреть сущность тяжбы.

Государственная марка первоначально доставляла земскому или государственному вече немного хлопот, так как эту марку тогда составляла только, во-первых, пограничная, иногда очень обширная, но оставляемая в пустошь полоса земли, которую не обрабатывали, не уничтожали на ней лесов для безопасности от набегов соседей, и, во-вторых, – вновь завоеванные незаселенные земли.⁽¹³⁾ В этой области, конечно, дел было очень немного: все управление государственной маркой состояло в запрещении на ней селиться или, в известных случаях, в разрешении занять ту или другую часть пустующей государственной земли.

Остальная же территория делилась между отдельными сотнями, и общинно-поземельные дела этих волостей или сотен и их собрания были гораздо многочисленнее.

Во время Цезаря все земли общины – пахотные поля, луга и леса – состояли под исключительным ведением сотенного или волостного собрания.

⁽¹³⁾ Последнее особенно важно для объяснения англосаксонского народного поля (*Volkland*), под которым и разумеется эта государственная марка.

Во время Тацита количество подведомственных ему земель становится гораздо меньше, так как пахотная земля уже распределена между сельскими общинами, и все вопросы, касающиеся пользования ею, не находятся в ведении сотни и сотенной сходки; но леса и пастбища оставались еще большей частью общим владением и состояли под управлением сотни или волости.

Далее, в третьем пункте, функции обоих вечевых собраний расходятся, области их компетенции различны. Только земская община, только общегосударственное вече решает вопросы о войне и мире; оно одно дает право свободы несвободным; в ней юноша объявляется совершеннолетним, наконец, только здесь избираются *principes* вожди, старейшины, судьи отдельных волостей. Это последнее обстоятельство делает отношение между вечевыми собраниями обоих видов наиболее ясным. Сотня не имеет никаких политических прав и полномочий: она не представляет отдельного государства в государстве, а только часть, подразделение государства; она находится в подчиненном отношении к земскому вече, к земле как к целому. Если бы нужно было обозначить оба собрания – земское и сотенное – по главному характеру подведомственных им дел, то пришлось бы сказать, что сотня – судебная сходка, земля – политическое вече.

Организация обоих собраний, так же как и организация земли и волости, различны. Во главе волости или сотни необходим судья, старейшина, главарь (*principes*); во главе земли и земского вечевского собрания – конунг может быть и не быть. Еще существенное отличие: устройство земли – это особый совет старшин, старейших лучших людей.

«*De minoribus rebus principes consultant, de maioribus omnes, ita tamen, ut ea quoque, quorum penes plebem arbitrium est, apud principes pertactentur*» (Germ., 11), то есть менее важные дела эти старшины (лучшие люди) решали самостоятельно, более важные – по крайней мере подготавливали к решению в народном собрании. Некоторые ученые утверждали, что совет старшин состоял преимущественно из знатных людей, эделингов, но это совершенно несправедливо.

Мы не имеем точного определения, кто имел право участвовать в совете; вероятно, что такого определения вообще не было. На основании слов Тацита, впрочем, мы можем заключить очень ясно, что едва ли это право принадлежало исключительно знатым людям. Когда *Civilis* задумал свое восстание против римлян, он созвал на совет «знатных людей племени» и наиболее способных из простолюдинов (Tacitus. *Historiae*. L. IV, 14). Так, конечно, бывало и в других случаях. Знатное происхождение заменяло недостаток личных способностей и заслуг; мужество, опытность, слава, старость давали и свободному простолюдину место и влияние в совете. То же было и позже, в средние века. У фризов, например, до IV столетия, кроме общего собрания – веча, существовал совет из 46 выборных лиц из старшин и духовенства. Они оправдывались перед императором Валентинианом в набегах на римскую территорию, говоря, что это делают вследствие решения совета вельмож (*Ammiani Marcellini Rerum gestarum*. Lib. XXX, 6).

Народные собрания у древних германцев, по рассказу Тацита, были обыкновенные и чрезвычайные. Первые созывались в обыкновенные дни, во время новолуния и полнолуния. Тацит замечает (Germ., 11), что свобода германцев вредит до некоторой степени скорому ходу дел в их собраниях, потому что они собираются не все вдруг и проходит несколько дней прежде, чем все сойдется. Германцы сходились для совещания под открытым небом, на высотах или в долинах, преимущественно вблизи мест, где совершалось поклонение богам. Свободные люди, составлявшие собрание, являлись туда вооруженными. Ношение оружия было важным правом свободного германца и составляло признак его свободы. Не являвшиеся без уважительной причины подлежали наказаниям. Что касается самого хода собрания, то нужно думать, что не только право решающего голоса, но и право предложения принадлежало всем. Тацит формулирует это с ясностью: «*rex vel princeps, prout aetas cuique, prout nobilitas, prout decus bellorum, prout facundia est, audiuntur, auctoritate suadendi magis quam iubendi potestate*» (Germ., 11). То есть не только человек знатного происхождения — конунг или вождь, но и человек пожилой, опытный, или известный своей храбростью, или даже только красноречием, мог держать речь к народу.

Одобрение, удовольствие, принятие предложения выражалось потрясением оружия, неодобрение — просто шумом. Самое почетное выражение согласия состояло в аплодисментах оружием («*si displicuit sententia, fremitu aspernantur; sin placuit, frameas concutiunt: honoratissimum adensus genus est armis laudare*» — Germ., 11). Таким образом большинством голосов решалось дело, если и не правильной их подачей, то, по крайней мере, судя по общему впечатлению.

Наряду с вече иногда являются у древних германцев короли, конунги (у Тацита — *reges*, в отличие от *principes*).⁽¹⁴⁾ Из сведений, сообщаемых нам Тацитом, видно, что некоторые племена имели королей, другие же нет, хотя при этом он упоминает везде о существовании королевского рода, из чего можно заключить, что монархическая власть не составляла особенности отдельных племен, так как почти у всех в разное время замечается смена безкоролевья и правления исключительно вечаемого королевским правлением.

Но там, где был король, он являлся носителем и представителем государственной власти. Римляне, говоря о войнах с германцами, упоминают, что иногда король объявлял войну, иногда же — народ. Король был верховным жрецом, он же — верховный судья, то есть председатель на общенародном, вечаемом собрании и предводитель на войне. В последнем случае он равен герцогу — военачальнику; вследствие этого сходства некоторые ученые выводили королевскую власть из герцогской, исключительно военной, говорили, что во время общей опасности выбирался общий вождь — верховный, который, когда опасность миновала, не слагал с себя власть, а оставлял за собой и даже передавал ее потомству; таким образом, первоначально выбранный герцог обращался в наследственного

⁽¹⁴⁾ Слово «Konung» (König), как по значению, так и по звуковому составу представляет полное соответствие славянскому «князь».

конунга. Но вряд ли это справедливо. «Reges ex nobilitate, duces ex virtute sumunt», – говорит Тацит (Germ., 7), а Цезарь указывает на то, что у германцев «in pascuis nullus est communis magistratus, sed principes regionum atque pagorum inter suos ius dicant controversiasque minuunt» творят суд и улаживают споры (Comment. de bello gal., VI, 23).

А на время войны избирался *dux* вместо короля. Да и вообще Тацит постоянно различает и правильно употребляет слова *rex* и *dux*. Существенное отличие конунга от герцога в том, что в мирное время герцог обязан слагать свою власть, тогда как власть конунга была прочной. Германцы, несмотря на свою воинственность, все-таки считали нормальным положением жизни страны и народа мир, а не войну, поэтому-то и власть конунга – главы народа во время мира постоянная.

Немецкие саги часто прославляли королей, которые мирно сидели у себя дома, посылая на войну своих богатырей; королевская честь вовсе не требовала того, чтобы он сам ходил в битву во главе своего войска. Он является хранителем мира по преимуществу. Этот мир – честь короля. Кто нарушает мир и начинает раздор и вражду, тот оскорбляет короля и обязан заплатить «мировые деньги» – пеню, так же как господина дома оскорбляет тот, кто у него обидел другого словом или пригрозил ему оружием.

Короли избирались «*ex nobilitate*», как говорит Тацит в только что приведенных словах, из среды благородных фамилий; наследственности в строгом смысле не было, хотя по смерти короля избрание обыкновенно ограничивалось одним из членов его же фамилии. Очевидно, что это избрание совершалось по установленным обычаям обрядам. Сначала провозглашалось имя кандидата, потом его поднимали на щит и три раза обносили вокруг собрания, чтобы показать народу. У скандинавов его ставили на камень. Если предлагаемый кандидат был угоден народу, то одобрение выражалось обычным громом оружия, заменявшим подачу голосов. Затем новоизбранному королю давали в руки копье, которое служило символом власти, и начиналась народная присяга верности.

Короли так же, как судьи и старшины, выбирались на всю жизнь. Король был единственным чиновником государства, так как бюрократии, очевидно, не существовало у древних германцев; в управлении ему помогали только его дружинники. Королевская власть имела весьма важное значение, так как король являлся представителем народного единства. Государственный союз был крепче там, где во главе его стоял конунг. Народ, который не имел короля и видел свое единство только в вечевых или военных собраниях, повторявшихся в больших государствах через неопределенные и длинные промежутки времени, не осознавал своего единства так ясно, как сознавалось оно тогда, когда было воплощено в одном лице, в одной фамилии, возвышавшейся над всеми, в одном доме, который для всех, даже самых отдаленных родов, был обиталищем права, убежищем от насилия. Часто случалось, что королевская власть возникала вследствие необходимости, являлась противовесом междоусобных распрей в стране. Иногда два каких-нибудь знатных рода начинали борьбу и мало-помалу втягивали в нее всю страну, жители которой являлись сторонниками того или другого честолюбца, членами его партии.

Для прекращения междоусобий, для водворения мира избирался король. Основой королевской власти было прежде всего общее уважение, которое народ питал к конунгу, а также его материальные богатства. Ему давался двойной участок земли, в его пользу шла половина «мировых денег». Тацит припоминает также о натуральной повинности, которую платил король; наконец, огромное значение в глазах народа имело так называемое сокровище короля (Schatz), то есть те драгоценные украшения, запястья, кольца, ожерелья и тому подобное, которые давались ему во время счастливых войн и потом переходили из рода в род, увеличиваясь все новыми вкладами; королевское сокровище играет важную роль и в древнегерманских народных преданиях.

Скажем теперь еще несколько слов о двух-трех важнейших сторонах древнегерманского общественного государственного устройства.

Прежде всего обратим внимание на их юридические понятия, опишем их судебное устройство. В этой области у древних германцев главную роль играло право самосуда, самозащита, право кровной родовой мести. Об этом учреждении много и подробно говорит Вайтц. Но он увлекается, по обыкновению стараясь доказать, что германцы времен Тацита не были варварами, и утверждая, что право кровной мести не могло уже у них иметь большого и самостоятельного значения. Право кровной мести в древней Германии не сходно было со средневековым правом частной войны (Fehderecht), по которому только дворянин имел возможность личной расправы с врагом. В Средние века в Германии как каждый свободный человек пользовался правом носить оружие, так точно каждый свободный мог отомстить за себя или за родственника. Мы имеем множество указаний на живучесть этого обычая: в Дании он упоминается в 1400 году; даже от XVI и XVII столетий сохранились договоры, основанные на праве кровной мести; точно так же в Швейцарии сохранился обычай, что в случае убийства только женские члены фамилии приносили жалобу в суд, чтобы за мужчинами оставалось неприкосновенным право на месть, которое теряется в случае обращения к покровительству суда. Право кровной мести первоначально было даже обязательным и долго сохраняло этот характер.

Так, в скандинавской саге рассказывается, что одна мать дала пощечину своему сыну, который не отомстил за обиду, и когда после этого он еще медлил, она вместо хлеба дала ему камень. Подобных фактов встречается весьма много. В другом месте мы видим, что отец отказывается выйти из горящего дома, где уже погибли его сыновья, так как он слишком стар и слаб и не в силах отомстить за них.

Но опасность бесконечного продолжения кровомщений, вызываемых одно другим, уже с самых ранних пор ведет к стремлению ограничить обычай, более строго и узко определить тех, которые имели право мести, а также и тех, которые могли ей подлежать. Право это начинают давать только сыну, брату или самому близкому родственнику убитого; мести подлежат кроме самого виновного только его ближайшие родственники.

В законе франков салических («Салической правде») предполагается, что родители убитого должны представить виновного в суд и удовлетво-

ваться присужденной ему вирой. Только в случае, если виновный оказывается не в состоянии заплатить виру, суд выдавал его головой обвинителям, и тогда семья убитого могла делать с ним, что хотела. Намеренное, никакими побуждениями не оправдываемое убийство вело за собой наказание смертью; только в случае особого соглашения сторон убийца такой категории мог отделаться пеней, вирой (*compositio*), но только с ограничением, а именно, что вся она, в большинстве случаев очень высокая, должна быть выплачена виновным из собственных средств; родственникам при этом запрещалось помогать убийце.

Таким образом, у франков салических кровная месть уже в VI веке была подчинена определениям закона. В этом отношении законодательство франков опередило многие другие. В других государствах, например, у англосаксов, даже в X веке ограничения не шли так далеко. В законе короля Эдмунда говорится, что родичи убитого имеют право мщения, но только в отношении убийцы, а не его родных; они могут его преследовать, пока он не предложит законным порядком уплатить виру, родичи виновного при этом, как им угодно, могли помогать или нет виновному в уплате выкупа.

Но даже и принять выкуп считается иногда столь постыдным, что у датчан, например, было правило, что родственники виновного должны были поклясться родственникам пострадавшего, что и они бы приняли виру, если бы находились в таком же положении.

Все это делалось для того, чтобы те, которые, по выражению того времени, согласились «носить своего сына в кошельке», не должны были очень стыдиться своего поступка. Этим мотивирован также и обычай, чтобы предложение виры было делаемо в пренебрежительной форме.

Право личной мести в прежние времена существовало, конечно, еще без тех ограничений, какие явились в позднейший период. Судебный процесс также много представлял личной инициативе каждого человека, хотя суд происходил в волости (*pagus*) и дело разбиралось при помощи всей общины. Тут нам нужно пояснить смысл одного места из Тацита, которое может быть понято неверно и потому возбудить недоразумения.

В XII главе «Германии» он говорит: «*eliguntur in isdem consiliis* (т. е. на общих земских вечевых собраниях) *et principes, qui iura per pagos vicisque reddunt; centeni singulis ex plebe comites consilium simul et auctoritas adsunt*». Это известие довольно странное; Тацит, по-видимому, предполагает, что на суде, который производится «*per pagos vicisque*» (в волостях), принцепсами присутствуют сто лиц выборных «*ex plebe*». Но оно должно быть понято иначе. Выбранные в народных вечевых собраниях главари или судьи чинят суд и расправу в отдельных сотенных волостях и селах. Буквальный же смысл слов Тацита о ста выборных лицах — носителях юридических представлений племени был бы неестественным, несообразным со всем общественным строем племени. Эта неточность Тацита легко объясняется тем, что он, зная о германском названии *pagi* — сотня, не совсем понял этот термин и смешал в слове *centeni* понятие о представителях всей волости (*principes*) — главари, судьи — с понятием о выборных из самой волости ста лицах, которые играли роль судей. Суд производился на волостных сотенных сходках, которые тем и отличались

от общих, земских, что имели судебные функции, тогда как первые исполняли политические. Дела разбирались в присутствии и при помощи всей сотни, и, как сказано, судебный процесс представлял довольно широкое поле действия личной инициативы.

Обвинитель сам приводил обвиняемого в суд.

Для этого существовала особая формула, которая произносилась истцом перед ответчиком; услышавший ее должен был непременно явиться на суд, иначе процесс в случае неявки непременно решался не в его пользу. Обвинитель сам допрашивал обвиняемого и, что всего страннее, он сам, а не суд, имел власть принудить обвиненного отвечать. Эта власть или сила заключалась в известной форме определенно поставленного вопроса.

Кто не отвечал на вопрос, поставленный в такой форме, тем самым проигрывал процесс. Ответ должен был точно соответствовать вопросу. Уклонение от формулы опять влекло за собой опасность проиграть дело. После того как обвиняемый еще раз ответил, со своей стороны один из опытных знающих людей, судей (шеффенов), выражавший мнение предстоящей общины, произносил приговор. Последний не содержал заключения, кто прав, кто виноват, а только решение о том, чего требует право, если та или другая из указанных в приговоре двух сторон подкрепит свои показания известным процессуальным действием. Таким образом, приговор был условный; смотря по тому, будет ли или нет представлено требуемое доказательство, он решал дело в пользу той или другой стороны.

Процессуальные действия, посредством которых доказательство могло быть представлено, была клятва соприсяжников и Суд Божий посредством поединка (поля). Соприсяжники назывались также свидетелями, но их присяга была совершенно отлична от той, к которой приводят обыкновенно свидетелей. Соприсяжники не клялись в том, что они вообще будут говорить правду, и не разъясняли того, что им известно из обстоятельств, предшествовавших делу и сопровождавших его; они клятвенно утверждали только одно, заранее сформулированное положение, от скрепления которого присягой поставлено было в зависимость решение суда. Совсем не спрашивалось, могли ли свидетели или нет сделать еще какие-либо показания, которые помогли бы судье составить убеждение о праве или виновности сторон: это было неважно. Вся задача была в том, чтобы решать дело сообразно обычаям, чтобы решить: 1) которая сторона обязана будет представить доказательства и 2) принесена ли присяга как следует, с положенным числом соприсяжников.

Свидетели поэтому приглашались только тогда, когда приговор был уже произнесен. А выигрывало дело, если он присягнул в том-то, со столькими-то (обыкновенно двенадцать) соприсяжниками – вот постановление суда.

Соприсяжниками (*conjuratores*) бывали обыкновенно родичи обвиняемого; если же, по их мнению, клятву в его невинности нельзя было произнести, они старались удержать его даже от начала процесса.

С первого взгляда можно подумать, что такая процедура процесса не давала возможности оправдать правого человека, но необходимо помнить,

что клятва считалась у древних германцев делом священным, и, кроме того, можно было отрицать приговор, произнесенный шеффеном, и тогда дело решалось поединком недовольного с шеффеном. Форма вызова состояла в том, что лицо, проигравшее процесс, но не желающее подчиниться несправедливому решению, втыкало в землю у двери дома шеффена обнаженный меч. Таким образом, судья, пришедший для исполнения приговора, увидев этот вызов, возвращался назад и должен был назначить поле.

Так решались у германцев дела о собственности, об увечьях, о ранах, словесных оскорблениях, насильственных действиях и так далее. Наказания, назначаемые в суде, в большинстве случаев ограничивались денежной пеней. Свободный человек был почти избавлен от телесного наказания, которое применялось в очень редких случаях. Вследствие того, что назначалась пеня как наказание за большую часть преступлений и поступков, впоследствии у англосаксов мы встречаем целые тарифы за увечья. Особенно любопытны штрафы Кентского графства. Так, например, за простое побои там назначалась пеня в 12 шиллингов, за побои, от которых пострадавший получал глухоту, — 18 шиллингов, за оторванное ухо — 20 шиллингов и тому подобное (подобного же рода примеры мы часто встречаем и в древнерусском праве).

Часть этих штрафных, «мировых» денег шла в пользу короля; если же его не было, то «мировые» деньги обыкновенно пропивались: устраивали пир, часто подававший повод к новым дракам, новым увечьям и новым пеням. Только измена, трусость и противоестественные пороки, по словам Тацита, наказывались смертью.⁽¹⁵⁾

Этими описаниями мы должны ограничиться при освещении государственного быта древнегерманских племен.

СЕМЕЙНЫЙ И РЕЛИГИОЗНЫЙ БЫТ

Когда отдельные роды древнегерманских племен прочно уселись на своих местах, когда соединились в общинные союзы, тогда начали устраиваться и сплошные поселения — села, деревни. Устройство жилищ у древних германцев было первобытное и незатейливое. Стены домов строились частью из дерева, частью из плетня, обмазанного глиной, покрывались тесом или соломой; отверстие для пропуска дневного света и для выхода дыма было одно и то же.

Жилища были просты и рассчитаны на удовлетворение только самых насущных потребностей. Позднее стали устраивать подклет — *Tung* (русское — скрыня), которая помещалась внизу под землей и для поддержки тепла зимой покрывалась соломой (*Germ.*, 16). Хлевы для скота строили обыкновенно рядом с жилищем, иногда даже под одной крышей. Германцы не имели городов, а жили селами и редко только отдельными дворами (*Germ.*, 16). Входить в подробности описания жилищ германцев мы,

⁽¹⁵⁾ *Germ.*, 12.

впрочем, не имеем в виду, а хотим здесь обратить внимание на характерные черты их домашней жизни, к числу которых принадлежит прежде всего положение женщины.

Тацит главным образом в XVIII и XIX главах «Германии» дает нам подробные указания для решения этого вопроса. Он говорит тут о положении женщины в семье, описывает обряд заключения брака, упоминает о приданом, которое, по его словам, вопреки римскому обычаю, приносит не невеста жениху, а жених невесте («dotem non uxori marito, sed uxori maritus offert» – Germ., 18).

Некоторые факты, как уже указано нами раньше, идеализированы Тацитом из желания представить более яркую противоположность между нравственно чистыми и простыми обычаями варваров и испорченными нравами римлян, хотя это несколько не мешает нам пользоваться известиями Тацита как достоверными. Формальная, фактическая, обрядовая сторона обычая у него описана почти всегда верно, только объяснения тенденциозны. Приданое, приносимое женихом невесте, продолжает римский историк, состояло не из туалетных принадлежностей, нравящихся женщинам, и не из нарядов: жених предлагал пару волов, лошадь со сбруей, щит, меч и фрамею. И эти подарки, по мнению Тацита, обозначают, что мужу и жене должно жить одной жизнью, умереть одной смертью, что жена должна иметь свою долю в работе и обязанностях, которым подвергается муж.⁽¹⁶⁾

Объяснение Тацита, конечно, тенденциозное. Гораздо вернее будет предположить, что пара волов, лошадь и оружие представляли не что иное, как покупную цену невесты – вено. В древности, как известно, монет не существовало и меновой ценностью служил скот. Легко может быть, что покупная цена, выплачиваемая женихом родителям невесты, впоследствии возвращалась ими в дом новобрачной, что и подало Тациту повод называть это приданым (*dos* – дар); во всяком случае, первоначальный смысл этих даров был именно такой. Покупная цена за невесту существовала не только у германцев, но у всех первоначальных народов. Браку предшествовала «покупка» жены. Плата производилась известным числом лошадей и коров, как и при всех других покупках. Но эта «покупка» отличалась от других тем, что цена ее определялась не спросом и предложением, а обычаем; обычай требовал, чтобы уплачена была женихом вира за будто бы похищенную девицу (вено), а размер виры зависел от сословия, к которому она принадлежала.

Невеста также дарит жениху что-нибудь из оружия, и это означает, по мнению Тацита (высказанному в только что читанном отрывке), символическое заключение связи на всю жизнь. Объяснение опять-таки идеализированное и тенденциозное. В сущности, это оружие, по большей

(16) «hoc maximum vinculum, haec arcana sacra, hos coniugales deos arbitrantur. ne se mulier extra virtutum cogitationes extraque bellorum casus putet, ipsis incipientis matrimonii auspiciis admonetur venire se laborum periculorumque sociam, idem in pace, idem in proelio passuram ausuramque hoc data anna denuntiant. sic vivendum, sic pereundum: accipere se quae liberis inviolata ac digna reddat, quae nurus accipiant rursusque ad nepotes referantur» – Germ., 18.

части меч, вручает жениху не сама невеста, а ее отец или старший родич, вообще тот, кто имеет над ней власть, право опеки (*mundium*); подобно тому как вручение копья королю означало передачу верховной власти избранному лицу народом, так эта передача невестой оружия жениху означала передачу власти над ней ее будущему мужу.

Простолюдины имели обыкновенно одну жену, князья и знатные имели их иногда несколько. У некоторых племен после смерти мужа; жена уже не могла выходить замуж во второй раз; у греков, например, вдовы даже вешались при гробе мужа. Неверность жене или нецеломудрие свободной девушки наказывалось жестоким образом, но равным образом и насилие, совершенное над свободной девушкой мужчиной. Так, один закон позднейшего времени определяет, что такому мужчине должен быть вбит в сердце дубовый кол и что изнасилованная девушка должна сама при этой мученической казни нанести три первых удара.

Строгому наказанию подлежал даже тот, кто непристойно и грубо касался груди и волос свободнорожденной женщины.

Но Тацит, хотя и идеализировал вообще быт германцев, не скрыл, однако, другую, менее идеальную сторону их семейной жизни.

На женщине, говорит он, лежит главная тяжесть полевых и домашних работ; мужья предпочитают вести праздную и веселую жизнь, проводить время на охоте, в играх, пирях и попойках, на которых они в огромном количестве уничтожают свой любимый напиток — пиво, которое они, по выражению Тацита, «портят» из ячменя («*Potui humor ex hordeo aut frumento, in quamdam similitudinem vini corruptus*» — Germ., 23).

Судя по некоторым указаниям Тацита и других, можно подумать, что женщина принимала известное участие в делах войны. Так, Тацит говорит в VIII главе «Германии», как нередко отступающие, сломленные врагом войска снова обретали храбрость благодаря мужеству и энергии женщин. Также Дион Кассий рассказывает, что во время нападения германцев на Рецию при императоре Марке Аврелии на поле сражения между трупами найдены были тела вооруженных женщин («Римская история», кн. 31, гл. 3, 2–4). Флавий Вописк в биографии Аврелиана говорит о десяти вооруженных и переодетых в мужское платье девушках, взятых в плен во время битвы. К такому же разряду примеров принадлежит упоминания у *Saxo Grammaticus*.

Но все это указания частного характера, и они не дают нам права выводить общее заключение. Сам Тацит не упоминает о деятельном участии женщины в битве; он говорит только (в VII главе), что жены и даже дети следовали обыкновенно за мужьями и отцами во время походов, находились вблизи сражающихся, поощряли их своими криками, перевязывали раны, приносили пищу и питье. В этом нет ничего удивительного: не только древние германцы, но и все первобытные народы, отправляясь в поход, брали с собой семью и весь домашний скарб; все это перевозилось на больших телегах, из которых составлялось нечто вроде обоза (*Wagenburg*), следовавшего на некотором расстоянии от войска.

В этом «вагенбурге» и находились жены, матери, сестры и дети воинов, занятые обыкновенно исполнением обязанностей маркитанток и сестер милосердия, и своей энергией они часто поддерживали ослабевший

воинский дух мужчин. Иногда случалось, что они с помощью сторожевых собак, всегда их сопровождавших, выдерживали нападения врагов. Вообще женщина пользовалась у германцев уважением (Germ., 7, 8, 18, 20).

Скажем теперь несколько слов о положении детей у германцев. Мальчик считается малолетним до 12–13 лет. Когда он достигал этого возраста, его приводили в общее собрание и торжественно вручали ему копье (фрамею). Этим обрядом (*Werhaftmachung*) его признавали способным носить оружие: юноша, получая возможность сам защищать свое право в суде, мог участвовать в военном ополчении, платить виру и получать часть ее, если убивали члена его рода; мог жениться и быть попечителем (*Vormund*) другого. Но фактически после этого признания совершеннолетия он, разумеется, еще не мог пользоваться всеми правами и вполне распоряжаться собой. Такие юноши часто отдавались под защиту (*Mund*) какого-нибудь взрослого и значительного лица, которому служили как оруженосцы, чтобы приучиться к военному делу и выказать свою храбрость. Эта школа, которую юноше надо было пройти для достижения полноправия, иногда была весьма тяжела; очень часто с неопитом обращались весьма сурово. Так, у герулов он должен был сражаться без оборонительного оружия – щита до тех пор, пока не докажет вполне своей храбрости. У хаттов юноши не могли стричь волосы на голове, не брили бороды и носили железное кольцо на руке до тех пор, пока не убьют неприятеля (Germ., 31). Когда юноша достаточно доказал свою храбрость, ему вручали щит, и тогда он отпускался со службы и становился полноправным членом государства.

Признания полной зрелости можно было достичь не только на войне, но и выказав свою храбрость на охоте.

Часто бывало, что уже в том самом собрании, в котором заявлялось совершеннолетие или, лучше, выход юноши из детского возраста, полагалось вместе с тем основание для службы его у другого лица в виде оруженосца. Именно обычай допускал, чтобы при *Werhaftmachung* не сам отец давал оружие сыну, а поручал исполнение этого обряда другому. Тогда этот акт представлял собой не только *emancipatio*, но и *adoptio*. Юноша выходил из под власти отца и вступал «под руку» того, кто совершал над ним обряд. В обряде *Werhaftmachung* имеет, по мнению некоторых ученых, свой зародыш рыцарский обряд посвящения, и это справедливо. Следует только заметить, что, может быть, обряд ударения мечом (*ritterochlad*) при посвящении в рыцари скорее соответствует второму вручению оружия, в частности щита, о котором было говорено выше.

Упомянем еще о погребальных обрядах германских и затем изложим в самых общих чертах их народные верования. Способ погребения у германцев был двоякий: они или сжигали трупы умерших, или предавали их земле. Нельзя сказать, чтобы распространение того или другого можно было различить хронологически или этнографически. Раскопки доказывают, что они существовали безразлично и одновременно у разных племен, так как часто в большом кургане находился и пепел в сосуде, и остов погребенного человека. Покойник предавался погребению в своей одежде; если позволяли семейные средства, с умершим погребалось и

сжигалось оружие и различная домашняя утварь. В могилах, которые раскрывают теперь во множестве, часто находят на ногах, на руках, на пальцах и на шее остовов кольца золотые или бронзовые, медные или железные; подле них обыкновенно лежали пряжки, пояса и другие украшения, стекло, янтарь, глиняные и костяные изделия. Отсюда видно, что слова Тацита о погребальных обрядах, а особенно об отсутствии в них всякой пышности (*funerum nulla ambitio* – Germ., 27), о том, что германцы не кладут на костер ни дорогих материй, ни благовоний, не совсем точны. Напротив, при сожжении костер украшали оружием и платьем умершего, об этом, впрочем, как бы в противоречие себе же, упоминает и Тацит (там же – Germ., 27), убивали при костре его коня, его охотничью птицу – ястреба, а иногда и еще какую-нибудь певчую птицу. Наконец, умерщвляла себя иногда и жена, которая хотела следовать за мужем в царство мертвых, или его любимый слуга. Так, например, в Эдде рассказывается, что когда умерла Брунгильда, то вместе с ней были сожжены тринадцать ее служанок и один слуга.¹⁵ У греческого писателя Прокопия есть также указания на факты подобного рода (*Procopii. De bello gothico. VI (II). 14, 25*).

Этот обычай, кажущийся нам верхом жестокости, был связан с суровой религией германцев, краткий очерк главных оснований которой мы теперь и сделаем в заключение нашего обозрения главных сторон быта будущих разрушителей Римской империи. Да и нужно сказать, что вопрос этот далеко еще не хорошо и достоверно исследован, так что трудно было бы изложить его вполне основательно. Обращаясь к свидетельству Тацита, мы видим, что он называет германских богов теми же римскими, латинизированными именами, которыми Цезарь называл богов галльских. «*Deorum maxime Mercurium colunt, cui certis diebus humanis quoque hostiis litare fas habent*», – говорит римский историк Тацит (Germ., 9).

Под этим Меркурием мы, по всей вероятности, должны разуметь особенно почитавшегося у многих германских племен саксов, данов – Одина или Водана (*Wuotan, Wodan*). Замещение это может быть выведено посредством смещения германских названий дней недели с латинскими. В IV веке германцы приняли от своих соседей кельтов обычай называть дни недели по именам богов, подставив, конечно, на место кельтских имена своих собственных соответствующих божеств. Таким образом, в сохранившемся до нашего времени английском названии среды – *Wednesday* – мы ясно можем видеть следы имени Одина. В датском языке сходство сохранилось еще яснее: среда называется у них *Onsdag* – очевидно сокращение из *Odinedag*. Имя Одина было поставлено на место римского Меркурия (*dies Mercurii*), уже усвоенного кельтами, имя которого сохранилось во французском названии – *Mercredi*.

Тени умерших, в сопровождении которых Один, бог грозных сил природы, бури и молнии, представлялся воображению германцев, дали повод приравнять его к Гермесу, Меркурию, провожавшему, как известно, в подземный мир тени умерших. Другой бог, упоминаемый Тацитом, – Марс («*Martem concessis animalibus placant*» – Germ., 9) – может быть приравнен к германскому *Ziu* или *Thio*, преимущественно почитавшему-

ся у севов-хаттов, которые сами прежде назывались *Ziuvari*, то есть служители, поклонники *Ziu*. Следы этого мы можем видеть в английском названии вторника – *Thursday*, англосаксонском *Tivesday*, швабском и баварском *Zisdag*, немецком *Dienstag* (это слово очевидно и происходит от *Dienst* – служба).

Третий бог, составлявший вместе с двумя первыми германскую трицу, *Тор* (*Thor*, *Tyr*) – бог грома, сопоставленный у Тацита с Геркулесом, вероятно по сходству атрибутов, приписывавшихся одинаково германскому богу и греко-римскому герою палицы и молота. И его имя сохраняется в английском названии четверга *Thursday*, саксонском *Torsday*, немецком *Donnerstag*. Из женских божеств упомянем Фрею (Фрейя, Фрия), имя которой донныне сохранилось в английском *Friday*, в датском *Freitag* и в немецком *Freitag* (названия пятницы).

Остальные божества не представляют особенной важности и интереса. Гораздо большее значение для определения степени культуры германцев имеет упоминание о человеческих жертвах, приносимых этим богам, и особенно Одину.

Германская религия имела по преимуществу характер мрачный, суровый, не смягчаемый даже культом более мягким светлых богинь, подобных галльским *dames blanches*. Божества германцев являются кровожадными, жестокими, силой требовавшей для поклонения ей человеческих жертв. Эти жертвоприношения ставят обыкновенно в особенно резкий упрек германской религии, которую даже называют «религией крови». Упрек, впрочем, совсем бесосновательный. Человеческие жертвы составляли общее явление в первобытных религиозных культах всех народов арийского корня. Разница состоит только в том, что у других народов под влиянием изначально более мягкого характера обряда или иных общественных условий жертвы эти исчезают гораздо раньше, чем у германцев, которые сохраняли сей кровавый обычай довольно долгое время. Мы имеем сведения, что даже в VII веке германцы, уже принявшие христианство, продавали своим соседям, еще язычникам, рабов для жертвы. Об этом обычае упоминает св. Бонифаций (*Bonifacius*), апостол Германии. Саксы, которые в V веке опустошили набегами северное побережье Галлии и вторглись глубоко внутрь страны, после победы приносили своим богам в жертву каждого десятого пленника.

В большинстве случаев жертвой служили рабы и военнопленные, но иногда свободные люди и даже царские сыновья. В одном памятнике с острова Готланд говорится, что весьма долго сохранялся обычай приносить в жертву сыновей и дочерей.

Римляне оставили нам ужасающие описания этих жертвоприношений у кимвров и тевтонов, где исполнителями кровавого обряда являлись престарелые женщины. В белых одеждах, перехваченных металлическими, обыкновенно железными поясами, с распущенными по плечам редкими прядями седых волос, с босыми ногами, женщины подводили жертву к громадному металлическому котлу, который считался великой народной святыней. Одна из них всходила по лестнице, поднятой высоко вверх над краем котла на скамью, наклоняла голову несчастной жертвы и рассекала горло обреченному на ужасную смерть. Вытекающая быст-

рой струей из раны кровь служила средством для гадания о будущем.¹⁶

Суровым чертам древнегерманской религии в известной степени соответствовали и суровые нравы, с которыми мы и познакомились раньше. Все это важно при изложении истории столкновения варварского мира с миром римским.

Свести сразу к немногим общим началам все хорошие и дурные черты быта германцев довольно трудно. Мы постарались в своем изложении осветить основные точки зрения, с которых должен рассматриваться вопрос о социальном и государственном строе германцев, и пока должны ограничиться сказанным; но нам придется вернуться еще раз к этим вопросам, когда мы будем говорить о взаимодействии двух миров: варварского и римского; когда они придут в соприкосновение, тогда мы ближе познакомимся с чертами их уже изменившегося быта из описания Григория Турского и других источников. Но не следует упускать из виду, какой является нам Германия у Тацита, как изображается характер и жизнь ее населения в описании даровитого историка древности.

Многое пока еще не развито в быте племен, многое еще сурово и дико, но кое-что уже смягчено, явились первоначальные, своеобразные формы социального организма, которые, как известно, нелегко даются каждому первобытному народу, переживающему долгие и темные годы своего младенчества, но которые уже сулят ему прочное и жизненное будущее и изучение которых чрезвычайно важно для познания социологических законов вообще и для понимания быта других народов в частности.

II. БОРЬБА ДВУХ МИРОВ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

МАРКОМАННСКАЯ ВОЙНА

Познакомившись в главнейших чертах с германцами и их бытом, нравами и строем жизни, перенесемся опять на римскую почву, проследим в ее главнейших моментах историю столкновений, которые должны были окончиться роковым смертельным ударом, уничтожившим последнюю искру жизни в умирающем теле так недавно еще всемогущей всемирной империи.

Не будем говорить о многочисленных, мелких, однообразных и утомительных подробностях первоначальной борьбы римлян с германцами до Августа, во время его царствования и вскоре после, а остановим наш взгляд только на том периоде борьбы, который начинается со времени Марка Аврелия и открывается первым после Тевтбургской катастрофы¹ видимым событием в отношениях римлян с германцами.

Европейскую границу Римской империи составляли реки Рейн и Дунай. На этой границе для защиты территории империи от нападений германских варваров была расположена огромная армия, состоявшая из войск регулярных (легионов) и иррегулярных (союзников) численностью в 100 000 человек и разделенная на два корпуса – южный и северный. Майнц (*Mogontiacum*) был главной квартирой верхнерейнского корпуса, *Castra Vetera* – главной квартирой корпуса нижнерейнского. После того как проведен был знаменитый пограничный вал от Кельгейма (*Keklheim*) близ *Castra Regina* (ныне *Regensburg* на Дунае) до Кобленца на Рейне на границе оставлено было 50 000 войска. Укрепления по этой линии начаты были, как вы помните, еще при Друзе и Тиберии. Траян² в 97–992 годах приказал насыпать громадный вал, который был дополняем и укрепляем его приемниками и отчасти сохранился в развалинах до наших дней. На протяжении 70 немецких миль (490 верст) извилистой ломаной линией тянулся он от Рейна до Дуная. Римляне называли его *limes, palus, vallum*; от *palus* явилось германское *Pfahl*, сохранившееся в именах многих городов и местечек (*Pfahlbrome, Pfahlheim, Pfaheheim, Pfahldoef*); весь вал у позднейших германцев носил название *Pfahlgraben*, или просто *Pfahl*, или *Tenfbelsmaner* (Чертова стена).

Восточную половину вала составляла римская военная дорога, на несколько футов возвышающаяся над остальной поверхностью и защищенная сторожевыми башнями, расположенными на небольшом расстоянии друг от друга. Западная половина, по Неккару, Майну и Рейну, представляла обширную земляную насыпь в 16 футов высоты; впереди вала был широкий ров, в промежутке, при подошве вала – стена или острог из крепкого тына заостренных сверху, вколотенных в землю бревен. Позади находились укрепленные сторожевые башни, по одной на каждую милю.³ Простираясь на такое большое расстояние, вал очевидно не пред-

ставлял непреодолимой преграды, не мог быть везде одинаково хорошо защищаем, и вообще служить преградой для вторжения варваров; но все-таки он служил для римлян весьма полезной сторожевой линией.

Римляне удерживали за собой вал до конца III века. Таким образом, в продолжение 200 лет ограждаемая им территория принадлежала к Римской империи, и до сих пор она наполнена остатками римской культуры. Население, жившее здесь, было вполне романизировано. Эта область, занимаемая ныне Вюртембергом и Баденом, в римское время называлась Десятинные поля (*Agri decumates* – см. Germ., 29).

Для нас важно не столько военное, сколько культурное значение римского пограничного вала и охранявшей его линии легионов. Римский легионер являлся носителем культуры (*Kulturträger*) в завоеванных странах в первые четыре столетия нашей эры; позднее эту миссию выполняли средневековые монашеские ордена. *Сапабае* – поселения при постоянных лагерях римских легионов – обращались в солдатские посады, большие торговые села и, наконец, в цветущие городские общины. Кроме того, приток колонистов, преимущественно состоявших из людей беспкойных, но вместе с тем и предприимчивых людей с капиталом и знаниями, наполнил пограничные местности при военных дорогах и внутри вала густым народонаселением. Бавария, Вюртемберг и Баден украсились римскими городами, селами, вилами. Течение рек было отрегулировано, болота осушались, леса прорезались дорогами и просеками, открывались каменоломни и рудники.

Бани, храмы, гостиницы, мастерские, театры свидетельствуют нам сейчас своими развалинами о былом процветании края; цирюльники, торговцы, писцы, ремесленники и ученые переносили на Рейн и Дунай удобства и наслаждения культурной жизни.

Кроме главных городов существовало еще множество мелких пунктов, и теперь остающихся свидетелями тогдашнего утонченного городского быта. Сохранившиеся памятники вводят нас в мир идей и чувств, которые некогда одушевляли здешнее население. Особенно интересными являются следы занесенного сюда с Востока культа бога Митры, обряды которого имеют много сходного с христианскими обрядами и который именно в силу нравственной чистоты своих догматов дольше всех других противостоял распространению нового учения. До сих пор еще существует много остатков алтарей и капелл с изображением Митры, свидетельствующих о значительном распространении восточного культа в этой местности.

Из Италии перенесено сюда возделывание культурных растений – садовых цветов, плодовых деревьев, виноградной лозы. Все это не оставалось, конечно, без влияния и на соседей – германцев, которые усваивали черты римского хозяйства, римскую утварь и домашние принадлежности. Римские купцы проникали внутрь Германии; точно так же, как и легионеры, они являлись там носителями греко-римской культуры. Но сами германцы не пользовались безусловным разрешением переходить через границы и поселяться навсегда или на время на римской территории: они пользовались этим правом только в отдельных местах и в определенное время. Только гермундуры составляли исключение, и им, пред-

почтительно перед всеми другими племенами, позволялось вступать даже в Augusta Vindelicorum (Аугсбург).

Иногда между соседями происходили легкие столкновения и ссоры; римляне делали частые, хотя недалекие походы на германскую почву, но крупных столкновений не было до известной Маркоманнской войны, которая нанесла первый удар дунайской границе и вместе с тем всей римской пограничной защите.

Маркоманнская война (167–180 гг.) была большим наступательным движением германских племен на Римскую империю. Название это, собственно говоря, неточно, так как, кроме маркоманнов, сидевших на Дунае, участвовали квады, жившие за маркоманнами в Богемии, Моравии и верхней Силезии, и другие многочисленные народы: гермундуры, буры, виктогалы, вандалы и даже племена не германские, например язиги — сарматское племя, кочевавшее в низменных равнинах Дуная и Тейссы.

Театром войны была нижняя Австрия, Штирия и верхняя и средняя Венгрия. От Регенсбурга до самого устья Дуная сторожевая римская линия была под угрозой многие годы со стороны варваров, осевших здесь в невиданном еще до тех пор количестве. Между ними не было твердого единства и постоянного союза; то один, то другой народ вступали в борьбу с Римом, а иногда и несколько племен заключали временный союз для действий против империи. Точно так же нередко случалось и наоборот, что часть варваров вступала в соглашение с Римом и боролась против своих прежних союзников и соотечественников. Так, например, язиги и буры, заключая мир с Марком Аврелием, поставили неприменным условием, чтобы Рим продолжал войну против квадов и маркоманнов. Вандавы-асдинги предлагали свой союз и готовность вести войну против других германцев, если римляне отведут им за то землю для поселений. Подобные факты случались нередко; это не была одна большая война, а ряд войн, которые находились только в фактической связи между собой. Один какой-нибудь народ нападал, война была удачна, и соседи, соблазненные успехом, предпринимали в свою очередь подобный же поход.

Маркоманнская война началась в 167 году нападением маркоманнов и квадов, которые вторглись на римскую территорию, осадили Аквилею и доходили почти до нынешней Венеции. Провинции Реция, Норик, Паннония, Иллирия страшно пострадали: при заключении мира было выдано врагам до 20 000 пленных римлян.

Сам Рим был в большой тревоге. Император Марк Аврелий собрал жрецов и гадателей, стали совершать таинственные обряды и умоляли богов жертвоприношениями. Ввиду опасности вооружили даже гладиаторов и рабов. Нападение было остановлено, враги отступили назад. Но борьба скоро вновь началась. Три года сряду, от 171 до 174 года, император провел на театре войны в стране квадов. Город Карнунт (несколько ниже нынешней Вены по Дунаю) был его главной квартирой. Во время зимних кампаний, на берегах Грана (приток Дуная), среди монотонных равнин Венгрии он писал свои знаменитые «Размышления».

В это время отдельные отряды врагов все прибывали и прибывали. 173 год (или 174 по другим источникам) особенно замечателен. Марк Аврелий и его войско, окруженное квадами в безводном месте верхней

Венгрии, к западу от река Гран, терпели страшный недостаток в воде. В минуту полного изнеможения войска вдруг поднялась буря, полил дождь, освежил и утолил жажду умирающих солдат. В одном и том же месте с неба проливалась вода и бушевал огонь: римлян освежала вода, а там, где были варвары, дождь только усиливал пламя. Римляне оживились и с новым ожесточением напали на квадов и выиграли битву, которая изменила ход целой войны.⁴ На основании этого события создались две легенды: языческая и христианская, на которые различные ученые совершенно напрасно опираются в некоторых своих выводах об отношении Марка Аврелия к христианству. Квады были окончательно разбиты. Вслед за ними стали просить мира и другие племена; о союзе и общем соглашении между ними не было и речи. Каждый вел переговоры сам за себя. Условия со стороны варваров были сходны, но, однако, в частности не одни и те же. Так, язиги выговорили себе позволение проходить через римскую провинцию Дакию чтобы вести переговоры с роксоланами (народом, жившим в нынешней Буковине). Правда, для этого они должны были просить разрешения у римского наместника провинции. В роксоланах некоторые ученые неправильно видят руссов; это были удалые конники, одетые в блестящие панцири, которые вели кочевой образ жизни; по характеру они совсем не похожи на славян, которые имели постоянные жилища и занимались земледелием. Одним из условий мира было разрешение варварам селиться вблизи северного берега Дуная, на пограничной с римлянами территории, но с различными ограничениями: жилища их должны были находиться на расстоянии 7 верст от берега, острова не должны быть заселены или занимаемы под поля и пастбища, судам не дозволялось плавать по Дунаю. Для торговли назначены были также определенные местности. Кроме того, многочисленные римские крепости и гарнизоны расположились на границе и внутри – на территории самих варваров.

Эти гарнизоны явились причиной возобновления войны. Квады, не желая выносить притеснений, попытались выселиться к семнонам (Semnones), путь их лежал по направлению к нынешней Праге, но были остановлены. Тогда они вместе с маркоманнами принесли жалобу императору, и, когда она осталась без последствий, вскоре, в 178 году возобновилась война. Марк Аврелий отправился на Дунай, боролся с успехом против различных племен, но в 180 году умер в пограничной крепости Виндобона (ныне Вена).

Сын его Коммод продолжал борьбу, но в то же время сумел склонить на свою сторону несколько племен и деньгами,⁵ и таким образом ему удалось в том же 180 г. заключить мир на прежних условиях, то есть на условиях 175 года, но с тем отличием, что римляне оставили свои укрепленные места в земле варваров, а маркоманны дали обещание не собирать общего веча больше одного раза в месяц и в определенном месте под надзором римских чиновников.⁶

Маркоманнская война послужила прелюдией того великого мирового события, которое положило конец существованию великой империи древнего мира, после которого выступают в качестве действующих лиц на расширяющуюся сцену всемирно исторической драмы новые германские

и романские, а позднее и славянские народы. Это событие обыкновенно называется Великим переселением народов.

Прежде чем приступить к изложению самой истории Великого переселения, укажем на главные пособия, из которых мы черпаем сведения. Первым назовем один труд бывшего военного, генерала Виетерсгейма; получив классическое образование, он занимался изучением этого интересного периода и, выйдя в отставку, издал результаты своих занятий. Заглавие его труда: *Wietersheim E. Geschichte der Völkerwanderung. Leipzig, 1859–1864*, всего четыре тома. Первые два тома, посвященные изложению судеб римской империи, написаны слабо и не имеют прямого отношения к нашему предмету. Но последние два составлены основательно и имеют большое значение.

Справедливая оценка известного научного значения труда Виетерсгейма побудила известного ученого Феликса Дана (*Dahn F.*), между прочим автора исторического романа «Борьба за Рим», переработать его, воспользоваться богатым материалом, заключенным в сочинении Виетерсгейма, и придать его труду вполне научную форму. Это, переделанное Даном, сочинение Виетерсгейма вышло в 1880 г. в двух томах и представляет чрезвычайно интересный исторический труд, обнимающий собой довольно значительный промежуток времени (*Wietersheim E., Dahn F. v. Geschichte der Völkerwanderung. Leipzig, 1880. Bd. 1–2*).

Потом укажем на труд Пальмана (*Pallman R.*) «*Die Geschichte der Völkerwanderung von der Gothenbekehrung bis zum Tode Alarichs*». *Gotha, 1861–1864. 2. Bd.* Сочинение это имеет более специальный интерес: автор преимущественно занимается готами. Первый том весь посвящен готам, второй – народам готской ветви (герулам и другие), явившимся в Италию с Одоакром. Труд самого Дана (*Dahn F.*) «*Ürgeschichte der germanischen und romanischen Völker*».⁷

Кроме названных сочинений можно указать еще на некоторые статьи, разбирающие этот вопрос, например на статью Платнера (*Platner C.*) «*Über die deutschen Völkerzuge zur Zeit Wanderung*» (*Forsch. Dt. Gesch.*)⁸

Указанием на эти пособия пока и ограничимся; более подробные указания на литературу мы будем иметь возможность делать ниже, по мере того, как будем излагать отдельные частные фазисы Великого переселения народов.

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ

Маркоманнская война была прологом начавшегося постоянного напора германцев на границы империи. Движение германцев на юг началось еще раньше, потом затихло на время, и Маркоманнская война представляет первый факт, свидетельствующий о возобновлении этого движения после долгого перерыва со времени Августа.⁹ Таким образом, эта война находится в связи с тем огромным движением германских племен, наводнявших в течении III и IV столетий пограничные провинции империи, а в V веке проникших, наконец, в самые отделенные углы ее и обра-

зовавших там новые государства, которое и называется Великим переселением народов. Поэтому нужно думать, что этот фазис переселения некоторых германских племен тесно связан с передвижениями других народов, живших к северу от маркоманнов, и Шафарик утверждает, что Маркоманнская война явилась следствием напора на эти племена народов славянских.¹⁰ Знаменитый славянский ученый опирается на известие не особенно выдающегося латинского писателя Юлия Капитолина в его биографии Марка Аврелия (сведений о Маркоманнской войне у нас вообще мало и они заимствованы из «*Scriptores historiae Augustae*»), который прямо говорит, что маркоманны и квады двинулись на римские границы только потому, что их теснили другие народы с севера. По мнению Шафарика, эти народы были славяне. Но он едва ли прав; он слишком широко понимает распространение славянского племени. Скорее напор готов, движение которых от Балтийского моря к Черному должно было начаться около 150 года, сказался в Маркоманнской войне. Это предположение делается тем более вероятным, потому что известно, что некоторые племена готской группы, например вандалы, причисляемые к готской семье на основании прямого свидетельства Прокопия, участвовали в войне. Вандалы явились с востока – это был передовой отряд готского движения, и, если предположить тут славянское движение, его несомненно нужно ставить на задний план и Маркоманнскую войну объяснить как отражение других передвижений, которые уже тогда совершались в странах более северных, в глубине тогдашнего варварского мира – то есть нынешней России и Польше. Действительно, несколько десятилетий спустя после этой войны мы уже замечаем постоянный напор германцев на римские границы. Так что историю Великого переселения народов отнюдь не следует начинать, как обыкновенно делают в общераспространенных учебниках, с 375 года и нашествия готов; первый период его начался гораздо раньше; оно открылось с начала III века, вскоре после Маркоманнской войны.

Для нас, конечно, важно сначала вдуматься в причины переселения – *Völkerwanderung*.

Прежде всего нужно заметить, что самое понятие «*Völkerwanderung*» может возбудить недоразумения: оно вызывает представления о каком-то блуждании, кочевании полудикого племени, но этого, конечно, быть не могло: германцы в описаниях Тацита являются народом оседлым и странствование или кочевание никак не могло представлять характерной черты германского быта.

Прежде ученые, например Ф. Гизо, объясняли германский «*Völkerwanderung*» отличительными чертами дружинного быта: удалые дружины, утверждали они, поднимались со своих мест, устремлялись в новые страны; по дороге увеличиваясь в числе, они образовывали целые дружины-народы и основывали новые государства. Теперь этот взгляд вполне опровергнут; у нас есть ясные доказательства, что дружины, во-первых, не были многочисленны, а во-вторых, не выходили из обычных рамок германской общественной жизни. С другой стороны, мы имеем верные указания на то, что целые германские племена, с женами и детьми, со всем домашним скарбом, со скотом, обозами и всем движимым имуществом

вом иногда вдруг подымались со своих мест и отправлялись в путь искать новых земель. Иногда отдельный народец (*civitas Völkerschaft*) при этом распадался, связь между его волостями (*Gau*) уничтожалась: одни из них оставались, другие подымались всем родом, забирали все имущество и уходили в новые места. Это было особенно свойственно, по мнению Платнера, вандалам.

Таким образом, в только что описанном явлении мы наблюдаем весьма своеобразное противоречие: с одной стороны, видим, что племя живет оседло на определенных местах, с определенными занятиями, в постоянных жилищах и с известной организацией; с другой стороны, замечаем, что временами все племя подымается и стремится вперед, неизвестно куда, отыскивая новое отечество. Как же объяснить это с первого взгляда непонятное явление?

Для этого обратимся к теории Дана, которая сначала может показаться парадоксальной, но на самом деле прекрасно объясняет сущность вопроса. Она изложена в обширной статье в его сборнике «*Bausteine gesammelte Kleine Schriften*» (Berlin, 1879), а потом повторена во введении к переработанному изданию труда Виетерсгейма.

Великое переселение народов, думает Дан, есть последний шаг, заключение старого развития, последнее колебание волны в движении, продолжавшемся столетия. Не в Европе началось оно, а в Азии. Большое выселение германцев из Центральной Азии через Кавказ и вверх по Дунаю временно и на несколько поколений приостановилось после того, как оно уперлось на юге при Дунае и на западе при Рейне в железную стену римского могущества. Пока плотина оставалась крепкой и не подгнила внутри, она исполняла свою службу и дикий поток был неподвижен. Но как скоро сила сопротивления ослабела — и не столько вследствие внешнего напора, сколько вследствие внутренней порчи, волны опять пришли в движение, затопили преграды, проникли внутрь империи, и понадобилось триста лет, чтобы все снова пришло в порядок.

Ф. Дан утверждает, что одновременно с начавшимся упадком внутри Римской империи начала действовать и другая причина внутри германских племен, теснившихся у пограничного вала между Дунаем и Рейном: именно, в промежуток времени, занятый остановкой движения германцев на римских границах, совершился в их среде переход к преобладанию земледельческой жизни, к оседлому земледелию. Все арийские народы еще в незапамятные времена, когда они еще жили вместе в средней и северной Азии, достигли сообща известной степени культуры. Они жили преимущественно скотоводством и охотой, хотя им уже были известны зачатки поверхностного, первобытного, безыскусственного и непостоянного земледелия.

После истощения своих пастбищ или истребления дичи на тех пространствах, где они останавливались, они легко меняли жилища. Без сожаления и без горести они расставались с поселениями и с полями, на обработку которых не было потрачено большого труда; собирали они своих жен и детей, небольшой домашний скарб, пожалуй, и самые легкие деревянные хижины или палатки из дубленых кож, помещая все это на широкие телеги, запряженные волами, и отправляли их вперед, куда

глаза глядят, по направлению, которое указывалось полетом птиц либо небесными знаками или же определялось необходимостью отступления перед следующим по пятам более сильным соседом. Так в продолжение столетий, без определенной цели, от одной речной области к другой, с одного пастбища к другому двигались германцы, только в целом и постепенно все более и более теснимые на запад; обратное движение было закрыто надвигающимися с востока массами других племен (готов, славян и монголов).

Германцы остановились перед преградой римских укреплений и легионов, пока еще непреодолимых. И в этот-то промежуток времени, когда римляне впервые познакомились с ними и когда главнейшие черты их строя нашли себе мастерские описания в сочинениях Цезаря и Тацита, совершился в их быте переход от первобытного земледелия к оседлому, и немедленно после этого обнаружился необыкновенно сильный прирост населения. Дан утверждает, что эти два явления – переход к оседлому быту и быстрое увеличение населения – тесно связаны природой как причина и следствие и составляют естественный закон. Он говорит об этом вполне определенно, но любопытно было бы проверить этот закон на примере других народов.

Успехи земледелия, продолжает Дан развивать свою теорию, не могли идти параллельно с увеличением населения; плодов еще было слишком мало для того, чтобы прокормить молодые многочисленные поколения, и различные указания некоторых писателей того времени (например, Иордана) на голод имеют полное основание. Вопрос о том, как плодородная земля, которая прокармливает теперь гораздо большее количество людей, не могла тогда дать средства к жизни для сравнительно меньшего количества народа, Дан ставит в связь с объяснением тогдашнего хозяйства, тогдашней обработки земли. Каждому племени нужно было очень много земли, причем значительная часть не обрабатывалась совсем – это широкая пограничная полоса марки, покрытая лесом или пустырями, другая же, менее значительная, также не засеивалась, а занята была общинной землей (*Allmende*) – выгонами, лугами и пастбищами; и только сравнительно незначительная доля земли, розданная отдельным лицам (Дан признает отдельную личную собственность пахотной земли), засеивалась хлебом. Обрабатывать землю не умели так, чтобы плодородие ее усиливалось, между тем число членов семейств росло и стал чувствоваться недостаток в земле.

Сначала можно было пополнять этот недостаток расчисткой части леса и осушением болот, но это дело при первобытном состоянии обработки подвигалось вперед трудно и медленно и тянется очень долго. В Германии это длится в течение всех Средних веков и деятельно применяется позднее монахами и нижегерманскими колонистами. Также можно было отрезать части от общинной земли и тем самым увеличивать наделы частных лиц, но тогда являлось другое затруднение – постоянно происходили столкновения желаний отдельных лиц на землю с правами на нее всей общины.

Таким образом, Дан приходит к окончательному выводу, что в те времена при переходе германцев к оседлому земледелию, вместе с которым

обнаружился сильный прирост населения, за которым успехи земледелия не могли поспевать, очень легко мог сказаться недостаток в земле и появиться первые признаки голода – и это-то последнее и было главной движущей силой, поднявшей германцев с насиженных уже отчасти мест и заставившей их двигаться опять бурной волной на юг и на запад.

Мнение Дана нужно признать глубоко верным, оно в большинстве случаев подтверждается частыми упоминаниями писателей о том, что германцы постоянно просили римлян выделить им участки на римской территории, на которых они могли бы поселиться, причем готовы были нести весьма значительные повинности. Нужно только сделать оговорку относительно неверного взгляда Дана на господство частной поземельной собственности у германских племен; впрочем, это ошибочное мнение в данном случае неважно, оно не нарушает правильности теории. Недостаточность наделов при увеличении населения, которую Дан объясняет бесконечным дроблением участков, могла почувствоваться и при общинном землевладении, особенно если оно не сопровождалось периодическими переделами общинной земли. Новгородцы колонизировали север России при общинном землевладении¹ и так же положено было начало распространению русского племени в Сибири. Вот в чем состоит, по мнению Дана, к которому мы охотно присоединяемся, главная причина Великого переселения. Дан не отвергает и другой причины, часто выставлявшейся историками как главная, именно напора других племен и между ними славянских с Востока, который и заставил ушедшие было в Средней Европе племена обрушиться на Римскую империю. Это явление, несомненно, существовало и все места, очищенные германцами, ушедшими на юг, занимали другие племена, напиравшие на них с северо-востока. Так, когда снялись с места племена, населявшие первоначально пространство между Вислой и Эльбой, эти очищенные земли в VII и VIII веках оказываются уже занятыми славянами. Это обстоятельство имело то значение, что лишало возможности германцев вернуться назад и оставляло единственный путь – прорвать плотину римских пограничных укреплений.

Грозно потрясая оружием, теснились германцы на римских границах; уstraшенные голодом, они сначала просили мирным путем у римлян дать им земли или готовы были теперь силой завоевать новую территорию. Долго с железной силой удерживали их римские легионы, но разлагалось римское государство; в конце концов потеряли энергию ослабевшие легионы, прорвана была линия укреплений и толпы варваров наводнили римскую территорию.

Вот каковы были причины и характер Великого переселения народов.

Движение охватило первоначально только те племена, которые жили к востоку от Эльбы. Оно увело их сначала недалеко от прежней родины – в соседние прикарпатские и придунайские страны. Оторвавшись от своего отечества, некоторые из племенных колен, правда, метались туда-сюда в беспокойстве целые два столетия и разбились на множество мелких обрывков. Некоторые совсем исчезли, например герулы, скиры, другие снова сплотившись под начальством даровитых вождей в крепкое ядро нового народа – вестготы, остготы, вандалы. Совершенно неправильно

представление, основанное на аналогии с судьбами этих народов, об общем беспокойном передвижении всех германских племен в течение веков. Даже не все племена, жившие на востоке от Эльбы, испытали подобную готам судьбу: аллеманны, маркоманны, гепиды и бургунды двигались в более тесном кругу и с большей усидчивостью на одном месте. Но, во всяком случае, это было действительно переселение народов, движение, которое существенно отличается от прежних, происходивших во времена Цезаря и позднее, когда только части, обломки племен уходили из старых жилищ искать нового отечества. Так, мы знаем, что лангобарды во время голода разделялись обыкновенно на три части и бросали жребий, которой трети оставить землю и идти на новое место. Подобное явление встречаем мы и у других племен — кельтов и греко-италиков в первобытный культурный период. Такие движения бывали у германцев, живших к западу от Эльбы, но масса населения оставалась здесь на месте и земли оставались немецкими. Напротив, переселение III и IV веков отлично тем, что здесь поднималась с мест целая масса населения, земли между Эльбой и Вислой были очищены германцами и их места, как сказано, заняты славянами, и все это совершалось вследствие двух главных раньше уже очерченных причин: перехода племен к оседлому земледелию и все продолжающегося напора других племен с северо-востока.⁽¹⁷⁾

Движение, начавшееся в области между реками Вислой и Эльбой, совершалось в двух направлениях.

1. Аллеманны шли на юг и запад; за ними следовали бургунды, франки и в V веке вандалы.

2. Готы — на юг и юго-восток; за ними герулы, гепиды, лангобарды.

Обратимся теперь к описанию частных подробностей истории этих двух движений, составивших первый период Великого переселения народов.

Первое движение

Имя аллеманнов в первый раз делается известным в 213 году, когда император Каракалла боролся с ними на верхнем Майне. По новейшим исследованиям, племя это тождественно с семнонами Тацита, которые на своем прежнем местожительстве, в марке Брандебургской, последний раз упоминаются в 180 году, квады тогда хотели найти у них убежище. Затем имя их исчезает и вместо него появляется имя прежде неизвестного народа аллеманнов, живущих в весьма близком соседстве к югу от прежней территории семнонов и в состоянии беспокойного движения. Этим же предположением можно объяснить и само данное им имя — *Alahmannen* — «люди святилища» *Alahheilig*, так как, по указанию Тацита, у семнонов был особенный храм — центр национальной жизни (Germ., 39). Но Бахманн (*Bachmann. Forsch zur Deutsch. Gesch. XV,*

⁽¹⁷⁾ См.: *Wendt*. «Die Nationalität der Bevölkerung der deutschen Ostmarken», 1878; *Platner C.* «Die Spuren deutschen Bevölkerung zur Zeit der Slavischen Herrschaft» (*Forschungen zur Deutschen Geschichte. Bd. 17. 1876*).

1876) говорит, что ни у одного из германских племен *Alahheilig* не значит «священная роща», а что название «аламанны», «алеманны», «Аллемаппен» есть общее название, так могли именоваться люди всех племен.¹¹ Объяснение, которое дал Бахманн, на самом деле очень древнее; оно встречается у одного византийского писателя – Агафия, со ссылкой на латинского писателя Азиния Квадрата.¹² Но ни то ни другое объяснение не колеблет теории, отождествляющей аллеманнов с семнонами Тацита. Сами же себя они называли племенем *Suabi* и являются, таким образом, предками нынешних швабов. Теперешний обычай отличать аллеманнов Бадена, Эльзаса и восточной Швейцарии от швабов Вюртемберга и Баварии совершенно произволен и не имеет никакого историко-этнографического основания. Итак, аллеманны – те же семноны, только продвинувшиеся несколько на юг; они распадались на десять-двадцать маленких народцев, которые действовали по большей части врозь, часто ссорились и боролись между собой.

Особенно страшными для римлян они стали в первой половине III века: аллеманны прорвались через римский пограничный вал, завладели *agri decumates* (правый берег Рейна), много раз вторгались опустошительными набегами в Галлию и Италию. Император Аврелиан отбросил их; они были побеждены Пробом,¹³ однако при этом удержали за собой *limes*. В 250 году аллеманны проникают до самой Италии, но римляне успели тогда удержать и обуздать их. В 270 г. они переправились через Рейн, прошли Рецию, перевалили через Альпы и ограбили Верхнюю Италию. Император Аврелиан приобрел борьбой против них большую славу и даже титул восстановителя империи («*Restitutor orbis*»); но после его смерти аллеманны возобновили свое нападение, направляя его уже на запад. Пограничный вал был прорван, Десятинные поля захвачены и наводнены варварами. Аллеманны перешли Рейн, вторглись в Галлию и взяли 70 городов. Энергичный император Проб выгнал их оттуда, отнял захваченные города, освободил Десятинный край и восстановил прежнюю границу.

Но это было последнее усилие падающего Рима. Вскоре после смерти Проба (282 год) аллеманны прочно утвердились в *Agri decumates*. Граница между римским и германским миром составлял теперь Рейн от Майнца до Баденского озера. Прежние крепости к югу от вала, которые были заброшены, пока вал мог служить защитой, теперь снова были восстановлены.

В старые обиталища аллеманнов на верхнем Майне теперь выдвинулись бургунды, которые и прежде были восточными соседями семнонов (они жили на Одере и Висле); и почти в то же время они двинулись по Майну на юг. В IV веке римский вал служил уже границей аллеманнов с бургундами, которые часто ссорились между собой из-за соленых ключей при нынешнем Киссенгене.¹⁴ Рим, конечно, обращал эти ссоры в свою пользу и соединялся с соседями своих врагов, чтобы одновременно вести войну.

Во время борьбы Констанция и Магненция аллеманны перешли Рейн, опустошили Галлию вдоль и поперек и заняли пространство на левом берегу Рейна (около 60 верст в ширину), то есть Эльзас, область реки Мо-

зеля и Пфальц. Когда явился со своими войсками знаменитый Юлиан Отступник, в 357 году произошло известное сражение при Аргенторате (Страсбург), подробно описанное Аммианом Марцеллином (*Regum gestarum*. XVI. 12, 27–38, 42 и далее).¹⁵ Аллеманны были изгнаны из Галлии, но перевес римлян был недолговременным. Несмотря на поражение, нанесенные им в предыдущие годы и в последнее время, новые полчища варваров продолжали наводнять территорию римской империи; один народ был разбит – на место его являлся другой, третий; они, по выражению Аммиана Марцеллина, вырастали после каждого поражения в новом огромном количестве (*Reg. gestar.* XXVIII. 5, 9).

В 370 году через всю аллеманнскую землю прошло бургундское войско на помощь Валентиниану против аллеманнов. Валентиниан не явился на условленное место, и бургунды одни выступали против аллеманнов.⁽¹⁸⁾

Таким образом, мы видим, что Великое переселение народов началось гораздо раньше 375 года, когда открылось движение гото-вандалское; оно началось в III веке.

В борьбе на границах Галлии с самого начала принимают участие народы, обитавшие на среднем Рейне и в его низовьях, северные соседи аллеманнов. С III в. они начинают называться франками. Имя это некоторые производят от старонемецкого *frak* (нын. *frach*) – «смелый, дерзкий», но вернее производить его от галльского *frank* – «длинноволосый». Но, в сущности, это только новое наименование для некоторых давно известных народцев, образовавших теперь союз или федерацию. Наряду с этим общим наименованием удерживаются в продолжении III и IV веков и прежние частные названия: хамавы, сугамбры, салии, хаттуарии, бруктерии. Существует и другая теория о происхождении франков, приводимая Рихардом Шредером (*Schröder R. Die Franken und ihr Recht, Weimar, 1881*). Он говорит, что ядро франкского племени составляли хатты, племя чисто германское; затем он следит за передвижениями хаттов в области Рейна на север и доказывает, что хаттуарии – колония хаттов, а баттавы и некоторые другие – только их ветви. Шредер основывается на исследовании названий местностей и народов в странах нижнего Рейна. Впрочем, теория эта не вполне кажется удовлетворительной, потому что отвергается лучшим знатоком древненемецкого языка Мюлленгофом.¹⁶ К этой теории мы еще вернемся;⁽¹⁹⁾ она многое могла бы объяснить в вопросе о причинах такого большого значения и распространения франков. Во всяком случае, несомненно, что название «франки» – новое и своим возникновением указывает на новый факт в истории германских племен – объединение отдельных народцев в федеративные союзы. Это явление свидетельствует о пробуждении сознания племенного единства.

⁽¹⁸⁾ *Amm. Marc. Regum gestarum*. XXVIII. 5, 10–13. Много раз побежденные римлянами, аллеманны в конце концов овладели и удержали за собой римскую провинцию Верхнюю Германию.

⁽¹⁹⁾ Есть еще одно объяснение названия «франк» – «свободный».

Только после Хлодвига старые названия исчезают, и мы встречаем франков уже постоянно под этим именем, только с подразделением на салических и рипуарских.⁽²⁰⁾

Остается совершенно неизвестным, что побудило разрозненные племена к образованию союза и в чем он выразался, но, по-видимому, союз не был заключен для борьбы с Римом. Связь между союзниками первоначально была слабая. Каждое колено – или даже, кажется, каждое маленькое государство, на которые распадались племена, проводило свою политику, как у аллеманнов. В то время как одни громили римские владения, другие поставляли вспомогательные войска императору; отдельные лица и целые толпы поступали на римскую службу и даже достигли высоких должностей, например Сильван в 354 году, Арбогаст при императоре Валентиниане в 389 году.

В первый раз имя франков встречается в источниках около 240 года по Р. Х. Толпа их перешла через Рейн и после была разбита на обратном пути около Майнца. В 264 г. отряд франков прошел через всю Галлию, перешел Пиренеи и достиг даже Африки. Потом они были также разбиты римлянами, и часть пленников поселили на берега Черного моря; но те успели впоследствии перебраться оттуда в Средиземное море и возвратиться, на родину к берегам Рейна.

Около 290 года франки салические утвердились на острове между двумя устьями Рейна в области романизованных батавов (*insula Batavorum*). Отец Константина Великого – Констанций Хлор, сам Константин и его сын, а также и Юлиан имели с ними, а также и с другими франками постоянные столкновения, наносили им сильные удары, захватывали много пленных, которых бросали на съедение зверям на арене цирка, или же селили в виде военных колонистов на опустошенных полях, или же прямо заставляли служить в войске. Но согнать их совершенно с занятого острова было невозможно. Около 350 года салические франки сидят уже к югу от Мааса, хотя в других местах вверх по Рейну римская граница оставалась по-прежнему нетронутой (только Кельн два раза подвергался разорению).

После смерти Феодосия (в 395 г.) опекун императора Гонория Стилихон был в Галлии в 402 году и устроил здесь отношения с франками, принявшие совершенно дружелюбный характер. Ввиду опасностей, угрожавших Италии, защита рейнской границы была поручена франкам. В большом нашествии германских племен на Галлию в 406 году франки сначала честно исполняли свою задачу; но после, устав удерживать границу от напора врагов, сами отправились грабить вместе с ними. Этот грабёж и разорение Галлии продолжались два года. Германцы воспользовались смутными обстоятельствами следующих годов (410, 411) для прочного утверждения в пределах Галлии. Салические франки расшири-

(20) Важнейшей частью франкской группы во второй половине IV в. являются салии. Уже во время Юлиана они завладели землями в Токсандрии, но потом были побеждены Юлианом; все же им позволили владеть произвольно захваченными землями в качестве *foederati* (*Notitia dignitatum*, 412 г.). Происхождение салиев неизвестно. Вероятно, в состав этого союза входили батавы и может быть сигамбры.

ли свою область на юг от Мааса, а рипуарские заняли широкую полосу по левому берегу Рейна вверх до города Майнца. Около 428 года они были еще раз изгнаны оттуда, но ненадолго, и все-таки удержали за собой землю и даже германизировали ее.

За франками сделали шаг вперед и бургунды.

В 413 году им была отведена часть левого рейнского берега по формальному договору. Условия договора точно неизвестны; по-видимому, бургунды отказались от поддержки галльского узурпатора — Иовина,¹⁷ с другой стороны, они приняли обязательство, подобно франкам, защищать Галлию от других германцев. Как бы то ни было, но это было поселение, непохожее на все прежние.

Бургунды остались первобытным народом, удержав и старые свои жилища на правом берегу Рейна. Это было знаменитое Бургундское царство, с центром в Вормсе, так хорошо известное из саги о Нибелунгах. Настоящая история знает об этом царстве только то, что оно было разрушено в 437 году.

В это же время была потеряна римлянами и Рейнская граница выше Майнца и Вормса (то есть далее на юг). Но аллеманны, прочно утвердившиеся в *Agri decimates*, захватили еще Эльзас и восточную Швейцарию; год этого события неизвестен, но следует заметить, что в отличие от бургундов здесь не было договора с римлянами. Эльзас и Швейцарию насильственно захватили; это была не уступка земель со стороны римлян, а простое завоевание варварами части их территории.

Из всех только что рассказанных историй видно, как трудно было римлянам защищаться от постоянного напора многочисленных германских сил, со всех сторон неудержимо прорывавшихся и наводнивших когда-то сильную империю.

Второе движение. Готы

В заключение краткого очерка истории первого Великого переселения народов расскажем в общих чертах о главных фазах другого передвижения, начавшегося на северо-востоке Германии, — о переселении готов.

Народы гото-вандалской группы, которых некоторые ученые не выделяют из числа немецких племен (*Deutsche Stämme*), а включают только в более обширную группу, родовую (*Germanische Stämme*), занимали большое пространство на материке (в Познани и собственно Пруссии), гранича там с бургундами и лангобардами; принадлежавшие к этой группе вандалы жили в Силезии; также готы жили, может быть, и по ту сторону Балтийского моря — в Скандинавии, хотя этот последний вопрос составляет и теперь предмет споров. Во всяком случае, мы должны иметь в виду, что история застает их первоначально именно в Познани, Пруссии и даже наших остзейских провинциях, где они жили по соседству со славянами и в тесном соприкосновении с финнами. Из исследований ученых о языке финнов видно, что слова финского языка в большинстве случаев заимствованы из языка готского.

Это были, по всей вероятности, первые места их жительства в Европе, и затем часть их перебралась на северные берега Балтийского моря — на остров Готланд и Скандинавский полуостров.

Вскоре после 150 года, по саге, которая рассказана в сочинении позднейшего историка готов — Иорнанда (Иордана), готы материка, может быть, вследствие толчка, сообщенного готами скандинавскими, высадившимися на южные берега Балтийского моря, пришли в движение. Если можно принять за вполне достоверное показание Иордана, который, впрочем, не всегда точен, то это движение стояло в связи с Маркоманнским движением.

Около 170 года часть вандалов явилась на Дунай, требуя у римлян земли для поселения. Вероятно, и другие племена, боровшиеся с Римом во время Маркоманнской войны, пришли в движение вследствие распространения готов. Но сами готы в продолжение одного поколения после Маркоманнской войны оставались на старых местах; затем готы массами поднимаются с берегов Балтийского моря и идут на юго-восток по направлению к степям нынешней южной России. Иордан (*Iornandis. De Getarum sive Gothorum origine et rebus gestis*) говорит, между прочим, что на пути у Днепра готы встретили какой-то неизвестный народ *Spaly*; одни ученые предполагают, что это были «поляне», другие сравнивают название спалов со спалеями, о которых рассказывают мифические предания.

Познакомиться ближе с подробностями готского переселения можно из названного выше сочинения Виетерсгейма. Он предполагает¹⁸ следующий маршрут их: по течению Вислы, с пересечением поперек ее большого северного выгиба, через Полоцк, мимо Варшавы, оттуда через Люблин к Кракову и Львову и к Карпатам (путь в 80–85 миль), потом к Черному морю. Здесь они заняли обширную степную область от Днестра до Дона. В 214 году готы в первый раз появляются на северном берегу Черного моря и вступают в борьбу с римлянами в направлении Дакии. Вслед за ними и под их руководством и другие соседние народы начинают громить уже азиатские берега Черного моря и совершают целый ряд смелых набегов, напоминающих нам своими чертами и позднейшие походы русов, и еще более удалые предприятя казаков XVII в., когда они на легких ладьях отправлялись из устья Дона, приводили в трепет Константинополь, достигали Синопа и Трапезунда.

Морские походы готов особенно интересны для нас потому, что имеют отношение и к русской истории.

Около 250 года готы утвердились в южной России и разделились на две ветви: восточную — грейтунов (позднее — остготы) и западную — тервингов (позднее — визиготы или вестготы). Мы должны сказать: источники дают основание говорить, что значение долгого пребывания готов в России больше, чем ученые привыкли предполагать. И если объяснение встречающихся у Константина Багрянородного названий Днепровских порогов, не подходящих к языкам славянским, удовлетворительно с точки зрения теории норманистов, то эти названия можно было бы, вероятно, объяснить готским языком. Если легенда о призвании князей-варягов отбрасывается как несостоятельная, ее можно было бы сопоста-

вить с рассказанной у Иордана легендой о готах и их выселении из Скандинавии. Все вопросы очень интересные, но ученые пока не имеют убеждающих научных результатов.

Важное значение имеет история морских набегов готов. О них написаны целые исследования (см. новое издание Виетерсгейма и мою статью «Житие Иоанна Готского» в ЖМНП, 1878 г., статью Ф. Бруна «Следы долговременного пребывания готов в России» в сборнике «Черноморье», Одесса, 1880 г., и сочинение М. Соколова «Из древней истории Болгар» и т. д.).¹⁹ Эти походы имеют некоторое отношение к русской истории. Они напоминают нам о существовании мореходства на Черном море в промежуточный период между упадком греческого мореплавания и русскими морскими походами IX века. Обыкновенно говорят, что морские походы на Византию в начальный период русской истории, несомненно, указывают на какой-то переворот в жизни славян, страдавших будто бы до того времени, да и после, водобоязнию, на появление среди них предприимчивого, смелого и знакомого с морем племени. Но если уж славяне в самом деле страдали водобоязнию и действительно нуждались в учителях, чтобы отучиться от нее, то почему такими наставниками не могли быть готы? Очень вероятно, что не только на южном берегу Крыма, но и в южной России, между Доном и Днестром готские поселения долго оставались и после ухода вестготской массы. Существование таврических готов в продолжение всех средних веков засвидетельствовано целым рядом несомненных источников; к VIII в. относится жизнь и деятельность Иоанна, епископа этих готов (см. мою статью), остатки готского языка в Крыму слышались еще в XVII в. Если не так долго, то, во всяком случае, до VIII или IX в. подобные обломки готского племени должны были существовать и в Приднепровье. Следовательно, довольно легко будет воссоздать связь мореходных традиций и привычек от готских переходов III века до морских походов Руси. Эти готские походы, как сказано, представляют весьма любопытную аналогию и большое сходство с позднейшими удалыми экспедициями донских казаков, которые громили малоазиатские турецкие берега, направляясь на Трапезунд и вообще в те самые местности, куда прежде направлялись готы и те же самые однодеревки.

Первый морской поход готов относится к 256 году. Они проникли на восточный берег Черного моря и бросились на Питиунт. Отбитые с большими потерями, они появляются затем в виду города Фазис (близ нын. Поти), но и здесь цель их – овладеть сокровищами храма Артемиды – не была достигнута. Тогда они еще раз напали на Питиунт и, взяв его, отплыли к Трапезунду на Каппадокийском берегу Понта. Приблизившись незаметно, они небольшими отрядами взобрались на стены города; гарнизон и жители не сделали даже попытки к сопротивлению. Множество пленных, богатая добыча, всякого рода сокровища достались варварам, которые после этого успеха возвратились домой.

Сведения о походах готов мы черпаем из сочинений современных историков и отцов церкви, например Зосима, Григория Неокесарийского, из *Scriptores historiae Augustae* (XXV, 9, 4). Например, Григорий, епис-

коп Неокесарийский, говорит, что готы часто находили помощь даже у жителей тех городов, которые они грабили, не говоря о том, что прежде захваченные готами пленники являлись теперь участниками и даже руководителями набега; тотчас по удалении врагов многие хотели воспользоваться бедствием сограждан и соседей в интересах самого гнусного корыстолюбия; многие прямым насильем удерживали в неволе спасшихся из плена единоплеменников; другие – наглым образом захватывали чужое имущество только на том основании, что они потеряли свое во время нашествия (Книга правил Св. Апостолов, Св. Соборов и Св. Отцев. Изд. Св. Синода. 1874, Прав. VII, VIII).

О лицах этого последнего разряда Григорий отзывается так: кто от борадов и готов пострадал, те сами сделались борадами и готами для своих (Прав. VI). Название «борады» (это одно из мелких готских племен) должно быть сопоставлено с встречающимся у Зосима словом «бораны», и дальнейшее сопоставление боранов с варягами, которое делает Забелин, вероятно.²⁰

В другой раз (в 269 году) точкой отправления готов было избрано устье реки Днестра, где варвары построили 3000 лодок-однодеревок. Морская экспедиция сопровождалась сухопутным движением; по берегу моря шел обоз с женами и детьми и сухопутное войско. Прибрежья Черного моря около Кюстенджи и Варны; Пропонтида, Кизик, Геллеспонт, Афонский полуостров, Солунь видели флотилию; сухопутная сила готов перешла по реке Саве к городу Софии и затем, разбита наголову императором Клавдием (Claudius Gothiens) в сражении в верхней Мезии в 270 году.²¹ Около 50 000 готов было убито. Количество взятых в плен готских женщин было так велико, что превосходило в два раза количество римских легионеров. Точно так же неудачно кончилась и морская часть экспедиции: 2000 судов было потоплено; впрочем, остатки эскадры еще и после того грабили берега Греции и Малой Азии.

В следующем году император Аврелиан, известный своими блистательными военными успехами, видя трудность противодействия варварскому элементу, с такой силой обрушившемуся на империю, решил отказаться от Дакии и уступить ее готам. Она перестала быть римской провинцией, стала называться Готией (Gothia) – и с этого времени прекращается здесь господство римского языка и культуры. Замечательно, что на эту меру решился именно Аврелиан – «*restitutor imperii*», герой Пальмирской войны; это служит новым очевидным доказательством того, как трудно было императорам противостоять напору варваров и удерживать отдельные провинции в своей власти. Несмотря на наносимые им поражения, готы являлись опасными противниками. Дакия является после Десятиного края второй провинцией, уступленной Римом варварам. Римский бог *Terminus*,²² вопреки исконному священному обычаю, отступил назад, и в Дакии поселились готы и жили здесь в мире с империей около ста лет до нашествия гуннов, хотя и упоминаются некоторые столкновения с ними во время царствования Диоклетиана и Константина. Вместе с тем и на западе в прирейнских странах аллеманны и франки также постоянно угрожали римлянам войной.

Между тем в империи в течение этих ста лет начинается целый ряд мероприятий, вызванных внешней опасностью и отсрочивших на некоторое время падение империи и торжество германизма. Третье столетие представляет нам момент страшного кризиса в истории Рима: оно наполнено борьбой с варварскими свежими силами, которые высокой и бурной волной перекачываются через Альпы, нападают на границы, вторгаются вглубь римской территории. А в империи в это время уже достигли последней степени разложения все основы прежней государственной силы, все начала античной жизни. Грустную, чтобы не сказать ужасную, картину представляла империя. Язвы были неизлечимы, они усиливались различными случайными бедствиями: голодом, моровыми поветриями. Энергичные, хотя и не радикальные, а потому малодейственные реформы Диоклетиана и Константина только на некоторое время могли отсрочить смертельный час погибающего организма империи.

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ РИМСКОГО ОБЩЕСТВА И ПРИЧИНЫ ПАДЕНИЯ ИМПЕРИИ

Обратим теперь наше внимание на внутреннее состояние империи начиная приблизительно с половины III века и в продолжение всего IV-го. При первом же взгляде нам бросятся в глаза страшные экономические бедствия, полное падение общего материального благосостояния и, взамен его, развитие огромных богатств в руках немногих, подавляющий рост неимущего пролетариата.

Прежде всего признаки упадка обнаружались в распадении муниципальной власти и городского самоуправления в общинах Италии и провинций, в разложении своеобразного строя, составляющего долгое время цвет, силу, славу и блеск империи. При наблюдении этого печального, но несомненного факта падения муниципального строя в империи невольно и настоятельно рождается вопрос о причинах этого странного явления. Объясняется оно по-разному. Указывают, между прочим, на развитие государственной системы бюрократии и централизации, завершившееся в реформах Диоклетиана и Константина, но начавшееся еще со времен Адриана, системы, которая, понятное дело, должна была убить начала общинной свободы в городах, парализовать деятельность выборных властей и посадить на их место императорских чиновников-кураторов. Но с этим взглядом нельзя вполне согласиться: он многого не объясняет. Вообще вопрос этот темный, потому что источники того времени плохие, памятников нет, а надписи стали только недавно изучаться.

Лучше других, настолько хорошо, насколько это возможно при современном состоянии источников, объяснил причины упадка муниципальной жизни Фюстель де Куланж, который посвятил этому вопросу несколько глав в конце первого отдела своего труда «*Les institutions politiques de l'ancienne France*». Он рассматривает упадок муниципия в связи с ослаблением промышленной и деятельной части населения и уничтожением свободного земледелия и мелкого землевладения.

Римские императоры, по мнению знаменитого французского историка, вовсе не стремились уничтожить сословные отличия; напротив, они

признавали и поддерживали это разделение, основывавшееся исключительно на цензе: имущественные различия определяли принадлежность людей к тому или другому сословию. Общество IV столетия распалось на следующие классы или сословия.

1. Самое низшее место занимал класс плебеев (plebs): городское население, составлявшее корпорации ремесленников и торговцев.

2. Класс куриалов, мелких земельных собственников, разделявшихся на простых куриалов и принципалов (principales).

3. Верхнюю ступень сословной иерархии занимали римские сенаторы, крупные землевладельцы, получившие право присутствия в верховном римском центральном учреждении – Сенате. Они не должны были непременно заседать в римском Сенате, а должны были только удовлетворять двум условиям – владеть имуществом в 400 000 сестерций (около 70 000 руб.) и пройти предварительно всю лестницу муниципальных должностей в своем городе. В их руки мало-помалу перешла вся земля, которая раньше составляла собственность среднего сословия.

Наконец, вне этих классов находились рабы и вольноотпущенники.

Классы были резко отделены друг от друга и наследственны (каждый по прирожденному праву вступал в ряды сословия, к которому принадлежал его отец). Но мог опуститься в низший класс тот, кто делался бедным, а тот, кто приобретал все больше и больше богатства, мог, напротив, подняться по ступеням сословной иерархии – и это последнее сделалось предметом искания для всех энергичных людей. Правительство не сопротивлялось «лестничному» восхождению наиболее деятельных представителей населения из самого низшего, даже рабского положения, до самого высшего; однако не допускалось, чтобы один человек в течение всей жизни возвысился более чем на одну ступень.

Таким образом, каждое сословие, уменьшаемое постоянно частью поднимающихся вверх своих членов, постоянно же восполнялось снизу: плебеи восполнялись рабами, куриалы плебеями и так далее. Когда вся муниципальная карьера была пройдена, человек, после того как отличился на римской службе, награждался императором званием римского сенатора, и этот почетный титул закреплялся за его родом на вечные времена.

И вот, наиболее характерным явлением во внутренней истории Римской империи III века оказывается то обстоятельство, что класс аристократии постоянно возрастал и делался, наконец, всемогущим, между тем как средние классы впали мало-помалу в нищету и рабство. «Это явление, – говорит Фюстель де Куланж, – не есть следствие деспотизма, непомерного гнета налогов или привилегий, как думают некоторые; преобладание земельной аристократии и уничтожение класса средних, мелких собственников (куриалов) – факты тесно между собой связанные и объясняющиеся социальным строем государства».

«К половине III века цвет сословия куриалов, даже большая его часть возвысилась до сенаторского достоинства, вступила в ряды не провинциальной, не городской, а имперской аристократии. Это обстоятельство само по себе не разложило, не разорило бы сословия куриалов, если бы оно продолжало получать снизу все, что отнимали у него высшие классы общества. Представим себе это постоянное, но медленное восхождение

из сословия в сословие, которое составляло общее социальное правило во всей империи. Неудивительно, что это явление было могучим стимулом для труда, источником благосостояния в течение трех веков. Пока плебеи могли подниматься до степени куриалов, а самые богатые куриалы уходили в число сенаторов, до тех пор совершалось правильное возобновление во всех классах. Но к IV столетию дело переменялось.

Ремесленные и торговые коллегии разорвались, и развитие класса плебеев прекратилось. Это и было то зло, которое подточило корни городских курий. Класс куриалов разлагался: лучшие члены уходили вверх, эта потеря не могла восполняться снизу, так как обедневшие и ослабевшие плебеи не имели силы подняться до степени куриалов; внутри сословия образовалась пустота, класс, истощенный сверху и не подкрепляемый снизу, все больше и больше уменьшался и числом, и благосостоянием, несмотря на энергичные меры правительства воспрепятствовать этому явлению.

Равновесие между сословиями исчезло. Куриалы, на которых лежала вся тяжесть муниципальной службы, из года в год все менее и менее были способны выносить эту тяжесть и стремились бежать из своего сословия, и, таким образом, один из главных и наиболее необходимых органов муниципальной жизни был поражен болезнью и смертью.

Состав общества видоизменяется, и если мы бросим на него взгляд накануне германского нашествия, в самом конце IV века, то нашим глазам представится следующая картина. В городах живет сословие плебеев, которое пользуется свободой, но вот уже в продолжение 5–6 поколений они беднеют и вымирают. В деревнях живут два многочисленных класса: рабов (*servi*) и зависимых людей (*tributarii, coloni* – о них речь впереди), признаваемых лично свободными, но прикрепленных к земле и вполне закабаленных хозяевами. Поверх этой толпы несчастных и обездоленных, если не считать очень немногих остающихся мелких собственников, возвышается только один небольшой по числу, но всемогущий по значению класс крупных земельных собственников, которые носят название римских сенаторов.

Действительно, ужасно положение государства, в котором незначительное число магнатов захватили в свои руки, во-первых, всю землю (путем ли купли, за долги ли, или просто насильственным захватом) и все капиталы и таким образом держали большинство населения в экономическом рабстве, а во-вторых, – как римские сенаторы, так и *defensores*, заменившие во второй период истории провинциальной жизни прежних декурионов и дуумвиров и имевшие преобладающее значение и в куриях, и в провинциальных сеймах, – имело исключительное право на власть политическую».⁽²¹⁾

И мы должны сказать, что характеризованное нами только что падение класса мелких земельных собственников и городского управления – этих зачатков экономического благосостояния и политической свободы отдельных общин империи – и поглощение этих благодетельных учреж-

⁽²¹⁾ Мастерское описание жизни этих магнатов, владетелей латифундий можно найти у Фюстель де Куланжа. С. 300–307.

дений имперской земельной, политической (служилой) аристократией римских сенаторов, магнатов, должно быть поставлено в ряду самых важных причин падения Римской империи.

* * *

Обращаясь к дальнейшему исследованию причин падения Римской империи, мы должны остановиться еще на христианстве и определить его участие в историческом процессе разложения античного общества. Тот поверхностный взгляд на историческое дело христианства, который был высказан Гиббоном, взгляд легкомысленный и бросающий некоторую тень на капитальный и замечательный труд высокодаровитого историка,²³ конечно, должен быть оставлен. Мы должны признать, что само вероучение новой религии диаметрально противоречило всему античному не только нравственному, но и социальному строю, и усилия первых христиан сами по себе подрывали основы муниципального порядка, последней жизненной силы империи. Это ясно и прекрасно объяснено у Фюстеля де Куланжа и у Ренана («*Mark Aurèle*»).

В III и IV столетиях, говорит Фюстель де Куланж, замечается упадок муниципального строя. Нужно искать его причины не в тирании центральной власти, которая не виновна в болезни, постигшей городское самоуправление, а в другом явлении.

«Нужно помнить, что в эту эпоху совершилась религиозная революция, которая должна была поселить большую смуту в муниципальной жизни. Как известно, в первые века империи каждый город имел свое особое божество, избирал для исправления богослужения своего жреца, точно так же, как избирал своих ежегодных магистратов. Управление общиной соединено было с религией. Общественные торжества были религиозными церемониями. Игры цирка и театральные представления составляли часть культа. Муниципальные должности декурионов до известной степени схожи с жреческим достоинством: они председательствовали на религиозных празднествах, делали большие пожертвования в пользу храмов для поддержания культа.

В течение III века христианство стало быстро распространяться и особенно между средними классами общества, между мелкими землевладельцами, из которых и состоял класс куриалов. Естественно, что новая религия запретила своим последователям исполнять языческие обряды, а запретить приносить жертвы богам значило то же самое, что запретить быть декурионом и вообще исправлять какую бы то ни было муниципальную должность... Таким образом, христианам невозможно было вмешиваться в муниципальную жизнь: городская община была языческой, и церковь объявила ей войну. Что из этого вышло, легко отгадать».

«Христианин сначала отказался от исполнения муниципальных обязанностей, потом отказался от звания декуриона. Чтобы остаться христианином, он должен был перестать быть гражданином. Тогда уstraшенное правительство стало издавать суровые законы, стало возвращать беглецов в курии; определяло как обязанность, что каждый собственник земли в 25 югеров должен быть куриалом. Христианин продал свою зем-

лю, отдал ее в пользу церкви, сделался бедным; законы воспретили эту продажу и эти пожертвования. Они пригвоздили человека к курии, они принуждали всех быть магистратами по очереди. Тут-то и потерял силу муниципальный строй. Муниципальные обязанности, как невыносимая тяжесть, давили не только на материальные средства, но и на совесть христианина. Их возненавидели, их проклинали. Страстное сочувствие обращено было к церкви, курия же внушала только отвращение. Смертный приговор муниципальному строю в его прежнем виде был произнесен: он погибал, несмотря на строгие меры императорского правительства, направленные к его поддержанию».

Таким образом, Фюстель де Куланж наглядно объясняет связь между распространением христианства и падением муниципального строя.

Еще лучше, яснее, глубже и художественнее изображает Ренан этот интересный процесс внутренней социальной жизни империи. Большой отрывок из его последнего сочинения «*Mark Aurèle*»²⁴ мы позволим себе привести в переводе.

«По мере того как Римская империя приходила в упадок, христианство поднималось. В продолжение III в. христианство сосет, как вампир, древнее общество, подрывает все его силы и приводит его к тому общему расслаблению, против которого напрасно борются патриотические императоры. Христианству незачем было нападать открытой силой: достаточно было только запереться в своих церквях. Оно мстит за себя, переставая служить государству, ибо оно удерживает почти для одного себя основания (принципы), без которых государство не может существовать. Это та самая великая война, которую ведут против государства наши консерваторы. Армия, магистратура, общественная служба имеют нужду в известном количестве серьезных и честных элементов. Когда классы, которые могли бы доставить эту серьезность и эту честность, замыкаются в воздержании, страдает все тело.

Церковь в III в., захватив в свою пользу все, истощает гражданское общество, отнимает у него кровь, водворяет в нем пустоту. Малые (христианские) общины убили большое (римское) общество. Античная жизнь, жизнь вполне внешняя и мужественная; жизнь, проявлявшаяся в военной славе, героизме и цивилизме, жизнь форума, театра, гимназий — побеждена жизнью еврейской, жизнью антивоенной, любящей тень, жизнью людей бедных, сидящих взаперти. Политика не предполагает людей слишком отделившихся от земного. Когда человек решается искать только неба, он не имеет здесь, на земле, отечества. Нацию составляют не монахи или аскеты; ненависть и презрение к свету не готовят к борьбе с жизнью. Индия, которая из всех стран наиболее погружалась в аскетизм, представляет с незапамятных времен землю, открытую для всех завоевателей. То же самое в некотором отношении было с Египтом. Неизбежное последствие аскетизма есть то, что он заставляет рассматривать все не относящееся к религии — ничтожным и пошлым. Воин, правитель в сравнении со священником — грубые существа; гражданский порядок является только как гнетущая тирания. Христианство улучшило нравы древнего мира, но с точки зрения военной и патриотической оно разрушило древний мир. Гражданская община и государство могли впоследст-

вии существовать рядом с христианством, лишь только заставив его подвергнуться самым глубоким изменениям.

«Они живут на земле, – говорит автор письма к Диогнету, – но в действительности их отечество на небе». В самом деле, когда у мученика спрашивают о его отечестве, он отвечает: «Я христианин». Отечество и гражданские законы – вот, по Клименту Александрийскому, тот отец и та мать, которых должен презирать настоящий гностик, чтобы сестра одесную Бога. Христианин затруднен и неспособен, когда речь идет о мирских делах; Евангелие образует верных, а не граждан. То же самое было и в исламе, и в буддизме. Господство этих двух всеобщих религий покончило со старой идеей отечества. Не было больше ни римлянина, ни афинянина: только христиане, магометане, буддисты. Впредь люди будут распределяемы по их культуре, а не по их отечеству; их будут разделять ереси, а не вопросы национальности.⁽²²⁾

Вот что видел ясно Марк Аврелий и что сделало его так мало благосклонным к христианству. «Лагерь благочестия», эта новая «система отечества, основанного на Божественном слове» (Ориген), не имеет ничего общего с римским лагерем, который никак не помышлял готовить своих граждан к небу. Церковь в самом деле признает себя совершенным и полным обществом, высшим, чем общество гражданское; пастырь имеет более значения, чем магистрат.

Отечество христианина – церковь, как отечество еврея – синагога; христианин и еврей живут во всех странах, где они находятся, как иностранцы. Христианин едва даже признает отца и мать. Он ничем не обязан империи, а империя ему обязана всем, ибо только присутствие верных (верующих), рассеянных в римском мире, останавливает гнев небесный и спасает империю от разрушения. Христианин не радуется победам империи; общественные бедствия кажутся ему подтверждениями пророчеств, осуждающих мир на гибель от огня и варваров. Космополитизм стойков также имел свои опасности, но горячая любовь к цивилизации и греческой культуре служили противовесом излишествам их отрешенности.

Во многих отношениях христиане были, конечно, верными подданными. Они никогда не бунтовали; они молились за своих гонителей; несмотря на свои неудовольствия против Марка Аврелия, они не приняли участия в возмущении Авдия Кассия. Они выставляли на вид принципы самого абсолютного легитимизма. Так как Бог дает власть тому, кому Ему угодно, то следует без всякого испытания повиноваться тому, кто владеет ею официально. Но эта видимая политическая ортодоксия была, в сущности, только культом успеха. «Между нами не было никогда партизанов Альбина, приверженцев Нигера», – говорит с похвальбой Тертуллиан в царствование Септимия Севера. Но по правде, чем Септимий Север был более законным государем, чем Альбин или Песценний Нигер? Он имел больше успеха, чем они, вот и все. Христианский прин-

(22) Эту последнюю мысль Ренана надо считать преувеличением, потому что возникновение и развитие ересей в средние века часто определялось противоположными национальными интересами.

цип – «нужно признавать того, кто держит в своих руках власть» – должен был содействовать водворению культа совершившихся фактов, то есть преклонению перед силой. Либеральная политика ничем не обязана и никогда ничем не будет обязана христианству. Идея представительного правительства противоположна той, которую прямо проповедовали Иисус, св. Павел, св. Петр, Климент Великий.⁽²³⁾

Самую важную из гражданских обязанностей, военную службу, христиане не могли нести. Эта служба кроме необходимости проливать кровь, что экзальтированным верующим казалось преступным, соединена была с такими действиями, которые для боязливой сести казались идолопоклонническими.⁽²⁴⁾ Без сомнения, было много христиан-солдат во II в.; но очень скоро несовместимость призваний сделалась явной: солдат оставлял оружие или делался мучеником. «Нельзя служить двум господам» – вот принцип, беспрестанно повторяемый. Изображать меч или лук на перстне было делом запрещенным. «Мы достаточно сражаемся за императора, – говорили христиане, – если молимся за него». Большой упадок римского войска, замечаемый к концу II в. и особенно ярко обнаружившийся в III в., имеет свою причину в христианстве. Цельс заметил здесь истину с удивительной пронизательностью. Военная храбрость, которая, по воззрению германца, одна только и открывает Валгаллу, не есть даже добродетель в глазах христианина. Если она употребляется на службу делу хорошему – в добрый час, если нет – это не больше как варварство. Конечно, человек, очень храбрый на войне, может быть человеком очень посредственной нравственности, но общество, составленное из совершенных людей, было бы так слабо! За то, что он был слишком последователен, христианский Восток потерял всякую военную силу.

Ислам этим воспользовался и дал миру печальное зрелище этого вечно восточного христианина: везде он один и тот же. Несмотря на различие рас, вечно обожаемый, вечно избиваемый, неспособный смотреть прямо в лицо военному человеку, вечно подставляющий свою шею под удар сабли; жертва малоинтересная, потому что она не возмущается и не умеет держать оружия даже тогда, когда его кладут ему в руки.

Христианин бежал также гражданских обязанностей, общественных повинностей, гражданских почестей. Добиваться этих почестей, искать этих должностей или даже только принимать их – это значило показать знак веры в такой мир, который принципиально считался осужденным и в основании был запятнан идолослужением. Закон Септимия Севера позволил «приверженцам иудейского суеверия» достигать почестей, освободив их от обязанностей, противоречащих их верованиям. Христиане,

(23) Это мнение может вызвать серьезные возражения. Идея представительного правительства была не чужда церкви и выражалась главным образом в соборах, которые имели с самых первых веков важное значение и представляли не что иное, как съезд уполномоченных от общин епископов или других уважаемых людей. Это особенно видно во время реформационного движения новых времен.

(24) Существуют любопытные свидетельства об уклонении христиан от военной службы – они собраны Ле-Бланом; в Актах мучеников постоянно повторяются слова: «Nolo militare christianorum».

конечно, могли воспользоваться этими разрешениями, но они этого не сделали. Украшать венками свою дверь при объявлении дней торжества, принимать участие в увеселениях, в общественных удовольствиях — было для них отступничеством. То же запрещение по отношению к трибуналу (суду). Христиане никогда не должны были обращаться к ним со своими тяжбами; они должны были обращаться к третейскому суду своих пастырей. Невозможность смешанных браков окончательно воздвигала непреодолимую преграду между церковью и обществом. Верным (верующим) запрещено было прогуливаться по улицам, вмешиваться в общественные разговоры; они должны были видаться только друг с другом. Даже гостиницы не могли быть общими, во время путешествия христиане приходили в церковь и здесь участвовали в агапах, получали долю при раздаче остатков от священных приношений».

Далее Ренан говорит, что христианство имело влияние на искусство. Скульптура и живопись считались враждебными ему. Отсюда находит себе объяснение поразительный факт исчезновения скульптуры в первой половине III века. По словам Ренана, христианство «сразу убило античное искусство». Более медленное, хотя не менее решительное поражение нанесено им богатству. Христианство явилось в этом отношении «необычайной экономической революцией». Римская империя, уничтожив родовые привилегии, расширила, напротив, имущественные. Не установив настоящего равенства между гражданами, она создала глубокое различие между богатыми и бедными; ошибочный взгляд греков, презиравших крестьянина и рабочего, нашел здесь себе полное выражение. Первоначально и «христианство не сделало ничего для крестьянина: оно даже повредило сельскому населению установлением епископств, выгодами которых пользовались только одни города». Но христианство имело огромное влияние на поднятие достоинства ремесленника, рабочего. Одна из заповедей, с которыми Церковь обращается к рабочему, состоит в том, чтобы он исполнял свое ремесло со вкусом и прилежанием. Слово «*operarius*» входит в честь. В надгробных надписях ремесленник и мастерица — христиане получают похвалы за то, что были хорошими тружениками. Ведущий честную жизнь, снискивающий честным путем ежедневное пропитание работник именно и есть идеальный христианин. Скупость — высшее преступление в глазах христианина. Милостыня считалась священной обязанностью для каждого. Богач, не дающий своего излишка неимущим, признается похитителем чужого добра. Сама церковь делалась благотворительным учреждением, где находили кров и пропитание бедные и странствующие.

«Богатого везде приносили в жертву». Немногие из богатых вступали сначала в лоно церкви. Их положение было одним из самых трудных. Бедные, гордившиеся евангельскими добродетелями, третировали богатых с таким видом, который мог показаться высокомерием. Богатый должен был заслужить прощение своему богатству; царствие небесное было ему недоступно, пока он не очистит своего богатства милостыней или не искупит мученичеством. Общности имущества не было уже, если только она вообще когда существовала. То, что именовалось «апостольской жизнью», то есть идеал первоначальной жизни Христа, оставалось мечтой, поте-

рянной вдали. Но собственность верного только наполовину ему принадлежала, и в действительности церковь предъявляла на нее уже такие права, как и сам владелец собственности.

Вот очень интересные, глубокие, верные, только иногда парадоксальные и преувеличенные положения великого французского историка-мыслителя, в которых он определенно и прямо высказал мысль, что новая сила, вырастающая в человеческом обществе на закате дней империи, не могла не подорвать окончательно основ древнего государства и общества.

РЕФОРМЫ ДИОКЛЕТИАНА И КОНСТАНТИНА. ПРОИСХОЖДЕНИЕ КОЛОНАТА

Итак, мы видели, что положение империи в III в. было критическое, что нужны были коренные и всесторонние меры для того, чтобы обновить разрушающееся здание, восстановить силы дряхлеющего организма, иначе катастрофа должна была неминуемо разразиться. Прежде всего нужно было отразить варваров, остановить их усилившийся напор. И действительно, целый ряд энергичных императоров Иллирийского дома, как Клавдий Готский, Аврелиан, Проб и другие, так упорно и успешно сражались с германскими полчищами, что принудили германцев временно приостановить свое наступательное движение в пределы империи. А последующие императоры: Диоклетиан (284–305) и Константин (306–337), примирившийся с христианством после неудачной борьбы не на жизнь, а на смерть и искусно воспользовавшийся великой новой силой, целой системой последовательных реформ придала государству новый вид, поставили империю на ноги и на некоторое время отсрочили ее падение, а восточной ее части дали возможность просуществовать целых одиннадцать веков. Останавливаясь подробно на реформах Диоклетиана и Константина за недостатком времени мы не будем и ограничимся тем, что отметим только главные пункты, очертив только остов нового здания бюрократической монархии со строго централизованным управлением и самодержавной, освобожденной от всех ограничивающих форм, властью императоров во главе.

Прежде всего Диоклетиан, приравливаясь к требованиям времени и понимая обнаруживавшееся не раз в продолжение III века стремление провинций, особенно западных, к самостоятельности и отдельности, а также невозможность для одного императора управиться с таким обширным, растянутым на огромное пространство государством, как римская империя (особенно ввиду опасности, угрожавшей целостности империи на северных и восточных границах), избрал, уже вскоре после вступления на престол, себе в соправители друга своего Максимиана, дав ему особый почетный титул Цезаря. Но уже через несколько лет после того, в 293 году, Диоклетиан решился назначить еще двух Цезарей, опытных полководцев Галерия и Констанция Хлора. Сам же Диоклетиан присвоил себе и распространил на Максимиана титул Августа. Управление госу-

дарством было разделено между этими четырьмя лицами следующим образом: Восток и Фракию Диоклетиан оставил себе, Италию, Африку, Испанию отдал Максимиану, Констанций Хлор получил Галлию и Британию, Галерий – Иллирию, юг Македонии и Грецию. Такая система верховного управления должна была поддерживаться всегда, причем четыре верховных правителя – оба Августа и оба Цезаря – составляли нечто вроде искусственной династии. Каждый Август, вступая в исправление своей высокой обязанности, усыновляет одного из Цезарей, который считается наследником его сана и власти. По истечении двадцатилетнего срока оба Августа отказываются от власти в пользу своих Цезарей, которые, приняв титул Августов, назначают и усыновляют себе двух новых Цезарей; эти последние, по истечении того же срока, должны заступить их место в качестве Августов и так далее в том же порядке.

Эта идея равномерного распределения власти в Римской империи некоторое время была осуществлена; во главе ее мы видим, впрочем недолгое время, четырех лиц. Несмотря на такую систему, мысль о единстве власти не исчезла, так как один из Августов носил название главного – римского императора и ему должно было принадлежать первенство, то есть решающий голос в делах управления и избрания цезарей. Таким путем Диоклетиан надеялся предотвратить произвол легионов при избрании нового императора, создать прочный и определенный закон престолонаследия, обеспечить для империи способных правителей, облегчить защиту отдаленных провинций. Сам Диоклетиан остался верен своему плану и по истечении срока в 20 лет со вступления на престол сложил с себя императорское достоинство и возвратился к частной жизни.

Сущность этого учреждения была очень скоро отвергнута, так как появилось соперничество между отдельными правителями, но некоторые частности его удержались. Так, сохранен был порядок областного управления; из четырех провинций, находившихся под властью августов и цезарей, образовались четыре префектуры: 1) Восток (Oriens); 2) Иллирия; 3) Италия с Африкой; 4) Галлия с Британией и Испанией.

Во главе управления этими префектурами стояли гражданские чиновники (*praefecti praetorio*). Первоначально такое название носили чиновники военные, начальники преторианских когорт, императорской гвардии (как, например, известный Афраний Бурр при Нероне); теперь же они сосредоточивали в своих руках только гражданскую власть. На их рассмотрение шли судебные дела высшего порядка, влекшие за собой высший денежный штраф; им же было предоставлено право помилования приговоренных к смерти преступников. Военная же власть была вполне отделена от них и получила самостоятельную организацию. Это разделение было сделано для того, чтобы лишить возможности отдельных правителей усилить свою власть до размеров, опасных для центрального правительства. При таком положении дел можно было надеяться на безопасность империи со стороны честолюбивых стремлений высших чиновников, так как без денег не могли ничего предпринять военные правители провинций, а без войска – гражданские.

Префектуры подразделялись на диоцезы (*dioceses*), которых было всего 12, диоцезы – на провинции (всего 101), также имевшие свое бо-

лее или менее самостоятельное управление. Таким образом, вокруг префектов и других правителей собирается целый штат чиновников (*comites*) самых различных наименований. Лактанций, автор сочинения «*De mortibus persecutorum*» (главный источник для истории гонений христиан, особенно при Диоклетиане), с негодованием говорит об этом увеличении должностных лиц. Система, естественно, оказывалась вредной и для муниципального строя: последние более или менее способные люди покидали курии, чтобы занять какое-нибудь более выгодное место (ведь служба в куриях только разоряла их) в рядах императорской бюрократии — это с одной стороны; с другой — чиновники центрального управления в диоцезах, которые стояли к городским общинам каждой провинции гораздо ближе, чем прежде далекое и почти неизвестное учреждение — римский сенат, гораздо больше вмешивались в дела общин, стесняли их самоуправление. Все это наносило сильный удар по разлагающемуся муниципальному строю. Деление империи на провинции впоследствии имело значение в делах управления христианской церкви: провинции совпали тогда с епархиями, диоцезы — с митрополиями; для дел же внешних и финансовых назначались также особые центральные учреждения с огромными канцеляриями.

Таким образом, деятельность Диоклетиана привела к созданию бюрократического строя в империи. В этом отношении Рим и на этот раз, правда вряд ли к пользе, послужил образцом для новейших государств Европы.

Благодаря реформам Диоклетиана ослабевшая империя восстанавливает несколько свои силы, сплачивается воедино более крепкой, хотя искусственной и потому непрочной и подверженной случайностям связью, поддерживается целой армией чиновничества, выстроенной и распределенной по ступеням длинной, расходящейся вниз во все стороны, но ведущей вверх к одному центру — императору — иерархической лестницы. Разумеется, недостатки нового строя сказались весьма скоро; бюрократизм и централизация дали только временный отдых империи, они не спасли ее от гибели, а только отсрочили смертный час, хотя, впрочем, для восточной половины империи — надолго.

Для той же цели объединения империи последующими реформами придан новый и пышный блеск императорской власти. Многие атрибуты для этого были заимствованы с Востока: явились диадема, царский жезл, одежды, установлен придворный этикет и церемониал, коленопреклонения, челобитье, целование рук, чего прежде и в помине не было. Император получает высокий титул «*Dominus*» (то есть «владыка», «господин»), тогда как прежде он, несмотря на фактическую высоту своего общественного положения, довольствовался званием «*princeps senatus*» и в частной жизни ничем не отличался от обыкновенных сенаторов и других состоятельных полноправных граждан. Регалии императорской власти Рима сделались впоследствии необходимой принадлежностью власти государей в образовавшихся на территории империи средневековых монархиях.

Вслед за тем в правление Константина в пользу Римской империи во всемирной истории совершился новый важный факт: император и импе-

рия получили поддержку в христианстве, в том самом христианстве, которое до сих пор упорно и страстно преследовалось римским правительством. Многие, объясняя мотив, побудивший Константина принять христианство, объявить его равноправность с религиями языческими в пределах своего государства, утверждают, что не одна сила нравственного убеждения самого императора в преимуществах новой веры над старыми культами заставила его обнародовать Миланский эдикт. Говорят даже, что это было далеко не главным побуждением для столь важной государственной меры, что цель Константин преследовал политическую: его глубокий и тонкий государственный ум понял непобедимую силу христианской общины и, конечно, лучше пожелал он иметь христиан в числе защитников государства, чем в числе его врагов и для того принял их веру под покровительство закона.²⁵

Этот взгляд нельзя не признать правильным. Действительно, христиане, хотя и не имевшие численного перевеса в римском государстве и составляющие еще меньшинство населения, представляли тем не менее сильную общественную организацию. Между их общинами существовал крепкий союз; все более деятельные силы государства отходили к христианскому обществу. Эту-то силу общины и понимал Константин и искал в христианах точки опоры для своей власти. Вступив же в союз с христианством, которое уже имело свою крепкую организацию, император должен был признать его в том виде, в каком оно уже утвердилось. Таким образом, государство не могло преобразовать уже утвердившиеся порядки церкви, а потому и отношение между светской властью и церковью в Риме должно было получить иной вид, чем, например, в еврейской земле – родине христианства.

Перенесение столицы империи из западной части (Рима) в восточную – Византию (Константинополь) также имело важное значение. Помимо всего прочего, факт перенесения столицы показывает, что Римская империя в сознании римлян уже более не связывалась с одним только Римом, не ограничивалась одним «вечным городом», но что все уже были убеждены, что – везде Рим, где римская монархия.

* * *

Мы характеризовали в самых общих чертах административные реформы Диоклетиана и Константина. Но наиболее интересны и важны для изучения реформы экономические, которые нам следует теперь осветить и рассмотреть в связи с вопросом первостепенной историко-экономической важности – о происхождении колоната.

Прежде всего определим, какие подати существовали в Римской империи. Отличительная черта податной римской системы, по мнению немецкого экономиста Родбертуса,²⁶ еще с республиканских времен вплоть до эпохи Диоклетиана есть единство подати и стремление облагать не отдельные виды дохода или промыслы, а все хозяйство граждан. В древнем мире вообще, а в римском в особенности, прямые подати ложились первоначально не на землю лица, или состояние (*augur mercatorium*), даже не на доход, а на все имущество лица, – такая подать называлась

tributum. Облагалось хозяйство, в которое почти нераздельно входили и земледельческие, и промышленные, и торговые элементы. Начиная с эпохи Августа единство древнего хозяйства начинает разрушаться, а вместе с тем и податей дробится. При Диоклетиане появляется уже несколько видов податей: поземельная, подушная, промысловая, торговая и т. д. Главными из них являются две: 1) поземельная (capitatio terrena или iugatio) и 2) подушная (capitatio humana). Особенное значение имеет подать поземельная.

Как она распределялась? Что составляло единицу обложения? Со времен податной реформы Диоклетиана и Константина слово iugum⁽²⁵⁾ (означает «ярмо» или «упряжка волов») – единица обложения – означала земельный надел, служивший основанием для раскладки поземельного налога; это единица распределения подати, и iugum вполне соответствует древнерусскому «соха». Благодаря недавно найденным и только что изданным сирийским отрывкам, содержащим в себе переведенный с греческого сборник законов V века по Р. Х., в настоящее время нет уже сомнения, что римская соха (iugum) или голова (caput) не есть отвлеченная идеальная, фиктивная единица или величина известной стоимости, с которой взимается известная монета, как думали прежде, а совершенно реальная единица измерения полей и земель, установленная законом в соответствии с различным качеством земли в различных местах и потому не везде одинаковая по величине.

Вот важные факты, которые теперь подтверждаются сирийским законником и могут считаться несомненными. При Диоклетиане совершенно было всеобщее измерение недвижимых имуществ в империи, введен был кадастр, составлены писцовые книги, долженствовавшие подлежать пересмотру через каждые пятнадцать лет. Правда, существуют указания на то, что общие переписи производились и раньше, даже во времена Августа. Так, евангелист Лука говорит: «В те дни вышло повеление от кесаря Августа сделать перепись по всей земле. Сия перепись была первая во время правления Квирина Сирию. И пошли все записываться, каждый в свой город» (Лука 2, 1–3). Но известие это сомнительно; в те времена общей переписи не было, имелись только частные цензы сирийских имуществ.

Такие кадастры должны были, по первоначальному предначертанию, повторяться периодически, и по прошествии каждого периода, смотря по собранным сведениям, подати должны были уменьшаться или увеличиваться. Это распределение податей называлось индиктом (indictio). Отсюда произошло в римской империи исчисление по индиктам, то есть по кадастровым 15-летиям (начиная с 312 года), по бюджетным периодам. При кадастре единицей измерения служит югер ($1/4$ десятины). Но податной величиной, подлежащей земельному налогу, единицей распределения его считалась соха – iugum или caput, которая состояла не всегда

(25) Оно естественно сближается с греч. *ύγος* – пара волов, и можно думать, что так называлась земельная единица – участок, который может обрабатываться одним плугом.

из одного и того же количества югеров, а заключала их в себе больше или меньше, смотря по тому, к какому из семи определенных законом классов земли принадлежал участок. В Сирии, например, существовала такая норма для возделанной земли помимо пастбищ:

соха равняется пяти югерам земли под виноградником
 соха = 20 югерам земли первого класса
 * = 40 * * * * * второго или лучшего класса
 * = 60 * * * * * третьего класса
 * = 225 деревьям масличной или оливковой плантации 1-го класса
 * = 450 деревьям масличной плантации 2-го класса

Таким образом, если мы оставим в стороне виноградные и масличные насаждения, то уже в римской империи земля по качеству почвы разделялась на три разряда, точно так, как это было после в Византийской империи, а затем и в Московском государстве. В последнем при определении величины сохи, то есть при определении количества податей на ту или другую местность принималось в соображение качество почвы. Вообще способ распределения налогов, употреблявшийся в Московском государстве, едва ли следует считать совершенно оригинальным, как этого желает Соколовский.

«Податная система древней России, — говорит он, — представляет в высшей степени своеобразное явление... Подати налагались в древней России не на лицо, а на имущество. Так как имущество состояло главным образом в земле, то она и была преимущественным предметом обложения... Для распространения поземельных налогов употреблялся весьма оригинальный способ. Вся занятая земля Московского государства разделялась на участки, называемые сохами, таким образом, что каждый из этих участков по доходности был равен другим и мог быть обложен в одинаковых размерах с другими.

Понятно, что при различных достоинствах земли соха не могла представлять какой-нибудь определенной величины и изменялась по временам и местным условиям. Вникая в смысл системы, вернее было бы сказать, что делилась не земля, а сумма налога разделялась на определенные, равные доли, которые потом и разлагались по земле, причем равномерность обложения не могла быть иначе достигнута, как только пропорциональным изменением величины участков. При определении величины сохи, т. е. при определении количества податей на ту или другую местность, принималось в соображение, во-первых, качество почвы, разделяемой в этом отношении на худую, среднюю и добрую. Первой полагалось на соху больше, второй — менее, третьей — еще менее: так, если в соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то средней земли шло 1000, худой 1200 и так далее» (Соколовский П. Экономический быт земледельческого населения России перед крепостным правом).²⁷

Из сказанного только что нами о податной системе Римской империи последнего периода видно, что Соколовский не прав, приписывая податной системе Московского государства такую полную оригинальность.²⁸

Итак, с целью более правильного распределения податей существовал кадастр, податные книги. Мы не знаем точно, как была сделана

опись, но только известно, что она простиралась на все римские владения. Составить ее, конечно, было трудно, это была очень важная и сложная операция, которая притом должна была постоянно повторяться, так как имущества быстро менялись, хозяйства то увеличивались, то уменьшались числом, владельцы участков беспрестанно менялись и так далее. Но правильного повторения кадастра не было, производились только частные переписи. Писцовые книги велись аккуратно; есть сходство между римским и византийским порядком их ведения и русским, так что гораздо правильнее предполагать заимствование этой системы в Московском государстве из Византии, чем от татар. Сама по себе сложность системы предполагает необходимость наличия многочисленных чиновников, которые составляли, вели и проверяли книги. Греческие названия этих чиновников сходны с русскими: дозорщики, справщики. Теперь, когда было известно, сколько следовало податей с известного количества земли определенного качества, сколько такой земли находится в каждой провинции и общине, являлась возможность правильного разложения податей. Таким образом, если в известный год император решал, что следует собрать такую-то сумму на государственные потребности, то эту сумму распределяли сначала на провинции, потом на городские общины, на курии и, наконец, сообразно с количеством и качеством земли – между отдельными землевладельцами. Общая цифра государственного бюджета подвергалась частым колебаниям, а следовательно, изменялась и величина налогов. Ярким примером того, каким огромным колебаниям могли подвергаться подати в провинциях, служит распоряжение Юлиана Отступника, понизившего в Галлии сумму податей со 100 (приблизительно) миллионов рублей до 28 миллионов.

Отсюда определяется приблизительное количество галльской поземельной подати. Из одного места похвальной речи Константину неизвестного ритор²⁹ мы знаем, что число сох в одной земле эдуев заключало до 25 000 (или 32 000); так как земля эдуев, по расчету Гиббона, = $\frac{1}{48}$ всей Галлии (Франции), то мы можем принять в последней 1 200 000 тягол или сох. Золотой солид времени Константина составлял несколько менее 4 руб., значит при 45 золотых с сохи получится всей подати до 100 миллионов, а при семи – 28 миллионов.³⁰

Раскладка податей по новой системе была легка и удобна и совершалась с аккуратностью и быстротой. Прежде всего подати лежали на земле, и государство, определив общий бюджет и части его на отдельные провинции, представляло раскладку податей между отдельными землевладельцами куриям, которые имели свои собственные писцовые книги и хорошо знали состояние земельных имуществ в общине.

Помимо заведования распределением подати на земельные имущества граждан общины, на членов курии возложена была и круговая порука в правильном внесении податей, то есть если один или несколько куриялов не уплачивали следуемого с них налога, все остальные должны были отвечать за него.

Это последнее обстоятельство тяжело отзывалось на положениисловия куриялов, ослабленного уже значительным давлением государства. Вследствие тяжелых для империи времен, нашествий варваров и дру-

гих бедствий государство постоянно увеличивало налоги, которые все падали на куриалов, так что многие из членов сословия спешили выйти из него, а оставшимся делалось положительно невыносимо выполнять все обязанности. Они были готовы, забыв о привилегиях своего почетного звания, навсегда отказаться от своего положения, и сословие прежде богатое, сословие, на котором правительство главным образом основывало свой доход, на которое оно возложило обязанность уплачивать главную массу поземельного налога, могло очень скоро исчезнуть. Понятно, что правительство не могло допустить этого, оно прибегло к принудительной мере, а именно прикрепило куриалов к их сословию и, следовательно, сделало невозможным для каждого куриала избежать возложенных обязанностей. Куриалы, которые первоначально являлись представителями городского самоуправления, превращаются в сословие служилое, с передачей по наследству звания и связанных с ним обязанностей. Новый закон заходил так далеко, что даже если куриал, умирая, не оставлял законного сына, незаконный являлся наследником его прав, вернее, обязанностей как куриала. Из такого порядка вещей следует, что звание, которое в начале эпохи империи служило приманкой для честолюбия лучших людей, в конце IV и начале V века сделалось невыносимым наказанием.

Таким образом, главной податью в финансовой реформе Диоклетиана является земельный налог (*capitatio terrena*), лежавший, естественно, на землевладельцах; второе место по важности занимает налог подушный (*capitatio humana*), который лежал, как думал Савиньи,³¹ исключительно на тех, которые землей не владели. Этот взгляд оказался, впрочем, неверным: и Цахариэ фон Лингенталь,³² и другие ученые доказали, что не только люди, не имеющие земли, например рабы, подлежали поголовному налогу, но его нередко платили и те, которые были уже обложены и поземельной податью. Подушная подать первоначально падала на низший класс городского населения (*plebs urbana*), но впоследствии он был освобожден от него, так как должен был платить в значительной степени увеличившийся налог промысловый.

В рассмотрение частных вопросов очень важного податного вопроса в реформах Диоклетиана и Константина мы не можем входить, скажем в заключение, что для объяснения последующих экономических явлений самое важное место занимает поземельный налог.

* * *

Только что очерченную податную систему, установленную для всей империи реформами Диоклетиана и Константина, нужно иметь в виду при рассмотрении вопроса о сущности и происхождении колоната, то есть крепостного сословия, заменившего в новые времена рабство древнего мира, к которому мы теперь и обратимся. Вопрос этот необыкновенно трудный и сложный, но чрезвычайно важный, так как только на его всестороннем и глубоком понимании может основываться правильное

изучение средневекового права, средневековых социальных отношений между различными классами общества.

В определении сущности колонатного права большая часть ученых согласна, так как источники говорят об этом достаточно ясно. Колоны Феодосиева и Юстинианова кодексов – крестьяне, прикрепленные к земле, за пользование которой они платят известный оброк или арендную плату землевладельцу. По своему личному положению это люди полусвободные, ими нельзя располагать, как рабами, и они не могут располагать собой, как свободные люди. Это лично свободные люди, но прикрепленные к земле (*adscripti glabae*). На этом тезисе могут сойтись тоже все ученые, занимавшиеся колонатом, но одни будут преимущественно настаивать в колонате на элементе подчинения, другие – на элементе самостоятельности. Это различие тесно связано с разницей во взглядах на положение и обязанности колонов в государстве с одной стороны, на сословное происхождение класса – с другой. На первом вопросе мы не останавливаемся, отсылая желающих к книге П. Виноградова³³ «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии», в которой он обстоятельно и хорошо разобран, а обращаемся ко второму – к вопросу о происхождении колоната, как наиболее спорному, в особенности ввиду новых интересных исследований, которые проливают на него новый свет.

Что за люди вошли в состав этого нового класса, какой из прежних классов римского общества доставил главный материал, из которого выработался новый своеобразный институт – ответить трудно. Одни ученые полагают, что в колонов обращались рабы: крупные землевладельцы сажали на свои земли рабов в качестве арендаторов. Сначала это было только делом обычной, но при Диоклетиане и Константине положение колонов было санкционировано законом. В таком случае учреждение колоната составляло прогресс в римской жизни, так как заменяло рабство другим, лучшим, более человеческим состоянием. Другие ученые представляют дело иначе; говорят, что в колонов обратились прежде свободные римские крестьяне, доведенные до этой необходимости непомерной тяжестью увеличившихся налогов. В таком случае учреждение колоната было шагом назад в римской жизни, оно заменяло лучшее, свободное, положение худшим – полусвободным.

Разберем мнения ученых о происхождении колоната, о тех условиях, которые подготовили появление и развитие этого важного института в римской жизни.

Различные мнения о происхождении колоната легко можно разделить на три главные группы: одни находят, что законодательство IV века нимало не создало какого-либо нового института колоната, а просто регулировало в подробностях, и притом постепенно, давным-давно сложившиеся в Италии или провинциях отношения; другие, напротив, выводят колонат из определенного законодательного акта римских императоров; третьи, наконец, различают в истории колоната два периода – подготовительный, когда постепенно складывались фактические отношения, послужившие материалом для колоната, и законодательный, когда в

IV веке и последующих веках материал этот был переработан и приведен в окончательной порядок законодательством.

Мы остановимся только на самых выдающихся взглядах, так как рассматривать все подробно нам не достало бы времени. По мнению Лаферьера, колонны императорской эпохи — нечто иное, как галльские клиенты, упоминаемые у Цезаря (*ambacti*) и римские клиенты времен республики, которым роздали земельные участки вместо того, чтобы держать и кормить их в доме. Он даже старается определить эпоху, когда совершился этот переход от клиентелы к колонату, и останавливается на эпохе Августа. Впрочем, он прибавляет, что сословие колонов увеличивается значительно присоединением к ним варваров.³⁴ Мнение Лаферьера не может быть принято; сходство между клиентелой и колонатом ограничивается одной чертой: клиент и колон зависят от господина, все остальное различно, и само размещение клиентов по земельным участкам в эпоху Августа есть гипотеза, не только не подтвержденная источниками, но прямо им противоречащая.

Рудорф,⁽²⁶⁾ за ним Шульц находят основы колоната не в исконно итальянских учреждениях, а в провинциальном быте. Они указывают на засвидетельствованное источниками существование в Египте и других провинциях класса мелких свободных и, по-видимому, наследственных арендаторов.³⁵ Но Рудорф и Шульц, отметив действительно интересное и важное явления экономического строя в провинциях, придали ему слишком исключительное значение. Фактом этим нужно воспользоваться, чтобы показать, что почва для развития колоната была подготовлена в некоторых провинциях с давних пор, но он не снимает с нас обязанности разъяснить вопрос о том, как сложился этот общий для всей империи институт.

Ученые, о которых мы только что упомянули, слишком пренебрегают законодательным элементом в обращении колоната и видят последнее там, где следует видеть только подготавливающие и предсказывающие его формы. Не менее неправильно весьма распространенное воззрение, по которому колонат является результатом чисто законодательного акта, юридическим институтом в собственном смысле, установлением государственной власти. К числу таких взглядов принадлежит теория Савиньи.³⁶ Знаменитый исследователь римского права ясно высказал общее соображение, которое заставляет искать источник колоната именно в государственном установлении: никакие частные соглашения, никакие фактические условия, говорит он, не могли изменить положение не только целого класса, но даже отдельного человека, вопреки установленному государством праву или помимо его, и колонат мог произойти только вследствие законодательной деятельности правительства.

Савиньи несколько раз изменял свое мнение об этом спорном вопросе, наконец, в прибавлении к статье о колонате³⁷ он присоединился к мнению тех, которые связывают образование этого нового института, столь противоречащего, как думали, традициям римского гражданского

⁽²⁶⁾ *Rudorf* A. *Rheinisches Museum für Philologie*. II. Jahrg. ang. (1828), S. 179.

права, с возникновением германских поселений на римской территории; у варваров-де этот класс уже существовал, и германские колонисты перенесли его на римскую почву. Теория эта нашла подтверждение в найденном только в нынешнем столетии одном из списков кодексов Феодосия II (от 409 г., направлен правителю восточных провинций)⁽²⁷⁾: по случаю победы над небольшим племенем сциров (готской ветви), когда взято было в плен много варваров, указ предписывает наместнику, чтобы он пригласил тех из провинциальных владельцев, которые нуждаются в хороших работниках. Им предоставлено право принять к себе пленных варваров и поселить на своих землях не в виде рабов, а на колонатном праве, то есть чтобы они оставались лично свободными, обрабатывали бы предоставляемые им участки помещичьей земли, за что должны платить им оброк, определенный законом, также доставлять известную подать и в пользу правительства. Таким образом Савиньи доказывает, что колонат есть явление, заимствованное римским правом от германского исконного быта.

Теория не выдерживает критики. Эдикт о сцирах никак не может иметь решающего значения в этом вопросе. То, что германские пленные были поселены на римской территории как колонны, доказывает только, что колонатное право уже существовало в то время в Римской империи, так как едва ли для варварских колонистов (и особенно для военнопленных) императорское правительство стало бы вырабатывать свое право, напротив, варвары должны были подчиняться существующим нормам, входить в обыкновенные рамки сложившихся веками социальных отношений.

Перейдем теперь к чрезвычайно остроумной и любопытной теории Родбертуса; взгляды его изложены в статье «Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klassischen Entwicklung Roms unter den Kaisern, oder die Adscripticier, Inquilinen und Kolonen», помещенной в «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik», изд. Гильдебранда, 2 Jahr., 1 Band, 3 und 4 Heft. Jena, 1864.⁽²⁸⁾ Родбертус внимательно изучил сочинения римских писателей, занимавшихся сельским хозяйством — Катона, Варрона, Колумеллы, Плиния и другие и при помощи остроумного и тонкого сопоставления всех известий доказывает свой взгляд на происхождение колоната; он утверждает, что это явление стояло в прямой зависимости от изменения характера римского землевладения и земледела.

Родбертус выводит происхождение колоната в его различных видах и степенях (*coloni*, *adscripticii* и *inquilini*) единственно из общего хода развития аграрных отношений в Римском государстве и представляет его не исключительным, а общим аграрным институтом того времени. Он вооружается против мнения тех, которые утверждают, как Гегель (Hegel

⁽²⁷⁾ Текст открыл в 1823 г. А. Реугоп в Туринском палимпсесте кодекса Феодосия. Это конституция императоров Аркадия и Гонория (*Constitutio de Scuris*). Издан: *Cod. Theod.* / Ed. Haenel. V, 4, 3. S. 459.

⁽²⁸⁾ Статья эта переведена на русский язык студентами Демидовского лицея под редакцией проф. Тарасова в 1881 г.

«Gesch. der Städteverfassung Ital.»),³⁸ что колонны прежде всего были вполне свободными людьми и только вследствие тяжелых экономических условий впали в зависимое положение.

«Я буду указывать, – говорит он, – что ход развития был совершенно обратный и что адскрипции, инквилиты и колонны (различные виды крепостных) развились из обыкновенных сельских рабов землевладельцев». Две совершенно определенные искомые точки ведут его к этому убеждению: во-первых, переход от крупного хозяйства (Latifundien – Wirtschaft) к мелкому (Parzellen – Zwergwirtschaft), который в промежутки времени между Плинием Старшим (при Веспасиане) и Плинием Младшим (при Траяне) совершился таким образом, что хозяева больших имений роздали небольшие части их своим рабам за натуральный оброк. Это привело прямо к колонату – наиболее свободной и выгодной форме крепостного состояния. Во-вторых, то обстоятельство, что когда после прекращения значительных завоеваний приток рабов на невольничьи рынки остановился и нужно было землевладельцам самим разводить рабов, на латифундиях образовались рабские роды, которые (так как сельские рабы причислялись к движимости, принадлежащей к поместью) сделались так называемым «железным инвентарем» имения. Этот путь ведет к адскрипциям и инквилитам. Позднее социальному материалу, который накопился на этом двойном пути, придана была форма колонатного права различных оттенков законодательством константиновских и послеконстантиновских времен.

Таким образом, развитие римского землевладения, по мнению Родбертуса, должно было привести к тому, чтобы труд более свободный был признан более выгодным, чем труд рабский. Последуем за Родбертусом в интересных рассуждениях, которыми он старается доказать свою оригинальную мысль.

«По правде, – говорит Плиний Старший, – латифундии погубили Италию, а также и провинции»⁽²⁹⁾ (verumque confitentibus latifundia perdere Italiam, jam vero et provincias). Каким образом совершился процесс сосредоточения прежних исконно римских мелких хозяйств в немногих колоссальных центрах, почему латифундии, поместья римских вельмож, значительные части которых пустовали под пастбищами, а другие обрабатывались руками скованных, заклеянных рабов, почему они принесли такой вред – это все в блестящем очерке описывает Моммзен в «Римской истории». Много прекрасных страниц посвящено там научному и, вместе с тем, художественному воссозданию картины социально-экономического положения римского общества.

Приступая к объяснению вышеприведенных слов Плиния, Родбертус говорит, что нужно понимать термин latifundia не только в смысле обработки земли – это были не только крупные земельные имущества, комплексы собственности⁽³⁰⁾ (Eigentumskomplexe), но и крупные хозяйственные предприятия – комплексы (grosse Wirtschaftscomplexe). Этот

⁽²⁹⁾ Плиний Старший. Естественная история, XVIII, 7.

несомненный факт Родбертус констатирует, не входя в рассмотрение причин. И, по его мнению, не столько крупное землевладение, сколько способ ведения хозяйства, система обработки земли крупными хозяйствами довела Италию чуть не до гибели. Далее, продолжает даровитый экономист, в промежуток времени между Плинием Старшим и Плинием Младшим положение дел изменилось; причем землевладение осталось крупным, латифундии остались и даже, может быть, увеличились, но вместо прежней системы обработки земли в огромных имениях, которая производилась в последнее время республики и первые годы империи толпами рабов, является теперь обработка мелкая, латифундии раздробляются хозяевами на мелкие фермерские хозяйства, которые отдаются на правах аренды обыкновенно собственным рабам помещика.

Чем объяснить такую резкую перемену?

Родбертус приводит несколько причин; одни из них сельскохозяйственного, другие – политико-экономического характера. Остановимся только на последних.

Изменение системы ведения хозяйства объясняется изменением спроса на рынке, на котором стали требоваться со времен империи другие сельскохозяйственные продукты, чем прежде. Распределение национального дохода определяется всегда национальной потребностью, которая обнаруживает себя на рынке. Этот выросший национальный спрос определяет, в свою очередь, национальную производительность в сельском хозяйстве и промышленности. Наконец, вызванная спросом сельскохозяйственная производительность определяет весьма часто меру и величину обрабатываемых (возделываемых в виде отдельных хозяйств) земельных участков. Продукты так называемой «мелкой культуры» – садовые продукты разных сортов, затем разведение домашней птицы и так далее – производятся с гораздо большей выгодой на мелких участках, тогда как крупные хозяйства могут держаться только там, где господствует спрос на зерновой хлеб и на такой скот, который может выносить далекую перевозку.

В странах, где экономическое влияние имеют большие, населенные города, господствует обыкновенно спрос на продукты мелкой культуры, и потому большие хозяйства, естественно, распадаются на мелкие.

Рабы трудились в крупных поместьях Рима и Италии в первом веке империи, когда обращение товаров и производимых продуктов проходило в спокойных условиях и когда все хорошие и дурные побуждения свободной торговли могли беспрепятственно обнаруживать свое действие. Значительный прирост населения и еще более значительное увеличение богатств, которые из всех прибрежных стран Средиземного моря стекались в Рим и Италию, должны были выработать на рынке новый спрос, совершенно отличный от того, который выставляло немногочисленное

⁽³⁰⁾ Что крупное землевладение не везде и не всегда совпадает с крупным хозяйством, – говорит Родбертус, – видно лучше всего на примере нынешней Ирландии; там господствует сосредоточение земли в руках немногих и, наряду с этим, мелкая обработка ее – фермерские арендаторские хозяйства, которые дробятся на еще более мелкие участки, раздаваемые фермерами для обработки бедным людям.

население, ограниченные расстояния и простота нравов Рима в эпоху до греческих, азиатских и африканских завоеваний. Явилась потребность в продуктах именно мелкой культуры, и тогда культура Италии приняла чисто «садовый» характер; земледельцы последовали за новыми экономическими побуждениями, повиновались новым экономическим отношениям, и крупные хозяйства раздробились.

Родбертус объясняет это явление весьма простым политико-экономическим законом, который остроумно и прекрасно изложен Тюененом (Thünen) в его сочинении «Der isolierte Staat». Вот смысл этого закона. Если мы представим себе государство с большим городским центром, который привлекает к себе все полевые продукты окрестной территории и сам отдает ей свои ремесленные изделия, то и он, центр, должен оказывать влияние на производимые культуры; тогда различные системы обработки земли и вообще сельского хозяйства, разные производства должны будут расположиться около этого центра в виде концентрических кругов. Ближе к центру будут возделываться продукты, не терпящие далекой перевозки – садовые продукты, цветы, фрукты, овощи, а также домашняя птица. Второй круг, более отдаленный от центра, будет занят интенсивно возделываемыми земельными участками; еще далее расположится область экстенсивного полеводства; наконец, в самых отдаленных частях будет процветать пастбищное хозяйство и скотоводство. Таким образом, ближе к городу располагаются мелкие хозяйства, а крупные могут развиваться только в самом отдаленном кругу, при котором сравнительно незначительные расходы, сопряженные с системой пастбищного хозяйства и скотоводства, и дешевизна жизни дают возможность выносить дороговизну перевозки производимых продуктов (то есть скота).

В Италии, продолжает Родбертус, таким центром был Рим, а вся Италия сама по себе производила такое же влияние центра на остальные области огромного государства. Хлеб привозился в Италию из провинций и там еще могли держаться латифундии в широком смысле слова, хотя и там применяется закон Тюенена, в Италии же – на всем ее пространстве – они раздробились на мелкие частные хозяйства.

Не следует слишком буквально понимать слова Родбертуса, как это делают его новейшие исследователи и противники. Тем не менее положение это можно считать весьма справедливым. На основании этого закона в Италии преимущественно должна была развиваться садовая культура, требовавшая мелкой обработки.

При разборе этого вопроса нужно еще принять во внимание изменившиеся римские привычки. Когда римские богачи-землевладельцы перестали лично заниматься сельским хозяйством, они, естественно, оставили свои деревенские жилища, переселились в Рим, предоставив ведение хозяйства управляющим (villici). Но система обработки полей рабами под управлением виллика, вместе с упадком и вырождением самих рабских поколений, падала, хозяйства латифундий разрушались, а класса свободных арендаторов, которым можно было бы сдать землю, не было. Когда еще при этом итальянский рынок стал требовать других продуктов, кроме хлеба, и когда начал ощущаться недостаток управляющих латифундиями, помещики должны были перейти к мелкой, частичной

культуре (*Kleinwirtschaftssystem*) и системе мелкой аренды (*Kleinpachtsystem*). Если бы тогда господствовали наши социальные отношения – свобода личности и капиталистическое хозяйство, то, естественно, при этих условиях выработался бы класс свободных арендаторов, которые выплачивали бы аренду деньгами. Но так как не было в древности таких свободных людей, из которых мог бы образоваться класс мелких арендаторов, и так как денежное хозяйство к этому времени находилось в упадке, то владельцы крупных поместий должны были, раздробив латифундии на мелкие фермерские участки, размещать на них своих же собственных рабов. Последние должны были землю обрабатывать и вместо денег вносить за определенный период времени плату или оброк натурой. Такие люди стали называться колонами, хотя, разумеется, в первое время после этого изменившегося их положения они все-таки оставались такими же рабами, как и прежде. Таким образом, первоначальные колонны – те же рабы, но такие, которых хозяин, переходя к мелкой культуре, сажал как оброчных работников на своей земле.

Объяснив таким образом происхождение колоната в собственном смысле, Родбертус переходит ко второму вопросу: обращается к адскрипциям и инквилинам.

Первым о них упоминает Марциан, указывая на рескрипт Марка Аврелия, который гласит: «*Si quis inquilinos sine praediis, quibus adhaerent, legaverit, est inutile legatum...*».⁽³¹⁾ Здесь говорится о том классе, который потом стал называться адскрипциями. Как же совершился процесс прикрепления людей к земле?

В эдикте Марка Аврелия говорится об обыкновенных рабах, которые уже в большинстве случаев из поколения в поколение оставались на одном и том же земельном участке. Каждое римское имение имело значение только в совокупности со своим инвентарем: рабочим скотом, хозяйственными постройками, земледельческими орудиями и т. д. К таким же инструментам причисляли раба (*instrumentum vocale*). Когда имения закладывались или совершались другие юридические сделки, которые давали право на имущество третьим лицам, в особенности когда хозяйства стали дробиться и отдаваться по участкам в аренду, то являлась необходимость как-то охранять положение рабов; выработался обычай, по которому рабы, выросшие на известной земле, составляли ее необходимую принадлежность как железный и неподвижный инвентарь, и потому вносились в книги, приписывались к земле, и различались первоначально от колонов, посаженных на землю. Весьма вероятно, что обыкновенные рабы раньше были прикреплены, приписаны к земле, внесены в инвентарные книги, чем рабы-колоны, так как они не принадлежали к инвентарю имения. Колонов из посаженных на землю рабов господин мог свести с земли когда угодно и обратить опять в обыкновенных рабов. С адскрипциями сделать такую вещь было трудно, так как они составляли необходимую принадлежность земли. Но чем более распространялся обычай сажать рабов на участки в виде колонов, тем более они счита-

⁽³¹⁾ Dig. XXX, 1. 112: «Если кто завещает инквилинов без недвижимой собственности, к которой они принадлежат, то этот легат недействительный».

лись прикрепленными к земле, на которой сидели, и, наконец, также были приписаны к ней.

Таким образом, говорит Родбертус, смотря по различию занятий рабов на земле, возникло два вида адскрипциев – приписанные арендаторы (колоны) и обыкновенные приписанные рабы – рабочие (инквилиты). Но пока ни те ни другие не переставали быть рабами и ни одно место в источниках не дает нам права смешивать их с позднее возникшими свободными колонами.

Рабы (*servi*) законодательным образом довольно долго не были связаны с землей. В таком положении они оставались до финансовых и податных реформ III и IV веков. Тогда только римское правительство приняло ряд мер, по которым сначала только по воле своих господ они сидели на известных землях в виде арендаторов, потом были прикреплены к этой земле.

Мы видели, что в конце III и в начале IV века, при Диоклетиане и Константине, совершились многие преобразования. При этих же императорах совершенно было как бы прикрепление и высших классов. Подобно тому как мы видим, что и в России прежде высшие классы были обязаны службой, а низшие прикреплены к земле, так нечто подобное совершилось в то время и на римской почве. Имущие классы были прикреплены к званию куриалов, и на них наложена обязанность государственной службы и ответственность за правильное внесение податей. Куриалы-землевладельцы отвечали своим имуществом, круговой порукой, за внесение земельного и подушного сборов. Главный источник доходов куриала – земля, которая, чтобы приносить постоянный доход, должна была тщательно обрабатываться, иначе она теряла свою цену. Сюда легко вывести, что новая финансовая система, обязательная круговая порука куриалов, самая обязанность этого звания и правильного взноса ежегодных податей – все это вело к закреплению рабочей силы, к прикреплению колонов и рабов.

Родбертус находит даже следы законодательства, которое прикрепляло колонов к земле и определяло канон, то есть что колоны должны были вносить определенный оброк, определенное количество повинностей господину; ибо если бы землевладельцы стали слишком много с них требовать, то их платежные средства истощились бы, и правительству трудно было бы получить свои подати. Родбертус весьма остроумно разбирает постановления по этому вопросу. Рассмотрим несколько подробнее его выводы.

Постановления об адскрипциях, колонах и рабах находим мы в кодексах Феодосия II и Юстиниана. Но сами кодексы не представляют полного собрания законов, не содержат в себе императорских эдиктов в том виде, в каком они были изданы, а представляют только «своды» законов, только статьи, переработанные и расположенные составителями в хронологическом порядке, так что в этой конституции мы не имеем в полной мере достоверных для нас сведений. Но все-таки тут всегда обозначено, какому императору принадлежит эдикт и когда он издан, так что недостает только подлинности самих эдиктов.

Не совсем легко восстановить ход этого законодательства. Все статьи в кодексе Юстиниана имеют характер только констатирующий (признающий, подтверждающий), а не конституирующий (создающий), и в этом лежит причина трудности их исследования. Но Родбертус полагает, что по этим отрывкам можно все-таки приблизительно восстановить исторический ход законодательства и определить его первоначальный вид. Для этого он берет отдельные статьи, прежде всего первую статью *Codex Just. XI, 50.1* (в издании Krueger'a, pag. 989). Статья эта говорит об учреждении канона и, судя по заголовку, принадлежит Константину Великому (отнесена к 325 г.).

Родбертус полагает, что эта статья стояла в императорском эдикте и что именно Константин ввел этот порядок, а не только констатировал его существование. Таким образом, он приходит к тому, что конституция относительно нормы, канона, по которому рабы становятся обязанными своему господину, здесь является в первый раз. Следовательно, эдиктом 325 года вводится этот канон: господа могут взимать от колонов только известное количество повинностей. Так же рассматривает Родбертус и другие статьи, относящиеся в этому вопросу, и приходит к следующим выводам.

1. Этими законами постановляется, что *coloni* – фермеры и рабы, издавна сидящие на землях крупного владельца, – обязаны платить ему определенную натуральную или денежную повинность, известный оброк, тогда как прежде в этом отношении не было определенных правил – землевладелец мог брать с колонов сколько угодно.

2. Через два года после этого вышел закон, который запрещал переводить рабов из одной провинции в другую, из одной *civitas* в другую. Это постановление имело характер государственный, фискальный, потому что если бы фермеры были переводимы из одной провинции в другую, это было бы весьма чувствительно для казны, так как оставленная провинция потеряла бы источник дохода, а следовательно, и источник уплаты податей.

3. Далее следует уже мера, запрещающая разделять семейства колонов; таким образом, то, что прежде делалось только на основании чувства справедливости и гуманности, теперь должно делаться на основании закона: если господин хочет продавать рабов, то должен продавать сразу целую семью, не разъединяя ее членов.

4. В 367 году, при императорах Валентиниане и Валенте, следует постановление, по которому сельских рабов (*servi rustici*) запрещалось переводить и продавать отдельно от земли. Этим завершен был процесс прикрепления к земле рабочей силы.

Таким образом, положение людей рабского состояния, посаженных на известных участках земли господами вследствие выгод этих последних, потом ввиду вмешательства государственной власти, вызванного фискальными целями, стало лучше и они платили точно известный оброк. Впрочем, это делалось и для того, чтобы они правильно вносили подати. Раз это учреждение колоната появилось, само собой разумеется, что количество колонов, людей, возвысившихся над рабским положением, увеличивалось. В число их стали поступать добровольно и другие

лица, и таким образом появляется вид свободных колонов (*coloni liberi*). Эти последние появлялись различным образом. Те же рабы, колоны, прикрепленные к земле, могли быть отпущены на волю на известных условиях: они делались фермерами, и потомки их оставались лично свободными. Впоследствии и варвары могли быть поселены на известных условиях: жить неизменно на отведенной им земле, обрабатывать ее, платя повинности хозяину и государственные подушные и поземельные подати. Кроме колонов, произошедших от рабов, и свободные люди дали известный материал для образования сословия, которому суждена была долгая будущность в средние и новые века в Западной Европе и которому предназначено было служить точкой отправления для развития других явлений сословного и экономического характера.

Это объяснение происхождения крепостного сословия может служить и ответом на вопрос, каким образом исчезало рабство. Древний мир держался рабством. Один человек был вещью, одушевленной собственностью другого человека. Обыкновенно уничтожение рабства приписывают влиянию христианства. Несомненно, что христианство имело и в этом смысле благотворное влияние на человечество, но помимо того само экономическое развитие приводило к уничтожению рабства, потому что труд свободный оказывался более выгодным, чем труд рабский. Колонат черпал свой образующий материал из рабской среды: рабы малопомалу возвышались до положения крепостных, многие рабы обращались в колонов, хотя, правда, оставалось еще значительное число адскриптициев (приписанных к земле рабов) и даже обыкновенных рабов. В этом уже великий прогресс. Таким образом, по мнению Родбертуса, при разрешении вопроса об уничтожении рабства необходимо всегда иметь в виду колонат как промежуточную ступень между личной бесправностью невольника и личной свободой полноправного индивида.

Нельзя, разумеется, не сказать, что привлекательная теория происхождения колоната, развитая так остроумно, хорошо и блестяще Родбертусом, имеет свои слабые стороны: она слишком смела, иногда парадоксальна и потому, естественно, должна вызвать возражения.

Против нее вооружается Гейстербергк.⁽³²⁾

Возражения его не всегда справедливы, так как он чересчур буквально понимает представление Родбертуса о том, что на всю Италию распространилась область первого круга Тюненского «*isolierte Staat*»; слишком уж широкий смысл хочет он приписать мнению Родбертуса, что вследствие влияния города Рима, как огромного центра скученного населения, почти по всей Италии распространилась мелкая культура. Он доказывает это целым рядом положений, с которыми согласен и Виноградов («Происхождение феодальных отношений»), но которые не всегда основательны.³⁹ Гейстербергк говорит, что интенсивная обработка огородов, виноградников, фруктовых садов встречается в Италии только спорадически; большая же часть страны была погублена латифундиями, обращена в пустыню или пастбища.

⁽³²⁾ *Heisterbergk*. «Ueber die Entstehung des Colonats» в журнале Г. Зибеля «*Historische Zeitschrift*», 1877.

Далее он восстает также против мнения Родбертуса о том, что колонны в большинстве случаев – прежние рабы. Для того чтобы из рабов могло возникнуть новое сословие, доказывает Гейстербергк, чтобы в связи с этим развилась мелкая культура, должно было прежде значительно увеличиться население. А вместе с тем известно, что в Италии в I столетии по Р. Х. все население, и даже рабское, не увеличивалось, а скорее уменьшалось и колонат развился совсем не так, как говорит Родбертус. Замечание это, к сожалению, не ясно. По мнению Гейстербергга социальный материал для образования нового сословия дали свободные люди, которые поневоле переходили в колонны и садились на земле богачей, так как потеряли свою землю. Однако тут ему представляется возражение, силу которого он сам заранее признал. Возражение в следующем: свободных людей, мелких землевладельцев, из которых образовался класс колоннов, было недостаточно, по крайней мере в Италии. Все шло к тому, что число мелких землевладельцев все сокращалось и наконец восторжествовала крупная поземельная собственность. Откуда же вдруг к IV веку осталось такое большое количество свободных людей, мелких землевладельцев и земледельцев, что они могли образовать сословие крепостных, на которых держался экономический быт страны?

Гейстербергк устраняет это возражение гипотезой, что первоначально колонат развился не в Италии, а в провинциях, и именно в хлебодородных провинциях, таких как Египет, Африка и отчасти Испания, которые даже дань платили хлебом, они главным образом жили хлебопашеством. Рим кормился привезенным оттуда хлебом. В этих-то провинциях, вследствие усиленного производства хлеба, сосредоточилось очень густое население. Это важно для Гейстербергга и составляет второй главный пункт его теории. Если на провинции и распространялся погубивший Италию процесс образования латифундий, то это происходило потому, что провинции должны были поставлять много хлеба в Рим. Но здесь мелкие землевладельцы не сгонялись с земель, на которых прежде сидели. Напротив, крупный посессор, купив участки, предпочитал оставить их тут, потому что ему выгоднее было получать с них дань хлебом, который потом отправлялся в Рим. Таким образом, Гейстербергк полагает, что крупные хозяйства с производством труда рабскими руками и с преобладанием, как в Италии, скотоводства, которое было гораздо доходнее на латифундиях, чем хлебопашество, не могли развиваться в хлебодородных провинциях (приблизительно то же говорит Родбертус). И характер податных постановлений по отношению к этим провинциям привел к тому, что посессорам выгоднее было оставлять на участках прежних фермеров (так делали позднее лорды Англии и Шотландии), обязав их вносить известное количество хлеба как оброк посессору.

Таким образом, главные два пункта по теории Гейстербергга те, что Италия вовсе не перешла в это время к мелкой, садовой культуре и что колонат развился не в Италии, а в провинциях, причем социальный материал для образования сословия поставляли не рабы, а свободные люди, прежние мелкие землевладельцы, оставленные крупными посессорами на купленных у них участках в качестве арендаторов, мало-помалу вошедших в зависимое положение и прикрепленных к земле. Итак, по мне-

нию Гейстербергга, колонат представлял не прогресс, а шаг назад в социальном развитии человечества. Возражения и взгляды Гейстербергга, впрочем, не всегда справедливы и основательно подкреплены фактами.

Всем этим рассуждениям нанесен был серьезный удар в 1879 году открытием любопытного памятника в Северной Африке – надписи поместья *Vugunitanus*,⁽³³⁾ памятника настолько важного, что о нем высказался сам Моммзен.

Изложим сущность этой надписи по письму французского консула Тиссо (*Tissot*), помещенному в одном из бюллетеней Парижской Академии Наук.⁽³⁴⁾ Несмотря на недостающие места и на трудности чтения, пишет Тиссо, общий смысл надписи несомненен и дает возможность представить обстоятельства, при которых она начертана. Первая часть документа воспроизводит, очевидно, текст жалобы, обращенной к императору Коммоду (сын Марка Аврелия, царствовал в 180–192 гг. по Р. Х.) колонами императорского домена, название которого находится на 12-й строке второго столбца надписи – *Saltus Vugunitanus*. Таким образом, мы видим упоминание об императорских колонах, относящееся к концу II века. Колоны имени жалуются на злоупотребления, в которых оказался виновен один из подчиненных чиновников, *conductor* Юлий Максим. Под именем кондуктора нужно разуместь фермера (*fermier*), откупщика, сборщика повинностей. Колоны протестуют против несправедливых поборов, которые взимаются с них вот уже много лет («*per tot retro annos*»). Они напрасно противопоставляли этим незаконным требованиям постановления и указы императоров («*Instantibus ac supleantibus nobis vestramque divinam subscriptionem allegantibus supersederit*»). На все их справедливые протесты им отвечают только принудительными мерами: их арестовывают и заключают в тюрьмы, их даже наказывают ударами палок и розог, хотя некоторые из них римские граждане, и военная власть только поддерживает эти злоупотребления («*Missis militibus... adprehendi et vehari, nonnullos cives etiam Romanos virgis et fustibus effligi iusserit...*»). Последние строки второго столбца, к несчастью очень испорченные, говорили о другом еще притеснении, обозначенном словом, которое объяснено ниже. Императорские колоны жалуются на барщины (*oregae*), которые с них требуют без всякого права и даже вопреки интересам государственного фиска. Это обвинение, как увидим, самое важное.

Жалующиеся зывают к божественному покровительству императора. Они просят его заступиться, чтобы дарованное им законом Адриана впредь у них не оспаривалось и чтобы откупщики, фермеры (*conductores*) не присваивали себе больше права произвольно увеличивать количество и время барщинного труда («*conductorum adversus colonos ampliandi partes agrarias aut operarum praebitionem...*»). Они требуют, чтобы сообразно письмам прокураторов, сохранившихся в архивах удельного управления в Карфагене, они не обязывались выполнять больше, чем по два

(33) Поместье это относилось к виду владений – *saltus*; собственником был сам император.

(34) Опубликовано: «*Comptes rendus de l' Academie des inscriptions*» (отчет о заседании 2 апреля 1880 года).

дня барщины в год для пахоты, два для боронования и два для жатвы. Последний же столбец текста заключает вторую часть документа, то есть меры, принятые императорской властью, чтобы удовлетворить эти справедливые жалобы. В начале стоит предписание Коммода прокураторам, в котором он запрещает им требовать от колонов, вопреки действующим постановлениям, более шести баршин в год.

Документ этот чрезвычайно важен. И особенно важно в нем упоминание о колонах еще во времена Адриана, которые находились в зависимом положении; этим зависимым положением пользовались поставленные над ними низшие чиновники – сборщики податей (*conductores*), чтобы вопреки законным нормам для лежащих на них податей и повинностей, определенных при Адриане, налагать на них несправедливые, чрезмерные поборы. Из этой новой надписи видно, что и на императорских поместьях поселены были для обработки земли лично свободные, но обязанные крестьяне, в числе которых попадались римские граждане, которые назывались колонами.

Французские ученые чрезвычайно обрадовались этому документу; с торжеством они доказывали, что мнение немецких исследователей Родбертуса, Гейстербергера, Савиньи и других – только измышления их фантазий, что сущность вопроса о происхождении колоната сводится к тому, что доказывали уже раньше французские исследователи – Валлон,⁴⁰ Лаферьер; колонат существовал в Риме издавна,⁽³⁵⁾ в него входили свободные люди и клиенты, учреждение это существовало постоянно.⁴¹

Но в XV томе журнала «*Hermes*» (1880) появилась статья ученого, имя которого представляет бесспорно первый авторитет во всем, что касается внутренней истории Рима, статья знаменитого Теодора Моммзена, который отвергнул притязания французских ученых и высказал свою новую теорию.⁽³⁶⁾

Колонат, говорит Моммзен, то есть мелкая крестьянская аренда (*die bäuerliche Kleinpracht*), так же стар, как Италия, и является существенно однородным во времена Ромула и во времена короля Гумберта. Это явление обуславливается, с одной стороны, экономическим положением Италии, способом обработки полей, особенно виноделием и маслоделием, которым более удобна мелкая культура (*Kleinbetrieb*); с другой стороны, тем фактом, что при мелкой культуре труд свободный является более применимым, чем труд рабский. Никто из тех, кому доступны истинные источники познания римской жизни – пандекты и надписи, – не станет требовать доказательств для утверждения того, что эти естественные условия имели значение во все времена, а также и в эпоху Римской империи. Приведем примеры: надгробная надпись уроженца Т. Алфена

⁽³⁵⁾ Estein в статье «*Les colons du saltus Burunitanus*» доказывает, что в этом документе являются уже настоящие колонаты – крепостные в позднейшем смысле слова, которые, несмотря на барщину и притеснения, все-таки не оставляют своих участков, к которым они прочно прикреплены.

⁽³⁶⁾ Теория эта, впрочем, оспаривается некоторыми. См., например, полемика Heisterberg'a против Моммзена в «*Zeitschrift für die gesamt. Staatswissenschaft*», 1881. 2 Heft, jörg. 34. Заглавие статьи Моммзена «*Decret des Commodus für den Saltus Burunitanus*» (с. 385–441) и Nachtrag (с. 478–480).

(Т. Alfenus), гласящая: «Colonus fundi Tironiani», и его жены (colona), то есть работники этой крестьянской семьи воздвигли им памятник (№ 5505); другая надпись «С. Virgilius Marta... colonus». Далее приведем надпись путоланского крестьянина Афрания Феликса и другую, последнюю, надпись 176 год по Р. Х., — все это были свободные временные арендаторы, на что самым определенным образом указывает число лет продления аренды, выставленное везде, где упоминается о ней. Люди достигли в своем положении известного благосостояния, о чем свидетельствует сеvirат, приложенный к первой и третьей надписи, и сами надгробные надписи. Редкость подобных надписей совсем не является следствием редкости колонов. Аренда не была таким пожизненным занятием, каково призвание врача или плотника: например, в надгробных надписях из области частной жизни описывали постоянные, продолжающиеся всю жизнь занятия. Потому-то и слово *colonus* коротко, без пояснений почти не встречается в надгробных надписях, к нему всегда присоединяется число лет аренды, всегда значительное, вследствие чего положение фактически становилось призыванием всей жизни. На основании этих немногих надписей, что, впрочем, подтверждается и всеми другими исследованиями, можно скорее заключить, что значительная часть населения Италии и римского мира вообще еще во времена империи состояла из временных арендаторов.

Изменения, совершившиеся со временем в области распределения земельной собственности, как глубоко они ни проникли, не коснулись колоната в том отношении, что он как был, так и остался преобладающей формой римского хозяйства. Вместе с тем не может быть отвергнут факт влияния на колонат этих изменений, прежде всего в отношении распространенности колонов. Крайнее дробление земельной собственности естественно исключает колонат вследствие того, что владелец мелкого земельного участка не имеет возможности выделять что-нибудь из своего дохода. Факт постепенного исчезновения мелких земельных собственников среди римских землевладельцев, вероятно, повлек за собой увеличение числа арендаторов. Среднее и крупное землевладение совместимы с колонатом при преобладании мелкой культуры внутри большого поместья. Владельцы имений, находившиеся в подобных условиях, очень часто взимали ренту с земли при помощи колоната. Существует, однако, иная форма землевладения, исключаящая колонат: это обработка полей под присмотром управляющего (*villicus*) посредством рабов (*familia rustica*) и система пастбищного хозяйства, которое ведется при помощи салтуариев. Там, где крупное землевладение принимало одну из этих форм, оно влекло за собой значительное сокращение крестьянских хозяйств, являлись ли последние в виде мелкого землевладения или же мелкой аренды. Но даже ограничение колоната в отношении его распространения или сокращения не происходило ни в Италии, ни в провинциях. Что касается вопроса о том, в какой мере обе формы землевладения чередовались, каким изменениям подвергались в разные времена и в различных местностях, все это должно стать предметом особых исследований.

«Декрет Коммода чрезвычайно интересен в том отношении, что проливает новый свет на экономическое положение страны в ту эпоху и на

состояние государственных имуществ в Африке, — говорит Моммзен. — Вопрос, возбуждаемый историей колоната, остается не затронутым этим памятником. Я подразумеваю вопрос об обращении колонов в крепостных. Без сомнения, фактическая зависимость от землевладельца издавна была одной из существенных черт колоната; с этим находится в связи и уже выше нами указанный факт отсутствия крупных арендаторов в числе колонов. По всей вероятности, в таких точно отношениях, в каких в наше время итальянский *contradino*, прессующий, выжимающий виноград и прядущий шелк для своего графа или маркиза, стоит к нему, в отдаленные времена арендатор стоял к своему помещику. Часто в те времена сюда присоединялись отношения вольноотпущенников к прежнему своему господину и зависимость еще более увеличивалась.

Несмотря на это, глубокая пропасть отделяет положение клиентов от юридического положения позднейшего колона, который при личной свободе и правоспособности прикреплен к участку земли и по наследству передает это же положение своим потомкам». «Не много найдется задач, равных по своему значению задаче определить истинный смысл колоната, так как разрушение древней римской общественной жизни совпадает с упадком полной личной свободы низших классов римских граждан. Не много найдется вопросов, равных этому по трудности, вследствие отсутствия общих свидетельств в источниках и крайней сомнительности применения индуктивных выводов, особенно в этой области».⁽³⁷⁾

Далее Моммзен говорит, что вновь открытый памятник не может решить сложный вопрос происхождения колоната и отыскать ответ, когда и где в деревне, в корпорациях, среди низших чиновников, войска, декуррионов, вообще во всех родах услуг, оказываемых обществу прямо или косвенно людьми непривилегированных сословий, добровольный или хоть ограниченный сроком труд был вытеснен постоянной и наследственной обязанностью. «Я не берусь отвечать на вопрос, удастся ли проследить весь процесс роста этого нового порядка: он до того противоречит духу живого римского права, что можно с уверенностью утверждать, что первый толчок ему был дан извне, может быть, во времена германских дедиций на римской почве, при императоре Марке Аврелии. Семена германского крепостничества упали на благодатную почву и распространились далеко за первоначальные свои пределы». Вот таков взгляд Моммзена.

Таким образом, и этот великий ученый, от которого мы скорее, чем от кого бы то ни было, могли бы ожидать решения вопроса, отказывается дать окончательный вывод о колонате: он только отмечает различные ступени развития этого учреждения, указывает, что свободные колоны существовали издавна, а прикрепляться к земле они стали гораздо позднее, уже после утверждения первых германских поселений на римской

(37) Этому замечанию Моммзена, сделанному мимоходом, обиделся Гейстербергк и едко выразился о великом ученом, говоря, что люди, которые, к сожалению, слишком много знают римское право, а экономии придают слишком мало значения, конечно, легко доходят до неверных выводов.

почве после Маркоманнской войны, может быть, в связи с ними, под их влиянием.

Изложенными взглядами различных ученых мы должны ограничиться в рассмотрении далеко не решенного вопроса о происхождении и значении колоната. Надо надеяться, что этот в высшей степени важный вопрос будет разрешен Моммзенем в следующих, должных появиться томах его капитального труда, который должен обнимать историю императорского Рима. Но, к великому несчастью науки, как слышно, этой надежде не так-то скоро суждено осуществиться: труд великого историка далек еще от завершения, поскольку такой добросовестный ученый никогда не решится выпустить в свет полуобработанный материал; да при этом еще уже приготовленные к печати части рукописи сгорели во время пожара библиотеки Моммзена.

ПРЕЕМНИКИ КОНСТАНТИНА. ЮЛИАН. ТОРЖЕСТВО ХРИСТИАНСТВА

Ознакомившись с изменениями, совершившимися в системе управления Римской империи при Диоклетиане и Константине и в социальном строе римского общества, остановимся на характеристике новой силы, вступающей в мир христианской церкви и христианской цивилизации. Излагать подробно историю последних, самых ужасных лет борьбы язычества с христианством при Диоклетиане, а также историю крещения Константина мы не будем, а обратимся прямо ко времени после Миланского эдикта, остановим наше внимание на росте христианской церкви, на процессе приобретения церковной иерархией политических прав. В IV веке уже приобретает значение эта новая вырастающая сила, которая отбирает у римского государства многие функции, епископы получают гражданские, судебные и административные права; церковь захватывает эту важную сторону управления, и римское государство, как бы предчувствуя близкое падение, торопится передать молодой, нарождающейся силе власть, которая становится для него уже тяжела. Христианская церковь принимает от империи верховные права и, действительно, в мрачные века варварства является единственной хранительницей традиций погибшего античного мира.⁴²

В 313 году знаменитым Миланским эдиктом Константина Великого была признана равноправность (*parilitas*) обеих религий — языческой и христианской; христианская вера не сделалась (как неверно думают некоторые) господствующей религией империи, но, по крайней мере, была вычеркнута из списка противозаконных сект. Побуждения, по которым император решил на эту важную государственную меру, остаются до сих пор не вполне ясными. Отчасти в нем, может быть, действовало убеждение в превосходстве новой веры над старой, но главное, вероятнее всего, нужно отнести на долю политического расчета государственного человека. Он думал, что христианская община, в которую вступали наиболее энергичные люди, в силу своей организации может сделаться поддержкой разлагающейся монархии. Из борьбы с римским государст-

вом при Диоклетиане христианство вышло победителем, и Константин понял, что нужно примириться с ним, «перетянуть» на сторону государства; что хотя христиане далеко не составляли еще большинства населения империи (на Востоке около $1/3$, на Западе только $1/10$ населения были христиане), они все-таки уже слишком сильны для того, чтобы слабеющее государство могло их сокрушить. Константин сознательно стремился ввести христианство в рамки государственности, стать во главе его и воспользоваться им как орудием для укрепления власти. Для разбора вопрос этот, впрочем, представляет серьезные трудности; источников мало, да и те, которые есть, малонадежны. Например, церковный историк Евсевий Неокесарийский и языческий греческий писатель Зосим (жил в V веке), каждый со своей точки зрения, небеспристрастны и сообщают сомнительные сведения. Так, Зосим говорит, что Константин принял христианство только вследствие отчаянных угрызений совести, которые мучили его после совершенных им злодеяний и убийств. Языческие жрецы, к которым император будто бы обращался, объявили ему, что у них нет очистительных обрядов, способных загладить такие страшные злодеяния. После один египтянин объяснил Константину, что у христиан крещение считается достаточным для очищения от всяких грехов. Но это все же невероятно: жрецы Митры, культу которого император был долго предан, прекрасно могли очистить его при помощи своих обрядов и сумели бы успокоить нравственные муки.

Если Константин действительно думал, что после обращения в христианство он будет действовать над умами и что церковь поддержит государство, то он жестоко ошибался. Вскоре оказалось, что в недрах самого христианства начались волнения и раздоры, появился раскол, взволновавший и церковь и государство, вступившее в союз с ней.

Новое учение о естестве Сына Божия — арианское учение — так заняло все умы того времени, что — по свидетельству Григория Назианзина, везде только и слышались рассуждения и споры об Отце и Сыне. «На улицах и рынках, — говорит Григорий, — у мелочных торговцев и у менял, везде одна тема. Я говорю: разменяй мне эту серебряную монету, и вот, слышу в ответ назидание об отличии между Отцом и Сыном. Спрашиваю о цене хлеба — хлебник отвечает, что Сын меньше, ниже, чем Отец.

Я хочу знать, приготовлена ли баня, служитель объясняет, что Сын сотворен из ничего». Этот раздор, эти споры, занимавшие умы христиан всего восточного мира и особенно греков, поглощали всю энергию обеих партий и служили дурной рекомендацией для христианства в глазах язычников.

Преемник Константина, император Констанций (337–361), стал на сторону ариан. После него вступает на престол знаменитый Юлиан,⁴³ которого христианские писатели прозвали Отступником (греч. *ἀπο τὰτ* — Апостат). Есть люди в истории, о которых мы никогда не устанем слушать и говорить; как бы хорошо ни была известна их жизнь и деятельность, все-таки всегда хочется более вникнуть в них, чтобы еще лучше их узнать и понять. Император Юлиан принадлежит к числу таких интересных личностей. Уже целые века составляет он предмет раздора для

историков различных лагерей, и все-таки до самого последнего времени появляются новые сочинения о нем.

Подробно останавливаться на его царствовании, кратковременном, но полном глубокого интереса, мы не будем, ограничимся только несколькими намеками, а желающих отсылаем к многочисленным пособиям.⁴⁴

Из всего семейства Константина Великого один Юлиан, племянник его, каким-то случаем или, как говорят, заступничеством императрицы избежал печальной участи своих родственников, умерщвленных по приказанию Констанция. Затем он прожил около 20 лет, мучимый смертельным беспокойством за свою безопасность, то задерживаемый в глубине замка, то посылаемый на жительство без права выезда в какой-нибудь из больших городов империи, постоянно подозреваемый и угрожаемый недоверчивым и слабым государем, который не мог решиться ни убить его, ни предоставить жить спокойно. Чтобы забыться, он погрузился в науку и в ней искал утешения в несчастьях. Воспитанный в Афинах, в христианских обычаях, Юлиан, тем не менее, не чувствовал никакого расположения к христианству. Еще при жизни Констанция он был назначен Цезарем Галлии и прославился там рядом успешных действий против варваров (битва при Аргенторате)⁴⁵ и значительным уменьшением налогов с жителей провинций, о котором мы раньше упоминали. Страстно привязанные к нему легионы провозгласили его Августом, и он готовился уже к борьбе против Констанция, когда этот последний, своей смертью оставив Юлиана единственным наследником, избавил его от кровопролития. Аммиан Марцелин, который хорошо знал его (так как сопровождал в персидском походе),⁴⁶ говорит, что с самых ранних лет Юлиан увлекался культом богов (Аmm. Marc. XXII. 5, 1). Мальчик он был живой, даровитый и впечатлительный; созерцание природы и особенно свода небесного трогало его до глубины души. Отсюда, может быть, и зародилась в нем горячая симпатия к религии, которая поклоняется явлениям природы, ее обоготворенным силам. «С детства, — говорит сам Юлиан, — я почувствовал страстную любовь к лучам божественного светила. И не только днем хотелось мне устремлять свои взоры к эфирному свету, но и в ясные ночи я все покидал, чтобы идти любоваться небесными красотами; погруженный в это созерцание, я не слышал того, что мне говорили, я почти терял сознание». По всей вероятности, эти первые зародыши увлечения язычеством поддерживались кем-нибудь из окружавших Юлиана близких людей.

Он получил греческое образование, которое со времен Антонинов господствовало в высших слоях римского общества и поработило умы победителей греков. Юлиан проникся восторженным уважением к эллинизму; он с увлечением зачитывался Гомером и другими великими писателями Греции; его благородная даровитая натура вполне усвоила эллинский дух, а ум поклонялся славе греческого гения. Юлиан так сжился с греческими идеями, что с гордостью называл себя эллином; все его симпатии слились с Востоком, о Западе он мало думал, латинскую литературу почти презирал или, во всяком случае, игнорировал. Таким образом, Юлиан оттолкнул от себя весь Запад, который не выразил никакого сочувствия его попытке восстановления политезма, хотя там было и мно-

го язычников. Великое слово эллинизма, которым Юлиан так гордился, обмануло его ожидания. Он смотрел на него, как на непобедимую силу, которая должна дать победу; а оно, может быть, оказалось одной из причин его поражения. Этот предрассудок национальной гордости царствовал в особенности в школах греческих учителей, известных в большинстве случаев под именем софистов. Образование, которое давали в школах, оставалось чисто языческим; под влиянием таких замечательных учителей, как Фемистий и особенно Либаний – ум изящный и высокий, ревностный язычник, – завершилось обращение Юлиана к старому культу.⁴⁷ Если греки, лучшие люди, так верили, говорит он себе, неужели же должен мир предпочесть грубую и рабскую веру христиан (или галлеян, как он их всегда пренебрежительно называл) с их Матфеем и Лукой?

Греческое образование того времени начиналось обыкновенно с риторики, то есть изучения ораторского искусства и знакомства с литературой, и заканчивалось философией, которая к этому времени приняла, как известно, таинственно-мистический характер; оделась в мантию магии и религии и тем еще более привлекала сердца. Юлиан прошел сначала полный курс риторики у лучшего учителя – Либания. Констанций, отправляя Юлиана в Никомидию, взял с него слово, что он не будет видаться с Либанием, не будет посещать его публичных лекций. Юлиан формально сдержал слово – сам не ходил на лекции, но посылал друзей, которые тщательно записывали их, приносили молодому принцу, и он с увлечением погружался в изучение греческой литературы. Потом Юлиан перешел к философским занятиям и вынес из них полное отречение от христианства, если только он был когда-нибудь отчасти предан ему.

От философов того времени, главным образом Максима Эфесского, узнал он тайное учение неоплатоников, искусство узнавать будущее и «приближаться» к богам при помощи молитв и экстаза. Когда Максим увидел, что Юлиан вполне поддался чарам нового мистического политеизма, он, чтобы закончить его обращение, поручил это «дорогое детище философии», как его называли, элевзинскому иерофанту, который посвятил его в таинства. Это было как бы крещение вновь обращенного. Из философских занятий Юлиана выработалось своеобразное религиозное мировоззрение.

Вот и все, что мы знаем о том, как совершилось обращение Юлиана к язычеству. Оно не было случайным ударом, который сразу меняет человека. Оно совершалось медленно, постепенно, и мы можем восстановить его ступени. Очень вероятно, что Юлиан в сердце с самого раннего возраста носил инстинктивную симпатию к старой вере; гордость его как грека убеждала его в том, что боги, которыми Греция так долго поклонялась, истинные боги. Он еще больше приблизился к ним, когда слушал уроки лучших риторов, когда читал лучшие произведения греческой литературы. Но все ученые теперь согласны, что занятия философией, завершив его религиозное воспитание, утвердили в уме решение возродить и восстановить язычество. Само преподавание, сам характер философии отвечали известной потребности его души, которой не могло удовлетворить христианство. Это преподавание состояло не только в смелой метафизике, в смешении тонких рассуждений и смелых мечтаний, способных

вскружить голову; оно обещало научить средству сближения с божеством, приблизиться к нему или приблизить его к себе, услышать его голос в сновидениях или оракулах, узнать от него самого его природу и его волю. Вот чего Юлиан не находил в христианстве; его догматизм казался ему холодным, а многие души не могут обойтись без чар откровений и экстаза. В этом причина возникновения многих мистических сект в недрах самого христианства. Та же потребность толкнула Юлиана в объятия Максима Эфесского и его друзей. Многие (в особенности философы XVIII века) очень ошибаются в мотивах обращения Юлиана в язычество. На этот факт смотрят, как на революцию здравого смысла против крайностей суеверия. Ничего подобного: гораздо больше было суеверных обрядов в учении Юлиана, чем в христианстве, и если он предпочел язычество, то вовсе не от того, что находил слишком мало сверхъестественного в христианстве.

Юлиан, говорим мы, никогда не был искренним христианином, а необходимость в продолжение 20 лет скрывать свои убеждения еще более вооружила его против новой веры. При христианском дворе он не видел ничего, что бы оправдывало обещания о пришествии «золотого века», который принесен христианством. Он видел те же жестокости, ту же кровь, ту же ложь. Но что всего более восстановило его против христианства — это то, что оно было для него символом рабства. Язычество, напротив, представлялось ему религией свободы. Христианство смешивалось для Юлиана с воспоминанием о самых ужасных годах юности, и он всегда помнил, что посреди унижений и горести язычество являлось ему утешением и освобождением. Вот какие сложные причины подготовили мировоззрение, закалили решимость, воспламенили страстность последнего восстановителя язычества как государственной и господствующей религии империи.

Познакомиться с сущностью философско-религиозной теории Юлиана можно из сохранившихся отрывков его собственного обширного и очень интересного сочинения против христианства, а также многих речей и писем.⁽³⁸⁾

Учение Юлиана лучше всех восстанавливает Навилль.⁴⁸ Познакомимся с ним в общих чертах.

Истинный бог Юлиана — Солнце. Оно — принцип жизни всей природы, дает жизнь всему на земле. Планеты на небе регулируют свое движение с его движениями; все небо полно богов, которые обязаны ему рождением. Но солнце, которому поклоняется Юлиан, не материальное, видимое солнце. Это последнее есть только отображение другого, высшего солнца, находящегося вне поля нашего зрения, которое освещает в высшем мире невидимые роды мыслящих богов. Вся видимая вселенная есть отображение, тень этого высшего мира. В нем также есть солнце, центральный принцип, от которого лучами исходит гармония и проникают подчиненные принципы. Назовем это высшее солнце, говорит Юлиан, Идеей всего существующего, мыслимым Целым или Единным, или, как называет Платон, Благом. Этот высший мир есть мир абсолютной исти-

⁽³⁸⁾ *Juliani imperatoris Quae supersunt praeter Reliquias apud Cyrillum omnia* / Ed. F. Hertlein. Lipsiae, 1875–1876. Vol. I–II. Очень доступное издание.

ны, царство первичных принципов и причин. Видимый мир происходит от него и организуется по его образу, но не непосредственно. Между двумя мирами – низшим и высшим, которые слишком различны и далеки друг от друга, чтобы соприкоснуться, существует третий – посредствующий – мыслящий мир. Этот мир мыслящий есть отображение мира мыслимого, а сам служит образцом для мира чувственного (низшего), который, таким образом, является только вторичным отображением абсолютного бытия. Учение Юлиана тройственное, как большинство александрийских доктрин. Его триада составляется из следующих миров: мыслимый мир, мыслящий мир и чувственный мир. Каждому миру соответствует особенное солнце. Солнце мира мыслимого – Единое Благо – составляет для Юлиана главный предмет философских спекуляций ума, но оно слишком непостижимо, чтобы можно было к нему приблизиться.

Солнце чувственного мира слишком материально, чтобы ему поклоняться. Поэтому Юлиан направляет свое поклонение к центральному богу среднего мира и почитает его под именем Царя Солнца, посредника, при помощи которого благо и истина проникают из высшего мира в низший.

Таким образом, мы видим, что религия Юлиана построена на прочном основании и в нее введены разнообразные элементы. Исходной точкой ее служит самый древний, народный греческий культ Солнца, а затем она представляет соединение неоплатонизма, позднейших учений о Логосе, с восточным мистическим учением. Дело было поистине великое, предприятие вполне достойное гениального и сильного ума Юлиана, но осуществиться эта религиозная реформа не могла никак; на то было много причин, крившихся в самой сущности учения.

Когда посмотришь внимательно на это учение и сравнишь дело Юлиана с работой, которую совершала в то время христианская теология, немедленно заметишь недостатки, обусловившие неудачу попытки.

Во-первых, учение Юлиана было слишком темно, отвлеченно, непонятно для того, чтобы оно могло стать народной религией. Сам Юлиан сознавался, что его религию могут понять только избранные души. А христианство не признавало этих аристократических различий. Оно всем проповедовало одно Евангелие.

Во-вторых, все прекрасные теории, которые Юлиан развивает, – только спекуляции отдельного ума, с которыми можно согласиться или нет, а не догматы, которым легко верит толпа.

Далее, трудно было, чтобы его учение, составившееся из стольких разнообразных элементов, образовало единое целое. Оно впадало в ту же ошибку, что и прежние философско-богословские теории, желавшие тонкими аллегорическими толкованиями возвысить народные культы и примирить их многобожие с единобожием образованных людей.

Все это были великие заблуждения, которые осуждали смелую попытку Юлиана на гибель, на поражение от более могущественного и более соответствующего времени, более удовлетворяющего умы учения христианской церкви. Но Юлиан этого не понял и до конца жизни, который, впрочем, не заставил себя ждать, преследовал свою любимую цель.

* * *

Юлиан принял со слезами известие о смерти Констанция (3 ноября 361 года), но публично высказался в пользу языческих богов (еще 6 января 361 года он участвовал в христианском богослужении). Повсюду приказал он открыть храмы, восстановить те, которые пришли в разрушение, вновь выстроить разрушенные совсем и приносить жертвы языческим богам. Но вместе с тем провозглашена была свобода для всех вероисповеданий, сект и культов. Как естественное следствие этого начинается возвращение изгнанных епископов, пресвитеров и дьяконов; кроме того, все конфискованные имения были отданы им обратно. Тонкий расчет, заставлявший Юлиана действовать таким образом, совершенно оправдался: ссоры, смятения, брань и кровопролитие начались даже и в христианских общинах. Получив полную свободу исповедания, последователи различных сект с удвоенной энергией начали раздоры и распри.

Наконец Юлиан, созвав во дворец представителей разных сект, начал увещевать их возвратиться к взаимному согласию и любви так, как и он сам предоставил всем свободу веры. Потом император разрешил им изложить свои мнения и взгляды. Поднялся запальчивый спор, крик и брань. Тогда-то он произнес свои знаменитые слова: «Слушайте меня! Франки и алламанны меня слушали!..» Но речи делались все более гневными, раздражение усиливалось. Аммиан Марцеллин, современник и историк Юлиана, говорит по этому поводу, что нет диких зверей, столь враждебных друг к другу, как христиане (Амм. Марс. Hist., XXII. 5, 3–4).

Однако Юлиан ничего не думал предпринимать против церкви. Эдикты решительно запрещали язычникам оскорблять или беспокоить приверженцев креста или принуждать их к жертвам. Юлиан первый понял силу мученичества и неотразимость его влияния на новообращенных. Только два эдикта издал он против приверженцев новой религии и против христианской церкви.

Первый касался клира, церковного имения, а также имущества языческих храмов. Все городские имения, которые были им подарены во времена Константина, должны быть возвращены обратно. Раздача хлеба священникам христианским прекращается. Право суда, право принимать завещания, право свободы духovenства от промыслового налога и от принудительных должностей — уничтожены. Сверх того, церковь и частные лица должны возратить прежним владельцам — языческим храмам и их имущества. Алтари, статуи и храмы, разрушенные епископами, монахами и городской чернью, должны быть восстановлены христианами или они должны уплатить издержки на постройку (эдикт 313).

Второй эдикт для христиан в высшей степени опасен. «Христиане не имеют права учить свободных людей искусствам ни как грамматики, ни как риторики, ни как софисты. Нельзя, чтобы люди, позорящие богов, преподавали и объясняли Гомера, Гесиода, Демосфена, Геродота, Фукидида для ревностных их почитателей. Христиане обнаруживают грязное корыстолюбие, когда они за несколько драхм знакомят учеников с писателями, которых они сами осуждают за их безбожие. Они могут в своих галлейских церквах объяснять Матфея и Луку».

Эдикт наносит чувствительный удар христианам. Знакомство с языческой литературой было необходимо как для светских лиц из христиан, так и высшего ученого духовенства, полемистов, апологетов; так же и «святое невежество» монахов непригодно для труда проповедников. Христиане думали помочь делу скороспелым приготовлением новых поэтических произведений, которые должны были заменить им классиков. Как будто по заказу явились поэмы, излагавшие в гекзаметрах библейскую историю Саула и так далее. Но хотя христиане и утверждали сначала, что новые произведения ни в чем не уступают Гомеру, впоследствии они сами же от них отказались.

В этом состояли прямые меры Юлиана против христиан. Никакого насилия, никакого дальнейшего притеснения, способного раздражить гордых и чувствительных галилеян, не было. Богослужение и проповедь совершались свободно, ни одного епископа не было в изгнании — дело неслыханное со времени Никейского собора. Только Афанасий Александрийский был исключен из всеобщей терпимости.⁴⁹ Удаляясь в изгнание, он утешал христиан: «Не бойтесь, друзья мои, — говорит он, — это маленькое облачко, которое скоро пройдет. Посторонимся немного».

В то же время Юлиан различными частными внешними мерами старался поддержать блеск языческого культа. С новой пышностью восстановлены были алтари, щедрые пожертвования полились в языческие храмы; время Юлиана является временем магов, прорицателей, математиков и вызывателей умерших. Сам Юлиан принял звание *pontifex maximus*, приносил жертвы, устраивал языческие торжества; он суетился около алтарей, держал нож, носил дрова; снова дымились и окрашивались кровью жертвенных животных алтари храмов языческих богов. Жертвы эти были так часты и обильны, что даже язычники острили, говоря, что скоро не останется ни одного быка в стране. А христиане громко называли императора «быкосожигателем».

Действительно, реформация внутренней жизни язычества была лучшим и благороднейшим средством борьбы и победы над христианством. Но пронизательный и вместе с тем ослепленный ум Юлиана не мог придумать ничего другого, как только вводить такие же учреждения, какие выставляли на вид добродетельные христиане. Бессилие язычества выказалось прежде всего в тех самых мерах, которые принимались, чтобы его поднять. Как неоплатоники, которыми кишел двор Юлиана, проповедовали свое учение, так этот последний — свою организацию.

По его мнению, христианству нужно противопоставить языческую иерархию или вообще языческую церковь. Неоплатоники должны были сделаться проповедниками и учителями этой церкви. Верховный жрец (архиерей) являлся равным христианскому митрополиту: под его управлением стояли простые жрецы и священники коллегии провинций. Все они имели главой первого понтифика, то есть императора.

Жрецы должны были стать образцом подражания чистой и безупречной жизни для народа; они обязаны не только совершать богослужение и приносить жертвы, но и заботиться о душах своей паствы. Им запретили посещать соблазнительные театральные зрелища, которых избегали и христиане, пить в тавернах, заниматься низкими ремеслами; за всем

этим наблюдали верховные жрецы. Введена была церковная дисциплина, отлучение и покаяние.

В храмах поставили кафедры, с которых неоплатоники должны были объяснять истинное значение мифологии и побуждать к нравственной жизни. Так как неоплатоники проповедовали аскетизм, то устроены были монастыри для желающих мужчин и женщин, которые чувствовали призвание к уединенной, особенно чистой и философской жизни. Христианская благотворительность и дела милосердия, попечение об умерших, гостиницы и госпитали – все это навязывалось эллинизму. Юлиан распорядился, чтобы общественные магазины выдавали хлеб и вино, чтобы прекратилось позорное положение, когда «безбожные галилеяне кормят не только своих, но и язычников, а также и из иудеев никто не просит милостыни». Жрецы должны были внушать частным лицам, чтобы и они оказывали содействие государству.

Юлиан думал, что именно благотворительность всего более содействовала распространению христианства: не напрасно он сам раньше был христианином. Как последователи Христа учились в языческих школах, чтобы приобрести оружие для борьбы, так Юлиан думал, что хорошо изучил своих врагов и может победить их собственным их оружием.

Все это было прекрасно, но при этом Юлиан забывал одно: что средства, которые он заимствовал у христианства, вытекали из живого производительного духа новой религии, которая способна была сама заимствовать чужое и перерабатывать его в своих видах. Напротив того, эллинизм, усталый и изношенный, до такой степени был лишен живого духа, что не мог переработать чего-нибудь принесенного извне и, как сухая мертвая ветвь, должен был отпасть от умирающего дерева языческой религии.

Все меры императора Юлиана только удвоили силы христиан.

Неустрашимая, пылкая ревность овладела ими. За свое святое дело они готовы были на все. Гнев, который уже у них был, переступал все границы. Опасное положение, в котором находилась церковь, заставляло их забыть смирение и кроткую покорность. Христианская церковь, 50 лет пользовавшаяся расположением власти, заняла угрожающую позицию против язычества.

В церквах молились публично о гибели Апостата. Это был дракон, враг рода человеческого, ассириец, чудовище, Навуходоносор, Ирод, кроважное пугало, которое преследует народ Божий более свирепым, низким и вместе хитрым гонением, чем Диоклетиан и Максимиан. Но едва только христиане приходили немного в себя, как должны были сознаваться, что гонения на них нет совершенно никакого. Тогда говорилось: «Он апостат по природе, жесток, самый гнусный из людей. Разве можно назвать гидру, химеру, Цербера и Сциллу кроткими и человекоподобными? Но он вместе с тем труслив и не осмеливается откровенно выступить против многочисленного и сильного народа Божия. Поэтому он предоставляет кровавые меры городской черни, а себе оставляет только наружные обязанности и призрак человеколюбивого убеждения. С глубоким коварством он принимает вид и мягкие извивы той дьявольской змеи райской, которая живет в его груди. Но этот великоумный глупец, эта

обезьяна, подражающая христианским учреждениям, этот скоморох архилжец и тайный развратник, который ведет против персов двойную армию — одну из солдат, другую из демонов, — еще сделает то, чего не успел сделать».

Но эти фразы невинны и мягки в сравнении с клеветой, которая изливались из «святых уст» на нравственно чистого и гуманного Юлиана.

Говорили, будто он празднует ночные оргии с развратными жрицами Кибелы; что целые корабельные грузы женщин и юношей потоплены по его приказу в Оронте; что он убийца Констанция. Император Констанций, некогда «Ахав», «фараон», «Навуходоносор», — теперь «христоробивый», «великий государь, превосходивший мудростью и возвышенным характером» всех прежних императоров. Все убийства Констанция оправдываются; выражается только сожаление, что он пощадил Юлиана. Это (почти все) слова Григория Назианзина. Мало-помалу борьба принимает уже агрессивный характер со стороны христиан. Верующие, одушевленные особенно деятельным благочестием, противились предписанной открытию языческих храмов и предавали их огню. Епископ Георгий Александрийский⁵⁰ хотел строить церковь на одном месте, которое еще Констанций отдал христианам; он нашел там скелеты и черепа, которые прежде служили для гаданий жрецам, и торжественно объявил, что это останки человеческих жертв. Толпа христиан с насмешками и негодованием носила кости по улицам. Но языческая часть населения Александрии взволновалась; епископ был убит.

Епископ Марк Арегузский, прославивший себя сжиганием языческих храмов, отказывался теперь уплатить даже одну драхму — в виде символической платы, которая для формы только, для внешнего признания вины была установлена императором. Когда Юлиан прибыл в Антиохию, христиане встречали его на улицах во время процессий пением вместо псалмов сатирических стихов, сочиненных про него. Лица, которые преследовались за оскорбление величества или святотатство, чествовались как мученики.

Юлиан увещевал язычников вооружиться терпением, а сам выслушивал и переносил с кротостью все упреки, угрозы и оскорбления христианских епископов. Один раз престарелый слепой епископ Марис Халкидонский сказал ему: «Я благодарю Господа, что он закрыл глаза мои темнотой, я могу теперь не видеть тебя — безбожника», — Юлиан промолчал.

Таким образом, Юлиан встречал всюду в христианах стойких и ярых врагов. Друзей же и энергичных помощников он почти не находил. Язычники встречали его холодно; в Антиохии, когда он отправился в храм для принесения жертвы богам, то не нашел там ни одной души молящихся, и единственный жрец с одним жалким жертвенным петухом под мышкой нарушал пустоту храма. Одряхлевшее язычество индифферентно принимало энергическую попытку страстно убежденного в его правоте и превосходстве императора спасти и возродить его.

Юлиан становился беспокойнее. Раздражение и горечь увеличивались, усиливалась горячность. Он чувствовал, что начал борьбу с врагом, который по духу, энтузиазму и громадной энергии был несравненно

сильнее его. Трудно сказать, чем дело кончилось бы; по всей вероятности, в конце концов загорелась бы страшная междоусобная религиозная война, если бы смерть Юлиана летом 363 года не прекратила одним внезапным ударом натянутое, обостренное положение.

Он умер от раны, нанесенной ему стрелой во время похода против Новоперсидского государства. Приводимые христианами писателями его предсмертные слова: «Ты победил, Галилеянин» (то есть Иисус Христос) — чистейший вымысел.⁵¹ Добросовестный историк Юлиана Аммиан Марцеллин совсем не так описывает последние минуты императора, которого жизнь поставила в такое безвыходно-трагическое положение.⁽³⁹⁾

Юлиан умер. Известие о его смерти возбудило ликование и вызвало радостные крики христиан. «Услышьте, все народы, внемлите, все обитатели земли, — восклицали ревнители христианской веры. — Я призываю к великому и возвышенному песнопению. Услышьте, люди всякого языка, всякого возраста и пола, живущие и имеющие жизнь. Услышьте, силы небесные, и вы, сонм ангелов, — погиб и уничтожен тиран! Не Сигон, царь Аморейский, ни Ога, царь Васанский,⁵² — малые князья, которые утесняли только Израиль, малую часть земли, но этот дракон, этот апостат, великоумный ассириец, этот общий враг и обманщик рода человеческого, который всю землю осыпал угрозами и яростью...».

Деятельность Юлиана была последней попыткой язычества одолеть торжествующего врага. Кровавое и бесполезное гонение христиан Диокле-

⁽³⁹⁾ Смерть, которая подвергает агонии, и разложению человеческое тело, подвергает также последнему и торжественному искушению чувства, которыми душа человека была полна во время жизни. Человек умирает как может, а не как хочет. Юлиану суждено было умереть как он хотел, в полном сознании. Он воспользовался возможностью, чтобы в последний раз почтить перед друзьями религию, которую он так страстно любил и служению которой посвятил свою жизнь. Аммиан Марцеллин приводит предсмертные слова Юлиана. Позволю себе поместить здесь для желающих эту любопытную, трогательную речь: «Друзья, — говорил умирающий 32-х летний император тем, которые окружили его смертное ложе, — время пришло; вы видите, нужно расставаться с жизнью и отдать природе, как подобает добросовестному должнику, все, что она мне дала, я расплачиваюсь с ней с радостью, а не сожалением, как можно было бы думать. Общее мнение философов убедило меня на самом деле, что счастье пребывает в душе, а не в теле, и что нужно радоваться, а не огорчаться, когда лучшая часть нашего существа отделяется от худшей. Я думаю так, что смерть часто величайшая награда, которую могут ниспослать людям добрым небесные боги. Я принимаю ее, как милость, которую мне посылают они, чтобы я не погиб посреди трудностей жизни и чтобы душа моя не пала, не унизилась; я не сделал ничего такого в чем бы раскаивался и воспоминание бы о чем заставило меня краснеть, ни в тот промежуток времени, когда меня удалили в темный и далекий угол земли; ни с тех пор, как я принял бразды правления. Я смотрел на власть, как на истечение божественного могущества. Мне кажется, что я сохранил ее не запятнанной, управляя государством с умеренностью и не предпринимая ни наступательных, ни оборонительных войн без строго взвешенных причин. Твердо уверенный, что целью всякого лучшего управления должны быть интересы и благо народов, я всегда, вы знаете, стремился к умеренности. Я изгнал из своих действий своевольный произвол, который портит нравы государства. Всякий раз, как отечество, эта мать, которая должна приказывать своим сынам, повелевала мне идти на опасность, я спешил вперед с радостью». И когда раздалась вокруг него рыдания: «Замолчите, — произнес он, собрав последние силы, — вы слишком жалеете государя, который отходит на небо к звездам». Вот как описывает Аммиан Марцеллин последние минуты жизни Юлиана (Hist. XXV. 3, 15—20, 22).

тианом показало, что оно не может спасти себя мучениями и казнями врагов. Бесплодное мероприятие Юлиана подтвердило, что оно отжило свой век, что оно не способно к возрождению и самозащите. Язычеству оставалось только исчезнуть во мраке со своими последними, доведенными до отчаяния, сторонниками.

* * *

Преемником Юлиана был Иовиан, который царствовал только несколько месяцев (363–364). Его правление не могло иметь большого влияния на судьбу империи. Едва шесть месяцев провел он в Константинополе; на Западе узнали в одно и то же время, что он воцарился и что он умер.

Однако Иовиан поспешил подтвердить формальным законом свободу совести: после 30-летнего перерыва была восстановлена сила Миланского эдикта, нарушенного арианом Констанцием.

Закон Иовиана не входит в кодекс Феодосия II, но что он был издан и обнародован, не подлежит сомнению. По своему обычаю церковные писатели (Сократ и Феодорит)⁵³ утверждают, что Иовиан запретил совершенно языческое богослужение, языческие храмы были закрыты, первосвященники скрывались, а софисты сбросили свои плащи и обрезали бороды. Одним словом, что ужас господствовал в языческом лагере. Без сомнения, софисты жалели о смерти Юлиана, но едва ли все эти подробности правдоподобны.

Депутация, отправленная константинопольским сенатом, во главе которой стоял знаменитый Фемистий, встретила Иовиана в Дадастане. Красноречивый Фемистий держал речь, которая была потом, по словам Сократа, повторена в Константинополе при стечении всего народа (Hist. Eccl. III, 26).⁵⁴

«Такая заботливость и твоя любовь к людям, — говорил он между прочим, — обнаруживалась при самом начале в попечениях об устройстве религии. Ты один понял, что государь не всегда может действовать принуждением на своих подданных, что есть вещи, которые ускользают от авторитета и силы и так же мало поддаются приказаниям, как и угрозам. Добродетель и особенно уважение к богам и религии принадлежат к числу их. Чтобы они не обратились в пустой наружный знак, необходимо, чтобы государь оставил каждому возможность следовать свободному и вольному побуждению души. Как глава государства ты объявил законом, что дела религии и почитания божества будут предоставлены свободной воле каждого. Ты следовал примеру Божества, которое вложило во всех людей общую наклонность к религии, восхотело, чтобы свобода и воля каждого решали относительно способа почитания Бога. Кто вмешивается в это с помощью силы, тот похищает у людей право, дарованное им самим Богом. Я считаю этот закон столь же важным для нас, как и договор, заключенный в Персии: по этому договору мы получили возможность жить в мире с варварами; твой закон дает нам ту выгоду, что мы можем жить между собой без раздоров и смятений».

Возвышенная и благодарная речь, хотя и принадлежащая язычнику. Что касается христианских писателей, то одни из них делают из Иовиа-

на преследователя язычества, другие объясняют кратковременность его правления тем, что он оказал покровительство Максиму и Приску, которых Юлиан взял с собой как гадателей в поход на персов, и, сверх того, украсил в Тарсе цветами гроб Юлиана, который, по словам Григория Назианзина, следовало бы бросить на живодерню.

После смерти Иовиана в Дадастане (17 февраля 364 года) легионы и представители бюрократии избрали в Никее Валентиниана I. Дозволим привести о нем любопытный рассказ Созомена.⁵⁵ Раз Юлиан, сопровождаемый обычной свитой, отправился в храм Фортуны для жертвоприношения. Понтифексы, находившиеся с обеих сторон у входных дверей, кропили входящих лустральной водой по языческому обычаю. Один трибун щитоносцев (*agens scholam scutalonirum secundam*), который шел впереди императора, получил несколько капель воды на свою хламиду и приведен был этим в такое негодование, что ударил жреца, говоря, что он осквернил его, а не очистил. Сцена произвела смятение. Юлиан велел схватить виновного и потребовал, чтобы он принес жертву и оставил военную службу. Этот трибун был Валентиниан. Прецеденты нового Августа, его личный характер – нетерпеливый, вспыльчивый, способный к припадкам страшного гнева, заставляли думать, что он внесет тот же дух и в дела общественные. Но публичное поведение Валентиниана I, его правительственные принципы и правила были осторожнее, чем личный характер.

Их христианских императоров Валентиниан всех лучше понял и наиболее искусно защищал свободу совести. Тотчас по вступлении на престол он издал манифест о свободе религии, и притом в самом обширном смысле, то есть для всех христианских сект и для всех языческих культов. В одном из эдиктов (372 г.) он ясно высказывает основной принцип своей религиозной политики.

Весьма хорошо характеризует его отношение к религии Аммиан Марцеллин (*Lib. XXX. 9, 5*; в издании Gardthausen. II. P. 228). Он заявил епископам, старавшимся привлечь его к участию в церковных спорах, что ему, как мирянину, не подобает решать вопросов веры; это дело священников, которые и должны иметь полную свободу съезжаться на соборы для их обсуждения и устройства соглашения между собой (*Sozomen. VI, 7. Ambros. epist. 21*).

В 370 году в церквах Рима, вероятно и в других, был прочитан эдикт императора против возрастающего корыстолюбия и вымогательства клириков и монахов. Им запрещено было посещать дома вдов и сирот с целью вымогательства наследства – завещания и дарственные записи в пользу монахов и клириков признавались недействительными. Имение без наследников должно принадлежать фиску. Духовные лица могли наследовать, только если они ближайшие родственники умершего. Вымогательство имущества было уже очень распространенное среди духовенства злоупотребление; это признают сами христианские писатели, например Иероним. Также блаженный Августин восстает против обычая отцов отдавать все имение церкви, лишая наследства родственников: пусть верующий, имеющий одного сына, считает вторым Христа, а имеющий двух, пусть считает Христа третьим и т. д. Только церкви, как корпора-

ции, могли принимать в дар и в наследство землю и движимое имущество, клирики же, как частные лица, были лишены этого права.

Далее Валентиниан первым ввел в обычай освобождать преступников в день Пасхи и восстановил забытый закон о праздновании воскресного дня. Он относился беспристрастно как к арианам, так и к последователям никейского исповедания.

Что касается язычников, то по законам Валентиниана храмы их сохранили огромные земельные владения и сокровища, накопленные почти в продолжение целого тысячелетия. Только в одном пункте Валентиниан с большей практичностью обратил свое беспристрастие к старой религии в пользу государства. Когда после смерти Юлиана поднялись споры об имениях, подаренных церкви и частным лицам и возвращенных позже Юлианом Апостатом языческим храмам, то Валентиниан решил спор хорошо и скоро, объявив их имуществом казны. Дары самого Юлиана также были отобраны у языческих храмов. Но жрецы получали по-прежнему содержание от государства, им даже были дарованы новые привилегии: те из них, которые достигли высших ступеней, освобождены были от принудительной службы и пытки. Валентиниану I приписывался (см. Richter, p. 364)⁵⁶ закон 364 года, уничтожающий привилегию христианского духовенства в отношении налога на промыслы, но закон этот, собственно, принадлежит брату его Валенту и касается восточной части империи. Привилегию такого рода христианские клирики получили от набожного императора Констанция в 343 году; при этом предполагалось, что выгоды, извлекаемые ими от мелочной торговли и занятий ремеслами, послужат также в пользу бедных, и вследствие того освобождались от подати даже наемные помощники клириков в торговых делах. Отсюда проистекали большие злоупотребления. Строгие и ревностные Отцы церкви (Августин, Иероним) восставали против духовных лиц, занимающихся более купеческими сделками, чем церковными обязанностями. Наконец само государство нашло полезным отменить привилегию.

Император Валент на Востоке в 364 году, император Грациан⁵⁷ на Западе в 379 году издали законы, подчиняющие клириков промысловому налогу в определенных размерах.

Соправителем Валентиниана I на востоке был его брат Валент, покровитель ариан. Преемником его на западе был сын его Грациан, который после смерти Валента в сражении с готами при Адрианополе избрал себе в соправители Феодосия.⁵⁸ К ним мы еще вернемся, а здесь упоминаем о них потому, что при них положен конец борьбе христианства с язычеством.

При Грациане и Феодосии принцип веротерпимости, свободы всех религий, провозглашенный Миланским эдиктом 313 года, уничтожается и христианство объявляется господствующей религией в государстве. Таким образом, царствование этих двух императоров составляет эпоху в истории христианской церкви. Языческие культы запрещены; язычники и даже ариане (за исключением готов, поселенных в империи) преследуются. Языческий император Константин провозгласил в 313 году и подтвердил в 324 году принцип веротерпимости, требуемый самим духом христианства. Потом он был нарушаем арианскими императорами.

Теперь его устраняют православные императоры Грациан и Феодосий (эдикты 379–382 гг.), и замечательным фактом при этом является то, что те же христиане, которые с такой настойчивостью требовали веротерпимости, когда представляли сами гонимую секту, со страшным фанатизмом и даже изуверством теперь восстали против него. Представители церкви, теперь богатой и могущественной, привыкшей к покровительству, раздраженные вследствие постоянно повторяющихся внутренних раздоров, сделались неспособны даже понимать свободу веры, которую принесло в мир ими же самими исповедуемое учение. Как языческий бог Хронос, христианская церковь поглотила свое собственное детище.

* * *

Вступив в союз с государством, церковь, однако, всеми силами старается оградиться от него, строго отделить свою власть от власти светской. Император, бывший прежде верховным жрецом (*pontifex maximus*), признается теперь только главой государства, но не церкви. В жизни и сочинениях восточных Отцов церкви Афанасия Александрийского, Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста и западного святителя Амвросия Медиоланского можно найти много замечательных примеров самостоятельных действий и смелости речи по случаю посягательств высшей государственной власти на духовную жизнь человека и свободу ее проявления.

Когда после страшных убийств в Солуни, на которые Феодосий дал согласие,⁵⁹ император явился в церковь в Милане, Амвросий не допустил его до причастия со словами: «...как подынешь ты эти руки, с которых сочтется кровь невинно убитых? Как примешь ты святое тело Господа? Как поднесешь к своим устам Его бесценную кровь ты, словом ярости неправедно проливший кровь такого множества людей?»⁶⁰

Свой решительный образ действий с императором Амвросий оправдывал следующими соображениями: «Не императорское дело отрицать свободу речи, и не священническое не говорить того, что думаешь. Ничто в вас, императорах, так не народно и не достолюбезно, как любовь ваша к истине, изрекаемая даже устами вам служащих. Между хорошими и дурными государями та разница, что хорошие любят свободу, а дурные — рабство. Ничто так в священнике (и вообще в христианине) не гибельно перед Богом и не постыдно перед людьми, как не выражать свободы своих мыслей».

«Говорят, — писал по другому случаю Амвросий, — что государю все дозволено, что все его. Отвечаю: не трудись, император, думать, что в делах божественных ты имеешь императорское право, но если хочешь долгие царствовать, будь покорен Богу».

Гозий Кордубский развивал перед императором формальную теорию о свободе церкви. «Я сделался исповедником, — говорил он, — когда твой дед Максимиан преследовал Церковь. Если и ты меня преследуешь, то я также и теперь готов скорее все претерпеть, чем пролить неповинную кровь или изменить истине. Я не могу похвалить тебя, когда ты пишешь и грозишь подобным образом. Перестань так писать, не будь заодно с

Арием... Перестань, прошу тебя, припомни, что ты смертный человек. Побойся дня судного! Не вмешивайся в церковные дела, поучись в этом отношении у нас. Бог дал тебе царство, нам вручил Церковь. Как тот, кто отнимает у тебя царство, противится божественному порядку, так и ты побойся, притязая на Церковь, не принимаешь ли ты великой вины на себя? Как нам, священникам, нет никакой власти в гражданских делах, так и ты, император, не имеешь права приносить жертву». ⁶¹ Подобных примеров было немало.

Духовенство деятельно и энергично отстаивало свои права и власть в делах церкви. Мало того что церковь настаивает на свободе и неприкосновенности своих прав, но даже предьявляет притязания на светскую власть. Впрочем, и империя передавала мало-помалу церкви многие свои права и функции; церковь перерастает государство, отнимает почву из-под его ног.

В этом отношении особенно важна судебная власть, которую получили епископы даже в делах светских. Еще до Константина и Миланского эдикта христиане предпочитали судиться у своих единоверцев, а не у язычников. Грациан в 376 году издал эдикт, по которому преступления духовенства против порядка и дисциплины духовной судятся епископами. Но судебная власть епископа далеко заходила за церковные границы: не только два клирика обычно судились перед ними, но и клирик с мирянином и даже два мирянина, если были согласны на это. Сам апостол Павел порицал, если кто из общины идет на суд «неверных, а не святых». Константин нашел этот обычай уже существующим и только санкционировал право суда епископов по церковным делам христиан. Он смотрел на епископа как на обыкновенного третейского судью; применяя к нему светские римские законы, Константин постановил, что если стороны раз доверились его суду, то уже не имеют права на какую-либо дальнейшую апелляцию.

Но и этого мало: епископ имел право разбирать дела и по наследству (следовательно, чисто светские), и брачные: почти всякое деяние, наконец, которое государство наказывало, было и в религиозном смысле безнравственно и в силу этого подлежало духовному суду. Характер процесса заключался в следующем: судья произносил приговор на основании более или менее явных фактов обвинения. Епископ — судья совести: перед ним должно быть открыто самое тайное. Существовал даже церковный закон, говоривший, что «всякий, кто знает о тайном преступлении и не доносит епископу, подлежит такому же наказанию, как и преступник». Подобное расширение епископских прав отчасти может быть объяснено неудовлетворительным состоянием тогдашнего судебного состава. Аммиан Марцеллин отзывается весьма дурно о судьях и в особенности об адвокатах того времени. ⁶²

Одни, говорит он, осаждают деятельно дома богатых вдов и сирот, сеют недоразумения и вражду, распространяют и увеличивают до бесконечности маловажные ссоры и друзей и родных; они исполнены ненасытного формализма, в длинных проволочках оттягивают время судебного разбирательства и употребляют всякую хитрость, наглость и целый поток болтливой риторики, чтобы одурачить судью или провести его.

Другие принимают в высшей степени почтенный и сдержанный вид; на лице их — глубокомысленные складки; это ученые, глубоко посвященные в таинства науки, которая вследствие противоречивых постановлений находилась в страшном беспорядке. Едва раскрывали они свои почтенные уста, из них так и сыпались названия давно забытых законов, что должно было внушать особенное уважение к их неисчерпаемым знаниям. Но едва они пронюхают богатого клиента, как тотчас же тайком сообщают ему тысячи юридических уверток и обещают ему счастливый исход его дела, даже если бы он сам донес на себя, что убил свою мать.

Третьи приобретают клиентов криком, бранью и лаем, навязываются ко всякому процессу, отрицают и покрывают своим криком самую ясную истину, умеют навязать процесс самому миролюбивому человеку и запутывают дело на суде в такой неразрешимый клубок, что самые правдивые и благонамеренные судьи не могут добиться никакого толка.

Четвертые — глупые, но по-своему хитры. Низкой мстостью они умеют приобрести себе место за столом богатых и здесь обжираются, сколько возможно. Они едва прочитали один какой-нибудь кодекс, и когда заходит речь об авторе, они принимают его имя за название какой-либо заморской рыбы или другого лакомого блюда. Все их искусство состоит в уловлении доверчивых клиентов, процессы которых они потом под тысячей предлогов протягивают от одного года до другого.

Очевидно, что при подобном состоянии римской адвокатуры епископский суд являлся учреждением благодетельным как для христиан, так и для язычников.

С другой стороны, епископская власть усиливается вследствие некоторых имущественных привилегий и освобождения церкви от многих повинностей. По закону Грациана 377 года «не только епископы, но и пресвитеры, дьяконы анагносты (чтецы), экзорцисты (изгонятели бесов) и привратники освобождаются от принудительных должностей в городских куриях и от личных повинностей». Сверх того, имения духовенства также освобождены от многих повинностей: военного постоя, дорожных и натуральных повинностей. Земли духовенства были обложены только поземельной податью. Нет сомнения, что подобные льготы вели и к злоупотреблениям, которые в свою очередь вызывали эдикты, несколько ограничивавшие права церкви. Блаженный Иероним, упоминая про последние, говорит, что следует досадовать не на стеснение прав духовенства, а на те причины, которые вызвали новые постановления, то есть на злоупотребления самого духовенства.

* * *

К концу IV века относится распространение в христианской церкви новой силы, которая сохранила важное значение во все Средние века, именно — монашества.

Свое начало монашество ведет со времени гонения Диоклетиана, когда многие христиане искали убежища в пустынях Египта, которые можно назвать настоящей митрополией монашества. Беглые христиане собирались толпами около знаменитого Антония,⁶³ одного из первых христианских пустынников; первые монашеские общины образовались недале-

ко от Красного моря и в Египте. Песчаные пустыни и бесплодные холмы покрылись многими колониями; монахи жили в тесных хижинах друг возле друга.

Примеру Антония последовал Аммон, образовавший общину близ Меридова озера, Макарий⁶⁴ – к северу от него и Пахомий – на острове Нила – Тавенне. Пахомий, умерший в 348 году, восемью годами раньше Антония, был законодателем новых общин. Он учредил первые киновии, распределил должности и обязанности между монахами и соединил их в большие общества с определенным уставом. Безусловное послушание, вера, молитва и труд были главными правилами иноческой жизни первых монахов. В Тавенне был центр монашества; там их считывалось до 50 000 человек. В Палестине и Сирии их можно было считать миллионами. «Сирийские монахи столь же многочисленны, сколько египетские», – говорит Созомен. Из основателей сирийских общин заметим святого Иларiona в пустыне около Газы и святого Василия Великого в Каппадокии.⁶⁵ Вместе с мужскими основаны были и женские киновии. Так, Пахомий устроил киновию для сестер Антония, к которым вскоре присоединилось множество других христианок. Вокруг монастырей селились анахореты в кельях или пещерах и составляли так называемые лавры.

Помимо громадного количества пустынников распространились и странствующие монахи, скитавшиеся в горах, не имеющие никакого жилища, являвшиеся в места обитаемые, чтобы просить милостыню, показать свое благочестие, проповедовать тайны веры. Ничего не было для язычников ненавистнее монахов. Они избегали их, как род людей, бесполезных для государства и в мирное, и в военное время. Но, прибавляли они злобно, их жадность успела захватить большие пространства земли; под предлогом, что они все делают для бедных, они всех сделали бедными. Они извращение человеческой природы – ведут жизнь свиней и совершают заведомо много позорных преступлений. Но их считают угодными Богу, и кто наденет черную одежду и не боится в грязном виде являться перед народом, тот получает тираническую власть.

Нет сомнения, что в обвинениях этих есть доля преувеличения. Быть может, потребность отшельнической жизни была сильна в гонимых христианах того времени, но точно так же вероятно, что большой процент поступивших в монахи руководился желанием отстраниться от государственных должностей и повинностей. На вопросе о монашестве более здесь мы не останавливаемся.

Итак, для нравственного обновления и возрождения Рима принцип христианства был полезен и благотворен, но на государственный строй гибнущей империи он не во всех случаях оказывал хорошее влияние. Важнее всего то, что с появлением и распространением его возрастает посреди Римской империи новая социальная и религиозная сила, которая захватывает в свои руки многие функции государственного управления. Сила эта оказывает потом громадную услугу, являясь посредницей между древней культурой и новой цивилизацией.

III. БОРЬБА ДВУХ МИРОВ. ОБРАЗОВАНИЕ ВАРВАРСКИХ ГОСУДАРСТВ НА РИМСКОЙ ПОЧВЕ

МИРНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ ГЕРМАНЦЕВ НА РИМСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Обращаясь к рассмотрению вопроса о германских поселениях на почве Римской империи, мы непременно должны иметь в виду основную мысль, что гораздо раньше, чем началось насильственное вторжение германских племен на римские земли и их занятие, варвары проникали в большом числе на римскую территорию и мирным путем, с согласия императорского правительства, и эти-то мирные поселения, основанные под непосредственным наблюдением императорских чиновников, мы разумеем под названием германской колонизации.

Знаменитый натуралист Дюбуа-Раймонд говорит,⁽⁴⁰⁾ что Римская империя пала под напором варварской силы потому, что в то время недостаточно развиты были естественные науки. Если бы римляне, полагает он, знали употребление пороха и умели обращаться с огнестрельным оружием, то империя могла бы стать в совершенно иные отношения к варварам. Но он упускает из виду ту сторону дела, что если бы все это даже было, то огнестрельное оружие, которому он придает такое великое значение, было бы и в руках тех самых германцев, против которых империи пришлось бы стоять. Рим побежден не набегами варваров, не насильственными вторжениями отдельных племен, а той германской силой, которая мало-помалу просачивалась на римскую почву в виде массы колонистов, селившихся там с соглашения римского правительства.

Поселения германские имели различный характер.

Прежде всего римляне селили на своих землях военнопленных, взятых после удачных войн. Правда, что они не всегда в полном составе отправляемы были на поселение. С некоторыми, даже многими, поступали очень жестоко: часть военнопленных обыкновенно предназначалась для кровавых зрелищ в цирках. Так, Константин Великий (мы уже говорили об этом) после победы над бруктерами в 306 году отправил в трирский цирк двух конунгов и множество простых пленных. То же самое повторилось в Трире еще раз, уже после Миланского эдикта. Христианская церковь препятствовала этим жестоким и унижительным для человеческого достоинства зрелищам, но они все-таки прекратились не скоро. После Никейского собора Константин Великий издал эдикт, в котором он высказывал неодобрение кровавых зрелищ и гладиаторских боев, впрочем в довольно общих выражениях. Также Валентиниан I в 371 году отправил в Рим множество пленных саксов на съедение зверям, и когда

⁽⁴⁰⁾ В статье «Culturgeschichte und Naturwissenschaft» в «Deutsche Rundschau». Bd. XIII, 1877.

некоторые из них лишили себя жизни, не дождавшись страшного дня, то знаменитый философ Симмах с негодованием отзывался об этом поступке низких варваров, лишивших благородных римлян давно ожидаемого удовольствия видеть их на арене цирка добычей голодных зверей. После победы, одержанной Клавдием (Claudius Gothiens, 268–270 гг.), все римские провинции оказались наполнены рабами-варварами.

В IV веке, в период постоянной борьбы с германцами на границах, число германских рабов должно было постоянно возрастать. Галатские купцы занимались выгодным ремеслом – торговлей невольниками, набравшимися из военнопленных, и развозом их во все концы империи. В конце IV века едва ли нашелся бы хоть один состоятельный дом, вообще имевший возможность держать рабов, в котором не было бы германца, служившего в комнатах или работающего в саду или на поле. На дальнем востоке, в Антиохии, Иоанн Златоуст встречал белокурых рабов в богатых домах.

Факт существования огромного количества рабов германцев может быть подтвержден тем обстоятельством, что при нашествии готов на Рим в начале V века 40 000 их, недовольных римлянами, присоединились к Алариху. При Феодосии и его сыновьях множество иноплемеников на римской территории вызывало опасения со стороны благомыслящих людей. Синезий, знаменитый писатель времен Аркадия, говорит: «Огромное количество рабов-германцев тем более опасно, что многие родичи их занимают места в войске нашем».

Кроме этих рабских поселений, которые можно было найти даже в глубине Азии, существовали еще поселения другого характера, рассмотреть которые следует несколько подробнее.

Весьма часто случалось, что огромное количество германских пленных, а иногда и целые племена сдавались после сражения на волю римлянам безусловно.

Они назывались «*dediticii*» (то есть сдавшиеся на милость) и были также поселены на римских землях. Припомним здесь взгляд Савиньи на происхождение колоната.¹ Мы не можем согласиться с теорией знаменитого юриста, который доказывает, что учреждение это обязано своим происхождением исключительно поселениям германцев, но вместе с тем не отрицает и того, что после образования его множество варваров селилось в качестве колонов: они делали крепкими земле хлебопашцами, должны были обрабатывать землю, чаще всего государственную, а иногда и частную. Римское государство владело многими выморочными землями, оставшимися после смерти владельцев, и также приобретало много земельных имуществ посредством конфискации. На этих огромных землях, принадлежащих фиску, и селились военнопленные. Сведения о таких поселениях находим мы у некоторых римских писателей-панегиристов, которые вообще служат довольно важным источником для изучения данной эпохи. Безымянный панегирист Констанция Хлора рисует нам такую картину после победы его над франками и фризами: «Мы теперь видим, как под городскими портиками сидят пленные толпы варваров; под жестоким ударом розог смирилась их свирепая натура, взрослые мужчины дрожат от страха, возле них старухи, которые с жалостью

смотрят на своих испуганных детей, и молодые жены, которые разделяют уныние своих супругов; связанные вместе одной и той же цепью, мальчики и девочки шепчут друг другу привычные ласковые речи; и все они будут распределены между провинциалами империи; все они сидят здесь в ожидании того, что их отведут на те земли, которые их трудом из пустынь превратятся в цветущие поля». Представляя военнопленных обрабатывающими землю, он говорит: «Хамавы и фризы, блуждающие прежде на наших границах, теперь, покрытые потом и грязью от деревенских работ, обрабатывают наши поля, являются на еженедельную ярмарку с продажным скотом, и вот варварский земледелец понимает цену хлеба».⁽⁴¹⁾

Наконец следует третья картина, где германский варвар превращается в усердного и верного слугу императора при военном наборе: «Если его позовут к набору, он спешит на зов с готовностью, скоро обтирается на службе; его спина безропотно подвергается обычным наказаниям: ибо он гордится именем воина».⁽⁴²⁾

Городские общины, а равно и отдельные земледельцы нередко получали германцев на условиях крепостного права. Это подтверждается также и эдиктом Аркадия и Гонория (409 год), изданным по поводу пленных германцев из племени сциров (*sciri*); в этом эдикте он приглашает землевладельцев заявлять свои требования, если они хотят получить рабов для обработки земли.

Колоны были ценны не только потому, что они обрабатывали землю и вносили ежегодно огромное количество податей государству, но и потому, что из них набирались рекруты. Рабы не могли служить в войске, так как военная служба считалась почетом, зато колоны для пополнения военных сил были вполне пригодны. Владельцы больших имений (*latifundia*) должны были ставить известное количество рекрутов со своей земли. Если землевладелец имел мало земли и не мог ставить рекрутов, то с ним соединялись другие и ставили вместе. Но земледельцы часто поставляли в рекруты самых плохих людей не только в нравственном, но и в физическом отношении.

Тогда развилась известная система заместительства. Она состояла в том, что земледельцы освобождались от обязанности ставить людей, если внесут деньги — 25 золотых монет за каждого; потом уже само государство восполняло ряды войска. Сенаторские дома были освобождены от обязанности ставить рекрутов; по отношению к ним за правило принят был взнос денег.

Таким образом, очевидна двойная выгода германских поселений для государства: 1) от освободительных взносов землевладельцев составлялись значительные суммы, которые шли в казну; 2) из германцев же набирались сильные, полезные рекруты. Оттого-то в Риме, когда поднимался вопрос о принятии германских племен, просивших позволение поселиться на римской земле, или же просто о принятии германцев в военную службу, все единогласно решали его в положительном смысле.

⁽⁴¹⁾ *Panegyrici latini*. XII. S. 138; VII. S. 169.

⁽⁴²⁾ Там же. VII. 8, 210.

Итак, множество германских колонов поселено во всех провинциях в виде людей, прикрепленных к земле, которые платили поземельную подать и отправляли государственную повинность, служа в рядах войска.

Франки получили земли при Максимиане; при Констанции Хлоре хавамы и фризы поселены на правах колонов в области прежних кельтских племен; германские поселенцы в северо-западной Франции и на верхней Сене, вследствие движения вперед салических франков, в V веке опять соединились со своими единомышленниками. Указание на поселение фризов, например, заключает название «Frisione-curtis» (теперь Friscourt к северу от Амьена), находимое в грамоте 798 года. В северной Бургундии немецкие поселения еще долго сохраняли свою особенность. Германские поселения существовали во всех провинциях; в большом количестве находим мы их в Галлии, где они граничили с поселениями свободных варваров – федератов. Очень важно, что занятию, например, Галлии франками предшествовала мирная германская колонизация, притом колонизация в двойном смысле, так как германцы явились тут колонистами, то есть поселенцами на чужой территории и колонами, то есть прикрепленными к земле хлебопашцами; колонизация подготовляла успех будущего германского завоевания.

Другой ряд поселений встречается преимущественно в Галлии, но существовал также и в других провинциях. Это так называемые поселения лэтов (laeti). Название некоторые ученые считают германским, так как у германцев (франков, фризов и саксов) был класс полусвободных людей, которые назывались литами. Другие же производят слово от латинского «laetus» – веселый, радостный. Скорее можно предположить, что ни то ни другое толкование не верно и что происхождение слова до сих пор неизвестно.

Такие поселенцы существенно разнятся от колонов и федератов. Лэтами назывались те, которые добровольно селились преимущественно на государственной земле, не платили поголовной и поземельной податей, но обязаны были нести военную службу; им давали землю, которую они должны были возделывать и без позволения римского правительства не имели права оставить (эти лэтские поселения представляют, до некоторой степени, аналогию с нашими аракчеевскими военными поселениями). В определенное время, в определенных местах лэты занимались военными упражнениями; специально для них существовали школы, где их, конечно, учили латинской грамоте и приучали быть римлянами.

Звание лэтов наследственно. Право раздачи лэтских земель (terrae laeticae) принадлежало императору. Однако к концу IV века были лэты, занимавшие земельные участки без императорского annotatio (письменная пометка), – должно быть, как следствие послабления со стороны городских властей. Эти злоупотребления хотели уничтожить изданием законов.

Резюмируем вышесказанное для того, чтобы еще яснее показать различие между колонами и лэтами.

1. Колоны обрабатывали землю, не владея ею, а в качестве крепостных; лэты владели землей как хозяева и могли даже иметь рабов.

2. Из колонов вербовались рекруты посредством набора; лэты не подвергались набору, ибо каждый из них обязан был уметь обращаться с оружием и быть постоянно готовым к призыву.

Составлялись целые лэтские округа или префектуры, которых особенно много было в Галлии. В «Notitia Dignitatum utriusque» (самое лучшее издание О. Seeck, недавно вышедшее),² любопытном памятнике конца IV века и начала V века, представляющем нечто вроде альманаха или имперского адрес-календаря с перечислением военных отрядов, гражданских и военных чинов и так далее, сохранились названия лэтских префектур. Число их простирается до 12; из них 7 находятся в Галлии и преимущественно в Шампани, Нормандии и Бретани. В северной части Галлии они предназначались для защиты границы от варваров, а на западе охраняли Галлию от грозных морских набегов саксов.

Не лишним будет заметить, что некоторые из лэтских поселений в Галлии находились в непосредственном соседстве с большими поселками германских колонов Констанция Хлора, так что во многих местах Галлии образовалось почти сплошное германское население. Все это в значительной степени способствовало позже успеху франкского завоевания.

Кроме колонов и лэтов упоминаются еще третьего рода поселения, а именно поселения так называемых *gentiles* (слово это, в сущности, значит «иноплеменник», «язычник», но здесь ему придано совершенно другое значение). В определении характера и отличия поселений гентиллов мнения ученых разошлись; некоторые предполагали, что это были только военные отряды, состоявшие из пленных варваров, размещенные в разных местах. Но Leotard,³ выпустивший в свет свое «Essai sur la condition les barbares établis dans l'empire Romain au IV siècle», полагает, что гентиллы были то же, что и лэты; он говорит, что они так же получали во владение различные участки земли с правом обработки их в свою пользу, но с тем только различием, что должны были составлять в римском войске не пехоту, как лэты, а конницу. Упоминаются даже два отряда гентиллов, служившие в императорской гвардии (они служили в ней только представителями своего войска, как у нас, например, гвардейские казачьи и гренадерские полки). Отряды гентиллов встречаются в Африке и Азии, но особенно много их (так же как в Галлии) в Нормандии. Следует заметить, что отряды составлялись не из одних германских племен, а преимущественно даже из сарматов; к германцам принадлежали только четыре. В позднейшее время имя сарматов придавали скифам, которые в памятниках являются безразлично под этими двумя именами, а иногда носят и третье имя — киммериян. Но в изучаемое нами время под скифами разумели только живущих в степях южной России готов, так что, вероятно, общее название сарматов, объединявшее в одну группу разнообразные народы, быть может, заключало в себе и славян.

Главным же образом мы должны видеть в их составе аланов, которые славились как смелые и неутомимые наездники, и ясно, почему из них-то и состояли конные отряды гентиллов.

Кроме трех охарактеризованных нами родов германских поселений, на римской почве существовали еще поселения целых племен — федера-

тов, свободных союзников, сохранивших свое государственное устройство, свое вече, даже своих князей. Таковы были в древнее время батавы, отчасти франки и вандалы в Паннонии.

Кроме того, наплыв германцев продолжался в виде отдельных, часто весьма многочисленных отрядов, поступавших на службу Риму. Этому служит примером большой 40-тысячный корпус готов в римской армии при Константине (первые федераты).

Поселения германцев дают нам возможность объяснить тот относительно спокойный переход от римского господства к варварскому, которой совершился в истории человечества на рубеже древних и Средних веков. Германцы, повторяем, восторжествовали не победой над легионами Рима, не бурным завоевательным нашествием, а постоянным, неутомимым просачиванием на почву империи, работой на римских виллах, огромным количеством своих соплеменников в рядах римского войска и даже значительным числом их на высших ступенях церковной иерархии. Колонизация германцев особенно усилилась со времен Константина Великого. При императоре Феодосии это делается особенно заметно: природное римское население начинает тяготиться присутствием такого огромного количества варваров. Фактов, подобных известным действиям готов в Солуни,⁴ можно насчитать несколько, но, несмотря на все это, мы видим, что даже такой умный, дальновидный и энергичный правитель, как Феодосий, не может отказаться от системы варварских поселений и наплыв германцев все продолжается.

ВТОРОЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ. ВЕСТГОТЫ, ГУННЫ. ДВИЖЕНИЕ ГОТОВ НА РИМСКУЮ ИМПЕРИЮ

Продолжающиеся переселения германцев из прежних мест их оседлости заставляют нас возвратиться к готам, которых мы оставили в степных равнинах южной России, рассмотреть некоторые явления и факты из их жизни и проследить их дальнейшие движения на запад.

Поселившись в южной России, готы не составили одного сплошного обширного государства, а разделились Днестром, как мы видим, на две ветви – Тервингов и Грейтунгов, так что царство Германариха Остготского, о котором всегда упоминается в сочинениях о древнейшем периоде русской истории, по всей вероятности, не было так могущественно, как говорит Иордан (по Иордану, царство Германариха простиралось от Черного моря до Балтийского и даже до Белого, потом от Карпат до Волги и устьев Дона – Jordan. Get. § 120). Надо полагать, что Германарих был конунгом одного племени и, может быть, имел под своей властью соседние славянские и финские племена (Иордан упоминает о подвластных готам племенах *vasina*, *tegens* и другие, о которых можно предполагать, что это финские племена весь и меря – Jordan. Get. § 116).

Как уже известно, готы делали морские набеги, грабили берега Черного моря и доходили в Малой Азии до Каппадокии. Походы имели для готов особо важное значение еще в том отношении, что они познакомили

ли их с христианством. Пленники, взятые во время набегов, открыли победителям новую веру и даже, до некоторой степени, явились миссионерами среди варваров-язычников.

К одной из таких пленных христианских фамилий принадлежал и знаменитый просветитель готов – Ульфилла (Вульфилла). Сократ, Созомен, Филосторгий (Philost. Hist. eccl. II, 5) и другие писатели прямо и определенно говорят, что он был каппадокийский грек. Во всяком случае, из Каппадокии вывезен был дед или прадед его (в 267 году), а сам Ульфилла (Wulfila, немецкое vulfs – Wolf) родился в 311 году уже на готской почве (ум. 383 г.).

В нынешнем столетии немецким ученым Waitz'ом в одной из библиотек случайно открыт небольшой отрывок, где ученик Ульфиллы Авксентий, епископ Доростольский (Силистрийский), сообщает о нем довольно точные и определенные сведения и передает даже «Исповедание веры Ульфиллы».⁵ Родившийся в пределах южной России, между Днестром и Днепром, Ульфилла по вероисповеданию был арианец. Зная готский язык, он изучил также латинский и греческий, задумав еще в ранней юности дело, исполнению которого посвятил всю свою жизнь.

Еще в юности Ульфилла сопровождал одного готского епископа на Никейский собор (Socrat. Hist. eccl. Lib. II, 41; Sozom. Hist. eccl. Lib. IV, 24), но по молодости сам он не мог иметь там влияния. Впоследствии он отправился в Константинополь и поступил в духовное звание чтеца-анагноста. Около 341 года его посвятили в епископы; Ульфилла воротился на родину и там принялся за дело, которое давно задумал.

Во время проповеди у готов Ульфилла подготавливал помощников и продолжателей своего дела, одним из них был Авксентий. Обращенные готы почитали Ульфиллу, который был предан исполнению своей пастырской миссии. Проповедник Авдиан-аскет основал несколько монастырей на землях готов.

Составив с помощью греческого языка алфавит для готов, Ульфилла познакомил их с искусством письменности и сам перевел на готский язык Святое Писание, за исключением только книг Царств.⁶

Любопытна причина, вследствие которой Ульфилла в своем переводе пропустил книги Царств: он полагал, что для готов, воинственных и беспокойных, описание войн, которыми наполнены эти книги, будет положительно вредно (Philost. Hist. eccl. Lib. II, 5).

Своими переводами и изобретением готской азбуки⁽⁴³⁾ Ульфилла положил начало самобытному народному развитию готов. Если готы, переселившись на римскую почву, дольше других сохранили свою самостоятельность, то этим они обязаны именно той опоре, которую находили в собственном вероучении, в святых книгах, переведенных на их родной язык.

Благодаря этому же обстоятельству арианизм на долгое время сделался национальной религией первоначальной Германии, его исповедовали не только готы, но и бургунды, вандалы и другие народы.

⁽⁴³⁾ В основание готской азбуки Ульфиллой был положен греческий и латинский алфавиты; из греческого он взял большинство буквенных знаков.

Итак, германцы, с одной стороны, вырастали приобретением самостоятельности, с другой – в ней же, религиозной автономии, лежит причина того, что государства их были непрочны на римской почве: они были в антагонизме с православными галло-римлянами, территории которых заняли, и это естественно ослабляло их. Ульфила долго проповедовал в стране готов и нашел множество последователей. Во время гонения, воздвигнутого на христиан вождем готов-тервингов – Атанарихом, мы уже не находим Ульфилы в Готии.⁷ Он не дождался перехода готов за Дунай и при начале гонения ушел из южной России. Со своими близкими людьми он нашел убежище около города Nicopolis – Никополь на Истре.⁸ Император Константин, сам арианин, принял Ульфилу весьма ласково и позволил ему поселиться здесь, даже называл его «Моисеем своего народа».⁹ Готы, пришедшие с ним, отказались совершенно от своей воинственности и долго оставались на новом месте поселения. В пределах Римской империи Ульфила продолжал действовать совершенно так же, как и на своей родине; до самой смерти он был высоко уважаем императором. Перед своей кончиной он был им приглашен для умиротворения распри между последователями арианского исповедания и приверженцами какой-то новой секты, основанной одним готским еретиком.

Гонение это описано в почти современном и любопытном житии святого Саввы Готского;¹⁰ там говорится между прочим, что Атанарих ездил по Готии, возя с собой идолов, и принуждал христиан к языческим жертвоприношениям и что многие христиане пострадали. Об идоле (истукане) писал и Созомен (Hist. eccl. Lib. VI, 37).

Деятельность Ульфилы имеет огромное историческое значение.

Ульфилы уже не было, когда готы, под давлением азиатских народов, должны были двинуться на Запад, оставив свои жилища на Днестре и Днепре. Толчок к переселению их дали гунны – народы римского или туранского корня, движение которых было совершенно сходно с движением аваров и других варваров, вышедших из Средней Азии.

Гунны вначале произвели страшный натиск на аланов (или яссов), область которых они разорили, многих умертвили, а оставшихся принудили вступить в союз. Ободренные успехом, они бросились с величайшей храбростью на огромные и богатые владения Германариха, конунга, уважаемого всеми соседями за великую храбрость (Amm. Marc. XXXI. 3, 1). Германарих погиб в борьбе с гуннами, которые потом начали теснить и вестготов (тервингов).¹¹ Последние под предводительством Фритигерны и Атанариха заняли берег Дуная и послали к императору Валенту просить о принятии их на римскую землю, обещая при этом жить мирно и покойно и в случае необходимости выставить вспомогательные отряды (Ibid. XXXI. 4, 1).

Слух о появлении нового варварского племени уже дошел до римлян, когда послы явились в Антиохию. Просьба подверглась долговому обсуждению ввиду необыкновенной многочисленности их; между тем льстецы восхваляли счастье императора, к которому без всяких забот с его стороны сами шли рекруты, с помощью которых войска станут непобедимыми. Теперь возможно будет вместо набора требовать с провинциалов деньги

и государственная казна наполнится богатством (Amm. Marc. XXXI. 4, 2–4).

Осенью 376 года явилась необозримая масса их на Дунае (700 или 900 тысяч). «Едва только пришло позволение готам перейти реку и поселиться во Фракии, как началась переправа, не прекращавшаяся ни днем, ни ночью, — говорит Аммиан Марцеллин, — на лодках, челноках и выдолбленных стволах деревьев переплывали они на римский берег. Река, которая и всегда представляла здесь большие трудности для переправы, теперь еще переполнилась от дождей, оттого многие, не будучи в силах совладеть с течением, потонули» (Ibid. 4, 5; см. Eunapius Sard. I. fr. 48, место довольно испорченное).¹²

Во время этого переселения обнаружилась главная язва римской империи — испорченность и взяточничество высших чиновников. Лупицин, comes per Thracias и «Дух» Максим с их бесстыдным корыстолюбием, по словам Аммиана Марцеллина, были причиной всего зла.

Когда решено было позволить готам поселиться на римской земле, вместе с тем постановлено было, в видах предупреждения опасности, перевезти сначала женщин и детей в виде заложников, а потом уже обезоруженных варваров. Но готы между тем говорили, что лучше расстанутся с жизнью, чем с оружием, и что непереносимое желание сохранить оружие подало повод упомянутым чиновникам брать с них взятки и вопреки условию разрешать им за деньги сохранять оружие при себе. Кроме того, варвары после переправы терпели недостаток в съестных припасах, хотя император приказал отпускать вождям их — Фритигерну и Алавиву провиант; недостаток провианта подал бесчестным чиновникам, как говорит Аммиан Марцеллин, повод заключить самые отвратительные сделки. Они продавали готам собак как съестной товар, меняли их на рабов, требуя одного раба за 10 фунтов мяса. Готы должны были расстаться со всеми своими драгоценностями и наконец, когда голод усилился, продавали за пищу сыновей, жен и сестер своих в рабство римлянам; этой участи не избегли даже дети знатнейших варваров.

Раздражение готов против бессовестных притеснений достигло высшей степени и выразилось, наконец, открытым мятежом по следующему поводу. Лупицин пригласил Фритигерна и Алавива на пир в Марцианополь, но не велел пускать в город никого из готов, для чего к воротам поставлена была даже стража. Голодающие готы стали просить позволения войти в город, чтобы купить себе хлеба, но так как их не пускали, вскоре между ними и городскими жителями возникла ссора, превратившаяся в кровопролитную драку. Часовые были убиты. Лупицин, услышав об этом и будучи разгорячен вином, выпитым в большом количестве, велел перебить часть готской дружины, стоявшей перед его жилищем как почетная стража и как охрана готских вождей, головы же выбросить за стены к их родичам — готам. За стенами произошел страшный шум и смятение; дикие угрозы раздавались со стороны готов, думавших, что конунгов римляне удерживают силой. Тогда Фритигерн обнаружил замечательную находчивость: боясь, чтобы его вместе с другими действительно не захватили как заложников, он сказал, что римляне подвергнут себя страшной опасности, если не отпустят вождей, чтобы успокоить готов, думая-

щих, что начальники их убиты. Это предостережение подействовало, Фритигерна и всех готов выпустили; с восторгом принятые своими, они удалились поспешно и начали возбуждать повсюду готов к восстанию и мщению. (Подробности обо всем можно найти у Аммиана Марцеллина XXXI. 5, 5–9.)

Почти одновременно с этим явился и другой повод к войне. В Адрианополе стоял отряд готов, состоявших на римской службе; император Валент приказал отряду идти за Геллеспонт, в Малую Азию (376 г.). Сначала готы отнеслись к этому равнодушно, они согласны были идти, лишь бы им дали жалованье, провиант и два дня отдыха. Но городские власти попортили все дело, собрана была целая толпа мастеровых, оружейников и черни, которая стала грозить отряду нападением, если они не уйдут немедленно; даже пущено было несколько стрел. Тогда варвары пришли в ярость.

В следующем году сам Фритигерн явился под стенами Адрианополя; но, видя неумелость своих людей и непривычку их к правильной осаде, посоветовал «не вести войну со стенами и лучше обратиться на открытую страну, где может быть гораздо менее труда и гораздо более добычи». Во время этого обнаружилась и другая сторона опасного положения Римской империи: целые массы рабов, по словам Аммиана Марцеллина, перебежали к варварам, указывали им на лучшие места, на земли, изобиловавшие запасами (Амм. Марс. XXXI. 6).

Даже недовольные крестьяне-римляне предпочитали грабить вместе с варварами, чем подвергаться грабежу. За вестготами последовали остготы, как это показывают имена вождей; к ним присоединились гунны и аланы, тайфалы тоже восстали.

«Ни одно место, – говорит Аммиан Марцеллин, – если только оно не было совершенно необитаемо или непроходимо, не было пощажено ими. Не разбирая ни пола, ни возраста, убивали и жгли они все; младенцев отрывали они от груди матерей, убивали мужей на глазах у жен и взрослых детей через трупы родителей увлекали в рабство» (Амм. Марс. *ibid.*).

С горестью, пишет Аммиан Марцеллин, узнал император Валент обо всем этом и тотчас же отправил против них двух военачальников с войсками, которые отчасти оттеснили готов в балканские горы и разбили их мелкие отряды.

В то же время, когда на Балканском полуострове свирепствовали толпы готов, привлекая на свою сторону большие отряды римского войска, состоявшие из варваров, в Галлии, наиболее значительной провинции империи, происходил целый ряд восстаний так называемых багаудов.

Между тем против готов выступил из Константинополя сам император Валент. Вначале он был обрадован благоприятным ходом дел, но вскоре принужден был разочароваться во всех своих успехах. Император западной части империи – Грациан – спешил на помощь войску, находившемуся при Адрианополе. Религиозный антагонизм помешал успешному для римского народа окончанию войны: арианин Валент ни под каким видом не хотел дожидаться Грациана единственно потому, что тот

придерживался Никейского вероисповедания, и без помощи его вступил в битву с неприятелем. (Правда, по Фемистию не видно прямых указаний на необходимые военные действия – сражения и битвы. Победа тогда состоялась в успехе императора – хорошего политика. «Какова была бы польза, – спрашивает Фемистий, – если бы император наполнил Фракию трупами готов? Теперь они превратили мечи в плуги. Гораздо лучше, если Фракия будет теперь ими самими возделываться».) Как известно, сражение вблизи Адрианополя (378 год) окончилось полным поражением римского войска и гибелью Валента.

Война с варварами продолжалась и вскоре стала причиной возвышения Феодосия, который жил до тех пор в уединении. По смерти Валента правитель Западной Римской империи, Грациан, призвал его в соправители и он, вместо Валента, сделался императором восточной половины империи. На Феодосия прежде всего падала задача окончить борьбу с вестготами. Война продолжалась с переменным успехом еще несколько лет. Феодосий при помощи союзных варваров, отчасти того же самого готского происхождения, успел истребить по частям несколько готских шаек, опустошавших Фракию и грозивших Солуни и даже Константинополю. В 382 году он обрадовал столицу известием, что со страшным противником римского народа заключил мир и союз. Несмотря на победы и умелое обращение Феодосия с готами, мир, заключенный им, был весьма непрочен (Ranke. III, 168, 170).¹³

По условию договора они остались в пределах Римской империи (именно во Фракии) как федераты, но им не было отведено какой-либо определенной территории для поселения, где бы они могли уселиться целыми массами; напротив, отдельные небольшие отряды готов были размещены в разных местах Балканского полуострова. Отчасти они получили, быть может, земельные наделы, в большинстве же случаев остались без земли и получали аннону, то есть хлебные запасы из императорских магазинов, не занимаясь земледелием (Ranke. III, 176). Готы, по своему обычаю, пришли на римскую территорию целыми семьями, а потому и для поселения их требовалось бы обширное пространство.

Тем не менее, несмотря на неудобство поселения, они оставались спокойными на своих местах все время царствования Феодосия. Этот последний сначала колебался, какой образ действия избрать относительно варваров, но потом примирился с ними, убедившись, что уже поздно думать об уничтожении германского элемента в римских владениях. Феодосий ясно понимал, что присутствие германцев мешает правильному развитию страны, но в то же время видел, что нет никакой возможности искоренить зло. Он даже сделал важную уступку готам, дозволив им в самой столице отправление богослужения в их арианских церквях и арианскими священниками. Число варварских войск в Константинополе было так велико, что город имел почти готский вид и римляне считали себя пленниками.

Восточная часть империи была наводнена готами, легионы наполнены ими; они приобрели могущественное влияние при дворе; даже в области моды высокие сапоги вместо сандалий и готское платье, готские длинные волосы, готская меховая одежда торжествовали над цивилизо-

ванными обычаями, пока не явились указы, прекратившие это поклонение лучшей части общества варварским обычаям. Феодосий опирался на готов в борьбе с узурпатором Максимом (Ranke. S. 190, 191).¹⁴ Максим нашел себе первоначально поддержку в легионах Британии, которые, говорят, были раздражены предпочтением, которое Грациан оказывал варварам, принимая их на службу. Он успел овладеть Галлией. В борьбе с ним Грациан был убит в Лионской провинции (383 год). Некоторое время на Западе правил Евгений, признанный Валентинианом II в Италии и самим Феодосием. Как удивлялись провинциалы, когда Феодосий явился с войском, состоявшим из готов, обученных на римской службе и исполнявших ее правильно. Победа осталась за Феодосием.¹⁵

Но как общественное мнение людей мыслящих и образованных, так и настроение толпы было все-таки крайне враждебно пришлым варварам. Это выражается на тысячу ладов во всех современных сочинениях. «Чего никогда не было, теперь случилось, — жалуется Иоанн Златоуст. — Варвары оставляют свое отечество, свободно разгуливают в наших областях, проходя многие мили, все сжигая и предавая грабежу; и затем они забывают, что им следовало бы воротиться домой. Они как будто водили хоровод, а не войну — они смеются над всеми нами». Современный, для позднейших времен великий авторитет медицинской науки — Гален объяснил, что для всех годятся его наставления, но только не для германцев, это «звери», и при том «совсем не благородные, а низшего разбора». Для ретора Фемистия ненавистно до последней степени само имя — «скифы», которое тогда, по преимуществу, означало «готы». Народное раздражение местного населения сказывалось в таких сценах, какими сопровождалось известные события в Марцианополе и Адрианополе. Знаменитое восстание в Салониках, за которое Феодосий отплатил жестоким кровопролитием, направлено было прежде всего против распорядителя гота Ботериха. Философ Синезий описывает нам одну уличную схватку константинопольского населения с наемниками, и его сочувствие вполне на стороне толпы. Нужно прибавить, что этот последний писатель наиболее ясно сознавал опасность, грозившую империи от наводнения страны варварами. Он прямо говорит: «В империи теперь два начала: Ормазд и Ахриман — добро, которое борется со злом».

Итак, со стороны римлян и греков мы видим безграничное презрение или бессильную досаду.

Готы со своей стороны платили римлянам. Поведение варваров, размещенных военным постоем в разных местах, и прежде не всегда отличалось кротостью и добродушием; теперь жалоб туземного населения больше, и они основательнее прежних.

Император Феодосий все время своего царствования умел держать варваров в относительном покое, но не то видим мы во время правления его двух сыновей — Аркадия и Гонория, когда империя была разделена на две части. Начались новые и страшные восстания готов.

ДРУГИЕ НАШЕСТВИЯ. АЛАРИХ. ВЕСТГОТСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Уже в течение некоторого времени вестготы мечтали воссоздать свою особую национальность, восстановить государство, которое они составляли во время своего пребывания на берегах Дона и Днепра.

Для осуществления этих планов готам нужно было избрать особого конунга, и они подняли на щит воинственного Алариха Балта.¹⁶ Смуты возобновились в пределах Римской империи. Готы подступили к самому Константинополю, но не разрушили его, уступая просьбам жителей и благодаря многочисленным подаркам; они вторглись в Аттику, сожгли Коринф, разрушили Афины, осаждали Фивы и разорили Пелопоннес.¹⁷

Вскоре Аларих сделался настолько могущественным, что услугами его стали пользоваться как Аркадий, так и Гонорий, и следствием такой политики римских императоров был ряд вторжений вестготов в Италию. Первое из них относится к 401 году; в ноябре этого года Аларих перешел границу Италии и осадил Аквилею; не сумев взять укрепленного города, он двинулся далее на запад. Командующий армией у Гонория – вандал Стилихон (Stilico) не располагал достаточными силами, чтобы немедленно выйти ему навстречу. Он велел укреплять стены Рима, вызвал легионы из Британии, где они защищали римлян от пиктов и скоттов, и даже Рейнскую армию, поручив охрану границы франкам. Сам он между тем отправился через Альпы в Рецию и Норик и переговорами успел склонить к поступлению на римскую службу многих варваров. Он спустился оттуда в Италию перед наступлением весны, когда Аларих угрожал Милану, который был местопребыванием западного императора Гонория. Сражение произошло при Поллентии (Pollentia) 6 апреля 402 года, в день Пасхи. За эту победу христианские писатели обвиняют Стилихона, считая его образ действий постыдным и оскорбительным для святого дня. «В сражении мы победили, – восклицает Орозий, – но этой же победой мы были сами побеждены»; готы утверждали, что победа оставалась за ними. (Oros. VII. 37, 2).

Но, несмотря на все нападки христиан, победа Стилихона имела важное значение для Италии; Стилихон оградил пределы Западной Римской империи от нашествия варваров, и вся опасность обрушилась на восточную ее часть. Аларих вывел свои войска в Иллирию и долгое время стоял около города Диррахиума (ныне Дураццо, слав. Драч).

Итак, вестготы оставили на некоторое время в покое Италию. Но в 404 и 405 годах она испытала нашествие Радагайса (Rhadagaisus, Радигер). Об этом нападении варваров мы имеем весьма темные сведения. Сам Радагайс был остгот; нужно думать, что к этому же племени принадлежала главная масса его ополчения, хотя тут могла быть и примесь всех других варварских народцев, толпившихся на среднем Дунае и Тиссе, где уже только номинально держалась римская власть. Орозий писал, что готов у Радагайса более 200 000 (Oros. VII. 37,4).

Панический страх овладел Италией при приближении Радагайса, который без труда разбил пограничную военную стражу и начал опустошать верхнюю Италию; разоряя села, он успел взять и несколько городов. В са-

мом Рима страх был так велик, что началось даже некоторое религиозное движение; язычники возводили всю вину за бедствие на христиан и, доказывая бессилие их Бога, успели поколебать веру многих. Среди общей паники Стилихон долго не мог собрать достаточного количества войск для отражения варваров; посреди хлопот и приготовлений миновал 404 год. Наконец, после долгих усилий остготы в 405 году¹⁸ были разбиты. Стилихон застал их при осаде Флоренции и принудил к отступлению. Масса варваров распалась на части, которые действовали самостоятельно; одни из них были уничтожены Стилихоном, других он запер в отрогах Апеннинских гор при Фезуле (Фиезоле) и голодом принудил к сдаче. При этом было взято 12 000 пленников, которых поселили в Малой Азии, составив там особую колонию оптиматов. Кроме того, огромная масса готов была продана на рынках, увеличив собой число рабов.

После кровопролитных сражений 405–406 гг. Италия оставалась некоторое время в покое, но зато в 406 году сильно пострадала наиболее значительная из западных провинций – Галлия, так как в пределы ее вторглись толпы свевов, аланов и вандалов. В устранении распространённых недоразумений нужно заметить, что это вторжение варваров в 406 году¹⁹ с предыдущим нашествием Радагайса не имело никакой связи. Главную роль играли тут, по-видимому, вандалы. Они пришли из Паннонии, где и после продолжает жить другая, главная масса этого народа. Побудительной причиной движения вовсе не было желание добыть себе новую землю для поселения, так как и в Паннонии было довольно простора; это был только разбойничий набег, задуманный в обширных размерах. К вандалам присоединилась большая толпа аланов, следовавшая за готами и бродившая между устьями Днестра и Дуная. Свевы составляли наименее значительный контингент и, по-видимому, присоединились к прочим только уже на Рейне, вблизи которого сами они обитали. Общего вожда нашествие не имело, и связь между отдельными отрядами была весьма слабая. Когда толпы свевов, вандалов, аланов направились в пределы Галлии, она была совершенно беззащитна, так как Стилихон вывел оттуда римские легионы и в ней осталось лишь мирное галло-римское население. Обязанность охранять римскую границу была возложена по договору на франков и других варваров (даже аланов под предводительством Гоара). Франки действительно попытались загородить доступ в пределы империи своим варварским соплеменникам. Перевес был сначала у франков, но явившееся подкрепление вандалов изменило положение дел, и пограничная защита была прорвана. В продолжение трех лет варвары разоряли Галлию; даже отдаленная Аквитания не была безопасной, так как римляне не держали гарнизонов внутри страны и защищали только границы. Среди смуты и хаоса перешли через Рейн и другие варвары. Аллеманны, бургунды и франки окончательно утвердились на левом берегу Рейна. Страсбург, Шпейер, Вормс, Майнц, Реймс, Амьен, Аррас и другие города были взяты приступом и разграблены. Правда, еще долго удерживалось в них римское население, потому что германцы не селились в городах. Большим облегчением для Галлии стало то, что вандалы, аланы и свевы в 409 году захватили проход в Пиренеях и спустились в Испанию, до сих пор неприкосновенную; они долго еще будут хозяйничать там, пока

вестготы не водворят настоящий порядок. Попытка, сделанная несколькими богатыми земледельцами, состоявшими в родстве с домом императора Феодосия, остановить варваров в Пиренеях, для чего они вооружали своих колонов и рабов, имела значение только в том отношении, что указывает нам на проблеск энергии в среде римских магнатов, на остаток живой социальной силы.

Вслед за тем в 408, 409 и 410 годах страшный для Рима вождь готов Аларих появился снова в Италии, которая теперь уже не имела своего главного защитника – Стилихона.²⁰ Он, как говорят,⁽⁴⁴⁾ пал жертвой «придворной интриги, прикрывавшейся патриотическим негодованием». Знать видела в нем «чужеземца», обвиняла великого варвара в изменнических связях с Аларихом, в замыслах посадить на римский престол своего сына. Но смертью своей Стилихон доказал свою невинность и преданность Риму; если бы захотел, он мог бы найти себе опору в варварских элементах армии, но он сам отказался от защиты, которая предлагалась ему соплеменниками, не захотел спасти себя мятежом или бунтом. Реакция наставшая после его убийства, сопровождалась страшным кровопролитием, которое коснулось не одних только варваров.

Олимпий, глава интриги, погубившей Стилихона, старался придать делу вид, будто он борется как патриот, будто он стремится очистить Италию от варваров. Лживость этих заявлений, рассчитанных на господствующее неудовольствие коренного итальянского населения против чуждых пришельцев, доказывается уже тем, что не давалось пощады и римлянам, подозреваемым в привязанности к Стилихону, и что, с другой стороны, снова принимались на службу толпы гуннов и все тех же готов. Разнузданные страсти солдатчины выразились в кровавой бойне, которую учинили римские легионеры; со страшной яростью бросились они на жен и детей, принадлежавших федератам, то есть союзным готам, и оставленных ими в местах расквартирования. В разных городах и селах Италии произведена была ужасающая резня. Вследствие этого 30 000 вооруженных союзных варваров поднялись и ушли к Алариху. Тот же не упустил воспользоваться благоприятным случаем и провозгласил себя мстителем за Стилихона. Он призвал к себе своего родственника Атаульфа (Atavulfus – немецкое имя, из которого образовалось ром. Адольф), стоявшего с частью готского племени в верхней Паннонии (между Дунаем и Савой), и пошел на Италию. Почти нигде он не встречал сопротивления.

Восторжествовавшая мнимо национальная партия занималась тогда преследованиями и пытками приверженцев Стилихона, все еще не ист-

(44) «Нельзя видеть одну придворную интригу в том, что среди приближенных Гонория поднялась оппозиция против Стилихона, которому приписывали намерение доставить сыну, еще язычнику, высшее достоинство империи. Именно тогда получили известие о смерти Аркадия, последовавшей 1 мая 410 года, причем он оставил малолетнего сына. Распространился слух, что Стилихон отправился на Восток и там провозглашен был императором. Слухи иногда действуют так же, как факты. Под влиянием евнуха Олимпия, занимавшего положение, близкое к Гонорию, и руководствующегося религиозными мотивами, последовало возмущение в императорском лагере» (Ранке, III, 235–236).

ребленных окончательно. Аларих на этот раз не остановился в верхней Италии, но появился в виду «вечного города», со времени Ганнибала ни видавшего врагов перед своими стенами. В 408 году он осадил город. Сестра императора Пластиция (Placidia) находилась в Риме. Вместе с сенатом она нашла необходимым устранить Серену, жену Стилихона, племянницу императора Феодосия; они боялись, чтобы она из мести не предала Рим Алариху, и потому приказали ее убить. Вестготы между тем расположились перед всеми городскими воротами и прервали с юга сообщение города с Остией, так что подвоз съестных припасов по Тибру прекратился. Теперь римляне увидели, что враг серьезно замышляет овладеть городом, и решились упорно защищаться. Они надеялись на выручку из Равенны, в крепких стенах которой Гонорий засел со своими советниками; но день проходил за днем, а желанная помощь не являлась. Чтобы беречь запасы продуктов, уменьшили вдвое порции, но нужда скоро заставила ограничиться только одной третью порции. Недостаток возрастал все более, и вследствие голода начался мор. Много жителей умерло, и трупы лежали на улицах, так как не могли быть преданы погребению в обычном месте — перед городскими воротами; они заражали воздух и усиливали действие повальной болезни. В это время вдовствующая императрица, жена Грациана — Лета (Laeta) прославилась благотворительностью; на основании привилегии, данной Феодосием, она получала от фиска известное количество съестных припасов; теперь она делила его между голодающим населением. Но нужда возрастала все более и более, и жители доведены были до необходимости питаться человеческим мясом. Тогда граждане решили заключить справедливую сделку с Аларихом или же в последний раз испытать свое счастье и показать доблесть в бою для этого они стали заниматься военными приготовлениями, привыкли к оружию и уже не боялись более войны и сражений.

Послы, отправленные к Алариху, прибыли в его лагерь. Вестготский конунг выслушал их сообщение. Когда они заметили, что римский народ упражняется в обращении с оружием и в отчаянии не отступит перед открытой борьбой, Аларих насмешливо воскликнул: «Чем гуще трава, тем лучше косить». Он знал римлян и, в частности, жителей «вечного города» и очень хорошо понимал, как мало нужно было бояться их знатной храбрости. Тем не менее Аларих вступил в переговоры. Условия, предъявленные им, были сначала чудовищны: он требовал выдачи всего золота и серебра, всех драгоценностей и всех рабов варварского происхождения.

Когда один из присутствующих поставил смелый и вместе скромный вопрос — что же он оставляет жителям, Аларих ответил: «Жизнь!» Однако он дал перемирие, чтобы они могли поговорить с горожанами и получить новые инструкции. Отчаяние овладело римлянами. В этот момент к римлянам опять пришла мысль воротиться к старым богам — богам предков; говорили, что какой-то город в провинции был спасен от Алариха тем, что жители стали молиться идолам. Зосим, почти современный писатель, расположенный весьма враждебно к христианству, уверяет, что сам епископ Римский, ставя общее благо выше своей веры, дал на это тайно свое согласие; но сенат все-таки побоялся устроить публичный церемонию по старому обычаю. Обратились снова к переговорам; отправи-

ли второе посольство к Алариху, которое и добилось более умеренных требований, а именно 5 тысяч либр (фунтов) золота, 30 тысяч либр серебра, 4 тысячи шелковых одежд, 3 тысячи либр перца, 3 тысячи штук кож. Город, обедневший со времен Константина, не мог предоставить требуемой суммы иначе, как опять прибегнув к старым богам: многие драгоценные массивные статуи были брошены в слитки; между прочим и статуя богини Virtus. Языческий писатель, от которого мы знаем об этих подробностях, говорит с горечью о пожертвовании священным символом древней римской доблести (Зосим. V. 37–42). Он полагает, что с этого времени храбрость и мужество окончательно покинули римских граждан; но не ошибается ли он, слишком передвигая вперед дело этого изменения римского духа? Город освободился от осады, но еще окончательно не избавился от опасности, потому что Аларих ставил свою службу в зависимость от принятия его услуг императором и от условий, которые он поставил касательно общего мира.

Отправилось посольство в Равенну. Император не хотел пока вступать в переговоры с Аларихом об оборонительном и наступательном союзе, но подтвердил договор о выплате денег за снятие осады с Рима, так что по возвращении посольства все было выплачено.

Аларих снял осаду, и жители вздохнули свободнее. Вестготы направились к северу, но Аларих не мог совсем предохранить страну от грабежа; один отряд варваров напал на провиантский конвой из Остии в Рим и разграбил обоз. Примерное наказание мародеров показало, что варвар лучше умеет защищать римлян, чем император.

Огромное количество рабов усилило готскую армию, расположившуюся лагерем в Тусции (Тоскане). Говорят, что число этих перебежавших рабов простирается до 40 000 (Зосим. V. 42); очень вероятно, что тут был значительный процент пленников, оставшихся после разгрома полчищ Радагайса.

Пока войско Алариха стояло в Тусции, из Рима отправилось второе посольство в Равенну, но, так же как и первое, оно не было в состоянии побудить двор к заключению мира и выдаче заложников: ни представления благоразумия, ни описания понесенных бедствий не подействовали. Олимпий упорно отказывал в своем согласии; гонение на варваров продолжалось. В Риме был сменен начальник фиска за то, что он не показал полного усердия в преследовании приверженцев Стилихона.

В Равенне несколько знатных чиновников были подвергнуты пытке — вероятно, с целью выведать приверженцев того же Стилихона. Двор начал вооружаться и вызвал из Далмации 6000 человек, но этот отряд наткнулся на самого Алариха. Он был почти совсем истреблен, только 100 человек спаслись бегством.

Аларих в наказание снова двинулся на Рим и обложил город со всех сторон. Из Рима отправилось третье посольство в Равенну, предводимое римским епископом и охраняемое вестготским отрядом.

В Риме узнали в это время о движении Атаульфа при городе Пизе, Атаульф был разбит, но, потеряв 1000 человек, пробился к Алариху.

В отсутствие Олимпия произошла при дворе революция, вследствие которой он потерял сначала милость, а вскоре и жизнь. Его место занял

Иовий, который сначала показал склонность держаться другой политики – примирительной. К Алариху тотчас отправились послы, которые пригласили его подойти ближе к Равенне, чтобы переговоры, на которые двор изъявил теперь полное согласие, могли идти быстрее. Собственно-ручные письма императора и правителя нашли благоприятный прием у Алариха; готская армия двинулась на запад, Аларих расположился главной квартирой при Римини. Иовий вел переговоры лично. Требования Алариха заключались в следующем.

1. Ежегодная дань деньгами и хлебом.

2. Уступка провинций Далмации, Венетии и Норика.

Отправляя эти условия за своей подписью к императору, Иовий со своей стороны посоветовал дать Алариху титул фельдмаршала, *magister utriusque militiae*, чтобы склонить варвара к уступчивости в его требованиях.

Гонорий, как и предчувствовал Иовий, отверг это предложение и заявил, что ни Алариху, ни другому готскому предводителю он никогда не даст такого высокого звания.

Затем совершилась перемена в политике самого Иовия. Он заставил Гонория поклясться, что он никогда не заключит мира с Аларихом. Сам Иовий и все чиновники поклялись в том же «головой императора». Военственная политика Иовия шла дальше, он уже готовился к наступательным действиям. Но одна Италия не могла дать достаточных для этого средств, пришлось взять на службу 10 000 готов.

Аларих тотчас после получения отрицательного ответа Гонория отправился опять на Рим, но дорогой сделал еще попытку покончить дело миром. Он послал к Гонорию епископов многих городов со следующими представлениями:

«Это будет его вина, если город Рим... постигнет участь разрушения в пламени, мир еще возможен».

Теперь Аларих требовал одной Реции и известного количества хлеба ежегодно; от денег, Далмации и Венетии он отказался.

Но клятва мешала. От всякой клятвы, конечно, могла дать разрешение духовная власть, кроме только клятвы «головой императора». Зосим справедливо удивляется всему этому бессмыслию.

Итак, Аларих осаждает Рим во второй раз;²² захватив гавань при устьях Тибра и овладев находившимися там хлебными магазинами, Аларих заставил римлян подчиниться своей воле.

Воля эта заключалась в том, чтобы римляне отказались признавать власть императора Гонория, который сидел запершись в Равенне, окруженной болотами, и не хотел исполнять требования Алариха. Вместо него был провозглашен императором Аттал, префект города Рима. Аларих надеялся, что новый император будет покорным орудием в его руках. Не грабеж Италии и не опустошение Рима составляли заветную цель Алариха; приобрести прочное и безопасное положение для своих готов внутри империи, самому же занять почетное положение среди сановников цезаря – вот чего требовал он от Гонория и вот что должен был дать ему вновь поставленный император. Аттал был человек знатного происхождения, без особенных дарований, но с большими притязаниями. Объ-

занный своим возвышением Алариху, он тотчас же начал смотреть на него свысока и не хотел слушать его советов, даже в том случае, когда они клонились к собственной его выгоде. Аларих считал, что прежде всего новому императору необходимо покорить Африку, иначе Риму грозил страшный голод, так как столица получала оттуда свой хлебный запас.²³ Вместо того Аттал потребовал похода против Гонория, державшегося в неприступной Равенне, а в Африку отправил небольшой отряд. Там и здесь дело закончилось неудачей. Военный отряд, неожиданно прибывший на помощь Гонорию с Востока, поддержал бодрость в недостойном сыне Феодосия, когда он уже готов был уступить свое место Атталу — креатуре готского варвара.

В Риме между тем недостаток хлеба превратился в страшный голод; бедное население питалось самой отвратительной пищей; толпа, собравшаяся в цирке, — ибо зрелища ни в каком случае не должны были прекратиться, — обращаясь к городским властям кричала: «Назначьте, по крайней мере, таксу на человеческое мясо». Аларих, видя кругом затруднения, убедился в полной неспособности своего императора и, не имея возможности добиться мира и прочных гарантий ни с той ни с другой стороны, кончил тем, что низвел Аттала с престола и в третий раз осадил Рим, чтобы наказать упорство Гонория (Зосим. V. 10; Oros. VII. 39; 42).

Теперь он пришел не с такими мирными намерениями, с какими приходил уже два раза, город на сей раз был обречен на разграбление.

В половине августа 410 года Аларих расположился лагерем в виду римских стен и после кратковременной осады взял город и позволил своим солдатам грабить его в продолжение трех дней.²⁴

При этом следует заметить, что действия варваров в покоренном городе не были так суровы, как их обыкновенно изображают. Аларих приказал своим подданным шадить жизнь и честь римских женщин. Как видно из рассказов Отцов Церкви, ариане-готы не разрушили храмов и даже пощадили сокровища собора Святого Петра, которые нашли спрятанными у одной знатной римской дамы.

Сообщения христианских писателей оттого важны для нас, что они показывают нравственное состояние общества того времени и впечатление, произведенное падением Рима на умы людей V века. Как видно, паника была всеобщая и сваливали все несчастья римского народа на христианского Бога. Тогда-то явилось сочинение блаженного Августина «О граде Божием» («De civitate Dei») в виде ответа на нападки язычников. Он говорит в нем, что христианский Бог спас Свои храмы и при помощи имени Его была пощажена жизнь и честь римских матрон.

Аларих, видя неудачу своих планов в Италии, намеревался уже переправиться в Африку, но смерть помешала его намерениям.²⁵ После него готы не нашли возможным долго оставаться в стране, где они не могли даже прокормиться без помощи Африки, так как все пространство Италии было покрыто огромными латифундиями, владельцы которых, подобно позднейшим английским лордам, предпочитали более разводить скот нежели обрабатывать землю, и получали запасы хлеба из Африки и Испании. Атаульф, преемник Алариха, решил вывести вестготов в Галлию,

и в 412 году мы находим их уже в этой стране именно в то время, когда происходили здесь страшные смуты.

История Атаульфа имеет несколько романтический характер. Он явился в Галлию, имея при себе интересную пленницу – дочь императора Феодосия и сестру Аркадия и Гонория, прекрасную Плацидию. Несмотря на то, что она была в его власти, Атаульф не желал получить ее руку без согласия на то ее самой и Гонория. Отношения Атаульфа и Плацидии важны для нас потому, что они проливают свет на отношение варваров к Риму. У Орозия есть запись рассказа, слышанного им от своего знакомого, имевшего случай лично беседовать с Атаульфом. Вот что говорил ему Атаульф: первым стремлением моим было стереть Римскую империю с лица земли, сделать так, чтобы вместо Romania говорили Gothia; но, прибавлял он, я скоро убедился, что с варварами этого сделать нельзя, так как они слишком грубы и не цивилизованны; они не способны повиноваться закону, а государство не есть государство, если нет законов; тогда я, Атаульф, поставил себе целью служить Риму, соединился с ним посредством крепкого союза. Атаульф положил, таким образом, начало общего благоденствия и мог бы достигнуть замечательного успеха (Oros. VII. 43, 1–7).

Итак, этот предводитель готов был первым из варваров, который проповедовал уважение к Риму. Он умер в Испании при осаде Барселоны. Преемником Атаульфа после некоторого времени сделался Валлия,²⁶ который заключил мир с Плацидией, вернувшейся к Равеннскому двору, получил нужное количество хлеба для кормления варваров и обязался служить римскому правительству. Власть римлян над Галлией скоро была восстановлена, и вестготам позволено поселиться между океаном и г. Тулузой, к югу от реки Гаронны.

Итак, после долгих странствий вестготы, жившие прежде на берегу Дуная, вторглись на Балканский полуостров, были в Италии и, наконец, образовали в Галлии первое варварское государство на римской территории (418 год), сохранив при этом свою самостоятельность и даже своих конунгов, но признавая власть Рима.²⁷ В состав этого варварского государства вошли города: Bordeaux, Agen, Saepes, Angoulême, Poitier и прекрасная Tolosa (Толоза), нын. Тулуза, которая если не тотчас, то с течением времени превратилась в столицу, а до тех пор была самым важным центром. По имени ее дано государству готов название Толозанского, в отличие от другого их государства – Толедского. Причины, побудившие готов поселиться в этой местности, понять довольно трудно, но инициатива, видимо, исходила со стороны римлян. Может быть, они не хотели, чтобы вдали от них готы сделались слишком самостоятельными; может быть, и желания Валлии были направлены в ту же сторону.

«Роскошная область золотой Гаронны славилась своим плодородием и красотой. Жителям казалось, что они тут владеют не какой-либо частью земной поверхности, частицей рая. Таким образом, готы поселились среди мирт и платанов, виноградных плантаций, золотых полей и роскошных садов».

Вестготы поселились в Галлии, и после Валлии, при его преемниках Теодориде (Theodoridus) I (419–451) и Торисмунде (451–453), не прои-

зошло никакого значительного территориального расширения. Теодорид пал в сражении с Атиллой на полях Каталаунских около Мауриака, где вестготы встретились со своими соотечественниками как враги в 451 году.

Торисмунду наследовал Теодерих II (453–466). Он сделал новые приобретения на юге Галлии (Нарбонна) и по ту сторону Пиренеев боролся победоносно со свевами. Следующий правитель, Еврих (Euricus) (466–484), подчинил готскому владычеству не только всю область к югу от Луары, но и к западу от Роны, со включением Оверни. После падения в 476 году Западной Римской империи сюда же вошла и большая часть Пиренейского полуострова (только на северо-западе удержались свевы). Затем покорены были по ту сторону Роны – Арль, Марсель, то есть вся почти провинция Нарбоннская.

Евриху наследовал Аларих II (485–507), при нем последовала новая катастрофа, окончившаяся распадением вестготской державы.

Рассмотрим теперь вопрос: в какие отношения вступили варвары, поселившиеся, таким образом на римской земле, к римскому правительству и местному галло-римскому населению?

Для этого обратимся прежде всего к тем памятникам, по которым мы могли бы определить, как у готов произведено было разделение земли, какое законодательство. Тут следует заметить, что законы их двоякого рода: одни для прежнего галло-римского населения, другие, для них самих. Во всех законах варваров (*leges barbarorum*) был признаваем принцип личности права, то есть такой порядок, при котором подсудность человека тому или другому закону определяется его личностью – личным происхождением и принадлежностью к известной племенной группе, а не местом, где он жил и совершил преступление. Если человек принадлежал не к готам, а к другому племени, то он судился по своим законам, если он был римлянин – то по римским. Точно так же бургунд судился по бургундским законам, вандал – по вандальским. Принцип личности права противоположен принципу территориальности права, то есть такому порядку, при котором всякий человек подсуден законам той страны, в которой он находится. (Он существует в России и во всех государствах Европы, кроме Турции, где право суда над иностранцами представлено еще и до сих пор их консулам.)

Итак, вестготы не обращались с римлянами жестоко, если оставляли им свои законы. Один из позднейших конунгов, Аларих II, издал даже новое законодательство для римлян, известное под именем *Breviarium Alaricianum*. Законы были составлены по римским источникам и приняты на сейме готов. В сущности, они представляют извлечения из сборника Феодосия с некоторыми толкованиями. Предшественник Алариха II, король Еврих, издал законы собственно для вестготов, но от этого законодательства не сохранилось никаких следов. Позднейший сборник вестготских законов, появившийся в эпоху Толедского королевства в Испании, то есть законодательство Леовигильда (569–586), не дошел до нас в первоначальной редакции, а уже с разными дополнениями, сделанными при новых пересмотрах. Первый пересмотр и издание не дошло до нас,

второе относится к 591 году. Этот последний сборник обозначается именем *Antiqua*.²⁸ Нужно заметить, что позднейшие вставки тут настолько перемешаны с первоначальными постановлениями, что мы не можем собственно различить, что должно быть отнесено к позднейшему времени и что — к первоначальному. Законодательство готов, записанное в сборнике *Antiqua*, было написано не на их родном языке, а на латинском. Готы — единственные варвары-ариане, пользовавшиеся Св. Писанием в переводе на родной язык, но во всех особенных случаях они прибегали к языку того населения, среди которого утвердились, что указывает на их подчинение римской цивилизации и римскому влиянию.

На основании двух постановлений разных времен, собранных в сборнике *Antiqua*, мы можем судить об устройстве государства готов. Поскольку первоначальная редакция сборника, составленного при Еврихе, до нас не дошла, мы должны довольствоваться позднейшей и для разъяснения первоначальных фактов обращаться отчасти к отрывочным известиям писателей, отчасти — к аналогическим явлениям, то есть к законам других варваров, поселившихся на римской земле. Полезным пособием при этом может служить исследование Гаупп'а «*Die Germanischen Ansidelungen und Londtheilungen in den Provinzen des römischen Westreiches*» (Breslau, 1844). По мнению Гауппа, поселения варваров на римской территории не представляют ничего отличного от первоначальной колонизации их, совершившейся еще в IV веке. Он обратил внимание на закон «*hospitalitatis*», закон о военном постое, в котором определяются отношения варваров, поступивших на службу империи и отправляемых в провинции.

Они обыкновенно размещались на земле местных помещиков (*possesores*), и закон предоставлял солдатам на постой третью часть домов, причем дележ производился таким образом, что сначала весь дом разделялся на три части; первую треть имел право взять себе хозяин по своему выбору, затем часть любую из двух остальных брали солдаты, третья же сама собой оставалась в пользу хозяина. Взаимное отношение между постояльцем и хозяином обозначалось словом «*hospitalitas*» — гостеприимство; как хозяин, так и постоялец одинаково называются «*hospites*», так как латинское «*hospes*» может означать и гостя и того, кто принимает гостя.

Гаупп доказывал, что на основании закона «*hospitalitatis*» варвары из квартирующих солдат становились сначала соучастниками во владении, а затем уже самостоятельными собственниками на своих участках, или на своих третях («*tertia*»). Насильственного резкого перехода не было, особенно когда племена, занимавшие римскую территорию, приходили на нее с согласия римского правительства. Готы и бургунды являлись в Галлию в виде римского наемного войска, хотя по обычаю являлись с женами и семьями. Они жили среди римских землевладельцев, как простые «*hospites*» (постояльцы), и только гораздо позднее является законодательное постановление о разделе. Но и после этого отношения между варварами и римлянами уподобляются отношениям между родственниками, которым досталось имущество и которые не могут его разделить, но могут оставить его в общем владении.

Гаупп отчасти даже преувеличивает мирный характер основания варварских государств; переход от военного постоя к разделу у него совершается уже слишком гладко, между тем как на самом деле есть существенная разница между временной неприятностью иметь у себя и кормить постояльца и необходимостью уступить ему навсегда часть земель, причем даже не одну треть, а иногда и две. Но во всяком случае связь между хозяином и постояльцем указана им верно.

Обратимся теперь снова к вестготам. Интересно прежде всего было бы узнать, в каком количестве пришли они в Галлию, потому что от этого должна была зависеть легкость или трудность их устройства на прочное жительство в стране.

Если численность была слишком велика, то поселить их в Галлии было бы чрезвычайно трудно. Мы знаем, что численность вестготов, перешедших за Дунай в 375 году, простиралась от 700 000 до 1 миллиона, но число это в данном случае не применимо. Оно должно быть уменьшено. Многие варвары сошли с пути, хотя мы знаем, с другой стороны, что к ним присоединялись отряды наемников, рабов, иногда достигавшие 30–40 тысяч человек. Следовательно, число готов, поселившихся на юге Галлии, было все-таки весьма значительно; может быть, мы не сделаем большой ошибки, если вместе с Даном²⁹ примем, что за *minimum* их численности можно положить 50 тысяч человек, способных носить оружие.

Число готов, пришедших при Валенте, считают до 200 000 способных к оружию; после они получили подкрепление в виде других варваров-германцев, находившихся в обеих империях. К Алариху пристало кроме 30 000 варварских наемников Стилихона 40 000 бежавших рабов. Так что, несмотря на частые и постоянные потери, несмотря на весьма неблагоприятные обстоятельства для умножения населения во время от 375 до 410 года, мы находим все-таки 50 000 человек, способных носить оружие, а сообразно с этим общую численность, считая женщин, детей, стариков, можем обозначить в 300 000 человек.

Большое умножение населения готов следует предполагать после возвращения в Аквитанию из испанского похода, и этим объясняется тогда постепенное их стремление к расширению земель, начавшееся еще до Евриха, в 430 году. Отмеренная римлянами одежда приходилась не по росту; отсюда же объясняется и то, что готы взяли $\frac{2}{3}$ земли вместо одной трети, несмотря на свои союзные отношения с римлянами («*foedus*»). Тогда как Одоакр, как увидим ниже, будучи полным господином положения, удовлетворялся в Италии $\frac{1}{3}$ земли.

Известия о разделах земель готами смутны и темны, и вследствие много раз изменявшихся отношений их к империи ими трудно руководствоваться. Законодательства говорят нам мало, больше других *Antiqua*. Но и данные этого сборника должны были прежде всего относиться к дележу и сделкам с остготами, бургундами и франками в конце V века и в начале VI века в Испании и Септимании, а о дележах с римлянами в Галлии и Испании в течение V века и позднее опять в Галлии можно только догадываться, что они производились по аналогичным принципам.

Относительно этого древнейшего времени мы принимаем следующие положения. После первого прихода в Галлию при Атаульфе, а потом при Валлии длился известное число лет промежуточный период, когда готы устраивались по прежде существующим римским нормам и учреждениям, принятым для расквартирования и пропитания войск, находящихся в походе или помещенных на постой в той или другой провинции, то есть пользовались гостеприимством «*hospitalitates*». Готы были, несмотря на часто нарушаемый *foedus* (договор), признаваемы за такое же римское войско, как и всякое другое варварское ополчение на римской службе. Из слов поэта Меробауда (он интересен тем, что был едва ли не первым варваром франкского и вообще германского происхождения, попытавшим свои силы в латинской поэзии) можно заключить, что уже в период времени между 430 и 440 годами, когда этот франк писал свои стихи, готы занимались земледелием на границе своей области, значит были не простыми военными постояльцами. Впрочем, слова Меробауда о готских сохах или оралах могут относиться к готским колонистам еще более раннего, отдельного поселения, возникшего до прихода всей их народной массы.

Некоторый свет на это дело проливают известия Паулина Пелльско-го. Он рассказывает, что его большие поместья близ Бордо около 412 года при Атаульфе по какому-то случаю остались свободными от готского постояльца или гостя (*hospes*), но эта милость скоро обратилась во вред. Когда готы в 415 году оставили страну и двинулись в Испанию, другие римские хозяева, у которых были готские *hospites*, часто в них находили себе защитников, так как готы вообще обращались с большой добротой с римлянами-хозяевами. Имена же Паулина, как свободные от постоя, были лишены защиты, подвергались разорению, рабы и рабыни его были уведены.⁽⁴⁵⁾

Нужно впрочем прибавить, что против Паулина существовало подозрение в измене. Сыновья Паулина остались в Бордо на территории, которая после возвращения готов из Испании при Валлии сделалась готским владением, и здесь они получили уже готского совладельца. То есть очевидно, они не потеряли все свои земли, а только должны были поделиться ими, уступив, во всей вероятности, $1/3$. Отец говорит, что при том сыновья его рассчитывали на большую свободу, чем какая существовала весьма часто в римских областях (*Paulini Pellaei. Euchar. Стих. 498 и сл.*).

Самому Паулину, который переселился в Марсель около 416 года, неизвестный гот прислал небольшую сумму за какой-то участок или отдельное имение около Бордо, которое он уже считал пропавшим. Хотя цена эта и была ниже настоящей стоимости имения, все-таки Паулин был очень доволен, потому что она помогла ему привести дела в порядок.

⁽⁴⁵⁾ Паулин из Пеллы (*Paulinus Pellaeus*) – богатый римский землевладелец, занимавший свою историю в сочинении «*Eucharisticos*» («*Carmen quad inscribitur Eucharisticos Deo sub ephemeridie meae textu*»). Об этом он говорит сам (Стих. 285–288 в «*Histor. Zeitschrift*», 1879. I. S. 67).

Есть и другие свидетельства, что готы обращались довольно мягко с провинциалами. Орозий даже с некоторым преувеличением говорит, что готы тотчас после переселения перековали свои мечи на ралы (плуги) и обращались с римлянами, как с друзьями и союзниками. При Атаульфе, когда готы были военными постоянльцами, они помогали хозяевам в полевых работах, за небольшую плату делали разные услуги. При расставании со страной они, правда, хозяйничают совсем иначе; но вернувшись (из Испании), возобновляют свой союз с Римом и опять делаются смиреннее. Когда же именно совершился окончательный раздел земли, сказать трудно. Постановления *Antiqua* об этом разделе с уверенностью можно отнести только к периоду, следовавшему за завоеваниями Евриха (466–484); но кажется, что уже для самого времени Евриха раздел земли и превращение готов в постоянных землевладельцев есть факт засвидетельствованный.

Это видно из слов Аполлинария Сидония. После тещи ему досталось наследство в вестготских владениях. Но оказалось, что по праву он мог получить не все имение, а только треть его, следовательно, $\frac{2}{3}$ были уже отобраны кем-то другим, то есть, очевидно, готским поселенцем. Даже и относительно $\frac{1}{3}$ Сидоний встретил затруднения: он не мог получить своей трети, хотя и предлагал уплатить денежную ценность $\frac{1}{2}$ имения (VIII, 9). Это последнее объясняется тем, что Аполлинарий Сидоний был по отношению к вестготскому государству чужим человеком, почти иностранцем. Он отправился к бордосскому двору короля Евриха с жалобой, но и тут поездка оказалась напрасной и доставила ему только случай описать двор короля Евриха, окруженного римскими риторами и писателями. Другие были счастливее Аполлинария.

Обратимся теперь к *Antiqua*, где находятся ясные постановления о разделе. Из этих постановлений видно, что готы взяли себе $\frac{2}{3}$ земли.

Предметом деления была совокупность имущества известного римского землевладельца (*possessor'a*) — земельная собственность со всем, что к ней принадлежало, то есть с крепостными, колонами (рабами) и скотом. Разделу одинаково подвергались как сельские, так и городские участки (*tit. I. cap. 16*). Термины для обозначения лиц той и другой стороны — старые римские *hospites, consortes*, отношения между ним, *hospitalitas*. Каждый участок называется *sors*, то есть жребий. Но бросали этот жребий или нет, сказать трудно, так как слово *sors* не заставляет непременно думать о жребии: именем этим означалась не одна только часть, доставшаяся готу, но и часть, оставшаяся за римлянином. С другой стороны вообще и вся готская область называлась готским жребием — *sors Gothica*. Вот какие постановления находим мы о разделе земель в *Antiqua*.

«Раздел, произведенный между римлянином и готом в отношении к известному участку земли или леса, никоим образом не должен быть нарушен, если только произведенное деление было надлежащим образом заявлено. Из двух частей гота ничего не должен присвоить себе и требовать римлянин; из трети римлянина гот также не должен чего-либо требовать, разве только от нашей щедрости ему было что-либо даровано. Когда уже раз произведен был раздел родичами и соседями, потомки пусть не пытаются изменить».

«Если кто снимает землю для обработки, он должен, подобно тому кто дал землю, платить ценз (поземельную римскую подать). Если примет на свою землю поселенца (арендатора), может быть даже колона, а потом случится, что тот, кто принял, должен возратить ее (землю) кому-нибудь, как терцию, то пусть одинаково остаются при своем и платят подать как те, которые были приняты, так и патроны их, сообразно тому, как и сколько будет приходиться каждому». «Если готы что-нибудь захватили из терции римлян, то по настоянию судьи все должно быть исправлено в пользу римлян. Судьи (*judices*) отдельных городов (*singularum civitatum*), старшины и управляющие (в селах и имениях) уполномочиваются отбирать терции римлян у тех, которые их захватили, и по требованию римлянина без замедления возвращать ему свое, дабы казна (фиск) не подвергалась никакому ущербу,⁽⁴⁶⁾ разве только миновал срок или 50 лет (срок давности), по истечении которых римлянин не мог отыскивать своего имения».

«Участки (*sortes*) готские и римские, о которых в продолжение 50 лет не было заявлено никакого требования, уже никаким образом не могут быть отыскиваемы».

К этому можно прибавить следующие замечания.

1. Предметом деления была вся совокупность имущества известного римского владельца как уже было сказано выше. Разделу одинаково подлежали как городские, так и сельские жители, это доказывается тем, что против злоупотребления одинаково призывается бдительность как сельских, так и городских властей.

2. Масштабом или мерилom служила, конечно потребность германского гостя *hospes*, который как глава многолюдной семьи (или фамилии) с большим числом сыновей и полусвободных подчиненных людей, владеющий большим количеством рабов и скота, должен был получать более, чем простой свободный человек. С другой стороны, и трети, подлежащие разделу, были также не равны, как не равны были сами имения римских землевладельцев, раздробляемые на трети.

Вероятно поэтому, что уже заранее были известны разные категории семей, имеющих право на больший или меньший надел смотря по количеству душ и лиц; с другой стороны, существовал список имений, подлежащих разделу с обозначением их величины по разрядам. Нельзя сказать наверное употреблялся ли жребий при разделе; выше уже было сказано, что слово «*sorts*» применялось к различным участкам земли. Если даже в самом деле имело место метание жребия, то это делалось только для решения вопроса о том, в какой именно местности должен быть поселен этот или другой гот, или для решения вопроса, какой именно отдельный участок из числа принадлежащих к известному разряду должен ему достаться.

Другими словами: приблизительная величина участка, который должен получить гот, определялась заранее его личным семейным положением; а которое именно из приблизительно равных имений известного класса он получит — это определялось жребием.

⁽⁴⁶⁾ Подразумевалась поземельная подать, лежавшая на римских участках.

3. Гот получал $\frac{2}{3}$, римлянин удерживал $\frac{1}{3}$, на большее никто не мог иметь притязаний, если только ему не было что-либо доставлено королевской щедростью. Последняя оговорка может быть объяснена двояко; либо короли сначала при первом полунасилованном занятии брали у отдельных землевладельцев и давали своим готам и более $\frac{2}{3}$; либо имелось в виду то, что хотя от римского хозяина (*hospes*) и нельзя было брать более $\frac{2}{3}$, но король мог дать и сверх того из казенных фискальных имуществ.

4. Видно, что бывали случаи, когда готы, нарушая законные права, брали и более $\frac{2}{3}$. Вторая из приведенных выше статей «*Antiqua*» предвидит тот случай, когда гот должен будет возвратить хозяину, то есть римлянину, его терцию; в следующих статьях содержатся постановления, показывающие, что реституция несправедливо захваченных третей была делом обыкновенным. Из других статей видно, что тяжб и споров по поводу раздела было немало и это длилось довольно долго; что были случаи притворных отчуждений своих земель римскими провинциями во вред готам, то есть делалось так, что в виду угрожающего раздела римлянин совершал фиктивную продажу своего имени другому лицу, которое почему бы то ни было считалось обеспеченным от неприятной обязанности делиться с варварами; не подлежит сомнению что лиц, в пользу которых допускались изъятия было не мало.

5. Леса и пастбища могли оставаться не отгороженными в совместном владении гота и римлянина; но если бы гот или римлянин вздумал разработать под запашку часть лесного пространства, то другая сторона не должна была тому препятствовать, под условием только, чтобы и ей предоставлено было в отдельную собственность соответствующее количество земли, находящейся под лесом.

Вот условия при которых вестготы разместились среди романизованного населения южной Галлии. Время должно было мало-помалу сгладить противоположности и заставить забыть неприятности, которые, конечно, были весьма чувствительны римским землевладельцам при том, что все-таки их было меньшинство; громадная масса колонов и рабов несколько не страдавших от раздела латифундий на мелкие хозяйства, напротив, быть может выиграли. Припомним страшную тяжесть римской податной системы, заставляющую несчастных куриалов бежать в леса и даже лишать себя жизни, вызывающую в Галлии непрерывный ряд крестьянских восстаний в продолжение IV века. Тогда нам станет ясно, почему сыновья Паулина Пелльского предпочитали готское господство римскому; мы поймем, почему, как выражается один из современников, римская масса (*plebs*) только того и желала, чтобы пришли варвары.

Но все-таки пропасть, отделявшая варваров от образованного галло-римлянина, не могла вдруг исчезнуть. Гордость утонченно образованного галло-римского вельможи оскорблялась господством и даже присутствием людей, которые уже самой своей внешностью производили неприятное впечатление. Поселившись под благословенным небом южной Франции, готы все еще продолжали носить свои меховые одежды. Аполлинарий Сидоний с отвращением говорит о неумеренности в пище и питье этих людей северного происхождения. Описывая народную сходку

варваров, он не забыл упомянуть о грязных полотняных рубахах, которые прикрывали худощавые тела собравшихся стариков; он не пропустил и странной обуви из лошадиной шкуры, бедным ремнем привязанной под коленом и едва прикрывающей ногу. Закон, изданный Валентинианом и Валентом в 375 году, запрещавший смешанные браки римлян и варваров, был принят сначала в вестготское законодательство (*Lex Romana Visigothorum*), а затем отменен в продолжение всего Толедского периода.

На это, впрочем, была не только политическая, но и церковная причина, а именно различие вероисповеданий. Сближение и слияние народностей могло совершиться только в пользу высшей цивилизации, притом самый способ расселения готов – не сплошной массой, а вперемешку с римскими землевладельцами и земледельцами – не благоприятствовал проявлению германской самобытности. Признаки романизации появляются очень рано. Король Еврих уже был окружен римскими учеными и риториками; они были его главными советниками. Законы вестготские – не только те, которые назначались для римлян, но и специально для вестготов (*Варварская правда*) – с самого начала изданы были на латинском языке. Арианское вероисповедание не могло быть порукой неприкосновенности народной самобытности у вестготов, оно стало источником слабости для государства, так как наиболее сильный и могущественный класс римского населения – католическое духовенство – никогда не мог искренно примириться с господством еретиков.

БУРГУНДСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Перейдем теперь к обозрению судеб другого значительного германского племени – бургундов.³⁰

Нам известно, что бургунды пришли в движение вслед за аллеманнами. Когда аллеманны прорвались за Чертову стену, бургунды заняли их место, следовательно, в начале V века поселились в области рек Майна и Рейна, в нынешней Баварии и Вюртемберге. По свидетельству Орозия и Иеронима, в 406 и 407 годах они участвовали в нашествии на Галлию, но не утвердились в ней и только в 413 году получили право селиться там. Павел Диакон, написавший свое сочинение гораздо позднее, говорит, что первое Бургундское королевство (так называемое Вормское) было разрушено Аттілой при нашествии на Галлию в 451 году. По всей вероятности, Павел смешивает его с Аэцием, который нанес несколько поражений бургундам. В сущности, источником для Павла Диакона была хроника Проспера Аквитанского.

Бургунды заняли так называемую верхнюю ближайшую Германию (*Germania prima super Rhenum*), то есть часть Галлии, граничившую с Рейном. Император Гонорий, ввиду весьма дружественных отношений с бургундами, хотел иметь в них оплот против напора других варваров, и бургунды вступили на галло-римскую почву не как завоеватели, а как федераты. Их отношения с римлянами были устроены, конечно, на осно-

вании *hospitalitatis*. Вормс (*civitas Vongionum*) стал центральным местом пребывания конунгов и столицей царства. Майнц и Шпейер также входили в состав их территории, но Страсбург им не принадлежал.

При этом переселении или вскоре после него бургунды приняли христианство. Орозий, писавший около 417 года, говорит, что они были «*christiani omnes modo facti catholica fide*».

Это было первое королевство Бургундское, так называемое Вормское, которое вскоре было разрушено. Судя по отрывочным сведениям, сохранившимся у Проспера Аквитанского, Кассиодора и других авторов, бургунды, стремившиеся расширить свои владения вверх по Рейну, по направлению к Триру и Мецу, два раза потерпели поражение от римских полководцев: в первый раз в 435 году от Аэция, второй раз в 436 году с согласия Аэция. В хрониках говорится, что король Гундихар подвергся нападению гуннов, вероятно, находившихся в римской службе. Сам он был убит, а Бургундское, или Рейнское, королевство разрушено.

Бургунды, если верить современным источникам, были почти совершенно истреблены; незначительная часть уцелевших после катастрофы получили шесть лет спустя область для поселения, называвшуюся Сабавудией (ныне Савойю). «Савойя дается остаткам бургундов с тем, чтобы они разделили ее с туземцами», — замечают хроники под 477 годом (Проспер Аквитанский). Заправлял этим делом тот же Аэций, следовательно, поселение совершилось в интересах Рима; видимо, военные и иные соображения указывали на эту именно землю.

Под предводительством двух братьев, королей Альперика и Гундиоха (437–473), бургунды поселились в отведенной им земле. Хроника указывает на то, что бургундам отделили земли по договору.

Разделение земли в Сабавудии, вероятно, было произведено тотчас по пришествии бургундов. Тогдашняя Савойя была обширнее нынешней, и в пределы ее входила часть Швейцарии с городом Женевой, который и был первоначально столицей Бургундского государства. Один из позднейших писателей — Фредегарий (писал около половины VII века) — сообщает нам и цифру этих варваров; он говорит, что было 80 000, призванных римлянами с правого берега Рейна, где они до тех пор жили. Правда, что Фредегарий писатель не особенно достоверный; в данном случае он допускает явный анахронизм, относя это событие к 373 году, но все-таки в его показании можно предполагать верную основу. Другие сообщения Фредегария вполне соответствуют действительным обстоятельствам бургундского поселения: они пришли по приглашению римлян, привели своих жен и детей. Область, данная бургундам, была достаточно обширна, о главном городе ее — Женеве — упоминал еще Юлий Цезарь. Но варвары не удовлетвоались Савойей и подобно вестготам обнаруживали стремление завладеть большей территорией. Стремясь на запад, они шли навстречу вестготам, завоевавшим земли до нижнего течения Луары, и заняли города Лион, Виенну и другие; Марсель тоже некоторое время был в их руках. Лион стал новой столицей царства.³¹

Особенно важное расширение Бургундской территории произошло около 456 года, после того как они, в союзе с вестготами и в пользу Римской империи, совершили поход в Испанию и затем вернулись домой.

Припомним здесь в кратких чертах этот эпизод. В народном собрании вестготов в Тулузе, живо описанном у Аполлинария Сидония, по предложению конунга вестготов Теодериха II был провозглашен императором римским Авит, тесть Сидония, один из наиболее видных представителей галло-римской родовой аристократии. Он был прислан в Галлию убийцей императора Валентиниана III, известным Максимом. Узурпатор Максим думал, что человек, пользовавшийся в Галлии большой известностью и авторитетом, всего скорее может привести в порядок дела этой провинции и успокоит начавшееся там движение варваров. Но на призыв Авита к миру и согласию Теодерих Вестготский ответил, что он будет другом Рима, но под одним условием. Упомянув о своем римском воспитании и о влиянии сочинений Вергилия на смягчение скифских нравов, Теодерих объявил, что он сохранит мир и загладит грех своего деда, Алариха I, на памяти которого лежит пятном взятие Рима (410 год), но только в том случае, если Авит примет имя Августа. Благодаря такому странному вмешательству и почину варварского конунга, Авит действительно стал императором³² и нашел большое сочувствие и поддержку как среди местной галло-римской аристократии, так и среди варваров. По его призыву вестготы и бургунды совершили поход в Испанию для восстановления там римской власти и для обуздания свевов. Между тем в Риме были недовольны императором, который опирался на чуждые Италии элементы; в столице произошло как бы народное восстание, причем толпа требовала удаления галльских войск из Рима; но главным двигателем переворота оказался тот же варвар — из свевов — Рикимер (Resimer, Ricimer), начальник наемных германских дружин. Он низверг Авита, дал ему вместо императорского трона епископскую кафедру и провозгласил своего избранника.

Между тем вестготы и бургунды вернулись из похода и, конечно, были крайне недовольны низвержением Авита, на которого могли смотреть как на своего избранника; недовольна была и галло-римская аристократия.

Вот в этот момент и последовало движение бургундов на запад, в собственно Галлию, к Лиону и Виенне. Очевидно, что при знакомстве с обстоятельствами, которые мы сейчас припомним, получает особенное значение заметка, находящаяся в хронике под 456—457 годами, в которой как будто бы слышится намек на то, что бургунды появились в Галлии даже с согласия местной аристократии, хотя она и должна была поделиться с ними землей. На этом дело не остановилось. Бургунды стали распространять свою власть и заняли ту часть теперешней Франции, где находится город Безансон и позднейшая французская провинция Бургонь. Так область за областью ускользали из рук римлян, переходили к варварам.

Обратимся теперь к вопросу о том, как устроились бургунды на галльской почве по отношению к галло-римлянам и как разделили землю между собой. Когда мы говорили о законодательстве вестготов, то сказали, что у них был признан так называемый принцип личности права; то же можно сказать и относительно бургундов. Уже о Хильперихе, носившем сан римского патриция, прежде чем он достиг королевского досто-

инства в Бургундском королевстве, говорится, что он издал особое законодательство.

Но при этом нужно думать только о специальных и временных законах, которыми он вместе со своим братом Гундиохом, также римским *magister militum*, определял юридическое положение прежнего Савойского населения к германским поселенцам, распространившимся по всей стране. Эти постановления совершенно потеряны для нас, и следы их в законодательных памятниках, до нас дошедших, пожалуй, могут быть угадываемы, но не могут быть указаны. Зато до нас дошла полная «Бургундская правда» (*Lex Burgundionum*).

Она обязана своим происхождением знаменитому сыну Гундиоха — Гундобальду (473–516)³³ и оттого носит название «*Liber legum Gundobaldi*» или просто «*Lex Gundobada*». Первоначальная редакция этого законодательства относится к 480–490 годам; вскоре последовала вторая, когда Гундобальд сделался государем и другой части Бургундской земли (удела Годагизела), причем статьи первой редакции слились с местными постановлениями вновь приобретенной части и к ним прибавлены постановления сейма в *Ambegieux*.³⁴ Третья редакция была произведена при Сигизмунде (516–523). Несмотря на все позднейшие переработки, «Бургундская правда» в основных элементах все-таки остается делом рук короля Гундобальда и служит красноречивым свидетельством его высокого государственного ума и благородных стремлений — водворить справедливость в правительстве, неподкупность среди чиновников, основать силу и прочность королевской власти на расположении подданных. Один из церковных писателей IX века, Абогард Лионский, высказал особое негодование против этого законодательства, так как он думал, что нечестивыми постановлениями еретика Гундобальда был введен принцип судебных поединков.

Но нам известно, что учреждение это было весьма древним у германцев; новость составляет разве только то, что в «Бургундской правде» допускается поле или бой (*certamen*) как средство улики против клятвопреступных свидетелей или соприсяжников в судебном процессе. За этим исключением, как уже сказано, законы Гундобальда проникнуты довольно гуманным духом.³⁵ В них прежде всего выражалось желание облегчить сближение варваров с римлянами. Так, например, закон о гостеприимстве гласит: «Если кто-либо, путешествуя по своим делам, придет в дом бургунда и попросит у него гостеприимства, а тот укажет ему дом римлянина, и если это можно будет доказать, то пусть бургунд заплатит 3 солида тому, чей дом он указал, и 3 солида пени».

Аполлинарий Сидоний в своих сочинениях сообщает некоторые черты, показывающие, что известная доля добродушия лежала вообще в народном характере бургундов и находила свое выражение в их отношениях к римскому населению. Следует заметить, что «Бургундская правда» имела силу не только в делах между бургундами, но и в тех случаях, когда возникали тяжбы между варваром и римлянином. Тем не менее, согласно с принципом личности права, законодатель счел нужным обещать римлянам сохранение их особых законов. Соответственно с тем вскоре последовало издание «*Lex Romana Burgundionum*» — компиляции из ко-

декса Феодосия и других римских источников, предназначенной специально для местного галло-римского населения.

Относительно раздела земли в «Lex Gundobada» находятся следующие постановления: «В то время как народ наш получил треть рабов, две трети земель, нами было издано такое постановление, чтобы тот, кто уже ранее по милости нашей или наших родителей получил поле с рабами, не требовал снова ни трети рабов, ни двух третей земли в том месте, где ему отведен постой *hospitalitas fuerat delegata*. Тем не менее мы узнали, что многие, не помня об угрожающей им опасности, преступили нашу заповедь; поэтому необходимо, чтобы издаваемое теперь в виде постоянного закона постановление обуздало притязательных своевольников и доставило врачество (помощь) и должную безопасность пострадавшим. Итак, мы повелеваем, что все те, которые уже были наделены от нашей щедрости полями и рабами и, несмотря на то, уличаются в захвате земель у своих хозяев (*hospites*), обязаны без замедления воротить несправедливо присвоенное».

Из этой статьи видно, что и у бургундов принципом дележа земли была терциация (трети), что они брали $\frac{2}{3}$ земель, что были злоупотребления, состоявшие в том, что люди, получившие один раз надел, этим не довольствовались и сумели захватить новые земли... По законам мы отмечаем также новые притязания фараманнов (то есть глав бургундских семей – фамилий) по отношению к лесам. Смысл постановления заключается в том, что если бургунд захочет распахать часть леса, находящегося прежде в совместном владении обеих сторон (варвара и римлянина), то он должен первоначально разделиться с римлянином и уступить половину леса ему в отдельную собственность.

На основании постановлений «Lex Gundobada» один из новейших ученых-юристов полагает, что земля была сначала разделена бургундами пополам с туземцами, а затем варвары взяли $\frac{2}{3}$ земли; но гораздо более вероятно, что с самого начала в Савойе бургунды получили $\frac{2}{3}$ земли, $\frac{1}{3}$ рабов и половинное пользование лесами. Деление в Сабаудии было первым делением, второе же происходило в то время, когда они были расселены в Галлии после завоевания земли на реке Роне и было произведено не по новому способу, а по той же системе третей; можно признать и третье деление земли после новых территориальных приобретений. Одним словом, если было несколько последовательных дележей, то они отличались один от другого не способом деления, а только географическим положением местности, подвергавшейся операции раздела; земля была разделена два или три раза, но не в одном месте, а на разных территориях. При системе раздела с отдельными римскими собственниками бургунды точно так, как и вестготы, очевидно, не получили для себя отдельной территории, а должны были разместиться в разных пунктах, посреди романизованного населения. Бургундские участки пересекались и перемешивались везде с галло-римскими, имея вид квадратов на шахматной доске. Отсюда вытекали такие следствия, что общинный быт германцев не мог удержаться; германская община или марка должна была подвергнуться разложению, и вместо общинного владения землей

получила преобладание римская система личной и безусловной собственности.

Бургунды, попав в область, населенную романизированными подданными Римской империи, должны были и сами романизироваться, что и случилось на самом деле. В настоящее время области южной Франции и Швейцарии, где жило некогда это немецкое племя, не сохранили почти ничего немецкого и носят вполне французский характер. Процесс этот начался тотчас же после поселения бургундов на римской почве.

Итак, как вестготы, так и бургунды не могли сохранить своей германской особенности: им суждено было раствориться в романской массе. Очевидно, что для прочности Бургундского государства, а может быть и для народного блага, было желательно, чтобы неизбежный процесс совершился как можно скорее, чтобы скорее уничтожилось всякое различие между бургундом и римлянином Галлии; но и здесь на пути к мирному слиянию стояло одно большое препятствие – разница вероисповеданий. Бургунды, вероятно вследствие соседства с готами, сделались арианами. Таким образом, в Бургундском государстве существовали две церкви: католическая и арианская. При тогдашнем настроении умов вопросы религиозные обладали наибольшей способностью волновать людей; ясное дело, что борьба между духовенством той и другой церкви была неизбежна. Католическое духовенство, во главе которого стояли 25 епископов, находящихся в каждом значительном городе, было несравненно сильнее нравственными и даже материальными средствами борьбы. Оно обладало большой силой организации, унаследованной от времен Римской империи и цивилизации, находилось в постоянных сношениях с духовенством остальной Галлии, а также Испании и, что еще важнее, Рима. В отношении к последнему даже начинало проявляться некоторое начало подчинения.

Спор между двумя епископами южной Галлии, Арелатским и Виеннским о правах митрополичьих, о примате в Галлии послужил поводом к тому, чтобы кафедры обращались в Рим за его разрешением. Когда Гиларий (Hilarius) Арелатский³⁶ не захотел покориться и признать обязанность папского приговора, то заплатил за это тем, что у него было отнято уже дарованное ему преимущество перед Виеннским епископом. Спор затягивался; папы решали то так, то иначе, не стеснялись отменять постановления своих предшественников, и все-таки оба наиболее могущественные представители Галло-Бургундской церкви признавали высший авторитет Рима. Не говоря о том, что посредничество было иногда не лишним уже в виду самоуправных действий иерархов, в роде Гилария, низлагавшего епископов с кафедры вооруженной силой; связь с Римом и римским престолом поддерживала в католическом духовенстве сознание общности интересов, расширяла кругозор и т. п. То же самое значение имели большие соборы всего галльского духовенства, которые продолжали собираться во второй половине V века и только к началу VI века прекратились и были заменены ежегодными частными соборами только бургундского духовенства. Помимо более широких связей и лучшей организации, католическое духовенство было и гораздо образованнее арианского. Точно так же, как в Африке, оно восполняло свои ряды

из среды местной аристократии; весьма часто епископская кафедра была только венцом и завершением служебной светской карьеры. Обладая большим образованием и опытностью в делах, католические епископы даже в арианских королевских дворах становились приближенными, руководителями в иностранных сношениях, в дипломатической переписке, которая велась, конечно, на латинском языке. Сверх того, в-третьих, католическое духовенство обладало в Бургундии, как и вообще в Галлии, значительными материальными средствами и умело пользоваться ими наиболее целесообразно. Среди всеобщих бедствий оно являлось утешителем, выкупало пленных, вновь строило церкви и так далее.

В противоположность тому, в арианских церквях отмечают следующие черты. У них есть наклонность превращаться в областную церковь (*Lander Kirche*) в каждом отдельном государстве, без общей связи с другими, притом с тем ограничением, что каждая арианская церковь должна была терпеть возле себя другую, то есть католическую. Силой прозелитизма арианская церковь не отличалась, хотя, вопреки показаниям страстных католических писателей, которые говорят об обращении в католичество массы народа, были и обратные переходы из католичества в арианство. Важно то наблюдение, что между отдельными церквями арианскими не было солидарности. Мы знаем, правда, что арианские конунги вандалов в Африке прибегали к системе возмездия в отношении к римским (восточным) императорам; но нигде не видим, чтобы когда-либо являлась положительная идея о союзе между всеми арианами — бургундами, вестготами, остготами, вандалами.

Внутренняя слабость Бургундского государства, обусловливаемая церковным раздвоением, обнаружилась с особенной ясностью в ту критическую минуту, когда в соседстве появился варварский мир, принявший католичество и тем самым привлекая к себе все симпатии галло-римского населения, находившегося под властью арианских конунгов. После крещения Хлодвига (406 год) Авит Вьеннский, наиболее видный из бургундских католических епископов, уже обращается к нему с письмами, в которых говорит, что его успехи составляют утешение не для одних только его подданных. «Ты сражаешься, а мы побеждаем» (*Collectio ep. Migne, t. LIX, p. 327*). Но это оказывается сомнительным. Хлодвиг занял угрожающую позицию по отношению к Гундобальду. В ту затруднительную минуту и был поднят в Бургундском королевстве, понятно со своей стороны, вопрос о единстве и спокойствии церковью. Двор короля сделался ареной горячей борьбы: одна партия хотела обратить его в католичество, другая партия стояла за национальную религию. Требовали диспута. Положение Гундобальда было весьма тяжелое.

Никогда единство и согласие всех подданных не было более желательнее, чем теперь, но каким путем можно было его достигнуть? Между тем католические епископы собрались в 499 году на свой собор в городе Лионе и сейчас же отправили к королю депутацию. Во главе ее стоял епископ Авит, который обратился к Гундобальду с такой речью: «Если король желает мира Церкви, то мы готовы доказать истину своего исповедания неопровержимыми доводами». Это значило, что они требуют состязания о вере. Королю казалось опасным возбуждать религиозные споры и будить

страсти в данный момент. Он говорит: «Если ваша вера истинная, то почему ваши епископы (тут особенно разумеется Ремигий Реймский) не оставили короля франков, который объявил мне войну и соединился с моими врагами на мою гибель.³⁷ Желать чужого владения, жаждать крови народов — это не есть вера. Пусть он докажет свою веру своими делами». — «Мы не знаем, — отвечали ему епископы, — по какой причине Хлодвиг делает то, в чем вы его обвиняете; но Писание учит нас, что государства разрушаются вследствие отпадения от Божественного закона и что против врагов Божьих являются со всех сторон враги земли. Обратитесь со своим народом к истинному Божественному закону, и вы будете иметь мир внутри вашего государства». — «Но разве я не признаю Божественного закона, — возражал король, — потому только, что я не исповедую Божественного закона, но в Священном Писании читается, что Бог — один, а не многие» (Voquet. *Schiptores rerum Gallicarum et Francicarum*. IV. 100).

Епископы не отвечали прямо на вопрос и требовали диспута в присутствии всего народа. Король допустил диспут, который, понятно, ни к чему не привел и оставил обе стороны при прежних обстоятельствах.

ВАНДАЛЬСКОЕ ГОСУДАРСТВО

Обратимся теперь к рассмотрению двух других завоеваний, двух новых варварских государств, образовавшихся на римской почве: Вандальского в Африке и Англосаксонского в Британии. Как уже известно, вандалы жили первоначально между Эльбой и Вислой. Около 272 года они передвинулись в Паннонию с согласия императора римского, а с 406 года мы видим их уже в Галлии и Испании. Изгнанные вестготами в 427 году из Испании, они в промежутке между 429 и 430 годами основывают под предводительством Гейзериха³⁸ государство на северном берегу Африки.

Африка, завоеванная Римом, представляла одну из самых цветущих провинций империи; богатая хлебом, она еще ранее вандалов привлекала к себе взгляды и служила предметом желаний завоевателей-варваров.

Основавшись на северном берегу Африки, вандалы не отказались все же от хищничества и разбоя; подобно готам, которые из своих жилищ на юге России громили берега Черного моря и доходили до Малой Азии, вандалы устроили флот и в своих разбойничьих набегах захватили даже два большие острова Средиземного моря — Корсику и Сицилию. В 455 году Гейзерих со своими вандалами является в Рим, и в продолжение 14 дней происходит грабеж и разорение «вечного города»; только жизнь римлян была пощажена, благодаря просьбам епископа Льва. Но, несмотря на эту внешнюю силу и страх, наводимый племенем вандалов, государство Вандальское было непрочным и просуществовало недолго. Через сто лет в 534 году оно было завоевано Велизарием, полководцем императора Юстиниана.

Причина непрочности нового государства лежала в тех отношениях, в которые победители стали к побежденному ими римскому населению провинции. Отношения эти определяются, с одной стороны, характером

и обстоятельствами завоевания, с другой – религиозным антагонизмом арианства и католичества. Завоевание совершилось быстро и без всякого согласия, хотя бы формального и наружного, со стороны императора, и всего менее – в союзе с местным населением. Завоевание это представляет полную противоположность завоеваниям вестготов и франков, которые основались на землях империи в согласии с провинциалами и во всяком случае постепенно, а затем вступили и в тесный союз с местным галло-римским населением.

Вандалы же своим господством в Африке обязаны были только своему мечу, как на это прямо указывал преемник Гейзериха, говоря, что он обязан своими владениями только Богу, то есть завоеванию и наследственному праву последнее упрочено и точнее определено именно Гейзерихом. Таким образом, римское население оказалось просто в положении побежденного народа, доставшегося во власть врагу и очутившегося в положении военнопленного. Обратим внимание на одну знаменательную черту в отношениях вандалов к Риму: государства, образовавшиеся на римской почве, не чеканили собственной, присвоенной только им монеты, а имели на монетах своих изображение императора римского; одни только вандалские монеты «автономны», как говорится в нумизматике, и золотых вандалских монет с изображением императора не встречается.

Что касается отношения победителей к провинциалам, мы должны отметить две группы.

1. Католический клир, сильный своей многочисленностью, крепкой организацией, богатством, своими отношениями к Риму и Византии.

2. Класс землевладельцев, зажиточных и образованных, почти наследственно владевших важнейшими должностями, одним словом, некоторого рода дворянство. Последнее уже своим богатством вызывало жадность завоевателей, первые возбуждали нерасположение и антагонизм религиозным отличием. Только за счет высшего класса могла быть удовлетворена та надежда на добычу и привольную жизнь, которая манила вандалов через море в далекую Африку.

Точные известия о судьбе, постигшей это римское дворянство, немногочисленны и, в сущности, относятся только к одному городу, зато к такому, где сосредоточивались высшие представители сословия и где они жили в наибольшем количестве, а именно к Карфагену. Источники указывают на особенное преследование нобилей (*nobiles senatores*). В отличие от других варваров вандалы утвердились сплошной массой в области Карфагена, и очевидно, что туземное население не могло быть пощажено. Вандалское завоевание отличалось здесь крайней жестокостью, особенно сильно, по свидетельству Виктора Витенского (*Victor Vitensis*),⁽⁴⁷⁾ пострадали землевладельцы. Гейзерих, по словам его, взял

(47) Виктор, епископ Витенский писал о преследованиях арианами католиков в Африке. Его сочинение «*Historia persecutionis Wandalicae*» есть в «*Monumenta historica Germaniae*» (*Auctores antiquissimi*), 3 книги. *Victoris Vitensis Historia persecutionis Afr. Provinciae sub Geiserico et Hunerico regibus Wandalorum* / Rec. C. Halm // MGH. Auct. Antiquiss. Berolini, 1879. Т. III. P. I.

многие знатные семейства в плен, приказав им отдать все свое золото и драгоценности; в другом месте писатель говорит, что многие из туземных нобилей были изгнаны, убиты, казнены как преступники или обращены в крепостных и даже рабов на земле прежних своих имений.

Но все-таки не следует считать это преследование систематическим истреблением. И после завоевания в проконсульстве встречаются римляне; иногда они даже занимают высшие должности при дворе, и, несмотря на все дальнейшие притеснения, большое число их удержалось во все время вандалского господства; также в муниципальном управлении и многие должности в сенате были заняты ими. Они-то первые и пристали через 100 лет, вместе с духовенством, к войскам Велизария. Из среды остального дворянства вне Карфагена многие подверглись также изгнанию или смерти, вообще же положение их определилось в таком виде.

Самых знатнейших постигла самая горькая участь. Имения их король захватил для себя и сыновей, чтобы вести хозяйство посредством несвободных вандалов или местных рабов (*servi*); вместе с тем и прежние владельцы были оставлены на своей земле рабами, по свидетельству Прокопия.

Конечно, можно предположить, что слова Прокопия не должны быть понимаемы буквально, что под «рабским» состоянием разумеется у него и «крепостное» состояние, колонат, то есть что король Гейзерих и его сыновья иногда оставляли прежних владельцев на их землях в виде полусвободных и податных людей в виде колонов, а не только рабов.

Прежние собственники тех земель, которые достались в виде отдельных участков вандалам, хотя и остались лично свободными, но были лишены своей поземельной собственности, впали в нищету и сделались совершенно бесполезными. Вандалы не поступали подобно другим варварам, которые оставляли известную, хотя незначительную часть земли ($\frac{1}{3}$) провинциалам. Они все поселились сплошной массой в так называемой проконсульской провинции (*Africa Proconsularis*). Прежние жители должны были покориться, или, в иных случаях, им предоставлялось самим решать: или уходить ни с чем, или же, покорившись, обратиться в рабов или колонов. В остальных частях, особенно на окраинах, в пограничных провинциях, где земля была хуже, остались многочисленные землевладельцы лично свободными на своих участках, но только их обременили огромными податями, тем более тяжелыми, что вандалы сами за лучшую землю не платили ничего. В житиях святых (например, *Vita Sancti Fulgentii*)⁽⁴⁸⁾ довольно часто встречаются указания на то, что тот или другой благочестивый человек знатного происхождения (*nobilissimus*) пожертвовал в пользу католической церкви свою землю, свое поле, что есть ясное доказательство, что не все землевладельцы подверглись одинаковой участи.

Но особенно тяжелыми были перемены для католической церкви, до сих пор столь богатой, занимавшей здесь прочно установившееся поло-

⁽⁴⁸⁾ Фульгентий Ферранд, дьякон католической церкви Карфагенской, ученый богослов.

жение, незадолго до того прославленной и возвеличенной деятельностью Августина. Число епископских кафедр, простиравшихся до 500, показывает нам прочное положение церкви в стране, под ее покровом выросли и прославились знаменитые Отцы – Орозий, Виктор Витенский и другие католические деятели. Вандалы, благодаря своему близкому родству с готами, познакомились с переводом Святого Писания и стали арианами, а после завоевания Африки возвели страшное гонение на католическую церковь. Нетерпимость вандалов-ариан обнаружилась уже при Гейзерихе и особенно усилилась при его преемниках. Казалось бы странным, откуда явился подобный фанатизм у германцев, даже в языческие времена не имевших привычки стеснять свободу совести, не отличавшихся никогда духом прозелитизма, относившихся совершенно пассивно к религиозным воззрениям других. Один из новейших исследователей этого вопроса Dahn F. говорит, что причину надо искать в поведении самой католической церкви.

Само население, по его мнению, а также католическое духовенство, сохранившее привязанность к древнему Риму и к Византии, враждебно относится к варварам-арианам; оно завязывало отношения и начинало интриги, вызывавшие подозрения вандалов, что все эти козни строятся против их политического господства в стране. Все это возбуждало ненависть и вело к преследованиям. Иногда гонение имело вид возмездия за преследования ариан, что прямо даже высказывается в эдиктах Гунериха,³⁹ одного из преемников Гейзериха. Наконец, арианская церковь, основавшаяся здесь недавно, не имевшая никаких богатств, должна была наделить своих служителей именьями и могла это сделать не иначе как за счет католической.

Вообще, история этих гонений показывает, что ожесточение и фанатизм были вызываемы не только со стороны высших властей, но также, вероятно по внушениям духовенства, и со стороны толпы – черни. При Гунерихе (с 477 года) преследование идет уже по внушениям часто тупого ожесточения, фанатизма; кровожадная жестокость со стороны короля, священников и народа вандальского обнаруживается в полном свете.

Дело началось с того, что Гунерих лишил всех католиков тех государственных и придворных должностей, которые они занимали до сих пор. Потом, в 483 году был обнародован указ всем епископам явиться в Карфаген на состязание о вере. Очевидно, что подобный диспут был весьма опасен для гонимой католической церкви; чтобы остановить дело, епископ Евгений Карфагенский обратился к Гунериху с требованием, чтобы на состязание приглашены были не только епископы Африки, но также и Италии и вообще римских провинций. «Завуюю мне эти страны, – отвечал Гунерих, – тогда я издам подобное повеление». Наконец собраны были представители обеих африканских церквей;⁴⁰ председательство было отдано арианскому епископу, что возбудило негодование представителей католической церкви и они отказались от диспута. С другой стороны, ариане не хотели начинать состязание, отговариваясь незнанием латинского языка, на котором хотели диспутировать православные епископы.

Эти последние оказались виновными в том, что диспут не состоялся; результатом этого собора явился эдикт Гунериха, повелевавший закрыть все католические церкви, сжечь книги, содержащие католическое учение, конфисковать имущество епископов; священникам и епископам запрещалось вступать в какие-либо состязания для защиты своей веры, совершать таинства крещения и так далее. На мирян указ возлагает денежные тяжелые штрафы, они лишались права распоряжаться своим имуществом посредством завещания, а равно и получать его по наследству и завещанию и так далее. После смерти Гунериха дело менялось в зависимости от отношений вандалских правителей и императорской власти в Риме, потом в Византии. Так дошло до Гелимера, при котором в 534 году византийские войска Велизария явились защитниками и избавителями жителей Африки от религиозного гонения варваров.

Вандалы, оставившие после себя имя, сделавшееся нарицательным для обозначения варварства и жестокости, обязаны этим, очевидно, событию 455 года. Но обвинение, возводимое на них, в сущности преувеличено: они далеко не истребили во время своего 14-дневного грабежа Рима всех памятников искусства. Впоследствии, в XVI веке, во время господства знаменитой фамилии Барберини, давшей Риму столько кардиналов, говорили, что не *barbari* разорили Рим, а *Barbargini*, и в этом была своя доля правды. Но по отношению к Церкви и населению вандалы по справедливости подверглись порицанию потомства и истории.

ЗАВОЕВАНИЕ БРИТАНИИ И АНГЛОСАКСОНСКИЕ ГОСУДАРСТВА

Подобно другим владениям Римской империи и остров Британия, на котором мы должны различать три племени (бриттов, пиктов и скоттов, Scotland – Шотландия), хотя и был романизирован не в такой степени, как Галлия, но все же испытал на себе цивилизующее влияние Рима. Здесь были римские муниципии, население здешнее, особенно южно-британское, оставило после себя множество памятников, свидетельствующих о значительной степени культурного развития жителей острова. Во время римского господства вместе с цивилизацией распространилось здесь и христианство.⁽⁴⁹⁾ Существует много преданий о принесении христианства в Британию; к ним принадлежит, между прочим, сага об Иосифе Аримафейском, который после погребения Христа явился просветителем Британии и основал здесь монастырь *Glustenburg* на юге от Бристоля.

Но гораздо более правдоподобен рассказ о том, что около 170 года один британский царь по имени Люций (*rex Britanniae Lucius*) отправил посольство к римскому папе Элевтерию⁴¹ с просьбой о наставлении в ис-

⁽⁴⁹⁾ По истории Британии: *Elton*. «Origins of English history», 1882; *Green J. R.* «The making of England», 1882. Главный источник: *Beda Venerabilis* в «*Monum. hist. Britannica*» (1848) и у *Migne: Patrologia Latina*. Vol XC–XCV. Paris, 1848–1851.

тинах христианской веры и что следствием посольства было прибытие миссионеров, основание трех архиепископств и 28 епископий. Об этом посольстве писал Беда (Beda. Hist. I. 4 и V. 24), других известий нет; рассказ Беды представляет и хронологические затруднения.

С другой стороны, есть убедительные основания думать, что христианство заимствовано не из Рима, а с далекого Востока. Мы знаем, что с самого начала Британская церковь не сходилась с Римской во многих вопросах, волновавших тогда умы христиан. Например, по вопросу о времени празднования Пасхи Британская церковь была согласна с восточными церквями, а не с Римом. Лаппенберг делает предположение, что вопрос о времени празднования Пасхи волновал умы уже умножившихся христиан Британии и что папа Элевтерий мог явиться тут посредником.⁴²

На возможность происхождения Британской церкви с Востока указывают и другие факты. Римская власть сближала между собой самые отдаленные племена и народы; таким образом мы видим здесь, например, храмы Сераписа. Наконец, есть надписи, которые прямо указывают на присутствие здесь греков-сирийцев.

Таким образом, нет ничего удивительного, что из Малой Азии могло быть занесено христианство в Британию. Однако следует заметить, что христианство с тем характером, который оно имело в Британии, могло быть принесено сюда и не прямо из Малой Азии, а посредственно, именно через Галлию. Южная Галлия, в частности область нижней Роны, через город Марсель находилась постоянно в постоянных сношениях с Малой Азией, и греческая цивилизация здесь не была вытеснена римским влиянием. Во второй половине II века известны христианские общины и церкви в Лионе и Виенне, это были церкви греческие; их мученики носят греческие имена; епископ Ириней Лионский писал по-гречески, в вопросе о праздновании Пасхи он был против римского епископа и соглашался с обычаем малоазиатских церквей. Греческие церкви в долине Роны основаны колонистами из Малой Азии и когда-то, быть может, служили посредниками в передаче христианства с его восточными особенностями в Британию. Во-вторых, не только нет положительных данных о существовании христианства раньше половины II века, когда жил Элевтерий, напротив, есть свидетельства против такого предположения. Сочинение святого Ириния против ересей написано около 176 года; в нем Ириней перечисляет христианские церкви и знает таковые только в Германии и кельтической Галлии, вероятно, разумея под этим собственно область около Лиона и Виенны. Только Тертуллиан, живший в начале III века, первый упоминает с достаточной ясностью о существовании христианства в Британии и даже в тех частях, куда не ступала нога римлян (*et Britannorum inaccessa Romanis loca Christo vero subdita*).⁽⁵⁰⁾ Во время Диоклетиана христианство уже существовало — сомнения нет, так как гонение, начавшееся в Риме, отразилось и здесь. Доказательством служит сказание о святом Албане, жителе Веруламиума (на месте которого теперь город St. Albans). Известно, что и христиане из других мест пострадали;

(50) *Tertullian. Adversus iudaeos. 7.*

например, Юлий и Аарон из Caerleon'a (Beda. 1. 7). От времени Константина есть сведения, что Британская церковь принимала участие в соборах; так, в 314 году в Арле (Arelate) были три епископа из Британии: Лондонский, Эборакский (Йоркский) и из Coloniae Londinensium, вернее Colonia Lindi=Lincoln. Они оказались не согласны в некоторых пунктах с Римской церковью, с римским первосвященником. Не нужно думать, что эти епископства существовали только для римских поселенцев; они также имели отношение и к местным уроженцам — кельтам. В нескольких мимоходом сказанных словах Иоанна Златоуста ученые находили указание на то, что Священное Писание было переведено на местный кельтский язык. В одном месте Златоуст говорит, что Британские острова, лежащие среди океана, почувствовали силу слова христианской проповеди — и там воздвиглись церкви и утвердились жертвенники. В другом месте он говорит: «Куда ты ни придешь, к индам или британцам, везде услышишь: "В начале было слово" и найдешь жизнь благочестивую». Может быть, впрочем, несколько смело находить здесь указание на кельтский перевод Святого Писания.

С водворением христианства в Британии начались отсюда пилигримства, которые сделались обычны ко времени Константина и матери его Елены. В легенде о Симеоне Столпнике указывается на посещение его жителями далекой Британии. На Востоке британские путешественники познакомились с монашеской жизнью, с аскетизмом; как следствие этого знакомства являются в Британии монастыри, например монастырь Ванды близ Честера. Наконец, о том, как принялось христианство и как вошло в жизнь, свидетельствует, между прочим, появление здесь еретических учений, долгое время волновавших церковь, именно ереси Пелагия. Учение это было особенно распространено на родине Пелагия, перешло оттуда в Галлию, так что там римская церковь должна была принимать меры для борьбы с ним. Между прочим, для ведения диспута в Британию был отправлен Герман, епископ города Оксерра (St. German d'Auxerrois);⁴³ хотя диспут и кончился торжеством православия (Beda. Hist. I. 17), пелагианизм еще долго здесь держался. Таким образом, вместе с римской культурой в Британии утвердилась и та религия, которая сделалась в IV в. господствующей в Римской империи.

Около половины V в. положение Британии сделалось весьма опасным: усилились нападения германских племен. Здесь, как и в других местах Европы, англосаксонское завоевание было подготовлено, до известной степени, прежними событиями — германской колонизацией, совершившейся под покровом римской власти.

Мы знаем, что саксы рано появились в Британии, точно так же, как и другие германские племена. По окончании Маркоманнской войны (180 г.) император Марк Аврелий переселил в Британию толпы германцев; они должны были служить заложниками верности своих родичей на римской границе и орудием римской власти на острове (Kemble. I. 12).⁴⁴ Во второй половине III века Проб (276–282) поселил здесь значительное число бургундов и вандалов, которые были полезны ему в борьбе с местными претендентами (Zosim. 48). Они возделывали землю на положении крепостных, и еще долго археологи указывали следы германских поселе-

ний близ Кембриджа. Точно так же огромные толпы германцев были в числе британских легионов, о чем свидетельствует нам Аммиан Марцелин. Он говорит, что император Валентиниан в 371 году отправил в Британию Фраомана (варварское имя), поставив его во главе отряда аллеманнов (Амт. Магс. XXIX. 4, 7).

Быть может, и саксы, впоследствии явившиеся завоевателями в Британию, гораздо ранее познакомились с этой страной и даже селились в ней. В известном статистическом описании империи «*Notitia dignitatum utriusque imperii*», составление которого относится ко времени никак не позже V века, среди других важных чиновников, заведовавших правительственными делами на острове, встречаем военного начальника, носящего титул *comes littoris saxonicis per Britannias* (см. Lappenberg, I. 11, 13);⁴⁵ точно так же часто встречаются названия «*limes Saxonicus*» и «*litus Saxonicum*». Об этих названиях существует много ученых рассуждений; некоторые говорят, что *limes Saxonicus* означает пространство земли, заселенное саксами; другие полагают, что *limes* и *litus* не могут указывать на поселение саксов и что это были лишь границы, имеющие совершенно то же значение, как впоследствии имеют имперские марки – Аварская марка, Славянская – пограничные места для защиты от нападений враждебных славян и аваров. Palgrave и Kemble высказываются за объяснение в смысле «саксонское поселение».⁴⁶

Во всяком случае мы достоверно знаем, что раньше своего утверждения в Британии саксы нападали на нее; в половине V века они упоминаются в числе врагов романизованного кельтского населения Британии и равно и Ирландии, подобно пиктам и скоттам.

У Клавдия, поэта времени Феодосия, встречаются такие слова: «Ордады обгарились кровью в бегство обращенных Саксов; на Туле дымится горячая кровь Пиктов; груды павших Скоттов оплакивает ледяная Иерна». (Туле – Thule – Британия, Jerne – Hibernia – Ирландия; см. Claud. VIII, 31). Итак, саксы несомненно делали вторжения в Британию и даже оставались там, если принять в известном смысле название *limes Saxonicus*. Это утверждение противоречит общепринятой традиции, что в половине V века они неожиданно и в первый раз явились у берегов Британии. Во всяком случае, участь этих ранее поселившихся саксов сходна с участью остальных варваров, поселившихся не сплошной массой на римской почве; они слились с римским населением, романизировались.

Около половины IV века завоеватели саксы являются уже целыми массами. Когда именно прекратилось римское влияние в Британии, об этом нельзя сказать с точностью. У Беды прямо говорится, что господство римской власти на острове прекращается в 409 году, когда готы разрушили Рим (Beda. Hist. V. 24). Вероятно, тут разумеется удаление римских легионов. Провинция, организованная римским государственным гением, предоставлялась сама себе и должна была собственными силами бороться с варварами. Но оказалось, что этих сил недостаточно, и еще не раз она принуждена была обращаться в метрополию с мольбами о помощи. Наши наиболее древние достоверные источники (Gildas, Beda) насчитывают три страшных вторжения пиктов и скоттов в пределы романизованной Британии, и всякий раз бритты обращались за помощью в Рим. Военные отряды

римлян являлись вновь и помогли в 414, 416 г. справиться с врагами на севере. Но едва они удалялись, населению опять грозила беда. Под 418 г. в англосаксонской хронике стоит заметка, что в этом году римляне (на этот раз речь идет, очевидно, уже о мирном гражданском населении) собрали свои сокровища и отчасти зарыли их в землю, так что никто после их не видал, а отчасти унесли их с собой в Галлию. Однако и тогда связь с империей еще не была совсем порвана. Третье нашествие варваров относится к 446 году. Бритты отправили известное посольство к Аэцию, которое должно было сказать: «Варвары теснят нас к морю, море гонит нас к варварам, нам остается выбирать из двух родов смерти: или утонуть, или быть зарезанными» (Gildas, 20). Военная помощь не пришла, но в Британию во второй раз явился епископ Герман и настолько воодушевил бриттов, что они еще раз одержали победу над врагами, среди которых были, по-видимому, и вновь пришедшие саксы. Это так называемая «Аллилуйская победа» (в битве участвовало духовенство и после победы заставило воинов петь «аллилуйя»).⁴⁷ Римская власть прекратилась сама собой: отозваны были легионы, и Британия, окончательно предоставленная на произвол судьбы, не устояла против соединенных нападений пиктов и скоттов с одной стороны, саксов – с другой. С 449 г. начался ряд больших переселений сюда тевтонских племен. Первыми появились здесь юты, затем саксы, англ-ы и отчасти фризы.

Имя саксов, занимавших пространство от реки Эльбы к югу до Рейна, делается употребительным в IV в. вместе с именем франков и, подобно этому последнему, означает союз нескольких мелких племен, прежде известных своими отдельными названиями (херуски, марсы, хавки и др.). Саксы граничили с англами, также жившими в Ютландии, недалеко от Эльбы (в нынешнем Шлезвиге). Юты помещались на полуострове Ютландия, фризы по берегу Немецкого моря и на юге, по направлению к Рейну. Все они близко родственны между собой и составляли нижненемецкую ветвь тевтонского племени. Достоверных подробностей о набегах этих племен на Британию сохранилось весьма немного. Римские писатели совершенно умалчивают об этих событиях; мы имеем только несколько легенд, подобно рассказу о британском князе Вортигерне, подробности которых имеют весьма малую достоверность; в самом простом первоначальном виде мы встречаем рассказ у Gildas'a и потом у Беды. Гильдас упоминает имя князя Вортигерна и говорит, что последний, не будучи в состоянии противостоять напору пиктов и скоттов, призвал на помощь англосаксонские дружины. Вследствие призыва явились два князя: Генгист и Горза, как говорит предание; имена этих князей, впрочем, не упоминаются Гильдасом. Вот некоторые подробности исторического предания о завоевании Британии тевтонскими племенами.

Древнейший авторитет для нас, как сказано, Гильдас по прозванию Мудрый, живший в первой половине VI в. и носивший сан священника в Британской церкви; в 550 г. он покинул родину и переселился в Арморик, где и написал в форме послания свое «De exidio et conquestu Britanniae» (около 560 года) Сообщаем в извлечении его рассказ. После посольства к Аэцию бритты скоро одержали победу над врагами, что нужно приписать единственно помощи свыше. Бритты недостойны были победы

и не сумели ею воспользоваться. Они были «слабы в борьбе с внешними врагами, но неукротимы в междоусобных войнах». Во время спокойствия, последовавшего за победой, среди них обнаруживается сильная деморализация, возрастает роскошь, увеличивается любовь ко лжи. «Помазывались на царство короли, но не по Богу, а из тех, кто выдавался среди других жестокостью, и немного времени спустя, избраннык был умерщвляем без всякого исследования истины теми же самыми людьми, которые его помазали». Если появлялся властитель, более других кроткий и любящий правду, то на него, как будто на какого-то разрушителя Британии (*Britanniae quasi subversorum*), устремлялась всеобщая ненависть и бесчисленные стрелы; деморализация проникла и в среду духовенства: оно утало в грехе, предавалось пьянству.

И вот снова приходит весть о врагах, а вместе с тем усиливаются голод и мор. Собирают совет, и начинаются рассуждения о том, что следует предпринять для отражения столь частых и зверских набегов язычников. Тогда все советники вместе с гордым вождем бриттов (*Britannorum dux*) Вортигерном (*Gurtigerno*, *Gurtigerno*) будто впали в ослепление и придумали такую защиту, или лучше сказать гибель, отечеству: пусть этот свирепый и ненавистный Богу и людям народ, носящий проклятое имя саксов, будет выпущен на остров, подобно волкам в овчарню, для отражения северных племен (то есть пиктов и скоттов). Было явным безумием приглашать к себе ближе тех, которые уже издали наводили страх. И вот, как будто стая детенышей, вырывающихся из логовища варварской львицы, на трех, как это у них говорится, киулах (*capulis*), а в переводе на наш язык – длинных кораблях (*longi navi*), при попутном ветре высаживаются сначала на восточном берегу острова пришельцы, призванные злосчастным тираном Вортигерном, и «впускают в землю свои страшные когти, как будто намереваясь защищать отечество, а вернее, воевать против него». Как выше сказано, их «родительница-львица (а без метафор – родина), довольная счастливой удачей первой стаи», сейчас же выслала более «многочисленную свору спутников и собак, которая прибыла на судах и присоединилась к первому отряду». Таким образом впущенные на остров, варвары потребовали себе съестных припасов; выдаваемые долгое время в изобилии припасы эти заткнули, как говорится, собачью пасть. Но затем начинаются жалобы на недостаточность припасов, намеренно преувеличиваются поводы для неудовольствия, раздаются угрозы, что если не будет оказано большей готовности и щедрости, они разорвут договор и предадут все разорению. За словами скоро последовали соответственные дела. Затем описывается наступивший погром: варвары все обращают в развалины; вся страна от моря до моря устлана трупами, лежавшими на площадях среди развалин, стен, храмов и алтарей, обрызганных кровью... Остатки несчастного населения скрываются в горах Валлиса и Корнваллиса, но и здесь иногда пришельцы достигают их и избивают толпами; иные, вынужденные голодом, добровольно выходят из убежищ и отдаются в вечное рабство (*manus hostibus dolant in aevum servitum*), что уже считалось великим благодеянием; другие – удаляются в заморские страны (на полуостров Арморика). Впрочем, с течением времени туземцы несколько ободрелись; из разных мест, как пче-

лы из ульев, собираются толпы их вокруг одного вождя, вполне достойного общего доверия. Это был Амвросий Аврелиан, происходивший из знатной римской фамилии; он одержал первую большую победу над пришлыми варварами. С тех пор борьба идет с переменным счастьем. Когда писал Гильдас по прозвищу Мудрый, эта борьба была еще не кончена. Таков первоначальный рассказ о завоевании Британии англасаксами, написанный через 100 лет после событий лицом, принадлежавшим к племени побежденных и пострадавших романизованных бриттов и потому не щадившим запаса бранных слов для выражения национальной ненависти.

Достопочтенный Беда, писавший свою «Церковную историю» уже в VIII веке (около 730 г.), в сущности повторяет рассказ своего предшественника – отчасти даже буквально. Но в его время уже известны были имена других главных вождей завоевания – Генгиста и Горзы (Beda. Hist. I. XV), из которых последнее связано даже с каким-то памятником на восточном берегу Кента. Более обильные подробности найдем мы у писателя еще несколько более позднего, именно у Ненния. Он жил в половине IX века и окончил свою «Историю Бриттов» в 858 году. Через 40 лет после прекращения римской власти в Британии там царствовал Гортигерн (Gorthigernus), у Беды – Worthigernus, который был во вражде с Амвросием и в постоянном страхе перед пиктами и скоттами. Между тем приходят из Германии три киулы, наполненные изгнанниками, среди которых находились и два брата Горза (Hors) и Генгист (Hengist). Вортигерн принял их благосклонно и дал им остров Taneth (теперь не существующий).⁴⁸

Когда саксы утвердились на острове, король обещал давать им пищу и одежду, но когда число варваров умножилось, то он стал тяготиться своим обязательством. Бритты сделали прямое заявление в этом смысле пришельцам, а саксы стали думать и со своей стороны о нарушении договора.

Генгист, человек очень хитрый, убедившись в бессилии короля и его народа, обратился к нему с предложением вызвать еще бойцов из отечества. «Нас мало, – говорил он, – если позволишь, мы пошлем гонцов на родину нашу, пригласим воинов, и тогда мы в большем числе будем сражаться за тебя и за твой народ». Король согласился, и послы воротились с новыми воинами на 16 киулах; также на одной из них находилась прекрасная девушка – дочь Генгиста. Имени ее Ненний не знает; у позднейших писателей она называется Ронуэнна. По случаю прибытия родичей Генгист устроил пир, его дочь прислуживала и подавала вино и сикеру (secerum). Король Вортигерн, воспламененный красотой девицы, выпитым вином, а еще больше сатаню, который вошел в его сердце и возжег страсть, потребовал у отца, чтобы он отдал свою дочь ему в жены. «Все, что попросишь, отдам за нее, хотя бы половину царства». Посоветовавшись со своими, Генгист потребовал уступки страны, которая на их языке называлась Canthgualend, а на кельтском – Кент (Chent). Таким образом язычники получили Кент, а король Вортигерн – девицу, которая сделалась его женой. Пользуясь влиянием на своего слабого зятя, Генгист постоянно привлекал к себе из-за моря новые толпы соплеменни-

ков. Затем следует у Ненния совершенно баснословный рассказ о том, как Вортигерн женился на своей собственной дочери и имел от нее сына. За это он был проклят святым Германом, прибывшим в Британию, лишен царства и должен был построить для собственной безопасности крепкий замок на окраине своих прежних владений. Но мудрецы объявляют Вортигерну, что постройка не удалась, пока не найдено будет дитя, рожденное без отца, и замок не окропится его кровью. Является на сцену этот таинственный мальчик, который в позднейшей переделке легенды Ненния прямо называется волшебником Мерлином (в истории британских царей Готфрида Монмутского, XII в.).⁴⁹

Между тем борьбу с пришельцами ведет сын Вортигерна – Вортемир (Guortemir); он одержал несколько побед над Генгистом и Горзою, вытеснил их из Кента, так что они держались только на острове Танет. Генгист отправил послов за море в Германию, и на огромном числе киул прибыли новые подкрепления. Он, впрочем, восторжествовал над противником не столько силою оружия, сколько вероломством и обманом. В борьбе пали Горза и Вортемир; место сына опять заступил Вортигерн; Генгист предложил возобновление дружбы и мира. На пиру, который последовал за примирением, Генгист обратился к своим спутникам, которые спрятали в своей обуви скрытое оружие, со словами «*Ea Saxones nīmed ourī saxes!*» («Эй, Саксы, возьмите ваши ножи!» (или короткие кинжалы)). Триста старейшин, спутников Вортигерна, были зарезаны, он сам взят в плен и закован в цепи. Для выкупа своей жизни он уступил саксам в это время многие области, именно Eastsex, Suthsex, Medelsex (Эссекс, Суссекс, Мидлсекс).

Если бы мы пошли дальше и обратились к писателям XII века, то мы нашли бы у них еще больше подробностей о Генгисте, его дочери и его товарищах.

Но очевидно, эти подробности имели бы еще меньше исторической достоверности. Всякий раз, когда рассказ об известном факте из сухого и краткого обращается в более подробный и сложный, мы имеем право быть подозрительными: откуда являются эти подробности, эти лица и названия, неизвестные ближайшим свидетелям события, менее отдаленным от него по времени? Что касается Ненния, то у него уже замечается сильная примесь баснословия и легенд, подчерпнутых, по-видимому, из народных сказаний его кельтической родины. У него в первый раз идет речь о короле Артуре, который является преемником Вортигерна и предводителем национальной борьбы бриттов с саксами; Ненний, впрочем, сообщает только сухое перечисление побед, одержанных Артуром, и несколько данных о его путешествии в Иерусалим.

После небольшого отступления в область сомнительных и прямо баснословных преданий обратимся к несомненным историческим явлениям. Возможно, но, проблематично, что англосаксы явились по зову бриттов, но во всяком случае, если бы это даже и было так, то они скоро сбросили с себя роль помощников и сами стали завоевателями. Не тронутые цивилизацией и не подчиненные влиянию римской культуры, саксы по характеру и жесткости своего завоевания могут сравниться с вандалами; кро-

ме того, они явились в Британию, будучи язычниками, и долго не поддавались влиянию христианства.

Там, где саксы уселись прочно, они совершенно уничтожили следы римской культуры, и это составляет отличительную черту их завоевания, которая бросается в глаза при самом поверхностном обзоре. Саксы не усвоили господствовавшего римского языка, не изменили своей веры, как это было с другими завоевателями-варварами. В тех местах, где поселились готы, бургунды, франки, следы местного галло-римского населения сохранились до нашего времени в названиях городов, местностей и т. д.

В Британии полная противоположность – римские названия городов, за исключением весьма немногих (Лондон – Londinium, Линкольн – Lindum), изменились на немецкие. Следов латинского языка, кроме нескольких слов (chester от castrum, street от strada), также почти не осталось. Точно так же потеряли всякую силу и законы римские, религия и обычаи. Другие варвары-завоеватели, признавая принцип права личности, даже издавали новые законы для романского населения своих новых владений; здесь римское право исчезло совершенно и не оказало никакого влияния на развитие англосаксонского законодательства. Одним словом, все показывало разрушение прежней цивилизации, полное уничтожение культурной римской Британии.

Впрочем, при этом необходимо заметить, что с завоеванием нельзя связывать идею о полном, поголовном истреблении всех жителей острова. Есть исследования, которые имели целью доказать происхождение теперешних англичан от древних кельтов Британии, и выводы исследователей служат лучшим доказательством, что не все побежденные были истреблены при завоевании. И действительно, медленный ход самого процесса подчинения (150 лет), обращение некоторой части туземцев в рабство, наконец, сохранение независимости кельтов Валлиса, Корнваллиса и большого королевства Страсклейда (Strathclyde), все это позволяет думать, что в жилах теперешних великобританцев есть кровь древних кельтов. К концу VI века кровавая борьба была окончена; процесс подчинения завершился образованием нескольких самостоятельных варварских государств на почве Британии. Обыкновенно говорят, что государств было семь и называют их англосаксонской Гептархией (Heptarchia – семивластие). Но, в сущности, число их долгое время колебалось (то больше, то меньше), и даже эти семь главных государств составились из более мелких. Они были управляемы альдерменами (соответствовавшими *principes* германским), распались на сотни, в свою очередь состоявшие из отдельных общин.

Первыми пришли сюда и образовали независимое королевство юты; они заняли ту часть страны, которая находится на юге от Темзы, и образовали королевство Кент, с главным городом Кентербери. Сверх того, юты же образовали небольшое владение, которое обнимало остров Уайт (Wight), на юг от Британии (часть графства Гемпшира). Затем были основаны 3 саксонских государства, происхождение которых легко узнается по самим именам Sussex (то есть южная Саксония) на юг от Темзы, Essex (то есть восточная Саксония) на север от Темзы, к нему принадле-

жал и Лондон, хотя не всегда. В стороне от этих двух государств, на западе образовали Wessex (то есть западная Саксония).

Из всех трех государств наибольшее значение приобрело последнее, а первые два были недолговечны. Величие Суссекса не пережило его основателя бретвальды (то есть латинское – *rex*) Aella. Эссекс, благодаря Лондону, держался некоторое время, но потом тоже потерял значение. Лондон скоро высвободился из-под власти королей Эссекса и колебался некоторое время между положением независимой общины и подчинением королям Мерсии. Вессекс, обнимавший часть Гемпшира и Сом-мерсета, граничил на западе с самостоятельным и враждебным кельтским Валлисом и уже поэтому должен был приобрести большое значение и силу. Это первое большое владение саксов, и в составе населения оно чисто германское. Следует заметить, что королевство образовалось не вдруг; в V веке мы имеем известие, что в одном сражении пали пять конунгов Вессекса; оно сложилось из нескольких мелких владений. Вессексу принадлежала некоторое время и значительная полоса земли на север от Темзы: но эти владения оказались, однако, непрочным приобретением, настоящей границей все-таки осталась Темза. На север от нее и на северо-восток от Вессекса лежала колония другой ветви завоевателей – англов, носившая название Восточной Англии (*East Anglia*); далее на севере от реки Гумбера (*Humber*) до форта (*Forth*) была Нортумбрия (*Nord-Humber*), то есть «страна на севере от Гумбера».

Нортумбрия иногда составляла одно государство под одной властью, а большей частью разделялось на два королевства – Берницию (*Bernicia*) и Дейру (*Deira*), границей между которыми служила река Тайн (*Thyne*). Колонизаторы этих двух областей были также англы, но имена первых их предводителей неизвестны. В латинской хронике о временах Кердика Вессекского сказано: «В эти времена приходили многие часто из Германии и заняли восточную Англию и Мерцию, но эти владения еще не были приведены под власть одного короля, напротив, многие магнаты занимали отдельные области». Первым королем восточных англов назван Оффа под 511 годом, нортумберландским – Ида, о котором под 547 годом замечено в англосаксонской хронике: «Ида начал царствовать». Эти указания определяют начало королевства, а не начало поселений; Ида и Оффа объединили отдельные колонии, прежде находившиеся под властью старейшин или альдерменов. Еще яснее процесс такого образования в государстве Марсия (или *Markia*), название обозначает пограничную землю, окраину (от немецкого *Marke*), так как государство это граничило с кельтами, хотя и лежало посреди острова. Оно граничило с большим кельтским королевством *Strathclyde*, простиравшимся от теперешнего Валлиса до реки Клейд (*Clyde*) на север, и с Валлисом на юге. Валлис представлял тогда союз независимых кельтских королевств и назывался северным Валлисом, в отличие от южного, обнимавшего нынешний Валлис и Девон. Множество самых явных признаков доказывают, что королевство Маркия (или Мерция) составилось из нескольких первоначальных княжеств, и даже не одной народности, и что хотя преобладающая кровь тут была английской, но были и саксонские поселения. То же самое можно сказать и о прочих государствах. Так, восточная Англия

разделялась на два королевства Northfolk и Suthfolk. В государстве Кент, где господствовали потомки Генгиста, существовали две епархии – Кентерберийская и Рочестерская, что прямо указывает и на соответствующее политическое деление страны на две части. Относительно Вессекса мы уже знаем, что в нем, согласно словам хроники, было некогда одновременно пять королей. Есть признаки, позволяющие думать, что это наиболее важное из саксонских государств составлялось постепенно путем завоевания их соседей – кельтов Корнваллиса.

Каждое новое значительное завоевание варваров в Британии первоначально составляло отдельную область, и только в конце VI века они соединились в большое королевство. Вообще, понятие о гептархии весьма условно: иногда, действительно, число государств доходило до семи, иногда же оно было значительно больше; нужно признать только одно что из всех владений варваров в Британии эти семь государств имели наиболее непрерывную историю.

Скажем теперь несколько слов для разъяснения значения *bretwalda*, о котором в прежнее время было много ученых толкований. По мнению некоторых английских ученых, *bretwalda* представляется высшим главою всей гептархии; он старший между всеми отдельными королями; положение его соответствует как бы положению императора среди других королей, признающих его верховную власть (или положению великого князя среди удельных князей Древней Руси). Беда Достопочтенный насчитывает семь королей, которые имели такое выдающееся значение или власть, обозначаемую у него словом *Imperium* или *ducatus*. Англосаксонская хроника, повторяя перечисления Беды, уже дает этим семи государям, к которым он прибавляет восьмого, Эгберта Вессекского, название бретвальды.

Весьма остроумное соображение относительно значения бретвальды принадлежит Пэльгреву. Он разбирает корень слова *bretwalda* и говорит, что первоначальное его написание было *bryttenweald* – *bretten weald*, то есть «владелец бриттов». Происхождение высокого титула Пэльгрев ведет от власти, предоставленной покоренным племенам римлянами (I, 393).⁵⁰ Первый бретвальда из Суссекса (*Aella*), о котором упомянуто выше, был возведен в сан императора Британии собранием Валлийских князей (некоторого рода кельтский конгресс). Пэльгрев обращает внимание на то, что Этельберт Кентский, один из бретвальд, чеканил монету с изображением волчицы и близнецов и, следовательно, подражал Риму. Но теория эта едва ли имеет вероятие; хотя бретвальды и существовали действительно, но власть их не была непрерывна и постоянна, не имела определенных функций и даже едва ли простиралась на все англосаксонские государства и была признаваема ими. Гораздо вернее предположить, что это были такие государи, которые отчасти оружием, отчасти другим способом достигали значительного над другими авторитета, который, впрочем, едва ли признавался другими священным. Но если слово «бретвальда» и не ведет свое начало от господства бриттов, то все-таки позднейшие короли, как, например, Этельстан, не придают такого значения власти бретвальды и говорят, что она была только фактическая, но

не законно признанная; она вовсе не была постоянным учреждением, существовавшим непрерывно в продолжение веков.

Впоследствии мы видим стремление возвратиться к императорской идее; так в X веке английские короли любили именовать себя «василевс».

Что касается филологического значения слова «bretwalda» (brythenwealda) то скорее его можно сопоставить с теперешним немецким «brett» и перевести «властитель широкого, большого пространства земли», а не «властитель бриттов».

Итак, сознания единства между отдельными британскими государствами в VI веке не существовало. Англосаксонское завоевание представляет последнюю градацию среди варварских завоеваний, если мы расположим их в восходящем порядке по степени их жесткости к местным коренным племенам.

Теперешние англичане говорят, что весьма полезно было для будущего самостоятельного развития Англии это истребление покоренных, уничтожение следов их культур, расчистка почвы для развития в германском духе. Если бы англосаксы принялись щадить римские учреждения, то англичане были бы только одной из ветвей романских народов, вроде французов, итальянцев, не имея ничего самобытного, оригинального. Напротив, являясь свирепыми разрушителями, завоеватели облегчили возможность развития на новых началах. И действительно, в англосаксонских государствах ярко выразились все основные начала чисто германских учреждений, те черты государственного и социального быта, которые подробно описывает Тацит: община, народная свобода, вечевые собрания — все это видим мы здесь, на новой родине завоевателей-германцев.

Что касается до религии завоевателей, то выше уже было упомянуто, что англосаксы долго оставались язычниками; и здесь также выразился общий характер их завоевания. Они так враждебно относились к побежденным, так отдельно стояли от них, что не приняли даже их веры и впоследствии, когда язычество оказалась уже несостоятельным и наступило время полного и естественного торжества христианства.

АТТИЛА И ПАДЕНИЕ ЗАПАДНОЙ ИМПЕРИИ

Согласно с планом нашего изложения следовало бы теперь перейти к истории основания варварского государства в самой Италии, другими словами, к истории окончательного падения Западной Римской империи. Но так как на последние судьбы империи не осталось без влияния страшное потрясение, произведенное двумя нашествиями Аттилы (одно на Галлию, другое на саму Италию), то мы все-таки должны остановиться несколько на гуннах.⁵¹ Некоторые славянские и русские ученые своими теориями о происхождении гуннов придали этому народу особенный интерес. В своем исследовании И. Забелин с особенной любовью останавливается на гуннах, видя в них предков наших славян; постоянно проводя параллель между обычаями и нравами гуннов и славян, он приходит

наконец к окончательному заключению, что обычаи эти в давнее время господствовали в славянской земле, а именно в земле славян восточных: «Чьи бы то ни были эти обычаи, но они принадлежат, так сказать, самой земле, на которой уже тысячу лет живут славяне восточной отрасли (с. 358)». ⁵² Но этот взгляд, поддерживаемый главным образом Забелиным и Иловайским, не имеет решительно никаких научных оснований, и можно только удивляться, как такие даровитые ученые удовлетворяются такими недостаточными данными для того только, чтобы спасти излюбленную теорию. ⁵³ Они пренебрегают сведениями, которые можно почерпнуть из древних писателей, ссылаясь на их неразвитость, односторонность, недалекость и недостаток сведений. Но этот взгляд сам по себе недалекновен. Напротив, сведения, сообщаемые древними о гуннах с одной стороны и славянах с другой стороны (например Аммианом Марцелином, Мавриkiem, Зосимом), достоверны, точны и драгоценны, и достаточно будет прочесть описание гуннов у Аммиана Марцеллина и у Приска, чтобы теория эта рушилась сама собой. Все писатели представляют нам славян народом более оседлым, земледельческим, сражающимся пешими. Между тем историк Зосим, упоминая о гуннах, говорит: «Живя вечно верхом на лошадях, они едва могли ходить на земле и потому вовсе не умели биться пешими, стоя твердо на ногах».

Вот что рассказывает современник гуннов, латинский писатель Аммиан Марцелин: «О гуннах наши летописи едва упоминают, и то только как о диком и невообразимо свирепом племени, распространенном за Меотийскими болотами, на берегах Ледовитого моря. Когда рождаются у них дети мужского пола, то они изрезают им щеки, чтобы уничтожить всякий зародыш волоса, поэтому все гунны растут и старятся безбородыми, отвратительные и безобразные на вид. Однако у всех у них коренастый стан, члены сильные, шея толстая, голова огромная, спина сутуловатая, что придает строению их тела что-то сверхъестественное. Я сказал бы скорее, что это двуногие животные, а не люди, или — каменные столбы, грубо вытесанные в образ человека, которые выставляют на краях мостов. Этой отвратительной внешности соответствуют их повадки, свойственные скоту: пищу они едят не вареную и ничем не приправленную; взамен обыкновенных съестных припасов они довольствуются дикими кореньями и мясом первого попавшегося животного, которое кладут себе под сиденье на лошади и так его размягчают. У них нет домов, хотя бы тростниковых шалашей, и никакая кровля их не укрывает. Они живут, ночуя среди лесов и гор, терпеливо перенося холод, голод и жажду. Даже на пути встретив жилье, они без крайней необходимости не переступают за его порог: в жилье гунн никогда не считает себя в безопасности. Они носят одежду вроде туники из холста или из меха и, раз проведши в нее голову, не спускают с плеч, пока она сама не свалится лохмотьями. Голову покрывают меховыми шапками с опушкой, а свои волосистые ноги обертывают козлиною шкурою. Такая обувь, конечно, затрудняет ходьбу, отчего они вообще не способны сражаться на ногах пешими. Зато на своих лошадях, нескладных, но крепких, они точно прикованы: и справляют на их спине всякого рода дела, иногда сидя по-женски. День и ночь они живут на лошади, на ней продают и покупают, не

слезая ни напиться, ни поесть, так и спят, прилегли только к сухопарой шее своего коня, и грезят там преспокойно. На лошадях же они рассуждают сообща о всяких своих делах». «Царской власти они не знают, но подчиняются избранным вождям». «Начиная битву, они разделяются на отряды и, поднимая ужасный крик, бросаются на врага». Рассыпавшись или соединившись, с быстротою молнии они и нападают и обращаются в бегство. Однако при своей подвижности они бессильны против земляной насыпи или против укрепленного лагеря. Но вот что особенно делает их наипуганнейшими воинами на свете: это, во-первых, их меткие удары стрелами, хотя бы и с далекого расстояния, у которых вместо железа, прикреплены очень искусно заостренные кости; во-вторых, когда в схватке, один на один, они дерутся мечами, то с необыкновенной ловкостью в одно мгновение накидывают на врага ремень (аркан) и тем лишают его всякого движения (Амм. Марс. XXXI. 2, 1–10).

Хлебопашеством гунны не занимаются, и никто из них не дотрагивается до плуга. Все они без крова, без отчизны, без всякой привычки к оседлому быту блуждают в пространстве, как будто все бегут дальше, перевоза за собой свои повозки, где их жены работают им одежду, родят и воспитывают их детей. Если спросить гунна: где ты родился? — он затруднится дать ответ, потому что, перекочевывая с места на место, не помнит своей настоящей родины. «Непостоянные и вероломные» в договорах, гунны тотчас переменяют свой образ действий, как скоро почувют, где прибыль. Они не более зверей понимают, что честно и что бесчестно. Самый разговор они ведут двусмысленно и загадочно. Никакая религия их не связывает ничем: они ни во что не верят и поклоняются только золоту. Нравы их так непостоянны и сварливы, что в один и тот же день они без всякого повода и ссорятся и мирятся (Ibid. 2, 10–11).

Очевидно, не без причины все писатели говорят, что гунны двигались от Меотиды, с Востока, из Азии, а не от Балтийского моря. Можно совершенно согласиться с мнением, выводящим их из степи Гоби, Тунгусской долины Азии и причисляющей их к монгольскому племени.

Как известно, монгольское племя подразделялось на турецко-татарское и финское. Прежние исследования производили гуннов от монголо-финнов, говоря, что это была часть той ветви, к которой впоследствии принадлежали и мадьяры.⁽⁵¹⁾ Но и это положение еще не доказано. Теперь считают более вероятным, что толчок к великому переселению народов был сообщен не пассивными финнами, а тюркским племенем, и следовательно, что среди гуннов господствовал элемент тюркский. Это было совершенно то же движение, которое впоследствии повторилось в лице аваров, болгар и других племен. Атилла основал сильную державу, в которой тюрки были главной составной частью, хотя под властью его находились, впрочем, не только эти племена; финны, граничившие с

(51) Желая доказать, что гунны были не что иное как славяне, Забелин и Иловайский указывают, что любимым кушаньем их было просо; вместо вина они пили так называемый медок — мед, любимый свой напиток. Точно также они имели пиво, добываемое из ячменя, в котором Забелин опять-таки хочет видеть славянский квас.

тюрками, также были захвачены движением гуннов. В Венгрии при дворе Аттилы, быть может, были и славяне.⁵⁴

Еще больше под властью Аттилы находилось народов германского происхождения; как уже известно, остготы, подвинувшиеся после смерти Германариха в Трансильванию, долго оставались под властью гуннов и составляли важный элемент при дворе Аттилы. В пространстве между Дунаем и Тиссой можно было услышать языки – латинский, готский (скифский), гуннский и греческий; о последнем упоминает Приск. Однажды, во время пребывания его при дворе Аттилы,⁽⁵²⁾ к нему подошел человек, судя по платью – варвар, и приветствовал его на эллинском языке. Удивленный Приск спросил его, каким образом он попал сюда. Грек объяснил, что при взятии его родного брата гуннами он попал в плен и достался знатнейшему вельможе двора Аттилы. Впоследствии, отличившись в сражениях против римлян, он получил свободу, женился на варварке и остался жить у гуннов, «и я предпочитаю теперешнюю жизнь своей прежней», заключил он свой рассказ, ибо «иноземцы, находящиеся у гуннов, после войны ведут жизнь спокойную; каждый пользуется тем, что у него есть, никем не тревожимый». Вместе с тем, как рассказывает Приск, грек этот весьма невыгодно отзывался о положении империи. «Жестокое взимание налогов, притеснения несправедливого, подкупного и бесконечного суда, наглое и непомерное взяточничество; при множестве законов – полнейшее беззаконие и тому подобные обычаи просвещенного народа делают жизнь невыносимую». Без сомнения, единомыслящих ему греков и римлян было немало, и не мудрено, что при дворе знаменитого варвара встречаем мы цивилизованных людей империи (Priscus Panites. *Fragm.*, fr. 8).

Но по всему видно было, что этому большому разноплеменному государству не суждена великая будущность, хотя сам Аттила и оказался тонким политиком, знавшим положение тогдашнего мира от Евфрата до берега Африки, следившим за всеми событиями Европы и Римской империи. Предводитель разноплеменной массы, опираясь преимущественно на свою национальную тюркскую среду, Аттила явился только на некоторое время соперником римских императоров и германских конунгов. Казалось, что борьба между римским и варварским миром должна была решиться на Дунае, но с появлением гуннов, как известно, она была перенесена на Рейн; Аттила явился между двумя борющимися силами и направился в Галлию. Результаты нашего известия: дойдя до Орлеана, Аттила остановился, так как знаменитый римский полководец Аэций успел соединить вестготов, франков и других варваров и двигался навстречу полчищам гуннов. Аттила отступил от города и выбрал себе поле битвы – *campi Mauriaci* или *campi Catalaunici* – в нескольких милях от Шалона; на другой день после ожесточенного сражения, в котором было убито до 160 000 человек, Аттила, разбитый наголову, двинулся в обратный путь. В этой битве встретились в первый раз после долгих лет два племени, когда-то жившие вместе на берегах Днепра и Днестра в

⁽⁵²⁾ Приск в 448 году был секретарем византийского посольства, отправленного императором Феодосием в Паннонию к Аттиле.

степях южной России: остготы и вестготы. Благодаря храбрости последних и отваге короля и предводителя Теодориха, одержана была эта знаменательная Каталаунская победа, отсрочившая на несколько лет окончательное завоевание Италии. В 453 году Атила с огромной массой войска двинулся с севера Италии по направлению к Риму. О противодействии, подобном тому, какое испытал он в Галлии от германских легионов Аэция, здесь не могло быть и речи. Атила, приближавшийся уже к Риму,⁽⁵³⁾ был остановлен не войсками империи, а вмешательством духовенства: навстречу ему вышел римский епископ Лев I со Святыми Дарами и в сопровождении многочисленного клира. Предание говорит, что уважение к первосвященнику, влияние его увещаний, страх перед именем империи и священного Рима заставили грозного варвара отступить. Но к словам предания необходимо еще прибавить более прозаическое соображение: Атила хорошо видел, что войско его, составленное из тюркских, германских и частью славянских племен, весьма быстро уменьшалось под влиянием непривычного для них жаркого климата Италии, и нашел гораздо более удобным на время отступить; Италия была спасена. В 457 году Атила умер, и сыновья его, по выражению Иордана, многочисленные, как целое племя, завели между собой ссоры и распри.⁵⁵

Держава Атилы разделилась на несколько частей. Гунны опять исчезли в степях южной России, и только впоследствии являются остатки их племени в лице так называемых гуннов-болгар.

Таким образом, Рим и средняя Италия остались неприкосновенны, но впрочем, ненадолго: в 435 году совершилось известное нашествие вандалов под предводительством Гейзериха и десятидневный грабег Рима. Империя, очевидно, представляла уже зрелище полного разрушения: она не могла защитить себя, и отпор варварским нападениям шел не от Рима, а от поселившихся на землях империи германцев.

Мы имеем прекрасный источник, могущий познакомиться с состоянием империи в разбираемую нами эпоху: жизнь св. Северина (455–482), написанная его учеником аббатом Евгиппием, бесценное для нас сокровище, потому что оно бросает яркий отсвет на время и обстоятельства, о котором мы иначе не знали бы ничего, потому что и после него, и прежде дунайские страны остаются покрытыми глубоким мраком.

Жизнеописание Северина (Severinus) представляет нам картину римской провинции Норик (Noricum ripense) на Дунае непосредственно перед ее разорением и уничтожением. Атила умер, и народы, сделавшиеся свободными, обращают оружие против друг друга и против жалких остатков Римской империи. Аллеманны и тюринги, проникшие за пограничный вал, распространяются в Реции все далее на юг и на восток. В Норике удерживается христианское население, но в каком положении! Со всех сторон его теснят варвары; раз нападает герульский отряд: они уводят в плен вышедших на полевые работы земледельцев, угрожают

⁽⁵³⁾ Когда Атила был на севере Италии, то из прибрежных районов живший здесь народ Венеты при его приближении искал убежища на островах Адриатики вблизи материка, где впоследствии образовался город Венеция, получивший от их имени свое название.

даже городам; там, куда варвары проникают, они все предают грабежу, все разрушают, оставляя лишь пустые стены; они умерщвляют жителей или обращают в рабство. С севера грозят руги, которые по ту сторону Дуная хозяйничают, частыми набегами опустошают страну и скоро утверждаясь на левой стороне его твердой ногой.⁵⁶ Так же как готы в Паннонии, они – ариане, ненавистные католическим римлянам еще более, чем язычники. Аллеманны и тюринги, готы, герулы, руги разоряли города. Жители города Asturis, где утвердились варвары, не имея силы прогнать их, заключают с ними соглашение о защите и после этого принуждены жить как пленные в собственном городе. Тогда совершенно неожиданно и чудесно, несмотря на стражу, которая ему не помешала, является здесь Северин. С верою слушающая его слова, ибо он обещал спасение и избавление от варваров, римляне постились и молились, и вот, ночью случилось землетрясение, которое навело ужас на варваров; полные страха они теснятся в воротах, спеша удалиться, и в темноте и суматохе убивают самих себя. Так город был освобожден от своих притеснителей; но что было этим выиграно? Землю возделывали только жители городов, и очень часто жатва и жнецы попадались в руки варваров; голод опустошал богатую и плодородную землю. Пограничные воины не получали от Рима своего жалованья, и вследствие этого их ряды сокращаются и разлагаются; только батавская когорта в Пассау еще держится; несколько солдат отправляются за жалованьем по ту сторону Альп, но на дороге убиты. Перед дунайским городом Фавианой (Favianus – место между Пассау и Веной) вдруг являются хищные варвары и уводят все, что можно было найти вне городских стен, – людей и скот. Трибун (местный военный начальник) имеет слишком небольшую команду под своей рукой и потому не решается сделать вылазку, но вот Северин обещает ему Божественную помощь, и тогда он храбро выступает и одерживает победу.

Странное явление представляет из себя этот Северин. Он никогда не хотел сказать откуда был родом; что он пришел с далекого Востока, это можно понять из его речей, но сам язык показывает в нем природного римлянина. Будучи знатного, как оказалось, происхождения, он удалился в уединение к св. Отцам (вероятно, в Фивийскую пустыню), потом, как он намекал, Божественный голос заставил его идти с помощью и утешением к жителям прибрежного Норика. Воздержание его было сверхчеловеческое: при самом большом холоде он ходил босой, привыкнув к постоянному посту, он чувствовал голод и лишение только за других. Так прошел Северин всю страну, проповедуя, утешая, а главное – принялся за оказание помощи, насколько мог. Он собирал и даже буквально «требовал» десятину для выкупа пленных, для пособия бедным; население приписывало ему над природой безусловную власть, и что гнев Божий настигал всякого, кто не хотел его слушать. Велико было общее к нему уважение. Эта страна, которая в затруднительном положении добровольно подчинялась руководству набожного боговдохновенного монаха, представляет резкий контраст с безнравственными пограничными городами Галлии, где, даже при штурмах франкских победителей, и стар и млад предавались необузданному разврату. Перед авторитетом Северина склонялись даже князья варваров, даже та злая королева ругов Гизия,

которая хотела перекрещивать правоверных католиков. Частью из благо-расположения, частью из страха, они исполняли его увещание, слушали просьбы; король ругов обязан был его советам своим мирным правлением. Если Северин защищал часто римлян, поощряя их к энергическому сопротивлению или впредь предсказывая нападение, то еще чаще он отвращал от них опасность своими просьбами, обращенными к варварам и добивался выпуска пленных на свободу. Во многих местах он построил монастыри, которые по восточному обычаю состояли из соединения нескольких хижин; самый большой был при Фавиане (место, без следа исчезнувшее). Здесь посещали Северина и получали благословение варвары, управлявшиеся в Италии.

Одним словом, личность Северина и его пребывание в области верхнего Дуная представляют весьма интересное явление; сама личность его является в высшей степени типичной, и деятельность дает вообще понятие о значении духовенства в эту опасную и тяжелую для империи эпоху. Уже в Галлии мы встречаем нередко, что во время осады монастырей и городов аббаты и епископы выходили навстречу варварам и увещаниями отклоняли их нападения и грабежи. Вместе с остатками богатых римских землевладельцев они были единственной социальной силой, охранявшей и поддерживавшей умирающую империю. Мы имеем весьма интересный рассказ о посещении Северина одним варваром (по некоторым известиям, из племени ругов, по другим – из герулов); по свидетельству наиболее достоверного для этих событий источник, он был из рода сциров (*cum gentis Scyrogom*). Различие, впрочем, не имеет большой важности, потому что руги, герулы, сциры – племена близко родственные между собой.

Однажды в келью святого мужа вошел воин, будто бы одетый в звериные шкуры, пробиравшийся в Италию, чтобы поступить в войско. Дверь Северина была столь низка, что он мог войти в нее только согнувшись и в самой келье должен был стоять так же, потому что голова касалась потолка. Благословив вошедшего, Северин обратился к нему со следующими пророческими словами: «Ты велик, но будешь еще более; ты бедно одет теперь, но будет время, когда малейший из подарков твоих будет стоить дороже всего твоего настоящего имущества» (*Eugipp. Vita s. Sev. VII*). Варвар этот, пробиравшийся в Италию, бедно одетый ничтожный воин – был Одоакр (*Odoacer, Otacher*). Подобно многим из соотечественников, он надеялся в Риме найти пропитание и, может быть, сделать карьеру. Он поступил в императорскую гвардию и занял место оруженосца. Италия уже давно не имела другого войска, кроме варваро-германцев, которые распоряжались делами империи и престола, возводили и низводили императоров при помощи своих военных начальников. Одним из таких всевластных начальников был Рикимер, распорядившийся по своему желанию престолом империи.⁵⁷ Таков при прибытии Одоакра в Рим был руг Орест, командующий войсками при императоре Юлии Непоте.⁵⁸ Одоакр, обладавший видным ростом, храбростью и умом, скоро отличился и выдвинулся из ряда прочих воинов.

Одоакр был виновником знаменитого переворота 476 года.

Огромные толпы германских варваров, преимущественно из племен герулов, сциров, ругов, а также и других, составляющих императорскую гвардию, приступили к Оресту с требованием земельного надела. Как уже известно, варвары, составлявшие римское войско, размещались обыкновенно на землях владельцев, получали одну треть их дома и имели право пользоваться рабами; теперь они захотели основаться более твердо на римской почве и потребовали в свое полное владение, по некоторым известиям, – всю землю, по другим – обычную треть. Орест, возведший в это время на престол римский малолетнего своего сына Ромула Августа (Августула) и управлявший за него, отказался выполнить их требование. Тогда они возмутились и, как передает одно известие, убили Ореста; по другим известиям, его убил сам Одоакр. Когда это совершилось, Одоакр выступил во главе войск, обещал дать желаемый ими земельный надел с условием, чтобы ему повиновались. Провозглашенный предводителем всех дружин германских, он арестовал малолетнего Ромула Августула, назначив ему пожизненный пенсioen в пять тысяч солидов.

После этого он занялся проведением требуемого раздела; Одоакр взял одну треть земель римских для германцев, в противоположность вестготам и бургундам, присвоившим себе две трети. Земли, отданные германцам Одоакром, не представляли сплошной цельной полосы; напротив, они были разбросаны в различных местах средней и южной Италии, что также не способствовало прочности германских поселений. Кроме того, варвары эти не имели твердой основы племенного единства, так как они принадлежали хотя и к родственным, но все же различным племенам (ругов, сциров, герулов и др.). Итак, и в Италии, подобно тому как в других провинциях империи, переворот совершился не вдруг, не имел характера насильственного вторжения германского элемента. Завоеватели не явились извне, не разбивали римских легионов, не захватывали в свои руки побежденную империю. То же постоянное долговременное, непрерывное накопление германских сил, служба в легионах, работа на полях римских, которые мы видели в провинциях, – то же самое подготовило и в сердце империи переворот 476 года. Варвары уже давно основались в Риме, а теперь потребовали только прочного обеспечения.

Все в империи оставалось по-прежнему, не было только императора; но и это, в сущности, не было делом необыкновенным, так как случалось и прежде. Был, впрочем, низверженный Орестом император Юлий Непот, живший в Далмации. И сам Одоакр не думал вовсе, что, сняв с ребенка-императора порфиру и отправив его на виллу Лукулла (близ Неаполя), он уничтожил этим самую империю, сама идея которой была священна даже для варваров. Вообще, об истории и учреждениях государства Одоакра мы имеем скудные известия. Прежде всего видно, что, сознавая опасность своего положения в Италии, он старался прикрыть факт насилия видом законности и обратился к сенату и Риму, так же как и к императору в новом Риме – Византии. До нас дошел отрывок одного византийского писателя, близкого к тому времени – Малха, в котором рассказывается следующее: когда Август (то есть Ромул Августул) услышал, что Зенон⁵⁹ сделался императором на Востоке, то принудил рим-

ский сенат отправить посольство в Константинополь с представлением, что нет совершенно необходимости, чтобы было два царства – на Востоке и на Западе, что достаточно одного Зенона как общего этих царств авторитетом; что сенат римский вручает главенство Одоакру, человеку, который по государственному уму и воинственности способен охранять государство; что сенат просит дать Одоакру звание патриция и поручить управление Италией. Послы принесли с собой и регалии императорской власти с тем, чтобы оставить их в новом Риме; отдельной Западной империи не существовало, и они желали теперь только санкции Зенона, восточного и единственного императора. Одновременно прибыли вестники и от самого Непота; они просили помочь вернуть ему царство, дать денег и войско. Зенон принял весьма благосклонно посольство от римского сената, вместе с которым были присланы и уполномоченные от самого Одоакра, но отклонил просьбу поверенных сената; два раза, сказал он, Византия назначает императоров в Риме, и оба раза Рим низвергает их.⁶⁰ И теперь вы имеете императора Непота, к нему и должны обращаться. Уполномоченным Одоакра, которые просили звание патриция для своего господина, Зенон опять указал на Непота: Одоакр хорошо сделает, если будет просить у него; впрочем, и сам Зенон готов был даровать титул патриция, если Непот не опередит его. И действительно, в ответном письме, отправленном Одоакру, Зенон назвал Одоакра патрицием (Malch., fr. 10).

Рассказ этот требует во многих отношениях дополнения и объяснения. Во-первых, юный низверженный император Ромул Август есть только простое орудие в руках Одоакра; этот последний хотел придать такой вид делу, что будто бы император и сенат сами желали уничтожения Западной империи; он вынудил своего пленника к такому именно объяснению и приглашению его – Одоакра – правителем, которое обращено было к сенату и которое заключало в себе отречение вроде бы в пользу византийского императора, а на самом деле – в пользу Одоакра. Не революция, а отказ императора и сената должны были призвать Одоакра к фактическому господству над Италией. Вместе с тем нужно было расположить византийского императора в пользу нового порядка вещей и таким образом власть Одоакра легализовать и обезопасить. Для того-то сенат должен был отправить к Зенону лестное приглашение быть впрямь императором Востока и Запада, для того и сам Одоакр отослал к нему *ognamenta palatii*, потому что он так долго не назначал консула (до 484 года) для Запада.

Не в силу собственного права, не как завоеватель или германский конунг, но как наместник и чиновник византийского императора этот варвар хотел и защищать Италию, и управлять ею.

Форма для него не имела такого значения, как безопасность владения; но принятием королевского титула по смерти Ореста он показал, что хочет властвовать над германцами на основании их и своей силы, а не только как уполномоченный императора. Он, следовательно, стремился к тому же положению в отношении к германцам, итальянцам и византийцам, как впоследствии Теодорих. Если он не принял императорского титула, то не потому, что презирал его, как обыкновенно думают, но

вследствие осторожности. Однако умный план потерпел неудачу. Зенон не позволил себя соблазнить предложением формального господства над Западом и уступить истинную власть – варвару. На отказ Августула он не обращает никакого внимания; он знает только Непота, поставленного из Византии, как истинного владыку Италии; к нему он и отсылает варвара. Впрочем, образ действий восточного императора остается загадочным и двусмысленным. Хотя государь Италии есть только Непот, а не Одоакр, не Августул, не сам Зенон, но желание Одоакра было вполнину исполнено. Хотя ему и не был формально дан сан патриция вместе со знаками этого достоинства, тем не менее он назван в ответном письме Зенона этим почетным именем. Итак, с точки зрения идеи и права переворот 476 года не был падением Римской империи. Она продолжала существовать в умах современников, в представлениях христиан и варваров, в признании ее существования самим виновником переворота; не было только отдельного западного императора, и Рим управлялся патрицием, хотя и не признанным прямо в этом звании, но все-таки выдававшим себя за наместника императорского.

Спустя некоторое время совершилось на Западе два новых переворота, виновники которых – конунг остготов Теодорих и конунг франков Хлодвиг.

ГЛАВНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В V ВЕКЕ

Прежде чем перейти к рассмотрению этого вопроса, остановимся еще раз на пройденном нами времени. Наше изложение касалось по преимуществу фактов политической жизни, изучение которых, конечно, всегда должно стоять на первом месте, так как без этого основного знания и все другое оставалось бы непонятным. Но, с другой стороны, для полного и всестороннего ознакомления с эпохой нужно было бы остановиться с такой же подробностью и на другого рода явлениях, именно – объясняющих движение просвещения и мысли, образования и науки. По недостатку времени мы остановимся только на немногих литературных произведениях V века, бросающих наиболее яркий свет на эпоху; для более подробного знакомства с умственным и литературным движением этой эпохи мы рекомендуем сочинение Gizot «*Histoire de la civilization en France*» и книгу С. Ешевского «Аполлинарий Сидоний и его время».⁶¹

Отметим прежде всего произведения, которые непосредственно связаны с событиями 410 года и следующих лет. Как уже известно, в 410 году «Вечный город», никогда не бывший в руках варваров, был взят Аларихом и отдан на разграбление. Это произвело потрясающее впечатление на умы современников; в чувстве ужаса и изумления соединились между собой народы, несшие на себе владычество Рима. Но особенно сильное потрясение испытали римляне, как христиане, так и, преимущественно, язычники. И одни и другие назвали Рим главой мира и были уверены, что разрушение города будет знаком кончины мира. «Христиане убеждены, – говорит Тертуллиан, – что конец Римской империи будет концом мира».

Эта уверенность была, конечно, источником того тяжкого изумления, которое овладело всеми при известии о взятии Рима. Но чтобы понять силу морального действия, произведенного событием, нужно припомнить старые представления. Старая привычка, по которой римляне все события своей истории рассматривали как награды богов за их благочестие или как наказание за неверность предписаниям религии, ставила перед ними только две возможности: взятие Рима готами могло быть карой Бога христианского за ненависть к нему римлян. Но последней возможности римляне не допускали на том основании, что при взятии Рима много пострадали и христиане. Следовательно, разорение Рима было делом отечественных богов, оскорбленных торжеством христианства. Оно было причиною всех зол, потому что со времени Константина дерзость варваров все возрастала. При прежнем культе Рим был счастлив, а при новом дошел до положения раба. Много голосов заговорило на эту тему. Недоумение не чуждо было и христианам. В Риме, говорили они, находятся Петр и Павел, и однако же Рим опустошен. Где же обетования христианства? Где то счастье, которое оно сулит?

Это настроение умов вызвало св. Августина написать свое знаменитое «*De civitate Dei*» («О государстве Божием»). «Когда сделалось известным несчастье, — говорит он, — и язычники, приписывая разрушение Рима христианской религии, стали проклинать царство Божие (христианство); тогда я, пламенея усердием о доме Божием, решился написать против их порицаний или заблуждений книги под заглавием “*De civitate Dei (contra paganos)*”».

Основная мысль св. Августина заключается в том, что есть два государства: небесное, которое имеет своим виновником истинного Бога и частью живет на небе, частью еще на земле, пока не достигнет совершенства, чтобы соединиться со своими членами, пребывающими на небе.

Другое — земное, имеющее князем дьявола, появившееся на земле позднее времени первого братоубийства, образовавшееся после вавилонского столпотворения и заключающее в себе всех людей, рожденных от плоти и не «очищенных» благодаря воскресению. Весьма интересными являются в этом случае воззрения св. Августина; он не только противопоставляет Небесному Царству земное, но и отрекается от последнего, проповедует разрыв с ним, говорит даже, что земное царство-Рим — есть дело рук дьявола. Воззрение весьма резкое, до которого не доходили другие церковные писатели. По мнению Августина, следовало совсем отрешиться от всяких забот о земном царстве и не обращать внимания на разорение и завоевание Рима.

«Я решился, — говорит он, — совместно изложить историю царства Божия и царства земного, ради большей славы царства Божия, которое в этом контрасте приобретает еще более блеска».

«Прежде чем приступить к истории царства Божия, я должен еще сказать нечто против тех, которые бедствия нашей империи приписывают христианской религии, воспрепятствующей идолослужению». Десять первых книг сочинения посвящены решению этой задачи. Первые две книги обнародованы в 414 году, следующие в 416 году.

«Неблагодарные враги царства Божия, — так начинает он свой труд, — в слепой ненависти к имени Искупителя, забыли недавние Его благодеяния, забыли, что спасением своей жизни и необычайной кротостью варваров, по которой они щадили всех называвшихся христианами и прибежавших под кров христианских храмов, они обязаны имени и действию Христа».

«В самом деле, было ли когда прежде, чтобы завоеватели какого-либо города щадили тех, кто прибегал под защиту языческих храмов? Перед нами история всех древних войн, но она говорит совершенно иное. Она говорит устами Вергилия, что Эней видел Приама, убитого у подножия жертвенников и своей кровью угасившего огонь».

Итак, опустошения, убийства, грабежи населения, пожары, испытанные Римом от готов, были делом всеобщего военного обычая, а то, что готы щадили христиан, христианские храмы и скрывавшихся в них, было сверхъестественным действием милосердия Иисуса Христа и кто этого не признает, тот слеп, глух и неблагодарен. Но при этом Августину представлялись те вопросы, которые могли вызывать у христиан как недоумение. Если спасение римских жителей в храмах христиан было делом милосердия истинного Бога, то почему это милосердие простиралось на нечестивых и неблагодарных? Почему Бог допустил, с другой стороны, чтобы вместе с нечестивыми и добрые люди испытали столько страданий? Почему многие из христиан были подвергнуты пыткам, оставлены без погребения, многие отведены в неволю? Почему многие богатые христиане потеряли имущество?

При разрешении этих вопросов он старается проникнуть в таинственный вопрос о распределении счастья и несчастья на земле и доказать, что с верующими и благочестивыми не случилось такого зла, которое бы не обратилось к их пользе.

«Говорят, что христиане потеряли все, чем владели, но это несправедливо; они не потеряли благ внутреннего человека, который всегда богат перед Богом. Мы имеем чем жить и чем одеться; этого для нас совершенно достаточно. Мы и не хотим богатства. Но некоторые христиане, даже благочестивые, были подвергнуты пыткам, чтобы открыть свои сокровища. Если они решились страдать скорее, чем выдать свое земное имущество, — отвечает Августин, — значит, они не были благочестивы». За что же страдали те истинно благочестивые люди, которые действительно не имели богатства? — вновь раздавался голос сомнения. «За то, — с некоторой натяжкой отвечает св. Отец, — что они, не имея богатства, может быть, желали иметь его». В этом же роде рассматривает далее Августин события современной ему эпохи, толкуя их как настоящие социальные несчастья Царства Земного и вместе с тем как приближение к царству небесному. Но и это сочинение оказалось еще недостаточным и развитие идей Августина продолжал Орозий.⁶² Орозий, родом испанец, из Таррагоны, около 415 года пришел к Августину, чтобы помогать ему; последний отправил его к блаженному Иерониму в Вифлеем, но весной 415 года Орозий возвратился в Африку и здесь по совету Августина в продолжение 416–417 годов занялся составлением обозрения всемирной истории от сотворения мира до современной эпохи (*Historiarum libri*).

Эта история, написанная в виде хроники, особенно важна потому, что сделалась источником для всех Средних веков: многие средневековые писатели черпали впоследствии из Орозия и даже явились его продолжателями.

Он смотрит глазами Августина на разрушение Рима и говорит, что гибель Содомы и Гоморры несравненно важнее, чем завоевание столицы великой всемирной монархии. Упомянув о разрушении и печальной судьбе Вавилонского царства, о низвержении Сарданапала, он сравнивает эти события с судьбою современного ему Рима и находит их аналогичными. Обозрение его кончается 418 годом, когда Валлия (Wallia Gothum) заключил с императором Гонорием мир и готы вступили в союз с римлянами. В своем изложении Орозий желает представить появление варваров на почве империи далеко не столь страшным, как оно казалось его современникам; варвары обрабатывают поля, говорит он, перековали свои мечи на орала (плуги) и возделывают нашу землю. Даже и с нравственной точки зрения поселение их на территории Рима не представляет несчастья, так как варвары во многих отношениях гораздо нравственнее и чище римлян. В особенности же все эти события не покажутся особенно страшными, если сравнить их с ужасными несчастьями давно прошедших языческих времен.

Третий из знаменитых христианских писателей того времени – Сальвиан, родом из Галлии, а именно из Кельна, так как он называет жителей Трира своими соседями. Около 430 г. он был посвящен в пресвитеры Марселя (Виеннская провинция). Сочинение его «De gubernatione Dei» («Об управлении Божиим») написано немного после 439 г., как видно из одного места в VII книге. Тема обозначена в самом начале сочинения:

«Есть такие люди, которые утверждают, что Бог вовсе не заботится о человеческих деяниях и как бы пренебрегает миром, ибо не видно того, чтобы Он охранял добрых и наказывал злых; напротив, в этом веке (жизни) добрые чаще всего бедствуют, а злые наслаждаются блаженством». Для опровержения такой нечестивой мысли, по мнению Сальвиана, достаточно было бы в глазах христианина ссылки на Священное Писание, но так как многие еще не очистились совершенно от завески языческого неверия, то он нашел нужным привести мнения избранных классических философов и мыслителей о Божественном мироправлении. Затем, объяснив, что никакие земные бедствия – ни бедность, ни болезнь – не могут считаться несчастьями для истинного христианина, Сальвиан от частной судьбы отдельных лиц переходит к общему состоянию империи, к ее бедствиям и унижению перед варварами.

«Если Бог любит человека, заботится о нем и управляет миром, то почему, – спрашивает далее Сальвиан, – дошло дело до того, что римляне должны были подчиниться варварам? Почему враги покорили Рим?» Почему это должно было сделаться так? На эти вопросы он отвечает следующим образом: обратимся к нравам и обычаям готов и вандалов; сравним жизнь нашу с жизнью варваров, и мы увидим, что готы и вандалы во многом превосходят нас, христиан. В особенности нравственная сторона жизни варваров кажется ему значительно выше и чище римской.

Первое зло, на которое он указывает в Римской империи, зло совершенно чуждое варварам и обычное в Риме, состоит в страшном вымогательстве податей. Порядок этот тем более ненавистен, что заставляет не всех страдать одинаково; большинство терпит от него, а немногие сильные остаются совершенно свободны от подобных притеснений. Одним словом, это совершенно то же, что говорит Приску грек, проживавший при дворе Аттилы. Сальвиан вину всего этого складывает, впрочем, не на государственную высшую власть, а на куриалов. Он яркими чертами описывает разорение, истощение бедных классов вследствие вымогательных податей и вместе с тем дает по этому поводу любопытные указания. Вследствие этих тяжких притеснений множество людей, даже зажиточного и образованного класса общества, убегают к врагам-варварам. Они, по риторическому выражению Сальвиана, любящего прибегать к антитезам, ищут у варваров римской гуманности, ибо не могут вынести у римлян варварской бесчеловечности: *Quaerentes scilicet apud barbaros Romanam humanitatem, quia apud Romanos barbaram inhumanitatem ferre non possunt* (L. 5. V. § 21). И хотя они отличаются от тех, к которым прибегают, своей одеждой, своими нравами, своим языком, все же они предпочитают жить возле варваров, чем переносить свирепую римскую юстицию. Они убегают не только к варварам, но и к багаудам (*Basaudi, Bagaudae* – восставшие крестьяне). Они предпочитают быть свободными под видом рабства, чем рабами, под видом свободы. Имя Римского гражданина, которое прежде ценилось высоко, теперь составляет несчастье и потому не должно очень обвинять тех, которые убегают к врагам и меняют свое имя на имя варваров. Большая часть Испании и не меньшая Галлии «только и думают теперь о том, как бы перестать быть Римлянами».

Потом Сальвиан переходит к восстанию багаудов: «Ограбленные, утесненные, убиваемые злыми и кровожадными администраторами (*iudices*), они потеряли права римской свободы, а после потеряли и самую честь римского имени. И мы ставим в вину им их несчастье, ставим в вину название, выражающее их несчастье, ставим в вину имя, которое сами создали. И мы называем бунтовщиками, погибшими людьми тех, которых сами толкнули в преступление. Ибо что произвело багаудов, как не наши несправедливости, бесчестье администрации, их разбой и грабежи тех, которые обратили название государственных повинностей в наживу своей собственной корысти, из податных раскладок сделали свою добычу, которые, наподобие хищных животных, стали не управлять людьми, но пожирать их, стали кормиться не только тем, что можно содрать с них, чем обыкновенно довольствуются разбойники, но, так сказать, кровью растерзанных. Отсюда и произошло то, что люди, доведенные до петли, убитые разбоями судей, начали быть как бы варварами, потому что им не позволено было оставаться римлянами; они должны были защищать, по крайней мере, жизнь, так как видели себя совершенно лишенными свободы.

А теперь, разве не делается то же самое, что делалось тогда; разве тот, кто еще не сделался багаудом, не вынуждается к тому, чтобы им сделаться? Что касается насилия и несправедливости, — то их достаточно для того, чтобы принудить их хотеть этого, только их глупость, огру-

белость и потеря всякой силы мешают тому, что они еще не сделались ими. И чего другого могут хотеть бедняки, которые терпят постоянное, даже непрерывное бедствие податных вымогательств, которым всегда грозит тяжкое и беззащитное разорение, которые оставляют свои дома, чтобы не подвергаться пытке в самых домах, ищут ссылки, чтобы уйти от казни? Где и у каких народов, кроме римлян, найдем мы подобное зло? Даже франки не знают, что это за преступление. Гунны чужды подобных злодейств, нечего нет у вандалов и у готов. Не только варвары не терпят подобных мучений у готов, но и сами римляне, живущие между ними, от них изъяты. Оттого у них только одно желание — никогда не воротиться под римское владычество. Да, вся это римская plebs (беднота) просит у Бога только одной милости — возможности провести жизнь между варварами. И мы удивляемся, что готы не побеждены нашими войсками, когда римляне предпочитают стоять на их стороне, а не на нашей.

Вот почему не только наши братья не думают оставить варваров, чтобы перебежать к ним, но бегут из наших провинций, чтобы искать у них убежища. Я удивляюсь, что не все это делают. Причина только та, что они не могут взять с собой своих убогих хижин».

Весьма важно, что Сальвиан разъясняет те зависимые отношения одного класса населения к другому, которые послужили зачатками для развития последующих вассальных отношений. «И вот, так как они не могут того, чего, быть может, желали бы, они делают только то, что могут. Они отдают себя под покровительство людям более сильным (Tradunt se ad tuendum praetegendumque majoribus), делаются подданными (dediticios) богатых и как бы переходят под их суд и подданство. Я не считал бы еще этого чем-либо тяжким и недостойным, напротив, скорее радовался бы этому величию магнатов (potentum), которым отдаются (под защиту) бедные, если бы только они (то есть богатые) не продавали своего покровительства за деньги (si patrocina ista non venderent), если бы их мнимую защиту слабых можно было приписать человеколюбию, а не корыстолюбию. Вот что тяжело и вот что жестоко: под предлогом защиты бедных они их окончательно грабят (ut spolient), под видом защиты несчастных они делают их еще несчастнее. Ибо все те, которые ищут этой мнимой защиты, прежде чем ее получать, должны отказаться в пользу защитников почти от всего своего имущества; таким образом ради того, чтоб отцы имели защиту, дети теряют наследство. Защита отцов приобретается обращением в нищенство дочерей. Вот что такое помощь и патронат сильных (esse quae sunt auxilia et patrocina majorum)» (L. 5. VIII. § 38–40).

«Самое чудовищное, — говорит он далее, — что эти бедняки, отдав свое имущество патрону, должны часто нести и после, как прежде, поземельную подать со всеми ее бедствиями. В отчаянии они спасаются из этой беды тем, что свои земли наконец совсем оставляют и уже не как клиенты, а как колонны (coloni) приходят на латифундии богатых, как от врага спасаются в крепость и от уголовного судьи в убежище (asylum). Но таким образом они теряют вместе со своими именными и свое право свободы (status). И это еще не все — полусвободные превращаются также магнатами в рабов».⁶³ Сочинение Сальвиана Марсельского представ-

ляет весьма важный источник для изучения социального положения низшего класса Римской империи той эпохи. Подробности, приводимые им, выясняют нам и причины восстаний багаудов, о которых было уже сказано выше; восстания эти имеют довольно важное значение, так как повторялись во всех провинциях и везде были вызваны одними и теми же социальными и экономическими условиями жизни. Одинаковую важность имеет и указание Сальвиана на то, что свободные люди отказывались от своей свободы и отдавали свои участки магнатам, могущественным лицам, приобретая за это их защиту, но вместе с тем теряя свою свободу. Кроме того, Сальвиан с особенной резкостью останавливается на зрелищах и цирках, в которых, по его мнению, главным образом выражалось падение и разложение римского общества.

Нет преступления и порока, говорит он, которых бы не заключалось в зрелищах, где величайший род наслаждения представляет то, как умирают люди, или, что еще сильнее и ужаснее, разрываются на части, как чрево животных наполняется человеческим мясом, как съедаются люди к общей радости присутствующих, к великому наслаждению зрителей. Глаза зрителей столько же, сколько и зубы зверей, пожирают жертву. Чтобы это могло делаться, вся вселенная несет издержки, с большим вниманием и старанием ведется и приготавливается дело. Отдаленные страны делаются доступными, непроходимые леса обшариваются по всем направлениям; всюду рассылаются гонцы, и сыщики проникают в плодородные долины Альп, чтобы найти необходимых для этих зрелищ диких зверей (L. 5. V. § 22, 23).

Таким образом, в пятом веке Сальвиан говорит о звериных боях, но, в сущности, это только анахронизм, так как их в это время уже не существовало. Первый эдикт против гладиаторских игр издал Константин в 325 году, по-видимому, для одной провинции – Финикийской, где они еще долго держатся, хотя на Востоке никогда не были часты и так страстно любимы, как на Западе. Важно, что в новом Риме, в Константинополе, их с самого начала не было. В старом Риме они просуществовали до самого окончательного их уничтожения, что совершилось только через 90 лет после торжества христианской церкви.

Но христианская церковь, конечно, никогда не питала к ним сочувствия и не давала одобрения. Между тем лучшие из язычников одобряли: Либаний, Симмах при Феодосии очень хвалил Феодосия, когда он пленных язычников отдал на растерзание зверям; но на Востоке при нем совершенно прекратились цирк и ристания. На Западе преступники присуждались к арене еще и в царствование Гонория. Последний гладиаторский бой в 404 году в честь победы Стилихона – монах Телемах, родом из Азии, бросился на сцену, чтобы различить сражающихся; толпа в ярости закидала его камнями.⁽⁵⁴⁾ Но довольно уже сказано об этом, говорит он далее, тем более что, как говорят в извинение, это не всегда совершается.

В весьма резких выражениях, мало напоминающих классическую благородную латынь, Сальвиан говорит далее о том, что общественные

(54) Но бои со зверями удержались до конца VII в., до Трулльского собора.

торжественные процессии, празднества и т. п. имеют вредное, растлевающее влияние на народ, но театры и цирки особенно вредны для общественной нравственности.

Конечно, он имел некоторые основания говорить с негодованием об этих зрелищах, но быть может до известной степени преувеличивал их опасность и вред. В особенную заслугу он ставит варварам, что у них нет этого, и за это именно Бог, по словам его, несмотря на их ересь, помогает им. Часто случалось, говорит он, что назначали богослужение в христианских храмах Рима и вместе с тем зрелище в цирке. Народ собирался в последнем гораздо охотнее, чем в первом, и даже покидал богослужение и стремился в цирк, если узнавал во время священнодействия о новом зрелище.

«Некоторые, — продолжает он, — скажут, что это делается не везде; правда — но рассмотрим, где это не делается? Это не существует в *Moguntiacum*'е, но потому, что город разрушен и вырезан варварами. Не делается это в Кельне, потому что он наполнен врагами. Не делается в превосходном городе Трире (*Treverogum*), но потому, что четыре раза был разорен и лежал в развалинах. Но делается это во многих городах в Галлии и Испании. Но горе нам и беззакониям нашим!

Италия опустошена столькими нашествиями — прекратились ли пороки Италии?

Рим разорен и уничтожен — прекратились ли богохульства и пороки Рима?

Наконец, чтобы ни одна часть мира не сделалась свободной от гибели, воины стали переплывать по волнам; взяты в плен Сардиния и Корсика, но что же вышло из этого? В то время, когда оружие варваров звучало около Карфагена, христианская церковь этого города предавалась распутству и порокам». Все эти подробности весьма важны в культурном отношении: они показывают нам, что зрелища и цирки процветали в Галлии и даже Африке до V века, но вызвали осуждение христианских писателей. Вместе с тем мы видим, что с нашествием варваров и занятием римских городов все это прекращается.

Перейдем теперь к другому писателю того времени, совершенно отличному от предыдущего. Как мы могли усмотреть из краткой характеристики Сальвиана Марсельского, он охотнее мирился с варварами, чем с распутством и пороками своих современников и соотечественников. Не то можно сказать про уже известного нам Виктора Витенского, который как бы прямо спрашивал Сальвиана: «После разрушения городов наших, после всех бед и несчастий, постигших империю, возможно ли извинять варваров?»⁶⁴

«Те, которые любят варваров, пусть посмотрят на Африку и на поведение там вандалов. Какие бы попытки ни делались к основанию добрых, хороших к ним отношений, хотя бы вы не щадили ни денег, ни слов покорных — они умеют только ненавидеть римлян. Сколько это от них зависит, они стараются низринуть значение римлян; для них было бы всего приятнее, если бы ни одного римлянина не осталось в живых. И если они когда-нибудь дадут пощаду римлянам, то это происходит из своеко-

рыстных побуждений, то есть ради того, чтобы тем лучше их эксплуатировать».

К числу писателей противоположного Сальвиану направления принадлежит знаменитый Сидоний Аполлинарий. Родившийся в Лионе около 430 года Каий Солий Аполлинарий Сидоний происходил от одной из тех богатых галльских фамилий, среди которых сохранились предания римской образованности и культуры. Он получил образование у хороших наставников, уроки поэзии ему давал известный Энний, философии — Евсевий, и ученик этих двух знаменитых учителей сделал большие успехи в общих науках. И вдруг этот галл, ритор и философ, был призван к политической деятельности и к высшим почестям империи, вследствие восшествия его тестя Авита на престол римский. Сидоний, призванный в Рим, должен был публично перед сенатом произнести панегирик императору. Дело это требовало большого красноречия, но он с успехом выполнил его. Немного времени спустя Авит пал, и Сидоний произнес в Лионе панегирик Майориану, но и Майориан сошел со сцены. Сидоний произнес панегирик преемнику его Анфимию в Риме. За это на него сыпались почести; на римском форуме поставили его статую среди величайших поэтов империи; он возведен был в сан патриция и получил звание префекта города Рима.

В то же время он должен был явиться к вестготскому двору для получения следуемой ему доли наследства. С тем же изысканным красноречием, с которым он прежде говорил панегирики императору, Сидоний описывал теперь Бордо и двор короля Евриха.

«Я нахожусь здесь, — пишет он, — вот уже более двух месяцев и только раз видел властителя; он не имеет для меня времени свободного, потому что покорный мир также ждет от него ответа.

Здесь виден саксон с голубыми глазами. Привыкший к морю, он страшится земли. Ножницы не только подстригли его волосы на маковке, они совершенно их срезали и гладко выстриженная голова кажется короче, в то время как лицо стало как бы длиннее.

Здесь старый сигамбр; остриженный после нанесенного поражения, ты закидываешь назад вновь отпущенные пряди волос.

Здесь бродит герул с зеленоватыми щеками, он обитает у крайних пределов Океана, и цвет его лица напоминает морские травы.

Здесь бургунд, ростом в семь футов, беспрестанно преклоняя колена, молит о мире.

Остгот получает новую силу, имея таких покровителей. Он теснит соседних гуннов и гордится там и здесь одержанными победами.

Здесь и ты, римлянин, ищешь спасения: он просит у тебя защиты, Еврих, против орд скифских степей, когда Большая Медведица грозит смутами. Он молит, чтобы Гаронна, сильная пребыванием на ее берегах Марса, защитила ослабевший Рим».

Вскоре, впрочем, этот остроумец, этот оратор и светский человек наскучил почестями, пожинанием лавров в Риме; он обратился к более строгой жизни и сделался епископом Клермонта. Но, несмотря на это, страсть его к литературным занятиям не угасла; во всех сочинениях и переписке тот же язык; на престоле епископском он оставался светским

остроумцем, среди политических и церковных дел не забывал эпиграмм и мадригалов. Григорий Турский таким образом хвалит красноречие Сидония Аполлинария: «В каждую данную минуту, на каждый данный сюжет он мог импровизировать немедленно». Сам Сидоний говорит в своем письме к Перпетую, епископу Турскому, что в продолжение двух страж (6 часов) он продиктовал речь, которую должен был произнести в Бурже перед духовенством и народом. «Я ее продиктовал, Христос тому свидетель, в две стражи одной летней ночи, но я боюсь, чтобы ты, читая ее, не подумал, что я написал ее еще скорее, чем тебя о ней извещаю», — заключает он свое письмо к упомянутому епископу. Приведем как образец начало этой речи.

«Возлюбленные мои, гражданская история повествует, что один философ приучал своих слушателей к терпению, необходимому, чтоб молчать, прежде нежели сообщить им знания, необходимые, чтобы говорить, и что поэтому в продолжение пяти лет все начинающие хранили строгое молчание среди споров своих товарищей, так самые быстрые умы не могли сыскать себе похвал прежде, чем пройдет довольно времени, чтобы их узнать. Что касается до меня, то моя слабость поставлена совсем в другие условия, так как, не прошедши через смиренную обязанность учеников при каком-нибудь праведнике, я принужден взять на себя относительно других обязанность учителя.

Но уже если вам угодно было в своем заблуждении потребовать, чтобы я, немудрый, нашел для вас с помощью Христа епископа, исполненно мудрости, и в особе которого соединились бы всякие великие добродетели, то знайте, что ваши единогласные требования хотя и делают мне большую честь, однако возлагают на меня тяжелое бремя»; и так далее.⁶⁵

Впрочем, по мнению самого автора, речь эта не была пределом его ораторского красноречия; в ней, по собственному выражению его, «нет ораторского разделения, исторических примеров, поэтических образов, грамматических фигур, блесков, коими риторы украшают свои речи» (Письмо к Перпетую). Зато он вознаграждает себя в письмах, где подражает Плинию и Симмаху (и которые он сам собрал и издал по совету друзей). Все послания носят следы самой тщательной обработки. Очевидно, что высшее удовольствие для Сидония — бороться, состязаться со своими друзьями в остроумии (*esprit*), изысканности, утонченности. Он любит преодолевать трудности, пускаться в описание до последних мелочей жизни варваров и римлян, как мы уже видели из вышеприведенного описания двора Евриха. Но верх самодовольствия, когда он считает себя достигнувшим верха литературной славы — если ему удастся включить несколько импровизированных стихов в фамильярное, дружеское письмо. Так, он рассказывает, что однажды во время путешествия должен был перейти через ручей, но не нашел брода и по этому поводу импровизировал следующее двустишие:

«*Praecipiti modo quod decurrit tramite flumen*
Крутою тропинкою быстро сберает река
Tempore consumptum iam cito deficiet
И, истребленная временем, скоро спадает».

Несколько более грации и изящества в стихотворении, которое он сочинил как надпись на металлическую чашу, предназначенную в подарок жене Евриха Рахнагильде. Чаша имела вид морской раковины, и Сидоний в своем стихотворении говорит:

«Та раковина, в которой Тритоны носили
Афродиту, не столь прекрасна, как эта
чаша. Склони же перед ней, королева, свое
прелестное лицо; чаша от этого станет
еще более блестящей».

Особенно любопытно то, что эти стихотворения можно читать с конца, и они сохраняют свой размер и не потеряют смысл. По изяществу языка, по грациозным сравнениям это небольшое стихотворение может выдержать сравнение с каким угодно мадригалом, принадлежащим *bel esprit* (остроумие) XVII века.

Любопытным памятником, служащим нам для пояснения образа жизни тогдашнего духовенства, его времяпрепровождения, в котором элемент светский сливался с духовным и мирился с ним, может служить письмо Сидония к другу его Эрифую. У гробницы св. Юста, епископа Лионского IV века, в промежутке между двумя церковными службами – утреней и обедней, – они занимаются игрой в мяч, разделившись на партии, игрой в кости, импровизацией стихов и т. п.⁶⁶

Но скоро и в другом отношении Аполлинарию Сидонию удалось выказать свой талант. Епископство Клермонтское, находившееся на границе двух варварских миров – Бургундского, простиравшего с востока свои завоевания к Оверни, и Вестготского, часто подвергалось нападениям. Клермонтскому епископу пришлось еще ближе познакомиться с варварами, к которым он чувствовал отвращение и ненависть, соединенные со страхом. Это чувство происходило столько же из аристократической гордости родовитого галло-римлянина, сколько из сознания своего умственного превосходства; но более всего оскорбляла Сидония грубость нравов и привычек германских варваров. Человеку, возросшему среди изысканного и утонченного образа жизни высшего круга, бургунды и готы, явившиеся в Галлию, казались дикарями, каждый поступок которых неприятно действовал на его избалованные нервы. Это враждебное чувство было тем сильнее, чем значительнее становилась роль варваров в судьбах Римской империи. Вот отрывок из его стихотворения, которое он написал другу своему после взятия Лиона:

«Как, ты требуешь, чтобы я сложил стих в честь фесценинской Дианы, я, среди толпы косматых варваров и выноса звуки германского наречия, я, принужденный с приятной улыбкой расхваливать песни, которые поет обывающий бургунд, намазывая волосы тухлым маслом. Хочешь, я скажу тебе, отчего невозможна моя поэма? Моя муза отвергла шестистопный стих с тех пор, как видит семистопных патронов (то есть ростом в 7 футов). Счастливы глаза твои и уши, я скажу даже: счастливо твое обоняние: десять бургундов не оскорбляют его каждое утро отрыжкой лука и проклятого чеснока. Гиганты, которых едва поместит кухня Алкиноя, не ломаются на самом рассвете к тебе в комнату, как будто ты дрях-

лый родственник их отца или муж их кормилицы. Но уже моя муза замолкла, пошалив этими немногими эндекасиллабами, она боится, что их сочтут за сатиру». Еще хуже было его положение со стороны вестготов, от стремления которых овладеть Овернью он должен был защищать свою епархию. Мы уже знаем, что многие епископы становились впереди войска и защищали города свои от нападений варваров. Таковым является нам в этот новый период своей жизни и Сидоний Аполлинарий. Много пришлось ему перенести лишений и трудности, тем более что в осажденном городе начался голод. Несколько раз отправлял он посольство в Рим, наконец ответ пришел, но совершенно не такой, как ожидал епископ. Клермонт, защищавшийся так долго и упорно, вместе со всей Овернью был уступлен готам с условием, что они прекратят неприязненные действия и не будут вести войну с другими провинциями. По этому случаю Сидоний пишет языком менее изысканным и риторическим, но вместе с тем более сильным и задушевым: «Таково теперь положение этого несчастного клочка земли, что он менее пострадал от войны, чем от мира. Наше рабство сделалось ценой спокойствия других; о, горе царству Аравернов, которые, если обратиться к их прошлому, осмеливались именовать себя братьями римлян и считаются между народами происшедшими от крови Илиона. Если мы обратимся к их настоящей славе, то увидим, что они своими собственными силами отвратили оружие неприятеля: они за своими стенами не устрашились приступа готов и вселили ужас в полчища варваров. Итак, вот что заслужили мы после голода, пламени, железа, заразы, варварских мечей... Вот славный мир, ради которого мы питались травой, вырванной из расщелин стен...»

В этот период деятельности Сидоний Аполлинарий является перед нами в более высоком и серьезном образе, чем в других случаях. Вообще, его личность является весьма интересной для истории. Среди варваров этот замечательный человек сохранил предания древней классической культуры, образованности, науки. Разумеется, он был не единственным, при варварских дворах можно было найти многих знатных и образованных римлян, занимавших видные места у германских консулов. Из числа их припомним Авита Вьеннского, также оставившего свои сочинения.

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ОСТГОТСКОЙ И ЛАНГОБАРДСКОЙ ИТАЛИИ

Нам необходимо будет сказать несколько слов про Италию при остготам и лангобардах. Таким образом мы дойдем до возвышения королевства франков, которым досталось выполнить задачу объединения варварского элемента — объединения, окончившегося восстановлением Римской империи Карлом Великим в 800 году.

Власть Одоакра, виновника переворота 476 г., не могла быть прочна, так как он опирался на не компактную массу варваров, поселившихся, как уже известно, в различных местах Италии. После раздела земель между варварскими легионами сплошная масса их сделалась еще мень-

ше. Римское население мало сочувствовало и трудно примирялось с поселением среди их земель презираемых варваров. Даже сам император Восточной Римской империи (Византии) не был доволен Одоакром, и вскоре последовал разрыв как между варварским и римским населением Италии, так и между представителями власти – Одоакром и императором византийским. Италия скоро досталась новому варварскому племени – остготам: той части готов, которая после переселения из степей южной России имела пребывание в области Дуная; в V веке они даже перешли на юг от Дуная, кочевали в Мезии и своими набегами причиняли много хлопот Византии. Во главе их в разбираемое нами время стоял человек, прославленный и историей, и народной силой, – Теодорих, получивший воспитание и образование в Константинополе. Явившись здесь первоначально как заложник, он пробыл довольно долгое время в роскошной столице Восточной империи, познакомился с римской образованностью, блеском роскоши, цирками, театрами, изучил греческий язык – и можно было надеяться, что он не будет содействовать уничтожению римской культуры и разрушению античной цивилизации. Возвратившись к своему народу, он был то в дружбе, то во вражде с Византией, но в поход против Италии отправился с согласия и даже совета императора Зенона. Таким образом, Италия, по-видимому совершенно легально передавалась во власть нового наместника. Начался поход в 488 г. с войском числом приблизительно 250 тысяч. Борьба Теодориха с Одоакром всем известна. Несколько лет, благодаря крепкой Равенне, защищался последний; наконец, в 493 году борьба окончилась поражением Одоакра. Между двумя варварами заключен был мирный договор, но, как известно, Теодорих не выполнил условия: Одоакр был убит, и конунг остготский остался единственным властителем Италии.

Рассмотрим теперь, в какие отношения стал новый победитель к местному римскому населению и к императорской власти в Византии. По отношению к населению положение его было довольно выгодно. Он не должен был отнимать землю у римлян для раздачи ее своим единомышленникам, так как прежде жившие в Италии германцы получили уже свои наделы от Одоакра; между остготами были разделены участки мелких варварских племен герулов, сциров и других.

Таким образом, отношения его к римскому населению Италии с первого раза принимают мягкий, миролюбивый характер.

Что касается до отношений его к Византии, то они были фальшивыми, основанными на страхе, хитрости и недоверии. Формальным образом Теодорих всегда высказывал почтительную покорность Византии и императору, большей частью держал с ними мир и на деле, сохраняя официальный характер наместника Западной Римской империи в Италии. Все это выражалось и в некоторых частных явлениях. Так, например, он никогда не чеканил автономной золотой монеты, так что от его времени до нас дошли лишь серебряные монеты, но и на них только на реверсе изображена монограмма Теодориха. С формальной точки зрения, в теории, империя, следовательно, не переставала существовать. Но практика не вполне сходилась с теорией.

Опираясь на большую народную массу, Теодорих имел вследствие этого и большую силу. Наместник империи, он был вместе с тем полноправным королем своих многочисленных остготов.⁽⁵⁵⁾ Свои собственные существенные интересы он защищал с оружием в руках, так что иногда готы вступали в борьбу с империей, и хотя Византия и была склонна считать остготов своим наемным войском, однако же сила вещей заставляла ее считать войну войной, а не простым бунтом. Так, когда император Анастасий хотел расширить свою власть на восточных границах владений Теодориха, то остготский король, с сохранением всякой учтивости в письменных сношениях, противопоставил ему свое войско. Точно так же было и в деле Мунда, выдававшего себя за потомка Аттилы и принявшего титул короля, хотя это был скорее предводитель большой разбойничьей шайки. Когда он был вытеснен императорскими войсками, то полководец Теодориха объявил его союзником своего короля, и когда Византия не обратила на это внимания, то Теодорих разбил войска ее вместе с их болгарскими⁽⁵⁶⁾ союзниками. Таким образом, поддерживаемый национальной силой своих остготов, он всегда мог защитить сам себя. И в другом отношении положение его было весьма выгодно: под его властью находилась вся Италия. В противоположность другим варварам (вестготам, бургундам), селившимся где им было указано, случайно, без выбора, Теодорих завладел всей территорией полуострова; он правил в Ломбардии, Норике, Реции, Тироле. Таким образом он имел возможность поддерживать отношения с внутренним варварским миром, начинавшимся за Дунаем, и это является также элементом для защиты от силы франков. Теодорих пользовался своим особенным положением и оберегал его.

Благодаря географической близости к варварскому миру собственно Германии, он понял и постоянно преследовал одну цель: объединение германского элемента с римским, проведение среди германцев культуры Рима и подчинение варваров.

Эта сторона его деятельности особенно важна и интересна для нас. Политика его имела вообще мирный характер – и в отношении к Византии, и в отношении к другим соседям Теодориху удалось путем мира, славой своей мудрости и своей силы приобрести некоторого рода нравственный протекторат над всеми значительными германскими племенами. Влиятельные и отдаленные германские конунги вступают с ним в дружеские связи, признают за ним некоторое право посредничества и суда. Теодорих ревностно старался скрепить эти связи родственными союзами, путем усыновлений, почетных посольств и щедрых подарков. Завоеванный он не имел в виду, и изрыгающий пламень Дитрих Веронский (таким рисует его народная сага) был, в сущности, весьма мирный король; Теодорих, очевидно, сознавал общность интересов всех германских государств того времени и постоянно старался поддерживать между всеми мир.

(55) По сведениям Dahn'a число остготов, способных носить оружие, равнялось 250 000, число их было, следовательно, довольно велико.

(56) В это время болгары первый раз появляются в Европе.

Цель его при этом была одна – распространение благодетней мира правого порядка и культуры, благородных преданий римской образованности. Он и его готы должны стать посредниками при передаче античного образования единоплеменникам-варварам соответственно тому среднему положению, которое остготское государство занимало между империей и германским миром.

Взгляд этот постоянно выражается в политической переписке Теодориха, сохранившейся у Кассиодора. Последний был знатный римлянин, подобно многим своим соотечественникам, находившийся при дворе остготского короля; он занимал здесь нечто вроде должности нашего министра и государственного секретаря. Теодорих диктовал ему обыкновенно все свои письма и распоряжения. Кассиодор впоследствии собрал все это и издал сборник под именем «*Variae*» (*Epistolae*), весьма драгоценный для знакомства с характером и идеями Теодориха.

Впрочем, здесь необходима оговорка. Пользуясь для характеристики остготского короля разными местами из сборника Кассиодора, нельзя забывать, что тут мы имеем дело не прямо с королем, читаем не то, что он продиктовал, а то, что написал его министр, при том не простой министр, а еще и литератор, вышедший из риторической школы и находивший большое удовольствие, кстати и не кстати, выставлять на вид свое риторическое искусство и школьную мудрость. Но все это касается больше формы и изложения, а не самого духа официальных актов, выражавших, конечно, намерения короля. Судя по этим документам, в готском государстве с гордостью сознавали свою противоположность с грубыми королями других варваров, которых приходилось поучать праву и справедливости.

Теодорих говорит об одном из своих послов: «Ты противостоял королям, как равноправный им противник; посланный нами, ты показал нашу справедливость даже и тем, которые в грубом упорстве едва ли могли понимать какие-либо разумные внушения. Не устранило тебя королевское достоинство, которое от противоречия возгорается гневом; ты покорил их дерзость истине, заставил преклониться перед требованиями истины и потряс их сознание до того, что они последовали велениям нашим».

Посылая свою племянницу как невесту тюрингенскому конунгу, Теодорих выражает пожелание: «Пусть она познакомит ваш народ с лучшим образом жизни. Счастливая Тюрингия будет обладать девицей, которую воспитала далекая Италия во всякой науке и добрых правилах».

При посылке часов водяных или песочных Гундобальду Бургундскому Теодорих пишет: «Пусть он имеет у себя дома то, что некогда видел в Риме. Под его властью Бургундия должна познакомиться с самыми редкими чудесами искусства и научиться ценить изобретение древних». «При содействии своего короля бургундский народ пусть отложит варварский обычай. То, что для нас, готов, ежедневность, пусть бургунды считают за чудо». Таким образом, готы противопоставляются остальным варварам, даже бургундам, в силу своего знакомства с культурой Рима. Хлодвигу Франкскому он отправляет какого-то певца (*citharæodum*) и говорит о Бозии, который должен был исполнить это поручение: «Пусть Бозий будет Орфеем и своими сладкими песнями смягчит грубый дух

варваров». Слова особенно замечательные, потому что исходят от варвара же.

Особенно хвалится Теодорих тем, что он распространяет везде, даже среди чуждых племен, мир и господство закона, римскую дисциплину, так что входит в обычай решать каждый спор и ссору не силой оружия – поединком, как у варваров, но путем права, разума. «Мы смягчаем нравы чуждых народов, подчиняя их закону. Союз с Италией означает признание римского права: *Exteriorum gentium mores sub lege moderantur, juri Romano servit quisquis sociatur Italiae*».

Он выставляет свою гордость в том, что он – питомец античной государственной практики и управляет государством подобно римскому императору, а не как варварские короли, заставляет решать спор и ссору не как варвары – частной войной, самопомощью, но по закону и праву.

Это самая существенная основа его правительственной системы – забота о мире и об усмирении всякого раздора: пусть тяжба решается лучше словесным состязанием, а не оружием. При антипатии римлян и готов, которая легко могла раздуть всякое частное столкновение в опасное смятение, при трудности обуздывать готов и старые их привычки задача сохранения мира и порядка была столь же важна, сколь и затруднительна.

Обращаясь к своим варварским (не готам) подданным в Паннонии, он говорит: «Зачем вы прибегаете к единоборству, когда у вас есть судьи, недоступные для подкупа? Где же можно искать мира, когда допускаются бои и под властью самой гражданственности? Подражайте нашим готам, которые на войне сохраняют мужество, дома – послушание закону». В Италии ему приходилось делать римлянам другие заявления: «Отбросьте чуждые обычаи, не усваивайте себе дурных пороков, которые, как видите, даже и другими варварами отбрасываются».

Зато, с другой стороны, он считал себя вправе хвалиться своими готами: «Среди извращенных обычаев варварских народов они обнаруживают свою любовь к справедливости и закону и заслужили двойную славу тем, что усвоили римскую разумность (*prudentiam*) и сохранили первоначальную доблесть (*virtutem gentium*)».

Такое господство порядка, при котором они живут, подчиняясь закону и суду, есть *civilitas* – виновник и защитник государства правды, образования и разума. Поддерживая свое значение, утверждая свое влияние среди варваров, Теодорих, особенно во имя этой *civilitas*, под своим нравственным протекторатом старался объединить Германию, приводя ее вместе с тем в связь с очагом цивилизации – Римом. Но осуществление этой задачи выпало не на его долю; оно досталось людям гораздо более материалистическим, более грубым, не обладавшим вовсе тем идеализмом, который был присущ знаменитому королю остготов.

Много препятствий встречал Теодорих на своем пути. Готы, вооруженные защитники римского общества, несмотря на все проповеди короля, вели себя весьма часто как волки, которым поручено было охранять стадо. Не довольствуясь своими третями, королевскими пожалованиями и дарами, они захватывают оставшиеся у римлян земли, отбиваются от налогов, которые с тем большей тяжестью падают на бедных и бессиль-

ных. И римское население неспокойно: королю приходится напоминать ему, что восстания и волнения не идут к римской солидности (*gravitas*); а еще хуже то, что римские чиновники государя пользуются своей властью на зло, а не на благо подчиненным; мы постоянно читаем о вымогательстве, насилии, казнокрадстве. Независимо от всяких племенных различий, на всех концах государства слышатся жалобы на людей сильных. Местные судьи, чиновники не в состоянии добиться повиновения и исполнения своих приказаний; постоянно приходится искать помощи графа, весьма часто помочь может только король. Вообще положение Теодориха в борьбе с этими тысячами мелких сопротивлений было весьма тяжелым. Никто, в частности, не мог соперничать с ним; все вместе не старались соединиться, чтобы ограничить его волю; но все врозь делали то, что король ненавидел и запрещал.⁽⁵⁷⁾ Но главным препятствием его заветным стремлениям является уже известный нам религиозный антагонизм готов-ариан и католиков-римлян. Теодорих, желавший быть посредником между античной культурой и варварским миром, сам не мог долго оставаться в мире с религиозно противоположным римским населением. Опять дело Ульфила, в сущности благодетельное, оказывалось помехой еще более великому делу – слиянию двух враждебных друг другу миров. Пока на византийском престоле сидели также не правверные императоры, Рим пассивно подчинялся ариану Теодориху. Но вот совершается династический переворот, на престоле династия Юстина–Юстиниана, ревностных последователей Никейского исповедания, и переворот этот сразу чувствуется в Италии. И Теодорих, подозревавший в измене своих приближенных, быть может, не всегда был прав; быть может, сносясь с Византией, они и не мыслили об измене, а просто невольно были привлекаемы туда религиозными симпатиями. Как бы то ни было, но эти сношения их с Восточной империей сделали Теодориха подозрительным; недоверие и подозрения его привели к гибели лучших друзей и советников ослепленного короля – Боэция, Симмаха и других. Теодорих не дождал до столкновения, оно было решено его преемниками. Плоды трудов Теодориха на ниве образования и цивилизации выразились в весьма оградных литературных явлениях среди самих готов.

Не говоря уже о Симмахе, Боэции, Кассиодоре – римлянах, живших при дворе остготского короля, является у них писатель, варвар по происхождению, причисляющий себя к готскому народу и происходивший из знатной фамилии, родственной с королевским родом Амалов: Иордан или Иорнанд, сочинение которого («*De Getarum origine et rebus gestis*») служит главным источником по истории готов. В настоящее время его исторический талант и способности не пользуются особенным уважением; он весьма неудовлетворительно писал по латыни, а по-гречески почти вовсе не умел и в своей готской истории, в сущности, пользовался сочинением знаменитого Кассиодора, не дошедшим до нас. Историю готов

⁽⁵⁷⁾ См.: П. Виноградов. «Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии». Также при изучении остготского и лангобардского периодов истории Италии полезными пособиями могут служить сочинения П. Кудрявцева «Судьбы Италии», Т. Грановского «Италия под владычеством остготов, лангобардов и фран-

Кассиодор написал с особой тенденцией. Нужно было сгладить расстояние между сильным, крепким, но все еще варварским в глазах римлян готским народом и римлянами, гордыми своим образованием и своей историей. Эта руководящая мысль политической деятельности Кассиодора нашла выражение и в его сочинении. Этой цели послужила его ученость: что готы и древние геты, упоминаемые в древней греческой истории, представляют один и тот же народ – было ходячее мнение; но никто еще не пытался объяснить связь и родословную, то есть как от гетов произошли готы. Кассиодор это сделал: он связал исторические предания готов, содержание их песен с теми сведениями о гетах, которые он нашел в сочинениях греков и римлян, а так как геты наравне с готами назывались у последних нередко скифами, то он привлек к делу всю историю скифов и даже амазонок превратил в готских женщин. Готы, таким образом, являются на сцену истории весьма древним народом, как и их королевский род – Амалы. Древность готов и их предполагаемое родство с гетами должны были несколько примирить римлян с горечью их настоящего положения: над ними властвовали не какие-нибудь варвары, а очень благородные потомки древнего и славного имени. Из сочинения Кассиодора делал извлечения и Иордан; по некоторым указаниям видно, что книга была дана ему на время и он торопливо и часто небрежно выписывал из нее; сам написал начало и конец, прибавил кое-какие новые извлечения из греческих и латинских историков. Руководящая мысль, однако, принадлежит самому Иордану.

Он весьма интересен для нас со стороны собственных взглядов. Живя во время борьбы готов с Византией, он, как это ясно высказывается в сочинении, отдал все свои симпатии Византии. По его собственному выражению, он писал не для того, чтобы возвысить славу готов, а славу победителя (Юстиниана). По-видимому, его можно было бы заподозрить в недостатке патриотизма, но это заключение было бы чересчур поспешно. Чувства его к Византии были те же, которые мы замечали и у короля Теодориха. Идея Римской империи, столь живая, столь присущая даже варварам, заставляла даже и писателя их отдавать должную честь Византии как представительнице ее. И эта двойственность – патриотизм и уважение к империи – нисколько не мешала Иордану с теплотой и одушевлением говорить о храбрых и доблестных подвигах своих соотечественников. Борьба остготов с Византией известна уже из общего курса истории. Юстиниан, император Римской Восточной империи, не довольствуясь номинальной властью на Западе и желая восстановить там свое фактическое господство, начал борьбу с вандалами; во время этой борьбы, происходившей в Африке, поведение Италии возбудило неудовольствие Византии, и во время царствования Амалазунты остготской (матери малолетнего Аталариха, внука Теодориха) возгорелась кровопролитная война.

Около 30 лет (с небольшими перерывами) велась эта война – упорная, ожесточенная, беспощадная; в борьбе с войсками Византии, предводительствуемыми величайшими полководцами Велизарием и впоследствии Нарзесом, была, наконец, сломлена сила героической защищавшихся готов. Они были побеждены, или, лучше сказать, уничтожены теми им-

ператорскими войсками, которые составлены были из различных народностей: славяне, гепиды и лангобарды и другие – вот контингент войск, возвративших Запад под фактическую власть римского императора. Италия перешла под управление экзарха, имевшего свою резиденцию в Равенне; первым экзархом назначен победитель – Нарзес.

Но Италия, впрочем, недолго оставалась под властью римского императора: ее постигла новая участь, новое варварское нападение. Как бы в возмездие за старую политику Рима, которая, не зная усталости, переносила власть свою от одного народа на другой, Италии тоже суждено было в продолжение очень длинного периода переходить из одних рук в другие. С 568 года Италия находится под властью лангобардов.

Лангобарды, продвигаясь по Эльбе, достигли Паннонии и здесь имели постоянные сношения с византийскими императорами, которые пользовались их помощью в борьбе против враждебных империи соседей. Живя еще в Венгрии, лангобарды истребили гепидов, сталкивались с аварами и вообще вели многочисленные войны. Вследствие своих связей с Византией они ходили и в Италию, служили союзниками в армии Велизария и Нарзеса и с первого раза показали себя здесь грубыми, жестокими, свирепыми варварами.

В 568 году они являются в Италию уже как самостоятельные завоеватели под предводительством короля Альбина, устроившего у них еще на Дунае сильную центральную власть. Византийские войска, с которыми им пришлось бороться, скоро были побеждены; лангобарды овладели верхней Италией до реки По и здесь, встретив сопротивление у Павии, на три года были задержаны. В продолжение этого времени они разорили подчиненную ими страну и прочно уселись в ней. В то же время отдельные толпы лангобардов двигались внутрь страны и еще при жизни Альбина завоевали область на юге, которая впоследствии составляла герцогство Беневентское. После взятия Павии сам Альбин еще успел взять часть северной и средней Италии, но, несмотря на продолжавшиеся отдельные движения лангобардов по полуострову, им все же не удалось захватить всей Италии, как это сделали остготы. Во власти их остались: Венеция, укрепленная Равенна с Пентаполисом, пространство земли от Равенны до Анконы, лигурийский берег (Лигурия, Генуя), территории Рима и Неаполя, Апулия и Калабрия (южная часть полуострова). Кроме того, под властью империи была Перуджа – крепость, служившая соединительным пунктом между Равенной и Римом. В последующее время владения лангобардов занимали преимущественно центр и протягивались узкой полосой земли, что, как увидим ниже, имело особое значение для судьбы Рима и Равенны.

Отметим здесь отличительную черту лангобардского завоевания – жестокость и свирепость. Ариане, даже частью язычники, поклоняющиеся Одину и другим германским богам, лангобарды по характеру своего завоевания были сходны с саксами. Вместе с ними пришел даже (по достоверным сведениям) союзный отряд в 20 000 саксов – из тех, конечно, саксов, которые остались на материке после вторжения своих родичей в Британию. Язычники саксы и язычники лангобарды, очевидно, вовсе не были расположены шадить римскую культуру, храмы и монастыри, явив-

шиеся в то время главными рассадниками просвещения. При образовании герцогства Беневентского они истребили множество монастырей бенедиктинского ордена, и сама митрополия всех монастырей – Монте-Кассино был разрушен. Множество епископских кафедр было уничтожено; поэтому-то при приближении лангобардов многие епископы оставляли свою паству и спасались бегством в другие города от неистовства варваров; архиепископ миланский Гонорат, оставив свою паству, бежал в Геную. Все это объясняется религиозной разобщенностью ариан-лангобардов и католиков-римлян, той же преградой, которую везде ставило варварам их вероисповедание. Кроме того, припомним еще, что лангобарды, в противоположность другим варварам, явились в Италию без всякого знакомства с римской культурой. Остготы, жившие в Паннонии и Мезии, вестготы, бургунды и другие варвары ранее своих наступательных действий приходили в столкновение с цивилизацией Римской империи. Лангобарды явились в Италию «свежие», дикие, не тронутые римским влиянием, не проникнутые идеей величия «вечного города», поэтому завоевание их имело более разрушительный характер.

Альбин Лангобардский умер в 572 году; ему наследовал (по избранию) Клеф (Clept), царствовавший только полтора года; потом идет интересная попытка бескорольева: вместо того чтобы избрать одного верховного властителя, они поручили власть нескольким герцогам.⁽⁵⁸⁾ Но опасность, которая грозила им вновь со стороны византийского императора Маврикия и его союзников франков, снова заставила их прибегнуть к централизации власти, и королем был избран Аутари, царствовавший в 584–590 гг.

Перейдем теперь к вопросу о том, как поставили себя лангобарды по отношению к покоренному ими местному населению Италии.

Мы уже видели, что характер завоевания отличает жестокость; рассмотрим теперь их отношения к римлянам, постараемся разоборать, оставили ли они прежнее управление, законы и к какому сословию были причислены завоеванные. Вопрос этот по отношению к лангобардам имеет особую важность и вместе с тем многие трудности. Необходимо прежде всего исследовать, признали ли лангобарды личность права или территориальность его. Один германский ученый (Савиньи)⁶⁷ на лангобардах доказывал непрерывность существования римского права во все время империи. Но если существовало это право, то кем же оно применялось, кто судил в это время? Если были римские законы и римские граждане, то, следовательно, были и муниципии как место суда. Доказав в положительном смысле непрерывное существование этих муниципий, мы этим самым подтвердили бы теорию тех ученых, которые коммунальное движение городов в Средние века приводят в связь с преданиями муниципального Рима. До сих пор еще ученые, впрочем, не пришли к окончательному разрешению этого спорного вопроса. Существуют три школы, мнения которых совершенно расходятся. Для одних ученых⁽⁵⁹⁾ завоевание

⁽⁵⁸⁾ Всех их было 36. Павел Диакон для равного счета говорит, что их было 30 и даже называет их 30-ю тиранами.

⁽⁵⁹⁾ Более других ученых – Ф. Савиньи.

569 года мало произвело изменений в Италии, оставило за ней римский характер, оставило римскому населению свободу, большую часть собственности и самостоятельное право, даже не разрушило римских муниципальных учреждений, одним словом, изменило оболочку, не тронул зерна. Эта школа, таким образом, признает отдельное существование лангобардов и римлян.

Для других⁽⁶⁰⁾ суровое, беспощадное лангобардское завоевание может быть сопоставлено по своим последствиям только с завоеванием англосаксов, так как привело к полному порабощению туземного населения. Завоеватели не только не оставили римского права и порядка, но обратили население в полурабское податное состояние. На всей территории Западной Римской империи началось господство германского права, которому должны были подчиняться и римляне.⁶⁸ Согласно с этой теорией позднейшее коммунальное движение не имело никакой связи с древними римскими учреждениями.

Третьи,⁽⁶¹⁾ наконец, отыскивали средние положения между этими противоположными мнениями, считая, что сохранилась личная свобода римлян, хотя и признали разрушение римских учреждений. Теория эта, впрочем, не имеет особого научного значения.⁽⁶²⁾

Чтобы несколько уяснить себе спорный вопрос, обратимся к Павлу Диакону, который два раза упоминает об отношениях победителей лангобардов к побежденным. В первый раз он говорит об этом, описывая события после убийства Клефа (574). При герцогах, захвативших тогда власть, многие знатные римляне были убиты из корысти, остальные же разделены были между гостями так, чтобы они платили одну треть своих плодов лангобардам, и таким образом они сделаны были их трибутариями (tributarii). После десяти лет господства герцогов королевская власть была восстановлена с воцарением Аутари, а поселения и земельные отношения подверглись новому изменению. Павел Диакон говорит по этому поводу: «Ради восстановления королевской власти герцоги, которые тогда были, половину своих имуществ передали для королевского употребления, чтобы король имел средства, откуда бы мог кормить себя и тех, которые к нему были привязаны и состояли в отношении к нему в служебном подчинении по разным должностям. А население покоренное зависимое распределено было между лангобардскими пришельцами» (Pauli Diaconi Hist. Lang. L. II, 32; L. III, 16).

Устранив разного рода искусственные и натянутые толкования и приняв за исходную точку объяснения тесную связь между обоими приведенными местами, мы можем остановиться на следующем заключении одного из новейших исследователей этого вопроса, русского молодого ученого г. Виноградова: «Несомненно, — говорит он, — что в обоих случаях дело идет не о случайных захватах и не о местных мерах, а о правиль-

⁽⁶⁰⁾ Leo. «Geschichte von Italien» и Hegel «Geschichte...».

⁽⁶¹⁾ Schupfe и Bethmann-Hollweg.

⁽⁶²⁾ Взгляды эти отразились и в русской исторической литературе. П. Кудрявцев в вышеупомянутом сочинении высказывается в пользу второй теории. Т. Грановский отдавал предпочтение мнению Савиньи.

ной процедуре, касавшейся всего римского населения, имевшего земельную собственность».

Правда, в более подробном отрывке Павел Диакон говорит как будто только о знатных людях (*nobiles*), но, упоминая об остальных, подвергшихся разделу, он показывает, что имел в виду определенный класс; такого рода высший класс с определенными и существенными признаками составляли как раз землевладельцы, так как их было и не особенно много и они играли самую видную и ответственную роль в римском обществе. Раздел, направленный против землевладельцев, непосредственно затрагивал и все остальное население, зависевшее от землевладельцев. О судьбе купцов и ремесленников, а также движимого имущества Павел Диакон умалчивает, и мы не знаем, касались ли их сколько-нибудь мероприятия герцогов и Аутари или нет. Во-вторых, несомненно, что в раздел попадала не прямо собственность римлян, а они сами. Таков общий смысл обоих отрывков.

Затем являются недоумения и вопросы: если оба раза раздел совершался на одинаковых основаниях, если второе описание, по своей краткости, как бы указывает для разъяснения на первое, более полное, то зачем вообще понадобился второй раздел? Он был вызван не введением в дело нового принципа, о котором не сказано ни слова, а фактически пересмотром имущественных прав. Каким было личное положение римлян и как была велика их зависимость от лангобардов? Именно на этот особенно важный вопрос наши два летописных отрывка не дают вполне ясного ответа. На основании их можно сказать только, что римляне не были обращены в рабство, потому что тогда лангобарды были бы названы не «*hospites*», а господами, «*domini*», что, с другой стороны, римляне не сохранили полной свободы, потому что летописец не употребил бы относительно их выражение «*tributarii efficiuntur*». Между тем от определения характера зависимости римлян зависит весьма многое: с ним связано суждение об общем гражданском положении завоеванных, о судьбе их права и учреждений.

За неясностью прямых свидетельств необходимо обратиться к косвенным и позднейшим. Внимание при этом должно, естественно, обратиться на два ряда фактов: на быт зависимых людей различного рода, где могли сохраниться следы происхождения самого класса; на быт римлян, упоминаемых в позднейших свидетельствах, где также могли сохраниться следы их зависимости.

Все почти исследователи признают, что образование класса так называемых *tertiatores* — объясняется подчинением римского населения в промежуточной области между герцогством Беневентским и Неаполем. Равносильно с ним употребляется название *hospites*; у Павла Диакона им обозначены завоеватели; оно всегда имеет двойное обозначение: указывает и на гостя, и на хозяина; и на собственника, и на помещенных у него солдат, потому что должно было выразить именно взаимность отношений. Права лангобардских и неаполитанских владельцев, которым служил терциатор, основаны не на принципе частной собственности, а на праве всего герцогства лангобардов (беневентских, конечно) и всего войска или государства неаполитанцев. Самые владения называются

«третьими» совершенно так же, как готские наделы, вышедшие из завоевания. Нетрудно также объяснить себе, почему именно в этом уголке Италии особенно ясно сохранились следы порядков лангобардского завоевания.

Оно встретилось тут с силой Неаполитанского герцогства и не в состоянии было вполне справиться с ней; при окончательной организации так называемой Лигурии пришлось допустить в долю неаполитанцев и затем постоянно поддерживать сложившиеся отношения с помощью трактатов и международных договоров.

Присутствие нескольких заинтересованных и договорное скрепление их прав должно было особенно содействовать выяснению и поддержанию порядков, установившихся при завоевании. В каком же положении находятся эти терциаторы, в которых мы вправе предполагать остатки сословия римских собственников? В VIII века это не более как оброчные крестьяне *cerviles homines*, *messarii*, которые служат своим неаполитанским лангобардским господам. Но что существенно важно, что отделяет их вполне от рабов и колонов и особенно говорит в пользу происхождения от готских собственников — они не прикреплены к участкам. Параграф 12 в договоре Арихиса показывает, что терциаторы сохраняли свою личную свободу и могли в случае притеснения идти куда глаза глядят. Конечно, фактически они были крепко связаны с землей, которая давала им пропитание; едва ли они имели право уносить с собой что-либо, а потому на практике должны были довольствоваться своим раз сложившимся положением, но юридически они прикреплены не были (Виноградов. Происхождение феодальных отношений в Италии. С. 276 и сл.). Для того чтобы еще более уяснить себе отношения лангобардов с покоренными жителями Италии, постараемся рассмотреть сословное разделение самих лангобардов. Здесь встречаем мы сословие альдиев — среднюю ступень между свободными и крепостными. По мнению Гегеля, они стояли каждый под защитой своего патрона, который заступал их перед судом, получал за них виру и штраф, а также вносил оные за них.⁶⁹ По отношению к патрону они были обязаны имущественными повинностями, которые составляли треть их дохода, и сверх того, по крайней мере позднее, — в некоторого рода барщине; но эти повинности были точно определены и не могли быть возвышаемы произвольно. Далее — альдий не мог, именно вследствие этих повинностей, свободно распоряжаться своими имуществами, не мог без позволения господина отчуждать ни земли, ни рабов (Эдикт Ротари, 235). В остальном его положение не было неблагоприятно; вира за него простиралась до семидесяти солидов (около 210—240 руб.), следовательно, была больше, чем вира наиболее благоприятствуемых рабов, министериалов, с которыми они также часто ставятся наравне, как и с вольноотпущенными низшего права; они также имели свою землю и рабов у себя на службе. Что же важнее всего — альдии могли заключать законные браки со свободными (*si haldius cuiuscumque libera uxorem tulerit id est fulcfrea*), между тем как браки этих последних с рабами (*ancilla*) хотя и не были запрещены, но, однако, рассматривались для них как унижительные (Эдикт Ротари, 216, 219).

Итак, альдии были средним сословием и имели большое сходство с терциаторами; на основании позднейших памятников очевидно, что альдии отличались существенно от рабов (за них больше вира, право законных браков и т. п.).

В результате всего сказанного ход и последствия лангобардского завоевания представляются приблизительно следующим образом. При своем первом появлении в Италии, при Альбине и Клефе, лангобарды не принимали относительно побежденных никаких общих мер и ограничивались разного рода частными насилиями, захватами, грабежами. Герцоги, завершившие завоевание главной части Италии, сделали вместе с тем первую попытку ввести правильную постоянную организацию. Имея в своем распоряжении массу земель, они не сочли нужным отнимать у оставшегося туземного римского населения слишком значительную часть имущества, а ограничились тем, что обложили римских собственников повинностью, равной трети дохода в пользу отдельных лангобардов. Поступая таким образом, они, вероятно, руководствовались традицией о готских третях. При общем переустройстве и укреплении отношений, ознаменовавшемся с воцарением Аутари, раздел был возобновлен и исправлен в подробностях. Завязавшиеся между *hospites* – римлянами и лангобардами отношения с течением времени потеряли своеобразие и перелились, так сказать, в формы родственных гражданских отношений. Часто, надо полагать, римлянин откупался от своего патрона землей или деньгами, чтобы избавиться от постоянного личного подчинения и от вмешательства в свое хозяйство. Еще чаще зависимость поддерживалась и ухудшалась, и римлянин из собственника, обязанного вносить часть плодов, становился арендатором земли, принадлежащей другому. Только в маленькой области, лежащей между Беневентом и Неаполем, особые исторические обстоятельства поддержали до VIII и IX веков своеобразные имущественные отношения, вытекающие из завоевания.

Решение вопроса о положении покоренных туземцев Италии вместе с тем может служить и ответом на вопрос, поставленный ранее: вопрос о непрерывном существовании римского права, римских порядков и курий. Очевидно, что после превращения римского населения в данников, в трибутариев и право римское перестало существовать; вместе с господством лангобардов водворилось и германское право, которому должны были подчиниться и покоренные племена. Подтверждение мы встречаем⁽⁶³⁾ в позднейших законодательных актах королей Ратхиса, Айстульфа и Ротари.⁷⁰ В законах этих мы не встречаем совершенно имени римлян, а если упоминаются *Romani*, то этим словом обозначают жителей непокоренной Восточной Римской Италии, против которых провозглашается военное положение. Очевидно, что в виде отдельного общественного класса римляне не существовали, так как в противном случае имя их несомненно встречалось бы в законодательных актах.

⁽⁶³⁾ В одном только случае упоминается, что пришлым чужим людям – варангам – могут быть оставлены их права. Комментаторы этого лангобардского законодательного акта о варангах поясняют, что под именем их должно разуметь пришельцев из южной Италии.

Около половины VII века начинается мало-помалу сближение покоренного населения Италии с победителями. Римляне, сохранившие в среде своей образованность, культуру, цивилизацию, хотя и стояли в социальном отношении ниже своих победителей, но тем не менее влияния их не избежали даже суровые лангобарды. Влияние это и смягчение нравов выражаются более всего в языке документов и законов короля.

Эдикт Ротари (в половине VII столетия) написан на латинском языке, очевидно, не сделавшемся языком народным. Это обнаруживается не только в употреблении некоторых германских названий (aldio – полусвободный; agimannus – вполне свободный; gasindius – находящийся под защитой и т. п.), но и в германизмах целых фраз и в оборотах. Здесь, как, везде, помехой к слиянию был религиозный антагонизм победителей и побежденных. После короля Аутари (584–590) начинается лучший порядок вещей. Сильный и энергичный правитель, Аутари прославился удачными завоеваниями, но самым важным событием стала женитьба на Теоделинде, дочери Теодеберта Баварского. Она была христианкой вследствие того, что мать ее приняла христианство, еще когда была франкская принцесса. Красивая, умная, образованная и благочестивая королева приобрела расположение народа до такой степени, что когда ее муж Аутари внезапно умер, то ей предоставлено было избрать себе другого мужа и – в лице его – короля лангобардов. Выбор ее пал на воинственного Агиульфа Туринского (590–616). Новый король, хотя и арианского исповедания, много сделал для католической церкви: восстановил некоторые разрушенные монастыри и возвратил из ссылки изгнанных епископов. После него на престол лангобардский вступает сын его и Теоделинды – казалось, сближение идет верным и неуклонным путем. Но вот наступает реакция: молодой король свергнут и на престоле является ряд арианских правителей. Из них первым был Ариальд, или Аривальд, также лангобардский законодатель король Ротари, кодекс законов которого был издан в виде одного большого наказа (643), к которому впоследствии, по мере надобности, прибавились новые постановления.

Итак, в половине VII века наступила реакция арианская и национальная; сближение несколько отдалено, и только спустя некоторое время наступает в Италии полное торжество православия.

Этими краткими замечаниями о лангобардском государстве в Италии мы должны ограничиться, оставляя в стороне многие другие, чрезвычайно любопытные и важные, вопросы, касающиеся этого периода истории Италии (например, начало упадка влияния византийских императоров, причины возвышения папской власти и лангобардское законодательство, борьбу с франками и так далее).

* * *

Нам удалось пройти в этом году только первую часть истории Средних веков, тот глубоко интересный переходный период, когда все человечество стояло на рубеже двух миров, когда доживала свои последние дни одряхлевшая античная цивилизация, когда разлагающийся организм древнего мира умирал медленной, но неминуемой смертью и, наконец,

погиб, утопленный в волнах нахлынувшего потока новых народов. Тогда воцарился смутный хаос над распавшимися западными провинциями всемирной империи; но тогда, в то же время, занималась заря великого будущего, тогда зарождались и становились на ноги свежие, могучие элементы новой молодой жизни, новой религии, новой цивилизации, нового социального строя.

Нам удалось проследить главные явления всего римского варварского периода истории Средних веков; мы дошли до того момента, когда новая Европа, пережившая долгий период нашествий, насилия и анархий, начинает мало-помалу устраиваться, приводить в порядок разрозненные общественные элементы, когда готовилось объединение ее под скипетром могущественного и гениального государя; дошли до возобновления Римской империи, но уже просвещенной христианством, королем франков – Карлом Великим, и на этом останавливаемся.

Дальнейшее развитие средневековой цивилизации – обозрение деятельности Карла Великого, затем распадение Карловой монархии, образование на ее месте новых национальных государств Западной Европы, история монаршества, феодализма, рыцарства и городских движений – составит предмет следующего нашего курса.

ПРИМЕЧАНИЯ

I. GERMANISCHER ODER BARBARISCHER WELT. TACITUS

1. В публикации основного текста отсутствовали указания на издания Тацита, Кассия Диона и других историков, материалы которых использовал в своих лекциях В. Г. Васильевский. По этой причине в примечаниях, обозначенных цифрами мы даем имя автора, название сочинения, книги, главы или параграфа; в ряде случаев указываем на русский перевод исторического источника или монографию историка.

2. Точнее: *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Bd. I. (Dritte Aufl. Kiel, 1880). Немецкий историк Г. Вайтц (1813–1886) – крупнейший представитель историко-правового направления в историографии второй половины XIX века.

3. Точнее: *Kaufmann G.* Deutsche Geschichte bis auf Karl den Grossen. Bd. 1. Leipzig, 1880; *Sybel H. v.* Entstehung des deutschen Königtums. Bonn, 1881; *Baumstark A.* Ausführliche Erläuterung der Germania des Tacitus. Bd. 2. 1875–1881; *Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. Berlin, 1870; *Geffroy A.* Rome et les barbares. Études sur la Germanie de Tacite. 1874.

4. Имеется в виду сочинение *Ю. Цезаря* «Commentarii de bello gallico» («Записки о Галльской войне»).

5. Точнее: *Грановский Т. Н.* О родовом быте у древних Германцев. // Сочинения Т. Н. Грановского. Т. I. Ч. I. М., 1866. С. 140, 141, 142.

6. Вероятно, речь идет о статье эдикта Ротари: Ro § 221.

7. Ссылка на полях: «Саксонская правда», IX, XIV, XVII».

8. Точнее: *Maurer G. L.* Einleitung in die Geschichte der Mark-Hof-Dorf und Stadtverfassung und der öffentlichen Gewalt. München, 1854.

Маурер Г. Л. (1790–1872) – крупный немецкий ученый-историк и политический деятель.

9. ... Цезарь два раза упоминает... – Речь идет о сочинении Ю. Цезаря «Записки о Галльской войне». Кн. IV. Гл. 1, 3, 4, 7, 19. Кн. VI. Гл. 22.

10. См.: *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte... Bd. I. S. 108.

11. В этом разделе курса лекций проф. В. Г. Васильевский использовал материал из труда французского историка Ф. де Куланжа, о чем свидетельствует помета на полях: «По *Fustel de Coulanges N. D.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Vol. I–II. Paris, 1875».

12. Издание «Беовульфа», которое было в распоряжении проф. В. Г. Васильевского, установить не удалось.

13. См. по рус. пер.: Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. Ст. 1230, 1240, 1250.

14. Там же. Ст. 2194–2195.

15. О смерти Брунгильды см.: Старшая Эдда. Краткая песнь о Сигурде // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975. 47, 65–69, 70. С. 298–300.

16. Здесь в пересказе приведен обычай кимвров, описанный в сочинении *Страбона* «География». Кн. VII. Гл. II, 3.

II. БОРЬБА ДВУХ МИРОВ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ

1. ...со времени Марка Аврелия и открывается первым после Тевтобургской катастрофы... – *Марк Аврелий* – римский император династии Антонинов (161–180). 2 августа 9 года три римских легиона с легатами и вспомогательными войсками под командованием Квинтилия Вара попали в ловушку, устроенную варварами во главе с вождем херусков Арминием в Тевтобургском лесу (Вестфалия).

2. Траян – римский император династии Антонинов (98–113).

3. Здесь В. Г. Васильевский рекомендует литературу, которая содержит дополнительный материал о римских пограничных укреплениях: *«Hübner. «Der römische Grenzwall in Deutschland // Jahrbücher des Vereins Alterthumsfreude im Rheinlande».* Heft. 63. Bonn, 1868; *Hirschfeld. Die Verwaltung der Rheingrenze; Моммзен Т. История Рима».*

4. См.: *Кассий Дион.* Римская история. Кн. LXXI. 8–10.

5. Коммод, римский император (180–192), сын Марка Аврелия.

...склонить на свою сторону несколько племен деньгами... – Коммод обещал вождям маркоманнов и квадов выплату денег (ежегодные подарки), чтобы они не воевали с римлянами.

6. См.: *Кассий Дион.* Римская история. Кн. LXXII. 2.

7. Точнее: *Dahn F. v. Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker: Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellung. Hauptabtheilung. Bd. 1. Berlin, 1881.*

8. Точнее: *Platner C. Über die Art der deutschen Völkerzuge zur Zeit Wanderung // Forschungen Dt. Geschichte. Bd. 20. Göttingen, 1880. S. 165–202.*

9. Речь идет о событиях при Октавиане Августе (27 г. до н. э.–14 г. н. э.).

10. Речь идет о крупном ученом-слависте XIX века П. Шафарике (1795–1865); упоминается сочинение: *Schafaric P. J. Slawische Alterthümer. Bd. II. Кн. II. Leipzig, 1843. С. 80–83.*

11. Примечание восстановить не удалось.

12. Имеется в виду византийский историк Агафий Миринейский (536/537–ок. 582). В сочинении «О царствовании Юстиниана» он писал: «Алеманны, если верить Азинию Квадрату, мужу италийскому, который описал германские дела самым тщательным образом, представляют смешанный род людей, и это показывает само их название». – Цит. по: *Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер. М. В. Левченко. М., Арктос-Вика-пресс. 1996. I, 6. С. 18.*

13. Аврелиан Люций Домиций, римский император (270–275).

...побеждены Пробом... – Марк Аврелий Проб, полководец при Аврелиане; римский император (275–282).

14. Точнее: *Ammiani Marcellini Rerum gestarum. XXVIII. 5, 11.* Рус. пер.: *Аммиан Марцеллин.* Римская история (Res Gestae) / Под общ. ред. В. П. Сальникова; пер. с лат. Ю. А. Кулаковского и А. И. Сонни. СПб., 2000.

15. Юлиан Отступник, римский император (361–363), ранее – цезарь в Галлии во время правления императора Констанция II (353–361). Проф. В. Г. Васильевский пользовался изданием: *Ammiani Marcellini Rerum gestarum libri XXXI qui supersunt; rec. Gardthausen. Vol. I–II. Lipsiae. 1874–1875.*

16. Имеется в виду труд: *Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. Berol., Bd. 1. 1870.*

17. Галльский узурпатор Йовин (411–413) выступил против римского императора Гонория.

18. *Wietersheim E., Dan F. v. Geschichte der Völkerwanderung. Bd. I. Leipzig, 1880. S. 150.*

19. Точнее: Виетерсгейм – см. выше примеч. 18; *Васильевский В. Г.* Житие Иоанна Готского // ЖМНП. Ч. 195. 1878. Отд. II. С. 86–154; *Брун Ф.* Черноморские готы и следы долгого их пребывания в южной России // Черноморье. Ч. 2. Одесса, 1880. С. 189–241; *Соколов М.* Из древней истории болгар. 1879 (студенческое сочинение, удостоенное золотой медали Совета С.-Петербургского университета).

20. Имеется в виду: *Забелин И. Е.* История русской жизни с древнейших времен: В 2 ч. М., 1876–1879. Ч. I. Гл. 1, 2. М., 1876; *Зосим.* Новая история. 1. 31–33.

21. Точнее: Клавдий II, римский император (268–270), разбил главные силы варваров в битве около г. Наисса (Ниш). За свои победы он получил прозвище «Готский».

22. ...Римский бог Terminus... – В римской мифологии Terminus – это божество границ, межевых знаков, разделявших частные земельные владения. Культ Терминуса был распространен по всей территории империи. На Капитолийском холме в Риме находился камень, который символически изображал бога как хранителя нерушимости границ всего государства.

23. Речь идет об английском историке Э. Гиббоне (1737–1794) и его труде: *Gibbon E.* The History of the decline and fall of the Roman Empire. Vol. 1–7. London, 1776–1788. Многократно переиздавался в разных странах. Рус. пер.: *Гиббон Э.* История упадка и разрушения Римской империи. Т. 1–7. М., 1883–1886.

24. Точнее: *Renan E.* Mark-Aurèle et la fin du monde antique. Paris, 1882. Далее проф. В. Г. Васильевский дает свой перевод фрагмента главы 32 сочинения Э. Ренана.

25. Здесь примечание внизу под строкой: «*Th. Brieger.* «Konstantin der Grosse als Religionspolitiker» в «Zeitschrift für Kirchengeschichte». Bd. IV, 1881. S. 164; *Zahn.* Konstantin der Grosse und die Kirche. Hannoverae, 1876».

26. ...немецкого экономиста Родбертуса... – *Rodbertus J. K.* (1805–1875), экономист, историк, прусский политический деятель. Речь идет об одной из его статей: *Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationaloekonomie des klassischen Alterthums* // *Jahrbücher für Nationaloekonomie und Statistik.* Iena, 1864. 2 Jahr.

27. Точнее: *Соколовский П. А.* Экономический быт земледельческого населения России перед крепостным правом. СПб., 1878. С. 44–45.

28. Точнее: *Васильевский В. Г.* Материалы для внутренней истории византийского государства // ЖМНП. Ч. 202. 1879. Отд. II. Март. С. 160–232; Отд. II. Апрель. С. 386–438.

29. Помета на полях: «Panegyrici latini. pag. 180. cap. XI».

30. Запись под строкой: «*Ср. Savigny.* Vermischte Schriften. Bd. II. 1849. S. 138–143».

31. Запись под строкой: «там же».

32. Цахарие фон Лингенталь К. (*Zachariae von Lingenthal K.*), немецкий ученый (1812–1894), крупный специалист в области средневекового права. Упоминается основной труд его «Geschichte des Griechisch-Romischen Rechts». Berlin, 1856 (неоднократно переиздавался).

33. *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880. Вопросу о колонате посвящается первая глава труда.

34. *Laferrière.* Essai sur l'histoire du droit français. Vol. 2. Paris, 1858. P. 437.

35. Здесь указана статья *А. Рудорфа*, также имеется в виду труд Шульца: *Schultz.* Grundlegung zu einer geschichtlichen Staatswissenschaft der Römer. 1833. S. 446.

36. Примечание под строкой: «Статьи Ф. К. Савиньи 1) *von Savigny F. K. Ueber den römischen Colonat* (в «*Zeitschrift für Geschichte Rechtswissenschaft*». 1828; 2) *Ueber die Römische Steuerverfassung unter den Kaisern*». Обе статьи помещены в «*Vermischte Schriften*». Bd. II. 1849.

Савиньи Ф. К. (1779–1861) – знаменитый юрист, основоположник исторической школы права в Германии.

37. См.: Nachtrag к статье Ф. К. Савиньи о колонате в «*Vermischte Schriften*». Bd. II.

38. Точнее: *Hegel K. v. Geschichte der Städtverfassung von Italien*. Bd. I. 1847. S. 86 и сл.

39. См.: *Виноградов П. Г.* Указ. соч. С. 63, 64.

40. Речь идет о сочинении: *Wallon. Histoire de l'esclavage dans l'antiquité*. Vol. 3. Paris, 1847.

41. Точнее: *Estein A. Les colons du Saltus Burunitanus // Journal des Savants*. 1880, Novembre. p. 686–705.

42. Примечание под строкой: «Как пособия для изучения этого периода можно указать на книгу *Richter'a* «Das Weströmische Reich». Собственно для времени Константина: классическое сочинение Буркгарта (*Burckhardt T.*) «Die Zeit Konstantin's des Grossen», Leipzig, 2-е издание 1880; вопрос о причинах обращения Константина в христианство разбирается в статье *Brieger Th.* «Konstantin der Grosse als Religionspolitiker». Gotha, 1880. О содержании последних двух сочинений см. в рецензии Болотова «Христианское чтение», 1881, II».

43. Флавий Клавдий Юлиан, римский император (361–363).

44. Указаны издания: «*Adrien Naville. Julien l'apostat et saphilosophie du polythéisme*». Paris, 1877; *Phode. Geschichte der Reaction Kaiser Julians*. Iena, 1877; статья *Gaston'a Boissier* «L'empereur Julien» в «*Revue des Mondes*», 1880, juillet; *Rendall H.* «The emperor Juliani Paganism and Christianity». Кембридж, 1879».

45. Речь идет о сражении римской армии с алеманнами при Аргенторате (Страсбург) в 357 году.

46. ...Аммиан Марцеллин... сопровождал в персидском походе... – Аммиан Марцеллин – византийский историк IV века. Юлиан возобновил войну с персами, начатую при императоре Констанции. Аммиан участвовал в военной кампании 363 года, когда римская армия дошла до Ктесифона. Описание похода содержит сочинение Аммиана «*Res gestae*» («Деяния» или «История»). В тексте этой лекции проф. В. Г. Васильевского название труда историка составители обозначили в круглых скобках как «Hist.» (то есть «Historia»).

47. ...замечательных учителей, как Фемистий и особенно Либаний... – Фемистий (ок. 317 – ок. 388), ритор, политик, влиятельный языческий философ; Либаний (314–393) – знаменитый языческий ритор IV века.

48. Имеется в виду труд А. Naville. См. выше примеч. 44.

49. Афанасий Великий (293–373), епископ Александрийский, несколько раз бывал в изгнании. В середине IV века долгое время скрывался в египетской пустыне до смерти императора Констанция. Вернулся в Александрию в феврале 362 года, однако осенью того же года вновь отправился в изгнание, опасаясь преследований со стороны Юлиана.

50. Речь идет о Георгии Кападокийском, арианине, епископе г. Александрии. События происходили в городе после возвращения Георгия из ссылки. Бунт горожан был в декабре 361 года.

51. См.: *Феодорит*, епископ Кирский. Церковная история. III. 25.

52. См.: *Сигон* – Числа. XXI, 21–29, 34; Втор. II, 32 и др.; Пс. 134, 10–12. *Ог* – Втор. III, 11, 13; Числа. XXI, 33–35.

53. Церковные историки V века: *Сократ Схоластик*. «Церковная история» (см. III. 24); *Феодорит*, епископ Кирский. «Церковная история» (см. IV. 2, 4).

54. Имеется в виду: *Сократ Схоластик*. Церковная история. III. 26.

55. *Саламан Ермей Созомен* (ум. ок. 450 г.) – церковный историк, юрист, автор «Церковной истории».

56. Точнее: *Richter A. Das Weströmische Reich*. Iena, 1880. S. 364.

57. ...император Валент на Востоке – император Грациан на Западе... – Валентиниан I провозгласил соправителем Валента 28 марта 364 года. Братья встретились неподалеку от сербского города Ниш и разделили управление империей: Валенту – Восток (он уехал в Константинополь), Валентиниану – Запад (резиденция в Милане). Грациан – старший сын Валентиниана I от первой жены Северы Марины, август с 24 августа 367 года, император, соправитель Валента с 17 ноября 375 года.

58. ...Грациан... избрал в соправители Феодосия... – В год смерти Валента (378 г.) Грациану исполнилось 18 лет, его младший, сводный брат был несовершеннолетним (род. в 371 г.). 19 января 379 года Грациан избрал соправителем военачальника, испанца Феодосия, который стал управлять всем Востоком, а также Дакией и Македонией. Резиденция Феодосия находилась в Фессалонике (Солуни). Правление императора Феодосия I – 379–395 г.

59. Речь идет о беспорядках в Фессалонике весной 390 года, которые по приказанию Феодосия I были подавлены военными силами.

60. Цитируемый проф. В. Г. Васильевским эпизод приводится в древнейшей биографии (от 442 г.) святого Амвросия Медиоланского, а также в сочинениях Созомена («Церковная история») и Феодорита, епископа Кирского («Церковная история»). Современная историография считает его легендой.

61. Цитата из послания Осии (Hosius, или Ossius), епископа Кордовы (к. III–IV в.) к императору Констанцию (353–361), относящаяся ко времени борьбы между никейцами и арианами.

62. *Ammiani Marcellini* *Regum gestarum*... Далее проф. В. Г. Васильевский пересказывает Аммиана Марцеллина по изданию: *Ammiani Marcellini* *Regum gestarum libri XXXI qui supersunt*. rec. V. Gardthausen. Vol. I–II. Lipsiae, 1874–1875. XXX. 4, 8–20.

63. Святой Антоний Великий (250–ок. 355), один из родоначальников восточного аскетизма.

64. ...последовал Аммон... Макарий... – Преподобный Аммон (ум. ок. 350/357 гг.), Макарий Александрийский (IV в.) – видные представители египетского монашества.

65. Святой Иларион Великий (IV в.) – христианский аскет. Святой Василий Великий, архиепископ Кесарийский, вселенский отец и учитель Церкви (329–379).

III. БОРЬБА ДВУХ МИРОВ. ОБРАЗОВАНИЕ ВАРВАРСКИХ ГОСУДАРСТВ НА РИМСКОЙ ПОЧВЕ

1. Труды Ф. К. Савиньи – см. выше примеч. 36.

2. Точнее: *Notitia dignitatum omnium tam quam militarium utriusque civilium imperii* / Ed. O. Seeck. Berolini, 1876.

3. *Léotard*. *Essai sur la condition des barbares établis dans l'empire Romain au IV siècle*.

4. См. выше примеч. 59.

5. Имеется в виду издание: *Auxentius* episc. *Dorostorensi*. De *Ulfila* episcopo *Gothorum* // *Waitz G.* Über das Leben und die Lehre des *Ulfila*. Hannoverae, 1840.

6. Ульфилы занимался переводом во второй пол. 40–60-х гг. VI века.

7. То есть в 347–348 гг.

8. Здесь проф. В. Г. Васильевский указывает сочинение Филосторгия по изданию: *Philostorgius*. *Historia ecclesiastica* // *Migne J. P.* *Patrologiae cursus completus*. Series graeca. Paris, 1858. Vol. LXV. Col. 459–638. Примечание в круглых скобках («*Waitz*. s. 20»). Точнее: *Waitz G.* Указ. соч., с. 20 (см. выше примеч. 5).

В Нижней Мезии готы поселились в 348 году.

9. См.: *Philostorgius*. *Hist. eccl.* II. 56.

10. ...почти современном... житии святого Саввы Готского... – Имеется в виду, что Савва был современником Ульфилы. Житие написано вскоре после мученической смерти святого в 372 году, издания: *Acta SS.* April. 12 d. p. 87–90 edit. novis. 1866. *Ibid.* Прилож. P. 2–5; *Ruinart*. *Acta martyrum*. T. III. P. 600.

11. События, происходившие в 375 году.

12. Точнее: *Eunapius Sardinianus*. *Fragmenta* // *Fragmentae historicorum graecorum* / Ed. K. Müller. Paris, 1851. Vol. IV.

13. Точнее: *Ranke L. v.* *Weltgeschichte*. Bd. III. Berlin, 1882. S. 168, 170. (Далее в тексте фамилия автора и страница из этого издания указаны в круглых скобках.)

14. Там же. С. 19, 191. Магн Клемент Максим – испанец по происхождению, римский наместник в Британии. Правил в 383–388 гг. Феодосий победил войска Максима в двух сражениях, затем подошел к Аквилее, за стенами которой укрылся Максим. Жители города сами открыли ворота императору. Состоялось короткое судебное заседание, после которого Максим был казнен.

15. Речь идет о событиях последнего десятилетия IV века: Валентиниан II умер 15 мая 392 года. Франк Арбогаст, его конюший, выдвинул императором Запада римлянина Евгения. Феодосий не сразу выступил против узурпатора. Только в сентябре 394 года встретились две армии на границе между Северной Италией и Иллирией. У Феодосия было около 20 000 федератов, главным образом вестготов под командованием Алариха. Победа досталась Феодосию ценой потери почти половины армии.

16. Аларих (*Alaricus*, *Halaricus*), из рода Балтов, вождь вестготов (ок. 390–410).

17. Речь идет о событиях 395–400 гг. Вестготы Алариха в конце 90-х гг. IV века опустошали Балканский полуостров, в 397 г. вторглись в Эпир. После этого восточноримское правительство заключило мирный договор с Аларихом.

18. В 406 году.

19. Вандалы, свевы и аланы перешли Рейн в среднем течении в новогоднюю ночь с 406 на 407 год.

20. Стилихон казнен в Равенне 23 августа 408 года.

21. *Ranke L. v.* Указ. соч. Т. III. С. 235–236.

22. В конце 409 года.

23. Комит Африки Гераклиан прекратил поставки хлеба в Италию; Аларих намеревался послать туда готов для наведения порядка, но Аттала не согласился.

24. 24 августа 410 года Аларих вступил в Рим, «вечный город» пал.

25. Аларих умер в конце 410 года. Его преемник Атаульф (410–415) вывел готов из Италии в Галлию.

26. Валлия (Валия), король вестготов (415–418).

27. В 416 году император Констанций и вестготский король Валлия заключили соглашения, по которому готы получали статус федератов. В течение двух лет готские отряды воевали за интересы империи в Испании. По приказу императора в 418 г. они оставили Испанию, получив для поселения земли в Галлии.

28. Издание *Antiqua* не указано.

29. ...вместе с Даном... – речь идет о труде Ф. Дана «*Urgeschichte der Germanischen und Romanischen Völker*» // *Oncken's Allgemeiner Geschichte in Einzeldarstellungen*. Т. 1. Berlin, 1881.

30. Примечание под строкой: «О Бургундах см.: *M. E. Caillemer*. «*L'établissement des Bourgondes dans le Lyonnais au milieu de V siècle*».

31. Лион – столица Бургундского королевства с 461 года.

32. Авит, император (455–456).

33. Точнее: Гундобальд (Гундобад) правил в 480–516 гг.

34. Съезд в Амберье был в 524 году.

35. Примечание под строкой: «Предисловие Гизо в его «Истории цивилизации во Франции», лекция X, том I».

36. Гиларий (Hilarius) – аскет, замечательный проповедник (ок. 400 – ок. 450), епископ г. Арля (429). Более подробно по вопросу о споре см.: *Болотов В. В.* Лекции по истории древней церкви. Т. 3. М., 1994. С. 265–266.

37. ...короля франков, который... соединился с моими врагами... – Около 500 года между Гундобальдом (Гундобадом) и его братом Годагизелом (Годагизилом) начались раздоры, в которые вмешался король франков Хлодвиг, принявший сторону Годагизела.

38. Гейзерих, король вандалов (428–477).

39. Гунерих (Hunericus), сын Гейзериха, король вандалов (477–484).

40. Собор состоялся в Карфагене в 484 году, присутствовали епископы католической и арианской церкви.

41. Элевтерий, епископ римский (174–189). В примечании под строкой: «*Bede. Historia ecclesiastica gentis Anglorum* в «*Monumenta Historiae Britannica*», ed. *H. Petrie*. London, 1848; также у *Migne J. P. Patrologia Latina*. Vol. XC–XCV. Paris, 1848–1851». Рус. пер.: *Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англос / Пер. с лат. В. Эрлихмана. СПб., 2001.

42. Речь идет о труде: *Lappenberg J. M. Geschichte von England*. Bd. 1–2. Hamburg, 1834–1837. Лаппенберг И. М. (1794–1865) – немецкий историк.

43. Св. Герман (Germanus), епископ Оксеррский (380–448). В Британию Герман прибыл вместе с Лупом, епископом г. Труа, в 429 году. Луп (ок. 383–455).

44. См.: *Kemble J. M. History of the Saxons in England*. Vol. I. London, 1848. S. 12.

Кембль Д. М. (1807–1857) – английский историк и филолог, преимущественно занимался англосаксонским периодом истории Англии.

45. Точнее: *Лаппенберг И. М.* Указ. соч. Т. 1. С. 11, 13.

46. Речь идет о трудах: *Palgrave F. History of the Anglo-Saxons*. Vol. I. London, 1831; *Kemble J. M.* Указ. соч. (см. примеч. 44).

Пэлгрев Ф. (1788–1881) – юрист по образованию, один из первых исследователей английского средневекового права.

47. Герман вместе с Севером, епископом Трирским, второй раз посетил Британию в первой половине 40-х гг. V века. Сведения о Севере содержит «Житие св. епископа Луна». Битву с саксами Беда относит ко времени первого посещения Германа (см. I, XX).

48. ...два брата Горза (Hors) и Генгист (Hengist)... Правление Генгиста 446–488 гг., Горза убит в 455 г.; ...остров Taneth теперь не существующий... – Остров Танет ныне соединен с побережьем.

Далее В. Г. Васильевский в пересказе использовал текст из сочинения Ненния, но издание не указано. Рус. пер.: *Ненний*. История бриттов / Пер. А. С. Бобровица // *Гальфрид Монмутский*. История бриттов. Жизнь Мерлина. М., 1984. С. 171–193; Гилда. О погибели Британии / Пер. Н. Ю. Чехонадской. СПб., 2002.

49. Речь идет о сочинении: *Гальфрид Монмутский*. История королей Британии. Примечания под строкой: «См.: А. Веселовского «Из истории литературного общения Востока и Запада», стр. 305».

50. Точнее: *Palgrave F.* History of the Anglo-Saxons. Vol. I. P. 393.

51. Примечание под строкой: «Пособия: Сказания Приска. Русский перевод Дестуниса. Извлечения из Приска у *Guizot*: «Histoire de la civilization en France» (т. 1). Также извлечения из Приска у *И. Забелина*: «История русской жизни с древнейших времен». Ч. 1. М., 1876; у Аммана Марцеллина. Книга 31-я. Точнее: *Дестунис Г. С.* Сказания Приска Панийского // Учен. зап. второго отделения АН. Кн. VII. Вып. 1. СПб., 1861. С. 1–112.

52. См.: *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 358.

53. В. Г. Васильевский написал две статьи с развернутой аргументацией своей точки зрения и критикой Д. Иловайского и И. Забелина. См.: *Васильевский В. Г.* О мнимом славянстве Гуннов, Болгар и Роксолан // ЖМНП. Ч. 222. 1882. Отд. II. С. 140–190; *Он же*. Еще раз о мнимом славянстве Гуннов. Ответ Д. И. Иловайскому // ЖМНП. Ч. 226. 1883. Отд. II. С. 346–392.

54. *Забелин И. Е.* Указ. соч. С. 76.

55. См.: *Jordan*. Get. 259.

56. Запись под строкой: «Королевство ругов находилось напротив Noricum ripense. Евгиппиево «Житие святого Северина» (Vita sancti Severini) издано: *Eugippius*. Vita sancti Severini в «Monumenta Germaniae Historica (Auctores antiquissimi». Т. I. Ps. 2. 1877. P. 7–30». Далее В. Г. Васильевский использовал материал жития в кратком пересказе; издание жития, которым он располагал, не указано. Рус. пер.: *Житие святого Северина* / Пер. с лат. А. И. Донченко. Спб., «Алетейя». 1998.

57. Рикимер – высший военачальник (magister militum praesentibus) при императорском дворе в 455–472 гг. Он был сыном вождя свевов и дочери вестготского короля Валлии. За 16 лет пребывания при дворе Рикимер сместил трех римских императоров: Авита (455–456), Майориана (457–461) и Анфимия (467–472).

58. Юлий Непот, римский император (474–475).

59. Зенон (Zeno), византийский император (474–491).

60. ...оба раза Рим низверг их... – Убит Анфимий (472 г.) и низложен Юлий Непот (475 г.).

61. Точнее: *Guizot F.* Histoire de la civilisation en France. Vol. I; *Ешевский С. В.* Аполлинарий Сидоний. Эпизод из литературной и политической истории Галлии V века // *Ешевский С. В.* Сочинения. Т. 3. М., 1870. С. 1–337.

62. Издание Орозия, которым пользовался проф. В. Г. Васильевский, не указано.

63. Примечание на полях: «См.: *Jung*. «Zur Würdigung der agrarischen Verhältnissen der Römischen Kaiserzeit». («Historische Zeitschrift», Bd. XLII, 1 Heft, 1879 г.).»

64. Примечание на строке: «см.: *Jung*. P. 407».

65. Примечание под строкой: «См.: История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых *М. Стасюлевича*. Т. 1. Отд. III. С. 207, и *Guizot F.* Histoire de la civilisation en France. Vol. 1, лекция III, стр. 60 и след.».

66. *Guizot F.* Histoire... лекция III, стр. 69.

67. Савиньи Ф. К. (*Savigni F. K. v.*).

68. Издание П. Дякона, которым пользовался проф. В. Г. Васильевский, не указано.

69. Точнее: *Ley H.* Geschichte der Italienischen Staaten. Bd. I. Kap. 1. Halle, 1828; *Hegel K.* Geschichte der Städtverfassung von Italien. Bd. I. Kap. 3. 1847.

70. Ратхис, король (744–749); Айстульф, король (749–756); Ротари, король (636–652).

ТОМ II

**ИСТОРИЯ
ФРАНКСКОГО
ГОСУДАРСТВА**

ВВЕДЕНИЕ

Прежде чем приступить к изложению истории Франкского государства, мне придется в кратких чертах повторить историю той территории, на которой мы застаем франков в момент распада Римской империи.

Галлия, как вообще вся почти Западная Европа, в самом начале исторического времени представляется нам населенной кельтами.¹ Мы имеем очень мало сведений об истории, религии, нравах и обычаях этого племени, составляющего, несомненно, одну из главнейших основ этнографического состава населения всей Западной Европы. Единственными источниками для изучения служат описания Юлия Цезаря в его «Истории Галльской войны»² и данные археологические. По этим источникам мы можем однако заключить, что хотя религиозный быт кельтов представляет еще большую грубость (отличался даже кровожадным характером), тем не менее кельты, еще до знакомства с римлянами, достигли значительной степени культурного развития, и нет основания предполагать, что, будучи предоставлены самим себе, они не выработали бы собственной самобытной цивилизации. Вмешательство римлян и их цивилизующее влияние только ускорили ход прогресса, они облегчили, сократили работу, на которую кельтам, быть может, потребовалось бы много веков.

В противоположность римлянам и грекам, финикияне раньше были знакомы с кельтским западом, имели там свои колонии, поселения, но совершенно не сближались с туземным населением. Римляне же сразу поставили себя на другую ногу с побежденными ими народами. В то время как первые, преследуя только свои торговые интересы, обращали мало внимания на туземное население, не углублялись внутрь страны, не старались иметь на жителей никакого цивилизующего влияния, римляне хотя и лишали побежденных их прежней свободы, но не смотрели на них с презрением, считали и их способными приобщиться к римской цивилизации. Это великое, грандиозное дело – объединение всего известного тогда мира под одной властью и одной цивилизацией – представляет несомненную заслугу империи.

Целым рядом мудрых мер, таких как введение муниципального устройства, распространение на провинции прав римского гражданства, основание школ, где преподавался латинский язык, служивший ключом к приобретению этих прав, также устройством многочисленных дорог, облегчавших сношения между самыми отдаленными частями империи и лагерных городов, служивших центрами, откуда распространялась римская цивилизация, – именно рядом подобных мер Римская империя до-

стигла того, что к концу IV века и началу V века грандиозный процесс романизации кельтов был закончен и вся громадная территория, населенная этим племенем, обратилась в цветущие римские провинции, совершенно утратив прежнюю физиономию, переняв от своих победителей религию, нравы, обычаи и даже язык. Результаты мудрой политической системы Рима и теперь налицо: романские языки и романская нация. Мы имеем перед собой невиданное, поразительное явление: целый народ, достигший известной степени культуры, отказывается от своего природного языка и принимает язык своих победителей. И этот факт может быть наблюдаем не только в высшем сословии, что было бы проще и понятнее, но также в народной массе. У римлян, как у всех народов, более или менее развившихся, существовали два языка: один – литературный, на котором писали и говорили люди образованные, это язык Юлия Цезаря и Цицерона; другой – народный, крестьянский разговорный язык низших классов населения. Различие между ними было настолько велико, что крестьянин Италии не понял бы ни речей Цицерона, ни произведений римских поэтов. В провинциях распространялся и тот и другой: в школах преподавали литературный латинский язык, который усваивался высшим образованным классом, в массы же проникала народная латынь (*lingua latina vulgaris*), заносимая сюда легионерами и промышленниками – главными пионерами римской цивилизации. Эта последняя вытеснила местные наречия и послужила основой для первоначального общероманского языка, на котором говорило население Испании, Дакии, Галлии, Дунайских провинций и из общего лона которого выделились впоследствии испанский, португальский, французский, итальянский и румынский языки. На общем происхождении от одного корня народной латыни и зиждется, собственно, родство и сходство романских языков.

До самого конца IV и начала V века Галлия была самой цветущей из римских провинций, представляла центр образованности. Галльские школы считались лучшими и наиболее знаменитыми во всей империи: они выставили целый ряд известных писателей и ученых. Население, давно уже превратившееся в галло-римское, пользовалось цветущим благосостоянием множества богатых городов и селений, украшением которых были многочисленные произведения искусства, храмы, театры, цирки, термы; образованный и богатый высший класс, живший в своих великолепных виллах со всею утонченной роскошью римских магнатов, – все это совершенно затмевало вид прежней варварской страны, сулило Галлии блестящую будущность. Но вот на романизованную почву Галлии вступают германцы.

Варвары германского происхождения, начавшие наводнять границы Западной Римской империи еще со II века по Р. Х.,³ были и раньше известны римлянам. Так, они испытали еще до Р. Х. нашествие кимбров и тевтонов;⁴ мы знаем, что Юлий Цезарь, покоряя Галлию, прежде всего явился ее защитником от германского нашествия, предводимого Ариовистом, и переходил на правую сторону Рейна, чтобы нагнать страх на беспокорных германских соседей.⁵ Сначала римлянам удавалось страхом своего оружия удерживать германцев на их местах. Но в половине III века у империи замечается упадок энергии в борьбе с варварами, рав-

но как и полный внутренний упадок, причины которого, впрочем, наукой еще не объяснены удовлетворительно. Тогда германцы, именно аламанны, заняли так называемые «десятинные поля», прорвав пограничную систему укреплений, известную под именем «Римского вала».⁶ Один из лучших императоров Иллирийского дома, восстановитель империи (*restitutor imperii*) Аврелиан уступил готам провинцию Дакию, основанную Траяном на севере Дуная.⁷ Реформы Диоклетиана и Константина, перестроившие империю на началах централизации и бюрократического управления, затем союз государства с христианской церковью несомненно задержали на некоторое время процесс разложения империи, отсрочили его, но не поворотили назад начавшегося процесса.⁸ Дело шло о вступлении на историческую сцену нового большого племени — германского, и вопрос заключался только в том, какими путями совершится его вступление в среду цивилизованных народов: повторится ли старая история с кельтами, то есть будут ли германцы покорены Римом и романизированы, или же история изберет какой-нибудь другой путь? Мы знаем, какой именно путь был ею избран. Начиная с IV века по Р. Х.⁹ под влиянием толчка, данного гуннами и приведшего к событию, известному в истории под названием Великого переселения народов, германцы все сильнее и сильнее начинают напирать на границы империи. Все непрерывнее и ожесточеннее становится борьба. Но падающая империя не в состоянии долго удерживать этот стремительный напор неистощимых германских сил. Она одерживает над ними блистательные победы, однако на месте разбитых полчищ появляются другие; целыми народами, целыми племенами обрушиваются варвары на империю. Граница прорвана, германцы наводняют империю, основывают на ее территории свои государства — и вот под 476 годом историки отмечают великое всемирное событие: падение Западной Римской империи.

Но действительно ли Римская империя пала жертвой завоевания?

Помимо варваров, державшихся вначале только на окраинах империи, Римская империя была уже давно наводнена огромным количеством варваров в качестве поселенцев-хлебопашцев, поселенных ею на своих землях, или рабов. Эти полусвободные германские колонисты, прикрепленные к земле, которую они должны были обрабатывать в свою пользу, но с уплатой известных повинностей деньгами или натурой землевладельцу, назывались колонами. Колоны набирались по большей части из военнопленных. Правда, не все попавшие в плен германцы отправляемы были на поселения, многие из них предназначались для зрелищ в цирках, но число пленных после удачных войн бывало так велико, что приходилось поневоле обращать их в рабов. Случалось, что огромное количество германских воинов, иногда целые племена, отдавались после поражения на волю римлян без заключения каких-либо условий и были поселяемы на римских землях в качестве колонов. Из германских поселенцев вербовались и солдаты; бывало даже, что германские отряды поступали на службу к римлянам за жалованье. Часто римляне отводили целым племенам места для поселения на землях империи лишь под условием, чтобы те защищали эти земли от других варваров и оказывали римлянам помощь в случае войны. Таких союзников (или федератов)

было очень много в Галлии, и даже франки вначале были такими союзниками. Мало-помалу вся Римская империя оказалась наводненной варварами. Германцы обрабатывали поля и входили в состав сельского населения, они же наполняли ряды армии, занимали даже высшие посты в военном и административном управлении. Население римское стало тяготиться обилием воинственных варваров, многие дальновидные люди прямо указывали на грозящую от них империи опасность, но уже было поздно. Германцы превратились теперь из «внешнего» врага во врага «внутреннего». Римская империя пала, побежденная не превосходством германских военных сил, не силою оружия, а постоянным, неумолимым просачиванием варваров на римскую почву. Самый факт падения Западной Римской империи совершился не вдруг, и 476 год вряд ли можно считать поворотным пунктом в истории. Еще и до 476 года римская власть в Италии была только номинальна, и этой номинальной власти над Западной частью Римская империя не утрачивает еще некоторое время и после 476 года. Одоакр¹⁰ – только наместник императора, франкские короли – только консулы Римской империи и считают этот титул величайшей для себя честью. Верховная власть императора еще признается всеми варварами. Таким образом, идея Римской империи не угасла, она продолжала существовать и позже, в умах современников, в представлениях христиан и варваров, в признании ее существования самим виновником переворота 476 года – Одоакром. Император должен был быть все-таки один для Востока и Запада, один над обеими частями империи.

Нам остается теперь предпослать нашему изложению краткое обозрение исторической литературы по вопросу о расселении франков и образовании Франкского государства на римской земле. Мы отметим преимущественно те из читанных сочинений, которые имеют особое значение, выражая собою две различные системы воззрений на события этой истории. Первое сочинение, представляющее для нас большой интерес в этом отношении, появилось в 1727 году. «Histoire de l'ancien gouvernement de la France» графа Буленвиллье (Boulainvilliers) вышла в свет вскоре после смерти Людовика XIV, ярого представителя абсолютной власти, и является полным противоречием абсолютизму во имя первоначальных прав аристократии. Автор доказывает, что Хлодвиг¹¹ завоевал Галлию не один, а с помощью ополчения из свободных франков и с условием, чтобы он разделил с ними плоды победы; что эти франки, потомками которых он считает нынешнее дворянство, подчинили себе прежнее галло-римское население, поставив его в рабское положение. Потомки покоренных местных жителей – крестьяне. Таким образом, Буленвиллье первый высказал идею о существовании в нынешней Франции двух различных рас.¹² Из факта завоевания Галлии свободными франками автор выводит заключение, что дворянство имеет полное право требовать, чтобы ему возвращена была его доля участия в управлении страной, «похищенная королевской властью», а крестьяне должны оставаться его рабами.

Этот чисто аристократический взгляд вызвал ответ со стороны Dubos, принадлежавшего к третьему сословию и по рождению и по симпатиям. В 1734 году Дюбо издал свою «Histoire critique de l'établissement de la monarchie française».¹³ Главная цель его – опровергнуть учение Булен-

виллье. По взгляду Дюбо, завоевание Галлии есть только историческая иллюзия; варвары утвердились в ней в качестве союзников, а не врагов римлян; они вошли туда как работники и вспомогательные солдаты; позднее короли франков получили от императоров политическую власть; они наследовали права империи только вследствие формальных трактатов, на основании совершенно правильных уступок и договоров. Франки вовсе не захватывали какие-нибудь части территории, не лишали галлов поземельной собственности, не налагали на них особенных повинностей. С самого начала они жили с ними на принципах полного равенства (гражданского и политического), оставив им свободный и легкий доступ ко всем должностям и почестям. Сверх того он старался опровергнуть мнение о существовании дворянства у франков. Дюбо особенно настаивал на том, что среди них были ремесленники и даже рабы и что, следовательно, совершенно напрасно дворяне отыскивают там своих предков.

Взгляд Дюбо на то, что власть конунгов была вполне законной, санкционированной императорами, не лишен основания. Действительно, франкские конунги признавали авторитет императоров римских, несмотря даже на то, что империя давно утратила свое величие и блеск и центром своим имела не могучий священный Рим, а слабую Византию. Звание патриция, консула римского ценилось королями-варварами едва ли не более, чем звание конунга германского. Например, церковный писатель VI века Григорий Турский картинно и подробно описывает ликование Хлодвига при получении от императора Анастасия¹⁴ титула консула и патриция римского.

Против этих двух систем (имеем в виду Буленвиллье и Дюбо), которые с небольшими видоизменениями господствуют и до сих пор, ратовал знаменитый Montesquieu в известном своем сочинении «L'Esprit des Lois», где он осуждает односторонность своих предшественников.¹⁵

Монтескье хотел бы занять середину между Буленвиллье и Дюбо, но тем не менее склоняется более в сторону первого. Он находит, что Буленвиллье не доказал, что у франков существовало правило, по которому римляне были обращены в некоторого рода рабство. Но, с другой стороны, мнение Дюбо о том, что завоевания Галлии не было, кажется ему смешным и вызывает с его стороны ряд слишком строгих и незаслуженных нападок на Дюбо.

Нам остается теперь рассмотреть мнения еще двух новейших французских ученых, из которых первый возвратился в взгляду Буленвиллье, второй – к взгляду Дюбо.

Первый – знаменитый Августин Тьерри (A. Thierry) много занимался историей Франции. В известном труде «*Considérations sur l'histoire de France*» он подробно разобрал теории Дюбо и Буленвиллье.¹⁶ Тьерри возвратился к мнению гр. Буленвиллье, хотя сам принадлежал не к аристократической партии, а к либеральной, был представителем третьего сословия и самым серьезным историком его. Он считал, что уже в ранней истории Франции были условия для сложения третьего сословия, причем под последним он подразумевает не только буржуазию, но и народ. Невольно возникает вопрос: каким образом при этом направлении Тьерри мог склониться к взгляду гр. Буленвиллье?

Однако, несмотря на кажущееся противоречие, это является возможным; разница существенная и глубокая состоит в том, что один из знаменитых писателей считает факт завоевания за настоящий источник прав аристократов, другой же – видит в нем только факт насилия. Тьерри, признавая факт завоевания, производя даже высшие классы французского общества от франкских победителей, тем не менее рассматривает долгое господство пришлого элемента над коренным населением Галлии как факт нелегальный, основанный на насилии, а не на праве. Через всю историю Франции, по его мнению, проходит резкий антагонизм между двумя расами – победителями и побежденными, конец которому был положен Великой революцией 1789 года. Тогда, по известному выражению Наполеона I, «галлы прогнали франков» (то есть заставили эмигрировать французское дворянство) и одним из членов конвента было даже внесено предложение переименовать страну в «Галлию».

Таким образом, становится понятным, что Тьерри, с одной стороны, мог примыкать к третьему сословию, сочувствовать Дюбо, с другой – держаться взглядов графа Буленвиллье. Франки, по словам его, пришли в Галлию завоевателями-разорителями и расположились в ней лагерем. Первая и вторая династии их королей были немецкие, франкские; первой французской династией знаменитый писатель признает лишь Капетингский дом.¹⁷ В художественном увлекательном рассказе рисует он дальнейшие факты господства пришлых германцев, а также тех бед и притеснений, которые выпали на долю потомков галлов от потомков франков. Тьерри, признавая, как и Буленвиллье, факт полного завоевания, диаметрально расходится с ним во взглядах на законность последствий этого факта.

Ту же основную идею об антагонизме двух рас, перешедшем потом в антагонизм сословный, Тьерри развивает и в замечательном сочинении «История завоевания Англии норманнами».¹⁸ Вообще, эта идея, положенная в основу сочинений, способствует художественности его рассказов. В «Рассказах из времен Меровингов»¹⁹ он в художественной форме старается изобразить отличительную племенную физиономию германских завоевателей, сохраняя ее до мелочей, например, придерживаясь германского начертания и произношения имен собственных (Chlodowig вместо обыкновенной офранцуженной формы Clovis, Brunehilde вместо Brunchaut).

Другой, не менее знаменитый писатель новейших времен – Фюстель де Куланж (Fustel de Coulanges) в блестящем сочинении «Histoire des institutions politiques de l'ancienne France»²⁰ держится взглядов, противоположных Тьерри, примыкает к мнению Дюбо, высказывая его, впрочем, еще более резким образом. Завоевание, по воззрению его, скорее добровольное поселение франков на почве романизованной Галлии. Римляне издавна привыкли призывать как союзников варварских королей с их дружинами. Следовательно, насильственного вторжения не было и не в этом факте следует искать причины дальнейшего развития жизни галльской части населения. Римское предание не прекращалось, и сами франки вскоре ассимилировались, приняв латинский язык, римские нравы и

обычаи. На первых порах даже порядки римского времени были оставлены неприкосновенными.

Итак, по мнению Фюстеля де Куланжа, франки не являются завоевателями-разрушителями; они не были многочисленны, и, следовательно, не от них ведут свое происхождение высшие классы французского общества. С другой стороны, он настаивает на том, что не было и новых порядков, внесенных германцами: господство римских начал осталось в полной силе. Кроме того, он придает большое значение фактам, выставленным Дюбо и опровергаемым Монтескье, а именно: что Хлодвиг и другие конунги варваров получали титулы и почетные должности от императоров Восточной Римской империи.

Кроме упомянутых писателей, можно еще рекомендовать как необходимые пособия для изучения интересующей нас эпохи сочинения знаменитого французского историка-мыслителя Гизо (François Guizot). Из числа их наиболее замечательны его публичные лекции: «История цивилизации в Европе» (курс 1828 г.) и «История цивилизации во Франции» (курс 1829–1830 гг.).²¹ В первом сочинении автор представляет беглый и сжатый обзор хода европейской цивилизации в Средние века и последующий период, причем подробнее останавливается на средневековом периоде (11 лекций из 14).

В «Истории цивилизации во Франции» Гизо хочет представить характеристику всей западноевропейской цивилизации на примере Франции, потому что, по его мнению, Франция представляет полнейшее и всестороннейшее осуществление самого типа европейской цивилизации. Понимая цивилизацию как явление сложное, он выделил участие трех элементов в сложении средневековой жизни: римского, варварского (то есть германского) и христианского. Он проследил их участие в развитии различных факторов средневекового общества — феодализма, церкви, королевской власти, буржуазии (или демократии), а также показал различные попытки всех их к соглашению (которое, как он полагал, достигнуто только в XIX веке при реставрации Бурбонов, когда особой хартией было признано равновесие между началами: монархическим, аристократическим и буржуазным).

Иным совершенно характером отличаются взгляды Анри Мартена (Henri Martin), другого весьма популярного французского историка, написавшего «Историю Франции» от начала до нынешнего времени.²² Мартен построил свою историю на демократическом начале и сделался теперь не только народным историком, но и официальным историографом республики.²³

Главная цель Анри Мартена — изучение кельтской, основной, массы населения Франции и ее внутренней сущности, из которой он объясняет все дальнейшее развитие Франции. Духовные стремления кельто-галльской народности, ее самобытное развитие было подавлено тремя завоеваниями: римским, германским и христианским (Гизо же, наоборот, видит в них основные конституционные элементы). Мало-помалу кельто-галльский элемент сбросил эти путы, и в XII веке является расцвет кельтского начала, откуда и идет все хорошее: рыцарство и рыцарская поэзия, городские движения и так далее. Задача французской истории — не прими-

рение, не равновесие всех этих начал, а торжество одного основного, более родственного народной массе, кельто-галльского.

При решении вопроса о том, на каких началах, германских или римских, было основано первоначальное Франкское государство, весьма полезно обратиться к трудам двух первоклассных немецких ученых: Зибеля и Вайтца. Оба они вышли из школы знаменитого Ранке,²⁴ но, впрочем, совершенно расходятся в решении этого вопроса. Зибель высказывает свое мнение в сочинении, носящем заглавие «Die Entstehung des deutschen Königtums», Вайтц – в знаменитой «Deutsche Verfassungsgeschichte».²⁵ Резкая полемика, возникшая между ними по этому поводу, доходила даже до личных столкновений.

Зибель высказывает такую мысль: развитие германского государственного устройства точкою опоры и отправления имеет римские принципы. Немцы не создали ничего самобытного в этой области; они жили родовым бытом, который, по мнению Зибеля, не мог иметь дальнейшего развития; государство же должно было возникнуть под другим воздействием, и таковым в данном случае является римское предание.

Очевидно, что при таком взгляде для Зибеля имеют особое значение факты, выставленные Дюбо, то есть те чины, титулы, должности, которые короли германские получали от империи и которые давали им повод прилагать римские принципы сначала на той почве, где они поселились, а затем и на своих подданных – германцев. Подобное воззрение могло заставить многих заподозрить знаменитого писателя в недостатке патриотизма, в чем, действительно, упрекает его Вайтц.

Вайтц, напротив, утверждает, что Франкское государственное устройство основано на исконных германских началах; от римлян заимствовали скорее религиозный культ, обстановку жизни, язык, но принципы государственного строя – германские. Вместе с королевской властью, оставшейся в новом государстве, мы встречаем здесь и другие обычаи древнегерманского времени – народные сходки, сеймы и тому подобное.

Военное устройство Франкского государства и переход его к феодальному строю исследовал П. Рот, а право – Р. Зом.²⁶ Оба эти ученые – продолжатели Вайтца. У Зома («Франкское государство и судебное право») преувеличена, пожалуй, роль королевской власти в возникновении права у франков. В сочинениях Рота «История бенефициальных учреждений» (1850 г.) и «Феодализм и связь государственного подданства» (1863 г.) показана особая черта немецкого народа – склонность к государственному устройству жизни. Рот полагает, что еще при Таците у германцев был союз равных свободных землевладельцев – «союз подданства» (Untertanenverband), когда каждый свободный связан с королем, когда все они составляют ополчение, служащее опорой королевской власти. Феодальный же порядок сложился под влиянием римским и кельтским, которые разрушили «союз подданства».

Кроме этих специальных сочинений есть еще у немцев труды более общего характера. Таковы два популярных сочинения: Кауфмана «История немцев до Карла Великого» (Kaufmann. Deutsche Geschichte bis auf Karl den Grossen) и Арнольда под таким же заглавием.²⁷

Первый труд представляет хорошее общедоступное чтение; к сожалению, изложение отличается излишне изысканностью и манерностью. Сочинение Арнольда менее подробное, но написано со знанием дела и некоторою оригинальностью взгляда. Один том его посвящен изложению внешней истории, а другой – внутренней. Можно еще назвать труд Dahn'a, но он не довел историю франков даже до времен Меровингов.²⁸ В русской исторической литературе укажем два оригинальных сочинения: Ешевского и Кудрявцева (профессоров Московского университета).

Лекции Ешевского касаются основных явлений средневековой истории.²⁹ Он говорит в них о центре римского мира, его провинциях (курс 1), прекрасно излагает в «Очерках язычества и христианства» (курс 2) тот страшный перелом в умственном и нравственном мирозерцании человечества, который совершался на рубеже двух миров – древнего и нового; наконец, подробно излагает историю Средних веков в эпоху Великого переселения народов, Меровингов и Каролингов (курс 3).

Труд Кудрявцева озаглавлен «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. Обзорное остготого-лангобардского периода италийской истории».³⁰ Подробная оценка этого труда сделана покойным Грановским и помещена во втором томе собрания его сочинений.³¹ Конечно, многие взгляды Кудрявцева устарели (он и Ешевский читали свои лекции в 50-х годах XIX века), но тем не менее труд этот не потерял своего значения и теперь, как и в свое время, сделал бы честь любой литературе.

Кудрявцев задается вопросом: сохранилось ли в Италии римское муниципальное устройство после завоевания лангобардов? От решения его зависит и взгляд на характер того освобождения коммун, которое началось в XII веке и положило начало развитию городского сословия, известного во Франции под названием «tiers état». Если римское муниципальное устройство не сохранилось, тогда надо полагать, что новые городские общины возникли из совершенно новых начал. Кудрявцев решает вопрос в этом последнем, то есть отрицательном, смысле.

Затем в русской литературе остается еще указать на интересное сочинение П. Виноградова «Возникновение феодальных отношений в Лангобардской Италии».³²

Все поименованные сочинения представляют только пособия, в них факты передаются с известной точки зрения, с известной окраской, свойственной данному автору. Поэтому для более верного ознакомления с самими фактами следует обращаться к источникам, то есть к сочинениям очевидцев, ближайших современников или свидетелей этих фактов. Впрочем, и здесь тоже не следует забывать, что всякий смотрит на дело со своей личной точки зрения и что, следовательно, и тут возможно пристрастное отношение. К числу источников о Меровингской эпохе, несомненно заслуживающих доверия, принадлежит история Григория, епископа Турского, жившего в конце VI века. Озаглавлена она «Historia ecclesiasticae Francorum»³³ и доведена до 591 года, то есть до самой смерти автора. Григорий Турский принадлежал к знатной галло-римской фамилии, которая имела между своими членами много епископов и святых. Его сочинение для нас в высшей степени интересно и важно. Оно не об-

ладает блестящей формой изложения и в этом отношении стоит гораздо ниже Аполлинария Сидония, писателя V века.³⁴ Григорий Турский начинает повествование извинением в том, что не владеет хорошо латынью, что не соблюдает грамматических правил. Но зато его грубая, неуклюжая латынь (вполне объясняемая упадком в то время школьного образования) выкупается богатством содержания, тем простодушием и правдивостью, с которой он рассказывает о прошедшем, и в этом отношении он гораздо интереснее своего предшественника. Но как католик, ревностно преданный церкви, он не любит еретиков, какими считает ариан-вестготов. Этой нелюбовью, может быть, объясняется одно место, за которое его многие осуждают. Так, после рассказа о самых возмутительных поступках, которые Хлодвиг совершил по отношению к своим родителям, Григорий Турский прибавляет, что Бог помог ему одолеть своих врагов, ибо он «ходил правым сердцем перед Ним».³⁵ Хлодвиг был для Григория Турского представителем правого дела, то есть католичества, потому он радовался его успехам как торжеству этого правого дела. Но эта же преданность церкви и любовь к справедливости заставляют его вступать и в борьбу с франкскими королями, если последние затрагивают интересы той или другой. Кроме своей правдивости история Григория Турского важна тем, что он как человек, близко стоявший ко двору, знакомый со всеми делами и посвященный во все тогдашние интриги, какими так богато было время Фредегонды и Брунегильды,³⁶ может передать нам массу подробностей, которые в ярком свете рисуют состояние страны, борьбу в ней двух рас, в то время еще далеких от полного слияния.

Многими современными авторами высказано было мнение, что для изучения германцев, и особенно для решения вопроса о благодетельности их цивилизации, Григорий Турский представляет гораздо более верный источник, чем Тацит.³⁷ Как известно, германцы при самом появлении на арену истории были описаны Тацитом, причем последний постоянно изображает их людьми, близкими к природе, неиспорченными и превосходящими в нравственном отношении образованных римлян. Некоторые ученые обвиняют его поэтому в намеренной идеализации, с целью поднесения зеркала римскому миру; они советуют лучше обращаться к Григорию Турскому, у которого нет никаких тенденций. Действительно, у последнего германцы представлены совершенно в другом свете. Они вовсе не так неиспорчены, какими их изображает автор «*Germania*». Напротив, они представляются нам в высшей степени жадными к золоту, из-за которого готовы на величайшие злодеяния, кровавыми и вероломными, и пресловутой германской верности у них совсем не заметно. Мы еще вернемся к этому вопросу, но во всяком случае изучение этого писателя чрезвычайно важно как с фактической, так и с научной стороны.

Читать Григория Турского можно в немецком переводе Гизебрехта или во французском переводе Гизо. Переводов на русский язык нет, но есть довольно значительные извлечения из его сочинения в хрестоматии Стасюлевича.³⁸ Из продолжателей Григория Турского важнейший — Фредегарий. Изложение его характеристично еще большим упадком языка, а между тем Фредегарий был схоластиком, то есть учителем в школе.³⁹

Важное значение рядом с хрониками и анналами имеют жития святых. Пользоваться ими надо с большой осторожностью, так как они очень важны для истории идей и нравов, но в том, что касается истории политической, опасно им доверяться. Критика житий чрезвычайно трудное дело. Большая часть их составлена много позже смерти тех лиц, о которых они говорят, и не по письменным документам, а по устным рассказам, преувеличенным религиозным энтузиазмом и суеверием. Помимо того, большая часть житий святых дошла до нас не в оригинальной форме, а в позднейших переделках, разукрашенных и интерполированных переписчиками и составителями. Наконец, если даже житие и написано современниками событий, оно не всегда поэтому более точно, чем поздний пересказ. Большой частью это или сочинение учеников, которые стараются возвеличить своего учителя, или – компиляторов, которые для того, чтобы написать жизнь этого святого, находят совершенно естественным списывать с жития другого святого. До нас дошло странное житие святого Ремигия, написанное Гинкмаром, епископом Реймским (IX век); важное для истории житие святой Женевьевы, так как оно написано вскоре после ее смерти, то есть в первые годы VI века; важные известия есть в житиях святого Геннадия, также святого Северина, написанного его учеником Евгиппием, святого Цезаря Арльского (написано его учеником Киприаном); житие святого Веста (до середины VI века) дает картину апостола этого святого на севере Галлии. Извлечения из житий напечатаны у Bouquet M.: «*Excerpta de vitis Sancto-rum*», III, pag. 369–675.

Из других документов, которые сохранились, очень важны письма. Например, у епископа Виенны (Vienna) Авита⁴⁰ письма большей частью по богословским вопросам, тем не менее там мы находим причины, которые обеспечили Хлодвигу покорение Галлии. Можно извлечь интересные сведения также из писем святого Ремигия к Хлодвигу, писем Теодориха Великого, остготского короля, сохранившихся в собрании Кассиодора.⁴¹

От этих общих указаний мы можем теперь обратиться к изложению первоначальной истории франков.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАНКОВ И ИСТОРИЯ ФРАНКСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГАЛЛИИ ДО КОНЦА ПРАВЛЕНИЯ ХЛОДВИГА

ФРАНКИ: ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ СВЕДЕНИЯ О НИХ И ИХ РАССЕЛЕНИЕ

Имя франков делается известным с III века. В первый раз оно встречается под 240 годом у одного писателя. Затем в конце XV века одним аугсбургским гражданином была открыта римская дорожная карта. Находка эта важна тем, что показывает нам, что у римлян были дорожные карты, обнимавшие все пространство империи. Такого рода дорожники начали появляться рано и окончательно были составлены в III веке. И вот, на найденном экземпляре, там, где обозначена граница остановки государственных повозок в устье Рейна, мы читаем надпись: «*Chamavi qui ex Franci (Franci)*». Итак, имя франков встречается впервые в III веке, но из этого еще не следует, чтобы само племя не существовало раньше. Если обратиться к Тациту, римскому писателю I века, оставившему нам сведения о германцах,¹ то мы не встретим у него никаких указаний на существование в то время франков. Но тем не менее нельзя же предположить, что это племя появилось неожиданно. По всей вероятности, несколько мелких народцев составили союз или федерацию, которая стала известна под общим названием «франков», вернее даже, было два союза, «франков салических» и «франков рипуарских». Что значит само слово «франки» — трудно решить. Наиболее правдоподобно переводить это слово в связи со старонемецким словом «*frak*» (теперешнее «*frsch*»), что значит «дерзкий, смелый, свободный человек». Другие же производят это слово от кельтского «*frank*» — «длинноволосый».

Ядром франкской федерации следует считать батавов и каннифатов, живших на так называемом Батавском острове, то есть в треугольнике, образуемом течением Нижнего Рейна, Ваала, левого рукава Рейна и моря. Каннифаты занимали западную часть этого острова, ближе к морю. Далее, на юго-восток между Маасом и Рейном, жили кугерны, остаток некогда знаменитых сигамбров, переселенных при императоре Тиберии с правого берега Рейна на левый. Эти-то мелкие племена, объединившись, и составили федерацию салических франков. Название это также дало повод к различным толкованиям: некоторые ученые выводили его от имени рукава Рейна — Исселя, предполагая, что раньше он назывался Саалой. Другие же — от кельто-германского «*sale, sal, saile*» — слово, часто употребляемое для обозначения соленых ключей Германии и родственное нашему слову «соль». Предполагается, что это же слово могло служить для обозначения соленой морской воды, морского берега, а вместе с этим и прибрежных жителей.

Хамавы, амписварии и другие мелкие племена составили вторую ветвь франков – рипуариев. Они жили сначала на правом, а потом и на левом берегу Рейна. Имя это, по всей вероятности, происходит от слова «гiра» – «речной берег» и означает жителей по берегу реки.² Рипуарии больше, чем салические франки, сохраняли связи с внутренними областями Германии.

В III веке между всеми германскими племенами начинается движение. Они нападают на империю, выказывая очевидное стремление расширить свои владения. Императоры ведут с ними постоянную и довольно упорную борьбу. Констанций Хлор и сын его Константин Великий должны были защищаться от варваров, которых они разбивали, брали в плен и затем отдавали на съедение диким зверям в цирке города Трира.³ Об этих фактах известно из панегириков галльских ораторов, произнесенных в честь Констанция и Константина. Между прочим, здесь упоминаются даже имена некоторых конунгов, также ставших жертвой диких зверей. Из панегириков мы узнаем, что не все пленные предназначались для зрелищ в цирках, а огромные толпы их были поселены на земли империи в качестве колоннов,⁴ то есть людей, прикрепленных к земле, и в качестве лэтов. Лэтами называли тех, кто, по большей части добровольно, поселившись на государственной земле, не платил никаких податей, но обязан был нести военную службу, собираться в определенное время в определенных местах для военных упражнений. В виде жалованья за эту службу им давалась земля. Они обязаны были возделывать ее и без позволения римского правительства не имели права оставлять.

Победы Констанция Хлора и Константина Великого не остановили, однако, продвижение франков. Юлиан Отступник,⁴ еще будучи префектом Галлии, должен был опять бороться с ними, так как в его время они попытались пройти дальше и завладеть землей по направлению к Шельде, так называемой Токсандрией (пространством между Арденнским ле-

⁴ Безымянный панегирист Констанция Хлора рисует нам такую картину после победы над франками и фризами: «Мы теперь видим, как под городскими портиками сидят пленные толпы варваров; под жестоким ударом смирилась их свирепая натура: взрослые мужчины дрожат от страха; подле них – старухи, которые с жалостью смотрят на своих испуганных детей, и молодые жены, которые разделяют уныние своих супругов; связанные вместе одной и той же цепью, мальчики и девочки шепчут привычные ласковые речи; и все они будут распределены между провинциалами Вашей империи. Все они сидят здесь в ожидании того, что их отведут на те земли, которые их трудом из пустынь превратятся в цветущие поля».

Представляя военнопленных обрабатывающими землю, он говорит: «Хамавы и фризы, блуждавшие прежде на наших границах, теперь, покрытые потом и грязью от деревенских работ, обрабатывают наши поля, являются на еженедельный торг с продажным скотом, и вот варварский земледелец понижает цену хлеба».

Наконец, следует третья картина, где германский варвар превращается в усердного и верного слугу императора при военном наборе: «Если его позовут к набору, он спешит на зов с готовностью, скоро обтирается на службе; его спина безропотно покоряется обычным наказаниям: ибо он гордится именем римского воина» (Panegyrici latini. VIII).⁶

сом, Шельдой и Рейном). Юлиан разбил их, но оставил, однако, жить на новой территории с условием, что они будут защищать страну и, в случае необходимости, выставлять вспомогательные отряды. Таким образом, франки из Батавского острова проникли в северную Белгику.⁵

После смерти императора Юлиана франки оставались на своих местах почти пятьдесят лет, но около 411 года они подвинулись далее, пользуясь наступившими в империи смутами, увеличив свою территорию. В половине V века история их связывается с именем первого конунга, известного по источникам, — Хлодиона, овладевшего областью на юг от Шельды до Соммы, с городами Камбре и Турне. В последнем (Турне) он устроил свою столицу. Это было третье большое передвижение франков, о котором известно из Аполлинария Сидония.⁷

После Хлодиона предание называет королем франков Меровея, от которого династия получила будто бы свое название. Но мы вряд ли можем считать его историческим лицом, так как не имеем никаких сведений о делах его и жизни. Вполне историческим лицом является только Хильдерик, отец знаменитого Хлодвига.

Сведения о первоначальном периоде истории Хильдерика, сообщаемые нам Григорием Турским, так же как и некоторыми позднейшими источниками, темны и легендарны. Вот что говорит Григорий Турский: «В самом начале своего правления Хильдерик должен был бежать из своего государства вследствие возмущения недовольных им франков. Он скрылся в Тюрингию, оставив в своих владениях преданного друга и поручив ему успокоить франков. Разломанная на две половины золотая монета разделена была между королем и его другом: “Когда я пришлю тебе эту половину, — сказал последний, — и когда обе части, сложенные вместе, составят одну целую монету, ты можешь тогда без страха вернуться в свою страну”. Король тотчас отправился в Тюрингию и нашел убежище у короля Базины и жены его Базины. По изгнании Хильдерика франки единогласно избрали королем Эгидия, который был римским уполномоченным в Галлии. На восьмой год правления Эгидия верный друг, оставленный Хильдериком в Галлии, усмирив франков, тайно отправил своему королю половину разломанного солида. Этот последний, уверенный теперь, что франки вновь хотят его, возвратился из Тюрингии и был восстановлен на царство. Королева Базина между тем оставила своего мужа и явилась к королю франков. Когда же он спросил ее, по какому поводу приехала она к нему из такой далекой страны, она, говорят, отвечала: “Я знаю твою великую храбрость и твои достоинства: вот почему я пришла, чтобы жить с тобою, ибо знай, что если бы даже за морем я узнала человека с большими достоинствами, чем ты, я точно так же пожелала бы жить с ним”. Хильдерик с радостью женился на ней, и от нее-то родился у него сын — Хлодвиг. Это был великий человек и храбрый воин».⁸

Другие известия о военной деятельности Хильдерика также кажутся очень странными. Власть его была незначительна; территория, которой он владел, была мала, однако мы видим, что роль, которую она играет, далеко немаловажна. Всего любопытнее тот факт, что власть его является довольно значительной даже там, где еще не исчезла сила Рима. Так,

мы видим его близ Орлеана сражающимся против готов за империю. По известиям Григория Турского, он является также защитником Галлии на Луаре, около города Анжера (где позднейшая провинция Анжу). Он здесь борется против морских пиратов – саксов, разорвавших Галлию. Ему удается разбить их и овладеть Анжером.⁹

Но что всего страннее и любопытнее – Хильдерик является как бы распорядителем и властелином в самом сердце Галлии: в Lutetia Parisiorum – будущем Париже.

В житии св. Геновефы (Женевьевы) рассказывается следующее: «Я не могу объяснить, – говорит автор его, – сколь велико было уважение, которое питал к св. Женевьеве Хильдерик, могущественный король франков. Однажды, боясь, чтобы она не отняла у него пленников, предназначенных к смертной казни, он вышел из Парижа и приказал запереть городские ворота. Но едва только Женевьева узнала о его распоряжении, она тотчас же решила избавить несчастных от судьбы, им угрожавшей. Велико было общее удивление, когда городские ворота открылись перед нею без помощи всякого ключа. Тогда, последовав за королем, Женевьева добилась помилования пленников».¹⁰

Этот рассказ в достаточной степени показывает нам хорошие отношения между королем франков и католической церковью. Другой факт имеет, быть может, еще более важное значение. Когда «страшная слава франков» распространилась до Лангра, то весь народ стал желать их власти (Григорий Турский).¹¹ То есть мы видим, что галло-римляне – католики и подданные бургундского короля, преданного арианству, обращают свои взоры и надежды к германцам, которые стали на сторону Рима, когда его могуществу угрожала опасность со всех сторон. Германский конунг поддерживает дружеские отношения с римлянами Галлии. Несомненно, что это оказывало большое влияние на политическое положение здесь, но следует остерегаться придавать этому влиянию решающую роль.

Едва ли можно предположить, чтобы власть Хильдерика простиралась за Сомму. Каким же образом мы видим его действующим в союзе с римлянами в самом центре Галлии, по какому праву он в городе Париже наказывает виновных смертью, приказывает запереть ворота, как будто бы город принадлежит его королевству? Дюбо полагает,¹² что Хильдерик после смерти Эгидия¹³ наследовал его должности; он был *Magister militum in Gallis*, и как таковому ему должны были повиноваться все римляне в Галлии, способные носить оружие.^A Отказываясь от мнения Дюбо, опровергнутого в свое время еще Монтескье, Зибель¹⁴, однако, тоже думает, что могущество Хильдерика было основано не на власти его, как вождя салического народа, а на его отношениях с Эгидием. Из рассказа Григория об ужасе перед франками (*terror Francorum*), распространившемся «in partibus Lingonum»,^B ужасе, причиной которого могли быть,

^A Эта глава у Дюбо и следующая за ней могут служить любопытным образчиком той аргументации, которая так остроумно была осмеяна Монтескье. Дюбо говорит о какой-то «лиге» императора Севера и бургундского короля и «контрлиге» против них Эгидия, точно это было событие Семилетней войны.

^B То есть в области месторасположения Лангра (*lat. Lingonas*).

конечно, не рипуарские, а только салические франки, Зибель выводит, что могущество Хильдерика не могло корениться в Турне или Брабанте. Конечно, ужас мог распространиться и отсюда до Лангра, но желание жителей иметь Хильдерика своим государем объяснимо только в том случае, если мы допустим, что он уже раньше в соседней области показал свои государственные способности.

Однако и Зибель оговаривается, что не может быть речи о территориальном господстве; власть Хильдерика имеет совершенно другие основания. Если мы находим его в Анжере и в Париже, то он проник туда не как *magister militum* и не как чуждый завоеватель; он был «кондотьером» римского военачальника. Зибель указывает и на другие примеры таких отношений варварских королей и римской власти. Здесь, на колеблющейся почве отношений поселенцев к империи, положение теряет свою ясность, до формальной уступки дело не доходит. Но не из салического народного королевства вырастает могущество Хильдерика. На своей родине, подобно Алариху, он был бы не более как старшина^А небольшого племени; как римский военачальник он держит в своем повиновении всю страну между Сенной и Луарой. Римская служба, которая уже не налагает на него действительного подданства, дает ему формы, при помощи которых ему удастся держать в повиновении стекающихся к нему со всех сторон соплеменников.

Но то, что мы знаем о Хильдерике, едва ли подтверждает эти предположения Зибеля. Если он сражается против вестготов и саксов, то как союзник римских властей на севере Галлии, а никак не чиновник римский, обаянный защищать целостность ее границ.

После смерти Павла^В он завладевает Анжером в интересах римлян, но мы не знаем, надолго ли он удержал это владение. В житии, выписку из которого мы привели выше, мы находим Хильдерика в Париже, куда его, по всей вероятности, привела экспедиция, предпринятая им в эту сторону. Мы видим также, что он приказывает запереть ворота города, но нельзя отсюда заключать, чтобы король франков был облечен постоянной и формальной властью. Наконец нельзя, как это делает Зибель, из того, что жители Лангра предпочитали власть Хильдерика власти бургундов, заключать, что он в соседней стране успел уже показать свои способности администратора.

Если мы видим Хильдерика в той части Галлии, которая в его время была еще римской, то это еще не доказывает, чтобы его власть была основана на праве, полученном из Рима.

По мнению некоторых других ученых, могущество Хильдерика было основано на качестве его как небольшого местного правителя, а власть его обнимала небольшую область.

Выше мы видели, что область салических франков была, по всей вероятности, разделена между несколькими королями. Резиденция Хильдерика была в Турне. Здесь, на земле, сделавшейся со временем вторым

^А Старейшина.

^В Павел — римский полководец, который вместе с Хильдериком сражался с саксами в битве за г. Анжер в 469 или 468 году. В этой битве Павел погиб.

отечеством его народа, он был облечен королевской властью. В своем маленьком королевстве Хильдерик находит постоянную точку опоры для всех своих предприятий. Он не может присоединить к себе франков тех земель, которые не подчинены ему непосредственно. Во главе их он принимает участие в движениях, которые в то время сотрясают Галлию. Что касается римского верховенства, номинально оно еще существовало, но на самом деле это было слово, лишенное значения.

Таким образом, к качеству небольшого франкского государя и конфедерата мелких местных князей Хильдерик сумел добавить качество союзника римского военачальника на севере Галлии, и в минуту опасности он простирает Риму руку помощи. Этот же союз должен был ему ясно показать глубокую немощь империи, и особенно после смерти Эгидия. Последнее обстоятельство послужит исходной точкой для Хлодвига, сумевшего на этом основании возвести здание своего могущества.

Если посмотреть на положение Галлии в империи, то обратить внимание следует на переворот, произведенный падением Западной империи. В 476 году Одоакр стал королем германцев в Италии, а в 480 году Ромул, последний император, умер от руки убийцы. Римское верховенство было в Галлии окончательно разрушено, так как власть восточных императоров в то время не имела никакого значения. Одоакр, занятый внутренними делами Италии, не сделал даже серьезной попытки удержаться в провинциях Галлии. На юге он позволил вестготам распространить свою власть до самой итальянской границы.

Между тем в Галлии умер в 464 году Эгидий, оставив сына – Сиагрия,¹⁵ который не мог наследовать отцу в официальном положении. После смерти Эгидия должность, которую он занимал (*magister militum*), престала существовать. Власть Сиагрия после падения Западной империи – это власть независимого магната. Хильдерик, сражаясь за Рим с вестготами и другими варварами, пользуясь римской казной, приобретал в глазах франков все большее значение и сам привыкал требовать от них большего подчинения. Впрочем, прочно утвердиться в центре Галлии он не смог. Хильдерик умер в Турне, на своей земле, где впоследствии найдена была его гробница, а в ней все украшения и вооружение, с которыми король был похоронен. Сохранились многие золотые и шелковые нити его пурпурной мантии, панцирь, острие копья, меч, боевой топор – все железное; его перстень с поясным изображением короля и с надписью «*Childerici regis*», много римских золотых и серебряных монет, а также драгоценностей, служивших украшением одежды и вооружения. Между прочим, найдено до 300 маленьких золотых пчел, возможно, украшавших королевскую одежду (Наполеон заимствовал отсюда свои императорские знаки). Таким образом, Хильдерик, начальная история которого кроется в баснословном тумане, в конце жизни выходит на полный свет истории. Открытие его гробницы справедливо было названо воспроизведением его исторической личности. До наших дней дошло то оружие, которым он защищал гибнущую Римскую империю и положил начало возвышению Франкского королевства.

Взгляды Дюбо и Зибеля на значение и характер деятельности Хильдерика оспариваются другими учеными, в том числе и Юнгансом.¹⁶

В своем труде Юнгганс не признает факта возвышения Хильдерика из мелкого конунга в важного короля и вместе с тем говорит, что Хильдерик является только федератом римским, а не сановником, получившим чин от императора. Очевидно, что на окончательном решении вопроса о значении Хильдерика трудно еще остановиться. Ясно, что он действовал не вполне самостоятельно, но каково было его отношение к империи — это еще не вполне выяснено. Во всяком случае, он является подготовителем будущей тесной связи своего преемника — Хлодвига — с Римом и галло-римским населением.

КОРОЛЬ ХЛОДВИГ, ЕГО ПОЛИТИЧЕСКАЯ РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ

Знаменитый сын Хильдерика, Хлодвиг появляется в истории во второй половине V века. Он владеет только частью салической территории, так как одновременно с ним другой частью правил родственник его Рагнахар.

В это время Галлия распалась на три части: Средняя часть Галлии, область между Сеной и Луарой с городом Парижем, находилась под управлением сына Эгидия — Сиагрия и считалась еще римской; затем за Луарой было Вестготское королевство, а в области реки Роны — Бургундское королевство. Сиагрий носит громкое имя *Rex Romanorum*,¹ а самая область его у Григория Турского называется *Regnum Romanorum*. Название можно объяснить лишь тем, что после низложения последнего римского императора Ромула Августула в 476 году Сиагрий, не признавая себя наместником далекого властителя Византии и желая стать на самостоятельную ногу с королями варваров, принимает этот новый для него титул.² Григорий Турский сообщает нам, что в 486 году Хлодвиг в союзе с Рагнахаром нанес поражение Сиагрию при Суассоне. Сиагрий вынужден был искать убежища у короля вестготов, но тот выдал его Хлодвигу.³ От Григория же Турского мы узнаем о дружелюбных отношениях Хлодвига с епископом Реймским.⁴ Между тем мы не имеем подробных сведений о том, каким образом Хлодвиг расширил свои владения до реки Соммы, а потом и до реки Луары.

В источниках есть несколько разбросанных указаний на события, происходившие между Сеной и Луарой. Жизнь святой Женевиевы⁵ говорит об осаде, которую должен был выдержать от франков город Париж, причем по одной рукописи — в продолжение пяти дней, по другой — десяти лет. Впрочем, последние рассказы весьма темны и маловероятны.

Жизнь святого Максимиана⁶ говорит, что в первые годы царствования Хлодвига, в то время, когда он «должен был выдержать множество битв», жители Вердена решились «изменить ему», затем, «осажденные им, они получили прощение через предстательство старого священника».

У Прокопия Кесарийского, византийского писателя VI века,⁷ находим, хотя тоже не совсем точные, но все же не лишние значения, известия о заключении мирного соглашения между франками и местными жителями одной провинции. Не сумев победить их силой, франки стали

искать другой путь. Был заключен договор, по которому дозволялись смешанные браки между обоими народами. Таким образом, постепенно два народа слились в один. Римские воины, продолжает Прокопий, занимавшие до того времени отдаленные посты на границах, видя, что всякая надежда на помощь со стороны Рима должна быть оставлена, и не желая попасть в руки своих врагов — ариан, присоединились также к франкам, а с ними вместе и страна, доверенная их защите. До времени Прокопия их потомки сохранили свое военное устройство и остались римлянами по правам и обычаям. Что касается жителей Бретани, то они подпали власти франков только после смерти Хлодвига, но и тогда продолжали со своими вождями воевать против королей Меровингского дома.

С того дня, когда Хлодвигу удалось завладеть всей северной Галлией, центр тяжести его королевства перемещается из старых владений салического вождя в галльские провинции, которые ему только что удалось завоевать. В продолжение десяти лет совершался этот важный факт утверждения франков в центральной Галлии. Интересно узнать, как Хлодвиг поступил с галло-римлянами, до сих пор бывшими вполне самостоятельными, не имевшими сплошных варварских поселений, как, вообще, поставили себя франки по отношению к побежденному населению?

При разборе этого вопроса необходимо строго разграничить два франкских завоевания: первое в Белгии, в области Мааса, Шельды и Соммы, при Хлодионе, а второе — в центральной Галлии, в области реки Сены, при Хлодвиге. Все данные свидетельствуют нам, что в первом случае франки явились разрушителями прежде существовавшей культуры и истребителями населения. Из житий святых мы узнаем, что здесь раньше существовала христианская церковь, но что потом, вследствие нашествия франков, она была уничтожена. Это превращение романизованной цветущей страны в языческую, вполне онемеченную, объясняется, кроме уничтожения старого населения, еще постоянным притоком свежих сил из внутренней Германии.

Совершенно иной характер имело второе завоевание, при Хлодвиге. Франки, пришедшие с ним в эту область, не произвели даже простого раздела земли, потому что не нуждались в этом, как другие варвары. Прибыв сюда с Хлодвигом, они не порвали связи с более северными своими землями и после счастливого окончания войны возвращались обратно на родину, за Сомму, где у них были свои участки земли. Таким образом, земельный раздел был необходим только в ограниченном количестве, и для произведения его хватало земель фиска, то есть римских казенных земель, доставшихся Хлодвигу после победы над Сиагрием. С самого начала это поставило его в мирные отношения к римскому населению. И действительно, мы видим, что вокруг него группируются местные аристократы-землевладельцы, не утратившие своих земельных участков. Многие из них находились даже в непосредственной близости к королю и составили особое сословие королевских сотрапезников.⁸

Хлодвиг находился также в хороших отношениях с католической церковью, что привело его впоследствии к принятию христианства. Крещение его связано с его женьбой на бургундской принцессе Хродехильде, или Клотильде. Бургундский королевский дом был привержен к

арианству, но сама Клотильда была католичкой. Она была племянница бургундского короля Гундобада, который велел утопить ее отца Хильперика.⁹ Весьма понятно поэтому, что она должна была питать к убийце своего отца непримиримую ненависть и искать случая отомстить ему.

Рассказывают, что Хлодвиг послал к ней со сватовством тайно римлянина Аврелиана, переодетого нищим, который передал ей перстень от Хлодвига и сделал от его имени предложение. Хродехильда согласилась, но с условием, чтобы он принял крещение и отомстил за ее отца. На второе условие Хлодвиг охотно согласился, но от первого пока отказывался. Брак, однако, состоялся. Не без основания можно предполагать, что этот брак был устроен при посредстве христианских епископов Галлии, иначе трудно себе представить, почему Хлодвиг, могущественный король, взял дочь государя, уже давно убитого; принцессу, род которой не имел никакого значения и которая не могла ему даже принести значительного приданого. Сделавшись женой Хлодвига, Клотильда долгое время убеждала его принять крещение,¹⁰ но король продолжал отказываться, руководясь, вероятно, теми же соображениями, как и русский князь Святослав, т. е. что дружинники за ним не пойдут. Он, однако, не помешал ей крестить обоих своих сыновей, но когда один из них умер, то он стал упрекать жену, говоря, что смерть ребенка была послана богами за измену им. Он решился креститься только после победы над аламаннами.

Аламанны в то время были соседями франков по среднему и верхнему течению Рейна. Они занимали нынешний Баден, Вюртемберг, Восточную Швейцарию. Теперь они стали грозить Галлии, и тогда Хлодвиг начал войну со своими соплеменниками, показывая тем самым себя как защитника римского населения и культуры. Главное сражение между франками и аламаннами произошло в 496 году при Тольбиаке (Цюльпих). Сначала победа склонялась в сторону аламаннов, но в критическую минуту, как рассказывает Григорий Турский, Хлодвиг вспомнил об увещаниях своей супруги и с горячей молитвой обратился к Богу Клотильды, обещая ему принять христианство в случае победы в этой битве. Король аламаннов пал в сражении, и они признали власть Хлодвига над собой.¹¹

Если мы обратимся к вопросу о том, как обошлись франки с побежденными аламаннами, то увидим большую разницу сравнительно с отношением их к галло-римскому населению. Земли по рекам Майну и Неккару были совершенно отторгнуты от аламаннов и заселены франками (быть может, от этого и произошло название этих земель — Франкония). Аламаннский элемент здесь был совершенно истреблен. Но, конечно, он сохранился в позднейшем герцогстве Аламанныи, переименованном потом в Швабию, то есть в тех местах, где встречается и до нашего времени: в Эльзасе, Бадене, Вюртемберге и частью в Швейцарии. Особенно характеристично, что Хлодвиг поступил так жестоко со своими соплеменниками, в то время как он очень гуманно и мягко обошелся с покоренными им галло-римлянами. Некоторая часть побежденных франками германцев бежала и нашла убежище у Теодориха.¹²

Важнейшим следствием победы над аламаннами было принятие Хлодвигом христианства. Тотчас же после этой битвы, рассказывает Григорий Турский,¹³ Хродехильда тайно пригласила к себе святого Ремигия, епископа Реймского, и просила его внушить сердцу короля слово спасения. Св. Ремигий пригласил к себе короля, когда последний находился на возвратном пути в Реймс, и обратился к нему с проповедью, убеждая уверовать в истинного Бога и оставить идолов. Хлодвиг отвечал ему: «Я охотно повиновался бы тебе, святой отец, но есть препятствие к тому: народ, который следует за мной, не потерпит, чтобы оставляли его богов. Потому я пойду к нему и повторю твои слова». И он пошел к народу, но прежде чем начал говорить, народ в восторге воскликнул в один голос: «Благочестивый король, мы оставляем смертных богов и готовы служить бессмертному Богу, во имя которого проповедует Ремигий». Дали о том знать епископу, и тотчас же начались приготовления к крещению. Признав Троидного Бога, говорит Григорий Турский, король был крещен и помазан елеем, с ним же крестилось более 3 тысяч человек из его дружины и две сестры, из которых одна вскоре умерла. Событие описано у Григория Турского следующими чертами: «Улицы были разукрашены разноцветными тканями, церкви обвешаны белыми занавесями, приготовили баптистерий; повсюду разливалось благоухание; зажгли благовонные свечки, и баптистерий наполнился божественным благоуханием. Бог сподобил такой милости присутствующих, что им казалось, будто бы они находятся среди селений рая. Король просил епископа окрестить его первым. Новый Константин приблизился к купели, которая должна была исцелить в нем древнюю проказу и омыть в новой воде пятна, которые наложены были его прошедшею жизнью. Когда он вошел, чтобы получить святое крещение, то угодник Божий (св. Ремигий) начал говорить своими вдохновенными устами: «Склони голову, укрощенный Сикамбр, поклоняйся тому, что ты истреблял, и истребляй то, чему ты поклонялся»».¹⁴

Есть еще позднейший рассказ об этом событии Флодоарда, жившего в X веке.¹⁵ Там встречаются новые подробности, например появление голубя, который в клюве принес св.^А миро.

Из описания Григория Турского видно, что крещение было в 496 году, а в других источниках есть указание более подробное, а именно, что оно произошло в праздник Рождества Христова. Но в это время крестились не все франки, а только часть народа; во многих местах государства язычество держалось еще очень долго. Впрочем, и на самого Хлодвига христианство в нравственном отношении повлияло весьма мало.

Крещение короля франков произвело сильное впечатление на современников и имело весьма важное значение для последующей истории Западной Европы. В противоположность другим германским конунгам Хлодвиг принял католическое исповедание. Очевидно, что к нему, первому германскому конунгу, исповедовавшему ту же веру, что и побежденные, обратились с надеждой и радостью даже те галло-римляне, которые жили не в его владениях. Сохранились письма епископа Авита Вьеннского,¹⁶ предводителя франкской партии в государстве бургундов, человека, игравшего первостепенную роль во многих событиях той эпохи.

^А св[ященное].

В письме, написанном Хлодвигу по поводу его крещения, Авит радуется, что, несмотря на все старания неправоверных (здесь, очевидно, разумеются ариане), Хлодвиг склонился к истинному учению. Они (католики) до сих пор думали, что только на последнем Страшном суде обнаружится со всею ясностью, на чьей стороне истина и чья вера правая. Но теперь проблеснул луч истины уже и здесь, в настоящем. «Божественное Провидение, — говорит Авит, обращаясь к Хлодвигу, — нашло в тебе повелителя и ревнителя нашего века. Делая выбор для себя, ты решаешь за всех нас. Твоя вера есть наша победа (*vestra fides nostra victoria est*). Увещаниям священников, убеждениям товарищей не будут противопоставляться народные привычки и прародительский обычай».

Авит хвалит Хлодвига за то, что он довольствуется одной только знатностью (*sola nobilitate*) своего происхождения, основанного на целом ряде древних предков, и хочет, чтобы только от него (Хлодвига) происходило и вело начало новое благородство его потомства, способное быть украшением всякого высокого положения. Подобно предкам, он господствует в здешнем мире, а в Царстве Божием он будет начинателем и образцом для потомства.

«...Пусть Греция хвалится тем, что она имеет католического государя, теперь не одна она владеет этим драгоценным даром — и Запад имеет теперь свой светоч в лице короля». Хлодвиг принял крещение в день Рождества Искупителя рода человеческого, а потому, говорит Авит: «...Блеск этот прилично начинается с Рождества Искупителя, чтобы ясно было, что Вы возрождаетесь к спасению волною крещения в этот именно день, в который мир принял родившегося для его искупления Владыку неба. Итак, торжественный праздник Рождества Христова будет праздником Вашего крещения. Вы рождаетесь Христу в тот самый день, когда Христос родился миру».

Приглашенный вестником, Авит не мог явиться на торжество крещения Хлодвига и писал ему: «Хотя я и не присутствовал лично при торжестве твоего возрождения, я все-таки участвовал в радостях этого великого дня. Благодаря Божией благодати, мы узнали счастливую новость прежде, чем твое крещение совершилось. Наши опасения исчезли, и священная ночь Рождества обрела нас уверенными в тебе. Мы следили духом за всеми церемониями, мы видели, как ты склонял голову, готовясь принять благодать...» и т. д.^A Авит надеется, что крещение даст новую силу оружию Хлодвига, которому до сих пор покровительствовало счастье. Авит не хочет давать ему наставлений, он (Хлодвиг) не нуждается в побуждениях к вере, кротости и смирению, так как обнаруживал эти качества, когда их от него нечего было и требовать; но об одном напоминает Хлодвигу Авит: «Скоро Господь сделает своим достоянием весь народ франкский; пусть он^B не замедлит тогда поделиться сокровищами своей веры с теми народами, которые остаются еще в язычестве, пока они еще не заражены ложным учением».^C

^A т[ак] д[алее].

^B То есть Хлодвиг.

^C Имеется в виду арианство.

Не меньшее расположение к новообращенному выказывали и все подвластные Хлодвигу епископы, а в особенности Ремигий, который после смерти Альбофледы, сестры короля, прислал ему письмо с приглашением посетить Суассон, чтобы облегчить горе.¹⁷

Чрезвычайно важный факт в крещении Хлодвига – предпочтение, отданное им католической религии. Этот выбор избавил королевство франков от бедственных по своим последствиям раздоров, которые разделяли германцев ариан и римлян католиков в других государствах Европы; благодаря ему осуществлялось слияние варваров и римлян, слияние, благодетельные последствия которого проявились в истории позднейших времен. С другой стороны, обращение Хлодвига в католическую веру имело важное значение для самой католической церкви: она приобрела в лице короля сильного и могучего помощника в борьбе против арианства, господствовавшего тогда в других германских государствах, а также и против язычества. Авит советовал Хлодвигу «при помощи послов, специально для этого отряжаемых, устроить дело Бога» среди язычников так, чтобы они стали подданными сначала в деле религии, а это облегчит им признание и политической власти франкского короля.

Для Хлодвига крещение давало немало выгод. Оно привлекало на его сторону римлян католиков, живущих в той части Галлии, которая не была еще под его властью. Впоследствии, в войнах с бургундами и вестготами, мы увидим, что среди его врагов действовала, так сказать, «франкская партия», которая оказывала ему существенные услуги. Но речь о войнах еще впереди, а пока зададимся вопросом о том, какие отношения установились между Хлодвигом и духовенством, отношения официальные и неофициальные?

Со времени падения Западной Римской империи церковь одна осталась твердо стоять на ногах и сделалась вскоре главной заступницей горожан против местных тиранов правителей и варваров. Благодаря богатым подавниям, которые духовенство получало от частных лиц (такие подавния нередко приносил и Хлодвиг), оно получило возможность свободно и широко выполнять свои обязательства по отношению к бедным и к нуждам самой церкви. Кроме того, церковь представляла в каком-то смысле единственный центр цивилизации посреди варварского народа. Отсюда понятно то чувство любви, благодарности и благоговения, которое испытывал народ к католическому духовенству.

Хлодвиг после принятия веры совершал благочестивые поступки: несколько раз он пощадил преступников, отпускал пленных на волю. Известно, что он основывал монастыри, строил церкви (Святых Апостолов Петра и Павла в Париже), давал роскошные дары (например, святилищу Святого Мартина в Туре). Со своей стороны духовенство выказывало разные знаки почтения: епископы величают Хлодвига своим королем и господином, а в знак благодарности за кроткое обращение с жителями осажденного Вердена устраивают для него торжественный прием.

Что касается внутренней сферы и внутренней организации, то церковь сохранила большую самостоятельность по отношению к королю и старые, твердо установленные правила. Все построенные при Хлодвиге и по его воле церкви, как и прежде существовавшие, подчинялись тому епископу,

к епархии которого они присоединялись. Епископы и аббаты имели право налагать наказания за духовные проступки монахов, мирские же и прочие дела, как нам кажется, разбирали в гражданском суде. Важно определить то, каким было участие и влияние короля в назначении лиц на духовные должности. О прямом участии Хлодвига в назначении духовных лиц низших должностей говорят такие факты: он велел постричь в монахи Хара-риха и его сына, без приказа или позволения короля ни один мирянин не мог быть пострижен, за исключением только тех, у кого предки в первых поколениях были духовными лицами. Что же касается епископов, то они, по старому обычаю, выбирались общим собранием. Но известные и другие факты. После смерти Фирмиха, епископа Верденского, Хлодвиг предложил Ев[а]нгию — ?^А заменить умершего, но последний отклонил от себя такую почесть, не решаясь сделать это без выборов. В другом случае предложенного королем кандидата Евстатия единогласно выбрали духовные и светские лица. Как видим, оба примера показывают, что король предлагает кандидатов, но для назначения требуется еще и выбор их собранием, хотя в этих двух случаях последний играл все же второстепенную роль. Это право короля вмешиваться в выбор епископов начинается только с Хлодвига, который в некоторых случаях позволяет себе даже утверждать выбранных епископов. Впоследствии эти конфирмации королями получили право закона. Итак, несмотря на то что духовенство пользовалось большой самостоятельностью в своей внутренней сфере, тем не менее имело место и королевское влияние.

Это влияние еще рельефнее является перед нашими глазами из письма епископов, присутствовавших на Орлеанском соборе 511 года, к Хлодвигу: «Своему Господину, сыну католической церкви, королю Хлодвигу, венчанному славой, все епископы, которых Вы созвали на собор... Так как достохвальная вера внушила Вам заботы о выгодах католической религии настолько сильные, что Вы созвали собор епископов, чтобы они занимались церковными делами и решили дела самые поспешные, мы отвечаем Вам законными решениями (*definitiones*) согласно с теми предложениями, которые Вы нам сделали, и советами, которых Вы у нас просили. Так чтобы, если наши решения будут сочтены достойными Вашей мудростью, одобрение столь могущественного короля и господина утвердило и сделало обязательными постановления стольких епископов...»

«Ибо по воле Божией собрался собор высшего духовенства в городе Орлеане, созванный королем Хлодовехом (*ex evocatione gloriossimi reges Chlodovechi*); после взаимных совещаний они решили подтвердить письменными документами свои постановления».¹⁸

Тут уж король франков, в силу своей верховной власти, созывает собрание епископов для рассмотрения церковных дел. Это новое право, приобретенное королем, имело огромное значение, так как впоследствии в такого рода собраниях епископов под председательством самого короля стали обсуждаться дела не только церковного, но и чисто политического характера. Итак, духовенство, сохраняя собственную организацию, свой суд в духовных делах, посредством собраний (*concilia*) принимает участие и в делах государственных; по отношению к королю оно тем более

может считать себя независимым, что высшие духовные сановники (епископы) не могут и не должны считать себя обязанными своим назначением одной доброй воле короля; король же, в свою очередь, приобретает известное влияние на раздачу церковных должностей и считает себя вправе собирать и направлять синоды.

Приступим теперь к рассмотрению главных войн Хлодвига с соседними враждебными ему народами, постоянные победы над которыми так способствовали быстрому увеличению границ и могущества королевства франков.

В Бургундском королевстве в это время разгорелась борьба между арианами и католиками. Указывая на пример Хлодвига, католическое духовенство потребовало от Гундобада, чтобы он оставил арианство или по крайней мере назначил диспут о вере. Гундобад, которого опасность со стороны Хлодвига заставляла обращаться осторожно с католическим духовенством, сначала старался уклониться от решительного ответа, притворяясь больным, а потом обратился к духовенству со словами: «Если ваша вера истинная, почему же вы не останавливаете Хлодвига?» На это епископы отвечали, что им неизвестно, почему Хлодвиг делает то, что ему приписывают, но что они знают, что если Господь гневается на государя, то он избирает разные пути, и если он (Гундобад) хочет избежать опасности, то пусть обратится к истинной вере. На это Гундобад возразил, что он тоже христианин, но только не может признавать трех богов. Диспут состоялся, но не привел ни к чему. В происшедшей затем борьбе между Гундобадом и Хлодвигом бургундское духовенство было на стороне последнего. Брат Гундобада, Годегизил, недовольный своим уделом, заключил союз с Хлодвигом.

Вообще, в этой войне можно подозревать влияние Клотильды, жаждавшей отомстить своему дяде. Сражение произошло при Дижоне и благодаря измене Годегизила, в решительную минуту перешедшего на сторону Хлодвига, окончилось в пользу последнего.¹⁹ Григорий Турский передал нам подробности этой войны, отличающиеся несколько легендарным характером. Так, он рассказывает,²⁰ что после сражения Годегизил возвратился в столицу Виенну (Vienna), считая себя уже вполне в безопасности, Хлодвиг же отправился снова против Гундобада, который заперся в г. Авиньоне. Южная Франция, уже тогда богатая виноградниками, была опустошена, и Гундобад находился в очень критическом положении, из которого его вывел один римлянин, сыгравший роль перебежчика (мотив, встречающийся очень часто в легендах разных народов). Он явился к Хлодвигу и уговорил его удовольствоваться одной данью от Гундобада. Хлодвиг послушался, получил дань и вернулся домой, а Гундобад, желая наказать брата за измену, осадил город Виенну. Хлодвиг не пошел на помощь своему союзнику, а только послал небольшой отряд франков. Чтобы освободить город от лишних ртов, Годегизил велел выгнать множество людей, которые не могли быть ему полезны при защите города; в числе выгнанных был один ремесленник, знавший тайный ход в город. Раздраженный поступком Годегизила, ремесленник отправился к Гундобаду и выдал ему этот ход. Ночью воины Гундобада проникли в го-

род, Годегизил был убит, а 5 тысяч франков, бывших там, отосланы были к вестготскому королю. Таков рассказ Григория Турского.

Как бы то ни было, Бургундское королевство не только продолжало существовать, но следствием этой войны было даже объединение его. Гундобад только обязался некоторым подчинением Хлодвигу. Сколько времени продолжалось это подчинение, мы не знаем, известно только, что Гундобад был союзником Хлодвига в борьбе с другим варварским и арианским государем. Гундобад должен был также сделать некоторые уступки католическому духовенству. Григорий Турский говорит даже, что Гундобад, познав сущность еретических верований и исповедав Христа, Сына Божия, и Духа Святого как равных Отцу, тайно просил помазания у Авита, епископа Виеннского, но тот убеждал его сделать это открыто, всенародно, подкрепляя свои увещания словами пророков и евангелическими изречениями самого Христа.²¹ Но Гундобад, хотя и тронутый его словами, сохранил тем не менее свои заблуждения до конца дней и никогда не хотел всенародно исповедовать равенство трех лиц Троицы.

Окончив борьбу с бургундами, Хлодвиг обратился к другому варварскому государству – Вестготскому. Григорий Турский, объясняя мотив этого похода, передает следующее: «Король Хлодвиг сказал между прочим своим: “Меня крайне печалит то, что эти ариане владеют частью Галлии; пойдем с помощью Божьей и, победив их, подчиним страну нашей власти”. Речь эта понравилась всем, и король двинул войска в Пуатье, где находился тогда король вестготов, Аларих II».²² И здесь галло-римское население открыто приняло сторону франков. Григорий Турский указывает даже на существование сильной партии, подготовившей торжество франков в Тулузском королевстве,^A так что один епископ, приверженец этой партии, был изгнан из своей епархии.

Только что Хлодвиг вступает на землю вестготов, как начинаются, по словам Григория Турского, чудеса: прибыв с войском к берегам Виенны, он не знал, как перейти реку, которая в это время разлилась вследствие бывших дождей; но ночью Хлодвиг молился Богу и просил его указать путь, где перейти; и вот, утром лань на глазах всех вошла в реку и, перейдя ее вброд, указала, таким образом, путь. Прибыв в Пуатье, король, находясь еще вдаль от своей палатки, заметил огонь, который, поднявшись от базилики Св. Илария, как будто направился на него, обозначая тем, что с помощью наставлений блаженного Илария он легче одержит победу над еретическими войсками.²³

О войнах франков и вестготов есть и другой источник – Прокопий Кесарийский. Он писал о жестокой битве франков с бургундами, в которой франки остаются победителями; большая часть вестготов и между ними сам Аларих пали в битве. Франки завладевают большей частью Галлии, спешат осадить Каркассон, чтобы захватить в свои руки сокровища короля, которые там хранились. Оставшаяся часть вестготской армии провоз-

^A Тулузское королевство, т. е. государство, основанное готами, с центром в Тулузе.

глашает королем Гезалиха, незаконного сына Алариха, так как законный его сын Амаларих еще малолетний. Когда является Теодорих со своим войском, испуганные франки снимают осаду с Каркассона, но все же сохраняют за собой всю часть Галлии на запад от Роны до моря. Теодорих оставляет за ними эти земли, откуда он не в состоянии их выгнать, а себе берет остальную часть Галлии. Освободившись от Гезалиха, он передает царство вестготов своему внуку, но сохраняет за собой регентство. Сокровища, хранившиеся в Каркассоне, он уносит с собой и спешит вернуться в Равенну. Чтобы упрочить свою власть, он аккуратно посылает в Испанию и Галлию отряды солдат и чиновников.²⁴

Рассказ этот в общем согласен с другими источниками: франки осаждают вестготов, Аларих пал в битве, Теодорих слишком поздно является на поле битвы, но тем не менее он спас часть страны, между тем как другая попадает в руки франков. Что касается подробностей войны, то у Прокопия встречаются разногласия с другими источниками и неточности. Присутствие Хлодвига и Гундобада в войне не упоминается, зато, в противоположность другим свидетельствам, Теодорих является во главе остготского войска. Главное же разногласие греческою историка с другими повествователями этой войны состоит в том, что у него осада города Каркассона является центром всей войны. Подтверждения этому факту мы не находим ни у кого из других историков. В этом городе, по его мнению, находятся все сокровища вестготов, которые по всем другим свидетельствам находятся в Тулузе. Этот, неизвестный до сего времени, город делается целью стремлений франков, как только они вступили на вестготскую территорию. Из рассказа Прокопия следует, что битва, в которой Аларих вынужден уступить силе франков, произошла именно у Каркассона. Сюда подоспел Теодорих и спас и город, и его сокровищницу.

Таким образом, Прокопий приписал одному городу – Каркассону – то, что по всем другим источникам касалось двух других: Тулузы и Пуатье. На самом деле Пуатье был действительно осажден, ибо представлял из себя важный пункт стремления франков. Поэтому доверять греческому источнику мы не должны и не можем далее ставить его рядом, по историческому его достоинству, с источниками, разобранными выше.

Победа, одержанная Хлодвигом при Вуллоне, на равнине около Пуатье,^A положила конец существованию Тулузского царства. Вестготы удалились в Испанию, и центром их королевства стал город Толедо; так образовалось Толедское государство вестготов, которое существовало до появления окончательно уничтоживших его арабов. Владения Хлодвига расширились до реки Гаронны.^B В Галлии был бы уничтожен всякий след вестготов, если бы не вмешательство остготского короля Теодориха, который заступился за права юного наследника Амалариха (сына павшего в сражении у Пуатье Алариха и дочери Теодориха). Вестготы с помощью Теодориха удержали за собой часть Прованса и отняли у бургундов захваченную ими Нарбонну.²⁵

^A Сражение 507 года на равнине Вуйе (*лат.* Vogladensis campus).

^B Гаронна (Garonna).

Особенный интерес представляет собой столкновение двух личностей, столь сходных по характеру и нравственным качествам: Хлодвига и Теодориха Великого. С одной стороны – гуманные стремления идеалиста Теодориха, его уважение к Римской *civilitas*, его задача – примирить римскую культуру с варварским миром и полный неуспех во всех начинаниях. С другой стороны – Хлодвиг, человек с более низкими, грубыми качествами, реальными стремлениями; не останавливающийся ни перед какими средствами и решающий гуманную задачу Теодориха без всякого труда единственно фактом принятия православия; человек, гораздо менее достойный высокой роли объединителя, чем остготский король.

Но Хлодвиг все же был варварским королем, и для него весьма важно признание легальности его власти, санкция Рима, империи, перед идеей которой не переставали преклоняться варвары. Скоро после своей победы Хлодвиг получил подобную санкцию. Григорий Турский описывает нам радость Хлодвига, когда он получил от императора Анастасия титул консула: «Хлодвиг получил в это время при грамоте титул консула и, облаченный в пурпуровую тунику и хламиду, в базилике Св. Мартина, возложил на свою голову корону, потом сел на лошадь и собственной рукой с большой щедростью раздавал золото и серебро народу, стоявшему по дороге от двора базилики Св. Мартина до городской церкви».²⁶

Впрочем, свидетельство Григория Турского о даровании Хлодвигу звания консула не совсем точно: мы имеем список консулов до последнего времени и не встречаем там имени Хлодвига; вместе с тем в прологе Салического закона он назван проконсулом. Нужно думать, что он получил именно последний титул, действительно даваемый правителям римскими императорами. Сверх того, хламида и диадема суть знаки патрицианского достоинства; очень вероятно, что император Анастасий, желая санкционировать власть, приобретенную силой оружия, даровал Хлодвигу кроме звания проконсула и титул патриция римского. Таким образом, Хлодвиг является законным правителем и по отношению ко всему галло-римскому населению, хотя все еще продолжает называть себя *Rex Francorum*. Поэтому признавать Хлодвига только простым слугой Римской империи, начальником дружины, как это делает Дюбо, было бы преувеличение. Видно, что он, подобно другим варварам, преклонялся перед величием империи и желал осветить свои военные успехи признанием со стороны высшего авторитета, ее главы – императора.

После объединения под своей властью всей Галлии (за исключением Бургундского королевства) Хлодвигу оставалось только присоединить к своим землям владения рипуарских франков и те мелкие отдельные области, которые оставались еще независимы от него между салическими франками. О присоединении королевства Сигиберта, короля рипуарского, Григорий Турский передает нам следующий рассказ:²⁷ «Хлодвиг, будучи в Париже, послал тайно сказать сыну Сигиберта: “Вот, отец твой стар и хромает на большую ногу; если бы он умер, его королевство принадлежало бы тебе по праву, так же как и наша дружба”». И сын задумал убить отца, введенный в соблазн честолюбием. Сигиберт как-то вышел из Кельна и, перешедши Рейн, чтобы погулять в Буконском лесу (*Buchonia*), заснул в полдень в своей палатке; сын (Хлодерих) подослал

к нему убийцу и «убил его в надежде, что будет обладать королевством; но, по суду Божию, он упал сам в ров, который выкопал злодейски своему отцу», а именно: «Он отправил к Хлодвигу послов известить о смерти отца и сказать ему: “Отец мой умер, и в моей руке все его сокровища. Пришли ко мне кого-либо из твоих и я охотно пришло тебе с ними те из сокровищ, что тебе понравятся”. Хлодвиг отвечал: “Я очень благодарен тебе за твое доброе намерение и прошу только показать свои сокровища моим посланникам, а затем ты будешь владеть ими безраздельно”. Хлодвиг показал свои сокровища присланным к нему людям Хлодвигу. Когда они их рассматривали, он сказал: “В этот сундук отец мой обыкновенно собирал золотые монеты”. Они (послы) сказали ему: “Отпусти руки твои до дна, чтобы найти все”. Когда он сделал это и совсем наклонился, один из посланных поднял секиру и разбил ему череп; таким образом, недостойный подвергся тому, что сделал своему отцу. Когда услышал Хлодвиг, что убит Сигиберт и сын его, он пришел в тот же город и, собрав народ, сказал ему: “Послушайте, что случилось. Пока я плавал по Шельде, Хлодвиг, сын моего родственника, mutil своего отца, говоря, что я хочу убить его. Когда Сигиберт бежал через Буконский лес, Хлодвиг подослал убийц, которые умертвили отца его; сам был он убит, не знаю кем, в то время как открывали отцовские сокровища. Я несколько не участвовал во всем этом. Я не могу проливать кровь своих сродников, потому что это запрещено; но так как это уже случилось, я даю вам совет, последуйте ему, если он вам кажется угодным: обратитесь ко мне, станьте под мое покровительство”. Народ отвечал на эти слова рукоплесканием и ударами щитов, и, подняв его на щит, провозгласили его королем. Хлодвиг получил таким образом королевство и сокровища Сигиберта и соединил его подданных под своей властью».

После этого рассказа следует знаменитое замечание Григория Турского: «Ибо Бог ежедневно покорял врагов под его рукою, так как он ходил правым сердцем перед Ним и исполнял то, что угодно было перед очами Его». Заметка эта особенно характеристична в устах христианского писателя, Отца Церкви, так как она следует сейчас же за рассказом о злодейских поступках Хлодвигу. Многие старались устранить эту заметку толкованием, что частичка «ибо» здесь имела другое значение. Но очевидно, что Григорий Турский прощает Хлодвигу, как оказавшему важные услуги церкви, даже и такие злодеяния.²⁸

Объединив под своею властью Галлию, салических и рипуарских франков, Хлодвиг соединил, таким образом, в государстве своем галло-романский и варварский элементы, так как владения рипуарских франков простирались далеко вглубь самой Германии. Если бы он управлял только Галлией, то, без сомнения, его собственные подданные и соотечественники должны были бы скоро романизоваться и прочного взаимодействия двух элементов (галло-римского и варварского) не могло бы быть. Но благодаря тому, что в состав нового королевства вошла будущая Австрия, германский элемент основался здесь прочно и не мог уничтожиться; с другой стороны, присутствие германского элемента придавало еще большую прочность Франкскому королевству, постоянно имевшему возможность черпать новые силы из внутренней Германии.

Из области рипуарских франков произошла и новая династия франкских королей – Каролинги, водворение которых на престоле ознаменовалось приливом варварского населения из Германии.

Почти тем же способом, то есть посредством обмана и коварства, отделался Хлодвиг и от салических владетелей Харариха и Рагнахара.

Еще во время войны с Сиагрием Харарих²⁹ (Григорий Турский не указывает, где он жил; надо полагать, что он жил в области р. Соны), призываемый на помощь Хлодвигом, держался в стороне и ожидал случая пристать к тому, кто одержит победу. В отомщение за то Хлодвиг напал на него, успел хитростью окружить и взять в плен его с сыном. Потом, наложив на них оковы, приказал обрезать волосы, сделал Харариха священником, а сына его – диаконом. Когда Харарих жаловался на такое унижение, плакал, то сын сказал ему: «Эти ветви были срезаны с зеленого дерева и не высохли совершенно; снова они скоро вырастут и увеличатся. Дай Бог, чтобы тот, кто это сделал, так же скоро умер». Хлодвигу показалось это угрозой отпустить себе волосы (отличительный признак Меровингов – длинные волосы) и умертвить его, потому он приказал отрубить головы обоим. После их смерти он овладел их королевством, сокровищами и народом.

Другого короля, Рагнахара,³⁰ жившего в Камбре, он убил также изменническим образом, и притом собственноручно. Когда к Хлодвигу привели связанными Рагнахара и его брата Рихара, после того как ему удалось их разбить благодаря измене подкупленных им вельмож Рагнахара, Хлодвиг стал издеваться над ними и сказал Рагнахару: «Зачем ты дал связать себя? Ты этим обесчестил свой род, лучше быть тебе убитым». И он убил его ударом топора. Рихару же он сказал: «Если бы ты помог брату, то он не попался бы в плен». И он убил и его. Хлодвиг обманул также и вельмож, предавших Рагнахара, подкупив их поддельным золотом вместо настоящего. Когда они жаловались на это, он сказал: «Нет никакого греха награждать подобным золотом того, кто добровольно предает на смерть своего господина», – прибавив, что они должны быть довольны тем, что им оставлена жизнь, а не требовать еще вознаграждения за измену своему господину.

Подобным образом он расправился со всеми своими родственниками. Однажды, призвав к себе всех приближенных, Хлодвиг стал жаловаться, что совершенно одинок и у него нет совсем родных. Он сделал это из хитрости, желая узнать, не осталось ли у него еще каких-нибудь родственников, чтобы избавиться и от них.³¹

Все эти жестокости, совершенные Хлодвигом уже после крещения, показывают, что принятие христианства не оказало никакого влияния на него в нравственном отношении. Но, рассматривая действия его исключительно с политической точки зрения, нельзя не согласиться, что они были весьма полезны для объединения и усиления Франкского государства, для слияния римской и варварской культуры, для достижения той цели, к которой постоянно, но тщетно стремился остготский король Теодорих.

Что касается до рассказов Григория Турского, откуда позаимствованы все эти подробности, то вряд ли их можно считать совсем точными.

Так, например, рассказы о сватовстве Хлодвига, о его крещении заключают в себе много поэтического элемента, и некоторые полагают, что они отличаются эпическим характером, позаимствованы из народных песен или преданий, которые Григорий Турский простоудушно принял за правду. Но если его рассказы и не совсем верны, то они все-таки важны тем, что выражают собою воззрения народа на Хлодвига; показывают, что в глазах народа черты варварства, выказываемые Хлодвигом, не служат для последнего бесчестьем.

Все это прекрасно характеризует тогдашний (народный) уровень развития, и вообще рассказы Григория Турского резко очерчивают варварский характер франков. Они у него представляются вероломными, жестокими, жадными к золоту. У нас на этот счет существует очень интересная литература, именно: спор между славянофилом Хомяковым и профессором Грановским (напечатано в собрании сочинений Грановского). Хомяков показывает, что уровень умственного и нравственного развития франков был весьма низкий, а Грановский доказывает противоположное.³²

Другой вопрос по поводу этих рассказов возникает относительно их хронологической последовательности. Григорий Турский излагает их так, как будто бы все проделки Хлодвига относительно его родственников происходили после вестготской войны. Но Junghans полагает, что эпизоды с Харарихом и Рагнахаром относятся к более раннему времени.³³ Но его доводы довольно субъективны. Так, он говорит, что трудно себе представить, чтобы Хлодвиг, будучи вождем только небольшого племени франков, мог бороться с Сиагрием и вестготами или даже с бургундцами при таких незначительных силах. Он исходит из предвзятого мнения, будто бы основанием могущества Хлодвига была германская сила. Но, как известно, есть другой взгляд, по которому основание силы Хлодвига лежало в его отношениях к местному населению и императору; кроме того, еще раньше присоединения рипуарских франков у него была значительная поддержка со стороны франков, живших у Мозеля.

Другое возражение Junghans'a состоит в том, что невероятно, чтобы Хлодвиг так долго откладывал мщение королю Харариху за то, что последний не оказал ему помощи в борьбе с Сиагрием. Неужели Хлодвиг ждал бы со своей мстью целых 14 лет? Но не нужно забывать, что убийство Харариха было не столько для Хлодвига делом мести, сколько политическим расчетом, а что Хлодвиг умел долго затаивать свою месть — это видно уже из рассказа Григория Турского о чаше.³⁴ Что касается до его поступка в отношении Сигиберта Рипуарского, то очевидно, что он должен относиться к концу его правления, а против этого никто не делает возражений.

В 511 году Хлодвиг умер. Мы оставим пока в стороне историю его сыновей и обратимся к явлениям внутренней истории Франкского государства. Источником для ознакомления с ними будет так называемый Салический закон.

ПРАВО И БЫТ ФРАНКОВ ПО «САЛИЧЕСКОЙ ПРАВДЕ»

Знаменитое законодательство салических франков представляет для нас больше интереса, чем все законодательства бургундцев или вестготов. Все они были написаны на латинском языке, но Салические законы сохранили в себе более германского элемента, потому что составлены раньше, чем франки стали романизоваться. Чтобы познакомиться подробнее и точнее с происхождением этого закона, необходимо прежде всего обратиться к Прологу его.¹

Существует два Пролога: более краткий (Prologus Minor) и более подробный (Prologus Major), который, вопреки мнению Гизо, должен быть признан древнейшим. Он делится на четыре части: первая и третья содержат похвалу франкам; вторая и четвертая имеют историческое содержание. Предполагают, что первая и третья части Пролога были даже первоначально написаны стихами. Вот что говорится в этом Прологе:

1. «Народ – франки – знаменитый, основанный Богом, сильный оружием, твердо хранящий мирные условия, глубокомысленный в советах, благородный телом, красивый лицом, смелый, проворный и жестокий (aspera), обращенный в католическую веру, незапятнанный ересью; когда он был еще варварской веры, то, божественно вдохновленный, уже искал ключ познания, согласно природе своих свойств, стремясь к справедливости и охраняя благочестие».

2. «Потом, когда с помощью Божией Хлодвиг, длинноволосый, красивый знаменитый король франков, первый принял католическое крещение, то все, что в этом договоре показалось негодным, было явственно исправлено знаменитыми проконсулами и королями Хлодвигом, Хильдебертом и Хлотарем».

3. «Да здравствует Христос, любящий франков! (Vivat Christus, quod diligit Francus). Да охраняет Он их королевство и да преисполняет их вождей светом своей благодати! Да покровительствует Он их войску, да ниспосылает Он им знамения в засвидетельствование их веры, радость мира и счастья! Да направляет Господь Иисус в стезе благочестия царства властителей».

4. «Ибо это есть тот народ, который, будучи храбрым и сильным, сверг жесточайшее иго римлян своим оружием (pugnando) и который, признавши святость крещения, украсил золотом и драгоценными камнями тела святых мучеников, сожигавшихся у римлян огнем, умерщвлявших себя железом или бросаемых на съедение диким зверям».²

В настоящее время полагают, что первая редакция Салического закона была сделана в то время, когда король Хлодвиг распространил свои завоевания до Арденнского леса, следовательно, когда франки жили в Белгике. Под именем четырех правителей,^A избранных франками для составления закона, следует подразумевать сотенных начальников, центнаров, так как у франков существовало исконное германское деление на сотни. Эти четыре избранных правителя, как говорится в прологе, собирали народное вече, очевидно для того, чтобы расспросить знающих лю-

^A Визогаст, Бодогаст, Салегаст и Видогаст.

дей об обычаях и способах решать различные дела. Следовательно, законоположение это не было вновь изобретено, а только приводило в ясность юридическое сознание народа, кодифицировало давно сложившееся право. После составления этого законодательства необходима была санкция его, и народное вече снова собирается для того, чтобы утвердить и освятить своим согласием новую Правду.

Что касается древности Салического закона, то вопрос о том, составлена ли первая редакция до Хлодвига или при нем, — до сих пор остается открытым. Вторая редакция, несомненно, была сделана тотчас же после крещения; быть может, было и несколько последующих — при Хильдеберте и Хлотаре.

Определение времени первого издания особенно важно потому, что если эта варварская Правда была составлена сейчас же после завоевания, то в ней должны господствовать чисто германские принципы, свободные от всякого влияния римских начал. Этого взгляда придерживается немецкий ученый Вайтц.³

Вайтц говорит, что первая редакция Салического закона была составлена еще на старой родине франков и не содержит римского влияния. Хлодвиг только прибавил несколько новых титулов. Если бы редакция Правды принадлежала Хлодвигу, то в ней приписывалось бы большее значение королевской власти и высказывалось бы большее уважение католической церкви. Зибель⁴ же заставляет самого Хлодвига обратиться к Вайтцу с речью в защиту того, что редакция закона принадлежит ему, Хлодвигу. Последний будто бы говорит, что с его стороны было бы недипломатично говорить много о своей собственной власти.

Вайтц в последнем издании своей «Истории германских государственных учреждений» на это остроумно заметил, что так как Хлодвиг к нему такой речи не держал, то ему нечего и возразить на нее.

Однако есть соображения, которые говорят в пользу того, что имеющаяся редакция относится ко времени Хлодвига. В Салическом законе установлена пеня на солиды и денарии (первая — золотая, вторая — серебряная монета); во время составления закона один солид равнялся сорока денариям. Если мы припомним находку в Турне, то окажется, что найденные там в числе других ценностей золотые и серебряные монеты не соответствуют вышеназванным; по крайней мере, серебряные монеты гробницы Хильдерика очень велики и в одном золотом солиде их заключается не сорок, а только двенадцать.

Таким образом, очевидно: монетная система при Хильдерике не такова, как во время издания первой редакции Салической Правды. На основании того предположения, что изменение в отношении между монетами было сделано вскоре после первого завоевания Хлодвига, относят время первой редакции Салической Правды именно к этой эпохе; точное указание в каждой статье закона этой пени на солиды и денарии равным образом заставляет предполагать, что к новой монетной системе еще не успели привыкнуть.

Второе соображение, заставляющее остановиться на той же гипотезе, состоит в том, что в *Lex Salica* упомянуты занятия виноделием, чего,

очевидно, никак не могло быть ранее первого завоевания (когда франки жили еще во Фландрии, виноградников там не водилось).

Наконец, в Салической Правде упоминается река Лигер (Liger), то есть Луара. По Салическому закону,⁵ если у кого найдена краденая вещь, то он должен показать, откуда он ее достал; дело рассматривается в судебном заседании; назначается известный срок, чтобы истец и ответчик нашли себе свидетелей. В законе это формулируется так: кто живет между Карбонарским лесом (Silva Carbonaria – тянется в пределах Бельгии) и рекой Лигером, тот имеет сорок ночей срока, а кто вне этих пределов (на чуждой земле) – вдвое больше. Река Лигер (Луара) является, таким образом, границей образовавшегося государства; такие же границы имело королевство франков при Хлодвиге до войны его с вестготами и подчинения мелких салических областей. Отсюда ясно, что закон был издан после 486 года. Ученые, которым не нравится теория самостоятельности Салического закона, как, например, Вайтц, говорят, что Лигер – небольшая речка, впадающая в Шельду, и выводят заключение, что закон был написан ранее перехода франков в собственно Францию. Но теория эта является несостоятельной. Новейшие исследования доказали, что Лигер – несомненно Луара, а в Шельду впадает речка Leue.

Скажем несколько слов о так называемых Мальбергских глоссах. Текст Салического закона написан на латинском языке, но иногда он прерывается отдельными весьма странными словами, из которых каждое слово имеет, кроме того, впереди стоящую заметку «Malb.» или «Malt-ho», очевидно указывающую, что оно имеет какое-то отношение к народной сходке (Mahlberg – место, где собиралась сходка). Ученые долго рассуждали и спорили о том, на каком языке были написаны эти слова. Кельтомены утверждали, что это слова кельтские и что если самый закон был издан не для кельтов, то по крайней мере глоссы были необходимы для пояснений некоторых статей законодательства именно кельтам. Затем Гримм первым доказал, что это немецкие слова, и данное мнение теперь общепринято.⁶

Ученые спорили не только о значении отдельных слов, оказавшихся очень испорченными и трудно объяснимыми, но и о значении их происхождения. Одни говорили, что законодательство было написано на франкском языке и что, следовательно, немецкие слова суть остаток первоначального текста. Другие – что это не что другое, как формулы, имевшие сакраментальное значение. Известно, что у германцев всякий, обвиняющий кого-либо в преступлении, должен был обращаться к нему с известными обрядовыми выражениями; без исполнения этих условий процесс был бы проигран. Потому-то для людей, которые должны пользоваться этими законами, оставлялось в известных местах обыкновенно только начальное слово известной обрядовой формулы или краткого выражения, определяющего сущность преступления и следующего за него наказания. Необходимость подобных формул ясно показывает, что они были написаны для населения, говорившего на немецком языке. Мы должны поэтому прийти к заключению, что Салический закон был написан хотя и по латыни, но для населения, говорившего немецким языком, и что некоторые из глосс были действительно судебными формулами.

Перейдем к характеристике содержания Салического закона. Она прекрасно сделана у Ф. Гизо,⁷ но он пользовался не древнейшей редакцией Правды, а позднейшей. Вот сущность его характеристики.

Всматриваясь в германское законодательство, мы видим, что в сущности это закон уголовный, уложение о наказаниях. Политическое право является там только косвенно; что касается гражданского права, то оно включает некоторые более точные распоряжения, существенно обязательные и оставленные с намерением.

В отношении судопроизводства уголовного – здесь господствует карательный элемент; он, очевидно, имеет целью подавить преступления и устрашить наказаниями. В кодексе 343 статьи уголовных, из них 150 относятся к случаям воровства.

Мы можем только косвенным образом почерпнуть из этого законодательства сведения о сословном разделении франков и о правах каждого сословия.

Предусмотренные Салической Правдой преступления весьма несложны: почти все они подводятся под два главных класса – кража и насилие против лиц. Основной состав Салического закона дает нам возможность судить о состоянии тогдашнего общества, о сложности преступлений; законодательство это принадлежит малоразвитому и несложному обществу. Салическая правда показывает, что общество того времени грубо и необузданно, что безопасности человека и собственности не было. Что касается наказаний, то они, при первом взгляде, поражают своей мягкостью. Хотя это касается только людей свободных, но когда дело идет о рабах или колонах – законодательство изобилует пытками и казнями.

По отношению к франкам и свободным римлянам единственная пеня, внесенная в Салическую Правду, есть вира – имущественный выкуп (Wehrgeld); употребляются для обозначения виры выражения *leodis* или же *fritus*. Вира предполагает и требует признания своей виновности со стороны обидчика; она есть с его стороны как бы свободный акт; он может отказаться от нее и подвергнуться опасности личной мести обиженного.⁸

Последнее соображение Ф. Гизо не совсем справедливо: не от виновного зависело избрать то или другое – кровомщение или же путь суда. Если он не являлся на суд, его объявляли «лишенным мира», то есть всякий человек мог его безнаказанно убить.

По мнению Гизо, наказание у салических франков имело место лишь тогда, когда сам обвиняемый признавал справедливость его и покорялся ему. Если бы это было действительно так, то свобода и уважение к личности были бы точно велики, но на самом деле факты говорят несколько иное. По Салической Правде предполагается, что родственники должны представить виновного на суд и довольствоваться присужденной вирой; только в случае, если виновный оказывался не в состоянии заплатить виру, суд выдавал его головою обвинителям, и тогда семья убитого могла делать с ним что хотела. Намеренное, не оправдываемое никакими побуждениями убийство наказывалось смертью; только в случае особого соглашения сторон убийца мог отделаться вирой, но только с непременно-

ным ограничением, что вся она должна быть выплачена виновным из собственных средств, родным же запрещалось ему помогать.

Итак, излишнего уважения к личности и свободного выбора между пенею и опасностью мести, как предполагал Гизо, не существовало у древних германцев, по крайней мере в той степени, в какой он хочет это выставить.

Остановимся теперь на статьях Салического закона об убийстве, весьма важных, потому что из них, хотя и косвенным образом, мы можем усмотреть сословное деление франков и права каждого отдельного из классов общества.

Для самостоятельного ознакомления с текстом Салического закона может быть полезно наиболее доступное издание вместе с капитуляриями, это «*Lex Salica*» herausgegeben von Behrend (Berlin, 1874). Кроме того, есть перевод текста на современный немецкий язык с примечаниями Клемента; помещено в «*Bibliothek für Wissenschaft und Literatur*». Bd. 3. Stats- und Rechtswissenschaftliche Abteilung. Clement. «*Forschungen über das Recht der Salischen Franken*» (1876).⁹

Из законов о человекоубийстве (титул XLI § 1–7) видно, что за римлянина, сотрапезника короля*, как и за человека, состоящего на королевской службе**, и за простого посессора***, вира полагается меньше, чем за франка. Очевидно, это указывает нам на различие сословий и вместе с тем на общественное положение каждого из них.^A По законам «Об убийстве детей и женщин» (XXIV) особенно характерно, что вира увеличивается относительно женщин и детей даже бедных людей, как будто бы закон хотел этим оказать им возможно большую защиту и помощь.

Переходя теперь к чертам политического, социального и государственного быта, которые могут быть извлечены из Салического закона, мы должны прежде всего решить вопрос: на каких принципах основывалось общежитие франков, был ли у них быт родовой или общинный, господствовало ли родовое или дружинное начало?

Что касается до значения рода, то должно отказаться от довольно распространенной мысли о том, что все отношения определялись исключительно родовым началом, что главным принципом была связь родовая, кровная и что разросшаяся семья представляла ту форму общежития, которая заменяла государственный быт. Так, несмотря на то что родичи имели право требовать виру за убитого и привлекать виновного к суду, все же они не отвечали за проступки членов их рода и короли, которые существовали у франков, через своих чиновников привлекали к ответст-

* (Romano homine conviva rege).

** (in truste dominica), королевского антрустиона (антрустион – гость короля, лицо, возведенное в высшие должности королем франков).

*** (Romano possessorem).

^A Из одного фунта золота чеканилось семьдесят два солида, следовательно, каждый составлял около четырех рублей. Ценность его со временем все более и более уменьшалась, и сообразно с этим сокращалось и самое слово «Sold», наконец превратившееся во французское «Sou».

венности не старшего в роду, а самого виновника. Впрочем, Салическое законодательство сохраняет еще следы прежних порядков, когда кровная родовая связь существовала между членами рода, но порядки эти представляют из себя, так сказать, уже архаическое явление. Так, в *Lex Salica* есть статья, по которой виновный в убийстве и несостоятельный в уплате виры франк мог обращаться за денежной помощью к членам своего рода (*Sippe*); при этом он совершает обряд так называемой зеленой травы (*chrenecruda*). Салическая Правда таким образом описывает этот обряд (титул LVIII «О горсти земли»; *лат.* «*De chrenecruda*»). [...] ¹⁰ Здесь очевидно присутствие родового начала в полной своей силе. С другой стороны, когда получается вира за убитого, то она распределяется таким образом, что часть идет семье, а часть роду.

Кроме того, остаток родового быта сохраняется еще в области чисто нравственных отношений: за членами рода признается известное право охранять его честь. Так, например, если свободная женщина сочетается браком с рабом, то за этот поступок, как приносящий бесчестие всему роду, последний может наказать ее даже смертью. Вообще в деле выдачи девушки замуж признается право участия рода точно так же, как и по отношению к малолетним; пока ребенок не достиг совершеннолетия, которое у франков определялось 12–14 годами, род обязан был блюсти за ним.

Итак, очевидно, что в более древнее время все отношения регулировались по преимуществу властью родовой; государственной защиты личности не существовало. Но теперь родовые отношения отступают на второй план, хотя следы их не вполне исчезают.

Не менее важное значение имеет для нас и вопрос о наследовании, как тесно связанный с формой землевладения. Насколько можно заключить из *Lex Salica*, у франков господствовало общинное начало владения землей. Движимое имущество, называемое в Правде «*alode*», «*allod*», переходило по наследству свободно и без различия пола; земля, «*terra*» передавалась только наследникам мужского пола, а если таковых не было — то *terra Salica* переходила к королю, если это была земля господская, или к общине — если это крестьянское владение. Эдиктом Хильперика крестьянское наследование было ограничено первой степенью боковой линии и внутри этой границы условно расширено даже на женское родство. Вот как сказано об этом в Салическом законе (титул LIX «Об аллодах»; *лат.* «*De alodis*»). [...] ¹¹ Итак, община отбирала землю, когда общинник не оставлял после себя ни детей, ни братьев, ни сестер. С тех пор ограничение в смысле мужского наследования имело силу только для салических, господских земель, что и осталось надолго.

Праву конфискации крестьянской земли соответствуют права общинников в отношении к новым пришлым поселенцам в общину. Это знаменитый титул XLV «О переселенцах»; (*лат.* «*De migrantibus*»). [...] ¹²

Особенно в этом законе важны слова «если кто-либо захочет поселиться сверх другого» (*Si quis super alterum in villa migrare voluerit*), то есть — поселиться на чужом, уже занятом участке. При этом закон не делает никакого различия, сделался ли двор, в который входит чужак, свободным и не занятым вследствие смерти прежнего владельца или же

речь идет о сделке между живущими, — новое доказательство общинности владения землей.

По Салическому закону женщины не наследуют землю. Но капитулярный король Хильперика, изданный между 573—575 годами, гласит, что, если умрут сыновья, дочь получает землю. А если она умерла, но остаются братья умершего, пусть они наследуют землю — не соседи. Если же братья умрут, не оставив детей, сестра должна получить ту землю.¹³

Правило это является, очевидно, новым, расширяющим круг наследования, к которому допускается и женская линия — дочь и сестра умершего. Когда это новое правило вступило в силу, пришлось изменить титул LIX; прежде писали: «в земле женщина не наследует», теперь же: «в земле Салической женщина не наследует». Так, видим двоякого рода наследство: в одном случае женщина допускается к наследованию, в другом — нет. Что же это за Салическая земля, на которую женская линия не имеет права?

Салической землей называлась такая земля, которая находилась в отдельной частной собственности, принадлежащей известному лицу, вне общинного владения землею совместно с соседями. Крестьянская земля и ранее, и во времена Салической Правды является землею общинною, не допускающей на себя частных прав односельчан; при отсутствии наследников до третьего колена она переходит к общине, а прежде переходила к ней прямо по смерти владельца участка. Но при первых королях мы замечаем возникновение другого рода владений, а именно этих Салических земель (полученных, например, от короля), к наследованию которых не допускались женщины. Другой путь получить землю в независимое владение, отдельное от общины, — это самостоятельно произвести расчистку нови, леса, запахать пустопорожную землю своими силами, трудом одного лица. Такой путь был весьма распространенным.

Эти-то Салические земли послужили одним из главных факторов разложения общинного быта у франков. Людей предприимчивых, желавших завладеть земельными участками в полную собственность, являлось с течением времени все более и более, также расширялись и королевские пожалования. Так что у франков, несмотря на то что римское влияние на них было меньше, чем на вестготов и бургундов (эти варвары поселились среди римского населения не сплошной массой, как франки, а разбросанно), шел тот же процесс разложения общинного быта и замены его частным способом землевладения.

Обратимся теперь к разбору сведений о политическом быте франков, которые доставляет нам Салическая Правда. Относительно разделения сословий следует заметить, что все население состоит из людей свободных и рабов. Салическая Правда не дает никаких указаний на то, что существовало дворянское сословие. Между тем сведения, оставленные нам Тацитом, свидетельствуют об исконном существовании у германцев этого, пользовавшегося особым почетом, сословия. Почему не было его у германцев-франков — неизвестно. Некоторые ученые полагают, что до Хлодвига у франков было родовое дворянство, но малочисленное, к тому же оно было истреблено в борьбе с Хлодвигом и его предшественниками, как истреблены были им самим королевские роды. Следует заметить,

впрочем, что у германцев вообще дворянство не играло особенно важной роли. Прежде предполагали, что германское дворянство (*nobiles*, эделинги) имело право держать дружину, хотя Тацит, упоминая о предводителях дружины, везде и неизменно называет их «*principes*» (старшины, князья), что исключает, очевидно, всякую мысль о равноправности каждого эделинга в этом отношении. В настоящее время укрепилось мнение (Вайтц), что дружина в древнегерманском социальном строе есть часть государственного устройства и что ее имели право набирать только вожди. Что же касается *nobiles*, то они не имели ни этого, ни других исключительных политических прав, а только пользовались особым почетом, были окружены особым ореолом, который, по большей части, объясняется преданием об их магическом происхождении от богов.

Итак, за неимением дворянства на первом плане стоят свободные франки, отличающиеся от рабов большей вирой, которая равняется 200 солидам. Участие в общих делах основывалось не на землевладении, так как оно в ту пору не дошло еще до начала личной собственности, но на личной свободе. Каждый свободный франк имел право участвовать в сходке.

Наряду с сословием свободных франков стоит свободное галло-римское население — *Possessores* (землевладельцы), имевшие половину виры свободного франка. Впоследствии, при расширении завоеваний франков, их число увеличивалось; не сразу, но со временем они стали пользоваться всеми правами свободных франков, однако же вира осталась прежняя.

Это были землевладельцы, имевшие значение не только в селе, но и в городской общине. Известно, что во время римского господства в Галлии земля разделялась таким образом: центр общины составлял город, вокруг него располагались села, земли богатых землевладельцев, которые одновременно с господством в селе были и членами городского совета. Этот богатый землевладельческий класс, составлявший главнейшую опору империи в последнее время ее существования, не поставлен законодателями наравне со свободными франками, а имел только половину виры. Отсюда можно было бы вывести ложное заключение о том, что галло-римское население было унижено и лишено некоторой части своих прав после франкского завоевания и что это завоевание далеко не носило такого мирного характера, как это представляют. Но необходимо прежде всего отличать права чисто политические от почета, который, быть может, играл более важную роль в деле определения виры, и половинная ее стоимость за римлянина несколько не обуславливалась ограниченностью его политических прав. Кроме того, быть может, это зависело еще от того, что первая редакция *Lex Salica* была сделана до принятия христианства, тесного сближения Хлодвига с романизованным населением Галлии. При подчинении областей Шельды и Мааса тесной связи между победителями-франками и галло-римском населением не было, и естественно, что вира за тех и других не могла быть одинаковой; затем, при первой письменной редакции Салической Правды, установленная обычаям пеня занесена была таковою же и в законодательство,

но это отнюдь не обозначало неравноправность свободного франка и римского посессора в политическом отношении.

Из статьи об убийстве свободнорожденных людей мы знаем также, что наряду с дружинниками – лицами, приближенными к королю, франкского происхождения, находились также римские сотрапезники и антрустионы и что, следовательно, римляне насколько не были унижены в своих правах. За римского антрустиона платилась также тройная вира в сравнении с вирой простого посессора (титул XLI, § 5, 6).

За свободным населением следует класс полусвободных людей, как германского, так и римского происхождения. Это – германские литы и римские трибутарии.

Литы (*laetus*) были люди лично свободные, но не имевшие земли, сидевшие на чужом участке, который они обрабатывали, платя за него оброк господину. У саксов очень часто упоминается это среднее сословие между свободными и рабами; о них же упоминает и Тацит, хотя, как писатель римский, он называет их рабами. «Рабы германские получали от господ своих известный участок земли для обработки и за это обязаны были платить им оброк, состоявший из хлеба, скота и одежды; вся их служба состояла в этом, – говорит Тацит, – весьма редко раб бывал закован в цепи, бит или принужден работать через силу; но тем не менее каждый господин в минуту гнева мог убить своего раба, даже с истязаниями, и это всегда проходило безнаказанно».¹⁴ Очевидно, что это не есть рабство Древнего мира и Тацит обозначал словом «рабы» два класса людей, полусвободных и рабов, вследствие незнания подходящего термина для первых. Рим в продолжение всего республиканского периода и начала империи не знал подобного среднего класса людей; он имел вольноотпущенников, но это были совсем не германские литы, они считались тысячами, но все же не составляли отдельного класса. Напротив того, у германцев они существовали искони, находились под покровительством законов, за них назначена была вира, и убить их безнаказанно, как в Древнем мире – раба, не имел права никто.

В последнее время империи, как известно, на земле, принадлежавшей Риму, возник новый институт, известный под именем колоната. Некоторые немецкие ученые защищают мнение, будто бы это учреждение заимствовано из германского социального строя. Мы вернемся к этому предмету еще в другой раз. Для нас пока важно главным образом то, что как римские колонаты, так и германские литы составляли средний класс полусвободных людей. Эти полусвободные люди, называвшиеся у франков литами, среди романского населения Галлии назывались трибутариями (*Romanum tributarium*). Это были также колонаты, прикрепленные к земле еще в римское время и обязанные платить оброк. Вира их равнялась 62,5 солида.

Наконец, кроме сословий свободных франков и литов, римских посессоров и трибутариев, мы видим еще рабов двоякого происхождения: обращенных в рабство еще при римлянах и рабов, принадлежащих собственнo германцам. Чтобы судить об их положении, необходимо обратиться к Салической Правде, где на них смотрят почти так же, как и в римских Юридических кодексах. По римским воззрениям раб, в особен-

ности раб-земледелец, рассматривается как вещь, *instrumentum vocale*, наравне с сельскохозяйственными орудиями; у германцев было почти так же: раб сравнен с лошастью и скотом, и вира за них одинакова. Также у франков, если раб окажется повинен в убийстве свободного человека, то господин его уплачивает половину виры, а сам виновник отдается родственникам убитого как другая половина виры (титул XXXV). Наряду с этим постановлением в титуле XXVI *Lex Salica* мы читаем: «Если человек будет убит домашним животным и это будет доказано свидетелями, то владелец оного (скота) должен быть принужден к уплате половины виры. Самое животное (повинное в преступлении) должно быть отдано вместо другой половины требующему виру». Итак, здесь преступление, совершенное рабом, уравнивается с убийством, которое совершило животное.

Однако среди рабов некоторые выделяются: выше других стоят рабы, составляющие домашнюю прислугу, и ремесленники. В перечислении этих людей, знающих известное ремесло, заключаются для нас и указания на степень культуры тогдашнего франкского населения. Среди таких рабов упоминаются (титул XXXV) виноградари, кузнецы, ковачи оружия, даже золотых дел мастера; тут же встречаем садовников и, что особенно любопытно, свиного пастуха (*rogarius*). За ремесленников-рабов назначалась вира – конечно, в пользу господина. Количество рабов, нужно думать, было довольно многочисленно. Источником происхождения рабства, конечно, главным образом была война. В рабство были обращены побежденные германцы же, кельты и славяне (от славян и происходит слово раб – *Scalve-Slave*). Кроме того, Тацит указывает и на другой источник рабства. По словам его, «германцы страстно любили играть в кости, и когда им уже ничего более было проигрывать, они отдавали свое тело и свою свободу».¹⁵

Вот все, что можно извлечь из законодательства Салических франков по поводу сословного деления. Обратимся теперь к некоторым подробностям, которые сообщает *Lex Salica* о тогдашней администрации франков.

Во главе администрации стоял король и его чиновники. Власть короля имеет большое значение, и близость к королю возвышает человека, так что за королевского сотрапезника полагалась тройная вира. Но любопытно, что в Салической Правде не говорится о народном вече, которое было необходимой принадлежностью всякого гражданского государства. Мы знаем из слов Тацита, что во многих германских государствах даже не бывало короля, вече же народное было непременно. На этом вече выбирались старшины,^A князьки (*principes*), которые находились во главе волостей (*ragi, centeri, Hundertschaftengau*), на которые распалось государство. У франков же мы видим явление обратное: есть король, но не упоминается о вече. Явление это объясняется различно. Одни говорят, что народные вече только случайно не упомянуты, но что в действительности они существовали, и в доказательство указывают на так называемые Мартовские поля, которые были не только военными

^A Старейшины.

смотрами, но и народными сходками. По другому объяснению, народное собрание в это время действительно не существовало. Дело в том, что во время Салической Правды мы имеем дело уже не с древним германским государством, обнимающим обыкновенно небольшую территорию и вследствие того допускающим возможность, что все свободные люди приходили на общенародную сходку. Франкское государство Хлодвига – обширная, сложная территория, где даже самое основное зерно государства – франки салические – образовалось из федерации нескольких мелких племен; на таком большом пространстве франкского общенародного вече не могло существовать. Объединение под одной королевской властью совершилось с некоторой утратой народной свободы, вече переходит уже в предание, а королевская власть, напротив, усиливается, и король является мало-помалу единственным представителем верховной власти при помощи своих сторонников. Остается только волостная, сотенная сходка; франкское государство теперь распадается на волости, которые соответствуют прежним германским небольшим государствам.

Главным королевским чиновником является граф. Он – представитель волости (*ragus, gau*), приводит в исполнение решения народного собрания, но не участвует в руководстве народным судом. Он получает «мировые деньги» и есть лицо административное, а не судебное. Следовательно, граф только королевский уполномоченный, и более ничего. Только впоследствии власть их сделалась наследственной, так что на вопрос короля: кто тебя сделал графом? – они могли ответить: а кто тебя сделал королем? Пока же они были только выборные уполномоченные.

Представители народа – тунгины (*thungini*) или сотники (*centenarii*). Они стоят не во главе волости, а во главе только сотни (*centena*). Тунгины председательствуют на суде, на сотенных сходках. Обязанность их состоит в формулировке приговора, постановляемого народным собранием.

Народные собрания были двоякого рода: обыкновенные и экстраординарные. Обыкновенные сходки происходили раз в восемь дней; на них председательствовал тунгин. Народное собрание принимает и рассматривает предложение рахинбурга – члена общины, знающего народные обычаи.¹⁶ Приговор собрания заключается в наложении виры и «мировых денег» сверх того (*iretus, iritus, Friede*).¹⁷

Что касается уголовного судопроизводства, способа преследования и суда преступлений, то Салическое законодательство весьма неполно и почти умалчивает об этом предмете; оно рассматривает судебные учреждения как факт и не говорит ни о трибуналах, ни о судьях, ни о формах судебного расследования.

Самый же ход судебного процесса у германцев состоял в том, что обвиняющий вызывал обвиняемого в собрание свободных людей общины и там перед судьями в известной формуле произносил свое обвинение. Если он хотел, то мог даже один явиться на суд, не вызывая ответчика, произнести обвинение. Обвиняемый мог тотчас же не давать определенного ответа, а попросить, чтобы дело было отложено до другой сходки,

давая обещание или очистить себя от обвинения, или внести надлежащую виру. Очистительную клятву произносили в присутствии соприсяжников того, кто считал себя невиновным. Для соприсяжников (*conjuratores*) не было допроса, ни разбора показаний, ни исследования дела в собственном смысле этого слова. *Conjuratores* не были свидетелями в нашем смысле; они не раскрывали ничего, что им известно по данному делу, могли даже ничего и не знать по этому делу. Они только подтверждали под присягой то, что обвиняемый, обыкновенно их родственник, был достоин виры, они только свидетельствовали о достоверности его слов вообще. На этом дело могло и окончиться, никакого разбирательства не проводили. Но могло случиться и так, что та и другая сторона готовы были принести очистительную присягу с соприсяжниками. Тогда прибегали к суду Божьему (*ordalia*). Обвиняемый должен был опустить руку в кипящий котел, в раскаленное железо и тому подобное, и если рука к известному сроку заживала, он признавался невиновным. Таким образом, задача суда сводилась к тому, чтобы определить, кто должен принести присягу и с каким числом соприсяжников, или же определить размер виры. Одним словом, судопроизводство был весьма несложное и много доверяло совести человека. Впрочем, надо полагать, что больших злоупотреблений не было, и если бы соприсяжники предполагали неправоту обвиняемого, то не явились бы в заседание.

Разделение и строй франкского государства, какими они являются в Салической Правде, есть исконно германские; сходки, начало народной свободы – принципы, принадлежавшие германцам; но вместе с этим – усиление королевской власти и объединение мелких областей и племен под одной властью и рукою может быть отнесено к влиянию римских начал.

В этом первом периоде франкской монархии, следует заметить, нет еще никаких признаков феодального порядка; раздел земель совершается не между королевскими дружинниками только, но между всеми; король – властелин всех свободных людей, которые одинаково подчинены ему и имеют одинаковые политические права. Следовательно, франки являются первоначально соединенными союзом подданных по отношению к королю (*Unterthanenverband*, а не *Leudeverband*); отношения феодальные развиваются здесь уже впоследствии. Особенно это заметно на должности графа, которого король мог выбирать и назначать куда хочет. Только позже является обычай, что графа выбирают обыкновенно из местных аристократов, а через много веков, как увидим ниже, должность эта делается наследственной.

Салическая Правда применима, впрочем, только к областям, населенным франками. Вестготские и бургундские земли остаются со своим, двойным законодательством – римским и варварским. Происхождение человека по-прежнему определяет его подсудность тем или другим законом. Соблюдалось такое правило: если вестгот или бургунд переходил за Луару и селился в области франков, он все-таки сохранял за собою права личности.¹⁸

ВНЕШНИЕ СОБЫТИЯ В ИСТОРИИ ФРАНКСКОГО ГОСУДАРСТВА ПОСЛЕ ХЛОДВИГА

ПЕРВЫЙ ПЕРИОД (511–561)

Обращаясь к изложению фактической истории Франкского государства после 511^A года, мы должны сказать прежде всего, что вслед за смертью Хлодвига наступает удельный период, так как он разделил свои владения между четырьмя сыновьями – Теодерихом, Хлодомиром, Хильдебертом и Хлотаром.¹

Старший – Теодерих – получил Рипуарию и восточную Аквитанию, которая составляла отдельную область и была присоединена еще при Хлодвиге. Хлотар получил Старосалийские земли, принадлежавшие франкам еще ранее завоевания Галлии (области Мааса, Соммы, земли до Суассона вместе с Турне). Хильдеберту досталась береговая полоса между Соной, Луарой и морем. Наконец, Хлодомир получил Аквитанию, отнятую у вестготов, Тур и Пуатье.

Впрочем, деление не означало восстановления старых государств в их целостности; часть Аквитании была соединена с королевством Теодериха, Старосалийские земли тоже принадлежали не одному Хлотарю, а, кажется, были поделены надвое; сверх того, каждый из братьев имел участок в прежней области Сиагрия, и столица каждого находилась именно в этом средоточии государства франков. Резиденцией Теодериха был Мец, Хлодомира – Орлеан, Хильдеберта – Париж, Хлотара – Суассон.

Каждый удел считался самостоятельным, но все вместе составляли, однако, неразрывное целое. Два принципа – удельность и единство – соединились здесь; из них иногда получал больше значения то один, то другой, связь их особенно выступала на вид в делах церковных. Епископства не были строго определены и иногда не совпадали с границами уделов, так что одна часть церковной округи принадлежала одному королю, а другая – другому. Бывали общие сборы, на которые являлись епископы из разных уделов, и такие, которые созывались несколькими королями.

Политическая история первых десяти лет может быть рассказана в нескольких словах, потому что даже о наиболее важных событиях мы знаем почти только то, что они случились.

В 558 году все четыре удела соединились опять в одних руках, а именно в руках Хлотара, умершего через три года после начала своего самодержавия (561 год). Его смерть представляет естественную границу

^A Для этого очерка использована книга Kaufmann'a «Deutsche Geschichte bis auf Karl den Grossen». Leipzig, 1881. Bd. II. S. 131–171, 221–233, о которой мы упоминали в обзоре литературы.

особого периода в истории этого государства. Главнейшие факты, к нему относящиеся, суть: 1) завоевание всей остальной части Галлии и 2) распространение владений на правом берегу Рейна до Эльбы и Дуная.

Тотчас же обнаружались последствия объединения Хлодвигом немецких земель с романскими. К этому союзу делаются все новые прибавления и держава франков начинает приобретать универсальную известность и значение, идти навстречу другой мировой державе того времени – Византии. Известно, что Хлодвиг был современник Юстиниана, победившего остготов и уничтожившего господство их в Италии.² После смерти их великого короля Остготское государство существовало здесь недолго, начались походы византийских полководцев Велизария и Нарзеса, и готы мало-помалу потеряли все свои владения. При Юстиниане же был положен конец и существованию Вандальского государства в Северной Африке, а также отняты некоторые области у вестготов в Испании.³ Навстречу силе Византии и ее попыткам реставрировать римскую власть идет франкское объединение немецких земель – словом, рождаются две силы, которые, казалось, должны были разделить между собою господство в Европе.

Объединение под властью франков выразилось прежде всего в присоединении Тюрингии, имевшем решительное значение для положения на восток от Рейна.

Тюрингия расположена, как известно, от Гарца и Leine до Дуная при Регенсбурге и от Везера до Эльбы. В области нынешнего Касселя и к югу от него на Роне (Rhön) тюринги граничили с франками. Столкновения были уже при Хлодвиге – он защищал против них гессов.⁴ Повод к вмешательству дали теперь сами тюринги: король их Германфрид,⁵ умертвив одного своего брата, призвал на помощь против другого Теодериха Рипуарского, а после победы отказался дать последнему условленное (территориальное) вознаграждение. С двух сторон вторглись франкские войска в Тюрингию: Хлотар с юга, Теодерих – с севера. Борьба была упорная; франки одержали верх только при помощи девятитысячного отряда саксов. Начавшись в окрестностях нынешнего Ганновера, борьба эта окончилась сражением на севере от реки Униструт (при Schleidungen). Королевская фамилия погибла; Германфрид обманом был завлечен Теодерихом в Цюльпих и там злодейским образом свергнут с крепостной стены. Теодерих был похож на своего отца сколько своими военными талантами, столько же своим коварством и вероломством.

Он сделался известным с этой стороны даже в Константинополе, где нашел свое убежище сын Германфрида, поступивший в императорскую гвардию. Его двоюродная сестра, Радегунда,⁶ против своей воли сделалась женой Хлотара. Память об этой войне долго жила в народных преданиях. Она имела результатом подчинение Тюрингии; покорение, впрочем, было совершенно закончено, видимо, только при сыне Теодериха – Теодеберте (около 535 года). Тюрингия стала под управление особых герцогов и получила особые законы. Часть тюрингской земли, именно северной Тюрингии между Унштрутом, Саалой и Эльбой, досталась саксам.

Около этого же времени пало и Бургундское королевство. В 523 году соединились для нападения на Бургундию, все еще раздираемую внут-

ренными смутами, три брата, за исключением Теодериха Мецского.⁷ Король Сигизмунд⁸ был не в силах бороться; он был разбит и когда хотел спастись бегством, то его схватили его собственные люди и выдали франкам. Он попал в руки Хлодомира и был отправлен в Орлеан. Несмотря на свое родство с Теодерихом, за которым была его дочь, Сигизмунд погиб ужасной смертью. Хлодомир, собираясь во второй поход в Бургундию (в 524 году), где брат Сигизмунда, Годомар, стал во главе народного движения, велел утопить несчастного короля в колодеце (или цистерне), и заодно его жену и детей. Напрасно молил один благочестивый аббат пощадить пленников.

Во втором походе принимал участие и Теодерих. Сражение произошло при Визоронсе, там, где Рона, по выходе из Женевского озера, делает резкий изгиб к северу; оно кончилось в пользу франков; сам же Хлодомир пал в битве. Но все-таки гибель Бургундского королевства этим была только отсрочена. В 532 году произошло третье нападение, во время которого в сражении при Autin положен конец существованию Бургундского королевства: оно было опустошено и затем разделено между тремя королевствами — Мецским, Суассонским и Парижским.

Около того же времени франки вели борьбу с вестготами — не всегда успешно, — но благодаря внутренним беспорядкам в Вестготском государстве они приобрели значительную часть Септимании.

Еще более выгод обещала доставить им война Юстиниана с остготами. Мы не будем смотреть подробно историю этой войны, известно, что во главе остготов стоял сначала король Витигес, потом Тотила.⁹ Хотя германцы защищались храбро, но уменье и воинские таланты знаменитых византийских полководцев постоянно давали перевес войскам Юстиниана. Император искал помощь у франкских королей. Он прислал большие суммы денег, и еще больше обещал, когда помощь будет оказана. Но прежде, чем братья двинулись в поход, пришло другое посольство от короля Витигеса с такой же просьбою и предложениями не менее выгодными. Он предлагал Прованс и известные области в Альпах, занятые поселениями аламаннов. Таким образом, франкам приходилось колебаться между уважением своим к императору римскому и выгодой предложения остготов. Впрочем, помощь была обещана и этому второму посольству, с тем, что договор останется тайной и что на помощь придут не собственно франки, а отряды из других подчиненных им племен. Обещание было исполнено только через два года: отряд в 10 000 бургундцев помог Витигесу взять город Милан. За исключением вестготской Септимании — узкой полосы от устья Роны до восточной оконечности Пиренеев, — вся Галлия принадлежала теперь франкам. Их государство распалось теперь на три удела, ибо Хлодомир Орлеанский пал, как известно, во втором походе на Бургундию. Он оставил после себя, впрочем, трех сыновей, из которых старшему было десять лет. Печальная судьба этих детей подробно рассказана в истории Григория Турского. Вот каким образом передает он это событие.¹⁰

Старший из сыновей Хлодвига, король Хлодомир, был убит в сражении с бургундами. Братия его, Хильдеберт и Хлотар, немедленно вошли между собой в соглашение разделить его наследство, а малолетних сыно-

вей покойного либо убить, либо постричь в монахи. Они лично явились в Париж, выманили бедных малюток у бабки Клотильды под тем предлогом, что они хотят возвести их на престол. Но когда Гунтар и Теодобальд были в их власти, дяди послали к Клотильде доверенного человека (Аркадия) с ножницами и мечом: она должна была сделать выбор (то есть между мечом – смертью внуков и их пострижением). В горе и ужасе Клотильда воскликнула: «Если они не будут королями, то пусть лучше смерть, чем пострижение». Немедленно дяди приступили к убийству. Хлотар зарезал ножом старшего; тогда младший в беспамятстве бросился к ногам другого дяди и молил его о пощаде и защите. Человеческое чувство проснулось в душе Хильдеберта, на глазах его появились слезы: «Прошу тебя, дорогой брат, – сказал он Хлотару, – подари мне жизнь этого дитяти; требуй какую угодно цену, я заплачу тебе». – «Оттолкни его, – кричит Хлотар в бешенстве, – или ты умрешь вместе с ним. Ты сам задумал дело, и теперь хочешь нарушить данное слово».

Этих слов было достаточно, чтобы затушить минутную вспышку сострадания в Хильдеберте. Ему стало стыдно своей слабости. Он бросил несчастную жертву под нож безжалостного Хлотара. Третий брат мог бы подвергнуться той же участи, но знатные франки спасли его и постригли в духовное звание. Это был св. Хлодоальд (St. Cloud), основатель монастыря того же имени.¹¹

Несколько ранее тот же Хлотар едва не был убит своим старшим братом Теодерихом. Только крайняя грубость в исполнении замысла спасла его. Дело происходило вот как. Теодерих пригласил его к себе и спрятал убийцу за занавесом, но так неловко, что ноги его были видны и Хлотар, конечно, заметил это. Теодерих, видя, что план его открыт, стал разговаривать с братом о посторонних предметах и при прощании, чтобы успокоить его совершенно, подарил ему большую серебряную чашу. Но скоро ему стало жаль подарка; он призвал своего сына Теодоберта и сказал ему: «Ступай к дяде и попроси его, чтобы он отдал тебе мой подарок». Цель была достигнута. «Теодерих, – прибавляет наивно Григорий Турский, – был очень искусен в подобных хитростях».¹²

Впоследствии Хлотар, соединивший все владения своих братьев, был наказан восстанием собственного сына Храмна. Когда последний попал в плен, отец велел его сжечь с женой и детьми.¹³

Когда Теодерих умер, то братья его Хильдеберт и Хлотар сделали также попытку устранить его сыновей, но это им не удалось. Сын Теодериха, Теодоберт, умел себя защищать и скоро достиг высокого положения. Он более всех получил выгоды от договоров итальянских и в 539 году явился в Италию.¹⁴ Явился он под видом союзника остготов, но действовал самостоятельно, напал на всех, кто попадался ему по дороге, на римлян и готов без разбора, всех грабил и приобрел Лигурию и значительную часть Венецианской области. Таким образом в его руках очутилась пограничная область, из которой шли старые пути к Константинополю. Теодоберт не устоял против соблазна. Он заключил договор с остготами, по которому они взаимно признали свои владения в Италии; точное определение границ было отложено до победы над восточным Римом. Кроме того, он занялся еще одним планом в союзе с лангобардами и

гепидами – вторгнуться во Фракию; исполнению этого плана помешала его смерть.¹⁵

Лангобарды, о которых нам придется еще говорить впоследствии, жили в это время в Паннонии (нынешней Венгрии), куда они спустились от устьев Эльбы и Немецкого моря через Чехию. Они помогли императору Юстиниану и познакомились в это время с дорогой в Италию, где, как увидим ниже, они впоследствии и основались.

Франки еще раз вмешались в итальянские дела. В Мец, к Теодобальду, сыну Теодеберта, пришло посольство от остготов, которые хотя в самом незначительном числе, но все же продолжали сопротивление. Теодобальд отказал в помощи, но два аламанных герцога с 75-тысячным войском отправились к ним на помощь. Но на обратном пути они были совершенно истреблены армией Нарзеса, заразой и болезнями.

Итальянские приобретения были потеряны (553 год). Вскоре затем (555 год) умер Теодобальд; все государства соединились под властью сусассонского короля, когда через три года умер и Хильдеберт.¹⁶ Хлотар был единодержавный государь, как Хлодвиг, но его владения были почти вдвое обширнее, поскольку прибавились Тюрингия, Бургундия, Прованс, часть Септимании, остготская часть Аламании; сверх того, в зависимости от франков находилось вновь возникшее государство баваров; их герцогу отдана была в жены вдова Теодобальда.

561-м годом кончается первый период истории Франкского государства после Хлодвига. От этого года второго разделения до 613 года, когда оно опять объединилось при Хлотаре II, можно считать второй период его истории.

ВТОРОЙ ПЕРИОД (561–613)

Хлотар I, умирая, разделил свое государство между четырьмя своими сыновьями. Братья умирали один за другим с большими промежутками, и потому деление несколько раз менялось. Но по большей части было все-таки три государства, для которых явились названия: Бургундия, Австразия и Нейстрия. Имя Бургундия не должно вводить в заблуждение; это не прежнее восстановленное Бургундское королевство, а королевство Орлеанское, обнимавшее значительную территорию, германизованную франками и готами. Короли и вельможи этого государства сознавали и чувствовали себя близкими к франкам (в особенности после того, как король Сигизмунд принял католичество).¹⁷ Они вовсе не имели стремления противопоставить себя франкам как нечто отдельное, напротив, известная часть франков действовала заодно с ними.

Австразия – Austrasia (Аустрия), или восточная часть государства Франкского, состояла из королевств Мец и Реймс. Столица ее находилась в городе Мец. Нейстрия,^A или западная часть государства, включает в себя Париж и Суассон.

^A Происхождение этого слова достоверно не известно. Некоторые толкуют имя «Нейстрия» (Neustria) как «не восточная», а – западная часть государства; некоторые производят это слово от «neu» – новая (Neulend).

Между Австразией и Нейстрией впоследствии (в VIII и IX веках) образовалась та же противоположность, как между странами с совершенно различным населением. Сначала не было большой разницы между той и другой, так как, с одной стороны, к Австразии принадлежала часть земель романских (Лотарингия с Мецем), а с другой, в Нейстрии преобладал элемент франкский, помнивший о своем немецком происхождении. Но франки нейстрийские, попавшие в среду романизованного населения Галлии, мало-помалу утратили особенности своего германского характера и скоро сделались, говоря современным языком, французами. Напротив того, австразийцы, владевшие по преимуществу немецкими землями, с течением времени приняли совершенно немецкий склад.

Кроме трех означенных государств в VI и VII веках выделились две новые области: Аквитания и Бретань, отличающиеся совершенно особым характером.

Аквитания, в римское время весьма сильно романизованная, попала под власть вестготов и потом была отвоевана при Хлодвиге в пользу франков. Вестготский элемент здесь был совершенно уничтожен, новых германских поселений, даже франкских, не последовало, и область эта, таким образом, имела более других романизованный характер. Еще более стала отличаться область Аквитанская от земель к северу от Луары, когда в начале VI века сюда стали спускаться баски, элемент Иберийский, остаток племени, когда-то населявшего значительную часть Южной Европы. Эти баски заняли теперь большие пространства земли в южных долинах Луары, образовав провинцию басков — Васконию (или Гасконь). Факт появления в Аквитании басков несомненен, однако он мог быть и следствием того, что в связи с упадком римских начал здесь возрождаются племенные особенности коренного населения; впоследствии же здесь видно даже некоторое стремление к самостоятельности.

В это время на севере Франции образуется другая племенная группа в Бретани. Название «Бретань» было неизвестно в римское время, эта область входила в состав римской Арморики; название Бретань связано с именем кельтского племени бриттов и указывает на кельтский элемент населения. Конечно, здесь помимо бриттов гораздо раньше могло быть кельтское население, но оно уже давно было романизовано и сохранилось разве в отдаленных захолустьях. Появление бриттов здесь можно объяснить только эмиграцией: в это время происходило завоевание англосаксами острова Британия, вследствие чего бритты массами эмигрировали на противоположный берег материка и тем самым сообщили Бретани (новой области, занявшей место прежней Арморики) кельтский характер, которым жители ее отличаются до сих пор.

В этот же период на границах государства появляются два новых врага: авары, или обры с востока, лангобарды — с юго-запада.

Авары, или обры, оставившие и в русской истории страшную память, соплеменные с гуннами и, может быть, с хазарами, народ тюркского племени, кочевали в степях южной России, а затем передвинулись к Дунаю и перешли в Паннонию. Отсюда авары стали грозить Византии и даже ходили в VII веке на Константинополь. Отсюда же авары делали набеги на франкские земли. С этими-то дикими кочевниками, представителями

нецивилизованного начала, ведут борьбу франки, являясь, таким образом, защитниками новой вырастающей культуры.

Другим врагом франков являются их же соплеменники, народ германского происхождения, лангобарды. Живя в Паннонии, по соседству с аварами, они много терпели от них и постоянно боролись с ними. Во время этой борьбы они перешли Дунай по Саве, вторглись в северную Италию. Власть Византии оказалась здесь непрочной, и в 568 году лангобарды основали новое германское государство взамен остготского, хотя и не такое обширное, ибо они владели только северной Италией.¹⁸ В начале своего господства они совершали набеги на запад, на франкские земли, следствием чего были походы, предпринятые против них франкскими королями. В истории Григория Турского мы читаем о страшных опустошениях, произведенных набегами лангобардов на южную Галлию, особенно на Бургундию.¹⁹ Саксы, возвращаясь на родину через Галлию, тоже опустошали ее.²⁰ Таким образом, молодому Франкскому государству в самом начале существования приходится защищаться против сильных внешних врагов.

В 561 году Хлотар умер. Четыре сына перенесли тело в Суассон, где похоронили его с великими почестями. Вскоре все четверо: Хариберт, Гунтрамн, Хильперик и Сигиберт разделили между собою монархию франков.²¹

1. На долю Хариберта досталась Аквитания и, кроме того, Париж.

2. Гунтрамн получил Бургундию и, как столицу, Орлеан.

3. Хильперик получил Арморик и Салийскую землю на юг от Арденнского леса (Нейстрию) со столицей Суассон.

4. Сигиберту досталась Рипуария, или Австразия со столицей Реймс.

Хариберт умер рано. Он усвоил для себя римскую цивилизацию, любил судейскую деятельность и считал лучшей похвалой, если хвалили его проницательность в этом деле, но в остальных отношениях он был таким же варваром, необузданным и невоздержанным, как и его братья. По словам Григория Турского,²² один только король Сигиберт Австразийский выдавался из среды братьев воздержанной жизнью. Он не хотел следовать их примеру, венчаясь по германскому обычаю и разводясь с женой когда вздумается; Сигиберт решил вступить в законный брак с дочерью вестготского короля Атанагильда, красавицей Брунегильдой. Он отправил послов в Испанию, чтобы просить ее руки у отца.

«Это была молодая девушка, обходительная и миловидная, — говорит Григорий Турский, — благопристойная и скромная нравом, хорошая советница и приятная в беседах». Отец согласился и отправил ее к жениху с богатыми сокровищами. Как приданое и как «утренний дар» (*Morgengabe*) Брунегильда получила несколько городов готской Галлии, которые вестготы и франки считали спорными владениями.

В Меце был устроен в честь Брунегильды большой праздник. Немецкая обильная попойка и римская пышность шли здесь рядом. Поэт Венандий Фортунат приготовил поэтическую эпиталаму в честь Брунегильды, где Венера и Купидон попеременно восхваляли достоинства новобрачных (567 год). Брунегильда исповедовала арианскую веру, но, «обращенная проповедью епископа и убеждениями мужа, она уверовала

и исповедала блаженную во Едином Боге Троицу, получила священное помазание и, сделавшись католичкой, продолжает до сих пор еще пребывать в вере Христа». Король ее очень любил и говорили, что она имела на него сильное влияние, что, однако, не ставили ей в упрек. Недолго, впрочем, продолжалось ее счастье.

Пример младшего брата сильно подействовал на Хильперика.²³ Этот король соединял с варварскими инстинктами причуды и претензии полуобразованности. Он сочинял латинские стихи, занимался грамматическими и богословскими вопросами и сочинял трактаты для разрешения их. Но стихи его, по словам Григория Турского, хромали, он постоянно смешивал длинные слоги с короткими, а богословие довело его до еретического учения, которому он попытался было доставить общее признание силой, но отказался, когда встретил мужественное сопротивление со стороны нескольких епископов. Плодом его грамматических занятий были четыре новые буквы алфавита, которые он заставил ввести в школах, запретив употребление книг, написанных старым алфавитом. Хильперик от души ненавидел духовенство, особенно епископов. «Наша казна опустела, — говорил он, — наше имущество перешло к церквам; царствуем не мы, а епископы».²⁴ Впрочем, для ограничения духовенства он не сделал ничего особенно важного, кроме уничтожения некоторых духовных завещаний в пользу монастырей.

Вообще, у него не заметно было сильного характера; когда Хильперик встречал энергичный отпор, то оставлял свое намерение. Едва ли кто из братьев мог сравниться с ним по количеству жен и наложниц. Служанка одной из них, Авдоверы, Фредегонда²⁵ сумела заставить короля развестись с женой и признать ее законной супругой. Для этого она употребила следующую хитрость. Когда Хильперик отправился в поход, у Авдоверы родился во время его отсутствия ребенок, но королева не могла найти достойной восприемницы и Фредегонда посоветовала ей самой стать крестной матерью. По возвращении короля Фредегонда принудила его развестись с Авдоверой ввиду того, что по закону христианскому они не могут оставаться теперь мужем и женой вследствие наличия крестного родства.

Когда Сигиберт заключил такой хороший брак, Хильперик решил последовать примеру брата и посватался к старшей дочери Атанагильда — Галесвинте, обещая развестись со всеми своими женами и удалить Фредегонду.²⁶ Его предложение не было так охотно принято, как предложение младшего брата, но после долгих колебаний несчастную Галесвину, томимую мрачными предчувствиями, отправили к жениху с богатым приданым. Сначала все шло хорошо. Торжественно данное обещание было подтверждено Хильпериком при бракосочетании в Руане, где и франкские вельможи клялись Галесвинте в верности своим оружием. Но кроткая королева не могла надолго привязать к себе варвара-короля; скоро Хильперик начал с ней нехорошо обращаться, приблизил опять Фредегонду, и оскорбленная Галесвинта стала у него просить позволения вернуться в свое отечество; вместе с тем она изъявила готовность остаться в его пользу принесенное ею богатое приданое. Но король не мог верить, что она искренно отказывалась от своих сокровищ; не желая

расставаться с ними, он совершенно изменил свое обращение с королевой, ласковыми словами уговорил ее остаться и, когда она уже совсем успокоилась, приказал одному рабу удавить ее. Несколько дней он притворно оплакивал ее, но вскоре формально признал Фредегонду королевой и женой.

Брунегильда явилась мстительницей за смерть сестры. Несмотря на то, что вестготы довольно долго прожили на римской почве, тем не менее обычай кровной мести не переставал существовать и иногда считался даже обязательным. Но страсть Брунегильды уступала свирепой натуре ее соперницы. Фредегонда знала только две страсти: неутомимую мстительность и горячую любовь к своим детям. Всякий шаг и след ее обогрен кровью: убийство — всегда первое средство, которое ей представляется. В глазах современников она является какой-то франкской волшебницей, коварной и ужасной в порывах своей страсти, употребляющей не только кинжал и яд, но и чародейство и волшебство. Когда Галесвинта погибла, ее отца уже не было в живых: Хильперик мог быть спокоен с этой стороны. Но Сигиберт заставил его уплатить Брунегильде виру, величина которой была определена судом знатных франков под председательством короля Гунтрамна. Он постановил, чтобы Хильперик отдал Брунегильде города Лимож, Кагор, Бордо, Беарн и Безье, принадлежавшие Галесвинте как приданое, или как «утренний» дар. Гунтрамн обязан был передать их Брунегильде; впрочем, этот суд в данном случае оказался далеко не беспристрастным, ибо, взяв города, он не передал их Брунегильде.

Побуждаемый женой, Сигиберт выступил кровавым мстителем за смерть Галесвинты и начал борьбу с Хильпериком, которая длилась довольно долго, прекращаясь и возобновляясь; наконец, он покорил большую часть владений Хильперика. Но в самый момент торжества кинжал двух убийц, подосланных Фредегондой, прекратили его жизнь. Малолетний сын Сигиберта — Хильдеберт II был, однако, спасен и провозглашен королем Австразии.

Неизвестно почему Фредегонда отложила наказание своей соперницы, попавшей в плен Брунегильды. Она только заключила ее в темницу в Руане, где Брунегильда и находилась до тех пор, пока не была вытребована у Хильперика и Фредегонды австразийцами. Во время пребывания своего в Руане Брунегильда успела произвести смуту в самой семье Хильперика; сын его — Мерових — пленился ее красотой и предложил ей бежать с ним, обещая жениться. Но отец узнал об этом, и после долгих приключений Мерових погиб.²⁷ Фредегонда торжествовала: страстная мать, она радовалась гибели сына Хильперика, так как эта смерть освободила ее детям путь к престолу. Теперь между ними и королевским троном стоял только один сын Хильперика — Хлодовик. Она погубила и его; эта история с последним сыном Хильперика от Авдоверы, между прочим, служит одним из самых высоких доказательство той огромной власти, которую имела Фредегонда над своим мужем.

Рассказывают,²⁸ что Хлодовик, как единственный старший сын, оставшийся у короля от первой жены, хвалился, что все царство будет принадлежать ему; Фредегонде шепнули, что это он отравил ее сыновей

(умерших незадолго перед тем от моровой язвы), – он любил одну из служительниц ее, и мать ее, как говорили, совершила убийство. Девушка была схвачена и повешена перед жилищем Хлодовика и Авдоверы; затем и сам он по воле отца и просьбам Фредегонды был казнен.

Между тем Бретань поднялась против Хильперика, и вообще между тремя частями Франкского государства царствовало постоянное междоусобие. Король Гунтрамн не имел сыновей, и в 577 году он усыновил юного Хильдеберта – сына Брунегильды; но в следующем же году правители Австразии соединились с Хильпериком против Гунтрамна. Тогда он снова изменил свое решение, и каждое из подобных изменений сопровождалось кровопролитными войнами. В 584 году Хильперик погиб.

Сыновья его умерли, как известно, ранее его, кроме последнего, за четыре месяца до смерти короля родившегося у Фредегонды. Впрочем, довольно упорный слух носился о том, что это не был сын Хильперика и что даже загадочная смерть короля произошла не без участия Фредегонды. Вдова Хильперика призвала короля Гунтрамна в Нейстрию и отдала себя и малолетнего сына под его защиту. Но последний не хотел признавать ребенка сыном своего брата до тех пор, пока Фредегонда в присутствии трех епископов и трехсот вельмож своего королевства (в качестве соприсяжников) клятвенно не подтвердила, что это дитя действительно рожден от короля Хильперика.

В Австразии мало-помалу Брунегильда приобрела влияние, впрочем, не без жестокой борьбы. Так, когда ее противники хотели умертвить преданного ей герцога Шампани Лупа, она бросилась между лошадьми сражающихся в строй своих врагов и прервала битву. В ярости предводитель шайки закричал: «Назад, женщина, довольно того, что ты управляла при жизни твоего мужа; теперь твой сын – король, и мы опекуны его, а не ты. Отойди прочь, или мы раздавим тебя копытами наших лошадей». Но Брунегильда все же не отошла и действительно добилась того, что убийства не случилось. Луп должен был, впрочем, бежать в Бургундию, а имения его разорили враги.

Между двумя королевами также происходила страшная борьба, как явная, так и скрытая. Фредегонда не могла примириться с мыслью, что ненавистная соперница пользуется властью, между тем как сама она со смертью мужа потеряла прежнюю силу, и она решила во что бы то стало убить ее. Она подослала к Брунегильде двух монахов с поручением убийства, но им это не удалось; также неудачной была и другая попытка избавиться от соперницы, подослав к ней убийц с отравленными кинжалами. (История борьбы Фредегонды и Брунегильды художественно передана А. Тьерри в «Рассказах из времен Меровингов».)

Будучи занята борьбой со своими противниками – магнатами, Брунегильда, очевидно, не могла и не имела времени вмешиваться в нейстрийские дела, где после долгих переговоров признан был королем малолетний Хлотар II, сын Фредегонды;²⁹ опекуном его стал король Гунтрамн. Однако Гунтрамн не чувствовал себя спокойным в новой земле. Даже в церковь не осмеливался он ходить без большой свиты, и однажды, в воскресенье, он поднялся со своего места в церкви и стал говорить, обращаясь к народу, как очевидно ни один король не говорил своим подданным:

«Я заклинаю вас, мужи и женщины, присутствующие здесь, сохраните мне нерушимую верность и не убивайте меня, как вы это сделали с моими братьями; по крайней мере, дайте мне хоть три года сроку, чтобы воспитать моих племянников, усыновленных мною. Иначе может случиться, чего Боже избави, что вы сами погибнете с теми малютками, ибо от нашего дерева не будет тогда ни одной крепкой ветви, чтобы защитить их и вас».

Во всех частях Франкского государства царствовала смута. Даже свадебный поезд дочери Хильперика был разграблен. Незадолго до своей смерти король посватал свою дочь Ригунту за одного вестготского принца и отправил ее с большой свитой в Испанию.³⁰ Но еще до перехода границы пришло известие о смерти Хильперика. Тотчас же вся свита разбежалась, а Дезидерий, герцог страны, сам расхитил приданое дочери своего короля, у которого он, между прочим, пользовался особой милостью. Верность исчезла из жизни, так как пали те установления, которые могли направлять к добру и удерживать на прямом пути взаимные отношения и интересы людей.

Магнаты сделались чересчур могущественны; они не страшились ни короля, ни закона и даже в это именно время соединились в заговоре, обещавшем разрушить силу и могущество королей. Это был заговор Гундовальда.³¹

Гундовальд был сын Хлотара I, но не признанный отцом своим. Мать, тем не менее, воспитала его особенно и отравила ему волосы как Меровингу. Когда время показалось ей благоприятным, она отправила сына к Хильдеберту, брату Хлотара. Так как у него не было детей, то Хильдеберт усыновил племянника, но не сумел его защитить и допустил, чтобы его выдали Хлотару и остригли. После смерти отца Гундовальд нашел временное убежище у одного из братьев, но другой — вновь остриг ему волосы, и несчастный принц должен был скрываться опять. Некоторое время он жил в Кельне, где зарабатывал себе пропитание искусством живописи. Оттуда он бежал в Италию и, наконец, в Константинополь, где его признали Меровингским принцем, надеясь использовать как оружие против франкских королей. В 581 году важнейшие магнаты Галлии объединились в заговоре, чтобы призвать беглеца на родину, возвести на трон и управлять за него. Во главе заговора стояли Гунтрамн Бозон из Австразии и герцог Муммол Бургундский.

Муммол был римлянин по рождению, отец его был графом. Однажды, беспокоясь, чтобы король не вздумал передать графское достоинство и должность другому, он послал ко двору сына своего со многими подарками. Тот с умом распределил подарки и сумел склонить короля в свою пользу, но во вред отцу. Этим бесчестным поступком Муммол впервые открыл себе дорогу к власти и быстро достиг затем звания патриция. Муммол получил поручение окружить лангобардов, что и было исполнено им с блистательным успехом. В течение всех последующих лет войско Гунтрамна побеждало, а Муммол находился в величайшей чести при дворе короля. Но в 581 году внезапно оставил двор и удалился с семейством, своими сокровищами и толпою подчиненных ему людей в город Авиньон. Он избрал именно этот город потому, что он был хорошо

укреплен и принадлежал к австразийским владениям. С магнатами, которые там управляли за малолетнего Хильдеберта,³² он был в сговоре, и они не тревожили его в Авиньоне.

В то же время Гунтрамн Бозон, посланный королем Гунтрамном к императору, начал в Константинополе переговоры с Гундовальдом. От имени магнатов – правителей Австразии требовал он возвращения последнего в страну; и так как император давал ему для этого богатые денежные средства, то Гундовальд решил последовать совету и отправился по направлению к Марселю. Епископу города пришло повеление от магнатов, управлявших Австразией, принять Гундовальда, и он повиновался. Гунтрамн Бозон был тут же, как и Муммол со своей конницей.

Казалось, замысел должен был бы удался, но двойная измена Гунтрамна Бозона расстроила все планы. Гунтрамн Бозон был еще более вероломен, чем Муммол.

«Он никогда не клялся без того, чтобы не нарушить потом данного слова», – говорили про него. Сам он затеял это дело, а теперь вдруг бросился на сокровища Гундовальда, лежавшие в Марселе, разграбил их и затем, захватив марсельского епископа, представил его как государственного изменника королю Гунтрамну. Тогда Муммол должен был вновь запереться в Авиньон, Гундовальд же скрылся на одном из береговых островов. Таким образом, дело не двигалось вперед до тех пор, пока не умер король Хильперик и смерть его не произвела в государстве франков всеобщего смятения. Немедленно Муммол соединился с герцогом Дезидерием, имевшим большую власть в Аквитании и в данную минуту, в особенности после грабежа Ригунты, обладавшим большими денежными средствами. Гундовальд также покинул свой остров и прошел через Аквитанию с войском, которое доставили ему Муммол и Дезидерий. Многие города перешли на его сторону. В городах, принадлежавших Австразии, он заставлял признавать себя королем во имя Хильдеберта, опекуном которого он называл себя; в городах же Нейстрии и Бургундии он принимал правление от собственного имени.

Вся надежда предприятия была, в сущности, возложена на распри и несогласия между Гунтрамном и австразийским двором. После смерти Хильперика, казалось, дело дойдет из-за наследства до открытой войны. На совещании, созванном по этому поводу для умиротворения враждующих сторон, возник новый спор.

Посланные его племянником доверенные люди требовали от Гунтрамна уступки многих городов из наследства Хильперика и выдачи Фредегонды.³³ «Она волшебница, – говорили послы, – и уже убила многих из королевской фамилии».

Король Гунтрамн отказался от обоих требований и, кроме того, осыпал послов упреками, говоря, что они были зачинщиками заговора Гундовальда. Тогда с обеих сторон полились оскорбительные речи, и наконец один из послов вскричал: «Мы уходим теперь, о король, но если ты не думаешь возвратить города твоему племяннику, то не забудь, что еще существует тот боевой топор, который рассек голову твоему брату, и скоро он обратится на твой череп». С этими словами оставили они собрание. Гунтрамн велел бросить им вслед лошадиный помет, гнилое дерево,

глину и т. п.; народная масса с ликованиями последовала этому приказанию, так что послы потерпели большие неприятности.

В это время, кажется, Брунегильда договорилась с магнатами своего королевства, чтобы этим путем освободиться из-под их тягостной власти и наказать Фредегонду. Прошел даже слух, что она намерена вступить в брак с Гундовальдом.

Таковы были отношения, когда королю Гунтрамну пришла мысль расположить в свою пользу молодого Хильдеберта. На торжественном собрании вручил он ему, пятнадцатилетнему королю, копье и сказал: «Пусть это будет знаком, что я передаю тебе все мое королевство. В силу этого ты можешь поехать туда и завладеть всеми моими городами, подчинив их своей власти, как твои собственные. Ты должен быть наследником всего моего государства, и никто другой». Потом он отвел его в сторону и назвал тех людей, которых молодой король должен был остерегаться. После этого тайного заговора Гунтрамн вновь выступил перед собранием с племянником и сказал: «Видите вы, мужи, что мой сын Хильдеберт уже вырос и сделался мужчиной. Итак, остерегайтесь считать его за ребенка. Оставьте теперь ваши разговоры и возмущения. Он король ваш, и вы должны служить ему».³⁴

Торжественные пиры заключили это, уже в 577 году совершенное, усыновление. Тогдашние правители должны были молча и покорно смотреть на все это, ибо вся масса франков, и главным образом те магнаты, которые не участвовали в управлении, стояли за молодого короля.

При известии о соединении Австразии и Бургундии между заговорщиками начался разлад, и вскоре Муммол и Гундовальд должны были укрыться в горный город Конвену,* лежавший по верхнему течению Гаронны, на одиноко стоящей горе.³⁵ Долго выдерживали они здесь сопротивление; однако когда Муммолу обещали милость, то он выдал Гундовальда. Несчастный принц погиб, но и Муммол погиб вслед за ним (585 год).

В это же время и в судьбе Брунегильды произошла перемена. До сих пор управление Австразией находилось в руках ее врагов, захвативших в свои руки опеку над юным королем.** Но последнему минуло уже 15 лет, и, следовательно, он уже три года как преступил первый срок опеки и через несколько лет вовсе не будет нуждаться в ней. Вскоре он даже женился, и магнаты видели, что их владычеству наступает конец. Вместе с тем они знали, что Брунегильда со своим энергичным и властным характером будет непременно управлять за сына, едва только Хильдеберт станет королем без опеки. Ввиду этого они возвели на престол претендента Гундовальда и намерены были сделать его опекуном Хильдеберта, чтобы через него удерживать за собою занимаемые ими места.

Гибель Гундовальда расстроила все планы; вскоре за тем умер Вандалон, воспитатель Хильдеберта, который был душой опекунской правительственной партии, и это в особенности побудило Брунегильду провозгласить, что нет более нужды в опеке.³⁶ Таким образом, она стояла у

* Город Конвена (*лат.* Convenica urbs) находился в Аквитании.

** То есть Хильдебертом II.

цели; когда магнаты вскоре после того составили заговор с целью умертвить Хильдеберта и вновь назначить регентство во имя его двухлетних сыновей, Брунегильда восстала против них и освободила страну от множества праздных и бунтующих людей.

Чтобы утвердить мир в стране, король Гунтрамн, Хильдеберт, Брунегильда, а также сестра и супруга Хильдеберта собрались в городке Андело (Andelaus) севернее Лангра и здесь заключили между собой договор, который сопровождался всякого рода торжествами. Договор этот определял отношения между двумя государствами, утверждал права подданных обоих, когда они переходили из одного государства в другое, обеспечивал безопасность земельных и других имуществ их в чужом государстве, скреплял добрые отношения (587 год).³⁷ И действительно, эти добрые отношения поддерживались некоторое время между обоими владениями. Хильдеберт не сомневался, что однажды он будет полным наследником дяди, Гунтрамн же был доволен почестями и знаками уважения, которые ему оказывал племянник. Между тем Брунегильда и Хильдеберт вели переговоры с Византией, с целью совместного набега на лангобардов, которые еще не совсем прочно уселись в верхней Италии и страдали от внутренних раздоров. От 588 года дошла до нас часть писем, которыми обменивались Мец и Константинополь и которые показывают ясно, в какие отношения ставили себя франкские короли к императору. Они ни в коем случае не ставили себя одинаково высоко с ним, но все уважение, с которым они относятся к императору, ничуть не умаляет чувства и сознания их собственного достоинства. Следствием этих переговоров было то, что в 588 году с одной стороны Хильдеберт, с другой – римские войска вторглись в Италию, но потерпели неудачу.³⁸

Через два года после заключения мира с лангобардами, в 592 году, Гунтрамн умер и Хильдеберт соединил его королевство* со своим. Это был теперь могущественнейший король Запада, владения которого простирались от Роны и Сены до Эльбы и проходов, ведущих от Цзара до Инна и верхнеитальянских озер. И во всем государстве Хильдеберта Брунегильда удержала свое могущественное влияние. К ней обращался и папа Григорий I, когда хотел достичь чего-либо в государстве франков. То просил он о помощи и защите для миссионеров, которые шли в Англию через Галлию, то требовал исправления грубых заблуждений, которые вкрались в Галльскую церковь. Прежде всего Григорий желал созвания собора. Ответ пришел в весьма вежливой форме, но собор созван все-таки не был, так как главной заботой королевы и ее сына было в то время сдерживать властолюбивых магнатов, перед этой заботой отступали все другие.

В 596 году Хильдеберт умер, имея только 28 лет от роду, его старшему сыну Теодоберту было 10 лет, младшему Теодериху – 9 лет.³⁹ Тем не менее Брунегильда удержала за собой регентство. В Меце правила она сама за старшего внука, в Орлеан отправила доверенного майордома с младшим. Но со всех сторон поднимались завистники, желая вырвать у нее власть. Фредегонда с сыном своим Хлотаром перешла границу, оса-

* То есть Бургундию.

дила Париж и другие города и разбила войска Брунегильды. Это было, впрочем, последнее торжество королевы; в следующем году она умерла (597 год). Одновременно с этим авары угрожали королевству франков с востока, внутри же государства вновь поднимались магнаты. Брунегильда золотом отвратила нападение аваров и успела усмирить своих вельмож; но в следующем году возмущение опять вспыхнуло, и Брунегильда, принужденная бежать из Австразии, направилась к младшему внуку Теодериху в Орлеан.

В 600 году Австразия и королевство Орлеанское соединились, чтобы вместе напасть на Хлотара.^A Они не только отвоевали назад все то, что было отнято у них в 596 году, но еще и часть отцовского наследства сына Фредегонды, так что у Хлотара остались лишь очень небольшие владения.

Оба короля юридически были уже совершеннолетними и, подобно всем Меровингам, развились необыкновенно рано. В 602 году у Теодериха Орлеанского родился сын, хотя ему самому было только около 15 лет. Управление, однако, все еще находилось в руках бабки его Брунегильды, тогда как за его старшего брата в Меце правили магнаты. Борьба за высшие должности и за влияние на молодого короля не прекращалась в государстве. Одна из подобных распрей точно известна нам и бросает яркий свет на нравы эпохи, бывшие среди вельмож Франкского государства. Брунегильда возвела мудрого римлянина Протадия в звание майордома при Теодерихе. С помощью последнего молодой король вступил в борьбу против магнатов, изгнавших его бабу из Австразии. Оба войска стояли уже друг против друга в ожидании битвы, как вдруг среди бургундов поднялся крик, что лучше, чтобы один человек умер, чем чтобы такое огромное войско подверглось опасности, и они убили Протадия в самой палатке короля (605 год). Очевидно, что это произошло не из-за недостатка храбрости и еще менее из патриотизма, а просто вызвано было несколькими вельможами, которые ненавидели Протадия. Мир был заключен, и виновников убийства не разыскивали, но Брунегильда нашла случай наказать двух главных заговорщиков: одного она велела убить, другому отрезали язык.

Теодерих между тем все более и более мужал. В 610 году брат его, Теодоберт, отнял у него Эльзас, и молодой Орлеанский король жаждал мщения. Он договорился с Хлотаром, чтобы последний не помогал Теодоберту, обещая в обмен за эту услугу дать земли; и затем в 612 году, сначала при Туле, а потом при Цюльпихе, разбил брата. Теодоберта постигли во время бегства, сначала заточили в монастырь, а затем убили. Даже его маленькому сыну по приказанию Теодериха разможили голову. Свое обещание Хлотару он не выполнил.

В следующем году Теодерих решил выступить против Хлотара, но дело не дошло до сражения, так как сам Теодерих внезапно умер. Ему было только 25 лет, и он оставил четырех сыновей, из которых старшему, Сигиберту, было около одиннадцати лет. Брунегильда захотела возвести его на престол и вновь созвала войско, разошедшееся после смер-

^A Хлотар II, король Нейстрии.

ти короля. Но многие из вельмож не хотели более и слышать о ее регентстве и призвали в страну Хлотара, короля Нейстрии. Войска встретились, но битвы не произошло. Войско Брунегильды разошлось; молодые короли* попали в плен, а также и сама Брунегильда. Юного Сигиберта убили. Когда Брунегильда приведена была к Хлотару, жестокими словами встретил ее последний, упрекая в том, что она убила десять франкских королей; это несправедливое обвинение должно было оправдать ту месть, которую приготовили королеве враждебные ей вельможи и сын Фредегонды. Брунегильде было тогда около 70 лет, и в течение 46 лет именовалась она королевой франков, но чувства уважения не было у тогдашнего поколения. В течение трех дней отдана была она на посмеяние, затем привязана к хвосту дикой лошади, и таким образом под копытами этого скачущего животного окончила свою жизнь знаменитая престарелая королева франков. Это был действительно достойный замечания конец кровавого, полного всяких ужасов и злодеяний периода Мерovingской эпохи.

История Фредегонды и Брунегильды достаточно характеризует франкский королевский дом в эпоху их утверждения в Галлии. Это время представляет самые кровавые страницы из истории не только Мерovingского дома, но и всех франков вообще; время насилия, убийств и всевозможных преступлений. Не нужно думать, что это явление, исключительно относящееся только к одной царской фамилии. Кровь и позор, сопровождающие каждую страницу истории Мерovingов второго и третьего поколений, характеризуют всю эпоху и все тогдашнее общество. У Григория Турского нашлось бы довольно материала, если бы пришлось доказывать это фактами, но мы можем освободить себя от такой обязанности, все нужное уже сделано в известном сочинении Лебеля (Loebell. Gregor von Tours und seine Zeit).⁴⁰ По его труду видно, что список преступлений, злодейств, убийств, насилия, грабежа и разбоя, совершенных разными другими членами общества и отмеченных пером историка, то есть епископа Турского, выходит еще длиннее и, может быть, еще ужаснее, чем фамильные злодеяния Мерovingов. Мы убеждаемся, что везде и во всех слоях общества нравы одинаковы: везде господствует грубая чувственность, жадность, мстительность, ревность, самое дикое насилие; попорнены все Божеские законы и человеческие, сброшена всякая узда нравственности, старого доброго обычая и предания. И что всего замечательнее, наряду с самым грубым и диким насилием, с необузданной страстностью варварской природы обнаруживается злое коварство и пронырство. Не видно и следа прежних хваленых германских добродетелей. Поколеблен даже и семейный быт, в королевском доме господствует, несмотря на христианство, открытая полигамия; в других сферах общества замечаются аналогичные явления.

Эти факты останавливают на себе внимание особенно французских ученых и заставляют их говорить, что вторжение германцев в Галлию, по крайней мере в нравственном отношении, не принесло ничего, кроме вреда, и вовсе не способствовало предполагаемому возрождению галло-

* То есть сыновья Теодериха.

римского населения. Они не только не возобновили и не очистили – внеся новую кровь в истощенный организм выродившегося населения империи, – не только не «помолодили» состарившегося, осужденного на гибель общества, но напротив: с приходом их начинается понижение типа; жестокость, свирепость, грубость распространяются и между галлоримским населением. «Было бы напрасно, – говорит Герар (Guépard), – возвышать и облагораживать характер германцев, представлять, что они своим смешением с римлянами подняли общественный уровень. Исследуя тщательно, чем обязана была цивилизация победителям Западной империи, мы весьма затрудняемся найти какое-либо благо, которое могло бы сделать им честь».⁴¹

«У одних (германцев) только грубые и разрушительные инстинкты народов варварских, у других (римлян) – испорченность народов цивилизованных – то, что имеет самую меньшую цену в варварстве и цивилизации. Итак, когда они соединились, они не могли принести ничего для образования нового общества, как только развалины (ruines) и пороки».

«Но нужно сказать, часть, принесенная варварами, была худшая часть. Дух независимости, ими принесенный, – не что иное, как непреодолимая склонность предаваться без узды и правил своим диким страстям и грубым стремлениям. Свобода, которую они любили, ради которой презирали опасности, – свобода делать зло. Жадные к приобретению, они презирали смерть не из презрения к жизни, а из любви к добыче».

Таково мнение многих французских ученых, между прочим, и знаменитого философа-позитивиста Литтре (Littré) и Фюстель де Куланжа.⁴² Совершенно иначе подходит к разрешению своей задачи немецкий исследователь Лёбель. В вышеназванной книге своей он с систематической точностью выбирает сначала все те места из Григория Турского, которые относятся к семейным распрям дома Меровингов, а потом к различным междоусобицам и вражде в среде франков вообще, и спрашивает: нужно ли приписывать все это одним только франкам? Хитрость, ложь, нарушение обещаний являются там на каждом шагу, то с величайшей утонченностью, то – с самой грубою дерзостью; но одни ли франки виновны в этом?

«В большинстве случаев, – говорит он, – мы имеем возможность различать, идет ли речь о германцах или о римлянах, только по именам, так как наш писатель (Григорий Турский) небрежно относится к обозначению национальности. Если иногда галлоримляне из угождения завоевателям принимают немецкие имена, то это в эпоху Григория Турского весьма редко; противоположные случаи еще более необыкновенны. И вот, если мы просмотрим список, то найдем среди этих буйных людей наряду с немецкими Rauching, Amalus и римские имена – Desiderius, Albinus. Последние не уступают первым в гневных стремлениях и диких кровавых делах. Несомненно, что нельзя всего приписывать германцам и что в преступлениях не отставали от них и римляне».

«Сверх того, – прибавляет Лёбель, – мы можем присовокупить к этим соображениям еще и почерпаемое из субъективного воззрения нашего писателя. Если бы это были только варвары, которых собственная дикость довела до подобных преступлений, то в предстании римского

рассказчика, очевидно, сказалось бы чувство, что все они принадлежат не к его нации, что во всем этом неповинны его соотечественники. Но если второго не высказывается, то мы можем заключить, что обе нации, жившие в Галлии, как по нравам, так и по поступкам не были особенно далеки друг от друга».

Итак, очевидно, что Гизо⁴³ не совсем прав, говоря, что сочинение Григория Турского представляет верную картину морального состояния франков в период завоевания; оно действительно представляет верную картину, но морального состояния не одних только франков, а также и галлоримлян. Лебель старается даже распределить нравственные качества и пороки между франками и галлоримским населением. «При занятии Галлии немцы были более буйный, свирепый, грубый и необразованный народ. Римляне, напротив, цивилизованный, но привыкший к узде, боязливый, склонный к хитрости и обману». «Обе нации скоро научились одна от другой, но во вред своему характеру, так как заимствовали друг от друга только худшее. Однако римлянин выиграл сначала более, чем франк. Он сделался более дерзким, грубым, но вместе с тем более мужественным; он перешел к упорству, но вышел из состояния бессилия и унижающего рабства. Напротив того, мы начинаем замечать в германцах хитрость, мстительность, несправедливость, отсутствие сострадания, зависть – чего прежде не замечали в них. Для римлянина, чтобы пробудилась в нем жизнь, нужна самостоятельность, и к ней-то и побуждает его германец, ибо влияние, которое оказывает последний, далеко не духовное и не может быть таковым. И это самосознание, это твердое, нравственное настроение оказывает уже сильное влияние на жизнь».

«Германец, напротив, потерял во внутренней сущности своей природы и должен пройти через переходное состояние, стоящее далеко позади, чем его прежнее время. Его внутренняя здоровая натура, в которой благородное было только прикрыто, но не разрушено, пережила опасность совершенного одичания, которая была близка, и она содействовала к тому, что из брожения взаимодействующих элементов выработались новые высшие типы».

«Кроме того, необходимо обратить внимание на то, что обе нации, когда сошлись вместе и стали оказывать такое сильное влияние друг на друга, не были уже в своих древних, первобытных состояниях, но прошли через значительные промежуточные ступени, галлы – вследствие внешних столкновений, германцы – более вследствие внутреннего развития».

«В национальном характере галлов и в хаосе этого времени, когда из смерти возникает уже начало новой жизни, лежит причина, почему в течении столетий строго управляемые галлоримляне и жившие по своему произволу германцы в своих нравах и обычаях оказывались столь близкими друг к другу и почему ко времени Григория Турского разделявшая их граница казалась столь слабо обозначенной».

«Их различали, тем не менее, как две отдельные национальности. Римляне называли немцев, не желая их оскорбить этим, – варварами; но это различие ко времени Григория Турского постепенно уничтожилось; элемент, обособивший обе нации и препятствовавший общественным сношениям, не существовал больше».

Быть может, в этом разборе что-либо окажется и сомнительным, но в общей сложности Лебель рассуждает довольно верно. Что на этой кровавой сцене Меровингского периода участвовали одинаково и романский и германский элементы – несомненно, и против этого напрасно было бы возражать. Но мы можем сомневаться в том, что коварство, страсть к золоту и т. п. представляют исключительно наследие римское. Хлодвига нельзя считать человеком, уже подчинившимся римскому влиянию, а между тем мы знаем, что он был одинаково и свиреп, и необуздан, и коварен, и жаден к золоту. Тут, очевидно, трудно предположить римское влияние. Укажем еще на одну неправильность в воззрениях Лебеля. «Подвижность характера галльских римлян, – говорит он, – сделала то, что едва они почувствовали себя свободными от цепей римского рабства... свобода обратилась в произвол, сила – в дерзость, безрассудство – в насилие». Но он как будто забывает, что в Галлии уже давно существовало городское самоуправление, что узда римского господства была здесь далеко не так тяжела.

Кроме того, мы не считаем возможным разделить мнение Литтре и Герара и согласиться с тем, что менее высокая цивилизация не может оказать благотельного влияния и внести живую обновляющую струю в цивилизацию хотя и более высокую, но ослабевшую и одряхлевшую.

Хотя существует мнение, что даже мозг римлян был наследственно более развит и, следовательно, более способен к восприятию культуры и цивилизации, но нам кажется, что это значит приписывать слишком большое влияние причинам исключительно физиологического свойства. Однако, оставаясь даже на этой физиологической почве, мы должны заметить, что факты вырождения аристократических фамилий, вступавших только в родственные браки, факт ослабления и падения мелких греческих государств, живших исключительно замкнутою жизнью, – все это говорит против вышеозначенной теории. То, что мы наблюдаем в отдельных кружках, может быть приложимо и к целому обществу, к целому племени, которое, не соединяясь с другими типами, хотя бы и низшими по развитию, но более молодыми и сильными, несомненно должно выродиться вследствие недостатка оживляющего влияния.

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В V И VI ВЕКАХ

МОНАШЕСТВО И МИССИОНЕРСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КУЛЬДЕЙСКОЙ ЦЕРКВИ

При рассмотрении этого периода невольно возникает вопрос: что же делала христианская церковь, обычная хранительница культуры и цивилизации, церковь торжествующая, занявшая столь видное место вместе с крещением Хлодвига? Отчего не оказывала она смягчающего благотворного влияния на грубые нравы эпохи, на кровожадные инстинкты, царившие в тогдашнем обществе?

Но, желая уяснить себе непонятное бездействие католической церкви в Мерovingское время, мы должны будем обратиться несколько назад в хронологическом отношении.

И теперь, как в римское время, католическое духовенство выходило по преимуществу из аристократических высших родов Галлии, но эти служители алтаря и руководители своей паствы в нравственном отношении мало чем отличались от представителей светской аристократии, ибо не менее их были поглощены политическими интересами и мирскими делами. Мы видим епископов и аббатов не только выезжающих на коне во главе блестящей охоты, но даже предводительствующих отрядами войск и лично ведущих их на врага. Естественно, что при подобных склонностях и образе жизни дело христианской проповеди и наблюдения за душами вверенной им паствы не только отходило на второй план, но даже оставалось в полном пренебрежении.

В связи с деятельностью христианства вообще стоит возникновение и развитие монашества; к концу IV столетия относится появление и размножение в христианской церкви этой новой силы, которая сохранила важное значение во все Средние века.

Распространение монашества ведет свое начало со времени гонения Диоклетиана; в это время многие из христиан искали убежища в пустынях Египта, который можно назвать настоящей метрополией монашества. Некоторые современные ученые думают, что монашество в Египте возникло в связи с языческим культом Сераписа, так как особенно усердные его почитатели уединялись в пещеры, вели жизнь аскетов и питались исключительно подаянием. По образцу и примеру этих языческих отшельников, как думают, и устраивали свои первые пустынножития христианские анахореты.¹ Как бы то ни было, к концу IV столетия мы замечаем среди христиан быстро развивающееся стремление к отчуждению от мира, к единению с Богом путем замкнутой созерцательной жизни.

Сначала анахореты жили отдельно друг от друга, разбросанно среди пустыни и только изредка соединялись в лавры, то есть собрания (веро-

ятно, ежегодные) всех отшельников для торжественного отправления богослужения. Затем явились кинонии, и в Египте первые правила для монашествующих иноков были даны Пахомием (ум. 348 г.), основателем общины на острове реки Нила – Тавенне.² Он учредил первые кинонии (общезития), распределил должности и обязанности между монахами и соединил их в большие общины с определенным уставом. Безусловное послушание, вера, молитва и труд – вот главные правила иноческой жизни первых монахов. В Тавенне был центр монашества: там их насчитывалось до 50 тысяч человек. Число монахов все более и более увеличивалось. В Палестине и Сирии их можно было считать миллионами. «Число сирийских монахов так же велико, как и египетских», – говорит церковный писатель Созомен.³

Не было сначала ни тяжких обетов, ни даже обетов нерасторжимых; монахи не клялись соблюдать безбрачие и даже навек не отрекались от мира, можно было опять возвратиться туда, и за это не полагалось никакого наказания. Уставы Пахомия, Василия Великого (в Каппадокии)⁴ не отличались строгим обозначением обязанностей, точным распределением часов труда и молитвы. И впоследствии, когда монашество превратилось в строго организованное сообщество, восточные монахи отличались от западных своим образом жизни, по преимуществу созерцательным, аскетическим, менее энергичным во всех областях человеческой деятельности, не исключая и христианской проповеди. Работа, предписываемая египетским монахам в то время, когда они уже составляли кинонии, заключалась в плетении корзин и других изделий из камыша, обильно росшего по берегам Нила; но благодатный климат и плодородная почва Египта не заставляли их много трудиться, чтобы достать себе необходимое пропитание.

Кроме молитвы, поста и созерцания Божества, некоторого рода указания на необходимость и обязательность труда находим и в уставе Василия Великого, хотя там признается по преимуществу такой труд, который не заставлял бы монаха выходить из кельи; между прочим, работа для отшельника рассматривается не только как средство для поддержания жизни, но и как способ избавления от опасности, происходящей от душегубительных мыслей.

Из Египта монашество скоро перешло в Галлию и привилось там очень быстро. Как уже сказано выше, в Египте оно распространялось в половине IV века, но западнокристианский мир смотрел неблагоприятно на этот род служения Богу, несмотря на то что такие люди, как блаженный Августин или святой Иероним, настойчиво рекомендовали его верующим.⁵

В Галлии роль инициатора монастырской жизни принадлежит святому Мартину, епископу Турскому, жившему во второй половине IV века. Он много путешествовал, бывал в Сирии, Египте, где и познакомился с монашеской жизнью. Около 360 года по Рождеству Христову, при Юлиане Отступнике, следовательно, еще в римское время святой Мартин основал свой монастырь при входе в будущий город Пуатье – знаменитый Лигуже (Ligoucé). Здесь он нашел себе последователей и учеников, которые ходили по окрестностям и отчасти убеждениями, отчасти силой

заставляли людей обращаться в христианство, разрушали языческие алтари. Фанатическим образом действий особенно отличались монахи египетские, и эта излишняя ревность принесла много вреда культуре и цивилизации, ибо они уничтожали и жгли языческие книги и таким образом уничтожили многие драгоценные памятники древности; особенно пострадала от них александрийская библиотека. Тем не менее, несмотря на их усердие и ревность, миссионерская деятельность тогдашнего монашества не представляется еще систематическим постоянным занятием, организованным делом христианской проповеди, какой мы видим ее впоследствии.

Сделавшись епископом города Тура, святой Мартин основал, несмотря на противодействие других духовных лиц, монастырь около самого города Тура – Marmoutier. В нем было около 80 монахов – небольшое число в сравнении с десятками тысяч египетских пустынников; впрочем, когда святой Мартин умер, то на похоронах его провожали уже около двух тысяч монахов.

В начале V века возникло общежитие, основанное Гоноратом – монастырь Лерен (Lerins), сделавшийся известным в силу огромного количества епископов, вышедших из среды его монахов, и тем особым направлением, которое отличало их от тех представителей аристократических родов, из числа которых до сих пор пополнялся преимущественно контингент епископов Галлии. Точно также в начале V века основан Кассианом монастырь святого Виктора и много других. Все они, подобно египетским общежитиям, хотя имели правила и уставы, но эти последние не представляли из себя ничего строго определенного – монастырская дисциплина не была окончательно утверждена; обеты не считались вечными и неразрывными, монахи могли выходить из обители, возвращаться к мирской жизни, жениться; они давали только обеты бедности, труда и послушания. Первоначально обет вечного безбрачия относился лишь к вдовам и девицам, желавшим посвятить себя Богу; он был провозглашен на одном из соборов, но привился, впрочем, не сразу.

Итак, еще в римское время мы видим в Галлии несколько знаменитых монастырей; припомним также, что Меровинги основывали обители (святой Хлодоальд – St. Cloud, Радегонда – женский монастырь) и дали права монастырям получать земельное имущество, так что при франкских королях второго и третьего поколений количество пожертвований и дарственных записей монастырям все более и более увеличивается. В приобретении церковью земельного светского имущества и кроется отчасти причина бездеятельности и равнодушия ее к делам веры и нравственности; в те минуты, когда всего нужнее было бы морализующее влияние церкви, его нет; поглощенная светскими интересами и экономическими заботами о новой собственности, она не имеет времени ни для цивилизаторской деятельности, ни для проповеди нравственности. Даже монахи Галлии не отличаются особенной строгостью в требовании отшельнической жизни; в жизнеописаниях основателей первых монастырей мы нередко встречаем упоминание о ропоте, который поднимали монахи даже против необременительных и нетрудных уставов тогдашних обителей.

Итак, ни светское духовенство, ни монашество не оказали смягчающего влияния на нравы и не обнаружили оппозиции тому состоянию общества, которое мы только что изучали. Вместо обесилевшей Галльской церкви за это дело берутся совершенно посторонние люди; обязанность внешней и внутренней миссии принимает на себя малоизвестная дотоле церковь Британская. Деятельность этой церкви представляется весьма любопытной и важной как в истории Франкского государства, так и во всемирной истории вообще. Она является в таком привлекательном свете, что остается только пожалеть, что этот деятельный и энергичный фактор впоследствии исчезает в борьбе с другими, победившими его, силами.

* * *

Британия является пред нами страной романизированной, с римскими городскими учреждениями и культурой, что доказывается сохранившимися еще от римского времени названиями городов (те города, где мы встречаем в названии окончание «честер», рим. castra, означают лагерные города, то есть основанные на месте стоянки войска; таковы, например, города Колчестер, Винчестер и т. п.). Жители Британии говорили языком латинским и читали произведения латинской литературы, так что писатели римские могли смело гордиться тем, что произведения их читаются и в далекой Британии. Вместе с успехами цивилизации сюда перешло и христианство. Говорят, впрочем, что оно было перенесено с Востока, и даже существует легенда, что первым основателем здесь нового учения был известный последователь Христа — Иосиф Аримафейский. Конечно, легенда эта не может иметь исторического значения, но так или иначе она может служить некоторым указанием на то, что посредственно или непосредственно христианство могло перейти сюда действительно с Востока, минуя влияние Рима и без связи с ним (посредственно оно могло перейти сюда через Марсель, Лион и вообще южную Галлию, где оно является греческим, и даже с господством греческого языка). Эта-то церковь, возникшая на далеком Британском острове, впоследствии приняла название Кульдейской (от Ceile — клиент, слуга; *vigī servi Dei* — слуги Божии). На нее существуют различные воззрения; теперешняя протестантская церковь, в лице некоторых из ученых своих, относится с симпатией к Кульдейской церкви, как основанной отдельно от Рима и не связанной с ним, а вследствие этого более свободной и самостоятельной. Так, один из них, Эбрар (Ebrard),⁶ заходит уж слишком далеко в противоположении Кульдейской церкви — Римской католической, говоря, между прочим, что в первой совершенно отвергалось значение папства. Но новейшие английские и немецкие ученые не соглашались с Эбраром, полагая, что он тенденциозно относится и преувеличивает значение Кульдейской церкви и отличие ее от Римской. Они утверждают, что и другие церкви Европы первоначально стояли в известной степени отдаления от Рима, а Британская церковь впоследствии могла легко избегать его влияния, «заслоненная» другими странами.⁷

Рассмотрим в кратких чертах скромную и смиренную, но тем не менее драгоценную для историка деятельность христианских миссионеров Кульдейской, или Ирландской церкви. Эти носители веры и образования являлись с далекого севера – Ирландии, частью из Шотландии и Валлиса, оставшихся под властью кельтов. Христианство, утвердившееся давно на Британском острове, было отеснено завоеваниями англосаксов и сосредоточилось только во владениях непокоренных бриттов, в западной части острова, и в Ирландии, где оно нашло наиболее верное убежище, так как эта страна совершенно не подвергалась нашествию германских завоевателей. Здесь христианство утверждено святым Патриком, происходившим из нынешней Англии; он два раза был в плену у ирландских морских разбойников и, возвратившись на родину, счел своей обязанностью распространить христианство между кельтами. Начало его деятельности, в смысле христианской проповеди в Ирландии, относится к 430 году, и после него эта страна остается убежищем и оплотом христианства во время всех последующих бурь. Из Ирландии учение Христа было перенесено проповедником святым Колумбаном (Старшим)⁸ и в нынешнюю Шотландию, к так называемым скоттам. Он явился из Ирландии с проповедью Святого Писания, получил небольшой островок (Jona или Jcolmhill) и основал здесь монастырь. Таким образом, этот островок и часть Валлиса составили Британскую или Кульдейскую, или Скотто-Ирландскую церковь. В некоторых отношениях она отличалась от церкви Римской и несравненно ближе стояла к учению восточного православия (обряды крещения, пострижения, празднования Пасхи и так далее). Монастыри Кульдейские были населены весьма густо: так, в Бангоре (близ Честера) насчитывалось до двух тысяч монахов; монастыри были рассеяны в большом количестве и представляли также центры просвещения; многие христиане, спасаясь от преследований, нашли убежище в этих мирных обителях. Монахи занимались изучением латинского и даже греческого языков, астрономией, переписыванием книг не только духовного, но и светского содержания; из искусств особое развитие получила архитектура. Кроме того, обитатели Кульдейских монастырей прославились своей страстью к миссионерской деятельности, любовью к пилигримству с целью распространения христианства. Вскоре Австрия, Бургундия и другие варварские страны наполнились этими странствующими просветителями язычников. Особенно важна деятельность двух из них, наиболее древних: святого Колумбана (Младшего), или Колумба и святого Галла.

СВЯТОЙ КОЛУМБАН И ЕГО МОНАШЕСКОЕ ПРАВИЛО

Святой Колумбан (Columban) родился в 540 году в Лейнстере и жил в Бангоре (Bangor); в 585 году он явился с двенадцатью монахами этого монастыря в Галлию с проповеднической целью.⁹ Здесь в Вогезских горах основал он знаменитый монастырь Lуховиц (Luxeuil), а потом и еще два монастыря в южных Вогезах. К нему стекались новообращенные

и ревностные христиане из франков, бургундов и галло-римлян. Проповедь Колумбана среди местного населения была весьма удачна; быть может, вследствие того, что он и его спутники говорили на понятном еще для простого народа кельтском языке, быть может, вследствие простоты и нетребовательности святого проповедника, но — число слушателей все возрастало.

Монастыри, основанные им, все напоминали по своему типу монастыри его родины. Несколько деревянных хижин с деревянной же церковью в центре, по большей части срубленной из дуба; рядом с церковью — башня-колокольня в два этажа: верхний — для колоколов, нижний служил для защиты от врагов в случае нападения и был пустой, — вот вся незаезженная постройка этих монастырей. Особенно интересно для нас то, что, судя по описаниям церквей, архитектура их весьма близко походила на архитектуру старинных русских храмов.

Несмотря на успехи своей деятельности, святой Колумбан приобрел врагов среди франкского населения Галлии: скромная, честная, безупречная жизнь ирландских миссионеров служила постоянным и живым укором распущенным варварам. Вскоре франки стали преследовать его, выставляя особенно на вид те различия, которые отделяли церковь Кульдейскую от церкви Галльской. Вслед за этим Колумбан лишился и покровительства Теодериха II Бургундского и бабки его Брунегильды. Ревностный и суровый обличитель отступлений от правил христианской церкви, он не мог оставаться спокойным при виде распущенной жизни короля и преступлений королевы и тем навлек на себя ее гнев. В 610 году Колумбан должен был удалиться по требованию Брунегильды, и мы встречаем его в области аламаннов, сначала на берегу Цюрихского озера, потом Констанцкого, потом Женевского; всюду основывает он монастыри и обращает в христианство язычников. Любопытным представляется тот факт, что в этой стране, где закон носит уже христианский характер, он встретил еще множество язычников и даже был свидетелем языческих обрядов. Три года святой пробыл здесь и наконец отправился в Италию, где был принят с великой радостью Теоделиндой, которая видела в нем сильного союзника в борьбе с арианством. Здесь Колумбан основал монастыри, в том числе монастырь Боббио (Bobbio) (между Пармой и Тортоной в северо-западной части Апеннин), в котором он умер в 615 году. Во вновь основанных монастырях монахи скоро принялись за любимые занятия кульдеев — изучение языков и ревностную переписку книг. Еще до сих пор существуют эти пергаменты, исписанные особым почерком ирландских монахов. Для этой цели они употребляли древние готские рукописи, стирали с них написанное и потом писали сами. Таким образом, получились так называемые «палимпсесты», то есть рукописи с двойным текстом.^А Между прочим и многие прекрасные издания классиков употреблены были с этой же целью. Впрочем, кульдеи не пре-

^А Такого происхождения и знаменитый Серебряный Кодекс, то есть Евангелие Вульфилы, часть которого хранится теперь в Швеции. Заметим, что путем стирания этого второго написанного слоя ученым удавалось иногда восстановить драгоценные классические сочинения.

небрегали светской классической литературой, использование ее как материала для новых рукописей происходило не из ненависти к римской культуре, а только вследствие обилия этих исписанных пергаментов. Например, из каталога книг монастыря Боббио мы видим, что даже Овидий находился в числе книг, употребляемых для школьного чтения. Святой Галл,¹⁰ ученик и продолжатель дела Колумбана, остался у аламаннов после ухода Колумбана в Италию; труды его по распространению христианства, и в особенности по просвещению суровых и диких аламаннов, имеют огромное значение. После его смерти множество паломников стекалось из Ирландии для поклонения гробу, и вскоре даже варвары стали чтить память св. Галла. Особенную известность, в смысле литературно-ученой деятельности, впоследствии приобрел основанный им здесь монастырь Сен-Галленский. В 760-х годах, спустя сто лет после смерти Галла, издано было жизнеописание святого, из которого мы видим, что у знаменитого проповедника были не только помощники, но и помощницы, как, например, святая Бургундофара, основавшая монастырь в Фармутье (Бургундские земли) в VII веке.

Скоро ирландская пропаганда коснулась и других местностей. Толпы монахов и монахинь, говорит один современный писатель, появились в Галлии не только в деревнях, виллах и замках, но и в обширных пустынях. «Северная часть Вогезского леса точно так же, как и северо-западная часть Галлии, долины Нижней Сены, Соммы, Арденнский лес (нынешняя Бельгия), берега океана наполнились монастырями. В вековых лесах прорубались просеки, заводилось земледелие».¹¹ Ученики святого Колумбана проникали в зарейнскую Германию и даже в славянские земли. Конечно, деятельность англосаксонских проповедников, явившихся в Германию вслед за ирландскими миссионерами, оставила больше следов в истории; но не следует забывать, что кульдейские миссионеры подготовили почву, расчистили дорогу для деятельности новых просветителей.

Некоторое время в кульдейских монастырях господствовало правило святого Колумбана. О нем необходимо сказать несколько слов, так как некоторые ученые, между прочим и Эббар, выставляют на вид необыкновенную гуманность и мягкость кульдейского устава, сравнительно с правилами западных бенедиктинских монастырей. Но дошедшее до нас правило Колумбана (хотя и не признаваемое Эббаром как принадлежащее кульдейскому апостолу) отличается, напротив того, строгостью и даже варварской суровостью; жестокие наказания назначаются за самые маловажные поступки: это не только продолжительные молитвенные упражнения, молчание (что вообще рекомендуется), но и телесные наказания (палочные удары от 5 до 100), от которых не освобождали даже женщин. Необычайная строгость монашеских правил и заставила некоторых ученых усомниться в принадлежности их знаменитому кульдейскому проповеднику; эта же суровость их и была причиной того, что над уставом Колумбана в монастырях Западной Европы вскоре восторжествовал другой, к рассмотрению которого мы должны теперь обратиться, — устав бенедиктинский.

СВЯТОЙ БЕНЕДИКТ И ЕГО УЧЕНИЕ

Основатель нового монашеского ордена святой Бенедикт Нурсийский родился около 480 года в Италии, в Нурсии – городе Сполетского герцогства, в богатом и влиятельном семействе. Двенадцати лет его послали учиться в Рим; в 494 году он удалился оттуда, и мы находим его, четырнадцатилетнего отрока, отшельником в Субиако (в римской Кампанье). «По прошествии некоторого времени жизнь, какую вел Бенедикт, его молодость, строгость к самому себе привлекли окрестных пастухов; он проповедовал им, и сила его слова, авторитет примера, все увеличивавшееся стечение слушателей скоро сделали его знаменитым. В 510 году соседние монахи, собравшиеся в Виковаро, захотели иметь его своим главой; сначала он отказывался, говоря монахам, что поведение их беспорядочно, что в их доме предаются всякого рода излишества, что он предпримет преобразования и подчинит их очень суровому уставу. Они все же настаивали на своем, и Бенедикт сделался аббатом в Виковаро». Воспользуемся здесь лекцией четырнадцатой из сочинения знаменитого Франсуа Гизо.¹²

«Но монахам скоро надоел преобразователь... Борьба между ним и ими дошла до того, что они пытались отравить его в Причастии. Он заметил это чудесным образом, говорит легенда, покинул монастырь и возвратился в Субиако, к отшельнической жизни». Вокруг своей пещеры основал он несколько монастырей, так как странствующие монахи, миряне и пастухи собирались около него; в 520 году монастырей этих было 12 и каждый состоял из 12 монахов; тут начал Бенедикт испытывать применение идей и учреждений, которыми, по его мнению, должна была управляться монашеская жизнь».

«Но дух сопротивления и зависти, который изгнал его из монастыря Виковаро, скоро обнаружился и в основанных им самим монастырях». Тогда он во второй раз отрекся от борьбы и, взяв с собой несколько учеников, укрылся на рубеже Абрुцц, в Terra di Lavago, около Кассино, где он основал свой знаменитый монастырь Монте-Кассино (529 год). «В этом-то монастыре, где он оставался и господствовал до конца жизни, он, наконец, применил в целом и обнародовал свое “Правило жизни монашеской”; оно скоро стало общим и почти единственным законом западных монастырей». Одной из самых важных перемен, внесенных святым Бенедиктом в монашество, было введение торжественных и навсегда обязательных обетов.

До тех пор, хотя вступление в монастырь заставляло предполагать желание оставаться в нем, хотя монах налагал на себя нечто вроде нравственного обязательства, становившегося с каждым днем более и более ненарушимым, однако все же не произносилось никакого обета, никакого формального обещания. Святой Бенедикт ввел это и положил в основу монашеской жизни, первоначальный характер которой, таким образом, совершенно исчез.

«Вступающий, – говорит правило святого Бенедикта, – должен обещать в молитве перед Богом и Святыми Его, что останется в монастыре навсегда, преобразует свои нравы и будет повиноваться. Это обещание

должно быть закреплено актом, во имя Святых, мощи которых тут покоятся, и аббата. Пусть вступающий напишет его своей рукой; если же он не умеет писать, пусть по его просьбе другой за него напишет, послушник же поставит на нем крест и своей рукой положит акт на алтарь церковный» (Кан. 58).

Что касается нравственных и общих обязанностей монахов, то все правило святого Бенедикта основано на следующих пунктах: самоотвержение, послушание и труд.

Вот как распределяет святой Бенедикт дневные обязанности в своих монастырях:

«Праздность — враг души; поэтому братья должны в известные часы заниматься ручной работой, в другие — чтением священных книг. Нам кажется, что распределить это следует следующим образом: с Пасхи до Октябрьских календ они будут работать от первого часа до четвертого (с 6 утра до 10) над тем, что следует; от четвертого до шестого почти они займутся чтением. После шестого часа, вышедши из-за стола, они отдохнут без шума в постелях; если же кто хочет читать, пусть читает, но так, чтобы никому не мешать; служба девятого часа пусть совершается в половине восьмого. Затем пусть работают над тем, что нужно, до вечерни. Если же их принудит к постоянной работе бедная местность или необходимость срочного сбора плодов, они не должны огорчаться этим потому, что они истинно монахи, если живут трудом рук своих, как делали наши отцы и апостолы».

«От Октябрьских календ до начала поста они должны заниматься чтением до второго часа; во втором часу пусть поют службу третьего часа, и пусть все работают над тем, что им будет приказано, до службы девятого часа. При первом ударе в колокол все должны оставить дело и быть готовыми к тому времени, когда ударят в колокол во второй раз. После обеда пусть поют они или читают псалмы».

«В посту они должны читать с утра до третьего часа, а потом работать, смотря по приказанию, до десятого. В эти постные дни все получают из библиотеки книги, которые прочтут последовательно и целиком. Книги должны быть розданы в начале поста. Пусть в особенности выберут одного или двух старших, чтобы обходить монастырь в часы, когда братья заняты чтением, и пусть они наблюдают, не найдут ли какого нерадивого брата, занимающегося разговором, а не чтением, не только не приносящего пользы себе, но и совращающего и других. Если найдется таковой, то ему надо дать раз или два выговор; если он не исправится, то подлежит наказанию по правилу в предупреждение других. В воскресенье пусть все, кроме тех, кто выбран на известные обязанности, занимаются чтением. Если кто нерадивый или ленился, так что не хочет или не может ни размышлять, ни читать, пусть ему зададут работу, чтобы он не оставался без дела. Что же касается больных и слабых братьев, то им надо задавать такие работы, чтобы они не оставались в бездействии и вместе с тем не страдали от тяжести труда».¹³

Вот постановления, определяющие и культурную роль бенедиктинских монахов; в них закладывался капитальный переворот, совершенный святым Бенедиктом в монашестве: он ввел физический труд и земледе-

лие. Бенедиктинские монахи стали распашниками Европы; они возделали ее в крупных размерах, присоединяя занятия земледелием к проповеди. Колония из монахов, сначала в небольшом числе, приходила в совершенно или почти не разработанную местность, часто среди языческого населения в Германии, в Бретани, и там, миссионеры и земледельцы зараз, они решали свою двойную задачу, часто с одинаковым трудом и опасностью. Эти правила чтения, умственного труда в соединении с трудом физическим – земледелием – видим мы почти у всех позже возникших монашеских орденов. Тот же устав имели монахи цистерцианские,¹⁴ образовавшие колонии даже в Прибалтийских областях Восточной Европы.

В отношении правильности распределения дневного труда постановления святого Бенедикта представляют собой нечто действительно выдающееся; некоторые из восточных монахов хотели, правда, ввести труд в свой образ жизни, но эта попытка никогда не была общей и последовательной. Что касается политического кодекса самой администрации монастыря, то правило Бенедикта представляет собой странное смещение деспотизма и свободы. Основание его было пассивное повиновение; в то же время самое управление – выборное, аббат всегда избирается братьями. Раз этот выбор сделан, они все теряют свободу, подпадают безусловному господству своего выборного.

Возлагая на монахов обязанность послушания, правила повелевают аббату советоваться с ними. Третья глава прямо говорит: «Всякий раз, как в монастыре должно совершиться что-либо важное, аббат пусть созовет всю свою паству и скажет, в чем дело; выслушав мнение братьев, пусть подумает один и делает, что ему покажется разумным. Мы говорим, чтобы все братья были созваны на совет потому, что Бог самому младшему часто открывает наилучшее. Братья должны подавать свои мнения смиренно и не осмеливаться упрямо защищать его; решение зависит от воли аббата» (Гизо, лекция XIV).

Правила по отношению к послушникам, новичиям, отличаются глубоким здравым смыслом и практической прозорливостью. Послушничество продолжалось более года; несколько раз читали послушнику все правило, говоря ему: «Вот закон, под которым ты хочешь ратоборствовать; если можешь повиноваться ему – вступай; если нет – ты волен уйти». Очевидно, что условия и формы испытания задуманы добросовестно, с намерением убедиться вполне, что вступающий действительно и твердо решился.

«Нравственная мысль и общая дисциплина строги, – говорит Гизо, – но относительно подробностей жизни правило гуманнее и умереннее, нежели римские и варварские законы, нежели общие нравы того времени, и я не сомневаюсь в том, что живущие в монастыре братья управлялись властью, собственно говоря, более разумной и менее жестокой, чем если бы они оставались в гражданском обществе».¹⁵

Мы видим, что правило святого Бенедикта не предвидело мелких преступлений и не назначало за них строгих наказаний; в этом отношении он вполне полагается на волю и мудрость аббата и предоставляет ему самому действовать путем строгости или милосердия. Тем самым бе-

недиктинское правило радикально отличается от Колумбанова и имеет несомненное преимущество в смысле гуманности и мягкости; в силу этого оно, вероятно, и восторжествовало над другими уставами.

В 528 году дал свое правило Бенедикт; в 543 году, когда святой умер, оно уже было решительно принято во всех почти монастырях Европы. Ученики перенесли устав в Сицилию и Испанию; святой Мавр, любимый ученик Бенедикта, ввел правило во Франции по просьбе епископа Иннокентия, и в конце VI века большая часть французских монастырей приняла его, вскоре оно становится общим кодексом западной монашеской жизни.

У первых бенедиктинцев мы не встречаем указаний на занятия собственно научные. Правило Бенедикта не обязывало к этому, а только к чтению, чем, конечно, мог все-таки возбуждаться вкус и склонность и к научным занятиям.

Кассиодор, знаменитый секретарь Теодориха остготского, первый ввел эту обязанность в монастыре Vivarium, учрежденном им в южной Италии. Кассиодор пережил своего повелителя¹⁶ и удалился в монастырь уже шестидесяти лет от роду, около 540 года. Он был виновником того направления, которое сделало из монастырей убежища образования, где сохранялись сокровища духовной и светской литературы.

Монастырь Кассиодора не совсем был похож на бедные монастыри бенедиктинцев, и едва ли верно они утверждали, что здесь был принят их устав. Это был монастырь, устроенный даже на довольно широкую ногу, снабженный садами, водопроводами, банями, рыбными садками, солнечными и водяными часами, с особенными хижинами на окрестных горах. Особое украшение обители состояло в богатой библиотеке; по предписанию Кассиодора монахи занимались изучением классической древности, так что монастырь скоро сделался первым рассадником просвещения. Кассиодор не только поощрял вообще своих монахов к учено-литературным занятиям, но и, в частности, доказывал им на примерах знаменитых Отцов Церкви, что не только позволительно, но и полезно для понимания Священного Писания заниматься античной языческой литературой. В данном случае Кассиодор совершенно не сходил с блаженным Иеронимом, который, как он сам говорит, за излишнюю любовь к Цицерону имел видение, во время которого ангелы бичевали его (последствия картина бичевания была написана художником Domenichino в St. Opofrio в Риме).¹⁷ Кассиодор поручал монахам переписывать книги, давая им на этот счет самые обстоятельные наставления, особенно насчет орфографии. По поводу этого он написал даже целое сочинение, где излагал грамматические правила для слабых в этом отношении монахов.¹⁸ Он привлекал в монастырь хороших переплетчиков и сам придумывал изображения на переплетах. Он же изобрел ночные неугасающие лампы для штудирующих книги монахов.

Особенно, конечно, рекомендовал он читать и переписывать Библию; сам он говорил, что сатана получает столько же ран, сколько копиист перепишет слов Господа; каждое слово – рана сатане. Вместе с тем Кассиодор оставил различные руководства для изучения Священного Писания и так называемых либеральных наук.¹⁹ Это научное направление, при-

надлежащее Кассиодору, было усвоено бенедиктинцами. Они включили в круг своих занятий и светскую античную литературу и тем еще более оказали услуг цивилизации.

Следует заметить кроме того, что не одни монахи занимались тем, что предписывал устав бенедиктинский. С самого начала были и женские монастыри, устроенные по правилу Бенедикта; они находились обыкновенно по соседству с мужскими, как вследствие частой необходимости в защите против нападений, так и для духовно-нравственного руководства; монахи и монахини сходились вместе в церкви и составляли общий хор. Схоластика, сестра Бенедикта, считается основательницей женских бенедиктинских монастырей. Вообще церковь тогда является хранительницей образования, оплотом против всюду распространявшегося варварства. Существовала большая опасность, что все плоды многовековой культурной работы будут потеряны, и существовало одно только сословие, в котором сохранялись традиции научного образования: духовенство. Впрочем, в эпоху Меровингов второго и третьего поколения монастыри, эти рассадники и хранители просвещения, начали терять почти все свои достоинства, так что даже явилась необходимость в соединении мягкого бенедиктинского устава с суровым правилом Колумбана.

Вглядимся, например, что происходило в них в нравственном отношении. Ограничимся одним характерным примером, именно, историей уже известного нам женского монастыря святой Радегонды в Пуатье.²⁰ В 529 году король Нейстрии Хлотар вместе с братом своим Теодерихом,^A королем Австразии, был в походе против тюрингов. В числе добычи им достались сын и дочь предпоследнего короля Тюрингии. Хлотар был поражен красотой восьмилетней Радегонды и решил ее воспитать себе в жены; она была отправлена на воспитание в одно из королевских поместий. Воспитателями ее были галло-римляне, и Радегонда получила образование христианское и римское. Она увлекалась Святым Писанием и житиями святых, желала посвятить себя Богу и с ужасом думала о предстоящем браке. Когда пришла пора замужества, она решила бежать, но была схвачена, привезена в Суассон, и Хлотар в 538 году женился на ней. Для франкского короля вопрос о чувстве к нему жены был абсолютно лишним. Кроме Радегонды, он имел еще несколько жен и множество наложниц. Отвращение к мужу, стремление к религиозной жизни делали ее пребывание во дворце невыносимым. Она изнуряла себя постом и лишениями всякого рода и наконец, не вытерпев, решила бежать. Через шесть лет после свадьбы она отпросилась у мужа на богомолье в Нойон и принудила местного епископа, святого Медарда, принять ее в число диаконисс. После этого смелого шага она искала убежища в церкви Святого Мартина в Туре, в ожидании решения Хлотара. Тот сначала был решительно против развода, и Радегонда в страхе удалилась из Тура в Пуатье, в убежище мошей святого Илария. Наконец Хлотар уступил, согласился на развод и на то, чтобы Радегонда основала женский монастырь в Пуатье, употребив на это приданое и свой утренний подарок (Morgengabe).

^A Хлотар I (497–561) и Теодерих I (511–534) – сыновья короля Хлодвига.

Радегонда с восторгом принялась за устройство монастыря, и через несколько лет у ворот Пуатье воздвиглась огромное здание, имевшее внутри характер римской виллы, но обнесенной крепостной стеной. Радегонда перешла в него, окруженная толпой девиц и женщин, желавших поступить с ней в монастырь. С 550 года началась для Радегонды давно желанная жизнь в молитве и уединении, о которой сохранились любопытные подробности. В Пуатье приехал итальянец Венанций Фортунат, один из известнейших литераторов своего времени, давно уже странствовавший по Галлии, знакомясь с епископами и образованными людьми, посещая дворы королей, декламируя и сочиняя стихотворения и панегирики. Знакомство с Радегондой задержало его в Пуатье. Он сблизился с ней, откладывая со дня на день свой отъезд и, наконец, остался навсегда в Пуатье. Фортунат поступил в священники соборной церкви и принял на себя заведование внешними и экономическими делами монастыря Радегонды. Он стал своим человеком в монастыре, и благодаря его переписке мы знаем, как проходила жизнь в стенах обители.

Монахини здесь были заняты женскими работами, но далеко не исключительно. Два часа в день посвящалось литературным занятиям, происходило чтение; искусные монахини занимались перепиской книг. Остальное время отдавалось молитве и чтению святых книг, которые одна из сестер читала вслух другим, занятым женскими работами. В монастыре запрещено было мясо и вино для монахинь, но это не значило, что там господствовал аскетизм. Мы находим здесь частое употребление бань, а также различные удовольствия, игру в кости и сценические представления, в которых действующими лицами были послушницы. В монастыре собиралось избранное общество из лиц не только духовных, но и светских. Если для самих монахинь предписано было воздержание в пище, то для посетителей, не связанных обетами, устраивались отличные обеды. Любимцы монастыря Фортунату, отличавшемуся страстью поесть хорошо и попить, не только при каждом его посещении готовился вкусный обед или ужин, но к нему в город беспрестанно посылались лакомые блюда, приготовленные для него монахинями. Радегонда не была игуменьей основанного ею монастыря; она избрала в это звание одну из своих подруг, галло-римлянку Агнессу,²¹ но оставалась душой монастыря, представлявшая собой образец тихой, трудолюбивой, но в то же время спокойной и счастливой жизни.

Прошло немного времени по смерти основательницы – и все переменялось. Тот же монастырь стал ареной самых диких сцен, самого полного бесчинства и насилия. Об этом находим рассказ у Григория Турского.²² В 588 году одна из монахинь, Хрогильда, называвшая себя дочерью короля Хариберта, задумала свергнуть игуменью Левдоверу²³ и стать на ее место. С сорока монахинями, в числе которых была Базина, дочь короля Хильперика, она оставила монастырь и отправилась ко двору с жалобами на игуменью. На пути в Тур она просила епископа Григория оставить у себя ее спутниц и позаботиться о них. Пока Хрогильда ездила ко двору, многие из них вышли замуж, другие вели самую беспорядочную жизнь. Для решения дела в Пуатье собрались епископы этой митрополии и предали возмущившихся монахинь отлучению от церкви. Тогда мо-

нахини произвели бунт. Они набрали шайку негодяев всякого рода, которые ворвались в церковь, где собирались епископы, и избili их и духовенство так, что приехавшие поспешили бежать из города, кто куда мог. С этой шайкой Хрогильда грабила монастырские имения. Монахини, оставшиеся в монастыре, большей частью разошлись по неимению средств к существованию. Шайка Хрогильды ворвалась в монастырь, захватила игуменью, разграбила имущество и произвела всякого рода бесчинства. Служители монастыря и игуменья старались защититься, — в городе и окрестностях началась междоусобная война. «Ни один день не проходил без убийства, ни один час без насилия, ни одна минута без слез», — говорит Григорий.²⁴

Чтобы положить конец такому безурядью, короли Хильдеберт и Гунтрамн приказали съехаться епископам обоих королевств и окончательно разобрать дело. Епископы, говорит Григорий Турский, заявили, что собор невозможен, пока мятеж не будет подавлен. Вследствие этого граф Макко²⁵ после упорного сопротивления овладел монастырем, где распоряжалась Хрогильда. Тогда собор рассмотрел жалобы на игуменью, выслушал обе стороны и решил восстановить игуменью в ее звании и в управлении монастырем; бунтовавшие монахини были осуждены на изгнание. Приговор привели в исполнение. На соборе следующего года в городе Меце Базина испросила себе прощение и позволение вернуться в монастырь; Хрогильда же упорствовала и хотя возвратилась в Пуатье, но жила в своем имении. У Григория Турского мы находим подробный рассказ об этом происшествии со всеми документами.²⁶

Очевидно, что правило святого Колумбана, которому ставят в вину его суровость, могло иметь место среди развращенных нравов тогдашнего общества; дух Меровингского времени проявляется и здесь, в женском монастыре, основанном вполне благочестивой, посвятившей себя, действительно, служению Богу женщиной.

ПАПА ГРИГОРИЙ I

Мы уже сказали, что навстречу Кульдейской церкви и ее миссионерской деятельности идет проповедническое движение из Рима в лице бенедиктинцев. Но помимо их влияния церковь в это же время приобретает большую самостоятельность и возвышается в лице римских епископов. Связь эта приводит нас к рассмотрению первого периода возвышения и усиления папской власти. Мы не будем искать ни догматических оснований для прав и притязаний пап, ни повторять тех легенд, которыми первосвященники римские нередко старались подкрепить свои требования, так как легенды эти, как доказывают новейшие критические исследования, не обладают исторической достоверностью. Несомненно только то, что епископы приобретали важное влияние, как церковное, так и гражданское — политическое, еще во время Римской империи. Они были третейскими судьями, на которых нельзя было даже апеллировать; в особенности юрисдикции их подлежали дела брачные, семейные и т. п.; когда же христианство восторжествовало во всей Италии, то решения еписко-

пов Рима еще более получили силу авторитета. Этот авторитет усилился вследствие личных заслуг их во время переселения народов и нападений варваров на империю: в то тяжкое время римские епископы явились защитниками и покровителями римского населения. Всем известен поступок престарелого епископа Льва I, отвратившего нашествие Аттилы на Рим во время нападения варваров.²⁷ Легенда говорит, что когда Аттилу спросили, неужели он испугался слабого старика и поэтому отступил от Рима, то он отвечал: «Я испугался не его, а апостола Петра, который стоял за ним». Вымысел этот, впрочем, нисколько не умаляет заслуги Льва I, который в данном случае действительно проявил замечательную храбрость, силу воли, твердость и вместе с тем энергию и умение. Подобно тому действовали и его преемники.

Другая главная основа высокого положения римских епископов – их материальное благосостояние, которое ведет свое начало также от времен Римской империи. Мы подразумеваем здесь известные *Patrimonia St. Petri* (вотчины святого Петра) – плоды благочестивого настроения знатных римских граждан и даже императоров, богатые, огромные поместья, завещанные в разное время епископу и церкви. Особенно много таких патримоний было в Сардинии, Корсике, в Южной Италии, в Далмации и даже в плодородной Африке. Каждый отдельный участок земли носил название «патримоний»;²⁸ совокупность этих участков называлась *massae* (масса), а совокупность многих масс опять назывались *patrimonia*. На этих больших имениях церкви работали колонны церкви, платившие господину своему – епископу – определенный ежегодный оброк. Громадные денежные средства давали эти патримонии римскому первосвященнику и облегчали ему дела христианской благотворительности – выкуп пленных, раздачу хлеба во время голода, поддержку обедневших вследствие нашествия варваров знатных римских фамилий. Все это, само собой разумеется, способствовало усилению авторитета и увеличению блеска самого имени архиепископа римского. И папы широко пользовались своими преимуществами, а влияние их на дела империи все более и более увеличивалось.

Когда Италия находилась под властью римского (восточного) императора, значение первосвященника римского оставалось тем же.²⁹ Юстиниан I своей «Прагматической санкцией»³⁰ дал ему право надзора за гражданскими властями страны, и действительно, чиновники римские, склонные к взяткам, вымогательствам и притеснениям, нуждались в постоянном контроле высшей власти; такой властью является папа. Что касается Римского дуката (то есть Рима с прилежащей к нему территорией); управлялся этот дукат герцогами (*duces*), откуда и название области), то власть епископа была в нем так велика, что без его согласия не мог быть назначен там ни один из чиновников. В этом Римском дукате следует видеть, по всей вероятности, зародыш впоследствии политически самостоятельных папских владений.

Эта полная власть, богатство и могущество, то уважение, которым пользовался первосвященник римский, ставили его мало-помалу на высшую ступень величия. Он же является в эту переходную эпоху и плотно образованности, насколько она сохранилась в варварские времена. В этом

отношении особенно интересна деятельность первого из трех Григориев,³¹ положивших начало величию и блеску папской власти.

Григорий I родился около 546 года³² (на папском престоле 590–604), подобно святому Бенедикту, происходил из богатой и знатной фамилии; когда умер его отец, то из оставшегося после него наследства Григорий выстроил шесть монастырей в своих имениях и сеньмой в самом Риме, на холме Авентинском, куда и сам удалился. Ранее этого он, как потомок благородной и богатой фамилии, занимал в Риме высшие должности, был сенатором, префектом Рима, но, несмотря на это, оставил свет, почувствовав склонность к созерцательной жизни – склонность, которая в это смутное время овладевала многими сильными умами. Правда, вскоре он был вызван из своего добровольного заключения папой Пелагием и по поручению его провел несколько времени в Константинополе; но он сожалел об этом времени, говоря, что оно отвлекало его от той жизни, которой он так сильно желал, – жизни отшельника.

Помимо варваров, грозивших Риму, а именно лангобардов, в это время началась в Италии страшная моровая язва. Папа Пелагий умер, и Григорий был избран на его место; но так как это не сходилось с желаниями самого Григория, то он отправил письмо к императору в Византию с просьбой не утверждать его избрание.³³ Письмо, прошедшее через руки Равеннского экзарха, не достигло своего назначения; вместо него отправлено было другое – с похвалами Григорию и с просьбой об его утверждении. Григорий стал папой. Чтобы утешить население, приходившее в отчаяние от грозивших врагов и страшной болезни, он установил «семиформенную литанию» (*Septiformis litania*), торжественную духовную процессию из семи церквей; народ с надеждой молился и присутствовал при этих процессиях, несмотря на то что во время одной из них тут же, на улице, умерло около 80 человек. Предание говорит, что во время одной из этих процессий, когда папа остановился перед гробом императора Адриана, на гробнице последнего явился ангел, влагающий меч в ножны. Изображение это сохраняется в Риме в замке Святого Ангела. Явившись поддержкой Рима в нравственном отношении, он вместе с тем был и материальной опорой населения, так как раздавал хлеб голодающим жителям.

О главных чертах деятельности этого знаменитого Отца Церкви мы узнаем из верного и драгоценного источника – «Register»; как «Variae» Кассиодора служат для нас незаменимым указателем, так собрание писем Григория I представляет важный памятник его деятельности и вместе с тем служит источником для изучения конца VI и начала VII века в Италии. Здесь встречаем мы интересные подробности о колонах, об управлении патримониями и т. д.^A Особенно заботился Григорий о крепостном сословии. Церковные крестьяне не прямо вносили свой оброк в церковную книгу, а делали это через откупщиков (*conductores*). Из переписки Григория I мы узнаем, что эти посредники страшно злоупотребляли своим правом взимания оброков, против чего Григорий и предпринимал разные меры. Он даже определил меру для взимания податей

^A т[ак] д[алее]

(modium) во избежание обмера со стороны «conductores». ³⁴ Из этой же переписки узнаем мы об отношении его к византийским императорам. Причина разлада папы с императором Маврикием ³⁵ лежала в следующем факте: патриарх Константинопольский Иоанн Постник присвоил себе титул Вселенского патриарха. Это произвело неприятное впечатление на Григория, заподозрившего в Иоанне желание вместе с титулом облечься и властью, которая бы в духовном отношении являлась равной власти императора в делах светских. ³⁶ Патриархи Антиохийский и Александрийский, к которым Григорий обратился с просьбой поддержать его протест, не отнеслись к этому делу сочувственно, и Антиохийский патриарх отвечал даже, что не стоит поднимать такой шум из-за пустого вопроса о титуле. Григорий, ранее того постоянно удивлявшийся святой и подвижнической жизни Иоанна Постника, тем не менее начал полемизировать против него и увлекся настолько, что даже называл его Антихристом и дьяволом. В это-то время он написал свое знаменитое сочинение, которым как бы заранее отвергал будущие притязания пап. Он говорит в нем, что преобладание и первенство в церкви не должно принадлежать тому или другому епископу, и подкрепляет это словами Спасителя: «Аще кто хочет быть господином, пусть будет всем слуга». ³⁷ Это-то столкновение с патриархом Константинопольским и восстановило Григория против императора, так как он думал, что тот держит сторону Иоанна Постника.

С императором Маврикием он не был в хороших отношениях, но с императором Фокой ³⁸ был даже рабски почителен. Грубый, пьяный, необразованный солдат, зверским образом истребивший фамилию своего предшественника, Фока был недостоин уважения. Однако Григорий, узнав о смерти Маврикия, написал Фоке почтительное письмо с оттенком некоторой лести, называя себя в нем «презренным червем в сравнении с великим императором». ³⁹ Письмо часто ставят в упрек Григорию I; быть может, некоторое извинение можно найти в его политических соображениях и в несогласии с прежним императором. Кроме того, Григорий был в сношениях с лангобардским королем и своими стараниями и хлопотами отвратил нашествие Агилульфа Лангобардского на Рим, действуя в данном случае не только в своих интересах, но и в виду пользы императора, которому принадлежала Средняя и Южная Италия.

Если политическая деятельность знаменитого римского первосвященника иногда кажется несколько темной, то литературные произведения окружают его ореолом нравственного величия. Он оставил целый ряд сочинений, которые служили образцами совершенства во все Средние века. Особенно знаменита «Liber regulae pastoralis» – наставления и правила для руководства пастырей и учителей церкви. Книга эта показывает наблюдательный высокий ум автора ее и глубокое понимание человеческой души. Прежде всего Григорий объясняет трудность призвания пастыря, ту священную и великую обязанность, которую берет на себя блюститель душ своей паствы; потом он дает различные наставления, особенно рекомендуя проповедь и предписывая «не всегда порицать, а иногда и хвалить своих духовных детей». Написанная прекрасным языком, книга эта и в литературном отношении представляет замечатель-

ный памятник. Заметим здесь кстати, что за одно из сочинений, написанное в форме диалога, он получил в нашей церкви прозвание «Двоеслова». ⁴⁰ Все эти сочинения сделались руководствами для латинской церкви, их тщательно переписывали, а потому они сохранились во многих экземплярах. Альфред Великий перевел их для англосаксов. ⁴¹

Едва ли человек, посвятивший так много времени литературным трудам, мог быть врагом светской образованности, как думают некоторые ученые. Существует только одно письмо к Дезидерию, епископу Вьенскому, где Григорий запрещает последнему заниматься латинской грамматикой, так как, по выражению Григория, «неприлично, чтобы в одних устах соединялись похвала Христу и Юпитеру» (Greg. Magni. Epist. Lib. IX, 48). Но тогдашняя грамматика состояла преимущественно в толкованиях и объяснениях различных мест языческих писателей, в изложении подробных рассказов о Марсе, Юпитере и других богах древности. Такого рода занятия, действительно, быть может не подходили к сану христианского епископа, тем более что существовали светские школы для преподавания этой грамматики, по крайней мере в Италии, если не в Виенне. С другой стороны, некоторые исследователи хотят видеть в Григории врага классической античной риторики. В предисловии к своей «Moralia» ⁴² он говорит: «Я не боюсь варваризмов, не думаю заботиться о падежах, с которыми сочетаются предлоги, пренебрегаю правилами ораторского искусства, так как не совсем достойно подчинять правила небесной мудрости правилам грамматики Доната (ритора)». Но это не надо понимать в прямом смысле. Любимым способом тогдашнего писания была изысканность, кудреватость слога, обилие запутанных фраз, метафор, эпитетов. Подражая древним классикам, писатели того времени заимствовали у них только форму и, влагая в нее собственное содержание, часто затемняли только смысл своей речи. Блаженный Иероним говорит: «Пусть обвиняют меня в грамматических ошибках, но пусть народ понимает меня». И действительно, тогдашний литературный язык был совершенно недоступен пониманию народной массы, и в упрощении его состоит заслуга Отцов Церкви. Нельзя сказать, чтобы они писали грубой варварской латынью, напротив, язык их не был даже лишен изящества, но вместе с тем — ясен, прост, не обременен тем обилием риторических украшений, которые делали сочинения некоторых писателей того времени недоступными для всеобщего понимания.

Из переписки Григория Великого узнаем мы и об отношении его к трем знаменитым королевам: Теоделинде, супруге короля Аугари, а потом Агилульфа Лангобардского, Брунегильде Франкской и Берте Английской. ⁴³

Особенно важное значение имеет Теоделинда Лангобардская, как первая их королева-католичка. Лангобарды довольно долго (до VII века) оставались язычниками даже в Италии, но язычество, очевидно, не могло удержаться навсегда, и они обратились к тому вероисповеданию, которое в то время было господствующим среди германских племен: к арианству. Этот факт, а вместе с тем и насильственное подчинение лангобардами северной части Италии заставили местное римское население весьма недружелюбно относиться к германцам. Но со времени королевы

Теоделинды начинается сближение лангобардов и римлян. Супруга короля Аутари, она, овдовев, пользуясь общей любовью, возвела на престол второго своего мужа – Агилульфа.⁴⁴ По настоятельным просьбам Григория Теоделинда построила первую католическую церковь в Монце (где теперь хранится лангобардская корона). Спустя двенадцать лет после коронования Агилульфа, говорит историк лангобардов Павел Диакон, королева осветила церковь Иоанна Крестителя, которую она выстроила в Модиица (Монце), отстоящей от Милана на двенадцать миль, и украсила ее множеством золота и серебра, сделав еще в ее (церкви) пользу большие пожертвования.⁴⁵ Кроме этой церкви, Теоделинда построила еще и католический монастырь. Таким образом, уже с начала VII века католичество начинает быть терпимо в лангобардском государстве, и, хотя впоследствии наступает национально-арианская реакция, тем не менее усилия Теоделинды не заглохли и отношения Григория I со знаменитой королевой справедливо считают началом и основой будущего сближения.

Не менее важно и отношение Григория Великого к франкской королеве – Брунегильде. Властолюбивая, гордая, жестокая королева, чтобы загладить свои преступления, основала церковь в Autun и хотела, чтобы римский первосвященник своей грамотой, своим авторитетом подкрепил ее дело. Григорий сделал это в таких выражениях, которые сделались знамениты в силу приложения этих слов к делу и истолкования их в свою пользу последующими папами. Он изрек свое проклятие против всякого, кто осмелится наложить руку на основанный королевой монастырь (то есть на его достоиние), будет ли это король или кто другой, и прибавил, что виновные пусть будут лишены своего достоинства.^A Слова эти впоследствии дали повод предполагать, что Григорий I представлял для себя возможность возводить и низводить королей, но, в сущности, смысл был далеко не таков: Григорий слишком уважал власть как императорскую, так и королевскую; и слова его совершенно неточно были истолкованы некоторыми из его преемников, как, например, Григорием VII.

Сношения Григория I с английской королевой Бертой завязались по поводу обращения англосаксов в христианство. Беда Достопочтенный (Beda Venerebilis), наш главнейший источник для первоначальной истории Британского острова, в своей «Церковной истории Англии»⁴⁶ говорит по этому поводу следующее:

Нельзя умолчать об одном предании относительно святого Григория, которое от предков наших дошло до нас; это предание объясняет нам причину, побудившую Григория так усердно заняться делом спасения нашего народа. Говорят, что в какой-то день прибыли купцы и привезли с собой много товара; множество народа собралось туда для покупок; между прочими пришел Григорий и увидел между разными предметами торговли мальчиков, выставленных для продажи, телом они были очень белы, красивы с лица, волосами курчавы.

^A «Если кто-нибудь из королей, священнослужителей или других людей... попробует пойти против... пусть у него не будет (careat) власти, чести и достоинства и пусть он знает, что он повинен Божьему суду».

Взглянув на них, святой Григорий спросил: «Из какого царства или какой страны привезены эти мальчишки?» Ему ответили, что они с острова Британии, где все жители так хороши. Он снова спросил: «И эти островитяне – христиане или остаются погруженными в заблуждения язычества?» Ему отвечали, что они язычники. Он, вздохнув тяжело, от глубины сердца, сказал: «Увы, как горестно, что люди с таким светлым лицом находятся под властью духа тьмы и что они под столь красивым челом скрывают ум, чуждый вечной благодати». Он опять обратился с вопросом: «Как называется этот народ?» Ему отвечали, что этот народ называется – англами (*angli*). «И справедливо, – отвечал он, – ибо у них лицо ангельское и им бы следовало быть сожителеми ангелов на небесах». – «Какое, – спросил святой Григорий, – носит название та провинция, из которой привезены эти мальчишки?» Ему отвечали, что жители той провинции именуется деирами (*Deiri*, прав. *Deira*). «И это так, – воскликнул святой Григорий: *De-ira* – значит “от гнева исторгнутые и призванные к Божьему милосердию”. “А как зовут короля той страны?” Отвечают ему: «Елле (*Elle*)». Святой Григорий, продолжая игру словами, заметил на это: «В этой стране надлежит петь “аллелуйю”, хвалу Творцу Господу» (*Beda Vener. lib. II, 1*).

И действительно, когда он вступил на папский престол, то отправил святого Августина, Меллита и Иоанна с бенедиктинцами для проповеди и обращения англов в христианство.⁴⁷ Предприятие это имеет особую историческую важность, так как дело шло об основании целой церкви, непосредственно подчиненной Риму и его первосвященнику. По поводу посольства Григорий I обращался к содействию франкской королевы Брунегильды и в дипломатическом письме просил ее покровительства для миссионеров. Прибыв в Галлию, миссионеры колебались, не решаясь продолжать путь; только настойчивость папы заставила их двинуться в дальнейшее путешествие. Взяв с собой переводчиков и письма от франкских королей, они высадились в Британии, в королевстве Кент, король которого Этельберт был женат на Берте, дочери меровингского короля Хариберта.⁴⁸ Выходя замуж за язычника, она не отказалась от своей религии, а привезла с собой епископа Лиудгарта, и в маленькой церкви совершалось христианское богослужение (*Beda Vener. lib. I, 25, 26*).⁴⁹ Миссионеры пристали к оконечности острова Танет и отправили франкских переводчиков к королю с радостной вестью, с предложением ему вечного царства, если только он поверит их словам. Но король сначала не допустил их к себе и велел оставаться на острове Танете до тех пор, пока не решит чего-либо по поводу их предложения. Через несколько времени он, по просьбе своей жены, согласился вступить с ними в переговоры, но не решился принять их в своем доме, ни даже в столице, а отправился на остров сам, но даже и там свидание происходило на открытом воздухе, для предупреждения всякой порчи и волшебства. «Римляне, – говорит Беда Достопочтенный, – явились на место свидания, приготовившись заранее; они шли процессией друг за другом, впереди них несли большой серебряный крест и изображение Христа, потом они объяснили цель их путешествия и представили предложения» (*Beda Vener. lib. I, 25*).⁵⁰

«Да, это прекрасные слова и прекрасные обещания, – сказал король-язычник, – но так как все это дело для меня ново, то я не могу сейчас поверить вам и отказаться от религии, которую я исповедую со всем моим народом. Однако, так как вы пришли сюда издалека, чтобы сообщить нам то, что вы сами, как мне кажется, считаете полезным и справедливым, то я не буду обходиться с вами дурно; я доставлю вам содержание и помещение и позволю свободно распространять ваше учение и убеждать, кого сможете» (Beda Vener. lib. I, 25).

Вскоре миссионеры обратили в христианство множество народа, и наконец сам король Этельберт принял крещение.⁵¹

ПРОСВЕЩЕНИЕ БРИТАНИИ

Таким образом, в начале VII века положено было начало новой церкви, основанной в Британии под сенью и авторитетом Рима и его первосвященника. Вскоре Августин отправил к папе Григорию I послов со словами: «Жатва велика, а работников недостает для нее», – и вместе с тем с просьбой разрешить некоторые его сомнения, например: «Возможно ли строить христианские храмы вместо языческих? Как уничтожить обычай принесения языческих жертв?» (Beda Vener. lib. I, 29).

Из Рима отправилась в Британию вторая миссия для помощи святому Августину и принесла ему следующие замечательные инструкции первосвященника:

«Скажите ему (Августину), что после зрелых и глубоких размышлений об обращении народа англов я решил в своем уме много важных вопросов.

Во-первых, не следует разрушать языческих храмов, а только идолов; освятить воду, окропить ею стены, построить алтари и поставить мощи. Если эти храмы прочно выстроены, то это хорошо и полезно: пусть они перейдут от поклонения демонам на служение истинному Богу, потому что, когда народ увидит, что уцелели их места молитв, он охотнее пойдет туда по привычке, чтобы молиться истинному Богу» (Beda Vener. lib. I, 30).

«Во-вторых, говорят, что народ имеет привычку приносить в жертву быков; надо, чтобы этот обычай превратился для него в христианское торжество и чтобы в день освящения храмов, так же как и в день праздника святых, мощи которых стоят в храмах, позволять им строить шалаши из ветвей кругом тех же храмов, как то было в прежнее время; пусть они собираются туда, пусть приводят туда своих животных, которые тогда будут убиваемы ими не как жертвы дьяволу, но для трапезы христианской, во имя и славу Бога, которому пусть они воздадут благодарение за свое насыщение. Оставляя людям некоторую долю их материальных удовольствий, скорее доведете их до способности наслаждаться внутренним счастьем» (Beda Vener. lib. I, 30).

Августин вступил в переговоры с Кульдейской церковью и предложил ей союз на условии признания верховной власти папы. Долго думала Ирландская церковь и наконец, после собора в Бангоре,⁵² решила от-

вергнуть это предложение. В нерешимости своей, ранее чем идти на свидание с Августином, представители кульдеев пошли к отшельнику, жившему близ Бангора, и спросили у него совета, как им поступить. «Должны ли мы, — говорили они, — отказаться от наших преданий и последовать за Августином?» — «Если это человек Божий, — отвечал святой отшельник, — то вы хорошо сделаете, идя за ним». — «А как же мы узнаем это?» — «Спаситель нам сказал, — отвечал отшельник: — “Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем”, и если этот Августин также кроток и смирен сердцем, то мы можем думать, что он сам несет иго Христа и предлагает нам нести его. Если же он горд и высокомерен, то, конечно, он не человек Божий, и мы не должны слушать слов его».

Когда бритты пришли на место свидания, римляне были уже там, и Августин, при приходе их, если не из презрения, то из сознания собственного достоинства, не поднялся с места. Бритты не подумали, что этого, быть может, требует римский этикет; они видели только одно, что человек, к которому они пришли, не встал перед ними, и гордость их была оскорблена. Едва только прения начались речью папского посланника, как они стали выражать свое неодобрение и постарались отвергнуть его во всех пунктах. Наконец Августин категорически предложил им: праздновать Пасху в должное время, совершать обряд крещения согласно правилам Римской церкви, признать над собой главенство папы и вместе с римскими миссионерами проповедовать слово Божие англосаксам. Бритты также категорически отвергли все эти условия. «Так, если вы не хотите мира с братьями, — вскричал Августин с угрозой, — вы будете иметь войну с врагами; если вы не хотите указать саксам путь к вечной жизни, то от их же рук примете смертную казнь». Предсказание это скоро сбылось (Beda Vener. lib. II, 2).

Таким образом, с первого шага начался разрыв и борьба между двумя церквями — борьба, перешедшая впоследствии и на материк. После первого архиепископства, основанного Августином в столице Кента Kentwara-Vугуг (откуда позднейшая форма — Кентербери), начинается распространение христианства и в другие владения англосаксов.⁵³ Сестра Этельберта Кентского, названная у Беды странным именем Ricula и вышедшая замуж за Эссекского короля, открыла монахам доступ в это небольшое, но важное по своей столице^A государство. Римский миссионер, спутник святого Августина, Меллит, обратил в христианство ее сына. Церковь Святого Павла, основанная в Лондоне на месте римского храма Дианы, сделалась епископской кафедрой Меллита (Beda Vener. lib. II, 3).

Августин при смерти своей мог с радостью оглянуться назад и с надеждой посмотреть вперед.⁵⁴ Но вскоре последовала реакция. В 616 году умер Этельберт Кентский, первый король, принявший христианство, и вместе с тем первый, оставивший письменное собрание законов своего народа на англосаксонском языке. Сын его Эдбальд (Eddbald), женившийся на вдове отца, уже этим поступком показал, что не желает признавать христианства и повиноваться его законам.

^A Лондон.

То же самое случилось и в Эссексе. Три сына короля-христианина Сигиберта (или Саберта) после смерти отца своего обратились в язычество и вновь разрешили культ древних богов. Но так как они были кроткого характера, то сначала не преследовали ни Меллита, ни тех, кто слушал его; они даже иногда посещали христианский храм. «Почему не предложишь ты нам этого белого, вкусного хлеба, который раздаешь другим и который ты часто давал отцу нашему?» – спросили они однажды Меллита, когда он совершал таинство Евхаристии. «Если вы хотите, – отвечал епископ, – очиститься в источнике жизни, в котором очистился отец ваш (разумея крещение), то и вы будете иметь свою долю этого вкусного хлеба». – «Мы вовсе не хотим очищаться в купели; мы не имеем никакой надобности в этом, мы хотим только подкрепиться этим вкусным хлебом». На эту просьбу, повторенную несколько раз, епископ постоянно отвечал отказом; наконец они начали думать, что он нарочно не исполняет их просьбы, и изгнали его вместе со всем причтом из Лондона. Они нашли убежище в Кенте, у епископов Лаврентия и Юста, которые, при прибытии Меллита с его спутниками, также находились в затруднительном положении вследствие смерти Этельберта и нерасположения к христианству его преемника. Хотя король Эдбальд не преследовал христиан, но своим поведением и примером поощрял неуважение к правилам учения Христа. Лаврентий, Меллит и Юст решили удалиться на родину, так как им казалось, что лучше отдавать свою жизнь на служение Богу со спокойным сердцем в отечестве своем, чем оставаться среди язычников, восставших против веры. Меллит и Юст отправились вместе и благополучно прибыли в Галлию. Лаврентий, намеревавшийся следовать за ними, провел последнюю ночь своего пребывания в Британии в кентерберийской церкви Святых апостолов Петра и Павла (Beda Vener. lib. II, 5).

«На другой день утром, – говорит Беда Достопочтенный (lib. II, 6), – он явился к Эдбальду израненный, окровавленный, и, указывая на свои раны, сказал: «Смотри, как наказал меня апостол Петр за то, что я попытался покинуть его стадо». Король был тронут этим зрелищем и просил Лаврентия остаться, возвратил Меллита и Юста, принял христианство и совершенно запретил поклонение древним богам (Beda Vener. lib. II, 6). Дольше всего держалось язычество в Эссексе, хотя сыновья Сигиберта пали в битве.

Интересен рассказ об обращении короля Нортумберлендского Эдвина (по его имени назван город Эдинбург), приводимый Бедой Достопочтенным. Он в ранней молодости был лишен своих владений королем Бернииции Этельфритом, долгое время скитался в изгнании, где мог познакомиться и с христианством; он нашел себе защитника в лице кельтского короля, который выступил против Этельфрита, но был разбит. Эдвин после этого нашел убежище у Редвальда, короля восточной Англии.⁵⁵ Несколько раз Этельфрит требовал его выдачи, но – напрасно. Наконец сам Редвальд поднялся на защиту прав Эдвина, и короли-союзники на этот раз победили; Этельфрит пал на поле битвы, и Эдвин сделался королем Нортумберлендским. Восшествие его на престол имело огромные последствия. Он соединил под своей рукой весь север и стал могуществен-

ным государем Британии. Особенно важное значение имел его брак: он женился на христианке, дочери Этельберта Кентского – Этельберге. Епископ Паулин⁵⁶ последовал за ней и получил позволение отправлять богослужение, хотя сам король оставался язычником. В Риме были известны эти отношения, и папа всячески старался склонить Эдвина к принятию христианства, но гордый король нуждался для этого в сильном нравственном потрясении. Этот толчок и был дан ему епископом Паулином. В жизни Эдвина было одно странное происшествие, о котором никто не знал. Однажды, когда его соперник Этельфрит просил его выдачи, к Эдвину явился седой старец, возложил на него руки особенным образом и велел ободриться, обещая победу над врагами. Епископ Паулин напомнил королю об этом происшествии, узнав о нем, как говорит Беда, по откровению свыше (вернее, по рассказу его жены); это так подействовало на короля, что он хотел преклониться перед святым мужем, но последний поднял его и требовал только принятия веры христианской (Beda. Hist. eccles. lib. II, 12). Эдвин отвечал, что готов сделать это, но, верный своей обычной осторожности, решил еще посоветоваться со своими товарищами. Собран был национальный совет (называемый на саксонском языке Wittena-Ghemote – совет мудрых), состоявший из военачальников, старейшин, богатых землевладельцев и жрецов. После высказанного королем предложения верховный жрец первый подал свое мнение:

«Ты сам, король, рассуди о достоинствах того, что тебе предлагают; я же вот что скажу тебе по собственному опыту: не было человека во всем народе нашем, служившего богам усерднее, чем я, и однако я далеко не самый богатый и самый почитаемый из всех; есть гораздо более людей, пользующихся твоими щедротами и милостями; поэтому я думаю, что боги наши бессильны».

Затем встал военачальник и сказал: «Ты помнишь, может быть, король, что иногда бывает зимой, когда сидишь за столом со своими альдерменами и танами,^A когда яркий свет горит, и в комнате тепло, но на дворе так темно, сыро и холодно. Вот маленькая птичка пронесится быстро через комнату, влетая в одну дверь и вылетая в другую. Минута пребывания в комнате для нее полна наслаждения: она не чувствует более ни грозы, ни дождя; но эта минута коротка. Птичка пронесится с быстротой молнии и из холода попадает опять в холод... Такова кажется мне жизнь человеческая, так же коротка она сравнительно с вечностью прошедшего и будущего. И это время (будущее) для нас темно и тревожно, так как мы не в состоянии познать его; если же новая религия может просветить нас сколько-нибудь относительно этого, она стоит того, чтобы ее принять» (Beda Vener. lib. II, 13).

Это поэтическая и трогательная апология подействовала на остальных членов собрания, и они торжественно отреклись от старых своих богов. Но когда король Эдвин предложил разрушить языческие храмы и низвергнуть богов, то никто из присутствующих не решился на такое святотатство, кроме верховного жреца. Он приказал дать себе оружие и

^A Альдермен – правитель области, тан – дружинник.

коня, чтобы сразу нарушить устав (жрецы не имели права носить оружие и могли ездить только на кобылицах), и, потрясая копьем, поскакал к храму и ударил в стену и изображение идолов. Таким образом совершилось крещение Эдвина.⁵⁷ На месте разрушенного языческого храма построена была церковь в Йорке, где и утверждена была вторая по значению (после Кентерберийской) епископская кафедра. Первым епископом в Йоркской церкви стал Паулин.

Правление Эдвина отличалось мудростью и кротостью и обещало безопасность и долгое процветание государству. Но вскоре для Нортумбрии настали тяжелые времена. В Мерсии вступает на престол король-язычник Пенда, который в союзе с кельтами и королем Страсклеяда нападает на Эдвина; в 633 году Эдвин убит, Этельберга и епископ Паулин бежали; но ни Пенда, ни Валлийский король не взяли себе чужих владений; в Берниции восстановлен сын Этельфрита, в Дейре – родственник Эдвина.⁵⁸ Оба они были склонны к язычеству, и христианской церкви угрожала большая опасность. Но король Страсклеяда убил их обоих в Йорке (одного на войне, другого – во время мира коварным образом).

Снова совершается важный и знаменательный переворот: на престол вступает Освальд, младший сын Этельфрита, воспитанный и крещенный в Шотландии.⁵⁹ Во главе небольшой дружины он явился в королевство своего отца, победил Коадваллу, короля Страсклеяда, и, объединив под своей властью Берницию и Дейру, принял титул бретвальды (то есть получил гегемонию над другими королями гептархии).

Этот Освальд, знаменитый в саксонских преданиях, совершил столько же важных дел, как и предшественник его – Эдвин. Крещенный в Шотландии по обряду кульдеев, он является защитником и покровителем преследуемой англосаксами Ирландской церкви. Из Шотландии к нему был прислан святой Айдан, которому король подарил небольшой островок. Здесь миссионер основал свою кафедру, отсюда начал дело христианской проповеди.⁶⁰ Дело это было не легкое. Айдан говорил только на кельтском языке, и Освальд должен был служить переводчиком между епископом и просвещаемыми; тем не менее проповедь имела успех, число новообращенных все умножалось. В 642 году в сражении с Пендой Освальд был убит. Церковь причислила его к лику святых и празднует память его 5 августа.

Наследником Освальда и королем всей Нортумбрии становится после небольшого промежутка его брат Освиу.⁶¹ Он победил, наконец, Пенду, который в 655 году умер (Beda Vener. lib. V, 24). Освиу имел благотворное влияние на распространение христианства. Но в самой фамилии короля произошел некоторого рода религиозный раскол: Освиу праздновал Пасху по ирландскому счету, а супруга его, дочь Кентского короля, – по католическому; его сын следовал примеру матери. Такого рода разделения были очень опасны у народа, только недавно оставившего язычество и понимавшего христианство в теснейшей связи с внешним богослужением.⁶² Третий епископ Линдисфарна – Кольман (Colman), также шотландского происхождения, употреблял все усилия, чтобы доставить торжество Кульдейской церкви. Созван был собор.⁶³ Под председательством короля собрались наиболее знаменитые представители цер-

квей из всех королевств, кроме Кента; со стороны сочувствующих Риму особенно выдавался будущий архиепископ Йорка — англосакс Вильфрид. Долго продолжался диспут. При этом обнаружилось, что Освиу довольно наивно понимает христианство. Дело в том, что когда представители Римской церкви излагали известное предание о ключах святого Петра, переданных по его смерти римскому первосвященнику, о тех ключах, на основании которых дана была ему власть вязать и решить, прощать грехи и налагать интердикты, то Освиу, пораженный этим рассказом, обратился к единоверцам, епископам иро-шотландской церкви, и спросил, обладают ли они подобными ключами. Отрицательный ответ последних, совершенно не знавших этого предания, как изложено у Беды, заставил короля решиться в пользу Римской церкви.⁶⁴ Итак, следствием диспута явилось утверждение римского исповедания в Британии. Скотты впоследствии были очень полезны англосаксам своей ученостью и много работали как распространители школьного просвещения.

Освиу был проникнут сознанием необходимости религиозного единства королевств Британии, и благодаря своему положению бретвальды он оказывал в этом отношении влияние на положение дел и вне собственных владений. В 664 году, после смерти архиепископа Кентерберийского, папа отправил на эту должность знаменитого своей ученостью Федора Тарсийского.⁶⁵ Принятый с почестями, Федор объехал все англосаксонские королевства, везде утверждая авторитет Римской церкви по вопросу более правильного празднования Пасхи, а также стараясь повсюду уничтожить и всякий след влияния кульдеев на выборы епископа.

Суссекс был последним англосаксонским государством, принявшим христианство. Таким образом в VII веке, после долгих политических и религиозных распрей, вся Британия является просвещенной учением Христа и объединенной под властью римского первосвященника.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ. КАРЛ ВЕЛИКИЙ

МЕРОВИНГСКОЕ ГОСУДАРСТВО с 613 по 714 год. ВОЗВЫШЕНИЕ КАРОЛИНГОВ. КАРЛ МАРТЕЛЛ

Второй удельный период Меровингской Франции окончился в 613 году с восшествием на престол сына Фредегонды Хлотара II (613–629), который после смерти Брунегильды объединил под своей властью все три королевства. Скоро после этого он созвал собрание знатных вельмож для обсуждения мер к устройству государства.¹ Некоторые из постановлений этого государственного сейма весьма замечательны. Так, например, в каждом отдельном королевстве графы, которые прежде назначались королем по собственному желанию, теперь должны были избираться из местных землевладельцев, чтобы в случае злоупотребления своею властью они могли отвечать своим имуществом. Таким образом, власть короля ограничивалась даже в выборе собственных чиновников. Что же касается пользы народной, то эта мера вряд ли давала народу гарантию против злоупотреблений графа; скорее она давала графу еще большую власть, позволяла притеснять народ и как помещику, и как чиновнику. Позже, в феодальную эпоху, обе власти, землевладельческая и государственная, окончательно сосредоточились в руках графов, для которых их звание стало наследным. В постановлении сейма мы видим, таким образом, шаг к усилению власти магнатов и к ослаблению королевской власти. Последняя была ограничена еще во многих других отношениях. Так, королю запрещалось принуждать к браку девицу, желавшую поступить в монастырь. Такое пострижение женщин, сопряженное в большинстве случаев с переходом их имущества к монастырю, бывало очень неприятно королям, так как уменьшало число светских владений и короли теряли часть доходов. И если раньше короли старались и могли помешать девице уйти в монахини, то теперь это право у них отнимается. В деле назначения епископов королю предоставляется одно право утверждения; в самом же выборе участвует только клир. Обеспечивается право убежища за монастырями, и произносится проклятие на тех, кто посягнет на духовное имущество, разоряя таким образом бедных, в пользу которых оно будто бы употребляется. В связи с этим ослаблением королевской власти во время Хлотара II начинает приобретать особенное значение должность майордомов (*maior domus*), или палатных мэров.² Сначала они, подобно графам, назначались королем, были вполне королевские чиновники, но со времен Хлотара II они являются как бы представителями магнатов.

История майордомата принадлежит к числу самых серьезных и спорных научных вопросов. Многие ученые старались определить значение

должности и причины такого возвышения майордомов. Главная трудность заключается в определении их первоначальной должности, потому что майордомы появляются в первые годы правления Меровингов, хотя на первый план выдвигаются только со времен Хлотара II и лишь после Дагоберта³ получают первенствующее положение. Некоторые ученые полагали, что майордомы первоначально заведовали королевскими имуществами и раздачей бенефиций и ленов дружинникам. Но это мнение уже потому не выдерживает критики, что, как мы знаем, при Меровингах не было раздачи ленов, то есть раздачи земель в условное владение, дружинники королевские получали землю в полную безусловную собственность. Самое вероятное мнение, что должность майордома произведена от старой должности *seniscalkcus*, или «сенешалов» (от *scalk* – слуга). Сенешалы заведовали всеми чиновниками, лично служащими королю, и вместе с тем экономической частью управления двора. Впоследствии, с возвышением королевской власти, должность сенешалов получила большое значение и их стали называть более приличным латинским именем – майордомов. Очевидно, что майордомы заняли место сенешалов, потому что с тех пор, как они начинают выдвигаться на первый план, о сенешалах уже нет и помина. Теперь они уже заведуют не только придворной службой, но и доходами с королевских поместий, становятся, по-нашему, обер-гофмейстерами и министрами двора. При Меровингах было в обычае, что дети магнатов воспитывались при королевском дворе; надзор за ними также принадлежал майордому. Иногда он назывался *maior domus regiae*. Эта должность должна была ставить его в близкие отношения как к королю, так и, в особенности, к королеве, на которой также лежало управление двором. Так объясняется то значение, которое должен был приобрести майордом во время малолетства королей, когда правили их матери, обыкновенно избиравшие майордомов из людей, особенно им преданных. Мало-помалу должность, прежде исключительно зависевшая от короля, становится исключительной принадлежностью аристократии, а потом, в Австразии, даже принадлежностью одной фамилии. Это фамилия Арнульфингов или Пипинидов, сделавшаяся позже родоначальницей королевской династии Каролингов.

Родоначальник фамилии – Арнульф, епископ Мецский. В союзе с Пипином I он помог Хлотару II достигнуть престола в Австразии.⁴ Пипин выдал свою дочь Беггу за сына Арнульфа – Ганзегизеля (или Ансегизила), и, таким образом, Пипин Старший по женской линии тоже может считаться родоначальником Каролингов. Фамилия эта происходит из самого сердца Австразии. Как видно из многих грамот, имения их находились около Меца и происхождение фамилии, следовательно, чисто немецкое.^A Мы не остановимся подробнее на жизни и деятельности Хлотара II, тем более что, в сущности, сведения о нем в истории очень скудны. Единственный его современник, историк Фредегарий, хвалит сына Фредегонды за то, что он отличался терпением, был обучен наукам (*litteris eruditus*), боялся Бога, щедро награждал монастыри и духовенство (ес-

^A Арнульф Мецский погребен в Меце в церкви Св. Апостолов; он причислен к лику святых.

clesiarum et sacerdotum magnus munerator), охотно подавал милостыню бедным, ко всем был благосклонен и во всем обнаруживал благочестие. В то же время Фредегарий отмечает два недостатка: он страстно занимался охотой на диких зверей и слишком поддавался внушениям жен и дев; за это он вызывал порицание со стороны своих лейдов (leodes), то есть вассалов (Fredegar. Cap. 42).⁵ Хлотар II любил жить в Нейстрии, в окрестностях Парижа, например, в Марли, Боннейле (Bonneuil), Компьене и других местах. Сюда собирались к нему магнаты из различных королевств; иногда они позволяли себе разные грубые выходки и насилия, но Хлотар умел с ними справляться. Так, однажды во время пребывания короля в Клиши воспитатель его младшего сына Хариберта,⁶ Германдар, был убит другим магнатом, неким Егиноном из рода Саксов (genere Saxopogum); началось волнение, магнаты хотели по-своему расправиться с убийцей, но в дело вмешался Хлотар. Он приказал убийце удалиться in monte Merioie и объявил, что суда следует искать только у него (Fredegar. Cap. 55). Впрочем, не всегда удавалось ему справляться со своевольной аристократией. Собственно, Хлотар был королем только Нейстрии; Бургундия и Австризия достались ему только после смерти Брунегильды. Оба государства были, однако, недовольны тем, что король жил постоянно в Нейстрии и что у них нет собственного короля; особенно была недовольна Австризия. Когда подросток Дагоберт, старший сын Хлотара, отец должен был послать его королем в Австризию (с 623 года), где последний правил с помощью Арнульфа Мецского и майордома Пипина.⁷ Вскоре после того он едва не поссорился с отцом. По приглашению Хлотара Дагоберт прибыл в Клиши близ Парижа; отец женил его на Гомоструде, родной сестре его собственной жены и королеве. На третий день после заключения брака Дагоберт потребовал у отца, чтобы ему отдано было все то, что прежде принадлежало к Австризии, а теперь было удерживаемо Хлотаром. Тот сначала не соглашался, и произошел большой спор. Наконец, обратились к посредничеству: избраны были 12 знатных франков, в числе их Арнульф, которые решили препирательства между сыном и отцом. Хлотар уступил те земли, которые принадлежали к Австризии раньше, исключая владения на юг от Луары и в Провансе (Gesta Dagoberti. Cap. 13//Migne. Patr. lat. T. XCVI, 1399).

В 629 году умер Хлотар II и Дагоберт опять соединил под своей властью все три королевства. Своему младшему брату Хариберту, которому Хлотар II не выделил никакого удела, Дагоберт дал только несколько областей на юге Луары с городом Тулузой. Попытку магнатов, стремившихся доставить Хариберту королевское положение в Бургундии, он подавил в самом начале, явившись лично в Шалон и хладнокровно приказав убить Бродульфа, дядю Хариберта, стоявшего во главе его партии. В 632 году Хариберт, владевший Аквитанией и только что усмиривший восстание басков (васконов, гасконцев), внезапно умер. Современники имели подозрение, что виновником его внезапной смерти был Дагоберт, но это сомнительно. Теперь Дагоберт не имел соперников и правил один. Он оставил после себя долгую славу. Фредегарий называет его «Франкским Соломоном». Со времен Дагоберта Париж окончательно и навсегда делается столицей Франкского государства.

С перенесением столицы в Париж источники соединяют некоторую перемену, происшедшую в нравах и жизни Дагоберта. Прежде его хвалили за справедливость и щедрость к монастырям; теперь он становится жаден, корыстолюбив, иногда захватывает у монастырей их имущества. Впрочем, это не мешало ему строить новые монастыри, из которых особенно замечателен монастырь Сан-Дени (Saint-Denis). Легенда рассказывает по поводу его основания следующее. Однажды в отсутствие Хлотара Дагоберт, будучи в ссоре с его майордомом, велел его высечь и обрить, но, боясь отцовского гнева, искал убежища в той часовне, где уже однажды спаслась лань, преследуемая им во время охоты. Когда же разгневанный отец послал людей, чтобы схватить его, посланные остались на месте, будучи парализованными. В память своего спасения Дагоберт построил на месте часовни знаменитый впоследствии монастырь в честь своего патрона св. Дионисия (об этом можно читать в «Деяниях короля Дагоберта» // *Migne. Patr. lat.* Т. 96). По словам Фредегария, кроме перемены в его отношениях к монастырям, в самих нравах короля произошла перемена к худшему: несмотря на христианство, он имел трех жен и много наложниц, и в этом отношении – сравнение его с Соломоном оправдано.⁸

Гораздо важнее другие обстоятельства жизни Дагоберта, которые заставили его опять раздробить соединенное Франкское государство – это именно борьба со славянами. Во время Дагоберта в области Одера и Вислы, в тех местах, которые первоначально служили местом поселения лангобардов, готов, вандалов, уже утвердились племена славянские; эти славяне появляются под именем венедов. Померанию начинают наводнять массы ляхитского племени; в области средней Эльбы появляются сорбы (теперешние сербы лужицкие), область германского племени маркоманнов делается местом поселения чехов, далее селятся моравы, и, наконец, область восточных Альп – Штирия, Каринтия, Хорутания, Крайна – также наводнена славянским элементом: это теперешние словенцы. Эти западные славяне много терпели от соседства с чуждым им кочевым народом – аварами или обрами, бывшими тюркского происхождения. Авары поселились сначала в нынешней южной России, а потом придвинулись к Дунаю, подчинили многие племена славянские и вместе с ними разорили Византийскую империю, угрожали Константинополю; затем они стали кочевать и пришли в Паннонию (нынешняя Венгрия). О первых их столкновениях с франками у нас шла речь выше. Не только южные славяне, но и западные, называемые у Фредегария вендами, вынуждены были покоряться господству тюркских кочевников. Известно сказание Фредегария о том, что авары заставляли сражаться славян за себя, а добычу брали себе.⁹ Наша русская летопись тоже рассказывает о жестокостях авар в обращении с подвластными им славянами, за что и покарал их Бог, истребив до единого (откуда и пословица русская – «Погибоша, аки обре»).¹⁰ Вместе с аварами славяне являются на Балканский полуостров, осаждают Солунь, угрожают Константинополю. Особенно знаменито их нашествие 626 года при царе Иракии, известном своими войнами с Сассанидами. Они осаждали в то время Константинополь с суши, а с противоположной стороны, в Халкедоне, стояли новоперсы. Константинополь спасся только благодаря тому, что построенный славя-

нами флот из судов-однодеревок погиб. Это поражение нанесло первый удар могуществу аваров. Скоро после этого у них наступили междоусобия, которыми и поспешили воспользоваться славяне для восстановления своей самостоятельности. Восстали также жившие по соседству с франками славяне Чехии, Моравии и полабские. Во время Дагоберта образуется первая славянская большая держава, включившая в себя на огромном пространстве земли множество мелких славянских племен, объединенных основателем этой державы – Само.

По словам Фредегария, Само был франкский купец, который вел обширную торговлю со славянскими землями. Он оказал славянам большие услуги в борьбе с аварами, из-под власти которых они стремились освободиться, за что и был избран их королем.¹¹ Впрочем, некоторые славянские историки полагают, что Фредегарий не прав и что самое имя Само доказывает, что этот знаменитый объединитель славян не был иностранного происхождения.

Поводом к началу борьбы между славянами и франками послужило следующее происшествие, передаваемое Фредегарием.¹² Несколько франкских купцов, отправившихся в Славянскую землю, были убиты вендами, прельстившимися их богатством. Дагоберт, зная о франкском происхождении Само, послал к нему послов требовать удовлетворения. Само изъявил претензии на разные обиды и со стороны франков и для решения этого спора предложил послам назначить *placitum*, то есть суд. Посол Сихарий, однако, не согласился, считая Само и его народ подвластными Дагоберту и потому обязанными ему подчиняться. Не отрицая первого обстоятельства, Само продолжал настаивать на своем. Произошло крупное объяснение; когда Сихарий необдуманно заявил, что они, франки, рабы Божии (то есть христиане), не могут судиться с собаками (язычниками), то Само вышел из себя и воскликнул: «Если вы слуги Божии, а мы – только собаки, то и будем кусать вас по-собачьи». Таким образом и началась борьба. Впрочем, трудно поверить Фредегарию, что Само действительно считал свой народ подвластным франкам; во всяком случае, он мог лишь лично себя считать в некоторой зависимости от Дагоберта. Славянские учены в особенности восстают против этого мнения, защищаемого немцами.

Дагоберт отправил против славян большое войско, состоявшее из трех отрядов: франкского, баварского и лангобардского. Первые два отряда одержали победу, но третий отряд был совершенно разбит при Вогастибурге, в Чехии (631 год).¹³ Это поражение имело очень вредные последствия для Франкского государства. Венды начинают распространять дальше свои владения, вторгаются в Тюрингию, Баварию и держат в постоянной тревоге восточные границы государства; в подвластных франкам народах это поражение также вызвало движение. Дагоберт принужден был освободить саксов от той, хотя и небольшой, дани (в 500 коров), которую они платили ему, и назначить в Тюрингию особенного герцога. Эта же постоянная опасность со стороны внешних врагов заставила Дагоберта дать особого короля Австразии в лице своего малолетнего сына Сигиберта (634–656) под руководством майордомов: сначала Ганзегизеля, сына Арнульфа Мецского, а потом Гримуальда, сына Пипина

Старшего.¹⁴ Таким образом, в борьбе со славянами выступает в первый раз на историческом поприще фамилия майордомов, фамилия Каролингов, или, вернее, пока только Пипинидов.

Преемники Дагоберта, умершего в 639 году, были люди совершенно незначительные, и можно их не упоминать. Сигиберт все время правил не самостоятельно, а после его смерти, в 656 году Гримуальд провозгласил королем своего собственного сына.¹⁵ Но эта попытка оказалась преждевременной почти на сто лет. Уважение к фамилии длинноволосых королей¹⁶ было еще так сильно в умах, что большинство магнатов возмутилось против этой узурпации. Гримуальд с сыном были схвачены и отправлены к Хлодвигу II, королю Нейстрии,¹⁷ который, конечно, не пощадил их и велел казнить. Хлодвиг II делается вновь королем над всеми тремя государствами, но после его смерти государство опять раздробляется. На некоторое время могущество Пипинидов сломлено, звание майордомов на время переходит в другие руки, к Эброину и епископу Autun (Отен) – Леодегару.¹⁸ С течением времени, однако, австразийская фамилия майордомов успела оправиться и внук Арнульфа Мецского и Пипина, сын Ганзегизеля, Пипин II Геристальский опять является самостоятельным майордомом Австразии после победы над своими противниками при St. Quentin в 688 году. Пипин даже не принял титула майордома Австразии, а назвался «*Dux et princeps Austrasiarum*», как будто бы он был таким же самостоятельным правителем, как, например, герцог Аквитанский. Некоторые ученые полагают, что после победы при St. Quentin он сделался майордомом всех трех королевств, но это мнение неверно. Он был только правителем Австразии, в остальные же государства послал своих сыновей.¹⁹ Когда сын его Гримоальд, правитель Нейстрии, приглашенный отцом, был убит одним фризом из личной мести, то Пипин назначил своим преемником малолетнего сына Гримоальда, под опекой своей жены Плектруды. Этот знаменательный факт, возможность поставить во главе управления малолетнего и опекаемого министра, показывает, что должность майордомов считается уже не только наследственной, но даже каким-то титулом. Впрочем, эта комбинация Пипина II оказалась неудачной. По смерти Пипина в 714 году вдова его Плектруда не могла справиться с делами, и магнаты стали восставать против нее. Государство очутилось опять в очень затруднительном положении; в это время южным границам Франции стали угрожать новые, гораздо более серьезные враги – арабы, уже уничтожившие королевство вестготов. Та же участь грозила и Франкскому государству в случае продолжения смуты, так как сами Меровинги были совершенно бессильны. Спасителем государства в это время является Карл Мартелл (*Martellus* – Молот).

Карл Мартелл был также сын Пипина Геристальского, но не от Плектруды, а от другой жены.²⁰ Мачеха относилась к нему недружелюбно, и он даже жил в некотором заключении в Кельне, но в это затруднительное время ему удалось вырваться; он появляется в Австразии, где находит себе приверженцев, затем одерживает победу над своими противниками в Нейстрии (при Vincy близ Камбре в 717 году); становится майордомом Австразии. А в 720 году, соединившись с герцогом Аквитанским

Ойдо (Odo, Eudo), он становится майордомом Нейстрии и Бургундии. Таким образом Карл Мартелл пошел дальше своего отца и сделался правителем всех трех государств лично, а не через своих сыновей. Как видно, это был человек замечательный и очень энергичный, хотя ему тогда было только около 26 лет. О самом его характере сохранилось весьма мало известий.

Мы должны теперь обратиться к событиям правления Карла Мартелла и особенно отметить четыре важнейших пункта:

1) победа Карла Мартелла над сарацинами между Туром и Пуатье в 732 году, чем он и остановил их дальнейшее движение. В 718 году сарацины уже были разбиты Львом Исавром,²¹ императором византийским, но это несколько не умаляет заслуги Карла Мартелла;

2) следствием необходимости постоянно обороняться от мусульман и, благодаря этому, вследствие осязательного недостатка в средствах для ведения борьбы является второй — очень важный — момент в деятельности Карла Мартелла: секуляризация церковных имуществ;

3) победа над сарацинами обратила на Карла Мартелла внимание римского первосвященника. Со времени Карла Мартелла начинается тесная связь между Каролингами и римским престолом. Папы, отложившиеся от Византии вследствие возникшего там иконоборства, обращаются к Карлу Мартеллу за помощью против лангобардов;

4) у папы и Карла Мартелла связь поддерживается благодаря общим интересам (покровительство миссионерам, преимущественно англосаксонским). Карл Мартелл и его преемники понимают, что успехи христианства могут упрочить их власть среди постоянно возмущающихся германских варваров. Эти желания их вполне сходятся с желаниями римских первосвященников, для которых весьма важно подчинение такой обширной страны влиянию Римской церкви. Вследствие покровительства обеих этих могучих сил деятельность англосаксонской христианской миссии является в высшей степени плодотворной.

* * *

В начале VII века Европе начинает грозить новая опасность со стороны последователей исламизма. Успехи этой религии, одушевленной, фанатической, распространявшей свое учение мечом и огнем, были страшны для всего тогдашнего христианского мира. Магометане завоевали Дамаск, Иерусалим, Антиохию, Александрию, словом — всю Сирию и Египет, так же как и часть Малой Азии. В начале VII века распространение ислама начало двигаться на запад, в Европу, в двух направлениях: 1) овладев Сирией и Палестиной, приморской областью древних финикийян, и получив, таким образом, возможность завести флот, мусульмане с моря двинулись к Константинополю, осадили его, но были отбиты в 718 году императором византийским Львом Исавром;* 2) через Египет

* Интересно и небесполезно будет проследить, хотя в коротких словах, причину, почему мусульманское завоевание и подчинение так успешно шло в упомянутых выше местностях и почему оно было остановлено в Галлии на Западе и в

Константинополе на Востоке. Очевидно, что приписывать факт успешного отражения новой и страшной силы одной только личной заслуге и энергии императора и майордома, невозможно, хотя оба они представляли из себя людей, действительно замечательных по личной храбрости, силе воли и энергичному характеру, но все же причину этого факта должно искать глубже. Чтобы яснее уразуметь все это, необходимо иметь в виду характер того племени, которое осталось господствующим на Востоке: характер греков. Греки являлись перед нами далеко не таким миродержавным народом, как римляне. Поселяясь где бы то ни было, они основывали свои торговые колонии, но не выказывали никакого стремления подчинить подвластные им племена своему культурному господству, ограничиваясь эксплуатацией их в торговом отношении. Римляне, напротив, стремились к политическому и культурному господству. Величавость, важность, строгость римлянина по отношению к покоренным совсем не существовала в поведении живого, более подвижного, но и несравненно более своекорыстного грека. Соответственно с этим и власть последних над побежденными племенами была слабее власти римлян. Племена, которые мы имели здесь в виду, жители Сирии, Месопотамии, Египта, управляемы были сначала римлянами, а потом – новой Римской империей – Византией. Сначала благодаря влиянию Александра Македонского, покорившего мечом эти страны; впоследствии благодаря культурным преданиям и, наконец, римскому праву власть восточной империи продолжала держаться в этих странах. Но когда предания, постепенно ослабевшие, исчезли совсем, то оказалось, что греки не в состоянии поддержать и упрочить свой авторитет подобно тому, как это делали римляне. Наиболее осязательными следы греческого влияния остались здесь в развитии философии и религиозно-догматических вопросов, то есть той стороны жизни, к которой был наиболее склонен созерцательный греческий ум.

Благодаря тому на Востоке во многих отношениях почва была приготовлена для восприятия исламизма; еще в V веке мы замечаем там сильную оппозицию против новоримлян-византийцев; настоящая ненависть арабов-сирийцев к грекам ведет свое начало еще с этого времени греческого господства. Не менее того тяготились им и копты – жители Египта. Оппозиция всех этих племен выражалась преимущественно на догматической церковной почве в области религиозной мысли. Формулировки христианских истин, в особенности догмата о двух естествах Иисуса Христа, подали повод к выражению племенной ненависти. Особенно ярко представляется она после III (431 год) и IV Халкедонского собора (451 год), на котором определено было признать в Иисусе Христе две природы – Божескую и Человеческую. Собор этот подал повод к вражде, продолжающейся веками и начавшейся непосредственно после собора. Десять тысяч монахов Сирии и Палестины возмутились, не желая признавать постановление IV Вселенского собора; они явились огромной толпой к патриарху, требуя, чтобы он проклял самый собор, и когда он не согласился на это, то – низложили его. Волнения, сопровождающиеся кровопролитием и буйствами, повторились и в Египте и продолжались до времени Юстиниана. Попытка примирения, сделанная при этом императоре (она состояла в том, что стали признавать в Иисусе Христе две природы, но одну волю), подала повод только к новым смятениям, и дело тянулось таким образом до императора Ираклия, до появления исламизма. Некоторое время казалось, что восторгствует учение Халкедонского собора, но появление нового еретического учителя-проповедника, успевшего собрать возле себя последователей монофизитства, произвело вновь церковный раскол; явилась так называемая якобитская церковь (по имени этого проповедника) с тремя центрами: первый обнимал Месопотамию, Сирию и Палестину с патриаршеством якобитов в Антиохии. Второй центр был в Египте, где особенно резко выразилось совпадение национальной вражды к грекам с религиозным протестом. Последо-

по северному побережью Африки они добрались до Карфагена, который прежде был столицей Вandalьского царства, а со времени Юстиниана принадлежал империи. Здесь арабы нашли себе помощь у местного берберского населения, которое было одинакового с ними семитического происхождения. Отсюда же нетрудно перейти в Испанию, через которую когда-то вандалы пробрались в Африку. В это время арабы были еще исполнены самого пылкого религиозного одушевления и фанатизма, и их дальнейшему движению следовало противопоставить единодушный мужественный отпор (предполагают, что все движение арабов совершалось по единому плану). Но к такому отпору были совершенно не подготовлены вестготы. Вестготское, или Толедское царство в Испании было построено на очень шатких ненадежных основаниях и всегда носило в себе зародыш внутренней слабости. Сначала причиной последней была религия. Вестготы были ариане, и это обстоятельство ставило их в неприязненные отношения к местному населению. В начале VII века эта рознь прекратилась: один из вестготских королей принял католичество,²² вестготы мало-помалу совершенно романизировались, они забыли свой язык и приняли испорченный латинский язык. Но зато у них появился новый источник постоянных смут – вопрос о престолонаследии. У вестготов не было, подобно франкам, одной фамилии, из которой непременно должны были избираться короли. Фамилии знатных магнатов постоянно спорили друг с другом за престол, и подобные же смуты происходили и в то время, когда появились в Испании арабы. Последним много помогали и евреи; на этот народ, достигший в то время в Испании большого богатства и могущества, были в VII веке жестокие гонения, и не мудрено, что они видели в соплеменных им арабах избавителей. Но главную причину успехов последних следует, без всякого сомнения, искать в раздорах у самих вестготов. Мы не будем подробно рассказывать историю завоевания Испании. Существует рассказ, принимаемый некоторыми учеными за легенду, но которому, однако, вполне верит Ранке.²³ По этому рассказу арабы были приглашены в Испанию графом Юлианом из личной мести к

ватели монофизитского толка стали прямо именовать себя коптами (египтянами) и свою церковь – Коптской, как бы желая выразить этим свое полное разобщение с греками. Последователи Халкедонского собора приняли имя мелкитов, что прямо означает «роялистов», «приверженцев императора»; и действительно, большая часть их состояла из чиновников, поставленных империей. Коптская церковь из ненависти к грекам отвергла греческий алфавит и упразднила греческий язык при богослужении, ясно выказывая таким образом совпадение вероисповедных тенденций и национальной вражды. Третьим центром монофизитства была Армения, где ранее всего начали созываться соборы и крепче всего утвердился монофизитский толк. В то время Армения представляется разделенной между двумя великими державами – Греческой империей и государством Сасанидов; и здесь, как во всех областях, подвластных грекам, начинаются волнения, попытки оппозиции, сопровождаемые нередкими кровопролитными столкновениями.

Таким образом, ненависть к грекам подготовила почву для восприятия исламизма. Что касается северо-западного побережья Африки, равно как и Испании, то и здесь мусульмане нашли своих одноплеменников: в Африке – берберов, в Испании – евреев, облегчивших им дело завоевания.

королю Родериху за бесчестье, нанесенное последним его дочери. Он сам передал крепость Цеуту, правителем которой он был, вождю арабов – Тарику (от имени последнего произошло название Гибралгара – *Gebel-al-Tarik* – гора Тарика). Сражение между арабами и вестготами произошло при Херес-де-ла-Фронтера в 717 году; Родерик пал, а вместе с ним пало и Вестготское царство.²⁴ Арабы водворяются в Испании надолго, а вместе с ними и арабская образованность.*

Арабы не ограничились Испанией, но тотчас после ее завоевания вторглись в Галлию через узкие проходы Пиренеев. Они овладели Аквитанией и даже заняли значительную часть Нейстрии. В это-то критическое время спасителем Франции явился Карл Мартелл. Решающая битва между Туром и Пуатье в 732 году определила судьбу не только одной Франции. Здесь дело шло о том, кому достанется победа в Европе: исламу или христианству, которому грозила неминуемая гибель в случае покорения арабами франков. Карл Мартелл своей победой решил дело в пользу христианства и этим стяжал себе неуязвимую славу. О ходе сражения мы имеем известия от одного испанского епископа.²⁵ По его словам, Карл не нападал первый, а напротив, семь дней ждал нападения. В восьмой день было сражение. Пешие франки из Австразии и Нейстрии не нападали, а сплотились и отбивались от арабской конницы. Северные люди (войско франков), поражая арабов мечами, показали, по словам епископа, большую стойкость; он сравнивает их с ледяными глыбами. Следующей ночью арабы бежали.

Поражение при Пуатье остановило движение арабов; дальше они уже не пошли. Они только овладели некоторыми городами Галлии, именно: Нарбонной, Арлем (735) и Авиньоном, для обратного приобретения которых Карлу Мартеллу пришлось много бороться. Перейдя в наступательное движение, он в 736 году отвоевал Арль; в 739 году – Нарбонну, опору могущества арабов.

Борьба с мусульманами и некоторые другие династические соображения заставили Карла Мартелла прибегнуть к мере, аналогичной с мерой Льва Исавра (но это сопоставление обыкновенно не делается) и навлекшей на него неудовольствие сильного своим влиянием тогдашнего духовного сословия.²⁶ Имея необходимость в войске и не имея возможности собирать его из народных ополчения, Карл прибегнул к так называемой секуляризации церковных имуществ, то есть к превращению их в светские владения. Он сажал на эти земли (Рот вычислил, что уже в конце VII–начале VIII века треть всей земли принадлежала духовенству)²⁷ военных людей, обязанных за это являться по призыву на войну с людьми и вооружением.

Отсюда ведут начало нового рода королевские пожалования – бенефиции и лены, разнящиеся от прежних тем, что сопровождаются обстоя-

* Впрочем, не следует приписывать новую цивилизацию только арабам; собственно, это была цивилизация и образованность персов. Ренан в своем сочинении «Ислам и наука» доказывает, что наука арабская не есть их собственная, а перешла к ним от покоренных ими народов, преимущественно персов (*Ренан Э. Ислам и наука. М., 1888, русский перевод с французского*).

тельством личной службы королю. Бывало и так, что такие обстоятельства давались не только королю и майордому, но и прежнему владельцу земли, то есть монастырю, которому вновь пожалованный должен был платить известный ежегодный оброк. Таким образом получили начало нового рода подчиненные отношения, зародыш отношений феодальных.

Не ограничиваясь простой раздачей земли светским лицам, Карл Мартелл возводил в сан аббатов, даже военных людей своих, так что в это время появилось немало аббатов, гораздо лучше умевших владеть мечом и конем, чем крестом и Евангелием, которое они нередко даже не умели читать. Таким образом, умственный и нравственный уровень франкского духовенства, и до того времени невысокий, понизился еще более. Новые аббаты не оставляли своего прежнего образа жизни, ездили на охоту, сражались; многие даже не расставались со своими супругами. Мера эта восстанавливала против Карла Мартелла франкское духовенство очень сильно; к оппозиции принадлежал и знаменитый Бонифаций. Впрочем, подобные же меры принимались и на Востоке. Император Лев Исавр также преследовал монахов, отбирал имущество у монастырей;²⁸ Карл Мартелл по крайней мере не преследовал икон. Таким образом, Карл Мартелл, хотя и победитель мусульман и защитник церкви, подвергается сам опале этой самой церкви.

§ 1. Секуляризация церковных имуществ

Относительно секуляризации церковных имуществ существуют две теории: Рота и Вайтца. П. Рот полагает, что церковные имущества были секуляризованы наследниками Карла Мартелла, а именно Карломаном и Пипином. С секуляризацией Рот связывает возникновение ленного начала. Майордомы, говорит он в «*Geschichte des Beneficialwesens*» (1850), некоторые из отобранных земель передали разным гражданским лицам на особых условиях, послуживших началом ленных и феодальных порядков Франкского государства. Таким образом, возникновение феодальных порядков Рот приписывает одной административной мере; насколько это справедливо – увидим ниже.

Есть одна песня – «видение Евхерия», – в которой говорится, что Карл Мартелл был наказан Богом за то, что ограбил церкви и монастыри. Известно, что монастыри давали свои *precaria*, иногда – *verbo regis* (по приказанию короля), следовательно, не добровольно. Об этих «*precaria*» и «*verbo regis*» Карла Мартелла упоминается в «видении Евхерия». Затем, продолжает песня, при сыновьях Карла Мартелла – Карломане и Пипине – «*precaria verbo regis*» были возвращены монастырям. Рот считает документ «видение Евхерия» подложным и меняет роли Карла Мартелла и его сыновей, как увидим это в своем месте. Мнению Рота по этому вопросу противоречит всем теориям, существовавшим до него. Рота поддерживают многие ученые. Против него восстает Вайтц.

По мнению Вайтца²⁹ и большей части исследователей, пользование церковными имуществами со стороны светских лиц существовало еще при Карле Мартелле. Действовал он, говорят, двумя путями: или назначал военных людей главными распорядителями епископских имуществ

(к этому побуждали его многочисленные войны), или – брал земли церквей и отдавал их светским лицам на правах прекария и бенефиций; это и есть собственно «*precaria verbo regis*».

Такой факт секуляризации церковных имуществ при Карле Мартелле мы могли бы сопоставить с положением церковных имуществ в северо-западной России после унии.

Через тринадцать лет после первого своего труда, в 1863 году, П. Рот написал новое сочинение «*Feodalität und Unterthanenverband*» (Weimar, 1863), в котором с большой решимостью доказывал свою мысль о секуляризации церковного имущества при Карломане и Пипине. Вскоре из-под пера Рота появилась и отдельная статья «О секуляризации церковного имущества при Карломане и Пипине», помещенная в Мюнхенском историческом журнале.³⁰ С новым сочинением выступил против него и Вайтц, но он отчасти уже сделал в нем уступку теории Рота, так как принял термин Рота «*divisio*» вместо прежнего «*secularisatio*», когда шло дело о времени Карломана и Пипина. Самое же понимание этого термина неодинаково у Рота и у Вайтца. Рот говорит, что *divisio* означает то, что часть церковного имущества была взята в пользу государства, а часть оставлена церкви. В этом смысле «*divisio = secularisatio*». Вайтц же под *divisio* подразумевает тот факт, что церковные имущества хотя и возвращались церкви, но не все и не безусловно. В этом смысле *divisio = restitutio*. Так радикально расходятся эти два великие ученые: один и тот же факт Рот понимает в смысле секуляризации, а Вайтц – в смысле реституции. Интересно проследить спор ученых, основание разногласий, что мы и сделаем. Георг Кауфманн в «*Die Säcularisation*» изложил весь ход спора.³¹

§ 2. Основание и сущность спора Рота с Вайтцем по вопросу о секуляризации церковных имуществ у франков

Первый документ, понимаемый различно Ротом и Вайтцем, есть известие о двух аббатах одного монастыря (Вандри). О двух разных аббатах – под двумя разными годами – говорится одно и то же: что они расточили церковные имущества людям короля. Известие о первом аббате относится к времени Карла Мартелла (ум. в 714). Рот считает подобный образ действий Карла Мартелла делом совершенно случайным и известие о нем – ничего не значащим. Относительно же известия о втором аббате времен Карломана и Пипина Рот утверждает, что в этом известии говорится о «*precaria verbo regis*». Таким образом, одно и то же место Рот понимает совершенно различно. Второе основание спора Рота с Вайтцем дается постановлениями национальных германских соборов. Эти соборы, технически называемые «синадами», можно назвать и национальными имперскими сеймами; собиравшиеся на них высшие представители духовенства и высшие государственные чины – как, например, король – рассуждали об искоренении ересей, о низложении духовных лиц за худое поведение и о церковных имуществах. Рассуждения о церковных имуществах и важны для решения занимающего нас вопроса. Сохранившиеся постановления соборов относительно церковных имуществ

Ротом и Вайтцем понимаются по-разному, как и вышеприведенные известия о двух аббатах.

Сохранились же постановления двух национальных соборов времен Бонифация, которые проходили под его председательством. Эти постановления: 1) *Capitulare* или *Capitularium*^A *Karlomani* principis – собора в Австразии в 742 году; 2) *Capitularium Litinense* или *Listinense* – собора в 743 или 744/45 году, во всяком случае, следовавшего непосредственно за первым национальным германским собором. В-третьих, есть свидетельство о постановлениях и третьего собора, бывшего в Нейстрии под председательством Пипина, но время созыва собора неизвестно. Постановления первых двух соборов в издании Gengler³² соединены в один капитулярый (*Capitulare Karlmanni principis cardinatum a. 743*). Вот постановления этих соборов о церковных имуществах: 1. *Capitulare Karlmanni principis* (a. 742): «§ 1: Et fraudatas pecunias³² ecclesiarum ecclesiis restitimus et reddidimus. Falsos presbyteros et adulteros vel fornicatores diaconos et clericos de pecuniis ecclesiarum abstulimus et degradavimus et ad poenitentiam coegimus». Из начала постановления – именно из слов «церковные имущества, присвоенные (нами) незаконным образом, мы определили возратить церквям» – следует, что имущества эти были секуляризованы государством ранее этого собора, но Рот с этим не согласен. Он ставит приведенную нами фразу в непосредственную связь со следующими за ней словами того же постановления: «ложных пресвитеров, прелюбодеев или блудников, диаконов и клириков мы сняли и низложили и принудили к покаянию и под «*fraudatae pecuniae ecclesiarum*» понимает церковные имущества, вверенные именно этим, недостойным своего звания, духовным лицам. Но такое сочетание Рота не выдерживает критики: тогда лишним было бы слово «*reddidimus*» – «восстановили и возвратили». Это выражение «*restituimus et reddidimus*» указывает на то, что уже с самого начала царствования сыновей Карла Мартелла началось возвращение церковных имуществ церквям. Рот же самым простым объяснением этого выражения считает то свое мнение, что здесь два слова употреблены для обозначения одного и того же понятия. Он основывается на том, что уже в следующем году появляется новое соборное постановление о возвращении церквям их имуществ, поэтому, говорит Рот, и «*reddidimus*» первого собора не может быть понимаемо в смысле «возвращение имущества церквям». Но невозможно, с одной стороны, чтобы одно и то же понятие выражалось в двух разных формах, а с другой – Карломан в постановлении первого собора, говоря «*reddidimus*» – на чем Рот и основывает свое мнение, – говорит антиципацию, другими словами, говорит пролептически (так называют эту форму выражения грамматически); свое намерение Карломан считает уже делом совершившимся. Что это могло быть так – доказал фактами Oelsner.³³ Он указывает на аналогичное постановление относительно одного монастыря, где за выражением «*reddidimus*» следует прибавка, что уже отправлены послы для приведения этого постановления в исполнение.

^A Постановления национальных соборов называются капитуляриями потому, что они составлялись из нескольких глав (*capitula*) с несколькими заголовками.

Итак, Рот на основании постановлений собора 742 года отрицает существование секуляризации церковного имущества до этого собора, говоря, что Карл Мартелл ставит только *falsos presbyteros*, подобных тем, с которыми в Германии вел борьбу блаженный Августин. Но объяснение Рота не выдерживает критики, и потому предпочтение на основании того же постановления собора в 742 году должно быть отдано мнению старинному, к которому из новейших ученых примыкает и Вайтц.

2. *Capitulurium Listinense* (в Эстинне, а. 743) говорит подробно о церковных имуществах. § 2: «Statuimus quoque cum consilio servorum Dei et poluli christiani, propter imminetia bella et persecutiones ceterarum gentium quae in circuiu nostro sunt, ut sub precario et censu aliquam partem ecclesialis pecuniae in adiutorium exercitus nostri cum indulgentia Dei aliquanto tempore retineamus, ea conditione, ut annis singulis de una quaque casata* solidus, id est duodecim denarii, ad ecclesiam vel monasterium reddatur; eo modo, ut, si moriatur ille, cui pecunia commodata fuit, ecclesia cum propria pecunia revestita sit. Et iterum, si necessitas cogat ut princeps iubeat, precarium renovetur et rescribatur novum. Et omnino observetur, ut ecclesiae vel monasteria pecuniam et paupertatem non patiantur, quorum pecunia in precario praestita sit; sed it paupertas cogat, ecclesiae et domui Dei reddatur integra possessio».

Сущность постановления такова: «По совету рабов Божьих и народа христианского мы, вследствие опасностей, угрожающих государству, постановили, чтобы некоторая часть церковных имуществ, для пособия нашему войску, с разрешения Бога, еще на некоторое время была удержана за нами (королем) *sub precario et sub censu* с тем условием, чтобы каждый участок ежегодно вносил в пользу своей церкви или своего монастыря один золотой солид (12 денариев); причем если умрет тот, кому поручено церковное имущество, то последнее должно быть возвращено церкви, и только в случае крайней необходимости оно, по велению короля, может быть удержано за светскими лицами».

В этом соборном постановлении, относящемся ко времени сыновей Карла Мартелла, Павел Рот видит секуляризацию церковных имуществ. По мнению же других исследователей, постановления второго собора (743) указывают на то, что часть церковных имуществ была раньше предоставлена светским лицам. В этом случае вся суть спора основывается на объяснении слова «*retineamus*». Рот старается придать глаголу «*retinēre*» в этом месте значение глагола «*tenēre*». Правда, «*retinēre*» — «часто» не значит «всегда». Рот признает это и сам? и, например, в выражении «присвоить и удержать» он не считает «*retinēre*» равным «*tenēre*». Объяснение Рота тогда только сделалось бы достоверным, когда бы он доказывал, что в данном случае «*retinere = subtrahere*», встречающемуся в позднейших актах.

Что *retinēre* в нашем месте не равно *tenēre*, это видно из письма папы Захария³⁴ от 745 года к Бонифацию: «Если ты и не добился возвращения (*reddeditum*) всех церковных имуществ церквям, благодари Бога и за то, что им, то есть церквям, предоставлены оброки (*census*)». Таким

* По другому чтению — *cassata*.

образом, мнение Рота при разборе постановлений собора 743 года оказывается несправедливым.

Из других источников Рот ссылается на капитулярий 744 года и 755 года – Пипина. Рот говорит, что если бы взгляд Вайтца был справедливым, то во втором капитулярии (755) вместо *demittebatis* читалось бы *reddidit*, а в первом (744) вместо *sabtradtis* читалось бы *sabtractis*. Но чтения *sabtractis* ни в одном экземпляре этого памятника нет. Таким образом, это возражение Рота рушится само собой.

В общих рассуждениях Рот ссылается, между прочим, на грамоту папы Захария к франкам после собора 745 года, называя ее благодарственной. Но нужно заметить, что в этой грамоте нет особой благодарности к франкам за возвращение церкви ее имущества. Грамота Захария по основному содержанию не благодарственная, а скорее увещательная: Захарий в ней просит франков, чтобы они помогали Бонифацию в его миссионерской деятельности в Германии. Кроме этой грамоты тем же папой была послана особая грамота и франкским майордомам; в ней он благодарил их за устройство церкви. Это также говорит не в пользу мнения Рота. Было бы гораздо ближе к истине, если бы Рот доказал, что в постановлениях всех соборов речь идет только о смещении лживых пресвитеров и прелюбодеев с церковных земель. Но и это было бы только возможным объяснением этих постановлений, а не самым объяснением. Такую возможность объяснения Рот допускал сначала и сам, и только увлечение спором развило его мнение до той крайности, к какой он приходит в своих выводах. Таким образом, Рот, великий ученый новейшего времени, несмотря на всю глубину и широту своего ума, в этом случае допустил искажение факта. Нам уже известно, что церковные имущества были отбираемы в пользу государства еще при Карле Мартелле и что при сыновьях его происходит уже реституция церковных имуществ. Но нельзя не признать, что вместе с «*restitutio*» церковных имуществ при Карломане и Пипине дело идет и о секуляризации их. Таким образом, и противники Рота оказываются не совсем правы, когда признают только реституцию имуществ во времена Карломана и Пипина.

Вот основания нашего мнения. В Капитулярии 743 года мы читаем: «*Statuimus... ut sub precario et censu... aliquam partem ecclesialis pecuniae in adiutorium exercitus nostri... aliquanto tempore retineamus... Et iterum, si necessitas cogat, ut princeps iubeat, precarium removetur et rescribatur novum...*» Из этих слов видно, что для пособия войску «король мог удержать» данный участок, принадлежащий церкви, за собою на дальнейший срок; таким образом, каждый отдельный случай – удержать или нет *precarium* за государством – зависел от воли Карломана. Из того же капитулярия 743 года мы имеем следующие данные для решения занимающего нас вопроса: получавший участок 1) обязывался военной службой королю, 2) должен был по отношению к церкви исполнять условия, определяемые королем, – должен был платить церкви один золотой солид аренды, и 3) в случае смерти получившего участок, король, смотря по обстоятельствам, мог передать этот участок другому светскому лицу. При таком понимании дела и «*retinēre*» в постановлении собора 743 года получает смысл, и именно следующий: выставляя на вид только одну сторону дейст-

вия, «*retinēre*» с фактической стороны означает здесь «владеть», а с юридической — «получать во владение». Итак, до 742 года, то есть до времен Карломана и Пипина, некоторые церковные имущества были фактически в руках короля, хотя это владение и не было освящено юридическими постановлениями; с 742-го же года король владеет ими уже юридически, по всему праву. Поэтому до 742 года справедливо и выражение про секуляризованные церковные имущества — «*pecuniae fraudate*», после же 742 года о тех же имуществах говорится уже «*quae demissa sunt*».

Итак, с 742 года, с одной стороны, продолжается фактическое владение от имени короля церковным имуществом, а с другой, вследствие новых постановлений, является и владение юридическое. Другая разница между прежним и новым владением состояла в том, что прежние условия владения были весьма разнообразны; теперь же — все владельцы должны были совершить одинаковый акт, платить одинаковый «чинш» (*census*) и одинаково признавать зависимость от короля.

Постановления Пипина от 755 года служат как бы дополнением к постановлениям Карломана. Но замечается и разница между ними. У Карломана говорится, что часть церковных имуществ удерживается королем «*in adiutorium exercitus*»; Пипин же оставил монастырям только необходимое для их содержания. Впрочем, это различие при осуществлении соборных постановлений на практике сглаживалось и едва ли было заметно. Точно так же и другие различия не должны были иметь особенно важного значения.

В 745 году состоялся общий сейм Карломана и Пипина. Решения этого собора не сохранились для истории. О них можно только догадываться по сохранившейся грамоте Захария к Бонифацию. Вероятно, Бонифаций требовал на соборе полного возвращения церкви ее имуществ. Когда требование Бонифация собором не было удовлетворено, то он в письме к папе жаловался, вероятно, на такую несправедливость. Ответное письмо папы на жалобы Бонифация сохранилось. В нем папа успокаивает Бонифация, говоря, что последний должен и за то благодарить Бога, что церкви были предоставлены собором оброки с церковных имуществ. На соборе же 745 года, вероятно, были подтверждены постановления первых двух соборов о возвращении церкви ее имуществ. Как видно уже из неоднократных постановлений по этому предмету, реституция частей церковных имуществ продолжалась очень долгое время. К тому же убеждению приводит нас и тот факт, что Бонифаций много раз обращался к вопросу о реституции церковного имущества. С другой стороны, еще продолжалось назначение светских лиц на церковные имущества; на такой образ действий королей неоднократно жалуется и Бонифаций. При чем слово «*retineamus*» (в Капитулярии 743 года) не должно вводить нас в заблуждение общности этого права; право секуляризации обнимало все церковные имущества, и если бы, например, нашелся монастырь, у которого не были бы взяты в пользу государства земли, то и в таком случае король мог отобрать их. К этому же приводит нас и то постановление, которое мы читаем во втором § Капитулярия 743 года: «*Statuimus... ut si moriatur ille cui pecunia commodata fuit, ecclesiae cum propria pecunia revestita sit*». Отсюда видно, что король не только мог сохранить за свои-

ми светскими подданными то, что уже получено ими, но что он мог действовать и вновь так же, смотря по обстоятельствам.

Итак, соборные постановления о церковных имуществах касаются не одних только секуляризованных, но и всех вообще церковных имуществ. Для полного ознакомления с вопросом о реституции, а вместе с тем и о секуляризации церковных имуществ нужно обратить внимание на заметки двух летописей: «*Annales alamannici*» под 751 годом, вслед за известием о вступлении на престол Пипина: «*res ecclesiarum discriptas atque divisas*». «*Annales Bertiniani*» – около того же времени и отличаются универсальным характером: «*St. Bonifacio, quibusdam episcopatibus vel medietate (по-германски значит половина), vel tertias rerum (reddidit – так дополняет П. Рот) promittens postmodum omnia restituere*».

Известия этих анналов нужно понимать вместе – именно, в том смысле, что они говорят об одном и том же факте. Некоторые ученые, а в том числе и Вайтц, говорили, что *restitutio* имеет отношение только к некоторым церковным имуществам, но из названных нами анналов мы видим противное тому: именно, мы узнаем из них, что сделана была опись всем церковным имуществам. Итак, в 751 году описаны были все владения монастырей и епископов, причем тем из них, которые находились в стесненных обстоятельствах, была возвращена половина, а некоторым – треть их земель. За описью последовала и «*divisio*», но с сохранением за прежними светскими владетелями их владений. П. Рот в объяснении этого вопроса ближе к правде, чем его противники.

Таким образом, из обозрения всего вопроса о секуляризации и реституции церковных имуществ мы приходим к следующему выводу.

Карл Мартелл допускает частные случаи секуляризации церковных имуществ (*falsos presbyteros, precaria verbo regis*). Но так как насилию (*fraudi*) нужно было сообщить характер законности, а Карл Мартелл не мог этого сделать, то – только при его сыновьях король получает легальное право распоряжаться церковными имуществами. Такое право он получает под видом реституции, причем мера эта считалась общей, и осуществлялась она очень широко в пределах государства.

РЕФОРМА ФРАНКСКОЙ ЦЕРКВИ БОНИФАЦИЕМ В СВЯЗИ С ОБЩЕЙ ИСТОРИЕЙ ХРИСТИАНСКОЙ ЦЕРКВИ. СОЮЗ МАЙОРДМОВ С ПАПАМИ

Время Карла Мартелла является весьма важным еще и в том отношении, что при нем выступает на сцену центральное историческое лицо того времени, знаменитый апостол Германии – Винфрид, более известный под именем Бонифация. В деле христианской проповеди св. Бонифаций имел предшественников в Германии в лице кульдеев; имена двух из них, наиболее известных и наиболее древних – св. Колумбана и св. Галла, – мы уже знаем.¹ Правда, следы деятельности их заглохли, но со времени Пипина Среднего Геристальского^A христианские миссионеры

^A Пипин Геристальский, майордом Австразии (679) и фактически правитель Нейстрии (с 687).

вновь начали появляться в языческих областях Германии. Бавария и Тюрингия услышали слово Божие из уст проповедников, о более знаменитых и важных из коих мы должны сказать несколько слов. В начале VI века представителем Иро-Шотландской церкви и христианским миссионером здесь является Фридолин, проповедовавший в Вогезах, около Констанца и Гларуса, ученики его были и в Аугсбурге.² Из биографии св. Северина, действовавшего в Придунайских областях и в Баварии, мы узнаем, что довольно много христианских церквей существовало в его время в этих местностях; Бавария и Норик, города Пассау и Регенсбург были уже просвещены словами христианской проповеди.³ Передвижение народов, наплыв язычников-германцев в эти страны уничтожил совершенно христианство. Нужны были новые деятели для его восстановления, и они являются сначала опять в лице кульдеев, потом в лице англосаксонских проповедников. В начале VI века является один аббат из Люксейе, затем в середине VII века св. Эммерам, епископ города Пуатье, проповедовавший среди германских язычников в продолжение трех лет.⁴ Но главная заслуга в деле просвещения этих областей принадлежит св. Руперту Вормскому.⁵ Полагают, что он был кульдей, так как его учение во многом разнилось от учения Римской церкви; но вероятнее будет предположить, что он – франк. Приглашенный баварским герцогом Теодорихом, он в 696 году прибыл в Регенсбург, крестил самого герцога и множество народа и основал церковь, сделавшуюся центром епархии (Зальцбург). Преемником его в деле христианской проповеди является епископ Виргилий, положивший также начало обращению славян Карантанских (Хорутанских).⁶ Относительно его нет никакого сомнения, что он был кульдеем, так как следы порядков Кульдейской церкви ясно сохранились в постановлениях и церковной дисциплине его Баварской епархии. В Зальцбурге, Регенсбурге, Пассау – везде во главе церкви стоял аббат монастыря, и ему были подвластны все чины духовной иерархии.

Не только в Баварии, где впоследствии действовал св. Бонифаций, но и в обширной области Тюрингии он имел своих предшественников в лице кульдеев. Во время Дагоберта, около 650 года, явился с двенадцатью спутниками (подобно св. Колумбану) Килиан, называемый апостолом Тюрингии.⁷ Главным центром деятельности знаменитого проповедника стал Вюрцбург, где он основал епархию; здесь же окончил он жизнь свою, убитый то ли по приказанию жены герцога, ревностной язычницы, или – самого герцога. Так же как у гроба св. Галла, здесь собираются ученики Килиана; это место сделалось предметом поклонения и вместе с тем центром, из которого распространялось христианство. Из Вюрцбурга ученики Килиана проникли далее по направлению к Маасу и Эльбе (в теперешние Саксен, Веймар и др.). Все это необходимо было уяснить для того, чтобы понять деятельность св. Бонифация, имеющую всемирное историческое значение. На эту деятельность существует два взгляда: первый, который можно назвать католическим (в книге Зайтерса – *Seiters. Bonifacius der Apostel der Deutschen. Mainz, 1845*); выражение другого взгляда, который может быть назван крайним протестантским, находим мы в исследовании об иро-шотландской миссии у Эбрара

(*Ebrard. Die iroschottische Missionskirche des VI–VIII Jahrhunderts. Gutersleide, 1873*). Последний автор особенно пристрастно относится к Кульдейской церкви и хочет принизить значение деятельности Бонифация, говоря, что он пожинал плоды там, где не сеял, что явился не столько первым апостолом Германии, сколько деятелем на уже расширенной чужими трудами почве. Иногда даже он называет Бонифация папским шпионом. Эблар говорит, что Бонифаций явился к Виллиброрду во Фрисландию, чтобы выследить, что делает последний, и донести в Рим, он выставял его также и шпионом майордомов франкских.⁸ Очевидно, что этот взгляд чересчур резкий и крайний. Гораздо более умеренно вышедшее в 1875 году сочинение Вернера (*Werner (Werner) Bonifacius der Apostel der Deutschen u. die Romanisierung v. Mitteleuropa. Leipzig, 1875*). Он относится к вопросу более критически; его сочинение состоит в рассмотрении двух противоречащих мнений – Зайтерса и Эбрара. Сам же Вернер склоняется в пользу кульдеев и говорит, что Бонифаций все же не был первым апостолом Германии, а если и был, то – первым папистским апостолом, а не вообще первым проповедником христианства. В этом есть, конечно, доля правды, но вообще здесь имеет место нерасположение автора-протестанта к Бонифацию, надолго подчинившему Германию власти Римского папы.

Винфрид по происхождению своему был англосаксом; родился около 678 или 680 года в королевстве Уэссекс (в нынешнем Киртоне, в Девоншире). Он происходил из знатного рода и предназначался родителями к светской деятельности. Имя Винфрид было дано ему только при крещении. Однако, весьма рано он почувствовал склонность к монашеской жизни и, несмотря на увещания отца и семьи, поступил в монахи. Долгое время местопребыванием его был Нутсельский монастырь (около Саутгемптона); здесь под влиянием англосаксов Винфрид усвоил глубокое уважение к Римской церкви. Благодаря тому, что англосаксонская церковь усвоила культурные предания кульдеев, благодаря школам, существовавшим в епархии, Винфрид изучил греческий и латинские языки и вообще приобрел значительные научные познания. Уже ранее его англосаксонская церковь выставила знаменитого ученого и писателя – Беду Достопочтенного. Бонифаций пошел по следам своего предшественника, горячо принялся за науку и скоро сделался знаменитейшим учителем Англии. Одно время он заведовал монастырской школой, и это оставило глубокие следы в его дальнейшей деятельности; в это время он завязал много знакомств и связей, которые деятельно поддерживал впоследствии.

Следует обратить внимание на то, что Винфрид придавал большое значение образованию женщин. Многие из знатных женщин того времени были ученицами его, и впоследствии, когда он был миссионером в далеких лесах Германии, память их о нем выражалась различными подарками и письмами, которые он получал с родины. В свою очередь он писал им различные наставления и даже иногда давал поручения; так, одна из учениц по его просьбе должна была переписать золотыми буквами послание св. апостола Петра. Бонифаций думал, что в таком случае вид Священного Писания произведет большее впечатление на варваров-языч-

ников, или, что тоже весьма вероятно, просто хотел доставить своей ученице возможность угодить ему. Из сохранившейся переписки св. Бонифация можно видеть, что сношения его со многими знатными англосаксами Уэссекса и других королевств не прекращались и после отъезда в Германию. В письмах сохранились следы профессорской деятельности Винфрида: он любит употреблять мифологические сравнения, украшать свою речь риторическими фигурами. Мы знаем, что некоторое время он даже преподавал латинскую грамматику (как она тогда понималась), в Ватиканской библиотеке недавно найдены составленные им учебники. О методе и успехах его преподавания можно судить по следующему рассказу. Однажды он пришел к одной знатной даме, внук которой только что прибыл из придворной королевской школы. За обедом юноша должен был прочитать отрывок из какого-то латинского автора. Когда он с успехом исполнил это, Бонифаций спросил, понимает ли он то, что прочел, и если понимает, то пусть переведет. Юноша ответил утвердительно, но вместо ожидаемого перевода снова начал читать то же самое наизусть. Тогда Бонифаций, видя, что перевод на родной язык этого места был для юноши затруднителен, сам перевел и объяснил ему непонятное. Впечатление, произведенное этим толковым пояснением, было столь сильно, что юноша не захотел отстать от Винфрида и действительно сделался впоследствии учеником его и даже преемником по делу христианской проповеди у фризов; это был Григорий, впоследствии епископ Утрехтский.⁹ Факт этот показывает, какое впечатление произвели толкования Винфрида и как успешно должно было быть его пояснение Св. Писания варварам. Однако в его научном образовании были и некоторые пробелы. Впоследствии и Бонифаций имел ученый спор с Виргилием Зальцбургским по поводу антиподов. Как известно, мнение о существовании антиподов было распространено еще в древние времена, но позднее — осуждено церковными писателями Лактанцием и Тертуллианом.¹⁰ Тем не менее Виргилий, как передовой, более образованный человек, был убежден в справедливости мнения древних. Это-то и послужило предметом вышеозначенного спора, разрешенного, по крайней мере с формальной стороны, папою, подвергшим осуждению мнение Бонифация. Но во всяком случае, несмотря на недостаточность знания в области наук естественных, ученость Винфрида стоит высоко и приобрела ему множество учеников и последователей.

В 716 году он, впрочем, оставил свои учения и учебные занятия и отправился к ирландскому миссионеру Виллиброрду, обращавшему фризов; но после кратковременного пребывания там возвратился в свой монастырь, а потом отправился в Рим. Какие были причины, заставившие его предпринять это путешествие, — неизвестно. Писатели крайнего протестантского направления особенно обвиняют его за этот поступок. Если только он хотел следовать влечению своего сердца и отдать себя служению делу христианской проповеди, то зачем было ездить в Рим, просить санкции папы, когда и без того путь к язычникам был открыт для всякого христианского миссионера. Вероятно, говорят они, Винфрид искал власти и опоры для нее в авторитете римского первосвященника. Как бы то ни было, но в Риме он выхлопотал себе особое разрешение для пропове-

ди Евангелия среди германцев. После поездки в Рим он вначале появляется в Тюрингии, но — ненадолго; полагают, что он потерпел здесь неудачу, встретясь с кульдейскими проповедниками. Кульдейские миссионеры никогда не просили у папы разрешения на проповедь Евангелия среди язычников. Тогда он снова воротился к Виллиброрду во Фрисландию, в которой, при помощи франкских майордомов, христианство уже сделало большие успехи. Труднее видеть в пребывании Бонифация возле Виллиброрда предвзятую цель шпионства, хотя вместе с тем непонятно, почему так долго он оставался там (три года) и только в 722 году, когда Виллиброрд при смерти своей хотел сделать его своим преемником не только по миссии, но и по епископству, он отказался от этого и возвратился в Тюрингию. Здесь он в первый раз появляется в тех областях, для которых впоследствии сделал весьма много: в области хаттов (гессов, ныне область Гессен). Проповедь здесь пошла успешно, но все же многого не мог он сделать, так как пробыл всего только один год и в 723 году опять отправился в Рим.

Это вторичное пребывание в Риме имеет весьма важное историческое значение;^A здесь принесена была им знаменитая присяга: на гробе св. Петра он дал папе Григорию II клятву в верности и повиновении римскому престолу в следующих знаменательных выражениях: «Я, Бонифаций, милостию Божией епископ, обещаю тебе, блаженный Петр, и твоему наместнику, блаженному Григорию и его преемникам, во имя Отца и Сына и Св. Духа, святой и нераздельной Троицы и во имя присущего здесь твоего святого тела — всегда сохраняя полную верность святой католической вере, оставаться с Божьей помощью в единении с этой верой, от которой несомненно зависит все спасение христианства; не содействовать, вследствие чьего-либо совета, чему бы то ни было, что вредит единству Великой церкви; и доказывать во всех отношениях мою верность, чистоту веры и полную преданность тебе и пользам твоей церкви, которой от Бога дана власть вязать и решить, и сказанному наместнику твоему и его преемникам. <...> И если я узнаю, что епископы действуют против древних правил Св. Отцов, я обещаю не иметь ни союза с ними, ни общения; мало того, обещаю удерживать (*prohibere*), если буду в состоянии, иначе тотчас извещу о том моего апостольского владыку. Если же (чего не дай Бог) я когда-либо по наклонности или случайно впаду в соблазн сделать что-либо вопреки вышеупомянутым обещаниям, то пусть я буду осужден на страшном суде, пусть подвергнусь казни Анания и Сапфиры,¹¹ дерзнув вас (апостолов) обмануть и скрыть от вас часть своего имущества. Я, Бонифаций, собственноручно написал сие клятвенное уверение и, положивши его на тело блаженного Петра, произнес согласно предписанию, призывая в свидетели и судьи Бога, клятву, которую обещаю сдерживать». Документ этот, очевидно, весьма важен; впрочем, он не новый и во многом списан с той формулы, которая существовала для присяги так называемых субурбикарных (подгородных — *sub urbe*) епископов, которые были подчинены Римскому папе как митро-

^A Тогда-то он переименовал, вероятно, свое англосаксонское имя Винфрид на одностороннее латинское Бонифаций (Винфрид — «тот, кто дает мир»).

политу, составляли часть его диоцеза. Различие состоит только в одном пункте; в той присяге говорится: «Если я узнаю, что кто-либо замышляет против республики (государства) и нашего светлейшего государя, я не буду в том участвовать (consentire)», и так далее. Изменение, следовательно, состоит в том, что вместо императора поставлен римский (папский) престол.

Итак, немецкая церковь, вследствие этой присяги, вступает в такое же отношение к папе, как церкви Италии, то есть в отношении непосредственной зависимости и подчинения. Папа получает в будущей епархии Бонифация те же права, которыми он пользовался в собственном своем диоцезе; неопределенное право патриарха преобразуется в более тесное и строго определенное право митрополита; другими словами – Германия делается римской церковной провинцией. В первый раз епископ, принадлежащий к франкской монархии, дает обет безусловного повиновения апостольскому престолу. Еще никогда ничего подобного не бывало. Франкские епископы пользовались полной автономией, а между тем теперь их товарищ в Германии сделался папским уполномоченным, слугой или чиновником. Особенно замечательно то место присяги, где и другие священники, не признающие преданий Римской церкви, признаются все-таки подлежащими суду ее. Здесь вновь видим указание на то, что и такие духовные лица были, и что Бонифаций уже встречал их в Германии. Очевидно, он имел в виду представителей Кульдейской церкви и здесь догадки Вернера и Эбрана справедливы. Бонифаций предвидел возможные столкновения с кульдеями; мы знаем, что он действительно имел их. Тем не менее было бы несправедливо утверждать, что он шел в Германию исключительно на борьбу с представителями Иро-Шотландской церкви, что он намеревался выступить там только как полемист, а не как проповедник христианства.

В 728 году Бонифаций, уполномоченный папой Григорием II пропагандировать христианство среди германского языческого населения, перешел во второй раз Альпы и направился, как известно, в Тюрингию и Гессен. Несомненное мужество проявил Бонифаций, когда близ Фрицлара (нынешний Гейсмар) при стечении многочисленной толпы язычников осмелился повалить священный дуб – остаток, вероятно, прежних священных рощ, служивших местом религиозных обрядов и жертвоприношений. Этот поступок должен был произвести сильное впечатление на народ, убеждая его в бессилии старых богов. Совершенно ложно, впрочем, было бы представление, что он должен был здесь бороться исключительно с язычеством, что деятельность его состояла преимущественно в истреблении священных дубов Водана и вообще древнего германского культа. Как видно из дошедших до нас писем самого св. Бонифация, он говорит гораздо больше о борьбе своей с ложными священниками, священниками-прелюбодеями (*adulteros*), как он сам их называет; вместе с тем ему предстояла не малая борьба с остатками языческих обычаев, в которых он упрекает христианское население этих областей. По словам его, христиане иногда продают в рабство детей своим соседям-язычникам для того, чтобы дети послужили для языческих жертв. Священники же не только не обращают на это должного внимания, но даже сами не ис-

полняют многих канонических правил, дозволяют браки в близкой степени родства и (что было преступнее всего в глазах римского священника) сами живут с женами, не исполняя весьма важного для духовных лиц обета безбрачия. Естественно, что свободный устав служителей Кульдейской церкви, не воспрещавший браки духовенства или, по крайней мере, терпевший это злоупотребление или общепринятый обычай, казался странным и вызывал неодобрение у подчиненного строгим законам епископа Римской церкви.

В одном из жизнеописаний Бонифация говорится о борьбе его против Клементя и Адальберта. Многие кульдеи, и в числе их Клемент, не хотели признавать никакой духовной иерархии и следовали правилу Ирландской церкви, по которому во главе миссии стоял аббат того монастыря, из которого вышли миссионеры, минуя, таким образом, непосредственную зависимость от епископа и, следовательно, от Рима. Адальберт заходил еще дальше. Он считал себя вполне законным епископом, хотя и был посвящен без всяких формальностей; он считал совершенно ненужным паломничество в Рим к мощам святых и апостолов, находил также бесполезным основывать церкви для мощей угодников. Сам он строил часовни на местах прежних языческих храмов, на полях или при источниках, куда к нему стекался народ. В основе учения Адальберта лежало признание возможности непосредственного общения Бога с людьми через Сына Божия. Учение это, на еретичность которого часто жалуется Бонифаций, несомненно отличалось глубиной. Наконец, он добился осуждения Клементя и Адальберта на соборе 744 года как еретиков. Однако, так как те продолжали свое дело, Бонифацию пришлось повторить осуждение на общем соборе франкских епископов в 745 году и прибегнуть к помощи Карломана. По распоряжению короля оба кульдея попали в заключение.

Итак, вместе с христианской проповедью и искоренением языческих обычаев Бонифаций ведет и усиленную борьбу с предшественниками своими в деле христианского просвещения Германии — кульдейскими миссионерами. За это особенно его обвиняют некоторые германские ученые (конечно, Эбхар еще более других). Если бы не было Бонифация, говорят они, если бы он не явился истребителем результатов предшествующей миссии, то учение Бриттской церкви, более мягкое, более снисходительное, чем строгий устав Рима, успело бы прочно утвердиться в Германии и она избежала бы того унижения, того разъединения, которым подверглась впоследствии.¹² Признавая в самом Бонифации благородное и возвышенное сердце, горячий энтузиазм, непреклонное желание успеть в задуманном деле, они тем не менее обвиняют его за результаты его деятельности и единственное извинение видят в том благотворном влиянии, в смысле культурном, которое оказала Италия на Германию вследствие сближения с ней путем церковных интересов.

Один существенный вопрос совершенно упускается из виду всеми исследователями этого факта, — не исключая и новейших, — вопрос о том, в чем заключалась сила Бонифация, почему восторжествовал он над Кульдейской церковью, столь многочисленной, столь прочно, по-видимому, утвердившейся в Германии? Положим, он имел поддержку в авторитете папской власти, но ведь авторитет этот не признавали ни кульдей-

ские миссионеры, ни — тем менее — германцы-язычники. Положим, наконец, что его поддерживали франкские майордомы, но ведь сами они держались совершенно независимо от Римской церкви; даже (как Карл Мартелл) отбирали церковные имущества и отдавали их своим дружинникам. Во всем этом, очевидно, еще нельзя видеть того, что давало Бонифацию силу против кульдейских проповедников. Одним из важных и несомненных преимуществ Бонифация перед кульдеями был язык, на котором он проповедовал. Кульдеи, говорившие, по всей вероятности, на своем родном языке, не могли так быстро усвоить язык своих германских слушателей и потому, надо полагать, не всегда были понимаемы ими. Бонифаций был англосаксонского происхождения, говорил языком, весьма близким к германским наречиям, что, естественно, облегчало ему дело проповеди.

Недолго Бонифаций действовал один в Германии. Вскоре после первых успехов его миссии, после первых утешительных писем на родину, целые толпы монахов и монахинь устремились в Германию; целые колонии проповедников и учительниц поселились в Гессене. Между прибывшими монахинями встречаем мы те же имена, которые можно найти в переписке Бонифация: Хунигильда (Chunigilt) и дочь ее Бератгита (Beratgit) явились в Тюрингию и стали известными учительницами и воспитательницами. Тем же занималась Текла (Thecla) в Китцингене и Оксенфурте, но наиболее замечательная из его учениц, пользовавшаяся высоким уважением Бонифация, была Лиоба (Lioba или Liobgytha). Под ее руководством образовался некоторый род академии женской, из которой вышел целый ряд отличных учительниц и матерей. Лиоба хорошо знала Св. Писание и латинский язык, на котором она свободно писала и говорила; она впоследствии сблизилась с супругой Карла Великого; после смерти (799) Лиоба была погребена в монастыре фульдском рядом с Бонифацием (*Arnold W. Deutsche Geschichte. II. Bd. I. S. 206*). Из монастырей, основанных учениками и помощниками Бонифация, замечательны: Фрицлар, Герсфельд, Амонебург в Гессене и особенно Фульдский, основанный его учеником и другом Штурмом; монастыри эти были центрами, откуда шла проповедь и много способствовали успеху миссионерской деятельности Бонифация.

От 723 до 727 года проповедовал он в Тюрингии. Нельзя сказать, что деятельность его там с самого начала имела блестящие успехи; напротив того, он сам в письме к папе Григорию II извещает его о незначительных успехах и, по всей вероятности, высказывает некоторые сомнения и колебания, ибо папа в ответ на это послание поощрял его продолжать начатое дело и не отступать. Теперь на пути его лежала земля, гораздо более близкая и родная ему, англосаксу, чем Тюрингия и Гессен, — земля бывших саксов. Но он не направился в эту страну; как бы в подтверждение того, что он действительно пожинал там, где не сеял, что он не хотел действовать на неподготовленной почве, он обошел эту страну и повернул на юг, в Баварию, приглашенный баварским герцогом Одилоном. В первый раз он явился на короткое время в 735 году; более внимательно он занялся этой страной с 738 года, когда прибыл сюда во второй раз. Бавария была гораздо более христианизирована, нежели Тюрингия, но

важнейшими центрами христианства являлись монастыри по ирландскому образцу; не было твердого порядка и организации. Задача Бонифация была чисто личная: на местном синоде он возвел аббатов Зальцбурга, Регенсбурга и Фрейзингена в сан епископов, в Пассау – утвердил бывшего там епископа. Здесь он совершенно не был миссионером, а только борцом за папские права против кульдеев – еретиков в его глазах. Здесь же произошла известная распря с Виргилием.

В 731 году папа Григорий II умер. В 732 году Бонифаций получил из Рима архиепископский pallium,¹³ а в 738 году Григорий III снова приглашает его в Рим, чтобы принять инструкции и папские полномочия для организации немецкой церкви. В этом последнем Бонифаций далеко превзошел кульдеев, которые за все время пребывания в Германии не сумели систематично и правильно организовать свою церковь с административной стороны. При Бонифации положено было начало строгому порядку в церкви, устроены епископства, находившиеся под непосредственным ведением архиепископа, который, в свою очередь, имел непосредственное сношение с Римом. Для Тюрингии предположено было епископство в Эрфурте (хотя позже его не стало, так как оно было присоединено к Майнцу); для южной Тюрингии (впоследствии Франконии) в области Майна решено было образовать епископство в Вюрцбурге; для Гессена – в Бюрабурге (Büraburg около Фрицлара) и, наконец, для Баварии – в Эйхштедте. Все это, очевидно, было заранее обсуждено в Риме, отмечено пунктуально, с большим тщанием и старательностью. Как организатор церкви среди германских христиан, Бонифаций действительно не имел себе подобного. Пока железная рука знаменитого майордома держала бразды правления, Бонифаций не выступал из пределов Австразии (Австразия обнимала тогда, кроме франкской Фрисландии, еще Гессен, Тюрингию, Алеманнию и Баварию). После 738 года он сначала занялся организацией баварской церкви; прежде всего объявил, что из всех епископов только один правильно поставлен. Герцог Одилон позволил ему посвятить еще трех. Прежние епископы не сразу уступали, из Британии, между тем, приходили новые; папа прямо увещал Бонифация остерегаться этих бриттов.

С 742 года (тотчас после смерти Карла Мартелла) Бонифаций организует церковь франкскую. Со времени Меровингов церковь эта порвала связь с Римом и была почти самостоятельна. Нравственная и церковная дисциплина в ней находилась в совершенном упадке; епископы и аббаты приобрели вид, скорее напоминавший светских владетелей и даже военных предводителей, чем смиренных служителей церкви. В «Деяниях» монастыря св. Вандриллы (St. Wandrille) находим мы характеристику одного из подобных священников – аббата Гидона. Он был начальником двух богатых монастырей, но ходил не иначе как с коротким мечом на боку, носил военный плащ вместо рясы и вовсе не думал о церковных правилах. Он выезжал из монастыря всегда со сворами собак, потому что ежедневно охотился и превосходно стрелял птиц из лука. Естественно, что подобные занятия духовенства не могли соответствовать настоящему призванию служителей алтаря и заставляли их совершенно забывать свои священные обязанности. Бонифаций и здесь является дея-

тельным организатором сначала австразийской, а потом и всей франкской церкви. Соборы духовенства Австрии не собирались уже в продолжение целых восьмидесяти лет. Стараниями Бонифация при Карломане был созван первый германский областной собор в 742 году (*Consilium Germanicum*).^А Этот собор,¹⁴ отправив предварительно папе римскому грамоту с изъявлением полной покорности, постановил: соборам собираться ежегодно; всем монастырям управляться только на основании правил св. Бенедикта Нурсийского; надзор над священниками и монахами поручен был епископам; церквам возвратить отобранные у них имущества; духовенству не охотиться и не принимать личного участия в войнах и походах. Тут же были осуждены разные суеверия и остатки язычества, еще крепко хранившиеся в населении, носившем имя христиан. Было принято постановление против кульдеев: «*Falsos presbyteros et adulteros vel fornicatores diaconos et clericos, de pecuniis ecclesiarum abstulimus et degradavimus et ad poenitentiam coegimus*».¹⁵ Очевидно, что под «*falsi et adulteri*» разумеются здесь кульдеи, которых Бонифаций всегда обозначает подобными терминами. Так что собором 742 года Бонифаций достиг полной победы над своими противниками в пределах Австрии и ввел окончательно римско-католический порядок.

Известно, что вскоре после собора, летом 742 года, в Баварии и Аламании возникло страшное восстание. Эббар¹⁶ на основании того, что исторические источники совершенно не указывают причины, которые могли возбудить это восстание, хочет видеть в нем последствие принятых собором решений. По его мнению,¹⁷ герцоги Теодбальд Аламанный и Одилон Баварский, видя твердое намерение Карломана провести в жизнь решения собора и в их землях, отчасти зависящих от гех Франконии, опасались, что вмешательством своим в церковные дела Карломан вообще мог угрожать их самостоятельности. Кроме того, несмотря на все усилия Бонифация, Бавария все-таки оставалась отчасти кульдейской, а Одилон явно покровительствовал и симпатизировал ирландским миссионерам.

Среди аламаннов кульдеи имели не меньше уважения. Поэтому оба герцога взялись за оружие; но Карломан победил аламаннов, принудив их дать заложников мира; Одилон же оказался счастливее: ему удалось отбить нападение франков. В 743 году Карломан предпринял снова поход против Одилона, но тогда аламанны отпали от него и подали помощь баварскому герцогу. И все же Одилон был побежден и бежал в Тирольские Альпы, а Теодбальд скрылся в аламанных Альпах; пятьдесят два дня победители-франки опустошали Баварию и, наконец, захватили самого Одилона и повезли его во Францию. Однако здесь герцог нашел союзника — сильного Гунольда Аквитанского. Подобно Баварии и Аламании в Аквитании было много кульдеев, ей угрожала опасность со стороны франкских миссионеров. Гунольд поддержал Одилона, когда тот высту-

^А Еще раньше папа Григорий III указывал Бонифацию на необходимость созвать собор в Баварии, но из-за противодействия герцога Одилона собор так и не был созван. Только при Карломане, явно державшем сторону пап и занимавшемся церковными делами страны, желание папы и Бонифация могло исполниться.

пил против Карломана, а с другой стороны саксы ворвались в пределы Австразии. Карломану пришлось отказаться от дальнейших преследований Теодбалда и Одилона. Это дало возможность баварскому герцогу в союзе с аламанными снова выступить против франков в 744 году. Карломан, наконец, заключил с Одилоном договор, по которому, среди прочих условий, кульдейский аббат – епископ Виргилий был назначен на кафедру в Зальцбурге.

В Нейстрии предположено было устроить три епископства: в Реймсе, Руане и Сансе. Бонифаций обратился к папе с просьбой о паллиуме для новых епископов, если дело устроится. Таким образом Галльская церковь становится непосредственно подчиненной папе; но некоторое время спустя Бонифаций прислал папе новое известие, а именно, что епископы от приема паллиумов от него отказываются. Еще более важное поражение потерпел Бонифаций в вопросе, лично до него касавшемся. Для архиепископской кафедры первоначально избран был свободный город Кельн. Бонифаций дал знать папе о согласии Пипина; но когда тот нарек его Кельнским архиепископом, майордом передумал, к немалому огорчению Бонифация, который жаловался папе и говорил, что он лучше предпочитает остаться без постоянной кафедры, чем принять предлагаемый ему Майнц. Однако папа успокоил его и нарек архиепископом Майнцским, соблюдая свое (или приписываемое себе) право назначать епископов.

Итак, в 745 году Бонифаций сделан был архиепископом Майнца, причем ему подчинены были не только Аламанные епископства – Страсбург, Шпейер, Утрехт, но некоторое время и Кельн. Несомненно, что он старался не только о формальном, внешнем подчинении церквей, но и об утверждении в них римского канонического права. Организаторская деятельность св. Бонифация, труды по устройству церковного порядка и дисциплины имеют огромное и важное значение. Он был теперь сам епископом франкской церкви и должен был подчиняться распоряжениям политических властей; но это его не тяготило, более всего мучило то, что многие «недостойные» епископы, заслужившие быть низложенными за свою вполне мирскую жизнь, все-таки оставались на своих местах и что он, по своей должности, обязан был сноситься с ними. Другое огорчение происходило для него из самого сближения между королем франков и папою. Чем теснее и живее становились их прямые отношения, тем менее было необходимо посредничество Бонифация. Самые важные дела решали без него – его архиепископская власть оказывалась одним пустым титулом. В споре с Кельнским епископом он даже не решился сослаться на то, что Кельн подчинен ему. Странное впечатление производит одно его теологическое послание того времени: Бонифаций стал осторожным, боязливым и колеблющимся. Как будто о чем новом, он спрашивает папу, он, тридцать лет проповедовавший германцам, «что следует думать об их обычае есть гусей, аистов, зайцев, бобров, лошадей». Он спрашивал даже: «когда можно есть ветчину». Папа отвечал: «Св. Отцы не оставили на этот счет никакого постановления; но так как ты спрашиваешь, то советую есть ее только вареную или копченую, а не вареную только после Пасхи».

Бонифаций часто думал о своей кончине; он желал умереть мучеником, хотя, с другой стороны, желание не было особенно пламенно; в последние годы он спрашивал папу, «позволено ли спасаться бегством, когда нападут язычники». В 752 и 753 годах он, впрочем, был опять между язычниками: в Гессене и Тюрингии они сожгли до тридцати церквей; нужно было их вновь выстроить и восстановить. Подобного рода была и причина, заставившая его отпроситься во Фрисландию. В 754 году мы опять видим его в этой стране, где еще в молодых годах он являлся помощником Виллиброрда. Как видно из биографии Бонифация (написанной по рассказам учеников Виллибальдом¹⁸ и переписанной в XI веке монахом Фульдского монастыря Отлоном),^A он отправился к фризам с большим количеством провоза, и, между прочим, было 52 человека вооруженной свиты. Некоторые немецкие ученые обвиняют Бонифация в этом, желая видеть в вооруженных людях военную силу, при помощи которой проповедник намеревался завоевать Фрисландию, а вовсе не принять там венец мученичества. По другим рассказам известно, однако, что его проповедники взяли с собой погребальные одежды и что сам он, отправляясь в путь, оставил завещание. Хотя все это могло быть следствием понятной предусмотрительности, ибо он был уже в преклонных годах, но тем не менее нельзя отрицать, что путешествие и цель его противоречат мнению тех, выставляют Бонифация только как гонителя и врага Кульдейской церкви. Так или иначе, но вопрос о ближайших соображениях, побудивших Бонифация идти к фризам, не может быть решен с полной удовлетворительностью; во всяком случае, он являлся здесь как архиепископ, а не как миссионер. Придя к фризам, Бонифаций, по словам биографа, остановился возле Доккума (Doksum) на реке Бортне и послал учеников разбить шатры, желая здесь подождать тех из новообращенных фризов-христиан, которые должны были принять миропомазание. И здесь, следовательно, подобно тому, как в Гессене и Тюрингии, он является не как первый миссионер, а как организатор церкви, утвердитель христианства. Когда наступил назначенный для конфирмации день, то ожидаемые св. епископом люди «не как друзья, но как враги, не как новые чтители веры, но как новые палачи», по словам того же биографа, ворвались в лагерь и умертвили св. Бонифация и всех спутников его. Тело его перенесено было сначала в близлежащий Утрехт, а потом в монастырь Фульдский, который и до нашего времени служит местом соборов и совещаний для католических епископов.

Св. Бонифаций, отправившийся из Британии в Италию, чтобы получить благословение папы для проповеди христианства среди германских язычников, а затем явившийся при дворе франкского майордома с рекомендательными письмами Римского епископа, положил начало будущему союзу папы с франкскими майордомами. Чтобы проследить эти отношения, их развитие и, наконец, действительное заключение союза между двумя силами — духовной и светской, мы должны обратиться несколько назад, к Италии в эпоху пап Григория II и Григория III.¹⁹

^A Текст у Pertz'a в Monum. Germ. Hist. Script. T. II. S. 331–353, 357–359.

* * *

Затруднительное положение Рима в это время уже отчасти известно нам. Мы знаем, что Рим и его первосвященник, стесненные лангобардами (управляемыми знаменитым королем Лиутпрандом),²⁰ не могли, да отчасти и не желали рассчитывать на помощь и опору византийского императора-иконоборца и должны были искать помощи в другом месте. Мы не будем теперь подробно рассматривать политику папы в это тяжелое время, а остановимся только на выдающихся событиях.

В 728 году император-иконоборец Лев Исавр попытался свои эдикты против икон провести и в Италии. Однако здесь запрещение икон вызвало большое негодование и возбудило народное восстание. Кроме религиозных причин в основе неприязни лежало и другое: византийский император стал римскому народу совершенно чужд. Когда Лев Исавр приказал экзарху Равенны схватить папу и отправить его в Константинополь, то римляне и лангобарды не допустили этого (хотя прежде подобные насильственные меры сходили с рук императорам; так, один из предшественников Григория II, папа Мартин, был силой схвачен и отправлен в ссылку в Херсонес).²¹ Они заняли дорогу, ведущую из Равенны в Рим, не пропуская никого в Римскую область (дукат). Объявлена была прямая война между Византийской империей и папством. Григорий созвал собор в Риме,²² на который явились соседние епископы, возбуждал их к сопротивлению, делал через них воззвание к народу. Под влиянием папы жители Равеннской области и Пентаполя формально отложились от экзарха, предали его церковному проклятию вместе с господином, пославшим его, и объявили, поднявши вверх оружие, что они положат жизнь, пожертвуют кровью и имуществом для защиты папы, которому угрожают убийством. Греческие чиновники везде были изгнаны, их место заняли вожди, которые встали во главе движения. Религиозное воодушевление соединилось с пробуждением национального чувства. Народ даже хотел провозгласить своего императора, который бы повел итальянцев на Константинополь и наказал бы Льва Исавра. В Равенне был убит экзарх Павел. Дукс Энгилляртус, шедший с войском из Неаполя, встретился с римской милицией, был схвачен в плен и казнен.

Так далеко не хотел и не мог идти папа Григорий II. Отказаться совершенно от империи, отложиться от императора — не значило ли это отдаться в руки лангобардам? Путь они давно сделались католиками, пусть в настоящую минуту они являются вместе с коренным итальянским населением защитниками папы, но — папа уже привык к своему положению почти независимого правителя в Риме и дукате и не хотел отказать от приобретенной самостоятельности, тем более что лангобарды были весьма ненадежными союзниками.

В 728 году Лиутпранд, король-католик, защитник папы, захватил укрепленный город Сутри к северу от Рима, принадлежащий Римскому дукату. Что же значило это? Это значило, что лангобардский король готов защищать папу, как духовного владыку, но вовсе не признает за ним каких-либо политических прав. Он был союзником папы против императора и воспользовался этим случаем, чтобы взять город, принадлежащий

императору. Понятно, что папе Григорию было крайне неприятно подобное близкое соседство лангобардов. Он желал вернуть Сутри, выпросить его во что бы то ни стало у Лиутпранда. Но от чьего имени и в силу чьего права он мог бы предъявить подобное требование? Вот здесь-то и обнаруживалась опять необходимость или выгода зависимости от императора. Тем не менее умный епископ нашел выход: «Непрерывными просьбами, увещаниями и дарами, — говорит биограф его, — Григорий побудил наконец короля воротить Сутри», лишенное уже всяких оборонительных средств, в виде «дара апостолам Петру и Павлу» (*Vita Greg.*). Лиутпранд уступил, но это ему было неприятно; охлаждение отношений и отчуждение повели короля к примирению с экзархом и Византией. Когда против него восстали герцоги Беневента и Сполето, он заключил формальный союз с Равеннским экзархом; условие договора состояло в том, что экзарх должен помочь ему покорить возмутившихся герцогов, король же, в свою очередь, поможет византийцам смирить папу Григория и принудить к покорности (в политическом смысле) Византии. В 729 году соединенное греко-лангобардское войско вторглось в Сполетскую область. Герцоги сочили свое дело проигранным и принесли присягу покорности королю. Отсюда Лиутпранд вместе с экзархом двинулся к Риму и расположился лагерем на севере города, в виду городских ворот. Что же сделал Григорий в таком затруднительном положении? «Без оружия, — как говорит его жизнеписание, — в епископской одежде, явился к Лиутпранду папа, представил ему всю неестественность союза с греками (еретиками) и успел так подействовать на короля, что тот бросился к его ногам, обещая ему безопасность и защиту, отправился вместе с ним к гробу апостолов и здесь оставил в виде приношения свой плащ, запястье, меч и прочее оружие, даже свою золотую корону и серебряный крест». Особенно замечательно, что Лиутпранд желал, чтобы мир простирался и на экзарха и чтобы Григорий покончил свою распрю с императором. Григорий согласился и впустил экзарха в Рим, когда лангобарды отступили к северу.²³

В 731 году умер Григорий II и на его место был избран Григорий III, родом сириец. Примирение с иконоборческим императором было невозможно и прежде, теперь оно стало еще более немислимо в виду гордого, властолюбивого характера нового папы. С обеих сторон принимались враждебные меры. Папа на местном Римском соборе осудил борьбу Льва III с иконами (в 732 году); велел восстановить на свой счет значительную часть упавших городских стен Рима, из своих средств платил за работу и извезть. Лев Исавр решил действовать энергично: отправил к берегам Италии флот; когда же флот этот был разбит бурей, конфисковал патримонии св. Петра в Калабрии и Сицилии и передал Иллирийские и греческие диоцезы (в том числе и Солунь) патриарху Константинопольскому.^A Таким образом разрыв усиливается, Рим еще более отходит от Византии и папы; уже давно фактически самостоятельные властители начинают открыто употреблять выражение «*Respublica Romana*», до сих пор не встречавшееся еще в истории.

^A До этого времени диоцезы в церковном отношении подчинялись Риму.

В 739 году начинаются новые столкновения с Лиутпрандом. Быть может, не без содействия папы против лангобардского короля возмутился Тразимунд, герцог Сполетский; побежденный оружием Лиутпранда, он искал убежища в Риме. Король потребовал выдачи его; когда папа и все римское войско (с дукатом) отказали, Лиутпранд вторгся в Римский дукат, стал опустошать Кампанью, знатым пленникам остригал волосы по лангобардскому обычаю и одевал в лангобардскую одежду. Заняты были некоторые города, наконец войска лангобардов подступили к самому Риму и осадили его. Григорий III не употребил против короля того оружия, которым так удачно пользовался его предшественник, быть может, вследствие того, что влияние его на Лиутпранда было менее сильно; быть может, потому, что он сознавал, что невозможно два раза действовать на варвара одной силой убеждения. В эту критическую минуту, осаждаемый врагом, папа отправил первое посольство к франкскому майордому Карлу Мартеллу с богатыми подарками и реликвиями (между прочим тут были ключи от гробницы св. Петра); отправилось посольство морским путем во Францию. До нас дошли только весьма обрывочные сведения об этом посольстве, хотя, по-видимому, оно имело огромное значение. В одной хронике говорится, что народ римский отказывается от покорности греческому императору и передает власть над собою франкскому майордому. По другому известию, папа дает майордому еще и консульское достоинство. К этому времени, следовательно, относится формальное заявление о прекращении в Италии императорской власти. С другой стороны, особенно важно, что, предлагая Карлу Мартеллу консульское достоинство, папа как бы ставил себя на место императора римского, которому одному принадлежало право награждать этим титулом, так же как и титулом патриция империи.

Первое посольство папы, впрочем, не достигло своей цели. Карл Мартелл далеко не мог еще называться верным слугой и помощником первосвященника римского. Кроме того, отвлекаемый войной с сарацинами и нуждаясь в помощи Лиутпранда Лангобардского для покорения Прованса (в том же 739 году), он, очевидно, и не захотел бы выступить против него. Еще недавно, для поддержки дружественных отношений, франкский майордом отправил к лангобардам своего сына Пипина для совершения над ним обряда крещения оружием или усыновления (*adoptio*). Естественно, что выступить против соотечественника и союзника, чтобы подать руку помощи пока еще совершенно чуждому ему блюстителю апостольского престола, Карл Мартелл не мог и не хотел.

С наступлением осени 739 года Лиутпранд остановил осаду Рима, намереваясь возобновить войну на следующий год. Папа отправил к франкскому майордому второе послание²⁴ с письмом: «Превосходнейшему сыну Карлу, вице-королю (*subregulo*), Григорий папа! В крайней печали сердца и слезах мы сочли необходимым снова (*cetera vice*) писать вашему превосходству... Мы не можем более переносить притеснений и угнетения со стороны народа лангобардского. Они похитили даже все светильники (*lumina*) у самого князя апостолов, даже те, которые были пожертвованы вашими предками и вами самими. Так как после Бога у тебя одного мы искали убежища, то ради этого лангобарды имеют нас в поно-

шении (*in opprobrium habent*) и угнетают. Ради этого и церковь св. Петра ограблена и приведена в крайнее запустение» (*Codex Carol. № 1*). В следующем 740 году затруднения увеличивались и опасность стала еще настоятельнее. Едва Лиутпранд удалился от стен Рима, как оттуда вышел Тразимунд, сопровождаемый римским войском, римской милицией, и направился в свои прежние владения. При помощи римлян, он выгнал оттуда гарнизон, лангобардами оставленный, и торжественно вступил в Сполето, а герцог, поставленный Лиутпрандом, был убит. В то же время произошло восстание и в Беневенте против герцога Григория, поставленного также Лиутпрандом. Новый герцог Годескалк тотчас же вступил в союз с Тразимундом и папой. Понятен гнев Лиутпранда. Поднявшись в поход весной 740 года и направляясь через экзархат и Пентаполь в Сполето, он поступал жестоко и не щадил патримоний Римской церкви, рассеянных там во множестве. Это было так чувствительно для папы, что он сделал даже попытку примирения с Лиутпрандом; она, впрочем, осталась напрасной.

Надежда на благоприятный исход дела становилась все слабее... Отправлено было новое (третье) послание к Карлу Мартеллу: «Сердце наше волнуется крайней печалью, слезы не оскудевают в очах наших ни днем, ни ночью, ибо мы видим, что святая церковь Божия постоянно и отовсюду остается покинутой от ее собственных сынов, от которых она могла ожидать отмщения. Теснимые горестью, мы находимся в воздыхании и печали. Немного осталось от прошедшего года для помощи бедным во Христе и для поддержания светильников в области Равеннской, и вот мы видим, что и это малое истребляется огнем и мечом от королей Лиутпранда и Гильпранда (племянника его, объявленного соправителем). В самих римских областях отправленные ими многие войска сделали и делают с нами то же самое; они разрушили все дворы (*salos*) св. Петра и увели скот, который был там оставлен. Мы обратились к тебе, превосходный сын наш, и до сих пор к нам не приходит никакого утешения. Так как этим королям дана полная свобода движения с вашей стороны, то мы убеждаемся, что их ложные внушения находят у тебя лучший прием, чем наша правда. Мы боимся, чтобы тебе не поставлено было это во грех. И теперь там, где находятся эти короли, часто раздаются в поношение нам такие речи: “Пусть придет Карл, у которого вы искали защиты; пусть придут войска франков и если могут, то пусть помогут вам и вырвут вас из руки нашей”. Не верь, сын, ложным внушениям и убеждениям тех королей. Они внушают тебе одну только ложь, их письма содержат одни только увертки. Они говорят, что их герцоги – Сполетский и Беневентский – совершили против них какую-то вину, но все это ложь. Не за что другое преследуют они тех герцогов, а именно только за то, что они не хотели в прошлом году напасть на нас из своих областей, как они сами сделали», и т. д. В конце письма вновь повторяются мольбы о помощи (*Codex Carol. № 2*). Но Карл и теперь ограничился одним посредничеством. Война продолжалась.

* * *

Когда в 741 году умерли Карл Мартелл (21 октября) и Григорий III (28 ноября), преемник последнего папа Захарий (741–752) начал совершать новую политику.²⁵ Он отказался от союза с герцогами Сполето и Беневента, как ненадежными, и соединил свою милицию с лангобардским войском, под условием возвращения городов в дукате Римском, занятых королем еще в 739 году. Лиутпранд медлил исполнять обещание, и папа сам совершил путешествие к королю. Тот встретил его за полмили, держал узду коня, оказывал всевозможные знаки почтения; следствием этого посещения было то, что папа получил желаемое. Но Лиутпранд хотел возместить потери, и в 743 году войска его вступили в экзархат и Пентаполь. Папа Захарий снова вступился и помешал ему овладеть Равенной. Мир с папой оказывался весьма невыгодным для лангобардского короля: Равенна и Пентаполь, все еще признававшие власть византийского императора, входившие в состав империи, были дороги почему-то и для римского епископа, как будто он уже имел сам какие-то виды на эти области, и в желании овладеть ими сходились и сталкивались интересы папы и короля. Преемник Лиутпранда (не непосредственный) Рахис (или Рагис; 744–749) также сделал нападение на Пентаполь и Перуджию, но отказался от обладания ими, убежденный внушениями папы. Первая эта неудача так подействовала на короля, что он ушел в 749 году в Монте-Кассинский монастырь, желая посвятить себя Богу, чтобы не быть принужденным двоиться в своих желаниях и действиях.²⁶ После него на престол лангобардский вступает знаменитый брат его Айстульф, получивший бразды правления вопреки желанию Рима. Борьба не на жизнь, а на смерть за обладание Римом была его целью; 750 год весь прошел в приготовлениях к войне; в 751 году Айстульф овладел Равеннским экзархатом и Пентаполем; в 752 году решено было идти на Рим. Что Рим не сможет устоять без посторонней помощи, в этом нет сомнения. Но где искать ее? Константинополь по-прежнему оставался далеко и враждебен...

В этот именно момент и прибыло известное посольство от франков в Рим. Епископ Буркгардт и капеллан Фульрад, говорит продолжатель Фредегария, были посланы в Рим, чтобы посоветоваться с папой Захарием относительно тогдашних королей франкских, только носивших это имя, но уже потерявших всякую власть. Папа отвечал через посланного, что лучше было бы, если бы пользующийся властью короля стал королем на самом деле; он выказывал полную поддержку франкам и повелел, чтобы Пипин Короткий (сын Карла Мартелла) был сделан королем. Итак, Пипин был провозглашен и помазан освященным миром от святой руки архиепископа и мученика Бонифация и возведен на трон по обычаю франков в городе Суассон.²⁷ Что же до Хильдерика III, последнего Мервинга, то Пипин велел ему остричь волосы и заключить его в монастырь (751 или 752 год).

Весьма интересным и важным является этот исторический момент — прибытие посольства в Рим. Пипин, оставшийся единственным майордомом франкским, после отказа Карломана от правления и пострижения

его в монахи (747 год) желал прекратить действительно неестественное положение дел и санкционировать свою фактическую власть в государстве франков. Конечно, среди местного духовенства нашлось бы духовное лицо, облеченное правом сделать это, но, благодаря влиянию Бонифация, первосвященник римский начинает пользоваться все большим и большим авторитетом в делах не только церковных, но и светских. Посоветовавшись с магнатами, Пипин решился обратиться в Рим, и тем самым завершён был путь к союзу, начало которого положено было, когда к франкам явился проповедовать св. Винфрид. Низведение последнего Меровинга явилось фактом до того незначительным, что наверное нельзя даже доказать год (вернее, впрочем, считать ноябрь 751 года). Был ли Бонифаций совершителем обряда помазания – также достоверно неизвестно. Гораздо важнее сам факт этого обряда, ибо до сих пор у германцев мы видим поднятие на щит, то есть обряд воинского и языческого характера при избрании в короли.

В конце 753 года преемник Захария, папа Стефан II, уже предпринял лично путешествие во Францию.²⁸ Айстульф, король лангобардов, несмотря на свое неудовольствие, не мог задержать его, так как франкские послы просили его пропуска. Папа благополучно прибыл в королевство франков и принят был Пипином весьма радушно: бывший майордом вышел к нему навстречу, вел под уздцы коня и оказывал великое почтение. На другой день роли изменились: Стефан II и весь сопровождавший его клир, посыпав головы пеплом, бросились к ногам короля франков и со слезами молили о помощи против врагов. Пипин поднял их и клятвенно обещал свое покровительство и содействие. Потом папа отправился в Париж и остановился в монастыре св. Дионисия. Здесь при посредстве аббата начались важные и таинственные переговоры, которые окончились дарственной записью в Керси (Quersy), на основании которой папа получил светскую власть над Италией и островами и взамен этого повторил помазание на царство Пипина двух сыновей его: Карла и Карломана. Есть основание думать, что переговоры и велись на основании знаменитой *Donatio Constantini* («Константиново вено»), подложного документа, предъявленного папой Стефаном, который весьма часто выдвигался вперед последующими папами как доказательство своих прав на светскую власть; вообще документ этот сделался одним из обоснований папского могущества.

В 777 году встречается в первый раз ссылка на него, но, конечно, он появился на свет ранее этого года. Его подложность с полной очевидностью доказана еще в период Возрождения Лаврентием Валлою, а в наше время один из католических независимых ученых – Деллингер (Döllinger) указал и самую эпоху его происхождения, ту историческую обстановку, при которой и ради которой он появился на свет.²⁹ По исследованиям Деллингера, «Константиново вено» появилось в Риме именно в такое время, когда еще не совершился полный разрыв между папой и императором и не был скреплен более тесный союз с франками. Содержание документа следующее: император Константин Великий, переноса столицу из Рима в Византию – в Царьград, признает, что папа имеет первенство (*principatum*) духовной власти перед всеми церквами, также ему

предоставлены власть и почести императорские (*potestatem et honorificentiam imperialem*); Константин передает папе Латеранский дворец в Риме, а также светскую власть над Римом, Италией и западными провинциями (*quamque Romae urbis et omnes Italiae seu occidentalium regionum provincias, loca et civitates*); далее, он позволяет папе держать телохранителей и разного рода придворных чиновников, камергеров и привратников, другими словами – даются папе такие преимущества, которые принадлежали самым высшим светским имперским чиновникам, но до сих пор (до половины VIII века) они не входили в круг потребностей римского епископа. Римский клир получает почести и права римского императорского сената, клирики должны быть сочленами римского сената. В это время в Риме сенатом называли совокупность римских вельмож (или магнатов), которые при ослаблении связей с экзархатом приобрели влияние и принимали решения о самых важных делах. В собраниях их действительно участвуют в данную эпоху (то есть во второй половине VIII столетия) и клирики. Вообще, это дело имеет такой вид, что Константин Равноапостольный дал папе Сильвестру такие права, какими позднейшие папы весьма долго совсем не пользовались и в каких они стали нуждаться только по истечении четырехсот лет с лишком.

Важно для нас, что содержание Керсийского договора было отчасти согласно с *Donatio Constantini*. Римский папа, или преемник св. Петра, как там говорилось, должен был получить Пентаполис, города, остров Корсику, Равеннский экзархат (с включением Венеции и Истрии), а также герцогства Сполето и Беневент; исключались – Калабрия (на юге), принадлежавшая собственно грекам, и на севере Лангобардия. Но как бы то ни было, переговоры окончились полным согласием обеих сторон и союзом их. Таким образом, деятельность англосаксонского монаха Бонифация, с одной стороны, опасности для римского престола и его первосвященника – с другой стороны, вызывают на поприще всемирной истории новую сильную династию франкских королей, заступившую место выродившихся и слабых Меровингов. Обряд помазания над Пипином и всем его родом был повторен папою в 754 году в Сен-Дени; папа произнес церковное проклятие против тех, которые подумывали бы восстать и не повиноваться новому королю. Кроме того, Пипин и оба его сына получили еще титул «патрициев римских». Ученые много спорили о значении и смысле этого титула; и действительно, трудно решить, давал ли он Пипину власть государя в той стране, которая впоследствии сделалась достоянием папы, или только утверждал его защитником апостольского престола. Вероятно, папа, не отказываясь от своей самостоятельности, дарованием титула хотел признать франкского короля именно только защитником церкви и престола св. Петра.

Как следствие договора в Керси, Пипином предприняты два похода в Италию. Первый – очень скоро завершился установлением мира, так как король лангобардский не был в состоянии представить серьезного сопротивления войскам франков. В 754 году Айстульф обещал отказаться от Равеннского экзархата, городов римского дуката и Пентаполя и признать себя вассалом Пипина. Области были отданы папе, так что с этого года мы можем считать начало существования Папской области. Однако, по-

видимому, все пункты договора не были исполнены, так как согласно вено Константина и Керсийскому соглашению папа мог предъявить более широкие притязания между прочим на герцогства Сполетское и Беневентское, на нынешнюю Тоскану. Айстульф вскоре после ухода франкских войск опять направился к Риму. Папа вновь должен был писать слезное послание к королю франков; оно отослано было с гонцом, которого нарочно отправили морем, чтобы он не попал в руки лангобардов. На этот раз папа пишет уже от имени апостола Петра, довольно бесцеремонно злоупотребляя этим именем, чтобы сильнее подействовать на Пипина: «Я, Петр Апостол, – так начинается послание, написанное ко всем трем римским патрициям: Пипину, Карлу и Карломану, – по воле Божественного милосердия званный (призванный) Христом, Сыном Бога моего, поставлен Его властью быть просветителем всего мира.

Посему все, слышавшие мое благовестие и принявшие его, да уверуют несомненно, что, по велению Божию, им отпустятся все грехи во сем мире и они без порока перейдут в жизнь будущую. Поелику же просвещение Св. Духа озарило ваши просветленные сердца и вы, восприняв евангельскую проповедь, возлюбили Святую и единичную Троицу, то во вверенной нам апостольской римской церкви сберегается и для вас несомненная надежда будущих наград.

К вам, как возлюбленным детям моим, обращаю я глагол мой и любовью вашей ко мне убеждаю вас, чтобы не оставили вы город Рим и народ, мне Богом вверенный, без защиты, без похитили бы из рук врагов и спасли бы дом, в котором покоятся мои останки, от осквернения, и избавили бы церковь, мне Богом вверенную, от нужды и притеснений всякого рода, которые она принуждена терпеть от злобы гнусного племени лангобардов. И пусть не будет у вас никаких сомнений, возлюбленные, но имейте за верное, что я сам обязую и связываю вас сими моими увещаниями, так же точно, как если бы я предстал перед вами во плоти; ибо по обещанию, данному нам самим Искупителем, вы, франки, любезнее нам всех народов земли... Поспешайте, поспешайте! Богом истинным и живым убеждаю вас, поспешайте нам на помощь, пока еще не иссох тот живой источник, от которого возродились вы, пока еще не погасла последняя искра того яркого пламени, от которого вы заимствовали свет свой, пока ваша духовная мать, святая церковь, от которой вы чаете будущей жизни, не потерпела последнего унижения и насилия от рук нечестивых».

«Закрываю вам свои увещания, – говорит папа от лица апостола в конце письма, – будьте скоры на послушание, и вы уготовите себе великую награду: я обещаю вам мое постоянное заступление, чтобы вы побеждали всех ваших врагов и были долговечны в сей жизни и имели бы несомненную надежду на блаженство в будущей. Если же, чего мы не думаем, станете вы медлить или вздумаете под каким ни есть предлогом откладывать лежащий на вас долг защиты, знайте, что за такое пренебрежение моего к вам увета, властью св. Троицы и благодатью апостольства, мне данного свыше, я отрешу вас от Царства Небесного и будущей жизни».³⁰

Следствием этого письма был второй поход Пипина против лангобардов и осада их столицы Павии. Айстульф должен был отказаться от всех

своих завоеваний, подвергся штрафу как нарушитель ленной присяги, а именно, должен был уплатить одну треть своей казны. Вслед за тем от византийского императора пришло посольство с требованием возврата городов, принадлежавших империи; но Пипин Короткий почтительно, но тем не менее твердо отказал, заявив, что он предпринимал поход ради святого Петра, а не ради интересов византийского императора. И действительно, все завоевания Айстульфа формально переданы были «св. апостолу Петру и его настоящему и будущим наместникам» (ключи и дарственная запись были положены на гроб св. Петра).

Пипин правил до 768 года, причем последние годы жизни своей провел в борьбе с саксами, которые остались вне просветительной деятельности Бонифация и были враждебны франкам. Последний из походов Пипина был удачен. Саксы обещали покориться и уплатить дань франкам; дань эта, впрочем, была не большая, но довольно своеобразная: платить ежегодно не известную нам сумму денег и 300 лошадей. Кроме саксов Пипин вел еще борьбу с Аквитанским герцогом Вайфаром, нередко вступавшим против него в союз с соседями; девять раз отправлялся Пипин на юг усмирять непокорную Аквитанию. Войны были разорительны, пришлось опустошать многие города, как, например, Нарбонну, Клермон, Бурж, Лимож, Альби, Тулузу; к концу царствования его, впрочем, дело окончилось в пользу франков. Вообще последние годы правления Пипина Короткого прошли мирно, что дало ему возможность заботиться об увеличении количества монастырей, а с ними, что очевидно, распространения христианства и просвещения вообще. Еще не всем монастырям были возвращены земельные имущества, отобранные Карлом Мартеллом, хотя Пипин усердно принялся за реституцию этих имуществ, не говоря уже о том, что новым монастырям давал богатые земельные пожалования. В это же время жил знаменитый Мецский епископ Хродеганг,^А которому приписывают установление *vita canonica*, то есть общежития светского духовенства по уставу св. Бенедикта.³¹ Установление сохранилось до нашего времени, и теперь при каждом епископстве есть капитул каноников. Хродеганг основал несколько монастырей, из которых особенно знаменит в Горзе близ Меца. Около этого же времени Руанский епископ вызвал из Рима второго регента певческого хора, чтобы завести в Руане певческую школу. Когда регент вскоре был отозван обратно в Рим, то по настоянию епископа туда же отправили также молодых людей для обучения искусству пения. Сам Пипин принимал в этом участие и даже писал папе, прося его покровительства для молодых монахов. Все эти явления представляются, как понятно всякому, весьма любопытными, ибо указывают на внутреннюю связь и культурное влияние, укрепившиеся между Римом и государством франков. Теперь с согласия короля здесь ежегодно созываются соборы духовенства, два раза в год — весной и осенью. До нас дошли акты, постановления соборов, в большинстве случаев касающиеся церковной дисциплины и брачных дел. Особенно интересны пункты о нарушении обетов верности брачного

^А Хродеганг после смерти Бонифация был назначен его преемником, папским легатом в Галлии.

союза. В прежнее время у германцев существовало воззрение, что верность должна быть соблюдаема только со стороны женщины; что касается мужа, то он мог, имея жену, не только взять другую, но и отослать от себя первую. Теперь, под влиянием христианства вообще и в особенности проповедей Бонифация, отношения между супругами уравниены и одинаково преступной считается измена обеих сторон. Не менее важное значение имеет и признание законности браков с рабами; теперь освященный церковью союз раба со свободной (и наоборот) считается таким же ненарушимым, как союз людей свободных; за рабом признаются христианские и человеческие права. Вот эти факты показывают, что если строго организованная церковная дисциплина при Бонифации и уничтожила зародыши кульдейского христианства, то, в свою очередь, внесла и новые, хорошие начала.

КАРЛ ВЕЛИКИЙ

Пипину Короткому наследовал сын его Карл, разделивший на первое время престол с братом Карломаном. При начале нового царствования можно было опасаться, что политика примет другой оборот и последует примирение с лангобардами. На престол лангобардский вступил в это время Дезидерий, возведенный по желанию папы; тем не менее он не отказался от старых преданий, считая область Римского дуката и Равенну своей собственностью по праву. Новая династия франкских королей усвоила от старой тот несчастный престолонаследный порядок, который опять повел к разделению государства; скоро братья, разделившие между собой власть, вступили в непримиримую ссору. Мать их, знаменитая Берта (Бертрада), намерена была помирить их браком и хотела женить на дочерях лангобардского короля Дезидерия. Папа, не желавший этого брака по весьма понятным причинам, старался всеми силами отклонить намерение и даже писал по этому поводу послание, надеясь возбудить отвращение Карла и Карломана к лангобардскому королю и народу. «С сожалением узнали мы, — пишет он, — что вы намерены вступить в этот брак. Священное Писание представляет нам много примеров, что вследствие подобных браков народы Божии отступали от правды и совершали преступления». Он прямо называет даже безумием, что сын православного Пипина хочет вступить в подобный союз и «осквернить себя сношениями с отвратительным и вонючим народом лангобардским», который «даже не может быть назван народом». От них, по мнению папы, несомненно происходят прокаженные; вообще, он находит достаточно грубых слов, чтобы возбудить ненависть и омерзение Карла.¹ Послание, однако, не достигло цели. Брак был заключен, хотя и ненадолго, потому что жена не понравилась Карлу и он отослал ее обратно к отцу. Союз, которого так опасался папа, рушился сам собой; Карл отдался от лангобардов, и старые отношения с Римом восстановились. С этих пор Карл с полной решительностью шел по пути, указанному

прежним развитием. В это время умер Карломан (771 год), и Карл был провозглашен в Лаоне единственным королем, а детей Карломана устранили от наследства. Они искали убежища у Дезидерия и просили защиты у папы. Но очевидно, что папа не пошел против Карла и не защитил обиженных наследников; пребывание же их у Дезидерия возбудило неудовольствие Карла. Что ни делал Дезидерий, чтобы отдалить папу от франкского короля, папа Адриан (преемник Стефана III) остается непоколебим и тверд как диамант. Он не колебался и тогда, когда Дезидерий с войском вторгся в Римскую область и осадил Рим, овладев предварительно большей частью городов, подаренных Пипином. Понятно, что папа обратился за помощью туда, куда уже несколько раз обращались блюстители престола св. Петра: просьба папы о помощи застала Карла в 773 году у саксов; после некоторых попыток к восстановлению в Италии мира он должен был последовать призыву папы. Альпийские проходы были дурно защищаемы, и без значительного сопротивления Карл проник в Лангобардскую долину; Дезидерий не решился сопротивляться в открытом поле, но ограничился защитой городов, которые Карлу приходилось брать один за другим. Когда франкское войско было занято затянувшейся на всю зиму осадой Павии, Карл отправился на Пасху в Рим в 774 году, чтобы присутствовать там в звании патриция римского и лично возобновить союз с папой. Он был принят со всеми почестями, какие обычны при приеме экарха римского императора. У церкви св. Петра встретил его папа; при пении «благословен грядый во имя Господне» пошли они к мощам св. Петра, потом отпраздновали день Св. Пасхи с великим великолепием, и после него Карл подтвердил дар своего отца.*

Карл объявил, что не ради золота или серебра, земли или людей он предпринимает поход против лангобардов, но для защиты прав св. Петра и возвышения Римской церкви. Но, однако, когда папа предъявил притязания на все лангобардские владения (обещание, когда-то не исполненное Пипином), то он обманулся. Когда после долгой осады Павия пала, а Дезидерий сдался в руки врагов, Карл сам для себя потребовал присяги народа и с тех пор назывался уже королем Франкским и Лангобардским. Погруженный в итальянские дела, Карл не забывал и других вопросов, других дел, возникавших из его обширных завоевательных стремлений. Могущество его возрастало; на далеком Востоке завязались у него сношения с Гарун-аль-Рашидом, на Юге подчинена была часть Испании, несмотря на несчастное дело франкского арьергарда в Ронсевальском

* Здесь опять не вполне ясно, что собственно даровал Карл Великий папе. В житии папы Адриана говорится, что папа получил всю Италию к юго-востоку от линии, идущей с юга на север; Лукка, Парма, Мантуя. Из другого источника, относящегося к 817 году, мы узнаем о вторичном договоре короля с папой, по которому он дарует последнему доходы с Тусции (Тосканы) и Сполето. Как соединить эти два известия? Фиккер думает, что сперва король действительно подтвердил дарования отца, но потом изменил условия (сообразно свидетельствам памятника 817 года). С выводами Фиккера согласны Зибель и Мартенс, оба отрицают, чтобы Пипин в 756 году, а Карл в 774 году могли даровать папе всю Италию, как сказано в *vita Hadriani* (житии Адриана), и считают известие жития подложным.²

ущелье;* на Севере деятельно продолжалось подчинение саксов.³ Ближайшая задача состояла в покорении Баварии, разделявшей швабские и итальянские земли.

В народном собрании в Компьене в 757 году герцог Баварский Тассилон принес королю Пипину вассальную присягу, но в 768 году возмутился и стал снова независим, так что в 771 году Карл должен был вести с ним переговоры, как с самостоятельным владельцем. Бавария в то время представляла цветущее и сильное государство со своим законодательством и своей церковью. Власть герцога была сильна и совершенно независима от франкского короля. Карл решил возобновить прежнюю зависимость, опираясь на первый раз на авторитет папы; послы папы Адриана принудили Тассилона явиться к Карлу в Вормс, признать свою зависимость и выдать заложников. В 787 году Карл своими войсками поддержал авторитет папы: он с трех сторон двинулся на Баварию и заставил Тассилона уже вполне подчиниться, признав себя подданным короля; именно, он должен был формально отказаться от герцогства, чтобы снова получить уже как ленное владение и допустить, чтобы народ присягнул Карлу как королю. Но Карлу и этого было мало; на следующий год герцога позвали в Ингельгейм (Ingelheim) ко двору короля, там на него возвели обвинение в измене и постригли в монахи. На место племенного герцога Бавария получила королевских чиновников – графов и вошла в состав франкского королевства. Но законы и обычаи остались неприкосновенными; произошло присоединение, а не насильственное подчинение герцогства королевству; баварец стоял наравне с франком и мог принимать, как и франк, участие в делах своего государства. Бавария издревле представляла оплот против беспокойных восточных соседей – аваров и славян, теперь – оплот стал еще сильнее; в самом же Франкском королевстве усилился чисто германский элемент. Соседние германские земли – Тюрингия, Гессен, аламаннов – покорены, остались только саксы, против которых франкские короли выступали и раньше Карла.

Борьба же, начавшаяся при Карле с 772 года и принявшая в 774–785 годах завоевательный характер, продолжалась около тридцати лет.⁴ Упорство, с которым защищались саксы, вряд ли стоит приписывать их выдающейся перед другими германскими племенами храбрости; они, как и фризы, жили в иных условиях, чем другие, более западные племена, они ближе стояли к первоначальной германской жизни. Саксы, собственно, не составляли государства. Мы имеем известие, что у них было ежегодное собрание из представителей всех племен; но в течение всей этой тридцатилетней борьбы, при договорах и заключении мира собрания ни разу не упоминаются; выходит, если и существовало такое собрание, то оно, по крайней мере, не носило на себе характер политический. Земля саксов, недалеко не доходя до середины течения Рейна, на севере

* Эйнгард называет имена выдающихся лиц, убитых в этом несчастном деле (Vita Caroli IX – см. у Яффе). Это историческое основание Роландова сказания, которое получило развитие впоследствии и послужило темой для множества политических вымыслов. В древнейшем виде является оно в XI веке в «Historia de Vita Caroli Magni et Rolandi» Турпина, архиепископа Реймского.

граничила с поселениями фризов, на востоке доходила до Эльбы, на юге соприкасалась с Тюрингией; делились саксы на четыре племени: вестфалов – до водораздела между Рейном и Везером, энгернов (или анграриев) – по обеим сторонам Везера, остфалов – от Оккера и Лейны до Эльбы и северных саксов (нордальбингов) в Голштинии. Каждое племя делилось на волости (Gaue), волости – на общины (Gemeinden). Это политическое разделение было, как и в древние времена, неопределенно и переменчиво. Ни весь народ, ни каждое отдельное племя не действовали как политические единицы; в мирное время у них не было общего главы, а во время войны появляются, и то не всегда, предводители отдельных племен, как, например, Видукинд у вестфалов. Карл должен был постоянно бороться с отдельными шайками, долгое время победы не давали прочных результатов. В политических учреждениях саксы недалеко ушли от германцев времен Тацита; напротив, общественная жизнь и культура значительно развились. Сословия у них были чрезвычайно замкнуты и отдалены друг от друга; свободные саксы делились на благородных (эделингов), свободных (ingenuiles) и лассов (lazzi); последние стояли в таком угнетенном положении, что их легко смешать с рабами, тем не менее они имели долю участия в политической жизни народа. В таком состоянии общества виден отпечаток долгого развития народных обычаев, видны формы, прочно установившиеся. Это же отразилось у саксов в уголовном праве, чрезвычайно суровом и, по-нашему, жестоком. Убийство, клятвопреступление, кража лошадей и пчел, а также брак между лицами различных сословий – наказывались смертью; благодаря последнему постановлению различные сословия у саксов стояли дальше друг от друга, чем в различных других племенах германцев. Лишь в законах вестготских, запрещающих брак между римлянами и германцами, находим мы нечто подобное, но там это можно объяснить условиями завоевания; для того чтобы дойти до такого закона, племя саксов должно было пройти путь развития своеобразный и тяжелый. Мы не станем следить за всеми подробностями этой борьбы Карла с саксами (желающих познакомиться с ними отсылаем к сжато, но подробно изложению Кауфмана).⁵

Карл вел дело систематически, настойчиво и не стеснялся в средствах. Так, например, в 782 году после восстания, в котором избит был целый франкский отряд, он казнил сразу четыре с половиной тысячи участников мятежа, выданных ему как военнопленных. Покорение саксов шло рука об руку с обращением их в христианство; за войском следовали миссионеры; между тем новокрещенные саксы часто снова впадали в язычество, возмущались и брались за оружие; Карлу пришлось совершить много трудных походов, несколько раз снова начинать завоевание. Решительными и подчас крутыми мерами он навсегда покорил саксов; часть их переселили в земли франков, а на их место выводили франкских колонистов. Карл приказал записать законы саксов, перерабатывая их, изменяя их сообразно с изменившимися условиями жизни.⁶ Почти все преступления по этим законам наказывались смертной казнью, а главным образом неуважение к священникам и церковным постановлениям; даже скоромная пища в постные дни запрещалась под страхом

смерти.* Часто обвиняют Карла в жестокости; говорят, что его законы кровью писаны, но не надо терять из вида, что эти суровые законы по большей части согласовывались с обычным правом самих саксов; наказания за неуважение к языческой вере отныне были применены к христианству; новые постановления не противоречили духу прежних. Не надо забывать также, что Карл создавал эти законы не как деспотичный завоеватель, но по совещаниям со знатными людьми, среди которых были и представители саксов.

В последние годы борьбы с саксами Карл покорил некоторые соседние с ними западнославянские племена, например бодричей и сербов (сарабов), и двинулся против аваров (или обров, как называют их наши летописи). Во второй половине VI столетия авары нашествием своим навели ужас на юго-восток Европы. Подобно гуннам, они перекочевали от Каспийского моря на нижний Дунай, проникли с хребтов Карпат до Эльбы и основали в равнинах нынешней Венгрии могущественное государство. Они первоначально составляли лишь небольшое племя, но усилившись, приняли в свой состав соседние славянские племена. Славяне, населявшие уже тогда теперешнюю Венгрию, Богемию, Сербию и Кроатию,⁷ были раздроблены на множество мелких частей; наоборот, авары подчинялись одной, неограниченной власти своего кагана. В мирное время власть его мало проявлялась, но по призыву кагана выступал в поход весь народ; авары были искусные всадники; они как буря налетали на неприятеля, осыпали его градом стрел и метательных копий, так же стремительно удалялись и повторяли маневр, покуда неприятель не утомлялся и ряды его не ослабевали; часто обращались они в притворное бегство и, когда неприятель врассыпную преследовал их, возвращались вспять и разбивали его по частям. Пешее войско набиралось из покоренных племен и состояло из легковооруженных и тяжеловооруженных воинов. Они получали от персов и арабов мастеров для постройки машин и в начале седьмого столетия дошли до стен Константинополя. Вооружение их состояло из шлема и панциря; знатные люди даже коней прикрывали железной или крепкой кожаной броней. Страх, который авары внушали Византии, был так велик, что долгое время императоры платили им от ста до двухсот тысяч солидов ежегодно в виде дани. С большим успехом боролись с ними лангобарды, но и их пределы часто подвергались опустошению. Много золота, рабов и всякого богатства награбили авары, и добычу свою складывали в своеобразном укреплении, которое у германских писателей называется рингом; последний состоял из круглого вала, обнимавшего очень большое пространство; вал этот состоял из двух рядов кольев, пространство между которыми было завалено землей и камнями; на валу сажались деревья, которые корнями соединяли эту землю. Таких рингов было девять; между ними лежали села и отдельные дворы на таком расстоянии друг от друга, чтобы можно было слышать звук рога и таким образом возвещать всем о появлении врагов.⁸ Во вто-

* В этом капитулярии (*De partibus Saxoniae*), место и время которого с точностью не определено, почти каждая *capitula* кончается словами «*morte moriatur*».

рой половине VII века и в начале VIII могущество аваров сильно поколебалось. Единодержавную власть кагана разделили многие старшины; в высших слоях замечалось изнеживающее влияние роскоши и бездействия. Славяне и болгары по большей части свергали аварское иго. Когда Карл впервые пошел против аваров, в их власти оставались лишь несколько славянских племен и, хотя масса народа сохранила еще свою дикую воинственность, видно было, что час этого народа уже пробил.

Поводом к нападению послужили для Карла постоянные столкновения на границе обоих государств, которая шла по реке Инн, притоку Дуная. В 791 году Карл перешел границу во главе большого войска, разделенного на две части: саксы и фризы, которые явились на помощь Карлу из Богемии, направились по левому берегу Дуная; остальное войско шло по правому берегу. Старые римские дороги представляли удобный путь для войска; по Дунаю плыл флот с продовольствием. Карл опустошил часть страны; зиму он провел в Регенсбурге, недалеко от театра военных действий, готовился здесь к новому походу. К этому же времени относится начало работ по прорытию канала между Редницой (Radontia) и Альтмюлен (Alatona) для соединения рейнской и дунайской речных систем; план весьма широкий и по тогдашнему времени более чем смелый. Хотя Карл сам и проехал (793 год) по этому каналу (причем в некоторых местах пришлось перетаскивать лодки волоком), работа эта не привела ни к какому важному результату: стояла неблагоприятная для работ дождливая погода, а главное, это дело было не по силам мастерам времени Карла. В 795 году явились к Карлу послы от Тудуна, одного из старшин аварских, объявившие от лица своего господина покорность и желание принять христианство, а в следующем году сын Карла, Пипин, нанес аварам решительное поражение. Он вместе с лангобардским и баварским войском ворвался в страну аваров, оттеснил их за Тейссу (Тиссу) и захватил их главный ринг с громадной добычей, которую перевезли в Ахен; Карл уделил из нее богатый дар для папы. В последующие годы франки совершали иногда походы в землю аваров, но сила их была навсегда сломлена, теперь уже не они, а сам Карл лицом к лицу столкнулся с восточным славянским миром, а после покорения Истрии Карл стоял уже у пределов Византийской империи.

Великая задача Карла, цель всей его военной деятельности — объединение германо-романского мира — была достигнута, он стал во главе огромного государства; в дальнейшем движении ему придется сталкиваться уже не с германскими племенами, но с другой великой силой — Византийской империей. Карл понимал, что здесь ему положен предел, что тут имеет значение не войско и не сила, а нечто другое — идеальная сила, уважение к которой коренилось в сердцах всех современников, в сердце самого Карла: то была Римская империя, которая с точки зрения современников не прекращала своего существования. Предводители варваров от Алариха до Хлодвига могли разрушать города империи, опустошать ее области, уводить в плен ее жителей — но ни один из них не дерзнул поднять руку на императорское достоинство. Хлодвиг и сам Карл носили звание римского патриция и гордились им; когда в церквах читали «воздадите кесарю кесарево и Божие Богови», мысли современников об-

ращались к кесарю нового Рима. У германцев особенно было распространено пророчество Даниила, из которого выводили вечность города Рима; сочинение Блаженного Августина «*De civitate Dei*» было настольной книгой самого Карла. Только из этого учения о вечности Римской империи могли истекать все политические планы и расчеты; пока мир стоит — все государства, по этому учению, подчинены Риму; сам Карл должен был считать себя подданным императора.

Но уже из беглого очерка завоевательных стремлений Карла, в которых сказался его широкий умственный горизонт и грандиозные замыслы, мы можем видеть, что такое отношение Карла к императору не соответствовало ни замыслам Карла, ни фактическому положению западного и восточного мира. В силу личных стремлений Карла и всего хода исторических событий на очереди стоял вопрос о короновании Карла императором, о признании равноправности Востока и Запада Европы. Тут, конечно, выступает на сцену отношения между Западом и Востоком, между Карлом и византийским императором.⁹ Отношения эти не могли бы так обостриться и стать для обоих государств вопросом первостепенной важности, если бы развитие этих государств шло путем нормальным и не выступало из естественных границ. И огромное расстояние их политических центров, и различие целей и задач — все, казалось, облегчало эти отношения, умаляло их значение, но оба государства тяготели к одному и тому же центру, который все еще был сердцем всей культурной жизни Европы. Тут-то столкнулись эти две великие силы и с этого времени остались соперниками и врагами. Притязания на Рим и Италию составляли исконную политику Византии, от которой она не хотела никак отказаться, несмотря на то что власть императора в Риме была фиктивная. Настоящий правитель Рима стал искать более сильного покровительства и, как мы видим, обратился к франкам; таким образом франкские короли получили возможность ворваться, так сказать, в область политической деятельности Византии. Однако, нося титул патриция, ни Пипин, ни Карл не оспаривали власти греческого императора; отношения между императором и королем лишь тогда переходят из области дипломатической в прямые столкновения, когда Франкское королевство соединяется с лангобардским и становится соседом византийских земель в Италии: Истрии, Венеции и владений в нижней Италии.

С этих пор начинается со стороны греков ряд попыток, то явных, то тайных, воспрепятствовать распространению королевства на северо-восток Италии и вывести герцогство Беневентское от подчинению Карлу, даже подчинить последнее своему владычеству. Это последнее желание руководить всеми действиями из Византии (от 775 года до коронования Карла), а театром военных действий является герцогство Беневентское. Герцог, подстрекаемый действиями Византии, опираясь на ее помощь, старается освободиться от зависимости, совершает нападения на королевские и папские владения; папа, которому грозит неминуемая опасность от столь беспокойного соседа, постоянно возбуждает против него Карла, призывая его в Италию. Кончились эти столкновения полным подчинением герцога Карлу. Одну минуту казалось: враждебные отношения должны были прекратиться; на византийский престол после смерти

Льва в 780 году вступил малолетний Константин VI, а правительницей была его мать Ирина.¹⁰ Она начала мирные переговоры с Карлом; к этому побудили ее церковные дела, именно вопрос об иконописании, который становится важным политическим фактором франко-византийских отношений. Прежние императоры-иконоборцы были необходимо во вражде с православным римским епископом, в то время как православная Ирина естественно стала искать поддержки епископа и его сторонника Карла. Чтобы скрепить союз между обоими государствами, условились о браке между Константином и дочерью Карла Хруотрудой. О политических условиях этого договора ничего не говорят нам источники как с той, так и с другой стороны. Ни брак, ни союз не состоялся; этому воспрепятствовали возобновившиеся враждебные отношения из-за земель итальянских. Франкские анналы разрыв приписывают Карлу, византийские – Ирине.

Между тем Карл собрался действовать против Византии иным оружием. В этих новых действиях сказалась вся пылкость, вся страстность Карла, но вместе с тем величие его планов и широта умственного взора. В 787 году императрица созвала Седьмой вселенский собор в Никее, на котором торжественно было восстановлено иконопочитание; в этом соборе папа участвовал через представителей своих и, в числе прочих, он подписал акты собора. В вопросе об иконоборстве, решенном на соборе, затрагивались самые важные церковные и политические интересы империи, ослабленной внутренними междоусобиями и внешними врагами; казалось, должен наконец наступить мир в церкви. Но тут выступает Карл Великий с составленным для этого случая теологическим сочинением, так называемым «*Libri Carolini*»,* направленным против иконопочитания. По этому сочинению, иконам нельзя поклоняться, нельзя перед ними возжигать свечей; изгонять их незачем, употребление или неупотребление их не имеет никакого значения; Никейский собор несправедливо подвергает анафеме тех, кто не признает икон.** На первый раз кажется, будто бы в этом трактате является новая постановка вопроса об иконопочитании – но не теологические интересы руководили составителями; этим оружием воспользовались, потому что оно полезно было в данных политических обстоятельствах. Извлечения из этих *Libri* Ангильберт принес папе. Положение Адриана было чрезвычайно трудное, но он еще твердо стоял на своем и не поддавался Карлу. Король же продолжил свою борьбу. В 794 году он созвал во Франкфурте собор, который блеском и числом членов мог поспорить с Никейским. На нем были отвергнуты постановления Никейского собора; представители от папы должны были дать тоже свое согласие, хотя несколько лет тому назад подписали прямо противное. В факте созвания этого собора видна политическая подкладка дела; Карл считает Никейский собор не вселенским, потому что на нем не было представителей от франкского духовенства, и противопоставляет

* В составлении этих *Libri* принимал участие Алкуин.¹¹

** Ср. известия об ереси Карла в древнерусской литературе: «Историко-литературный обзор древнерусских полемических сочинений против латинян (XI–XV в.)» *Андрея Попова*. Москва, 1875. С. 5, 138, 178, 181. Тут говорится, что Карл держался учения Ариева и Аполинариева; см. акты этого собора.

свой собор. Без сомнения, тут немалую роль играли политические интересы дня, спор из-за нижнеитальянских владений и т. п., но сюда применялся интерес более общий.

В этом протесте против права созывать вселенский собор, в попытке противопоставить свой собор — видно уже притязание Карла на равенство с константинопольским императором, и в этом заключается всемирно-историческое значение их отношений и их полемики. Замечательно положение папы: он не смеет возвысить голоса, он должен признать за королем решающий голос в церковных вопросах, и так держал себя смелый и требовательный Адриан! Очевидно, могущество Карла достигло своего апогея. На требование Карла объявить императора еретиком папа отвечает: «Постановления собора правильны, и греки приняли их, дабы вернуться в лоно церкви; как предстану я перед Судьей, если ввергну обратно в погибель столько христианских душ?» Но вместе с тем он находит возможность извернуться и кончает письмо такими словами: «Я буду увещевать императора, чтобы он возвратил св. Петру все его земли (земли в южной Италии и Солунской области), которые он отнял; если он откажется, то я объявляю его еретиком».¹² Таким образом, папа в угоду Карлу думает о том, как бы снова расстроить мир, только что наступивший после 50 лет раздоров; очевидно, всем заправляла воля Карла, а волей этой управляла мысль об императорском достоинстве задолго до коронавания в 800 году, как думают многие.

Провозглашение Карла императором естественно связалось с итальянскими делами 795—800 годов. По смерти Адриана (795 г.), одна партия выбрала Льва III.¹³ Другая партия, в том числе родственники Адриана, воспротивились этому выбору. Лев искал помощи у Карла Великого: тотчас по избранию он послал ему ключи от гроба св. Петра и богатые дары. Карл милостиво принял все, но при том уже совершенно ясно высказал свое притязание на решающий голос в делах церкви; это видно из тона его увещаний, обращенных к папе. Вскоре в Риме произошли междоусобия;¹⁴ противники Льва схватили его во время крестного хода, заперли в тюрьму и будто бы ослепили его. Впоследствии говорили, что папа прозрел чудом; сторонники Льва, а за ними и он сам явились в Падерборн к Карлу, туда же явились и противники избрания. Карл признал Льва папой, но обещал приехать в Рим, чтобы самому разобрать это дело. В 800 году он исполнил обещание: в ноябре явился в Рим как судья; впервые выпадала такая роль на долю германского короля. Насколько современники признавали за Карлом право на такую роль, видно из письма Алкуина к Карлу, написанного в 799 году; там, между прочим, сказано: «До сих пор было три высших власти в мире: величие апостольское, управляющее седалищем Петра, князя апостольского, через своего наместника; затем величие императорского могущества второго Рима; всюду известно, как нечестиво свержен правитель этой империи, не чужими и не врагами, а своими согражданами. Наконец, королевская власть, в которой дал нам Вас Господь Иисус Христос, Вас, самого сильного, самого мудрого, самого уважаемого владыку. Таким образом, в тебе вся надежда на спасение церкви Христовой».¹⁵ Для разбора дела папы Льва III назначили комиссию, в которой должны были участвовать прелаты и некото-

рые из светских вельмож. Но духовенство отказалось от такой обязанности, говоря, что они не имели никакого права являться судьями первосвященника, поставившего их на должности. Отказ этот поставил короля в затруднительное положение, из которого вывел его сам папа. По франкскому обычаю он принес очистительную присягу вместе с двенадцатью соприсяжниками; в этой присяге он выразил, что вследствие возведенного на него обвинения он по своей собственной воле, не принуждаемый никем, от чистого сердца приносит присягу; но пусть из этой присяги, данной добровольно, никто не выведет заключения о том, что может судить папу. Лев III был оправдан – противники подверглись осуждению.

Карл оставался несколько недель в Риме; 25 декабря, в день Рождества Христова, совершилось знаменитое событие. Карл, в сандалиях и хламиде римского патриция, отправился в базилику св. Петра на торжественное богослужение. Когда кончилось чтение Евангелия, папа встал, приблизился к Карлу, который склонил голову перед высоким алтарем, и в виду всех возложил на голову вождя германцев диадему Цезарей, а затем сам склонился перед ним в знак покорности. Церковь загремела восклицаниями толпы: «Carolo Augusto, a Deo coronato, magno et pacifico imperatori viva et victoria!» – Карлу Августу, коронованному Богом, великому и миротворному императору, жизнь и победа! Восклицания эти соответствуют официальному титулу византийского императора, например: «Imperator Caesar Justinianus – pacificus, pius, perpetuus, augustus» и тому подобное. Таким образом озаменовалось с внешней стороны это знаменитое событие.

Отметим некоторые частности, относящиеся к нему и могущие уяснить нам внутреннюю сторону его. В доказательство того, что это событие не было подготовлено самим Карлом, приводят обыкновенно то место из биографии его, написанной Эйнгардом, в котором последний передает слова, слышанные им от самого короля, что событие было для Карла неожиданностью и что если бы он мог его предполагать, то, несмотря на великий праздник Рождества Христова, не отправился бы в базилику.¹⁶ Заподозрить биографа во лжи мы не имеем никакого права, тем более что в то время, когда он писал, уже не существовало никаких причин оправдывать Карла и выставлять его действия в ложном свете. Итак, с одной стороны, коронование представляется как неожиданность для Карла; с другой стороны, говорят, что еще при свидании в Падерборне было об этом совещание с папой. До нас дошло письмо Алкуина, в котором ученые находят прямое указание на то, что провозглашение Карла императором было подготовлено и известно заранее. Алкуин пишет Карлу, что он думал долго, какой бы прислать ему на Рождество подарок, достойный его императорского величия (*ad splendorem imperialis potentiae*), и нашел, что лучше всего будет послать ему богато переплетенное и искусно переписанное Св. Писание.¹⁷ По хронологическим исчислениям выходит, что подарок был послан именно около того времени и в письме Карл прямо назван императором. Из этого письма и выводят заключение, что Алкуин знал о событии, которое должно было свершиться. Но мнение это должно быть отвергнуто. Есть разница между прямым титулом импе-

ратора и описательным выражением «императорское величие». Если мы обратим внимание на стиль писем Алкуина, то увидим, что эпитет «*imperialis*» он употребляет в отношении королей англосаксонских. Выражение это только указывает на высоту и силу власти царственного корреспондента Алкуина, а никак не на что-нибудь другое. Вместе с тем и утверждение о том, что Карл совершенно неожиданно для себя сделался императором, — невероятно, так как едва ли папа решился бы на такой шаг, не будучи уверен, что это будет сообразовываться с желаниями Карла.

Единственная возможность разрешить явные противоречия состоит в признании того, что Карл уже, вероятно, думал об этом совместно с папой в Падерборне, но путь и приемы приведения в исполнение задуманного еще не были точно обозначены. Вернее всего будет предположить, что Карл желал достичь этого легальным путем через признание себя императором от Византии. Возвращение к прежним порядкам, конечно, было возможно; возможно, чтобы вновь были две части одной великой Римской империи, властители которых действовали бы заодно. Карл хорошо знал, что пока он не будет признан со стороны существующей империи, до тех пор власть не будет легальной. И вот возобновляются переговоры о брачном союзе, но теперь уже сам Карл предлагает свою руку императрице. Ирина в данное время — единственная властительница империи и правила за себя, умертвив злодейским образом сына. Константин был схвачен, свергнут с престола и ослеплен; но такая операция, весьма обыкновенная на Востоке в течение почти всех Средних веков, на сей раз была совершена с таким зверством, что несчастный император умер. Конечно, все эти события были известны и на Западе, но тем не менее Карл не задумался в виду своих политических планов предложить руку этой преступной женщине. Если бы брак совершился, то король франков действительно сделался бы легальным императором, ибо на Востоке нередко возводили в сан этот мужей императрицы. Итак, по мнению самого Карла Великого, посвящение от папы и провозглашение его императором жителями Рима в юридическом отношении не представлялось ему достаточным. Отсюда ясно, что коронование действительно могло быть и неожиданным для Карла; быть может, он даже не хотел принять власть от папы, так как хорошо знал, что это приведет впоследствии к различным притязаниям и требованиям со стороны последнего. Чтобы несколько ближе ознакомиться с внутренней стороной и смыслом события, приведем несколько отрывков из современных хроник, так как в хрониках позднейших дело это нередко представляется в превратном виде.

«Так как имя императора прекратилось у греков и империя находилась в руках женщины, то показалось нужным папе Льву и всем (священникам) святым отцам, которые присутствовали на этом соборе (т. е. в Риме), равно как и остальному христианскому народу, что они должны сделать, чтобы был императором Карл, король франков, который владел самим Римом, где, как говорят, кесари имели обыкновенно столицу, и всеми другими странами, которыми он управлял в Италии, Галлии и Германии; и так как Бог дал ему все эти земли, то казалось справедливым,

чтобы, с Божьей помощью и молитвами всего христианства, он получил также титул императора. Король Карл не захотел отказать их просьбе, но, покоряясь со смирением Богу и молению священников и всего христианского народа, принял титул императора, будучи посвященным папою Львом». ¹⁸ Здесь, таким образом, событие представляется не как восстановление Западной Римской империи, а совсем в ином свете. По словам Лауресгеймской летописи, Карл просто делается императором всего христианского мира, ибо империя, представляемая женщиной, не может считаться легальной и действительно существующей. В другой хронике говорится почти то же самое, с прибавлением только одной черты, касающейся обряда: «Когда настал наисвятейший день Рождества Христова и, помолившись перед гробницей св. Петра Апостола, Карл поднимался для слушания мессы, то папа Лев, с согласия всех епископов и священников и сената франков, а равным образом и римлян, возложил золотую корону на его главу. И когда народ кончил песнопения и похвалы, он был *adoratus*», то есть Лев преклонил колени перед императором, как требовал древний обычай. «Все это также произошло по воле Божьей. Ибо когда сказанный император пребывал в Риме, то некоторые люди представляемы были ему, которые говорили ему, что имя императора прекратилось между греками и что империя находилась в руках женщины, называемой Ириною, которая вероломно схватила собственного сына императора, выколола ему глаза и присвоила себе империю... Когда папа Лев, и все собрание епископов и аббатов, и сенат франков, и все старшины римские услышали это, то они посоветовались с остальным христианским народом, чтобы наименовать Карла, короля франков, императором, так как он уже имел в своей власти Рим, мать империи, где Цезари и императоры всегда имели свою столицу и чтобы язычники не могли смеяться над христианами». Вот два более чем пространных рассказа, рисующие нам причины и внутренний смысл совершившегося события.

Главнейшие причины его, как видно из них, состояли в том, что имя императора прекратилось, что на престоле была женщина и что вместе с тем Карл, король франков, уже владеет фактически всеми странами Запада. Императрица Ирина, следовательно, не признается на Западе; в свою очередь Карл, хотя и коронованный, не признан еще Востоком — на одно императорское достоинство являются, таким образом, два претендента. Но главным образом событие 800 года имеет для нас громадное историческое значение, потому что им выразилось отделение Западного мира от Восточного и провозглашение его самостоятельности.

В 802 году Ирина была свергнута и на престол возведен новый император, бывший государственный казначей Никифор. ¹⁹ Карл обратился к новому императору с просьбой о легализации своего избрания. Никифор, находясь в крайне затруднительном положении, тем не менее долгое время упорно отказывался согласиться на просьбу Карла. Византия находилась в тяжелом положении: война с арабами и славянская опасность требовали много сил. Но, несмотря на все опасности, император Византии все-таки противостоял требованиям Карла Великого, который тогда решил прибегнуть, так сказать, к принудительным мерам; он выслал войска, византийский флот был разбит, завоеваны Далмация и Венеция.

Впрочем, Карл готов был вернуть эти приобретения, если его признают императором. Наконец, в 810 году Карл принял византийских послов, отправленных к сыну его Пипину, итальянскому королю, который в это время умер, с просьбой о мире. Послы готовы были признать Карла императором, но в этом же году (или, по другим источникам, в следующем) Никифор был убит в битве с болгарами и на престол вступил зять его Михаил I.²⁰ Он за дорогую цену продал желанное признание: Карл отдал Далмацию и отказался от притязания на Венецию; эти две области отходят к Византии. В 812 году византийские послы, прибывшие в Ахен, назвали его императором. Карл отправил в Константинополь посольство с золотой грамотой, в которой просит императора вручить его послам подобную же грамоту для окончательного утверждения мира; получил ли Карл такую грамоту – неизвестно.

Однако следующие императоры Византии долго не хотят считать императоров западных равными себе; в 824 году византийские послы приветствуют Людовика Благочестивого: «Король франков и лангобардов, который называется императором» (*vocato imperatore Francozum*), иногда византийские императоры употребляют просто титул *dux* – король. Такое отношение продолжалось очень долго; мы встречаем подобного рода приветствие и при Оттонах, и даже при Фридрихе Барбароссе.²¹ Современные великому событию 800 года греческие хроники понимали его совсем иначе, чем западные; они представляли его как узурпацию власти, санкционированную папой.

Итак, образовалось две разные области, два отдельных мира: романо-германский и греко-славянский. Провозглашение Карла Великого императором имело смысл признания самостоятельного существования нового романо-германского мира.

ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАРЛА ВЕЛИКОГО. ЛИТЕРАТУРА ПРИ КАРЛЕ ВЕЛИКОМ

Проследив историю объединения Карлом Великим разрозненных частей германо-романского мира, объединения внешнего, путем непрерывных войн и походов, обратимся к другой, внутренней стороне той же объединительной деятельности. В настоящем очерке мы коснемся забот Карла о распространении просвещения, плодом которых явилась литература, послужившая началом новой литературы, как государство Карла послужило началом единой монархии Средних веков.²²

В конце предшествовавшего периода мы видим следы литературы лишь на севере и юго-востоке германо-романского мира – в Британии и Италии; вполне производительной и живой эта литература была только у англосаксов, которые усвоили себе культурные начинания как итальянцев, так и кельтов и вдохнули в них свою творческую силу. Но сердце всего западного мира – государство франков, которое с мечом в руках удержало напор исламизма на христианский мир, – это великое государство со времен Венанция Фортуната не представляло ни единого следа литературной деятельности. Карл Великий положил начало ее возрожде-

ния, сделал из Франции центр и сердце всей европейской литературы, причем возрождение империи и возрождение литературы шли рука об руку; в обоих фактах являются одни и те же исторические моменты: сношения каролингского дома с англосаксами и покорение Лангобардского королевства. Просвещение Германии Бонифацием и его учениками послужило началом новой всемирной империи, центр тяжести которой лежал в Германии, и вместе с тем это просвещение являлось проводником литературной деятельности в германском мире. С другой стороны, конечно, очень важно было то обстоятельство, что Бонифаций подчинил церковь, им преобразованную и основанную, папскому престолу, так сказать, ввел ее в организм всемирной католической церкви. Представителем англосаксонского влияния является Алкуин, ученик Эгберта и Эльберта, епископов школы в Йорке; Алкуин, как известно, был и главным двигателем просветительной деятельности Карла Великого.²³

Алкуин был призван Карлом Великим спустя пять лет после покорения лангобардов.²⁴ Подобно тому как покорение Лангобардского королевства было первым шагом Карла к основанию новой империи (ибо тут ему открылся путь к фактической власти над вечным городом) — точно так же этот факт пробудил и направил к цели стремление Карла к просвещению. Утонченная образованность знатных лангобардов (плод сохранившихся в Италии грамматических школ), близкое отношение к римское курии, встречи с выдающимися учеными, как итальянскими, так и другими, наконец, неотразимое впечатление памятников древнего искусства — все это должно было сильно повлиять на Карла Великого. В нем проснулось желание восстановить империю, а вместе с тем и стремление усвоить себе христианско-римскую культуру; оба желания шли рядом и влияли друг на друга, причем последнее должно было осветить, осмыслить первое. Так, лишь сочинение «*De civitate Dei*» Августина, позднее любимое чтение Карла Великого, могло вполне открыть ему христианское значение империи. Карл не ограничился призывом англосаксонского учителя Алкуина, который прибыл в 782 году, также он пригласил ученых из Италии — престарелого грамматика Петра Пизанского и лангобарда Павла Диакона. Алкуин и Петр стали учителями Карла, особенно первый, которого Карл называл своим *magister*.

Вместе с тем Алкуин был главою Палатинской школы, которую он устроил в духе англосаксонских школ. Чем ниже был уровень образования при франкском дворе до Карла (короли не умели подписывать своего имени), тем сильнее охватила всех жажда знания; даже женщины принимали участие в учении. Средоточием кружка ученых людей, собранных Карлом при дворе, сделалась Палатинская школа, основанная ранее при королевской капелле, в которой хранилась «сарра» св. Мартина; первоначально в ней преподавалось церковное пение, необходимое для богослужения, всякое же другое преподавание стояло до того низко, что певчие не понимали даже смысла слов, которые они пели. При Карле Великом, благодаря стараниям Алкуина, школа была преобразована и поставлена на новое основание. Это была и школа, и «академия наук», членами которой считались все приближенные короля. Кружок влиятельных и образованных лиц, окружавших Карла, называл себя «академией»; по крайней мере Алкуин в одном письме употребляет выражение *academici*.²⁵ Люди, связанные общей любовью к просвещению и интересом к

вопросам отвлеченным, вступали здесь в близкие сношения, причем забывались все различия общественного положения. Символом такого единения и вместе с тем отличия от непосвященных служили особые прозвища, которые полагались каждому члену академии. Алкуин, который, очевидно, ввел этот тон, указывает сам на эту *familiaritas*.²⁶ Вышеупомянутые прозвища любопытным образом характеризуют направление нового литературного движения, они одинаково брались из классической древности и из Библии: Алкуин называл себя Горацием Флакком, а Карл – Давидом, поэт Ангильтберт – Гомером, Эйнгард – Веселиилом, другие называли себя Назоном или Аароном; даже из эклог Вергилия брали имена, как, например, *Mepelaus*.

В некоторых случаях имена эти, как позднее у гуманистов, не что иное, как латинские переводы германских имен. В кружке участвовали и женщины, которые тоже имели прозвания. Сестра Карла игуменя Гизела – называлась *Lucia*, Гундрада – *Eulalia*, наконец, дочь Карла Ротруда – *Columba*. Присутствие женщин указывает на то обстоятельство, что академия при Палатинской школе походила скорее на кружок или общество образованных людей, чем научное учреждение. В этом маленьком придворном кружке разговор касался предметов искусства и науки; за трапезой предлагали на разрешение загадки, слушали музыку и стихотворения и в то же время поднимались вопросы серьезного спекулятивного характера, например, читали и поясняли отдельные главы сочинения Августина «*De civitate Dei*». Душой общества был Карл, правой рукой его – Алкуин. Литература, исходившая от академии, хотя в известной степени и своеобразная, стоит в связи, с одной стороны, с литературой англосаксонской, с другой стороны – с произведениями придворного поэта времен Меровингов Венанция Фортуната, который был родом из Италии и может считаться предшественником Петра Пизанского и Павла Диакона. Эта литература – в противоположность древнейшей христианско-латинской – исходит не от церкви, но от школы, что составляет существенную разницу, несмотря на тесную связь школы с церковью.

Классические писатели, прежде всего Вергилий и Овидий, стоят на первом месте, и в таком литературном направлении сказывается мысль о восстановлении Римской империи: Карл является вторым Августом. Таким образом возникает светская литература, является начало придворной поэзии и национального эпоса, причем сказываются тенденции чисто политического характера. Это нам станет ясным при разборе отдельных писателей и их произведений. Карл Великий, дав толчок литературной деятельности во франкской монархии, не в меньшей мере заботился и о распространении и сохранении литературных произведений, а также распространении просвещения среди своих подданных, прежде всего духовенства. Старания Карла относительно переписки и издания книг напоминают деятельность Константина Багрянородного, которому мы обязаны сохранением сочинений многих греческих авторов. Карл Великий заботился о переписке классических произведений латинской литературы, и, хотя труды его на этом поприще далеко уступают трудам византийского императора, мы, благодаря им, имеем лучшие списки. Па-

мятником деятельности Карла в этом направлении остался циркуляр об исправлении книг:

«Карл, с Божьей помощью король франков и лангобардов, патриций римский, – (гласит циркуляр), – церковным чтецам, находящимся под нашим владычеством... Радея об улучшении состояния наших церквей и в постоянной заботливости восстановить занятия литературой, которая почти окончательно погибла от бездеятельности наших отцов, мы побуждаем даже собственным примером нашим к изучению свободных искусств (*ad pernoscenda studia liberalium artium*) всех, кого только можем привлечь. Поэтому мы с постоянной помощью Божьей в точности исправили книги Ветхого и Нового Завета, испорченные невежеством переписчиков... Мы не в состоянии терпеть, чтоб в наши дни в божественном чтении во время богослужения, проникали раздражающие слух солецизмы (*soloecismos*) и хотим исправить эти чтения. Работу эту мы возложили на Павла Диакона, близкого нам человека. Мы приказали ему тщательно прочесть сочинения католических Отцов Церкви, собрать на этих богатых лугах несколько цветов, чтобы составить, так сказать, гирлянду из самых полезных. Ревностно стараясь угодить нашему высочеству, он перечитал сочинения и речи католических Отцов и, выбрав лучшие, предложил нам в двух томах чтения, свободные от ошибок, применительно к каждому празднику и на весь год. Мы рассмотрели текст этих томов, утвердили их и предлагаем вам для чтения в церквах».²⁷

Приведенный циркуляр и подобные ему распоряжения не остались бесплодными; они вызвали обширную деятельность по части переписки духовных и светских сочинений (так был переписан Теренций, который, как писатель драматический, по преимуществу употреблялся в школах для изучения разговорного латинского языка). Перепиской даже занимались люди ученые; мы говорили уже о списке Св. Писания, поднесенном Карлу Алкуином. Под конец жизни Карл сам стал заниматься перепиской и исправлением книг. Теган, биограф Людовика Благочестивого, говорит о Карле Великом: «За год до смерти он вместе с греками и сирийцами тщательно исправил четвероевангелие Господа нашего Иисуса Христа» (*Thegani vita Ludowici imperatoris*, 813–835 a./Ed. Pertz. *Monum. Germ. S. T. II*. 1829). Пересмотренные списки рассылались по монастырям, искусство переписки стало источником обогащения. При некоторых монастырях образовали школы для переписчиков, например, в аббатстве Фонтенельском, в Реймсе, в Корбийском монастыре и др. Благодаря всему этому у нас есть несколько хороших кодексов каролингского времени. Улучшена была также внешняя сторона переписки, вместо прежней некрасивой и неразборчивой скорописи введено римское уставное письмо. Радея о просвещении своего народа, Карл заботился об учреждении школ, а вместе с тем и о возвышении умственного уровня руководящего класса – духовенства.²⁸

«Карл, с Божьей помощью... Баугульфу, аббату (в Фульде) и всей конгрегации... привет. Пусть Ваше благочестие знает, что мы, с согласия верных, сочли полезным, чтобы в епископствах и монастырях, поручаемых по милости Христа нашему управлению, заботились не только о правильной и согласной с нашей святой религией жизни, но тоже и об

обучении словесной науке (*litterarum meditationes*), смотря на способности тех, кто в силах учиться при помощи Божией... ибо, хотя делать добро лучше, чем только знать, все же надо знать, что делать, прежде чем делать... Из многих монастырей прислали нам в последнее время письма, в которых заявляли, что братья молятся за нас во время священных обрядов и благочестивых молитв; тут мы заметили, что в большинстве этих посланий чувства хороши, а слова грубы и неотесанны (*cognovimus... et sensus rectos et sermonis incultos*), ибо то, что внушала хорошая благочестивая преданность, не в состоянии был выразить неумелый и необразованный язык. С тех пор мы стали опасаться, чтобы как пишут неискусно, так и понимание Св. Писания не было бы гораздо меньше, чем следует... Поэтому мы увещеваем Вас не только не пренебрегать научными занятиями, но трудиться со смиренным и угодным Богу сердцем, чтобы быть в состоянии верно и легко проникать в тайны Св. Писания. В Св. Писании есть аллегории, фигуры и другие вещи подобного рода (*schemata, tropi et cetera huius similia*) – и ясно, что поймет их легче тот, кто хорошо ставляет в науках. Пусть же наберут для этого людей, озаренных желанием и умением учиться, а также искусством поучать других... Если хочешь быть у нас в милости, то не забудь послать экземпляр этого письма всем подчиненным тебе епископам и во все монастыри».^A

В знаменитом капитулярии 789 года «*Admonitio*»^B Карл требует основания школ при епископальных церквях и монастырях; в этих школах должны получать образование не только дети крепостных, которые составляли массу низшего духовенства, но и дети свободных и благородных (*non solum servilis conditionis infantes, sed etiam ingenuorum filios*); предметами программы были счет, ноты, пение псалмов и грамматика. И, кроме того, ученики должны иметь «исправленные кафолические книги (*libros catholicos bene emendatos*)». Конечно, ближайшее назначение этих школ – подготовка просвещенного духовенства, но Карл смотрел на дело шире. В другом капитулярии, относящемся к 802 году,^C приказывается, чтобы каждый посылал своего сына в школу для обучения грамоте и оставлял его там до окончания обучения (*Ut unusquisque filium suum litteras ad discendum mittat, et ibi cum omni sollicitudine permaneat*). Весьма важным средством для распространения просвещения была введенная Карлом система – отдавать епископские кафедры и монастыри людям ученым, вышедшим из Палатинской или Турской школы. Наконец, Карл заботился о том, чтобы хоть самые элементарные сведения проникали в народные массы. Он требовал, чтобы всякий знал наизусть «*Credo*» и «*Pater Noster*» по латыни (*Omnibus omnino christianis iubetur symbolum et orationem dominicam discere*. – *Cap. Aquens. 14, 802 an.*); столкновение этих молитв народу лежало на обязанности школьных учителей. На соборе 813 года в Майнце постановлено было обязательное знание этих молитв и определено за незнание их наказание постом или даже ударами (*jejunii et flagellis*); от наказания не были освобождены и женщины (*Feminae vero aut flagellis aut jejunii constrigantur*).

^A Monum. Germ. Hist. T. III. Leg. t. I / Ed. Pertz. Hannov. 1835. P. 52.

^B Monum. Germ. Hist. T. III. Leg. t. I / Ed. Pertz. Hannov. 1835. P. 65.

^C Ibid. P. 67, 107.

Старания Карла привели если не к полному проникновению начал просвещения в массу народа, то, по крайней мере, к образованию нескольких центров, где сосредотачивалась вся образованность того времени, к возникновению школ, ставших впоследствии знаменитыми, как, например, Ферьерская школа, Фульдская в Майнцком диоцезе, Рейхенауская в Швейцарии, Анианская в Лангедоке, Фонтенельская. При школах находились богатые библиотеки. Сам Карл стоял во главе образовательного движения, действуя столько же примером, сколько и постановлениями. Недаром так превозносили его современники. По мнению Алкуина, Бог даровал Карлу венец, дабы украсить мудрость (Ер. 241), в нем осуществилось требование Платона, чтобы царями были философы (Ер. 170). Насколько широко развит был вкус и ум Карла, видно из того интереса, который он, по словам Эйнгарда, питал к языку и поэзии германского народа.²⁹ До нас дошли свидетельства, что Карл старался составить грамматику немецкого языка, что он дал немецкие названия месяцам и ветрам, что он тщательно собирал и записывал произведения германского народного творчества. К несчастью, от этой стороны его деяний до нас не дошло ни одного фактического документа.

Перейдем теперь к характеристике отдельных писателей и их произведений.

Алкуин

Алкуин по справедливости стоит во главе писателей нового периода всемирной литературы, которая своим началом обязана творческому гению Карла.³⁰ Алкуину Карл обязан своим научным образованием, он же был главным помощником при осуществлении планов Карла. Никто не мог быть призван к этому, кроме представителя того чисто германского племени, которое более всех преуспело тогда в литературном основании.

Национальное родство прежде всего сделало Алкуина деятельным сотрудником Карла, оно доставило возможность полного духовного сближения между ними и способствовало тому, что вместе с политическим всемирным господством перешло к германцам во время Каролингов также и литературное господство; это подтверждается тем, что почти все их замечательные авторы — германского происхождения. Алкуин, который как писатель называл себя Альбин, был благородного происхождения и родился в Йорке в 735 году. Подобно своему родственнику, знаменитому миссионеру, епископу Виллиброрду и проповеднику Беде, он еще ребенком вступил в тамошний монастырь. Он получил образование в соборной школе, которой заведовал епископ Эгберт. Более важное влияние на Алкуина имел родственник Эгберта — Эльберт, магистр школы, отличающийся редкой универсальностью знаний и любовью к преподаванию; школа Йорка стала настолько известна, что даже иностранцы посещали ее. Алкуин еще ребенком восхищался Вергилием. Как лучший ученик, он сопровождал своего учителя Эльберта в одном из научных путешествий, которое было предпринято, как сам Алкуин говорит, с желанием познакомиться с новыми книгами и новыми предметами занятий. Они направились в Рим, который был главной целью подобных путешествий.

Алкуин из ученика обратился в помощника Эльберта, когда последний занял место покойного архиепископа Эгберта (766). Когда же Эльберт через 12 лет удалился от должности, он разделил свои обязанности между двумя любимыми учениками: Эанбальд получил епископство, а Алкуин, в то время уже посвященный в степень дьякона, получил в заведение школу и богатую библиотеку. После смерти Эльберта (780) Алкуин отправился в Рим за мантией (*pallium*) для Эанбальда. На возвратном пути в следующем году он встретился в Парме с Карлом Великим, который призвал его к себе.

Алкуин переселился во Францию и начал преподавать науку монахам Ферьерского монастыря; вызванный ко двору, он восемь лет провел при дворе Карла, заботясь о Палатинской школе и содействуя развитию самого Карла. Вероятно, от тоски по родине около 790 года Алкуин возвратился в Англию, но ненадолго, так как мы находим его в 793 году опять во Франции. К возвращению его принудили печальные события на родине, а также и настоятельные требования Карла, который особенно нуждался в его знаниях, так как в это время приходилось бороться с зашедшей из Испании ересью adoption и с восстановленным на Втором Никейском соборе иконопочитанием.³¹ Алкуин выступил представителем англосаксонской церкви на Франкфуртском соборе 794 года, и нельзя сомневаться, что решения Карла во многом зависели от влияния Алкуина. В 796 году, вследствие убиения в Англии дорогого ему короля Этельреда, Алкуин оставил всякую мысль о возвращении на родину. Карл исполнил его желание, позволил удалиться от рассеянной придворной жизни и при этом пожаловал только что сделавшееся тогда вакантным аббатство Турское. Знаменитый монастырь и его школа были в большом упадке; Алкуин восстановил их и даже, согласно желаниям Карла, создал здесь образцовое учебное заведение, второй Йорк. Оно предназначалось для Франции, давая образование стекавшим сюда из самых далеких стран ученикам. Литературные пособия получал он из Англии. Вместе с тем Алкуин продолжал деятельность как помощник Карла. Он не только давал ему советы письменно, но и неутомимо боролся и в посланиях, и во всех сочинениях своих с ересями, именно с adoptionизмом. Он даже принимал по желанию Карла самое деятельное участие в Ахенском соборе (799). Он не переставал вести самую деятельную переписку с ученым миром Франции и со своими друзьями в Англии. Таким образом, этот замечательный человек сохранил до самой смерти в высшей степени разнообразную и живую деятельность, рассеивая, как он сам говорит, семена знания под вечер жизни во Франции, а на утре ее в Британии.³²

Труды Алкуина написаны частью прозой, частью стихами. Как одни, так и другие имели довольно важное значение. Влияние прозаических произведений было более продолжительно, хотя они имеют по отношению ко всеобщей литературе лишь косвенное значение. Это касается именно учебников, которые не только в его время, но и позже считались образцовыми. Так как Алкуин прежде всего был превосходным учителем, то и учебники его должны рассматриваться прежде других сочинений, тем более что они показывают, каково было преподавание в двор-

цовой школе. Это три краткие изложения грамматики, диалектики, риторики. По содержанию они еще меньше оригинальны, чем можно ожидать от книг подобного рода, но все-таки не лишены по форме некоторой своеобразности, которую можно скорее приписать англосаксонскому способу преподавания, нежели самому Алкуину. Они изложены в разговорной форме, катехезически, причем учащийся задает вопрос, а учащий отвечает. Обучение наукам всегда начиналось с грамматики. Поэтому Алкуин своему учебнику предпослал краткое введение в научные занятия вообще; главная мысль этого введения характеризует Алкуина и его время. Вершина науки – богословие, понимание Св. Писания; к ней ведут семь ступеней, это семь свободных искусств: грамматика, риторика, диалектика, арифметика, геометрия, музыка и астрономия, которые напоминают семь колонн в храме мудрости у Соломона. Предисловие облечено в форму разговора между учениками и учителем, это видим также и в грамматике, следующей за введением, но только тут два ученика: пятнадцатилетний саксонец (разумеется, англосаксонец) и четырнадцатилетний франк. Этот младший, менее образованный, спрашивает, старший, саксонец, отвечает.

Сухому научному разговору придана известная драматическая окраска; списанный с жизни, разговор этот передает свободу и непринужденность, царствовавшую в Палатинской школе. Что касается содержания грамматики, то оно заимствовано из Доната и Исидора. «Грамматика» предназначалась, собственно, для Палатинской школы, как уже показывает само введение. Риторика и диалектика, в которых ведется разговор между «королем Карлом» и «магистром Альбином», написаны были для самого Карла Великого. Относительно риторики можно сказать, что она переделана из древней, придан только христианский оттенок. Основной материал ее составляет сочинение Цицерона, на что указывается там; только наряду с примерами из древней истории приведены примеры из Библии, подобно тому как Амвросий сделал в своем трактате «De officiis». ³³ Кроме Цицерона Алкуин взял многое у Юлия Виктора; у этих двух авторов он заимствовал длинные выдержки. Точно так же и диалектика, в которой разговорная форма занимает меньше места, представляет не что иное, как простую компиляцию этимологии Исидора, псевдоавгустинского сочинения о десятиях категорий и сочинения Бозция. Еще нужно обратить внимание на один своеобразный учебник, явившийся плодом деятельности Алкуина при дворцовой школе. Он издан был для сына Карла Пипина «Disputatio regalis et nobilissimi juvenis Pippini cum Albino Scholastico». Это – карманная книжка для «упражнений в мышлении», как бы школа остроумия, также в разговорной форме. Тут мы видим разговоры о самых разнообразных предметах, определения и т. п., часто в шуточной форме загадки.

На первом плане между другими научными работами нашего автора можно поставить сочинения богословские. Они замечательны по числу и значению, которые имели в то время. Но о них не будем много говорить, так как по содержанию своему ничего оригинального не представляют. Большая часть – не что иное, как объяснение Библии, из которых самое объемистое и драгоценное сочинение, написанное и изданное по жела-

нию Гизелы и Ротруды, комментарии на Евангелие Иоанна. Подобно другим сочинениям, это только компиляция древних известных сочинений, которые приведены частью дословно, частью только по смыслу. Это замечает сам Алкуин в своем посвящении, где он называет своими источниками «Разъяснения Августина», сочинения Амвросия, как и «*Nomīlia*» Беды. Из исторических сочинениях Алкуина можно указать на два или три жизнеописания святых.

Теперь перейдем к поэтическим сочинениям Алкуина. Самое большое и значительное из них – это, без сомнения, написанное еще в Йорке в молодых годах и озаглавленное «*De patribus regibus et sanctis ecclesiae Euboriensis*».^A Этим заглавием яснее определяется как содержание, так и характер его; он не просто духовный, как в стихотворном житии святых, хотя между ними есть общее. В стихотворении рассказывается история архиепископства Йоркского, но автор не ограничивается этим, так как не только церковные интересы заставили его предпринять сей труд: побудило его национальное чувство. Он говорит в предисловии, что цель его была воспеть славу своего отечества и родного города. Слава же заключалась в распространении христианства. Сочинение составлено на основании устных преданий и собственного опыта автора; так, что оно может служить возможным источником по истории культуры. Отсюда мы знакомимся с состоянием школы в Йорке, а также и с объемом библиотеки; также есть почерпнутые из жизнеописания Алкуина сведения относительно образования его и о его учителях. Написанное гекзаметром стихотворение невольно обращает на себя внимание: оно исполнено с юношеской живостью и свежестью мысли и вообще не страдает излишним многословием. Ученик Вергилия виден в некоторых воспоминаниях, как и в хорошем стихе, в хорошей обрисовке исторических портретов и в нарисованных с любовью картинах битв.

Радостное чувство при воспоминаниях битв составляет чисто англосаксонское национальную черту, так же как и всей их поэзии. Из христианских писателей на Алкуина имел влияние даровитый поэт Пруденций. Большое литературное и историческое значение стихотворения «О королях и епископах Йоркских» состоит в том, что оно выводит поэзию на попрание светских интересов, так что оно является первым предшественником рифмованной хроники позднейшей эпохи средних веков, стоящей так близко к эпосу.^A Алкуин издал еще одно, большое стихотворение, элегию из 120 девятистиший: «*De clade Lindisfarnensis monasterii*». Оно написано для утешения монахов знаменитого Нортумбрийского монастыря Линдисфарн,³⁴ с которым он давно был знаком, а аббат и епископ его Хигбальд переписывался с Алкуином во время пребывания последнего во Франции. Подобно этому стихотворению, вызванному внешней причиной, большая часть его стихотворений по поводу каких-нибудь происшествий. У него есть также эпиграммы и послания в двустихиях и гекзаметрах. Здесь Алкуин следует Фортунату, который сам упражнялся преимущественно в этом роде поэзии. Также в других способах и стихотворных формах пробовал свои силы Алкуин, но из них немногие стихо-

^A См.: Monum. Germ. Hist. Poet. lat. I. P. 231–236.

творения дошли до нас. Это можно сказать о лирике, которой он должен был отдавать особенное предпочтение, так как ей он обязан своим академическим именем. Мы знаем также, что его песни пели с аккомпанементом при дворе Карла.

Из других произведений Алкуина, как исторический материал, для нас особенно важны его письма. Одни из них имеют чисто частный характер, другие предназначены для более обширного круга читателей.

Алкуин, подобно последующим гуманистам, вел обширную переписку. Несмотря на то что большая часть писем утеряна, все-таки их сохранилось до 800 и почти все относятся ко времени пребывания его во Франции, большая же часть была написана в Туре. Громадное значение этого человека в развитии культуры всего живее видно из собрания писем, и там же мы видим, как влияние его распространялось на всем Западе, так как его письма доходили не только до самых дальних пределов Франции, но и переходили за них. Он посылал советы королю, папам, епископам и монахам, сановникам, друзьям и незнакомым ему лицам. Они касаются иногда церковных и политических событий, иногда научных вопросов различного рода, а иногда и школьного дела. Между письмами есть много отправленных ближайшим друзьям; они написаны с целью заменить разговор, а иногда в них виден учитель, нравственно влияющий на своих учеников. Почти все письма имеют значение в истории культуры. При первом же поверхностном знакомстве их можно легко разделить на три группы; к первой принадлежит не малая часть: письма, посланные на родину, в Англию, которые относятся к тому времени, когда Алкуин был при дворе Карла. В них говорится об англосаксонских делах, и из них видна горячая любовь автора к своему отечеству, а также и его влияние на своих соотечественников.

Самую важную группу писем составляет переписка с Карлом Великим, из которой видны взаимные отношения двух великих людей. Алкуин относится с истинной любовью к своему великому ученику, рвению к науке и всестороннему образованию которого Алкуин всегда удивлялся. В этих письмах Алкуин ни разу не является льстецом, хотя и выражается придворным языком.

Алкуин прав, восхваляя Карла за то, что он посредством раздачи наград и почестей возбуждает ревность к знанию и, что для этой цели собирает вокруг себя со всех концов света друзей науки, и за то, что король хочет улучшить и поднять положение народа и распространить христианство.

Замечательна переписка Карла, отличающаяся научным характером; она служит продолжением образования Карла, начатого Алкуином, когда последний удалился от двора. Карл задает вопросы из различных наук и преимущественно о таких пунктах, относительно которых окружающие его люди не могли дать удовлетворяющих сведений или были другого мнения, нежели его старый учитель. Последний составляет для Карла как бы высшую ученую инстанцию, даже тогда, когда другие предлагают ему или дворцовой школе ученые вопросы. Алкуин в своих письмах об-

^A Эта хроника также иногда ставит на первый план церковные события.

суждает также и церковные политические события, так, например, говорит о способе обращения с побежденными аварами, о положении папы Льва, о новой империи и т. п. Гизо насчитывает до тридцати писем, адресованных Карлу, и располагает их по годам и номерам, но по старому счету. У Jaffé мы находим иной счет, причём писем Карлу оказывается более восьмидесяти. Иногда они адресованы так: «Королю Давиду – отцу отечества». Остановимся только на самых замечательных из них. Переписка начинается со времени удаления Алкуина в Тур.

Первое письмо Карлу (у Jaffé под № 67) заключает в себе победы над гуннами (аварами) и разные советы относительно обращения с новопокоренным народом. Он советует Карлу послать к аварам миссионерами людей просвещенных и опытных, советует кроткое обхождение с новокрещаемыми. Далее речь идет о десятине в пользу церкви. Алкуин советует на первое время, чтобы не помешать делу обращения, отказаться от этого сбора: «Лучше потерять десятину, нежели веру, – говорит он, – мы, родившиеся, вскормленные, воспитанные в католической вере, едва согласны давать десятину нашего имущества; в сколь меньшей степени согласится на это зарождающаяся вера, слабое сердце и корыстный ум этих народов». Во втором письме (№ 76) Алкуин советует кроткое отношение к пленникам и милосердие к врагам. Особенно важно третье письмо (Jaffé № 78), относящееся к 796 году, где Алкуин дает Карлу отчет в том, что он делает в Туре для успехов своей школы: «Я, Ваш Флакк, согласно Вашему увету и мудрому желанию, стараюсь одним предложить мёд священного писания под крышей св. Мартина; других питаюсь опьянить старым вином занятий древностью; иных питаю плодами грамматической мудрости; глазами других стараюсь представить в блеске строй светил. Но я отчасти терплю недостаток в лучших книгах школьной учености, которые я добывал на родине как трудами моего учителя, так и собственными моими заботами; поэтому я прошу В. В., чтобы мудрости Вашей благорассудилось позволить мне послать некоторых из моих слуг, да привезут они во Францию цветы Британии... На утре жизни моей я в Британии посеял семена науки; теперь на ее закате, и хотя кровь моя поохладилась, я не перестаю сеять их во Франции и надеюсь, что милостью Божьей они будут процветать в обеих странах».³⁵

В одном из писем Алкуин излагает взгляд на задачи арифметики и значение чисел для толкования Св. Писания. Из четных чисел совершенные суть те, которые вполне состоятся из своих частей, не нарушаются ни при разложении на свои составные части, ни при соединении их. Таково, например, число 6. Половина его равняется 3, треть – 2, шестая часть – 1. Сумма всех частей равна шести. Вот число совершенное. Недаром совершеннейший творец создает все в шесть дней; недаром все сотворенное было добро зело. Число 8 принадлежит к несовершенным; в самом деле, сумма частей не равна самому числу. Половина $8 = 4$, $1/4 = 2$, $1/8 = 1$, $4 + 2 + 1 = 7$. Вот причина, почему род человеческий после потопа, как менее совершенный, чем допотопный, размножился от восьми душ, спасшихся в ковчеге Ноевом.³⁶ Пропускаем ряд писем, в которых заключаются ответы на ряд вопросов Карла Великого. Таковы, например, письмо № 4 (Jaffé № 83),³⁷ где разбираются различные астроно-

мические вопросы, в решении которых Алкуин расходится со взглядами Палатинской школы, причем он позволяет себе легкие насмешки над молодыми людьми этой школы; письмо № 7 (Jaffé № 99), где обличается ересь; № 10 (Jaffé № 103) о кометах и другие. В письме № 15 (Jaffé № 119) идет речь о посылке в Рим учеников Турской школы. Карл Великий нуждался в присутствии Алкуина и уже неоднократно приглашал его приехать в Рим, где сам тогда находился (794 г.); но Алкуин предпочитал закопченные дымом кровли Тура раззолоченным римским дворцам. Поэтому Карл просил его по крайней мере прислать туда учеников, на что он и согласился. Письмо № 24 (Jaffé № 205) прислано Алкуином Карлу Великому вместе с известным экземпляром переписанного им самим Св. Писания.

Третью группу писем составляют письма к архиепископу Арно Зальцбургскому, лучшему другу Алкуина, некогда бывшему его учеником. У нас из этих писем осталось от 30 до 40, и все относятся к последнему периоду жизни Алкуина (796–804). Эти письма самые интимные. Вообще письма Алкуина написаны хорошо, он выражается ясно и просто, не высокопарно; слог их так же хорош, как и в поэтических посланиях к Карлу. Если признать, что Алкуин своим личным влиянием, о котором свидетельствуют письма, способствовал возникновению нового направления принятого литературой, то нельзя умолчать о том, что его ученые труды повлияли таким же образом, с той разницей, что личное влияние было сильнее. Алкуин, как уже было замечено, не обращает на себя внимание только одними философскими и догматическими объяснениями, образцом библейских комментариев и влиянием на национальную культуру – он своими стихами сильнее подействовал, несмотря на то что не был поэтическим гением. Своими посланиями, эпиграммами, стихами на разные случаи он дал образцы национальных стихов чисто светского характера. Это Алкуин заимствовал у латинских классиков, именно у Вергилия и Овидия, которых он брал как образец.

Павел Диакон

Освобождение литературы от господства духовного направления является одновременно при дворе Карла и с другой стороны; оно исходит от другой школы – итальянской. Представитель ее – знаменитый историк Павел, названный по своему званию Павел Диакон (Paulus Diaconus).³⁸ Он был сын Варнефрида, родился в тридцатых годах VIII столетия, следовательно, был немного старше Алкуина. Павел родом из Фриуля, происходил от знатного лангобардского рода, благодаря чему воспитывался при королевском дворе в Павии; Флавиан был его главным учителем. Павел получил основательное образование, как показывают его произведения; он изучил греческий язык. Он променял жизнь мирянина на монашескую по примеру короля своего Ратихиса (744–749). Ему скоро пришлось иметь дело со двором последнего лангобардского короля Дезидерия (756–774); он сделался учителем королевской дочери Адельперги, жены герцога Беневентского Арихиса. При дворе последнего

он нашел второе отчество после падения государства Лангобардского (774 год).

Он долго служил этой высокообразованной княжеской чете своей литературной деятельностью; в восьмидесятые годы он возвратился в знаменитый монастырь Монте-Кассино, вследствие печальных событий на своей родине.

По особенной причине Павел вышел из монастыря. Как кажется, брат Павла, Арихис, участвовал в восстании Фриуля против франков в 776 году; по крайней мере, он был схвачен, и все имущество семьи конфисковано. Павел осмелился в следующем году лично просить Карла о возвращении свободы брату; его прошение было изложено в форме элегии. Карл исполнил просьбу, но самого просителя удержал при дворе своем, где тот оставался в 782–786 годах. Павел вместе со своим соотечественником Петром Пизанским³⁹ состоял учителем греческого языка при Палатинской школе. Но, несмотря на блестящее положение, он постоянно думал о монастырской келье, где спокойно мог сосредоточить свои мысли. В 787 году мы видим его в Монте-Кассино, где его очень уважали за благочестие, миролюбивый характер и ученость. Свою неутомимую литературную деятельность он посвятил теперь монастырю: издал «Гомилии» и объяснение правил св. Бенедикта; там же написал знаменитое сочинение – историю своего народа. Посреди этой работы его настигла смерть уже в преклонных летах, вероятно, в конце VIII столетия.

Произведения Павла можно разделить на три категории: исторические, практическо-богословские и поэтические. Первые, то есть исторические, – самые главные. Сюда относится сочинение Павла с заглавием «*Historia Romana*», представляющее продолжение истории Евтропия. Это сочинение посвящено его ученице Атальяберте и для нее издано. К истории еще был впоследствии прибавлен один том; он представляет извлечение из истории лангобардов Павла, причем автор хотел исполнить обещание Павла, данное им в посвящении, довести историю до его времени. Другое продолжение этой истории представляет переработка, составленная в конце следующего IX столетия, или в начале X Лондольфом Согоксом (*Londolfus Sogox*); автор доводит историю до 813 года; за основание этого продолжения взята история церкви Анастасия, составленная в 872 году. «*Historia Romana*» и ее продолжение пользовались большим уважением и были очень распространены в средних веках. Во время своего пребывания во Франции, вероятно исполняя желание епископа Мецского, Павел издал по образцу «*Gesta pontificum Romanorum*» краткую историю епископов мецских (до Ангильрама) под заглавием «*Gesta episcoporum Mettensium*». В состав ее входит биография первого тамшнего проповедника Св. Евангелия – св. Климента, которого будто бы сам Петр послал на проповедь. Эта история, кроме перечисления имен, ничего не представляет; перечисление же сопровождается краткими заметками, почерпнутыми из преданий; только биографии двух или трех епископов тщательнее обработаны на основании письменных источников, как, например, биография Ауктора, который был епископом во времена Атилы (по Григорию Турскому и Фредегарию). Павел написал также краткую биографию Григория Великого; составил он ее в Риме,

вскоре после возвращения из Франции; биография эта представляет компиляцию из Беды и сочинений самого Григория.

Гораздо важнее другое историческое сочинение Павла – его «*Historia Langobardorum*». Труд состоит из шести книг, написанных Павлом по возвращении в Монте-Кассино. Сочинение это не окончено, на что указывает одно место в последней главе, где автор замечает, что в свое время расскажет нечто, случившееся позже; точно так же недостает предисловия и заключения для всего сочинения, потому что шестая книга, очевидно, заключена смертью Лиутпранда, одного из самых замечательных лангобардских королей. Распределение материала обдуманно, составлено вполне умело и соответствует содержанию. Впрочем, последовательность, самая нить рассказа часто прерывается вставкой анекдотов, преданий, географических подробностей или сообщений из всеобщей истории; последние, впрочем, касаются тех народов, которые в то время входили в сношения с итальянцами. Павел пополняет свою историю историей Италии, причем главное внимание обращено на Рим, как на резиденцию пап; в хронологии Павел следует главным образом Бедо. Но, к несчастью, в этом отношении у него много неточного и неопределенного; так почти везде, за малыми исключениями, он говорит очень неопределенно, как, например, «в то время», «через несколько лет» и т. п.

Отсутствие внутренней связи между отдельными частями рассказа объясняется самим способом его работы: и этот труд Павла также компиляция из различных книг, из которых, иногда дословно, приведены выписки; с ними соединяет он устные предания и сообщения, они-то и дают значение исторического материала его книге наряду с выписками из сочинений, ныне потерянных. К таким утраченным источникам принадлежит краткая история лангобардов, сочинение Секунда Триентского (612). Еще важнее был для Павла сохранившийся до нашего времени лангобардский источник конца VII столетия, небольшое сочинение о происхождении лангобардского народа (*Origo gentis Langobardorum*), которое впоследствии было соединено в одном издании с эдиктом Ротари. Это очень краткий учебник истории, доведенный до царствования Ротари. Из иностранных историков Павел руководствовался сочинениями Григория Турского, Беды и *Gesta pontificum Romanorum*, а также трудами Григория Великого и Исидора. Нельзя также ждать от этого сочинения Павла строгого разграничения исторически важных фактов, точно так же можно найти только слабые зачатки критического исследования, хотя автор явно стремится к точности.

Но все-таки в этом сочинении, в сравнении с сочинениями Григория Турского, видно желание к ограничению церковного элемента. Он здесь вовсе уже не преобладает, отчасти, конечно, вследствие арианства лангобардов. Вместо господства церковных интересов является интерес патристический, как мы видим в истории готов Кассиодора–Иордана. Павел хороший католик и пишет в уединенной келье, но, несмотря на это, любит в противоположность Григорию рассказывать вместо чудес святых о сказочных подвигах своих национальных героев. Эти рассказы дают наибольшую прелесть его чисто германской национальной истории. Они отличаются отсутствием всякой напыщенности, риторической, нравст-

венной подкладки и дают часто самое живое наглядное представление об исторических событиях. Какой успех имело это сочинение в Средние века, доказывают уже более чем пятнадцать извлечений из него и десять переводов.

Из богословских работ Павла упомянутое уже собрание «Гомилий» было не только в свое время искусно составленной антологией, но имело значение и в более поздние времена. Стихотворения Павла, сохранившиеся до нашего времени, гораздо многочисленнее, чем у других авторов того времени. Они большей частью написаны на различные случаи, как у Алкуина, но есть также произведения другого вида, именно стихотворения, так или иначе вызванные самим Карлом, которые вводят нас в атмосферу эстетической жизни при дворе Карла. Во время пребывания во Франции Павел писал эпитафии в стихах, которые стоят несравненно выше эпитафий других поэтов того времени. Также он сочинял элегии и басни. Духовная поэзия Павла уступает светской. Большинство этих стихотворений посвящено св. Бенедикту. Кроме того, Павлу принадлежит доселе употребляемое при католическом богослужении стихотворение «Versus in laudem sancti Johannis Baptistae».

Эпическая поэзия

Между тем как Карл воззвал к жизни светскую придворную лирику, служащую для развлечения и основанную на грамматическом образовании, его славные дела разбудили находящийся в бездействии эпический дух современников. Так дошли до нас отрывки из двух стихотворений, написанных в гекзаметрах, которые воспевают дела Карла (составленные, вероятно, тотчас после самих событий). Первое из них составил некто Нибергicus, как сказано в заглавии, следовательно, автор – один из ученых ирландцев, которые со времен Колумбана имели обыкновение приезжать на материк, чтобы найти более обширную деятельность (чем в отечестве), как миссионеры веры и науки. Содержание этого стихотворения – победа Карла над Тассилоном в 787 году; само стихотворение не лишено силы и картинности и вместе с тем написано слогом простым, не выскопарным.

Гораздо значительнее и интереснее другой эпический отрывок, как кажется, восьмая книга большого стихотворения, герой которого Карл Великий.⁴⁰ Отрывок этот по содержанию своему озаглавлен «Karolus Magnus et Leo rара». В поэме представлен двор Карла Великого в Ахене и Падерборне. Описывается царская охота, выводятся все члены царской фамилии. Эта поэма важна как исторический материал благодаря фактическим данным, которые она заключает; вместе с тем она представляет не только успех литературного движения, который мы видим уже у Алкуина в его поэмах об епископах и королях Йоркских. Эти эпические попытки указывают на поворот в литературе, в особенности, если сравнить их с прототипом – произведением Фортуната (поэма о св. Мартине). Вместо святого теперь воспевается светский герой, дела которого, подобно чудесам святых, должны были иметь влияние на это склонное к чудесам время, которое передало эти дела в народных преданиях, придав им

фантастический колорит; мы видим тут возрождение эпического духа и начало национального эпоса в Западной Франции.

Этот же новый культ героев современных поэтов – учеников Вергилия – воодушевляет мысль о восстановлении Римской империи.

В названном отрывке нас поражает художественность изложения и музыкальность стиха. Хотя блестящая мозаика представляет главным образом влияние Вергилия и Фортуната, все-таки это не рассудочная механическая работа ученого, но произведение художника, который ищет наслаждения в мире фантазии. В описании красивых нарядных женщин, которым он отдает предпочтение в своем произведении, видно уже стремление романтическое, которое ничего не имеет общего с аскетизмом духовной поэзии, напротив, отличается чисто придворным характером. Некоторые указания⁴¹ говорят за то, что неназванный автор рассмотренного стихотворения был Гомер из эстетического кружка Карла Великого, звали его Ангильбертом. Он уже другого германского племени, а именно франкского, знатного происхождения, вырос при франкском дворе и рано вступил в сношения с королевским семейством; эти сношения со временем стали еще теснее. Его учителя – Алкуин и Петр Пизанский. Ангильберт был самым доверенным советником Карла, который давал ему наиболее важные политические поручения. В 790 году он получил аббатство Св. Рикье (St. Riquier), где его впоследствии чтит, как святого. Духовный сан не помешал ему тайно жениться на дочери Карла Берте. Он имел двух сыновей: один из них, по имени Нитгард, стал историком. Свидетельство хроники «*Annales Laureschamenses*», по которому Эйнгард будто бы был связан с Иммою, дочерью Карла Великого, можно объяснить тем, что анналы⁴² смешали Имму с Бертой, а Эйнгарда с Ангильбертом. Первый, как известно, был женат на Имме, девушке знатного происхождения, но не дочери Карла. Вышеупомянутое свидетельство анналов представляет основу всех позднейших рассказов об этой связи. Более государственный человек, нежели священник, Ангильберт обладает совершенно светским образом мыслей; эстетические наклонности делали его склонным к представлениям гистрионов, которые так порицал Алкуин.⁴³

Что Ангильберт был высоко ценим в кружке Карла, доказывает не только его академическое прозвище – Гомер, но и суждения современников, которые ставят его в один ряд с Теодульфом. Сохранились только два-три его сочинения – большие стихотворения, в которых он называет себя их автором, и два из них имеют особенное значение.

Первое состоит из двестишести – приветствие Пипину после победы над аvarами. Ангильберт в то время (796) отправился в Италию и встретился с ним в Лангре. По изложению Ангильберта можно судить о семейной жизни при дворе Карла во время королевы Лиутгарды. То же видим мы и в другом стихотворении, написанном гекзаметром в форме эклоги или послания. Содержание стихотворения – хвала Карлу и любимым людям поэта, форма его заимствована из восьмой эклоги Вергилия.

Теодульф

Нам остается познакомиться еще с одним поэтом того времени, принадлежащим к кружку Карла Великого. До нас дошло больше всего его стихотворений, хотя их немалая часть утеряна. Мы говорим о епископе Орлеанском Теодульфе.⁴⁴ Он принадлежал к готскому племени по происхождению, что мы видим от него самого из стихотворений. Нельзя достовернее указать на его отечество, но предполагают, что он пришел из Испании или из Септимании. Всестороннее образование Теодульфа обратило на него внимание Карла и помогло ему заслужить расположение короля. Образованность Теодульфа видна из его стихотворений, а особенно из одного, в котором упоминаются его любимые сочинители; там говорится о великих Отцах Церкви, об энциклопедисте Исидоре, а также об языческих философах, имена которых, к сожалению, не названы. Из самых видных христианских писателей Теодульф упоминает Пруденция, а из языческих грамматиков – Помпея и Доната, а также поэтов Вергилия и Овидия. Без сомнения, человек с таким образованием и с такими наклонностями к науке должен был стать близко к Карлу. О жизни его мы имеем самые ограниченные сведения; в том, что он находился при дворе Карла, не может быть никакого сомнения. С 788 года Теодульф управлял епископством Орлеанским и аббатством Флерийским (Fleury), а впоследствии к ним было присоединено и аббатство Эньяньское (St. Aignan). Там работал он на пользу церкви и государства в духе Карла: исправлял нравы и распространял образование среди между духовенства и народа.

Это подтверждается составленным им капитулярием для священников его паствы. Между прочим, в нем предписывается говорить проповеди для поучения народа, устраивать школы в деревнях и селах, где детей должно обучать как можно тщательнее и безвозмездно.

Эта общественная деятельность и всем известная справедливость Теодульфа заслужили ему признательность Карла; доверие свое к епископу Карл доказал тем, что поручал ему исправление важных должностей, посылал в качестве *missus dominicus*. Теодульф был призван Карлом в Рим для участия в деле папы Льва и его врагов в 800 году. Оттуда он привез с собой епископскую мантию (*pallium*). По смерти Алкуина он сделался одним из первых советников Карла по делам, касающимся церкви. Теодульф участвовал в догматическом споре об исхождении Св. Духа. По поручению Карла он собрал материалы из сочинений Отцов Церкви для решения этого вопроса (в сочинении «*De spirita sancto*»). Более самостоятельным богословским трудом является сочинение «*De ordine baptisti*». В начале царствования Людовика Благочестивого Теодульф занимал видное положение. Так, например, Людовик послал его навстречу папе Стефану V, приехавшему для венчания в 816 году. Но эти добрые отношения вскоре совершенно изменились. Теодульфу обвинили в участии в заговоре Бернгарда Итальянского и на Пасху 818 года его лишили сана и сослали в монастырь Анжер (Angers).

Теодульф до смерти отрицал свою виновность, хотя принесением повинной он легко мог вернуть милость короля. Трудно допустить, что-

бы Теодульф был виновен; это не согласовывалось ни с прежней его жизнью, ни с политическими убеждениями. Так умер он в заключении в 821 году.

Теодульф занимает первое место среди поэтов своего времени по красоте, форме, по языку и слогу. В его стихах мы не находим уже тех заимствованных слов и частых выписок из древних образцов, которые так напоминают грамматическую школу.

Теодульфа нельзя назвать поэтическим гением, но он обладает талантом описывать; он дал нам много живых и поэтических картин в своих стихах. Большая часть его стихотворений похожа на стихи Фортуната; они почти все состоят из двустихий. В молодости Теодульф подражал Пруденцию. Это подражание мы видим в одной из его больших дидактических поэм, от которой сохранилось только два отрывка.^A Другое дидактическое стихотворение Теодульфа, которое заключает в себе 956 стихов в двустихиях, принадлежит к его значительнейшим и важнейшим произведениям. Оно представляет плод деятельности епископа в качестве *missi dominici* в 798 году; по крайней мере, об этой миссии он говорит довольно подробно, хотя главное содержание всего сочинения — увещание, обращенное к судьям вообще, и потому оно справедливо озаглавлено «*Versus contra iudices*». После некоторых общих увещаний, в которых судьи призываются к справедливости, кротости и неподкупности, причем указывается на примеры и изречения из Ветхого Завета, он затрагивает корыстолюбие судей, в чем они сами, может быть, упрекают его. Отсюда видно, как был тогда распространен этот порок. Правда, Теодульф считает себя свободным от этого порока.

Рассказ епископа Орлеанского о путешествии как *missi dominici* (императорского уполномоченного) составляет самую интересную часть стихотворения. В обществе будущего епископа Лионского Лейдрада, как товарища по службе, Теодульф предпринимает путешествие, задача и план которого кратко изложены. Главные места их ревизии — Нарбонна, Арль и Марсель. Особенно много говорится о том, какие попытки делали как простые, так и знатные люди, чтобы подкупить их; каждый из них не надеется достигнуть чего-нибудь, не дав взятки. В культурно-историческом отношении заслуживают внимания подарки, которые обещают или предлагают миссам. Они указывают на оживленную торговлю между Южной Францией и мусульманской Испанией. Здесь мы видим не только арабские золотые монеты, но и платки (*rallia*) и кордовские кожи. Желая подкупить ученых прелатов, тяжущиеся предлагали разные древности. Кто-то предлагает им через посредство слуги великолепную вазу, которую Теодульф описывает с интересом знатока.

После этого отступления, как сам автор называет предыдущий рассказ, Теодульф продолжает увещание судьям: справедливость не допускает взяток также и за правое решение дела; право не должно быть продаваемо. Автор заставляет Разум обращаться к судьям с убедительной речью. Затем Теодульф дает правила, как надо поступать, чтобы справедливо решать дело; к тому судья должен подготовлять себя молитвой и начинать свою деятельность рано утром. Он предостерегает его от гордости (*superbia*), которая изображена под видом Люцифера; он побуждает судью к человеколюбию, к особенной заботливости о бедных, вдовах и

^A Fragmentum de vitiis capitalibus.

сиротах. Но судья должен обладать не одним человеколюбием, с ним он должен соединить мудрость Соломона и знание людей. Затем говорится о наблюдении за стряпчими и заседателями, за допросом свидетелей, за присягой, а также за назначением наказаний, причем автор предостерегает от жестокости и призывает к кротости. Таким образом, перед нами картина тогдашнего судопроизводства с множеством замечательных подробностей, при этом выступает личность и образованность автора. То же мы видим из конца стихотворения, из красноречивого обращения к бедным и угнетенным вообще, причем автор напоминает богатым и имущественным людям, что бедные также люди и их ближние.

Личность Теодульфа и отчасти его поэтическое дарование видно всего лучше из посланий. Особенного внимания заслуживает длинное послание к Карлу Великому (*Ad Carolem regem*). Оно дает понятие об обществе при дворе императора, который тогда отличался особенным блеском благодаря богатой добыче, захваченной на войне с аварами в 796 году. Находясь в то время в отсутствии, поэт описывает жизнь при дворе, как он себе ее представляет по воспоминаниям из прежнего времени. Песнь начинается торжественной хвалой Карлу Великому, покорившему гуннов. Его хвала безгранична, она поется целым светом. Новые завоевания поэт считает расширением царства Божия, и как авары должны быть обращены в христианство, так и арабы, не менее свирепые и непокорные, должны быть когда-нибудь побеждены Карлом и подчинены ему. Также и Кордова должна сложить у его ног свои в течение стольких лет накопленные сокровища. Испанские походы, окончившиеся взятием Барселоны и начатые год спустя, были им здесь предсказаны. Поэт подробно рассказывает, как по окончании совета и богослужения все идет на пир во дворец, как сыновья Карла снимают с него мантию, перчатки, меч, а дочери с поцелуями подносят ему цветы, к ним присоединяется Лиутгарда, будущая супруга Карла; Теодульф прославляет ее красоту, обходительность и щедрость, затем говорит о благочестии Гизелы, сестры Карла. После рассказа о входе знатных лиц, о заботах гофмаршала, о молитве архидьякона мы знакомимся с главнейшими лицами свиты Карла. Первое место занимают ученые, во главе их – Алкуин, затем следует ученый канцлер Эрханбальд (*Erchanbald*), потом *Scottus* (может быть, грамматик Клемент), которого Теодульф вообще преследовал едкими насмешками, затем говорится о деятельном и малорослом, но обладающем большим умом Эйнгарде. Теодульф смеется над ним, но не скрывает своего уважения; тот, говорит он, бегаёт быстрым шажками, как муравей *Nardulus* (уменьшительное от *Einhardus*), но в маленьком теле обитает великий дух (*domus habitata hospite magno*). Обо всех говорится в веселом шутливом тоне. В конце пира, когда уже не жалеют вина и пива, читаются стихотворения, может быть, самого Теодульфа (*Sonet Theodulphica*); стихи проклинает здоровый, крепко сложенный, охмелевший воин, герой Вибод (*Vibodus*), а злой *Justellus* слушает и сердится и старается всячески раскритиковать стихотворение, но и Теодульф не оставляет его в покое.

*Народная светская поэзия
Павлин Аквилейский*

Вместе с поэзией, которая достигла высшей степени развития в сочинениях Теодульфа, во время Карла Великого мы видим еще род светской народной поэзии в ритмических стихах, как мы уже раньше упомянули. Здесь воспеваются великие деяния того времени, которые придают эпический характер этой народной поэзии; так образовалась народная лиро-эпическая поэзия. Таких произведений времени Карла Великого сохранилось очень мало, из них три относятся к войне с аvaraми; древнейшее из них — торжественная благодарственная песнь,^A воспевающая победу Пипина, сына Карла, над аvaraми в 796 году, или точнее, совершенное покорение их. Песнь заключается славой Богу Отцу и Богу Сыну. Это стихотворение отличается духовным характером и, по-видимому, написано вслед за самим событием духовным лицом, может быть, находившимся в войске при походе на аваров. Изложение, благодаря вставленным речам, получает драматическое оживление, которое придает еще более сходства этому стихотворению, написанному ритмическим трохеическим тетраметром, с позднейшими романсами. Народный характер выказывается также в языке в филологическом и синтаксическом отношении.

Второе из этих стихотворений, составленное несколько позже и написанное ритмическим ямбическим триметром, есть элегия на смерть героя, который считался настоящим победителем аваров, — маркграфа Фриульского Эрика, одного из способнейших полководцев Карла.

Третье стихотворение, написанное ритмическим ямбическим триметром, лишь косвенно относится к аvarам или гуннам того времени. Это элегия на разрушение Аквилеи Атиллой. Все стихотворения, не без основания, приписывают одному автору, образованнейшему человеку времени Карла. Имя его Павлин Аквилейский.⁴⁵ Он родился в Фуле и был один из первых ученых, заслуживших расположение Карла. Будучи преподавателем грамматики, Павлин оказал королю такие услуги, что после подавления восстания лангобардов во Фриуле король подарил ему несколько имений мятежников и впоследствии сделал патриархом Аквилеи. Он был явно опорой франкского господства в Лангобардии. Находясь в постоянных сношениях с королем, он должен был непременно подружиться с Алкуином, первым духовным советником короля. Алкуин уважал Павлина Аквилейского не только за высокий сан духовный, но и за его богословскую ученость и образование, как видно из писем к нему.

Эйнгард

Успех, сказавшийся в прозаической литературе при Карле Великом, нигде не виден так ясно, как в историографии, представителем которой является франк Эйнгард, который принадлежал отчасти ко времени Лю-

^A Сначала была издана в дополнение к сочинениям Эйнгарда: Vita Caroli Magni en usum Scholarum. 2-е изд. Hannov., 1845.

довика Благочестивого и пережил Теодульфа.⁴⁶ Эйнгард был благородного происхождения, первоначальное образование получил он в монастыре св. Бонифация в Фульде. Его большие научные дарования дали мысль аббату Баугульфу послать его на девятнадцатом году жизни ко двору Карла, не столько ради самого посланца, сколько в интересах Карла, который старался собрать около себя все выдающиеся таланты.

Эйнгард легко приобрел там расположение разнообразием своих дарований. Он обладал техническими, литературными познаниями, выказывал понимание и склонность к нравственным наукам и любил поэзию; к этому присоединились еще дружелюбный характер, услужливый и скромный нрав. Современники ценили его великий дух в малом теле, как это показывают стихи Алкуина, Теодульфа и Вальфрида. Он тесно подружился с сыновьями Карла, а самому королю стал со временем так близок, что сделался его самым доверенным советником в государственных делах. Он был послан в 806 году к папе за подтверждением завещания Карла, где говорилось о разделении государства по назначении Людовика соправителем. Он служил Карлу также своими техническими архитектурными занятиями, которые дали ему академическое имя Веселиил.⁴⁷ Карл поручил ему наблюдение за всеми постройками. Эйнгард был прежде всего мирянин, изучавший с особым рвением светскую литературу, и обладал прекрасной библиотекой классиков. Он женился на девушке знатного происхождения по имени Имма.

После смерти Карла, во время правления Людовика Благочестивого он занимал видное место и даже был учителем; император назначил его наставником к своему сыну Лотарю, когда тот стал соправителем. Своим посредничеством он старался мирить короля с сыном и во время восстания 830 года он не присоединился ни к той, ни к другой стороне, и притом с таким тактом, что сумел не потерять расположения ни отца, ни сына. В то время Эйнгард на довольно долгое время удалился от дел государства, насколько это было возможно, хотя обыкновенно проводил зиму при дворе в Ахене. Вообще он не отличался деятельным характером.

Благодаря милости императора Людовика, уже с 815 года Эйнгард получил несколько монастырей (тогда были и светские аббатства). Его мысли мало-помалу приняли религиозное направление, он начал стремиться к уединению и удалился в любимый им Michelstodt в Оденвальде, где построил дома и церковь; сюда предназначались мощи св. Марцеллина и Петра, привезенные нотариусом Ратлейком из Рима в 827 году. Но год спустя Эйнгард отвез мощи в свое имение Мулингейм (Mulinheim), находившееся на севере, впоследствии названное Зелигенштадт (Seligenschtadt); здесь он построил великолепную церковь и основал монастырь, сделавшийся впоследствии известным благодаря чудесам св. мощей. Там поселился он с 830 года. Через шесть лет умерла Имма. Ее смерть поразила Эйнгарда, так как он искренне надеялся на помощь своих святых. Несмотря на утешения друзей и императора Людовика, поспешившего к нему, его скорбь не утихла; только четырьмя годами пережил он свою жену. Эйнгард умер в 840 году.⁴⁸

Самое значительное произведение Эйнгарда, которое бесспорно принадлежит ему, — сочинение, написанное вскоре после смерти Карла Великого, — «Жизнь Карла», произведение совершенно законченное, луч-

ший памятник его научного образования. Это сочинение составляет по языку высшую ступень классического образования того времени. Л. Ранке удачно охарактеризовал его работу, говоря: «Эйнгард в мере и форме своего сочинения следовал древним образцам, как и в своих архитектурных трудах, в которых Витрувий был его учителем; но этим он не довольствовался; как в архитектуре он пользуется самим материалом древних, обломками их сооружений, сообразно с этим набрасываются картины его жизни в форме жизни Августа, написанной Светонием».⁴⁹

Форма «*Vita Caroli*» по большей части заимствована из этого источника, не только в общем, но и в деталях, насколько это было возможно при различии времен и героев. Способы выражения, слова и целые обороты взяты из римского прототипа.

Л. Ранке прав, замечая, что при таком подражании вся оригинальность личности Карла должна сгладиться. Можно сказать, что недостает непосредственности передачи; картина является при отраженном освещении. В другом отношении Jaffé⁵⁰ тоже прав, говоря, что это подражание заставило Эйнгарда приводить самые мелкие черты характера Карла Великого, которые без этого были бы пропущены, потому что в своем стремлении нарисовать вполне верную картину своего героя он передал все малейшие отступления от характера своего прототипа. Значение этих отступлений делается яснее при сравнении их со Светонием. Ни одно другое произведение того времени не носит на себе такого полного отпечатка подражания. Здесь высказывается самым наглядным образом взаимное отношение восстановления Римской империи и возрождения классического образования. После стольких жизнеописаний святых это первая светская биография, изображение жизни главнейшего светского лица того времени, который не был и не хотел быть святым. Это жизнеописание составлено мирянином по образцу древних языческих *Vitae*. Несмотря на то, что автор выставляет своего героя в самом лучшем свете, здесь мы не видим панегирического тона, присущего прежним жизнеописаниям; автор рисует героя так, как тот ему представлялся, с целью, как он сам говорит в предисловии, отдать этой книгой дань своему *dominus et patronus*. Но не одно чувство долга заставило его взять на себя этот труд, а еще более сознание, как он говорит там же, что никто не мог вернее изобразить того, чего он сам был очевидцем. И в самом деле, никто из окружавших Карла в позднейшие годы не был к императору ближе Эйнгарда.

Книга Эйнгарда переписывалась множество раз, заслужив всеобщее одобрение, относящееся не только к содержанию, но и к ее форме. Это поистине достойный памятник великому императору.

Эйнгарду также приписывают участие в большом историческом сочинении, *Анналах*, которые у Пертца стоят под заглавием: *Annales Laureshamenses Majores*.^A

^A *Анналы* эти, по его мнению, составлены в Лоршском монастыре (Lorsch); по крайней мере там найдена древнейшая рукопись. Вайтц считает это основание не достаточным для определения места их составления, потому что в этот монастырь могла быть прислана копия, как это часто водилось в южнонемецких монастырях IX столетия.

Вопрос о том, действительно ли и в какой мере Эйнгард принимал участие в составлении этих анналов, которые представляют важный источник для времени Карла Великого, является до сих пор спорным пунктом между учеными.

Анналы можно разделить на три главные части: первая, написанная на варварском латинском языке, обнимает время от 746 до 788 года; за ней следуют два продолжения: одно, доводящее рассказ до 813 года, другое – до 829; кроме того, мы имеем переработку всего сочинения, которое отличается от первоначальной редакции лишь стилистической отделкой и небольшими вставками из *Vita Caroli* Эйнгарда.

Некоторые ученые приписывают Эйнгарду именно эту переработку, другие – продолжение или часть ее, наконец третьи, между ними Г. Зибель, отрицают всякое участие Эйнгарда в этих анналах. Не входя в разбор этих мнений, скажем несколько слов о происхождении и значении летописного дела при Карле Великом.

Какое происхождение этих анналов? Представляют ли они простые монастырские летописи, дело частных людей, которые записывают современные события (*Klasterannales*), или же официальные государственные летописи, которые ведутся под руководством самого императора (*Reichsannales*, *Königsannales*)? Какова личность их составителя? Простой ли он монах, писавший уже в уединении кельи, или человек, знакомый с государственными делами, со всеми скрытыми пружинами политических событий?

Вот как стоит этот вопрос в современной исторической литературе.

Знаменитый Leopold Ranke, занимавшийся разбором вышеназванных *Annales Laureshamenses Majores*,⁵¹ указал на большое значение их как исторического источника, главным образом на значение первой, необработанной редакции, и пришел к тому выводу, что составитель анналов, очевидно, очень близко знаком с политическими событиями своего времени и притом в изложении своем высказывает известную сдержанность, напирая на светлые стороны и умалчивая о темных сторонах события; очевидно, что составитель – человек, близко стоящий к императору, может быть, какое-нибудь духовное лицо, которому это дело поручено свыше.

Мнение об официальном происхождении анналов, впервые высказанное у Ranke, было принято и развито другими учеными. Так, Вайтц старается даже назвать составителя и указывает на Арно, епископа Зальцбургского. Ваттенбах, не принимая последнего предположения, стоит за мнение Ранке и высказывает его уже не как предположение, но как нечто несомненное, доказанное; такое же происхождение предписывает он и другим анналам времени Карла. Наконец, Эберт и Дюнгельманн, говоря об анналах, даже не входят в разбор этого вопроса, считая его закрытым.⁵²

Против общего взгляда выступил Г. Зибель.

По его мнению, забота Карла Великого о процветании науки во всех ее отраслях не касалась историографии.⁵³ Летописное дело велось частным образом в монастырских кельях; составители анналов – монахи, до которых, конечно, доходили известия о важных событиях их времени, но

которые не участвовали в делах государства и писали без побуждения свыше; *Annales Laureshamenses* М. составлены в монастырях, даже и в монастыре Лоршском. Свое мнение Зибель подкрепляет двумя текстами. Первый – известие, помещенное в этих анналах под 808 годом, которое относится ко времени после смерти Карла; другое основание Зибеля – известное предисловие к *Vita Caroli* Эйнгарда, в котором последний решается описать деяния Карла, потому что не знает, сделает ли это кто-нибудь другой. Из этих слов, по мнению Зибеля, видно, что Эйнгард не знает о существовании летописных сказаний о Карле Великом до смерти его в 814 году, значит, *Annales Laureshamenses* *Majores* составлены не при Карле.

Против Зибеля в защиту старого мнения Ранке об официальном происхождении анналов выступил Симсон. По его мнению, слова Эйнгарда в свидетельстве 808 года – есть весьма обыкновенный в средневековых анналах способ выражения о лицах живых: историк как бы становится на точку зрения своего будущего читателя, пишет свои анналы не для современников, а для потомков; похожие риторические фразы можно встретить у Рагевина, продолжателя Оттона Фрейзингенского.

Таким образом, вопрос о происхождении анналов при Карле Великом, который считался решенным положением Ранке и его последователей, является теперь вопросом открытым и предметом ученой полемики.

Из других сочинений Эйнгарда, несомненно принадлежавших его перу, можно указать «Перенесение мощей свв. Марцеллина и Петра». Такого рода рассказы о перенесении мощей и чудесах, ими производимых, были весьма распространены в то время. Язык этого сочинения, так же как и писем Эйнгарда, по большей части деловых, гораздо ниже языка исторических сочинений; тут мы видим, вероятно, образчик современного латинского языка.

Мы удовольствуемся изложенными замечаниями о просветительской деятельности Карла и о литературном движении в его время и под его просвещенным руководством. Здесь, в области произведений человеческого ума, замечается такой же шаг вперед, как в развитии государственной жизни; но и тут замечаем мы то же явление, что и в государственной жизни: после смерти Карла происходит постепенное падение литературной деятельности. Гений Карла, как мы не раз указывали в нашем очерке, давал жизнь и силу всем явлениям как общественной, так и умственной жизни того времени.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО ПРИ КАРЛЕ ВЕЛИКОМ

Мы видели, каким образом Карл своей просветительской деятельностью положил начало единой культуре и литературе, каким образом он внутренне связывал разрозненные части своей великой монархии. Обратимся теперь к деятельности его в сфере политической, бросим взгляд на государственную организацию, которая явилась главным объединитель-

ным средством и, подобно всем его действиям, служила главной мысли императора — созданию великого политического организма. В какой мере осуществились его замыслы, какой оплот представляли его учреждения против напылява новых антигосударственных элементов, исходивших от причин совершенно посторонних, — мы увидим далее.

Во всем нижеприведенном очерке величественная фигура Карла стоит на первом плане, является центром и душой государства.

По вопросу о государственном устройстве франкского государства при Карле Великом прежде всего следует указать на два главнейших труда: G. Waitz и R. Sohm.⁵⁴

Государство Карла Великого состояло из самых разнородных племен и народов. Преобладающий элемент составляли, конечно, германцы, но и среди них различались германцы, сохранившие первобытные нравы, и германцы, подчинившиеся римскому влиянию; притом среди романского населения германский и римский элементы были распределены неравномерно; Северная Галлия в этом отношении отличалась от Южной. На крайнем западе жили бритты, на юге — баски. Далее, за Пиренеями — первобытные обитатели арабских владений, зависимых от Карла; в Альпах, в Реции жило своеобразное романское население; в Италии кроме германцев-лангобардов можно было встретить прямых потомков римского и греческого населения. На востоке жили авары и отдельные ветви славянского племени.

В столь разнообразном составе государства население романское занимало большую территорию; основу и силу империи составило германское племя. Франки составляли господствующее племя, они дали имя всему государству, но на деле все племена пользовались одинаковыми политическими правами; лишь некоторые мелкие племена (славяне, авары, баски, бритты), сохраняя своих племенных герцогов, платили дань и считались народами покоренными.

Различие между племенами, сказывавшееся прежде всего в языке (языком государственным был латинский), проявлялось в сфере правовых отношений, в том принципе, что каждая народность, входящая в состав государства, живет и судится по своему древнему обычному праву. Право некоторых народов лишь при Карле было впервые начертано; к этим законам делались дополнения^A; даже на право евреев обращается внимание.^B

При этом оставалось в силе и получило подтверждение понятие о праве личном (*personliches Recht*), в противоположность нашим понятиям о территориальности права. Это понятие всегда существовало во Франкском государстве; необходимость права территориального ясно начинают сознавать лишь при Людовике Благочестивом; этот новый взгляд стоит, может быть, в связи с универсальностью права церковного. Каждый член государства должен был сделать заявление *qua lege vult vivere*; в вопросе о том, делалось ли такое заявление раз и навсегда или при каждом отдельном случае, мнение ученых расходится.

Благодаря такому воззрению на право отдельного племени и отдельной личности, члены государства, не будучи друг другу вполне чуждыми, не сливались в один народ.

В отношении политическом все племена подчинялись однообразной организации, имели одинаковые органы управления; вся государственная деятельность Карла имела целью, как мы сказали, создать одно политическое целое из названных различных элементов.

Во времена Меровингов во главе племени стоял герцог; при Карле, как мы сказали, такие герцоги-князья остались лишь у некоторых мелких покоренных племен; вообще же племенные герцоги уступили свое место императорским правителям — графам, которые являлись органами центральной власти в местной администрации.

В некоторых случаях, правда, встречается упоминание слова *dux* (герцог) и при Карле. Но тут мы имеем дело лишь со старинным словоупотреблением при изменившихся условиях; *dux* при Карле является властью случайной, временной, которая обуславливалась временными военными целями. Иногда слово «*dux*» соответствовало слову «маркграф», о чем речь впереди.

Во главе отдельной области стоит граф.^C Графство (*Grafchaft*, *Comitatus*)^D обыкновенно совпадало с древней волостью (*gau*, *pagus*); в одинаковом смысле встречаются выражения *pagus* и *comitatus*, иногда употребляются более общие выражения *provincia*, *territorium*, даже *marca* в смысле графства; последнее слово в обоих своих значениях чередуется с *pagus*. Графство, впрочем, не всегда совпадало с волостью; оно могло быть и больше и меньше. В романских провинциях империи местопребыванием графа был город, в других частях мы видим если не город, то особую резиденцию, поместье, двор.

При последних Меровингах графы часто достигали значительной степени самостоятельности и стремились отрешиться от центральной власти, тогда сильно ослабевшей. Карл стремился изменить это направление, постоянно сам назначал графов, иногда даже из неблагородных, из вольноотпущенников. В покоренных областях обыкновенно назначались графы из франков, чем как бы заканчивалось покорение. Но в некоторых случаях мы видим как раз противоположную меру. Так, в земле саксов Карл отдавал графскую должность в руки местной знати; в земле аламаннов место графов занимают потомки герцогов. Граф обыкновенно назначался пожизненно, хотя, конечно, от императора зависело отозвание его за какой-либо проступок. Но вопреки стараниям Карла, в силу самого хода исторического развития графская должность стремилась стать наследственной; такое направление видно уже из вышеуказанного примера в земле аламаннов. Когда могучая рука Карла перестала держать все нити государственного управления, это учреждение мало-помалу переродилось и перешло под новые условия феодального строя, о котором речь впереди. Круг деятельности графов был очень обширен: он входил во все

^A *Capitularia legibus addenda*; см. далее деление капитуляриев у Бореиуса.

^B *Capitula de iudacis*. P. 258. Boretius (*Mon. Germ. Hist. Legum sectio II*).

^C Название это в современных латинских источниках передается словом *comes*; редко встречается немецкое слово *grawio* или *grafio*; иногда встречаются более общие выражения *praefectus*, *praeses*, *consul*. К имени графа присоединился почетный титул *illustris*, *illustrissimus*, *serenus*, *serenissimus*.

^D *Comitatus* есть название, перенесенное с должности на территорию.

отрасли управления, пользовался властью как судебной, так и военной. На них же лежала обязанность собирания податей, императорских доходов; как представителю императора в области ему принадлежала королевская *Bangewalt*, он ручался за сохранение мира в своей области и должен был ее защищать. Власть графа носила также характер полицейский, ему передавал император свою *Schutzgewalt* по отношению к бедным, вдовам и сиротам. Дела церковные тоже в известной степени находились в ведении графа.

Графу были подчинены низшие чиновники; вследствие частых отлучек его некоторые из чиновников получали важное значение. Назовем прежде всего представителей сотен (*Hundertten*), центенариев (тунгинги «Салической Правды»). Первоначальное их значение, как выборных народа, почти совсем утратилось. Встречаются указания, что народ вместе с графом должен участвовать в их выборе; но по значению своему центенарии – чиновники графа и заместители графа в его отсутствие; викарии – другое название для центенариев; иногда встречаются названия *tribunus* и *iudex*. В Галлии встречается название вице-графов (*viccomes*, *viccomesinus*). По мнению Р. Зома, вице-граф – заместитель графа по отношению к целой волости, как центенарий по отношению к сотне; вряд ли это мнение справедливо. В провинциях германских название вице-графа вовсе не встречается, да и само учреждение не соответствовало бы неопределенному устройству того времени. Заместителями графов можно назвать скорее – в вышеуказанном смысле – его миссов (*missi*, *sendboten*), но уже самое слово *missus* указывает, что то были временные уполномоченные, а не постоянные чиновники. Там, где *missi* получали значение постоянной власти, они могли превратиться в заместителей графа и носить название вице-графов. Центенарии имели в свою очередь в ведении своем низших чиновников, носивших общее название *ministri*, *iuniores*.

В целях защиты границ государства Карл изменял своему правилу, по которому в руках каждого правителя лежало только одно графство. Правители пограничных областей в силу многих условий стояли выше и пользовались большим значением, чем обыкновенные графы; на них лежала обязанность сношений с соседями, сношений иногда дружеских, но, конечно, чаще враждебных, и прежде всего, обязанность защиты границ; поэтому пограничные графы, имея в своем ведении особую пограничную стражу, располагали большим количеством войска, чем обыкновенные графы. Известная область то большего, то меньшего размера получала особую организацию и называлась, как и сама граница, маркою (*mark*, *limes*, *march*, *marchia*). Марку составляла территория, не входившая в состав государства, но покоренная и присоединенная к нему; она было обыкновенно защищена крепостями и военными поселениями и сама служила оплотом государству; иногда целые новые области, как, например, землю аваров, обращали в марку. Правитель марки в официальных актах называется графом, но в источниках встречается название маркграфа (*marchio*, *comes-marchae*; *praefectus*, *dux*, позднее также *marchensis*). При Карле и его ближайших преемниках упоминаются марки: Испанская, Британская, Саксонская, Датская, Сорбская, Авар-

ская или Паннонская и Фриульская. Кроме того, упоминается несколько марок в Тюрингии и Саксонии; Карлу приписывают учреждение марки, отделявшей землю саксов от территории славян-вагриев (части ободритов). Это полоса земли от Эльбы до Кильского залива. Северные границы защищали также марки: Датская, Сорбская и Британская; Испанская марка обнимала все завоевания на юго-востоке от Пиренеев до реки Эбро. Под Аварской или Паннонской маркой разумелась вся область, завоеванная у аваров; с этой маркой граничила марка Фриульская – бывшее Лангобардское герцогство. Кроме того, в этой же области встречается другой маркграф, место пребывания которого было в Лорхе (Lauresheim) в Траунгау; этот округ впоследствии назывался восточной маркой (Ostmark).

Случалось, что несколько графов были подчинены маркграфу, но это являлось делом случайным и не принадлежало к существу маркграфского достоинства; случалось также, что несколько графов сообща исполняли должность маркграфа.

Обращая внимание на все вышесказанное об органах центральной власти в местном управлении, мы видим, что изменение, происшедшее при Карле Великом сравнительно с предыдущей эпохой, сводится главным образом к устранению прежней племенной власти герцогов. Благодаря этому условию и влиянию, которое они приобрели на назначение центенариев, сделав из них своих подчиненных – викариев, графы получили первенствующее значение и самостоятельную власть. Оставляя местные судебные дела главным образом на долю этих викариев, графы расширяют свою деятельность в области чисто политической; развивается понимание должности как дела государственного, в противоположность взгляду на нее как на личную службу королю или как на самостоятельную территориальную силу. Всякого рода чиновники носят общее название *judices*, с прибавлением *publici* или *regales* или *judices fisci*; еще остается выражение *ministri regis*, но встречается и *ministri rei publicae*. Самая должность называется то *ministerium*, то *honor* и *dignitas*. Все это является большим шагом вперед в смысле развития государственных начал, и в этом, конечно, прямо проявляется гений Карла, сумевшего создать государство, или лучше сказать, воскресить его. Постоянно имея в виду усиление центральной власти, Карл развивал своеобразный орган ее – учреждение так называемых *missi dominici*.⁵⁶

Во Франкском королевстве искони существовали чрезвычайные королевские уполномоченные, которые посылались в провинции как представители короля. При последних Меровингах такие уполномоченные встречаются реже, что объясняется слабостью центральной власти.

Со времени Карла Мартела и Пипина учреждение это начинает снова подниматься и достигает полного развития при Карле Великом. Карл с самого начала своего правления прибегал к посредству таких временных посланцев иногда в государственных делах, иногда для самых мелких поручений. Позднее он сделал из них один из главных органов управления.

В латинских источниках уполномоченные эти носят название *missus*, часто также *legatus* или *mintius*, с прибавлением *dominicus*, *legalis*, *palatinus*, *fiscalis*; германское название нигде не встречается. Новейшие не-

мецкие ученые употребляют различные переводы латинского названия, которые в большинстве случаев не совсем верно передают смысл (Вайтц предлагает выражения *Königlicher* или *Königsbote*; Кауфманн пишет *Waltbota*).

Полного развития институт *missi dominici* достиг после коронования Карла в Риме. Р. Зом в известной степени прав, отодвигая появление учреждения раньше 802 года; в то время уже вполне были определены круг и права их деятельности, но органической частью управления оно стало лишь с 802 года, когда ежегодно стали назначать по два мисса.

Деятельность миссов касалась всех отраслей управления; задачи, возлагаемые на них, определялись и расширялись рядом постановлений.^A

Прежде всего миссы занимались делами судебными, как, например, наблюдение за применением и соблюдением права, надзор над деятельностью судей и т. п. Не менее важна была забота о соблюдении всех постановлений, касающихся военного дела (применение военных наказаний, защита границ и т. п.).

Управление королевскими имениями и сбор королевских доходов тоже находилось под верховным наблюдением миссов.

Она входили также в дела церковные, заботились о жизни и нравственности духовенства, об управлении церковных имуществ, о соблюдении прав епископств и монастырей. Наконец, на обязанности миссов лежало обнародование законов, издаваемых на общих народных собраниях (*рейхстаг*); они же должны были поддерживать должностных лиц в государстве и в церкви; все, что им казалось дурным или неверным, — устранять и изменять; вообще всюду преследовать интересы императора и действовать на пользу государства.

Сообразно с такими обширными и разнообразными задачами сама деятельность миссов была чрезвычайно сложной и разносторонней.

Все государство было разделено на округа, которые, как сами должности миссов, назывались *missaticum* или *legatio*. Вероятно, деление это изменялось и девять таких округов определялись позднее, при Людовике Благочестивом. В округа ежегодно назначались миссы; раньше по несколько, по два, по три, по четыре, но с 802 года, как сказано, обыкновенно по два, один из духовных, другой из светских лиц; хотя и тут могли быть исключения и отступления от правила; миссы назначались из лиц, не имевших никаких отношений к своему округу, как, например, лица, состоявшие при дворе или служившие в другом месте. Назначались они на один год, осенью или зимой, и должны были четыре раза в год посещать своей округ, в январе, апреле, июле и октябре (*Cap. 811/813, c. 8, p. 177*).

^A При ближайшем ознакомлении с различными сторонами деятельности миссов мы будем указывать на соответствующие статьи этих постановлений, причем будем пользоваться изданием Борециуса: *Monum. Germ. historica. Capitularia regum Francorum*.

Как было сказано выше, миссы получают особые инструкции, представляющие или извлечения из годовых постановлений, или специальные постановления (предписания).^A При вступлении в должность миссы обращались за советами к своему предшественнику, или к самому императору, или же к народному собранию (*Responsa*, с. 2, р. 145). По истечении определенного срока миссы должны представить императору отчет о своих путешествиях (*Cap.* 819, с. 13, р. 290).

По приезду на место назначения *missi* должны были прежде всего обнародовать возложенное на них поручение (*Cap.* 828, с. 2, l. II, р. 328; *cap.* 825, с. 2, р. 308). Это обнародование происходило, вероятно, на народных собраниях (*ландтагах*), которые *missi* созывали в различных местах своего округа; все должностные лица и знатные люди области должны были под угрозой королевского банна являться на это собрание.⁵⁷ В каждую из четырех годовых поездок *missi* должны были править суд в какой-либо части округа с помощью графа той области (*Cap.* 811/13, с. 8, р. 177). При этом следует обратить внимание на изменения, происшедшие под влиянием усиления центральной власти и развития политической жизни народа в значении местной народной сходки и в состоянии судопроизводства.

Старофранкский народный суд, исключительно построенный на принципах обрядовых, уступает мало-помалу место суду королевскому, государеву. Не следует думать, что только из властолюбивого желания и с намерением ограничить как можно более народное собрание посылал Карл своих уполномоченных, вводивших новые судебные принципы; напротив, замена прежнего формального суда судом инквизиционным, основанном на тщательном расследовании обстоятельств дела, была важным шагом вперед.

При Карле учреждается новая судебная должность скабинов (*Scabini*, *schöffen*, *echevins*), заменившая прежних рахинбургов. При исследовании Салического законодательства мы уже говорили о судебном устройстве во время Меровингов. Суд, как мы знаем, производился общиной на особом собрании (*mallum*); особый комитет из семи членов должен был предлагать народному собранию формулу решения дела, и собрание могло подтвердить или отвергнуть предложение семи рахинбургов. При Карле Великом этот комитет был заменен скабинами, которые упоминаются в первый раз в документах 780 года, при этом они очень метко названы *rationes burgii dominici*. Их было тоже семь человек, но они выбирались не самой общиной, а графом при содействии общины и не каждый раз для отдельного судебного заседания, а однажды и пожизненно. Кроме того, они могли не только предлагать решение, но и произносить окончательный приговор после исследования дела. Мы видим таким образом, что скабины в значительной степени ограничили значение судебного собрания, тем более, им принадлежало еще и право даже и без народной сходки решать дела. Но и это произошло не потому, чтобы Карл введением этой должности специально преследовал цель ограничить право общинной сходки, напротив, этой мерой он шел на-

^A У Борециуса (см. дальше) так называемые *Capitularia missorum*.

встречу народному желанию: с увеличением размеров общины для свободных людей уже становилось затруднительным являться на сходку, тем более что графы назначали иногда слишком часть судебные собрания, так как объединение свободных людей было для них делом выгодным, как мы увидим далее. Карл ограничил число ежегодных общеобязательных народных собраний тремя, но так как их, очевидно, было мало, то на остальных – судебные дела решались самим графом с помощью этих семи выборных людей (скабинов). Мало-помалу и те три ежегодные сходки, на которые должна была собираться община, утрачивают свое значение по сравнению с вновь возникающим судом скабинов, судом чиновничьим, королевским. В глубине Германии, впрочем, народные сходки держались долго, а во Фрисландии даже вовсе не избирались скабины, а все время держался народный суд.

Кроме созыва народных собраний, в состав обязанностей мисса входят разъезды по важнейшим местам округа, по епископальным городам и монастырям, то оба мисса вместе, то отдельно (Сар. 803, с. 26, р. 116). При этом местные должностные лица обязаны оказывать им всякую помощь и пособие (Сар. 802, с. 28, р. 96). Миссы же обязаны ничего не предпринимать без ведома графа (Сар. 786, 1, с. 5, р. 67). Миссы действовали тем же путем предписаний и окружных посланий, в которых они поясняли постановленные законы и лично от себя обращались к какому-нибудь графу (*Capitula a missis ad comites facta*, р. 146: *Capitula ad comites directa*, р. 184).

Все, что не пожелают приказать миссы, говорит Карл (Сар. 810, с. 2, р. 153), они могут приказывать с полной властью. Они непосредственно заместители императора (*ad vicem Nostram* – Сар. 809, с. II, р. 152) и действуют его именем (*de verbo Nostro* – Сар. *de part. Sax.*, с. 34; Сар. 807, с. 3, р. 135).

Всякое противодействие миссам очень строго наказывалось, вооруженное сопротивление – смертью (Сар. 809, р. 160, с. 1). При таких больших правах миссов понятным является ряд постановлений Людовика Благочестивого с целью оградить графов от их насилия (Сар. 819, с. 24, р. 291; Сар. 825, с. 2, р. 308–309). Институт миссов является знаменательной частью государственного устройства в том виде, как оно было при Карле Великом; миссы действовали в интересах единения церковных и государственных дел; они служили проводниками известных общих начал управления и влияния самого императора. С этой точки зрения учреждение это принесло, несомненно, плоды. Но нельзя не признать, что оно было как бы временным, паллиативным средством, которое развилось только благодаря особым обстоятельствам и не могло заменить необходимой, более правильной организации. Сама сила этого учреждения лежала не в нем, а в том, кто своей силой давал ему жизнь.

Missi dominici являются, таким образом, связующими нитями между органами местного управления и центральной властью. Тут, при дворе Карла, был центр, пульс всей государственной жизни, тут, на общем народном сейме, под личным (наблюдением) председательством императора, решалось то, что принималось как закон во всех частях великой монархии.

Сведения о сейме (рейхстаг) при Карле мы черпаем из письма или инструкции Гинкмара, епископа Реймского, написанной в конце девятого столетия для поучения Карломана, сына Людовика Косноязычного. Гинкмар, в свою очередь, передал почти целиком сочинение, теперь потерянное, Адальгарда, аббата Корбийского, двоюродного брата Карла Великого, под заглавием «De ordine palatii». ⁵⁸ В этом сочинении описан двор Карла, причем главное внимание обращено на народное собрание.

В то время, говорит Гинкмар, был обычай два раза в год, не чаще, сходиться на народные собрания. На одном собрании решались дела текущего года; решение этого собрания ничего не могло изменить, разве только величайшая нужда, касавшаяся всего государства; в этом собрании сходились знатные (*maiores*), как духовные, так и светские; из них важнейшие — для составления решений; менее знатные — для принятия и обсуждения их; тут же взаимно давались и принимались дары. Другое собрание состояло только из важнейших и знатнейших советников; тут рассматривались дела, предстоящие на следующий год; также если приходилось что-либо изменять, заранее рассмотреть и постановить, как, например, что делать после перемирия, заключенного каким-нибудь маркграфом с соседями. Решения этого собрания держались обыкновенно в тайне до следующего гласного собрания, частью для того, чтобы ничто не могло помешать исполнению, частью, чтобы не присутствовавшие знатные люди не чувствовали себя оскорбленными и чтобы настроение народа было благосклоннее, когда будут думать, что это решение постановлено лишь на общем народном собрании (*Hincmar. De ordine palatii*, s. 29).

Известия других писателей и сохранившиеся акты отдельных собраний дополняют и объясняют изложение Гинкмара, иногда неясное.

Общее народное собрание есть продолжение древнегерманских мартовских полей; на характер этих новых собраний имели сильное влияние духовные соборы, но нельзя предполагать, чтобы народные собрания произошли от соборов и чтобы воспоминание о мартовских полях совсем исчезло. Напротив, в этих собраниях современники видели древний обычай, ⁵⁹ духовные же соборы совпали, слились с ними.

Конечно, между народным собранием германцев времен Тацита и франков времен Каролингов была огромная разница.

При Пипине мартовское собрание перенесено было на май, так что мартовские поля стали называться майскими полями. Это перенесение Вайтц объясняет целями военными.^A Название «майские поля» сохранилось и при Карле, хотя в это время сейм собирался то в июне, то в июле, то в августе. Характер народных собраний был весьма разнообразный, на что указывают уже сами выражения, употребляемые для обозначения их. Выражение «майские поля» указывает на военный характер собрания; название *Synodus, Synodalis conventus* — на тесную связь с собраниями церковными; слово *placitum* определяет судебный характер собрания, на политическое значение сейма указывает выражение *generalis conventus consilium*. Лишь изредка встречается выражение *collegium*.

^A Oelsner объясняет это перенесение временем прибытия послов, отправленных к папе; также выставляют причиной перемену в счете начала года.⁶⁰

На первом плане в народном собрании стоят дела важные; сейм обыкновенно собирается перед походом, на нем решается и сама война.^A Дела церковные также занимают важное место, так что некоторые сеймы носят характер церковных соборов. Впрочем, для решения духовных дел собираются иногда и отдельные церковные соборы, тоже под председательством императора и с участием знатных мирян.

Что касается главного собрания, которое, как сказано, при Карле собиралось обыкновенно не весной, а летом, — источники указывают на такой сейм почти в каждом году, так что нельзя сомневаться в правильном чередовании таких сеймов. На второе собрание знатнейших лиц осенью или зимой, которое упоминается у Гинкмара, источники указывают реже; значение этого собрания было второстепенное, но акты указывают, что тут не только вырабатывались решения (как сказано у Гинкмара), но и утверждались.

Место, где собирался сейм, не было определено. Когда преобладали дела военные, оно определялось театром военных действий, в других случаях место выбиралось сообразно требованием дела, если, например, решались вопросы, касавшиеся какой-либо отдельной части государства.

При отсутствии таких условий Карл охотно созывал сейм в своих австрийских и прирейнских пфальцах: в первые годы царствования — в Вормсе, позднее — в Ахене. При такой неопределенности надо было перед каждым новым сеймом определять и обнародовать время и место; это делалось иногда на предыдущем сейме, иногда определял сам император. Знатных людей оповещали через гонцов, а они уже заботились о дальнейшем оповещении.

Нет сомнения, что все свободные люди сохранили право присутствовать на народном собрании, не только главном летнем, но и на осеннем, на это указывают все современные источники. Но участие толпы свободных в обсуждении и решении дел было самое ничтожное, или, лучше сказать, его совсем не было.

Гинкмар описывает весь ход заседания народного собрания.

При хорошей погоде собрание происходило на открытом воздухе; при дурной — в закрытых помещениях.

Все собрание разделялось на несколько частей, советники (*senatores*) составляли особый отборный совет и отделены были от остальных знатных лиц; духовные и миряне совещались то отдельно, то вместе (*Hincmar*, с. 35).

Прежде всего отделу советников докладывались текущие дела, касавшиеся, как говорит Гинкмар (с. 34), частью того, что Бог внушил государю, частью — вопросов, накопившихся с последнего собрания; до нас дошли такие доклады (*Cap. 808*, р. 138), иногда они излагаются от лица императора (*Cap. 811*, р. 161).

Сообразно с важностью дел совет обсуждал их день, два или три. В случае надобности члены совета могли посылать гонцов в другие отделы собрания для нужных сведений; но сами не виделись ни с кем до выработки решения и предложения его на усмотрение короля (*Hincmar*,

^A На военный характер сейма особенно напирает de *Lezardierre*.⁶¹

с. 34). Император иногда лично являлся на заседание совета и оставался там подолгу (Hünster, с. 35). Многие окончательно решалось в заседании совета, особенно некоторые церковные дела. Остальное предлагалось на обсуждение знатым людям. Сейм собирался под председательством императора, который занимает возвышенное сиденье, иногда держит речь к знатым, иногда требует их мнения. Император со всеми разговаривает, расспрашивает тех, кого реже видит (Hünster, с. 35), старается разузнать положение всех частей государства — нет ли где недовольства и возмущения, не угрожают ли соседи войной (Hünster, с. 36). Предметы совещания были самые разнообразные: дела церковные и светские, вопросы общие и дела отдельных лиц, самые обширные государственные вопросы, самые специальные мелкие дела. Главным занятием сейма была деятельность законодательная; кроме того, сейм являлся высшей судебной инстанцией, он разбирает преступления государственных. Пример этого разнообразия представляет протокол Франкфуртского сейма 794 года (Car. Francof., p. 73 ssq.).

Этот протокол представляет: 1) решения насчет ересей Феликса и Элипанда и насчет декретов Константинопольского собора о поклонении иконам; 2) отказ баварского герцога Тассилона от власти в своем герцогстве; 3) постановление насчет цен ржи и насчет монет; 4) постановление о правах и обязанностях епископов, решение спора между епископами Вьеннским и Арльским; ответ на жалобу об измене епископа Петра, затем различные постановления о монахах, монастырях и разных церковных делах; 5) тут же постановления, касающиеся дел гражданских, судопроизводства и т. д. Таким образом деятельность сейма представляет то решение, законодательный акт, то просто совет, не ограниченный никакими определенными нормами. Покуда жил Карл, все решения, конечно, в конце концов исходили от него; народное собрание представляло совет Карла, средство, помогавшее ему узнавать нужды государства. Здесь не франкский народ сходится для того, чтобы направлять правительство и следить за его деятельностью, говорит Гизо, а Карл Великий собирает вокруг себя отдельные личности, чтобы направлять всю нацию. Г. Вайтц видит в народном собрании более глубокое значение. Государственное собрание, говорит он, было выражением того взгляда на государство, который постоянно жил среди германцев, но которому в важнейших делах необходима согласная деятельность монарха и народа.⁶² Положим, все дела обсуждаются должностными лицами и несколькими знатыми людьми, от которых зависит и решение дел; но они действуют во имя общего блага и являются как бы представителями страны: графы от волостей, епископы от своих епархий. Сам же народ, толпа свободных, располагавшаяся кругом собрания, слушала решения знатных, причем, может быть, по древнему обычаю, выражала свое одобрение, потрясая оружием. Такое ограничение народного участия в делах государства не следует приписывать властолюбивым стремлениям Карла; тут действовали причины другие; прежняя свобода и равноправность, прежняя пустота государственного устройства, какую мы видим у Тацитовских германцев, не могла устоять против новых условий, зависящих от возникновения обширной монархии, от громадности занимаемой территории, от обширности поли-

тических задач. В какой мере разнообразие мест собрания должно было препятствовать их общенародному характеру, видно из следующих данных: из тридцати пяти сеймов, состоявшихся 770–813 годах, одиннадцать собралось в Саксонии, восемнадцать – на берегах Рейна, кроме того, в Тионвилле, Женеви, Булони и т. д. Постановления собраний записывались и часто скреплялись подписью присутствовавших. Общее название этих постановлений *Capitulare*; они состояли обыкновенно из нескольких статей, или *Capitula*. В IX столетии составлен свод капитуляриев начиная с Карла Великого; этот свод, не имея первоначально никакого официального характера, вскоре вошел во всеобщее употребление, так что Людовик Благочестивый и его преемники пользовались им, как сводом законов. Он состоит из семи книг, из которых первые четыре составлены Ансегизом, аббатом Фонтенельским (умер в 833); три остальные книги приписываются Бенедикту, диакону из Майнца, который составил их около 842 года по требованию архиепископа Отгера. Кроме капитуляриев в эти последние три книги включены многие посторонние акты, как, например, отрывки из кодекса Феодосия, из Бrevиария вестготского и другие.⁶³

Обратимся теперь к разбору самих капитуляриев. На первый взгляд поражает разнообразие и беспорядок актов, подразумеваемых под названием капитуляриев; такой же точно хаос вышел бы, если бы собрать воедино все акты какого-либо современного правительства и, бросивши их вместе наудачу, назвать это сводом законов того-то государства; мы встретим рядом законы, указы, постановления, грамоты, приговоры, циркуляры, собранные вместе игрой случая. То же самое мы видим и в капитуляриях; на это разнообразие указывали мы выше, приводя как пример протокол Франкфуртского сейма 794 года. Но не представляя систематического свода законов, капитулярии имеют тем не менее очень большое значение. Как мы уже указывали, во франкской монархии продолжало жить и имело силу право отдельного племени, в силу того принципа, что каждый судится по законам племени, к которому принадлежит. Это преобладание личного или племенного права (*persönliches Recht, Stammrecht*) над правом территориальным (*territorial Recht*) продолжало существовать при Карле; при нем, как уже сказано было, народные правды записывались.

Но необходимость законодательства государственного рано начинает чувствоваться. С этой целью Хильдеберт II обнародовал собрание постановлений мартовских полей и тем положил начало праву и законодательству общему, территориальному. Лишь при Каролингах получает большое значение законодательство, исходящее не от племени, но от правительства, законодательство, касающееся не лично члена какого-либо племени, но простирающееся на целую территорию. Это общее государственное законодательство представляют *Capitularia* в отличие от *leges*. Содержание капитуляриев, в силу их разнообразия и беспорядка в расположении, трудно поддается анализу, для более легкого ознакомления необходима какая-нибудь их классификация. Схема, предложенная Гизо,⁶⁴ подобно многим другим делениям, страдает запутанностью и сложностью. Он делит весь законодательный материал, заключающийся

в капитуляриях, на восемь статей: 1) законоположения, касающиеся вопросов нравственного характера (*législation morale*); 2) законодательство политическое (*législation politique*); 3) уголовное (*pénale*); 4) гражданское (*civile*); 5) духовное (*religieuse*); 6) каноническое (*canonique*); 7) хозяйственное (*domestique*); 8) случайное (*de Circonstance*). Затем он входит в более подробное исследование содержания каждого отдела. Лучшей классификацией капитуляриев можно считать ту, которую предложил Борециус (*Boretius A.*). Появившаяся в 1864 году во введении к исследованию «*Die Capitularien im Langobardenreich*» (*Halle, 1864*), с одной стороны, она была принята весьма сочувственно такими юристами, как Зиккель, Бруннер и Зом, с другой стороны – послужила предметом нападок некоторых ученых, как, например, Базелера, который упрекал Борециуса, что он только запутал вопрос и еще увлек за собой такого серьезного ученого, как Зом. В 1874 году Борециус в сочинении «*Beiträge zur Capitularienkritik*» (*Boretius A. Leipzig, 1874*) отвечал на эти нападки и яснее определил основание своего деления, терминология которого заимствована из капитулярия Людовика Благочестивого от 817 года. Борециус делил капитулярии на три группы.

1. *Capitularia legibus addita sive addenda* – это прибавление к законам отдельных племен. По народному воззрению закон есть обычай, записанный сведущими людьми из народа (*Sapientes, judices, legislatores*) и санкционированный народным собранием (*consensus populi*). Так образовались отдельные народные правды. Капитулярии, служащие дополнением к ним, представляющие их отдельное развитие, для того чтобы стать органической частью народной правды, должны были получить такое утверждение в собрании местного ландтага; таково было воззрение, коренившееся в народном сознании. На деле могли быть исключения. Но большей частью эти капитулярии предлагались на обсуждение ландтага и подписывались скабинами и знатными людьми. Эти прибавления, становясь частью народного законодательства, ручались за свое дальнейшее существование под защитой обычая независимо от обычая, издававшего закон. 2. *Capitularia missorum* – инструкции для *missi dominici*, которые не представляют никакого продолжительного, законодательного, правового материала, но содержат меры единовременные и служат лишь второстепенным источником для ознакомления с действующим правовым порядком. 3. *Capitularia perscripta sive scribenda* – акты, представляющие развитие права государственного, известные под частными названиями *decretum, preceptum, capitulare, constitutio*. Эти капитулярии, с одной стороны, отличаются от единовременной меры управления, с другой – не представляют незыблемости законов, прибавленных к народным правдам; они содержат право постоянно действующее, но более подверженное случайным изменениям, как право королевское (*Königsrecht*), а не народное (*Volksrecht*). Такое деление с первого взгляда может показаться поверхностным, внешним. Но если посмотреть поближе, мы увидим, что содержание вполне соответствует такому делению. Так, *Capitularia legibus addita* представляют не случайное прибавление к народной правде, но внутренне развитие ее и в силу этого касаются права частного (*jus quod ad singularem utilitatem pertinet*). Они

касаются вопросов судопроизводства, дел гражданских, отношений частной жизни (имущественных процессов и т. п.). Напротив, *Capitularia scribenda* касаются дел общегосударственных (*utilitas publica, dominiasiope regia*), например церковных, управления, бенефициальных условий, защиты государства и общегосударственной безопасности, податей, гаваней, дорог; как принудительное средство в этих капитуляриях является угроза королевского бана. Что касается *Capitularia missorum*, то самое название указывает на их содержание.

Во всей законодательной деятельности Карла мы замечаем стремление внести порядок и законность в такие условия жизни, которые при его предшественниках не поддавались влиянию государства; с другой стороны, капитулярии имеют большое значение как начало законодательства общегосударственного, как стремление государственной власти (по словам Р. Зома)⁶⁵ сгладить различие племенных прав и законов.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. В исторической науке XIX века общепринятым было положение об автохтонности кельтов в Европе. Современные исследователи считают, что кельты появились и расселились здесь в ходе обширных миграций племен, начавшихся приблизительно в первой четверти V века до н. э. у В. Г. Васильевского есть большая статья «Вопрос о кельтах» (ЖМНП. 1882. Ч. 223. Отд. II. С. 103–184; 1883. Ч. 228. Отд. II. С. 221–250).

2. Гай Юлий Цезарь (100 – 44 гг. до н. э.) – политический деятель, полководец, оратор. Возглавил походы римской армии в Галлию в 58–50 гг. до н. э. Описание походов Ю. Цезаря имеет название «Commentarii de bello Gallico», издания в русском переводе – «Записки о Галльской войне».

3. ...со II века по Р. Х.... – то есть со II века н. э.

4. ...еще до Р. Х. нашествие кимвров и тевтонов... – Основной материал о германских племенах кимвров и тевтонов содержится в сочинениях античных авторов, прежде всего Плутарха, Страбона, Диона Кассия, Л. А. Флора. Первое крупное нашествие кимвров на территорию, занятую кельтами, историки датируют ок. 113 г. до н. э. Следующий поход, в котором участвовали несколько германских племен, и в том числе кимвры и тевтоны, состоялся ок. 101 г. до н. э.

5. Ариовист – вождь германского племени свевов (свебов). Переправившись в 72 г. до н. э. через Рейн, он остался в Галлии, взяв дань с местных племен. Ю. Цезарь в 58 г. до н. э. разбил армию Ариовиста и изгнал германцев из Галлии. Рейн стал границей римского и варварского мира.

6. Римский вал – система укреплений на границе между империей и варварским миром.

7. Аврелиан – римский император (270–275). Античные авторы связывали с именем Аврелиана уход римлян и романизированного населения из Дакии.

Траян Марк Ульпий – римский император с 98 по 117 г. н. э. Завоевал область к северу от Дуная в нижнем течении реки в 106 г. н. э., населенную северофракийским племенем даков (провинция Дакия в составе Римской империи).

8. Императоры Диоклетиан (284–305) и Константин I (306–337) провели ряд реформ в сфере финансов, административного и государственного управления Римской империи.

9. ...начиная с IV в. по Р. Х.... – то есть с IV в. н. э. Великое переселение народов – термин, принятый в исторической науке для обозначения эпохи массовых миграций германских и славянских племен в IV–VII вв.

10. Одоакр – варвар из германского племени скиров, командир наемников в Италии. В 476 г. поднял восстание, в ходе которого был смещен последний римский император на Западе Ромул Августул. Солдаты провозгласили Одоакра ко-

нунгом Италии. Знаки императорского достоинства новый правитель отправил восточноримскому василевсу Зенону в Константинополь.

11. Хлодвиг – вождь и король франков (481–551).

12. *Boulainvilliers H.* Histoire de l'ancien gouvernement de la France. Haye, 1727. Vo1. 1–3. Термин «раса» Буленвиллье использовал, чтобы показать разное происхождение людей, составивших франкское общество эпохи Меровингов и Каролингов (франки – пришельцы в Галлии, а галло-римляне – местное население). Превращение франков в аристократию, по его мнению, произошло естественным путем, в силу именно их особого положения завоевателей и отсюда – права устанавливать свои порядки, а не ввиду преимуществ франков как расы (т. е. племенного происхождения). Из всех идей Буленвиллье «теория двух рас» оказалась самой долго живущей в историографии: отдельные ее стороны получили развитие в трудах ряда французских и немецких ученых XIX века.

13. Точнее: *Du Bos J.* Histoire critique de l'établissement de la monarchie française dans les Gaules. P., 1734.

14. Анастасий (491–518) – император Византии.

15. Точнее: *Montesquieu Ch.* L'Esprit des Lois // Oeuvres complètes de Montesquieu. P., 1816. V. I. Рус. пер.: *Монтескье Ш.* О духе законов // Избранные произведения. М., 1955.

16. *Thierry A.* Considérations sur l'histoire de France. P., 1840. Ch. V.

17. Капетинги (987–1328) – одна из королевских династий Франции.

18. *Thierry A.* Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands. P., 1848. Рус. пер.: *Тьерри О.* История завоевания Англии норманнами. СПб., 1868.

19. *Thierry A.* Récits des temps Mérovingiens. P., 1868. (2-е изд.). Рус. пер.: *Тьерри О.* Рассказы из времен Меровингов. СПб., 1892.

20. *Fustel de Coulanges N. D.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. P., 1875. V. 1.

21. *Guizot F.* Histoire de la civilization en Europe depuis la chute de l'empire romain jusqu'à la révolution française. P., 1828/ Рус. пер. Н. Барсова. СПб., 1860; *Guizot F.* Histoire de la civilization en France. P., 1843. V. 1–4. Рус. пер.: *Гизо Ф.* История цивилизации во Франции / Пер. П. Г. Виноградова. М., 1877. Т. 1–2; То же / Пер. М. Корсак. М., 1880–1881. Т. 3–4.

22. *Martin H.* Histoire de France. P., 1833. V. 1; 2-е изд.: P., 1838–1854. V. 1–19.

23. Возможно, В. Г. Васильевский имел в виду оценку в трудах А. Мартена Французской революции 1798 года. См.: *Гутнова Е. В.* Историография истории средних веков. М., 1985. С. 160.

24. *Зибель Г. ф.* (1817–1895), *Вайтц Г.* (1813–1886) – крупные немецкие историки. *Ранке Л. ф.* (1795–1886) – глава исторической школы в Германии, оказавший значительное влияние на развитие всей европейской исторической науки.

25. Точнее: *Sybel H.* Die Entstehung des deutschen Königtums. Bonn, 1844; 2. Aufl. Bonn, 1881; *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. I. Ed. Kiel, 1844–1878. Bd. 1–6.

26. *Рот П.* (1820–1892) занимал кафедру истории германского права в университете Мюнхена, историк средневекового права. Речь идет об изданиях: *Sohm R.* Die frankische Rechts und Gerichtsverfassung. Weimar, 1871; *Roth P.* Geschichte des Beneficialwesens von der ältesten Zeiten bis ins 10 Jahrhundert. Erlangen, 1850; *Он же:* Feodalität und Untertanenverband. Weimar, 1863.

27. Точнее: *Kaufmann G. G.* Deutsche Geschichte bis auf Karl den Grossen. Leipzig, 1881. Bd. II; *Arnold W.* Deutsche geschichte. Berlin, 1879. Bd. 1–2; 2. Aufl., 1883.

28. Имеется в виду: *Dahn F.* Urgeschichte der Germanischen und Romanischen Völker // Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen / Ed. Oncken's. 1881. Bd. 1.

29. Ешевский С. В. (1829–1865), один из первых русских историков-медиевистов. Полное собрание его сочинений опубликовано в Москве в 1870 году. Упомянутые В. Г. Васильевским труды: «Центр римского мира и его провинции» и «Очерки язычества и христианства» (том первый); «Эпоха великого переселения народов, Меровинги и Каролинги» – (второй том).

30. Кудрявцев П. Н. (1816–1858) – ученик и преемник Т. Н. Грановского по кафедре в Московском университете. Монография «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. Обзорение остготого-лангобардского периода италийской истории» опубликована в Москве в 1850 году. О творчестве П. Н. Кудрявцева см.: *Кудрявцев П. Н.* Лекции. Сочинения. Избранное / Сост. С. А. Асиновская. М., 1991.

31. См.: *Грановский Т. Н.* Сочинения. М., 1856. Т. 2. С. 153–209.

32. Точнее: *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб., 1880.

33. Сочинение Григория Турского известно по нескольким рукописям, имеющим разные заголовки. При публикации текста право выбора названия принадлежало издателю. Современный русский перевод: *Григорий Турский.* История франков / Изд. подгот. В. Д. Савукова. М., 1987. [Там же биография Григория Турского и библиографические данные]. Далее в настоящем издании основного текста лекций и в примечаниях римская цифра обозначает книгу, а арабская – главу в труде Гр. Турского.

34. Сидоний, Гай Солий Аполлинарий (ок. 430–488/489), епископ Овернский (с 472 г.), позднеримский писатель, автор стихов, писем и панегириков.

35. Цитата из сочинения Григория Турского «История франков» (II, 40).

36. Фредегонда (Фредегунда) (545–597), вторая жена короля Хильперика I; Брунгильда (Брунхильда) (?–613), дочь короля вестготов в Испании; жена Сигиберта, короля Австразии, затем – Меровея, сына короля Хильперика.

37. Речь идет о сочинении Публия Корнелия Тацита «О происхождении германцев и местоположении Германии» (98 г.), сокращенно именуемой «Германия» («De Germania»). Рус. пер.: Сочинения *Корнелия Тацита.* Русский перевод с примечаниями и со статьей о Таците и его сочинениях В. И. Модестова. Т. I. Агрикола. Германия. Истории. СПб., 1886. Современ. изд.: *Корнелий Тацит.* О происхождении германцев и местоположении Германии // *Корнелий Тацит.* Соч.: В 2 т. Анналы. Малые произведения. История. СПб., 1993. С. 337–356.

38. Ссылка в тексте лекции дана: «перевод *Giesebrecht W.* в сборнике: *Wattenbach W.* Deutsche Geschichtesquellen in Mittelalter bis zur Mitte des XIII Jahrhunderts. 1. Aufl. B., 1858; *Grégoire de Tours.* Histoire des Francs / Trad. par Guizot. P., 1861–1862. Т. 1; *Стасюлевич М.* История Средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. СПб., 1863. Т. 1. № 26, 37, 57, 74, 77, 78».

39. ...Фредегарий был схоластиком... – Фредегар Схоластик (VII в.) – условное имя автора анонимной хроники, составленной в Галлии. В историографии XIX века Фредегара рассматривали как единственного автора сочинения, позже возникло предположение о нескольких составителях.

40. Авит (Alcimus Ecdicius Avitus) (ок. 460 – после 518), епископ Вьеннский, борец с арианством, писатель.

41. Ремигий (St. Remigius), с 461 г. епископ г. Реймса; Теодорих, король остготов и правитель государства в Италии (493–526); Кассиодор Магн Аурелий (ок. 490 – после 585) – писатель и политический деятель, причастный к управлению Остготским государством во время правления Теодориха. Сочинения, собранные официальной и частной переписки Кассиодора были известны проф. В. Г. Васильевскому по изданию: *Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series latina.* Paris, 1865. V. 69, 70.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАНКОВ И ИСТОРИЯ ФРАНКСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГАЛЛИИ ДО КОНЦА ПРАВЛЕНИЯ ХЛОДВИГА

Франки: первоначальные сведения о них и расселение

1. Подразумеваются сочинения римского историка I в. Публия Корнелия Тацита. См.: *Корнелий Тацит.* Соч.: В 2 т. СПб., 1993.

2. В. Г. Васильевский справедливо определяет франков как группу ряда германских племен, населявших бассейн нижнего Рейна. В то же время причины консолидации этнических групп в союзы в III веке как в историографии XIX века так и ныне остаются одной из дискуссионных проблем. В последние годы усилия исследователей направлены на выявление всего комплекса причин и условий, подготовивших племена к объединению.

3. Константин Хлор – один из соправителей императора Диоклетиана (с 293 по 306). Константин I Великий – римский император (306–337). В 294–295 гг. Констанций Хлор прогнал франков из области расселения батавов, было проведено укрепление римской границы. После прихода к власти Константина I франки в союзе с другими племенами вновь вторглись в империю и были разбиты армией императора. Константин приказал бросить пленных варваров на растерзание диким зверям в цирке Трира.

4. Юлиан Отступник – римский император (361–363).

5. Ср.: *Корсунский А. Р., Гюнтер Р.* Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств (до середины VI в.). М.: МГУ, 1984. С. 135–136.

6. Точнее: *Panegyrici latini.* VIII, 1; 8; 9; 21.

7. Возможно, здесь имеется в виду панегирик Сидония Аполлинария императору Майориану: *Apoll. Sid., Carmina.* 6.

8. Перевод и пересказ фрагмента из сочинения: *Григорий Турский.* История франков. II, 12. Издание, которым пользовался проф. В. Г. Васильевский, не указано.

9. Там же. II, 18. Франки, сохраняя верность союзному договору с римлянами, под командованием короля Хильдерика вместе с римскими отрядами Эгидия отразили в 463 году под Орлеаном нападение вестготов, а в 468 (469?) сражались с саксами, которые осадили Анжер.

10. Здесь под строкой ссылка: *Ex vitis Genevefae virginis.* Cap. 6 (*Bouquet M. Recueil des historiens...* V. III, pag. 369–370).

11. См.: *Григорий Турский.* История франков. II, 23.

12. *Дюбо Ж.* Указ. соч. Кн. 3, ч. 63–64.

13. Эгидий Африкий Сиагрий – магистр конницы, командовал римской армией. В Галлии защищал интересы империи. Умер осенью 464 г.

14. *Sybel H. v.* Entstehung des deutschen Königthums. Bonn, 1844. S. 179–184.

15. Сиагрий (V в.) – последний римский наместник в Галлии.

16. Здесь дана ссылка на: *Junghans K.* «Geschichte der Frankischen Könige Childerich und Chlodowech» по французскому переводу *G. Monod: Histoire critique des régnes de Childerich et de Chlodovech.* (Paris, 1879). P. 18».

Король Хлодвиг, его политическая роль и значение

1. Григорий Турский. История франков. II, 27.

2. Сиagriй, глава римских отрядов в Галлии, не признавал законной власть Одоакра, который, устроив заговор, низложил римского императора Ромула Августула. В то же время Хлодвиг – вождь франков – был связан с Одоакром союзническими отношениями. По мнению В. Г. Васильевского, титул Сиagriй принял ради установления некоего политического равновесия в Галлии.

В лекционном курсе, литографированном в 1890 году, В. Г. Васильевский высказал предположение: «...бегство Сиagriя к вестготам наводит на мысль о возможных связях или специальных сношениях его с вестготами, ибо усиление Хлодвига в Галлии требовало, чтобы и Сиagriй укреплял свои силы. Однако источников, чтобы подтвердить эту мысль, у нас нет» (История франков до Карла Великого // Лекции по средней истории проф. СПб. ун-та В. Г. Васильевского. СПб., 1890. С. 102). Такие материалы содержит исследование: *Werner K. F. Les Origines de L'Histoire de France dirigée par Jean Favier.* Т. 1. P.: Fayard, 1984.

3. Григорий Турский. История франков. II, 27.

4. Там же. II, 31.

5. См. выше примеч. 10 в главе «Франки: первоначальные сведения о них и их расселение».

6. Здесь дана ссылка на: *Voiquet M.* III, pag. 393.

7. См.: *Прокопий из Кесарии.* Война с готами / Пер. с греч. С. П. Кондратьева. М., 1950. Кн. 1, 12–19. С. 116.

8. В фонде В. Г. Васильевского, который хранится в ПФА РАН, имеется автограф чернилами с записью, которая касается изложенных выше тезисов о короле Хлодвиге. Возможно, что это один из набросков или подготовительный материал к лекции или семинарскому занятию со студентами в аудитории. Приводим текст: «Хлодвиг перенес свою резиденцию в Суассон. Однако народ Хлодвига не поселился сплошной массой в стране, которую они только что покорили. Старый принцип германских завоевателей: побежденные должны уступить победителям свою территорию всю или известную часть ее, этот принцип не был применен в этом случае. Владения римских императоров, ветеранов и римских солдат достались королю франков. Было, следовательно, чем наделить всех тех, кто помогал Хлодвигу в его предприятиях. Таким образом господство франков здесь получало необходимую материальную основу. После завоевания, как и до него, possessor платил поземельный налог, между тем как tributarius платил подушную подать: вся разница заключалась в том, что сбор попадал в казну франкского короля. Как наследник римских императоров, франкский король имел, кроме того, по отношению к римлянам некоторые фискальные права – именно на рудники, пастбища и леса, также он сохранил таможенный сбор и дорожные пошлины.

Другой факт величайшей важности то, что римское право продолжало существовать после франкского завоевания. По Constitutio Хлотаря I, процессы между римлянами должны быть судимы сообразно с римскими законами (inter Romanos negotia causarum Romanis legibus praecipimus terminari). Но не следует думать, что продолжала существовать юридическая организация империи как таковая. Римлянин, истец или ответчик, должен был являться на такой же суд, как и франк, другими словами, так же как и франк, он являлся на суд графа, поставленного здесь королем.

Социальное положение римлянина было установлено согласно с германским правом. Салический закон требовал, чтобы всякий римлянин, владеющий свободной землей, но платящий поземельный налог, был огражден вирой, равной виро франкского лита, то есть чтобы его вира равнялась ста солидам. Римлянин, который не владел землей или возделывал чужую землю, имел виру, равную сорока пяти солидам. Не следует видеть в приравнивании свободного римлянина к франкскому литу род социального унижения. Уже самый факт виры показывает намерение короля поднять римлянина на один уровень с германцем. Следует признать, что вира римлянина была ниже виры свободного франка. Причина этого различия кроется в его происхождении, которое считалось менее почетным. Однако это не влияло решительным образом на реальное положение: римляне заключали браки с франками, служили в армии, принимали участие в междоусобицах, иногда занимали влиятельное положение при дворе короля. Поэтому было бы неверным предполагать, что социальное положение римлянина было хуже при франкских королях, нежели оно было во время империи; напротив, завоевав северными провинциями Галлии, Хлодвиг открыл таким образом (через право – Л. З.) широкий доступ римлянам, романскому элементу в нарождающееся государство» (ПФА РАН, ф. 96, оп. 1, д. 229).

9. См.: *Григорий Турский*. История франков. II, 28.

10. Далее следует пересказ отрывка из «Истории франков» Григория Турского (II, 29, 30).

11. Там же. II, 30. Война между франками и аламаннами в 496–497 гг.

12. Теодорих – король остготов (493–526).

13. Далее: отрывок из «Истории франков» Григория Турского (II, 31).

14. См.: *Григорий Турский*. История франков / Изд. подгот. В. Д. Савукова. С. 50–51; *Лебек С.* Новая история средневековой Франции. Происхождение франков. V–IX века. Т. 1. М.: Скарabei, 1993. С. 52–55.

15. Примечание на полях: «*Flodoardus. Historiarum ecclesiae Remensis libri IV. Par. 13.* Издание Флодоарда с переводом на французский язык сделано Lejeune (Reims, 1854) в двух томах».

Флодоард (Flodoardus или Flodoarus) (род. 894 – ум. 966) – священник, историк. Проф. В. Г. Васильевский упоминает эпизод главы XIII сочинения «История Реймской церкви» в четырех книгах. Ср.: Французский историк М. Блок в монографии «Короли-чудотворцы» без сомнений указывает Гинкмара (Хинкмара) как первого автора, кто писал о голубке, спустившейся с небес и держащей в клюве «сосуд» с елеем для помазания короля Хлодвига. См.: *Блок М.* Короли-чудотворцы. М., 1998. С. 329–333.

16. Перевод здесь В. Г. Васильевским письма епископа Авита – первый столь полный текст, данный в учебном курсе для ознакомления с ним студентов-историков; использовано издание *Bouquet M. IV. 49.*

17. *Григорий Турский*. История франков. II, 31.

18. Под строкой ссылка на: *Consiliarum Galliae collectio. I. P. 833.*

19. См.: *Григорий Турский*. История франков. II, 32. Битва произошла в 500 или 501 году.

20. Далее рассказ дан по «Истории франков» Григория Турского (II, 33). В 503 году Хлодвиг и Гундобад заключили соглашение, по которому бургундский король выступил на стороне франков в войне их с вестготами в 507 году.

21. *Григорий Турский*. История франков. II, 34.

22. Там же. II, 37. Поход против вестготов в 507 году.

23. Там же.

24. Изложение событий по сочинению Прокопия Кесарийского. См.: *Прокопий из Кесарии*. Война с готами. Кн. I, 12. С. 118–119 (по изданию, указ. выше в примеч. 7).

25. Теодорих, король остготов (493–526). Аларих II (484–507), предводитель готов, в сражении с Хлодвигом при Вуйе был убит. Тулузское королевство вестготов перестало существовать. По Иордану, женой Алариха была дочь Теодориха, поэтому он помогал своему внуку Амалариху, королю вестготов (507–531).

26. *Григорий Турский*. История франков. II, 38.

27. Там же. II, 40.

28. Латинский текст фрагмента, приводимый в лекции: «*Prosternebat enim quotidiana Deus hostes jussus manu ipsius et angebat regnum ejus, eo quod ambularet. Uesto corde coram eo et faceret quae placita erant in oculis ejus*».

29. Харарих (Харарик) – (V в.) – вождь салических франков. См.: *Григорий Турский*. История франков. II, 41.

30. Рагнахар (Рахнагар) – (V в.) – король франков. См.: *Григорий Турский*. История франков. II, 42.

31. Там же.

32. См. полемику: *Грановский Т. Н.* Сочинения. М, 1856. Т. 2. С. 374–402.

33. *Junghans K.* Указ. соч. С. 82.

34. Изложение истории см.: *Григорий Турский*. История франков. II, 27.

Право и быт франков по «Салической правде»

1. В данный раздел лекционного курса В. Г. Васильевский включал русский перевод разбираемых титулов «Салической правды». Сравнение его переводов с переводами проф. Н. П. Грацианского (см.: Салическая Правда / Под ред. проф. В. Ф. Семенова. М., 1950) выявило их большое сходство. В связи с этим мы ставим знак [...] в тех местах лекции, где Васильевский цитирует текст собственно титулов, отсылая интересующихся памятником читателей к изданию Н. П. Грацианского и В. Ф. Семенова, тем более что там помещен латинский текст «Салической правды».

2. Здесь перевод В. Г. Васильевским текста из Пролога I к «Салической Правде». Ср. текст на латинском языке и перевод того же фрагмента проф. Н. П. Грацианским: Салическая Правда / Под. ред. проф. В. Ф. Семенова. М., 1950. С. 86–87, 162–163.

3. См.: *Waitz G.* Das alte Recht der Salischen Franken. Kiel, 1846.

4. Речь идет о труде: *Subel H. v.* Entstehung des deutschen Königthums. Bonn, 1881.

5. См.: Салическая Правда. Титул XLVIII «О розыске».

6. Упомянуто сочинение: *Grimm Jac.* Geschichte der deutschen Sprache. Leipzig, 1848.

7. Далее В. Г. Васильевский дает краткое изложение некоторых положений Ф. Гизо из девятой и десятой лекций первого тома «История цивилизации во Франции».

8. См.: *Гизо Ф.* История цивилизации во Франции / Пер. П. Г. Виноградова. М., 1877. С. 168.

9. Далее здесь В. Г. Васильевский дает русский перевод следующих титулов «Салической Правды»: XLI «О человекоубийстве скопищем» (§ 1–7); XVII «Об увечьях» (§ 1, 3, 5, 6); XXIV «Об убийстве детей и женщин» (§ 1, 3, 6, 7).

10. Дан перевод титула LVIII из «Салической Правды».

11. Здесь русский перевод текста титула LIX «Об аллодах».

12. Здесь перевод титула XLV «О переселенцах». Дополнительное замечание к выводу о содержании титула имеется в лекционном курсе, который В. Г. Ва-

сильевский читал слушательницам Высших женских (Бестужевских) курсов в Санкт-Петербурге: «Очевидно, что здесь содержится ясное указание на общинность владения землей, ибо в противном случае никто не имел бы права вмешиваться в частные дела другого и запрещать ему селить на принадлежащем ему участке земли кого бы то ни было». (См.: Лекции по средней истории профессора В. Г. Васильевского. СПб., 1886–1887. Высшие женские курсы. Издание Б. Порозовской. С. 102.)

13. Латинский текст Капитулярия Хильперика. См.: Салическая Правда / Под ред. проф. В. Ф. Семенова. С. 149–150.

14. Вольный пересказ главы 25 сочинения Тацита. Ср.: *Тацит Публий Корнелий*. О происхождении германцев и местоположении Германии // *Тацит Корнелий*. Соч.: В 2 т. Анналы. Малые произведения. Т. 1. СПб., 1993. Гл. 25. С. 347.

15. *Тацит*. Указ. соч. Гл. 24.

16. См.: «Салическая Правда». Титул LVII «О рахинбургах»; титул LVI (§ 1); титул L (§ 3).

17. Там же. Титул XLVI (§ 2, 3); титул L (§ 3).

18. Заключительная часть раздела «Право и быт франков по «Салической Правде» в лекциях для слушательниц Высших женских курсов содержит следующий текст: «Как видно, Меровингское государство совершенно не похоже на Римское. Франкское судопроизводство совершенно отличается от римского. Там местные землевладельцы собирались на суд в курии и судопроизводство отличалось формальным характером, следованию букве закона. На римский суд у франков похож суд короля, к которому можно апеллировать на решение народного суда. Здесь кроме виры являлись уже телесные наказания, смертная казнь и большие денежные штрафы. На местах же у франков по «Салической Правде» сохраняется еще народный суд; само разделение государства на волости, где есть граф, а не на муниципии, как это было в империи, тоже – чисто германское. Несправедливо мнение, будто франки избегали городов и жили только в селах; у Григория Турского мы встречаем много доказательств их жизни в городах.

Таким образом, Франкское государство представляло правильно организованную общину с королем, народным собранием и королевскими чиновниками, хотя последние, впрочем, только уполномоченные короля на местах. В этот первый период Франкской монархии нет еще никаких признаков феодального порядка. Меровингское государство представляется нам более правильно организованным, чем государство феодальной эпохи. Отчасти это объясняется римским влиянием на франков, силой римских преданий. Если же присмотреться ближе к тогдашним порядкам, то впечатление получится далеко не такое выгодное. Стремление королей захватить всю власть в свои руки, их произвол и самоуправство, а также злоупотребления чиновников и графов не дают нам оснований видеть эти порядки в розовом свете». (См.: Лекции по средней истории профессора В. Г. Васильевского. СПб., 1886–1887. Высшие женские курсы. Издание Б. Порозовской. С. 121–122.)

ВНЕШНИЕ СОБЫТИЯ В ИСТОРИИ ФРАНКСКОГО ГОСУДАРСТВА ПОСЛЕ ХЛОДВИГА

1. Теодерих (Тьерри I) (511–534), король, старший сын Хлодвига от первой жены; сыновья от второго брака Хлодвига: Хлодомир (Хлодемир, Клодомир), король (511–524); Хильдеберт (Хильдебер I), король (511–558); Хлотар (Клотар I), король (511–561). См.: *Григорий Турский*. История франков. III, 1.

2. Юстиниан I, император Византии (527–565). Византийцы воевали в Италии с остготами в 535–555 годах.

3. ...После смерти их великого короля... – имеется в виду Теодорих, король Остготского государства, умерший в 526 году. Война с вандалами в Северной Африке проходила в 533–534 годах. В результате военной экспедиции на юго-восток Пиренейского полуострова в 554 году Византия захватила часть провинции Бэтика.

4. В этом месте текста лекции стоит знак *, однако он никак не расшифрован.

5. Здесь использован материал из «Истории франков» Григория Турского (III, 4, 7, 8) и других источников, данный в кратком пересказе. Германфрид (Герменефред) (VI в.) – король тюрингов. Униструт (*лат.* Onestrudis) – река.

6. Радегунда (Радегонда) (VI в.), дочь Бертахара, короля тюрингов, вторая жена Хлотара I; монахиня, аббатиса монастыря в Пуатье. О ее браке с Хлотаром см.: *Григорий Турский*. История франков. III, 7.

7. В военной кампании приняли участие франкские короли, братья Хлодомир, Хильдеберт и Хлотар.

...За исключением Теодериха Мецского... – то есть старшего брата, во владениях которого находился город Мец.

8. Сигизмунд (Сигимунд) (VI в.) – король бургундов. Далее идет краткое изложение событий по «Истории франков» Григория Турского (III, 6). Годомар II (VI в.) – король бургундов; Визоронсе (*лат.* Visorontia) – местечко.

9. Для самостоятельного изучения войн Юстиниана в Италии В. Г. Васильевский рекомендовал студентам: «Есть исследование П. Кудрявцева “Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим” (с. 50–87), в котором приведены выдержки из сочинения византийского историка VI века Прокопия Кесарийского».

10. См.: *Григорий Турский*. История франков. III, 18.

11. Св. Хлодоальд (Клодоальд) основал ок. 560 г. монастырь близ Парижа (Сен-Клу).

12. См.: *Григорий Турский*. История франков. III, 7.

13. Там же. IV, 20.

14. Там же. III, 32. Теодеберт I (Теодобер), король (534–548), сын Теодериха (Тьерри I).

15. После смерти Теодеберта I вся власть и земли перешли к его сыну Теодобальду, правившему в 548–555 гг.

16. ...под властью Суассонского короля... – то есть Хлотара I, резиденцией которого был город Суассон. Разными путями Хлотар присоединил к своим владениям земли Теодобальда и Хильдеберта.

17. Сигизмунд (VI в.), король бургундов, сын Гундобада. О нем: *Григорий Турский*. История франков. III, 5, 6; V, 18.

18. Государство лангобардов в Италии 568–774 годов.

19. См.: *Григория Турского*. «Истории франков» IV, 42, 44.

20. Там же. IV, 42.

21. Хариберт (Харибер), король (561–567); Гунтрамн (Гонтран), король (561–592);

Хильперик I (Хильперих), король (561–584);

Сигиберт I (Сигибер), король (561–575).

22. Далее В. Г. Васильевский дает краткий пересказ, а местами цитирует перевод текста из «Истории франков» Григория Турского (книга IV, глава 27).

23. См. о Хильперике: *Григорий Турский*. История франков. IV, 28; V, 44; VI, 46.

24. Там же. VI, 46.

25. Фредегонда (Фредегунда) (545–597), вторая жена короля Хильперика I.

26. См.: *Григорий Турский*. История франков. IV, 28. Галесвинта (Гайлесвинда) – жена Хильперика I и сестра королевы Брунегильды. Далее изложение событий в этой части лекционного курса дано в вольном пересказе и основано на сочинении Григория Турского «История франков».

27. Мерових (Меровех) – сын короля Хильперика и его первой жены Авдоверы. См.: *Григорий Турский*. История франков. IV, 28; V, 2, 3, 14, 18, 48.

28. *Григорий Турский*. История франков. V, 39. Хлодовик (Хлодовех) – младший сын короля Хильперика и Авдоверы. Далее рассказ В. Г. Васильевского о судьбах Фредегонды и Брунегильды основан на сведениях из сочинения Григория Турского (VI, 4; VII, 20; VIII, 9, 29).

29. Хлотар II (Клотар) – король Нейстрии (584), позже король Бургундии и Австразии (613); сын Хильперика и Фредегонды. Далее В. Г. Васильевский приводит фрагмент из «Истории франков» Гр. Турского (VII, 8).

30. Ригунта (Ригонта) – дочь короля Хильперика и Фредегонды. Об ее отъезде в Испанию и ограблении свадебного кортежа подробнее см.: *Григорий Турский*. История франков. VI, 45; VII, 9.

31. История Гундовальда представлена В. Г. Васильевским в пересказе материала из «Истории франков» Гр. Турского (книги VI–IX).

32. Хильдеберт II (Хильдебер) – король Австразии (575–596), сын короля Сигиберта I и Брунегильды. Он был провозглашен королем в возрасте пяти лет (см.: *Григорий Турский*. История франков. V, 1).

33. Здесь и далее вольный пересказ, местами цитаты, из сочинения: *Григорий Турский*. История франков. VII, 14.

34. Там же. VII, 33.

35. Там же. VII, 34.

36. Там же. VIII, 22.

37. Полный текст договора приведен Григорием Турским в «Истории франков» (IX, 20).

38. См.: Там же. IX, 25. Франки были разбиты лангобардами.

39. Теодоберт II (Теодобер), король Австразии (596–612); Теодерих II (Тьерри), король Бургундии (596) и Австразии (612).

40. Здесь и далее В. Г. Васильевский приводит цитаты из второго издания сочинения: *Loebell J. W. Gregor von Tours und seine Zeit Romanen und Germanen*. Berlin, 1869. S. 59–84. *Лебель И. В.* (1786–1863) – немецкий историк и литературовед.

41. Название труда, который содержит цитируемый здесь текст, установить не удалось. Герар Б. (Guégarde V.) – крупный французский ученый, впервые издавший ряд ценных юридических средневековых памятников, археограф. Он был одним из первых выпускников, впоследствии – директором знаменитой «Школы хартий», открытой в Париже по указу императора Наполеона I. Герар – автор нескольких монографий и многих статей.

42. Литтре Э. (Littré E.) (1801–1881) – французский философ, один из первых учеников, а также и первых критиков О. Конта. Фюстель де Куланж Н. Д. (Fustel de Coulanges N. D.) (1830–1889) – французский историк.

43. Речь идет об оценке Ф. Гизо, данной им при издании труда Гр. Турского. См. примеч. 38 к «Введению».

ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В V И VI ВЕКЕ

1. Анахорет – то есть удалившийся от мира, отшельник.

2. Киновия (пер. с греч. «общечитие») – одна из форм монашеской жизни. Тавенне (Тавенниси) – место в Верхнем Египте.

3. Созомен (? – ок. 450) – автор «Церковной истории». Сохранились фрагменты сочинения, в котором описаны события с 324 до 439 г.

4. Речь идет о первых уставах, положенных в основание устройства и жизни монастыря. Василий Великий (329–379), вселенский Отец и учитель церкви; насаждал монастыри в Каппадокии, составил для них устав («Правила»).

5. Блаженный Августин (Sanctus Aurelius Augustinus) (354–430), величайший из Отцов древней Церкви. Иероним (Hieronimus) (род. между 340 и 350 – ум. 420), один из великих учителей Западной церкви.

6. ...один из них Эбрар (Ebrard)... – Имеется в виду И. Г. А. Эбрар (1818–1888), богослов и беллетрист, профессор богословия в Цюрихе и Эрлангене. Речь идет о его труде: *Ebrard J. H. A. Die iroschottische Missionskirche des VI–VIII Jahrhunderts*. Gutersleide, 1873.

7. Какие именно работы имел в виду В. Г. Васильевский, установить не удалось. Сочинения И. Г. А. Эбрара западноевропейская историография XIX в. оценивала как солидные научные труды.

8. Святой Патрик (лат. Patricius) (род. ок. 390 – ум. 461), апостол, покровитель Ирландии. Начало его деятельности в Ирландии современные историки относят к 432 году (у В. Г. Васильевского – 430 год).

...проповедником святым Колумбаном (Старшим)... – Речь идет об апостоле пиктов в Шотландии, Колумбе (Columba, Colt, Colum – Cille) (ум. 597). Он основал Ирландскую церковь, отличавшуюся монашеским характером и особым уставом.

9. ...Святой Колумбан родился в 540 году в Лейнстере... – Имеется в виду миссионер Галлии Columban (лат. Colum, уменьшительное Columbanus), воспитанник ирландского монастыря в Бангоре, основанного в 539 году св. Комгаллом. Прибытие Колумбана в Галлию датируют по-разному: 585 (так у В. Г. Васильевского) и 595, 575 гг. (в трудах других историков второй половины XIX века). Из основанных в Галлии монастырей особенно знаменит был Люксейе (Luxovium, в 590 году), из итальянских – Боббио (Bobbio, в 613 году).

10. Святой Галл (Gallus, Gallunus) умер ок. 627 года, за миссионерскую деятельность прозван «апостол аламаннов». Основанная им ок. 613 года пустынь превратилась в крупный монастырь Св. Галла – Сен-Галленский (на территории Швейцарии). Биография опубликована в серии «Monumenta Germaniae», том второй.

11. ...говорит один современный писатель... – Имеется в виду историк С. В. Ешевский. Далее приведена цитата из его работы «Эпоха переселения народов, Меровинги и Каролинги» (Сочинения. М., 1870. Т. 2. С. 201).

12. Фрагмент чтений о Бенедикте Нурсийском изложен В. Г. Васильевским по лекции XIV в труде Ф. Гизо «История цивилизации во Франции», первый том. Извлечения заключены в кавычки.

13. Ссылка в тексте лекций: *Regula St. Benedicti*. S. 48.

14. ...монахи цистерцианские... – монашеский орден, ветвь бенедиктинского ордена.

15. См.: *Гизо Ф.* Указ. соч. Лекция XIV.

16. ...Кассиодор пережил своего повелителя... – По всей вероятности, проф. В. Г. Васильевский имел в виду короля Теодориха, умершего в 526 году. Кассиодор прожил долгую жизнь, занимая высокие должности при четырех преемниках Теодориха. Обитель, о которой идет речь в лекции, находилась в собственных владениях Кассиодора на берегу Тарентского залива.

17. Блаженный Иероним (Hieronimus) (род. между 340 и 350 – ум. 420), один из великих учителей Западной церкви. Доменикино (Domenichino) (1581–1641) – итальянский художник (настоящее имя Domenico Zampieri), творчество

которого отражало теоретические принципы Болонской академии братьев Карраччи.

18. Речь идет о сочинении Кассиодора «De orthographia».

19. ...так называемых либеральных наук... – Здесь дан буквальный перевод названия общего учебного курса средневековой европейской школы – «septem artes liberales». Сочинения Кассиодора «De institutione divinarum et saecularium litterarum» и «De artibus ac disciplinis liberalium litterarum» являлись учебными пособиями и энциклопедией для учащихся. В русской исторической литературе второй половины XIX века встречаются два варианта русского перевода названия курса: «семь свободных (либеральных) наук» и «семь свободных искусств».

20. История Радегонды уже упоминалась В. Г. Васильевским на основе данных из «Истории франков» Григория Турского. Этот же материал использовал С. В. Ешевский также для характеристики положения в монастырях Галлии в своем труде «Эпоха переселения народов, Меровинги и Каролинги» (см.: Соч. Т. 2. С. 207–211).

21. См.: *Григорий Турский*. История франков. IX, 40, 42.

22. Там же. IX, 39, 40, 41.

23. В исторической литературе второй половины XIX века встречаются и другие транскрипции имен героинь этой истории: Хротхильда, Хродехильда (у В. Г. Васильевского – Хрогильда); Левбовера, Леобовера (у В. Г. Васильевского – Левдовера).

24. См.: *Григорий Турский*. История франков... X, 15.

25. Речь идет о графе Пуатье.

26. Имеется в виду собор и принятые на нем решения. См.: *Григорий Турский*. История франков. X, 15, 16.

27. Речь идет о римском епископе Льве I (440–461). Известно, что он старался по мере возможности предотвратить попытки варваров захватить Рим. По преданию, встреча Аттилы и посольства римских граждан, среди которых был и Лев I, произошла в 452 году недалеко от Мантуи. Епископ вручил предводителю гуннов богатые подарки и убедил его не вступать в Рим и уйти из Италии.

28. Неточно: отдельное имение называлось praedia fundi.

29. Речь идет о византийском владычестве в Италии в 555–568 гг.

30. «Прагматическая санкция», изданная 13 августа 554 года византийским императором Юстинианом, определяла внутреннее положение и управление в Италии.

31. Возможно, В. Г. Васильевский имел в виду римских пап: Григория I (590–604), Григория II (715–731), Григория III (731–741).

32. Здесь неточность: Григорий I родился около 540 года.

33. ...Папа Пелагий... – речь идет о Пелагии II (579–590); ...отправил письмо к императору в Византию... – по Кодексу Юстиниана (529 г.) римского епископа выбирало духовенство, а затем кандидата утверждал император после получения соответствующей платы.

34. В тексте лекций ссылка на: «*Greg. Magni. Epistolarum ex registro Gregorii libri XII: кн. I, п. 42*».

35. Маврикий, византийский император (582–590).

36. Ссылка в тексте лекций на: «*Greg. Magni. Epist. Lib. IV, п. 32*».

37. Там же.

38. Фока, византийский император (602–610).

39. В тексте лекций ссылка на: «*Greg. Magni. Epist. Lib. XI, п. 36*».

40. ...получил в нашей церкви прозвание «Двоеслова»... – имеется в виду в Восточной церкви. Сочинение Григория «Диалоги о жизни италийских отцов и о бессмертии души» (593 г.), одна из самых популярных книг Средневековья, было переведено на греческий и арабский языки. Следует заметить, что многие произ-

ведения Григория были переведены на русский язык во второй половине XIX века.

41. Альфред Великий, король англосаксов (871–900), уделявший большое внимание развитию англосаксонского языка и литературы, распространению грамотности и просвещения; перевел с латинского языка несколько сочинений Григория I.

42. Речь идет о сборнике «Mogalia» (60 книг), содержащем толкования на Св. Писание; этот труд Григорий закончил к 597 году.

43. Аутари, король лангобардов (584–590); Теоделинда Лангобардская – представительница баварского герцогского рода, жена короля Аутари, а после его убийства – короля Агилульфа. Брунегильда Франкская (? – 613), дочь короля вестготов в Испании, жена франкского короля Сигиберта, позже – Меровея. Берта (Бертрада) Английская – дочь франкского короля Хариберта (561–567), была выдана замуж в 585 году за Этельберта I (Эдильберт), короля Кента в Британии (правил 568–616).

44. Ссылка в тексте лекций: *Pauli Diaconi. Historia Langobardorum* / Ed. Bethmann L., Waitz G. // Monumenta Germanie historica. Scriptorum rerum Langobardicarum. Hannoverae, 1878. IV, 21.

45. Там же. IV, 21. Собор основан Теоделиндой в 595 году.

46. Речь идет о сочинении: *V e d a. Historia ecclesiastica gentis Anglorum*. Беда, прозванный Достопочтенным (673–735), ученый, историк, автор более сорока сочинений. «Церковная история англов» законченная автором в 731 году, первый труд, освещающий происхождение и историю англосаксов в Англии. В библиотеке проф. В. Г. Васильевского было издание: *Baedae. Historia ecclesiastica gentis Anglorum* / Ed. Holder. Freiburg, 1882. Однако в тексте лекций нет указания используемой автором публикации. Рус. пер.: *Беда Достопочтенный. Церковная история народа англов* / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. В. В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2003.

47. Августин с братьями отправился в Британию в 596 году.

48. См. выше примеч. 43.

49. См.: *Beda Vener. Hist. eccles. lib. I, 23, 25, 26.*

50. ...Миссионеры пристали к оконечности острова Танета... – Речь идет об острове Танет (Танат, Фанат), расположенном тогда в месте впадения реки Стор (графство Кент) в пролив Па-де-Кале.

...была объяснена цель их путешествия и представлены предложения... – Имеется в виду, что миссионеры на разных примерах показывали преимущества христианской веры перед язычеством, подчеркивали могущество Христа по сравнению с языческими божествами.

51. В литературе XIX века мы встречали только одну дату крещения Этельберта – 597 год; в современной историографии указывается и другая – 601 год.

52. Бангор (Bangor) – монастырь в землях бриттов на северо-востоке Уэльса.

53. Римские миссионеры вслед за Kentом обратили в христианство население Эссекса, Восточной Англии и Уэссека.

54. Августин скончался в 604 году.

55. Редвальд, король восточных англов (ум. ок. 617). См.: *Beda. Hist. eccles. lib. 2, 12.* Эдвин – король Нортумбрии (616–633), Этельфрит (Этельфрид, Эдильфрид) – правитель Берниции и Дейры (593–616).

56. Паулин прибыл в Британию вместе со святым Августином. Беда Достопочтенный сообщает, что он насаждал христианство в Нортумбрии и здесь стал первым епископом римской церкви (*V e d a. Hist. eccles. lib. 2, 9*). После убийства короля Эдвина (633 г.), которого Паулин обратил в христианскую веру, он жил в городе Эборак (ныне Йорк), умер в 644 году.

57. Король Нортумбрии Эдвин был окрещен епископом Паулином в 627 году.

58. ...В Мерсии вступает на престол Пенда, который в союзе с кельтами и королем Страсклейда... – Речь идет о борьбе между правителями британских королевств в VII веке. К началу столетия гегемония принадлежала христианской Нортумбрии (здесь действовали ирландские и римские миссионеры), против которой выступила языческая Мерсия. Правитель Мерсии в начале VII века заключил военный союз с племенами Уэльса (в тексте лекции – «кельтами») и королем кельтского государства Страсклейд (Strathclyde), расположенного на северо-западе Англии. Пенда – король Мерсии (626–655).

...Валлийский король... – Имеется в виду король Уэльса (Wales – Уэльс).

...в Берниции... – Речь идет об области на севере Британии, именуемой также в источниках Берника или Беорника.

...в Дейре... – область в Британии, центр г. Эборак. См.: *Beda. Hist. eccles. lib. III, 1.*

59. ...Освальд, воспитанный и крещенный в Шотландии... – Освальд, король Нортумбрии (634–642). Его воспитывали ирландские монахи в монастыре, который основал святой Колумба (Columba, Colt) в 563 году. Обитель находилась на острове Айона (Iona, Иона) вблизи берегов Шотландии (северо-западная часть Британии). Об Освальде см.: *Beda Vener. Hist. eccles. lib. III.*

60. Святой Айдан (Аидан) прибыл в Нортумбрию из монастыря Айона в 635 году. Он основал монастырь в Линдисфарне (Lindisfarne) на острове, подаренном ему королем. См.: *Beda. Hist. eccles. lib. III, 3.*

61. Освиу (Осви), король Берниции (642–655), король Нортумбрии (655–670).

62. На этом примере В. Г. Васильевский показывает, что в христианской Нортумбрии имело место разное понимание богослужебно-обрядовых обычаев у сторонников Римской и Ирландской кельтской церкви. Победу католической Римской церкви исследователи относят к началу VIII века.

63. ...Третий епископ – Кольман... – Как представляется, в этом месте пропущено несколько предложений или слов. Речь идет о настоятелях обители в Линдисфарне: первый – аббат, по сану пресвитер, Айдан (см. выше примеч. 60), епископ Нортумбрии (634–651); второй – Финиан (Финан), епископ в 651–661 гг.; третий – Колман (в тексте лекций – Кольман) епископ Нортумбрии (661–664); все монахи – воспитанники монастыря Айона (Иона).

...Созван был собор... – Речь идет о собрании (синоде) в 664 году в местечке Уайтби. Ирландскую кельтскую церковь представлял Колман (Colman), Римскую – Вилфрид (ок. 635–710 гг.).

64. См.: *Beda Vener. Hist. eccles. lib. III, 25, 26.*

65. Святой Федор (Теодор) Тарсийский (ок. 602–690), греческий монах, уроженец г. Тарс. Папа Виталиан назначил его архиепископом Кентерберийским в 668 или 669 году. См.: *Beda. Hist. eccles. lib. IV.*

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ. КАРЛ ВЕЛИКИЙ

В настоящей публикации заглавие и текст этой части лекций В. Г. Васильевского воспроизводятся по изданию 1882–1883 гг., принятому за основу (см. предисловие). Два других прижизненных издания более позднего времени (Лекции по средней истории профессора В. Г. Васильевского. 1886–1887. Изд. Б. Пороховской; Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Т. II. Отд. I. 1896 г. Изд. СПб. ун-та) содержат тот же исторический материал, но под другим заглавием: «Франкское государство в период последних Меровингов. Майордомы. Возвышение новой династии». Кроме того, в публикации 1886–1887 гг. опу-

щены параграфы, освещающие вопрос о секуляризации церковных имуществ, а в издании 1896 г. изложение их дано пространно, со многими пропусками по сравнению с текстом первой редакции.

1. Речь идет о собрании епископов и знати в Париже в октябре 614 года. Русский перевод некоторых статей Эдикта Хлотара II, который рассматривает В. Г. Васильевский см.: Хрестоматия по истории средних веков / Под ред. С. Д. Сказкина. М., 1961. Т. 1. С. 426–427.

2. ...Палатных мэров... – От латинского слова «palatium» – дворец. Здесь, как и в других трудах историков второй половины XIX века, термины «майордом» и «палатный мэр» даны как синонимы применительно к исторической обстановке во Франкском государстве в VII веке.

3. Имеется в виду Дагоберт I (род. 609 г. – ум. 639 г.).

4. Арнульф (Арнуль) был назначен епископом в г. Мец около 615 года; умер ок. 629/630. Город Мец был столицей Австразии с начала VI века. Пипин Ланденский (Пипин I) получил должность майордома Австразии в 623 году; умер в 640 г.

5. Здесь и далее по тексту В. Г. Васильевский использовал фактический материал из источника VII века – так называемой «Хроники Фредегара»; в круглых скобках указано имя автора и глава. Издание, которое было в распоряжении профессора, неизвестно.

6. Хариберт (Харибер) – король Аквитании (629–632).

7. О назначении Дагоберта королем Австразии и его опекунах см.: «Хроника Фредегара». IV, 47, 58, 68. Арнульф и Пипин должны были помогать ему в управлении, так как Дагоберту тогда было около 15 лет.

8. В издании лекционного курса 1886–1887 гг. текст дополняет цитата: «Luxuriae super modum deditus, tres habebat maxime ad instar reginas et plurimas concubines. (Fredegar, gl. 60)». (См.: Лекции по средней истории профессора В. Васильевского. С. 256.)

9. См: Хроника Фредегара, IV, 48.

10. Имеется в виду «Повесть временных лет». См. цитату в тексте: Повесть временных лет. М.: Л., 1950. Ч. I. С. 14.

11. См.: Хроника Фредегара. IV, 48. Само был избран, видимо, около 625 года.

12. Далее В. Г. Васильевский пересказывает фрагмент из «Хроники Фредегара» (IV, 68). Это событие произошло около 630 года.

13. См. там же.

14. Сигиберт III (Сигибер), король Австразии (634–656). В историографии встречается и другая дата: 643–656, Гримуальд (Гримоальд), сын Пипина I Старшего, был майордомом Австразии между 643 и 657 годом. Пипин умер в 640 году.

15. ...Гримуальд провозгласил королем своего собственного сына... – У короля Сигиберта III долго не было наследника, и Гримуальд убедил его усыновить одного из своих детей. Ему дали имя Хильдеберт. Вскоре после того королева родила мальчика, «чудом посланного», которого назвали Дагоберт. Когда король Сигиберт умер, Гримуальд приказал маленького Дагоберта постричь в монахи и отправил его в Ирландию, в то же время Хильдеберт был провозглашен королем.

16. Здесь примечание на полях: «Род Меровингов приписывал себе божественное происхождение, и все наследники с детства отпускали длинные волосы (верховный бог германцев Один был по преданию длинноволосым). У Гримма (Grimm J.) об этом в «Deutsche Rechtsalterthümer» (Berol., 1828), с. 146 и 239».

17. Речь идет о Хлодвиге II, младшем сыне Дагоберта I, тогда короля Нейстрии и Бургундии (638–657).

18. Здесь неточность: Леодегар (Леодегарий, Легер), епископ г. Отен (659–678), святой (ум. ок. 676–679), не занимал должность майордома. Эброин (Эбруин), майордом Нейстрии, убит ок. 680 года.

19. ...послал своих сыновей... – Имеется в виду, что Дрогог, старший сын (герцог Шампани), был отправлен командовать бургундской армией (ум. в 708); Гримоальд, младший – получил в качестве лена должность графа парижского и находился в Нейстрии (убит в 714).

20. Альпаида, мать Карла Мартелла, была побочной женой Пипина Геристальского.

21. ...победа над сарацинами... – Франкские источники VIII–IX вв. называют арабов «сарацины»; слово это арабского происхождения, означает «восточные». Лев III Исавр (717–741), византийский император. В 718 году разбил армию арабского халифа, осаждавшую Константинополь, столицу империи, и тем самым добился коренного перелома в борьбе Византии с арабами.

22. ...Вестготское или Толедское царство... – Государство вестготов в V веке включало территории на Пиренейском полуострове и в Аквитании, центр располагался в Тулузе. Войны франков с готами (с 90-х гг. V в.) закончились победой франкского короля Хлодвига в 507 году, в связи с чем многие готы переселились в Испанию и столицей вестготского государства стал Толедо (с 580 г.).

...Один из вестготских королей принял католичество... – Имеется в виду король Рекаред I (Реккаред) (586–601), который в 587 году отрекся от арианства и перешел в католичество.

23. Имеется в виду сочинение: *Ranke L. v. Fürsten und Völker von Süd-Europa*. Bd. 1–4. Berlin, 1837–1845.

24. Здесь неточность: войско вестготов под командованием короля Родерика (Родриго) было разбито в 711 году, король бежал с поля боя. Последнее сражение вестготов с арабской армией произошло в 713 году, судьба Родерика неизвестна. Около года (713–714) оказалось достаточно, чтобы арабы покорили большую часть Пиренейского полуострова.

25. Имеется в виду испанский хронист Исидор Беджский, современник битвы при Пуатье. См. его соч.: *Isidori Pacensis Chronicon* // PL. Т. 96.

26. Имеется в виду, что византийский император Лев III Исавр без колебаний использовал богатства церкви для укрепления центральной власти и нужд государства.

27. См.: *Roth P. Geschichte des Beneficialwesens*. Erlangen, 1850, прил. V. S. 248–253.

28. Речь идет об участии Льва III в иконоборческом движении в Византии.

29. Речь идет о сочинении: *Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte*. Bd. II.

30. См.: *Roth P. Die Säkularisation des Kirchengutes unter den Karolingern* // Münch. histor. Jahrb., 1865.

31. См.: *Kayfmann G. G. Deutsche Geschichte bis auf Karl den Grossen*. Bd. 2. Leipzig, 1881. Далее В. Г. Васильевский использует фактический материал из этого труда немецкого историка.

32. В этом месте издания на полях есть автограф не установленного лица: «*Rescuniae* – означает в Средние века всякое движимое и недвижимое имущество. *Fraudatae rescuniae* – имущество, присвоенное кем-либо незаконным образом».

33. Имеется в виду: *Oelsner. Pépin le Bref*. P., 1871.

34. Захарий (Zacharias) – римский папа (741–752).

*Реформа Франкской церкви Бонифацием
в связи с общей историей христианской церкви.
Союз майордомов с папами*

1. См. главу «Христианская церковь в V веке. Монашество и миссионерская деятельность Кульдейской церкви. Св. Колумбан и его монашеское правило, Св. Бенедикт и его устав. Папа Григорий I. Просвещение в Британии».

2. Святой Фридолин (Fridolinus), ирландский миссионер, распространявший христианство в Вогезах и на территории современной Швейцарии (в гербе кантона Гларус есть изображение проповедника).

3. Святой Северин (Severinus) (? – ум. 482), распространял христианство в Придунайских областях, апостол Норика. Житие его, написанное в 511 году Евгипием, аббатом Лукулланского монастыря в Италии было известно В. Г. Васильевскому по изданию: Vita sancti Severini // MGH. Auct. Ant. I, 2 / Ed. H. Saurpe. Berol., 1877.

4. Святой Эммерам (? – убит в 715), мученик; галльский епископ, распространял христианство в Баварии, в Регенсбурге.

5. Святой Руперт (Rupert) (ок. сер. VII в. – 717), апостол Баварии. Вначале был епископом в Вормсе, затем миссионером в Баварском герцогстве; погребен в Зальцбурге.

6. Виргилий, епископ (к. VII – VIII в.), родился в Ирландии. В 743 году по рекомендации Пипина Короткого (тогда еще майордома) получил епископскую кафедру в Зальцбурге. Канонизирован в 1233 году папой Григорием IX.

7. Святой Килиан (Kilian, Killepa) (?– 689), появился в Баварии в качестве миссионера.

8. Имеется в виду англосаксонский монах Виллиброрд (Willibrord) (ок. 658–739), получивший образование в Ирландии, с 695 года епископ. Резиденция Виллиброрда – город Утрехт. В своей деятельности он опирался на поддержку римского папы и франкского майордома Пипина Геристальского (Пипина II). При непосредственном участии последнего и его жены Плектруды был основан монастырь в Эхтернахе (ок. 700), где впоследствии Виллиброрд скончался.

9. Речь идет о Григории Утрехтском (707–775/776?), епископе; после смерти своего учителя Бонифация он проповедовал христианство во Фрисландии.

10. Лактанций (Lactantius) Люций Целий Фирмиан (ок. 250 – ок. 330), знаменитый христианский писатель, ритор, был учителем Криспа, старшего сына императора Константина. Тертуллиан (Tertullianus) Квинт Септимий Флоренс (ок. 160–?) – богослов.

11. См.: Деяния Святых Апостолов. 5, 1.

12. Имеется в виду судьба Германии в конце XVI–XVIII в. после окончания Реформации.

13. Паллиум (pallium) – особый вид верхней одежды, который получали от папы при посвящении в епископы.

14. При освещении истории германских церковных соборов, проходивших с участием Бонифация, В. Г. Васильевский ссылается на документы, приводимые в сочинении: *Ebrard J. H. A. Bonifacio der Zerstörer des Columbanischen Kirchentums auf dem Festland. Gutersleide, 1882, указывая страницы.* (Далее текст в публикации – *Эббар И. Г. А. Указ. соч. и номер страницы.*)

15. *Эббар И. Г. А. Указ. соч. С. 157.*

16. Там же. С. 163.

17. Там же. С. 164.

18. Виллибальд (Willibald) (ок. 700 – ок. 787), первый епископ Эхштетский в Баварии; сподвижник Бонифация с начала 40-х гг. VIII в.

19. Понтификат папы Григория II (715–731), папы Григория III (731–741).

20. Лиутпранд, король лангобардов в Италии (712–744).

21. Речь идет о римском папе Мартине I (649–655), который был сослан в 649 году императором Константином II.

22. Имеется в виду собрание епископов в 729 году, на котором папа Григорий II высказал свое мнение об иконоборческой политике.

23. В литографированном курсе лекций для слушательниц Высших женских курсов (Бестужевских) здесь добавлено: «Однако мир этот не мог быть прочным. Отчуждение Италии от Византии имело слишком глубокие причины и должно было в конце концов привести к полному отделению» (см.: Лекции по средней истории профессора В. Васильевского. Изд. Б. Порозовской. СПб., 1886–1887. С. 291).

24. Здесь примечание на полях: «Второе письмо папы сохранилось и помещено в сборнике документов «Codex Carolinus».

25. В издании Б. Порозовской здесь дополнение: «Захарий был более миролюбивого характера, чем Григорий III, и он готов был подчиниться новому императору Константину Копрониму, надеясь, что он не будет продолжать иконоборства своего предшественника. Вследствие этого всего Захарий отказался от союза с герцогами Сполетским и Беневентским и соединил свою милицию с лангобардским войском под условием возвращения последними городов в Римском дукате» (См.: Лекции по средней истории профессора В. Васильевского. СПб., 1886–1887. С. 297).

26. В курсе лекций, изданных Б. Порозовской, здесь дополнено: «Рахис удался в 749 году в монастырь Монте-Кассино, чтобы не быть принужденным постоянно выносить борьбу между своим сознанием выгод лангобардского народа, который требовал завоевания этих областей (то есть Пентаполия и Перуджии), и своим религиозным чувством, внушавшим ему уважение и подчинение папе». (См.: Лекции по средней истории профессора В. Васильевского. СПб., 1886–1887. С. 299.)

27. Пипин (Пипин III) был провозглашен королем франков и прошел процедуру посвящения по церковному обряду на собрании знати и духовенства в Суассоне в ноябре 751 года. Незадолго до того Карломан, брат Пипина, принял монашеский постриг (747). Последний из династии Меровингов – Хильдерик III умер в монастыре в 755 году.

28. Стефан II (III), римский папа (752–757).

29. ...Лаврентием Валлоу... – Лоренцо Валла (1407–1457), выдающийся итальянский гуманист.

...один из католических независимых ученых – Деллингер... – Имеется в виду сочинение: *Döllinger J. J. Rapstfabeln des Mittelalters*. München, 1863.

30. Содержание письма папы передано В. Г. Васильевским по документам, приводимым П. Н. Кудрявцевым в монографии «Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим». М., 1850. Глава X, с. 537. Об использовании труда П. Н. Кудрявцева указано в примечании под строкой.

31. Хродеганг (Chrodegang), (? – ум. 766), епископ г. Мец; был референдарием при дворе Карла Мартелла; в 753 году сопровождал папу Стефана II, преследуемого лангобардами; политический деятель, один из наиболее влиятельных советников королей Карла Мартелла и Пипина.

Карл Великий

1. Здесь ссылка на издание: *Jaffé. Codex Carolinus*. IV.

2. Упомянуты исследования: *Ficker J. Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen*. Innsbruck, 1861; *Sybel H. v. Die deutsche Nati-*

on und das Kaiserreich. Bonn, 1862; *Martens B.* Die römische Frage unter Pippin und Karl den Grossen. Berol., 1881.

3. ...Гарун-аль-Рашидом... – Речь идет о багдадском халифе Харун-ар-Рашиде (786–809); ...дело франкского арьергарда в Ронсевальском ущелье... – Упоминается фрагмент из хроники Эйнгарда «Жизнеописание Карла Великого», который освещает поход короля Карла Великого в Испанию (778 год). В. Г. Васильевский ссылается на публикацию хроники у Ph. Jaffé (*Einhardi Vita Caroli Magni. IX // Jaffé. Bibliotheca rerum germanicarum. Carolina. T. IV. Berolini, 1867*). Русский перевод данного отрывка см.: *Левандовский А. П.* Карл Великий. Через империю к Европе. М.: Соратник, 1995. С. 186–187.

4. Первые походы против саксов Карл предпринял в 772–780-е годы; карательные экспедиции против восставших саксонцев проходили в 782–785 и 792–797 гг.

5. Речь идет о сочинении: *Kaufmann G. G.* Deutsche Geschichte bis auf Karl den Grossen. Leipzig, 1881. Bd. 2.

6. Здесь ссылка на издание: *Capitulatio de partibus Saxoniae // Capitularia rerum Francorum / Ed. Boretius. Sincerely. S. II. Hannoverae, 1883. T. 1, p. pr. 26.*

7. Здесь примечание: «Современные писатели, например Эйнгард, пишут «Avari sive Hunni» (*Einhardi. Vita Caroli Magni. C. XIII.*)».

8. Описание войска аваров и их укреплений дано В. Г. Васильевским по «Хронике Сен-Галленского монаха» («*Gesta Caroli*»), источнику сер. IX века. Далее использован фактический материал из Лоршских анналов, часть вторая (*Annales Laureshamensis, pars altera*), 791 г., 793 г., 795 г., 796 г.

9. Здесь примечание: «Для истории отношений между Карлом Великим и Византией важно следующее небольшое сочинение: «*Das Karolingische und das Byzantinische Reich in ihren wechselseitigen politischen Beziehungen*» von D-г. *Otto Harnack. Göttingen, 1880.*»

10. Ирина, соправительница своего сына Константина (780–797); провозглашена самодержавной императрицей в 797 году и правила в Византийской империи по 802 год.

11. Здесь на полях дана ссылка на издание: *Jaffé. Bibliotheca rerum germanicarum. VI, 220–245*». По вопросу о времени составления *Libri Carolini* в историографии разные мнения: 789–791 или 791–792 гг.

12. Здесь указано издание: *Jaffé. Monumenta Carolina. 709–810. Regesta Pontificum romanorum. Berol., 1851; Mansi. Sacrorum Consiliorum nova et ampl. collectio. T. XIII. 759–810.*

13. Адриан I, папа римский (772–795); Л е в III, папа римский (795–816).

14. Речь идет о событиях в Риме 25 апреля 799 года.

15. Цитируется по изданию: *Jaffé. Bibliotheca rerum germanicarum. VI. Alcuini epistolae. Ep. 114.*

16. Эйнгард (*Einhard*) (770–840) – автор сочинения «*Vita Caroli Magni*» («Жизнеописание Карла Великого»). О коронации Карла в Риме см. главу XXVIII.

17. Дана ссылка на издание: *Jaffé. Bibliotheca rerum germanicarum. VI. Alcuini epistolae. Ep. 205.*

18. Цитируется перевод отрывка из Лоршских анналов (*Annales Laureshamensis, pars altera // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores. T. I. 703–803. P. 39*).

19. Никифор, византийский император (802–811).

20. Михаил I Рангаве, император Византии (811–813).

21. ...при Оттонах... – Речь идет о германском короле Оттоне I (936–973) и его преемниках, правивших до начала XI века. ...При Фридрихе Барбароссе... –

германский император Фридрих I Барбаросса (1152–1190) из династии Гогенштауфенов.

22. Здесь В. Г. Васильевский рекомендует студентам пособия по истории культуры при Карле Великом. Приводим список: «*Ebert A. Allgemeine Geschichte der Literatur des Mittelalters im Abendlande*. Bd. 2. Leipzig, 1880; Общие сведения можно найти у Гизо – *Guizot F. Histoire de la civilization en France. Leçons XX, XXII, XXIII*. Желаящих ближе познакомиться с просветительной деятельностью Карла и состоянием просвещения в его время отсылаем к следующим сочинениям: *Reuter. Geschichte der religiösen Aufklärung im Mittelalter*. Bd. 1. Berlin, 1875; *Rettberg. Kirchengeschichte Deutschlands*. Bd. 2. Göttingen, 1846–1848; *Phillips. Karl der Grosse im Kreise der gelehrten in Almanach der Karls. Akademie der Wissenschaft in Wien*, 1856; *Oebeke. De academia Caroli Magni*. Gymn. Pegr. von Achen, 1847; *Ebert A. Die litterarische Bewegung zur Zeit Karls der Grossen in Deutsche Rundschau*. Bd. XI. 1877; *Hauréau. Charlemagne et sa cour*. Paris, 1880. В русской литературе следует указать на книгу В. Преображенского «Восточные и западные школы во времена Карла Великого». СПб., 1881; *Kaufmann. Deutsche Geschichte*. Bd. 2».

23. ...Алкуин, ученик Эгберта... – Алкуин (Ealwhine, в латинизированной форме – Alcuinus или Albinus) (735–804), уроженец Нортумбрии.

24. В первый раз Алкуин встретил Карла Великого в 781 году в итальянском городе Парма, тогда король пригласил его ко двору.

25. Здесь ссылка на издание: *Jaffé. Bibliotheca rerum germanicarum*. VI. Alcuini epistolae. Ep. 241.

26. Ibid. Ep. 199.

27. Под строкой указаны издания: «*Pertz G. Monumenta Germaniae Historica*. I, p. 44; *Capitularia regum Francorum/Ed. Boretius. A.//MGH, L.s. II. Hannoverae, 1883. T. 1. P. 80* под заглавием «*Karoli epistola generalis*». Относится ко времени 786–800 года».

28. В примечании читаем: «Заботы Карла в этом направлении видны по его «*Encyclica*» или «*Epistola de litteris colendis*» (см.: *Pertz G. Monumenta Germaniae Historica*. V. III. Legum. T. 1. 1835 г. P. 52; *Boretius A. Capitularia regum Francorum*. T. 1, p. 52–62; *Jaffé. Monumenta Carolina*. V. IV. 1867, p. 343), которую Boretius (p. 78) относит ко времени между 780–800 гг., а Эберт (*Ebert A. Allgemeine Geschichte der Litteratur des Mittelalter im Abendlande*. Leipzig, 1880, p. 8) относит к 787 году».

29. См.: *Einhardi. Vita Caroli Magni*. XXIX.

30. В примечании В. Г. Васильевский рекомендует издания сочинений Алкуина: «*Placci B. Albini seu Alcuini opera cura et studio/Frobenii*. 2 T.: in 4 vol. *Regensburg, 1777*; *Monumenta Alcuiniana a Ph. Jaffé preparata edid. Wattenbach ed Dümmler* (Bd. VI, der Bibliotheca rerum germanicarum. *Jaffé's*). Berlin, 1873; *Disputatio... Karli et Albini magistri in: Rhetores latini minorenes/Ed. Halm*. Leipzig, 1863; *Poetae latini medii aevi carolini//Monumenta Germaniae Historica*. I. 1881. P. 169 ssq.; *Lorentz. Das Leben Alcuinus*. Halle, 1829; *Monnier. Alcuin et Charlemagne*. Paris, 1862; *Werner. Alcuin und sein Jahrhundert*. Paderborn, 1876».

31. ...зашедшей из Испании ересью адопциан... – Еретическое течение, возникшее в VIII веке на территории арабской Испании, постепенно охватило и Галлию. Адопциане полагали, что Христос в своей человеческой природе был Сыном Божиим только по усыновлению, только номинально. Доктрина была осуждена на церковных соборах, в которых принимали активное участие Карл Великий и Алкуин.

32. *Jaffé. Bibliotheca rerum germanicarum*. VI. Alcuini epistolae. I, p. 347.

33. Амвросий Медиоланский (род. ок. 340 – ум. 397), епископ Миланский.

34. Монастырь Линдисфарн был razoren датчанами в 793 году.

35. См.: Alcuini. epist. 43//PL. T. 100. Col. 208.

36. См.: *Преображенский В.* Восточные и западные школы во времена Карла Великого. СПб., 1881. С. 97 и 98.

37. Там же. С. 99 и 100.

38. Павел Диакон (Paulus Diaconus) или Варнефрид (род. ок. 720 – ум. ок. 800). Здесь указаны издания: *Pauli. Historia Langobardorum // Monumenta Germaniae Historica. Scriptores rerum Langobardicarum* / Ed. Bethmann L., Waitz G. Hannoverae, 1878; *Dahn F.* Langobardische Studien I. Paulus Diaconus, Leben und Schriften. Leipzig, 1876; *Jacobi.* Quellen der Langobardengeschichte des Paulus. 1877; *Poetae latini aevi carolini* / Recensuit E. Dümmler. Berlin, 1880.

39. ...со своим соотечественником Петром Пизанским... – Имеется в виду П е т р из П и з ы, который был при дворе Карла Великого с 783 года.

40. Здесь указаны издания: *Monumenta Germaniae Historica: Angilbert (Homeri) Carmina // Monum. Germ. Hist. Poetae lat. aevi carolini* / Rec. E. Dümmler. T. I. 1881. P. 366–379; *Simson.* Über das Geschicht von der Zusammen Künft Karls des Grossen und Papst Leo III in Paderborn. In: *Forschungen zur deutschen Geschichte.* Bd. XII. S. 867.

41. Здесь на строке в круглых скобках: «См. статью Эберта». О каком именно издании идет речь, установить не удалось.

42. Дано примечание под строкой: «Лоршские анналы от имени города Лорш (Lorch) в Вормской епархии, недалеко от Гейдельберга. Эта хроника начинается от 765 или 764 года и доходит до 1179 года. См.: *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores.* I. 703–863. Об этих анналах есть статья: *K. Arnold.* Beitrage zur Krittick der Karolingeschichts Annalen I. Königsberg, 1878».

43. См. Alcuini. Ep. ed. I. P. 479–627 s.

44. Указаны пособия о Теодульфе и издания его сочинений: «*Teodulfi. Aurelianus episcopi opera.* I / Sirmondi. Paris, 1646; *Monumenta Germaniae Historica. Poetae latini.* T. 1. I p. 437 ssq.; Hauréau. Singularités historiques et literaires. Paris, 1861; *Bzechulka.* Theodulf Bischof von Orléans. Breslaw, 1875».

45. Павлин Аквилейский, патриарх Аквилеи с 787 года, умер в 804 году. Принимал участие в дискуссии об адопцианской ереси (см. примеч. 31). В примечании на строке В. Г. Васильевский указаны издания: «*J. Paulini patriarchae opera exeditis ineditis que primum colligit notis et dissertationibus illustravit* / J. F r. Madrisius. Venetus, 1837; *Ruddenger.* Vesterreichische geschichte bis zum Ausgang des V[неразборчиво. – Л. 3.]. Jahrb. Bd. I. Leipzig, 1858. S. 141–147».

46. Место и время рождения Эйнгарда, социальная среда, из которой он вышел, остаются почти неизвестными. При дворе Карла Великого он появляется в начале 90-х годов VIII века. Участие Эйнгарда в политической деятельности приходится на время правления Людовика Благочестивого (814–840), сына Карла. В примечании В. Г. Васильевский отмечает издания: «*Ouvres complètes d'Edingar.* par. A. Teulet. Paris, 1840–1843. 2 vol.; *Einchardi epistolae und Vita Caroli Magni* // *Monumenta Caroli* / Ed. Jaffé».

47. Веселиил – сын Урии, знаменитый художник, избранный вместе с Аголином для постройки скинии. См.: *Исход*, XXXI, 2, и далее.

48. Эйнгард умер в 844 году (*Левандовский А. П.* Указ. соч. С. 177).

49. Здесь дана ссылка: *Ranke L. v.* Zur krittick frankische deutschen. Berlin. 1854. S. 416.

50. Речь идет о биографии Карла Великого в редакции Jaffé, помещенной в «*Bibliotheca rerum germanicarum*», t. IV, Berolini, 1867 (изд. Wattenbach'a).

51. Указана работа Л. Ранке (см. примеч. 49).

52. Примечания нет, хотя указание на него имеется.

53. В примечании указано: «*Sybel H. v.* Ке [далее неразборчиво – Л. 3.] Bd. III. Die Karol [далее неразборчиво. – Л. 3.] – две статьи, из которых одна [обрыв текста. – Л. 3.]».

54. Речь идет о сочинениях: *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Dritten Bandes II. Abtheil. Kiel, 1883; *Sohm R.* Die frankische Reichs und geschichtsverfassung. Bd. 1. Wiена, 1871.

55. *Зом Р.* Указ. соч. С. 513 и след.

56. Здесь примечание: «По вопросу о значении *missi dominici* можно указать на следующие труды: *Fr. de Roye.* De missis dominicis eorum officio et potestate / Ed. G. W. Newhaus. Leipzig, 1744; *Bürge de missis dominicis.* Berolini, 1853; *E. Dobbert.* Ueber das Wesen und den geschäfts Kreis der *missi dominici.* Heidelberg, 1861; *Waitz G.* Deutsche Verfassungsgeschichte. Kiel, 1883. Bd. 2, 2. S. 115; Bd. 3. S. 441; *Sohm R.* Die fränkische Reichs- und Gerichtsverfassung, 1871. I, 479».

57. В круглых скобках указано: «(Responса, с. 5 p. 145 cf. Theodulf. Poetae car. I. p. 497 v.v. 143, 144)».

58. На полях дана ссылка на издание: *Hincmar.* De ordine palatii // *Corpus juris Germanici antiqui.* III / Ed. Walter F. Berolini, 1824. Далее в круглых скобках указаны автор, название и страница в этом издании.

59. В скобках указано: «(Например, в *Annales Laureshamensis Majores:* 768. p. 144 и другие.)».

60. Здесь под строкой ссылка: «*Waitz G.* Deutsche Verfassung. Bd. 3, 2 p. 561. С ним согласен *Eichhorn K.* Fr. Deutsche Staats- und Rechtsgeschichte. (Göttingen, 1834). Bd. II, § 133; *Oelsner* («Jahrb. der D.»), p. 29».

61. Речь идет о работе: *Lesardierre de.* Théorie des lois politiques de la monarchie Française. Nouv. ed. 4 vol. Paris, 1844.

62. *Waitz G.* Op. cit. Т. 3. 2. P. 596.

63. Дано примечание: «Из изданий капитуляриев главные следующие: 1) *Valse.* Capitularia regum Francorum. additae sunt Marculfi. mon. alior. form. veteres. 2 Vol. Paris, 1677 (Venet. 1772–1773); ed. 2. auct. cura P. de Chiniaz. Paris, 1780. Издание это хотя и лучше предшествующих (Гарольда и других), но страдает отсутствием критической разработки материала; 2) *Monumenta Germaniae Historica. Leges.* I. 1–5. Ed. Pertz G. Hannover., 1835; 3) мы пользуемся изданием: *Monumenta Germaniae Historica. Leg. Sect. 2. Capitularia regum Francorum.* Ed. Boretius A. T. I. Hannover., 1883».

64. *Guizot F.* Histoire de la civilisation en France. Leç. XXI.

65. *Зом Р.* Указ. соч. С. 9.

ТОМ III

**ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ
ПРИ ПРЕЕМНИКАХ
КАРЛА ВЕЛИКОГО
И ПРИ ПЕРВЫХ
КАПЕТИНГАХ**

ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ GERMAHO-ROMANCKOΓO MIPA И GERMAHO-ROMANCKOΓO ЦИВИЛИЗАЦИИ OБPAЗOBAHИЯ MOHAPXИИ KAPЛA BEЛИKOΓO

Время Карла Великого, эта эпоха объединения и обособления романо-германского мира, представляется одним из наиболее важных моментов в истории европейского Запада. Долговременный подготовительный процесс окончен и завершен провозглашением единой империи, соединившей в себе, то враждебно, то путем мирной колонизации, мало-помалу сближавшиеся элементы.¹ Романо-германский мир, отделившийся теперь от греко-славянского, является перед нами могущественным, стройным целым, с одной церковью, одним языком, одинаково развивающимися политическими учреждениями и социальным строем и таковым, несмотря на внешнее распадение монархии, останется во все последующие века. «С какой бы точки вы ни рассматривали царствование Карла Великого, – говорит Гизо, – вы постоянно встретите в нем один и тот же характер – борьбу с варварством, стремление к просвещению».² И действительно, до него культура по преимуществу держалась и процветала на окраинах, на побережье Западной Европы – в Греции, на юге Италии, в Испании и Галлии; но существовали две огромные области, которые необходимо было привлечь к пользованию плодами цивилизации и дальнейшему ее развитию: это были германская и славянская области, два обширных мира, приходившие в постоянные враждебные столкновения с Римом и Грецией и достигшие наконец полного сближения: первый – с романским, второй – с греческим населением Европы. Факт коронация в 800 году Карла императором был символом начала самостоятельного существования Западного, романо-германского мира. Теперь он, объединенный, представляет громадную силу; под одной властью мы видим Галлию, Испанию, Баварию, Тюрингию, Гессен, Саксонию, Вюртемберг, часть Италии и государство лангобардов. На Востоке, наоборот, все принимает другой вид: «новый Рим» Константина Великого перестает заслуживать это название, ибо латинский язык, прежде преобладавший при дворе и в законодательстве, слышится теперь только в отдаленных местах, так сказать, захолустьях Балканского полуострова, где удержались владыки; сам же полуостров наводнен славянами. Подобно тому, как германцы под влиянием Италии и Рима мало-помалу романизируются, так и славяне принимают веру от греков и подчиняются их культурному влиянию, – образуются две этнографически различные области, два отдельных мира, романо-германский и греко-славянский, судьбы которых все более и более отличаются друг от друга. И вот, провозглашение Карла Великого императором имело именно смысл признания своей отдельности и самостоятельности со стороны нового романо-германского мира, не желавшего более признавать власть чуждого императора.

Так представляется дело с точки зрения современных событию западных хроник. Но сам Карл Великий не признавал свою власть вполне легальной; он хотел достичь либо общего признания себя главою всего христианского мира, либо разделения империи на прежних основаниях. Но то или другое, по мысли его, могло быть сделано не иначе как с согласия Восточной империи. К 802 году относятся переговоры о брачном союзе с Ириной; дело не состоялось вследствие нового переворота в Византии: в 802 году Ирина была свергнута и на престол возведен новый император, бывший государственный казначей Никифор.³ Это событие, очевидно, помешало исполнению планов Карла Великого и принудило избрать другой путь действий. Он обратился к новому императору с просьбой о легализации его избрания. Любопытно, что Никифор, находясь сам в крайне затруднительном положении, долгое время упорно отказывался согласиться на просьбу Карла. А положение Никифора действительно было тяжелое: до 806 года продолжалась война с Гаруном-аль-Рашидом, халифом Багдадским, богатым и влиятельным государем, стремившимся овладеть всей Малой Азией, значительная часть которой оставалась еще в руках греков. С другой стороны на Византию нападают болгары, с VII века все более распространяющие свою власть и грозившие теперь Балканскому полуострову, где они подчинили себе уже много славянских племен. Но, несмотря на все опасности, византийский император все-таки противостоял требованиям Карла Великого. Наконец, в 812 году после смерти Никифора Карл получил желаемое: явились послы из Константинополя, которые дали ему титул Западного императора, а в 813 году это было подтверждено. Таким образом, Римский (Восточный) император отказался от своего исключительного права считаться единственным представителем и наследником Феодосия и Константина, избрав варвара соправителем – также императором Римским. Впрочем, заметим, что и после 813 года византийские государи неохотно давали титул *basileus* императорам западным (что продолжалось до XII века). Известно, что послы Оттона I должны были выслушивать насмешки над империей, доставшейся саксонским варварам.⁴

Современные великому событию 800 года греческие хроники понимали его совсем иначе, чем западные: они представляли коронование, как узурпацию власти, санкционированную папой и сделанную по почину его. С юридической точки зрения греки, действительно, были правы: если даже императрица Ирина носила титул незаконно, то империя все же не переставала существовать, так как мог быть избран новый император. Но если мы оставим юридическую точку зрения ради исторической, то станет ясно, что под каким бы предлогом ни совершился факт коронования Карла, он все же вызван естественным ходом событий и был совершенно законным выражением и завершением громадного процесса, смысл которого заключался в образовании самостоятельной и отдельной романо-германской цивилизации. Империя, основанная и устроенная Карлом Великим могла разделиться и, как увидим ниже, и разделилась впоследствии; в ней тем не менее осталась внутренняя связь, единство, которое чувствовалось всеми народами романо-германского мира в противоположность миру греко-славянскому. Остались все же общие уч-

реждения, которые выразились позднее в одинаковых исторических явлениях – развитии феодализма, рыцарства, существовании одной церкви и признании верховной власти Римского первосвященника; обособившиеся впоследствии государства имели между собой все же много общего.

ОЧЕРК РАЗВИТИЯ ФЕОДАЛИЗМА

Почти немедленно после распада обширной монархии Карла Великого, вместе со стремлением к обособлению национальностей, замечается действие нового принципа, образование нового общественного строя, известного в истории под именем «феодального». К рассмотрению образования этого нового социального явления нам теперь и предстоит обратиться, причем прежде всего необходимо определить точно, что должно пониматься под именем феодального порядка вещей.

Общепринятые определения феодализма известны, конечно, всякому. Мы знаем, что во время господства этого общественного строя не существует одной общегосударственной власти, а господствует множество поземельных мелких владельцев, пользующихся на своих землях правом полной юрисдикции, всеми экономическими правами и даже, в некоторых случаях, правом жизни и смерти над живущими на землях их людьми. До сих пор в общепринятой политической терминологии «феодалом» называют человека, который стоит за так называемую патримониальную юрисдикцию помещика или владельца, который хочет подчинить живущих на его земле крестьян своему так называемому вотчинному суду, хочет судить их, управлять ими сам, помимо общих государственных судов и властей.

Итак, основная черта феодализма заключается в том, что экономическое начало владения и собственности соединяется с политическим правом судебной и административной власти.

Европа девятого и последующих столетий представляется нам именно в виде такого нескончаемого множества крупных и мелких независимых владений, без объединяющей государственной власти, ибо король может требовать повиновения лишь от непосредственных своих вассалов. В этом смысле новый социальный и политический строй является как бы шагом назад, регрессом по сравнению с временами Меровингов и Каролингов. И действительно, даже в первые времена образования Франкского государства во главе его стоит единый король, признаваемый всеми верховным господином, имеющий право от всех равно требовать исполнения обязанностей и всем одинаково дающий свою защиту. Рядом с ним – суд, сначала общенародный, потом королевский (при Карле), но в том и другом случае один для всех членов государства, для всех, связанных тогда с королем «союзом подданных» (*Untertanenverband*).⁵ Подобный порядок вещей представляется как бы более стройным, более обеспечивающим безопасность каждого отдельного лица в королевстве. Король представляет собою народную волю, и эта его воля, так же как и его власть, унаследованная еще отчасти от римского времени, охватывала собою весь народ.

Теперь, в феодальную пору, союз подданных по отношению к монарху исчез. Король имеет право требовать повиновения лишь от незначительного числа своих великих вассалов – высших баронов; не только весь народ, но и второстепенный, так сказать, слой общества уже не был непосредственно подчинен государю; лучше сказать, государем для каждого являлся сеньор, его феодальный владелец. Этот феодальный владелец действительно является государем, ибо соединяет в своих руках право владения землей с правом чрезвычайно важным – судить людей, живущих на этой земле. Как известно, во всяком благоустроенном государстве судебные права принадлежат верховной государственной власти, а не частным лицам.

Но такие признаки, как раздробленность государственной власти и соединение экономических прав с административными и судебными еще не исчерпывают сущность феодализма и недостаточны для его определения. Феодальное государство по существу своему предполагает непременно неравноправность отношений подвластных людей к их верховному господину, их сеньору. В этих отношениях мы видим несколько ступеней, как бы лестницу – феодальную иерархию. Предположим, что какой-либо высший барон (*haut baron*), непосредственный вассал короля, владеет обширным пространством земли. На этой земле построен замок, где он живет сам и где держит свой «*coing*» – суд. Вблизи замка поселяются его крепостные, пользующиеся его землей и несущие за это известного рода барщину. Но владения его обширны и не все заселены только крепостными; на них сидят менее значительные бароны и рыцари, признающие этого высшего барона своим сеньором; он также имеет право суда над ними, но, впрочем, не иначе, как с участием пэров (равных им). Следовательно, непосредственная власть сеньора распространяется не на всю территорию в равной мере: на одной, как бы собственной части земли живут люди, крепостные, находящиеся полностью под его властью; на остальных участках земли поселяются свободные, благородные люди, которые признают его своим сеньором и в свою очередь имеют своих крепостных. Они получили от барона землю на условиях благородного землевладения, не несут никаких налогов, никакой барщины; они обязаны своему сеньору только личной верностью и службой, а именно – должны являться со своими людьми на его военный призыв, на его судебные заседания и т. п.

Таким образом, иерархическая лестница феодальной системы представляется в следующем виде: во главе стоит король, лично владеющий определенной территорией, вокруг него стоят шесть-семь его непосредственных, так называемых великих вассалов (*grands vassaux*), эти последние имеют своих вассалов – виконтов, графов, баронов, далее идут мелкие бароны и рыцари, признающие своим сеньором одного из крупных баронов; градация эта оканчивается людьми несвободными, крепостными. И мелкие рыцари, и крупные бароны имеют своих крепостных, но рыцари – только крепостных, а бароны – и крепостных и вассалов из людей благородных, образующих собою двор этого крупного барона. Обязанности вассалов состоят в том, что они должны являться по призыву сеньора на войну, а в мирное время – в его «*coing*» – на заседания суда

пэров; за это сеньор передает каждому не только право владения землей, но и все права, связанные с феодальным владением земель, то есть, главным образом, право суда над живущими на ней людьми.

Еще при Каролингах высшие бароны – герцоги и графы – правители провинций вместо того, чтобы остаться должностными лицами, уполномоченными короля, стали вполне самостоятельными и начали передавать свою власть по наследству. Таким образом, государственные, административные должности стали вполне частным, личным правом. Эта черта феодализма очень существенна, и потому справедливо под словом «феодальный порядок» подразумевать такое состояние государства, когда государь управляет не сам, а передает свои полномочия нескольким частным правителям провинций.

Итак, мы рассмотрели еще один существенный признак феодального общественного строя и можем сказать, что определили три характеризующие его черты.

1. Раздробленность верховной власти.

2. Переход государственных судебных и административных прав в частное достояние.

3. Иерархическую лестницу отношений, то есть различные степени зависимости, соединявшие между собой членов государства, причем вверху был король, а внизу – масса населения, распределенная между отдельными феодальными владельцами.

Но и теперь еще невозможно сделать точное определение того, что мы называем феодальным порядком; как увидим ниже, необходима для этой полноты еще одна существенная черта. В данное время мы должны если не разрешить, то хотя бы по крайней мере поставить вопрос: каково же отношение феодального порядка к порядкам предшествовавшего времени? Вопрос, очевидно, занимал тех, кто изучал феодализм как историческое явление. В прежнее время ход развития этого средневекового порядка представлялся весьма простым и рисовался ученым в следующем виде: на землях империи, с приходом и поселением варваров, господство прежнего порядка заменилось анархией и господством права сильного; не было ни общей законной защиты, ни общего для всех суда, но предоставлена была полная свобода частной войны и кровной мести. Из этой анархии путем многовекового исторического процесса развился феодальный порядок, который, таким образом, является, конечно, шагом вперед по сравнению с прежним общественным строем.

Но новейшие ученые смотрят на этот процесс иначе. Многие из них представляют себе, что во время Меровингов было больше порядка в государстве, чем в последующую феодальную эпоху, и что, следовательно, феодализм является регрессом по сравнению с прошлым. Порядки Меровингского времени иногда идеализируются учеными; наконец, думают, что политическая форма с князем или королем и общепародным вече во главе управления весьма пригодна для небольшого государства, но почти неосуществима для огромной территории, составляющей одно государство.

Установив важнейшие признаки того социального строя, который принято именовать феодальным, постараемся рассмотреть, каким образом разложился предшествующий государственный быт времени Меровингов.

вингов и Каролингов, откуда явилась такая организация, где землевладельцы имеют политические и юридические права, являются самостоятельными, маленькими наследственными государями в своих участках.

Вопрос о возникновении феодальной системы должен быть рассмотрен с различных точек зрения, ибо, как известно, этот общественный строй представляет собой комбинацию нескольких явлений:

1) с политической стороны – это власть, распределенная между отдельными частными лицами;

2) с социальной – это отношения между различными классами общества, причем народная масса в полном подчинении;

3) с экономической – феодализм предполагает крупное землевладение и сообразный с этим особый способ обработки земли.

В настоящее время существует еще одна точка зрения (по преимуществу среди английских ученых), в сущности, также социальная, но имеющая главным образом отношение к общинному землевладению. Обращая исключительное внимание на инфеодацию (как они это называют), то есть на разложение общинного и образование частного крупного землевладения, английские ученые теряют из вида многие другие существенные стороны зарождения феодального строя, и вследствие этого определение получается одностороннее и неполное. Эта точка зрения принята и некоторыми германскими учеными: так, Г. Маурер, К. Т. Инама-Штернегг и их последователи сосредоточивают свои исследования не вокруг понятия верховной власти, объединяющей государство, а вокруг понятия сельской общины (марки), составляющей, как они полагают, первоначальную клеточку в государстве. Марка, общинный союз, боролась за свободную равноправность людей в обществе и за значение свободной народной массы в войске, суде и управлении. Только с разложением общинного союза могли возникнуть сословное неравенство, феодальное землевладение и присвоение государственной власти крупными землевладельцами.⁶

Действительно, такая точка зрения имеет за себя все основания: экономические изменения идут обыкновенно впереди политических, подкладкою политических явлений часто служат социальные причины. С этих экономических изменений мы и начнем разбор вновь возникающего феодального общественного строя.

Первой существенной чертой, обуславливающей возможность развития феодального порядка, должно считать крупное землевладение. Первое условие феодализма – существование класса крупных землевладельцев. Но откуда явился этот класс? Почему земля распределилась между немногими? Насколько нам известно, первоначально подобного распределения не существовало, ибо у германцев, подобно тому как у славян, землевладение было общинным; с этим способом землевладения германцы пришли и поселились на римской почве. Тем не менее между IV и X веками в экономическом и социальном строе происходят существенные и важные изменения: община распадается, появляется частное землевладение и, наконец, земля сосредоточивается в руках немногих крупных собственников. Наиболее важным является вопрос о том, каковы были условия, заставившие исчезнуть общинное и мелкое владение земель.

Некоторые ученые, как, например, Фюстель де Куланж, склонны видеть зачатки феодализма еще на римской почве. Обратимся же и мы к римскому времени и посмотрим, каков был характер землевладения в последнее время существования Римской империи.

Ответом на этот вопрос в достаточной мере могли бы служить слова знаменитого Плиния Старшего, говорившего, что «латифундии погубили Италию, то же сделают и с провинциями» (18.7).⁷ Итак, не только собственно в Италии, но и в обширных провинциях Римской империи господствовала система латифундий, крупного землевладения. Нередко вся земля какой-нибудь огромной провинции сосредоточивалась в руках нескольких лиц из так называемых сенаторских фамилий, как, например, в Африке, где было всего семь крупных собственников-магнатов. Эти огромные поместья обрабатывались жившими на них рабами и колонами. Мы не будем говорить об абсолютной зависимости рабов от их господина; воззрения классического мира на рабство, несколько смягченные впоследствии христианством, известны, конечно, каждому. Раб считался «гласным орудием» (*instrumentum vocale*), заносимым в инвентарь наравне с сохой, плугом и другими «негласными орудиями». Владелец (*possessor*) часть фонда-земли (*terra dominica* или *dominicata*) оставлял себе, и ее обрабатывали рабы. Другую часть он отдавал для возделывания колонам — людям полусвободным. За обрабатываемые участки земли колон платил господину известную подать, но кроме того должен был платить и государству. Оставить земли колон не мог, но и господин не мог согнать колона с земли.

Но, конечно же, на римской земле невозможно было бы отыскать каких-либо следов феодального строя, если бы, кроме рабов и колонов, на обширных землях латифундий не существовало иного населения. Однако здесь селились и свободные люди, над которыми и приобретали малопомалу значительные права сильные владельцы латифундий. Это было так называемое право патроната, которое с течением времени сделалось как бы неизбежным для свободных мелких собственников. Сальвиан Марсельский в сочинении «*De gubernatione Dei*» («Об управлении Божиим»), написанном немного позже 439 года, описывает притеснения мелких собственников могущественными землевладельцами.⁸

Сальвиан ставит варваров выше римлян в нравственном отношении и доказывает в этом Божий промысел.⁹ Римское общество, по мнению Сальвиана, слишком развращено, и за это Бог наказал его. Он наслал варваров, которые покорили империю, даже разорили Рим. Главных же причин римской развращенности две: 1) страсть к зрелищам, отличающимся жестоким характером. «Почти не существует, — говорит он (*De gubern. Dei*, VI, § 10), — никаких преступлений, ничего позорного, что бы не заключалось в зрелище». Вторая страсть — страсть социально-политическая состоит в корыстолюбии, которое, по словам Сальвиана, высказывается в крайне жестоком сборе податей, в страшных вымогательствах, сопровождающих этот сбор; черту социально-политического быта он переводит на нравственную почву и видит в недостатках податной системы крайнюю испорченность всего римского общества. Порядком этот тем более ненавистен, замечает Сальвиан, что он заставляет страдать не всех

одинаково: большинство терпит от него, а немногие сильные остаются совершенно свободны от подобных притеснений. Яркими красками описывает он разорение и истощение бедных классов и вместе с тем дает по этому поводу интересные и любопытные указания. Вследствие тяжелых притеснений множество людей даже зажиточного и образованного класса убегают к врагам-варварам. «Они ищут у варваров римской гуманности, ибо не могут больше сносить варварской негуманности римлян» (сар. V, § 21). «И хотя они отличаются, — продолжает он, — своей одеждой, своими нравами, своим языком от тех, к которым прибегают, все же они предпочитают жить возле варваров, чем переносить свирепую римскую юстицию. Они убегают не только к варварам, но и к багаудам». (Вагауде — галльские крестьяне, возмущившиеся при Диоклетиане, раздраженные притеснениями римской власти. Вагауде по-кельтски — *rebelle*.) «Они предпочитают быть свободными под видом рабства, чем рабами под видом свободы. Имя римского гражданина, которое прежде ценилось высоко, теперь составляет несчастье, и потому не должно очень обвинять тех, которые убегают к варварам и изменяют свое имя на имя варваров. Большая часть Испании и не меньшая Галлии только и думают теперь о том, как бы перестать быть римлянами» (сар. V, § 21–24).

«Теперь я перейду к багаудам, — говорит Сальвиан (сар. VI, § 24–27, и сар. VIII, § 36–38): — ограбленные, утесненные, убиваемые злыми и кровожадными администраторами, они потеряли права римской свободы, а после потеряли и саму честь римского имени. И мы ставим им в вину их несчастье, ставим в вину имя, которое сами создали. И мы называем их бунтовщиками, погибшими людьми, тех, которых сами толкнули на преступление. Ибо что произвело багаудов, как не наши несправедливости, бесчестье администрации, их разбой и грабежи тех, которые обратили название государственных повинностей в наживу собственной корысти, из податных раскладок сделали свою добычу; которые, напоподобие хищных животных, стали не управлять людьми, но пожирать их, стали кормиться не только тем, что можно собрать с них, чем обыкновенно довольствуются разбойники, но, так сказать, кровью растерзанных. Отсюда и произошло то, что люди, доведенные до петли, убитые разбоями судей, начали как бы быть варварами, потому что им не позволено было остаться римлянами: они должны были защищать по крайней мере жизнь, так как видели себя совершенно лишенными свободы. А теперь не делается разве того же, что делалось тогда: разве те, кто еще не сделался багаудом, не вынуждаются к тому, чтобы ими сделаться? Что касается насилия и несправедливости, то их достаточно для того, чтобы принудить их хотеть этого, только их глупость, огрубелость и потеря всякой силы мешают тому, что они еще не сделались ими. И чего другого могут хотеть бедняки, которые терпят постоянное, даже бесперывное действие податных вымогательств, которым всегда грозит тяжкое и беззащитное разорение, которые оставляют свои дома, чтобы не подвергаться пытке в самих домах, ищут ссылки, чтобы уйти от казни? Где, у каких народов, кроме римлян, найдете вы подобное зло? Даже франки не знают, что это за преступление. Гунны чужды подобных злодейств, ничего подобного нет у вандалов и готов. Не только варвары не терпят подоб-

ных мучений у готов, но и сами римляне, живущие между ними, от них изъяты. Оттого у нас только одно желание – никогда не воротиться под римское владычество. Да вся эта римская масса (*plebs*) просит у Бога только одной милости – возможности провести жизнь среди варваров. И мы удивляемся, что готы не побеждены нашими войсками, когда римляне предпочитают стоять на их стороне, а не на нашей. Вот почему не только наши братья не думают оставлять варваров, чтобы перебежать к нам, а бегут из наших провинций, чтобы искать у них убежища. Я удивляюсь, что не все это делают. Причина только та, что они не могут взять с собой своих убогих хижин».

В дальнейшем своем изложении Сальвиан передает нам чрезвычайно важные для нас отношения, существовавшие между разными классами, отношения, которые послужили зачатками для развития последующих вассальных отношений. Он указывает на происхождение колонов, то есть приводит факт, что свободные мелкие собственники отдают свои участки богатым и крупным землевладельцам, после чего получают его обратно, на известных условиях с патронатом, то есть покровительством крупного землевладельца. Мелкие собственники подчиняются даже суду крупных: тут мы видим переход политических прав к крупным землевладельцам.

«И вот, – рассказывает Сальвиан (*cap. VIII, § 38, 39, 40*), – так как они (то есть мелкие собственники) не могут делать того, что, может быть, желали бы, то они делают только то, что могут. Они отдают себя под покровительство людям более сильным, делают подданными богатым и как бы переходят под их суд и власть. Я не считал бы этого еще чем-либо тяжелым и недостойным, напротив, скорее радовался бы этому величию магнатов (*potentum*), под защиту которых отдаются бедные, если бы только первые не продавали своего покровительства за деньги (*si patrocina ista non venderent*), если бы их мнимую защиту слабых можно было бы приписать человеколюбию, а не корыстолюбию. Вот что тяжко, и вот что жестоко: под предлогом защиты бедных они их окончательно грабят (*ut spoliunt*), под видом защиты несчастных они делают их еще несчастнее. Ибо все те, которые ищут этой мнимой защиты, прежде чем ее получают, должны отказаться в пользу защитников почти от всего своего имущества; таким образом, ради того, чтобы отцы имели защиту, дети теряют наследство. Защита отцов приобретена обращением в нищенство детей. Вот что такое помощь и покровительство сильных! (*Ecce quae sunt auxilia et patrocina majorum*)».

«Самое чудовищное, – говорит он далее, – что эти бедняки, отдав свое имущество патрону, должны часто нести и после того, как прежде, земельную подать со всеми ее бедствиями. В отчаянии они спасаются из этой беды тем, что свои земли, наконец, совсем оставляют и уже не как клиенты, а как *coloni* приходят на латифундии богатых, как от врага спасаются в крепость и от уголовного суда в *asulum*. Но таким образом они теряют вместе со своим изменением и себя самих, то есть свой *status* – право свободы. И это еще не все: полусвободные превращаются также магнатами в рабов».

Из приведенного отрывка Сальвиана мы можем сделать два вывода:

1) магнаты с правом патроната присваивают себе и право суда над сво-

бодными людьми, и 2) свободные люди, со своей стороны, не только уступают свои земли более сильным магнатам, но даже сами делаются их колонами.

Хотя патронат, как видно из его слов, часто обращался в насилие и гнет, но тем не менее сам факт существования такого рода договорных отношений, факт отдачи себя под руку другого со стороны свободного человека, наконец приобретение магнатами и патронами известных политических и юридических прав над этими свободными людьми – все это, повторяем, давало повод некоторым ученым вести непрерывную нить от римского времени к средневековому феодальному государству.

Но признание подобной непрерывности, по нашему мнению, не может иметь места, если мы не будем терять из виду те значительные изменения, которые произвели варварские нашествия во всем строе жизни Западной Европы.

Прежде всего изменения эти коснулись способа владения землей. Нам известно уже, каким образом поступали варвары, поселяясь или будучи поселяемы на землях империи: они брали или получали в надел $1/3$ или $2/3$ земли, отбираемой, очевидно, у местных римских посессоров. Латифундии исчезают, число собственников становится больше, между тем как величина участков – меньше. Но скажем теперь, что изменение удерживается недолго: мало-помалу земля вновь сосредоточивается в руках немногих, и к IX–X столетию мы видим среди германцев, принесших на римскую землю свой общинный быт, в полной силе господство феодального строя, предполагающего непременно частное и крупное землевладение. Постараемся проследить, каков был ход этого процесса.

Несмотря на правильный раздел земель, германцы не могли удержать на римской земле свой прежний общинный порядок владения прежде всего потому, что участки их не представляли большой сплошной территории, а распределялись вперемежку с землями, оставшимися в руках римских посессоров. Очевидно, что при подобном порядке вещей первоначальный варварский общинный быт должен был разложиться. Римляне, занимая относительно низшее положение, как побежденные, тем не менее преобладали над победителями германцами в силу своего образования, высокой степени своей культуры, и римские порядки имели большое влияние на строй германской жизни, способствуя также исчезновению общинного землевладения. Во всяком случае в германских поселениях, в самом факте передела земель на новых началах, некоторые ученые видят много хорошего, а именно – увеличение количества свободных земельных собственников. Но этот прогресс в экономическом быте населения империи, как сказано выше, продолжается лишь в течение недолгого промежутка времени; скоро дело стало принимать прежний вид, благодетельное для населения раздробление крупной собственности прекращается и вновь наступает господство магнатов, теперь уже не только римского, но и германского происхождения. Богатые люди стремятся к одному – возможно более округлить свои владения. Если какая-либо фамилия имела удачу и, путем ли наследства или военной добычи, соединяла в руках своих большие денежные средства, то самое

лучшее употребление, какое она могла сделать из них, при тогдашнем отсутствии капиталов и финансовых операций, было приобретение земельного имущества. Римские посессоры опять стали пользоваться большим почетом, о чем упоминается в известной «Салической правде», где их называют сотрапезниками короля (*gomo homine, conviva regis*).

За ними и германская знать стала стремиться к этому же самому, так что к началу VIII века земля опять быстро начала сосредоточиваться в нескольких частных руках. Явился, таким образом, новый класс крупных землевладельцев, между которыми мы находим также много лиц духовного звания – епископов, аббатов, в руках которых сосредоточивались громадные земельные имущества, приобретенные большей частью путем завещаний, расположенные в разных местах.

Итак, германская община распалась. Факт этот является весьма ясным и понятным по отношению к тем германским племенам, которые расселились среди римского населения и подверглись его непосредственному влиянию. Но в состав, например, империи Карла Великого входили большие, почти чисто германские области: Тюрингия, Аллемания, Вюртемберг, Бавария. Удержался ли здесь прежний порядок общинного землевладения? И в Германии, хотя несколько позже, появляются частные и крупные землевладельцы – светские и духовные.

Немецкий ученый Инама-Штернегг¹⁰ доказал статистически, что в Германии, именно в Австразии (Баварии и Аллемании), заметно преобладало крупное землевладение. Он объясняет происхождение его следующим образом: существует марка, в которой каждый имеет в собственности усадебную землю, ежегодно получает участок поля, а лес и выгон – общие. Кроме того, остается много пустопорожней земли, которой распоряжается марка. Эта-то сотенная земля и имела важное значение. Существовало постановление, бывшее как в «Салической правде», так и других германских законах: кто своими трудами распашет часть этой земли, тот получает ее в собственность. Когда умножилось население, явились предприимчивые люди, которые воспользовались этим постановлением. Они делались собственниками земель, становились богаче других членов общины, могли получить должности, которые им поручал король, и эти должности служили подспорьем для округления их владений. Во время общественных бедствий – неурожая, болезней и тому подобного они могли приглашать на свои земли бедных свободных людей на разных условиях. Люди, выделявшиеся своим богатством, получали от короля государственные должности, так что они стали играть и политическую роль; это случалось при Меровингах. В 614 году, после окончания борьбы с Брунгильдой, Клотар II издал закон, по которому королевские чиновники, графы, назначались из местных землевладельцев.¹¹ Такие законы, конечно, служили новым орудием для усиления экономического благосостояния зажиточных людей. Таким образом, даже в самые первые времена расселения германцев на римских землях наряду с общинным владением допускалась и частная собственность; класс этих собственников с течением времени все увеличивался, расширял свои владения, приобретал особые права.

В числе крупных владельцев все чаще и чаще встречаются духовные лица, получавшие от благочестивых людей нередко весьма крупные земельные пожертвования. На этих участках монастыри, владевшие землей в лице своих аббатов, могли оставлять не только рабов, но и свободных людей — землевладельцев, на том, однако, условии, чтобы эти последние за свои участки платили им определенный оброк. Заранее можно сказать (мы действительно увидим это ниже), что монастыри, имея в своем полном владении такие большие земли, не пожелают, чтобы живущие на них люди подчинялись светскому суду и администрации, но захотят сами распоряжаться в своих владениях.

Итак, к VIII и IX векам во всей Западной Европе мы видим, что крупное землевладение берет перевес над восторжествовавшим на время мелким. Но, хотя при этом несомненно возникают известные договорные отношения между крупным собственником и свободными землепашцами, сидящими на его земле, все же это еще не может быть названо феодальным порядком вещей: необходимо, чтобы землевладельцы получили политические права в своих землях, подчинили бы своему личному суду и администрации целую массу людей, и, кроме того, установилась бы по отношению к ним особого рода личная связь. Для выяснения того, каким путем совершилось все это, нам необходимо ответить на следующие вопросы: что такое были бенефиции, прекарии, вассальность и иммунитет?

Теория о возникновении бенефиция, до сих пор поддерживаемая многими немецкими учеными, представляет это дело в следующем виде: когда германцы поселились на завоеванных ими римских землях, то те, кто участвовал в их завоевании, получили наделы в полную собственность — аллоды. Эти аллоды раздавались не одной только дружине и не королем, а все племя делило их между собой. Но во всяком случае король получал особенно много земли; во время войны многие землевладельцы бывали убиты, и их земли доставались ему (выморочные земли); королю же отходили земли, принадлежавшие прежде римскому фиску. Эти земли являются как бы казенными, их-то король уже лично от себя стал раздавать своим дружинникам и приближенным в награду за верную службу, но уже не в полную собственность, а только пожизненно — при условии дальнейшей службы. Все это были так называемые бенефиции, или лены.

Таким образом, сущность дела заключается в следующем: возникает собственность двух видов: а) аллодиальная, когда свободный человек свободно владел своим наделом, был сам себе господин, распоряжался землей, как хотел, подчинялся королю как государю, главе своего племени и считал обязательным для себя участвовать в военном ополчении, когда дело шло о защите страны; б) бенефициальная, когда человек владел известным участком земли не в силу права своего меча, а по милости короля, даровавшего ему этот участок из собственных земель. Люди, получившие подобные пожалования, выделялись из среды других подданных; они не только по своему положению становились ближе к королю, но между ними и им утверждалась как бы особая связь, они делались его королевскими людьми. Они уже обязаны королю известными повин-

ностями не только как главе племени, но и как человеку, даровавшему им особый земельный надел.

Еще во времена Тацита, впрочем, личная связь существовала между князьями — предводителями отдельных германских племен и людьми, стоявшими к ним ближе других: дружиною, с той только разницей, что в те времена дружинник награждался не землей, а копьем и конем. Обещание личной службы и верности, даваемые дружиной своему князю, столь свято исполнялось, что вечный позор, по словам Тацита, ложился на дружинника, живым вернувшегося с поля битвы, где был убит его вождь.¹²

Итак, согласно этой теории под властью короля были лица двух родов: просто подданные и те, которые давали королю обет личной преданности помимо своих чисто подданических обязанностей. Король, владея известным количеством земли, был на ней не только королем, но и собственником: отсюда проистекает и двойной вид отношения к нему тех, кто жил на этой земле.

Королю, как известно, принадлежало право суда над всей территорией государства; тем более неограниченно принадлежало оно ему в пределах его собственных земель. Повсюду в государстве он мог назначать своих уполномоченных — графов — для выполнения судебных и административных обязанностей; собственные же его земли представляли в этом отношении нечто особенное, так как они как бы были изъяты из общей системы администрации. Так что, отдавая землю кому-либо в виде бенефиция, король мог передать ему и все свои политические права над этой землей и живущими на ней людьми, причем она являлась таким образом изъятой и от суда, и власти королевских чиновников.

Такова теория происхождения бенефиция, главным защитником которой был Георг Вайтц.¹³ Прежде всего в этом учении ошибочно мнение, что еще во времена Мервингов были бенефиции, что земля давалась на тех же условиях, что при Таците награждали копьем и конем, а также что завоевание — дело дружинников. Далеко не каждый свободный человек мог ею владеть, и к тому же было ее не много. Кроме того, неверно понято значение понятия «аллод». По «Салической правде» *alodis*, означающее полную собственность, прилагается только к движимому имуществу. Другой немецкий ученый, Пауль Рот,¹⁴ доказывал, что при Мервингах вначале землю давали в полную собственность, не было разницы между аллодом и бенефицием. Королевское пожалование не предполагало каких-либо особых обязанностей ни для получателя, ни для дающего его короля; это было именно «благодаяние», согласно со значением латинских слов «*beneficium*» и «*facio*». Впоследствии Вайтц признал основательность мнения Пауля Рота.¹⁵

Взгляд Рота старательно разбирает П. Виноградов¹⁶ и находит, что он прав и что пожалования были в полную собственность. По его мнению, королевские пожалования были часты и имели особенное значение в государственном управлении. Распределение податей и налогов у римлян основано было на кадастре (типа наших писцовых книг), что требовало точного наблюдения, а завоеватели франки не могли следовать этим требованиям и потому не сохранили этой податной системы. У них вошло в

обыкновение награждение землей за службу, как что-то вроде жалования. Это мера исходила от правительства, и пожалования не порождали особых условий. Эти пожалования и назывались бенефициями в общем смысле.

Со времени Карла Мартелла после секуляризации церковных имуществ появляются бенефиции несколько иного характера. Король, нуждаясь в военных силах, раздал светским лицам отобранные у монастырей земли на особых условиях: военной службы и преданности королю. Получив участок земли, воин должен был по призыву короля немедленно являться на войну вместе с подчиненными себе людьми, составляя, таким образом, войско короля, которое заменило исчезнувшее народное ополчение. Воины должны были на конях, так как пеший строй был заменен конным.¹⁷ Таким образом, после секуляризации из массы подданных выделился особый класс — люди, связанные с королем иной связью, отличной от прежнего простого подданства. Позже, при Пипине, это насильственное отобрание земель у церкви было приведено в систему: получившие подобным образом землю признавали все-таки монастырь собственником ее и обязывались приносить ему оброк в $\frac{1}{5}$ своего дохода с участка, в отношении же майордома они становились уже вассалами. Вот тут-то и происходит в первый раз соединение экономических отношений с личными, вассальными. Теперь земля получается уже на условиях вассальности и является ленной, то есть условным владением.

Во всяком случае, если даже считать секуляризацию и связанную с ней раздачу земель в условные владения при Карле Мартелле лишь временной мерой, даже если не признавать этого факта началом феодальных отношений, то со времени Каролингов все же мы должны видеть зарождение нового рода королевских пожалований. Заметим, впрочем, что первоначально оба факта зависимости — личной и земельной (другими словами, бенефиций или лен и вассальность) стояли совершенно отдельно друг от друга. Вассальность (слово кельтское) обозначает собой лишь тот факт, что один человек отдает себя под личную защиту и покровительство другого, за что обещает этому последнему личную службу и верность. При Карле Великом не каждый, получивший землю от короля, становился его вассалом; с другой стороны, не всякий вассал получал землю. Комбинация этих двух элементов, то есть вассальности и получения земли от короля, и произвела лен в его феодальном значении.

В науке¹⁸ существовало много споров: выводить ли вассальность из римских или же из германских порядков? Глава школы романистов Фюстель де Куланж сравнивает вассальность с существовавшими в Риме отношениями патронов и клиентов. Кроме рабов и колонов зажиточные римляне имели под своей властью свободных людей, отдавшихся под их защиту. Акт отдачи назывался *commendatio*, то есть рекомендация, как сказали бы мы теперь. Сущность коммендации, имевшей особенно во Франкском государстве громадное значение, состояла в следующем: кто из свободных, но бедных людей желал улучшить свое положение, тот письменно коммендировал себя под защиту другому лицу, более сильному и богатому. Принявший должен был представлять его на суде, а в случае убийства получал за его смерть виру. В свою очередь просивший

защиты обещал своему покровителю повиновение, послушание – *obsequium*, или же, на германском языке, «*mundeburdium*» (*mundeburdim*, *mundeburdis*) или просто «*tundium*». Сохранились и формулы обращения свободного человека к сильному: «Так как я не могу себя кормить и одевать, то я отдаю себя тебе (*virgo magnifico*)». Некоторые люди из религиозного увлечения коммендировали себя и свое имение церкви или монастырю. В силу коммендации множество свободных людей сделались зависимыми. По отношению к своему покровителю такие лица назывались «*aulici*». Из источников мы видим, что *aulici* данного лица составляли как бы свиту его.

По мнению Г. Вайтца,¹⁹ основанием вассалитета следует считать единственно личные отношения: эта самая свита должна была оказывать хоть некоторый почет своему патрону, почет, перешедший впоследствии из просто обычая в закон. Вайтц полагает, что слово *vassi*, которое прежде вообще означало домашних слуг, именно с этого времени начинает употребляться для обозначения отношений между *apici* и их покровителем. Здесь-то, по его мнению, и нужно искать возникновение вассалитета.

Другая школа – германистов – производит вассальность от германских дружинных обычаев, описанных Тацитом.

Существует и третье мнение: дружину могли иметь люди, стоявшие во главе государства, именно *principes*, творившие суд и расправу. Также дружину могли иметь и конунги. Но посредством дружин не слагалась особая историческая сила, дружина тогда входила в рамки гражданского общества, и взятие Римской империи произошло не дружинами, а целыми племенами, причем во главе этих племен при переселении их стояли конунги со своими дружинами.

Во франкское время встречается учреждение антрустионат, напоминающее дружину. Это слово редко встречается в источниках. Есть одна формула, имеющая такое выражение. Она входит в собрание формул Маркульфа, изданных несколько раз. Лучшее издание помещено в IV томе *Scriptores rerum Gallicarum et Franciscarum* (1741) французского бенедиктинца Dom Martin Bouquet (род. 1685 – ум. 1754).

Формулы Маркульфа представляют собой собрание образцов разного рода государственных документов, формул, в которые только стоило вставить собственные имена – и они получали вид действительного государственного акта. После хроник и капитуляриев формулы представляют очень важный источник для изучения эпохи Меровингов и Каролингов, и понятно почему: формулой, например, назначения графов и герцогов обозначаются их права и обязанности; формулой жалованной грамоты монастырям – обязанности их, как и землевладельцев вообще, и так далее.

Относительно значения антрустионов вопрос очень важный. В развитии феодальных порядков антрустионату приписывают большое значение. О его происхождении и значении во Франкском государстве есть разные мнения. Одни ученые говорили, что антрустионы – остатки прежнего германского дворянства; другие – что это есть *nobiles*, вступившие со своими дружинами на службу королю. Но ведь известно, что не всякий *nobiles* был *principes* и что дружину мог иметь только *principes*;

в таком случае мы должны отвергнуть второе объяснение. Выходит, что антрустионы не имели при себе дружины; это, кстати, подтверждают и источники. Только впоследствии, когда власть герцогов достигла высшей степени развития, последние собирают вокруг себя свободных и равных себе людей и таким путем образуют вокруг себя нечто вроде дружины. Наконец, третьи (ученые), основываясь на том, что антрустионы пользовались особыми правами относительно землевладения, например правом иммунитета, считают их каким-то привилегированным сословием. Но этот взгляд на антрустионов не выдерживает строгой критики.

Согласно источникам под антрустионами разумеются лица, возведенные в высшие должности двора короля франков. Само слово «antrustion» происходит от слова «trustis», что значит буквально «protectio». Антрустионы составляли свиту короля, занимали высшие государственные должности и вообще находились в более близких отношениях к королю, получая от него покровительство. За убийство антрустиона «Салическая правда» назначает высшую меру – виру в 600 солидов. Антрустионы встречаются только в Меровингское время, а затем исчезают.

У франков могли иметь антрустионов только король и королева. Поданные же короля могли иметь свиту, состоящую из газиндов. Понятие «газинды» (*gasindo*) включает в себе понятие дружинника и челядинца; газинды суть *homines* (люди) своего покровителя. Господин обязан защищать их в суде. Есть газинды, сопровождающие своего господина, а есть – сидящие на полученных от него участках земли, данных им за верность в пожизненное или наследственное владение, или в собственность, или как оброчное имение (у Маркульфа, II, 36). Есть любопытный бургундский источник, что Карл Мартелл именно газиндам роздал земли, отнятые у монастырей. Отношение газиндов к господину могло быть расторгнуто. Также высший класс газиндов мог называться *amicī*, что, видимо, заимствовано от римлян, у которых высший класс клиентов назывался *amicī*.

С VIII века выражение «газинды» заменилось выражением «вассалы» (*vassi, vassali*); слово это древнее, кельтского происхождения (*gwass*), и первоначально означало *ministerialis*, или высшего слугу, служащего в доме. В Меровингское время магнаты римского и франкского происхождения любили окружать себя вооруженной свитой из несвободных людей, называемых вассалами или *riegi* (отроки). С VIII века наряду с несвободными вассалами встречаются и свободные, называющие себя также вассалами. Таким образом, эти люди заменяют собой прежних антрустионов. Не случайно, что вассальные отношения возникли в Нейстрии, где преобладают галло-римские традиции. В вассальности видны и следы германского дружинного быта: вождь давал дружиннику средства содержания; начиная с Карла Мартелла средством содержания являлся бенефиций.

Вассальные отношения считались нерасторжимыми; разрыв в Каролингское время допускался в исключительных случаях – когда сам господин нарушал свои обязанности по отношению к вассалу. Эта нерасторжимость уз чужда германским обычаям: воин германский всегда мог перейти от одного вождя к другому. Римское влияние видно в том, что

своими постановлениями франкские государи старались поддержать именно нерасторжимость отношений.

Весьма вероятно, что от прежних дружинных отношений идет обязанность вассала находиться при дворе сеньора, хотя с VIII века вассал все чаще уходит на полученный им надел — свой бенефиций. Но традиция службы при дворе не исчезла, она выражается в том, что по призыву короля вассал должен являться ко двору на коне. Таким образом, лен возникает с VIII века, но развитие его надо относить уже к последующему времени.

Кроме бенефиция, существовали еще так называемые *precarii*. В VIII веке по отношению к королевскому имуществу понятие *precagium* не употребляется. Слово это происходит от латинского *preces* (просьба, мольба). В VIII и IX веках богатые землевладельцы, преимущественно аббаты церквей и монастырей, отдавали участки земли с тем, чтобы взявший их платил известную сумму ежегодно; сумма эта носила название *ценза* (чинш, оброк), и сама арендованная земля называлась *sensiva* (оброчная). Обычно сдача участков производилась следующим образом: какой-либо несостоятельный человек, узнав, что известный участок освободился после смерти его владельца, обращался с просьбой к монастырю, чтобы этот участок был ему отдан. Иной раз землевладелец мог отдать участок и в виде благодеяния. Просьба такая была письменной и называлась *Charta precaria* (просительная грамота), в ней указывались и те условия, на которых проситель желал взять пахотный участок в пользование. Аббат или епископ отвечал грамотой *Charta praestaria*, в которой заявлял, что такой-то участок отдается известному человеку на таких-то условиях. Сначала одна и другая грамоты писались отдельно, потом их стали писать вместе в одном акте, он назывался *precaria*, вследствие чего получившие ее назывались *libellarii*, а сама земля — «прекарий». Срок пользования ею чаще всего — пять лет, но могло быть и пожизненное пользование, иногда даже с выговоренным условием передачи одному или двум лицам, означенным в договоре. Со временем прекарии стали наследственными, число их все более увеличивалось. Получение прекария не обязывало политическим подчинением того, кто овладел ею; подчинение было только экономическое (получатель оставался таким же свободным, как и прежде, и обязан был послушанием представителям государства, как и другие). Прекарии были частными сделками, и первоначально законы их игнорировали и *possessor* мог отобрать у прекариста землю, когда хотел. Сама по себе прекарная форма сделки утвердилась в римское время и теперь перешла и в варварское время.

В Каролингский период эта форма пользования землей получила необычайное развитие: многие мелкие владельцы земель сами являлись к аббатам монастырей и другим крупным земельным собственникам и отказывались от прав на свои участки, с тем, однако, условием, что эти же участки будут возвращены им как прекарии на условиях наследственности вечной или в нескольких поколениях. Обычно выговаривались и льготы для держателя: если чинш, например, не уплачивался вовремя, то монастырь все же не имел права отнимать землю, а только должен был сделать выговор или назначить известный штраф. Иногда жертвователю взамен уступленной им земли получал ее обратно как прекарий и, кроме

того, еще дополнительно некоторое количество земли, благодаря чему он даже округлял свои владения. Прекарные сделки имели двойную выгоду: во-первых, отдавая свою землю монастырю, жертвователю совершал богоугодное дело, а во-вторых – он получал защиту монастыря во всех невзгодах и освобождался от многих государственных повинностей, среди которых одной из самых тяжелых была воинская.

Каролинги вели много войн, а свободные владельцы участков обязаны были являться вооруженными и, не получая жалованья, содержать себя во время похода. Грабить же в своей стране не позволялось. Очевидно, что воинская повинность при таких условиях была тяжела для небогатых землевладельцев и они предпочитали закрепляться за монастырями или богатыми собственниками и не нести повинности, чем, оставаясь свободными владельцами небольшого участка, идти по призыву. Тяжесть военной службы, говорит Вайтц, служила главным побуждением передачи свободной собственности церквям и светским магнатам, главной причиной развития вассальных отношений.²⁰ Отсюда объясним тот факт, что вместо прямой свободной и полноправной собственности усилилась зависимая форма владения (особенно при первых Каролингах и Карле Великом), что вместо раздробленной и мелкой собственности образовалась крупная. Впрочем, эта уловка мелких собственников недолго достигала своей цели: Карл Великий издал указ, по которому и бенедиктинские монастыри должны были обязательно являться на войну.²¹

Подобные же эдикты преемников Карла Великого распространили эту обязанность и на прекариев, и, таким образом, последние не могли уже уклоняться от военной службы прежним способом. Кроме того, по этим эдиктам с известного пространства земли землевладелец должен поставлять вооруженного человека. Следствием того было, что крупному владельцу приходилось поставлять большое количество вооруженных людей и потому необходимо было найти таких арендаторов, которые согласились бы являться на службу. Таким образом, земля разделилась на две части: одна отдавалась простым арендаторам – оброчникам, цензитариям, другая же часть – таким, которые должны взамен отбывать военную службу; понятно, что последние получали и большие участки. Итак, в положении прежних прекариев произошло разделение: одни так и остались оброчниками, положение их даже ухудшилось; другие же, отбывая более благородную службу, стали служить *«ingenui modo»* – благородным образом, их значение повысилось. Таким образом, мы замечаем несколько ступеней: 1) майордом (или, позже, король), 2) его вассал – то есть крупный землевладелец, получивший от него лен на условиях вассальности, и затем 3) вассалы последнего, наделенные от него участком земли на тех же условиях личной зависимости, впоследствии составившие класс «рыцарей». Затем остаются еще простые оброчники, из которых, в сущности, и вышли эти рыцари – *equites*.

Таким образом были привлечены к военной службе все свободные люди, владевшие землей на тех или иных условиях; эта мера касалась одинаково как тех свободных людей, которые заложились за монастыри и церкви, так и тех, которые сделались вассалами светских магнатов.

Даже в отношении самих духовных лиц Карл Великий считал необходимым принять меры. Церковные законы запрещали духовенству носить оружие; святость духовного сана была несовместима с участием в войнах, в пролитии человеческой крови. Канонические постановления в этом отношении были признаны и подтверждены неоднократно королями. Однако этот принцип подвергся многим ограничениям. Только монахи и священники были признаны безусловно свободными от военной службы. Но при этом Карл требовал, чтобы свободный человек не вступал в духовное сословие, не принимал священнического сана иначе, как с его разрешения. Далее, вступивший в духовное сословие, принявший пострижение, если он оставался на своем поземельном участке, продолжал жить на нем, обязан являться на войну. Даже аббаты монастырей, признанные Пипином свободными от военной повинности, при Карле – должны были принимать личное участие в походах; то же самое делали и епископы. Они не только вели зависящих от них свободных людей, участвовали в войне не только своим присутствием, но иногда – сами бились с неприятелем (припомним «Песнь о Роланде»). Здесь играла роль, быть может, и сама добрая воля духовных лиц. Думают, что они своим личным участием в походах надеялись предупредить ненужную передачу церковных имуществ и монастырей светским людям.²² Меры Карла Мартелла и Пипина объясняются, в сущности, тем, что они хотели более полным образом обеспечить исполнение военной повинности, лежащей на церковном имуществе, сделать владельцами его людей, непосредственно от себя зависящих.

Итак, мы рассмотрели понятия «бенефиций» и «прекарий» – отношения имущественные и понятие «вассальность» – отношение личной, так сказать, нравственной связи, служащей одним из существенных признаков феодального общественного порядка. Мы сделали важное замечание, что только комбинация двух видов зависимости произвела то, что можно назвать леном в феодальном смысле этого слова. Но до сих пор мы говорили только о пожалованиях королевских, о новых отношениях, возникающих между подданными и королем; скажем теперь, что то, что мы видели в высших сферах, начинает повторяться в низших: богатые землевладельцы стали раздавать земельные участки (бенефиции) свободным людям, точно так же под условием личной службы и верности. Бенефициарий должен был по требованию сеньора являться с вооруженными людьми. Эти люди, мелкие вассалы крупных землевладельцев, составляли то ополчение, с которым последние являлись на войну по призыву короля. Итак, феодализм как новое общественное явление можно рассматривать главным образом с трех следующих точек зрения: хозяйственной (экономической), политической и военной.

1. Хозяйственная, или экономическая сторона феодализма состояла в том, что монастыри и светские люди, крупные землевладельцы, не имея другого способа и возможности эксплуатировать свои капиталы, превращали их в земельное имущество и раздавали свободным безземельным людям на условиях, так сказать, арендного держания. Таким образом, эти последние получали возможность сидеть на своей земле и обрабатывать ее на известных условиях, сперва заключаемых на некоторое время,

а потом приобретающих более прочный характер. Благодаря этому способу землевладения люди, которые лишены были собственной земли и могли потерять свободу, получили теперь возможность занять довольно самостоятельное положение и пользоваться необходимой им землей, что, несомненно, представляло собой одну из хороших сторон нового социального строя.

2. С политической стороны мы видим, что в феодальном государстве первоначальная связь общего подданства заменяется личными союзами; вместо короля и подданных с их взаимными отношениями и обязанностями мы имеем дело с сеньором и вассалом, вместо общей государственной идеи подданства является личная зависимость, личная связь, не простирающаяся, однако, на всех, а общегосударственная идея иногда даже совсем забывается.

Скажем, кстати, несколько слов о недавно вышедшем сочинении немецкого ученого Арнольда «История Германии Франкского времени»,²³ во второй части его занимающегося рассмотрением именно тех вопросов, которые интересуют нас в данное время. Он объясняет происхождение ленов именно комбинацией отношений личных с земельными и вместе с тем доказывает, что новый феодальный порядок вещей, возникающий вместо прежних государственных отношений, не может быть назван регрессом, шагом назад в деле развития общественных отношений. Напротив, вновь устанавливающаяся связь между королем и его подданными, основанная на новых началах, кажется нашему автору гораздо более высокой и идеальной, нежели прежде существовавшая. «Раньше, — говорит он, — отношения между властью и народом были отвлеченные, холодные; они исчерпываются со стороны государственной власти — предъявлением известных прав, со стороны подданных — исполнением обязанностей». Возникновение принципов феодального строя сообщает этим отношениям большую «теплоту», новую жизненную силу. Теперь один человек служит другому не в силу отвлеченного принципа (государственной идеи), а в силу личного союза с ним, в силу нравственного, внутреннего долга, преданности. Ничего подобного не видели мы, например, в Римской империи, где все отношения были строго и точно определены. В феодальном обществе нет кодексов, определяющих подробно пункты вассальной верности, но сам факт предоставления многих из этих пунктов нравственному чувству и внутренней совести каждого и составляет, по мнению немецкого ученого, шаг вперед в деле развития общественных отношений.

Некоторые другие немецкие ученые, как, например, Вайтц и Рот, видят в феодальном государстве шаг назад, уничтожение связи, соединяющей всех подданных в одно единое целое. В противоположность им Арнольд настаивает на том, что прежний государственный строй времени Меровингов далеко не являлся идеальным. Общая связь, в сущности, выражалась тогда в весьма немногих фактах, а именно — в общеобязательной военной повинности и участии в судебных сходах. За пределами этого — общество разрознено, в государстве господствует частное право вражды и мести. Вассальные же отношения послужили к скреплению общества, к установлению более прочных связей, что доказывается даже

тем, что короли сами настаивают на утверждении этих отношений повсеместно: «Всякий человек, не имеющий еще сеньора, обязан избирать себе такового». Свойственному германцам началу личной, индивидуальной свободы, которому ранее противоплагалось отвлеченное государственное начало, теперь противоплагается принцип немецкой верности (*deutsche Freue*), что делает связь между отдельными членами государства гораздо более крепкой и прочной.

3. С военной точки зрения образование феодальных отношений повело к тому, что вместо смерти за отечество идеалом воина сделалась смерть за своего вождя. Вместе с тем военная повинность требуется не от всех; военные люди начинают составлять как бы отдельное сословие, причем вследствие усовершенствования самих приемов военного дела является необходимость и в более специальном военном образовании.

Из вышесказанного о вассалах мы уже могли вывести, каким путем образовался этот новый военный класс людей. Вассалом мы называли человека, сидящего на чужой земле и вступившего в особые отношения с владельцем этой земли; служба состоит не в платеже известного оброка, а более почетного характера, именно: он заключает с владельцем участка обязательство благородной службы на коне. Вместе с этим изменяется и сама система военного набора: вместо народного ополчения, созываемого через областных начальников (графов), король обращается с требованием о службе в войске к ближайшим вассалам своим; эти последние, в свою очередь, к своим вассалам — и таким образом, обязанность явиться в поход доходит до последней ступени, до всех тех, кто имеет земли на правах благородного держания.

Феодальный порядок вещей может быть рассмотрен еще с одной стороны, а именно — со стороны тех причин, которые содействовали его возникновению. Первой из них была, конечно, известная нам секуляризация церковных имуществ, предпринятая Карлом Мартеллом, а затем реституция этих же имуществ при его преемниках. Монастыри, недовольные лишением их богатого земельного имущества, жаловались постоянно на эту несправедливость. Вследствие жалоб земли отчасти им возвратили, в особенности тем обителям, которые не могли существовать без этого. На своих землях монастыри также селили свободных людей, которые давали им присягу личной благородной службы (на коне) и приводили с собою, в случае военного призыва, столько людей, сколько требовалось соответственно с количеством данной каждому из них земли.

Но можно заметить, что все это применимо лишь к западной части Франкского государства, к областям собственно Галлии, где было множество богатых монастырей, а секуляризация и реституция действительно имели место. Но что скажем мы о Германии, где монастыри в это время только что начинали основываться, а там, тем не менее, идет столь же быстрое развитие феодальных отношений?

Монастыри в Германии, можно сказать, «размножились» довольно быстро. При постройке нового монастыря король обыкновенно наделял его известным, часто весьма значительным, количеством земли. Но на всех землях страны лежали определенные повинности, от которые не были освобождены и монастырские владения: они также в случае призы-

ва должны были выставлять известное число войска. Очевидно, что монастырю неудобно было собирать и лично вести военных людей в битву (хотя мы и видели подобные примеры в Галлии). Тогда монастыри начали отдавать участки своих земель свободным людям на условиях благородного держания; они дают ленную присягу монастырю, вступают по отношению к нему в зависимые отношения. Таким путем аббат может выполнить повинности и выставить необходимое количество людей на войну в лице своих вассалов. Итак, тот же результат, который в Галлии дала конфискация, в Германии произвело дарование имуществ монастырям. И там и тут на монастырских землях появились особого рода держатели, у которых не было своей земельной собственности, и они несли в пользу церкви особого рода службу — благородную, военную.

Наконец, многие свободные люди, находя для себя более удобным и выгодным жить под рукой богатого и сильного сеньора, не только рекомендовали ему себя и вступали к нему в вассальную зависимость, но даже присоединяли сюда и зависимость ленную, то есть добровольно отдавали ему свои небольшие земельные участки с тем, чтобы получить их обратно уже как лен, на правах феодального держания.

Нам предстоит теперь разъяснить еще одну новую существенную черту феодального общественного строя, а именно, каким образом землевладелец получил право суда над своими людьми, право иммунитета.²⁴

Иммунитет — слово латинское и в римское время, так же как и в начале Средних веков, означало только свободу от государственных податей и повинностей; потом это слово получило более широкое значение, и выражение уже означало пользование государственными верховными правами, переданное частным лицам.

Мы упоминали много раз, что церковь соединяла в своих руках огромную массу поземельной собственности, что церквам и монастырям принадлежали большие пространства земли, лежавшие то рассеянно, то сплошной массой. Многие церкви получали от королей — еще при первых Меровингах — особые привилегии, освобождавшие их земли и людей от государственных налогов и повинностей, иногда от службы в военном ополчении. Эти привилегии и назывались: *immunitates* — иммунитеты. Потом понятие иммунитета расширилось. В позднюю Меровингскую эпоху с ним соединялось уже изъятие духовных земель из-под власти чиновников.

Духовные лица находили, что нельзя допускать графа или других представителей светской власти в церковную ограду, так как это мешает тишине созерцательной жизни в монастырях; может быть также, они, действительно, имели основание жаловаться на произвол и насилие королевских чиновников. Те из них, которые пользовались особым расположением короля, стали выпрашивать расширение своего иммунитета в том смысле, чтобы короли поручали им самим взимание разных фискальных доходов.*

* Известный французский писатель Фюстель де Куланж в новой своей статье «*Etudes sur l'institute merovingienne*» (*Revue historique*. 1883. Т. XXII, XXIII) приписывает первую иммунитетную грамоту еще Хлодвигу на основании дошедшего до нас документа, хотя относит его не к 497 году, которым этот документ поме-

Далее, в церковных имениях жило множество свободных и несвободных людей (*homines ecclesiastici*), которые находились в полной зависимости от церкви, *de facto* были ее подданными. Поэтому, чтобы упрочить судопроизводство и устранить часто происходящие судебные столкновения и споры, короли передавали духовным владельцам сначала так называемую среднюю юрисдикцию, то есть полное право гражданского суда над всеми светскими людьми, живущими в их имениях, и вместе с тем право взимать с них законом положенные штрафы и виды. Духовные владения, получавшие такие права и привилегии, представляли уже относительно органов исполнительной королевской власти некоторого рода недоступные острова, в которых настоятель монастыря был настоящим государем всех обитателей церковной территории.

Предшественники Карла Великого в даровании таких иммунитетов еще довольно бережливы, но сам Карл был до такой степени щедрым в этом отношении, что после его смерти только немногие епископства и аббатства не имели подобных иммунитетов. Впрочем, было немало и подложных грамот.

Едва ли, однако, справедливо мнение, что уже Карл Великий ввел обычай давать духовным лицам полную юрисдикцию, то есть простирающуюся и на преступления уголовные. Во всяком случае, в тех тяжких преступлениях, за которыми следовала уже не денежная вира, а другие более суровые наказания, суд не принадлежал духовенству. Полную юрисдикцию епископы и монастыри получили позже.

Посреди изъятых церковных и светских владений и между ними жили рассеянно свободные люди, мелкие собственники, которые еще

чен, а к позднему времени и видит в нем лишь распространение первоначального текста. От сыновей и внуков Хлодвига мы имеем четыре грамоты, которые можно считать вполне достоверными: две принадлежат Хильдеберту I, одна Хлотару I и одна — Хильперуку. Приведем для примера текст одной из них, чтобы ознакомиться с их формой, все они почти всегда снабжены предисловием:

«Мы предполагаем выказать все величие нашего королевского авторитета (власти), если мы даруем с благосклонным намерением церквям или кому другому — благодеяния, которые подобают им, и если с помощью Божией мы сделаем письменный акт, утверждающий продолжительность наших милостей. Итак, мы доводим до сведения вашего усердия, что, по просьбе аббата такого-то, сеньора такого-то, епископа такого-то церкви, мы даровали ему в виде нашей вечной награды следующую милость:

Милость, которую мы даруем, такова, что в землях церкви этого епископа, как в тех, которыми она обладает ныне, так и в тех, которые божественная благодать позволит ей приобрести впоследствии, никакой государственный чиновник не должен иметь право входа ни для судебных дел, ни для требования мировых денег (*freda*), из какого бы источника они ни исходили, но чтобы это право принадлежало епископу и преемникам его во всей полноте».

«Итак, мы приказываем, чтобы ни вы, ни ваши подчиненные, ни те, которые будут после вас, ни кто-либо из государственных чиновников никогда не входили в земельные владения этой церкви, в какой бы части государства нашего они ни находились, ни для ведения судебных дел, ни для сбора штрафов (виры, *фреды*). Мы воспрещаем вам — осмеливаться требовать там права постоя (*mansiones*) и продовольствия (*parata*), так же как и брать поручителей».

оставались подсудными графу. Поземельные их участки лежали в виде маленьких островов. Естественно, что церкви и аббаты старались распространить свою юрисдикцию на независимых своих соседей. Вследствие того между ними и графами возникали постоянные столкновения, споры о подсудности. Чтобы устранить их и укрепить судопроизводство, Карл Великий и его преемники распространяли иммунитет на все смежные и посреди лежащие земли и предоставили церквям юрисдикцию над всеми свободными людьми, оседлыми в изъятом округе.

Таким образом уменьшилась территория, подвластная графу, и вместе с тем число людей, ему подсудных. Иммунитет Карла Великого означал теперь (особенно когда при его преемниках духовные владельцы получили полную юрисдикцию) не только освобождение от государственных повинностей, изъятие из-под судебной и полицейской власти, но и самостоятельный суд и расправу. Но так как епископам и аббатам неприлично было заниматься светскими делами, судебными тяжбами и полицейскими мерами лично, то поэтому каждая церковь должна была держать для всего этого особого светского уполномоченного, который первоначально назывался защитником – *defensor*, потом – обыкновенно – церковным адвокатом (*avocatus ecclesiae*), фогтом (*vogt*). В первое время таких фогтов давал церквям сам король, но впоследствии везде назначали его сами епископы и аббаты. Фогт представлял церковь в светских делах, защищал ее земельные владения, чинил суд и расправу над свободными и несвободными людьми, жившими на ее земле, вел поданных церкви на войну, если она (земля) не была освобождена от военной повинности или если сами епископы и аббаты не предпочитали лично вести их.

Церковный адвокат получал свою должность от епископа или аббата, но так как, по каноническим правилам, церковь не могла судить уголовных дел, особенно таких, которые вели за собою смертную казнь, то фогт должен был спрашивать у короля *Blutbann*, то есть право уголовной расправы, которую, по юридическому понятию, мог разрешить только король. Обыкновенно церкви и монастыри избирали себе фогтом кого-либо из знатных соседей, из крупных поземельных собственников.

Почти всегда фогт получал от церкви бенефиции или прекарий, так что вместе с тем он был и вассалом церкви; кроме того, третья доля всех денежных пеней и судебных доходов поступала в его пользу.

Король в своих доменах был вместе государь и собственник, владел землей и был верховным повелителем и господином и верховным судьей всех людей, на ней живших. Он получал подати от жителей городов, включенных в домен, и часть поземельных доходов и плодов земли от трибутариев, холопов и вообще несвободных людей, поселенных в его поместьях и находившихся в отношениях зависимых людей (*hörige*); он был вместе с тем их верховным судьей. Передавая части своих доменов в бенефициальное владение, король, разумеется, передавал землю вместе с людьми, на ней поселенными. Королевские трибутарии вступали вследствие этого к бенефицианту в такое же отношение, в каком прежде находились к королю. Вместе с правом владения землей бенефициант получал верховные права короля – суд и подати – в частное владение.

Суд и подати были в то время две главные формы всей государственной власти, элементы, почти исчерпывающие все ее содержание; таким образом, уже тогда возникает понятие, в котором заключается смысл средневековой истории и основание всех политических форм и учреждений этой эпохи, — понятие, что политические права, права верховной государственной власти могут быть частной собственностью и могут быть приобретены вместе с землей. Домены были частной собственностью короля; но он считал такой же частной собственностью все свои государственные права — судебную власть, законодательство, администрацию, подати; считал, что все это также можно было отчуждать, дарить, передавать и уступать другому, и даже продавать, как землю. Таким образом, иммунитет, то есть изъятие из-под графской юрисдикции, уже лежал необходимо в каждом бенефиции.

Право иммунитета, как сказано выше, не осталось только за монастырями: оно перешло и в руки частных лиц; кроме того, светские владельцы захватили еще это право, пользуясь смутным временем, последовавшим за распадением монархии Карла Великого. Таким образом они сосредоточили в своих руках огромные права, образовались как бы государства в государстве, причем все прерогативы верховной власти сосредоточились в руках феодалов.

Из иммунитета Г. Вайтц выводит еще один факт. Известно, что землевладельцы, получившие иммунитет, — иммунитетные господа (*Immunitätsherren*), должны были также назначать штраф не явившимся на отправление воинской службы. Стоило только сеньору простить своему вассалу этот штраф, и вассал освобождался от повинности. Отсюда-то Вайтц и производит, в тесном смысле, «сеньорат», то есть право феодального владельца требовать исполнения военной обязанности от подчиненных ему вассалов и вместе с тем право предводительствовать ими на войне (*Heerbann*). Мы отмечаем, что военные повинности, бывшие сначала только обязанностью людей свободных, потом, с увеличением числа добровольных прекариев, были перенесены и на людей несвободных; не избавлены были от них и церкви и монастыри. Однако последние стремились к тому, чтобы отделаться от этой повинности, как и от всех государственных обязанностей. Они мало-помалу достигли этого посредством иммунитета. Первый шаг был сделан тем, что, подобно судебным доходам, подобно штрафам и вирам, и *Heerbann*, то есть принудительное право требовать исполнения военной повинности с правом наложения денежных наказаний, уступлено было монастырям и духовным сановникам. Уже при Карле Великом являются некоторые случаи такого расширения иммунитета. Это, очевидно, само по себе не заключает еще полного освобождения от военной службы, но легко могло повести к такому результату. Государственная власть отказывалась от своей принудительной силы, теряла средства наказывать тех, которые уклонялись от исполнения общей государственной обязанности, передавая свое право частным учреждениям и лицам. От воли епископа или аббата зависело теперь, привлечь своих вассалов к участию в походе или нет; ему стоило только простить штраф, налагаемый в наказание за уклонение от военной повинности, или удовольствоваться незначительным денежным взы-

сканием в свою пользу, чтобы угодить желанию своих вассалов остаться дома. Преемники Карла Великого пошли дальше, и мало-помалу, по мнению Г. Вайтца, церковь приобрела над своими подданными все права сеньората.

Воспользуемся уже названной выше статьей Фюстель де Куланжа, чтобы свести в одно все характерные признаки иммунитета и дать более точное определение его.

1. Иммунитет есть милость, благодеяние (*beneficium*). Он даруется лично королем человеку, просившему его, о чем упоминается обыкновенно и в иммунитетном акте. Эта просьба и дарование милости возобновляются каждый раз по смерти владельца грамоты, которая не переходит по наследству.

2. Привилегии иммунитета состоят в освобождении епископа, аббата или крупного сельского сеньора от административной власти как в отношении юрисдикции, так и в отношении сбора податей и местной полицейской администрации. Они не уничтожают в принципе иерархию герцогов, графов и центенаров, но тем не менее сотни земельных имуществ ускользают из-под их власти.

3. Иммунитет не уничтожает и королевских прав; король ни в каком случае не отказывается от них, он отказывается только от предъявления их через своих чиновников. Отсюда проистекает, что государственная власть, не будучи в состоянии действовать административно, приобретает характер непосредственного и личного патроната; подданный теперь не более как лично верный вассал.

4. Иммунитет всегда даруется большому земельному владельцу — епископу, аббату или светскому владельцу, — и никогда тем людям, которые обрабатывают крупные поместья и живут на них. Он не имеет в себе ничего демократического и всегда клонится к пользе магнатов. Все права, в которых государственная власть теперь отказывает своим уполномоченным, передаются крупным владельцам, а не низшим классам. Как естественное следствие изгнания с территории королевского чиновника, землевладелец становится судьей всех людей на своих землях и публичное право превращается, внутри привилегированных поместий, в право частное. Он собирает подати, которые независимо от того отданы королю или нет, превращаются на практике в частную контрибуцию. Все обязательства, которые раньше население выполняло по отношению к королю и государству, люди несут теперь по отношению к владельцу.

Таким образом, иммунитет изменил отношения людей между собой: как класса землевладельцев по отношению к королю, так и низшего слоя населения по отношению к землевладельцу.

Иммунитет является одним из важнейших явлений феодального строя. В течение многих столетий он был одним из этих тысячекратно повторяющихся фактов, которые незаметно и наконец совершенно изменяют учреждения известного народа. Он во многом способствовал утверждению вместо административной монархии, которая была установлена еще в римское время и продолжаема Мерovingами, — новой системы феодальной верности.²⁵

Королевская власть, вначале относившаяся недоброжелательно к установлению новых отношений, наконец перестала препятствовать все-му этому. И действительно, выгода для центральной власти очевидна: зная только несколько сильных и могущественных людей, королю гораздо легче было заботиться о них, сноситься с ними, а через них уже со всеми теми, кто стоял под их непосредственной властью. Кроме того, Каролинги воспользовались этим еще для своих военных целей. Они находили гораздо более выгодным, чтобы богатый землевладелец являлся к отбыванию воинской повинности не один, а вместе со своими вассалами, с людьми, рекомендовавшими ему себя. Они являлись на войну по обязанности, налагаемой на них землей, которой они владели, но исполняли эту службу вместе со своим покровителем. Подобное распределение, как сказано выше, было признано настолько удобным, что короли издали даже ряд эдиктов, делая вступление под покровительство обязательным для тех, кто еще не имел покровителя. Кроме того, в указе от 816 года говорилось, что человек, вступивший раз в подобные личные подчиненные отношения, не имел права разрывать их без особых, уважительных на то причин. Разрыв допускался только в исключительных случаях: так, если вассалу угрожал его покровитель оружием, если сеньор оскорбил жену или дочь его, хотел продать его в рабство и тому подобное; вассал мог разорвать союз для перехода к другому сеньору только по соглашению с первым, ибо для права перехода требовалось удостоверение в том, что вассал освобожден от подчинения своему прежнему покровителю (сеньору).

Последней причиной разложения прежнего государственного устройства и самым решительным моментом в развитии феодального порядка был переход должности графа в наследственное право.²⁶ Граф (лат. *comes*) был главным правителем округа, высшей административной единицы государства меровингских франков, носившей два названия: латинское – *ragus* (что у Тацита соответствует отдельным германским национальностям, которые он называет словом *civitas*) и германское – *Gau*, что значит «волость», «земля» (как было на Руси в старину – Черниговская земля, Рязанская земля и т. д.). Когда римляне овладели Галлией, они оставили прежнее деление ее народов на *civitates*. При варварах должность графа вновь появляется, но происхождение ее в этот период объяснить почти невозможно. Во всяком случае, нельзя предполагать, что «граф» соответствует «*principes*» Тацита, то есть что графство связано с германской дружиной. Известно, что граф в Меровингскую эпоху не представлял важной фигуры: короли без церемоний расправлялись с ними казнями, наказывали членовредительством. Но впоследствии их значение поднялось. По эдикту 614 года, о котором мы говорили уже, в графы назначают только людей богатых. Особенно значение графа выросло при Карле Мартелле, когда на должность стали назначать королевских вассалов. Графы одновременно представляли власть короля, были его наместниками и его вассалами. Обыкновенно с графской должностью соединяли бенефиций в самом графстве. Постепенно и сама должность получила характер и значение бенефиция. Во второй половине IX века все бенефиции стали наследственными, превращаются в лены, и ясно, что такими же должны сделаться должности графов.

Естественным желанием графа было передать свою должность, свое звание сыну и дальнейшему потомству; слабая королевская власть уже не в силах препятствовать этому. И сами короли часто оставляли должность за сыном графа, так как он, воспитываясь при отце, лучше других знал дела графства и потребности управления, был знаком местным жителям. В этом отношении имеет большое значение капитулярий Карла Лысого, изданный в Керси в 877 году, перед отправлением короля в итальянский поход. Капитулярий гласит: «Если умрет какой-либо граф королевства, то мы желаем, чтобы сын наш вместе с ближайшими родственниками покойного графа, а также и другие чиновники этого графства и епископ, в чьей епархии оно находится, заведовали его управлением до тех пор, пока нам не будет возведено о смерти прежнего графа и мы не будем в состоянии передать сыну его, находящемуся при нашем дворе, почести (honores), ему принадлежавшие. Если сын умершего графа еще ребенок, то пусть наш сын, епископ и другие местные власти точно так же озаботятся об управлении графством до тех пор, пока мы, получив известие о смерти отца, не предоставим сыну отцовских прав».

Этот капитулярий можно считать началом наследственности графских должностей. Мало-помалу постоянными усилиями должностных лиц он вошел в практику, отступление от него со стороны короля вызывало даже вооруженное сопротивление, как нарушение законного порядка. Мы уже знаем, что Парижское графство переходило наследственно к сыновьям Роберта Сильного. Ко времени утверждения Капетингской династии большая часть областей, входивших в состав монархии, находилась уже под действием этого закона.

Таким образом, должность графа переходила по наследству, а вместе с тем и вся власть, сопряженная с нею: судебная, военная, политическая. Графство, которое уже состояло из собственных земель графа и земель его вассалов, было его территорией. Теряя характер королевского наместника и становясь самостоятельным государем, граф сохранял лишь видимый характер вассала короля, оставаясь подчиненным ему только лично. Но такое подчинение было уже условное и имело в большей степени значение свободного договора, чем должностного подчинения. Король теперь для графа уже не *souverain* – государь, а *suzerain*, то есть ленный господин (*Lehnsherr*). Графство считалось леном короля, и каждый новый наследник в нем должен был принести королю ленную вассальную присягу. Взамен король давал ему инвеституру на графство (*Belehnung*), то есть утверждал его во всех наследственных правах и владениях.

Король имел только формальное главенство (*Oberhoheit*) над графством, как над жалованным им леном, но во внутренние дела управления он не мог вмешиваться. Граф не имел по отношению к королю других обязанностей, кроме тех, которые вытекали из ленной присяги: обязан был помогать королю на войне, по призыву его приводить с собой вассалов; являться ко двору для совещаний и судопроизводства. Только король и пэры, то есть другие королевские вассалы, равные графу по значению, могли его судить.

Переход государственной должности в наследственное право представляет нам вторую, высшую форму соединения верховной власти с поземельной собственностью, что и составляет сущность феодального порядка.

Вследствие этого перехода из франкских административных, управявшихся графами областей образовались позднейшие феодальные графства, ленные владения высших баронов, имевших в своих землях полную власть.

Подобно графской должности стали наследственными и должности герцогов и маркграфов, возникли ленные герцогства и маркграфства, размерами своими превосходящие, иногда в значительной степени, простые графства. То, что происходило в высших сферах, повторялось и в низших: должности вице-графов – виконтов также сделались наследственными и послужили к образованию мелких феодальных территорий с низшей степенью феодальной независимости.

Вассалы герцогов и графов, получившие инвеституру не от короля, а от непосредственных господ своих, составляли класс низших баронов; они большей частью пользовались в своих землях правом средней юрисдикции (*droit de justice moyenne*). Бароны могли иметь и имели своих вассалов, мелких феодальных собственников, владельцев малых ленов, которым принадлежала уже только одна низшая юрисдикция (*basse justice*), вотчинная полиция и вотчинный суд (*justice seigneuriale*, *Patrimoni-algerichtsbareit*). По отношению к королю такие мелкие феодальные владельцы находились уже в четвертой или даже в пятой степени ленной зависимости. Само собой разумеется, что она была чисто номинальная и существовала только в теории, а не в действительности; каждый вассал приносил присягу только своему непосредственному ленному господину. Даже связь между королем и аррьер-вассалами была чрезвычайно слаба; ему подчинены были непосредственно только его собственные вассалы. Духовные лица тоже входили в эту иерархию.

Итак:

1) Наверху видим мы короля, властителя властителей, который не поставлен никем, разве только, по позднейшей формуле, Богом и своим мечом.

2) Непосредственно за ним следуют прямые вассалы короны (*vassaux directs*), наследники древних герцогов и графов. Они имеют графство или герцогство непосредственно (*sine medio*) от короля – это пэры Франции. Между ними мы видим шесть епископов, которых случай сделал герцогами или графами их епархиального города.

3) Ниже их – графы, зависящие от пэров Франции или от короля, но уже не как короля, а только как сеньора.

4) Еще ниже – вассалы этих феодалов и так далее.

На основании всего того, что мы уже знаем о феодализме, можно дать определение его.

Феодализм есть смешение публичного права с частным, соединение прав верховной власти со всякой поземельной собственностью.

Феодализм – такой порядок вещей, в котором политические права, права государства делаются частной наследственной собственностью от-

дельных лиц вместе с землей; в котором все публичные отношения носят частный характер и публичное право заменено частным.

Феодальное государство есть такое, в котором нет граждан и подданных, а только вассалы; которое основывается не на равном подчинении всех публичной власти общего закона, а на частных отношениях личной вассальной зависимости, на частных договорах, связывающих отдельных лиц с королем и между собой.

Феодальное государство есть такое, в котором вся масса народонаселения находится в частной случайной зависимости, подчиняется власти отдельных лиц; король стоит в непосредственном отношении только к немногим, и эти немногие подчиняются ему только на основании ленного договора, потому что хотят и пока хотят.

Феодальное государство – такое государство, в котором все поземельные собственники пользуются в своих владениях большей или меньшей суммой прав верховной власти и связаны между собой и королем цепью взаимных ленных отношений; где все земли и их владельцы зависят частным образом одни от других и образуют длинную лестницу ленной постепенности; где король – только ленный господин, не отличающийся от других ничем, кроме того, что от него зависят высшие вассалы.

Наконец, феодальное государство – такое государство, в котором есть множество территорий, стоящих друг к другу в иерархической постепенности, зависящих одна от другой и подчиненных друг другу.

Одной из самых невыгодных сторон феодализма остается то, что ухудшилось положение низших классов; они лишились всякой защиты государственной власти от притеснений сильных магнатов. Правда, они могли жаловаться королю, но судить крупного вассала последний мог только вместе с пэрами; другие землевладельцы вообще ушли из-под его власти.

В заключение мы должны сказать несколько слов о том, какими законами руководствовались феодальные землевладельцы при отправлении правосудия в своих землях и существовало ли в то время одно, так сказать, общefeодальное законодательство.

Мы уже знаем, что германцы, придя на римские земли, нашли там римские порядки и римские законы. Тем не менее каждое из племен имело свою «варварскую» Правду и эти правды с течением времени были даже изданы, хотя и на латинском языке, но для употребления варваров (*Lex Romana Burgundiorum* или *Breviarium Alaricianum* – у бургундов, *Antiqua* – у вестготов). Сила этих отдельных племенных законодательств сохранялась довольно долго, и принцип личности права, как мы знаем, существовал до времени Карла Великого. Капитулярии являются первым общегерманским законодательством, первым территориальным правом, но наряду с ними все же еще сохраняют силу прежние Правды. Феодальный порядок уничтожает их совершенно, так же как и принцип личности права. До того как будет выработан новый кодекс законов, вместо прежних варварских Правд утверждаются на феодальных территориях местные обычаи (*coutumes*). Постепенно кутюмы выводят из употребления всякое другое право на отдельных феодальных территориях, даже капитулярии Карла Великого.

РАСПАД МОНАРХИИ КАРЛА ВЕЛИКОГО И ОБРАЗОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ: ВНЕШНЯЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ (814–843)

Приступим теперь к краткому обозрению истории монархии Карла Великого до воцарения Капетингов.¹ Прежде всего стоит на очереди вопрос, так много занимавший ученых, именно – вопрос о причинах распада монархии Карла Великого. Этот вопрос рассматривает Гизо в своей лекции. Одни ученые падение империи объясняли неудовлетворительными качествами преемников Карла Великого (Людовика Благочестивого, Карла Лысого, Карла Толстого, Карла Простого): если бы, говорят, они имели ум и характер основателя империи, то она продолжила бы свое славное существование. Другие – приписывали ее падение жадности герцогов, графов, виконтов и других королевских чиновников всякого рода: они хотели стать независимыми верховными правителями, поэтому похитили власть и разделили государство. Наконец, утверждали, что норманны виновны в ее падении, так как продолжительные их набеги привели к бедности народа. Эти объяснения Гизо назвал узкими и неосновательными, а взглядом, «заслуживающим серьезного исследования», посчитал точку зрения Тьерри (двадцать четвертая лекция у Гизо).

Знаменитый А. Тьерри причиной распада монархии Карла Великого считал борьбу рас, вызванную внутренней антипатией племен, соединенных под властью короля. С одной стороны – романизованное галло-римское население, с другой – германское. В политическом и религиозном отношении и то и другое были подчинены одной власти, но между ними сохранялось сознание внутреннего противоречия. Тьерри в девятом и двенадцатом письмах «Lettres sur l'histoire de France» делит эпоху после смерти Карла Великого до восшествия на престол Гуго Капета (то есть 814–967 годы) на два периода. Первый период начинается со смерти Карла Великого и кончается смертью Карла Толстого (то есть 814–888), второй – доходит до 987 года (то есть до воцарения Гуго Капета). Этим двум эпохам соответствуют два различные фазиса распада, два развития различные по характеру, но происходящие от одних причин и идущие к одной цели. Из событий первого периода важнейшие – ссоры Людовика Благочестивого с сыновьями и сыновей между собой. Таким образом Тьерри доходит до образования девяти королевств (по Гизо – семь) на развалинах империи.

1. Франция – между Шельдой, Маасом, Соной, Роной, Пиренеями и Атлантическим океаном и часть Испанской марки по ту сторону Пиренеев, образующая графство Барселонское.

2. Королевство Наваррское – почти вся марка Испанская между Пиренеями и рекой Эбро.

3. Прованс, или Бургундия Цис-Юранская между реками Соной и Роной, Альпами, Юрой и Средиземным морем.

4. Бургундия Транс-Юранская – Швейцария, Валлис (Valois), область Женевская, Chablay и Bigey.

5. Лотарингия – между реками Рейном, Маасом и Шельдой.

6. Германия – между Рейном, Немецким морем, Эльбой, Одером и Альпами.

7. Италия.

8. Бретань.

9. Аквитания (по Гизо: бретанские графы и аквитанские герцоги в конце IX века еще не носили королевского титула – и поэтому, по его мнению, образовалось только семь королевств).²

Второй период (888–987) – это время борьбы: изгнания потомков Карла Великого, чисто германской династии, галло-франками.

Гизо в своей двадцать четвертой лекции, разбирая мнение Тьерри, не отрицает совсем существования национальных причин, но считает их побочными, не главными. Во время смут и междоусобиц, рассуждает он, племена группировались самым разным образом, и далеко не всегда в силу племенного родства. И само образование королевств нельзя объяснять одним национальным единением; например, в обоеих Бургундиях (Транс- и Цис-Юранской) можно найти представителей всех племен. В середине VIII века, говорит Гизо, галло-франкское государство представляло хаос и анархию. Карл Великий сделал попытку воскресить римские и германские начала и создать прочный государственный организм под именем «империи». Воскрешение это было, по выражению Гизо, «гальваническое». ³ Невозможно поддерживать насильно единство в обществе, когда ни в одной из отдельных частей его, ни в общественных отношениях не видно было присутствия необходимых для этого начал. «Власть и нация распались потому, – заканчивает Гизо, – что единство власти и нации было невозможно; все стало местным», потому что начала общего не было ни в умах, ни в жизни, ни в интересах людей. Когда «кончилось это брожение различных общественных условий и различных властей», когда установилась связь между мелкими общественными единицами – этот общий результат к концу X века получил название феодального устройства.⁴

Немецкий ученый Нитч (Nitzsch) в своей истории немецкого народа объясняет причину недолгого существования империи Карла Великого отсутствием общеторговых интересов. Германия граничила со славянским миром на севере, а на юге ей приходилось сталкиваться с миром арабским, так как сарацины к тому времени утвердились уже в Сицилии, южной Италии и Испании. А между тем империя совсем не принимала участия в международной торговле, не основывались города, не было продуктов, предметов размена. Таким образом, империя оставалась предоставленной самой себе, она была лишена внутри того могущественного объединяющего начала, которое заключается в торговых отношениях, в развитии общей экономической жизни. Отчасти взгляды и выводы Нитча, может быть, и верны, но кажется, что многое он преувеличил, а многое еще пока не расследовано. Нитч считает виновной в распаде империи Карла Великого аристократию. Она не признавала короля: опираясь на вассалов, в своих владениях сама была государственной властью.

Также Нитч указывает на разность стремлений, существовавшую между аристократией духовной и светской.⁵

Действительно, мы видим еще со времен Карла Мартелла, со времени секуляризации духовных имуществ для раздачи их светским приверженцам Карла Мартелла, что духовенство и светские магнаты постоянно находятся во враждебных отношениях. При сыне Карла Мартелла Пипине Коротком борьба не прекращается, так как реституция духовных имуществ была неполная и, с другой стороны, вследствие новых секуляризаций. Этот антагонизм двух самых могущественных сословий выказался очень резко на соборе 794 года, который был созван Карлом Великим для объявления недействительными постановлений Вселенского собора 787 года (Второго Никейского). На этом соборе светские вассалы короля требовали дальнейшей секуляризации духовных земель, тогда как духовенство высказывало опасение за целостность своих владений.

Таким образом, вопрос чисто экономического характера произвел, как видно, глубокое раздвоение между магнатами. Ввиду этого является вопрос: какое сословие имело больше силы, светские ли вассалы короля или клир? Тут мы видим большую разницу в мире германском и в мире романском, во владениях Карла по эту или по ту сторону Рейна.

В мире романском перевес имела власть духовная. Здесь христианство было распространено ранее, духовенство пользовалось большим влиянием, имело в своих руках большие земли, почти все монастыри получили уже право иммунитета.

По ту сторону Рейна духовенство утвердилось только незадолго до смерти Карла Великого (при Бонифации), оно еще не могло пустить глубоких корней в народе, монастырей было очень немного (в Южной Баварии – Тегернсее, в Баварии – Святого Бенедикта и еще несколько других). Хотя короли и давали германским монастырям право иммунитета, но не в таком размере, как это они делали в областях галло-римских. Правда, и феодализм не мог еще пустить глубоких корней, так как этот институт был чужд духу германской личной свободы; все-таки мы видим, что при Карле Великом и после него в Германии аристократия имеет сильный перевес над духовенством.

Теперь появляется вопрос, кто же служил большим оплотом для неограниченной власти императора – духовенство или светская аристократия? Где имел император более сил: на романском западе или на германском востоке? Кто был главным защитником империи из этих двух сословий? Необходимость империи, и империи неограниченной – это воззрение христианское, полученное в наследство от Рима; единству церковному, по христианскому воззрению, должно соответствовать и единство политическое. Сама империя образовалась вследствие союза папы с королем франков: папе нужна была поддержка в борьбе с византийскими императорами-иконоборцами, короли делали завоевания во имя христианства, покоряли вновь завоеванные земли папе, утверждали и поддерживали везде авторитет папы. Само помазание на царство, коронование императором Священной Римской империи было всецело в руках папы.

Отсюда видно, что идея единого германского государства была идеей христианской, идеей католицизма – ввиду этого ее и должно было поддерживать преимущественно духовенство. В Галлии, где духовенство было сильнее, эта идея находила большую поддержку, чем в Германии, где, при преобладании светского элемента, такого сочувствия к идее германо-романского единства нет. Притом же германская национальная идея о конунге в свободной стране при личной свободе каждого подданного совершенно не соответствовала римской идее о неограниченной власти императора всего христианского мира.

Само собой разумеется, что это различие в социально-экономических условиях (то есть преобладание духовного элемента в Галлии и светского в Германии) должно было совпадать с племенным различием. Этим объясняется, почему императоры всегда высказывали больше сочувствия к областям галло-римским, к той части империи, где преобладали галло-римские элементы. Сверх того, нужно иметь в виду при рассмотрении вопроса о причинах распада монархии Карла Великого общие условия общественные и социально-экономические. Дюммлер⁶ признает принципиальную противоположность между монархией франков, как монархией общехристианской, и между возникшими из нее отдельными государствами, имеющими национальный характер. Но, замечает он, мы далеки от того, чтобы считать причиной разложения то, что было следствием разложения. В борьбе королей за наследие Карла Великого мы едва замечаем первые слабые признаки различия – немецкого, французского и итальянского характера, однако без всяких следов ясного сознания национальной обособленности: подобно тому как в детских ссорах, сопровождающих детские игры, едва замечаются первые признаки будущего различия в характерах между родными братьями. О борьбе принципов не может быть здесь никакой речи; нет того, чтобы возвышенному идеалу возобновленной Римской империи противопоставлялась идея национальной самостоятельности. Напротив, полное осуществление идеала не удалось единственно вследствие слабости и своекорыстия тех, которые должны были его носителями, и далее, вследствие не перестававших никогда действовать стремлений частных лиц к обособлению отдельных провинций и племен. Стойкий обычай деления земель (удельная система), поддерживаемый честолюбивой материнской нежностью к своему сыну, оказывается более сильным, чем защищаемое церковью нераздельное единство Священной Римской империи. В происходящей из этого борьбе светские магнаты, лишённые одушевления к церковным идеям, ищут только собственные выгоды, приобретая за счет короны новые земли, и тем самым упрочивают разложение. Распространение вассальных отношений укрепляет силу магнатов и их возможность к тому, чтобы направлять решения сеймов в соответствии с их желаниями.

Дюммлер утверждает, что идеал духовенства непрочен вследствие своекорыстного стремления королей и светских магнатов. Распадение происходит не по национальному признаку, а по нормам феодальным и племенным, то есть большие государства заменяются многими мелкими феодальными монархиями. Вследствие взаимного соперничества, говорит он далее, близкие родственники королей мало-помалу находят себе

другую опору, другой центр тяжести – в национальном единстве своих жителей. На основе старой племенной общности, которая у них оставалась, сплотились люди, говорящие по-немецки и – говорящие по-французски, сплотились не так как раньше, но в новом соединении.

Дюммлер расходится с А. Тьерри в том отношении, что он не признает стремлений к национальной обособленности при распаде монархии Карла Великого. По его мнению, национальности образовались позже, из сращения более мелких самостоятельных частей; образование их более случайно.

Этого же мнения придерживаются и другие ученые, например Фиккер и Зибель. Первый считает, что в средние века, при распаде империи Карла Великого, еще не было представлений о нации и национальных интересах, как мы сейчас их видим и представляем себе (*Fikker J. Das deutsche Kaiserreich in seinen universalen und nationalen Beziehungen. Innsbruck, 1861*). Зибель изложил свои взгляды в «Die deutsche Nation», имея в виду противопоставить их взгляду Гизебрехта в его «Истории Германской империи».⁷ То есть книга Зибеля вышла как ответ Гизебрехту. Последний же в своем сочинении рассматривал историю Германии от времен Оттона I до Гогенштауфенов. Первый том вышел в 1855 году, когда немцами чувствовалась сильная потребность к объединению; этим стремлением к единству Германии, желанием такого единства и проникнут труд Гизебрехта. Он разбирает историю Германии не беспристрастно, а с чувством глубокого патриотизма и удивления, доходящего до идеализации перед величием Германской империи. Гизебрехт искал утешения в прошедшем величии «единой, могучей и великой Германии».

В начале своего труда он резюмирует мнения Дюммлера, Фиккера, Гизебрехта и других историков. Некоторые ученые, говорит он, отрицают возможность деления по национальностям. Они ссылаются на то, что нет писателя-современника, который упоминал о нации: Нитгард, современник распада монархии Карла Великого, писал, что было два языка и что были сильны местные племенные объединения, но никаких выводов из этого не делал. Действительно, между баварцем и его соседом швабом есть различия, но их гораздо меньше, чем между романцем и германцем. Нельзя же считать язык тевдийский или романский признаком национальности. В то время все нации в одном государстве были сплочены и сильны. Во всем этом, писал Зибель, есть доля правды, но все же Германская империя в Средние века вовсе не заслуживает почитания. Стремление королей к получению короны и их неоднократные походы в Италию вовсе не соответствовали интересам народа. Желание получить императорскую корону отвлекало монархов от борьбы со славянами, в борьбе за нее они забывали о возвращении некоторых земель, отвоєванных и занятых славянами. В общем, мысль Зибеля сводится к тому, что средневековые императоры стремились к универсальному господству и забывали при этом о своих «домашних» интересах. Он считал, что более «разумным» для Германии было бы заниматься политикой по отношению к славянам.

Национальное чувство, писал также Зибель, осознается вполне ясно только там, где национальная субстанция получила живое и прочное во-

площение в соответствующей форме государственного устройства. В период переселения народов такое стремление существовало, но выражалось оно в чувстве национального единства не всей нации, но отдельных племен. Когда империя соединила все племена, то обособленность каждого из них еще продолжала некоторое время существовать. Но все-таки постоянное соприкосновение германских племен друг с другом все более и более расширяло узкий горизонт племенного родства. Ведь то, чего не создавали германцы, существовало на самом деле. Единство национальности, о которой совсем не думали, все-таки жило в крови и языке, в симпатиях и антипатиях, и чем сильнее высказывались эти интересы при распадении монархии Карла Великого, тем интенсивнее должно было быть их ощущение, тем крепче сознание национального единства.

Таким образом, по Зибелю выходит, что то, что не сознается, — то все-таки существует и оказывает влияние на исторический ход событий. Зибель признает, значит, бессознательное, инстинктивное стремление германской нации сплотиться в одно целое, независимо от того, является ли это стремление фактором при распадении монархии Карла или нет.⁸

Людовик Благочестивый

Теперь перейдем к изложению главных фактов, следовавших за смертью Карла Великого (814).⁹ После его смерти на престол вступает старший сын короля Людовик Благочестивый (814–840).

Прежде представляли Людовика Благочестивого человеком слабым, отдавшим власть в руки приближенных, подпавшим под их влияние; думали, что он был человеком бесхарактерным, знавшим только две страсти и не заботившимся больше ни о чем, кроме охоты и монашеской жизни. Однако новейшие исследования Симсона (Simson В.) приводят к совершенно другим выводам.¹⁰ Симсон доказал, что Людовик обладал энергией и не имел только постоянства и выдержки. Он, правда, полагался на других и предавался монашеской жизни, допуская большое влияние духовенства в делах государства. Влияние это и склонность к монашеской жизни выразились у него, между прочим, в том, что он основал массу монастырей, раздал немало иммунитетных грамот. При нем был построен Корвейский монастырь в Саксонии, колония монастыря Корби во Франции на Сомме. Также он заботился о распространении христианства внутри Германии и между племенами, при нем была основана епископская кафедра в Гамбурге. В начале царствования Людовика все шло мирно, за исключением нашествия норманнов во Фрисландию; впрочем, норманны не составляли тогда угрозы для Европы.

Людовик был назначен императором по просьбе Карла Великого на ассамблее в Ахене в 813 году без содействия папы.¹¹ Раздосадованный этим, папа Лев III вздумал не признавать власти его над Римом и прилегающими к нему областями и присвоить себе светскую власть в них.¹² Он самовластно казнил нескольких римских вельмож, обвинив их в намерении убить его, но решение дела отдал на усмотрение уполномочен-

ного императора. Людовик поручил своему племяннику провести следствие в Риме. Тогда папе пришлось отправить посольство к Людовику с оправданиями; через некоторое время папа умер. Преемник его, римский вельможа, принявший имя Стефана IV, тотчас же послал уведомление императору, что избран папой; он велел римлянам присягнуть на верность императору и выразил желание приехать к нему.¹³ Людовик согласился и велел лангобардскому королю проводить папу через Альпы. В 816 году папа Стефан прибыл в Реймс. Когда он подъезжал к городу, Людовик с епископами и всем двором вышел навстречу, поклонился до земли и проводил в назначенное ему жилище.

На следующее воскресенье папа отправился с Людовиком и супругой его Эрменгардой в Реймский собор и при совершении литургии возложил на голову короля великолепную корону, которую привез из Рима; возложил корону и на королеву.

Коронуя императора, римские епископы ловким расчетом поддерживали мысль, что коронование папой необходимо для императора, хотя бы он уже был выбран на ассамблее раньше того. Но сам Людовик не придавал коронации никакого особенного значения и считал годы царствования не со времени коронации, а со дня смерти отца – Карла Великого.

Папа же этим обрядом сохранял для римских епископов право духовно узаконивать императорский титул и иметь поддержку сильного короля. Сам Стефан не пытался изменить существующие отношения и, называя себя владетелем Рима, признавал императора государем этого рода.

В 817 году Людовик под влиянием духовных советников, особенно аббата Вала,¹⁴ разделил свои земли между тремя сыновьями: Лотарем, Пипином, Людовиком. Этот раздел был только уступкой для вида древним франкским обычаям, так как земли, данные Пипину и Людовику вместе, очень были малы в сравнении с наделом старшего их брата. Таким образом, единство империи не было разрушено этим разделом.

Пипин получил Аквитанию, Людовик – Баварию, а Лотарь – титул императора, но земли не получил. Тогда же он был назначен в соправители отца, хотя его имя еще долго не встречается на грамотах рядом с именем отца, а на монетах его изображение еще не скоро появится наряду с отцовским. Акт о разделе дошел до нас. В нем также упоминалось, что если кто из братьев умрет, нового раздела наследства не будет, надо только определить наследника умершего. Если же умрет Лотарь, то вельможи должны спросить Божьего благословения на то, чтобы узнать, кто из двух оставшихся братьев должен заменить короля, получить императорскую власть. Людовик и Пипин получили владения, бывшие достаточно независимыми в империи Каролингов. Бавария долго до завоевания ее Карлом Великим была самостоятельна, ее князья считали себя вполне свободными в действиях и управлении; также и Аквитания, которая, находясь на рубеже военных действий против мавров, давно имела своих самостоятельных герцогов.

Непосредственным следствием этого раздела стало восстание в Италии короля Бернара – сына Пипина, племянника императора. Так как

Лотарь был провозглашен императором, Бернар должен был готовиться потерять свои земли в Италии. Он возмутился и двинулся на север с вооруженными силами. В этом случае Людовик обнаружил энергию, которую за ним долго не хотели признавать. Он быстро разослал требования войска к своим вассалам (эти требования дошли до нас). И хотя требования были суровы и тяжелы, вассалы подчинились – и вскоре Бернар был схвачен. Император отдал его на суд франков, который приговорил короля к смерти. Людовик же заменил смерть ослеплением.¹⁵ Это страшное дело, обычное для византийского двора, тяготило душу бесхарактерного Людовика, согласившегося на него. В 822 году он публично каялся в этом преступлении.

Жена Людовика – Эрменгарда – умерла в 818 году. По свидетельству хроник, король был в отчаянии и даже собирался принять постриг. Через год он решает вновь жениться и выбирает Юдифь, дочь баварского герцога Вельфа. Она скоро приобрела влияние на мужа и играла большую роль в его жизни. Образованная аристократка, Юдифь любила литературу и искусства. В 823 году у Людовика родился сын Карл, прозванный впоследствии Лысым. Все помыслы Юдифи были обращены на то, чтобы доставить Карлу как можно больше земель, в ущерб его старшим братьям. Сначала она хотела привлечь на свою сторону старшего сына Людовика – Лотаря; около 825 года его имя является на актах наряду с именем отца, на монетах чеканят головы отца и сына. Действительно, Лотарь дал обещание защищать Карла и его будущий удел. Само собой, что будь дан Карлу такой же удел, как и братьям, все обошлось бы мирно. Однако Лотарь, вероятно, понял, что стремления Юдифи и Людовика идут дальше того, о чем они с ним говорят. И вскоре наступило охлаждение между сыном и отцом с мачехой. В 826 году в Испанской марке произошло восстание. Людовик велел вельможам, подданным своим, помочь королю Аквитании. Это были Гугон Турский и Матфрид Орлеанский, которые проявляли сочувствие Лотарю. Пока они успели приехать с помощью, восставшие и их союзники арабы взяли много добычи и ушли с нею. Действия Гугона и Матфрида признали как умышленно небрежные. Сторонники Юдифи говорили, что те преднамеренно медлили идти против мятежников по ненависти к маркграфу Барселонскому Бернару. На сейме в Ахене (828 год) Людовик сместил графа Орлеанского с должности, что, кстати, говорит о том, что должность эта не была еще наследственной. Так что Лотарь имел основания быть недовольным императрицей Юдифью. А Бернар Барселонский, храбрый и опытный, который перед тем долго боролся с маврами на юге Франции, был приближен ко двору и стараниями Юдифи назначен камерарием (казначеем). Враги и завистники Юдифи, в том числе хронисты, называют Бернара любовником императрицы, но, зная ее горячую любовь к сыну и заботу о нем, для нас нет надобности этому верить.

В 829 году на сейме, созванном в Вормсе, был составлен новый раздел империи.¹⁶ Отличие от предыдущего состояло в выделении новых областей шестилетнему Карлу – областей, состоящих из Аллемании и верхней Бургундии. Эти владения несколько напоминают последующую монархию Карла Бургундского. Таким образом, Карл Лысый получал боль-

шую часть; важно также и то, что этим решением владения Лотаря делились на две области с двумя центрами – Ахеном и Реймсом. Аллемания – земля первого германского племени, поселившегося в нынешнем Вюртемберге, Бадене и, после долгой борьбы, в Эльзасе, откуда они вытеснили франков. Также заняли они нынешнюю немецкую Швейцарию, то есть кантоны Берн, Цюрих и другие. Аллеманы, завоеватели и язычники, долго не поддавались римскому влиянию, тогда как бургунды быстро романизировались. Таким образом, единство империи нарушалось.

Новый раздел, как и следовало ожидать, возбудил сильную оппозицию среди духовной аристократии. Она стала возбуждать сыновей против отца. Так как нарушителем единства стал Людовик, то защитником империи, представителем интересов единства, естественно, являлся Лотарь. Неудовольствие это обнаружилось в 830 году, когда был объявлен поход на бриттов в Арморике. Бернар, граф Барселонский, назначенный предводителем в этом походе, целым рядом удачных битв и походов заставил покориться герцогство Арморика. Кажется, однако, что он умышленно оскорбил духовенство, предприняв поход в Страстную пятницу, то есть в день, когда походы воспрещались. Духовенство дало знать Пипину, сыну Людовика Благочестивого, правителю Аквитании, что поход предпринят, собственно, против него, что покорение Арморики только уловка. Вала, аббат в Корби, убедил его попытаться избавить отца от «колдовства» Юдифи.

Вспыхнуло восстание против Бернара, графа Барселонского, и Людовика Благочестивого. Вскоре к Пипину присоединился его брат Людовик Баварский, которого отец подозревал в возможной измене и долго не отпускал от себя. Им на помощь шел Лотарь из Италии. Цели похода братьев: смерть Бернара, удаление Карла, сына Юдифи, и восстановление договора 817 года о разделе империи. Силы их были слишком велики, поэтому скоро Бернар, с согласия Людовика Благочестивого и Юдифи, был удален от двора. Сам же Людовик, Юдифь и Карл отдались в руки сыновьям.

Людовик не согласился на требования сыновей отказаться от императорской короны и стать монахом. Он сумел добиться встречи с Пипином и Людовиком Баварским, а также настоял на том, чтобы созвать сейм в городе Нимвеген, то есть в областях немецких, решить там все дела и уладить недоразумения. Результатом сейма была поддержка Людовика Благочестивого и возвращение Юдифи и Бернара, а также заключение аббата Вала в монастырь. На собрании не нашлось никого, чтобы поддержать обвинения против Юдифи. Она на следующем сейме, в Ахене, приняла очистительную присягу в знак своей невиновности. Бернар также заявил на сейме (сейм по юридическому значению равнялся королевскому суду) о своей невиновности и по франкскому обычаю пригласил обвинителей на судебный поединок. Никто не вышел, тогда и Бернар произнес очистительную присягу. После сейма он вновь занял высокое положение при дворе, но все же не первое место, как прежде. Людовик Благочестивый снова стал полновластным императором. Лотарь принужден был смириться и уступить. Однако надо иметь в виду, что немалую роль в борьбе сыновей и отца играла светская аристократия.

Людовик, чувствуя себя глубоко оскорбленным, летом постарался отомстить оскорбителям. Он вызвал Пипина Аквитанского, которым был недоволен за его неявку на сейм. Когда сын, наконец, явился, то был встречен неблагосклонно и отдан под стражу, но сумел бежать в свой удел. Людовик созвал в Орлеане сейм, чтобы судить непокорного сына как мятежника. Также ему доложили, что другой сын – Людовик Баварский – недоволен отцом. Тогда император с ополчением направился против него. Людовик, видя свою слабость, отступил; затем, явившись в Аугсбург к отцу, просил прощения, подчинившись тем условиям, на которых отец согласился его простить. Теперь император мог направить свои силы против Пипина, который тоже оказался не в силах бороться с отцом. Из Аквитании Пипин удалился в Трир, откуда бежал. Людовик отобрал у него удел, который был передан Карлу Лысому.

Но тут поднялся ропот, что передачей Аквитании нарушен договор 817 года о разделе империи. Опять противниками Юдифи выступают магнаты и аббат Вала. Начинается борьба Людовика Благочестивого с сыновьями. В борьбе 833 года он и победил бы, но сыновьям оказал помощь папа Григорий IV.¹⁷ Может быть, причиной этого стало недовольство папы Людовиком Благочестивым за то, что он напрасно ждал согласия императора на посвящение в папы; может быть, папа был недоволен нарушением договора 817 года, освященного его предшественником; может быть – другие причины, например то, что Италии угрожали сарацины и папа надеялся на помощь Лотаря.

Когда папа принял сторону Лотаря, франкское духовенство разделилось на две партии. Выставляя себя посредником, желающим прекратить раздоры, папа требовал повиновения от епископов и аббатов, но медлил ехать к императору. Между тем большинство франкских епископов, в особенности на востоке и севере государства, держались стороны Людовика. По приглашению императора они собрались в Вормсе, дали друг другу обещание оставаться верными Людовику и послали Григорию требование, чтобы он немедленно приехал. Они заявляли, что если папа остается верен своей присяге императору, то будет принят с почестью, а если станет упорствовать в своей вражде против законного государя – они отказывают ему в послушании; они даже угрожали отлучить от церкви и низложить его самого и епископов его партии. Григорий испугался. Однако аббат Вала, ссылаясь на постановления соборов и распоряжения прежних пап, доказал Григорию, что папа обязан охранять мир церкви и что он имеет право суда над всеми епископами, в то время как сам не подлежит ничему суду. Ободренный и убежденный Валой в своей правоте, папа заявил франкским епископам, что их решение незаконно, что они не имеют никакого права отделяться от Вселенской церкви и подвергать в его, папы Григория, лице унижению Апостольский престол.

Людовик Благочестивый в 833 году выступил против сыновей из Вормса по долине от Страсбурга к Базелю. Близ эльзасского императорского имения Кольмара, на равнине Красное поле (Rothfeld) он сошелся с войсками сыновей, среди которых находился и папа. Они послали ему уверения в своей сыновней преданности, и что они только защищают сейчас свои права, нарушенные враждебной им партией. Папа как по-

средник поехал к Людовику, чтобы дело решилось миром. Людовик Благочестивый встретил его на коне и сказал, что не решается оказать обычных почестей, так как папа явился без приглашения. Папа ответил, что явился для восстановления мира. Людовик допустил папу в свой лагерь и стал оказывать знаки уважения. Начавшиеся переговоры, длившиеся несколько дней, отсрочили битву, и это погубило Людовика Благочестивого. Выступая в поход, он взял со своих воинов клятву неизменно защищать его; однако во время перемирия, пока шли переговоры, они бывали у неприятеля. Одни оказались обольщены врагами и перешли на сторону сыновей императора, другие – боялись многочисленности войска противника. Многие считали виновной в раздоре отца и сыновей императрицу Юдифь, о которой была молва, что она нарушала супружескую верность, что она – колдунья, захватившая власть над одураченным мужем посредством волшебства. Многие пошли с императором на войну против воли и оставались в войске только из стыда нарушить присягу, которую недавно дали. Мятежники успокаивали совесть этих людей, объясняя, что присяга оставаться верным порядку, установленному в 817 году, не менее священна, чем присяга императору; говорили, что если они перейдут на сторону сыновей, то мир восстановится без кровопролития; словом, инсургенты употребляли всяческие обещания и угрозы, чтобы поколебать верность воинов Людовика. План их вполне удался. Во время переговоров многие воины Людовика перешли на сторону его сыновей. Папа вернулся от Людовика с предложениями, оставлявшими сыновьям мало надежды на мирное разрешение дела.

Надобно было ожидать битвы. Однако в ночь по возвращении папы воины императора целыми толпами шли в стан Лотаря. На следующее утро, в день Петра и Павла, при Людовике остались только немногие воины и несколько епископов. Из стана сыновей донесся боевой крик. Оставшиеся при императоре видели, что если дождутся нападения, то погибнут. Людовик велел им идти к его сыновьям, сказав, что не хочет, чтобы кто-нибудь был убит или ранен за него. Сыновья прислали клятвенное уверение, что жизнь Юдифи и Карла не подвергнется никакой опасности. Тогда Людовик вместе с женой, сыном и небольшой свитой поехал из опустевшего стана к мятежным сыновьям и отдался во власть их. С ними поступили как с пленными, посадили под стражу. Юдифь была отправлена за Альпы, в Тортону, а Карла заточили в монастырь.

Таким образом, без всякого кровопролития власть перешла из рук Людовика в руки Лотаря. Но эта легкая победа подорвала уважение к династии. Масса народа гнушалась изменой, жертвой которой стал Людовик. Летописи того времени замечают, что это предательство было позором франков. Красное поле (Rothfeld, campus rubin) народ стал называть с тех пор Полеми лжи (Lugenfeld, memtitus campus).

Одержав победу над отцом, Лотарь стал вести себя как император. Чтобы дать этому акту легальное значение, он назначил сейм в Нейстрии в Париже. Между тем Григорий IV вернулся в Рим, сожалея о своей поездке. Он не примирил враждующих, как был обязан римский епис-

коп, а послужил орудием для честолюбия мятежных сыновей императора, освятил своим одобрением измену.

На парижский сейм Лотарь отправился с отцом, но оставил его в аббатстве Сен-Медард в Суассоне. Заметно было большое сочувствие к несчастному императору. В монастыре император проводил тяжелые дни. Но никакими убеждениями и угрозами нельзя было принудить его к отречению от императорского сана; осталось напрасно даже ложное известие, что Юдифь, постриженная в монахини, умерла, а Карл пострижен в монахи. Людовик служил по своей жене заупокойную мессу. Низложить отца формальным порядком Лотарь не решился, опасаясь возбудить сопротивление, поэтому было употреблено другое средство. Существовало папское постановление, говорившее, что человек, подвергнутый за тяжкие преступления церковному покаянию, теряет право носить оружие и должен пойти в монахи или всю жизнь оставаться лишенным гражданских прав. Это постановление не было принято в церковное франкское право, но парижский сейм использовал его, чтобы устранить Людовика от власти. К императору отправили нескольких епископов, чтобы убедить в необходимости совершить церковное покаяние в грехах. Людовик по своей набожности согласился. Лотарь в сопровождении светских и духовных вельмож приехал в Суассон присутствовать при унижении отца. В церкви Святого Медарда, наполненной народом, Людовик в одежде кающегося стал на колени и прочел написанную для него формулу покаяния, в которой перечислялись тяжкие грехи его — и прежние, в которых он уже приносил покаяние раньше, и новые.

Людовик плакал, читая покаяние; кончив чтение, он снял с себя перевязь, на которой был меч, архиепископ Эббон Реймский¹⁸ надел на него одежду человека, находящегося под церковным наказанием, и сказал ему, что он отныне не может носить оружия и должен посвятить себя исключительно молитве Богу. Подвергнув Людовика этому унижению, его отвели назад в монастырскую келью; но он по-прежнему не соглашался на пострижение в монахи. Лотарь увез его в Компьен, потом в Ахен, где должен был собраться сейм.

Однако все это привело к тому, что общественное мнение склоняется в пользу Людовика. Епископы поспешили снять с Людовика интердикт и объявили его в 834 году невиновным. Когда Людовик снова появился среди народа, опоясанный мечом, массы народа встретили его с энтузиазмом. Пипин и Людовик Баварский вполне помирились с отцом, а Лотарь, не считая себя в безопасности, спасается бегством; Юдифь опять возвратилась из Италии к мужу. Четыре наиболее враждебных Людовику епископа были лишены своих кафедр. После примирения младших сыновей Людовика один только Лотарь продолжал враждовать с отцом, поддерживаемый графами Нантским и Турским. Борьба шла некоторое время и окончилась тем, что Лотарь прибег к великодушью отца. Людовик оставил ему только Италию, отняв другие владения. Помощники Лотаря были наказаны отнятием у них ленов.

К этому времени относится проект нового раздела. Юдифь вскоре по своем возвращении опять приступает к своему плану сближения с Лотарем, чтобы при его помощи отобрать земли у братьев и оставить поболь-

ше уделов Карлу. Так, по смерти Пипина его земля – Аквитания – была отнята у его сына¹⁹ и разделена между Лотарем и Карлом (по акту 817 года удел одного из умерших королей должен достаться избранному по народному голосованию). Людовик Баварский, обиженный тем, что ничего не получил после смерти брата, поднял восстание. Против него выступил в поход сам император, но по дороге он заболел и на одном из маленьких рейнских островов в виду Имгельгейма скончался в июне 840 года.

После его смерти Лотарь, Людовик Баварский и Карл Лысый не могли долго оставаться в мире. Младшие братья вооружились против деспотизма старшего, представителя власти и единства монархии.²⁰ В 841 году произошла известная битва при Фонтенуа-ан-Пуизе (Fontenoy en Puisaye), где войска Лотаря потерпели поражение. Говорят, что пало 30 тысяч воинов.²¹ Впечатление от этой кровопролитной битвы было ужасно.²² Людовик и Карл, чтобы теснее скрепить свой союз, сходятся у Страсбурга, где и происходит между ними знаменитая обоюдная клятва. Об этих событиях рассказывает Нитгард, внук Карла Великого по своей матери Берте, дочери Карла и жене графа Ангильберта. Нитгард, единственный светский писатель того времени, рассказывает нам следующее:

«Людовик (Немецкий) и Карл (Лысый) сошлись 14 февраля (842 год) в городе, известном прежде под именем Аргентория, а ныне его называют обыкновенно Страсбургом, и дали друг другу торжественную клятву, как она читается ниже: Людовик на романском языке, Карл на тевдийском (*lingva tevdisca*). Но прежде, нежели была произнесена клятва, они сказали речь собравшемуся народу: один по-романски, другой по-тевдийски. Людовик, как старший, начал и говорил так: “Вы знаете, как часто преследовал Лотарь этого моего брата по смерти отца и как он старался совершенно погубить его; ни братская любовь, ни христианское чувство, никакое другое средство не могли склонить его к сохранению справедливого мира с нами; поэтому мы решились наконец передать дела суду Божию и ожидать от него решения, какого каждый заслуживает. Как вам известно, мы вышли победителями из Божьего суда; он был побежден, и его приверженцы рассеялись, куда могли. Но, побуждаемые братской любовью и из жалости к христианскому народу, мы не хотели его истреблять совершенно; как прежде, так и теперь мы убеждали предоставить каждому его право.

Он не хотел, однако, подчиниться Божьему приговору и продолжает враждовать против меня и моего брата и опустошать наши земли огнем, грабежом и убийством. Поэтому мы, доведенные наконец до крайности, сошлись вместе и определили в вашем присутствии произнести клятву, чтобы вы не могли сомневаться в нашей верности и братской любви. И это все мы делаем, руководимые не незаконными страстями, но желанием, если Бог пошлет нам мир и спокойствие, обеспечить благосостояние нашего государства. Если же я, – чего упаси Боже, – попытаюсь нарушить клятву, данную моему брату, то каждый из вас освобождается от повиновения и присяги, которую мне вы дали”» (Nithardus. Hist. lib. III, 5).²³

Чрезвычайно интересно и характеристично обращение Людовика. Он говорил на романском языке, чтобы его поняли воины Карла. Наоборот, Карл говорил по-тевдийски, чтобы его поняли воины Людовика. Отсюда можно вывести, что Людовик обращается уже не к народу, который шел на войну, а к вассалам. Это подтверждается словами Людовика, что воины дали ему присягу, чего ополчение народное не делало. Текст клятвы сохранен Нитгардом на том и другом языке. *Lingva gotana*, на котором произносится клятва, не есть язык литературный латинский, язык церкви и самого Нитгарда. Это латинский говор в Галлии, из которого развивается язык французский. Впрочем, в тексте Нитгарда, как его обыкновенно печатают, есть много сомнительных форм. Французский текст исследован со стороны филологической, немецкий текст также критически разобран.

«Когда и Карл повторил те же самые слова, — продолжает Нитгард, — Людовик, как старший, первый произнес клятву в следующих выражениях: “Ради Божьей любви, ради христианского народа и нашего общего спасения впредь, насколько Бог даст мне силы, так я буду защищать этого моего брата Карла, помогая ему и всякими другими способами, как должно по правде защищать брата с тем условием, чтобы и он мне делал то же самое; и с Лотарем не вступлю никогда ни в какие сношения, которые заведомо мне, будут вредны этому моему брату Карлу”. “*Pro Deo amur et pro Christian poblo et nostro commun salvament, d’ist di in avant, in quant Deus savir et podir me dunat, si salvara eis cist meon fradre Karlo, et in adiudha et in cadhuna cosa, si cum om per dreit son fradra salvar d’ist, in o quid il mi altresi fazet*”» и так далее.

Когда же кончил Людовик, Карл прочел подобную же клятву на тевдийском языке. За клятвами обоих королей следует клятва войска:

«Если Людовик клятву, которою он своему брату Карлу клялся, сохранит, а Карл, мой государь со своей стороны того не сдержит, а я не буду в состоянии его удерживать и в том ему препятствовать, то никакой помощи против Людовика не окажу ему». Это произносили воины Карла, в том же клялись и войска Людовика», «каждое войско на своем языке» (Nithardus. Ibid.).

Тут в первый раз выступает на сцену различие двух народностей. Карл и Людовик знают по три языка, то есть латинский (литературный язык того времени) и разговорные французский и немецкий языки. Важно для нас также само название языка «тевдийский» (это одно из первых мест, где встречается это название). Общее выражение *Deutsch* сделалось народным только в X веке. До тех пор встречается язык тевдийский, который, однако, ничего общего с языком тевтонским не имел. С другой стороны, подданные Карла Лысого говорят только на романском языке.

В 843 году Лотарь был так стеснен братьями, что согласился на новый раздел земель, который был произведен на основании договора, заключенного в Вердене. Акт о разделе не дошел до нас. Людовик, владевший Баварией, получил земли между Рейном, Немецким морем, Эльбой и Альпами, то есть Зарейнскую Германию до Эльбы, часть Швейцарии и Австрийского Тироля; Карл, считавший своею собственностью Аквитанию, получил Септиманию, Испанскую марку, часть Бургундии, лежав-

шую на западе и на юге от Соны, всю Нейстрию, франкскую землю в тесном смысле слова, или, как тогда называлась эта часть северной Галлии, Францию, Бретань, Фландрию. В этих областях господствовало романское население.

Лотарь удержал за собой Италию, где ему пришлось выдерживать борьбу с сильными сарацинами, титул императора и промежуток между землями Карла и Людовика, то есть земли между Соной, Роной и Маасом на западе и Рейном – на востоке (то есть Прованс, Дофине, Франш-конте, Эльзас, Лотарингию и Швейцарию). Лотарингия получила название как *Lothaige regnum* от него – или, вернее, от Лотаря II. Владения Лотаря похожи на владения Карла Смелого, герцога Бургундского. Они располагались между двумя народностями и, представляя смешанное население из обеих народностей, долгое время служили яблоком раздора между французами и немцами.

В общем, деление монархии Карла Великого по Верденскому договору 843 года довольно правильно и не насильственно. Хотя в подробностях оно и уступает, но в общем соответствует трем национальностям: немецкой, итальянской и французской.

Конечно, мнение историков, что с этого документа, собственно, и начинается французская история, является крайностью; тут уже слишком преувеличено значение Верденского договора. Вообще же с договором 843 года привыкли связывать распадение монархии Карла Великого.

НОРМАННСКОЕ НАШЕСТВИЕ

Норманнское нашествие, к изложению которого мы перейдем, было по времени очень коротким.¹ Герцогство, основанное норманнами во Франции, называлось Нормандия, оно имело очень важное влияние на ход всей французской истории. Благодаря же нашествиям норманнов, может быть, произошло переустройство социального строя, который вел начало от римских времен.

Их нашествие оказало такое влияние на современников, что даже вошло в одну из легенд о Карле Великом. Древнее народное сказание передает, что Карл, увидев суда пиратов-норманнов, подходившие к одному из городов Южной Франции, заплакал, предвидя все те беды, которые нанесут эти люди Франции.²

Нашествия норманнов имели некоторое сходство с нашествиями германцев. Культура подвергалась той же опасности, как раньше со стороны германцев: они разорили много городов. Норманны, как грубые язычники, поклонники Одина, жгли монастыри, грабили и убивали христиан.

Я не буду говорить о причинах появления норманнов в Европе за неимением достаточного времени, замечу только, что в 787 году они появляются в первый раз в Англии и с этого времени их нашествия не прерываются. Причиной к переселению датчан считают обычай датских браков: в Дании существовала полигамия, что доказано и сагами, где некоторые герои имеют по 15 жен. Однако не все думают, что полигамия содействует большему возрастанию населения, чем моногамия. Был еще особый порядок наследования «по жребию». У отца семейства было исключительное право распоряжаться своими сыновьями, а потому он по жребию назначал наследство одному из сыновей, а остальные должны были удалиться из дома искать где угодно средства для жизни. Изучение права и быта норманнов, которых я отличаю от нордманнов (первые – жители Севера, вторые – переселенцы, занявшие Англию, Францию, Италию и другие земли), чрезвычайно важно для истории Англии. Время движения норманнов на материк, в Западную Европу, совпадает со временем движения их в Россию.

Норманны совершали частые набеги на легких судах длиною в 25 футов (длина весел равнялась 6 футам), вмещавших в себя 75 воинов. Но они были не столько хорошими моряками, сколько отличались на суше, сражаясь пешими. Они, однако, сражались и конными; быстро проникали вглубь страны и наносили быстрые и точные удары. Располагаясь лагерем, норманны окапывались, как римляне.

Приведем некоторые годы их вторжений, наиболее крупных. Норманны в 841 году достигли Руана, овладели городом, жителей без пощады перебили или увели в плен, разрушили монастыри, и только богатый выкуп удержал их от дальнейшего опустошения. В следующем году они прошли на Луару, во многие гавани.

В 843 году норманны опустошили юг Франции до города Тулузы, поднявшись по реке Гаронне; на обратном пути они опустошили Испанию, но были там разбиты арабами. В 845 году они дошли по Сене до Парижа, причем Карл Лысый откупился от них, уплатив семь тысяч фунтов серебра, жители тоже дали выкуп. В 846 году они заняли остров на Сене; в 847(848) году под предводительством датского короля Ногич'а норманны осадили город Бордо (Burdigal), а в 848 году опустошили многие другие города Франции. В 856 году – снова нападение на Париж, сожгли базилику Св. Петра и Св. Женеьевы. До 858 года хозяйничали норманны в долинах Соммы и Сены. Жестокость к побежденным, истребление жатвы и посевов, разрушение и разграбление монастырей, осмеивание христианских обрядов сопровождали их пребывание. При этом чрезвычайно много погибло рукописей.

В 862 году толпа датчан была разбита Карлом на берегах Сены. Это движение норманнов чрезвычайно важно, так как оно совпадает с важным годом для русской истории. Арабские источники в этом случае подтверждают наши. Может быть, норманны угрожали Византии со Средиземного моря, очень близко сходясь с движением Аскольда и Дира. После поражения, которое они потерпели от Карла, они явились в Бретань, где более всего оставалось кельтских обычаев, в страну наиболее независимую, управляемую герцогом Соламоном, принявшим впоследствии титул короля. Бретонцы поддерживали норманнов, так как стремились к самостоятельности и находили в лице норманнов союзников против нейстрийцев. Сюда впоследствии переселялись даны из Италии.

Таким образом, норманны каждый год совершали опустошения в земле франков. Карл Лысый до 877 года не мог им противостоять.

Припомним, что династия Каролингов возвысилась благодаря отпору, который дал маврам, угрожавшим европейской цивилизации и христианству, Карл Мартелл; подобно тому как Лев Исавр стал родоначальником династии благодаря отпору движению мусульман с Востока. Так и Карлу Лысому предстояло теперь отразить норманнов. Но он оказался бессильен, и теперь возвышается династия Капетингов, или первоначально Робертинская, родоначальником которой был Роберт Сильный. Для борьбы с норманнами Париж отдан был в лен Роберту Сильному, который получил также Анжу и Турень. Прежде Париж был известен под римским именем – Лютеция. Здесь любил бывать Хлодвиг.³ Теперь Париж является центром оплота от норманнов, и с этого времени он удерживает и все увеличивает свое значение.

Мы имеем много таких городов, обязанных своим возвышением тому, что они служили центром отпора врагу; примерами могут служить: Берлин, центр Бранденбургской марки, основанной на славянской земле и против славян, также Вена, главный город Австрийской марки, учрежденной для борьбы с мадьярами.

Итак, власть в области близ Сены была поручена Роберту Сильному и марка отдана ему в виде вассального владения. Является вопрос: кто же он был, какой он национальности?

А. Тьерри смотрел на Роберта как на романца или франка. Однако мы имеем свидетельства летописца X века Рихерия, который называет Ро-

берта Сильного германцем. А. Люшер (*Histoire des institutions monarchiques*. P., 1883) в вопросе о происхождении Роберта использовал хронику Рихерия.⁴ Однако другие историки указывают на связь Роберта с землями среднего течения Луары, на его аллоды, которые находились по большей части там же; наконец — на имена (Гуго, Одон — сын Роберта), которые принадлежали наиболее древним фамилиям Тура и Блуа, то есть областей чисто романских. Рихерий, говорят защитники романского происхождения Роберта Сильного, смешал происхождение матери с происхождением отца (известно, что мать Гуго Капета была саксонка), что и привело к путанице. Но все-таки трудно предположить, что прав Рихерий, имея в виду, что его хроника гораздо более поздняя по времени, чем события жизни Роберта Сильного. Можно, однако, примирить оба мнения, предположив, что отец Роберта Сильного был сакс, переселенный Карлом Великим в Нейстрию, и что его аллоды не что иное, как бенефиции Карла. Когда эта фамилия утвердилась во Франции, то она породнилась с магнатами Тура и Блуа, чем объясняются местные имена Капетингов. Роберт Сильный, таким образом, был уже не чистый сакс, его природный язык был романский.

В 852 году Роберт Сильный — уже «светский аббат» монастырей Св. Мармутье и Св. Мартина в Туре, так как он получил во владение земли этих монастырей.⁵ Кроме того, он носит титул графа Тура (*dux Turoni*) и Анжера. Карл Лысый в 865 году сделал его маркизом Анжу (в бассейне реки Луары). Все это время он ведет неутомимую борьбу с датчанами, за что и получает прозвание Храброго или Сильного. В 865 году Западное франкское государство подверглось нашествию норманнов. Этот эпизод имеет большое значение, так как тогда на первый план выступает знаменитая династия Робертинская, родоначальник которой Роберт Сильный прославился героической защитой Парижа. Одна часть норманнов поднялась вверх по Луаре до аббатства Св. Бенедикта, до Орлеана, сожгла безнаказанно город и возвратилась в свой стан, потом во второй раз осадила Пуатье. Одновременно другая флотилия норманнов ворвалась в Сену, вверх по реке достигла Парижа, овладев аббатством Св. Дионисия, в котором хранилась национальная святыня, до сих пор неприкосновенная. Толпа норманнов грабила три недели в этом месте. Тогда король Карл Лысый отсутствовал, так как вел переговоры со своим братом Людовиком Немецким в Кельне.

Роберт Сильный во всех случаях приходил на помощь парижанам, осажденным норманнами. Но он не мог здесь долго оставаться, защитником должен быть король — Карл Лысый. Последний оказался не на высоте своего положения, когда явился на помощь: он заключил унижительный договор с норманнами (что делалось и еще несколько раз), по которому обязался заплатить некоторую сумму денег, а также, что было особенно унижительно для франков, уплатить виру за убитых норманнов.

Роберт Сильный пал в сражении с норманнами в битве вблизи Анжера, явившись на помощь местным жителям; целый день он боролся с отрядом норманнов. Их вождь, знаменитый Гастинг, заперся в базилике. После заката солнца Роберт снял с себя вооружение — кольчугу и шлем, потому что был истомлен от зноя. В это самое время Гастинг сделал из

церкви вылазку, встретился с Робертом в поединке и нанес ему рану, от которой тот пал. О Роберте сохранилась память как о национальном герое. Он оставил после себя двух сыновей, которые были слишком молоды, чтобы поручить им владения отца, тем более что земли эти имели большое значение в борьбе с норманнами. Современные событиям анналы так и говорят, что герцогство не могло быть поручено сыновьям Роберта, потому что они были слишком молоды.

Значит, уже в 866 году, то есть раньше Керсийского капитулярия, установилось правило, что должность графа была наследственной, естественным образом переходящей от отца к сыну. Однако возможно, что это еще не вошло в обычай. Тяжелая обязанность защиты государства от норманнов перешла Гугону, двоюродному брату Карла Лысого. Главные лены Роберта, а также его бенефиции, все должности и земли, соединенные с ними, — все перешло Гугону. Сын Роберта Одон получил только несколько ленов. Позднее Одон носит титул графа Парижского, а еще позднее, после смерти Hugou Abbas (как называли Гугона), он получил дукаты отца. Одон (Eudes) еще более, чем отец, прославился двухлетней защитой Парижа от норманнов (885–886).

Таким образом, норманны, несмотря на договор с Карлом Лысым, почти ежегодно вторгались во Францию и причиняли страшные опустошения. Карл Лысый был не в состоянии противостоять им.

Он более заботился о получении императорской короны, чем о принятии мер против норманнов. После смерти Лотаря императорская корона должна была перейти в род Людовика Немецкого. Но Карл Лысый успел при помощи папы Иоанна VIII стать императором. Это случилось в римском соборе Святого Петра в Рождество 875 года. Хроники отмечают, что он принял даже облачение — длинную одежду, заимствованную из Византии, хотя одеяние это возбуждало всеобщие насмешки его воинственной свиты. Императорские стремления мешали ему исполнять ближайшие национальные французские задачи. Карл был более образован, чем все современные ему короли. При его дворе процветали школы; для него переписывались знаменитые рукописи, из них некоторые сохранились. На одной миниатюре, например, изображено поднесение Евангелия Карлу.⁶

В 877 году Карл Лысый по возвращении из неудачного похода в Италию умер. За время царствования Карл только однажды разбил норманнов. Ему наследовал сначала сын — Людовик Косноязычный, правивший только два года (877–878), а потом внук — сын Людовика Косноязычного, Людовик Третий. Последний одержал одну победу над норманнами при Сокуре (Saucourt в Северной Франции) в 881 году.⁷ Современная хроника говорит: «Норманны, разбитые здесь, возродились снова; король Людовик построил здесь деревянный замок». Таких замков возникло много, их строил не только король, но и феодалы. Король, однако, не нашел никого, кто взялся бы защищать построенный им замок. Сам факт победы, тем не менее, интересен, так как показывает, что если не сын Карла Лысого, так внук его способен был к героическому действию и служит примером против тех, кто говорит о вырождении Каролингов.

В 882 году умер сначала Людовик III, а потом Карломан (брат Людовика III) — от раны на охоте, так что оставалось в живых только два Каролинга: пятилетний Карл или Карл Простой, от второй жены Людовика Косноязычного, и Карл Толстый — сын Людовика Немецкого. Смерть Людовика III последовала в самое критическое время для Франции. Вся страна покрыта развалинами, на улицах и дорогах валялись трупы убитых, все церкви разрушены, так что на одном из соборов решено было искать выход из этого ужасного положения в договоре с норманнами. Один обращенный в христианство датчанин, Зигфрид, был отправлен в качестве посредника к своим соотечественникам, и с его помощью состоялось перемирие на 12 лет, в продолжение которых они должны были воздерживаться от нападений на Западную Францию, за что им выплачивали 12 тысяч франков чистого серебра. В это время умер Карломан, а часть норманнов, не сдержав условий заключенного с ним договора, устремилась на Лотарингию и заняла город Левен (Loewen).

Опасность со стороны норманнов, которые утверждали, что с них после смерти короля обязательства снимаются, заставила Гуго и других магнатов присягнуть Карлу Толстому, в собственном королевстве Карл Толстый вел дела не совсем успешно и умел только откупаться. Посредством Негибанд собирались денежные поборы с жителей, обязанных нести военную службу, деньги эти шли на уплату норманнам. Так вел дело Карл Толстый в Германии, такой же политики он стал придерживаться и во Франции, будучи признан королем за малолетнего Карла Простого. Теперь еще раз Париж, Рим и Ахен соединились под одной властью. Вся монархия Карла Великого снова у Каролингов. Только Бургундия не вошла в состав этого королевства, так как Бозо, родственник Каролингов по женской линии, провозгласил себя королем Арелатского королевства (от названия главного города Arles, Arelate).⁸ Карл пригласил новых подданных, западных франков, помочь ему прогнать норманнов из Лотарингии. Предприятие это не удалось вследствие храброго отпора норманнов, засевших в Левене, и вместо того, чтобы помочь Франции, Карл Толстый навлек на себя новое нашествие. Норманны объявили, что франки сами не исполняют условий договора, заключенного Карломаном, соединившись против них с Карлом Толстым, и снова вторглись в Нейстрию. Интересным эпизодом нового нашествия является осада Парижа норманнами в 885 году. Об этом втором нашествии норманнов на Париж мы можем узнать подробно, так как помимо современных событию хроник есть отдельное сочинение, посвященное этому эпизоду и сообщающее много подробностей. Это сочинение Аббона, не только современника, но и участника событий, аббата монастыря Святого Германа. Он очень близко знал деятелей Франции, боровшихся с норманнами, и описывал то, что видел сам. Однако большим недостатком этого труда является темный и тяжелый язык, так что можно повторить выражение Фримана про него, что он написал «на вавилонском наречии вместо латинского».⁹ Аббон любил употреблять греческие слова; кроме того, он вздумал писать гекзаметром. Он сам чувствовал, что не все его поймут, поэтому присоединил к своей книге нечто вроде словаря.

Аббон, как очевидец, сообщает много интересных подробностей. Сочинение он задумал в форме художественной поэмы. Начинается оно с похвалы городу Парижу, который прежде назывался Лютеция, Lutetia Parisiorum; со временем собственное кельтское название исчезло и осталось только Parisii, то есть название народа – паризиев. Автор впадает в естественное преувеличение, представляя Париж как один из мировых городов. Из его описания видно, что центр Парижа находился на острове между берегами Сены, в Cité. Старый римский город – город Юлиана, расположен на левом берегу Сены; название его Quartier Latin.¹⁰ Водопроводы, дворец сохраняют память римской эпохи. С предместьем остров связан двумя мостами. Далее Аббон сообщает краткую характеристику главных действующих лиц. На первом плане у него Одон, граф Парижский, сын Роберта Сильного, потом брат его Роберт. Затем следует, епископ Парижский – Гаузлинг (Гозлен), который отличался военным талантом. Епископы приходили во главе военных сил, как и, наоборот, светские лица (Роберт Сильный) становились аббатами монастырей, получая с них доходы. Также и Эбол (Ebolus), аббат Сен-Жерменского монастыря, более всего знаком Аббону, так как Аббон был там монахом. Военные подвиги своего аббата наш писатель описывает с особенной любовью; например, он пишет, что аббат с такой силой метал стрелы, что мог пронзить сразу семь датчан.

На правом берегу Сены, где центр Парижа, был в данное время замок Châtelet. Норманны явились на лодках и судах (из устья Сены) в числе 30 тысяч человек. Они надеялись захватить Châtelet. Несмотря на неоднократные попытки, штурм норманнов был неудачен. Тут распоряжался Гаузлинг. Он и граф Одон ночью закончили строить укрепления. Норманны перешли к правильной осаде острова. Мосты с острова на обе стороны преграждали путь; укрепления, воздвигнутые по ту и другую сторону, не давали возможности идти далее. Несмотря, однако, на то, что язычники-варвары владели большим знанием военного искусства, дело затянулось, так как все усилия норманнов были парализованы Одоном и епископом. Сам епископ с осени 885 года до зимы делал приготовления. Вдруг, посреди приготовлений, в феврале 886 года поднялась вода и разрушила меньший мост, который соединял Cité с левым берегом, вследствие чего была прервана связь между жителями собственно города (Cité) и укреплениями. Поддержки из города уже быть не могло; норманны направили свои действия на это укрепление. Осажденные могли быть только зрителями того, что там делалось, и помогать лишь молитвами. Укрепление на южном берегу было взято. Теперь норманны легко могли достигнуть цели: овладеть городом и идти дальше по реке. Епископ усомнился, что можно далее обороняться, и начал переговоры о выкупе. Однако он вскоре умер от утомления и горя. Теперь выступает на первый план Одон, сын Роберта Сильного. Он сумел пробудить энергию парижан, действуя своими речами, ибо обладал даром красноречия. Одон вышел из Парижа, успел пробраться к Карлу Толстому, объяснил ему безвыходное положение Парижа. Затем, с трудом пробившись через неприятельский отряд, преградивший ему путь, Одон, к великому ликованию народа, вернулся в осажденный город. Осада не была снята, город храбро защищался, но долго это не могло продолжаться вследствие истощения у горожан всех запасов.

Наконец на просьбы города о помощи откликнулся император. Он двинулся из Италии к своей столице; начало действий, однако, было неудачно. Предводителем передового отряда был маркграф Генрих, человек, на которого с надеждой устремились взоры осажденных. Но он оказался жертвой хитрости норманнов. Отправившись на рекогносцировку, маркграф попал с лошадью в ров, вырытый неприятелем и покрытый травой. Тут же норманны выскочили из засады и отрубили ему голову. Это одна из хитростей, которые часто использовали норманны и о которых много говорится в сагах. Известно также сожжение города голубьями – хитрость, упомянутая и в нашей летописи.¹¹

Наконец осенью 886 года подоспел и сам Карл Толстый с ополчением, состоявшим из вассалов, но не нашел более удобного средства освободить Париж, чем выкуп. Собрав деньги, необходимые для выкупа, с населения (Негiband), он заплатил требуемую сумму. Кроме того, норманны получили разрешение зимовать в Бургундии. Договор показался всем до того постыдным, что Одон и парижане отказались исполнить его условия и, когда норманны хотели пройти в Бургундию, жители не пропустили их.¹² В 887 году совершился всем известный факт – свержение с престола Карла Толстого. Все были недовольны его правлением, так что против короля поднялось общее восстание вассалов. Он был низложен без особенного труда и скоро умер от апоплексического удара. В Германии королем был провозглашен Арнульф, незаконный сын Карломана, внук Людовика Немецкого, и некоторое время эта ветвь там правила. А во Франции, во вновь образовавшемся центре Париже, королем был провозглашен Одон Парижский (888). Одона можно назвать первым французским королем (в отличие от Каролингов немецких), хотя с некоторыми оговорками. Одон не был основателем непрерывной династии, и целое столетие еще длилась борьба между Каролингским и Робертинским домом – до 987 года, года провозглашения королем Гуго Капета. Мы не будем исследовать этот факт в подробностях, но это нельзя объяснить так, как объясняет Тьерри. Он говорит, что здесь выдвигается вопрос о национальной системе французов, которые желали возвести на престол местную династию. Местная династия не была особенно прочна. Робертинская династия не менее обнаружила немецких тенденций, чем Каролингская. Недолго Одон был спокойным правителем. Он показал свои государственные устремления, желание обуздать своеволие магнатов: он боролся против наследственных должностей графов и герцогов. Этим Одон возбудил недовольство в магнатах духовных и светских, которые раньше содействовали его возвышению. Поэтому королем был провозглашен сын Людовика Косноязычного – Карл Простой, внук Карла Лысого. Вокруг Карла собрались магнаты и стали действовать как оппозиция Одону (может быть, их действиями руководили также старые родовые связи и привязанности). Одон, хотя и сумел удержать свои позиции, умирая, призвал сторонников, ради спокойствия и единства, признать королем Карла Простого. Он поступил так же, как Конрад, герцог Швабский, указав своим преемником герцога Саксонского. Королем стал Карл Простой, но правил недолго. У Одона был брат Роберт, также участвовавший в защите Парижа. Роберт начал борьбу с Карлом. В этой борьбе

важную роль играли норманны, которые походами и набегами содействовали пробуждению народного духа, народного самосознания и возвышению Робертинского дома. Можно сказать, что норманны содействовали основанию национальной французской династии.

Однако не одна Франция страдала от норманнов. Точно так же подвергались нападению норманнов и другие области, не входившие в состав Франции. Норманны вторглись на берега Саксонии, даже во Фрисландию. Большую опасность представляли также другие язычники восточного происхождения — мадьяры. От нападений норманнов страдала Южная Италия, часть Прованса, хотя эта область более терпела от сарацин. Если взять во внимание нападения норманнов, мадьяр, сарацин, то увидим, в каком опасном положении находился христианский мир. Он должен был бороться на три стороны. Поэтому неудивительно стремление каждого государства иметь своего отдельного защитника в лице своего короля.

Важное событие этого времени — образование герцогства Нормандского и обращение в христианство вождя норманнов — предоставило Франции опору от дальнейших их нашествий; образование герцогства важно и в том отношении, что имело влияние на борьбу двух существующих династий Западной Франции.

В борьбе с норманнами решительному объединению всех сил мешали постоянные споры о разделах. Эта постоянная вражда между членами одной фамилии даже прямо способствовала страшным набегам норманнов. Вновь возникающее национальное государство еще не чувствовало единства, и потому невозможно было и общее сопротивление врагу. До 888 года и после, до времени Карла Простого, вновь возведенного на престол, набеги норманнов имели более характер грабежа, как и в Англии, где норманны впервые упоминаются в 787 году, а потом начинаются поселения данов, с которыми борется король Альфред.¹³

Связь нашествий норманнов на Западную Францию и на Британию несомненна. И во Франции, и в Британии действовали одни и те же вожди, да и характер нашествия норманнов один и тот же: дело началось с набегов, потом второй период, когда появились поселения, как, например, Daneland (датская область) в Англии. Норманны также долго жили в Нортумберленде. Третий период — это времена политического завоевания, когда у данов является могущественный конунг Канут, когда Скандинавские государства сплотились и представили политически соединенное целое под властью одного государя. Нечто подобное замечается во Франции.*

* До сих пор нельзя сказать, что Нейстрия и королевство западных франков есть France: сознания единства еще не было. Ее называли «государством западных франков», а зарейнские земли — «государством восточных франков» (позже здесь область Франкония). Нельзя употреблять выражение «La France» с французской точки зрения, так как выражение «франки» еще говорит о немецкой народности, а выражение «французы» — о народности романской. У современных писателей встречаются выражения: или Gallia, или Нейстрия, или «государство западных франков», или — Франция, но это последнее — только по отношению к герцогству Иль-де-Франс Одона, который стал королем.

ОБРАЗОВАНИЕ ГЕРЦОГСТВА НОРМАНДСКОГО. ПЕРВЫЕ КАПЕТИНГИ

Один из «морских королей», Рагнальд, был известен в устьях Луары. От Луары норманны потянулись к Сене.¹⁴ Вдали от моря, посреди Франции, около нынешнего Шартра было основано поселение знаменитым Гастингом. Но эти поселения не имели важного исторического значения. Только одному из них суждено было играть важную историческую роль, а именно поселению, центром которого был Руан (Rothomagus).

Здесь поселился норманнский викинг Рольф (Hrolf, Rollon, Rou – так его звали в поздней переработке истории его жизни). Хотя Рольф – важная историческая личность, к сожалению, до утверждения во Франции его жизнь в точности неизвестна. О происхождении Рольфа ведется спор между датчанами и норвежцами. Стеенstrup в своих подробных исследованиях о норманнах причисляет его к датчанам.¹⁵ Был ли Роллон норвежец или датчанин, это имеет большой интерес не для удовлетворения национального самолюбия, но для объяснения участия датчан и норвежцев в деле основания большого поселения. Дудон Сен-Кантенский (главный источник) называет их Dani (даны); хотя это название имеет общее значение, оно обозначало не только жителей датских островов, но и жителей скандинавского севера.

Есть сказание в скандинавских сагах, записанных в XIII веке, содержание которых относится, однако, ко времени более отдаленному.*

В одной из таких саг говорится, что Рольф был сыном норвежского ярла и получил прозвание Gänger (ходок), потому что, будучи высокого роста, он не мог ездить на лошади, а принужден был ходить пешком. Рольф был удалый викинг. Король запретил всякие походы против пиратов без своего позволения. Рольф, возвращаясь из похода на берега Балтийского моря, нарушил запрещение короля, подверг его гневу и ушел в Валлонскую землю (Walla) – земли Западной Европы (Франция, Италия, Англия). Это сказание доказывает норвежское происхождение Рольфа. Очень многое можно было высказать против достоверности этого предания. В тождестве Gänger'a с Рольфом можно сомневаться, тем более что Дудо, норманнский историк начала XI века, много писавший по преданию, рассказывает другое: Рольф – сын знатного датского владельца. После смерти отца он разделил власть со своим братом. Король издал распоряжение, что часть молодых людей должна выселиться. Братья Рольф и Горих защищали этих людей против короля; они одержали победу, но король хитростью разбил их. Рольф удалился в Скандию (Скандинавию). Пробыв там некоторое время, он отправился в Англию, где вскоре одержал победу. Во сне, однако, ему было видение: идти дальше, во Францию; там он должен принять крещение и основать большое владение. Предание это доказывает, что Рольф был датчанин. И нет ничего невозможного, что Рольф действовал и в Англии. Достоверно известно, что

* Предполагают, что саги переходили из уст в уста в неизменном виде и потому ими можно пользоваться без всякого сомнения. Песни имеют право на достоверность, потому что поэтическая форма обеспечивает неизменность сказания.

он был при знаменитой осаде Парижа (885–886), прославившей Одо-на, но главной роли тогда не играл.

В 911 году при Карле Простом (внук Карла Лысого, сын Людовика Косноязычного)¹⁶ он укрепился около Руана при устье Сены. Место, им выбранное для поселения, было весьма важно: норманнское поселение заграждало выход из Парижа, и таким образом судьба герцогства Парижского теперь зависела от Рольфа. В том же году Рольф предпринял поход к Шартру и был разбит епископом этого города при помощи Роберта, брата Одона, действовавшего в союзе с Карлом Простым и Рудольфом, графом Бургундским. Несмотря на эту победу, которую хроники приписывали действию ризы Богородицы, вынесенной епископом на встречу врагам-норманнам, между Карлом и Рольфом все-таки начались переговоры. В 912 году заключен был мир, по которому за Рольфом оставлена территория Руанская, причем с него было взято обещание принять крещение и принести ленную присягу королю. Дудо рассказывает, что когда потребовали от Рольфа присягу и он должен был поцеловать ногу короля, то он отказался и поручил это сделать одному своему приближенному; тот поднял ногу короля так высоко, что король опрокинулся назад. Этот рассказ рисует характер Рольфа и его гордость. Верно, однако, то, что он был признан владельцем данной области именно на условиях вассальности. Другие рассказы Дудона, например, что Карл хотел выдать за Рольфа свою дочь Гизелу, недостоверны. Если бы король действительно был силен, то он мог бы держать Рольфа в повиновении. Карл Простой был сюзереном, однако власть принадлежала Роллону. Есть еще подробность, сообщаемая в другой хронике. Когда при совершении обряда присяги требовалось поклониться, то Рольф произнес слова: «*Ne se be god*», откуда явилось слово *bigotte* (то есть набожный, ханжа) – название норманнов.* Норманны, действительно, впоследствии были набожны, хотя не забывали при этом своих выгод. А под величавым внешним благочестием и набожностью они сохраняли свой хищный характер.

В сущности, Карл Простой, отдавая в лен Руанскую область, ничего не терял: лен Рольфа был выкроен из владений Робертинской династии – герцогства Парижского и не был владением Карла Простого, центром владений которого был Лан. Признавая своим вассалом Рольфа и отдавая ему этот лен, Карл ослабил Робертинский дом и создал некоторую опору для себя. Ему было важно иметь вместо одного двух вассалов, Рольф мог быть противником Роберта I; хотя в самом начале отношения Рольфа и Роберта хорошие, так что Роберт I был восприемником Рольфа, которому при крещении дали имя Роберт. Но вскоре после утверждения в Руане Рольф действительно является главной поддержкой Карла Простого в борьбе с Робертинцами.

Теперь является вопрос об отношении норманнов к местному населению. Данных для разрешения этого вопроса очень мало, а попытки Стеенструпа убедить в установлении здесь датских обычаев – неосновательны. Дудон передает, что в конце X века в Нормандии господствовал

* Норманны говорили на языке нижненемецком, *anglica lingua*, как сказано в хронике.

уже не скандинавский язык, а романский, так что преемник Рольфа (X век) должен был отправить своего сына (Ричарда) для изучения норманнского языка в другую область (Bessin), так как в Руане он уже не сохранился. Значит, сто лет спустя после завоевания в Руане германская народность исчезает и население романизируется. Если где и сохранился элемент германский, то в области Bessin в Bayeux (Байе). Преобладание германского элемента могло здесь сохраниться потому, что поддержкой его служила племенная прослойка – саксы, которые раньше норманнов поселились в этой области в большом количестве. Население здесь сохранило даже более чистый германский тип. Некоторые следы норманнского языка остались и до сих пор, как, например, в названиях городов и местечек: Dieppedal (Tiefes Thal), Caudec (cold – beck) – «холодный бассейн»); названия городов, оканчивающихся на boeuf (например Эльбеф) тоже германского происхождения – от норманнского «bif». Подобно этому и в Англии следы норманнских поселений узнаются по окончанию городов на «bu», например Дерби (окончание это датское).

Что же касается отношений норманнов и местного населения, то первые составили высший класс населения, тогда как большая часть прежнего населения оставалась в виде крепостных, то есть составляла низший класс. Этим объясняется то, что 100 лет спустя мы встречаемся с первым восстанием крестьян в Нормандии, обусловленным резкой разницей между господствующим и низшим классом населения.

Со времени своего возникновения герцогство Нормандское играет весьма важную роль во французской истории. Новое владение расширилось более и более; к нему присоединились другие области с городом Bayeux. Сначала норманнские герцоги являются опорой Каролингов против Робертинов, но потом они переходят на сторону последних. Этот переход, который можно поставить в связь с офранцузением норманнов, имел большое влияние на ход событий. Некоторые ученые, как, например, Фриман в первой части своего сочинения «History of the Norman conquest» («История норманнского завоевания»), объясняют этим именно торжество Гуго Великого и Гуго Капета.¹⁷ «Династия чисто французская основана норманнами и нормандскими герцогами», – говорит Фриман. Таким образом, основание Рольфом датского владения и преобладание здесь германского элемента привело к тому, что утвердилась местная Робертинская династия. Эту странность Фриман объясняет тем, что раса норманнов, как более энергичная, смешавшись с местным элементом, сделалась тоже французской. Может быть, Фриман и односторонен, оттого что ставит все в зависимость от норманнов, но нет сомнения, что образование Нормандского герцогства представляет важный исторический факт, и само оно играет большую роль в последующей истории Франции.

Некоторое время положение Карла Простого было усилено тем, что в 911 году, со смертью Людовика Дитяти, в Германии прекратилась династия Каролингов. Однако туземный франкский дом в лице Конрада Франконского, герцога Вормса, предъявил свои права на германский престол. Поэтому страна, находящаяся между немецкими и французскими владениями, между владениями Карла Лысого и Людовика Немецкого, –

Лотарингия, – перенесла свою преданность на Каролингов Франции. Лотарингия служит постоянным предметом раздора между Францией и Германией, что соответствует характеру страны и населения, которое состояло из германского и романского элементов: сначала оно колеблется, потом склоняется на сторону Каролингов (они избрали королем Карла). Таким образом, Карл Простой нашел важную, хотя и временную опору: с одной стороны – в Лотарингии, с другой – в герцоге Нормандском, который был предан ему, как своему сюзерену. Опираясь на Лотарингию и норманнов, Карл мог удерживать свое положение в борьбе с братом Одона Робертом, который в 922 году был провозглашен королем Франции. В эту войну Рольф Нормандский еще является верным союзником Каролингов. При Суассоне Роберт I был убит.¹⁸ Преемником он оставил своего сына Гуго Великого, который избрал другой путь. Получив в наследство большие владения, он не хотел принимать титул короля, предпочитая практически путем расширять свои владения. Королем был назван его родственник, герцог Верхней Бургундии – Рауль. Сына Карла, Людовика, мать отправила к королю англосаксов Этельстану.

Карл Простой вел дело энергично, но держался с трудом. Все ускользало из-под его власти. Большие области, носящие название маркизатов, – Блуа, Анжу, Трир – находились в руках Робертинцев. Затем он потерял Бургонь, Фландрию, Вермандуа. Его непосредственная власть была очень сокращена и простиралась только на небольшую территорию. Земли королевские оказались отброшенными на север в области городов Лана и Компьена. Король мог, правда, требовать повиновения от других областей, но должен был обращаться за помощью к герцогу Нормандскому, Робертинскому дому и другим. Дело дошло до того, что Карл попался в плен к герцогу Вермандуа (Северная Франция, в соседстве с Фландрией). Его держали долгое время в замке Перонн. Рольф обнаружил такую преданность Каролинскому дому, что продолжил борьбу с Робертинами. После его смерти преемники сначала действовали так же, но затем герцоги Нормандские приняли сторону Робертинского дома. Скоро (в 936 году) умер король Рауль. Возник вопрос, – кому быть королем? Не было уже в живых Карла Простого. Гуго Великий мог бы, если бы захотел, заставить провозгласить себя королем, но он предпочел господствовать через посредство других. В его интересах было, чтобы власть получил король неспособный, над которым он мог бы властвовать. Он так и поступил. Вместе с другими он решил обратиться к сыну Карла Простого, Людовику IV Заморскому, жившему в Англии, где он нашел покровительство у короля Этельстана, который тогда вел борьбу с норманнами на севере Англии. Сестра Этельстана была женой Карла Простого, матерью Людовика. Этельстан согласился отпустить племянника, проводил его до морского берега и отправил депутацию во Францию для взятия с вассалов обещания быть верными молодому королю. Таким образом в 936 году совершилась реставрация Каролингов при содействии англосаксонского короля. Само собой, Людовик IV, провозглашенный королем, наградил Гуго за его услуги. Он получил титул герцога Франции. Французское герцогство не имело еще определенного территориального значения. Гуго был графом Парижа, Анжу, Тура, Блуа (титул

графа сообщил ему особое значение). Сверх того, Людовик Заморский признал сюзеренитет Гуго Великого над Бургундией. Но, отказавшись от королевского титула, Гуго мало приобрел, так как в лице Людовика Заморского он не нашел покорное орудие. Несправедливо называют последних Каролингов ленивыми и лишенными энергии. Людовик Заморский достаточно показал себя. Поддерживаемый архиепископом Реймским и могущественным королем германским Оттоном I, он способен был удержаться в своем положении. Гуго также искал сближения с Оттоном Саксонским, так что нельзя выводить заключение, что Людовик Заморский держался Оттона из-за его немецкого происхождения. В 954 году умер Людовик Заморский. Гуго Великий не противодействовал избранию на престол Лотаря, сына Людовика Заморского (954–986).

Гуго Капет, сын Гуго Великого, уже является открытым соперником Лотаря и его сына Людовика Ленивого. У Гуго Капета был иной характер, чем у его отца. Он был изворотлив, способен к энергичным действиям. Гуго Капет был более могуществен, чем Лотарь. В сущности, еще раньше переворота все понимали, что Гуго Капет, имевший большую владения и подчинивший себе большую часть феодальных владельцев, — настоящий король. Современник его, знаменитый Герберт, воспитатель старшего сына Гуго Капета, говорит, что Лотарь — король номинальный, настоящий же король — Гуго Капет. После смерти отца Гуго получил от Каролингов в наследство Bourgogne, которую передал младшему своему брату Оттону, а после смерти последнего, несмотря на пожелание короля, Bourgogne перешла к Гуго Капету: так уже утвердился принцип наследства, что трудно было отступать. Гуго Капет получил также титул герцога Франкии, что давало ему большую и неопределенную власть. Он же получил власть в Пуату (в Южной Франции, на юге от Луары, в прежней Аквитании). Сына своего Гуго женил на наследнице Пуату. Таким образом, главным распорядителем судеб является Гуго Капет. Его соперник Лотарь также не лишен был способности и энергии; однако положение его было трудное, и он искал поддержки в Оттоне I, сыне Генриха Саксонского. Кроме того, Лотарь находил поддержку в мелких графах Блуа, Анжу и других, желавших освободиться из-под власти Гуго Капета. Графы эти, прежние правители, по каролингской терминологии — владельцы территорий, принуждены были вступить в вассальные отношения с Гуго Капетом и таким образом снизошли на третью ступень. Это им не нравилось: они предпочли бы стоять в прямой зависимости от короля. Лотарь, видя стремление своего соперника (Гуго) к достижению королевской власти, сам усвоил его политику — короновал своего сына королем Аквитанским. Единственным владением Каролингов в это время был только город Лан (на севере Франции).

Утвердись сын Лотаря на юге — и Робертины очутились бы между двумя территориями Каролингов. Однако попытки эти не восстановили полного значения Каролингов. Может быть, виной тому были некоторые ошибки, сделанные со стороны Лотаря. Так, союз с Оттоном был потерян вследствие того, что Лотарь изъявил притязания на Лотарингию. Позже, при Оттоне II, он сделал неожиданный набег на Германию, проки до Ахена и потерял оттого дружбу германского короля. Напрасно

впоследствии Лотарь старался возобновить сношения с Германией при Оттоне III. В Южной Франции Людовик, сын Лотаря, не мог укрепиться. Особенно вредным для Каролингской династии было то обстоятельство, что Лотарь поссорился с Адальбероном, епископом Реймским, человеком до того влиятельным, что духовенство вследствие этой ссоры стало переходить на сторону Робertiнов. При таком положении вещей последовали смерть короля Лотаря в 986 году и вступление на престол Людовика V Ленивого. Про Людовика Ленивого летописи замечают, что он «*nihil fecit*», но, в сущности, он ничего и не мог сделать, так как умер очень рано. После смерти Людовика V (987 год) возобновляется вопрос о преемстве. Вопрос этот обсуждался на сейме в Санлисе (по хронике Рихерия), – по другим источникам – в Маконе. Претендентами на престол явились: Карл, герцог Нижней Лотарингии, брат Лотаря, и Гуго Капет. На собрании духовных и светских магнатов было высказано, что Карл не годится в короли Франции, так как в качестве герцога Нижней Лотарингии он считался вассалом германского императора. Королем избрали Гуго Капета, чему способствовала речь, произнесенная архиепископом Реймским Адальбероном. Речь эту мы находим в хронике Рихерия: «Так как блаженной памяти Людовик умер бездетным, то нужно обсудить, кто должен занять его место в королевстве, чтобы государство, лишенное правителя, не пришло бы в упадок и не рухнуло бы. Поэтому мы считаем полезным, чтобы каждый по-своему высказал свою мысль и чтобы из собранных отдельных мнений было постановлено общее решение... Мы хорошо знаем, что Карл имеет своих приверженцев, которые считают его достойным престола».

«Но если об этом идет речь, то королевство приобретает не наследственным правом, а на престол должен был выбираться человек не только знатный по происхождению, но и мудрый, честный, великодушный. Мы читаем в летописях, что у самых знаменитых римских императоров отнималась власть, когда они оказывались неспособными, и на место их возводились *modo pares, modo impares*».¹⁹

«Но какое достоинство за Карлом, который унижился до такой степени, что не побоялся сделаться вассалом иноземного короля (Оттона II, германского короля) и встал в жены женщине, неравную по положению, из простого военного сословия? Каким образом *magnum dux* (Гуго Капет) может терпеть своих вассалов, которые сделали королевой и его госпожой? Как он может преклонить свою голову, он, перед которым равные и даже лучшие склоняют свои колена, полагают под его ноги свои руки? Рассмотрев дело внимательно, вы увидите, что Карл более по своей вине, чем по чужой, должен был лишиться своего положения... Если вы желаете вреда государству, то выбирайте Карла. Если нет, то лучше коронуйте славного герцога Гугона...». По мнению Адальберона, все требует, чтобы королем был избран Гуго Капет, который выдается и по благородству убеждений, и по богатству и, в котором найдут защитника не только общих интересов, но и частных (*Richerus. IV. 11*).

Речь имела успех. Дело решилось в пользу Гуго Капета. Он был избран в короли и коронован в Реймсе в 987 году. При короновании, по Рихерию, присутствовали представители разных народов: галлов (*Gallis*),

британцев (Britannio), данов – Danio (то есть норманнов). Замечательно, что при возведении Гуго Капета был применен принцип избирательный; впрочем, от него скоро пришлось отказаться: в следующем же году²⁰ Гуго короновал своего сына в короли Франции, что стало обычным при первых Капетингах. Зачем же было два короля? Гуго Капет ссылался на то, что ему предстоит поход в Аквитанию, где он мог легко сложить свою голову, и потому лучше обозначить королевство признанием его сына королем, тем более что и в римское время было два императора: один будто бы для войны, другой для решения дел. Вскоре после своего коронавания Гуго Капет искал союза с Византийской империей. В сборнике писем (изд. Аллиса) находится письмо Гуго к византийским императорам Василию и Константину.²¹ Он просит для своего сына руки византийской принцессы, обещая поддержку, так что в данный момент он, может быть, является соперником нашему великому князю Киевскому Владимиру. Вероятно, он имел в виду только Анну, так как Феофано, другая сестра византийских императоров, была замужем за Оттоном II.²² Гуго искал опоры у Византии посредством брака, так как это несомненно укрепило бы его влияние и положение. Однако при византийском дворе предпочли северного варвара сыну Гуго Капета; это объясняется затруднительным положением императора Василия II Болгаробойцы, которому тогда угрожала большая опасность со стороны мятежников, других претендентов на трон.²³ Гуго был слишком далек, а помощи скорее можно было ожидать от Владимира.

В 987 году долгая борьба между Каролингами и Робертинским домом закончилась. Мы должны остановиться на выяснении причин переворота, так как высказываются разные взгляды по этому поводу.

А. Тьерри видел в этой почти столетней борьбе между Каролингами и Робертинами стремление вновь образовавшейся национальности освободиться от «чуждой» династии, стремление возвести «свою» династию, чисто французскую.²⁴ Значит, Каролинги, по Тьерри, были все-таки представителями немецкого начала. Он указывает на то, что Каролинги находят поддержку в германских королях. Однако и Капетинги (Робертины) прибегают к помощи этих королей, и Гуго Капет не менее близкий родственник Оттона I по своей матери, чем Лотарь.

Приведем теперь рассказ самого А. Тьерри в его «Lettres sur l'histoire de France»: «Избрание это совершилось без соблюдения правильных форм. Никому не приходило в голову собирать и считать голоса баронов – это был порыв увлечения; Гуго сделался королем потому, что его популярность была безмерна. Хотя он происходил из германской фамилии, но отсутствие всякого родства с императорской династией, самая темнота, покрывавшая его происхождение, следы которого не восходили далее третьего колена, указывали на него, как на кандидата туземного племени, восстановление которого, так сказать, совершилось только после распада империи. Всего этого не высказывается прямо современными историками, но этому нечего и удивляться: народные массы, приходя в движение, не отдают себе ясного отчета в побуждениях, которые ими управляют; они идут инстинктивно и стремятся к цели, не стараясь определить ее хорошо. Смотря поверхностно, можно подумать, что они слепо

следуют за интересами какого-нибудь предводителя, которого имя делается известно в империи. Но само значение исторических имен основывается на том, что они служили знаменем для большого числа людей, которые, произнося его, знали, что хотели сказать».

«Восшествие на престол третьей династии имеет в нашей истории совершенно иное, гораздо большее значение, чем восшествие второй. Это, собственно говоря, конец господства франков и замена народными королями правительства, основанного на завоевании. С того времени история Франции становится проста. Мы постоянно следим за одним и тем же народом и узнаем его, несмотря на перемены в обычаях и успехи цивилизации. Национальное тождество было единственным основанием, на котором в продолжение стольких столетий держалось единство третьей династии».

«Множество затруднений, представлявшихся в 987 году четвертому восстановлению Каролингов, устрашили германских государей, и они не послали войска на помощь Карлу, герцогу Лотарингскому, брату предпоследнего короля. Принужденный ограничиться слабой помощью своих приверженцев внутри королевства, Карл мог только овладеть Ланом, где благодаря прочным укреплениям город держался в блокадном состоянии до тех пор, пока измена одного из его приверженцев не предала его в руки врагов.²⁵ Гуго заключил его в башню в Орлеане, где Карл и умер. Его два сына, Людовик (Lodewik) и Карл (Karl), рожденные после его заключения, по смерти отца были изгнаны из Франции и нашли убежище в Германии».

С другой стороны, на переворот этот смотрят как на торжество феодального принципа, который выразился в самостоятельности феодальных владений: в признании наследственности ленов и должностей. При чем Каролинги явились представителями прежней традиции, а Капетинги — приверженцами феодальной династии. Наконец, Фриман в первой части своего сочинения объявляет торжество Гуго Капета содействием норманнов.²⁶

В заключение приведем еще взгляды Luchaire'a и Бубнова на воцарение новой династии во Франции.²⁷

Большая часть историков старались противопоставить две династии, которые спорили за высшую власть и за титул короля. Они представляли их как олицетворявшие политические принципы и системы, совершенно между собой различные. Для одних Робертины, владельцы больших земель, представляют феодальную идею, наследственность фьефов (fiefs), разделение суверенитета, независимость от центральной власти. Даже более, нейстрийцы — настоящие представители французской национальности и кельто-латинской расы, естественные вожди движения, имеющего целью окончательно уничтожить единство Каролингское, отделив навсегда восточных франков от тех, которые живут по ту сторону Рейна. Если они были в состоянии одержать верх над противниками, то только благодаря тому, что были в одно и то же время вождями феодализма и национальности. Напротив, Каролинги, более немцы, чем французы, олицетворяли будто бы идеи римские и императорские, принцип централизации общественной (народной) власти: любовь к единству, ненависть к

обособленности (*particularism*) и к феодальным учреждениям. Из этого противопоставления между двумя династиями и двух принципов и проистекает, как полагают историки, интерес, который сопутствует продолжающейся более ста лет борьбе между Робертинами и последними потомками Карла Великого.

Подобный способ представлять события, без сомнения, крайне благоприятен для того, кто, добиваясь более всего успеха литературного, составляет исторический рассказ так, как поэт трагедию, но он не передает точного смысла событий. Точка зрения, которую избирают обыкновенно для рассказа или оценки событий X века, неверно избрана. Следовало бы заметить, что на самом деле Одон (*Eudes*), Роберт I и Рауль (*Raoul*), феодальные сеньоры, возведенные в короли в ущерб правам Каролингов, понимали и исполняли королевские обязанности совершенно так же, как Карл Простой, Людовик Заморский и Лотарь. Они заявляли те же претензии, обнаруживали те же тенденции и тот же образ действий. Изменяя свое положение и делаясь королями, маркизы Нейстрии и герцог Бургундский неизбежно терпели все необходимые последствия, соединенные со своим новым положением. Они получали в наследство традиции и политику предшественников точно так же, как надевали те же инсигнии, и в своих указах (*diplomes*) копировали формулы Каролингов.

Короли из дома Роберта Сильного пытались так же, как и Каролинги, расширить границы своей власти. Они сильно заняты подчинением центральной власти различных областей страны, стремившихся, в свою очередь, освободиться и приобрести автономию. Достаточно припомнить постоянные усилия Одона и Рауля удержать в повиновении юг и их продолжительные сношения с наиболее отдаленными монастырями и епископами Лангедока и Испанской марки. Рауль в своих указах всегда заботится титуловать себя: «Король французов, аквитанцев и бургундов». Два последних герцога французов следовали той же политике: короли фактически, они хотели также, в подражание предкам и противникам, заставить признать их власть над Бургундией и Аквитанией. С одной точки зрения трудно найти различие между образом действия Робертинов и поведением законных королей. Те и другие, казалось, были проникнуты убеждением в необходимости сохранить между Францией центральной и остальной частью государства если не административные связи, — сохранение чего делалось все более и более трудным вследствие феодального движения, — то, по крайней мере, внешний вид связи и политического единства.

С другой стороны, все короли X века, к какой бы они ни принадлежали фамилии, желали в той или другой степени, сообразно с их действительной властью и характером, сохранить верховную власть от постоянно увеличивающегося развития феодализма. Им не удалось воспрепятствовать наследственному переходу фьефов; все они видели для себя необходимость выделять своим приверженцам бенефиции, вернуть которые когда-нибудь они не надеялись. Но не видно, чтобы и в этом отношении короли феодального происхождения поступали иначе, чем Каролинги. Напротив, если и было царствование, когда правительство хотело противодействовать полной узурации бенефициев и государственных дол-

жностей, то это, конечно, при короле Одоне. Именно вследствие того, что он не всегда был расположен принять без условий принцип наследственности фьефов, вследствие того, что попытался смягчить удар и удержаться против требований аристократии — он отдалил от себя к концу своего царствования тех самых вождей феодальных, которые его избрали. Более того, Одон восстановил против себя даже самых близких родственников; Карл Простой обязан короной, главным образом, этому недовольству вельмож.

Нельзя отрицать, что в X веке королевский сан был избирательным и в полном распоряжении сеньоров. На самом деле не феодальная идея имела первенствующее значение при избрании короля. Если бы это было так, то предпочтение знати должно было бы всегда переноситься на одного из них. Напротив, они избирали несколько раз королей из Каролингов, которых рассматривают как представителей принципов, совершенно противоположных интересам феодальным. На деле, когда речь шла об избрании короля, аристократия никогда не искала выбора суверена, олицетворяющего наследственность фьефов и независимость по отношению к высшей власти (*autorité central*). Они прекрасно знали, что их кандидат, сделавшись королем, не станет поступать иным образом, чем те, которые занимали до него трон. Они избирали Каролингов: то чтобы противопоставить их претенденту, которого они не желали, то из привязанности к семейству Карла Великого, в чем нельзя сомневаться. Когда они избирали Робертинов, то тоже не из-за феодальных принципов, но потому, что в них они видели вождей, способных защитить их против внешних врагов; или же — их избирали как богатых собственников, от которых можно было многого ожидать. Таковы причины, побудившие в продолжение ста лет к правлению четырех королей, избранных знатью западных франков не из династии Каролингов.

Предполагаемая оппозиция рас между Робертинами и Каролингами

Теория Августина Тьерри, который видел повсюду борьбу рас, также не может быть допущена при объяснении борьбы между Робертинами и Каролингами, успеха первых и падения последних. Если справедливо, что владение Парижем, Туром и наиболее богатыми местностями средней Франции выдвинуло на вид потомков Роберта Сильного, то все-таки не следует обращать их в исключительных представителей французской национальности и представлять Каролингов как олицетворение элемента германского. Со времени установления для Карла Лысого государства западных франков потомки Карла Великого, царствовавшие на западе от Мааса, были в глазах современников столько же французами и национальны, как и вожди нейстрийские, их противники. Если бы Робертины исключительно представляли стремления расы кельто-латинской и ненависть ко всему иностранному, то их сношения с Германией были бы совершенно иными. Однако и на этом поприще их политика совершенно та же, что и Каролингов. Они искали еще более, чем их соперники, покровительства королей немецких. Нет Капетинга, короля или герцога, кото-

рый бы не заключил союза с германскими королями; Гуго Капет даже по линии рода матери – близкий родственник герцогов Саксонских. Необходимо признать, что последние Каролинги были даже скорее врагами, чем союзниками Германской державы. С одной стороны, их положение в качестве прямых потомков великого императора и представителей старой традиции, которая, казалось, давала права наследникам Карла Великого на всю Западную Европу, всегда причиняло некоторое беспокойство саксонским герцогам, получившим королевский сан. Оно их стесняло по крайней мере нравственно, при притязаниях, обнаруженных ими позднее на императорскую корону. Со своей стороны Каролинги французские никогда не склонялись без некоторого пренебрежения (и только тогда, когда они были доведены до крайности своими могущественными вассалами Нейстрии) перед суверенитетом королей саксонских; на последних они смотрели как на стоящих более или менее ниже их. Наконец, вечные притязания на Лотарингию являлись между ними и Германией постоянной причиной вражды. Таким образом подтверждается замечание одного историка,²⁹ «что несмотря на много альтернатив и отступлений, инстинкт саксонского дома требовал покровительствовать надеждам и домогательствам Нейстрийского дома против династии Каролингов». Двойная истина вытекает из того, что было изложено. Во-первых, короли Робертинского дома достигли высшего сана при помощи духовенства, французских феодальных сеньоров не как короли феодальные и не в качестве национальных. Во-вторых, монархия под управлением Одона, Роберта и Рауля совершенно та же, какой была она, когда принадлежала потомкам Карла Великого.

Общие причины падения Каролингского дома

Чему же приписать падение законной династии и почему была монархическая власть передана в 987 году наследнику Роберта Сильного? Последние Каролинги пали не вследствие у них недостатка энергии. Теперь оставили уже старое предание, по которому историки, опираясь на ни на чем не основанную аналогию между упадком династии Меровингов и последним периодом второй династии, неправильно приписывали наследникам Карла Простого название королей-ленивцев (*fainéants*). Людовик Заморский, Лотарь и даже Людовик V, напротив, дали доказательства храбрости и упорства, которые показывают их нравственное превосходство по сравнению с непосредственными предшественниками. Они обнаружили в борьбе внешней и внутренней энергии и деятельности духа, которые привели бы к успеху, если бы только он был возможен. Но над ними тяготели ошибки дедов и отчаянное положение, которое они получили в наследство. Ответственность за это положение восходит к первым преемникам Карла Великого, которые не хотели или не могли усвоить, ввиду прогрессивного усиления феодальных порядков, единственную политику, которой им следовало бы держаться. Мы согласны, что сыновьям и внукам великого императора было трудно противопоставить

действенную оппозицию революции, которая совершалась и которую облегчили норманнские нашествия. Сам Карл Великий тщетно старался ограничить феодальные стремления. Его преемники были принуждены если не признать официально, то по крайней мере допустить фактические результаты тройного движения, целью которого было полное уничтожение центральной власти превращением бенефициев в фьефы, наследственная узурпация государственных должностей и установление феодальной иерархии.

Но, допуская невозможность для Каролингов помешать образованию главных феодальных групп и сохранения прямой связи, которая прежде соединяла каждого вассала с королем, может быть, династия могла бы удержаться, если бы, сознавая свое бессилие остановить революцию, они удовольствовались более скромной участью. Следовало бы преемникам Карла Великого отказаться раз и навсегда от предъявления бесплодных претензий на страну, расположенную вне границ, начертанных Западной Францией Верденским договором. Им следовало бы ввиду того, что они не могли воспрепятствовать возникновению больших фьефов, направить все свои силы на сохранение какого-нибудь обширного дуката под непосредственной своей властью и там укрываться, овладев возможно большим числом шателенств. Таким образом, устроив фьеф королевский, они бы могли, опираясь на эту солидную территориальную почву, снова мало-помалу овладеть частью потерянной власти и своих владений. Каролинги пали, так как не сумели устроить себе эту необходимую точку опоры. Последние Каролинги, правда, пробовали с упорством и деятельностью, которые делают им честь, восполнять то, чего им недоставало во Франции, стараясь захватить Лотарингию. Усилия, то отдельные, то соединенные, нейстрийских вождей и германских императоров помешали успешному выполнению этого проекта. Людовик Заморский и Лотарь попробовали исполнить (к несчастью, поздно) то, что только и могло спасти династию.

Именно потому, что герцог Франции владел тем, чего недоставало наследникам Карла Великого, революция династии в 987 году завершилась в пользу Робертинов. Каролинги, не имея уже ни владений, ни вассалов, потеряли в некотором смысле почву в бурном течении феодализма, который все уносил с собой. Они были увлечены потоком. Напротив, преемники Роберта Сильного устояли благодаря прочным якорям. Позиция их фьефов в центре Франции и услуги, оказанные некогда их домом нации, объясняют предпочтение, оказанное им перед другими сеньорами.

Но если условием возведения на трон последнего Робертина были его громадные владения, то надо еще найти главную, решающую причину событий 987 года. Была ли это перемена династии, как говорили и как еще часто повторяют, прямым следствием порядка вещей, созданных триумфом феодализма? Следует ли думать, согласно большинству историков, что сеньоры, современные Гуго Капету, непременно нуждались в высшем вожде и в сюзерене, без которого была бы немислима феодальная иерархия и к какому бы они находились в отношениях, в каких к ним находились их собственные вассалы? Эта необходимость кажется недоказанной, по крайней мере в первоначальный период возникновения фе-

одализма, когда еще не выработалось твердого и общего взгляда на чисто феодальные отношения между королем и высшими сеньорами. Не нужно торопиться присуждать X веку того, что относится только к XIII, и переносить на царствование первых Капетингов политическое здание, правильные симметрические отношения, которые описывают теоретики феодализма в эпоху Людовика Святого и Филиппа Красивого. В этой иерархической группировке фьефов, которая произошла при падении Каролингов, движение могло остановиться на 10 или 12 больших графствах, на которые бы поделились французские земли, и оставить в стороне установление иерархической власти, как элемент чуждый и даже враждебный, без того, чтобы новый порядок пострадал от этого. Напротив, нам даже кажется, что отсутствие короля только и могло логически дать полное удовлетворение феодальным интересам, ставшим первенствующими. Следуя только своим собственным наклонностям, владельцы больших фьефов, которые передали корону Гуго, конечно, очень хорошо бы обошлись без высшего авторитета, который они, таким образом, ставили над самими собой.

Избрание Капетинга доказывает, насколько еще была могущественна, по крайней мере среди некоторых классов, римская традиция единства и централизации, традиция, осуществляемая императорскими учреждениями, преследуемая почти в той же самой форме полусцерковными Меровингами-австразийцами. Эта традиция была еще жива в конце X века, даже во время полного расцвета порядка, тенденции которого были ей совершенно противоположны. Она явилась после крушения династии Каролингов, несмотря на анархическое движение и на политическое раздробление, которое, казалось, угнетало всякие следы древней организации Галлии императорской и франкской. Без сомнения можно сказать, что могущество Робертинского дома и его решительный успех — один из результатов развития самого феодализма. Восшествие на престол Гуго Капета, вождя могущественной и владетельной фамилии, ясно указывало первенствующее значение нового порядка социального и политического. Но если феодализм и дал власть и значение потомкам Роберта Сильного и остановил на них выбор нации, то не это, конечно, сделало необходимым возобновление королевского достоинства в пользу третьей династии. Гуго Капет своим избранием обязан церкви, хранительнице традиции римской и императорской. Восшествие на престол третьей династии произошло благодаря стараниям духовенства, в лице трех его высших представителей: Адальберона, архиепископа Реймского, его секретаря и советника Герберта и Арнульфа, епископа Орлеанского. Напрасно Адальберон пишет к герцогу Карлу Лотарингскому: «Чем был я, чтобы быть в состоянии, единственно своими силами, дать короля французам? Это дела общественные, которые ускользают от произвола пустого смертного».³⁰ Эта скромность, присущая духовенству с древнего времени, не может заставить нас переменить мнение. Поверим скорее Герберту, который упоминает в некоторых местах о своей политике, деятельной и полной средств, «чтобы воскресить царское достоинство, почти погибшее в глазах французов».³¹ Более глубокое изучение царствования Лотаря, Людовика V и событий, следовавших за смертью послед-

него, доказывает, что церковь, склоненная на сторону нестрийских интересов, все приготовила и всем руководила. Ей было тем легче совершить замену Каролингов Капетингами и оправдать их в глазах общественного мнения, что уже столетие принцип избирательный получил видимый перевес над принципом наследственности. Это видно не только из избрания Одона, Роберта I и Рауля, но даже и во время последней реставрации Каролингов, при возведении на престол Лотаря. Он признавал в своих грамотах, как это делал Роберт I, что он был облечен высшей властью, «будучи избран всеми пэрами (de tout les grands) королевства». Кем был сформулирован теоретически этот факт? Архиепископом Адальбероном Реймским, во время собрания в Санлисе (Senlis), где была решена участь Гуго Капета. «Мы знаем, — сказал он, — что Карл Лотарингский имеет партизан, которые утверждают, что трон принадлежит ему по праву рождения. Но если таким образом ставить вопрос, то мы скажем, что царское достоинство не приобретается по наследству и что следует возводить на престол только того, кто отличается не только знатностью рождения, но благоразумием, и кто находит естественную поддержку в лояльности, силу — в величии души» (Richerus. IV. 11).

Восшествие на престол Гуго Капета было прежде всего делом духовенства. Окончательно укрепившись на троне, Робертины, феодальные владетели, стали вне и выше порядка, который был их силой. Когда архиепископ сказал знати, съехавшейся в Санлисе: «Следует искать кого-нибудь, кто заместил бы покойного короля Людовика в ведении государственных дел, чтобы государство, лишенное вождя, не распалось», то дело было не в том, чтобы покончить с феодальной иерархией. Государство, о котором идет речь, не что иное, как древняя монархия — римская и церковная, такая, какой ее всегда понимали епископы. В этом состоит политическое устройство, удержать которое так ревностно желали Адальберон и духовенство. По воле духовенства и с согласия нескольких высших баронов Гуго Капет получил миссию увековечить это политическое устройство и передать его будущим поколениям.

Н. Бубнов посвятил вопросу избрания Гуго Капета часть V главы второй части своего труда «Сборник писем Герберта как исторический источник (983–997)».³²

Советник Адальберона, архиепископа Реймского, знаменитый ученый и политический деятель, Герберт занимал важное положение при последних Каролингах. Впоследствии он достиг папского престола под именем Сильвестра II.³³ Ему приписывается и мысль о первом крестовом походе. Оставшиеся после него письма полны значения, это один из интереснейших и важнейших источников для истории Франции и Германии в конце X века. На такую личность, конечно, должно было обращать внимание ученых.³⁴

Письма Герберта издаваемы были несколько раз, но плохо. Особенно много сомнений вызывал хронологический порядок этих писем. И в последнем издании (A. Olleris'a «Oeuvres de Gerbert», P., 1867) Бубнов видел только условное хронологическое расположение писем. В одно время с Бубновым тем же вопросом занимался и J. Havet, который издал в 1889 году текст с комментариями.³⁵

Рассматривая избрание Гуго Капета, Бубнов говорит между прочим следующее:

«Но следует ли на санлиское избрание смотреть как на победу национально-государственных интересов над интересами каролинго-династическими? Другими словами, не было ли оно проявлением проникшего в умы большинства избирателей сознания, что политический дуализм повлечет за собой гибель государства, ослабляя силу его сопротивления давлению извне, и что в интересах государства отдать преимущество тому из соперников, который сильнее? Нам кажется, что на этот вопрос следует дать утвердительный ответ и что сознанию участниками санлиского съезда опасности, грозившей им с востока, придается обыкновенно слишком малое значение. Разве к 987 году могли быть забыты походы Оттона I и II вглубь Франции, к Парижу, живым напоминанием о которых были распространившиеся весной 987 года слухи о намерении императрицы Феодании вторгнуться с войском во Францию? К концу X столетия национальное самосознание уже было достаточно сильно во Франции, главным образом, именно как оппозиция все усиливавшемуся германскому влиянию. Избрание Капета было, несомненно, в весьма значительной степени актом этого национального самосознания, хотя и не в том узкорасовом смысле, как это представлялось Тьерри. Каролинги совсем не были представителями германского элемента, и сами по себе далеко не олицетворяли собой политику, которая мешала бы дальнейшему национальному обособлению Франции, но к концу X века обстоятельство сложились таким образом, что, держись Каролинги у власти и не перейди французская корона к могущественному герцогу Франции, политический дуализм, ослабивший Францию, продолжал бы жить, и страна эта все более и более подчинилась бы влиянию Германии. В данном случае интересы феодальные, с точки зрения которых замена слабого короля могущественным была бы нежелательной, уступили место интересам государственным. К тому же в конце X века положение дел было таково, что феодалы не могли не принимать в соображение интересов государственных, так как эти последние были в известном смысле связаны с феодальными. Избрание Гугона давало право рассчитывать если не на дальнейший прогресс феодализма, то, по крайней мере, на некоторое время, на феодальный *status quo*, между тем как сохранение короны за слабыми Каролингами вело косвенным образом к преобладанию Германии. Вероятные результаты этого заключали в себе мало успокоительного для французских феодалов, поставленных в необходимость из двух неизбежных зол избирать меньшее. Безопасность государства, лицемерную заботливость о которой Адальберон выставлял на собрании в Санли как единственный мотив, будто бы руководивший им, была бы более обеспечена, если бы корона была объявлена наследственной в роде Гугона Капета. Избирательное престолонаследие могло сделаться причиной междоусобных смут и наконец не устраняло возможности возвращения короны Каролингам или перехода ее к другой какой-нибудь могущественной фамилии, что в обоих случаях было бы равносильно восстановлению губительного дуализма. Но феодалы были нисколько не расположены отказать от своих избирательных прав. Это было непоследовательно, но

вполне естественно. Борьба феодальных интересов с общегосударственными, происходившая в них, лишала их возможности быть вполне последовательными».

«Итак, избрание Гугона, даже при предположении, что он при своем управлении будет всецело руководиться каролингскими принципами, будет так же понимать сущность королевской власти, как ее понимали Каролинги, совсем уже не так сильно противоречило интересам французских феодалов, чтобы для объяснения этого избирания была необходимость заменить расовую теорию А. Тьерри теорией феодальной, которая еще в недавнее время имела много сторонников. Теперь неосновательность этой последней может считаться столь же хорошо доказанной, как и ложность первой. Избирая Гугона, участники собрания в Санли не могли рассчитывать на то, что этот король, вышедший из феодальной среды, будет иначе понимать сущность королевской власти, чем ее понимали Каролинги, что он не только не станет мешать полному торжеству феодального строя, но даже будет стремиться к этому. Примеры Рудольфа, Роберта и особенно Одона не оставляли сомнения относительно того, что, подобно этим королям, Гугон, возложив на себя корону, станет выше феодального строя, отделит свои интересы от феодальных и вступит с ними в борьбу совершенно так же, как это делали Каролинги. Одним словом, избранию Капета участники собрания в Санли не могли придавать значения торжества феодальных начал».

«Вообще же событие это не было ни в каком отношении резким переворотом, революцией. Объяснить его, значит, в сущности, ответить на вопрос, почему санлисские избиратели, в распоряжении которых находилась *de facto* французская корона, остановилась на том из двух кандидатов на престол, который был могущественнее и который потому мог оказать больше сопротивления дальнейшему развитию феодального строя, столь дорогого большинству избирателей».

«Другими словами, где лежит причина предпочтения, оказанного Гугону перед Карлом? Кроме могущества Гугона, которое не могло не оказывать на французских феодалов известного влияния даже в ущерб их собственным интересам, главная причина избрания герцога Франции и отстранения герцога Нижней Лотарингии, Каролинга Карла, есть, по нашему мнению, патриотическое чувство, которое росло как естественная оппозиция немецкому преобладанию. Оно было делом, главным образом, Северной Франции, которая много пострадала от немецкого вмешательства, и встретило всего более оппозиции там, где грозившая с востока опасность не могла представляться с такой ясностью, а именно в землях к югу от Луары. Феодалы, враждовавшие между собой из-за своих личных интересов и по тем же побуждениям составляющие постоянную оппозицию усилению королевской власти, соединились в сознании, что дальнейшее продолжение борьбы Каролингов с Робертинами грозит серьезной опасностью самому существованию государства, может повести к такому перевороту, при котором интересы французских феодалов будут принесены в жертву интересам немецким. Таким образом, избрание Гугона не есть факт феодального порядка как такового. Оно явилось следствием национально-государственного движения, которое шло рука об

руку с феодальным и нисколько не было остановлено этим последним. Участники съезда в Санли стали одним, словом, на ту точку зрения, на которую им лицемерно предлагал стать Адальберон, в своем обращении к ним воскликнувший: «Если желаете государству благополучия, короноуйте герцога Гугона». Они желали государству благополучия».

«Упуская из виду нараставшую национальную силу, действовавшую в отпор надвигающемуся германизму, и полагая, что сущность государственной жизни X века исчерпывалась феодальным движением, некоторые ученые при обсуждении избрания Капета становились на точку зрения, которая, по нашему мнению, не соответствует истинному положению вещей в 987 году. Они не только старались дать ответ на вопрос, почему Гугон был предпочтен Карлу, но ставили себе еще и другой вопрос, который можно формулировать следующим образом: почему феодалы, ближайшие интересы которых не уживались с интересами королевской власти, нашли вообще нужным приступить к избранию нового короля? Как будто бы в X столетии в головах феодалов, особенно ввиду увеличивавшегося могущества Саксонской династии, могла мелькнуть мысль о возможности совершенного уничтожения королевской власти как государственного учреждения».

«Итак, избрание Гугона не есть торжество кельтской расы над пришлым германским элементом, не вытекает ни из феодального движения, ни из одних римских традиций. Оно есть прежде всего акт национального самосохранения. В этом последнем отношении оно является повторением избрания в 888 году Одона с тем различием, что последнее было направлено прямо против норманнов, а первое, косвенным образом, против германского преобладания».³⁶

У F. Lot'a видно, во многих отношениях, косвенное знакомство с книгой Н. Бубнова. В факте 987 года он не видит особенного значения, а признает его случайностью; с иронией говорит он о мнениях Тьерри и других своих предшественников. Обыкновенно историки видят преимущество Гуго в том, что он имел большое количество земель в непосредственном владении и вследствие своего богатства мог награждать своих приверженцев. Каролингам же принадлежала только небольшая область. Lot отвергает такое мнение. Он говорит, что у Каролингов были еще епископства, откуда они получали неплохие доходы, и что мнение о «бедности» Каролингов преувеличено. Непосредственной же причиной неизбрания Карла Лотарингского считает характер его и скорую смерть.

Для объяснения события 987 года надо иметь в виду борьбу между династиями, Каролингской и Робертинами, начинающуюся в 888 году с избрания французским королем Одона, защитника Парижа в 885–886 гг. После этого выступают на сцену соперники его, Каролинги. Между этими двумя фамилиями шла долгая борьба, в конце которой должна была восторжествовать та или другая сторона. Со смертью Одона (898 год) борьба не прекратилась. Робертинская династия имела национальный базис; пусть сам Гуго Капет ничем особым не отличается, но его фамилия древнего происхождения и имеет что противопоставить Каролингам. Робертинский дом в лице Гуго Великого сумел воспользоваться обстоятельствами и сосредоточил в своих руках много земель, а Роберт подкрепил все

это тем, что получил титул *dux*'а, герцога франков, и передал его потомкам. Каролинги же подорвали свое положение тем, что раздали свои земли в бенефиции, которые превратились в наследственные владения, и им теперь уже нечем было награждать своих «верных» (*fidiles*). Будучи сильнее Каролингов материально, Робертины имели основания для превосходства над первыми и в заслугах, оказанных народу и государству. Какая из фамилий должна была восторжествовать? Это зависело от второстепенных обстоятельств. Каролинги могли истребить Робертинов, но этого не случилось.

ТЕРРИТОРИЯ ФРАНЦИИ ПРИ КАПЕТИНГАХ

Неравная борьба Робертинов и Каролингов происходила в Нейстрии и Франции, но она затронула в известные эпохи и другие области древней Галлии. Эти страны – Аквитания, Бретань, Нормандия, Фландрия и другие – имели в X веке развитую местную жизнь, с которой очень интересно познакомиться.¹

Нормандия

Хронист Дудон Сен-Кантенский,² который написал в первые годы XI века историю самых древних герцогов Нормандии по рассказам сохранившимся в семье Роллондинов (он сам говорит, что составил ее под диктовку своего покровителя Руля, брата герцога Ричарда I), относит к 886 году первое появление норманнского вождя *Hrolf*'а или *Rollon*'а в устье Сены. Норманны уже значительно укрепились в Нейстрийской области, когда в 911 году между Роллоном и Карлом Простым произошло свидание в *Saint-Claire sur Epte*, где был заключен словесный договор. По Дудону, Карл Простой уступил норманнам земли, расположенные между *Epte* и морем (*terram ab Epto fluviolo*). Вильгельм Жюмьежский (*de Jumèges*) выражается точнее: *terram maritionam ab Epto fluviolo usque ad britannicas limites*, то есть от нижнего течения *Epte* до границы Бретани. Роллон признал себя вассалом французского короля. За этим договором последовало обращение в христианство самого Роллона и большинства его товарищей. Но норманнские шайки имели организацию, напоминающую аристократический режим. Роллон действовал в *Saint-Clai*ге скорее как представитель грабителей, чем как их абсолютный властелин. Герцог Нормандии, он никогда не произносил окончательного решения без совета своих ярлов (*jarls*). Тотчас же после своего крещения Роллон разделил земли, уступленные королем, между полководцами своей армии в полную собственность под единственным условием – помогать при защите страны. Один хронист рассказывает при том, что себе Роллон взял львиную долю. *Mont-Saint-Michel* в начале X века была на стороне герцога Нормандии. Она была заселена или исключительно скандинавами, или скандинавами и покоренными галло-франками. Этой провинции Роллон и его товарищи дали законы данов (*iura raterpa*). Законы, к несчастью, потеряны, но Дудон сохранил память о составе некоторых

из них; они напоминают скандинавские обычаи, строго охраняют собственность. Saxo Grammaticus³ рассказывает, что король Дании Gode III Милолюбивый положил золотое кольцо на утес в Норвегии и что никто не посмел тронуть кольцо в продолжение всего его царствования.

Guillaume de Jumièges рассказывает то же самое о Роллоне, повесившем на сучьях дуба на краю дороги, в месте, прозывавшемся Roupage (Rollonis mare), золотые кольца, которые оставались там неприкосновенными в течение трех лет. Роллон умер в глубокой старости в 931 году. После его смерти герцоги Нормандии, с одной стороны, находились в сношениях со своими сеньорами Робертинами и Каролингами, с другой стороны – сохранили сношения с королями Севера, данами и норвежцами. Каково было влияние этих отношений на образование государства франко-норманнского?

Норманны Нормандии верно хранили память о своем происхождении. В продолжение малолетства Ричарда I, когда Людовик Заморский пытался овладеть Нормандией, было отправлено посольство к королю Гарольду Синезубому. Даны из Дании пришли на помощь своей колонии, разбили и взяли в плен Людовика Заморского. В 966 году герцог Ричард послал снова за помощью в Данию против своего врага Thibaut de Chartres. Взаимно, когда Svegen Датский захотел отомстить англосаксонцам за резню в Saint-Brice в начале XI века, он явился в Руан и подписал с герцогом договор на следующих условиях: мир между данами и норманнами должен существовать вечно, даны могут свободно продавать в Нормандии свою добычу и оскорбленные даны найдут там защиту «как у себя дома». Много фактов содействовали тому, чтобы Нормандия X века осталась совершенно страной скандинавской. Если бы колонизаторы древней Нейстрии не употребляли долгое время родного скандинавского языка в своем новом отечестве, то было бы очень трудно объяснить присутствие в нормандском диалекте нашего времени множества слов северного происхождения.

Но сохранился не только язык: аристократические инстинкты скандинавов пережили века; они утвердились во время известных возмущений 932 и 996 годов. В 932 году Вильгельм Длинный Меч⁴ соединился с французскими принцами на владение Бретанью; этого было достаточно для того, чтобы взволновать норманнов: они боялись, что Вильгельм, их герцог, делается слишком могущественным, и по советам одного jarla по имени Riulf решили потребовать от него, чтобы он отказался от всей местности на запад от Risle. Это возмущение Riulf'a есть не что иное, как борьба старой аристократии против первых попыток герцогского единовластия. Подавив это возмущение, Вильгельм основал, так сказать, герцогство во второй раз.

Второе восстание, в 996 году, было совершенно другого характера, еще более поучительного. В этом году, говорит Guillaume de Jumièges, крестьяне решили жить по-своему и распоряжаться по старому закону и своему желанию лесами и водами, пользование которыми ограничивали для них вновь установленные законы. Некоторые историки видят в этих rusticis данов; но скорее они по большей части галло-франки, и восстание должно рассматривать, без сомнения, как пример ответа тирании с со-

вершенно феодальным характером, пример того, что норманнские сеньоры в конце X века тяготили своих подданных.

Провинция эта была совершенно романизирована. Французское влияние на скандинавскую Францию проходило через принцев дома Роллона. Их двор стал очагом и центром романо-французского подражания, которое должно было однажды подготовить пути к соединению герцогства с королевским домом Капетингов. Роллон и Вильгельм Длинный Меч постоянно принимали сторону Карла Простого и короля Рауля.⁵ Ричард был очень надежным союзником герцогов Франции, включая Гуго Капета. Все добивались, очевидно, усиления власти над своими людьми и царствования уже не временного, подобно северным вождям. Хотя французская хроника Рихерия называет еще пренебрежительно Ричарда I вождем пиратов (*abiit Ricardus piratorum dux*), доказано, что этот Ричард, насколько от него зависело, сделался герцогом на французский манер, большим покровителем церкви, постоянно благоприятствовал монархической власти. Непосредственные преемники Ричарда I: один – Ричард II Добрый (умер в 1027 году), был человеком совершенно духовным, другой – Роберт Дьявол (умер в 1035 году), остался легендарным типом отважного принца. «О, Франция, – восклицает Дудон в конце книги, – ты была обременена, повержена на землю... Вот приходит к тебе из Дании новое племя... Союз заключен, мир между ними и тобой. Это племя превознесет до небес твое имя и твою власть».

Бретань (древняя Арморика)

С 834 года норманны появились на берегах Бретани и к концу IX века завоевали земли между Луарой и Бове. Граф de Vannes, Ален (Alain) прозванный Великим вследствие своих побед над пиратами, доставил провинции 15 лет спокойствия; но в 907 году, после его смерти, норманны снова появились – и более грозными, чем когда-либо. В Saint-Claire sur Epte Роллон помимо земель для населения требовал временно земель для грабежа до тех пор, пока поля нового герцогства Нормандии не будут возделаны. Карл Простой, если верить Дудону, предложил ему Фландрию, но Роллон отказался, «потому что там слишком много болот». «Тогда король указал ему Бретань, находившуюся на границах земли, только что уступленной». Герцоги Нормандии приобрели, таким образом, договором 912 года на Бретань некоторые определенные и временные права, которые нужно было осуществить силой меча. Бретонцы, не будучи в этот раз в состоянии сопротивляться, подчинились или эмигрировали; подчинились игу норманнских сеньоров некоторые из более знатных фамилий Верхней Бретани, некоторые воротились в Англию (откуда некогда пришли их отцы), другие убежали во Францию, в Аквитанию, унеся с собой свои богатства и святые мощи. Поэтому-то мощи бретонских святых не все сохранились в Бретани; тело святого Маглория было тогда же перевезено в Париж; тело святого Guénoélé в Montreuil-sur-Mer; тело святого Самсона – в Орлеан. Норманны владели Бретанью 25 лет; казалось, что провинция навсегда осуждена быть простым придат-

ком соседнего герцогства Нормандии, но этого не случилось благодаря энергии бретонцев. В 938 году внук Алена Великого, также Ален, но Ален à la Barbeforte (Крученая Борода) вернулся из Англии в Арморик. ⁶ Он выгнал чужеземцев, которых не переставал ненавидеть народ бретонский и галло-римский, восстановил разрушенные церкви. Все изгнанники были призваны обратно. Alain à la Barbeforte, как освободитель, был приветствуем одинаково и бретонцами и галло-римлянами. Он основал также на развалинах прежних бретонских королевств Бретонское герцогство, где не было видно старого соперничества бретонцев и галло-римлян. Это герцогство, кроме собственно Бретани (la Bretagne bretonnante), включало все завоевания по ту сторону Луары. Строй аристократического клана заменил феодальный. В Бретани появилась после целая иерархия графов (comtes) и сеньоров, сюзеренов и вассалов. После изгнания норманнов при Alain'e Крученая Борода (умер в 952 году) и его преемниках Бретань получила устройство феодального государства.

Фландрия и Вермандуа

Норманны рано утвердились в устьях Шельды. Их опустошительные набеги имели в областях фламандских, как и в других, важные последствия. Во-первых, они благоприятствовали образованию городских агломераций. Ради защиты стали поправлять старые римские укрепления, строили новые, более обширные. Общая опасность соединяла жителей и позади вновь выстроенных стен превращала их в граждан; она пробуждала их энергию, внушала потребность единения; во-вторых, постоянные нашествия норманнов дали феодализму возможность быстро организоваться. Короли, оказавшиеся неспособными отразить норманнов, потеряли свою власть в силу этого, а что касается иерархии, она утвердилась совершенно естественно, так как сеньоры менее сильные коммендировались под более сильных для общей защиты. В борьбе с грабителями более богатый сеньор был избираем всеми другими в вожди. Так возвысились все большие феодальные дома Франции: их основатели все были в IX и X веках героями в национальной борьбе против норманнов. Таков был Роберт Сильный в Нейстрии, Ален из Бретани, Балдуин Железная Рука – первый из графов Фландрии. При Карле Лысом (дочь которого, Юдифь, он похитил и женился на ней) Балдуин Железная Рука (Balduin de Ferraus) ⁷ создал наследственную марку во Фландрии против норманнов на Шельде в то самое время, как Роберт Сильный образовал марку на Луаре.

История Фландрской марки в X веке принадлежит к самым темным и кровавым. Со времени восшествия на престол первого Робертин Северная Франция была раздираема непрерывными феодальными войнами. Император германский и король Франции, Каролинг или Робертин, постоянно призывались на помощь тем или другим из воюющих: граф Фландрии, герцог Нормандии, граф Пуатье, граф Вермандуа, бароны Нижней Лотарингии; сверх того варвары, набеги которых не прекращаются: во-первых, норманны, затем, когда скандинавский поток иссяк,

венгры. Область Артуа была территорией, где враги сводили свои счета, и в течение X века она была разоряема более 30 раз дотла. Вспомним вкратце несколько эпизодов. Граф Фландрский, Балдуин Лысый,⁸ принявший это прозвание, несмотря на большую шевелюру, для напоминания своего происхождения от Карла Лысого, соединился с королем Германии и Гербертом Вермандуа, которые поддерживают кандидатуру Карла Простого против короля Одона (Eudes). После восшествия на престол Карла Простого, так как новый король следовал во всем советам Реймского архиепископа, союзника Герберта Вермандуа, то граф Фландрский из зависти сблизился с Робертом, братом умершего Одона, и велел убить архиепископа.⁹ Карл Простой был таким образом изолирован; он обратился к норманнам, и меч Роллона обуздал фламандцев (договор Saint-Claire sur Epte). Балдуин Лысый умер в 918 году. При его сыне и наследнике Арнульфе¹⁰ произошла другая история. Робертины в союзе с Гербертом Вермандуа; Арнульф Фландрский соединился с немецкими и лотарингскими войсками для поддержки несчастного сына Людовика Косноязычного. При Рауле граф Вермандуа, державший Карла Простого в заключении в одной из своих башен, и Фландрия действуют заодно: их общий враг теперь – герцог Нормандии, который доходит до Арраса; между тем один нормдманн, по имени Зигфрид, похищает сестру графа Арнульфа и основывает новое феодальное норманнское государство. Нового рода сцены при Людовике Заморском (Lois d'Outre Alori). На этот раз граф Фландрии постоянно в добром согласии с герцогом Франции, с каролингским Карлом и с графом Вермандуа, но зато отнимает у наследника графства Montreuil его наследство. Тот обращается к герцогу Нормандии – Вильгельму Длинный Меч. Вильгельм одержал победу, но в 942 году, во время свидания, был убит эмиссарами графа Фландрии.

Вместо того чтобы продолжать утомительное перечисление фактов, возьмем один пример: именно эпизод, прославленный в *chanson de geste* «Raoul de Cambrai».¹¹ Вот ее содержание. Граф Raoul Taillefer, которому король Франции в награду за его заслуги пожаловал фьеф Камбре и выдал за него свою сестру, умер, оставив свою жену беременной сыном, который сделался Раулем Камбрейским, героем поэмы. Король по совету своих баронов решает отдать Cambresis (Камбре) некоему Gilbain'у – в ущерб своему племяннику и законному наследнику. Выросши, Рауль, побуждаемый другим своим дядей Guerry d'Arras, надменно требует свою землю у короля. Тот отвечает, что не может отнять ее у Gilbain'a, который на нее получил от него инвеституру. «Император, – говорит тогда Рауль, – земля отца должна достаться сыну; меня все будут порицать, если я долее буду терпеть стыд видеть свою землю, занятую другим». На это король обещает Раулю дать в вознаграждение первую землю, которая делается вакантной. Сорок заложников обеспечивают обещание. Год спустя умирает Герберт, граф Вермандуа. Рауль требует от короля исполнения обещания, но тот колеблется. Ведь граф Герберт оставил после себя четырех сыновей, храбрых рыцарей; было бы несправедливо лишать наследства четверых ради одного. Король, наконец, уступил, но Рауль сам должен завоевать свой новый фьеф. Рауль, вопреки советам своего конюшего Бернея, вступает на земли Вермандуа, сжигает жен-

ский монастырь Ориньи, где погибает мать Бернье. Отсюда ссора между Раулем и Бернье, и последний переходит в лагерь четырех братьев Вермандуа. Рауль убит в происшедшей затем битве рукой Бернье. Проходит несколько лет. Рауль имел племянника Готье, который жаждет отомстить за дядю. Guegry d'Aggas посвящает его в рыцари, и война начинается. Немного времени спустя, в Троицын день, король призывает своих баронов к своему двору. Герри и Готье, Бернье и его отец встречаются за королевским столом, между ними начинается схватка. Король хочет, чтобы раненые получили уход в его же дворце, но он неосторожно велел положить их слишком близко один от другого, в той же зале, и они продолжают ругать друг друга. Между тем вдова Рауля, дама Aalais, приходит также ко двору короля, своего брата. Увидев здесь Бернье, убийцу мужа, она схватывает засов (le levier), чтобы убить его. Бернье вскакивает с кровати и на коленях умоляет даму простить его, и дама, тронутая его словами, милует его. Мир восстановлен — к великой досаде короля, на которого Герри горько жалуется, обвиняя в том, что он ради своего Жибэна стал главным виновником войны. Король использует этот момент, чтобы объяснить, что он точно так же распорядится и землей Вермандуа по смерти нынешнего владельца; назначенный владелец протестует; возгорается ссора; бароны бросаются на короля, и он ранен в схватке. Бароны удаляются, поджигая город Париж, и каждый уходит в свою землю; между тем король приказывает своим людям отомстить оскорбителям.

Эта история, полная подробностей, выразительно рисуя нравы и людей X века, не лишена фактической основы. «В 943 году, — говорит хроникер Флодоард, — умер граф Герберт Вермандуа. Сыновья похоронили его в Saint Quentin'e и, узнавши, что Рауль, сын Рауля de Gony, вторгнулся во владения их отца, напали на него и убили, что очень огорчило короля Людовика», то есть Людовика Заморского. Этот Рауль de Gony ep Cambrai, Raoul Taillefer поэмы сам умер в 926 году, оказав помощь графу Арнульфу Фландрскому против норманнов, призванных Карлом Простым. Этот Рауль де Гони действительно женился на Аалэ, одной из многочисленных дочерей Карла Простого, следовательно, сестре Людовика Заморского. Герри де Сор, союзник Рауля, сына Аалэ, был сеньором де Шимэй. Даже второстепенные эпизодические лица поэмы могут быть точно указаны в действительной истории. Итак, нужно признать, что в поэме о Рауле Камбрейском события передаются так, как они произошли на самом деле. В течение этих постоянных войн местная феодальная знать укрепилась. Если граф Фландрский был независимым от короля, то граф де Камбре, графы де Гиен, де Сент-Поль, де Булонь достигли почти того же по отношению к графу Фландрии.

Лотарингия

Под именем Лотарингии (Lotharii regnum), подразумевалась с самого раннего времени северная часть владений Лотаря I — обширная территория на севере от Бургундии между Францией и Германией, ограниченная Шельдой, Маасом, Вогезами и Рейном. Она досталась потом Ло-

тарю II, от имени которого соответственно и получила свое название. По смерти последнего она сделалась предметом спора между Людовиком Германским и Карлом Лысым, которые кончили тем, что поделили ее между собой (договор Мерсенский 870 года); границей между Германией и Францией было верхнее течение Мааса до Люттиха (Льежа), потом линия от Люттиха к Триру и далее верхнее течение Мозеля. Этот раздел довольно близко соответствовал границам языка и, следовательно, народности и территориальным интересам обеих стран, но он не удержался. Германия снова предъявила притязания на страну между Маасом и Шельдой. В 888 году старое королевство Лотаря, усиленное еще Эльзасом, составило особое королевство под властью Цвентибольда, незаконного сына Арнульфа, а после его смерти в 900 году было присоединено к восточной Франции, т. е. к Германии. Но эта Лотарингия, в западной части которой господствовал язык романский и где Каролинги Франции имели и теперь родственников, вассалов и друзей, в продолжение всего X века была предметом спора между королями Франции и Германии. По смерти Людовика Дитяги в Германии (911 год) там был избран Конрад, а в Лотарингии – Карл Простой. После Цвентибольда, носившего титул короля, граф Ренье де Арденн¹² сделался герцогом (дюк) или маркграфом (маркизом) Лотарингии. Наследником его стал старший сын – Гизельберт (с 916 года). Это герцогство, *ducatus*, в X веке имело довольно печальную участь. Сперва оно было жестоко опустошаемо самыми страшными и разрушительными из варваров, венграми или мадьярами. От 927 по 936 год насчитывают шесть последовательных нашествий. Во-вторых, оно постоянно склоняется то на сторону Франции, то Германии. Герцоги Ренье и Гизельберт, равно как и великие епископы Мааса и Мозеля, казалось, более склонялись на сторону притязаний французских Каролингов. Карл Простой и Людовик Заморский в Гизельберте нашли надежного союзника против королей Германии. Можно было думать одно время, что Лоррэнъ по собственной воле останется связанной с *Francité occidentales*. Но крайняя слабость преемников Карла Простого и величие королей Германии из Саксонской династии решило дело иначе. В 939 году Гизельберт, только что оказавший поддержку экспедиции Людовика Заморского в Эльзас, был убит Оттоном I в битве между лотарингцами и саксонцами на берегах Рейна.¹³ Это – решающая дата, так как со времени поражения Гизельберта все переменялось. Епископы и сеньоры обратились взором решительно в сторону Германии и Лотарь Французский поступил бы благоразумно, если бы отказался от надежды укрепить свое положение приобретением герцогства.

Оттон Великий, победитель Гизельберта, передал достоинство герцога Лотарингии своему брату Бруно, архиепископу Кельнскому, который содействовал методическому ослаблению герцогства. Дукат Гизельберта был разделен Бруно на две части: Верхняя Лотарингия, или Мозельская, с одной стороны, и Нижняя Лотарингия, или Брабант, – с другой. Каждое из этих герцогств впоследствии подвергалось дальнейшему разделению вследствие сильного развития феодализма. В Мозельской Лотарингии всегда существовало герцогство, которое сохранило и увековечило имя Лотарингии (Лоррэнэ), но три императорских города Туль, Мец и

Верден были независимы от этого герцогства. В Нижней Лотарингии у титула еще менее счастливая судьба. Герцоги XIII века имели здесь много равных себе владетелей: епископы, князья Люттиха, Утрехта, графы Люксембурга, Намюра, Геннегау (Hainaut), Клев, Juliers, Голландии, не говоря уже о множестве мелких сеньоров в области Eifel'я, которые изъясляли притязания на независимость (она состояла в зависимости лично от императора или от короля без посредника).

Нет ничего суше истории Лотарингии в X веке. Лотарингцы, по-видимому, не сохранили никакого воспоминания, ни точного, ни легендарного об обстоятельствах, которые сопровождали памятную борьбу Гизельберта и Оттона и разложение герцогства. Есть целый цикл поэм, chansons de geste, озаглавленный «Les Lograines», который обнимает не менее пяти больших поэм, но они все посвящены описанию эпизодов баснословной борьбы между несколькими поколениями лотарингцев и бордосцев (de Bordelais). До настоящего времени не удалось найти для этой громадной композиции какое-нибудь фактическое основание в действительной истории.

Шампань (с городом Реймсом)

Мы имеем прекрасную хронику Реймской церкви, составленную в X веке со строгой критической оценкой (что большая редкость) монахом Флодоардом, архивариусом главного собора. Флодоард лучше, чем кто-либо другой, изложил роль архиепископов в борьбе последних Каролингов против приверженцев Робертинского дома, именно: роль архиепископа Foulque, убитого в 900 году приверженцем Роберта; архиепископа Hérivée, освободившего в 920 году Карла Простого из рук того же Роберта; архиепископа Aгдауд, министра Людовика Заморского, вытерпевшего из-за последнего изгнание и преследования. Беспорядки, происшедшие вследствие стольких войн, создали в Шампани строгий феодализм. Епископ Шалонский сделался графом города в 963 году, епископ Anségise пытался стать графом в Troyes в 965 году. «Все полно насилия, — говорил Hérivée на соборе в Troyes, — слушают только голос своего честолюбия; сильный унижает слабого, и люди похожи на рыб, которые пожирают друг друга».

Бургонь

Каролинги IX века избрали графов Бургони по сю сторону Соны своими представителями для борьбы с норманнами и разбойничьими нападениями. Самый древний герцог или маркграф каролингский Бургони упоминается в 877 году: он назывался Richard de Justicier и был графом d'Autun (Отена). Он прославлялся в народных преданиях как победитель норманнов, как брат Бозо, основателя королевства Прованского, зять Рудольфа I, короля Трансюрании, и отец того Рауля, который был преемником Карла Простого на французском престоле.¹⁴

Ричард был основателем первого герцогского дома, хотя ни он, ни его потомки никогда не претендовали на то, чтобы приобрести наследственное герцогское достоинство. В продолжение более чем одного века, начиная с Ричарда de Justicier, герцоги Бургонские каждого поколения обращались к королю за новым назначением.

Аквитания и Лангедок

Южные провинции древней Галлии — Аквитания, Лангедок, долина Роны не сохранили единства в момент распада Каролингской монархии. В 877 году королевство Аквитания было раздроблено на графства, едва соединенные номинальной иерархией. Титул герцога Аквитанского, который остался, не давал в X веке никакой реальной власти правителям Гаскони, Оверни, Марш, Лимузена и т. д. Подобно титулу короля Франции, он имел силу только в том случае, если доставался могущественным поземельным собственникам, которые были в состоянии заставить уважать этот титул. Король Одон сначала пожаловал его Вильгельму Благочестивому, графу d'Auvergne. Он был завещан в 928 году племянником этого Вильгельма графу Ebles de Poitiers, от которого этот город был отнят королем Раулем в пользу Raimond'a, графа Тулузского. Затем Людовик Заморский в 951 году передал этот титул Вильгельму Têtes d'Étoures, наследнику графа Эбль. Têtes d'Étoures (Пеньковая Голова), прозванный так вследствие своей обильной белокурой шевелюры, основал второй герцогский дом Аквитании; наследства смешали в его доме графства Овернь, Пуату, Лимузена; он был родоначальником знаменитой фамилии Вильгельмов, из которых десятый имел единственной наследницей ту знаменитую Алиенору, которая последовательно вышла замуж во Франции и в Англии (за Людовика VII и за Генриха II). Лангедокский феодализм был также первоначально накоплением небольших независимых княжеств, и не сохранилось никакого следа от древнего единства Септимании, даже под формой почетного титула. Но рано обнаружилось стремление, как и в Аквитании, прикрепить сеньории небольших размеров к доменам самого могущественного из местных домов. Это был дом графов Тулузских, которым случай предоставил действовать посредством наследования и могущества в качестве источника монархической централизации. Граф Одон Тулузский, уже господин прелестного имения, приобрел посредством женитьбы графства Альби и Ним; по смерти Вильгельма Благочестивого, герцога Аквитанского (918 год), он получил по вакантному наследству маркграфство Готьё благодаря распоряжению Карла Простого, интересам которого он был всегда предан. В продолжение ста лет, однако, графы Тулузские утверждали свое величие не на прочном основании — как вследствие злосчастных разделов, так и по причине упорного соперничества с великим соседним домом герцогов Барселонских. Только в начале XII века графы Тулузские исполнили свое историческое предназначение соединением под одной верховной властью всех земель, простиравшихся от Альп до реки Жиронды.

Долина реки Роны

Долина Роны во время борьбы последних Каролингов с Робертинцами, имела печальную участь. Она была завоевана венграми, колонизирована маврами или арабами и освобождена такими героями, как епископ Isarn de Grenoble и Вильгельм Оранжевый, который подобно другим историческим личностям с именем Вильгельм, способствовал составлению величественной легендарной фигуры Guillaume au Cortnez (Короткий Нос) поэм (chansons de gestes) Средних веков. Но ко времени Верденского договора долина реки Роны не принадлежала уже французскому королевству. Нам достаточно будет сказать, что королевство Трансюранской Бургони, простиравшееся в нынешнюю Швейцарию, было основано, по преданию, графом Вельфом, тестем Карла Лысого, и что королевство Цисюранской Бургони со столицей Vienne перешло после Бозона и его сына Людовика Слепого к известному графу Гугону Каролингского дома. Этот последний мечтал о создании королевства в Италии; он отдал в 933 году большую часть своих романских владений Рудольфу II, королю Трансюранской Бургони, чтобы отделаться от земель по ту сторону Альп. Так было установлено новое королевство Бургони, или королевство d'Arles (Franche-Comté, Savoie, Zionnais, Dauphiné), которым владели в X–XI веках Конрад и Рудольф III Ленивый. По смерти Рудольфа III в 1034 году диадема королей Бургонских и копье святого Мориса должны были перейти к Конраду II, королю Германии и императору.

ОЧЕРК ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Феодальные отношения слагаются во второй половине X века.¹

Основная единица в феодальном строе, на которой основывается иерархия, есть фео́д (fief, feodum, feudum, fevum). Этот способ владения землей противоплагается аллоду и бенефицию или лену.

О том, что такое аллод, существовали споры. Первоначально это слово производилось из староверхненемецких слов al – «весь» (совершенно) и ôt – «собственность», «имущество». Но это мнение неверно, так как это слово встречается в землях, где не говорили по-немецки. Слово «аллод» в «Салической правде» встречается только в смысле недвижимого имущества.

По Фюстель де Куланжу, в «Салической правде» аллод употребляется в смысле hereditas (наследство); сама глава называется hereditas.² Аллод означает вотчину, то есть такую долю виллы, которая достается по наследству.

В разбираемую нами эпоху аллод имеет особое значение. В X и XI веках, когда развилось феодальное владение, существуют термины «аллод» и «аллодиальное владение». Аллод теперь обозначает собственность независимую, которая не подчиняется феодальным повинностям и на ней нет феодального права. Аллоды остаются очень долго и на юге Франции держались еще в XII и XIII веках. Когда утвердилось англий-

ское владычество на юге, то там делали перепись владельцев в 1271–1273 годах, и оказалось много людей, не обязанных повинностями, то есть там еще существовали аллодиальные владения. Но постепенно этот способ владения переходит в феодальный.

Уже в XI–XIII веках случалось, что аллодиальные владельцы превращали свой аллод в феод (акт этот назывался *cessatio in feodum*). Собственник уступал сеньору аллод и принимал его назад как зависимое владение – феод.

Случалось, что у одного владельца были земли на двоякого рода условиях. Исчезает аллод после борьбы с феодем.

Кроме аллода превратились в феод и бенефиции. При Каролингах бенефиции представляют из себя пожизненное владение не иначе как под условием вассальности. Бенефиции скорее, чем аллоды, превращаются в феоды, хотя и потом они встречаются в некоторых областях.

Феод, полученный вассалом от сеньора с правом передачи по наследству, был обременен известными службами.

В феоде право собственности принадлежало одному лицу (*dominium directum*), а право пользования – другому (*dominium utile*).

Обязательства, принимавшиеся на себя получателем феода, выходили из сферы частных отношений, но им придавался характер публичный, государственного права. Они состояли из подчинения суду сеньора, из *milita, consilium, justitia et fiducia, auxilia* и других.

И не только земля сдалась феодом, но и всякая другая собственность прониклась феодальным характером. Тогда все отдавалось, как феод, независимо от земли: *la gtuerie*, то есть суд по делам о порубке лесов; право охоты; часть сбора от пешеходов и проезжающих на коне; конвой купцов, отправляющихся на ярмарку; суд при дворе государя или вельможи; мена в городах, где чеканились монеты; дома и лавки для ярмарок; дома, где находились публичные мойни (*étuves publiques*); в городах обязательные для всех печи (*fours banaux*); даже, наконец, ульи пчел, которые могут быть найдены в лесах. Например, герцог Шампанский отдавал в феод половину пчел, которые будут роиться весной. В позднейшее время феодом служили и деньги, то есть право получать с известной земли ренту. Феоды жаловались сеньором нескольким лицам, которые образовывали целые группы, находившиеся к дарителю в известных отношениях государственного характера (обязанность военной службы и пр.). К ним примыкают вилланы и сервы. Вилланы ведут начало, быть может, от свободных людей и поступают в феодальную зависимость в каролингское время. Сервы – крепостное население, остатки колонов и рабов римского времени. Вилланы и сервы составляют класс земледельческий, производительный. Каждая группа вассалов представляет из себя нечто целое с военной и судейской организацией и имеет стремление к самобытности. Сеньор, составляющий центр такой группы, может быть членом другой группы и вследствие этого имеет обязанности к другому сеньору – и таким образом составляется лестница, кончающаяся королем Франции.

Рассмотрим, в чем состояли отношения вассалов к сюзерену, его права и чем определялись его требования.

I. Сюзерену принадлежало право на особую, сопровождающуюся известными обрядами присягу (*homagium*, *hommage*, *Hulgigung*). Присягавший, сняв оружие, становился на колени перед сюзереном, клал свои руки в его руки и говорил, что он становится верным ему «мужем» (*homme*), верным человеком за тот феодал, который получил.

Сюзерен поднимал его и давал поцелуй мира. Такая присяга, *homagium*, соответствующая прежней, «коммендации», давалась каждому сюзерену; король же получал их только от своих больших вассалов, как, например, граф Вермандау, герцог Бургундский, и кроме того, от тех, которые принадлежали лично ему, то есть населяли Иль-де-Франс. Остальные же вассалы давали присягу только своим непосредственным сюзеренам – графам и герцогам.

Hommage был двоякого рода. В XI веке различают *hommage simple* и *hommage lige* (*ligeitas*). Об этом различии много спорили и продолжают спор в настоящее время ученые *Esmein* и *Luchaire*.

По одному объяснению сюзерен, дававший *hommage lige* (то есть «ближнюю зависимость»), принимал на себя от вассала более широкое обязательство военной службы. Обыкновенно вассал должен был служить только 40 дней в году и после этого срока мог покидать сеньора, что для последнего временами составляло огромное неудобство, поэтому сеньоры и стали требовать от вассалов службы на более продолжительное время. Но такое объяснение *hommage lige* не совсем справедливо.

По Люшеру³ же: *hommage lige* – присяга более строгая, чем просто *hommage*, данная одному лицу, в союзе наступательном и оборонительном, с оговоркой относительно других сеньоров, названных поименно. Дело в том, что один и тот же человек мог быть вассалом нескольких лиц. Переходя от одного сеньора к другому, но при новой присяге сделав оговорку о прежнем сеньоре, он не нарушал обязательства, данного последнему.

Но и в том и в другом случае *hommage lige* есть усиленный *hommage*.

Кроме *homagium* существовала еще одна присяга – личной верности (*fidelitas*, *la foi*), отличавшаяся другими обрядами. Она давалась на св. Евангелии или на мошах, причем клирик, державший в руках Евангелие или мощи, читал формулу, положив руку на свою грудь. Впоследствии обе присяги по смыслу слились, но по форме различались. Люшер дает такое объяснение тому, что давалась присяга *foi*. Сеньор имел вассалов, обязанных ему военной службой, но на его землях были люди, например горожане, церковники, зажиточные крестьяне, не обязанные военной службой. Но тем не менее, все они были его подданные – *fideles*. От них нельзя было требовать *hommage*, но *foi* же – присягу в верноподданничестве – они, как подданные, могли и должны были давать. Когда права короля перешли к графам, то и последние стали требовать этой клятвы. Если вассал умирал, то его наследник должен был непременно совершить обряд.

II. За присягой следовал обряд инвеституры. Сюзерен вручал вассалу кусок земли, дерна или ветку, как бы самый фьеф, по образу древнегерманских сделок (*commendationes*). Этот обряд указывает на источник феодализма – соединение бенефициальных отношений с личными. Прежде

вассальность была делом чисто личным; теперь, соединяясь с поземельным владением, стала более государственным делом. Сохранился только принцип условия, который выражался в возобновлении обряда при перемене владельца земли; даже при малолетстве наследника присяги совершались, а *foi* делалась уже совершеннолетним.

Для определения обязанностей вассала к сюзерену для нас важны письма Герберта и епископа Фульбера Шартрского к герцогу Аквитании. Последний так называет эти обязанности: *incolume, tutum, honestum, utile, facile, possibile*. По объяснению бенедиктинцев это значит: вассал обязан не нападать на приверженцев своего сеньора, не открывать его тайн, не вредить безопасности его крепостей, не вредить ни его справедливости и, часто, ни его владениям, не делать задержек, которые бы затруднили или помешали легкости или возможности его предприятий.

Но перечисленные здесь обязанности – все отрицательного свойства. Вассал имел и положительные обязанности: по Фульберу, это *consilium et auxilium*. Те же названия обязанностей вассала к своему сюзерену мы встречаем в конце X века в письмах Герберта.

Из *consilium* и *auxilium* произошли и различные обязанности: *ost, plaid, cour* и другие.

1) *Militia* (по-фр. *hostis* или *ostis*, потом *ost*) есть обязательство нести военную службу. По требованию сюзерена вассал должен был являться на коне против кого бы то ни было (даже против короля). Иногда вассал шел один, а иногда в сопутствии шести, восьми человек или больше, смотря по обширности фьефа вассала. Срок службы варьировался между 20, 40, 60 днями в году. Только в XI и XII веках во Франции этот срок был урегулирован: вассалы должны были нести военную службу в продолжение 40 дней. *Militia* состояла из *ost* (войска) или *chevauchée*. *Ost* – это большая экспедиция, регулярное войско, собранное для важной войны, для правильной осады города; *chevauchée* же обозначает незначительную экспедицию, набег.

2) *Consilium*. Вассал должен по приглашению сеньора являться в важных случаях к его двору; когда требовалось обсуждение дел политических, религиозных, военных, касающихся всего государства, или же только для сопровождения сеньора в торжественных церковных церемониях при всех важных случаях его жизни или членов его семьи. Впоследствии эти приглашения приурочивались к Великим праздникам Рождества Христова, Пасхи и Троицы. Это собрание служило трибуналом (*plaid*) для прекращения споров между вассалами сеньора.

3) *Justitia et fiducia* (*services de cour et de plaid*) – обязанность составлять суд с другими вассалами (*iustitia*) и признавать свою подсудность этому суду (*fiducia*). Феодальный суд (*plaid* – от лат. *placitum*) совершался вассалами при дворе короля и под его председательством. Народный суд (народное вече) уже при Каролингах пропал, теперь он совсем исчез; благодаря иммунитетам суд над низшими классами перешел в руки феодалов. При этом следует отметить ту черту, что старинная так называемая личность права (по которой каждый человек судился по его родным национальным законам) мало-помалу уничтожается, потому что

становится трудно различить, из какой кто территории. Взамен личности права является территориальность, из *leges barbarorum* и из местных обычаев вырабатывается новое обычное право (*coutumes*), не ограничивающееся пределами отдельных бароний, а общее для больших территорий.

В суде же, к которому привлекались сами феодалы, теперь начинает господствовать принцип, что каждый должен судиться ему равным. Если преступление совершал один из шести пэров, например герцог Нормандский, то его должны были судить остальные пэры под председательством короля. Если обвинялся один из второстепенных вассалов, то он должен был судиться курией вассалов при дворе сюзерена. Не всегда требовалось присутствие в суде всех вассалов, но только трех или четырех. Знатный вассал посылал заместителя — *prévôt bailli*.

В случае неправильного приговора судья мог подвергнуться вызову на поединок.

4) *Auxilia (les aides)* есть обязанность вассала материально помогать своему сюзерену. В сущности, на вассалах не лежало никакой денежной повинности. Признавалось, что вассал может отслуживать благородным образом, например, военной службой, судебными обязанностями, всякие же денежные повинности считались унижительными. Но и благородный вассал должен был платить денежную повинность сюзерену в следующих случаях: 1) в случае плена сюзерена; 2) при посвящении старшего сына в рыцари по достижении им совершеннолетия и 3) при выдаче старшей дочери замуж.

Кроме этих обязанностей были и другие, не столь общие и равно понимаемые в различных частях Франции.

1) *Relief, relevium, relevamentum*. Этим именем называлась подать, платившаяся сюзерену при переходе феодального имения по наследству. И здесь действует тот принцип, что фьеф не есть безусловная собственность вассала, хотя фактически это было так.

2) Право сюзерена делаться опекуном при малолетних вассалах.

3) *Marriage, maritagium* — право сюзерена выдавать наследницу феодала замуж. Если наследницей оставалась женщина, то сюзерен очевидно теряет свои права, не имея, например, возможности требовать ее участия в походе; выдав же ее замуж, он, так сказать, присоединял мужчину, и таким образом его права оставались без ущерба. Следует заметить, что многие короли злоупотребляли этим правом, особенно Иоанн Безземельный.

4) За сюзереном оставалось право выкупа феодала, и самую продажу феодала вассал не мог совершить иначе, как с согласия сюзерена, причем ближайшее право покупки оставалось за тем же сюзереном. Наконец, у вассала были еще нравственные обязанности к сюзерену, которые трудно подвести под рубрики. Гизо нашел их перечисленными в сборнике законов Иерусалимского королевства, так называемых «ассизах», где они были выделены каким-нибудь ученым юристом феодального направления.⁴ Здесь речь идет об обязанностях вассала защищать сюзерена во время битвы, соблюдать почтение к семье его, с уважением относиться к его жене, дочери и сестре.

Между собою вассалы связаны не были и споры между ними решались судом при дворе сюзерена. На суде пэров председательствовали короли, и на этих судах решались споры между вассалами разных положений. В случае столкновения пэра с его вассалом дело переходило в такой суд пэров при дворе короля. Впрочем, понятия того времени допускали право личной защиты, обиженный мог отказаться от повиновения и начать войну.

Положение крестьян в феодальную эпоху

Перейдем к весьма интересному вопросу о том, как отразился феодальный строй на положении крестьянского сословия.

Германцы, утвердившись на римских землях, нашли на них двоякого рода людей: рабов и колонов. С римскими колонами слились и германские лэты, под общим именем трибутариев. Скоро явилась еще и новая разновидность крестьянского населения — это оброчники, цензитари или прекаристы. Под влиянием нового общественного строя все эти разнообразные классы крестьянского населения отчасти нивелируются, некоторые из них поднимаются выше, другие понижаются и образуют более равномерную массу. Что касается римских колонов и трибутариев, то их положение с установлением феодального строя должно было ухудшиться: прежде они имели право жалобы на своего господина, теперь же, когда государственная власть перешла к землевладельцу, жалоба становилась невыполнимой по причине того, что жаловаться на хозяина-землевладельца приходилось ему же самому; кроме того, взимание государственной поголовной подати (*capitatis*, а в Средние века *la taille*) также перешло к господину, и он мог увеличивать ее по своему произволу, так как и в римское время государство, предписывая помещикам канон, само оставляло за собой право увеличивать государственную подать соответственно потребностям бюджета. Таким образом, положение крепостных ухудшалось — они лишились покровительства государственной власти и норма, определявшая размер их повинностей, стала непостоянной и произвольной и, следовательно, подверженной злоупотреблениям. Вместе с колонами потерпели ухудшение в своем положении и прекаристы, за исключением тех из них, которые повысились и перешли в сословие рыцарей. Зато, с другой стороны, всеобщая нивелировка сопровождалась уничтожением рабства и подведением рабов под общую норму крестьянского сословия.

Интересный материал для изучения данного вопроса доставляют нам переписи, образцом которых может служить составленная в правление Людовика Благочестивого аббатом монастыря Сен-Дени Ирминоном под названием «*Polyptyque*» (слово это означает этимологически несколько вместе сложенных воощенных дощечек, как слово диптих [церковные диптихи — то же, что поминальный синодик] означает две такие дощечки). Вот эти-то переписи, вроде наших писцовых книг, доставляют нам любопытные сведения о положении крестьянского сословия. Полиптик Ирминона был исследован знаменитым французским ученым Гераром.⁵ Введе-

ние к его исследованию представляет одно из самых основательных исследований по этому вопросу.

Герар разделяет рабство, *servitude*, на три периода. Первый период – настоящее рабство (*esclavage*), низводящее человека до положения вещи, – продолжался до падения Западной Римской империи. Во втором периоде – до Карла Лысого – рабство заменяется другого рода отношениями, которые он называет *servitude* (от слова *servus, serf*); в этом состоянии человек уже пользуется покровительством законов, уважением к его человеческим правам; свобода и принцип собственности проникают уже и в хижину *serf*'а. В эпоху же феодализма наступает третий период – *servitude* переходит в *servage*. В этом состоянии человек лично почти уже свободен, он должен только платить часть своих доходов в качестве оброка землевладельцу. Не следует, однако, делать из деления на периоды вывод об их последовательности; все эти периоды, или соответствующие им состояния, сосуществовали, заходили одно в другое. Что касается рабства – невольничества (холопства – *esclavage*), то оно ослабело уже после реформ Константина Великого, под влиянием христианства, и почти окончательно исчезло в XII веке. Новых источников для такого рабства уже не было. Войны между Каролингами и Капетингами, тем более частные феодальные войны, не могли служить источником его. Трудно было бы удержать пленника, у которого почти под боком родные, да и некуда было девать этих пленных, так как земля уже была распределена между крепостными. Поневоле приходилось либо обмениваться пленными, либо брать за них выкуп. Таким образом рабство мало-помалу исчезло. Правда, в Средние века существовал невольничий рынок в Венеции, а также в других местах Италии и Южной Франции, но такие рабы, происходившие из захваченных преимущественно мусульманами чужих пленных, в конце Средних веков большей частью даже из русских, похищаемых татарами (отсюда и название раба – *esclave, sclave*, от *slave* – славянин) имели свое специальное назначение, служили на галерах, принадлежали государству и особого общественного класса не составляли. Местное же рабство совершенно исчезло в XII–XIII веках.

Посмотрим теперь, в чем состоит сущность *servage*'а, какие его отличительные черты. При дальнейшем изложении мы пользуемся книгой (А. Gasquet. *Précis des institutions politiques et sociales de l'ancienne France*. 2 тома).⁶

Будем различать, как это делают французские ученые, два класса несвободных и зависимых людей – сервов и вилланов (*servage et villainage*).

Два века спустя после Карла Великого большая часть терминов, служивших в законодательстве и капитуляриях для обозначения земельного класса, вышла из употребления и исчезла; составилась новая терминология. Монах Павел, переписывавший около 1000 года писцовые книги для одного монастыря в Шартре, замечает, что прежде крестьяне имели другие обычаи, кутюмы и даже названия их теперь другие. Эти изменения в названиях доказывают глубокие изменения и в обычаях и идеях. Феодализм не только совершенно изменил отношения между сюзереном и вассалом, влияние его сказывалось и на положении земледельческого

сословия, прикрепленного к земле. Писатель времен Людовика IX Святого, Бомануар (Beaumont), разделяет все общество на три сословия: на дворян (*gentils hommes*), свободных людей (*les libres non gentils hommes*) и на сервов (*serfs*).⁷

Колонат со временем превратился в *servage*, а раб в серва. Явление это обыкновенно объясняют понижением сравнительного высшего класса и соответствующим повышением низшего, так что права и того и другого постепенно уравнились. «С самого начала IX в., — говорит Герар, — всякого рода земли сделались наследственными. Если не по праву, то фактически раб тоже стал пользоваться теми же правами, что и колон. Эта медленная и глухая революция, которая разрушила прежние классы колонов, литов и рабов, чтобы образовать из них один сплошной класс сервов в смысле крепостных — или, как иначе их называют, людей мертвой руки (*main morte*), — эта революция сделала наследственным то, что было только временным или пожизненным, и простое обладание превратилось в собственность».

По мнению Гаске,⁸ такой взгляд Герара лишь констатирует факт существования *servage*'а, не объясняя его происхождения. Гаске полагает, что появление *servage* явилось следствием отпущения рабов на волю и тех взглядов, которые существовали у римлян на вольноотпущенных.

Отпущение на волю практиковалось и во французском обществе; способов отпущения было три: освобождение посредством денария, упоминаемое в «Салической правде», римский обычай отпущения посредством грамот (*per tabulas*) или же посредством завешания или писем (*per epistolas*). Но такие вольноотпущенники не становились совершенно свободными людьми; свободные в отношении других людей, они по отношению к своему господину должны были соблюдать такую же полную и безусловную покорность, как и в рабском состоянии. Всякое нарушение этой покорности считалось неблагодарностью и могло повлечь за собой возвращение к рабству. Вольноотпущенник не мог жениться без позволения своего патрона; если он умирал без завешания или не оставив прямых наследников, то его имущество переходило к его господину. Даже когда вольноотпущенник оставлял завешание, но не в пользу близких родственников, то патрон получал половину наследства. Вот эти-то вольноотпущенники и доставили большой контингент *serf*'ов. Но были еще и другие источники *servage*'а. Бомануар перечисляет различные причины, которые повергли в состояние *servage*'а большое количество людей. Сервами делались: 1) те, которые не могли сами защищать себя и отдавались поэтому под защиту магнатов, делавших их за это *serf*'ами; 2) те, которые не исполняли военной повинности; 3) пленные, выкупающие себя ценой своей свободы; 4) обедневшие люди; 5) или же те, которые отдавали свои земли и даже свою свободу церкви, и много других. Сервов последнего рода было особенно много.

Сравнительная безопасность в эту эпоху насилия и произвола, которую предлагала церковь, благочестие, суеверие, исполнение какого-нибудь обета — вот причины, которые заставляли многих мелких собственников отдавать и свои земли, и свою свободу как дар церкви. В XIII веке даже такие благомыслящие люди, как Бомануар, возмущались этим фак-

том и обвиняли в этом монахов, которые, злоупотребляя своим влиянием на благочестивых и простодушных людей, побуждают их к такому поступку. Еще в свое время Бомануар различал два рода *seign*'ов: одни из них находились в самом приниженном положении, вполне зависели от своего господина, который имел над ними право и жизни и смерти, — это, по всей вероятности, еще остатки рабства; они были, впрочем, немногочисленны и уже исчезали. Другие же сервы находились в сравнительно лучшем положении: пока они живы, сеньоры ничего не могут от них требовать, кроме обычных повинностей; когда же они умирают или женятся на свободной женщине, тогда сеньор имеет право на их движимое имущество. Дело в том, что по обычному праву брак с женщиной из высшего сословия освобождает из сословия сервов, так как дети от свободной женщины должны были уже быть свободными; в случае же смерти серв не имеет другого наследника, кроме сеньора; если же у него есть дети, то они должны выкупать у сеньора наследство, как будто бы оно было чужое имущество. Вообще, по общему правилу серв должен платить повинности по воле и в размерах, определяемых господином. Он не может ссылаться на какое-нибудь свое право или кутюм. Он платит *taille* — поголовный налог, размер которого зависит от произвола господина. Впрочем, смягчение нравов не замедлило внести некоторые смягчения и ограничения произвола и в эту область — для некоторых сервов вошло в обычай *abonnitio*, то есть прежний неопределенный налог заменялся постоянным, определявшимся на основании традиций; для тех же, которые оставались в прежнем положении, господин должен был справляться с мнением трех или четырех сведущих людей, знакомых со средствами каждого серва, с положением его дел и на основании этого, особенно соображаясь с жатвой этого года, назначавших то большую, то меньшую *taille*.

Чтобы точнее выяснить положение серва, укажем еще на некоторые термины *servage*'а, обозначающие связанные с ним повинности.

1) *Formariage* — это значит, что серв не может жениться без согласия господина, особенно на лице другого класса или принадлежащем другому господину. Это понятно: если женщина из сословия сервов выйдет замуж за чужого серва, то ее дети перейдут к господину ее мужа, если же серв женится на свободной женщине, то дети его выйдут из сословия *servage*'а и перейдут в состояние матери. В Бургундии и Бретани, правда, было иначе: там дети наследовали состояние худшей стороны, но это было исключением. В обоих этих случаях сеньор терпит убыток, и *seign* должен вознаградить его за это, иногда даже очень значительной суммой, называвшейся *redemptia et licentia matrimonii*, но с конца XII века она не превышала пяти су.

2) «*Main morte*», почему и сервы называются “людьми мертвой руки”, *mainmortables*. Название это указывает на право господина на имущество умершего серва, если у последнего нет прямых законных наследников, так что передача имущества по завещанию совсем не допускается, а равно и право наследования в боковых линиях. Это сильное ограничение права собственности равняется почти полному его уничтожению, так как даже законные дети могли получить наследство своего

отца, только заплатив за него выкуп. Термин этот – *main morte* – некоторые объясняют тем, что если после серва не оставалось никакого наследства, то у мертвеца отрубали руку и приносили ее господину, но такое объяснение очень натянуто.

3) *Poursuite* или *parée* (*secta*, *prosecutio*, *parata*) – это значит, что когда *serf* убежал, господин имел право преследовать его и возвращать насильно на прежнее место, а за все время его отсутствия дом и поля серва находились у него в залоге.

У прежнего господина убежавшего раба часто возникали процессы с новым господином последнего, и они, ввиду трудности доказать законность требования, часто разрешались простой присягой, которую приносил *serf*. Хроникер Гуго из Пуатье рассказывает о юриспруденции, употреблявшейся с половины XII века в таких случаях: «Если лицо рабского положения требуется другим, оно должно покинуть господина, который им владеет, и этим отдать должное справедливости. Если оно признает, что владеющий им есть единственный господин, то дело понятно и претендент на это лицо не может больше его требовать. Если, наоборот, раб утверждает, что он принадлежит лицу, требующему его, он возвратится к нему без имущества, но господин оставит у себя все его движимое и недвижимое состояние, оставив рабу только его тело». Часто случалось, что люди, возвысившиеся при дворе барона или короля до высокого положения, бывали обвиняемы в своем рабском происхождении.

Крайняя строгость при следствии над рабами, введенная в начале XII века графом Фландрии Карлом Датским, и отчаянные усилия одной фамилии, происхождение которой подозревалось, сохранить приобретенное достоинство привели к убийству этого графа в 1127 году и перемене династии.

Впрочем, не все сервы подвергались в одинаковой степени вышеназванным всем повинностям. Смотря по характеру сеньора или местным обычаям, в некоторых местах сервы посредством выкупа или благодаря личной милости сеньора могли освободиться от той или другой из них. По словам Бомануара, градации в положении сервов были так разнообразны, что трудно было найти во всем государстве два имения, где сервы находились бы в одинаковом положении.

Итак, *servage* есть переходная ступень между рабством и полной свободой. Средневековый *serf* стоит неизмеримо выше древнего раба и его положение не безвыходное. Общественное мнение благоприятно ему; оно допускает, что он – *serf* не в силу какого-то неизгладимого пятна, наложенного на него судьбой при самом рождении, а вследствие какого-нибудь несчастья или случайностей войны. В одной королевской хартии 1147 года говорится: «Божественное хотение определило, чтобы все люди пользовались естественной свободой; но Провидение допустило также, чтобы некоторые из них по своей собственной вине потеряли свое достоинство и спустились до положения сервов. Нашему же Королевскому Величеству дано право возвысить их вновь». Слова эти выражают настроение эпохи. В начале своей главы о сервах Бомануар утверждает также, что все люди от природы свободны и считает делом высшего христианского благочестия освобождение их. Мнения эти еще

определеннее высказываются в грамоте Людовика X от 1315 года: «От природы все люди равны, а так как по ошибке наших предшественников многие свободные люди потеряли свою свободу, то мы этого одобрить не можем, и так как наше королевство называется королевством Франков (Franc в смысле племени, и franc, franche – свободный), то мы хотим, чтобы факты соответствовали этому названию».

И действительно, факты приходят постепенно в соответствие с изменившимися взглядами. Serf получает некоторую возможность приобретать имущество; он имеет свою законную семью, он может выкупить свою свободу своим имуществом, может пользоваться некоторыми плодами своих трудов; уплатив выкуп, он может приобрести имущество своего отца; женившись на свободной, он обеспечивает свободу за своим потомством. На суде он не должен представлять доказательств своего освобождения; если он отпущен на волю, только противник его должен доказать противное. Он может требовать опроса сведущих людей при назначении господину оброка. Он знает, что не осужден на вечное подчинение, и перспектива и возможность освобождения дает ему терпение и мужество трудиться.

Опыт скоро показал господам, что и их интересы выигрывают от этого смягчения участи сервов: свобода увеличивала производительность труда последних, и соответственно этому увеличивались и доходы первых. Скоро господа пришли к убеждению, что полная свобода сервов для них будет еще выгоднее. По мнению Делиля,⁹ господа первые предложили свободу сервам, но последние долго не хотели воспользоваться этим предложением. Прежде всего, большой выкуп делал освобождение доступным только для немногих, но и помимо этого свобода не представляла в то время больших выгод. Правда, serf зависел совершенно от воли своего господина, но зато он пользовался его покровительством. Он должен работать на земле, к которой прикреплен, но зато он свободен от военной службы, – между тем как свобода налагает на него целый ряд повинностей другого рода, ставит его лицом к лицу с многочисленными опасностями и заставляет обороняться одному против насилия сильнейших, для избежания которого его предки предпочли отказаться от своей свободы. Оттого-то мы и видим, что сервы, даже отпущенные уже на волю, через некоторое время отказываются от своей свободы и просят опять старых цепей. Некоторые для этого даже нарочно заключают браки с несвободными женщинами.

Однако такие факты все-таки остаются редкими и изолированными. Весь XIV век представляет эпоху освобождения. На всех пунктах обнаруживается непреодолимое стремление сервов к свободе, то есть к урегулированию своих повинностей. Это объясняют той феодальной анархией, которая наступила после смерти Филиппа Красивого. Ужасные беспорядки и насилия, сопровождавшие внутренние междоусобные войны, окончательно разорили земледельцев и остановили обработку земли. Чтобы избегнуть полного разорения и нуждаясь в деньгах, господину приходилось всеми силами благоприятствовать освобождению, уменьшать размеры выкупа, даже предлагать премии тем сервам, которые хотели освободиться. Почти все многочисленные хартии этого века начи-

наются многозначительными словами: «Имея в виду нашу пользу и улучшение нашего имения...» Особенно ясно эти мотивы высказываются в одной освободительной грамоте архиепископа Безансонского, Гуго Виеннского: «Когда на моей земле все будут свободны, то соседи и даже отдаленные жители будут приходить садиться на ней и охотно будут заключать браки. Теперь люди мертвой руки мало заботятся о том, что останется после их смерти, и неохотно работают, потому что знают, что они трудятся для другого; но они будут поступать совершенно иначе, когда будут уверены в том, что их имущество достанется их близким, а вместе с увеличением богатства жителей увеличатся и доходы господина» и т. д.

Таким образом, уже не гуманность, как во времена Людовика Святого, а просто личный интерес господина заставляет его освобождать своих *serg'ov*. Королевская власть также оставляет в стороне всякие гуманитарные и философские соображения; она уже не предлагает более свободу в своих владениях, она навязывает ее приказом 1358 года и нисколько не скрывает фискальных мотивов этой меры. То же самое делают и города, и коммуны, у которых сервы не исполняли никаких публичных повинностей и которым поэтому выгодно было увеличить число несущих эти повинности. Таким образом, *servage* по большей части исчез к концу XIV века. Нормандия же в этом отношении даже опередила другие провинции на два века — со времени Филиппа Августа там нет более сервов. Леопольд Делиль, автор классического исследования о положении земледельческого класса в Нормандии, говорит, что «уже в XI в. *servage* исчез в этой провинции; правда, существуют еще некоторые личные повинности, но большая часть их связана с пользованием землей. Все они прочно определены и установлены хартиями или кутюмами; крестьянин платит их без принуждения, так как он знает, что это плата за землю, которую он содержит свое семейство; он знает также, что может рассчитывать на помощь и защиту своего господина. Без сомнения, его работа тяжела и непрерывна, пища груба, но зато и будущее не внушает ему беспокойства».

Итак, сначала в Нормандии, а к концу XIV века и во всей Франции *servage* исчез; сервы превратились в вилланов (*vilains*). Правда, остаток их существовал еще до Великой революции 1789 года, но их было очень мало — всего 160 тысяч, из них почти четверть (40 тысяч) приходилась на долю монастыря *St. Claude*. Вообще, у духовных владельцев *servage* сохранился дольше, чем у светских. Это объясняется тем, что положение церковных сервов было сравнительно лучше; кроме того, не нуждаясь в деньгах, подобно светским владельцам, духовные владельцы отпускали на волю на условиях менее выгодных для сервов, чем последние.

Итак, около XIV века *servage* изменился в новое состояние — вилланаж (*vilainage*), история которого заходит и в новые времена. Когда в эпоху Великой революции был поднят вопрос о тяжелом положении крестьянского сословия, то под последним подразумевались *vilain'*es.

Вилланы

Часто оба класса – сервов и вилланов – смешиваются, но различие между ними есть. В сущности, вилланы – люди свободные и только подчиненные разным тягостям, как оброки и т. п.

Свободные люди, в отличие от сервов, ничем не были обязаны господину, и зависимость была только экономическая, потому что они были держальцами его земли. Они обрабатывали ее в свою пользу с условием платить повинность господину. Это была или аренда или часть жатвы, но всегда определенная. Владелец не мог ни отнять у них землю, ни увеличить повинность. Если держальцы правильно вносили должное, то они свободно могли располагать своим участком, завещать и даже раздроблять его.

Держальцы должны были платить землевладельцу только известную ежегодную сумму – *sensiva* или *sens* (чинш), откуда сами они назывались цензуалами. Ценз был фиксирован с незапамятных времен и сделанся очень незначительным вследствие падения ценности монеты. Часто землевладелец заключал с съемщиком договор (*abonnement*), скреплявшийся хартией и ограничивавший известной цифрой или пропорцией каждую повинность. Вилланы поэтому назывались также «*abonnes*». В XIII веке еще были немногочисленные держальцы, платившие произвольную таллию.

Гости (*les hôtes*) были также свободными людьми; их название указывает на то, что это люди пришлые, призванные на домен для обработки еще не возделанных земель.

Господином (лат. *dominus*, нем. *negr*, фр. *seigneur*) мог быть кто угодно, даже женщина, но отношения между ним и держальцем всегда одни и те же, так как они всегда основывались на праве сеньора взымать со своих крестьян доход и требовать услуги, предоставляя взамен этого им только пользоваться землей. Это право называется эксплуатация.

Каким образом произошло возложение этих повинностей на держальцев земли, когда и без того они обязаны были платить сеньорам ценз? Вопрос этот очень спорный. Документы для решения его редки и малоизучены. Уже в самом понятии организации больших доменов заключалась обязанность держальца платить оброк и барщину и быть подчиненным управителю, поставленному землевладельцем. Но бывали случаи, что сеньоры увеличивали свои права посредством узурпации и злоупотреблений даже до размеров полной неволи. Эти права сеньоров, называвшиеся «дурными кутюмами», а впоследствии неправильно – феодальными правами (неправильно потому, что они не имеют никакого отношения к сеньору), со временем были узаконены употреблением их.

Повинности, лежавшие на свободных, но угнетенных феодалами крестьянах, имеют различные имена, и классификация их трудна. Главные повинности, уплачиваемые ими, были денежные и натурой; появились они в разные времена и по разнообразным случаям.

Денежные повинности состояли из *sens* и *taille*; *sens* – денежная аренда, уплачиваемая владельцу за пользование землей в размере, установленном древним кутюмом. Если держалец не уплачивал эту аренду вовремя, то сеньор мог отнять у него арендуемый участок или, по крайней мере, востребовать штраф. В некоторых местностях существовали

еще налоги на дом или на огонь. *Taille* (требование) – поголовный налог (*capitatio*), взимавшийся один или несколько раз в год с каждой фамилии держальцев. Собственно это имя (оно не встречается ранее XI века) означает зарубку ножом на куске дерева при уплате повинности (бирочный счет у нас). Со временем она получила такое распространение, что стала обозначать совокупность всех повинностей. Повинность выкупа заменила прежние повинности натурой, уничтоженные с согласия сеньора.

Повинности натурой уплачивались хозяйственными продуктами, например, известной частью жатвы в виде десятого снопа (*champart*, *gerbage*), овсом (*avenage*), сеном (*fenage*), виноградом (*vinage*), курами, воском. Сеньор получает также плату деньгами или зерном за каждую голову домашнего скота. Повинность уплачивалась также при передаче или продаже аренды (*lande*) для получения одобрения этого сеньором; при передаче наследства.

Banelités. Всякая система повинностей связана с обязанностями, налагаемыми сеньором, и принимает форму монополии. Это – *banalités*: они появляются в документах только после X века. Их название показывает, что они образовались посредством *ban'a*, то есть права сеньора издавать постановления под страхом наказания за несоблюдение их; но происхождение этого права темно. Держальцы обязаны были молоть свой хлеб на *banal'*ной мельнице, печь свои хлебы на *banal'*ной печи, выжимать свой виноград на *banal'*ном прессе и каждый раз платить сеньору, которому принадлежат эти мельницы, печь и пресс, повинность (обыкновенно часть зерна, муки или винограда).

Сеньор требует повинности за дарование держальцам права рубить свой леса, или пускать скот на его пастбище, или ловить рыбу в его водах (право же охоты сеньор обыкновенно оставляет исключительно за собой). Сеньор назначает также веса и меры, и это также составляет повинность. Он запрещает своим держальцам продавать хлеб или вино, пока не продаст своего он сам.

Все это составляло монополию владельца и тягостно ложилось на держальцев.

Кроме того, помещики пользовались правом *justice* – судить и свободных людей, живущих на их землях. *Justice* давала право взимать судебные пошлины, что, конечно, также составляло для сеньора источник дохода.

Justice распадалась на *haute* и другие виды по силе полномочий каждого вида *justicie*. Обыкновенно *haute justicie* начиналась с права взимания штрафов выше 60 солидов. К этому праву присоединилось еще право осуждать на смерть, содержащее в себе конфискацию имущества осужденного в пользу сеньора. *Haute justice* принадлежала не только герцогам и графам, но всем землевладельцам.

Мы знаем, что первоначально имеет силу варварское право, принадлежащее тому или другому народу варваров, и принадлежность тому или другому праву определяется не местностью, а личностью; затем является имперское законодательство, но впоследствии в разных провинциях, благодаря феодальному устройству, теряется оно и появляются кутюмы (обычное право), которые потом стали записываться, и таким образом

составлялись ассизы (известны Ассизы Иерусалимского королевства, два отдельных законоположения под общим заглавием для руководства двум главным судам – для знатных и для простых людей, составленные Готфридом Бульонским). В разных местностях существовали различные кутюмы. Кутюмами ставился предел неограниченному произволу сеньора. Они – это гарантия виллана, они для него то же самое, что хартия для горожан. Кутюмы происходят от договора, приобретенного вилланом за деньги или силой от сеньора; он скреплен печатью последнего, и церковь угрожает наказанием нарушителю его. Без кутюма виллан решительно бесправен и беззащитен; владея им, он приобретает легальное положение. Как бы тягостны ни были условия его, они представляют уже то преимущество, что он их знает, что ему нечего бояться произвольного и неожиданного увеличения их.

Чтобы не затруднять себя делом надзора за соблюдением всех повинностей, сеньор выбирает посредника, нечто вроде управляющего, обыкновенно – крестьянина, иногда даже серва (*maior* в лат. текстах или же старое римское *villicus*; по-немецки он называется *meier*, *schultheiss* – сборщик податей). Управляющие также владели участками земли (более значительными) и могли передавать их по наследству. Обыкновенно они не получали за службу жалованья, а вместо него удерживали себе часть доходов.

Позднее управляющие стали называться *grévôt*, *praepositus*.

ФРАНЦИЯ ПРИ ПЕРВЫХ КАПЕТИНГАХ. РЫЦАРСТВО

Обратимся к обозрению состояния Франции при первых Капетингах. Они не играли важной роли и не могли играть, ибо их собственные владения не обширны: только герцогство Франция, графства Париж, Орлеан и некоторые другие. В то же время было 78 отдельных больших областей, владельцы которых были почти самостоятельны и по отношению к которым король мог обращаться с требованиями только в качестве сюзерена, то есть с требованиями помощи во время войны. И на своей территории король не мог распоряжаться вполне свободно, там жили тоже вассалы, бывшие прежде вассалами графа Парижского, и некоторые из них (например, Монморанси) были довольно сильны и очень своевольны, да так, что иногда делали невозможным королю всякое сообщение его из Парижа в Орлеан, как это и было при Филиппе I, третьем короле после Гуго Капета (Роберт II, 996–1031; Генрих I, 1031–1060; Филипп I, 1060–1108). Несмотря на это, Капетинги не переставали предъявлять притязания на большую власть – идея монархическая еще оставалась, точно так же, как и представление о том, что король – естественный защитник угнетенных и слабых. В этих притязаниях королевскую власть поддерживала церковь, всегда бывшая на стороне сильной монархической власти. Идея о необходимости такой власти была особенно ясно выражена при Людовике VI знаменитым аббатом Сугерием.

Как бы то ни было, первые Капетинги еще очень слабы и в государстве господствовала феодальная анархия. Положение Франции было очень

печально. К беспрестанным междоусобным войнам, грабежу и насилию феодалов присоединились еще страшные естественные бедствия — голод, эпидемии. Они очень живо изображены у монаха Радульфа Лысого (Radulphus monachus Glaber, ум. ок. 1050).¹ Бедствия были так ужасны, что, как говорит Радульф (во французской форме Raoul), все ждали в 1000 году конца мира и светопреставления. Впрочем, последнее преувеличено; всеобщего ожидания светопреставления не было, и другие современники вовсе не придавали 1000 году такого значения, как Радульф. Но во всяком случае, картина этих бедствий, приведенная в извлечении у Мишле («Hist. de France»,² ужасна. На 72 года (987–1059) было 48 лет, ознаменованных голодом и эпидемиями.

«Почти везде мера зернового хлеба продавалась по 60 золотых солидов; иногда шестую часть меры покупали за 15 солидов. Когда перебили весь скот и птиц, и когда этот запас истощился, голод сделался чувствительным, и для укрощения его приходилось пожирать падаль и тому подобную отвратительную пищу; иногда еще, для избавления от смерти, выкапывали из земли древесные корни, собирали травы по берегам ручьев; но все было тщетно, ибо один Бог может быть убежищем против божьего гнева. Но, ужас, поверят ли тому, что свирепство голода породило примеры жестокости, столь редкие, в истории, что люди ели мясо людей. Путник, подвергнувшись нападению на дороге, падал под ударами убийц, они разрывали его члены на части, жарили их и пожирали. Другие, убегая из своей страны, чтобы вместе с тем убежать и от голода, были принимаемы в дома, и хозяева душили их ночью, чтобы после съесть. Некоторые показывали детям яйцо или фрукты, заманивали их в сторону и пожирали. Во многих местах отрывались трупы для подобной же ужасной цели. Наконец, это безумие, эта ярость дошла до того, что существование животного было безопасней, нежели человека, потому что, по-видимому, есть мясо людей начало обращаться в обычай. Один злодей в городе Турнюс (на реке Соне, близ Макона) осмелился выставить на рынке для продажи вареное человеческое мясо, как это обыкновенно делалось с мясом животных. Его схватили, и он не запиравший; суд приказал связать его и сжечь; мясо зарыли в землю; другой человек вырыл это мясо и съел; он был также сожжен».

«Близ Макона, в лесу Шатене, стоит уединенная церковь, посвященная святому Иоанну. Какой-то негодяй построил близ нее хижину, где он резал всех, кто искал у него убежища на ночь. Случилось однажды, что к нему зашел путник со своей женой; но, заглянув в угол хижины, он заметил там головы мужчин, женщин и детей. Смущенный и побледневший, он хотел уйти, но кровожадный хозяин воспротивился и силой хотел удержать его; страх смерти придал ему силы, и кончилось тем, что путник спасся вместе с женой и поспешно отправился в город. Дано было знать обо всем графу Оттону и другим жителям города; в ту же минуту послали большое число людей, чтобы проверить показания путника; они поспешили на место и нашли там того зверя в своем логовище, а в хижине его было 48 голов зарезанных и пожранных им жертв. Злодея привели в город и сожгли» (J. Michelet. Hist. De France).

Мешали муку и отруби с белой землей, похожей на глину, и делали из этой смеси хлеб. Но от этой пищи смертность усиливалась. Вот тогда и выступает церковь как защитница угнетенных, так как королевская власть была бессильна. Церковь проповедует «Божий мир» (*trêve de Dieu*).³

«Церковь одна в X веке создала, — говорит Semichon, — глубину общественных бедствий и желала облегчить их, но не имея возможности обратиться к королям, она сначала искала опоры в самой себе и действовала путем пропаганды и соборов, а потом прибегла к более решительным мерам, именно — сделала воззвание самому народу, вызвала в нем вооруженную ассоциацию, чтобы наблюдать за исполнением законов, и, ввиду бессилия публичной власти, поддерживала сама общественную психику и спокойствие. Большая часть историков хотят видеть начало Божьего мира в 1031 году, или даже в 1041 году; но надобно возвратиться к X веку, а именно к 989 году, чтобы встретить первые к нему попытки. Церковь начала с покровительства самой себе и вооружилась анафемой».

В 989 году на соборе в Пуату было постановлено: «Вторгающийся насильем в церковь или уносящий из нее что-нибудь, если не даст вознаграждения, да будет проклят. Анафема тому, кто отнимет у крестьян и других бедных людей овец, волов или другой домашний скот. Также подвергаются проклятию церкви люди, нападающие на безоружных духовных лиц».

В 990 году был собор в Нарбонне, разразившийся постановлением против баронов, которые грабили церковное имущество и не давали пощады никому.

Но церковь понимала, что анафема останется бессильной, если сеньоры не поклянутся сами, добровольно или насильно, что прекратят свои разбои. Отсюда явилась мысль присоединить их к этим ассоциациям — мира Божия.

Вот постановления, принятые этими ассоциациями:

1) члены ассоциации должны уважать церковь и духовенство, пилигримов и купцов;

2) не обижать и не грабить крестьян, принадлежащих к ассоциациям, не налагать на них барщины, например, для постройки замка;

3) не жечь крестьянских домов, исключая те случаи, если они примакают к осажденному врагом замку; брать у крестьян только припасы для необходимого пропитания;

4) не оканчивать частные распри междоусобною войной, а переносить их на обыкновенный суд графа или епископа.

До начала XI века церковь проповедовала евангелический мир, но, не имея возможности запретить частную войну феодалов безусловно, она старалась по крайней мере ограничить продолжительность этих войн известным сроком. Таким образом церковь установила перемирие (*Freuda Dei*).

Договор заключался последовательно на один, пять или шесть лет, но не всегда и сроки имели сплошное значение, а только на определенное время. Например, обещали не угонять скот в полях с 1 марта по 1 но-

ября, не нападать на безоружного всадника во время поста, не производить частной войны с субботы до понедельника или даже со среды до понедельника, не воевать совсем в праздники и так далее. Иногда договор должен был соблюдаться только во время религиозных церемоний или собора.

Членами этих ассоциаций были и епископы, и сеньоры, и даже крестьяне. В некоторых местах для поддержания соборных постановлений, духовные лица организовывали вооруженные ополчения. Нарушителям постановлений соборов грозила смертная казнь или изгнание и отлучение от церкви.

Движения в пользу Божьего мира начались в Аквитании. Именно, около 990 года (по Semichon'у же в 989 году) Gui d'Anjou, епископ в Шарру, собрал епископов на собор, и здесь было принято первое постановление о Божьем мире. Из Южной Франции движение переходит в Бургундию, в Центральную Францию, распространяется по Германии, Италии, Испании, Англии. Так, Канут, король Англии,⁴ в первой половине XI века обнародовал свои определения «О мире Божеском, королевском и церковном».

«Но при всем том, — и говорит Семишон, — до половины XI века постановления мира, как бы они ни были важны, по-видимому, не достигали вполне целей, которые предполагались составителями. Тем не менее они дали первый толчок и призвали население к деятельности: мир, спокойствие и тишина в городе и деревне сделали потребность народов. Впрочем, так действуют во все эпохи зарождающиеся идеи нового порядка вещей. Сначала они увлекают за собой одни лучшие умы, потом мало-помалу проникают в массы, и наконец претворяются в факты и становятся законом общественной жизни. Так это и случилось в половине XI века, когда новое учреждение проникло в самые массы населения и Божий мир сделался предметом не местных собраний граждан и провинциальных епископов, но вселенских соборов, и охватил собой весь западный христианский мир. Таков был Божий мир, провозглашенный на Клермонтском соборе 1096 года, накануне отбытия пилигримов в первый крестовый поход».

Некоторые ученые, например Семишон, видят историческую связь между мировыми церковными учреждениями и коммунальным движением, причем они указывают общие признаки: ассоциации получали подобную же организацию; имели право суда за нарушение мира; наконец, сущность коммунального движения заключалась также в том, чтобы выйти из подсудности графа или виконта. Самые соборы носили название *raisable* — от слова *raix*, то есть брались за поддержание мира. Однако, эта теория, как довольно односторонняя, не была признана широко.

Все же принятие таких мер приносило мало пользы и ужасы анархии продолжались. В этом всеобщем смятении люди старались найти покой, многие отдавали имущество монастырю и становились монахами. Духовные даже боролись с этим направлением, объявлявшим и королей, например Генриха II, императора германского (чтимого церковью под именем Генриха Святого).

Другой набожный король был Роберт Благочестивый, сын Гуго Капета. Мишле (*Hist. de France. T. II*) приводит несколько легенд о его добродетелях.⁵

«Он имел сильнейшее отвращение ко лжи, — говорил биограф Роберта Гельгод. — Так, для оправдания как тех, от которых он принимал присягу, так и самого себя он приказал сделать кристальную раку, всю позолоченную, в которую он не положил никаких мошей; над этой ракой он заставлял клясться своих вельмож, которые вовсе не знали о его благочестивом обмане. Точно так же он заставлял клясться простой народ над ракой, в которую он положил яйцо».

Благотворительность Роберта распространялась на всех грешников без различия.

«Когда он ужинал в Этампе, в замке, который Констанция (его жена) только что построила для него, он приказал открыть двери для всех нищих. Один из них поместился у ног короля, который кормил его под столом. Но нищий, не забывая себя, отрезал у него ножом золотое украшение весом в унцию, которое свешивалось с его колен, и проворно убежал. Когда все встали из-за стола, королева увидела своего государя ограбленным и в негодовании позволила себе обратиться к святому в сильных выражениях: “Какой враг Бога, добрый государь, обесчестил ваше золотое платье?” — “Никто, — ответил он, — не обесчестил меня; без сомнения, тот кусок нужен был тому, кто его взял больше чем мне, и пусть отрезанное послужит ему с помощью Божьей в пользу”. Когда в следующий раз один вор отрезал у него половину бахромы от мантии, Роберт обернулся и только сказал: “Иди, иди и довольствуйся тем, что взял, остальное может понадобиться кому-нибудь другому”. Вор ушел совершенно смущенный. Такое же снисхождение он оказывал тем, которые похищали священные вещи. Однажды, молясь в своей капелле, он увидел церковника по имени Оггер, который воровски подошел к алтарю, положил на пол восковую свечу, а подсвечник унес под своим платьем. Клирики решительно не знали, кто бы мог заметить это воровство, и спросили у короля, но он уверял, что ничего не видел. Слух об этом дошел до королевы Констанции; в своем гневе она клянется памятью своего отца, что прикажет выколоть глаза у блюстителей, если они не возвратят того, что похищено из святых мест ее святого и праведного мужа. Лишь только узнал о том король, это живое вместилище благочестия, он позвал к себе вора и сказал ему: “Друг Оггер, уходи отсюда, пока не съела тебя моя непостоянная Констанция. Того, что ты имеешь, достаточно будет, чтобы достигнуть места рождения твоего. Да будет Господь с тобой!” Он даже дал ему денег на дорогу; и, когда считал вора уже в безопасности, весело сказал приближенным: “Зачем вам так беспокоиться о подсвечнике? Господь отдал его своему нищему»».

Мишле называет Роберта первый король Капетинг, так как Гуго Капет «боялся носить корону», а носил каппу (сарра — головной убор).

Мало-помалу за Капетингами установилась репутация святых и целителей. Преемником Роберта был Генрих I, женившийся на дочери Великого князя Ярослава. Это — факт несомненный, записанный во французских хрониках, хотя имя Ярослава в них постоянно коверкается.

Генрих I и сын его Филипп I играют очень незначительную роль в истории. Они остаются бессильными и равнодушными зрителями великих событий, происходивших в Европе в то время; они не принимают участия ни в первых крестовых походах, ни в борьбе императоров с папами. Королевская власть была при них лишь титулом. Но зато жизнь во Франции была в то время очень кипучая — она совершалась большей частью в феодальных замках и воспитала воинственное население, которое принимало участие в таких крупных предприятиях, как завоевание Англии.

Поэтому рассмотрим теперь исторический ход важного явления: перенесение центра и жизни из города в замок. Мы знаем, что теперь замки господствуют над населением, что здесь совершается суд и расправа и сама народная масса тяготеет к замку, тогда как прежде господствовала курия (*curia*), то есть город. Начало этого нового быта некоторые ученые приписывают германскому влиянию; склонность к жизни в селе для германцев (в противоположность городской — для римлян) — особенная черта в германском характере. И эта черта подмечена еще Тацитом.

Готы и вестготы также руководились этим вкусом при своих завоеваниях, но, собственно, неверно, что они избегали городов. Есть несомненные доказательства, что как они, и особенно франки, не только жили в деревнях, но и в городах. Довольно нам взять свидетельство Вильгельма Туринского, рассказывающего о *civitates*, подчиненных графам, о *cives septuages* из галло-римлян и франков, чтобы убедиться в этом. Франки, хотя и принимали иногда латинское название, но очень редко; напротив того, между галло-римлянами замечается стремление принимать германские прозвища. Это хорошо указывает на слияние рас, которое, кажется, нигде лучше не могло совершаться, как именно в городах, причем германский элемент в них вообще преобладает. Курия заменяется германским чиновником. Впрочем, этим вопросом мы займемся, когда будем излагать судьбы курии.

Теперь перейдем к истории замка.⁶ Еще до нашествия варваров между богатыми землевладельцами был обычай проводить часть года в роскошных виллах с библиотеками, с ваннами, с многочисленной прислугой (*Ешевский С. Галлия в V веке*).⁷ Германцы начали подражать этому обычаю, даже короли Меровингской династии жили в таких виллах. Еще в римскую эпоху виллы стали укрепляться, но все-таки в виллах даже Меровингской и Каролингской эпохи нельзя видеть замков. В Нормандии шел этот процесс гораздо быстрее, пока, наконец, во Франции не появляется множество укрепленных вилл (*castellum*). Сами названия многих замков (*Fromgeville, Megeville*) показывают, что замки образовались из вилл (производить слово «villa» от «vallum», конечно, неверно, но характерно в данном случае). Итак, только к IX и к X векам появляются замки. При выборе для них места — места доступные избегались, напротив, выбирались неприступные скалы, так как на замки смотрели не только как на средство безопасности, но как и на средство к безопасному производству над окрестным населением. При Карле Лысом поняли, что строительство замков опасно, и он сделал попытку уничтожить замки. В капиту-

лярии 864 года говорится: «Мы желаем и настоятельно приказываем, чтобы всякий, кто построил замок и изгороди, — разрушил их; срок от сегодняшнего дня до августа. А если сами не разрушат, то пусть графы разрушат, а если найдутся такие графы, что не послушают, то мы призовем их к себе и заместим другими, которые это исполнят». Впрочем, тот же Карл Лысый через несколько лет издал другой капитулярый, по которому должность графа делалась наследственной должностью. При последних Каролингах число замков увеличилось, хотя в XI, XII и XIII столетиях борьба королей против них продолжалась. Около 1020 года Фульберт, епископ города Шартра, пишет письмо сеньору Роберту следующего содержания: «Виконт Шатоденский показал, что он не имеет уважения ни к Богу, ни к вашей светлости, так как возобновляет замок, вами разрушенный, и сверх того предпринимает постройку другого замка; вот горе, которое идет с Запада! Итак, спасите святую землю и помогите тем, которые имеют на вас нужду, как на первого после Бога; обратитесь к Одону, чтобы он разрушил эти сооружения».

Дальнейшая судьба шартрских епископов привела к тому, что сами они укрепили епископский дом, образовав таким образом замок. По новым взглядам не нужно было быть непременно рыцарем или светским человеком, чтобы укрепиться или вооружиться; это могли и духовные, они только старались придать делу особый характер: ставили, например, детей на колокольни и заставляли их смотреть за появлением врагов и т. п.

Итак, с XII столетия замки покрывают всю Францию, города теряют первоначальное значение. Нередко замки возникают вблизи городов, даже в самих селах, притягивают к себе население, увеличиваются в размерах, разбиваются обычно на две части (*cit , bourg*), обитатели которых враждуют друг с другом.

Развитие нового образа жизни заключает много особенного. Всякому известно, что характерной чертой жизни в замке было уединение; такой изолированности мы не встречаем ни в Древнем Риме, ни в Греции.

Вторая черта — полная бездеятельность, отсутствие занятий; ни обработка полей, ни политическое поприще не привлекало сеньоров. Если что гнало их из замка, это были — жажда подвигов, сражений, страсть к путешествиям, причем выказывалась дикая энергия, упорство и настойчивость характера.

Но вместе с тем в некоторых отношениях замок есть начало цивилизованное; он способствовал развитию таких чувств и нравов, которые в современном обществе играют важную и благотворную роль. Жизнь в замке, в тесном кругу семьи, повлияла на развитие домашней жизни и повышение положения женщины.

Феодалное общество, не имея общего связующего центра во время своей мирной жизни, вынуждено было довольствоваться тесным кругом семейных отношений; единственными собеседниками феодала в замке были его жена и дети; все это, очевидно, сближало их, заставляло мужа иначе смотреть на свою жену, вырабатывало новые семейные отношения. Во время отсутствия владельца замка его жена оставалась единственной распорядительницей и охранительницей его владений; она была *ch telaine*, госпожа, представительница своего мужа в замке и во всем

фьефе. Это возвышенное, почти царственное положение придавало женщинам феодальной эпохи величие, мужество, добродетели, блеск, которых они не имели до сих пор и которые способствовали еще более к приобретению ими всеобщего уважения.

Приведем отрывок из жизни Гиберта Новигентского (Guibert de Nogent), рассказанной им самим, — отрывок, не имеющий особой исторической важности, но вместе с тем показывающий, до какого достоинства, до каких нежных и возвышенных чувств достигли женщины и вообще семейная жизнь с IX по XI столетие.

Гиберт Новигентский в своем рассказе описывает и общественные события, очевидцем которых он был, и жизнь своей родной семьи. Он родился в 1053 году в замке Бовези (Beauvaisis). Вот каким образом говорит он о своей матери и своих отношениях к ней:

«Я сказал, Боже милосердия и святости, что я возблагодарю тебя за твои благодеяния. Прежде всего и особенно воздаю тебе хвалу за то, что ты дал мне мать чистую, скромную, полную богобоязненности. Что касается ее красоты, то мои похвалы были бы слишком неразумны и пусты, если бы я стал говорить о чем-либо ином, кроме ее строгого лица, полного небесной чистоты. Добродетельный взгляд моей матери, ее тихий голос, ее постоянно спокойное лицо не поощряли легкомыслия тех, кто ее видел. И что особенно редко встречается или даже никогда не бывает у женщин высшего круга, она столько же старалась сохранить неприкосновенными дары, посланные ей Богом, сколько удерживалась осуждать тех женщин, которые злоупотребляли ими. И если случалось, что какую-либо женщину, или у нее в доме, или в другом месте, осуждали за это, она не принимала участия в разговоре; она была только опечалена, слыша это, как будто осуждение касалось ее самой.

Гораздо менее вследствие опыта, чем вследствие какого-то благочестивого страха она привыкла ненавидеть грех; и, как она часто сама мне говорила, ее душа была столь постоянно проникнута страхом внезапной смерти, что впоследствии, дожив до старости, она нередко сожалела, что не чувствует более в сердце своем этого священного ужаса, который она испытывала в невинном возрасте.

Едва только мне исполнилось восемь месяцев, как отец мой умер. Хотя мать моя была еще в полном блеске полноты и свежести, она решилась остаться вдовой. И с каким упорством она исполняла обет свой! Какой пример скромности она подавала! Живя в боязни к Богу и в любви к ближним, особенно к бедным, она с мудростью управляла нами и нашим имуществом. Ее уста так привыкли упоминать постоянно имя ее покойного мужа, что, казалось, душа ее занята была только одной этой мыслью; молясь, раздавая милостыню, во всех обыденных действиях своей жизни она постоянно произносила имя этого человека, что доказывало, что ее мысль всегда была с умершим. И действительно, когда сердце наполнено чувством любви, язык невольно и бессознательно говорит о том, кто представляет предмет ее.

Мать моя воспитывала меня с нежнейшими заботами. Едва только я выучился читать, как, желая непременно, чтобы я поскорее научился, она решила взять для меня учителя грамматики... В это время учителя

грамматики были настолько редки, что их совершенно нельзя было найти в деревне и с большим трудом удавалось достать в больших городах. Тот, которому мать моя решила поручить меня, сам выучился грамматике уже в довольно преклонных летах и настолько мало знал ее, насколько поздно за нее принялся; но чего ему не доставало в знании, то вознаграждалось добродетелью. С той минуты, как я отдан был под надзор его, он так заботился о моей чистоте, так старательно отклонял от меня все недостатки, которые свойственны детскому возрасту, что я был избавлен от многих опасностей. Он никуда не отпускал меня без себя, позволяя мне отдыхать не иначе как сидя возле моей матери, и не получать подарки от кого бы то ни было без ее разрешения.

Он требовал, чтобы я делал все с умеренностью, с отчетливостью, с вниманием и усилием... В то время как дети моего возраста бегали туда и сюда, по собственному желанию, и пользовались до поры до времени данной им свободой, я, постоянно стесненный, согнутый над книгой как клирик, смотрел на группы играющих, как будто бы я был более высшим существом, чем они.

Каждый, видя, как учитель мой поощрял меня к работе, думал сначала, что столь огромное прилежание будет вредно для моего умственного развития; но это опасение вскоре уменьшилось, ибо учитель мой был совершенно не искусен в чтении стихов и в составлении их по правилам искусства. Он почти каждый день награждал меня градом пощечин и ударов, чтобы заставить меня знать то, чему сам не мог меня выучить... Однако, выказывая мне столько дружбы, он занимался со мной так усердно, так заботливо наблюдал за моей безопасностью, что вместо того, чтобы испытывать страх, обычный детскому возрасту, я забывал всю его строгость и слушался его с полной любовью... Однажды, когда он меня побил, я отправился к моей матери и сел у ее ног, прервав свою вечернюю работу, жестоко страдая и, конечно, побитый больше, чем того заслуживал. Мать моя спросила меня, по обыкновению, был ли я бит и сегодня; но я, не желая выдавать своего учителя, отвечал, что нет. Тогда она, отстранив, против моей воли, ту часть одеяния, которая называется рубашкой, увидела мои маленькие руки совершенно почерневшими и кожу моих плеч совсем вздутую и изрезанную ударами розог, которые я получил. Видя это и полная жалости, что меня так жестоко наказывают в таком нежном возрасте, она вскричала со слезами на глазах и вне себя от горя: “Я не хочу более, чтобы ты был клириком, чтобы из-за учения ты переносил подобное обращение”. Но я, при этих словах ее, взглянул на нее с таким гневом, на который только был способен: “Если бы даже мне пришлось умереть, — отвечал я, — все же я не перестану учиться и не потеряю желания быть клириком”» (Via de Guib. Nogent. Hist. de Fr. T. III).⁸

Рассмотрим теперь вопрос о возникновении рыцарства и первый период его существования, ибо развитие и полный блеск этого средневекового учреждения относятся уже к XII столетию, к эпохе, о которой будет речь впоследствии. Насколько с воспоминаниями о феодализме соединя-

ются чувства ненависти в новой Европе, насколько этот социальный быт мало популярен, настолько воспоминание о рыцарстве носит другой характер. Новое общество, которое так долго боролось с феодализмом и, наконец, одержало верх над ним, не простило ему до сих пор и преследует своей ненавистью все, что напоминает старый режим, делая исключение только в пользу рыцарских преданий.

Рыцарство, однако, было тесно связано с феодализмом. В большей части Европы и Франции оно отличалось совершенной исключительностью и не принимало в свою среду члена, не принадлежавшего к благородной касте; в памяти народа, однако, оно оставило благоприятные для него представления. Его имя осталось чем-то национальным во Франции и пробуждает в памяти народа только неопределенные воспоминания о храбрости, честности, внутреннем благородстве, об идеальной и постоянной любви. Рыцарский призрак во мраке прошедшего является защитником вдов, сирот, слабых, восстановителем поруганного права. Но надо заметить, впрочем, что такое представление о рыцарях и рыцарстве сохраняют и выводят в своих сочинениях преимущественно французские ученые; некоторые из немецких ученых стараются, напротив, выставить на вид лишь оборотную сторону рыцарства; так, например, Шерр (Scherr) в своей «*Deutsche Kultur und Sittengeschichte*» (8 изданий, последнее 1882 г.) положительно заявляет, что рыцарские идеалы существовали в романах и в поэзии, на деле же проявлялись в грубых, тривиальных формах в тех учреждениях и сторонах рыцарского быта, где всего менее можно было искать их присутствия. Однако, может быть, немецкие исследователи не могут отнестись теперь с подобающей справедливостью к рыцарскому идеалу и его поэзии, потому что этот идеал подавил отчасти древнегерманские основы жизни и утверждение его в Германии со второй половины XII века знаменовало решительный культурный перевес романского мира над германским, было первым крупным фактом французского влияния, которое отзывалось потом так часто в немецкой истории не ко благу немецкого народа и которое стало столь ненавистно немцам со времени Лессинга.

Один из новейших исследователей рыцарской жизни Alvin Schultz в своей недавно вышедшей книге «*Das höfische Leben zur Zeit der Minnesinger*» (Bd. 1. Leipzig, 1879) – тоже старается доказать, что идеалы рыцарства не осуществлялись на деле и что под внешней оболочкой господствовала грубость нравов.

Такая же склонность рассматривать влияние рыцарства с обратной, отрицательной точки зрения замечается и у некоторых новейших французских писателей. Не так давно один из них (Drapeyron) высказал мысль, что толки о великодушном, героическом и изящном рыцарстве, которое выработалось будто бы во время крестовых походов, возникли отчасти под влиянием национальной гордости, что они основаны на смешении нескольких эпох. Французскому рыцарству, говорит этот писатель, досталось редкое счастье – хорошо окончить эту эпоху и доброй частью своей славы оно обязано святости своих последних дней. Блеск доблестей Баярда, рыцаря без страха и упрека, и Дюгесклена отразился и на их предшественниках.

С другой стороны, в новейшее время вышло весьма интересное сочинение, принадлежащее перу известного знатока средневековой поэзии Леона Готье, которое носит заглавие «La chevalerie» (Paris, 1884). Великолепно изданное и снабженное массой рисунков, которые представляют или точные снимки с предметов и картин той эпохи, или являются предметами вымысла, сочинение это представляет драгоценный вклад не только в науку. Полный обзор всех новых сочинений по этому вопросу представляет недавно вышедшее сочинение киевского профессора Дашкевича, помещенное в киевских «Университетских известиях» и вышедшее затем отдельным оттиском; оно носит заглавие «Провансальское знатное общество и трубадурки в период расцвета провансальской поэзии по новым данным» (Киев, 1884). Я приведу несколько строк из этой интересной книги, касающихся разбора только что указанной книги Готье.

«Остановимся, — пишет проф. Дашкевич, — несколько на взгляде Готье, который познакомит нас с любопытными современными приемами отстаивания средневековых традиций и рыцарства, как одного из лучших явлений дорогой для некоторых средневековой старины.

В посвящении Сервантесу Готье в грустью отмечает то обстоятельство, что со времени выхода Дон-Кихота большинство публики, не понимающее того, что Сервантес осмеял не рыцарство вообще, а только ложное рыцарство, заливается неукротимым, грубым смехом. “И еще один удар — это осмеяние направлено на все то, что я люблю больше всего на свете, на христианское Средневековье, на мою национальную поэзию, на столь дорогое мне, столь любимое рыцарство”. Готье верит в рыцарскую доблесть и искренне убежден, что она существовала во все века, начиная с XII-го. По мнению Готье, искренним рыцарем был не только Сервантес, герой Лепантской битвы (нанесшей смертельный удар рыцарству, от которого оно уже не оправилось), величайший рыцарь, о котором историк восклицает: “Какой рыцарь истории или легенды велик более его?” Истинными рыцарями были не только “бесподобные Дюгесклен и Баярд”, были такие рыцари и в Средние века; “Роланд — распускание рыцарства в легенде, Готфрид Бульонский — в истории. Нет имени, которое было бы выше этих двух имен!” “А сколько было рыцарей и рыцарской доблести с той поры, как перестал существовать феодализм!”. В своей книге Готье желал не только “восстановить славу старой Франции, внушить к ней любовь посредством ознакомления с нею, внести ее в памятование и познание новых поколений”; он был воодушевляем более смелым намерением — “возвышать души, освобождать их от унижающего их меркантилизма и от убивающего их эгоизма; сообщать им гордый энтузиазм к прекрасному и к истине, которая, по-видимому, повреждена”. Готье заключает предисловие к своей книге так: “Есть не один разряд рыцарства, и не необходимы удары копья. Нет шпаги — есть у нас перо; при отсутствии пера — есть слово; не останется слова — останется честь в нашем поведении”. Автор “Chevalerie” почел бы за счастье, если бы создал рыцарей. С горестью начинает Готье терять веру в воскресение рыцарства. “Были рыцарские души после Жанны д’Арк и, благодарение Богу, есть они еще между нами, но рыцарство стало устаревшим учреждени-

ем. События, при которых мы имеем несчастье присутствовать, не позволяют нам надеяться, что уничтоженное и мертвое рыцарство возродится в будущем к свету и жизни". Исчезновение последних отголосков рыцарства из душ будет равносильно смерти... "Рыцарство, впрочем, еще не умерло совсем. Как бы мы не поступали, в нашем существе остаются еще известные рыцарские начала, которые сохраняют нас от смерти. Французская раса, благодарение Богу, еще любит французское отечество, и, будем говорить только о нашем отечестве, есть еще на свете толпа душ справедливых и сильных, которые относятся со страстным участием ко всему, что слабо и угнетено, которые знают и соблюдают все тонкости чести и предпочли бы смерть вероломству единой лжи. Вот чем мы обязаны рыцарству, таков его завет. В тот день, когда из наших душ будут изглажены эти последние остатки столь великого дела, мы умрем"».

Итак, рыцарство находит еще себе горячих защитников; однако Готье является почитателем только первого периода рыцарства, или, вернее, второго. В первом периоде рыцарь — *equus* — просто всадник, который должен являться вооруженным на службу сюзерена. Второй период рыцарства может быть назван церковным. Церковь освящает его, сопровождает поступление в рыцари известными религиозными обрядами и налагает на рыцаря обязанность защищать слабых, к числу которых относятся и женщины. Этот период отражается преимущественно в поэмах Королевского цикла и относится к XI веку. Третий период рыцарства характеризуется культом дам, который составляет преобладающий мотив позднейшей поэзии, особенно романов Круглого стола, — этот период уже относится к XII веку. Готье не имеет в виду этого последнего периода; настоящим рыцарством он считает то, которое отразилось в «Песне о Роланде» или поэмах Королевского цикла. Там еще нет культа дам, который выступает так резко в третий период и иногда находится в противоречии не только с феодализмом, но и с христианскими воззрениями и правилами. В этот второй период рыцарь является просто благородным человеком, защитником слабых и угнетенных, и если он является защитником женщины, то не вследствие особого культа ее, а лишь в силу того, что она существо слабое, не умеющее само отстаивать свою честь, так что третий период Готье считает эпохой порчи, разложения первоначально чистого героического рыцарского идеала.

Обратимся теперь к самому зарождению, к первым признакам возникновения рыцарства. Обряд посвящения в рыцари обыкновенно связывается с древнегерманским обычаем, приводимым Тацитом: «Они обсуждают всякое общественное и частное дело не иначе, как вооруженные, но ни один гражданин не имеет право носить оружие, пока не будет признан способным к этому. В общественном собрании один из вождей, отец или родственник, украшают юношу щитом и копьем. Это считается у них тогой, одеждой возмужалости; это первая почесть молодости; до этих пор юноша принадлежал семейству, теперь он принадлежит государству» (*Germania*. Гл. XIII). С этим древним обрядом и связано возникновение рыцарства, по крайней мере внешний обряд посвящения. Многие историки, между прочим и Гизо, давали объяснения этому месту у

Тацита, наиболее точное объяснение дано Зомом (Sohm). По его мнению, здесь идет речь не только о признании молодого человека совершеннолетним, но и о некоторого рода эмансипации, освобождении его из-под отеческой власти, известной древнему германскому праву. Достижение совершеннолетия не освобождало еще сына из-под «руки» отца само по себе, не делало его полноправным, для этого требовалось особенное действие – обряд эмансипации, обыкновенно следовавший за совершеннолетием. Обряд мог быть совершаем не только отцом, но по желанию отца и другим, посторонним человеком. В таком случае эмансипации посторонним сына дома предшествовала коммендация, традиция (*traditio*) со стороны отца, имеющая такое огромное значение в последующем феодальном порядке вещей. При эмансипации посторонним отец извлял свою волю не только на эмансипацию, но и на передачу – *traditio*.

Эмансипация посторонним отличается тем, что она не только устраняет, снимает отеческую власть, но вместе с тем имеет положительное следствие – ставит отпущенного на волю сына в известное личное отношение к тому, кто его отпустил, совершил действие. Какого рода будет это личное отношение – это зависит от договора, условия, заключенного отцом при *traditio*. Символы, которыми совершался обряд передачи, были различны. Мы встречаем и пострижение, поэтому *puer cinctus* считается несовершеннолетним, и совершивший над ним обряд пострижения эмансипировал его из-под власти отца и принимал под свою руку.

Поручение, переданное другому: остричь волосы – есть форма усыновления. Так, Карл Мартелл отправил своего сына Пипина к Лиутпранду Лангобардскому, чтобы тот остриг ему волосы и этим обрядом усыновил его.

Кроме того, наложение руки на шею, опоясание мечом тоже имели символическое значение. Наиболее распространенным общегерманским обрядом было вручение оружия как символа самостоятельности. Передача другому оружию для вручения сыну есть форма *adoptio* (усыновление), а также и форма для основания дружинных отношений. В последующих хрониках является чаще выражение «опоясывать мечом, давать меч – *armus virilibus*».

Так, в 791 году в Регенсбурге Карл торжественно опоясывает мечом 13-летнего сына своего Людовика (Благочестивого), короля Аквитании. В 838 году Людовик Благочестивый повторил то же самое для 15-летнего сына своего Карла (Лысого); а затем он надел на него корону и объявил королем Нейстрии. Здесь является, впрочем, уже некоторого рода религиозная церемония, оружие благословляется «во имя Отца и Сына и Святого Духа».

Следовательно, вот какое значение имеет этот обычай: он имеет значение освобождения из-под руки отца (*manus, mund*); тот, кто был до сих пор как сын дома, и в войске, и в суде представлялся отцом, теперь – сам лично получает участие в правах и обязанностях общественного права (*ante hoc domus pars videntur, mox rei publicae* – Germ., 13).

С этим обрядом несомненно связано и начало рыцарства. В XI веке сделаться рыцарем – значит получить право носить оружие, вступить в среду людей, имеющих это право, и впоследствии, когда является фео-

дальняя иерархия, стать в ряды этой иерархии. Само слово «рыцарь» обозначает первоначально низшую ступень феодальной иерархии; рыцарь есть владделец небольшого феодального лена. Из истории феодализма мы знаем, что ленники становятся в различные отношения к своему господину. Одни обязаны ему известным оброком, барщиной, и те, которые остаются в этом положении, спускаются до самых низких ступеней феодальной иерархии. Другие – несут благородную повинность, отбывают свои вассальные обязанности оружием, составляют вооруженную дружину своего сюзерена. Теперь при поступлении нового человека в среду несущих благородную повинность вассалов он необходимо должен быть принят известным образом. В отношении его допускается древнегерманский обряд опоясания мечом. Впоследствии является обычай, чтобы местные богатые ленные владельцы посылали сыновей своих в замок, ко двору сюзерена, чтобы юноша там научился владеть оружием, привык знать своего сюзерена и повиноваться ему. Однако обычай посылать своих детей сеньору с целью сделать из них впоследствии рыцарей не был общеобязательным. Многие из мелких феодальных владельцев шли в духовную службу; другие оставались на своих участках. Таким образом, этому обычаю нельзя придавать ту цену, которую ему придает Готье, противопоставляя рыцарство, состоящее из людей свободных, – рыцарству феодальному, остающемуся в феодальных отношениях к сюзеренам. Однако отсюда еще ничего следует, так как рыцарей, не имеющих ленов, было очень мало.

Об обязанностях пажей говорит St. Palaye (*Mém. Sur la chevalerie*. t. 1. p. 56):

«Необходимо, чтобы сын рыцаря, побыл конюхом (пажом – *écuyer*), умел обращаться с лошадьми, чтобы он был слугой прежде, чем станет господином, потому что иначе он не будет в состоянии понять благородство своего положения, когда делается рыцарем; для этого-то всего рыцарь должен отдавать своего сына другому рыцарю, чтобы он в молодости выучился за столом разрезать и служить, вооружать и одевать рыцаря. Точно так же, как человек, желающий быть портным или плотником, должен иметь учителем портного или плотника, так и всякий благородный человек, любящий рыцарство и желающий сделаться и быть рыцарем, должен прежде всего иметь учителем своим рыцаря».

При дворе сюзерена, следовательно, появились молодые люди, дети вассалов; достигнув известного возраста, они должны были вступать в среду воинов, в среду людей, призвание которых – носить оружие. По отношению к ним при дворе сюзерена совершается тот же древнегерманский обряд, о котором говорит Тацит. Обряд этот совершает сам сюзерен, что является весьма выгодным для владельцев небольших ленов. Если бы они сами совершали этот обряд, то он не имел бы никаких последствий; если же его совершил сюзерен, то этим самым он вступает в личные отношения к посвященному, между ними образуется личная связь, крепкая, прочная и высоко ценимая. В XI веке в феодальном замке, когда сын сеньора достигает совершеннолетия, происходит та же церемония: его опоясывают мечом, он принят в ряды воинов. И не только для сына, но и для молодых людей, воспитанных внутри замка, сеньор

делает то же; они считают за честь получить оружие из рук своего сюзерена среди своих товарищей; двор замка заменил народное собрание — но, в сущности, это тот же факт.

Наряду с выражением «опоясывать *armis virilibus*» есть еще латинское выражение — *cingulo militari insignire*. На этом основании некоторые производили самый обряд от обычая не германского, а римского. Однако в этом отношении правы те, кто, как Готье, отрицают это. Готье замечает, что если и удерживается выражение классическое, то обычай все-таки остается германским.

Таким образом, первоначальная ступень рыцарства означает вступление молодых вассалов в класс людей, исполняющих благородную службу. Впрочем, некоторые ученые представляют себе происхождение рыцарства совершенно иным образом; между прочим, вот в каких словах определяет Сисмонди происхождение рыцарства:

«Рыцарство было в полном своем блеске, — говорит он, — во время первого крестового похода, то есть во время царствования Филиппа I. Следовательно, оно возникло во время его отца или деда. В эпоху смерти Роберта и восшествия на престол Генриха мы должны рассматривать обычай Франции как уже вполне рыцарские. Быть может, действительно мы должны рассматривать контраст между слабостью королей и силой воинов как самый лучший довод к возникновению благородной мысли — освятить торжественным и религиозным образом оружие сильных для защиты слабых. Во время царствования Роберта дворянство замков начало усиливаться; искусство строить замки сделало огромные успехи: стены были более крепкими, башни, — более высокими, рвы — более глубокими... Искусство делать оружие, в свою очередь, сделало шаг вперед: воин был весь закован в железо или бронзу; его члены были покрыты ею, и его вооружение, оставляя членам их гибкость, не давало доступа неприятельскому оружию. Воин почти более не боялся за самого себя; но чем более он был вне опасности, тем более должен был чувствовать жалость к тем, кого возраст или пол оставляли беззащитными, ибо эти несчастные не находили никакого покровительства в беспорядочном обществе, у короля скромного, как женщина, и подобно им заключенного во дворце. Освящение оружия дворянства, сделавшегося единственной общественной силой, на защиту угнетенных было, как кажется, основной идеей рыцарства. В эпоху, когда религиозное чувство вновь начинает подниматься, но когда вместе с тем храбрость представляется лучшей жертвой Богу, нет ничего удивительного, что избрали военное посвящение, подобно посвящению духовному, и что рыцарство рассматривалось как второе духовенство, предназначенное к более деятельному служению Богу» (Sismondi. *Hist. de Français*. T. IV. P. 199–201).

Таков, следовательно, взгляд Сисмонди: он рассматривает рыцарство как учреждение, возникшее сразу и быстро развившееся под влиянием церкви и ее освящения, возникшее с известной целью, развивавшееся по определенному плану в несколько десятков лет. Но уже Гизо доказывает, что это мнение совершенно несостоятельно. Как сам обряд рыцарского посвящения стоит в связи с древнегерманским обычаем, так и сам институт должен иметь несомненную связь с древнегерманскими нравами.

Гизо особенно упирает на слово *miles*, обозначавшее рыцаря, он следит за историей слова, подтвержденной знаменитым словарем (глоссарием) Дю-Канжа. Слово *miles* по-латыни означает «воин»; во время распада империи глагол *militare* означал просто «служить» в общем смысле слова; так говорили о службе в канцелярии графа, префекта — *militat*; говорили даже о *militia clericatus* — «духовная служба» и т. п. Но в IX–X веках слово это снова возвращается к своему прежнему значению и *miles* значит «воин», товарищ своего военачальника. Тогда же оно делается синонимом слова «вассал» и показывает, что человек держит бенефиций от другого и этим связан с ним. Таким образом, слово *miles* означает рыцаря не в том смысле, как его описывает Сисмонди, а вполне подчиненного своему сюзерену вассала.

Впрочем, и в воззрениях Сисмонди есть нечто верное. Действительно, обряд, совершаемый при допущении свободного человека в ряды воинов, получил церковное освящение во втором периоде рыцарства. Таким образом, в первом периоде *militia* — рыцарство остается на почве феодализма; во втором периоде — церковь, освящая оружие рыцарей, возлагает тем самым на рыцарей новые обязанности. В третьем периоде, независимо от церкви, воображение и поэзия овладевают рыцарством и, развивая его далее, придают ему совершенно иной характер. Об этом третьем периоде мы будем еще иметь случай поговорить, когда перейдем к событиям XII века, а пока же займемся рассмотрением второго периода.

Он важен потому, что церковь освящает своим благословением церемонию возведения феодалов и молодых людей в вассалов, в ряды воинского сословия. Церковь долго не признавала военного ремесла. Первые христиане даже при Диоклетиане отказывались от военной службы. Долго еще подвергала церковь епитимьи человека, убившего другого, хотя бы даже врага. Когда церковь восторжествовала над всеми препятствиями и достигла первенствующего значения, она уже не могла оставаться противницей войны. Наконец, войны в защиту христианства дали церкви предлог благословлять войну, освящать оружие. Рыцарство являлось военным классом, посвящавшим себя и оружие на цели христианства. Поэтому в обряд посвящения и вошло столько религиозных обрядов.

Юноша, достигший совершеннолетия и желавший быть посвященным в рыцари, должен был прежде всего омыться (символ очищения). После ванны его одевали в белую одежду — символ чистоты, в красную одежду — символ крови, которую он должен проливать за веру, наконец, на него надевался черный камзол — символ смерти, ожидавшей его, как и всех людей.

Таким образом очищенный и одетый, посвященный постился в продолжение 24 часов. Вечером он входил в церковь и проводил там ночь, иногда один, иногда в сопровождении священника, который молился с ним.

На другое утро он исповедовался и причащался; после этого он слушал обедню Святого Духа и проповедь об обязанностях рыцаря. После проповеди он приближался к священнику с оружием, священник снимал его, благословлял и вновь надевал ему. Только после всего этого посвящаемый подходил к сеньору, становился перед ним на колени и выслу-

шивал следующий вопрос: «Зачем желаешь ты вступить в рыцари? Если ты желаешь быть богатым, добиться покоя и почестей и не сделать чести рыцарству, ты недостойн его и будешь среди рыцарей тем же, чем бывает священник, получивший место через симонию между служителями алтаря». После отрицательного ответа молодого человека начинался сам обряд. Посвящаемому надевали рыцарскую одежду: шпоры, кирасу, кольчугу, нарукавники, наконец, меч; сеньор подходил к нему и давал ему акколаду (*accolade*, *accoléé*, *coléé*) – три удара плашмя по спине или плечам (иногда легкую пощечину) – и произносил: «Во имя Бога, святого Михаила и святого Георгия, делаю тебя рыцарем»; иногда он прибавлял: «Будь храбр, честен и благороден».

На посвященному возлагались известные нравственные обязанности, которые нигде ясно не сформулированы (разве в рыцарских романах первого цикла, например о Роланде).

Некоторые сводят эти обязанности к 26; Готье (*Chevalier*, р. 33) сводит их к десяти, приравнивая, таким образом, к десяти заповедям. Мы будем придерживаться Готье. Обязанности эти следующие:

- 1) верить всему, чему учит церковь, и соблюдать заповеди;
- 2) защищать церковь;
- 3) иметь почтение ко всем слабым людям и быть их защитником; под слабыми тут разумеются: духовенство, нищие, вдовы, сироты. Тут еще не говорится о защите женщин; если их защищают, то это делают по предписанию церкви, а о служении даме еще нет и речи;
- 4) любить страну, где родился;
- 5) никогда не отступать перед неприятелем;
- 6) вести борьбу с неверными без отдыха и пощады. Это главная обязанность рыцарей. Рыцари, как Роланд и Готфрид Бульонский, которые являются идеалом для других рыцарей, только и заняты борьбой с магометанами (маврами) или в Палестине;
- 7) исполнять обязанности феодальные, если это не противоречит закону Божьему. Очень важна эта оговорка относительно Божьего закона. Она давала рыцарю право не исполнять незаконных приказаний сеньора, сюзерена;
- 8) не лгать и быть верным своему слову;
- 9) не быть скупым; напротив, быть даже щедрым;
- 10) быть везде и во всем защитником правды и добра против неправды и зла.

Кодекс в этом его виде, по словам Готье, безупречен, и на этой ступени развития рыцарь является идеалом мужества. На третьей ступени развития, когда в кодекс входит обязанность служения даме, Готье видит уже упадок рыцарства.

Другой свод сообщает нам Гизо.⁹ Составлен он на основании средневековых литературных памятников. Вот обязанности рыцаря по этому своду.

1. Уважать и бояться Бога, служить ему, биться за веру изо всех сил; скорее умереть тысячью смертей, чем отказаться от христианства.

2. Верно служить королю и храбро сражаться за отечество.

3. Поддерживать и защищать право слабых, вдов и сирот и девиц, вступать за них в бой при необходимости, конечно, если это не противно собственной чести или не оскорбляет короля.

4. Никогда не оскорблять никого с хитростью, не присваивать себе чужого имущества, а, напротив, биться против тех, кто это делает.

5. Не делать ничего ради скупости, награды или жадности добычи, а только ради чести, славы и добродетели.

6. Сражаться для пользы и блага общего.

7. Слушаться приказаний начальников, имеющих право повелевать.

8. Поддерживать честь и достоинство своих товарищей; не стараться, из гордости, возвыситься над кем-либо из них.

9. Никогда не сражаться несколькими против одного; избегать всякого обмана и хитрости.

10. Носить только один меч; иметь другое оружие разве только в тех случаях, когда придется биться одному против нескольких.

11. В турнирах и других увеселительных боях не биться острием меча.

12. Будучи взятым в плен во время турнира, исполнять буквально поставленные условия; кроме того, отдать победителю свое оружие и лошадь и не сражаться ни на войне, ни где бы то ни было без их отпуска.

13. Сохранять данное слово всем, а особенно товарищам своим, поддерживая честь их во время их отсутствия.

14. Любить и уважать друг друга; помогать один другому всегда, когда представляется случай.

15. Дав обещание идти в какое-либо предприятие, не отклоняться от прямого пути, из боязни встретить могущественного рыцаря, или чудовище, или диких зверей, вообще все то, что сила и храбрость одного человека могут победить.

16. Во время своего предприятия не снимать оружия, разве только ночью.

17. Не брать жалования или пенсии от чужестранного принца.

18. Предводительствуя войском, стараться содержать в нем порядок и дисциплину, особенно на родине, и не терпеть никаких насилий и грабежа среди воинов.

19. Сопровождая даму или девицу, служить ей, защищать ее от всякой опасности и оскорбления или умереть за нее.

20. Не оскорблять никогда даму или девицу, даже если бы она была завоевана оружием, без ее воли и согласия.

21. Будучи вызванным на поединок, не отказываться от него, разве только по случаю раны, болезни или другой уважительной причины.

22. Предприняв какое-нибудь дело, не отказываться от него год и день, кроме того случая, когда отзовут на службу короля и отечества.

23. Если рыцарь дает обет на приобретение какой-либо почести, не отказываться от обета, пока не совершат его или равнозначный.

24. Твердо хранить данное слово и клятву; будучи взятым в плен во время войны, уплатить обещанный выкуп или возвратиться вновь в плен в назначенный день и час, под страхом заслужить название бесчестного и клятвопреступника.

25. Возвратившись ко двору своего сюзерена, отдать верный отчет в своих поступках (даже если бы они были им неблагоприятны) королю, под страхом быть исключенными из рыцарей.

26. В особенности же рыцари должны быть верны, вежливы, скромны, никогда и ни в каком случае не изменять своему слову, какое бы зло им от этого ни случилось (*Vilson de la Colombière. Le vrai théâtre d'honneur et de Chevalerie. Т. I. Р. 22*).

Есть и другие своды рыцарских обязанностей с еще большим числом пунктов.

В третьем периоде развития рыцарства происходят изменения церемониала рыцарского посвящения. Увещания восприемника об обязанностях рыцаря принимают характер, совершенно отличный от тех предписаний, которые налагались прежде духовными лицами. В XII веке: «Когда дама или девица имеют нужду в нем (рыцаре), он должен помогать им по мере своих сил, если хочет приобрести *los et prix* (*mérite et louange*), ибо должно почитать дам и переносить всякую тягость, защищая их право». После рыцарской присяги дама вооружает рыцаря; дама помогает надеть ему панцирь, дама опоясывает его мечом, подвязывает золотые шпоры – эмблему быстроты, с которой он должен лететь на помощь слабому полу и всем угнетенным.

Заметим еще, что кульминационным пунктом рыцарства является промежуток между 1066–1096 годами. Года эти принимаются потому, что к 1066 году относится первое упоминание о Песне про Роланда (в сражении при Гастингсе один воин по имени *Taulefert* выехал вперед и воодушевлял войско Песней о Роланде и Ронсевальской битве), а в 1096 году произошло взятие Иерусалима Готфридом Бульонским. Этот промежуток в 30 лет является временем расцвета рыцарства церковного; в XII веке уже является рыцарская поэзия и в само рыцарство вносятся новые идеалы, новые обязанности – служение даме, то, что французы называют *courtoisie*.

Потом мы еще вернемся к рыцарству, когда займемся рассмотрением третьего его периода.

ИСТОРИЯ КОММУНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Мало найдется вопросов истории, которые были бы разрабатываемы с таким старанием и интересом, как происхождение городов.¹ Причина того не только трудность задачи, но и важность. Города не только создали tiers état, их влияние не было исключительно политическим: благодаря городу не только государство, но и идеи, и нравы, и искусство, и литература, торговля и промышленность были преобразованы.

Существуют несколько теорий происхождения городских устройств.

Первая теория (родоначальник ее Savigny) выводит их из римского предания и римского муниципального устройства.² Школа эта говорит, что римская традиция существовала непрерывно до XII века и легла в основание городского движения. С некоторым ограничением теория эта признается и Гизо для Южной Франции (см. т. I, 88 сл. л.).³

К. Ф. Eichhorn, основатель истории германского права,⁴ хотя и не порвал решительно связей с теорией романистов, но все-таки его «Über den Ursprung der Städtischen Verfassung in Deutschland» (в «Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft», I и II от 1815 и 1817) показывает значительный прогресс. Эйхгорн уже не признает, что муниципии сохранились в городах во всех своих частях. Без сомнения, он еще признает за ними большое влияние, но, в отличие от своих предшественников, включает в дело новые элементы: первый привлекает внимание к роли, которую играло вотчинное право le droit domaine, «Hofrecht», в образовании буржуазии и в выработке городского права. И хотя он еще верит в существование курии после варварских нашествий, все-таки он поставил задачу на должное место и показал, что решение ее может быть найдено только после анализа политической и социальной среды, в которой развивалась городская община.

Вторая теория, во главе которой стоит Aug. Thierry,⁵ указывает другой источник происхождения городов, а именно – из гильдии, то есть ассоциации с известными целями, союза несвободных или свободных для взаимной поддержки и торговли. Этот источник городского самоуправления признает и Ф. Гизо для городов Северной Франции.

Остановимся прежде немного на вопросе о гильдиях.⁶

Гильдии, одинаково распространенные как в Скандинавии, так и на материке, представляют из себя особые ассоциации, имеющее себе аналогию и в наших братчинах.

«Ассоциация была свойственна всем народам германского племени», – говорит Giry. Чтобы расширить семейный круг, чтобы иметь возможность представить перед судом большее количество соприсяжников, чтобы набрать себе друзей, могущих поручиться, в случае уплаты виры, чтобы успешно сопротивляться насилиям и гарантировать свободное пользование собственностью или свободное занятие профессией, германцы закрепили клятвенным союзом отношения соседства, которые существовали между ними и не казались им недостаточными. Эти ассоциации, в ко-

торых каждый член уплачивал известный взнос, которые обыкновенно находились под покровительством какого-либо святого или под защитой сильного лица, соединяли членов своих в общих пиршествах и известны были под именем гильдии. Мы встречаем в памятниках также названия *conjugationes, confratritiae, consortia, amicitiae*. Подобные общества имели различные цели; некоторые соединялись для взаимного вспомоществования в случаях пожара или наводнения, другие имели целью взаимную помощь или благотворительность, иные, наконец, — чисто религиозный характер. Сведения, которые мы имеем об организации их, показывают, что она была сходна у всех их (Giry. *Histoire de la ville de St.-Omer*. P. 276–277).⁷

«Германский народ имел привычку соединяться в общины для взаимной помощи в несчастьях, в особенности же в случае пожара или наводнения. Это называлось составить гильдию (*Gilda, Geldonia*); члены ассоциации вносили известную сумму (само слово “гильдия” происходит от немецкого *Geld* — деньги), с помощью которой уплачивали убыток пострадавшим от пожара или потерявшим свое имущество при наводнении. Члены гильдии клятвенно обещались сохранять и исполнять статьи ее устава и соединяться в определенное время на пиршества, чтобы обсудить общие дела и выпить чашу во славу святых покровителей гильдии и в честь героев народа. Не нужно искать непременно зародыша гильдии в Скандинавии, хотя здесь они действительно долее всего сохранили свой первобытный характер. Франки перенесли и распространили их по всей Галлии, где они сделались предметом строгих гонений; во Фландрии и духовенство, и короли гнали их то под предлогом, что они возбуждают пьянство, то под тем предлогом, что они прикрывают составление заговоров, опасных для общественного спокойствия. Особенно в то время, когда Каролингская монархия сделалась огромным телом, трудно управляемым, окруженным неприятелями, с налогами тяжелыми для народной массы — гильдии сделались предметом строгих указов».⁸

«Пусть никто, — говорит Карл Великий в Геристальском капитулярии 779 года, — не осмеливается связывать себя гильдейской клятвой. Каковы бы ни были соглашения, в которые вступают по поводу пожаров, наводнений или милостыни, пусть никто при этом не дает клятвы» (Boretius. *Capitulare regum Francorum*. С. 51). Другой капитулярый Карла Великого (в Ахене в 789 г.) направлен вообще против порока пьянства, затем в особенности против клятвенных союзов, которые носят имена св. Стефана или короля и его сыновей (Boretius. С. 64).

Капитулярый Людовика Благочестивого 821 года говорит в следующих строгих и определенных формах: «По поводу союзов, которые составляют сервы во Фландрии и других соседних с морем областях, мы желаем, чтобы наши посланные принудили сеньоров этих сервов не дозволять им вступать в подобные союзы. И пусть сеньоры знают, что если сервы не будут повиноваться приказаниям нашим после того, как им будут объявлены, то сами сеньоры подвергнутся *bannum*, то есть должны будут заплатить пеню в 100 су» (Boretius. С. 301).

«Но, несмотря на все это, гильдии продолжали формироваться и учреждение принимало все более и более полезный характер взаимной по-

мощи в случае нужды или несчастья» (Wauters A. *Les libertés communales en Belgique*. Bruxelles, 1878. P. 139).

О дальнейшей судьбе гильдий на материке мы не имеем известий; только во время развития «Божьего мира» гильдии вновь всплывают здесь наружу. Но зато мы имеем возможность ближе ознакомиться с основным характером и дальнейшим развитием того же рода учреждений у англосаксов. Многочисленные англосаксонские гильдии, уставы которых теперь напечатаны в сборнике Т. Smith'a, у Gross'a и других,⁹ прежде всего являются религиозными братствами с задачами благотворительности и с общими пиршественными собраниями; для этого существуют общие взносы солодом или подобными запасами, а также штрафы и взыскания, чаще всего фунт воска. Не только общим характером, но и мелочными подробностями устава подобного рода гильдии напоминают наши медовые братства, существовавшие в юго-западной России во время Унии; очень вероятно, что сходство это не случайное и что оно указывает на заимствование с Запада и против прямого происхождения западнорусских братств от древнерусских братчин.

Итак, первоначальный характер и цель гильдии есть соединение для общей трапезы и пиршества (первоначально в честь языческих богов, потом в честь святых); впоследствии к этому присоединяются и взаимная помощь и поддержка.

Англосаксонская гильдия (например, Эксетерская и другие) в статутах своих требуют от членов обещания помогать друг другу в случае уплаты вирных денег или обиды кого-либо из гильдейцев. Гильдии другого вида устанавливались для охраны закона, мира (мировые гильдии). Из этих видов гильдий на материке допускались, как видно из постановления 830 года Гинкмара, Реймского епископа,¹⁰ те, которые служат церковной пользе, например, к доставлению свеч, светильников, погребению усопших, раздаче милостыни и тому подобное.

Третий род гильдий — купеческие или ганза, целью которых было обезопасение от насилий баронов. Таких гильдий много упоминается при Вильгельме Завоевателе,¹¹ например Кентерберийская, Дуврская и другие. Из уставов их видно, что гильдии владеют землей, имеют свою юрисдикцию, издают дополнительные собственные постановления, одним словом, имеют характер официальной организации, сначала дополнившей общинную администрацию и затем слившейся с ней в одно целое. В больших торговых городах купеческая гильдия иногда приобретала у короля так называемый *firmata burgi*, то есть грамоту, разрешающую им самим раскладывать и собирать налоги, возложенные на город; благодаря этому горожане избавлялись от притеснений и излишних поборов со стороны шерифа, который прежде заведовал сбором податей. Далее купеческая гильдия давала средства к освобождению: крестьянин (*villan*), которому удавалось попасть в члены гильдии и которого не находил его господин в течение одного года и одного дня, делался свободным человеком.¹²

Приведем для образца постановления отдельных гильдий всех трех разрядов. Статуты эти принадлежать к началу XI века.

1) В аббатстве *Abbotsbury* в *Dorsetshire* некто Очку жертвует гильдии залу (*gegyldealle*), отдававшуюся гильдии во славу Бога и в честь

св. Петра, и дает устав членам гильдии (*gegylðan*). Взносы производились воском, хлебом и дровами; воск шел для церковных свечей. За неисполнение членских обязанностей назначались штрафы, также и за оскорбление словами и за то, если кто приводил на гильдейский праздник большее число гостей, чем было назначено. Единственной специальной обязанностью было облегчение последних минут умирающих, присутствие на похоронах и моление за души усопших членов; единственными должностными лицами упомянуты старшины.

2) *The Exeter gild*. Уставы Экстерской гильдии предписывали три годичных праздника с обедами и псалмопениями за живых и мертвых. Взносы производились солодом и медом; штрафы полагались за небрежное отношение к праздникам или взносам и за оскорбительные речи. В случае смерти члена производилась подписка по пяти пенсов, в случае пожара – по одному пенсу; также предусмотрены и похоронные издержки. Это пока чисто религиозные гильдии.

3) Нечто большее представляет устав Кембриджской (*Cambridge*) гильдии. И здесь мы находим распоряжения относительно похорон членов, штрафы за нарушение уставов, постановления о взаимной поддержке в затруднительных обстоятельствах. Но кроме того: если кто-либо был ограблен, то гильдия брала на себя взыскание с вора до 8 фунтов; если кто-либо из членов убьет кого-либо по справедливым причинам, то гильдия помогает ему заплатить виру; если же убийство совершено несправедливо, то убийца сам платит; если один член убьет другого, то он должен «выкупить его место», как члена, штрафом в 8 фунтов; если кто-либо станет есть и пить с убийцей члена гильдии, он должен внести штраф или оправдаться при помощи соприсяжников. Едва ли следует сомневаться, что гильдии такого рода еще ранее получили законное признание; на это указывает закон Этельреда,¹³ угрожающий штрафом за нарушение мира в пивном доме (*ale house*), имеется в виду, очевидно, нечто подобное.

Статуты Кембриджской гильдии сближают религиозные гильдии с мировыми (род ассоциаций, о которых сохранились более ранние известия, хотя они позднейшего и более сложного характера). Предписание законов Инэ Уэссекского (688–726), Альфреда Великого (871–899) о том, чтобы гегильдан (*gegildan*, то есть согильдеец) или гильдейское братство заботилось о взыскании виры за убийство, весьма вероятно относится к учреждению в таком же роде, существующему между моряков в приморских городах Уэссекса.

В законодательстве Инэ мы читаем: «Если является чужой человек, идет по лесу, а не по дороге, и не дает знака о себе ни голосом, ни рогом, то в нем можно видеть вора и нужно убить. Если же за убитого будут требовать виру, то убийца может утверждать, что он убил его, как вора, и ни гегильда убитого, ни господин его не могут принести очистительную присягу в том, что убитый не был вором».¹⁴

В законе Альфреда: «В случае убийства родственники убийцы должны уплатить $\frac{1}{3}$ виры, гегильданы – еще $\frac{1}{3}$, взамен же оставшейся трети убийца должен спастись бегством».¹⁵ Отсюда видно, что гегильданов нельзя, как иногда думают, считать родными убитого.

Мы имеем полный устав мировой гильдии города Лондона с прилежащим округом (924–940) при Этельстане (*Judicia civitatis Lundoniae*), в котором замечается определенная попытка со стороны общественной власти восполнить посредством мер взаимной помощи недостаточную охрану закона, дурно исполняемого. Если в самом деле сей акт есть произведение вольной ассоциации, то это весьма любопытное явление, провозвестник германских союзов позднейших времен. Уставом этим определяется ежемесячное собрание, во время которого происходит наполнение бочек, пиршество на общий счет, то есть пир братский, остатки же от стола поступают в пользу бедных в виде милостыни; по смерти гильдейца каждый братчик дает один хлеб и должен пропеть – либо заставить, чтобы пропели – пятьдесят псалмов; таким образом общая форма религиозной гильдии еще удерживается. Но другие пункты введены к обеспечению взаимной безопасности: каждый член вносит четыре пенса в общую кассу, из которой гильдия вознаграждает потерпевших членов; затем вносят один шиллинг для поимки и преследования вора. Члены гильдии составляли группы по десять человек с десятником во главе. Десятники имели одного общего предводителя, который, встав во главе сотни, назначался, вероятно, и казначеем. Были и другие охранные или мировые гильдии с той же целью, как и Лондонская, например Кентерберийская.

Итак, вот различные роды гильдий; какую же связь имели они с городским движением?

Связь эта, как увидим немедленно, была прямая и непосредственная. Вообще начало городского движения можно объяснить следующим образом: в известном городе умножается население, увеличивается благосостояние, начинается торговля. Вследствие насилия феодалов горожане, бывшие в положении вилланов, то есть людьми несвободными, составляют ассоциации для общественной безопасности, выбирают старшину и чиновников, заведующих общей казной. До сих пор это дело является чем-то самовольным и не признанным правительством. Является вопрос, каким образом городские общины добились признания своих прав? К этому могли прийти различными путями. Самый простой способ – обратиться к сюзерену, который мог утвердить и даже расширить права ассоциации и таким образом их узаконить. Так, действительно, и было во многих местах. *Giry* настаивает, что именно этим путем получила свой устав Сент-Омерская гильдия; королевская хартия таким образом давала старшинам право самоуправления и суда. Кроме прямого пути признания можно было идти другим, подобно тому, как мы видели в Нормандии. Восставали отдельные города и вели борьбу с сеньорами, то есть горожане, как и крестьяне, были «люди мертвой руки», брались за оружие и производили бунт. Восставшие, разумеется, организовывали у себя ассоциацию – форму гильдии. Таким образом, гильдия является результатом восстания. Если восставал большой торговый пункт, то, конечно, население его составляли люди разной юрисдикции: тут были и свободные, и крепостные, подлежавшие светской власти и подлежавшие духовному суду и т. п., но все соединялись против феодала, у которого не хотели судиться, и изгоняли его. Таким образом прав своих эти города добивались

не путем признания их королем, а открытой силой. Это – мнение Тьерри, но оно не совсем верно. Тьерри придает слишком много значения революции, насильственному ходу дела¹⁶; гораздо естественнее представить себе, что богатые торговые города получали свои привилегии первым, мирным путем от своих сеньоров, очень часто покупая хартии вольностей за известную сумму денег.

Но теорию происхождения городов из гильдий нельзя признать справедливой. Например, в хартии города Saint-Omer гильдия и коммуна являются совершенно отдельно друг от друга; в хартии города Arle слово «гильдия» совсем не встречается.

Между гильдией и коммуной существуют следующие различия:

- 1) гильдия, добровольная ассоциация, составлена из буржуазии и небуржуазии, а в коммуне должны принимать участие все жители города;
- 2) кроме того, коммуны являются особенно в тех местностях, где никогда не существовали гильдии (Laon, Noyon, Beauvais, Cambrai, Tournai и прочие).

Ничто не дает повода предполагать, что в местностях (например, во Фландрии), где существовали в одно время и гильдия, и коммуна, коммуна произошла из первой. Гегель говорит, что гильдия не имела никакого влияния на образование городских устройств, она не породила ни коммуны, ни совета. В своих взглядах Гегель сходится с Gross'ом, который также не видит в гильдиях источника городского строя.¹⁷

Третья теория: существуют города и местности, самоуправление которых не может быть выведено ни из римского муниципалитета, ни из гильдий. Города эти возникли в средней Франции, никогда не восставали и не имели гильдий, а между тем все-таки стали самоуправляющимися общинами. На этих городах останавливается и Гизо, который разделяет все города Франции на три группы:

- 1) города с консулатом, то есть выборными властями, удержанными из древнего муниципалитета (южная Франция);
- 2) городские коммуны, получившие самоуправление путем восстания (северная Франция);
- 3) города с дарственными королевскими хартиями (средняя Франция).¹⁸

Для объяснения происхождения самоуправления указанных городов необходимо обратиться к теории возникновения города. Приводим здесь теорию Маурера из его «Geschichte der Städteverfassung», прилагаемую не только к немецким, но и к французским городам.¹⁹ По мнению Маурера, городская община со своей особой организацией возникла не из муниципий, не из гильдий и не путем восстания, а просто из сельской общины. В Германии и тех частях Франции, где поселились франки, образовались сельские общины и марки; под каждую марку выделена известная часть земли, леса, выгона. Разумеется, есть распорядки, как пользоваться этими общественными владениями, а стало быть – были и власти, следившие за правильностью пользования, власти, конечно, выборные. Первоначальные занятия жителей – земледелие и скотоводство. С течением времени в известной общине население увеличивается, делается, вместе с тем, крепостным или свободным. В первом случае выбор-

ные власти должны получить утверждение со стороны владельца общины. Вследствие разных причин – войн, смут и так далее – такую общину пришлось окружить стеной ради безопасности; образовался таким образом *burg*, где население продолжает все же земледельческие занятия, сохраняет свои старые порядки и власти. Вместе со средоточением населения в известных местностях, по необходимости, является потребность общения между ними, в разных местах появляются важные пункты для мены, развивается обмен товаров, возникает торговля. Это новое занятие вызывает новые потребности, является необходимостью в новом устройстве; торговля может совершаться лишь при известных условиях, которым удовлетворяет привилегия свободного рынка, даруемая владельцем. Привилегия эта необходимо должна сопровождаться свободой передвижения из одной местности в другую, а также должна была позволить жителям рыночного пункта свободный выбор полицейских властей, по крайней мере на время рынка, которые, конечно, получали на это время известные судебные функции. Дальнейшее развитие торговли, ставшей мало-помалу исключительным занятием жителей огороженной общины и превратившей ее в город, должно было вызвать и другие права: явился вопрос о монете и потребность надзора за ней (*Münzrecht*), вопрос о пошлинах и освобождении от них (*Zollrecht*) и так далее. Города приобретают мало-помалу ряд прав, которые выделяют их жителей из среды остального населения; так, уже право свободного провоза товаров необходимо должно было нарушить принцип прикрепления к земле. Таким образом, несвободное село приобретает права и становится свободным; вследствие этого сюда стекается население из окрестностей; является правило, что проживший в городе определенное время становится свободным и так далее. Прежние органы самоуправления получают другое значение, вместе с городами им дают более обширные компетенции. Таким образом, старые власти остаются, только круг деятельности их несколько расширяется. Маурер и некоторые французские ученые усматривают в мэре (*major*), присяжных (*jurati*) и скабинах (*echevins*), встречающихся в коммунальных грамотах, остатки древних общинных властей, существовавших еще во время пребывания известного города на степени сельской общины.

Несовременство теории Маурера состоит в том, что он придает слишком мало значения этим скабинам, которые встречаются при возникновении городских общин. Нам уже известно, что такие были эти скабины, остатки каролингского времени и древнегерманского устройства. Мы знаем, что первоначально судьей в известной области является граф, что вокруг него сосредотачивается и помогает ему комитет из семи членов, свободных людей, рахинбургов. Во время Каролингов, когда свободные люди стали неохотно являться к отправление этой обязанности, ее возложили на нескольких лиц – скабинов (в наших городах с магдебургским правом они соответствуют лавникам), которые назначались королевскими миссами и другими административными чиновниками, а следовательно, являлись органом центральным, идущим сверху.

Мы видим впоследствии, что почти во всех городах Северной Франции являются скабины (*scabini*) и эшевени. Они получают важное значе-

ние, являются органами местного суда, а потом и органами самоуправления, вместо исчезнувших *jurati*. Не трудно объяснить себе, каким образом скабины стали столь близки сердцу горожан, что им стали поручаться все административные дела, городские постройки, сборы податей, пошлин и тому подобное.

Нам известно, каким образом произошло феодальное развитие, как аббаты монастырей, крупные вассалы приобретали иммунитет и права юрисдикции в своих владениях. Мало-помалу королевские скабиальные судьи утратили свое значение для высших слоев населения, за ними осталось, по мере развития феодального строя, только право низшей юрисдикции, которое они и сохранили еще в XII и XIII веках. Будучи в силу этого более близкими к народу, чем к феодальным властям, они сроднились с общинниками и получили большое влияние на общину. Скабины, утратив свою власть по отношению к высшему классу населения, тем крепче слились с низшим и сделались ему необходимы — отсюда и их возвышение, а наконец, и переход в их руки почти всех административных дел общины. Если же случалось так, что город по суду и воле короля получал привилегии, то власть скабинов прямо даже расширялась указом короля.

Теория Маурера была отвергнута тотчас же за появлением; М. Heusler («*Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung*»), между прочим, доказал ее слабость.²⁰ Без сомнения, между организацией сел и городов видно начиная с XIV—XV столетий много аналогии, а в городах, таких как *Seligenstadt* или *Montzingen*, совет, кажется, занял место прежнего сельского управления. Но эти местности были городами только по имени: это просто села, получившие недавно бургомистра и совет. Это только копии городского устройства. В 1854 году W. Arnold выпустил в свет свою «*Verfassungsgeschichte der deutschen Freistädte*». Его теория, в 1872 году подкрепленная еще данными М. Heusler, получила широкую известность. Изложено учение Arnold—Heusler'a в книге Dietsch—Kohl, последней мы и воспользуемся.²¹

Возникновение немецких городов

По свидетельству Тацита, древние германцы не имели городов (*urbes*); вообще они не любили селиться на узком пространстве, стесненном стенами.²² *Oppida*, о которых говорят Цезарь и другие римские писатели, суть не что иное, как места, укрепленные валом и рвами и служащие при нападении врагов убежищем. Также и во время Тацита, и даже во франкское время существовали такие укрепленные места, назначение и характер которых ясно видны из названий, данных им (*castellum*, *burgium*; например, *Asciburgium* Тацита, *firmitates*, *civitates*, *castra* — во франкских анналах).

В тех местах Германии, где римское владычество прочно утвердилось, хотя и были построены города по римскому образцу, только немногие из этих городов пережили переселение народов, так как германцы, по своему обыкновению, разрушали стены и башни завоеванных городов, разоряли их и оставляли необитаемыми. Когда находившиеся под

властью франкских королей германцы начали с VI века возобновлять разрушенные города и римские городские стены, то от римских учреждений не осталось уже нигде и следа. Вновь основанные города были заселены германцами и переименовали римские названия на немецкие (например, Argentoratum стал называться Страсбургом, Vaugiones – Вормсом, Nemetes – Шпейером и т. д.). Также и во внутренней Германии в тех местностях, где никогда не было римских городов, возникли стараниями франкских и первых немецких королей колонии с городским характером, называвшиеся «бургам», были ли это только castella, или укрепленные феодальные замки, или настоящие крепости.

При постройке укреплений подражали римским образцам. Места окружались стенами с башнями или валом со рвами и для построек использовали лес и кирпич. От сел города отличались своими укреплениями. Только там, где уже раньше было заселенное место, мог возникнуть город; где этого не было, там в одно время с основанием города должна была возникнуть и колония с деревенским характером. Те германские города, которые возникли из возобновленных или вновь укрепленных древнеримских городов, достигли скорее процветания, чем вновь построенные во внутренней Германии. Удобное положение первых на реках и торговых путях делало из них торговые центры, а большая безопасность при наличии укреплений делала их удобными для сосредоточения здесь епископов и вместе с тем высшей материальной и духовной культуры. (По каноническим правилам епископства должны были учреждаться только в городах; там же, где их не было, выбирали места, которые, находясь в удобной местности, годились для сосредоточения приходов и сношений.)

Города возникали часто подле мест, где располагались дворцы и дворы королей, духовных и светских князей, соборных капитулов и аббатств; реже – возле монастырей, так как последние основывались по большей части в уединенных, отдаленных от торговых путей местностях. Другие города появились без таких внешних причин в местностях, которые часто подвергались неприятельским нападениям и потому нуждались в укрепленных пунктах для защиты жителей и охраны торговых отношений.

Города делились на имперские и княжеские. Первые управлялись королевскими чиновниками (бургграфы, фохты), в последних правил господин через своих чиновников. К имперским, или королевским городам, или civitates regiae, или imperiales, или imperii принадлежали не только возникшие возле пфальцов города,²⁴ но и города духовных князей, так как в них отправляли свою должность бургграфы и фохты с судебной властью, вследствие дарованного им королями права *Blutbann'a*. Позже, именно с середины XIV века, из рядов имперских городов выделились, как особый класс, вольные города. Под ними разумеют такие города, которые вышли из-под власти господина, но еще не вступили в подданнические отношения к государству, в которых они первоначально находились и в которых состояли, например, пфальцские, а теперь – имперские города (Heusler, 238 сл.).²⁵ Присяга, которую приносили эти города их протекшему господину, не представляла из себя присяги в верности, а только в союз; также они не были связаны присягой с королем как своим

господином и не обязаны были государю ни платой *census camerae imperiali solvendus*, ни военной помощью. Они пользовались, таким образом, свободой, которую не имел ни один имперский город, так как они создавали по своему желанию свои отношения с государством и имели самостоятельное управление. Без сомнения, такими вольными городами были Кельн, Майнц, Вормс, Шпейер, Страсбург, Базель и Регенсбург; другие города также изъявили притязание на эти права, но ни один из них не мог на долгое время удержать свою свободу. До середины XV века семь вышеназванных бывших епископских городов сохранили название вольных; с этого же времени мало-помалу совершалось смешение вольных и имперских городов. Скоро имперские города получили название вольных городов, но спустя немного времени отказались от этого титула и стали называться опять имперскими. Наконец, прежние вольные города стали называться «вольными имперскими городами» и такое же название получили некоторые имперские города в виде королевского пожалования (например, Франкфурт).

Происхождение немецкого городского устройства

Для истории городского устройства, говорит Dietsch (С. 311–312)²⁶ чрезвычайно важно точное выяснение понятия иммунитета в меровингское и каролингское время, так как Оттоновы привилегии, составляющие исходный пункт городского устройства, могут быть понятны по своим целям и содержанию только в том случае, когда правильно выяснена сущность иммунитета. В своем месте (III, I)²⁷ мы уже довольно подробно говорили об иммунитете и потому распространяться о нем теперь не будем. Под Оттоновыми привилегиями подразумеваются дававшиеся саксонскими королями (в особенности Оттонами I, II, III) грамоты, которыми духовные владетели получали право не только гражданского, но и уголовного судопроизводства. Другими словами, они получали в своих владениях те же права, которые принадлежали графам. Хотя Оттоновы привилегии по своей внешней форме во многом напоминают иммунитетные грамоты Меровингов и Каролингов, но они содержат нечто совершенно новое, стоящее в противоречии с первоначальным понятием иммунитета. «Иммунитет, — говорит Heusler, — означающий только отстранение правительственного чиновника, заменили Оттоновы привилегии... Историческое развитие должно было по необходимости привести к оттоновым привилегиям с тех пор, как графы перестали чувствовать себя имперскими чиновниками, но сами сделались помещиками, желавшими стать по возможности независимыми от короля; интерес государства требовал от королей поддержки желаний духовных землевладельцев, которые противодействовали расширению графской власти на чужие владения. Так как духовные поместья не переходили от одного члена фамилии к другому члену ее, то духовный владетель графских прав скорее походил на пожизненно назначенного чиновника, чем на несменяемого в своем владении князя. Отсюда объясняются пожалования целых графств епископам и аббатам, которыми вместе с тем передавались в *jus comitem eligendi u bannos habendi*.

Графы дареных графских поместий были или чиновниками духовных владетелей и получали от них пожалования ленными поместьями, или же люди, исправлявшие прежде должность фохтов при епископах и аббатах. Но так как духовный владетель не мог по церковному праву ни иметь Blutbann, ни жаловать его, то король имел большее влияние в духовных поместьях, чем в светских, где землевладелец сам назначал уголовного судью. И графы, и фохты, хотя и представляли из себя чиновников духовных помещиков, но не были подчинены им, так как в то же время они были имперскими чиновниками, обязанными блюсти интересы короля и государства. Они препятствовали, чтобы свободные люди, получившие иммунитет, попадали в имущественную и личную зависимость и тем самым сохраняли союз их с королем и государством. В городах не видели несчастья в том, что судопроизводство перешло от графа к епископу, считали это за благодеяние. Большая мягкость епископского правления создала пословицу: под епископским посохом хорошо живется. Большинство духовных владетелей заботились отечески о благосостоянии своих подданных и помогали возвышению своих городов. Сами не замечая, они работали таким образом во вред своим владетельским интересам; когда они захотели усилить епископское фохство, то с ужасом должны были признать, что города незаметно уже вышли из него. Возникшая борьба кончилась повсюду низложением епископского господства и учреждением вольного городского устройства с думой (Rath) во главе управления. Происхождение думы надо искать в учреждениях, существовавших уже при епископском господстве, consilium в епископских городах было первой ступенью позднейшей думы. Это consilium первоначально не имело строгой организации, епископ по своему усмотрению привлекал к совещанию кого хотел, вассалов или свободных (burgenses).

Возвышение городов и связанное с ним понятие чувства собственно-го достоинства всех классов жителей способствовали тому, чтобы епископское consilium сделалось присутственным местом, в котором решались коммунальные дела низшего класса. Оно составлялось из заседателей народного суда, то есть из тех людей, которые слыли и пользовались общим доверием. Епископ те дела, одобрение которых со стороны граждан было ему особенно важно, переносил для обсуждения в общее судебное собрание, даже когда заседатели сами выбирали себе путем чрезвычайных выборов дополнительных скабинов... Само собой случалось тогда, что епископ предоставлял этому совету известное право управления, без внешнего акта, без точного назначения приобрел, таким образом, совет более крепкое положение» (Heusler. S. 180–206).²⁸ Но это увеличение прав вовсе не вело к вольному городскому устройству, но только к большей самостоятельности епископского совета в коммунальных делах.

Образование вольного городского устройства было возможно только через передачу или переход официальной власти от епископа или его чиновников к совету. Только в очень незначительных случаях совершался этот процесс в мирной форме, по большей же части освобождение от епископского фохства было доступно только после сильной борьбы. Большое значение в этом отношении для истории городского устройства имело время Генриха IV.²⁹ Хотя епископы сделали повсюду, благодаря Оттоновым

привилегиям, высшими судьями и, занимая такое положение, назначались в город на положение в роде официальных чиновников, но связь между городом и государством оставалась прежняя. Жители епископских городов, как и раньше, должны были отправлять обязанности по отношению к королю: являться на войну, платить подати для содержания королевского двора и т. д. Епископ не смел, например, ограничивать обязанность государственной службы, и короли особенно наблюдали именно в епископских городах, чтобы не были уменьшены произвольно их королевские права. И наблюдать за этим было тем легче, что короли по старому обычаю по большей части останавливались со своим двором в епископских городах или имперских аббатствах. Вследствие того они находились в тесном сношении с местными жителями, убедились на собственном опыте в важности союза с ними и постоянно разрушали мнение, будто епископские люди не составляют подданных короля и государства. Связь епископских городов с государством поддерживало также то, что высшие епископские чиновники получали от короля пожалование ленным поместьем вместе с *Ванн'ом*. Таким образом получалось, что для горожан епископских городов духовный владетель не был землевладельцем и владыкой их, но только представителем короля, имевшим господские права по доверенности последнего подобно тому, как раньше бургграфы и фохты. Когда во время борьбы Генриха IV епископы отпали от короля³⁰ и следовали политике, враждебной для интересов государства, то горожанам здравый смысл подсказал, что повинование королю лучше, чем духовным господам. Жители Вормса первые показали в 1073 году другим коммунам добрый пример: они дали королю верноподданническую присягу и стали отдавать в его пользу подати, собиравшиеся раньше для епископа и бургграфа.³¹ Генрих IV отблагодарил эту верность пожалованием привилегий и вольностей, а Генрих V еще увеличил их за верность, оказанную этим городам его отцу.³²

Когда спор об инвеституре утих и отношения между королем и князьями приняли более дружеский характер, то, по-видимому, и в развитии отношений городов с королевской властью наступило затишье; но именно в это время развилось могущество городского управления, вырвавшее из сознания подчиненности епископских городов королю и государству. Почти всюду совет горожан взял на себя право защиты собственности, стараясь не обострять отношения с епископами. Он вскоре освободил духовного сеньора от труда взимания с горожан податей, незаметно права совета увеличивались. Пока епископы не протестовали против всего этого, другими словами, пока их собственные интересы совпадали с городскими, мир не нарушался.

Но с началом XIII века положение дел было таково, что должен был произойти перевес на одну или на другую сторону. Когда Фридрих II приехал в Германию, то заметил разлад между городами и епископами; первые выставляли вперед свою принадлежность к империи, а вторые – свое епископское фохтство. Королю были важны только политические расчеты; союз с князьями ему нужнее для борьбы с папами и с мятежниками лангобардцами, чем союз городов, и когда епископы обратились к нему с вопросом, могут ли города без дозволения епископа иметь совет, то король ре-

шил в пользу епископов. Но, конечно, Равеннский эдикт и Вормская конституция³⁴ не могли надолго задержать дальнейшее развитие вольности городов, они скорее разожгли повсюду жесточайшую борьбу и она началась тем, что города с правом сбора податей (правом, давшим первый повод к борьбе с епископами) приобрели особое положение в империи. Образовался рейнский союз городов (Майнц, Вормс, Кельн и другие) в 50-е годы XIII века, покровителем которого признал себя король Вильгельм Голландский;³⁵ но скоро союз распался.

Начиная от Рудольфа Габсбургского³⁶ общегосударственное положение городов стало общим признанным фактом; с тех пор также признали необходимым определить и правовое состояние епископских городов. Исходя из основного положения о подчиненности последних государству, король опять отобрал у епископа право назначения высшего судьи. Но вскоре стало ясно, что это не приносит большой пользы для городских интересов, так как короли при их постоянной нужде в деньгах должны были закладывать фохтства князьям и подвергали тем самым имперские города опасности потерять их свободу. Для того чтобы избежать этого, было одно только средство – приобретение городом полной юрисдикции, к чему и стремились с конца XIII и начала XIV века имперские города. Достигали они цели легче там, где фохтство находилось в руках епископов, труднее – там, где оно принадлежало королю. Для последних (городов) особенно благоприятными были времена Людовика Баварского и Карла IV.³⁷

Политические раздоры княжеских партий грозили повредить и городам; сохранение мира городской совет считал своей главной обязанностью. С этой целью он заставлял горожан произносить клятву в соблюдении мира.³⁸ Ручательство за соблюдение мирных постановлений брал на себя не фохт, а совет, который назначал для этого собственное судопроизводство, независимое от уголовного судьи. Эти союзы между господином и городом для поддержания городского мира, хотя заключались только на очень короткое время, но все-таки ради спокойствия и безопасности, обычно возобновлялись по истечении некоторого времени. При этом дело не всегда обходилось без вмешательства в уголовные дела фохта, так как именно виды собственно нарушения мира (убийство, нанесение ран, кража, вооруженное нападение) подлежали ведению уголовного судьи. Епископы редко заявляли протест против «мира», вероятно потому, что вследствие таких союзов устанавливался больший порядок и покой, чем через епископских чиновников и обыкновенные суды. От ограничения фохтского суда до уничтожения его и до принятия советом всех судебных прав был один только шаг. Этим и завершилось устройство вольностей в немецких средневековых городах.

Совет города сделался носителем помещичьих прав и владел высшей и низшей юрисдикцией, правом свободы от пошлины и наблюдением за монетой. Благодаря иммунитету и Оттоновым привилегиям уменьшились права государства, принадлежавшие ему в городах, когда же потом горожане уничтожили могущество феодальной власти, лежавшей между ними и главой государства, то они уже не могли больше восстановить уничтоженных ленной системой отношений между королевским достоинством и верноподданническим союзом, но только вступить в права

своей власти, которой они владели до сих пор. В отношении городов к государству феодализм получил только другую форму (Heusler, 228).³⁹

Позже, чем епископские города, достигли вольного городского устройства и королевские пфальцские города, но путь, которым они достигли этого, был в сущности тот же самый. Нельзя сказать, что королевским пфальцским городам не доставало условий для самостоятельного развития и для приобретения независимости, но в их природе лежало, что ход развития их был дольше. Так как у них не было помещичьего фохтства, которое находилось между ними и государством, то не было у них и побуждения искать перемен. Так время Генриха IV, принесшее жителям Вормса освобождение от епископского фохтства, не оставило следов на пфальцских городах; но позже они приобрели самостоятельное отправление фохтских прав, так же как и епископские города, через королевские пожалования. Совет в пфальцских городах возник из тех же элементов, как и совет епископских коммун. Здесь, как и там, составляется он из скабинов – или исключительно из них, или с присоединением новых членов из горожан. Тот же самый путь у тех городов, которые хотя и не возникли на землях королевских доменов, но не были подчинены никакой помещичьей власти и даже прямо зависели от государства, как, например, Берн и швабские имперские города.

Княжеские города, основание которых падает на позднее время, по преимуществу управлялись с самого начала по примеру епископских и пфальцских городов, как, например, города в Бургундии и Нижней Саксонии. Князья-основатели исходили при этом из правильного мнения, что вольное развитие городов, которое развивает торговлю, для них и их кассы выгоднее, чем скупое собирание податей, которые могло им доставить помещичье право (Hofrecht). Естественно, не все княжеские города достигли высокой степени самостоятельности, одинаковой с бывшими епископскими и пфальцскими городами; но так же и у них характерным признаком городского устройства служит приобретение официальных прав в большем или меньшем количестве.

Теория Nitzsch'a (*Ministerialität und Bürgertum im XI und XII Jahrh. Leipzig, 1859*) получила также широкую известность. Здесь господствует не юридическая, а социальная точка зрения. Nitzsch старается скорее анализировать составные элементы городского населения, чем объяснить происхождение муниципальных устройств.

По Нитчу, население домена управляется министериялами, занимающими видное положение особенно в епископских имениях. Разделенные на разные группы, одни из них несут военную службу (*milites*), что делает их положение более почетным, другие – служебную (*officiales*), то есть это управляющие, надзиратели, старосты и т. п. Все *ministeriales* вместе с духовенством составляют совет епископа. Короли и императоры, имевшие в епископах самых верных приверженцев, не только не противились этому, но даже, когда вокруг епископских городов скопляются торговые центры – ярмарки, рынки, они жалуют епископам, а следовательно, и их министериялам право полицейского надзора за торговлей *juditium de negociationibus*. Но в самом классе министериялов различие интересов и должностей создает мало-помалу разделение. *Milites* и *officiales* постепен-

но отделяются друг от друга: первые стремятся образовать строго военный класс и превращаются впоследствии в военную аристократию, вторые (*burgenses*) образуют городской патрициат и получают управление городами, которые с XIII века управляются советами, состоящимися из *burgenses*. Вот в общих чертах теория Nitzsch'a, по которой главная роль принадлежит Hofrecht'у.

Вокруг Арнольда-Гейслера с одной стороны, Нитча — с другой, сгруппировались две разные школы немецких ученых, и долго другие теории оставались в пренебрежении, но новые исследования и вновь найденные тексты доказали ошибочность этих учений.

Против Арнольда, строившего свое учение на иммунитете, возражают, что иммунитет и Оттоновы привилегии вовсе не играли приписываемой им роли. Иммунитет не имеет ничего общего с городом: он простирался не только на него, но и на все домены церкви. Оттоновы привилегии если и жалуют епископам государственные права, то все-таки они не изменяли существенно положения городского населения. В общем, единственным результатом было назначение вместо королевского чиновника сеньора, как орган публичной юрисдикции. Если с государственной точки зрения эта перемена важна (кроме того с возвышением духовных сеньоров выросло и значение церкви), то по отношению к населению больших пунктов она была безразлична. Относительно Rath'a мнение Арнольда также несправедливо. Епископский совет, из которого Арнольд выводит Rath, не имеет ничего чисто городского, его функции распространяются на всю епархию. С другой стороны, полномочия городского совета имеют неполную юрисдикцию без всякого политического характера. Прибавим еще, что отождествление буржуазии с *Altfreie Gemeinde* неточно. Точка зрения Арнольда слишком односторонне-политическая. Буржуазия прежде всего — класс социального образования. Юридическое положение, *status* ее членов может быть при начале образования очень различным. Только со временем права буржуазии соединились почти повсюду со свободой. И кроме того, свобода буржуазии очень далека от свободы *homo ingenuus* франкской эпохи.

Теория Нитча также подверглась резкой критике, особенно со стороны G. Below («Zur Entstehung der deutschen Stadtverfassung» в «Historische Zeitschrift», Bd. 58), также R. Sohm (Die Entstehung des deutschen Stadtwesens. S. 10).⁴⁰ Нитч преувеличил знание министерялов и дворового права (Hofrecht). Они скорее мешали развитию буржуазии, чем способствовали ее появлению; буржуазия развилась, скорее всего, там, где слабее власть епископов, например во фламандских городах, а в Камбре, например, где была сильна епископская власть, городское сословие достигло самостоятельности только борьбой.

Кроме того, городское сословие развилось рядом с Hofrecht, и не видно, чтобы первое произошло из последнего. До конца Средних веков *familiae*, несвободные насельники доменов, существуют отдельно от городского сословия и сеньоры стараются удержать это разделение: запрещают принимать своих людей в общину. Кроме того, есть земли, которые остаются оброчными для епископов, а в городах эти земли тогда уже свободны.

Впоследствии Нитч стал придавать значение гильдиям. Гипотеза эта, которой он не успел дать окончательную отделку, высказана в 1879–1880 годах в бюллетенях Берлинской академии («Ueber die Genossenschaften des XII und XIII Jahrhunderts», и «Ueber Niederdeutsche Kaufgilden», в «Monatsbericht der K. Preuss. Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1879. S. 4 и след., и 1880. S. 370 и след.).

С первого взгляда выводы этих работ составляют противоположность взглядам, высказанным в «Min. und Bürg.»⁴¹ Но на самом деле они сходны и по своей основной мысли, и по методу. На юге Германии, в стране древней культуры, Нитч выводил из министриалитета городское сословие, но в Северной Германии, на славянских границах и на берегах моря, где каждый город представляет из себя колонию, дело другое. По мере того как здесь распространяется вследствие иммиграции немецкая колонизация, купцы поселяются под стенами бургов или в известных местностях, удобных для торговли. Между этими торговыми людьми еще не различают купцов в собственном смысле и ремесленников. Великая гильдия, ассоциация для покровительства и взаимной защиты, включает в себя первоначально всех *mercatores*, и именно она и составляет составной элемент буржуазии, подобно тому как на юге – епископские министриалы. Но со временем эта первоначальная гильдия исчезла. Мало-помалу, вследствие распространения экономической жизни, собственно купцы и ремесленники отделяются друг от друга. Последние образуют сословие мастеровых, а первые под старым именем гильдии составляют закрытую аристократическую группу, настоящую корпорацию капиталистов.

Теория Нитча возбудила большой интерес. Влияние ее заметно на трудах Hoeniger, Liesegang, M. Gross, Gothein. Оппозицию встретила она со стороны G. Below'a («Die Bedeutung der Gilden für die Entstehung der deutschen Stadtverfassung», в «Jahrbücher für Nationalöconomie und Statistic», 1892. S. 56 и след.) и К. Гегеля.⁴²

Остановимся еще на двух теориях: Г. Белова и Р. Зома. G. Below («Zur Entstehung der deutschen Stadtgemeinde», Düsseld., 1889 и «Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung», Düsseld., 1892) возобновил теорию Маурера, но значительно изменил ее. Он старается защитить слабый пункт ее. По Белову, городское устройство (Stadtgemeinde) есть наследие сельской или крестьянской общины (Landgemeinde), и совет прежнего Burding'a (Boeren Ding – крестьянская сходка), и компетенция совета и бурдинга были одинаковыми – именно полицейское наблюдение за весами и мерами. Белов, впрочем, расходится с Маурером в том, что видит между Rath'ом и бурдингом сходство только в правах, но они различаются составом членов, их названиями и частностями своего механизма. Но каковы бы ни были изменения, они не уничтожили существенного характера первоначального устройства. Юрисдикция города, так же как и села, совершенно коммунальная: только со временем и в исключительных случаях сделалась она публичной. В городе надо видеть простую местную коммуну и не придавать ему прав, принадлежащих исключительно государству. Как права бурдинга тождественны с правами совета, так и между обитателями города и деревни не видно сильной разницы.

Совершенно ошибочно видеть в буржуазии *mercatores*: они – только владельцы общинной земли. Положение людей и положение земель в *Stadtgemeinde* таково же, как в *Landgemeinde*. И, чтобы прийти к выводу относительно их близкого сходства, достаточно заметить, что обе общины владеют альмендой и что городской округ сходится в своем происхождении с деревенским.

Белов не ограничился ролью критика. Он хочет привести к теории Маурера – исправленной, правда, и переделанной. Но он не обратил достаточно внимания на социальные факторы, так как юридический разбор не дает должного понятия о всех элементах, из которых составились города. Возрождение торговли и промышленности в Средние века так глубоко изменило условия экономической жизни, что невозможно объяснить городское устройство примитивным организмом сельской общины. Может быть, влияние рынков на происхождение городов было сильно преувеличено, но нужно видеть прежде всего в буржуазии класс купцов и в муниципальном праве – новое право, приуроченное к новому порядку вещей. Кроме того, доводы, приводимые Беловым для подтверждения своей теории, не могут быть названы убедительными. Прежде всего для того, чтобы иметь право юрисдикцию городского совета соединять с юрисдикцией бурдинга, нужно доказать существование последней в очень древние времена. Но раньше появления городов мы не видим, что сельские общины владеют автономной юрисдикцией. Кроме того, юрисдикция относительно весов и мер, считаемых Беловым существенным и первоначальным элементом юрисдикции совета, вовсе не общинного, а публичного происхождения и составляет часть *comitatus*. Также можно еще прибавить, что Белов не показал, что в древних городах компетенция совета была тождественна с компетенцией бурдинга.

Теорию Белова можно применить только к городам конца Средних веков, которые, в сущности, представляют из себя села с устройством, подобным городскому. Могут возразить, конечно, что со дня своего появления города обладают общинными землями (*Allmende*) и, что во многих случаях округа этих городов суть только сельские округа, но это вовсе не составляет необходимых и главных явлений. Если буржуазия имеет от сеньора права пользования несколькими ближайшими десятинами или неовделанными землями, это не значит, что она составила сельскую общину; но только потому, что раз были даны условия средневековой жизни, скопление значительного числа населения в одном месте было бы немислимо без пользования этими правами. Что касается до городского округа, то можно показать, что очень часто он образовывался искусственно и не составляет сельского округа. Сверх того, есть примеры городов, основанных на территории деревни, сохраняющей рядом с ними все независимое положение: очевидное доказательство в пользу, кажется, того, что город и село с самого начала – совершенно разные явления. Словом, если указывают довольно значительные черты сходства между администрацией и юрисдикцией городов, с одной стороны, и деревень – с другой, то сходство объясняется тем, что при всяком скоплении людей некоторые известные учреждения появляются, как необходимые, вследствие общего сожития, сами собой.

Почти в одно время с Беловым обнаружил новую теорию R. Sohm, гениальный юрист-историк. Теория его имела предшественников: R. Schröder («Weichbild» в «Historische Aufsätze dem Andenken von Vaitz gerridmet», 1886. S. 306–323) и A. Schulte (Über Reichenauer Stadtegründungen im X u. XI Jahrhundert mit einem ungedrucaten Stadrecht von 1100 // Zeitschr. f. Gesch. Des Obercheins N. F. Bd. 5, 1890. S. 137–169).

Зом начинает первую главу своей книги,⁴³ называющуюся «Das Weichbild», словами: «Stadtrecht ist Weichbildrecht. Das heisst: das Stadtrecht ist das Recht des Kreuzes. Was ist damit gesagt?», то есть: «Городовое право есть право креста. Что этим сказано?»

В Северной Германии слово «Weichbild» означает городское право и в то же время округу, подчиненную этому праву.

Уже давно это слово возбуждало любопытство, но оно не было хорошо объяснено. Эйхгорн («Deutsch. Staats und Rechtsgeschichte», II. S. 77, 325)⁴⁴ видит в Weichbild крест иммунитета, что вполне согласуется с его теорией Hofrecht'a. Собственно Weichbild означает образ, эмблему (Bild) святого покровителя селу.

R. Schröder дал новое объяснение загадочному слову: оно означает крест, воздвигнутый на рынке в знак мира и защиты и превратившийся позже в городской крест – символ вольности города. Этот крест не имеет христианского значения, он – королевская эмблема. На крест вешают перчатку или меч короля в знак того, что королевская юрисдикция господствует над тем местом, где водружен крест; Marktkreuz сначала, Freiheitskreuz – потом. Weichbild – видимый всем знак защиты, даруемой государством рынку, а потом городу. Остроумные изыскания Шредера показали, что в особенности в рыночном праве (Marktrecht) нужно искать происхождение городского права. А. Шульте на основании внимательно разобранный им, еще не изданной грамоты аббата в Reihenaus, основывавшей рынок в Radolfzell'e в 1100 году, пришел к очень важным выводам. Он показал, что в Радольфцелле, как и в соседнем Allensbach'e, городское право произошло от jus fori и что город произошел из рынка.

Через несколько месяцев после работы Шульте выступил и Зом.

Он категорически утверждает, что городское право есть рыночное право. То и другое в самом деле имеют общую эмблему: Weichbild. Но, между тем как Weichbild ярмарок временен, Weichbild городов – постоянен. Деревянный крест рынка заменяется в городе каменной фигурой – Роландом. (Название это не без основания напоминает Роландо-оруженосца в chansons de geste.) И этот каменный Weichbild, постоянный Weichbild показывает, что экстраординарное право ярмарки сделалось обычным правом города. Действительно, город есть только постоянный рынок. Но это еще не все: Weichbild есть королевская эмблема; там, где он водружен, там предполагается присутствие короля. Таким образом, король, временно находящийся на ярмарке, постоянно присутствует в городе, потому что в городе всегда воздвигнут крест. Город в строгом смысле слова есть королевское пребывание: Kenigsburg, Weichbildrecht, Markt-recht, Burgrecht – все это синонимы. Каждое из этих слов означает один из юридических элементов Städtrecht.

Королевские жилища, как ярмарки, так и город, в первом случае с перерывами, в последнем – постоянно управляются правом, господствующем в королевском доме. Это право мы видим еще в германских законах. Как всякая обида служителю короля наказывается тройным штрафом, так и всякий проступок, совершенный во дворце, влечет за собой необычайно строгое наказание. Следовательно, право города гораздо строже, чем право открытой страны (*Pax civitatis*).

Подобно королевскому дворцу, город обладает правом убежища и вследствие этого – свободы (*Freiheit*). Отсюда выходит, что город должен обладать своим трибуналом, своей собственной юрисдикцией. И в самом деле мы видим, что самая древняя и самая неудободимая привилегия буржуазии заключается в том, чтобы быть подсудной только городскому трибуналу. Это – суд публичный. Судья, который в нем председательствует (*Schultheiss, maire, amman, villirus, escoutete*), есть сотник. Его помощники, ассессоры, выбраны из городских собственников. Компетенция трибунала произошла от рынка и касалась коммерческих и полицейских дел. Мало-помалу она распространялась также и на дела недвижимого имущества, касающиеся городской земли. Но город редко приобретал *haute justices*. Обыкновенно она принадлежала королю или сеньору, как и прежде.

Для Зомы городской совет есть только дублет городского судьи. По мере того как население увеличивалось, атрибуты этого сотника делались слишком тяжелыми. Совет облегчил его работу: власть, которой он обладает, принадлежала целиком первоначально муниципальному *Richter*.

Таким образом, у Зомы все объясняется королевским правом. Город в одно время – и королевский рынок, и королевское местопребывание, и королевское убежище. Два течения, которые питают городское право, выходят из одного источника – древнего германского королевского достоинства, только последнее создало буржуазию. Со дня своего появления новая теория возбудила множество трудов, но большая часть ученых отвергает ее.

Прежде всего нельзя, подобно Зоме, отождествлять совершенно город и рынок. Если город действительно есть постоянный рынок, то королевское право должно господствовать там непрерывно целый год. Но почему же до конца Средних веков и даже позже в городе воздвигают крест на время рынка? Что мог означать этот временный крест, в то время как город обладал постоянным крестом, делающим из него постоянный рынок? С первых шагов наталкиваемся на серьезное затруднение. В самом деле, или крест, воздвигнутый во время ярмарки, не имеет юридического значения, но в таком случае ошибочна теория *Weihbild*'а, или нужно признать, что рядом (или, скорее выше городского права) существует еще не тождественное с ним право рынка и что отсюда *Marktrecht* и *Städtrecht* – не синонимы.

Если Зом слишком ассимилировал город рынку, то, кажется, ему не удалось доказать, что вследствие магического значения креста (*Weihbild*) город и рынок составляют королевское местопребывание. Здесь он призвал на помощь этимологию. Он придал корню *vichen, veich*, находящемуся в *Weihbild*, значение *Burg*, то есть укрепленного жилища специ-

ально, в занимающем нас случае, королевского замка. Weihbild есть эмблема замка, королевского дворца, и город, где он водружен, становится Königsburg'ом. Но это грамматическое объяснение ошибочно.

Слово Weihbild состоит из двух слов: vic = vicus и bild, родственное древнегерманскому bilida, синоним Recht. Weihbild значит только мир или местная юрисдикция Ortsgericht, Stadtfriede.

Можно сделать еще несколько возражений против Зомы.

Крест воздвигался только на время ярмарок (nundinae): он не ставится на еженедельных рынках (mercatus). Во многих больших городах видно существование ярмарок только в очень недавнее время, и, с другой стороны, ярмарки бывали в деревнях, которые, между тем, не перестали быть простыми деревнями. Что можно заключить из этого, как не то, что по крайней мере в том смысле, какой придает Зом, абсолютное тождество Städtrecht и Marktrecht не может считаться доказуемым?

Кроме того, если город служит местопребыванием короля, то почему же он не обладает непременно и постоянно haute justice? Король имеет ее в своем дворце, город обязан также иметь ее в своих стенах. Совершенное противоречие — признавать, с одной стороны, что город есть королевское местопребывание, что король в нем постоянно присутствует, и, с другой стороны, думать, что он обладает только коммерческой, полицейской юрисдикцией. Наконец, нельзя допустить взгляда Зомы на происхождение совета. Совет есть прежде всего выражение городской автономии. Во Франции, как и Германии, он является магистратурой по существу коммунальной. Здесь он получил центральную власть во время борьбы городов; существует глубокая разница между его властью и городского судьи.

Кроме того, здесь еще факты расходятся с теорией. Самый старый упоминаемый муниципальный совет Германии был в Medebach'e (в 1165 году). В Кельне совет является только гораздо позже. Не нужно ли думать, что в XII веке почувствовали необходимость облегчить функции медебахского экутета, когда этот чиновник мог еще исправлять свою должность в могущественной Рейнской стране, самой населенной во всей Германии? Еще одно замечание. Юридическое сложение города, по теории Зомы, несовместимо со средневековой историей Священной Германской империи. Можно бы было признать, что в абсолютной монархии городское право вышло из королевского права, но известна слабость центральной власти в Германии. Кроме того, обыкновенно правители здесь бывали чаще враждебны буржуазии, чем покровительствовали ей. Начиная с XII века, то есть как раз с того времени, когда завершается сложение городского первоначального устройства, они систематично покровительствовали князьям во вред городам. Их политика в этом отношении совершенно отличается от политики королей Франции. Только в конце Средних веков города отделились от императора и стали претендовать на независимость. Словом, Зом стал на очень одностороннюю точку зрения. Он хотел объяснить муниципальное право несколькими юридическими принципами, как если бы имел дело с вопросом из римского права, он потерял из виду политические и социальные условия, среди которых оно развилось. Короче говоря, Зом написал теорию городского

права, каким оно могло бы быть, если бы юридические принципы были единственными факторами развития человечества.

ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ГОРОДОВ

Теперь, когда мы привели мнения различных школ о происхождении коммунального движения, перейдем к изложению истории отдельных городов и к разбору их хартий.¹ Прежде займемся городами, которые произошли из сельской общины, постепенно развились в так называемые «villes neuves» и получили свои привилегии от короля мирным путем. Таков город Lorris в Gâtinais (pagus Wastinensis), находящийся на королевском домене, хартия которого была очень популярна и послужила образцом для хартий многих городов. Потом обратимся к собственно коммуна, которые получили свои привилегии путем восстания, из таких городов наиболее характерен город Лаон, историей которого мы и займемся впоследствии.

Для большего ознакомления с происхождением так называемых villes neuves и с общим характером хартий, данных таким городам, мы приведем здесь выводы французского ученого Люшера: *Luchaire A. Histoire des institutions monarchiques de la France sous les premiers Capétiens* (1987–1180). Paris, 1883. Vol. 2. S. 127–149.

Автор сначала указывает на то, что Капетинги принимали все возможные меры, чтобы удерживать своих крепостных, препятствуя им переходить в духовное звание, поступать на военную службу, делаться членами коммуны, одним словом, запрещали им всякое изменение их положения, которое приводило их к полному освобождению.

Затем автор продолжает:

«Наряду с более или менее суровыми мерами, которые принимали Капетинги для того, чтобы сохранить свое право над сервами, есть акты, цель которых – стремление королевской власти улучшить положение этих несчастных, таковы: отпущение на свободу, отречение от прав мертвой руки (*main morte* – право наследовать имущество умершего крестьянина), дар юридической правоспособности. Вообще положение королевских сервов было гораздо лучше положения сервов духовенства. С половины XII века можно видеть один или два раза в формулах королевской канцелярии чувство некоторого сострадания по отношению к этому классу.

Отказываясь от права мертвой руки в Орлеане (в 1147 г.), Людовик VII² признает необходимость смягчить суровое господство, которое переносят крепостные; он говорит о ненавистном и тираническом характере кутюма, от которого он отказывается. Наконец, он говорит во вступлении к хартии 1152 года относительно отпуска на волю одной крепостной:

“Таково предписание божественной милости, чтобы все люди, будучи одного происхождения, были бы одарены со времени появления на свет, некоторого рода прирожденной свободой. Провидение также допустило, чтобы некоторые среди них потеряли по собственной вине эту свободу и

попали в положение крепостных. Нашему королевскому величеству возможно снова возвратить им свободу”.

Таким образом, Капетинги не ждали знаменитого указа Людовика Гордого (первый акт, который приводится в подобного рода случаях), чтобы объявить прирожденное право свободы, поднять, таким образом, класс общества, поставленный на заднем плане».

Королевские Hospites и их положение

Положение госта (hospes или colonus) может быть рассматриваемо как первая ступень освобождения на волю. Герард³ вполне верно характеризовал его в следующих словах: «Все hospes вообще пользовались свободой. Они шли даже на войну. Однако они не имели полной свободы. Это род фермеров или съемщиков, занимавших небольшое поместье, обыкновенно окруженное некоторым количеством земли. Они пользовались только доходами со своих владений. Сеньор или владелец земли, если с ним не было заключено особого условия, имел право их выгнать по своей воле, их подарить, продать или отпустить их другим каким способом, вместе с землей, занимаемой ими». Это определение, относящееся только к церковным hospes аббатства Saint-Pierre de Chartres и епископства Парижского, может быть равным образом применимо и к королевским гостам (hospites). Трудно с большей точностью формулировать положение гостей, так как было значительное различие между людьми этого класса; одни отличались от сервов только тем, что не подвергались произвольной поголовной подати (taille) и праву main morte, другие, напротив, пользовались всеми привилегиями гражданскими, судебными и военными. Бедность языка в Средние века редко позволяет разобрать все различия в социальном положении людей, носящем общее наименование гостей — наименование, относящееся к очень большей части населения королевских доменов. Что вне сомнения, это то, что сервы в тесном смысле этого слова старались стать на ступень гостей и что последние считали себя принадлежащими к классу людей свободных.

Их социальное назначение

Социальная миссия этого класса состояла в разработке обширных пространств королевских доменов или в заселении вновь опустевших местностей. Как все сеньоры, их современники короли, имевя, конечно, в виду свои интересы, начали в XII веке увеличивать hospites. Людовик Толстый (le Gros) и Людовик Молодой (le Jeune)⁴ не только водворяли гостей на различных местах своих наследственных владений, но и давали право духовным сеньорам, зависящим от них, принимать подобные же меры в их феодах. Некоторые hospites составляли общую собственность короля и сеньора. В таком случае король и сеньор делили между собой пополам оброки.

Привилегии королевских hospites

Документы времени Капетингов представляют нам интересные подробности о гостизии (hostise), устроенной сообща королем Людови-

ком VII Молодым (le Jeune) и аббатом монастыря Saint-Avit-d'Orleans в 1142 году, на земле аббатства, до того времени остававшейся незаселенной. В них лучше всего характеризуется положение гостей (hospites), на каких условиях им уступали землю и какие доходы они доставляли королевской казне. Все доходы колонизованной местности, поступавшие с земель и лиц, должны были быть распределяемы поровну между королем и аббатом, кроме доходов церковных и десятины, которые исключительно принадлежали аббатству. Деление простиралось и на доход со штрафов. В Иванов день (24 июня) каждый из hospites платил за свой дом ежегодный цenz в 6 орлеанских денариев: в августе 4 денара за champart (campi pars) — так называлось право сеньора на известную часть урожая; к Рождеству две меры ячменя, 2 каплуна, 2 денара (deniers) и 2 пшеничных хлеба. Подати, платимые каноникам, должны были быть доставлены на счет hospites в аббатство Saint-Avit, за что монахи платили ничтожную плату, один денарий за повозку. Подати королю везли точно так же в Этамп (Etampes), Питивье (Pittivicas) или в Курси (Curci). Уплатив эти повинности, hospites были избавлены от всякой талии (taille) и вообще от всякого налога (exation). Слобода (la villa) была в управлении мэра, который, будучи поставлен канониками и деканом, присягал на верность королю и признавал власть короля в то же время, как и декана. Контракт выговаривал, что достоинство мэра не наследственное и что мэр получает в виде фьефа, $\frac{1}{2}$ запашки земли и $\frac{1}{5}$ часть штрафных денег. Наконец гости (hostes, hospites) были освобождены от постоя (gits) декана и каноников, за исключением тех случаев, когда они были обязаны являться в слободу для устройства местных дел и споров.

В других пунктах домена королевские hospites, уплачивая ежегодную подать в меру (muid) вина и 6 денариев за десятину (argent), были совершенно освобождены не только от поголовной подати, но и от обязанности являться на войну (estet cher ou chee). В других местах ежегодный оброк по хартии для hostise был от 8 до 10 денариев с дома. Hospites имели право обрабатывать и земли, прилегающие к их участкам, с податью по 6 deniers за десятину. Если они возделывали на этих полях хлебные растения, то должны были сверх этого платить королю «десятину» (dime) или champart. Они не подвергались военной повинности и даже пользовались возбуждавшим зависть преимуществом быть неподсудными королевским чиновникам.

Права короля и церковных hospites

Короли получали подати не только с тех hospites, которые им принадлежали всецело или частью. Их власть простиралась еще на церковных колонов в сеньориях епископских и аббатских, которые с незапамятных времен были тесно связаны с королями. Известно в самом деле, что Людовик VII получал талию (taille), мыто (le tonlieu) и налог за езду по дорогам (le ronage) с hostes аббатства Saint-Victor; цenz с колонов Saint-Martin des Champs; пользовался правом постоя в приорстве Lioncourt, то есть в аббатстве Saint-Pierre de Chartres. Здесь, как и везде, доходы соб-

ственные правительства удваивались теми, которые им доставляли церковные земли, подчиненные им. *Hostise*, установленная в значительных размерах, произвела новые центры населения и богатства, называемые *villes neuves* или *villes frauches*. Так же как когда-то приписывали Людовику VII Толстому инициативу в коммунальном движении, точно так же доказывали, что *villes neuves* были результатом дальновидной политики Людовиков VI и VII. Оба мнения одинаково нельзя допустить. *Villes neuves*, *sauvetas* и *bastides* являются везде, во всей Франции разом и их происхождение восходит к более отдаленной эпохе, чем обыкновенно предполагают. С XI века могущественные аббатства в первый раз открыли убежища и привлекли значительными привилегиями и отдачей земель для обрабатывания большое число бродяг, сервов и колонов. Относительная безопасность, которой пользовались их земли вследствие церковных иммунитетов, позволяла им заселять свои владения, обращать в пашни свои пустоши и леса и увеличивать, таким образом, цифру своих доходов. Сеньоры феодальные последовали их примеру и тоже стали везде основывать слободы (*villes neuves*). Капетинги последовали за общим движением, но почин этого дела шел не от них.

Людовик VII первый начал систематически увеличивать число этих новых центров, он первый учреждал *villes neuves* – слободы с явной целью увеличить доходы с доменов и в то же время повредить феодализму. Иначе нельзя себе объяснить известное выражение современного хроникера, утверждавшего, что «основанием новых слобод (*villas novas*) Людовика Молодой (VII) лишил доходов много церквей и знатных, принимая на свои земли бежавших и скрывающихся от них». Современные факты подтверждают этот факт. В договоре, заключенном в 1177 году с *Joscelin* и *Gantier de Touri*, король Франции обещался не удерживать в своих новых слободах сервов, принадлежащих этим феодальным владельцам. Если сервы их скрывались в этих слободах или где бы то ни было на доменах королевских, то таковые должны были быть выданы своим законным господам, в силу простого удостоверения достойных веры свидетелей и без необходимости прибегать к обыкновенным юридическим формальностям или к дуэли.

Ville neuve le Roi на Ионне, *ville neuve* недалеко от *Compiègne*, *ville neuve* d'Etampes близ *Monfaucon* – наиболее известные из слобод, основанных королями. Первая получила все привилегии, которые давала столь популярная хартия города *Lorri*. В *ville neuve* близ Компьеня *hospites* были обязаны платить подати только в шесть мер овса, по четыре каплуна с дома и известное количество вина (*un quartiee*) с десятины виноградника. Они пользовались правом рубить дрова в лесах и пастись скотину (*le droit d'usage*) и платили пять *sous* штрафа за первый проступок. В *ville neuve* d'Etampes жители, уплачивая ежегодный оброк в пять *sous*, были освобождены от всякой поголовной подати (*taille*), незаконных поборов (*tolte*), пешей (*ost*) и конной военной службы (*chevauchée*). Для них *вира* в 60 *sous* была понижена до пяти *sous* и *вира* в пять *sous* до 12 *deniers* (денариев), за исключением преступлений, где *вира* полагалась свыше 60 *sous*, которые были предоставлены на усмотрение короля. Охранительные грамоты и *mundium* созданы на обеспечение безопас-

ность колонов, поселявшихся на этих местах и пользовавшихся льготами столь же значительными, как и граждане наиболее старых городов капетингской Франции. Понятно, насколько королевская власть выигрывала, устраивая и распространяя такие слободы.

Королевская власть и городское население до Людовика Толстого

В то же время, когда крестьяне, люди «мертвой руки» (*main morte*), старались достигнуть высокого положения свободных, и горожане, не менее общим движением, добивались с XI столетия гражданской и политической свободы, которой они не имели до того времени. Это стремление к эмансипации и улучшению своего положения совпадало со значительным прогрессом и во внешнем благосостоянии: разрастание старых городов, основание новых центров, распространение торговли и промышленности, разработка и расчистка, в необыкновенной пропорции, незаселенных мест и лесов. Увеличение благосостояния требовало увеличения безопасности и гражданской свободы.

Муниципальная жизнь, угнетенная и даже задушенная феодальным своеволием, стала везде усиливаться. Как и всякая власть, духовная или светская, которые делили между собой землю и владычество в феодальной Франции, так и капетингские короли увидели скоро перед собой новую силу, с которой им пришлось считаться; они ее то подавляли, то ласкали, смотря по обстоятельствам, пока не догадались извлечь из нее пользу и связать ее судьбу с своей.

До первых годов XII века почти нет документов, по которым можно бы изучать прямые сношения королевской власти с городским населением.

Действие королевской власти на буржуазию проявляется только в уступках, делаемых поданным епископств и аббатств. Возобновляя церквям их прежние иммунитеты или давая новые привилегии, первые Капетинги старались изъять города духовенства из-под власти прежних чиновников, превратившихся в самостоятельных феодалов. Правда, власть епископа, освободившаяся таким образом от сильно мешающего противника, делалась более обширной и крепкой, но короли имели много средств удерживать свою власть в городах и заставить прелатов признавать ее. Не следует также забывать, что благодаря *droit de régalé* более важные города даже Северной и средней Франции оставались в руках короля во время вакансии епископского престола. Епископ, будучи избран, должен был, однако, разделять с короной светскую власть над городом. Попытка епископа Нуайонского (*Noyon*) освободить город от власти короля (1190 год) уничтожением королевской башни⁵ осталась без успеха и навлекла даже на епископа самое жестокое осуждение. Отношение Гуго Капета к горожанам Реймса и Лана (*Laon*), принужденных дать ему клятву в верности, показывает, что новые короли⁶ старались удерживать в городах, подведомственных епископу, сеньориальные права, в которых им отказывали в то же время светские сеньоры.

Что касается до городов королевских доменов, где монархическая власть пользовалась бесспорным перевесом, потому ли, что не было тут

епископа, или потому, что власть епископа никогда не могла развиваться, то они начинают с половины XI века возбуждать попечение и заботы капетингского правительства. В 1051 году история показывает нам впервые, что значительный город требует прочных гарантий против превышения власти со стороны королевских чиновников. Генрих I дарует не только епископу и духовенству, но и народу Орлеана освобождение от притеснительных пошлин (*coutumes*), относящихся к торговле вином. С другой стороны, известно, что Филипп I⁷ при покупке города Буржа должен был подтвердить его финансовые и судебные привилегии, которыми он пользовался при вице-графе (*viccomes*) Нагрии. Все увеличивающееся значение класса буржуазии при Капетингах в XI веке дошло до того, что в 1059 году потребовано торжественное согласие народа, чтобы узаконить избрание наследника Генриха I (его сына Филиппа I).

*Города, пользовавшиеся привилегией от короля,
или «Города буржуазии» XII века (villes de bourgeoisie)*

Но в особенности со времени Людовика VI можно наблюдать в королевском домене правильное развитие и увеличение городского населения. *Villes privilegises* или *villes franches*, которые не имели коммунальной организации, то есть федеративной связи и политических прав, составляли вообще наиболее многочисленную часть буржуазии королевского домена. Мирное развитие городов, таких как Париж, Орлеан (*Orléans*), Бурж (*Bourges*), Этамп, Лорри (*Lorris*), не менее интересно, чем более или менее беспокойная жизнь коммун в узком смысле этого слова.

Здесь граждане добивались привилегий, которые предоставляли им условия для развития, то есть проходил процесс, долженствовавший привести к эмансипации гражданской и экономической громадное число королевских подданных.

Что поражает с самого начала историка при изучении хартий, данных буржуазии, так это разнообразие и различие положения привилегированных местностей. Размер льгот, получаемых в административном и юридическом отношении относительно налогов, военной службы, торговли и промышленности, бесконечно изменяется в разных местностях. Начиная с 1155 года короли явно предпочитают давать привилегии, подобные тем, что в хартии города Лорри, что приводит к некоторому единству королевские дарственные грамоты в отношении к *Orleanais*, *Gâtinais* и части *Vergé*, но это единственная часть домена при Людовике VII, где муниципальная организация представляет некоторый порядок.

Общий характер привилегий, данных королями

Когда удастся освободиться от впечатления спутанности и непоследовательности, которое производят кутюмы городов, то можно различить среди беспорядочного распределения королевских привилегий два общих факта, которые следует рассмотреть. Во-первых, дарственные грамоты королевской власти ведут за собой действительное и значительное улучшение в участи тех, которые ими пользовались. Конечно, не следует

тут видеть исключительно внезапную гуманность королей и слишком верить словам вступления в хартиях о привилегиях. «Мы знаем, – говорит Людовик VII в 1159 году, – что королям и князьям прилично по отношению к подданным гуманность, улучшающая их судьбу мудрыми кутюмами». (Novimus congreere regibus et principibus esse decorum, est erga subiectos retincont quoadam, humanitatem et benignarum consuetudinum blandi inentis conforeant.) Настоящая причина королевских льгот, само собой разумеется, – это свой интерес, своя выгода. «Следует, – говорит в 1175 году тот же король по поводу города Дух-ле-Рои, – чтобы наши люди более охотно желали оставаться на наших землях и могли бы тут жить с большой безопасностью». (Regiam decet clementiam subgectorum molestus et gravaminibus misericorditer occurrere, est sub nostro dominio commorari libentius appetant et vivere valeant tutiores.) Но сколько раз деньги, даваемые королю коммуной, были решающей причиной дарственных грамот и привилегий!

Второй пункт, общий всем хартиям, это то, что они по большей части направлены против власти превотов («prévôts» – от «praepositus»), сделавшейся слишком тяжелой для населения и опасной для короля. Лица, облеченные властью в деревнях и слободах, образовывали род феодального порядка, который следовало подавлять, если король хотел утвердить благосостояние торговых центров и авторитет своей власти. В XII веке короли определили окончательно и ограничили власть превотов и других чиновников, урегулировали их права и заставили при вступлении в должность произносить клятву, которой эти чиновники обязывались уважать муниципальное устройство.

Положение villes de franchises

(1.) *С административной точки зрения.* Если не принимать во внимание ограничений власти королевских чиновников, то грамоты с привилегиями оставляют нас почти в полном неведении относительно административной организации городов буржуазии (villes de bourgeoisie). Какое влияние могло иметь население на управление делами коммуны вообще и на судопроизводство? Имели ли они для представительства своих интересов совет или собрание нотаблей, более или менее выборное, более или менее подчиненное превоту?

Все эти вопросы остаются почти неразрешенными за неимением документов. Напрасно стараются восполнить молчание современных текстов, приписывая этим отделенным векам учреждения, находимые в гораздо более позднюю эпоху. Авг. Тьерри описал и представил как будто существующие с незапамятных времен муниципальные учреждения больших королевских городов Центральной Франции. Он говорил о десяти prud'hommes Орлеана, четырех в Туре и Бурже, как будто эти административные элементы существовали непрерывно со времен Римской империи до века Людовика XIV. Но критика отбросила эту гипотезу, как ничем не подтверждаемую. Даже можно было доказать, что большая часть этих муниципальных учреждений образовалась со времени Столетней войны. Все, что позволяло нам видеть в этом отношении грамоты

XII века, относится к одному пункту капетингской территории. Известно, что в Бурже три городских сословия, знатные, духовенство и буржуа образовывали в некоторых случаях общее собрание, которое могло посылать депутации правительству.

Знатные в городе, называемые «bons hommes» или «barons de la cite», имели некоторое право юрисдикции. Но невозможно доказать ничего подобного для других городов, например Орлеана или Парижа.

(2.) *В отношении финансовом.* Распоряжения, наиболее многочисленные в королевских хартиях, относятся к прямым и косвенным налогам, многочисленность которых до сих пор истощала народ и препятствовала развитию торговли. Привилегии уменьшают подати в количестве и качестве или даже уничтожают их совершенно.

Уменьшение ценза; уничтожение талии (taille), тольты (tolte) и всяких податей и чрезвычайных поборов; уменьшение пошлин и налогов за проезд по дорогам (peage), за право въезда в город и других, особенно для военных торговцев; уменьшение барщины (corvée), налога, платимого некоторыми промышленными корпорациями (hauban), и обязанности содержать городскую стражу (guet); уменьшение или даже уничтожение banalités (так называлось феодальное право, по которому только сеньор мог иметь мельницы, печи и прессы, за пользование которых он и взимал налог со своих крестьян, которые могли пользоваться этими предметами только у своего сеньора); дарование права не принимать низкопробную королевскую монету и права пользоваться королевскими весами — таковы были главнейшие финансовые реформы, на которые добровольно или нет согласились короли, что было в высшей степени выгодно для населения.

(3.) *В отношении юридическом.* Хартии уменьшают величину виры; устанавливают штрафы за судебную дуэль; регулируют и ограничивают судебные поединки. Они устанавливают для горожан право судиться, не выходя из города, а в городе. С другой стороны, они обеспечивают личную свободу, постановляя, чтобы никто не был лишаем свободы до суда, если может дать залог, что явится к судебному разбирательству.

(4.) *В военном отношении.* С точки зрения военной службы обязанности граждан определены и не столь тяжелы. Часто привилегии признают за ними право не выходить за пределы провинции или даже не удаляться более чем на день ходьбы от города. Некоторые местности изобавлены на десять лет от службы пешей и конной.

Реже встречается полное освобождение. Короли даже не всегда отказывались от своих прав на землях, уступаемых ими епископам и аббатам.

(5.) *В отношении торговли и промышленности.* Большая часть мер, принятых королями с целью ограничить превышение власти превотов и улучшить положение горожан, имели следствием расширение торговли и благосостояние промышленных корпораций. Капетинги XII века содействовали этому еще дарованием специальных привилегий. Мясники, лавочники (regattiers), меховщики (pelletiers), сыромятники (megisiers) и продавцы свечей (ciriers) в Этампе, трактирщики и лавочники в Орлеане, булочники de Pentoise, дубильщики (tanneurs) в Санлисе упомянуты в дипломах Людовика VII.

Но Париж, единственный город, единственный большой центр дома, о котором мы не имеем хартий льгот или изменений кутюмов, кажется, в этом отношении был предметом особенной заботы королей. Если судить по немногим существующим документам, оставшимся у нас, то корпорации купцов и промышленников (*artisans*) занимали в столице более важное место, чем где-либо в другом городе.

Париж при первых Капетингах

Купцы на воде (Les marchands de l'eau).

Древняя ассоциация купцов на воде, прямых наследников *navtas parisienses* галло-римской эпохи, помещена первой в дипломах королевских. В 1121 году Людовик VI уступает ей свое право (*le droit qu'il percevait sur chaque bateau*) на каждое судно с вином, прибывшее в Париж. Это право было подтверждено Людовиком VII в 1170 году. С тех пор корпорация имела монополию на Сене от моста *Mantes* до мостов парижских. Нарушение монополии влекло за собой конфискацию товара в пользу короля и корпорации. Однако короли поняли, что строгое исполнение такого права очень невыгодно для торговли. Вследствие этого было условлено, что все корпорации парижских купцов будут пользоваться этой привилегией; также «водяная» корпорация в Руане получила позволение приводить пустые суда до *Rescq*, там нагружать их и увозить в Нормандию.

Парижская корпорация получила привилегии даже в отношении юридическом. Капетинги предоставили «торговцам на воде» (*marchands de l'eau*) право судить их слугителей, кроме преступлений высшей юрисдикции, предоставленных суду короля.

Мясники. Наиболее важная из промышленных корпораций – корпорация мясников является организованной с 1146 года под управлением «*maitre de bouches*» – главы мясников. До 1153 года торговля говядиной могла производиться только в одной местности Парижа – у ворот *du Grand Pont*, где монахи аббатства *Монтмартрского* владели домом, который им приносил доход в 30 ливров. Но Людовик VII, сообразуясь с общим интересом, решил, чтобы мясники имели право основываться и в других частях города, и вознаградил монахинь, назначив в их пользу налог на мясную торговлю в 30 ливров. Очевидно, эта могущественная и буйная (*turbulents*) корпорация начала уже беспокоить правительство, так как Людовик VII был принужден отнять от нее привилегии, которыми она пользовалась с незапамятных времен.

Другие корпорации. Парижские менялы (*Les changeurs*), лавочники (*regrattiers*), сапожники (*cordonniers*) являются, в свою очередь, в королевских дипломах XII века, но мы не можем сказать, составляли ли они корпорации. Это мы можем с большей уверенностью сказать относительно кожевников (*tanneurs*), сыромятников (*megisseurs*) и кошелечных мастеров (*boursiers*), если признать достоверность хартии *de Thése Laeche*. Действительно, Людовик VII актом 1160 года даровал этой женщине и ее наследникам право собственности и доходы с заведования этими пятью

ремеслами. В то же время он освободил ее от всякой подати (cutume), талии (taille) и чрезвычайных поборов (tolte). Наконец, он признал за ней право уклоняться от суда превота и быть подсудной только королевскому суду.

Привилегии, дарованные всему парижскому населению. Вообще привилегии, дарованные всей общине, дополняют постановления, сделанные для процветания промышленности и торговли. В 1134 году граждане Парижа исходатайствовали от короля право захватывать имущество тех их должников, которые были подсудны королю, на сумму, равную количеству долга. Для этого им было позволено не только помогать друг другу, но даже требовать содействия превота Парижа и всех королевских чиновников. В 1141 году Людовик VII согласился за подарок в 70 ливров удовлетворить желание буржуа de la Grève et du Monceau Saint-Gervais. Он решил, чтобы площадь de Grève или площадь du Vieud – Marché оставалась в прежнем положении, то есть свободной от построек, что было согласно с общим желанием. Наконец в 1165 году он уничтожил обычай, в силу которого, когда король прибывал в Париж, его officiers отнимали матрацы и подушки в тех домах, где он имел право постоя. Значительные доходы, которые король получал с налога, взимаемого на Малом и Большом мостах, и с налога, уплачиваемого корпорациями за право торговли; необходимость, заставившая назначить трех помощников превоту и отчуждать частные дома для расширения улиц наиболее многлюдных, – все это доказывает значительное развитие парижской общины, так живо описанной в 1176 году господином Gui de Basoches.

(б.) Мероприятия, благоприятные для иностранцев, и их утверждение в городах буржуазии. Увеличить богатство и население городов было главной мыслью Капетингов XII века при их сношениях с буржуазией домена. Уже хартии Людовика VI Толстого и Людовика VII Молодого содержат постановления, благоприятные для вступления (immigration) и утверждения в городах лиц посторонних (étrangers):

«Все, кто придут в Бурж, чтобы там остаться или оставить принадлежащее им имущество, будут под охраной короля – они сами и их имущества; и даже, если сеньория или замок, откуда они пришли, будут в войне с королем, это им нисколько не повредит. Чужестранцы (étrangers), которые утвердятся в Бурже и там построят дом, если только они родились в королевстве, могут передать свое имущество своим детям». Подобные же меры приняты в Орлеане в 1178 году.

«Всякий посторонний (étrange), прибывший в Орлеан для уплаты или получения своего долга, не платит за это никакого налога. С постороннего, привезшего свой товар для продажи, не будет взиматься налога ни за выставку, ни за назначение цены на товар». Некоторые из этих городов становятся положительно верными убежищами. «Кто останется год и день в приходе Лорри, и если никто на это не заявит претензии, может там пребывать спокойно, как свободный человек». Это могло прилагаться даже к сервам, как это видно из хартий Jean en Gâtinais u de la Chapell en Gâtinais, поставляющих их законное освобождение после мирного пребывания на месте в течение одного года и одного дня.

(7.) *Привилегии, дарованные городам буржуазии в отношении гражданского права.* Нужно заметить, что статьи такого рода встречаются довольно редко в привилегиях буржуазии. Статьи, относящиеся к гражданскому праву в собственном смысле, почти совершенно отсутствуют. Некоторые параграфы хартий Этампа и Duk-le-Roi касаются положения женщин и в особенности вдов, которым облегчают возможность занятия торговлей или разрешают выходить замуж без предварительного согласия превота и сюзерена.

Параграф 17 хартии Лорри позволяет жителям продавать их имущество и оставлять город, не боясь, что их насильно заставят вернуться. Но за исключением освобождения, дарованного специальной хартией, как хартии Людовика VII, данные людям «мертвой руки» Орлеана, правительство, совсем не занималось ни устройством, ни улучшением социального положения людей, которым были даны привилегии. Почти все хартии касаются сервов и гостей (*hôtes*). Нужны были глубокие перемены, произведенные мирным или насильственным основанием коммунальной организации, для того, чтобы правительство решилось официально санкционировать более полную эмансипацию буржуазии. Теперь, когда мы познакомились с причинами происхождения *ville de franchises* и с общим характером их хартий, мы обратимся к изучению хартий одного из таких городов – Лорри, которая была очень популярна в XII веке в королевском домене и повторялась огромное число раз в хартиях соседних городов и местечек.

Хартия города Лорри

Город Лорри находится в Гатинэ (*Gâtinais = Pagus Wartinensis*) – местности, находящейся на пространстве между Парижем и Орлеаном.⁸

В первый раз имя Лорри (*Laugiacum*) встречается в 990 году в грамоте, которой Гуго Капет подтверждает иммунитет Орлеанской церкви (издано у Vouquet, X, p. 558), и затем до XII столетия не упоминается более ни разу.

Значение местечку Лорри давало его положение: оно находилось на опушке Орлеанского леса и было любимым местопребыванием королей, откуда они могли отправляться на охоту. В росписи расходов превотства (*prévoté*) Лорри на 1202 год упомянута сумма денег для уплаты *Coigneurs* – заведующим волчьей ловлей. Аббатство Святого Бенедикта на Луаре (или Флери) имело в Лорри приорство.

Уже в начале XII века жители Лорри получили хартию вольностей от Людовика VI, которая была подтверждена Людовиком VII в 1155 году. От первой хартии не сохранилось никаких следов, и вторая была также уничтожена пожаром, но она была вновь выдана жителям Лорри королем Филиппом Августом в 1187 году; затем известно еще, что эта хартия была подтверждена 1448 году Карлом VII и в 1625 году Людовиком XIII.⁹ Чтобы понять причины дарования этой грамоты, нужно познакомиться с экономическим состоянием Лорри в эту эпоху.

Современная хроника и хартии вообще сообщают нам скудные сведения в этом отношении, но аббат Сугерий приводит драгоценные данные если не относительно Лорри, то по крайней мере состояния Иль-де-Франса и, в частности, страны между Сенной и Луарой. Известно, что при постоянных войнах сеньюров между собой всего больше страдали крестьяне (vilains); разумеется, и местечко Лорри (домен аббатства Флери) не было исключением из общего правила. Около 1059 года домен аббатства Флери подвергся систематическому грабежу со стороны соседнего незначительного Aubri de Châtillon sur Loing, так что жители решились сопротивляться «вооруженной рукой». Но что могли поделать крестьяне полувооруженные против рыцарей, закованных в железо? После смерти Aubri брат его, Seguin, продолжал нападения на аббатство, и только чудесное вмешательство святого Бенедикта освободило монахов от этого разбойника.

Кроме таких грабежей, производимых «вооруженной рукой», крестьяне страдали и от вымогательств сеньюров, которые нуждались в деньгах для междоусобий, беспрестанно налагали на крестьян новые налоги (taillies), отбирали у них жатву, гоняли скот и т. п. Подобные же вещи сеньюры проделывали и на землях соседей; так, сеньор de Méereville отнимал скот и жатву у крестьян аббатства St.-Deni, заставлял их возить свой лес и требовал у них постоя (gôte) для себя и своей свиты. Он, по выражению современника, «пожирал» имущество несчастных колонов. «Держать сеньюров доходила до того, что было опасно путешествие из Парижа в Орлеан. Было время, что король, заключенный в Париже, не мог уехать в Мелен, не говоря уже об Орлеане. Примеру сеньюров следовали их сеншалы и превоты: каждый налагал taille на крестьян по своему произволу и для собственных надобностей. Результатом этого был полнейший упадок земледелия и торговли. Население, не будучи в состоянии выносить подобные притеснения, или начинало восстание, или, в большинстве случаев, уходило из деревень. Поля оставались невозделанными, деревни — пустыми, и цены на съестные припасы поднимались (так было в Sens в 1108—1109 годах, когда цена на хлеб удвоилась). Не лучше было положение крестьян королевских доменов, здесь еще присоединялись притеснения и хищничества превотов (prévôts); они произвольно увеличивали судебные пошлины; при сборе податей брали больше, чем следует, и, по-видимому, подражали грабегам сеньюров. Результатом всех этих бедствий было уменьшение сельского населения в начале XII века. Чтобы уничтожить это и чтобы вновь собрать население на свои земли, короли давали хартии привилегий городам. Некоторые из грамот ясно и определенно выражают эту мысль, например хартия Людовика VII, данная в 1163 году городу Ville neuve-le Roi: «Ut autem villa cresceret in brevi, quia volebamur multas ibi esse habitotares, ipsi concessimus omnes consuetudines Loriaci».¹⁰

Несомненно, что такую же цель имел в виду король, когда даровал хартию вольностей городу Лорри.

Обратимся к изучению самой хартии. Мы уже выше сказали, что от первой хартии, данной городу Лорри Людовиком VI, не сохранилось никаких следов, да и сама хартия 1155 года, которой мы занимаемся, была

уничтожена пожаром, но была воспроизведена без малейших изменений в 1187 году королем Филиппом Августом. Так как параграфы хартии, к изучению которой мы приступаем, изложены без всякой последовательности, то, чтобы избежать повторений и достигнуть большей ясности и систематичности, мы группируем их сообразно с их содержанием.

1. *Администрация.* Во главе управления Лорри стоял королевский чиновник – *grévôt*. В первый раз он упоминается около 1147 года в приказе короля Людовика VII ему и превоту de Sully (издано у Bouquet, XII, p. 13). В хартии 1155 года прево́т назван несколько раз. В его руках находилась вся администрация: он собирал короля и отправлял правосудие. Нет никакого основания предполагать, чтобы жители Лорри в конце XII века принимали какое-либо участие в решении дел их общин. Пользуясь такой большой властью, прево́т легко мог нарушить право жителей, поэтому при вступлении в должность он должен был клятвенно обещать, что будет свято соблюдать все привилегии, дарованные королем (параграф 35 хартии). Можно предположить, что должность прево́та отдавалась на откуп, так как из счетов 1202 года видно, что каждый прево́т был обязан предоставлять королю одинаковую сумму денег в каждый из трех сроков в год. Под начальством прево́та были сержанты, обязанные исполнять его приказания и наблюдать за поддержанием общественного спокойствия. Полицейские обязанности лежали некоторым образом также и на рыцарях; например, они вместе с сержантами должны были забирать домашних животных, которых находили в королевских лесах, и представлять их прево́ту, который имел право наложить штраф на их владельцев (параграф 23). Подобно прево́ту, сержанты при вступлении на должность должны были дать клятву, что будут уважать хартию привилегий (параграф 35). Жалование низшим чиновникам не полагалось, и для содержания они могли удерживать известную часть урожая. Это давало повод к постоянным вымогательствам. Чтобы прекратить их, король постановил хартией 1155 года, чтобы каждый землевладелец уплачивал для содержания сержантов во время жатвы одну мину ржи (параграф 22). Из должностных лиц хартия 1155 года еще упоминает о глашатае (*grесо* – параграф 21) и стороже (*exsubitor* – параграф 21). Первый, без сомнения, объявлял приказания короля и его чиновников; второй заботился о безопасности города.

2. *Положение лиц.* Прежде всего все привилегии хартии 1155 года касаются лиц, имеющих в Лорри дом (параграф 1. *Quicunque in Lorriaci parochia domum habebit*). Что же касается положения других лиц в Лорри в период хартии, то мы не имеем точных сведений. Однако с достоверностью можем предположить, что жители Лорри не были подчинены праву «мертвой руки» (*main morte* – люди «мертвой руки», *les mainmortables* – не имели право делать завешание, и их имущество переходило сеньору). По крайней мере ни один параграф хартии не позволяет так думать. Единственно параграф 17 может дать повод к некоторому сомнению: «Всякий может продать свое имущество по желанию и, получив деньги, может свободно уйти из города, если пожелает, впрочем, если не совершил какого-либо преступления в городе». Подлинный текст хартии 1155 года с французским переводом XIII столетия можно найти в прило-

жении к статье М. Prou в «Nouvelle Revue historique» (1884. P. 44 и 457). Перевод на современный французский язык можно найти у F. Guizot (Histoire de la civilisation en France. Paris, 1843. T. IV, lec. XVII).

Но из этого параграфа также нельзя вывести, что жители Лорри были подвержены праву «мертвой руки», потому что в хартии, данной городу Maily-la-Ville, где существовало право «мертвой руки», вышеупомянутый параграф 17 дополнен еще двумя: жители получают право 1) отчуждать свое имущество и 2) передавать его по завещанию своим родственникам (Хартия же Maily-la-Ville есть повторение хартии Лорри).

Параграфом 9 хартии 1155 года жители Лорри освобождались от талли (taille), следовательно, становились совершенно свободными людьми. Королевские сервы, которые могли жить в Лорри, вероятно, принимали участие во всех привилегиях, хотя хартия не говорит о них ни слова. По крайней мере, так было в городе Voisires, который получил хартию города Лорри в 1187 году при Филиппе Августе. В параграфе 15 хартии 1155 года упоминаются также виланы (vilains), хотя не совсем ясно, что понималось под этим именем; вероятно, это были земледельцы, живущие вне городской черты. Так как главной целью дарования хартии Лорри было желание увеличить население данной местности, то в число граждан Лорри принимались и посторонние лица. По параграфу 18 всякий, кто проживет в городе год и день, если на это не будет предъявлена ничья претензия и если это не будет запрещено ни королем, ни его преемником, — имеет право оставаться в городе и получает участие во всех привилегиях. Это был чрезвычайно важный параграф хартии, так как сервы соседних сеньоров получали возможность освобождаться, и, вероятно, это практиковалось довольно часто, так как сеньоры выражали на это свое неудовольствие и некоторые из них заключали даже условия с королем, чтобы он не позволял их сервам проживание на его землях.

Интересно рассмотреть, откуда происходит этот срок «год и день». С начала XII века такой срок употребляется для «приобретения по давности» недвижимой собственности. Если лицо владело известной недвижимой собственностью год и день, это уже служило доказательством прав собственности против всех притязаний (параграф 17 хартии Бове (Beauvais); параграф 25 хартии Амьена).

Срок этот не может происходить из римского права, так как там «приобретение по давности» бывало после 10, 20 и 30 лет; так же было и во Франции в каролингский период. С другой стороны, в «Салической правде» есть статья XLV, по которой всякий посторонний, пришедший в деревню и проживший там беспрепятственно 12 месяцев, пользуется всеми правами, как и коренные жители vicus. Связь между статьей XLV и параграфами хартии XII века несомненна, поэтому естественнее всего предположить, как это делает М. Prou, что срок «год и день» для освобождения сервов происходит из германского законодательства.

3. *Сеньориальные права.* Теперь мы перейдем к рассмотрению тех повинностей, которые лежали на жителях Лорри и к изменению их в силу хартии 1155 года.

а) *Барщина.* Все виды барщины отменялись, кроме одного, который, впрочем, лежал на более достаточной части населения, именно — один

раз в год жители Лорри, имеющие лошадей и телеги, должны были перевозить королевское вино из Лорри в Орлеан и больше никуда. Каждый раз они были извещаемы об этом; путешествие они совершали на свой счет (параграф 15).

С другой стороны, виланы (vilains) должны были привозить дрова для королевской кухни в Лорри (параграф 15).

б) *Военная служба.* В большинстве городов обязанность сторожить замок сеньора (faire le guet) была возложена на самих жителей. Граждане Лорри были освобождены от этого (параграф 25). Нам уже известно, что там был только один сторож (параграф 21). Сделавшись свободными людьми, жители Лорри должны были нести военную службу; но параграф 3 хартии облегчает до известной степени эту повинность: их только тогда король мог требовать на войну пешими или конными (le service d'host et de chevauchée), когда они могли вернуться в тот же день домой. Несомненно, что этот параграф сохранился из первой хартии Людовика VI, которому приходилось бороться против феодальных сеньоров Ильде-Франса; тогда однодневная служба горожан имела смысл и могла оказать королю большие услуги; во время же подтверждения хартии Людовиком VII такое ограничение срока военной службы равнялось полной отмене этой повинности.

с) *Денежные повинности.* Параграфом 9 король освобождал жителей Лорри от талли (taille), tolte и вспомоществований (aide) – одним словом, он отказался от всех чрезвычайных поборов. Но так как не были точно определены случаи, в которых граждане освобождаются от auxilium (aide), то мы видим, что в конце XIII века короли требуют вспомоществования от горожан в исключительных случаях, например, при посвящении сына в рыцари. Граждане Лорри и многих других городов воспротивились этому и затеяли процесс, ссылаясь на хартию 1155 года, но проиграли его и по указам парламента были принуждены платить королю вспомоществование в экстраординарных случаях. Кроме того, какие повинности лежали на гражданах Лорри?

Согласно с параграфом 1 хартии они уплачивали ежегодно как цenz за дом и десятину земли, всего 6 денариев, что составляло очень незначительную сумму. Такое понижение ценза легко объясняется основной целью хартии – увеличить население Лорри.

Нам уже известно, что пользоваться привилегиями хартии могли только те, кто имел в Лорри дом или общенедвижимое имущество; понижение ценза по параграфу 1 давало возможность большему количеству людей приобрести в Лорри недвижимую собственность и, следовательно, получить право на привилегию.

4. *Торговые привилегии.* Хартия, которую мы изучаем, имела преимущественно в виду развитие торговли и земледелия; видно стремление короля ограничить те сеньориальные права, которые могли помешать этому. Король удерживает свое право banvin (право торговли вином, параграф 10), впрочем, только для вина из его собственных виноградников и сохраняющегося в его собственных погребах. Обитатели Лорри имели право требовать, чтобы король уплачивал наличными деньгами за покупку провизии для себя и королевы; в этом случае они мог пользоваться кре-

дитом, но параграф 11 хартии ограничивает продолжительность кредита двумя неделями, между тем как в других городах срок этот был значительно больше, например в Бургони достигал 40 дней. Взимание непрямых налогов ограничивалось параграфами 2 и 33. По параграфу 2 жители Лорри не уплачивали ни налога, ни измерения пшеницы (*minage*), ни налога за продажу вина из собственных виноградников (*forage*). По этому же параграфу 2 они были освобождены от уплаты *tonlien* (то есть пошлины, уплачиваемой вместе и продавцом и покупателем за товар, пропорционально его стоимости) и всякой другой пошлины (*coutume* – здесь имеет такое значение) за покупку товаров, необходимых для их пропитания. Параграф 33 дополняет параграф 2: покупка и продажа во все дни и недели производится беспошлинно, кроме среды – торгового дня, когда покупатель не платит никакого налога, а продавцы подчиняются общему торговому уставу.

Если кто-либо забывал уплатить *tonlien*, то он не подвергался штрафу, если заглаживал свою вину в течение 8 дней, внося деньги и поклявшись, что сделал это по незнанию или по забывчивости (параграф 30).

Король также принял меры, чтобы увеличить значение рынков и ярмарок в Лорри. Он взял под свою защиту всех лиц, которые отправлялись туда. Параграф 6 запрещает захватывать их и беспокоить во время пути туда и обратно, кроме тех случаев, если они совершат какое-либо преступление в тот самый день. В то же самое время, чтобы гарантировать безопасность купцов и целость их товаров, запрещается захватывать их до суда в виде залога.

Наряду с этим жители Лорри освобождаются от *réages* (подать, взимаемая на дорогах и на мостах) при торговых путешествиях в Etampes, Orleans, Milly en Gâtinais et Melun (параграф 4), также освобождаются от *tonlien* в других четырех важных городах в Gâtinais (параграф 28). Из всех городов, сношения с которыми так облегчены жителям Лорри, важнее прочих Орлеан – это торговый центр страны. В нем были ежегодно две ярмарки: на Пасху и в праздник Всех Святых; последняя продолжалась всего 4 дня, от 28 октября до дня Всех Святых; Пасхальная же, называемая также «Мартовской ярмаркой», была гораздо значительнее: в это время собирались в Орлеан торговцы не только из ближайших городов, но и отдаленных, как *Benuvais*, *Agas* и других. Параграфы 20 и 26 хартии Лорри касаются специально сношений этого города с Орлеаном. По параграфу 26 всякий, отправляющийся из Лорри в Орлеан с солью и вином, платит за свою телегу только один день.

По параграфу 20 эта плата в 1 день подтверждается в том случае, если кто-либо едет с товарами, но не на ярмарку; в противном случае при въезде в Орлеан платит два денье и при выезде – четыре денье за телегу.

5. Судопроизводство. Жители Лорри были подсудны королевскому превоту, и превоты прочих городов Gâtinais не имели прав требовать их к себе на суд (параграф 27). Относительно организации трибунала этого королевского чиновника хартия ничего не говорит; заседали ли вместе с ним пэры обвиняемого (то есть лица одного сословия с обвиняемым), мы не знаем. Граждане Лорри всегда были уверены, что их будут судить сообразно с привилегиями, потому что превот, как мы уже знаем, при

вступлении в должность торжественно клялся, что будет соблюдать все привилегии хартии. Кроме того, никто не имел права требовать жителей Лорри на суд вне их города, ни даже сам король (параграф 8).

Аббатство Святого Бенедикта на Луаре имело в Лорри важный домен. Лица, владеющие на земле аббатства домом, какими-либо постройками, виноградником, полями или лугами, не были подсудны аббату или его чиновнику, кроме случаев, когда дело шло об уплате арендных денег или десятины; но даже в последнем случае их не могли привлекать к суду вне Лорри (параграф 31).

Интересен параграф 19 хартии; по нему никто не должен был являться в суд, кроме случаев, когда его право нарушалось или он должен был дать удовлетворение. Очевидно, это имело целью уменьшить количество процессов. Подобного же характера есть статья в Ассизах Иерусалимского королевства; там сказано, что судебному разбирательству не подлежат споры об устройстве мира, о величине неба, о морских приливах, течениях рек и бурях на море и т. п.¹¹

Параграф 12 регулирует судебные штрафы, а параграф 16 говорит о заключении в тюрьму до суда. Никто не может быть заключен в тюрьму, если представит залог, что явится к судебному разбирательству.

Нам известны три вида доказательств, употребляемых на суде у превода в Лорри: свидетели, клятва и судебная дуэль. Свидетели упоминаются просто в параграфе 32, в том же параграфе говорится и о клятве: «Если кто-нибудь из жителей Лорри будет обвинен и обвинение не будет доказано свидетелями, то обвиненный может освободиться от обвинения одной клятвой». Некоторые в этом видят уничтожение соприсяжников, но это не совсем верно. Это просто доказывает, что в Лорри еще в XII веке сохранился старый обычай каролингского времени, когда рядом с соприсяжниками допускалась и очистительная клятва; допускалась только в одном случае, когда обвинение не будет подтверждено свидетелями. Что касается судебной дуэли, то она входит в большее употребление в половине IX века. Один из авторов «Чудес святого Бенедикта» передает любопытный факт, относящийся ко времени аббата Бозона (833–840). Возник процесс между войтом (avoué) монастыря Святого Бенедикта и войтом монастыря С.-Дени. Партии обратились к королевским missi, но между ними не оказалось ни одного человека, знающего римское право, которое действовало на церковных землях. Обратились в Орлеан, но и там не нашли ни одного, знающего римское право. Тогда было решено устроить дуэль, с чем согласились все. Были уже приготовлены дубины и палки, но дуэль не состоялась, так как один легист из Gâtinais предложил разделить спорное имущество пополам.

В X и XI веках употребление судебной дуэли развивается; даже церковь не пренебрегает этим средством для доказательства своих прав. Только в XII веке папство определенно высказалось против употребления дуэли в делах, которые касались интересов церкви. Что касается светской власти, то она, по-видимому, ничего не имела сначала против дуэли и даже покровительствовала ей собственным примером. Так было при Людовике VI; когда граф Blois хотел около 1111 года выстроить новый замок, король воспротивился этому и для доказательства своего права об-

ратился к дуэли – короля представлял при этом его сенешаль; кроме того, Людовик VI увеличил число лиц, имеющих право судебной дуэли, даровав его сервам многих церквей. Очень возможно предположить, что король, увеличивая употребление судебной дуэли, имел в виду уравнивать перед судом до известной степени благородных и неблагородных.

Только несколько позже короли пытаются ограничить употребление судебного поединка («поля»). Например, в 1178 году жителям Орлеана запрещена дуэль в спорах, причина которых менее 5 су (солидов). Такого же характера и параграф 14 нашей хартии, который говорит о судебной дуэли: если назначен поединок, но еще заложники не даны (при судебных поединках обе стороны давали заложников в том, что побежденная сторона уплатит все, что следует), и если при содействии превота стороны помирятся, то уплачивать штраф в 2 солида 6 денариев; если заложники были уже даны, то в 7 солидов 6 денариев. Несомненно, что цель статьи – уменьшить количество поединков. Интересен конец параграфа 14 хартии: «И если дуэль произошла между *homines legitimi* (*homines legitimi* – это выражение иногда обозначает людей свободных в противоположность сервам. Но так как жители Лорри, которым адресована хартия, свободны, то это выражение должно, без сомнения, обозначать людей, имеющих право драться на дуэли), то поручители побежденного должны заплатить 112 солидов». По мнению М. Ргюи, здесь возможны два толкования: 1) 112 су были штрафом, который должны были уплачивать в том случае, если стороны примирятся после поединка, и 2) эти 112 су побежденная сторона уплачивала вообще после всякого поединка, следовательно, эта мера еще более должна была стеснить частое употребление «поля». Сам Ргюи становится на сторону второго мнения. Желаясь подробно ознакомиться с доказательствами Ргюи и мнениями других ученых по этому вопросу могут обратиться к статье Ргюи (р. 190–194).¹²

Перейдем теперь к системе наказаний. Наказания за преступления высшей юрисдикции совсем не упомянуты в нашей хартии. Несомненно, здесь продолжало действовать общее право. Это доказывает специальная оговорка в хартии города¹³ *Gâtinais*, в которой сумма пени за другие преступления точно такая же, как в хартии Лорри. К преступлениям высшей юрисдикции принадлежали: убийство, измена, воровство, похищение людей, а также и изуродование.

За прочие преступления в Лорри налагалась конфискация имущества или денежная пеня. Конфискация недвижимого имущества назначалась в случае преступления против короля и лиц, находящихся непосредственно под его покровительством (параграф 5 хартии). Некоторые видят в этом непосредственное влияние и как бы возрождение римского права (P. Viollet), так как в древнейшем германском праве о конфискации недвижимой собственности не могло быть и речи, потому что не было полной недвижимой собственности: землевладение было общинное; в римском же праве конфискация была в большом употреблении; Юстиниан¹⁴ только ограничил это и сохранил, как наказание за преступления против величества. Но это мнение не совсем верно: конфискация недвижимой собственности еще в древнее время вошла во французское законодатель-

ство. В Салическом законе, когда обвиненный отказывался явиться перед трибуналом короля, он изгонялся и его имущество конфисковалось. По закону Рипуарскому подвергалась конфискации собственность изменившего в верности королю. Наконец, в каролинских капитуляриях конфискация назначалась за нарушение клятвы в верности королю или за оскорбление, причиненное ему или членам его семейства.

Другой род наказания – вира – понижалась с 60 солидов до 5, и вира в 5 солидов – до 12 денариев (параграф 7 хартии). По исследованию Гера в его «Записке о монетной системе франков при королях первых двух династий» («Revue de la numismatique française», 1837) – золотой солид в 1837 году имел бы действительную ценность 99 франков 53 сантима. С течением времени сократилась как ценность, так и название этой монеты и солид обратился в мелкую монету – современное «су». Происхождение виры в 60 солидов и в 5 солидов очень древнее. Еще в Меровингскую эпоху вира в 60 солидов налагалась на лиц, которые не являлись по приказанию короля, причиняли какой-нибудь вред находящимся под покровительством короля лицам, отказывали в пристанище королевским посланным, выпускали вора на свободу или давали приют изгнанникам. Это была, так сказать, королевская вира.

Несмотря на изменение ценности денег в течение времени, пеня в 60 солидов сохранилась, как видим, до XII века. Пеня в 5 солидов налагалась в случаях мелких преступлений.

После тальи и барщины вира – самый тяжелый налог для населения, поэтому уменьшение ее было одной из самых важных привилегий, которые мог дать король.

Эта привилегия вместе в отменой барщины, тальи и прочих феодальных повинностей и налогов, вместе с дарованием права свободного проезда на рынки и уменьшением торговых пошлин, сделала хартию города Лорри в высшей степени популярной и заставила жителей окрестных городов и местечек стремиться к получению ее от короля. Короли, по-видимому, очень охотно давали ее, и мы видим, что число городов, получивших хартии Лорри целиком или с некоторыми изменениями, доходит до 83.

Мы не будем заниматься изложением истории распространения хартии города Лорри, а желающие могут ознакомиться с ней по вышеназванной статье М. Пру (стр. 267–320).

Теперь мы переходим к другому типу городов, именно к тем, которые образовались из гильдий и затем приобрели свои хартии вольностей или путем восстания, борьбы со своими сеньорами, или мирным путем, то есть покупкой.

Прежде чем перейти к изложению истории отдельных коммун, мы скажем несколько слов об общем характере их хартий.

1) Коммуна образует корпорацию, члены которой соединены взаимным союзом, вследствие которого все обязаны взаимно защищать друг друга и помогать один другому. Это прямо доказывает происхождение коммун от гильдий, где точно так же члены клялись, что будут помогать и защищать один другого. Это прямо выражено в первом пункте хартии

Суассона и в других, от нее заимствованных. «Они клялись, что внутри городских укреплений и вне, в бурге, один другому будут помогать по мере возможности и что они никогда не потерпят, чтобы кто-либо у кого-нибудь из коммуны что отнял, нанес ущерб или взял что-либо из его вещей». Точно так же в хартии Аменьенской и Аббевильской, перенесенной в Дулан (Doulens):

«Постановлено и скреплено святой присягой, что каждый своему соприсяжнику (jurate) будет оказывать и сохранять верность, помощь, содействие и совет, сообразно с тем, как этого будет требовать справедливость».

Отсюда jurati, как во многих хартиях, называются члены общины, тогда как в других это имя обозначает общинных судей.

В коммунальной хартии Лана и производных от нее конфедерация принимает характер взаимного поручительства. Все члены «мира» (коммуна называлась иногда «institutio pacis») должны помогать своему товарищу, который оскорблен в своем праве кем-либо посторонним, например, соседним феодальным владельцем; с другой стороны, все должны преследовать его, если он не дал удовлетворение другому, им оскорбленному.

Точно так же хартия города Турне (Toungny) повелевает соседям подать деятельную помощь тому члену общины, в дом которого ворвется кто-либо чужой.

С этим правом защиты находится в связи и набатный колокол, и сторожевая башня (beffroi) коммуны. На звук колокола должны собираться все под страхом наказания. Когда община выходит в поход против врага, то без позволения предводителя никто из ее членов не может говорить с врагом; никто во время войны не должен давать врагу деньги или что другое. Все преступления, которые член «мира» совершает против другого, в коммунальных хартиях представляются нарушением клятвенного союза (параграф 4 Ланской хартии).

2) Коммуна имеет свое собственное выборное управление.

Оно состоит:

а) из мэра (major communiae), представляющего исполнительную власть;

б) из судебной или административной коллегии или совета, члены которого называются jurati (фр. jurati – jurés).

Мэр привлекает к суду всех тех, кто оказался виновным в нарушении коммунального устройства, равным образом и посторонних общине лиц, совершивших какое-либо преступление против члена общины. Этот чиновник имеет важное значение в устройстве общинном и встречается даже там, где сохранились скабиальные суды (например, в Турне и Реймсе).

Города, не образовавшие собственные коммуны, подчинены суду превода (prevost – prévôt), ему же подчиняются и те коммуны, которые были лишены своих хартий.

Об избрании мэров в хартиях весьма редко встречаются определенные постановления. В Руане и Фалезе (Falaise) сто мэров коммуны избирают трех кандидатов, из которых король назначает мэра. Часто комму-

нальная хартия составлена в таких выражениях, как будто нарушители ее должны быть судимы своей общиной (Суассон).

Рядом с коммунальными властями еще встречаются представители земской власти, например, в королевских коммунальных городах – *baillis* и королевский *grévôt*, далее, в некоторых находим виконта или *chatelain*, которому принадлежат права в городе и окрестностях как лены. Это вполне понятно, так как местность выростала, но сеньориальные права сохранялись: часть населения выкупалась, а другая не могла и оставалась под рукой сеньора или его чиновников.

В некоторых городах встречаются вместе и коллегия скабинов, и коллегия *jugis*.

И в наших городах с магдебургским устройством¹⁵ мы встречаем «лавников» = *scabini* = *échevius* рядом с бурмистрами, ратманами. В некоторых городах – скабиальный суд и суд тридцати присяжных, при этом два *graeopositi*, один *communiæ* – мэр, другой – *grévôt* короля или епископа (Tournaÿ).

В других городах мэр с четырьмя нотаблями управляет городским имуществом; мэр каждый год сменяется, и так далее.

3) О правах и повинностях горожан мы имеем следующие данные: так как образование коммуны имело целью защиту против притеснения и своеволия земских властителей, то уничтожение крепостного состояния и ограничения права на подать и повинности принадлежали к важнейшим постановлениями коммунальных хартий.

Так, параграф 12 Ланской хартии и всех ей родственных гласит:

«Однако мы исключаем совершенно людей мертвой руки» (*mortuas autem manus omnino excludimus*) – это прямо показывает, что в образующую коммуну вошли также и крепостные люди «мертвой руки», которые, таким образом, сделались свободными. Мы должны заметить, что и впоследствии в коммуну принимались крепостные, которые вследствие этого становились свободными и принимали участие во всех привилегиях коммуны. Таков смысл параграфов хартии некоторых городов; впрочем, иногда для достижения полной свободы требовалось проживание в городе год и день точно так же, как мы видели это в Лорри.

В хартиях Бовэ, Суассона и производных постановляется, что каждый член общины обязан защищать другого против своевольного обложения податью. Поэтому вводятся постоянные подати, как ценз на землю или в виде круглой суммы, вносимой ежегодно целой общиной.

Важной свободой было право жениться по воле; даже тогда, когда оброчный человек женился без позволения господина, он платил только небольшой штраф. Далее, давалось право свободного перехода завешания, наконец, освобождение от барщины. Военная обязанность была ограниченного размера. Кроме военной помощи эти города часто платили королю ежегодно известную сумму деньгами и обязывались принимать и содержать его с двором известное число раз. Лан, например, три раза.

4) В хартиях также мы находим некоторые указания юридического характера. Ланская хартия определяет способы преследования преступлений. Присяжные имеют право самопомощи, когда господин преступни-

ка не даст никакого удовлетворения или тот, к кому бежал преступник, не выдаст его. Далее в параграфе 12 говорится, что члены «мира» не могут быть принуждаемы искать суда вне города.

Если король имеет что-либо против отдельного лица, то обвинение совершается перед мэром и присяжными; если же против целой общины, то перед епископской курией. Если соседний феодал обидит кого-либо из общины и откажет в удовлетворении, то позволяется схватить и арестовать людей, равно как и имущества этого феодала (Лан). Такие же права предоставляются общине хартией Суассона: «Если кто совершит преступление и убежит, община имеет право мстить тому, кто скроет преступника и не выдаст. Король не может возвратит преступника в город, если он не дал удовлетворение».

Если это делает епископ по неведению, то преступник, как скоро в нем признают врага, не может оставаться без разрешения общины.

Все дают клятву соблюдать хартию, кто отказывается – дом его предается разрушению. «Если преступник не хочет давать удовлетворения по суду присяжных, община сама расправляется с ним».

Таков в немногих словах общий характер хартий, так называемых собственно коммун. Теперь мы обратимся к истории одной из наиболее замечательных коммун, именно города Лана, а потом скажем несколько слов о коммуне города Санлиса (Senlis), чем и закончим наш обзор коммунального движения французских городов в XII веке.

История Ланской коммуны

В конце XI века город Лан (Lan) был один из наиболее важных в королевстве.¹⁶ Он был населен искусными в ремеслах жителями, и выгодное стратегическое положение заставляло рассматривать его как вторую столицу. Точно так же, как и в Нуайоне и Бовэ, и здесь епископ – светский сеньор (*exercait la signernie temporelle*). Здешняя епископская кафедра, одна из первых и наиболее видных в государстве, была предметом зависти для могущественных и богатых людей, которые старались добыть место путем подкупа и интриг. При последовательном управлении прелатов, возведенных не по заслугам, а по милости, прелатов, которые заботились только о своей власти и пышности своего двора, а не об управлении городами в качестве чиновников и епископов, Лан сделался театром страшных беспорядков. Дворянство и служители их «вооруженной руки» грабили горожан. На улицах города нельзя было найти безопасности ни днем ни ночью. Невозможно было выйти из дому, не рискуя быть остановленным, ограбленным или убитым. Горожане, в свою очередь, следуя примеру высшего класса, учиняли насилие над крестьянами, которые являлись на городской рынок за покупкой или для продажи. Они увлекали их под различными предлогами в свои дома и задерживали там пленниками (как это делали сеньоры в своих укрепленных замках) до тех пор, пока те не заплатят выкупа. К насилиям, совершаемым частными лицами, присоединялись притеснения епископального правительства; налоги, назначаемые правительственно, и судебные преследо-

вания против лиц, не могущих платить. Суммы денег, добытые этим путем, делились между сановниками церкви и «благородными» города, которые были по большей части связаны между собой родственными узами.

В 1106 году, когда все эти беспорядки усилились, потому что епископская кафедра два года стояла пустой, Ланскую епархию получил с помощью денег Годри (Гадри), норманец по происхождению, приспешник Генриха I, короля английского.¹⁷ Это был один из тех церковных людей, которые после завоевания Англии Вильгельмом отправились искать счастья на остров посредством захвата имущества побежденных; теперь он вернулся епископом.¹⁸ Он имел нравы и вкусы военного человека, характер вспыльчивый и более всего любил говорить о войне и охоте, оружии, собаках и лошадях. Одним из первых актов епископа Годри было наказание смертью одного буржуа, осмелившегося осуждать его поведение, затем последовал целый ряд ужасных насилий. Приобретение такого сеньора не могло принести никакого облегчения мирным обитателям Лана, напротив того, оно увеличивало их страдания. Дворянство города и клирики становились еще более буйными и жадными; избыток притеснений заставил, наконец, горожан искать средства помощи. Слава Нуайонской коммуны, установленной там в 1108 году, распространялась издалека: очень много хвалили и справедливый суд города, и добрый мир, который царствовал там. Ланские граждане не сомневались, что установление у них коммуны приведет без проблем к тому же результату, как и в Нуайоне, и эта надежда воодушевляла их. Они стали устраивать политические собрания и решили пожертвовать всем ради общего освобождения и установления в городе выборного правительства. Епископ, без признания которого ничто не могло совершиться мирным путем, был тогда в Англии, клирики и рыцарство города управляли в его отсутствие. К ним то и обратились горожане, предлагая большую сумму денег, если они согласятся признать подлинным актом право самоуправления и выборных властей. Соблазненные выгодной наживой клирики и рыцари обещали все, если только им будут даны верные гарантии и залогов уплаты. Как кажется, они не отдавали себе точного отчета о важности требуемых уступок и видели в новом договоре только быстрое средство к наживе. Коммуна, установленная в Лане с согласия и общей клятвы клириков, рыцарей и горожан, была организована в отношении муниципальных властей частью по образу коммуны Нуайона, частью по образу Сан-Кантена (St.-Quentine). Судебная и полицейская администрация была поручена мэру и 12 присяжным (jurés); они имели право созывать жителей по звуку колокола для совета и защиты города. Они должны были судить все преступления, совершенные в городе или округах его; они же исполняли судебные приговоры и скрепляли акты муниципальной печатью, отличной от печати епископа. Каждый из жителей, оседлый в границах территории, принадлежавшей коммуне, должен был поклясться в послушании законом коммунальной хартии. Вот некоторые замечательнейшие параграфы ее:

«Никто не смеет задержать кого-либо свободного или серва без приговора суда».

«Если кто-либо каким бы то ни было образом нанес ущерб другому, будь то клерку или рыцарю, или купцу-иноземцу, или иностранцу, и если обидчик принадлежит к горожанам, то он обязан явиться на суд перед мэром и присяжниками, чтобы оправдаться или уплатить пеню; но если он откажется дать удовлетворение, то он будет исключен из города со всем своим семейством. Если собственность обидчика, земля или виноградник, помещается вне городской территории, мэр и присяжник будут требовать суда над ним у сеньора, в округе которого имущество будет находиться; но если от этого сеньора они не получат правого суда, то им дозволено будет разорить (*devaster*) имущество осужденного. Если виновный не принадлежит к городу, дело должно быть перенесено ко двору епископа и, если в продолжении пяти дней преступление не заглажено, мэр и присяжники могут учинить возмездие, насколько это в их силах».

«В уголовных случаях жалоба должна быть перед судьей сеньора, в округе которого был взят виновный, или перед бальи его, если первый в отсуствии; если же истец не найдет справедливого суда у обоих, то могут адресоваться к присяжникам».

«Податные (*les senses*), то есть оброчные, будут платить только поголовный ценз. Если они не уплатят в назначенное время, они будут наказаны по закону, но сверх этого не будут давать сеньору ничего, кроме того, что сами захотят».

«Люди коммуны могут жениться на дочерях вассалов и сервов какого бы то ни было сеньора, кроме сеньорий и церквей, которые составляют часть коммуны. В семействах этих последних они могут брать себе жен только с согласия епископа и ливона».

«Ни один посторонний податный человек церкви или рыцарей города не будет принят в коммуну без согласия сеньора».

«Всякий постройт в продолжение года дом, или купит виноградник, или внесет в город два жилых имущества, чтобы судебная власть могла быть удовлетворена в случае жалобы на него».

«Люди мертвой руки совершенно уничтожаются. Тальи распределяются таким образом, что каждый человек, подлежащий талье, платит только 4 денария в каждый срок и более ничего, если он только не имеет земли, за которую согласен был бы уплатить еще поземельную подать».

По возвращении своем из Англии епископ, найдя договор заключенным, вышел из себя и удержался даже на некоторое время от въезда в город. Но гнев его не устоял перед громадной суммой денег, предложенной ему коммуной, и он решил, что этого будет достаточно, чтобы примириться с виновниками нововведения. Годри поклялся свято хранить привилегии горожан и отказался за себя и за своих преемников от сеньориальных прав.

Получив таким образом согласие своего непосредственного сеньора, граждане Лана, желая, чтобы у их коммуны были все возможные гарантии, стали спрашивать санкцию королевского авторитета. Они отправили депутатов с богатыми подарками к королю Людовику VI в Париж и добились ратификации своей коммунальной хартии при условии уплаты

ему взноса. Депутаты привезли обратно в Лан эту хартию с огромной королевской печатью и с двумя нижеследующими параграфами, прибавленными в Париже:

«Люди Ланской коммуны не должны быть принуждаемы судиться вне города. Если король затеет процесс против кого-либо из них, то судование должно происходить при дворе епископа». «За это преимущество и многие другие, дарованные помянутым жителям королевской щедростью, люди коммуны обязаны кроме древних прав, принадлежащих королю, три приема¹⁹ в год (*tries gite par an*), если он будет приезжать в город, если же он не будет приезжать, то они будут платить ему по двадцать ливров вместо каждого приема».

Казалось, все шло хорошо для Ланской коммуны, но доброе расположение к ней епископа Годри продолжалось столько же, сколько длились деньги, которыми оно было куплено; он любил роскошь и тратил деньги, не жалея их. Вскоре он пожалел, что уступил за сумму раз уплаченную и за небольшой ежегодный взнос те доходы, которые он имел прежде от талы, вспомоществований и от побора «мертвой руки». Клирики церкви, подражавшие расточительности своего епископа, и дворянство города точно так же быстро растратили цену договора, заключенного с горожанами. Не видя возможности извлечь денег из людей низшего класса в связи с новым законом и порядками в городе, они разделяли горе прелата и его неудовольствие против коммуны. Они вместе обсуждали меры, которые можно было бы предпринять для разрушения всего сделанного и для того, чтобы вновь привести граждан Лана, как купцов, так и ремесленников, к прежнему состоянию их полного экономического порабощения. Но сделать все без ведома короля было опасно.

Это было в 1112 году, и граждане уже почти три года наслаждались полной свободой управления, которое смело можно было назвать республиканским. Они дорожили этим управлением, сознавая то добро, которое всегда внушает деятельное участие в делах общественной жизни. Словом, царило такое настроение, когда малейшее поползновение нарушить права и порядки, без которых невозможно жить, ведет к политическому фанатизму. Но сеньоры XII века были малоопытны в этом отношении. Не предвидя совершенно опасности, которой они подвергались, епископы и дворянство города Лана решили начать исполнение своего намерения в конце поста, то есть в апреле месяце. Избрали именно это время, несмотря на уважение, которое они питали к Святой Пасхе, потому что они задумали пригласить короля Людовика VI Толстого приехать в город на этот праздник и надеялись на его присутствие, чтобы привести горожан в повиновение и устрасить их.

Король принял приглашение епископа Ланского и явился накануне Великого четверга с огромной свитой придворных и рыцарей. В самый день приезда епископ заговорил с ним об интересовавшем его деле и предложил королю отнять назад согласие, данное им коммуне. Весь преданный этой интриге и переговорам, он ни в этот день, ни в следующий не вступал в храм Божий для освящения Святого мира, ни для отпущения грехов народу. Советники короля сначала не соглашались, потому что ланские граждане, предупрежденные о заговоре, предложили им

400 ливров серебра, а если нужно, и более. Епископ принужден был обещать более, чем горожане, а именно 700 ливров серебра, которых у него не было, но которые он надеялся собрать с граждан, когда не будет коммуны. Это предложение убедило придворных и даже короля пойти против городских вольностей. Вследствие договора, заключенного ими с епископом, этот последний своей властью разрешил их и самого себя от клятвы, данной горожанам. Хартия, скрепленная королевской печатью, была объявлена недействительной; от имени короля и епископа объявили, чтобы магистраты коммуны оставили свои должности, возвратили печать и знамя города; было запрещено звонить в колокол, которым открывались и оканчивались их заседания. Эта прокламация произвела такое брожение, что король более благоразумным оставить дом, где он остановился, и отправиться ночевать в епископский дворец, окруженный крепкими стенами. На другой день утром, с восходом солнца, он поспешно удалился, не дождавшись светлого праздника Пасхи, ради которого он, собственно, и приехал. В продолжение всего дня лавки купцов и ремесленников и гостиницы были заперты. Никакой продажи не производилось, каждый сидел, запершись, в своем доме, как всегда бывает в первые минуты общественного бедствия. Но молчание продолжалось недолго, и волнение началось уже на другой день, когда узнали, что епископ и дворяне занимались составлением списка имущества каждого жителя для того, чтобы наложить на них чрезвычайные вспомоществования (*les aides extra-ordinaires*) для уплаты денег, обещанных королю. Говорили даже в насмешку, что каждого заставят заплатить за разрушение коммуны столько же, сколько он платил за утверждение ее. Негодование и неясный еще страх перед всеми несчастьями, которые должны обрушиться на них, воодушевили граждан и наполнили сердца их каким-то диким гневом. Они стали собираться на тайные совещания; сорок граждан поклялись (клятвой на жизнь и на смерть) убить епископа и всех тех дворян, которые работали вместе с ним над уничтожением коммуны. Но тайна этого заговора не была хорошо скрыта. Архидьякон Ансельм, весьма известный своими познаниями, рожденный от одной из незначительных фамилий города, по своей врожденной честности и сочувствию к гражданам не одобрявший клятвопреступления епископа, узнал о заговоре. Не выдавая ничего, он быстро отправился к епископу, умоляя его быть осторожным и не выходить из дома и в особенности не сопровождать пасхальной процессии. «Фи, — отвечал прелат, — мне ли бояться умереть от набожных людей». Однако он все же не осмелился отправиться к заутрене и войти в церковь; но в час, назначенный для священной процессии, он, боясь названия труса, отправился во главе причта, повелев своим слугам и несколькими вооруженным рыцарям следовать за собой во время шествия; один из сорока говорщиков, полагая это время наиболее удобным для убийства, вышел вдруг из-под какой-то арки с криком «Коммуна!», что было условленным знаком. Произошло некоторое смятение, но в силу того, что между заговорщиками было мало единомышленников, это движение не имело последствий.

Испуганный тем, что услышал так громко произнесенное имя этой коммуны, которой некогда клялся, епископ к вечеру того же дня с

величайшей быстротой привел из церковных сел толпу крестьян, которых расположил в своем доме и башнях собора. В Светлый понедельник все духовенство должно было с торжественной процессией отправиться в аббатство Святого Винцента, расположенное вне городских стен. Епископ сопровождал процессию, конвоируемый, как и накануне. Заговорщики решили воспользоваться случаем и действовать, но и на этот раз они ничего не сделали, потому что дворяне, которых они ненавидели не менее епископа, не присутствовали на церемонии. Потому что не хотел выказать своей боязни, но епископ отослал всех своих крестьян на другой же день утром и удовольствовался тем, что попросил именитейших из дворян явиться вооруженными в дом его на случай возмущения горожан. Но народное озлобление не успокоилось и на третий день Пасхи; многие замки были разграблены горожанами; они в особенности искали там зернового хлеба и соленой говядины, как будто бы желая запастись провизией для осады. Кто-то пришел совсем испуганный доложить об этом епископу, но последний расхохотался и отвечал: «Что вы хотите, чтобы они сделали, эти добрые люди со своими возмущениями? Если бы Жан, мой негр, вдруг захотел бы и потянул за нос самого страшного из них, бедняк не осмелился бы даже пикнуть. Я заставил их отказаться от того, что называлось коммуна, и теперь будет так же легко заставить их оставаться в покое» (Guibert. de Novig. III; VII).

На другой день, в четверг, когда епископ, вполне успокоенный, обсуждал с одним из своих дяконов по имени Готье новые полицейские меры, которые должно было принять, и особенно количество и распределение тальи, громкий шум раздался на улице и толпа людей все более грозно провозглашала: «Коммуна, коммуна!» Это был знак восстания; быстро увеличиваясь, громадная толпа граждан, вооруженная копьями, луками, дубинами, топорами, наводнила епископский дом, находившийся рядом с кафедральным собором, и овладела церковью. При первом известии о возмущении дворяне, обещавшие епископу помочь в случае нужды, спешили к собору со всех сторон, но по мере того, как они появлялись, народ схватывал их и убивал без жалости. Так как злоба горожан была направлена преимущественно против епископа, то они сильно шумели вокруг дворца, двери которого были заперты, наконец, они начали осаждать его. Осажденные защищались стрелами и камнями, но осаждающие вошли силой, и епископ имел только время переодеться в платье одного из своих слуг и спрятаться в погреб, где один из приближенных укрыл его в бочку. Горожане бегали по всему дому, крича: «Где изменник, где злодей?» Один из слуг открыл место его убежища. Среди первых, явившихся в указанное место, был один из вождей бунта – Тьегга (Thiega), серв церкви Святого Винцента, приставленный (enguegrand) сеньором Кузи (Cousy) наблюдать за сбором дорожных пошлин с моста недалеко от города. На этой должности он очень много разбойничал, заставляя путешественников платить выкуп и даже убивая их, как говорили. Этого человека грубого нрава епископ знал и в шутку, за его безобразный вид, давал Тьегга нередко прозвище «Изенгрин». Это было имя,

которое давали волку в баснях и сказках того времени, подобно тому как человека хитрого и изворотливого называли Reinard – лиса, такой характер и у лисы сказочной.

Крышка бочки, в которой спрятался епископ, поднялась. «Есть ли там кто-нибудь?» – закричал Тьега, сильно ударив палкой. «Это несчастный пленник», – отвечал епископ дрожащим голосом. «Ага, – закричал серв монастыря Святого Винцента, – так это вы, мессир Изенгрин, запрятались в эту бочку». С этими словами он за волосы вытащил епископа и, осыпая жестокими ударами, вытащил на улицу. В это время епископ Годри умолял горожан пощадить его жизнь, предлагая поклясться на Евангелии, что он отречется от епископства, обещая отдать им все свои деньги и даже, если они того пожелают, удалиться из страны. Но все его мольбы и обещания были тщетны, ответом на них служили оскорбления и удары, наконец некто Бернар Дебрюйер (Desbrugieru) нанес ему по голове сильный удар обоюдоострым топором, и почти в ту же минуту второй горожанин своим ударом добил его. Тьега, видя на пальце блестящее епископское кольцо, обрубил ему палец мечом, чтобы владеть кольцом; наконец тело Годри, лишенное всякой одежды, было брошено на землю, где всякий проходивший горожанин бросал в него камнями и грязью. Во время совершения этого убийства дворяне бежали в разные стороны, сами не зная куда, мужчины в женских одеждах, женщины – в мужских. Горожане стерегли на улицах и у городских ворот, чтобы остановить беглецов; даже женщины, разделяя озлобление своих мужей, не обращались милостивее с благородными дамами, попавшими в их руки, они оскорбляли их, били и срывали с них богатые одежды. Знатнейшие рыцари, жившие в городе, погибли во время осады епископского дворца или позже. Когда все было окончено на улицах, инсургенты отправились осаждать дома тех, которые еще остались в живых; все они были убиты или заключены в темницу. Горожане с какой-то дикой радостью разрушили их дворцы и подожгли дом епископского казначея, человека, более других возбуждавшего их ненависть, но который по счастливой случайности успел спастись. Этот дом стоял по соседству с соборной церковью, которая вскоре была охвачена и почти совсем истреблена пламенем. Огонь, переходя со строения на строение, уничтожил целые кварталы города, где находились многие церкви и греческий монастырь.

Архидьякон Ансельм, который имел смелость предупредить епископа о заговоре, составленном против него, решился на другой день после смерти Годри предложить провести погребение его тела. Горожане, удовлетворенные своей мезтью, не сделали ему за это никакого зла и предоставили одному заботиться о печальных похоронах. Ансельм с помощью слуг взял тело, обернул его простыней и принес за город в церковь Святого Винцента. Громадная толпа народа следовала за процессией, но никто не молился за упокой души усопшего, все проклинали и оскорбляли его. В церкви не было ни одного священнослужителя, и тело епископа Ланского, одного из князей французской церкви, было брошено в яму, как тело самого последнего из неверных (Guibert. de Novig. III; VIII, X).

Так кончился первый период истребления Ланской коммуны. Здесь, как легко заметить, три ясных отдельных периода. Сначала подданные

мирным путем добиваются своей свободы, а власти, в свою очередь, снисходят на их просьбы с видимым удовольствием. Затем последние раскаиваются в своей уступчивости; они берут назад свои обещания, нарушают свои клятвы и уничтожают новое учреждение, которое недавно клялись поддерживать. Тогда-то начинают бушевать народные страсти, возбужденные несправедливостью, инстинктивным желанием мести и страхом за будущее. Этот род событий, аналогичный великим революциям, повторяется в восстании небольшого города и в возмущении целой нации, так как дело идет об интересах и страстях всегда одинаковых. И в XII веке для политических перемен существовали те же законы, как и в XVIII веке – высшие абсолютные законы, которые всегда будут управлять ходом истории.

Когда граждане Лана вполне удовлетворили свой гнев и жажду мести, они обдумали все то, что произошло, и почувствовали ужас и отчаяние. Вполне занятые мыслью об угрожающей им опасности, боясь вскоре увидеть королевскую армию у городских стен, они были совершенно неспособны заняться чем бы то ни было, кроме забот о собственной безопасности. В бурных заседаниях, собранных по этому поводу, одно мнение держало верх над всеми прочими, это было мнение о союзе с сеньором де Марль, который за известную сумму денег мог предоставить к услугам города довольно большое количество рыцарей и воинов.

Фома де Марль (Thomas de Marl), сын сеньора Enguerraun de Cousy, был самым воинственным и энергичным бароном во всей стране. Он был известен не только вследствие своего могущества, но и вследствие своего жестокого, доходящего до дикости характера. Название его замка – Креси – фигурировало во многих народных легендах, рассказах, где говорилось о купцах и пилигримах, заключенных в оковы, сидящих там в сырых подвалах и мучимых на тысячи ладов. Были ли эти слухи справедливыми или нет, граждане Лана не имели времени для обсуждения. Им была необходима во что бы то ни стало помощь против королевских войск; между сеньорами страны они могли надеяться только на Фому де Марля, так как он был личным врагом Людовика VI.

Горожане Лана отправили депутацию, чтобы поговорить с сеньором de Marl и пригласить приехать в город для заключения договора с магистратами коммуны. Его въезд в город верхом на лошади, в полном вооружении, посреди своих рыцарей и воинов, был поводом великой радости и надежд для горожан. Когда вожди коммуны высказали свои предложения де Марлю, он попросил позволения посоветоваться отдельно со своими; все они высказали мнение, что его войско не столь многочисленно, чтобы противостоять силе короля. Но такой ответ тяжело было дать гражданам города. Фома боялся, чтобы он не вызвал негодования горожан и чтобы они не задержали его и не заставили поневоле разделить их положение. Он решил не говорить ничего положительного, пока будет находиться в городе, а по возвращении в свой замок назначил главным горожанам Лана свидание на большой открытой долине, недалеко от Лана. Когда они сошлись там, Фома начал говорить в следующих выражениях: Лан – город короля, я не смогу отстоять город, когда придет армия короля. Если вы боитесь короля, последуйте за мной в мою сенью-

рию, там я буду защищать вас по мере сил моих, как патрон и друг. Обсудите, хотите ли вы последовать за мной. Слова эти произвели панику среди жителей города, но так как они отчаивались в своих силах и не видели другого средства спасения, то большая часть их отправилась в замок Креси, другие – в город Новигент (Ножан) возле Куси. Вскоре между жителями и сервами соседних городов распространился слух, что граждане Лана убежали из своего города и оставили его без защиты. Этого было достаточно для того, чтобы привлечь массу их, жаждавшую добычу. В продолжение нескольких дней жители соседних городов являлись толпами грабить оставленные дома и уносить все, что возможно было. Даже отец Фомы, сир де Куси, привел на грабеж своих крестьян и вассалов; хотя они пришли последними, говорит современник, но тем не менее нашли столько добычи, как будто никто здесь не был ранее их. В то время когда посторонние опустошали город, приверженцы убитого епископа, вышедшие из тюрьмы или возвратившиеся из своих временных убежищ, начали мечь над горожанами, которые не имели времени или желания убежать. В свою очередь дворянство начало совершать по отношению к горожанам те акты жестокости, которые последние совершали ранее против них. Они осаждали горожан в домах их, убивали на улицах и преследовали даже за порогом монастырей и аббатств. Церковь Святого Винцента послужила тогда убежищем, куда многие граждане принесли свои деньги. Монахи приняли их так же, как они принимали врагов коммуны во время первой революции, но и это убежище не было пощажено. Дворяне разломали ворота аббатства и даже обнажили меч против монахов, чтобы заставить их выдать до последнего всех тех, кто прятался здесь. Большинство из них было убито варварским образом и ограблено.

За прием на своих землях убийц епископа и защиту их Фома де Марль был объявлен вне закона королевским указом и отлучен от церкви духовными чинами Реймской епархии, собравшимися на совет по данному делу. Этот приговор, произнесенный со всей возможной торжественностью при звоне колоколов и ярком свете церковных свечей, был читан каждое воскресенье после обедни во всех епархиальных и приходских церквах. Многие из соседних сеньоров, в том числе отец Фомы де Марля, вооружились против него. Все окрестности Лана были опустошены этой войной, и сам де Марль, особенно возмущенный против отлучившего его от церкви духовенства, не щадил ни церквей, ни монастырей. Замок Креси, отлично укрепленный, выдерживал долгое время осаду короля и его войска. Только после всеобщего возмущения окрестных крестьян, которым за поддержку было обещано архиепископами и епископами прощение грехов, удалось сломить эту твердыню. Защитники замка сдались, Фома де Марль принужден был заплатить большой выкуп и дать присягу королю в верности. Для эмигрантов Лана не было сделано никакого снисхождения, большинство их было повешено, чтобы служить примером для тех, которые еще держались в соседнем городе Новигенте. После взятия Креси королевская армия направилась на этот город, не представлявший уже серьезного сопротивления, потому что поражение сеньора де Марль привело в отчаяние его союзников. Все

ланские эмигранты, найденные здесь, были казнены как виновные в оскорблении Бога и государя; тела их, лишенные погребения, сделались добычей собак и хищных птиц.

Наконец король вступил в город, где обе враждебные партии все еще продолжали, хотя и с неодинаковым успехом, войну, убийства и грабежи. Так как его присутствие было благоприятно для врагов коммуны, то оно внушало им на это время несколько более спокойствия и уверенности в действиях. Произошло перемирие, во время которого все занялись искупительными, священными процессиями и исправлением церквей, разрушенных пожаром. Архиепископ Реймский, приехавший специально ради этого, отслужил торжественную обедню за упокой душ усопших во время смут и в середине обедни произнес проповедь, подходящую к данному случаю и назначенную для успокоения умов, приглашая граждан Лана вернуться к своему прежнему подчинению. Но, несмотря на эти авторитетные увещания, горожане не хотели покоряться как прежде и приверженцы «ненавистных коммун», как говорит современный писатель, не успокоились. Произошел ряд восстаний, история которых не дошла до нас, но во время которых, по всей вероятности, буржуазия одержала верх. В 1128 году, одиннадцать лет спустя после смерти Годри, страх вторичного взрыва народного негодования побудил его преемника согласиться на установление новой коммуны на старых основаниях. Король Людовик Толстый подтвердил хартию этой новой коммуны в собрании, созванном в Компьене. Замечательно то, что в этой новой хартии тщательно избегали слова «коммуна» и это слово, которое сделалось чересчур оскорбительным вследствие последних событий, заменено было словом «*institutio pacis*» – «учреждение мира». Территориальные границы коммуны были названы «границами мира», чтобы обозначить членов коммуны короля.

Вот предисловие того акта короля, который окончательно определил гражданские и политические права жителей города Лана и территории его, расположенной у подножия стен.

«Во имя святой и нераздельной Троицы, Аминь. Людовик, Божьей милостью король французский! Доводим до сведения наших феодалов, настоящих и будущих, что с согласия наших баронов и жителей города Лана мы учреждаем в упомянутом городе *institutio pacis*».

Следующие параграфы определяют границы муниципальной юрисдикции вне городских стен, различные случаи судебной процедуры и определение размера податей на основании хартии первой коммуны; наконец следует положение о произошедшем возмущении:

«Все древние преступления и обиды, совершенные ранее ратификации настоящего договора, считать совершенно прощенными. Если какой-либо человек изгнан из города за прежде совершенное преступление и захочет вернуться в него, он будет принят и может вступить во владение своим имуществом. Исключены из прощения тринадцать человек».

«Не знаю, – говорит Тьерри в заключении своего письма 17, – испытываете ли вы то же самое, что испытываю я; переписывая здесь темные имена политических изгнанников XII века, я не могу отказать себе в удовольствии перечесть и повторить их несколько раз, как будто бы они мо-

гут открыть мне тайну того, что чувствовали и желали люди, носившие их семьсот лет тому назад. Страстная жажда справедливости, твердая уверенность в том, что они стоили лучшей участи, оторвала этих людей от их ремесел, их торговли, той спокойной и бесцветной жизни, которую сервы могли вести под покровительством своих сеньоров. Без знаний и опыта брошенные в водоворот политических смут, они внесли в них тот инстинкт энергии, который является одинаковым во все времена, великодушной в принципе, но раздражительной до крайности, способный вывести людей из всяких границ гуманности. Быть может, эти тринадцать изгнанников, навсегда отторгнутых от родного города в ту минуту, когда он делается свободным, особенно выделялись из среды граждан Лана своим противодействием власти сеньора, быть может, они запятнали своей жестокостью эту патриотическую оппозицию, быть может, наконец, они были избраны случайно, как искупительная жертва за проступки соотечественников. Как бы то ни было, я не могу равнодушно смотреть на те имена и эту подлинную историю, единственный памятник революции, которая, правда, далека от нас, но которая заставляла биться благородные сердца...»²⁰

Окончание истории Ланской коммуны относится к промежутку времени между 1175 и 1331 годами. Этот период жители города мало наслаждались спокойствием. Постоянные интриги епископов против коммуны, сопровождаемые значительными денежными подарками королю и его придворным, вели к тому, что короли несколько раз решали, для спасения души и во имя любви к Богу и Деве Марии, уничтожить коммуны Лана, как противную правам и вольностям местной церкви Святой Марии. Только благодаря значительным денежным подаркам королю гражданам удалось сменить образ мыслей короля и получить подтверждение привилегий коммуны. Однако интриги епископов были более успешны, и мы видим, как в 1294 году, после возмущения в городе против рыцарей, нарушивших хартию, продолжение существования коммуны поставлено вновь в зависимость от желания короля. В 1331 году по указу короля Филиппа VI коммуна была окончательно уничтожена после двух веков существования, а граждане Лана были подчинены королевскому прево-ту. обстоятельный рассказ об этих событиях у А. Thierry в письме 18 «Lettres sur l'histoire de France» (Paris, 1827).

История коммуны Санлиса

Мы уже говорили, что только в новейшее время французские ученые, не доверяя блестящим обобщениям Тьерри и Гизо, занялись серьезным изучением коммунального движения и муниципального устройства средневековых городов. Наряду с Giry («Histoire de la ville de St-Omer») одно из лучших сочинений, посвященных этому вопросу, — сочинение Flammermont'a «Histoire des institutions de Senlis», которое мы и рассмотрим в кратких словах в заключение нашего обзора коммунального движения во Франции в XII веке.²¹

В своем труде, увенчанном Французской академией, автор рассматривает Санлис, общину средней Франции (департамент Oise близ Veru-vaix), принадлежавшую некогда графам, о которых история не может дать вовсе точных сведений. Единственный из них, имя которого дошло до нас, был Бернард, который в 946 и 948 годах стал на сторону Гуго Французского (Huges de France), своего сюзерена, и выступил в Санлисе против короля Людовика Заморского (Louis d'Outre Alori).²² По смерти его мы более не встречаем графов Санлиса, и, по всей вероятности, лен этот, за отсутствием наследников, перешел в руки сюзерена, короля французского.

С этих пор Санлис постоянно находился под рукой Капетингов. Король Роберт строит здесь церковь. Анна — дочь Ярослава I, жена Генриха I — основала здесь аббатство Святого Винцента;²³ король Людовик VI Толстый часто жил в этом городе и покровительствовал знатнейшим семействам общины. Людовик VII почти ежегодно приезжал в Санлис; в 1154 году он решил произвести здесь капитальную перестройку собора, а в 1173 году даровал городу коммунальную хартию. Наиболее могущественным сеньором в стране после короля был Гвидо Бутелье (Gugde Bou-toiller), который исходатайствовал дарование коммунальной хартии. В предшествовавшее время родовое прозвание его предков было de la Tour, потому что они владели в Санлисе очень крепкой башней, расположенной недалеко от королевского замка. Но с тех пор, как Людовик VI Толстый около 1130 года сделал Людовика de la Tour виночерпием (бутыльником — buticularius, grand bouteiller de France), эта обязанность стала наследственной в роде de la Tour, который поэтому получил прозвание de Bouteiller. Мы не имеем никаких известий о борьбе общины с королем или его вассалами; по-видимому, и здесь, как и в Сент-Омере, дело разрешилось мирным путем обоюдного согласия; здесь не воспользовались даже борьбой претендентов за графство Артуа и возможностью возмутиться по этому поводу и отвоевать себе новые права. В 1173 году получена была мирным и спокойным путем коммунальная хартия от Гвидо Бутелье, скрепленная и санкционированная королем, который сам об этом ходатайствовал. Но не только король с Бутелье был здесь сеньором и господином; часть земли, подобно тому как это было почти везде, принадлежала епископу и церковным учреждениям и некоторым другим светским сеньорам. Последние уступили большую часть своих прав и юрисдикции за деньги без большого труда, с духовенством спор был более долгов; когда почти все сеньоры заключили соглашение с горожанами, духовенство все еще не уступало. В 1177 году архиепископ Генрих освободил своих людей и уступил коммуне часть своих прав за довольно большую ренту, еще увеличенную в 1215 году. Мало-помалу аббатство Святого Винцента и духовные капитулы поступились своими правами в пользу общины, и, наконец, в 1288 году парламентским декретом положение новой коммуны и права ее окончательно выяснились.

Хотя коммунальная хартия и кутюмы города Санлиса не сделались образцом ни для какой другой коммуны (кроме Турнэ), но тем не менее некоторые из пунктов ее представляют немалый интерес. Так, в хартии в 1173 году встречаемся с таким параграфом:

«Все те, которые живут в городе и предместьях его, должны быть членами коммуны, *jurati* могут разрушить дом и конфисковать имущество тех, кто отказался бы участвовать в коммуне».

Следовательно, все жители города, к какому бы состоянию они не принадлежали и на какой бы земле не имели свое жилище, должны были войти в коммуну. Частные соглашения, определявшие известные исключения, показывают, что это не была пустая форма. Так, в хартии 1204 и 1205 гг. мы читаем: «Прислуга каноников, их домашние люди не должны быть принуждаемы к вступлению в коммуну, разве только они имеют жен в том же городе или сами — дети поклявшихся коммуне».

Вероятно, впрочем, что в первое время образования коммун не было необходимости в принуждении к клятве. Выгоды, которыми пользовались члены коммуны, были настолько велики, что все охотно желали вступать в общину. И действительно, мы видим, что Бутелье и епископ принимали предосторожности против этого общего движения запрещения жителям подвластных им деревень вступать в общину Санлиса и, наоборот, общине принимать их. Эти ограничения показывают, что члены коммуны принимали в среду свою всех тех, кто желал этого, даже, если бы желающий не был жителем города. Факт этот является легко понятным, если мы припомним, что таким путем число буржуазии увеличивалось, пропорционально этому увеличивалась и сила общины. Но ввиду того, что люди епископа и Бутелье сделались членами коммуны Санлиса, они освобождались от большинства обязанностей, которыми сервы служили господину своему, и делались подсудными коммуне; ясно, почему епископ и владетель-феодал противились их стремлению вступать в коммуну. Для обозначения членов коммуны начиная с 1173 года употребляется выражение «люди коммуны» (*homines de communia*) и позже *jurati*, в силу той клятвы, которую они должны были приносить в минуты их принятия в члены общины. От этой клятвы до нас не дошло ни одного слова; впрочем, нередко вновь вступающие были освобождены от произнесения клятвы. Так, в 1299 году было принято 19 новых буржуа, которые не клялись в силу того, что жены их были дочерьми членов коммуны; число же этих членов все увеличивалось, ежегодно принимали от 15 до 20 человек, считая сыновей и зятьев уже поклявшихся буржуа. В 1173 году, во время установления коммуны в Санлисе, было еще много сервов и городская хартия не освободила сервов города *ipso facto*, несмотря на то что все обыватели, какого бы они ни были состояния, должны были присягать коммуне. Удовольствовались сначала только тем, что фиксировали известную цифру феодальной повинности, носившей имя *forriage*, а также строго определяли размер штрафа, налагавшегося в случае неуплаты поголовной подати.

Нужно полагать, что король в то время не имел более сервов в Санлисе и что это было причиной молчания хартии.

В самом деле, нет никаких актов, которые бы доказывали, что король в XII веке имел еще живущих в городе *homines de cogn.* Что же касается до сервов сеньоров, то освобождение их было делом этих последних в актах, которые они заключали с коммунной.

И действительно, епископ и Бутелье продали общине: первый – свое право «мертвой руки» и равным образом *ban et condé*; последний – свою талью и свои права *ban et suite*. Таким образом коммуна выкупила свободу тех ее членов, которые были лишены ее. Но все же свобода эта была не полная: хартия коммуны определяла, что люди, обязанные поголовной податью, должны платить ее сеньору в определенный день, под страхом штрафа в пять солидов. После переговоров в 1177 году епископ утвердил это. Что касается *formariage*, то хартия 1173 года определяла эту подать в пять солидов следующим образом:

«Люди этой коммуны могут брать себе жен откуда захотят, спросив предварительно позволения у господ своих. Если же господин не дает согласия или если кто-либо возьмет себе жену, находящуюся под рукой другого, то господин может требовать с него штраф и виновный обязан уплатить 5 солидов».

Отношение буржуазии к землевладельцам-феодалам мало изменилось со времени коммун; по этому поводу мы имеем один только важный акт – соглашение 1239 года, на основании которого можно было продавать свою оброчную землю с надбавкой известной суммы против годового оброка в пользу землевладельца, что, конечно, составило известного рода облегчение для людей, прежде бывших в необходимости постоянно оставаться оброчными.

Коммуна неустанно старалась освободиться от повинностей, тяготивших горожан, но это не всегда удавалось. Так, епископ и Бутелье сохранили свое право платить за покупки только по истечении двух недель, десятина оставалась в полной силе; Бутелье сохранил монополию ввозить в город дубильную кору, необходимую для выделки овчины, его мельница молола муку для всех обывателей и т. п.

Но город мало-помалу выкупал малые права у феодалов сюзерена; так он выкупил право мыта (*le ton lieu*), право проходить через его земли, право меры и веса и прочие. Теперь коммуна, владея всеми этими правами, собирала повинности в свою пользу, освобождая в то же время от них своих горожан и защищаясь от попыток всех, кто хотел бы изменить положение.

До половины XIII века коммунальное правление было большим благодеянием для жителей Санлиса, и только в конце века и в начале XIV – оно сделалось тяжелым бременем.

Хартия, говоря о правителях коммуны, называет их почти всегда «стражами коммуны», то есть людьми, обязанными охранять хартию. С 1173 года этот термин заменяется именем *jugat*. Эти-то *jugat* составляли комиссию во главе с мэром и управляли городом; для более точного обозначения соправителей мэра употребляли обыкновенно слово *pag* (*page, pairs*). Хартии вначале ни одним словом не упоминают о мэрах, и на основании документов можно утвердительно сказать, что первый мэр встречается в Санлисе в 1184 году. Но из этого не следует еще, что они не были назначены тотчас по учреждении коммуны. По мнению I. Flammeumont'a, выборы должны были произойти немедленно, чтобы вновь организованная коммуна имела своего предводителя.

Муниципальными финансами заведовал особый чиновник, весьма важное значение имел клерк города или секретарь мэрии. Мы не знаем ничего определенного о его обязанностях, но они должны были иметь особую важность, ибо между прочими сменяющимися чиновниками он один оставался долго при своей должности, постоянно осведомленный обо всех делах.

Никакой документ не дает нам понятия о том, назначались ли чиновники королем или избирались в общем собрании членов коммуны; впрочем, последнее правдоподобнее, так как такой обычай сохранился и в более позднее время.

Муниципальные магистраты собирались вместе, чтобы обсуждать городские дела. Решения совета сохранялись в тайне; однажды мэр и члены совета, которые были, кроме всего прочего, судьями, привлекли к ответственности и принудили к штрафу одного буржуа, который только лишь похвастался, что знает, о чем шла речь на совещании и что будет скоро сделано для города.

Таковы были первоначальные права и административное устройство города. Впоследствии администрация, мэр и *jurati* издают законы и правила для корпоративного цехового устройства ремесел. Скоро коммуны получают также права гражданские и судебные. В 1202 году король Филипп Август, подтвердив хартию, дарованную отцом его, отдал коммуне Санлиса свое право суда: отныне, за исключением убийства, грабежа и разбоя, все остальные случаи преступлений — были подсудны коммуне. Большие привилегии удерживало за собой аббатство Святого Винцента, основанное королевой Анной; оно имело право суда над всеми теми, кто жил в районе его земель. Позже, в 1202 году, коммуна истребовала, чтобы все преступления в пригородах, где она имела своих людей и земли, были подсудны мэру и его чиновникам, за исключением особых королевских случаев. Аббат и монахи воспротивились, энергично защищались — и в продолжение долгих лет коммуна и духовенство состояли во враждебных отношениях. Наконец в 1288 году состоялось соглашение; коммуна признала, что в районе аббатства и в земле Омонт (*Aumont*) духовенство Святого Винцента имело полный присуд (то есть церковный суд); в других местах, где оно имело только ценз, право юрисдикции устанавливалось светское.

Интересным пунктом в истории коммуны Санлиса является вопрос о городском хозяйстве. Автор вышеназванного исследования (*Flammermont*), говоря об этом предмете, приводит впервые открытые им в архивах Санлиса хозяйственные счета. Источниками городских доходов были прежние феодальные права, мыто, право налога на товары веса и меры, доходы с ярмарок (последнее, впрочем, шло по большей части в пользу духовенства). В пользу горожан установлены были большие льготы, но зато с чужих брали пошлины и повинности, которые шли в городскую казну. Впрочем, городское хозяйство процветало недолго по многим причинам. Город начинал впадать в долги и, не будучи в силах расплачиваться наличными деньгами сразу, расплачивался ежегодными рентами в виде процентов. По-видимому, в этом упадке городского хозяйства играли роль и король, и его чиновники, которые ставились королями и имели огромное зна-

чение. Они постоянно враждовали с городскими властями и впоследствии стали принимать апелляции от городских жителей, считавших себя обиженными и угнетенными, а наконец, долги до того дошли, что стали налагать штраф на мэра и его товарищей. Кроме того, городские счета показали, что и сами мэры не чужды были злоупотреблению: в делах сборов податей они оказывались пристрастными к своим друзьям и родственникам, которым часто прощались эти подати; сборщики почти никогда не представляли полных взносов, и недоимки прощались лишь им, также в раздаче ренты были злоупотребления. Таким образом, для того чтобы вполне понять причину быстрого упадка городского хозяйства, необходимо иметь постоянно в виду два пункта: образование буржуазной аристократии – городского правящего класса и те злоупотребления, которые он позволял себе при сборе подати и повинностей. Сам город, стало быть, виноват в тех жалобах, которые начали в середине XIII века раздаваться снизу.

Подобного рода факты повторялись и в других городских общинах; они усиливались еще более вследствие факта раздвоения, происшедшего внутри общин, которые до XIII века жили покойно, довольные выгодами и преимуществами, доставленными им коммунальным устройством. В XIII веке раздвоение городской общины выступает на вид: на сцену выходит низший класс – цехи, поднявшие знамя борьбы против мэра и его товарищей, а также против всего правящего класса. Это разделение, казалось бы, сначала столь стройного целого – есть один из фактов наиболее любопытных и в истории Средних веков, и вообще городского движения.²⁴ В частности, цехи в своей стройной организации возникают в половине XIII века, но можно с достоверностью предположить, что они существовали и ранее, при дворе феодальных владельцев, как союзы дворовых мастеров. Благодаря городскому движению они расширились, укрепились, сделались свободными, организовались и вскоре, чувствуя, что их интересы нестрого соблюдаются, вступили в борьбу с буржуазией. Рабочий класс, не желавший довольствоваться уступками, которые дали ему городские власти, постоянно прибегал со своими жалобами к королю, а также их владетелям – феодалам. Единство, о котором так торжественно говорит Aug. Thierry во введении к его «Histoire du Tiers État», рушилось рано. Восстание цехов, борьба их с купеческой аристократией принесла гибельные плоды. И первоначально, в первый период своего развития, коммуны искали опоры у королей, то же самое случилось и во второй период. Центральная власть охотно пользовалась недовольством цехов, вызывала к себе все процессы и судебные дела, с этим связанные, и королевские baillis подвергали тяжелым штрафам коммунальные власти. Дурное ведение городского хозяйства было важной причиной неудовольствия населения и ответом на злоупотребления со стороны городского управления. Все это повело мало-помалу к тому, что в 1308 году, и окончательно в 1380 году, коммуна города Санлиса была уничтожена. То же самое в разное время было сделано и с другими общинами, в которых главное место заняли королевские baillis и prévôts.

Обращаясь вообще к результатам городского движения, можно сказать вместе с Ф. Гизо, что общины Франции не сохранили своего значе-

ния, не удержались на той высоте, на которой стояли коммуны итальянских и даже германских городов. Чем же можно объяснить все это?

Движение во Франции начиналось более блестящим образом, чем в Италии и Германии, но вскоре коммуны разложились и пали. Причину этого Гизо видит в том, что во Франции борьба велась не только с одними феодальными властями, но и с королем, его *baillis* и *prévôts*. В Италии дело было не так: могущественные республики, подобно Милану, Флоренции и прочим, могли возникнуть и сохранить свое значение, ибо в Италии они могли развиваться свободно. Императорская власть, власть Священной Римской империи германского народа, была далеко, не имела почти никакого влияния на Италию; наконец, благодаря борьбе с папами города могли сохранить и поддержать свою силу и значение.

Подобно тому и в Германии из городского движения образовались имперские города (Кельн, Аугсбург, Регенсбург, Франкфурт и другие), сохранившие свое значение в продолжение всех Средних веков. В XIV веке значение их начинает падать, но точно так же потому, что здесь императорская власть была ближе, чем в Италии. Кроме того, города Франции сами не сумели поддержать свою автономию. В Италии образовался сильный союз городов (Ломбардская лига), во Франции этого нет, разве только слабые попытки в истории Альбигойских войн, когда южные города, которым грозила опасность с севера, составили нечто вроде лиги. Гизо мог бы прибавить еще, что города Северной Франции, особенно нынешней Бельгии (Гент, Брюгге и другие), выдержали тяжелую борьбу и составили более прочный союз.

Наконец, в числе причин, вызывавших упадок городских общин в XIV веке, Ф. Гизо приводит и внутреннюю борьбу, отсутствие прочного мира в самих общинах.

Но города Франции, поднявшись в XII веке и ознаменовав его шумным движением, хотя и утратили свою самостоятельность и автономию, потеряли право свободного суда и администрации, но все же не совсем снизились на степень сельских общин. Частные права остались за ними, в них осталось население занимавшееся торговлей и буржуазия. Здесь возникало третье сословие, рост которого не прекращался и которое составляет главный результат коммунального движения. В этом отношении Франция имела преимущество даже перед Италией; буржуазия составляет в ней силу, растущую в течении Средних веков и Нового времени и вступившую в XVIII веке в борьбу с королевской властью.

ТРЕТИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ РЫЦАРСТВА

Выше мы рассматривали первый и второй периоды развития рыцарства.¹ Припомним, что в первом фазисе принцип рыцарства был героический или военный, во втором – церковно-религиозный. Церковь посвящает рыцаря, налагает на него христиански-нравственные обязанности, предписывает ему помогать слабым и женщинам, защищать их в смысле христианской любви и благотворительности.

Первая стадия развития рыцарства нашла выражение свое в средневековой поэзии (*chansons de geste*), главным и прекрасным произведением которой является известная «*Chanson de geste de Roland*» («Песнь о Роланде»), принадлежащая к Королевскому циклу, значение которого известно в истории литературы.² Этот цикл получил развитие на севере Франции, сложился из древних кантилен – отдельных песен, которые пели в народе, и совершенно противоположен поэзии юга, по преимуществу лирической. Даже наречия севера (*langue d'oïl*) и юга (*langue d'oc*), как известно, разнились друг от друга.³ К Королевскому циклу (*La geste du roi*), принадлежат также и поэмы с феодальной основой, в которых выражается идея своеволия сюзерена, как, например, *Gerard de Roussillon* и другие.

Нечто иное представляют поэмы Кельтского цикла, или, как их еще называют, предания о короле Артуре и рыцарях Круглого стола.⁴ Кроме новых сюжетов в этом цикле являются и новые идеалы, рыцарская любовь к даме, страсть к приключениям, к чудесному. Вместо рыцарей-завоевателей, которых мы встречали в поэмах Каролингского цикла, видим здесь рыцаря-странника без особо определенной цели. Его увлекает поэзия опасности, место подвигов рыцаря – вся природа, он совершает их среди фей, исполинов, карликов; на сцену выступает и чрезмерно развивается элемент чудесного. Таковы характеристические черты и сюжеты цикла Круглого стола. Он особенно важен, потому что в нем выразились воззрения и идеалы рыцарства.

В XII веке в воззрениях этих совершалась революция, общая для севера и юга; сообразно с ней произошло изменение в рыцарском церемониале: увещание об обязанностях рыцаря принимает характер, совершенно отличный от тех предписаний, которые налагались прежде духовными лицами. Теперь, когда дама или девица имеет нужду в защитнике, рыцарь должен помогать ей и защищать ее права. После рыцарской присяги эта дама вооружает рыцаря: она помогает ему надеть панцирь, опоясывает мечом, подвязывает золотые шпоры – эмблему быстроты, с какой рыцарь должен лететь на помощь слабому полу и всем, кто страдает или находится в беде. Дамы играют главную роль на турнирах (*tournoi – torneamentum*) – рыцарских праздниках. Турниры стали очень распространенным явлением. Первый рыцарь, имя которого сохранено нам как участ-

ника турнира, – рыцарь Нельи. Одно из первых описаний турнира – описание турнира византийского императора Мануила Комнина. Дама играет на турнире очень большую роль. Из рук дамы, избранной королевой турнира, рыцарь получал приз, завоеванный им в борьбе с другими участниками.

Ряд совершенно новых выражений показывают идеал рыцарской нравственности и, так сказать, основные добродетели этой новой религии. Почти все эти слова одинаковы для языка d'oc и d'oïl.

1. Слово «courtois» (cortesia) означает грацию, изящество манер, благорасположенную учтивость в отношении мужчины, почтительную в отношении к даме, постоянное желание нравиться. Само слово это произошло от court – двор, cour d'honneur – тот двор замка, что предназначался для почетных гостей, для приемов, в противоположность civilité, politesse, urbanité (от civitas, urbs).

2. Слово «parage» означает моральные добродетели; благородство сердца, достоинство жизни, благородство во всех значениях этого слова: мужество, готовность спешить на помощь, щедрость, гостеприимство. Противоположное ему по значению слово orgueil (orgoïl d'oc) выражает эгоизм и сухость сердца и душу без любви.

3. La droiture (dreytera) – это означало приверженность к справедливости вообще, правдивость, честность, а у рыцарей сделалось обозначением верной любви, с качествами, которые она производит; ибо постоянство относительно достойного предмета есть верховная справедливость. Посредством droitures et parags, которые идут всегда рядом, рыцарь приобретает уважение у своей дамы и в обществе.

4. Совокупность чувств и отношения рыцаря к даме выражается характеристичным термином dominois, что означает в буквальном смысле состояние, нахождение его во власти дамы. Рыцарь, принятый другом (ami), дает ленную присягу своей даме, опустившись на колени и рука в руку: нежное участие благородной силы и грации, добровольное подчинение сильного слабому.

Верность, послушание и служение своей даме, щедрость, гостеприимство, защита справедливости и исправление ошибок, расположение, готовность спешить на помощь каждому, кто в ней нуждается, – суть обязанности рыцаря. Рыцарство, если верить иным историкам, не довольствуется моралью, исповедуемой в поэзии, оно создало новое «учреждение», которое дало санкцию новой морали, отличной от прежней церковной и феодальной. Это «учреждение» будто бы находилось в полной силе во второй половине XII века и называется «суд любви». Они произошли от тех собраний сеньоров и дам, которые судили поэтические состязания за Луарой. Название «суд любви» (court d'amour) мы видим у Вильгельма IX Аквитанского.⁵ Вместо простых литературных состязаний поэтов-трубадуров здесь стали обсуждать и решать вопросы рыцарской морали, потом вопросы о проступках отдельных лиц, и собрания увеселительные превратились в настоящие трибуналы, налагающие вместо материальных наказаний – нравственные, причем очень тяжелые: исключение из общества тех, кто не соблюдал нормы. «Суды любви» в этом новом обли-

ке являются одновременно по обеим сторонам Луары; состоят по предводительством дамы, а часто даже из одних только дам.

Один из писателей конца XII – начала XIII века, Lambert d'Ardres, капеллан французского короля, в своем сочинении приводит некоторые из приговоров и главных правил этих судилищ. Правила – от рыцарей и дам короля Артура, заседающих за круглым столом. Решение – противоречивы, иногда странны, противны здравому смыслу, но замечательно последовательны в главном принципе. Так, решение дам Гаскони направлено против всех без исключения, кто открывает любовные секреты. На основании этой феодальной морали вассал должен доносить сеньору обо всем, что противно его праву и чести, иначе вассал считается изменником (*félon*). В романе о Тристане и Изольде есть сцена, где три барона доносят на Изольду королю Марку; по феодальным понятиям они верные, честные вассалы (*loyaux*), по рыцарской морали – изменники (*félons*).⁶ Таково убеждение автора романа о Тристане, таково убеждение всего рыцарства.

Вышесказанное приводит нас к понятию о рыцарском браке, развивающемся независимо от церковных воззрений. В древнейших романах нет противоположения между понятиями «брак» и «любовь». «Суды любви» ставят новый принцип, любовь возводится в положительное учреждение с формальными обязательствами; церковь заставляет освящать эти обязательства (перед священником). Закон любви поставлен вне брака; права брака не принимаются в расчет в новом союзе любви, они считаются ниже, потом объявляются несовместными с любовью, то есть отнимают у супружеского союза всякую идеальность. Причина такой реакции против церковного брака будет ясна, если мы вспомним, как часто рыцари того времени женились не на девушках по выбору своего сердца, а на ленах – на приданом невесты, но имелись и другие причины.

1. Несовместимость старой теории брака, который делал из женщины собственностью мужа, с рыцарским принципом вассального служения своей даме.

2. Стремление идеальное, которое хотело отделить любовь от низкой прозы супружеской жизни, не хотело примирить простую действительность с развитием чувства духовного. Следствием этого дуализма являются странные, уродливые явления в роде двойного брака, телесного и духовного, или еще менее нравственные факты, когда женщина имеет двух мужей, что обосновано несовместимостью любви и брака.

Таковы основные черты этих воззрений. В различных романах того времени можно найти примеры, доказывающие справедливость вышеупомянутых положений. Так, в провансальском романе Gérard de Roussillon'a, который хотя и принадлежит по сюжету к циклу Каролингскому, но по идеям – к циклу Круглого стола, мы встречаемся с подобным примером. Императрица, жена императора Карла (Charles – Chartes – Charcl), тотчас после своего брака в присутствии свидетелей и призывая Христа Искупителя отдает свою любовь рыцарю, графу Жерару, вместе со своим перстнем.

«И всегда, всегда продолжалась их любовь, но никогда ничего дурного между ними не было». Это соединение религиозного чувства с идеаль-

ной любовью, которая ищет в религии опору для своего целомудрия, еще понятна. Но дуализм рыцарский требовал часто признания от религии. Шателен Куси, замечательный своими произведениями и трагической кончиной, призывает небо в свидетели своей очень нежной, но вовсе не платонической любви к замужней даме и уходит в Палестину. Контраст в самих представителях идей и учреждений рыцарских особенно заметен в жизни: увлекаемые своей страстью, они являются повинными в действиях, совершенно противоположных их принципам. Так Geoffroi de Breilly, законодатель турниров, погиб в 1068 году, сделавшись виновным в félons; он предал, изменчески выдал своего сеньора Geoffroi le Barboi его противнику, который оспаривал у него графство Анжу. Граждане Анжера убили изменника. Позже противоречия встречаем мы в поступках Генриха II Плантагенета, мужа Алиеноры Пуатье, председательницы «court d'amour». Будучи совершенно рыцарем, покровителем Роберта Васе и романов Круглого стола, он оказывается повинным в самом тяжком перед рыцарской моралью преступлении – насилии (viol).

Подобные факты являлись преступлениями против религии рыцарской, нарушениями правил. Но много трагических случаев происходило из самого приложения правил рыцарских к жизни и от сопротивления, реакции, вызываемой этими правилами. При слабости человеческой было слишком трудно сохранить идеал чистой любви, притом многие из рыцарей держались менее аскетического взгляда, – отсюда нарушение супружеской верности и кровавое мщение. Самым знаменитым является пример графини Фландрской Елизаветы Вермандау. Муж ее Филипп, граф Фландрский, прославляемый в главных романах Chrétien de Troyes (XII век),⁷ был покровителем этого знаменитого трувера, а его жена председательствовала в известных «судах любви». Но однажды муж застал у графини одного молодого человека. В отмщение он велел повесить за ноги своего соперника, который напрасно требовал рыцарского поединка. Елизавета недолго переживала эту ужасную сцену (Hist. des Gasiles. Т. XIII). Есть много других рассказов о страшном мщении, вызванном ревностью. Так, известно двойное приключение Шателена Куси^A и трубадура Кабестана (Cabestaing). В первом случае муж заставляет жену съесть сердце своего любовника. Трубадур Кабестан убит мужем своей дамы.⁸ Рыцарство Руссильона и Сердани вооружилось против сеньора Castel Roussillon, убийцы Кабестана. Король Арагонский Альфонс II разрушил замок, заключил в темницу сеньора и положил в одном гробу Кабестана с его дамой; в память их ежегодно совершалась торжественная служба.

В какой бы степени исторически ни были верны или неверны подробности – неопровержимые факты доказывают, что рыцари, которые принимали серьезно свои идеалы, не признавали другого закона, кроме этого идеала, и открыто силой боролись против общеизвестного правила, когда оно противоречило рыцарскому. Иногда высшие феодальные сеньоры, государи, приносили в жертву свои интересы своей вере. Одна дама,

^A Soucy – трувер, умер в 1990/1991 г. История его описана в романе XIII века.

обожаемая мужем, убегает с трубадуром; дофин Оверни покровительствует любовникам с оружием в руках против мужа, поддерживаемого церковью. Бонифаций Монферратский в образе странствующего рыцаря освобождает девиц, защищает против опекунов питомцев и тому подобное.

Не менее интересна история трубадура Жоффруа Руделя (XII век),⁹ влюбившегося в графиню Триполи только по одному слуху о ее красоте и добродетели. Она сделалась единственным идеалом его жизни. Он отправился в крестовый поход, чтобы ее увидеть. По прибытии в Сирию рыцарь имел со своей Дамой первое и единственное свидание, волнения которого не смог перенести и умер у нее на руках, она же – вступила в монастырь.

ЕРЕТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ XII ВЕКА

Обратимся теперь к истории умственного движения, к развитию еретических учений. Вопрос об ересь важен и в политическом отношении. Борьба между католичеством и еретиками повела к борьбе между севером и югом Франции и закончилась торжеством королевской власти над феодализмом.¹

Главных сект было две: секта альбигойцев, или катаров, и секта вальденсов. Их необходимо строго различать, ибо они имеют абсолютно различные истоки. Альбигойцы – секта дуалистическая, основанная на признании двух начал: доброго и злого, резко проведенном; эта секта представляет радикальную оппозицию Римской церкви, так что представители ее сходят с почвы христианства. Само название – альбигойцы – не есть древнее; оно появляется только в XII веке,² прежде еретики альбигойцы назывались болгарами, что свидетельствует о связи альбигойства с богомилством болгарским. Указывает на эту связь и другой факт: на одном соборе французских еретиков были даже представители славян. Другое их название – манихейцы – указывает на связь учения альбигойцев с учением Манеса, возникшем в новоперсидской державе Сассанидов в прямой оппозиции к христианству.³ Можно допустить генетическую связь между альбигойцами и манихейцами. Посредствующим звеном, как думают некоторые ученые, могли быть еретики IV и V веков – присциллианисты, которые временно распространились в Южной Франции. Но говорить о непосредственной связи между манихейцами и альбигойством через присциллианистов довольно трудно, так как между появлением того и другого учения существует большой промежуток времени. Вероятно, ересь присциллианистов заглохла и потому нам нужно признать, что новый толчок распространения ересей дали секты павликиан и богомилов, занесенные на Запад Европы с Востока.

Богомилство – болгарское учение, очень древнее, включает в себе много самобытного. Распространилось оно в Византийской империи и в Малой Азии; время от времени ересь прерывалась из-за преследований. Византийский писатель XI века Михаил Пселл⁴ в своем сочинении «О действии демонов» рассказывает о существовании еретиков в пределах Византийской империи, описывает их тайные собрания во Фракии, которые сопровождалась возмутительными обрядами. Сам император Алексей Комнин⁵ вел против них богословские диспуты и в то же время истреблял их другими мерами. Анна Комнина рассказывает, как ее отец вынудил хитростью признания в ереси у попа Василия. Признание было записано, и он, уличенный, был сожжен. Кроме того, мы имеем рассказ одного монаха (Евфимия), который сам принадлежал к богомилам и впоследствии передал тайну их учения.⁶ Еретиков особенно много было в Болгарии; вождем первых болгарских еретиков был поп Богомил, по

имени которого и ересь получила свое название. Из Болгарии богомилство распространилось и в другие славянские земли. Эти секты через Далмацию могли перейти в Италию и отсюда в Южную Францию. Тогда понятно, почему еретиков в Южной Франции называли болгарам. Само название «альбигойцы» дано еретикам не потому, что ересь была распространена вокруг Альби, но потому, вероятно, что первый раз с ними столкнулись в этом округе (Собрание в Ломбере, 1165 г.). Учение альбигойцев в крайних своих проявлениях было широко распространено. Даже графы Тулузские, более образованные лица, чем простой народ, иногда склонялись на сторону этого учения.

Ересь же вальденсов возникла на христианской почве, как оппозиция Католической церкви. Нужно иметь в виду, что это учение не имеет такой древней родословной, как секта альбигойская; протестанты считали вальденсов родоначальниками кальвинизма и лютеранства. В старом сочинении Кларка «Реформаторы до Реформации» вальденсы выставляются сохранившими со времен Апостольских в чистоте евангельское учение. Но это неправильно. Теперь можно считать несомненным, что до Петра Вальда вальденсов не существовало. Если взять книги вальденсов, дошедшие до нас, то учение их представляется чисто протестантским; некоторое сходство можно даже найти между ними и гуситами, что и сделало, как говорят некоторые ученые, их доктрины очень удобными и приятными для моравских или чешских братьев.⁷ Но нельзя забывать, что литература вальденсов имеет несколько наслоений и дошла до нас не в таком виде, в каком существовала первоначально. Есть литература вальденсов, появившаяся после Ангронетского синода в 1582 году, когда часть их примкнула к учению швейцарских реформаторов. Другой отдел вальденской литературы имеет сходство с учением таборитов; но нельзя из этого предполагать, что он предшествовал учению гуситов; скорее был перделан таборитами, которые сблизили учение вальденсов со своим. Наконец, существует третий отдел вальденской литературы, где сохраняется их учение в древней чистоте своей.

Основатель секты вальденсов Петр Вальда (Valdus, Valdesius, Valdensis) жил и действовал около 1175 года в Южной Франции, и характер его оппозиции представляется довольно любопытным. Этот лионский купец первоначально вовсе не имел стремления сходить с церковной почвы и выступать противником ее. Он только желал ближе ознакомиться со Святым Писанием, а так как латинский язык был ему неизвестен, то он и нанял двух лиц, чтобы они сделали ему перевод. Монахи, делавшие перевод, сами рассказывали об этом Стефану Бургонскому, инквизитору, впоследствии обличителю альбигойцев. Писание было переведено без всякого протеста со стороны церковной власти, которая не воспрещала употребление его на народном языке, хотя и не допускала последний в богослужение; только впоследствии, по случаю борьбы с вальденсами, начали появляться эдикты, воспрещавшие вообще употребление Св. Писания иначе как на принятом церковном языке. Читая Святое Писание, Петр Вальда принимал близко к сердцу вопрос об евангельском совершенстве. Слова Христа «как трудно имеющим богатство войти в Царствие Божие» (Евангелие от Марка, 10:23) произвели на него глубокое

впечатление. Он отказался от приобретенного богатства и стал «нищим во Господе». Он пока еще не сходил с церковной точки зрения. С единомышленниками своими Петр составил союз для достижения евангельского совершенства, и прежде всего апостольского нестяжания. Отсюда и название их «*pauperes de Lugduno – les pauvres de Lyon, les pauvres Lombardi*». Вскоре они выступают уже как миссионеры и уличные проповедники; отсюда было недалеко и до выхода из существовавшей церкви и до оппозиции ей – союз «бедняков Лиона» скоро снялся с церковной почвы и сделался еретической сектой.

По характеру секты видно, что это нечто другое, чем альбигойство, где Бог сотворил душу, Сатанаил – материю, тело, а сотворение мира рассказывалось по апокрифическим сочинениям. В XII веке кроме этих двух направлений были в Южной Франции и другие ереси, например, Петра де Брюи, Генриха. Но это – вспышки, восстания против церковно-авторитета, не имевшие особенно важного значения.

Выше было сказано, что дуалистическое учение альбигойцев более древнего происхождения, чем учение вальденсов. Следы появления катаров во Франции относятся к X веку. Известия о них можно найти в письмах Герберта, которому приписывали знакомство с арабской литературой. Герберт, учитель Рейнской школы, избранный в архиепископы, должен был дать клятву, что он не разделяет убеждений еретиков. Из этой официальной клятвы видно, что еретики провозглашали разницу между добрым и злым началом, у Христа принимали только призрачное тело, отвергали Ветхий Завет, восставали против брака и мясной пищи. Известие это относится к 991 году. Затем находим указания у современных писателей XII века: Адемара, Радульфа Лысого, Гиберта Новигентского. Адемар под 1022 годом упоминает, что найдены были еретики манихейские в Орлеане, куда ересь занесена издали. Неученый человек посредством порошка обращал людей в своих последователей. По известиям Адемара, главные черты, характеризующие манихейскую ересь, состояли в том, что они поклонялись дьяволу, отрицали христианство и совершали тайные свои гнусные обряды и преступные дела. Он прибавляет, что такие еретики существуют в Тулузе.⁸

Более подробные сведения сообщаются епископом Радульфом Лысым. По его словам, ересь в Орлеан была занесена из Италии какой-то женщиной, которая заразила своей ересью не только простых и неученых, но и ученых, клириков. Два ересиарха – Гериберт и Лизой пользовались особым уважением в городе за свою ученость и строгую жизнь. Гериберт заведовал церковной школой; Лизой жил в монастыре. Они вошли в сношение со Стефаном схоластиком, духовником королевы Констанции, жены Роберта Доброго.⁹ Отсюда, из Орлеана, еретики пытались распространить свое учение и в Руан. Скоро, говорили еретики, их учение будет принято всем народом. Руанский священник, к которому пришли с таким известием, донес об этом герцогу Нормандскому Ричарду, а тот – королю Роберту. Король прибыл неожиданно в Орлеан, где велел собрать собор из духовных и светских лиц. На этом соборе Гериберт, Лизой и Стефан были осуждены на сожжение. Все они торжественно отреклись от католичества и высказали такие мысли, которые

ужаснули все собрание. Сама королева, говорят, замахнувшись тростью, выколола глаза своему бывшему духовнику. Гериберт и Лизой не раскаивались, они твердо стояли на своем и даже изобличали противников. Кончилось дело тем, что 13 человек (Гериберт, Лизой, Стефан и 10 каноников городского монастыря) были сожжены. Шли они на смерть охотно и безобязанно, распевая гимны.¹⁰ Ересь распространилась и в других местах, несмотря на строгие меры по отношению к еретикам. Красноречивые проповедники появились в Бретани и Нидерландах; на площадях их слушали толпы народа.

В сороковых годах XI века епископ Шалонский обращается к епископу Льежа Вазону за советом, как следует поступать с еретиками, и доносит, что в его епархии явились *quidam gustici*. Он упоминает о святотатственном возложении рук, отрицании еретиками брака, мясной пищи. Епископ Льежа, в отличие от других лиц, не рекомендовал мер жестоких. «Бог не хочет смерти грешника, — писал Вазон, — он ищет лишь покаяния и жизни его».

Аббат Гиберт Новигентский сообщает нам некоторые пункты учения еретиков. В его сочинении «*De vita sua*» в XVII главе книги III говорится следующее: «В Бюсси, недалеко от Суассона, жил с братом своим Еввардом один человек, совершенно невежественный, которого звали Климентом. Это был, как говорили, один их главных распространителей ереси. Ересь его, впрочем, была из таких, которые не поддерживают громко свои догматы, но внедряют постепенно, так сказать, украдкой, посредством разговора вполголоса, свои проклятые принципы. Вот, как передают, в чем состоит сущность дела. Они считают басней рождение Сына от Девы. Они не признают крещения маленьких детей, которые сами ничего не понимают и которых приносят к купели крестные отцы и матери. Свое крещение они называют словом Божьим, которое объясняют непонятными и темными речами. Таинство, которое происходит на наших алтарях посредством благословения и освящения, представляет для них предмет такого ужаса, что они называют пастью Ада (*os inferni*) уста наших священников.

Если иногда, чтобы скрыть свою ересь, они примешиваются к верным и принимают вместе с ними наш священный хлеб, то он рассматривается ими как лекарство, принуждающее их к абсолютной диете; в тот день они уже не едят ничего. Они осуждают брак и желание иметь детей.

Люди эти распространены по всему латинскому западу».

«Прочтите, — говорит далее Гиберт, — в трактатах святого Августина об ересях, и вы найдете, что нет ни одной, к которой бы ближе находилось сказанное нами, как к ереси манихеев; сначала авторами ее были люди весьма ученые, но под конец она перешла, совсем искаженная, к людям грубым, которые, хвастаясь, что живут апостольской жизнью, ограничиваются только тем, что читают деяния этих святых людей».

Тайные оргии еретиков, про которые рассказывает Гиберт, кажутся столь странными, что могли бы легко быть приняты за клевету. Слухи появлялись ввиду загадочности учения новых иноверцев, сильно занимавших народ, который и окружал их тайнами; к тому же у них действительно были ночные собрания. Михаил Пселл описывает подобные собрания манихеев во Фракии.

Со второй половины XII века главным образом ересь сосредоточивается в Южной Франции, в Лангедоке. Она не была уничтожена и в Северной Франции, распространяется во Фландрии, Германии и Англии. Судить о том, как быстро распространялась ересь и много ли было ее последователей, мы можем по выражению современника: «Если собрать всех еретиков, то их будет больше, чем католиков». Число их, говорил другой писатель, так велико, как песка морского.

Главный центр развития ересей был на юге Франции, потому что здесь благоприятные для этого условия: близость с Востоком, общение с евреями и мусульманами; развитие торговли и промышленности; вольнодумство и сочувствие народа всякому свободомыслию в религии. Здесь всегда было много миссионеров, много верований, часто бывали диспуты и созывались церковные соборы для осуждения вольнодумства. Мы укажем на собор в Туре в 1163 году, в котором участвовал Томас Бекет.¹¹ Здесь предписано епископам и всем духовным властям с особой бдительностью наблюдать за православными, устранять их от общества зараженных ересью, и особенно от проповедников ереси, которых следует предавать в руки светской власти; еретиков лишали имущества и вообще покровительства законов, самое легкое наказание для них было тюремное заключение.

Весьма важную роль в истории альбигойцев играет ломберское собрание 1165 года. В городе Ломбер (недалеко от Альби) произошло между еретиками и католиками состязание (диспут) по вызову католического епископа города Альби, Жеральда, который и председательствовал на этом соборе. Из этого мы видим, что еретики Южной Франции так были сильны, что могли поставить себя на равной ноге с католиками. Сначала условились о правилах проведения диспута. Решено было назначить посредников с той и другой стороны; этим третейским судьям надлежало произнести приговор. Еретиков спросили, принимают ли они Библию; они ответили, что принимают только Новый Завет, а Ветхий — отвергают. На другие вопросы еретики или вовсе не отвечали, или отвечали очень сдержанно. Но когда зашла речь о духовенстве, то представители еретиков резко обличали католических епископов и священников, которые, по их мнению, далеки от того, чему учит апостол Павел, они не пастыри церкви, а жадные волки — соблазнитель, тщеславные; они ищут только богатства и почестей, ведут распутную жизнь. Епископы и аббаты католические всячески старались оправдать свое сословие в возводимых на него обвинениях, но противники непреклонно стояли на своем и усиливали обличение. Тогда католики поспешили составить протокол, в котором противники были прямо названы еретиками за высказанные ими убеждения. Еретики стали кричать: «Не мы, а ваш епископ альбийский, от которого идет это решение, еретик. Мы отказываемся признавать то, что здесь написано; все это только предлог, чтобы обвинить нас...» В конце заседания католикам удалось добиться своего. Было постановлено, что убеждения высказанные катарями не что иное, как ересь. Протокол собора дошел до нас, подписанный только католиками.¹²

В мае 1167 года неподалеку от Тулузы, в Сан-Феликс де Карамане, происходит торжественный съезд духовенства альбигойской церкви из

всех провинций. Тут председательствовал богомильский патриарх Никита, приехавший из далекой Болгарии. Между всеми церквями богомильскими, жившими отдельно, был заключен союз. Это церкви: греческая, македонская, болгарская, далматская, ломбардская, французская. После такого съезда существование новой церкви среди католицизма, следует признать, стало историческим фактом. Еретики открыто заявили о себе, привлекая к себе всех недовольных Католической церковью.

Обратимся теперь к более подробному рассмотрению доктрины дуалистической секты катаров, по приложению к Франции называемых обыкновенно альбигойцами.

Подробности учения альбигойцев сообщаются лишь их противниками, преимущественно инквизиторами. К последним принадлежат: Эрменгард, Бернар, Стефан Бургонский, фанатический монах Сернейской долины и историк альбигойских войн, Петр, Райнер Саккони из Пьяченцы, Монета из Кремоны и другие. Были и многочисленные сочинения, написанные самими французскими катарами, но их уничтожили во время альбигойских войн. Таким образом, при изучении альбигойства приходится руководствоваться показаниями их врагов.

I. Замечено было, что славянские богомилы и французские катары отвергали Ветхий Завет. Новый Завет южане имели в провансальском переводе, сделанном, по всей вероятности, не с латинской вульгаты, а с греческого текста, если не со славянского кирилло-мефодиевского перевода. В еретических евангелиях, употреблявшихся в Италии и Провансе, были те же отклонения от латинского текста, какие встречаем в византийском и славянском. Например, молитва Господня у них кончается словами «яко Твое есть Царство, сила и слава во веки веков», чего нет в переводе св. Иеронима.¹³ Многим местам они придавали мистический смысл, объясняя Евангелие сообразно со своей системой. Кроме того, они употребляли апокрифы; так у них был в большом ходу апокриф, озаглавленный «Видение пророка Исайи о существе Троицы и искуплении рода человеческого», сочинение, любимое гностиками, богомилами и крайними дуалистами, дошедшее до альбигойцев в итальянской редакции. Они принимали также Евангелие Никодимовское и много цитировали апокрифическое «Сказание о вопросах Иоанновых и ответах на них Христовых». Последнее было очень важно для них – Иисус беседует со своим любимым учеником о тайнах творения совершенно в духе альбигойского философа; в его ответах дуалистически толкуется о творении Мира и разрешаются вопросы о его конце и общем суде. Греческий оригинал этого апокрифа был занесен из Болгарии XII столетия.¹⁴

II. Во-первых, нужно знать, что еретики признавали двух творцов: один сотворил мир невидимый, и его называли они Добрым Богом; другой – творец видимого мира, которого они называли Богом Злым. Они приписывали первому Новый Завет, а второму – Ветхий. Они говорили, что Бог – автор Ветхого Завета есть лжец, потому что он сказал в Книге Бытия «в Мой же день вкусите от древа» и т. д., и однако, за вкушением не последовало смерти. Они называли его также убийцей, ибо он обратил в пепел города Содом и Гоморру, погубил мир в водах потопа, утопил

фараона и египтян. Они думали, что есть души, созданные Злым Богом, «осужденные», это все патриархи Ветхого Завета, и считали Иоанна Крестителя в числе великих демонов.¹⁵ Можно ли говорить,¹⁶ восклицали они, чтобы всеблагой Бог был творцом существ вредных, начиная от змеи, отравляющей своим жалом, до мошки, причиняющей столько беспокойства; начиная с наводнений, истребляющих тысячи, и кончая пожарами, безвозвратно уничтожающими имущество бедняка!

Для объяснения дела повторялась библейская история с разными вариациями, которые напоминают народные представления.

Добрый Бог – владыка всего невидимого, Бог света, чистый по натуре; он гнушается всего осязаемого, плотского. В неведомом царстве его живут небожители. В их мире нет ничего похожего на наш мир, там нет ни меры, ни времени. У небожителей тело сплетено из тончайших нитей духа, из которых состоит также их душа, их ум. Созданы они были в единое мгновение, в начале всех вещей, и с первого же дня своего появления сподобились лицезреть Бога во всей его славе. Высшие ангелы, подобие божественного ума, блюдут за каждым из небожителей.

III. Вместо истории грехопадения они рассказывали следующее: Злой Бог, завидуя доброму, появился на небе и обратился в ангела. Всякими соблазнами он убеждал небесных духов последовать за ним на землю, где обещал им наслаждения более сладостные, чем радости неба. Они послушались и оставили истинного Бога. Вскоре дьявол, довольный своей первой победой, явился вторично на небо, но уже с целой толпой демонов, вызывая своего великого соперника на бой. Пораженный небесным воинством и архангелом Михаилом, он был низвергнут с неба и поселился с тех пор на земле. Но эфирные тела увлеченных душ не достигли земли; ангелы-хранители также не последовали за отверженными. Дьявол же поспешил принять меры, чтобы укрепить за собой приобретенное. Он дал гнусную, телесную оболочку погибшим душам. Материя, порождение дьявола, приковала их к земле, в этом-то и состоит их наказание за грехопадение. Но бессмертные души земных людей еще связывают их с Богом и небом. В человеке, следовательно, две природы: добрая – это его дух, то есть ум и душа, и злая – тело. По сие время в людях присутствуют частицы прежних душ, оставивших небо. Таким образом, выходит, что Адама, первого человека, не было. Добрый Бог, впрочем, не запрещает падшим душам возвращение в прежнюю обитель. Пребывание на земле – это и есть тот ад, о котором говорит Святое Писание.

Они не допускали предопределения и говорили, что если бы оно было, то Бог поступил бы хуже самого дьявола.

IV. Они признавали Христа, но не того, в которого верит весь христианский мир. Они говорили даже, что тот Христос, который родился в Вифлееме и был распят в Иерусалиме, был только ложный Христос; Мария Магдалина была его любовницей; она – та женщина, уличенная в прелюбодеянии, о которой говорится в Евангелии. Настоящий Христос никогда не жил и не был, не имел настоящего тела и был в этом мире только духовно, в теле Святого Павла. Он жил, страдал и умирал в особой земле, невидимом мире, в Небесном Иерусалиме. Но масса катаров верила иначе; Монета Кремонский положительно утверждает, что Христос

их есть творение Доброго Бога, что он был послан Богом, а следовательно, и подчинен ему. Христос – это совершеннейший из ангелов Божиих.

Догмат о воплощении они отвергали, как «противный здравому смыслу». Могло ли Божество, говорили они, принять на себя гнусное тело, сотворенное Злым Богом? Они давали свое объяснение посланничеству Христа: он имел небесное, эфирное тело, когда вселился в Марию; он вышел из нее столь же чистым, столь же чуждым материи, каким был прежде.

V. Учение о возможности спасения основано было на переселении душ (метемпсихоз). Говорилось, что души только после долгого испытания достигают совершенства, а пока переходят из одного тела в другое и даже в животных. Небесная душа, не успевшая покаяться за исчезновением тела, в которое она заключалась, переходит в другие тела до тех пор, пока в какой-либо из моментов не принесет покаяния, не причастится к церкви сектантов и тем не освободится от гнета материи. Ни одна душа со дня творения не погибла: она или мучается и пребывает на земле, или уже вернулась в царство неба, если уверовала в альбигойское учение.

Обратимся теперь к некоторым пунктам церковного устава еретиков. Нужно знать, говорит один обличитель ереси, что некоторые из еретиков называются «совершенными» (*perfecti*) или «добрыми людьми», другие – «верующими». Те, которые называются «совершенными», носят черные одежды, соблюдают всякое воздержание, не едят мяса животных, даже сыра, и утврждают, что будто бы воздерживаются от всякой лжи; между тем они постоянно лгут о Боге. Они говорили, что никогда и ни в каком случае не следует клясться. «Верующими» называются люди, живущие в мире и с верой надеющиеся на спасение.

Крещение водой катары отвергали как материальное, а взамен принимали «крещение духом» (*consolamentum*). Весь обряд состоял в возложении рук с произнесением известных символических слов. Получивший «крещение духом» и, следовательно, отрешившийся от власти демона, от угодений плотских, назывался другом Божиим, добрым человеком, добрым христианином, но чаще «совершенным». «Совершенные» считали себя непосредственными преемниками апостолов; свое призвание они ограничивали распространением и проповедованием истинной веры.

Они отрекались от мира и общества; их имущество принадлежало всей церкви и шло на ее цели, как и вклады, которые они получали от верующих и от новообращаемых. Их жизнь была рядом аскетических подвигов. Они отрекались от семейных и родственных уз и давали обет целомудрия. Четыре раза в год они соблюдали великие сорокадневные посты; три раза в неделю не ели ничего, кроме хлеба и воды. За каждым из них следил неотступный глаз другого. «Совершенные» не оставались наедине ни во время отдыха, ни во время занятий, ни в путешествии, ни на молитве. Им сопутствовали часто и «непосвященные». Они говорили о себе: «Мы бедные во Христе, не имеем постоянного жилища, бегаем из града в град, как овцы среди волков, терпим бедствия, подобно апостолам и мученикам». Черная одежда, кожаная сумка через плечо с романским переводом Нового Завета составляют отличительные признаки

странствующего проповедника. Они узнавали друг друга по особым жестам и символическим изречениям. Их дома также имели особые знаки, загадочные для других, но понятные еретикам. Женщины также принимались в число посвященных. Они могли совершать *consolamentum*, но только в крайних случаях; они жили отшельнически в отдельных домах или составляли отдельные общины, в которых занимались рукодельными работами или воспитанием девочек, принимая также на свое попечение и больных. Даже враги сознаются, что посвященные никогда не позволяли себе даже рукой прикоснуться к женщине.¹⁷ Понятно, что посвященные пользовались особым уважением. Благословение «утешителя» (параклета, отца) считалось милостью неба. В обряде благословения видны славянские воспоминания. Склонив голову и поклонившись в землю, подходил к проповеднику альбигоец и говорил: «Добрый христианин, благослови меня», – и, обнявшись три раза, склонялся головой к его плечу; женщины же складывали на груди руки и наклоняли голову. «Да благословит вас Господь Бог», – отвечал «утешитель» (*Muratori. Antiquitates italicae medii aevi. V, 122*).

Вся остальная масса дуалистов делилась на верующих (*credentes*) и слушающих (*auditores*).

Последние представляли третью, низшую степень и имели только элементарные сведения. Большинство составляли верующие. Они могли жениться, носить оружие, им прощалось многое ради одного – исповедания учения. Но тем не менее они должны были хоть под конец жизни принять посвящение; если это не удавалось, то обряд совершался в последнюю минуту жизни, чтобы умереть «с хорошим концом». Бывали примеры, что над умершими младенцами совершали обряд посвящения, дабы не дать напрасно погибнуть душе. *Consolamentum* заменяло для еретиков и крещение и причастие. Впрочем, в легких болезнях дьяконы не всегда соглашались совершать посвящение, боясь, что по выздоровлении новопосвященный не в состоянии будет исполнять строгие правила. Впоследствии перешло в обычай принимать посвящение не иначе как в час смерти. Между прочим интересно то, что у них допускалось самоубийство: мученическое (удавление), исповедническое (голодная смерть) и т. п. Альбигойцы сходились на молитву везде, где представлялись к тому некоторые удобства. Они собирались в замках, хижинах, на полях, в пещерах и лесах. Были и особые молитвенные дома в деревнях и городах, где альбигойство пользовалось уже признанием и авторитетом. В них не было ни малейшей роскоши. Все убранство состояло из скамейки и простого деревянного стола, накрытого белой скатертью; на нем лежал Новый Завет, открытый обыкновенно на первой главе Евангелия от Иоанна. В молельнях не было кафедры для проповедника; колокольный звон здесь не раздавался; не было также икон. Молитвенными собраниями руководил один из священнослужителей, были дьяконы и епископы или старший из «совершенных». Они открывались чтением какого-нибудь места из Нового Завета; проповедники толковали его в смысле альбигойском. После проповеди наступало так называемое благословение. Обыкновенные «радения» русских людей Божьих и молоканской секты, имеющей разительное сходство по направлению и учению с альбигойца-

ми, напоминают собрания, описанные в актах инквизиции XIII столетия и в сочинениях врагов альбигойцев: Эрменгарда, Алана, Еврарда, Райнера и Монеты Кремонского.

Взявшись друг с другом за руки, все верующие падали на колени, делали три земных поклона перед своими старшими и говорили: «Благословите нас» – и после третьего раза прибавляли: «Молите Бога за нас грешных, дабы он сделал из нас истинных христиан и даровал нам блаженную кончину». Священники или другие из «утешителей» на каждый поклон отвечали: «Бог да благословит вас» – и под конец: «Да сделает Господь истинных христиан из вас и да сподобит вас блаженной кончины». Затем начиналось пение молитвы Господней, причем вместо «хлеб наш насущный» они пели «хлеб наш сверхъестественный» и кончали словами «яко Твое есть Царство, сила и слава во веки веков». После молитвы священник провозглашал христианскую формулу «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», а собрание отвечало: «Благодать Господа Нашего Иисуса Христа да будет с нами». Служба кончалась новым коленопреклонением и вторичным благословением.

С большим торжеством совершался *consolamentum*; во время опасностей и гонений его совершали скрытно и таинственно. Впоследствии альбигойцы в Лангедоке сосредоточили на этом обряде весь блеск, какой только могли допустить. К нему приготавлились строгим постом и молитвой; иногда не ели по три дня. Длинный зал горел бесчисленными огнями, будто знаменуя огонь крещения; в середине стоял жертвенник, то есть стол, и на нем книга Нового Завета. Священники приготавлились к таинственному обряду омовением рук. Собравшиеся становились в круг по старшинству, соблюдая глубокое молчание; кающийся стоял в центре, недалеко от огня. Священник держал в руке Новый Завет; он начинал учить неопита о суровости жизни, которую тот избрал для себя, и наконец обращал к нему с решительным вопросом: «Брат, твердо ли ты решился принять нашу веру?» После утвердительного ответа, обращенный становился на колени и, склонив голову между руками, испрашивал благословения. За этим следовала формула клятвы: «Я обещаю, – говорил он коленопреклоненный, – служить Богу и Его Евангелию; никогда не обманывать, не клясться, не прикасаться к женщинам, не спать раздетым, не убивать какое-либо животное и не есть ни мяса, ни молока, ни рыбы; ничего не делать без молитвы, не путешествовать, не спать, не есть без спутника. А если попаду в руки неприятеля, то непременно в продолжение трех дней воздерживаться от пищи и никакими угрозами не отречься от своей веры». Он заканчивал воззванием «благословите меня», и все собрание вместе с ним падало на колени. Тогда приближался священник – *maior* или *ordinates*, – давал испытующему целовать еретическое Евангелие и возлагал на него руки. То же делали и другие «совершенные». Затем читалась молитва Господня семь раз; служба подходила к концу. Священник читал первые семнадцать глав из Евангелия от Иоанна. «Утешенному» в воспоминание столь знаменательного для него события давали нитку шерстяную или льняную, которой он должен был препоясываться; в заключение всего – поцелуи мира. Для больных обряд сокращался.

Ровный, тихий голос, скромная походка, смиренный вид, поникший взор – были признаками катара; «est Patharistis visio tristis, vox lacrimosa» (облик патарена печален, голос наполнен слезами).

Теперь нам следовало бы рассмотреть другое учение, о котором было сказано выше: учение вальденсов.

В 1119 году, на соборе Тулузском под председательством папы Каликста II (Calixtus)¹⁸ был осужден Петр де Брюи. Он начал действовать около 1105 года. Быстрый успех сопровождал его проповедь в Гиени и Лангедоке. Учение Петра де Брюи католический аббат Петр Достопочтенный передает в пяти пунктах.

1) Запрещается крестить младенцев, как не понимающих этого таинства. А если крещение, совершенное в детстве, недействительно, то не только прежнее человечество, но и отцы церкви, мученики, тем более папы и епископы должны быть осуждены как нехристиане.

2) Запрещается построение храмов, как излишнее, ибо церковь Христова складывается не из стен, не из камней, а из единения верующих, единения духовного. Можно так же удобно молиться в таверне – как в церкви, на площади – как в храме, пред алтарем – как перед стойлом, Бог тебя всегда услышит.

3) Кресты должны быть сломаны и сожжены, как орудие мученической смерти Спасителя. Никакого почитания или тем более поклонения им не должно быть оказываемо, а напротив, позор, меч и огонь необходимо воздвигнуть на них.

4) Тело и кровь Христова ни силой Божественной, ни заслугами священников не претворяются, а потому все, что делается в алтаре при совершении этого таинства, излишне и бесполезно; таким образом отвергалось все таинство причащения.

5) Наконец, реформатор осмеивает все остальные таинства, отрицает необходимость молитвы, милостыню и все то, что делается живыми для спасения умерших. Все это бесполезно – их душа предназначена заранее к осуждению или к вечной жизни. Еще больше сходства с позднейшим кальвинизмом представляла их антипатия ко всякой церковной внешности, к украшениям, музыке, органам, даже к пению и молитвам; их собственные молитвы не допускали пения и мелодии.

Петробрюианцы, подобно катарам, принимали непреложным только Евангелие, но Ветхий Завет, равно как Деяния и Послания Павла, отрицали. Независимость их от тенденций дуализма заключалась в том, что, в противоположность катарам, Петр де Брюи отрицал необходимость плотского воздержания и если отрицал брак, то, по-видимому, только законный, как таинство (ср.: Осокин и Н. Martin, III, 455).¹⁹ Его последователи ели мясо, не имели понятия о католических постах. Ветхий Завет они отвергали, но только потому, что считали его излишним или «сомнительным».²⁰

Осужденный собором, несмотря на приказание светским властям преследовать еретиков силой, Петр продолжал свою проповедь; изгнанный из духовных провинций Виенны и Арля, он перешел в область Нарбоннскую. Народ, побеждаемый его красноречием, во многих местах низвер-

гал алтари, жег кресты, бил священников, перекрещивался. Монахов принуждали брать себе жен; в одном месте из сложенных крестов устроен был костер, на котором петробрюианцы варили мясо и торжественно ели его, хотя была Великая пятница. Петр де Брюи кончил трагически: верные католики взволновались, захватили его и сожгли его живьем около города Сен-Жиль на Роне, к общему удовольствию духовенства. «Верные, — говорит один католический писатель, — отомстили в городе Сен-Жиль за крест Христов; тот, кто сжигал кресты, сожжен сам, посредством преходящего огня он отправлен в огонь негасимый».

Один из учеников Петра, по имени Генрих, продолжал дело своего учителя. Прежде он был в Клюнийском монастыре, где отличался воздержанием и достиг сана дьякона. Скоро заговорили о его благочестии, даре пророчества и чудотворениях. Слухи о нем достигли жителей Манса. Они просили у своего епископа разрешить Генриху проповедовать в городе. В 1116 году Генрих прибыл в Манс; он был принят с восторгом и произвел своей проповедью фурор. Проповедник так пылко говорил о порче и фарисействе духовенства, что народ тут же кинулся на присутствовавших священников; избитые — они едва могли спастись. Городское духовенство опасалось за свое имущество, дома, жизнь. В отчаянии оно отправило письмо Генриху: «Ты посеял вражду между клиром и народом, ты нам дал Иудино лобзание и открыто назвал все православное духовенство еретиками. Ты восстаешь против церкви Католической...» В ответ на угрозы он отвечал новой манифестацией. Он призвал к себе женщин сомнительного поведения и велел им всем вступить в супружество с юношами, на которых он указал, дабы в городе не было ничего нечистого. Золото и серебро для раздачи приданого принесено было его слушателями. Принужденный оставить Манс, Генрих через Бордо и Пуатье прибыл в Лангедок. В Нарбоннской епархии он встретился с Петром де Брюи и объявил себя его учеником и — апостолом Петра. После смерти учителя успехи его были блистательны. Граф Тулузский Альфонс открыто объявил себя за Генриха; весь город был на его стороне. В Риме испугались; легат папы Евгения III прибыл сюда, на юг, призвав на помощь святого Бернара.²¹ «Ни души не видно более в храмах Лангедока, — писал последний графу, — духовные власти не уважаются, над святыми таинствами кощунствуют; умирают без покаяния, детей не крестят». О Генрихе в этом письме говорилось, что он отступник, избегающий власти начальников того ордена, к которым принадлежит; жил он прежде покаянием, теперь — проповедью; то, что получал, тратил на преступные удовольствия, проводил ночи у развратниц и т. п. В 1147 году Бернар прошел Перигор, Керси, Альбижу и Тулузскую область. Город Альби был главным сосредоточением ереси. Легат был принят здесь свистками; навстречу ему вывели стадо ослов. Но тот же самый город преклонил колени перед Бернаром. Генрих, несмотря на покровительство феодального дворянства, был схвачен вследствие измены, заключен в цепи и выдан епископу Тулузы; он, однако, избежал судьбы Петра де Брюи; в 1148 году на соборе в Реймсе Генрих был присужден к вечному заключению. Его последователи были названы генрисианами. Но мы должны смотреть на эти два движения, как на нечто преходящее.²² Последователи Петра де

Брюи и Генриха существовали недолго, вероятно, присоединились к вальденсам.

Мы уже говорили, что основатель секты вальденсов Петр Вальда вступил на реформаторское поприще на юге Франции в 1175 году. Добровольно сделавшись нищим, Петр посвятил себя проповеди Евангелия. Его возмущала мысль о недоступности Святого Писания, провансальский перевод Евангелия ходил по рукам, распространяемый катарам. Пророков и Деяния апостольские он перевел сам при помощи одного священника. На улицах Лиона Петр стал толковать Евангелие; народ осаждал его на площадях. Он учил, что в деле религии надо повиноваться одному Богу, а не людям, что Римская церковь уклонилась от истинной веры и учения Христова и сделалась «блудницей вавилонской». Он говорил, что не следует повиноваться ни папе, ни епископам, что монахи католические ведут жизнь дьявольскую, что их обеты целомудрия – только предлог позорить юношей, что латинские священники носят на себе все следы зверя, упоминаемого в Апокалипсисе. Он отрицал чистилище, обедню, святых, молитвы за усопших. Народ увлекся новой верой; значительное количество перестало посещать католические церкви. Его последователи сначала не выступали в качестве проповедников; но потом, согласно предписанию самого Петра Вальды, не только мужчины, но даже женщины начали проповедовать, не имея на то разрешения. Тут и произошло столкновение вальденсов с церковным авторитетом. Архиепископ Лионский восстал против таких проповедей. Еще в 1179 году на Латеранском соборе Петр был объявлен еретиком, а теперь, в Вероне, Луций III предал его анафеме.²³ Петр ушел во Фландрию. Папа Иннокентий III сначала как будто примирился с вальденсами, назвав их «*raupers catholici*», но в 1215 году на четвертом Латеранском соборе они были осуждены.²⁴

Секта вальденсов исповедовала чисто евангелическое учение. Она не имела ничего общего с дуализмом. Вальденсы, в противоположность катарам, признавали только одного Бога, который создал Вселенную, признавали Троицу и воплощение Спасителя. Практический кодекс нравственной жизни вальденсов и обязанности их духовенства предписываются стихами «*La Nobla leyson*» (Благородное поучение), замечательного памятника вальденской литературы: «Пастыри духовные не должны проклинать и убивать лучших людей и оставлять жить в мире злых и обманщиков; этим узнается только то, что они пастыри не хорошие... Но Писание гласит, да и видеть теперь можно везде, что есть хорошие люди, любящие Бога и Христа, которые не хотят ни злоречить, ни клясться, ни лгать, ни злодействовать, ни убивать, ни красть, ни мстить своим врагам: эти-то и есть вальденсы...»

Религия вальденсов всегда протестовала против католичества. Они нападали на образ жизни духовенства, на епископов за то, что те владели имуществом, имели политические права, на папу за то, что он присвоил себе светскую власть. Падение Римской церкви началось, по их словам, со времени папы Сильвестра, с *donatio Constantini*, подложного документа, по которому Константин Великий, отправляясь из Рима в Византию, передал будто бы этому папе и светскую власть над Римом.

Вальденсы не были многочисленны в самой Франции, они нашли себе последователей в других странах, например в Германии, где их смешали с катарами и дали им название Ketzer (слово «ketzer», испорченное «cathari», то есть «катары», служило в Германии для обозначения всех еретиков вообще).

Вот второе направление, которое возникло в Южной Франции и которое необходимо отличать от альбигойства. Для главы католицизма вальденсы и альбигойцы были одинаково враждебны, и латинское духовенство ставило тех и других на одну доску.

ПОЛОЖЕНИЕ КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ ВО ФРАНЦИИ

(конец XII—начало XIII в.)

В заключение нашего курса скажем несколько слов о положении королевской власти во Франции в конце XII и начале XIII столетия, и в частности о царствовании Филиппа II Августа.²⁵

Раздробление страны в период феодализма было очень опасно для Франции, так как при таком условии она не могла бы исполнить своей всемирной культурной задачи. Значит, необходимо было объединение феодальных территорий, уничтожение владений феодалов. В этом отношении имеют большое значение два факта, совершившиеся — один при Филиппе Августе, другой при Людовике IX.²⁶ Если посмотрим на положение Франции в конце XII и начале XIII века, то увидим, что оно было очень невыгодно для сложившейся романской народности. Благодаря феодальному праву многие французские земли перешли к английским королям. Когда в лице Генриха I прекратилась в Англии династия Вильгельма Завоевателя (в 1135 году), то на Английскую корону и Нормандское герцогство получила права дочь Генриха — Матильда, которая в первый раз была замужем за германским императором Генрихом V, а во второй — вышла замуж за графа Анжуйского Готтфрида Плантагенета. Сын Матильды и Готтфрида Генрих II Плантагенет, вступив на английский престол, получил в наследство от отца Анжу и Нормандию и утвердился в землях, доставшихся ему вследствие брака с Алиеонорой, владелицей Гиени и Пуату. Из остальной Франции только $1/4$ часть была в прямой зависимости от французского короля Филиппа Августа. Таким образом выходило, что английские короли владели богатыми и обширными провинциями Франции и состояли в ленном подчинении у французских королей, будучи в территориальном отношении значительно сильнее последних. Очевидно, что когда вассал является сильнее своего сюзерена, то последнему трудно бывает реализовать свои права. В этом-то отношении и является особенно замечательным Филипп Август: он сумел поддержать свои феодальные права и воспользоваться ими для усиления королевской власти. Не будь Филиппа Августа, дело могло бы принять другой оборот. Филипп II Август (1190—1223) был воспитан под влиянием французской героической поэзии, где воспевался Карл Великий, «властитель всей Франции». Идеи о верховной власти были усвоены молодым королем; он мечтал властвовать над всей Францией. Он не увлекался

блеском рыцарских турниров, был бережлив, отличался твердой волей, гибкостью характера, замечательной настойчивостью и терпеливостью. Известны его столкновения с английскими королями (с Генрихом II Плантагенетом и его сыновьями: Ричардом Львиное Сердце и Иоанном Безземельным). Внук Генриха II Артур Бретанский вел борьбу со своим дядей Иоанном Безземельным за английский трон после смерти Генриха II. Он не хотел повиноваться дяде и даже заявил вассальное подданство Филиппу Августу. Борьба эта закончилась печально для Артура, который попал в плен и «исчез», по мягкому выражению летописца. Но Иоанн Безземельный был обвинен в убийстве своего племянника. За это преступление, по феодальному праву, он подлежал суду сюзерена, то есть короля Франции.²⁷ Филипп Август воспользовался своим правом и призвал Иоанна Безземельного на суд пэров, то есть первых вассалов короны, находившихся к нему в тех же отношениях, как и английский король. Иоанн, проникнутый сознанием величия своей королевской власти, отказался явиться на суд, говоря, что в его лице невозможно отделить герцога Нормандского от короля Английского и что подобный суд есть унижение для его королевского достоинства. В ответ на это Филипп Август объявил, что, как сюзерен, он не может отказаться от своих прав, даже если вассал его путем наследства делается сильнее его. Таким образом воззрения не сходились. Иоанн Безземельный, впрочем, готов был сделать уступки своему сюзерену; он требовал только охранной грамоты, чтобы безопасно вернуться домой, каково бы ни было постановленное судом решение. Но на основании того же феодального права ему было отказано и в этом. Факты эти являются весьма важными.

Филипп Август, несмотря на окончательный отказ Иоанна явиться на суд, собрал все-таки суд из вассалов, находившихся в непосредственном его подчинении. Всех вассалов, заседавших на этом собрании и упоминаемых было двенадцать: шесть светских (графы – Фландрский, Шампанский, Тулузский, герцоги – Бургундский, Нормандский и Аквитанский) и шесть духовных. На суде произнесен был следующий приговор: так как Иоанн Безземельный не исполнил вассальных обязанностей относительно своего сюзерена, то последний имел право конфисковать его земли. Филипп действительно конфисковал Нормандию, Анжу и Мэн. Иоанн Безземельный не хотел уступить добровольно, без борьбы, эти богатые провинции; он нашел себе союзников в лице графа Фландрского, герцога Брабантского и в лице германского императора Оттона IV, который был женат на дочери Иоанна Безземельного.²⁸ Англичане и разные народы, составлявшие Священную Римскую империю, вторглись в пределы Франции. Филипп II Август нашел поддержку не только в феодальном сословии, но и в коммунах, которые выставили большое ополчение. Национальные войска французов встретились с наемными войсками Оттона, брабантской и фландрской милицией при Бувине в 1214 году. Здесь Филипп II Август одержал полную победу над врагами. Подробное описание этого сражения Вильгельмом Бретонским, автором поэмы «Филиппида» (Phillippidos), интересно потому, что тут передается настроение французского народа после бувинской победы. Победа эта произвела радость во всех концах Франции, радость общую, национальную. Победа

эта, не бывшая, в сущности, особенно блестящим военным делом, имеет важное значение потому, что после нее ярко обнаружилось сознание единства французской национальности. Таким образом, вместе с исполнением своих феодальных обязанностей Филипп II Август сделал важный шаг для возвышения своей власти и объединения французской территории.

Другое дело, начавшееся во время его царствования, окончилось теми же результатами. При Филиппе II был поднят вопрос о альбигойцах и вальденсах, находившихся в большом количестве во Франции. Папа Иннокентий III принимал свои меры для уничтожения ереси. В Лангедок были посланы папские легаты – Петр де Кастиельно и другой цистерцианский монах. Преследование еретиков становилось все сильнее, особенно с тех пор, как к Петру присоединился святой Доминик, основатель знаменитого доминиканского ордена, и другие ярые монахи.²⁹ Скоро против альбигойцев был объявлен крестовый поход, поводом к чему послужило следующее обстоятельство. В 1208 году Петр де Кастиельно был убит и подозрение в убийстве папского легата пало на графа Тулузского Раймунда VI. Иннокентий III настоятельно требовал от епископов Южной Франции и Филиппа Августа наказания убийцы и велел проповедовать крестовый поход для истребления еретиков. Предводитель крестоносного ополчения против альбигойцев граф Симон Монфор получил право на все завоеванные земли и стараниями папы Иннокентия III возведен в сан графа Тулузского на место Раймунда VI, предводителя еретиков.³⁰ Симон Монфор не успел, однако, утвердить окончательно свою власть в завоеванных им землях. После его смерти в 1218 году борьба продолжалась между его сыном Аморигом и графами Тулузскими. Аморих не мог удержать в своих руках владений, добытых отцом, и передал права свои королю Франции. На соборании семнадцати духовных и двадцати пяти светских лиц было решено принять графство Тулузское. Филипп II Август не успел осуществить всех своих планов. Он умер в 1223 году. Сын его Людовик VIII предпринял большой поход на юг Франции.³¹ После смерти Людовика VIII (1226), во время малолетства сына его, Людовика IX, государством управляла знаменитая королева Бланка Кастильская. При Бланке был заключен договор с Раймундом VII, графом Тулузским; по этому договору Раймунд отказался от земель по левую сторону Роны в пользу папского престола, Лангедок уступил королю Франции, а остальные владения оставил за собой. После смерти Раймунда (1249) его владения перешли к дочери, Иоанне, и ее мужу Альфонсу, графу Пуату, который был братом Людовика IX. Таким образом, мы видим, что и тут церковное решение повело к объединению огромной части Франции.

Альбигойская война, начавшаяся по поводу религиозных вопросов, имела огромное значение и в другом отношении: она повела к торжеству севера Франции над югом, *langue d'oïl* над *langue d'oc*.³² повела также к уничтожению провансальской культуры и надолго заставила замолчать поэзию трубадуров.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ GERМАНО-РОМАНСКОГО МИРА И GERМАНО-РОМАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ МОНАРХИИ КАРЛА ВЕЛИКОГО

Очерк развития феодализма

1. В начале изложения темы проф. В. Г. Васильевский перечисляет пособия для студентов: Ф. Гизо «История цивилизации во Франции». (Т. 2 и 3); труды Г. Маурера, П. Рота и Г. Вайтца. Библиографические данные о них см. ниже в примеч. 2, 6, 10, 13, 14.

2. *Guizot F. Histoire général de la civilisation en Europe. Paris, 1854. Lec. III.*

3. ...Ирина была свергнута... возведен... Никифор... – Ирина правила в Византии в 797–802 гг. Император Византии Никифор I (802–811) до избрания на трон был логофетом геникона, в обязанности которого входило установление размера государственных налогов и организация их сбора. Хранением и расходованием налоговых поступлений занимались специальные казначейства.

4. В Византии, согласно официальной политической доктрине, власть василевса считалась божественной. Все другие правители не могли носить титул василевса, так как истинный государь только один – византийский император, «владыка вселенной». По этой причине, помимо других, византийцы долго не соглашались признать этот титул за Карлом Великим и его преемниками.

5. Термин «Untertanenverband» («союз подданства») предложил немецкий историк П. Рот (1820–1892).

6. Примечание под строкой: «*G. L. Maurer. Einleitung zur Geschichte der Mark-, Hof-, Dorf- und Stadtverfassung und der öffentlichen Gewalt. München, 1854; Inama-Sternegg K. Th. Deutsche Wirtschaftsgeschichte. I. Aufl., 1879.*»

7. Цитата из сочинения римского писателя Плиния Старшего (I век) «Естественная история». Кн. XVIII, 7.

8. Сальвиан (V век), епископ Массилии (соврем. Марсель), автор ряда сочинений. В примечании под строкой указаны издания: «*Salvianus Massiliensis. De gubernatione Dei*» издано у G. Pertz'a – *Monumenta Germaniae historica* и в VIII томе «*Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum*», издаваемой Венской Академией наук».

9. Далее следует текст из Сальвиана в переводе проф. В. Г. Васильевского. В круглых скобках указано точное местонахождение фрагмента текста. Какое именно издание было в распоряжении В. Г. Васильевского, установить не удалось. Ср.: *Сальвиан. О Божьем правлении* / Под ред. Е. М. Штаерман и Г. Г. Дилигенского // Хрестоматия по истории Древнего Рима. / Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962. С. 609–614; Из кн. V: *Сальвиан. О мироправлении Божьем* / Пер. под ред. И. П. Стрельниковой // Памятники средневековой латинской литературы IV–VII веков / Отв. ред. С. С. Аверинцев, М. Л. Гаспаров. М.: Наследие, 1998. С. 310–314.

10. Имеется в виду труд: *Inama-Sternegg K. Th. Die Ausbildung der Grundherrschaften in Deutschland unter den Karolingernzeit // Staats und Socialwissenschaftliche Forschungen / Hrsg. von G. Schmoller. 1878.*

11. Клотар II, сын Фредегонды и Хильперика, король всех франков (613–629). Речь идет об эдикте 614 года, принятом в Париже на общем собрании духовенства и франкской знати. В историографии имеют место разные оценки содержания 12-й статьи этого эдикта, согласно которой должностное лицо – *judex* – обязано иметь земельные владения в той области государства, управление которой король ему поручил.

12. См.: *Тацит. О происхождении германцев и местоположении Германии. XIV // Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Анналы. Малые произведения. СПб.: Наука, 1993. Т. I. С. 343.*

13. Примечание под строкой: «*Waitz G. «Die Anfänge des Lehnwesens» в Sybel's «Historische Zeitschrift», 1865, ч. 1; Waitz G. «Deutsche Verfassungsgeschichte». Bd. II – с. 309, Bd. III – с. 13 и след., Bd. IV – с. 176 и след. (Berlin, 1883).*»

14. Примечание под строкой: «*P. Roth. Feodalität und Untertanenverband. Weimar, 1863; Ego же. Geschichte des Beneficialwesens von den ältesten Zeiten bis ins 10. Jahrhundert. Erlangen, 1850; Ego же. «Die Säcularisation des Kirchengutes unter den Karolingern» в Мюнхенском «Historisches Jahrbuch.», 1865.*»

15. В лекционном курсе проф. В. Г. Васильевского, литографированном в 1896 году, перед изложением вопроса о бенефиции указана литература, рекомендуемая студентам для самостоятельного изучения. Помимо упомянутых выше сочинений (см. примеч. 2, 6, 10, 13, 14) включены издания, вышедшие в свет во второй пол. 80-х – 90-е годы XIX века: «*Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte. Leipzig, 1887. Bd. I; Leipzig, 1892. Bd. II [особенно важна для нас глава V (§ 91 – с. 242–258, § 92 – с. 258–274, § 93 – с. 275–286, § 94 – с. 287–302)]; Victor Menzel. Die Entstehung des Lehnwesens. 1890; Fustel de Coulanges N. D. Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Des origins du système feudal, le Bénéfice et le Patronat pendant l'époque Mérovingienne. Paris, 1890; Schröder R. Lehrbuch der deutschen Rechtsgeschichte. 1887–1889 (Bd. 1–2); Morlet. La Féodalité Sociologie générale. Paris, 1893.*» (см.: Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание. Т. III. С. 24–25.)

В. Г. Васильевский обращает внимание слушателей на труды Ф. де Куланжа и Г. Бруннера: «Но недавно появилось новое мнение, а именно Фюстель де Куланжа. Он настаивает на том, что пожалования (*beneficium*) были в полную собственность. Последователи Вайца говорили, что иногда, например во время междоусобиц, у лица, изменившего королю, эти пожалования отбирались в наказание. Фюстель де Куланж говорит, что за измену конфисковались не только эти пожалования, но и аллоды (то есть полная наследственная собственность). [Впрочем, бывали случаи, что отбирались только королевские пожалования, а аллод оставался из милости.]

В самое последнее время явились возражения Роту со стороны Г. Бруннера. В сочинениях «О Меровингских земельных пожалованиях» и «История немецкого права» (особенно важен для нас второй том последнего сочинения) он утверждает, что не было раздачи земель в полную собственность. Королевское пожалование не могло быть без согласия короля передано чужому лицу, оно должно остаться в семье получавшего и могло быть передаваемо только по наследству. Бруннер, приводя примеры, доказывает различия между аллодом и королевским пожалованием и приближается, таким образом, к Вайтцу.

Но доводы Бруннера нельзя назвать убедительными. В королевских грамотах мы находим, например, что дарящий передает чужому землю, полученную от короля, и ограничение полной собственности состояло только в том, что дарению постороннему пожалованной земли, полученной от короля, должно было пред-

шествовать согласие короля» (см.: Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание. Т. III. С. 30–31).

16. *Виноградов П. Г.* Происхождение феодальных отношений в Лангбардской Италии. СПб., 1880. С. 9,10,16.

17. В курсе лекций изданном в 1896 году здесь под строкой примечание: «Борьба с конницей арабов показала Карлу Мартеллу необходимость реформы (см. статью *Бруннера* «Der Reiterdienst und die Anfänge des Lehnwesens» в «Zeitschrift der Savigny – Stiftung für Rechtsgeschichte», Germ. Abt. Bd. VIII, 1887. S. 1–38). Рассмотрим прежнее состояние франкского войска и его изменения. По свидетельству византийских историков Прокопия и Агафия, франки в VI веке обыкновенно сражались пешими. В войске, пришедшем в 539 году в Италию, только свита короля Теодоберта была конная и вооружена копьями, а пешие воины имели меч, боевую секиру (*securigio, francisca*) и щит (*Прокопий. De bello Gotico. II, 25*). В Суассоне во время раздела добычи король Хлодвиг по просьбе Реймского епископа взял себе похищенный из его церкви сосуд, но один из воинов ударил по сосуду мечом (*francisque*) и воскликнул: «Не получишь того, чего не дает тебе жребий». Через год после того король собрал на военном поле свои войска для осмотра исправности оружия. Пройдя по рядам воинов, он подошел к тому, кто разбил чашу в Суассоне, и сказал ему, что ни копье, ни меч, ни топор его не в порядке, и с этими словами, взяв у него топор, бросил на землю. Когда воин нагибался поднять его, король, взмахнув мечом, разрубил ему голову, сказав: «Вот что ты сделал с суассонской чашей» (см.: *Григорий Турский. История франков, II, 27. – Л. 3.*).

Бруннер, приводя этот анекдот, прибавляет, что воин, немного нагнувшийся к земле, чтобы взять свой топор, мог быть только пехотинцем и, кроме того, все описание сцены дает понятие о пешем строе; так же как из хода сражения при Пуатье видно, что франки сражались пешими.

Между тем при Людовике Благочестивом (814–840) конница уже преобладает. Норманны также впоследствии стали сражаться конными, «по обычаю местных жителей». Из описания сражения в Бельгии короля франков Арнульфа с норманнами видно, что тогда (891) франки сражаются уже преимущественно на конях. Именно ввиду болотистой местности король колебался, как сразиться: место не позволяло коннице, а сражаться пешими франки отвыкли. Пипин Короткий заменил Мартовские поля (*campi Martii*) Майскими, то есть назначил для сбора войск май месяц. Причина перемены срока следующая: после этого смотра обыкновенно назначался поход, а в марте лошади еще не могли иметь подножного корма; собрав же конницу в марте, пришлось бы распустить ее и опять собирать некоторое время спустя» (см.: Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание... Т. III. С. 32–36).

18. В публикации лекционного курса от 1896 года указана литература, рекомендуемая студентам для изучения понятия «вассалитет»: «*Waitz G. «Deutsche Verfassungsgeschichte», Bd. IV. S. 234 и след.; Schröder R. Rechtsgeschichte (точнее – см. выше, примеч. 15. – Л. 3.) S. 153, 32; Viollet P. Précis de l'histoire du droit française. P., 1884. P. 599; Brunner H. Deutsche Rechtsgeschichte (точнее – см. выше, примеч. 15. – Л. 3.) Bd. II. S. 258–270; также у Brunner'a «Die Römischen Protectores» в «Zeitschrift der Savigny – Stiftung für Rechtsgeschichte». Germ. Abt. Bd. IX, 1888. S. 210–218» (см.: Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание... Т. III, С. 35–36).*

19. Имеется в виду: *Waitz G. Deutsche Verfassungsgeschichte... Bd. IV.*

20. *Waitz G. Ibid. S. 945.*

21. Речь идет о Капитулярии 807 года. Примечание под строкой: «Со времени Карла Великого идут меры к пресечению уклонения от военной службы, но также и меры к ее облегчению для небогатых людей (имеющих не менее 8 мансов

(участков) земли должны являться сами; имеющие только 2 манса — должны являться не по каждому призыву, а поочередно с другими людьми того же состояния; имеющий половину манса — поочередно с пятью такими же людьми, а кто не имеет ни земли, ни рабочих людей, тот платит с дохода или движимого имущества подать, которая идет на пособие наименее зажиточным из отправляющихся в поход. Другим правилом было, что для войны в отдаленных местностях созывается только шестая доля ополчения области (от аквитанцев на войну с аварями вызвали только шестую долю, так же от лангобардов на войну со славянами и так далее). Были и другие облегчения потом изданы. Общий характер этих мер в том, что несколько небогатых людей должны были выставить от себя одного воина».

22. *Vaitц Г.* Указ. соч. С. 503.

23. *Arnold W.* Fränkische Zeit. 1882.

24. В примечании под строкой указаны пособия, рекомендуемые слушателям для изучения иммунитета. Это труды П. Рота (см. выше, примеч. 14), Г. Вайтца (см. выше, примеч. 13), Г. Бруннера. Т. II (см. выше, примеч. 15).

25. На полях дана ссылка на статью *Ф. де Куланжа* «Etudes sur l'institute merovingienne // Revue historique. Т. XXII, XXIII. 1883.

26. Примечание под строкой: «Литература о графах: *Brunner H.* Deutsche. (Точнее см. выше, примеч. 15), Т. 2. S. 161–174; *Waitz G.* Deutsche. (Точнее см. выше, примеч. 13), Т. 2. Т. 3. S. 378 и след.; *Dahn F.V.* Deutsche geschichte. Bd. II. S. 595 и другие».

Распад монархии Карла Великого и образование отдельных государств. Внешняя история Франции (814–843)

1. В публикации лекций В. Г. Васильевского, принятой нами как основной текст для данного издания, здесь указаны пособия для слушателей:

«Jahrbücher des deutschen Reichs unter dem Sächsischen Hause» («Ежегодники немецкого государства»), возникшие по мысли Л. Ранке, считавшего полезной добросовестную, всестороннюю разработку частных вопросов в истории. Этих «Jahrbücher» целая серия. Более подробные сведения за это время, от распада монархии Карла до воцарения Капетингов, можно найти и в общих курсах истории. Можно рекомендовать лекции С. В. Ешевского (напечатаны в собрании его сочинений, издание Солдатенкова, три тома). Взгляды Ешевского несколько устарели, но сочинения его все-таки читаются с пользой и теперь. *Waitz G.* «Deutsche Verfassungsgeschichte» в четвертом томе (2-е издание тома было в 1885 году) трактует о Людовике Благочестивом. Важно сочинение: *Giesebrecht W.* «Geschichte der deutschen Kaiserzeit». Bd. 1–5, 1855–1880 гг. для изучения того периода, пока Франция не выделилась в самостоятельное целое. Много интересного представляет сочинение *Nitzsch'a K. W.* «Geschichte des deutschen Volkes bis zum Augsburger Religionsfrieden», 1883. Замечательны его взгляды как на Карла Великого, так и на последующие события, также на ленные отношения и другие вопросы. Из французских ученых можно указать на *Ф. Гизо* «История цивилизации во Франции». Другие пособия будут указаны в своем месте» (см.: Лекции, читанные на историко-филологическом факультете Санкт-Петербургского университета в 1884–1885 академическом году профессором *В. Г. Васильевским...* С. 83).

В литографированном издании лекционного курса за 1894 год перечень пособий дополнен: «Jahrbücher» имеют разные названия: *S. Abel.* Jahrbücher des frankischen Reichs unter Karl der Grosse. I. 768–788. Berlin, 1877; II. 788–814. Berlin, 1883; *B. Simson.* Jahrbücher des frankischen Reichs unter Ludwig dem Frommen. I.

814–830. Leipzig, 1874; II. 831–840. Leipzig, 1876. Есть также о Генрихах I, II, III и IV, Конраде II, Оттонах I и IV, Филиппе Швабском – императорах германских. Для времени Каролингов, предшествовавших сыновьям Людовика Благочестивого, К. Ф. Вёемер издал «*Regesta Karoligum*», каталог актов, теперь вновь обработанный Мюльбахером, в трех томах (Mühlbacher, 1880–1889). Цитируют: Бемер-Мюльбахер или просто Мюльбахер. Из французских ученых укажем на Ф. Гизо и Фюстель де Куланжа» (см.: Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание. Том III. Отдел II. СПб. университет. Литографировано. 1894. С. 1, 2).

2. В. Г. Васильевский использовал материал XXIV лекции Ф. Гизо (*Guizot F. Histoire de la civilisation en France. Vol. 1*). См. рус. перевод: *Гизо Ф. История цивилизации во Франции. Т. I.* /Пер. П. Г. Виноградова. М., 1877. С. 158–161 (изложение взглядов О. Тьерри и самого Гизо); С. 151–152 (королевства после распада империи Карла Великого).

3. В переводе П. Г. Виноградова: «то было, так сказать, воскрешением мертвого с помощью гальванического тока» (см.: *Гизо Ф. Указ. соч. С. 162*).

4. См.: *Гизо Ф. Указ. соч. С. 163*.

5. Имеется в виду сочинение К. Нича, указанное выше, см. примеч. 1.

6. Речь идет о монографии: *Dümmler. Geschichte des ostfränkischen Reichs. Bd. 1–2, 1862–1863; 2-е изд. Bd. 1–3, 1887–1888*.

7. Под строкой указаны сочинения: *Sybel H. V. Die deutsche Nation und das Kaiserreich. München, 1862; Giesebrecht W. Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Braunschweig. 1855–1888. Bd. 1–5*.

8. В литографированном издании лекций за 1894 год здесь дополнено: «Фюстель де Куланж видит в разделе 843 года чисто феодальные отношения, он говорит, что сознания национальности тогда еще не было. При разделах 806 и 817 года речь идет о ленных, вассальных отношениях. Он отрицает в разделе 843 года не только национальное, но и политическое значение и сводит все дело к взаимным правовым отношениям. Но тут у Фюстеля де Куланжа явная натяжка, его суждения имеют мало оснований. Нужно заметить, однако, что взгляд о разделе империи находится в последнем томе его сочинений, редактированном уже не им самим». (Речь идет о труде: *Fustel de Coulanges N. D. Les transformations de la royauté carolingienne. 1892. – Л. 3.*)». См.: Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории... С. 60.

9. Примечание под строкой: «Дальнейшими пособиями могут служить: *Müller D. Geschichte des deutschen Volkes. 1884* (или другие ее издания); *Sybel H. V. Die deutsche Nation und das Kaiserzeit. 1862*».

10. Имеется в виду исследование: *Simson B. V. Jahrbücher des frankischen Reichs unter Ludwig dem Frommen. Bd. 2. 1876*.

11. Людовик родился в 778 году и вступил на трон в возрасте тридцати шести лет.

12. Лев III, римский папа (795–816).

13. Стефан IV, римский папа (816–817), получил освящение после своего избрания не поставив предварительно в известность Людовика (в отличие от обычая, сложившегося при Карле Великом). В примечании под строкой читаем: «О встрече папы в Реймсе писал *Теган (Theganus)* в «*Vita Hludowici imperatoris*», XVI, XVII. Издано у Pertz'a (*Monumenta Germaniae historica. Bd. II. S. 585–604*)».

14. Вала – аббат монастыря в Корби, был близким родственником Карла Великого. Он активно участвовал в политической жизни, принял сторону сыновей Людовика в их заговорах против отца. Когда Людовик вернул трон, Вала бежал в Италию. Скончался в аббатстве Bobbio (836).

15. В литографированном издании лекций В. Г. Васильевского за 1894 год здесь имеется примечание под строкой: «Тут впервые применен был обычай, занесенный сюда, как и в Россию, из Византии, — ослепление. Но в Византии операцию делали очень искусно, так что по хроникам известно, что некоторые вновь возвращали себе зрение некоторое время спустя. Опасной эта операция была только при сопротивлении ослепляемого. Бернара варварски лишили зрения, да и он сам переносил нетерпеливо операцию, так что через три дня он умер [в 818 году. — Л. З.]» (см.: Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание... С. 100).

16. Французский ученый Л. Тейс указывает 831 год. См.: *Тейс Л.* Новая история Франции. Наследие Каролингов / Пер. с фр. Т. Чесноковой. М.: Скарабей, 1993. Т. 2. С. 27.

17. Григорий IV, римский папа (827–844).

18. Эббон, епископ Реймский (до 845 года), политический деятель. Позже по требованию Людовика был низложен на церковном соборе, обвиненный в измене императору.

19. Пипин умер в 838 году. В 839 году Людовик Благочестивый и Лотарь на встрече в Вормсе договорились о новом разделе империи на две части: для Лотаря и Карла, императорский титул оставался за Лотарем.

20. Речь идет о событиях после смерти Людовика Благочестивого. Лотарь заявил императрице Юдифи, что прежний договор утратил силу, и принудил Карла принять новое соглашение, в соответствии с которым владения Карла уменьшались. Лотарь искал поддержки у Пипина II, сына умершего брата, а Карл, в свою очередь, заключил союз с Людовиком для защиты своих прав и притязаний.

21. Сражение произошло 25 июня 841 года.

22. Примечание под строкой: «Ангильберт печально восклицает: “Этот день, в котором проливается столько слез, не должен быть изглажен из памяти, не должен иметь лучей солнца и сияния утренней зари”».

23. На полях примечание: «*Nithardus. Historiarum libri IV.* (814–843 гг.) вышла отдельно в 1840 году, второе издание — 1870 г., третье — 1880 г.; у Pertz'a в «*Monumenta Germaniae historica*». II. SS. 649–672; и у D. M. Bouquet'a «*Recueil des historiens des Gaules et de la France*». VI. 67–72; французский перевод *Guizot F.* «*Collection des mémoires relatifs a l'histoire de France, depuis la fondation de la monarchie française jusqu'au XIII siècle*». Vol. III. P. 433–497».

II. НОРМАННСКОЕ НАШЕСТВИЕ

Образование герцогства Нормандского. Первые Капетинги

Материалы этого раздела лекционного курса профессора В. Г. Васильевского дошли до нас в трех редакциях: основной текст, который здесь воспроизводится, также издание 1886–1887 годов («Лекции по средневековой истории профессора В. Г. Васильевского. Изд. Б. Порозовской». Далее — Лекции по средневековой истории...) и публикация 1894 года «Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание. Том III. Отдел 2. Императорский Санкт-Петербургский университет»; 2-е издание — 1896 год (далее — Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание...). При сравнении основного текста с двумя другими выяснилось, что в издании Б. Порозовской имеют место, с одной стороны, явный пропуск и сокращение фактического материала, а с другой — некоторые дополнительные данные и уточнения. Все расхождения вынесены в примечания.

Текст, опубликованный в 1894 году (и в 1896 году), включает существенные дополнения к основному тексту: привлечены новые исследования историков,

опубликованные в конце 30-х – нач. 90-х гг., при освещении вопроса о приходе к власти династии Капетингов во Франции, и введено краткое обозрение положения во французских провинциях в IX–XI веках. Казалось, было бы логично публиковать только основной текст, а все дополнения к нему поместить в примечания. Но особенность лекционных курсов В. Г. Васильевского как раз в том, что неотъемлемая их часть – историографический экскурс по актуальным проблемам. Он считал обязательным для себя знакомить слушателей с новыми исследованиями. Составители включили оба дополнительных фрагмента в издание 1894 года и оставили в 1896 году не без ведома В. Г. Васильевского, так как он предпочитал это изложение более раннему. Печатать дополнения в виде только примечаний значило бы сделать наше издание неудобным для современных читателей. Ввиду вышеизложенного, текст 1894 года в той части, где он дополняет основной текст, помещен вслед за ним.

1. Сноска под строкой: «О причинах нападений норманнов можно более подробно прочитать у датского писателя Стеенструпа. Его сочинение называется «Норманны и их нашествия», оно вышло и во французском переводе: *Steenstrup. Introduction à l'histoire des Normands et de leurs invasions*. 1881. Причину переселений норманнов в другие земли из Дании и Скандинавии некоторые ученые видят в скудости почвы; Стеенstrup же приводит ту причину, что и Дудон Сен-Кантенский, который говорил, что главной причиной к переселению датчан служил обычай датских браков, но об этом скажем позже. Этот Дудон оставил нам единственный, но довольно баснословный источник для истории норманнов».

2. Сноска под строкой: «Это есть в хронике одного галльского монаха; на русском языке есть в хрестоматии Стасюлевича, второй том». Точнее: Народные легенды о Карле Великом, ближайшие ему по времени // История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых / Сост. М. Стасюлевич. Т. 2. СПб., 1864. С. 115.

3. В издании лекций 1886–1887 годов здесь читаем: «Прежде Париж (под именем *Lutetia Parisiorum*) был любимым местопребыванием Юлиана Отступника. Известно письмо императора, где он жалуется на суровый климат своей любимой Лютетии, говоря, что зимой, разводя огонь в камине, чтобы согреться, он едва не умер от угара; любил тут жить и Дагоберт, король из династии Меровингов. Снова является Париж на историческую сцену при Людовике Благочестивом, когда в 830 году он служит местом заговора против этого короля» (см.: Лекции по средневековой истории... С. 421).

4. ...использовал хронику Рихерия... – Рихерий (Ришер, Рикер, *Richerus*), монах монастыря Св. Ремигия в Реймсе. Хроника составлена в конце X века «Четыре книги историй» («*Historiarum libri quatuor*»). В. Г. Васильевский пользовался изданием хроники у G. Pertz'a в «*Monumenta Germaniae historica*», том 3. (Далее по тексту в круглых скобках указаны: римской цифрой – книга, арабской цифрой – глава).

В публикации лекций 1886–1887 года здесь дополнение: «Рихерий, летописец X века (издано у Pertz'a), говорит: «*Hie (Odo) patrem habuit ex equestri ordine Robertum avum vero paternum Vitichinum advenam Germanicum*» (*Richer*, I, 5). По этому свидетельству выходит, что Роберт был сын германского пришельца Виткинда. Однако, в противовес хронике Рихерия приводят слова писателя IX века Аббона об Одоне, сыне Роберта Сильного, что он был Нейстрийцем» (см.: Лекции по средневековой истории... С. 422).

5. В издании 1894 года читаем: «Духовенство сильно восставало против отдачи аббатств и монастырей светским людям. Отголосок этого недовольства сохранился в хрониках. Так, в одной летописи при рассказе о смерти Роберта летописец прибавляет, что Роберт пал, будучи наказан за нечестивое вмешательство в

дела духовенства» (см.: Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание... С. 62).

6. Здесь есть примечание под строкой: «Далее летописи св. Эваста, с продолжением аббата *Регино (Regino Prumiensis)* изданы у G. Perts'a и Буке». Речь идет об изданиях: Monumenta Germaniae historica, Bd. I. S. 537 – 612; Dom M. Bouquet. Recueil des historiens des Gaules et de la France. V. VIII.

В издании лекций Б. Порозовской есть дополнение о Карле Лысом: «Он был подвижного характера, увлекался широкими задачами, но часто поступал вероломно и не всегда добивался цели прямыми путями. Трудно себе представить, в каком ужасном состоянии была монархия Карла Лысого» (см.: Лекции по средневековой истории... С. 427).

7. В литографированном курсе лекций за 1894 год здесь продолжение: «Эта победа прославлена в одной германской песне, так называемой Ludvigolied (помещается в хрестоматиях). Отсюда можно заключить, что чувство солидарности еще не исчезло между Нейстрией и Германией, если успехи французского оружия прославляются в немецкой песне. Впрочем, победа эта сама по себе не имела важного значения» (см.: Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание... С. 133).

8. ...Бозо, родственник Каролингов... – Королевство Бургундия включало территорию Прованс, именовавшуюся тогда Южная Бургундия. В октябре 879 года во дворце в Мантай (недалеко от Вьенны) на собрании местной знати Бозон (Бозо), граф Вьеннский, был провозглашен королем Прованса и Бургундии. Этот акт Каролинги восприняли как узурпацию власти, так как, хотя Бозон был шурином Карла Лысого и весьма влиятельным аристократом, его род не принадлежал к королевской фамилии. Братья на время объединились против Бозона. В конце IX века на юге Бургундии (Прованс) правил Людовик, малолетний сын Бозона, при котором регентшей была его мать Эрменгарда; в западных областях власть принадлежала могущественному маркизу Ричарду графу Отена; трансюранская (северная часть, Верхняя) Бургундия принадлежала маркизу Рудольфу (Родольфу), сыну Конрада Вельфа, который в 888 году был помазан королем в крупном аббатстве Сен-Морис на собрании местной знати и духовенства.

9. ...Аббона, не только современника... – Аббон (Abbo), монах в Saint-Germain-des Près, автор поэмы «De bellis Parisiacae urbis adversus Normannos libri tres». В издании лекций В. Г. Васильевского за 1894 год имеется примечание под строкой: «Аббон и сам чувствовал, что не все его поймут. Есть издание Аббона у G. Pertz'a в «Monumenta Germaniae historica». Bd. II и у Bouquet» (см.: Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание... С. 136).

... повторить выражение Фримана... – Приведена цитата из труда английского исследователя Э. Фримена «История норманнского завоевания Англии: причины и результаты» (Т. 1, С. 18). См. далее примеч. 17.

10. В издании 1894 года здесь добавлено: «Квартал получил название от латинского языка, употреблявшегося в Университете, который находился в этой местности» (см.: Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание... С. 136).

11. Имеется в виду эпизод из «Повести временных лет», который повествует о мести княгини Ольги древлянам за смерть Игора. (См.: Новгородская первая летопись младшего извода. Комиссионный список. Л. 32 – 33 об. / Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. Т. III. М., 2000. С. 111–112.)

12. В лекционном курсе за 1894 год здесь читаем: «Современные хроники относятся к Карлу Толстому далеко не сочувственно и единственным националь-

ным героем выставляют Одона. Для Карла Толстого одно может быть извинение, что Бургундия принадлежала Бозо, который называл себя королем» (см.: Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание... С. 139).

13. Речь идет о короле Англии Альфреде Великом (871–900). В начале его царствования большая часть страны находилась в руках датчан.

14. ...Один из «морских королей» Рагнальд... – В 845 году дружина из 120 судов во главе с Рагнаром Додброком появилась у берегов Франкской державы. Отряды викингов к 900 году осели в низовьях Луары и Сены и отсюда совершали набеги вглубь страны.

15. ...Стеенstrup в своих подробных исследованиях... – Имеется в виду: *Steenstrup J. Introduction à l'histoire des Normands et de leurs invasions*. 1881.

16. Карл Простой (или Простоватый), король Франции (893–923). Прозвище было дано хронистами.

17. Имеется в виду английский историк Э. Фримен (1823–1892). Точнее, его сочинение: *Freeman E. History of the Norman conquest of England: its causes and its results*. London, 1867. Т. 1.

18. Карл Простой с войском из фламандцев и лотарингцев двинулся на Суассон, чтобы наказать Роберта II как узурпатора. В этом сражении в 922 году Роберт был убит.

19. В публикации лекций за 1894 год в примечании под строкой дан тот же фрагмент хроники на латинском языке: «Sed side hoc agitur, nec regnum iure hereditario acquiritur, nec in regnum promovendus est, nisi quem non solum corporis nobilitas, sed et animi sapientia illustrat, fides munit, magnanimitas firmat. Legimus in annalibus clarissimi generis imperatoribus ignavia ab dignitate praecipitatis; alios modo pares, modo impares...» (Richerus. IV.11).

20. Неточность: помазание Гуго Капета было 3 июля 987 года, вступление в королевские права его сына Роберта – 25 декабря 987 года.

21. ...византийским императорам Василию и Константину... – Речь идет о сыновьях императора Романа II Лакапина (959–963); их совместное правление в Византии в 976–1028 гг., однако фактически сначала власть была в руках Василия (976–1025), потом – Константина (1025–1028).

22. Оттон II, германский король и «император римлян» (973–983).

23. Василий II Болгаробойца (976–1025). См. примеч. 21.

24. Здесь примечание под строкой: «*Therry A. Lettres sur l'histoire de France; № 12*». Далее В. Г. Васильевский использовал фрагменты из письма № 12, которые он цитирует по изданию: История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых / Сост. М. Стасюлевич. Т. 2. СПб., 1864. С. 185.

25. Карл Лотарингский осадил Лан в мае 988 года. Город покорился в январе 989 года, после смерти Адальберона, епископа Реймского. В конце марта 991 года Адальберон, епископ Ланский, выдал Карла в руки Гуго Капета.

26. Имеется в виду сочинение Э. Фримена «История норманнского завоевания». См. примеч. 17. На этом месте завершается изложение материала по изданию 1884–1885 гг. Далее в данной публикации воспроизведен литографированный текст по изданию 1894 года.

27. Речь идет о сочинениях: *Luchoire A. Manuel des institutions françaises. Période des Capétiens directs*. P., 1892; *Бубнов Н. М. Сборник писем Герберта как исторический источник (983–997)*. СПб., 1888–1890. Внизу под строкой примечание: «Кроме этих сочинений для вопроса о времени первых Капетингов можно указать на: *De Kalkstein. Geschichte des françois Königthums*. Bd. 1, 1877 (более не выходил); *Pfister Chr. Études sur le règne de Robert le Pieux (996–1031)*. P., 1885; *Ach. Luchoire* в своей «*Histoire des institutions monarchiques sous les premiers Capétiens*», 2 т., 1883 (2-е издание 1891 года) прежде всего ставит вопрос о

причинах избрания новой династии» (см.: Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание... С. 167) /

28. Имеется в виду Рауль Бургундский, герцог Бургундии и король Франции (помазан в Суассоне в 923 году).

29. Примечание восстановить невозможно.

30. Сноска под строкой: «*Olleris. Oeuvres de Gerbert*, p. 72, et. 131, письмо Аделоберга, архиепископа Реймского, герцогу Карлу: «Num quis eram ut solus regam imponerem Francis? Publica sunt laet, negotia non priva». Точнее: *Olleris A. Oeuvres de Gerbert*. P., 1867. P. 72, et. 131.

31. *Ibidem*. P. 92, et. 166: «*Reginon nomen quod apud Francos pene emortium est magnis consiliis, magnis resciasceitass étuss*».

32. Точнее: см. примеч. 27.

33. Сильвестр II (Sylvester), Герберт (Gerbert) римский папа (999–1003).

34. Здесь примечание под строкой: «Специальная литература приведена у Н. Бубнова. В русской литературе кроме Бубнова о Герберте есть еще диссертация А. Горового «Герберт или папа Сильвестр II», напечатанная в Киевском университетском издании за 1886 год».

35. Имеется в виду: *Havet J. Collection de textes pour servir a l'étude de l'histoire de France*. P., 1889.

36. В. Г. Васильевский цитировал текст по монографии Н. Бубнова: Бубнов Н. М. Указ. соч. С. 440–463.

37. Речь идет о монографии: *Lot F. Les derniers Caroligiens: Lothaire, Louis V, Charle de Lorraine (934–991)*. P. 1891.

Территория Франции при Капетингах

1. В курсе лекций В. Г. Васильевского, который принят нами как основной текст, этот раздел отсутствует, но есть в публикации за 1896 год. На первой странице под строкой читаем запись: «Изложено по *E. Lavisse – A. Rambaud. Histoire générale du IV siècle à nos jours*. P., 1896, pp. 441–506» (см.: Проф. *Васильевский В. Г.* Средняя история. Т. II–III. С. 196).

2. ...хроникер Дудон Сен-Кантенский... – Dudon, декан монастыря Saint-Quentin, автор хроники «История первых нормандских герцогов» (около 1015 г.); издание: *Mémoire de la Société des Antiquaires de Normandie, XIII / Ed. J. Laire. Caen, 1865*.

3. ...*Saxo Grammaticus*... – Саксон, прозванный Грамматиком, датский историк второй половины XII века (1140 – около 1208); автор исторического труда «*Gesta Danorum*» («Деяния датчан») в 16 книгах.

4. Вильгельм (Гийом) Длинный Меч – сын Роллона, правивший в Нормандии с 932 года (убит в 942 году).

5. Речь идет о короле Рауле Бургундском (923–936).

6. Другая дата – 936 год. См.: *Тейс Л.* Новая история средневековой Франции. Последние Каролингов. Т. 2. М.: Скарabei, 1993. С. 258.

7. Балдуин (Бодуан) I Железная Рука – первый правитель Фландрии, имя которого известно по письменным источникам. Он был достаточно богат, умен и успешно боролся с норманнами. В 862 году Балдуин похитил Юдифь, дочь Карла Лысого, в то время вдову англосаксонского короля Этельвольфа, из Санли, где она жила после приезда из Англии. Протесты Карла оказались тщетны. Территория Фландрии, которой управлял Балдуин, включала его родовые владения и лены, а также приданое Юдифи.

8. ... Граф Фландрский Балдуин Лысый... – Балдуин (Бодуан) II – сын Балдуина I Железная рука и внук Карла Лысого, правил во Фландрии в 879–918 годах.

9. Имеется в виду смерть Фулка, архиепископа Реймса, от руки наемного убийцы летом 900 года.

10. Граф Арнульф I Фландрский (Великий) – могущественный правитель в 918–965 годах; присвоил себе титул маркграфа, который передавался и его преемникам.

11. Поэма «Рауль де Камбре» («Raoul de Cambrai») относится к XII веку, но в основу ее положены эпизоды, отражающие исторические события X века.

12. Граф Ренье де Арденн, по прозвищу Длинная Шея, внук императора Лотаря по линии своей матери; аристократ, военачальник, некоторое время состоял ближайшим советником Цвентибольда, короля Лотарингии.

13. Здесь упомянуты некоторые события борьбы между Людовиком IV Заморским и Оттоном I за обладание Лотарингией. Гизельберт тогда отдал Верден в дар Людовику. В начале 939 года лотарингский герцог поддержал выступление саксонского и франконского герцогов против Оттона I.

14. Речь идет о Ричарде, графе Отенском, получившем прозвище Защитник (de Justicier). Последовательно расширяя свои владения, он превратился в одного из наиболее влиятельных магнатов (умер в 921 году). Рауль Бургундский, сын Ричарда, был избран королем Франции (923–936).

Очерк феодальных отношений

1. При изложении материала проф. В. Г. Васильевский использовал труд Ф. Гизо «История цивилизации во Франции», том третий, лекция 9 и, отчасти, лекция 10, о чем указано в примечании под строкой. В изданиях 1894 и 1896 гг. текст раздела составители включили без существенных изменений, дополнительно указано сочинение французского историка А. Люшера (*Luchaire Ach.*) «Manuel des institutions françaises période des Capétiens directs». Paris, 1892.

2. В примечании под строкой указано: «*Fustel de Coulanges N. D.* Histoire des institutions politiques de l'ancienne France. Paris, 1875». См. рус. пер.: *Фюстель де Куланж.* История общественного строя древней Франции. СПб., 1907. Т. 4. С. 182 и далее.

3. ...По Люшеру же... – речь идет о монографии А. Люшера – см. выше, примеч. 1.

4. ...Гизо нашел... – См.: *Гизо Ф.* История цивилизации во Франции. Т. 3. Лекция 9.

5. Речь идет о труде: *Guérard B.* Polyptique de l'abbé Irminon. Paris, 1844.

6. Точнее: *Gasquet A.* Précis des institutions politiques et sociales de l'ancienne France. Paris, 1883.

7. Бомануар (1226–1296), знаменитый французский юрист, автор «Кутюм Бовэзи».

8. Речь идет о труде, упомянутом выше в прим. 5.

9. Имеется в виду: *Delisle L.* Étude sur la condition de la classe agricole en Normandie au Moyen âge. Paris, 1851.

Франция при первых Капетингах. Рыцарство

1. Запись на строке: «*Radulphus monachus Glaber,* Histoiarum sui temporis libri V; перевод у *Guizot F.* «Collection de documents inédits sur l'histoire de France...» VI, p. 169–355; на рус. яз. у Стасюлевича («История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых»), том II, 1864, стр. 945–947».

2. Примечание на полях: «*J. Michelet.* «Histoire de France jusqu'à Révolution», vol. IV». Издание не указано. Ж. Мишле (1798–1874), выдающийся французский историк.

3. Здесь примечание: «Божий мир (Pax Dei, Freuda Dei, la paix et trêve de Dieu): *Pfister Chr.* Etudes sur la règne de Robert. P., 1885 (chap. IV); *Semichon.* La paix et la trêve de Dieu. 1857 г. (2-е изд. 1869), 2 тт. (стр. 1–48 из первого издания на русском языке у Стасюлевича [точнее см. выше, примеч. 1 – Л. 3.]».

4. Датский король Канут правил государством, в которое входили Дания, часть Швеции и Норвегии, Англия в 1017–1035 гг.

5. Здесь указан том 2 труда Ж. Мишле (точнее см. выше, примеч. 2 – Л. 3.).

6. Далее, при изложении вопроса о феодальных замках, проф. В. Г. Васильевский использует материалы лекции V из третьего тома труда Ф. Гизо «История цивилизации во Франции».

7. Здесь в круглых скобках указана работа С. В. Ешевского «Аполлинарий Сидоний. Эпизод из литературной и политической истории Галлии V века» (см.: *Ешевский С. В.* Сочинения. Т. 3. М., 1870).

8. Точнее: *Vie de Guibert de Nogent // Guizot F.* Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France, depuis ets. I, IX, s. 2 / *Histoire de la civilisation en France.* Vol. III, leç. V.

9. Речь идет о главе VI сочинения Ф. Гизо «История цивилизации во Франции», том 3.

III. ИСТОРИЯ КОММУНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

Данный раздел лекционного курса В. Г. Васильевского воспроизводится по тексту литографированного прижизненного издания: «Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание. Т. III, отдел 4. Имп. СПб. Университет, 1894». Запись текста представляет собой автограф разными почерками, без исправлений или дополнений. Сохранилось еще одно литографированное издание, под тем же названием, которое вышло в 1896 году. Этот текст напечатан на пишущей машинке со включением записей черными чернилами, сделанных разными лицами. В отличие от публикации 1894 года в последнем издании много фактических ошибок, пропущенных слов или целых предложений, термины часто сокращены и не расшифрованы. Сопоставление содержания двух вариантов позволило выявить более точно последовательность листов и структуру этой части чтений.

1. Здесь В. Г. Васильевский указывает пособия для студентов, полезные при изучении данной темы. Приводим список: «*Therry Aug.* Lettres sur l'histoire de France. Paris, 1827; *Он же.* Recueil des monuments inédits de l'histoire du Tiers État (4 тома, 1850–1870); *Giry A.* Histoire de la ville de Saint-Omer. Paris, 1877; *Idem.* Les Etablissements de Rouen. Paris, 1883–1885. V. 1–2;

Flammermont I. Histoire des institutions municipales de Senlis. Paris, 1881; *Pirrenne H.* L'origine des constitutions urbaines au moyen âge (в «Revue historique», 1893, Septembre–Octobre, p. 52–83; будет продолжение);

Below G. Der Ursprung der deutschen Städtwesens. Leipzig, 1890; *Dietsch R.* Lehrbuch der Geschichte. II. B. 4. Abteilung, bear. v. *Dr. H. Kohl.* Erste Hälfte, 1884 (7 Kap.) – здесь приведена и литература; *Hegel K.* Städte und Gilden der germanischen Völker in Mittelalter. 1891 – два тома; *Arnold W.* Verfassungsgeschichte der Stadt Worms. Bd. 1–2. Hamb. Und Gotha. 1854.; *Maurer G. L. v.* Geschichte der Stadtverfassung in Deutschland. Bd. 1–4. Erlangen, 1869–1873; *Nitzsch K. W.* Ministerialität und Bürgertum im XI und XII Jahrbuch. Leipzig, 1859; *Heusler M.* Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung. Weimar, 1872; *Кудрявцев П. Н.* Судьбы Италии от падения Западной Римской империи до восстановления ее Карлом Великим. М., 1850; *Смирнов А.* Коммуна средневековой Франции. Казань, 1873

(см.: Сочинение это основано на исследованиях А. Тьерри и Ф. Гизо). (Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание. Т. 3, отдел 4. 1894. С. 156–157).

2. Имеется в виду основоположник исторической школы права в Германии К. Ф. Савиньи (1779–1861); концепция ученого, упомянутая В. Г. Васильевским, имеет место в сочинении «Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter». Bd. I–VII. Heidelberg, 1834–1851.

3. Имеется в виду: *Guizot F. Histoire de la civilisation en France*. Paris, 1843. Vol. 1. P. 88 и след.

4. К. Ф. Эйхгорн (Eichhorn) (1781–1854) – крупный немецкий историк права.

5. Речь идет о сочинении А. Тьерри «Recueil des monuments inédits de l'histoire du Tiers État» (Paris, 1850).

6. Здесь В. Г. Васильевский указал пособия для студентов по вопросу о гильдиях. Приводим список: «*Smith T. English Gilds*. London, 1870; *Brentano L. Essay on the History and development of Gilds*. London, 1870; *Stubbs W. The constitutional history of England*. London, 1874; *Wilda. Das Gildenwesen in Mittelalter*, 1831; *Hartwig. Untersuchungen über die ersten Anfänge des Gildenwesens* (в «*Forschungen zur deutschen Geschichte*» В. I. P. 135–163); *Papenheim M. Die altdänischen Schutzgilden*. 1885; *Gierke O. v. Das deutsche Genossenschaftsrecht*. Berlin, 1868. Bd. I; *Gross Ch. Gilda Mercatoria*. Oxford, 1883; другая работа Гросса: *The Gild Merchant and contributions to municipal history*. Oxford, 1889. (См.: Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание. Т. 3, отдел 4. 1894. С. 159).

7. Здесь использован фрагмент сочинения А. Гiry «*Histoire de la ville de Saint-Omer*» (Paris, 1877).

8. Здесь В. Г. Васильевский опирается на текст труда: *Wauters A. Les libertés communales en Belgique*. Bruxelles, 1878. P. 137–139. Ниже приведены фрагменты из капитуляриев, по изданию: *Boretius A. Capitularia regum Francorum*. В. I. Hannoverae, 1883. В круглых скобках указана страница у Boretius'a.

9. Речь идет о трудах Smith T. и Gross Ch. См. примеч. 6.

10. Гинкмар (Hincmarus) (около 806–882), архиепископ Реймский (845), влиятельный церковный и политический деятель эпохи Каролингов.

11. Вильгельм Завоеватель, король Англии (1066–1087).

12. Здесь дана ссылка на издание: *Stubbs W. The constitutional history of England*. V. 1. Oxford, 1874.

13. ...закон Этельреда... – Речь идет об английском короле Этельреде II (979–1044).

14. См.: Законы Инэ. 20, 21. Имеется русский перевод: Хрестоматия по истории средних веков: В 3 т. / Под ред. С. Д. Сказкина. Т. I. М., 1961. С. 601.

15. См.: Законы Альфреда. 27, 27.1. Русский перевод: Хрестоматия по истории средних веков. С. 612.

16. Имеется в виду сочинение А. Тьерри «*Lettres sur l'histoire de France*» (Paris, 1827).

17. ...Гегель сходится с Gross'ом... – Речь идет о сочинении (*Hegel K. Städte und Gilden...* и *Gross Ch. Gilda Mercatoria...* См. выше, примеч. 1 и 6).

18. Здесь дана ссылка на труд Ф. Гизо «*Histoire de la civilisation en France*». Vol. 2, Paris, 1843.

19. Речь идет о сочинении: *Maurer G. L. V. Geschichte der Stadtverfassung in Deutschland*. В. I. Erlangen, 1869.

20. Указано сочинение: *Heusler M. Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung*. Weimar, 1872.

21. Имеется в виду издание: *Dietsch R. Lehrbuch der Geschichte. II. B. 4. Abtheilung, bear. v. Dr. H. Kohl...* 1884.

22. См.: *Тацит К. П.* О происхождении германцев и местоположении Германии // *Тацит К. П.* Сочинения: В 2 т. *Анналы. Малые произведения.* Т. I. СПб., 1993. С. 344 (Гл. 16).

23. *Тацит К. П.* Указ. соч. С. 338 (Гл. 3). Асцибургиум – предположительно город Асберг (Пурская область).

24. ...возникшие возле пфальцов города... – Имеется в виду королевская резиденция, дворец (от латинского слова «palatium» – дворец). Пфальцграф (comes palatii) – королевский слуга и, одновременно, один из первых должностных лиц государства в период Франкской империи.

25. Здесь указано сочинение: *Heusler M. Der Ursprung...* (см. выше, примеч. 1).

26. Здесь ссылка на издание: *Dietsch R. Lehrbuch...* (см. выше, примеч. 21).

27. Речь идет о разделе «Очерк феодальных отношений», который В. Г. Васильевский читал раньше, чем «Историю коммунального движения».

28. *Heusler M.* Op. cit.

29. Генрих IV, король Германии (1056–1106), император Священной Римской империи (1084).

30. Речь идет о так называемой «борьбе за инвеституру» в 1075–1085 гг. между королем германским Генрихом IV и римским папой Григорием VII.

31. Здесь упомянуто восстание горожан Вормса в 1073 году, во время которого они изгнали своего епископа и предложили Генриху IV военную и финансовую помощь.

...показали пример другим коммуна... – В поддержку Генриха IV, который боролся с германскими князьями, не раз выступали города Кельн, Майнц, Вюрцбург, Зальцбург.

32. Генрих V, германский король (1106–1125), император Священной Римской империи (1111). Во внутренней политике использовал поддержку городов, привлекая их на свою сторону путем раздачи привилегий.

33. Фридрих II Штауфен (1195–1250), король Германии (1212), император Священной Римской империи (1220).

34. ...когда епископы обратились к нему... Равеннский эдикт и Вормская конституция... – Речь идет о постановлениях, принятых на трех германских сеймах Франкфуртском (1220 год), Вормском (1231 год) и Равеннском (1232 год). Принятые решения позволяли Фридриху II рассчитывать на помощь и поддержку духовных и светских князей Германии, но были губительны для существования немецких городов. Во всей полноте постановления сеймов никогда не осуществлялись.

35. Вильгельм Голландский, германский король (1247–1256), после борьбы с Гогенштауфенами с 1254 года – единственный король Германии. Пытался усилить королевскую власть.

36. Рудольф I Габсбург (1273–1291), император.

37. Людовик (Людвиг) Баварский (1314–1347), из рода Виттельсбахов, король и император Германии. Карл IV Люксембург, император Германии (1346–1378).

38. Здесь речь идет о так называемых «союзах мира», или «мире». Вокруг отдельных поселений людей разного социального статуса, но прежде всего ремесленников и торговцев, со временем появляется укрепленная ограда, территория внутри которой получала особый статус (lex, keuche). Правила жизни, принятые жителями, должны были гарантировать местному населению порядок и спокойное существование. Возникла необходимость в специальном соглашении между жителями бурга и местным сеньором «союз мира». Церковь поддерживала заключение союзов мира, со временем появляется и так называемый «Божий мир».

39. Heusler M. Op. cit.

40. Указаны сочинения: *Below G.* Zur Entstehung der deutschen Stadtverfassung // *Historische Zeitschrift.* 1887. Bd. 58; *Sohm R.* Die Entstehung der deutschen Städtewesens. Leipzig, 1890.

41. Имеется в виду: *Nitzsch K. W.* Ministerialität und Bürgertum im XI und XII Jahrbuch. Leipzig, 1859.

42. Сочинение К. Гегеля указано в примеч. 1.

43. Речь идет о сочинении Р. Зома, указанном выше в примеч. 40.

44. Здесь ссылка на издание: *Eichhorn K. F.* Deutsche Staats und Rechtsgeschichte. Bd. 1–4. Göttingen, 1834.

История отдельных городов

1. Здесь В. Г. Васильевским вновь указаны пособия для студентов, которые он рекомендовал для изучения темы. Названы сочинения А. Giry, К. Hegel (см. выше, примеч. 1). В изложении материала В. Г. Васильевский опирался на труд французского историка А. Luchaire, указанный во вступительном слове.

2. Людовик VII Молодой, французский король, вначале соправитель отца (1130), затем самостоятельное правление (с 1137); умер в 1180 году.

3. Имеется в виду сочинение: *Warnkoenig et Gérard.* Histoire des Carolingiens. 1862.

4. Людовик VI Толстый, король Франции, соправитель отца (1101), позже самостоятельное правление (с 1108); умер в 1137 году.

5. Имеется в виду башня городского совета (beffroi). В Нуайоне жители получили право самоуправления через избираемых ими должностных лиц, но судебная власть оставалась у короля.

6. ...Отношение Гуго Капета... новые короли... – Гуго Капет, король Франции (987–996) и родоначальник новой династии – Капетингов.

7. Генрих I, король Франции (1031–1060); Филипп I, сын Генриха I, король Франции с 1059 года (соправитель отца), самостоятельное правление – 1060–1108 гг.

8. Здесь сделано примечание В. Г. Васильевского: «При изложении темы использована статья французского ученого Мориса Пру: *Prou M.* «Les coutumes de Lorris et leur propagation aux XII et XIII siècles» в «Nouvelle Revue historique de droit français et étranger» / Paris, 1884» (Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание. Т. III, отдел 4. 1894. С. 25).

9. Короли Франции: Филипп II Август (1180–1223); Карл VII (1422–1461); Людовик XIII (1610–1643).

10. Здесь В. Г. Васильевский использовал фрагмент из статьи М. Prou (см. выше, примеч. 8).

11. ...статья в Ассизах Иерусалимских... – Имеется в виду собрание законов феодального права, принятых в государствах крестоносцев и владениях венецианцев на Востоке (к. XI – XV в.)...

12. Сочинение М. Prou: см. выше, примеч. 8.

13. Здесь название города неразборчиво.

14. Юстиниан I, император Византии (527–565).

15. ...наших городах с магдебургским устройством... – В. Г. Васильевский имел в виду города западных областей Российской империи.

16. Здесь приведено название двух сочинений, которые использованы В. Г. Васильевским при изложении этого раздела: «*Guibertus de Novogento. De vita sua lib. III; Aug. Thierry. Lettres sur l'histoire de France. Lettr. XVII–XVIII.*» (Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание. Т. III, отдел 4. 1894, С. 47).

17. ...приспешник Генриха I, короля английского... – Генрих I, король Англии (1100–1135).

18. ...после завоевания Англии Вильгельмом... – Имеется в виду поход в Англию герцога Нормандии Вильгельма в 1066 году; правление Вильгельма как короля Англии – 1066–1087 гг.

19. ...три приема в год... – Здесь речь идет о феодальной повинности содержать своего сеньора – *droit de gîte*.

20. См.: *Тьерри А.* Указ. соч. Письмо 17.

21. Здесь указаны две работы, на которые опирается В. Г. Васильевский при освещении темы: «*Giry A. Histoire de la ville de Saint-Omer. Paris, 1877; Flammermont I. Histoire des institutions municipales de Senlis // Bibliothèque de la Société de l'École des Hautes. Etudes. Paris, 1881*» (Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание. Т. III, отдел 4. 1894. С. 84).

22. Людовик IV Заморский (Lois d'Outre Alori), король Франции с 936 года, умер в 954 году. До вступления в свои права находился в Англии у своего дяди, короля англосаксов Этельстана.

23. ...Анна – дочь Ярослава I... – Анна Ярославна, дочь Ярослава Мудрого, прибыла во Францию в 1044 году; жена короля Генриха I (1031–1060). В 1053 году родила сына Филиппа и в благодарность св. Вицентию, своему духовнику, построила в Санлисе церковь в его честь – *St. Vincent à Senlis*.

24. Здесь указано: «По этому вопросу есть работы Шмоллера об истории борьбы цехов» (Проф. В. Г. Васильевский. Лекции по средней истории. Новое издание. Т. III, отдел 4. 1894. С. 88). Имеется в виду сериальное издание, основанное немецким ученым Г. Шмоллером: «*Staats- und sozialwissenschaftliche Forschungen*», в котором с 1878 года появляются и работы по средневековой истории.

IV. ТРЕТИЙ ПЕРИОД РАЗВИТИЯ РЫЦАРСТВА

1. См. выше: «Франция при первых Капетингах».

2. ...принадлежащая к Королевскому циклу... – В истории литературы французские эпические поэмы условно делят на три цикла: Королевский (или Каролингский), в центре поэм образ Карла Великого, который символически выражает интересы Франции, ее единство; цикл Гарена де Монглана, прославляющий идеального вассала; цикл Доона де Майанса (или феодальный – *La geste féodale*), включающий повествования о феодальных усобицах.

3. ...наречия севера... и юга... – В Средние века во французском языке по-разному обозначалась утвердительная частица «да» («oui»); на севере страны – «ойль» («oil»), а на юге – «ок» («oc»). От этого произведено название языковой группы северной – *langue d'oïl* и южной – *langue d'oc*.

4. ...о короле Артуре и рыцарях Круглого стола... – Кельтский цикл – это кельтские народные сказания, сохранившиеся до нашего времени в ирландском эпосе. Многие из них связаны с образом «короля Артура», который представлен как князь племени бриттов, оборонявшихся в V–VI веках от завоевателей Британии англосаксов. Феодально-рыцарские черты образу Артура придал уроженец Уэльса Гальфрид Монмутский, автор латинской хроники «История королей Британии» (около 1157 года). Хроника Гальфрида имела огромный успех и переводилась на французский язык. Переводчики внесли в это произведение и дополни-

тельные детали, из которых наиболее знаменитая – круглый стол во дворце короля Артура. Собираясь вместе за этим столом, рыцари чувствовали себя равными друг другу, так как форма его не дает возможности выделить места более и менее почетные.

5. ...у Вильгельма IX Аквитанского... – Речь идет о знаменитом герцоге Аквитании Гильоме IX (умер в 1127 году), которого называли также первым Трубадуром Франции.

6. Сюжет о любви рыцаря Тристана и королевы Изольды с середины XII века отражался в провансальской литературе несколькими поэтическими версиями, которые, правда, не дошли до нашего времени. Позже, с середины XIII века, появляется и развивается прозаическая форма этой истории.

7. Chrétien de Troyes (XII век) – Кретьен де Труа, автор знаменитых куртуазных романов. Очевидно, был духовным лицом, пользовался покровительством знатных сеньоров, при дворах которых он жил.

8. Здесь В. Г. Васильевский приводит фрагмент из так называемых «Биографий трубадуров» (первая половина XIII века). См. рус. пер.: Гильом де Кабестань // Зарубежная литература средних веков. / Сост. Б. И. Пуришев. М., 1974. С. 177.

9. Там же: сюжет «Джауфре Рюдель». – С. 176 и С. 165. Джауфре Рюдель – трубадур (XII век) из рода графов Ангулемских.

V. ЕРЕТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ XII ВЕКА

Положение королевской власти во Франции (конец XII – начало XIII в.)

1. В начале изложения вопроса «Еретические движения XII века» перечислены пособия, которые профессор В. Г. Васильевский рекомендовал студентам для изучения темы: «*Hahn. Geschichte der Ketzler im Mittelalter.; Schmidt C. Histoire et doctrine de la secte des Chatares ou Albigeois. Vol. 1–2. in 8. Paris, 1848; Осокин Н. История альбигойцев и их времени: В 2 томах, Казань, 1869–1872. Первый том посвящен истории ереси и началу войны; второй том – основанию инквизиции и двух новых орденов: доминиканцев и францисканцев. Осокин сделал подробное обозрение учения еретиков; он проследил связь альбигойства с дуалистическими сектами Востока, например, богомилством. Шмидт же на это только слегка указывает. Сочинение Н. Осокина оценено во французской литературе и заслуживает внимания. Более подробный об этих еретических движениях рассказ находим в сочинении прошлого столетия – Histoire générale de Languedoc par Dom Claude de Vic et Dom Vaissete. 1730–1745. 5f. В настоящем столетии это классическое сочинение вновь издавалось с дополнениями и с редакцией провансальского ученого Дю Меже: «Histoire générale de Languedoc, avec des notes et les pieces justificatives: composée sur les auteurs et les titres originaux, en enrichie de divers monumens, par Dom Claude Vic et Dom Vaissete. 1730–1745»; commentée et continuée jusqu'en 1830, et augmentée d'un grand nombre de chartes et de documens inédits, par Al. du-Mege. Toulous Paya. 1840 etc. 10 v. in 4. Укажем еще на сочинения: Renan J. H. Les Albigeois. в «Revue des demi mondes» (1874, I Mai); Lombard. Pauliciens bulgares et bons-hommes en Orient et en Occident. Genève, 1879». В своей лекции В. Г. Васильевский использовал материалы Н. Осокина при освещении вопроса об альбигойцах.*

2. Примечание на полях: «В 1181 году впервые появляется знаменитый термин альбигойцы в хронике лемузенского аббата Готфрида; поход Генриха, легата папы «contra haereticos Albigenes» [Bouquet. Scriptores. XII, 448]».

3. ...Манихейцы... – То есть приверженцы дуалистического учения, появившегося в III веке; основоположником его считают некоего Мани (Манеса). В Италии секты известны в VI веке, на Балканском полуострове существовали в течение всего Средневековья. Ересь неоднократно осуждали на церковных соборах.

4. Михаил Пселл (1018 – после 1096) – византийский политический деятель, писатель, философ.

5. ...император Алексей Комнин... – византийский император Алексей I Комнин (1081–1118).

6. ...Анна Комнина рассказывает... – Анна Комнина, старшая дочь императора Византии Алексея I; автор сочинения «Алексиада», хронологические рамки которого 1069–1118 гг. Сюжет, упомянутый в лекции, см.: Анна Комнина. Алексиада / Пер. Я. Н. Любарского. М., 1965; ...рассказ одного монаха Евфимия... – Здесь на полях есть ссылка «Евфимий – Euthymius Zygabenus. Приведено у Schmidt'a, V, I, 13.» – Полное название труда Шмидта см. выше, примеч. 1.

7. ...для моравских или чешских братьев... – Речь идет о религиозной секте возникшей в Чехии в XV веке; основатель Петр Хельчицкий. Общины чешских братьев существовали и в других странах.

8. ...по известиям Адемара..., такие еретики существуют в Тулузе... – Здесь в квадратных скобках приведена цитата: «...apud Tolozani inventi sunt Manichei et ipsi destructi et per Diversos Occidentis partes nuntii Antichristi exiit».

9. ...Роберт Добрый... – король Франции Роберт II (996–1031).

10. Это событие было в начале 20-х годов XI века. Здесь В. Г. Васильевский использовал материалы хроники, опубликованной в издании: *Bouquet. Scriptores*. X, 38, 159, 498.

11. ...Томас Бекет... – Томас, Архиепископ Кентерберийский (с 1162 года), политический деятель при дворе английского короля Генриха II Плантагенета. Бекет (Becket) родился около 1119 года, убит в 1170 году.

12. Здесь сноска под строкой: «См. Акты собора у *Mansi. Consilia*, XXII, 157 Act. и *Heftle. Conciliengeschichte*. V, 570–572».

13. Здесь примечание на полях: «*Dobrowsky. Ueber die slavische Uebersetzung des Neuen Testaments*. P. 159, 161. – *Schmidt. Op. cit.* V, II, 274».

14. Под строкой примечание: «Известно, что апокрифическая литература шла с Востока. В своем сочинении «История литературного общения Востока и Запада» профессор Веселовский настаивает на том, что литература эта шла с Востока именно через посредство еретиков».

15. Под строкой запись: «Слова Петра де Валтсерне (Petri Vallium Cernaji)».

16. Под строкой запись: «Слова Монеты Кременского».

17. На полях примечание: «См. *Schmidt. V, II, 96*». Полное название труда Шмидта дано выше, примеч. 1.

18. Каликст II (Calixtus, Callistus), папа (1119–1124).

19. ...ср. Осокин и Н. Martin, III, 455... – Здесь В. Г. Васильевский указывает на тезисы Н. Осокина и Н. Martin'a. В труде Н. А. Осокина «История альбигойцев и их времени», том I, читаем: Петр де Брюи «отрицал необходимость плотского воздержания, признавал брак» (цит. по репринтному изданию: *Осокин Н. История альбигойцев и их времени*. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. С. 178). Сочинения Н. Martin'a в нашем распоряжении не было.

20. По этому вопросу у Н. Осокина читаем: «Ветхий Завет, равно как Деяния и Послания Павла, отрицали – либо потому, что считали излишними, либо подозревали его недостоверность» (см.: *Осокин Н. А. Указ. соч.* – С. 177).

21. Евгений III, папа (1145–1153).

...помощь Святого Бернара... – Bernard de Clairvaux (род. 1090 – ум. 1153), знаменитый деятель католической церкви, канонизирован в 1174 году. Бернар основал знаменитый монастырь Клерво, одним из монахов которого был Бернардо, избранный папой (Евгений III).

22. Другая оценка у Н. А. Осокина. См.: *Осокин Н.* Указ. соч. С. 181.

23. Луций III, папа (1181–1185). Собор в Вероне состоялся в 1184 году.

24. Иннокентий III, папа (1198–1216), инициатор крестового похода против альбигойцев. Четвертый Латеранский собор в 1215 году принял 70 канонов, в том числе осуждающие как еретические учения катаров и вальденсов.

25. Филипп II Август, король Франции (1180–1223) из династии Капетингов.

26. Людовик IX, король Франции (1226–1270) из династии Капетингов.

27. Выше В. Г. Васильевским кратко переданы сложные франко-английские отношения в конце XII – начале XIII в. Генрих II Плантагенет, король Англии (1154–1189); Иоанн Безземельный, его младший сын, английский король (1199–1216). Артур Бретанский приходился Иоанну племянником по линии своего отца Жоффрау Плантагенета; он воспитывался при дворе французского короля Филиппа II Августа и вступил в брак с Марией Французской, его дочерью. Используя благоприятные обстоятельства, Филипп потребовал от Артура ленной присяги и получил ее, в связи с чем некоторые земли Плантагенетов во Франции (так называемые французские феодалы – Мэн, Пуату, Нормандия и Турень) отныне считали своим сюзереном короля Франции. Артура поддержала часть его вассалов, английские феодалы приняли сторону Иоанна. Артур был захвачен англичанами и в 1203 году убит.

28. Оттон IV, король Германии с 1198 года, император Священной Римской империи с 1209 года.

29. ...Петр де Кастельно и другой цистерцианский монах... – Речь идет о Петре де Кастельно, папском легате, прибывшем в Лангедок в 1203 году; несколько позже туда же прибыл аббат Arnaud Amori.

...Святой Доминик... – Доминик (Dominicus) (1170–1221), проповедник и обличитель альбигойской ереси; основал первые монашеские общины с особым уставом, из которых впоследствии вырос орден доминиканцев.

30. ...граф Симон Монфор... – граф Симон де Монфор (1150–1218), выступил в 1209 году как военный предводитель в крестовом походе против альбигойцев; погиб при осаде крестоносцами Тулузы.

...на место Раймунда VI, предводителя еретиков... – Графство Тулузское перешло к Раймунду VI в 1194 году. Публично он отрицал свою причастность и какие-либо отношения с альбигойцами.

31. При Людовике VIII (1223–1226) было предпринято два похода: в 1224 и 1226 гг.

32. Здесь речь идет о двух основных языковых группах во Франции: северная языковая группа «ойль» (langue d'oil) и южная «ок» (langue d'oc). Название связано с обозначением утвердительной частицы «да», которая на севере Франции произносилась как «oil», а на юге как «oc». На языке «ок» была создана замечательная провансальская литература.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Аалэ (Aalais) 496
Аарон, св. 168
Аббон (Abbon) из Сен-Жермен-де-Пре 470, 471
Абогард Лионский 158
Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан Август) 62, 66, 91, 96, 362, 381
Августин (Aurelius Augustinus) 122, 123, 146, 165, 187–189, 286, 324, 354, 361, 362, 368, 599
Августин Тьерри (Thierry A.) 227, 228, 275, 451, 452, 455, 467, 472, 480, 483, 488–490, 533, 538, 559, 583, 584, 589
Августин, архиеп. Доруверна 304–306
Августул – см. Ромул Август
Авдиан, проп. 134
Авдовера 273–275
Авидий Кассий 84
Авит (Alcimus Ecditius Avitus) еп. Вьеннский 161, 197, 233, 243–245, 248
Авит, имп. 157, 194
Авксентий (Auxentius), еп. Доростольский 134
Аврелиан, римлянин 242
Аврелиан Люций Домиций 57, 72, 78, 87, 225
Агафий Миринейский 72
Агилульф Лангобардский 210, 301–303
Агнесса 297
Адальберон, архиеп. Реймса 479, 486–490
Адальберт, еретик 333
Адальгард Корбийский 391
Адам, библ. 602
Адельперга 371
Адриан (Публий Элий Адриан), имп. 79, 106, 107, 300
Адемар из Шабанн 598
Адриан I, папа 349, 350, 355, 356
Азиний Квадрат (Asinius Quadratus) 72
Айдан (Аидан), еп. 309
Айстульф 343–347
Алавив 136
Алан 605
Аларих I (Аларих Балт) 129, 140, 142–145, 150, 157, 186, 353
Аларих II Вестготский 148, 238, 248, 249
Албан, св. 167
Александр Македонский 318
Алексей I Комнин 596
Ален (Alain) Великий, герцог Бретани 493, 494
Ален (Alain) Крученая Борода 494
Алиенора Аквитанская 499, 594, 609
Алкуин (Флакк Альбин Алкуин) 355–358, 361–363, 365–371, 374–376, 378–380
Альбин – см. Клодий Альбин Децим
Альбин, кор. лангобардов 204, 205, 209
Альбофледа 245
Альперик 156
Альфонс II Арагонский 594
Альфонс де Пуатье 611
Альфонс, граф тулузский 607
Альфред Великий 302, 473, 536
Амалазунта 203
Амаларих 249
Амалы 34, 202, 203
Амвросий Аврелиан 172
Амвросий Медиоланский 124, 367, 368
Аммиан Марцеллин (Ammianus Marcellinus) 26, 44, 49, 73, 112, 116, 120, 122, 125, 135–137, 169, 178, 179
Аммон 127
Аморих (Амори де Монфор) 611
Анания, библ. 331
Анастасий, имп. 199, 227, 250
Анастасий, историк 372
Ангильберт 355, 362, 375, 463
Ангильрам 372
Анна 480
Анна Комнина 596
Анна Ярославна 585, 588
Ансегиз, аббат Фонтенельский 394
Ансельм 578, 580
Антоний Великий, св. 126, 127
Анфимий (Анфемий), имп. 194
Аполлинарий Сидоний – см. Сидоний Аполлинарий
Арбогаст 74

- Ариальд (Аривальд) 210
 Арий 125, 355
 Ариовист 47, 224
 Арихис, брат П. Диакона 372
 Арихис, герцог Беневента 208, 371
 Аркадий (Флавий Аркадий), имп. 97, 129, 130, 139, 140, 142, 147
 Аркадий 269
 Арно, еп. Зальцбургский 371, 382
 Арнольд (Arnold W.) 230, 231, 334, 440, 540, 547
 Арнульф Великий Фландрский 495, 496
 Арнульф Германский 472, 497
 Арнульф, еп. Меца 312, 313, 316
 Арнульф, еп. Орлеана 486
 Арнульфинги (Пипиниды) 312, 316
 Артур, легенд. 173, 591, 593
 Артур Бретанский 610
 Аскольд, русс. князь 467
 Аталарих 203
 Аталъберга 371, 372
 Атанагильд 272, 273
 Атанарих 135
 Атаульф 142, 144, 146, 147, 151, 152
 Аттал 145, 146
 Аттила 148, 155, 177, 179, 180, 181, 190, 199, 299, 372, 379
 Ауктор, еп. 372
 Аутари 205–207, 209, 210, 302, 303
 Афанасий (Athanasius) Александрийский 117, 124
 Афраний Бурр 88
 Афраний Феликс 108
 Аэций 155, 156, 170, 180, 181
- Базина**, кор. 236
 Базина, монахиня 297, 298
 Балдуин (Бодуан) I Железная Рука 494
 Балдуин (Бодуан) II Фландрский 495
 Баугульф 363, 380
 Баумштарк А. (Baumstark A.) 24
 Бахманн Г.Л. (Bachmann G. L.) 71, 72
 Баярд (Пьер-дю-Тераиль Bayard) 523
 Бегга 312
 Беда Достопочтенный 166–170, 172, 176, 303–310, 329, 347, 365, 368, 373
 Белов Г. (Below G.) 547–549, 550
 Бенедикт Нурсийский 292–296, 300, 336, 347, 372, 374, 453, 468, 563, 564, 569
- Бенедикт, дьякон 394
 Бератгита (Berahgtit) 334
 Бернар Дебрюйер 580
 Бернар, инквизитор 601
 Бернар, кор. Италии 376, 457, 458
 Бернар Святой 607
 Бернар Барселонский (Септиманский) 458, 459
 Бернард, граф 585
 Бернье 495, 496
 Берта (Бертрада) 348
 Берта (Бертрада) Английская 302–304
 Берта, дочь Карла Великого 375, 463
 Бизин 236
 Бланка Кастильская 611
 Бодогаст 254
 Бозо (Бозон) граф Вьеннский, кор. Прованса 470, 498, 500
 Бозон, аббат 569
 Бомануар (Beaumanoir Ph. de) 507–509
 Бонифаций (Bonifacius) 60, 321, 323, 324, 326–338, 343–345, 347, 348, 361, 380, 453
 Бонифаций Монферратский 595
 Боретиус А. (Boretius A.) 385, 388, 389, 395
 Ботерих 139
 Боэций 200, 202, 367
 Бродульф 313
 Брун Ф. К. 77
 Брунгильда (Брунегильда) Франкская 59, 232, 272, 274, 275, 278–281, 290, 302–304, 311, 313, 431
 Бруннер Г. (Brunner G) 395
 Бруно, архиеп. Кельна 497
 Бубнов Н. М. 481, 487, 488, 490
 Буленвилль Г. (Boulanvilliers H.) 226–228
 Бургундофара, св. 291
 Буркгард, еп. 343
- Вазон**, еп. Льежа 599
 Вайтц Г. (Waitz G.) 22, 23, 33, 36, 39–42, 46, 52, 134, 230, 255, 256, 321–325, 327, 382, 384, 388, 391, 39, 433, 435, 438, 440, 445, 446
 Вайфар Аквитанский 347
 Вала, аббат Корби 457, 459, 460
 Валент (Флавий Валент) 103, 123, 135, 137, 138, 155

- Валентиниан I 49, 73, 103, 122, 123, 128, 150, 155, 169
 Валентиниан II 74, 139
 Валентиниан III 157
 Валлия (Валия) 147, 151, 189
 Валлон (Wallon) 107
 Вальфрид (Валафрид Страбон) 380
 Вандалон 278
 Вандрилл (Wandrille), св. 335
 Варрон (Теренций Варрон Марк) 97, 363
 Варнефрид 371
 Василий Великий 124, 127, 286
 Василий II, виз. имп. 480
 Василий, богомил 596
 Ваттенбах В. (Wattenbach W.) 382
 Ведаст, св. 233
 Велизарий 162, 164, 166, 203, 204, 267
 Венанций Фортунат 272, 297, 360, 362, 368, 374, 375, 377
 Вергилий Марон Публий 157, 188, 362, 365, 368, 371, 375, 376
 Вернер К. Ф. (Werner K. F.) 329, 332
 Веселиил – см. Эйнггард
 Веспасиан (Тит Флавий Веспасиан) 98
 Вибод (Vibodus) 378
 Видогаст 254
 Виетерсгейм Е. (Wietersheim E.) 66, 68, 76, 77
 Видукинд 351
 Визогаст 254
 Виктор Витенский 163, 165, 193
 Виктор, св. 287
 Виллибальд (Willibald) 338
 Виллиброрд (Willibrord) 329-331, 338, 365
 Вильгельм IX (Гийом) Аквитанский 592
 Вильгельм Благочестивый, герцог Аквитании 499
 Вильгельм Бретонский (Бретонец) 610
 Вильгельм Голландский 545
 Вильгельм Длинный Меч 492, 493, 495
 Вильгельм Завоеватель 535, 575
 Вильгельм Оранжевый 500
 Вильгельм Пеньковая Голова, граф Пуатье 499
 Вильгельм Туринский 519
 Вильгельм Жюмьежский (Guillaume de Jumezis) 491, 492
 Вильфрид (Вилфрид) 310
 Виноградов П.Г. 95, 104, 202, 206, 208, 231, 433
 Винцент (Винцентий), св. 579, 580, 582, 585, 588
 Винфрид – см. Бонифаций
 Виргилий, еп. 328, 330, 335, 337
 Виталиан, папа
 Витигес 268
 Витрувий 381
 Владимир Святославич, русс. князь 46, 480
 Водан – см. Один
 Вормеир (Guortemir) 173
 Вортигерн (Worthigernus, Gorthigernus) 170–173
 Вульфила – см. Ульфила
Г
 Гален 139
 Галерий Валерий Максимиан 87
 Галесвинта (Гайлесвинда) 273, 274
 Галл (Gallus, Gallunus), св. 289, 291, 327, 328
 Ганзегизел (Ансегизил) 312, 316
 Ганнибал 143
 Гарольд (Харальд) Синезубый 492
 Гарун-аль-Рашид (Харун-ар-Рашид) 349, 422
 Гаске А. (Gasquet A.) 506, 507
 Гастинг, вождь норманнов 468, 474
 Гаузлиг (Гозлен), еп. Парижа 471
 Гаупп Е. (Gaupp E. Th.) 149, 150
 Гвидо Бутелье 585–587
 Гегель К. (Hegel K.) 97, 206, 208, 538, 548
 Гезалих 249
 Гейзерих 162–165, 181
 Гейстербергк (Heisterbergk) 104–107, 109
 Гелимер 166
 Гельгод (Гельго) 518
 Генгист (Hengist) 170, 172, 173, 176
 Геннадий, св. 233
 Генрих I Боклерк 575, 609
 Генрих I Капетинг 514, 518, 519, 528, 558, 575, 585
 Генрих II Плантагенет 499, 594, 609, 610
 Генрих II, имп. 517
 Генрих IV, германский 543, 544, 546

- Генрих V, германский 544, 609
 Генрих Саксонский 478
 Генрих, архиеп. 585
 Генрих, маркграф 472
 Генрих, еретик 598, 607, 608
 Георгий, св. 530
 Георгий Александрийский, еп. 119
 Герар Б. (Guygard B.) 282, 284, 505–507, 554, 571
 Герберт I Вермандуа 495, 496, 502
 Герберт из Орияка 478, 486, 487, 503, 598
 Гериберт, еретик 598, 599
 Герман, еп. Оксерра 168, 170, 173
 Герман, св. 470
 Германарих Остготский (Эрманарих) 133, 135
 Германдар 313
 Германфрид 267
 Геродот 116
 Герри де Сор 496
 Гесиод 116
 Гиберт Новигентский (Guibert de Nogent) 521, 522, 579, 580, 598, 599
 Гиббон Э. (Gibbon E.) 93
 Гидон, аббат 335
 Гизебрехт В. (Giesebrecht W.) 232, 455
 Гизела (Lucia) 362, 368, 378
 Гизела, дочь К. Простого 475
 Гизельберт, герцог Лотарингии 497, 498
 Гизия 182
 Гизо Ф. (Guizot F.) 44, 67, 186, 229, 232, 257, 258, 283, 292, 294, 370, 393, 394, 421, 451, 452, 525, 528–530, 533, 538, 566, 584, 589, 590
 Гиларий (Hilarius) Арелатский 160
 Гильдас (Gildas), Гильда 160–162, 169, 170, 17
 Гильбранд (Hildegard) 342
 Гинкмар (Hincmarus) 233, 391–393, 535
 Гогенштауфены 455
 Годегизел (Годегизил) 158, 247, 2482
 Годескалк (Godescalc) 342
 Годомар II 268
 Годри (Гадри), еп. Лана 575–577, 580, 583
 Гозий Кордубский, еп. – см. Осия
 Гомер 112, 116, 117
 Гомоструда 313
 Гонорат 287
 Гонорат, еп. Миланский 205
 Гонорий (Флавий Гонорий), имп. 74, 97, 130, 139, 140, 142, 143, 145–147, 155, 189, 192
 Гораций Флакк – см. Алкуин
 Гораций Флакк Квинт 20, 21
 Горза (Hogs) 170, 172, 173
 Горих 474
 Готфрид (Жоффруа) Плантагенет 609
 Готфрид Бульонский 514, 524, 530, 532
 Готфрид Монмутский (Гальфрид Монмутский) 173
 Готье, лит. 496
 Готье Л. 524, 525, 527, 528, 530
 Готье, дьякон 579
 Грановский Т. Н. 23, 29, 38, 202, 206, 231, 253
 Грациан, имп. 123–126, 137, 139, 143
 Григорий I (Григорий Великий) 279, 298, 300–305, 372, 373
 Григорий II, папа 331, 332, 334, 335, 338–340
 Григорий III, папа 335, 336, 338, 340, 341, 343
 Григорий IV, папа 460, 461
 Григорий VII, папа 303
 Григорий Назианзин (Богослов) 111, 119, 122, 124
 Григорий Турский 22, 61, 195, 227, 231, 232, 236, 237, 240, 242, 243, 247, 248, 250–253, 268, 269, 272, 273, 281–283, 297, 298, 372, 373
 Григорий Утрехтский 330
 Григорий, еп. Неокесарийский (Чудотворец) 77, 78
 Григорий, правитель Беневента 342
 Гримм Я. (Grimm J.) 256
 Гримоальд, младший (Гримоальд II) 316
 Гримуальд I (Гримоальд) 316
 Гугон, граф Тура 458
 Гугон (Hugou Abbas) 469, 470
 Гуго Великий, герцог франков 476–478, 490, 500
 Гуго Капет 451, 468, 472, 476, 478–481, 484–490, 493, 514, 518, 557, 563
 Гуго, архиеп. 511
 Гуго из Пуатье 509
 Гумберт 107
 Гундиох 156, 158
 Гундихар 156

- Гундобад – см. Гундобальд
 Гундобальд (Гундебальд) 158, 161, 200, 242, 247–249
 Гундовальд 276–278
 Гундрада (Eulalia) 362
 Гунерих (Hunericus) 165, 166
 Гунольд Аквитанский 336
 Гунтар 269
 Гунтрамн (Гонтран) кор. 272, 274, 275, 277–279, 298
 Гунтрамн Бозон 276, 277
- Давид** – см. Карл Великий
 Дагоберт I 312–316, 328
 Дан Ф. (Dahn F. v.) 66, 6870, 150, 165, 199, 231, 331
 Даниил 354
 Дашкевич В. 524
 Дезидерий, герцог 276, 277
 Дезидерий, еп. Вьеннский 302
 Дезидерий, кор. 348, 349, 371
 Делиль Л. (Delisle L.) 510, 511
 Деллингер И. И. (Dxllinger J. J.) 344
 Демосфен 116
 Диана, миф. 306
 Диогнет 84
 Диоклетиан (Гай Валерий Аврелий Диоклетиан) 78, 79, 87–91, 94, 95, 102, 110, 111, 118, 126, 167, 225, 285, 428, 529
 Дион Кассий – см. Кассий Дион
 Дионисий, св. 314, 344, 468, 564, 569
 Дир, русс. князь 467
 Дитрих Веронский 199
 Доменикино, Domenichino (Domenico Zampieri) 295
 Доминик Святой 611
 Донат, ритор и грамматик 302, 367, 376
 Друз (Клавдий Нерон Друз) 62
 Дудон Сен-Кантенский 474, 475, 491, 493
 Дюбо Ж. (Dubos J.) 226–229, 237, 239, 250
 Дюбуа-Раймонд Э. 128
 Дюгесклен (Дю Геклен Б.) 523
 Дю-Канж (Du Fresne Du Cange) 529
 Дюммлер Е. (Dümmmler E.) 454, 455
 Дюнгельманн К. 382
- Евгений**, имп. 139
 Евгений Карфагенский, еп. 165
 Евгений III, папа 607
 Евгиппий 181, 182, 233
 Еврард 599, 605
 Евфимий, богомил 596
 Елизавета Вермандуа 594
 Евнапий (Eunapius Sard.) 136
 Евпиций 246
 Еврих (Euricus) 148, 149, 152, 155, 194–196
 Евсевий (Eusebius) Неокесарийский 111
 Евсевий, философ 194
 Евстатий 246
 Евтропий 372
 Евхерий 321
 Егинон 313
 Елена 168
 Еммерам (Эммерам) св. 328
 Ешевский С. В. 186, 231, 519
- Женестьева** (св. Геновефа) 233, 237, 240, 467
 Жеральд, еп. Альби 600
 Жерар, лит. 593
 Жоффруа Рудель (Рюдель) 595
- Забелин** И. Е. 78, 177–179
 Зайтерс (Seiters K.) 328, 329
 Захарий, папа 324–326, 343, 344
 Зенон 184–186, 198
 Зибель Г. (Sybel H. v.) 23, 29, 104; 230, 237–239, 255, 349, 382, 383, 455, 456
 Зигфрид, норманн 470
 Зигфрид, вождь норманнов 495
 Зиккель Т. (Sickel T.) 23, 33, 395
 Зом Р. (Sohm R.) 230, 384, 386, 388, 395, 396, 526, 547, 548, 550–552
 Зосим (Zosimus) 77, 78, 111, 143–146, 168, 178
- Ида** 175
 Иероним (Hieronimus), св. 122, 123, 126, 188, 286, 295, 302, 601
 Изольда, лит. 593
 Иисус Христос 85, 86, 118, 120, 122, 188, 195, 302, 304, 306, 307, 318, 346, 356, 357, 359, 363, 503, 593, 597, 598, 601–603, 605–608
 Иларий, св. 248, 296
 Илларион Великий, св. 127
 Иловайский Д. И. 178, 179

- Имма 375, 380
 Инама-Шгернег К. Т. 426, 431
 Иннокентий III, папа 608, 611
 Иннокентий, еп. 295
 Инэ, кор. 536
 Иоанн VIII, папа 469
 Иоанн Безземельный 504, 610
 Иоанн Златоуст 124, 129, 139, 168
 Иоанн Креститель 303, 374, 602
 Иоанн Постник 301
 Иоанн, апост. 368, 604, 605
 Иоанн, еп. 304
 Иоанн Готский 77
 Иоанна, графиня тулузская 611
 Иовиан (Флавий Иовиан), имп. 121, 122
 Иовий 145
 Иовин, узурпатор 75
 Иорнад (Иордан) 69, 76, 77, 133, 181, 202, 203, 373
 Иосиф Аримафейский 166, 288
 Ираклий, имп. 314, 318
 Ирина, имп. 355, 358, 359, 422
 Иринеи Лионский, св. 167
 Ирминон, аббат Сен-Дени 505
 Ирод, библ. 118
 Исая, библ. 601
 Исидор Севильский 367, 373, 376
 Иуда, библ. 607
- Кабестан (Cabestaing) Гийом де 594**
 Каликст II, папа 606
 Канут Датский 473, 517
 Капетинги 228, 419, 448, 451, 467, 468, 472, 473, 475, 476, 480–483, 486, 487, 491, 493, 506, 514, 518, 553, 554, 557, 558, 560–562, 585
 Каракалла (Марк Аврелий Север Антонин) 71
 Карл, сын Карла Лотарингского 481
 Карл, лит. 593
 Карл IV Люксембург 545
 Карл VII 563
 Карл Великий 197, 211, 230, 231, 334, 344, 346, 348–367, 369–372, 374–376, 378–394, 396, 419, 421–423, 431, 434, 438, 439, 443–446, 450–457, 463, 465, 466, 468, 470, 482–485, 506, 526, 534, 609
 Карл Датский 509
 Карл Лысый 448, 451, 458–465, 467–469, 472, 475, 476, 483, 494, 495, 497, 500, 506, 519, 520, 526
 Карл Мартелл 316, 317, 320, 321–325, 327, 334, 335, 341–343, 347, 387, 434, 436, 439, 441, 447, 453, 467, 526
 Карл Простой (Простоватый) 451, 470, 472, 473, 475–477, 482–484, 491, 493, 495–497, 498, 499
 Карл Смелый 458, 465
 Карл Толстый 451, 470–473
 Карл Лотарингский 479, 481, 486, 487, 489, 490
 Карломан, сын К. Мартелла 321–323, 325, 326, 333, 336, 337, 343
 Карломан, сын Пипина III 344, 346, 348, 349
 Карломан, сын Людовика Косноязычного 391, 470, 472
 Каролинги 231, 252, 312, 316, 317, 365, 391, 394, 423, 425, 426, 434–438, 447, 457, 467, 469, 470, 472, 476–492, 494, 497, 498, 500, 501, 506, 519, 520, 534, 539, 542
 Кассиан 287
 Кассий Дион 57
 Кассиодор (Cassiodorus) 156, 200, 202, 203, 233, 295, 296, 300, 373
 Кастор 28
 Катон (Порций Катон Марк Старший) 97
 Кауфман Г. Г. (Kaufmann G. G.) 23, 230, 266, 322, 351, 388
 Кембль Д. М. (Kemble J. M.) 159, 168, 169
 Кердик, кор. 175
 Кибела, миф. 119
 Килиан (Kilian, Killena) 328
 Киприан 233
 Клавдий II Готский (Claudius Gothiens) 87, 129
 Клавдий Клавдиан (Claudius Claudianus) 169
 Клемент, грамматик 378
 Клемент (Clement), еретик 333
 Клеф (Clept) 205, 206, 209
 Климент Александрийский 84
 Климент Великий Римский (Clemens Romanus) 85
 Климент, св. 372

- Климент, еретик 599
 Клодий Альбин Децим 84
 Клотар II – см. Хлотар II
 Клотильда (Хродехильда) 241–243, 247–249
 Кoadвалла 309
 Колумбан (Младший, Columbanus) 289–291, 295, 296, 298, 327, 328, 374
 Колумбан (Старший, Columba) 289
 Колумелла 97
 Кольман (Colman) 309
 Коммод 65, 106–108
 Конрад I, герцог Франконии, кор. 472, 476, 497, 500
 Конрад II, кор. и имп. 500
 Константин I Великий (Флавий Валерий Константин) 74, 78, 79, 87, 89–91, 93–95, 102, 103, 110–112, 116, 123, 125, 128, 133, 144, 168, 187, 192, 225, 235, 243, 344, 346, 421, 422, 506, 608
 Константин VI 355, 358
 Константин VII Багрянородный 76, 176, 362
 Константин VIII 480
 Констанций II 72, 111–113, 116, 119, 121, 123, 135
 Констанций Хлор 74, 87, 129, 131, 132, 235
 Констанция 518, 598
 Кудрявцев П. Н. 202, 206, 231
- Лавалэ Э.** 42
 Лаврентий Валла (Лоренцо Валла) 344
 Лаврентий, еп. 307
 Лактанций (Lactantius) 89, 330
 Лаппенберг И. М. (Lappenberg J. M.) 167, 169
 Лаферьер (Laferriere) 96, 107
 Лебель И. В. (Loebell J.-W.) 281–284
 Лев I, папа 162, 181, 299
 Лев III Исавр 317, 320, 321, 339, 340, 355, 467
 Лев III, папа 356–359, 370, 374, 376, 456
 Левдовера (Левбовера, Леобовера) 297
 Лейдрад, еп. Лиона 377
 Леовигильд 148
 Леодегар (Леодегарий, Лерег), еп. 316
 Леотард (Leotard) 123
 Лессинг Т. 523
- Лета (Laeta) 143
 Либаний (Libanius) 113, 192
 Лизой, еретик 598, 599
 Лиоба (Lioba, Liobgytha) 334
 Литтре Э. (Litré E.) 282, 284
 Лиудгарт, еп. 304
 Лиутгарда 375, 378
 Лиутпранд Лангобардский 339–343, 373, 526
 Лондольф Согокс 372
 Лотарь, сын К. Великого 380
 Лотарь I, имп. 457–465, 469, 496
 Лотарь II 465, 497
 Лотарь III, кор. 478–480, 482, 484–487
 Лука, апост. 91, 113, 116
 Луп, герцог 275
 Лупицин, комит 136
 Луций III, папа 608
 Людовик (Людвиг) Виттельсбах 545
 Людовик III, кор. Зап. Франкии 469, 470
 Людовик IV Заморский 477, 478, 482, 484, 485, 487, 492, 495–499, 585
 Людовик V Ленивый 478, 479, 484, 486
 Людовик VI 514, 554, 556–558, 561–563, 567, 569, 570, 576, 577, 581, 583, 585
 Людовик VII 499, 553–556, 558–565, 585
 Людовик VIII 611
 Людовик IX Святой 486, 507, 511, 609, 611
 Людовик X 510
 Людовик XIII 563
 Людовик XIV 226, 559
 Людовик Благочестивый 360, 363, 376, 380, 384, 388, 390, 394, 395, 451, 456–462, 505, 526, 534
 Людовик Дитя 476, 497
 Людовик Косноязычный 391, 469, 470, 472, 475, 495
 Людовик Немецкий 457, 459, 460, 462–465, 468, 469, 470, 472, 476, 497
 Людовик Слепой 500
 Людовик, сын Карла Лотарингского 481
 Люций (Lucius) 166
 Люшер А. (Luchaire Ach.) 468, 481, 502, 553
- Мавр, св.** 295
 Маврикий 178, 205, 301

- Маглорий, св. 493
 Магненций 72
 Майориан 194
 Макарий Александрийский 127
 Макко, граф 298
 Максим (Магн Клемент Максим) 139
 Максим (Петроний Максим) 157
 Максим 136
 Максим Эфесский, неоплатоник 113, 114, 122
 Максимиан 87, 118, 124, 131
 Максимин, св. 240
 Малх (Malchus) 184, 185
 Манес (Мани) 596
 Манн (Манны), миф. 26
 Манул I Комнин, виз. имп. 592
 Марий Гай 25
 Марис Халкедонский 119
 Мария Магдалина, библ. 602
 Марк, апост. 597
 Марк, лит. 593
 Марк Аврелий Антонин 57, 62, 64, 65, 67, 82–84, 101, 106, 109, 168
 Марк Аретузский, еп. 119
 Марс, миф. 59, 302
 Мартен А. (Martin H.) 229, 606
 Мартенс Б. (Martens V.) 349
 Мартин I, папа 339
 Мартин Турский, св. 245, 250, 286, 287, 296, 361, 370, 374, 468
 Марцеллин, св. 380, 383
 Марциан 101
 Матильда 609
 Матфей, апост. 113, 116
 Матфрид, граф орлеанский 458
 Маурер Г. Л. (Maurer G. L.) 36, 42, 426, 538–540, 548, 549
 Медард (Медар), св. 296, 462
 Меллит, архиеп. 304, 306, 307
 Меркурий, миф. 59
 Мерлин, легенд. 173
 Меребауд 151
 Мерovej 236
 Меровинги 231, 241, 252, 276, 281, 282, 284, 285, 287, 296, 311, 312, 316, 335, 343–345, 362, 385, 387, 389, 423, 425, 426, 431, 433, 435, 436, 440, 442, 446, 447, 484, 486, 519, 542, 571
 Мерових (Меровех) 236, 274
 Митра, миф. 63, 111
 Михаил I Рангаве, виз. имп. 360
 Михаил Пселл 596, 599
 Михаил, библ. 602
 Мишле Ж. (Michelet J.) 515, 518
 Моисей, библ. 135
 Моммзен Т. (Mommsen Th.) 98, 106, 107, 109, 110
 Монета Кремонский 601, 602, 605
 Монтескье Ш. (Montesquieu Ch.) 227, 229, 237
 Морис, св. 500
 Муммол Бургундский 276–278
 Мундо (Mundo) 199
 Мюлленгоф К. (Mullenhoff K.) 24, 73
Навилль А. (Naville A.) 114
 Навуходоносор, библ. 118, 119
 Наполеон Бонапарт 228, 239
 Нарзес 203, 204, 267
 Нелидов Н. 37
 Нельи 592
 Ненний 172, 173
 Непот – см. Юлий Непот
 Нерон 88
 Нерта, миф. 27
 Нигер – см. Песценний Нигер
 Никита, богомил 601
 Никитский А. И. 24
 Никифор, виз. имп. 359, 360, 422
 Нитгард (Нитхард) 375, 455, 463, 464
 Нитч К. (Nitzsch K. W.) 452, 453, 546, 547, 548
 Ной, библ. 370
Овидий Назон Публий 20, 291, 362, 371, 376
 Ога, библ. 120
 Отгер 518
 Одилон Баварский 334–337
 Один (Водан), миф. 59, 60, 332, 466
 Одоакр 150, 183–186, 197, 198, 239
 Одон, граф Парижский (Eudo, Эд I) 468, 469, 471–473, 475, 477, 482–484, 487, 489, 490, 495, 499
 Одон, граф Тулузы 499
 Одон (Эд II) граф Блуа, Тура и Шартра 520
 Ойдо (Одо, Eudo) Аквитанский 317
 Олаф 46
 Олимпий 142, 144

- Орест 183, 184
Ориген 84
Орозий 140, 146, 147, 155, 156, 165, 188, 189
Орфей, миф. 200
Освальд 309
Освиу (Осви) 309, 310
Осия (Hosius или Ossius) 124
Осокин Н. А. 606
Отгер, архиеп. Майнца 394
Отлон, монах 338
Оттон I 422, 455, 478, 480, 488, 497, 498, 542, 547
Оттон II 478–480, 488, 542
Оттон III 479, 515, 542
Оттон IV 610
Оттон Фрейзингенский 383
Оттон, герцог Бургундии 478
Оттоны 360
Оффа 175
- Павел** Диакон (Paulus Diaconus) 155, 205–207, 303, 361–363, 371–374
Павел, апост. 85, 125, 187, 245, 306, 307, 340, 461, 600, 602
Павел, монах 506
Павел, рим. полководец 238
Павел, экзарх 339
Павлин Аквилейский (Paulinus) 379
Пальман Р. (Pallman R.) 66
Патрик (Patricus), св. 289
Паулин Пелльский 151, 154
Паулин, еп. 308, 309
Пахомий Великий 127, 286
Пелагий II, папа 300
Пелагий, основатель ереси 168
Пенда, кор. 309
Перпетуй, еп. 195
Песценний Нигер Гай 84
Петр, апост. 85, 187, 245, 299, 307, 310, 329, 331, 340–342, 345–347, 349, 356, 357, 359, 372, 461, 467, 469, 536
Петр Вальда (Valdus, Valdesius) 597, 598, 608
Петр де Брюи 598, 606–608
Петр де Кастельно 611
Петр, еп. 393
Петр, инквизитор 601
Петр Достопочтенный, аббат 606
Петр Пизанский 361, 362, 372, 375
Пипин Аквитанский 457, 459, 460, 462
- Пипин (Карломан) 353, 360, 367, 375, 379
Пипин I Старший (Ланденский) 312, 313, 316
Пипин II (Геристальский) 316, 327, 391
Пипин III Короткий 321–323, 325–327, 337, 341, 343–350, 354, 387, 434, 439, 453, 526
Платнер С. (Platner C.) 66, 68, 71
Платон 114, 365
Плацидия (Placidia) 143, 147
Плектруда 316
Плиний Старший 98, 99, 427
Плиний Младший 97–99, 195
Помпей, грамматик 376
Попов А. 355
Приск, неоплатоник 122
Приск Панийский 178, 180, 190
Проб Марк Аврелий 72, 87, 168
Прокопий Кесарийский 56, 67, 164, 240, 241, 248, 249
Проспер Аквитанский 155, 156
Протадей 280
Пруденций 368, 376, 377
Пэльгрев Ф (Palgrav F.) 169, 176
- Рагнальд** 474
Рагнахар (Рахнагар) 240, 252, 253
Радагайс 47, 140, 141, 144
Радегунда (Радегонда) 267, 287, 296, 297
Радульф Лысый (Radulphus Glaber) 515, 598
Раймунд VI, граф тулузский 611
Раймунд VII, граф тулузский 611
Райнер Саккони 601, 605
Ранке Л. Ф. (Ranke L. v.) 138, 139, 142, 230, 319, 381–383
Ратлейк 380
Ратхис (Рахис, Ратихис) 209, 343, 371
Рауль (Рудольф) Бургундский 477, 482, 484, 487, 489, 493, 495, 498, 499
Рауль де Гони 496
Рауль, граф Камбре 495, 496
Рахнагильда 196
Редвальд, кор. англов 307
Ремигий еп. Реймский 162, 233, 243, 245
Ренан Э. (Renan E.) 82–84, 86, 320
Ренье де Арденн (Ренье Длинная Шея) 497
Ригунта (Ригонта) 276, 277

- Рикимер (Recimer, Ricimer) 157, 183
 Рихар, кор. 252
 Рихерий (Рихер) Реймский 467, 468, 479, 487, 493
 Ричард I герцог Нормандии 476, 491–493
 Ричард II Добрый, герцог Нормандии 493, 598
 Ричард Заступник, герцог Бургундии 498, 499
 Ричард Львиное Сердце 610
 Роберт I Дьявол, герцог Нормандии 493
 Роберт II Благочестивый 514, 518, 520, 528, 585, 598
 Роберт Васе 594
 Роберт I Нейстрийский 471–473, 475, 477, 482, 484, 487, 489, 490, 495, 498
 Роберт Сильный 448, 467–469, 471, 482–486, 494
 Робертины 467, 472, 473, 475–477, 479–492, 494, 498, 500
 Родбертус И. К. (Rodbertus J. K.) 90, 97–105, 107
 Родерик (Родриго) 320
 Роланд, лит. 439, 524, 525, 530, 532, 550, 591
 Рольф, Роллон (Hrolf, Rollon) 474–477, 491–493, 495
 Ромул Август (Августул) 107, 184–186, 239, 240
 Ронуэнна 172
 Рот П. (Roth P.) 230, 320–325, 327, 433, 440
 Ротари 31, 208–210, 373
 Ротруда (Columba) 362, 368
 Рудольф I Бургундский 498
 Рудольф II Бургундский 475, 500
 Рудольф III Бургундский 500
 Рудольф I Габсбург 545
 Рудольф Лысый (Padulphus Glaber) 515, 598
 Рудорф А. (Rudorf A.) 96
 Руперт (Rupert), св. 328
 Руссо Ж. Ж. 21
- Савва Готский 135
 Савиньи К. Ф. (Savigni K. F. v.) 33, 94, 96, 97, 107, 129, 205, 206, 533
 Салераст 315
- Сальвиан Марсельский 189–194, 427–429
 Само 315
 Самсон, св. 493
 Санд Ж. 21
 Сапфира, библ. 331
 Сарданапал, библ. 189
 Сассаниды 314, 319, 596
 Саул, библ. 117
 Светоний Транквилл Гай 381
 Святослав, русс. князь 242
 Северин (Severinus), св. 181–183, 233, 328
 Секунд Триентский 373
 Семишон (Semichon) 516, 517
 Септимий Север (Люций Септимий Север) 84, 85
 Серапис, миф. 167
 Сервантес Сааведра Мигель де 524
 Серена 143
 Сиagriй 239–241, 252, 253, 266
 Сигиберт (Саберт) Эссекский 307
 Сигиберт I кор. Австразии 272–274
 Сигиберт II, сын Теодериха (Тьерри) 280, 281
 Сигиберт III (Сигибер) Австразийский 315, 316
 Сигиберт Рипуарский 250, 251, 253
 Сигизмунд, кор. бургундов 158, 268, 270
 Сигон, библ. 120
 Сигурд 46
 Сидоний Аполлинарий 152, 154, 157, 158, 186, 194–197, 232, 236
 Сильван, военачальник 74
 Сильвестр, папа 608
 Сильвестр II, папа – см. Герберт
 Симеон Столпник 168
 Симмах Младший, Квинт Аврелий Анций 202
 Симмах (Старший), Квинт Аврелий Анций 129, 192, 195
 Симон де Монфор 611
 Симсон Б. (Simson B.) 383, 456
 Синезий Киренский (Synesius Cyrenensis) 129, 139
 Сисмонди Ж. Ш. Л. (Sismondi J. Ch. L. de) 528, 529
 Сихарий 315
 Созомен (Sozomenus) 122, 127, 134, 135, 286

- Соколов М. И. 77
 Соколовский П. А. 38, 43, 92
 Сократ Схоластик 121, 134
 Соломон, библи. 313, 314, 367, 378
 Стасюлевич М. М. 232
 Стеенструп Дж. (Steenstrup J. C. H. R.) 474, 475
 Стефан II (III), папа 344, 349
 Стефан IV, папа 457
 Стефан V, папа 376
 Стефан Бургонский 597, 601
 Стефан 598, 599
 Стилихон (Stilico) 74, 140–142, 144, 150, 192
 Сугерий (Suger), аббат Сен-Дени 514, 564
 Схоластика 296
- Тамфана, миф. 27
 Тарик 320
 Тассилон, герцог Баварский 350, 374, 393
 Тацит Публий Корнелий (Publius Cornelius Tacitus) 19–42, 48–53, 55–57, 59–61, 67, 69, 71, 72, 230, 232, 234, 260–263, 351, 391, 393, 433, 435, 447, 519, 525–527, 540
 Теган (Theganus) 363
 Текла (Thecla) 334
 Телемах, монах 192
 Теодбальд Аламанный 336, 337
 Теодоберт I 267, 269, 270
 Теодоберт Баварский 210
 Теоделинда Лангобардская 210, 290, 302, 303
 Теодерих I Мецкий 266–269, 296
 Теодерих II (Тьерри) Орлеанский 279–281, 290
 Теодерих II, кор. вестготов 148, 157
 Теодобальд, сын Теодоберта I 270
 Теодобальд, сын Хлодомира 269
 Теодоберт II (Теодобер) Австрийский 279, 280
 Теодорид (Theodoridus), кор. вестготов 147, 148, 181
 Теодорих Великий 31, 185, 186, 198–203, 233, 242, 249, 250, 252, 295
 Теодорих, герцог Баварский 328
 Теодульф (Teodulfus), еп. Орлеанский 375–380
- Тертуллиан (Tertullianus) 84, 167, 186, 330
 Тиберий Цезарь Август 62, 234
 Тиссо (Tissot) 106
 Томас Бекет 600
 Тор (Thor, Tug), миф. 60
 Торисмунд, кор. вестготов 147, 148
 Тотила 268
 Тразимунд, герцог Сполето 341, 342
 Траян Марк Ульпий 19, 62, 98, 225
 Тристан, лит. 593
 Тудун 353
 Туллий Цицерон Марк 224, 295, 367
 Турпин, еп. Реймский 350
 Тьегга (Thiega) 579, 580
 Тьерри – см. Августин Тьерри
 Тюнен (Thьnen), фр. ученый 100, 104
- Ульфила (Вульфила), еп. 134, 135, 202, 290
- Федор (Теодор) Тарсийский 310
 Феликс, еретик 393
 Фемистий (Themistius) 113, 121, 138, 139
 Феодорит Кирский 121
 Феодосий I 63, 74, 110, 111, 120, 123, 124, 129, 130, 132–134, 136–139, 143, 146, 147, 159, 192, 422,
 Феодосий II 95, 97, 102, 121, 148, 169, 180, 394
 Феофано 480, 488
 Фиккер Ю. (Fikker J.) 349, 455
 Филипп I Капетинг 514, 519, 528, 558
 Филипп II Август 511, 563, 565, 566, 588, 609–611
 Филипп IV Красивый 486, 510
 Филипп VI 584
 Филипп, граф Фландрский 594
 Филосторгий (Philostorgius) 134
 Фирмих, еп. Верденский 246
 Флавиан 371
 Флавий Вописк 57
 Флакк – см. Алкуин
 Флодоард (Flodoardus) 243, 496, 498
 Фока, виз. имп. 301
 Фома де Марль (Thomas de Marl) 581, 582
 Фраоман 169
 Фредегарий (Fгйдгаire) 156, 232, 312–315, 343, 372

- Фредегонда (Фредегунда) 232, 273–275, 277–281, 311, 312
 Фрея (Фрейя, Фрия), миф. 60
 Фридолин (Fridolinus), св. 328
 Фридрих I Барбаросса 360
 Фридрих II Гогенштауфен 544
 Фриман Э. (Freeman E.) 470, 476, 481
 Фритигерн 135–137
 Фродо, легенд. 46
 Фукидид 116
 Фульбер (Фульберт), еп. Шартра 503, 520
 Фульгентий Ферранд 164
 Фульрад, капеллан 343
 Фюстель де Куланж Н. Д. (Fustel de Coulanges N. D.) 79–83, 228, 229, 282, 427, 434, 442, 446, 500
- Харарих (Харарик) 246, 252, 253**
 Хариберт (Харибер) Аквитанский 313
 Хариберт, сын Хлотара I 272, 297, 304
 Хигбальд, еп. 368
 Хильдеберт I 254, 255, 266, 268–270, 276, 443
 Хильдеберт II (Хильдебер) Австрийский 274, 275, 277–279, 298, 394
 Хильдерик I 236–240, 255
 Хильдерик III 343
 Хильперик I 259, 260, 272–277, 443
 Хильперик (Хильперих), кор. бургундов 157, 242
 Хлодвиг I (Clodovech) 74, 161, 162, 186, 200, 226, 227, 229, 232, 233, 236, 239–256, 260, 261, 264, 266–268, 270, 271, 284, 285, 353, 442, 443, 467
 Хлодвиг II, сын Дагоберта I 316
 Хлодерих 250, 251
 Хлодион 236, 241
 Хлодоальд (Cloud), св. 269, 287, 511
 Хлодовик (Хлодовех) 274, 275
 Хлодомир (Орлеанский) 266, 268
 Хлотар I 254, 255, 266–270, 272, 276, 296, 443
 Хлотар Клотар II 270, 275, 279–281, 311–314, 431
 Хомяков А.С. 253
 Храмм 269
 Хрогильда (Хротхильда, Хродехильда), монахиня 297, 298
 Хродеганг (Chrodegang), еп. 347
- Хродехильда (Клотильда) 241–243, 247, 269
 Хронос, миф. 124
 Хруотруда 355
 Хунигильда (Chunigilt) 334
- Цахарие фон Лингенталь К. (Zaharie von Lingental K.) 94**
 Цвентибольд, кор. Лотарингии 497
 Цезарь – см. Юлий Цезарь, Гай
 Цезарь Арльский 233
 Цельс 85
 Цицерон Марк Туллий – см. Туллий Цицерон Марк
- Шафарик П. (Schafaric P. J.) 67**
 Шерр (Scherr) 523
 Шредер Р. (Schruder R.) 73, 550
 Штурм 334
 Шульте А. (Schulte A.) 96
 Шульц (Zchultz) 96
- Эанбальд 366**
 Эберт А. (Ebert A.) 382
 Эбол (Ebolus), аббат 471
 Эббон, архиеп. Реймса 462
 Эбрар И. Г. А. (Ebrard J. H. A.) 288, 291, 328, 329, 332, 333, 336
 Эброин (Эбруин) 316
 Эгберт 176, 361, 365, 366
 Эгидий Афраний Сиagriй 236, 237, 239, 240
 Эдбальд (Кентский) 306, 307
 Эдвин Нортумберлендский 307–309
 Эдмунд 53
 Эйнгард 350, 357, 362, 365, 375, 378–383
 Эйхгорн К. Ф. (Eichhorn K. F.) 533, 550
 Элевтерий, папа 166, 167
 Элипанд 393
 Эльберт 361, 365, 366
 Энгиляртус 339
 Энний 194
 Эрик, маркграф 379
 Эрифий 196
 Эрменгард 601, 605
 Эрменгарда 457, 458
 Эрханбальд (Erchanbald) 378
 Этельберга 308, 309
 Этельберт I, король Кента 176, 304–308
 Этельред 366, 536

- Этельстан 176, 477, 537
 Этельфрит 307–309
- Ювенал** Децим Юний 20
 Юдифь 458–462
 Юдифь, дочь Карла Лысого 494
 Юлиан Отступник 44, 73, 74, 93, 111–123, 235, 236, 286, 471
 Юлиан, граф 319
 Юлий Виктор 367
 Юлий Капитолин 67
 Юлий Максим, conductor 106
 Юлий Непот 183–186
 Юлий Цезарь, Гай 24, 26, 36–42, 48, 51, 59, 69, 71, 96, 156, 223, 224, 239, 240, 540
 Юлий, св. 168
 Юнганс (Junghans) 239, 240, 353
 Юпитер, миф. 302
 Юст, еп. Лиона 196, 307
 Юстин 202
 Юстиниан I 95, 102, 103, 162, 202, 203, 267, 268, 270, 299, 318, 319, 357, 570
- Ярослав** Мудрый 518
 Яффе Ф. (Jaffé Ph.) 350, 370, 371, 381
- Aalais, лит. 496
 Aella 175, 176
 Anségise архиеп. Санса 498
 Artaud, архиеп. Реймса 498
 Aubri de Châtillon 564
- Bethmann-Hollweg** 206
 Boretius A. 534
 Bouquet M. 233, 563, 565
 Brunner G. – см. Бруннер Г.
- Chonodomarius** 44
 Chrétien de Troyes 594
 Civilis 49
 Cousy, трувер 594
- Dietsch** R. 542
 Drapeyron 523
- Ebles de Poitiers** 499
 Ehrhard K. 23
 Elton 166
 Enguerraun de Cousy 579, 581, 582
 Estein A. 107
- Flammermont** I. 584, 587, 588
 Foulque, архиеп. Реймса 498
 Frade III 492
- Geffroy** A. 24
 Geoffroi de Barboi 594
 Geoffroi de Brenilly 594
 Gerard de Roussillon 591, 593
 Gilbain, лит. 495
 Giry A. 533, 534, 537, 584
 Gothein 548
 Green J. R. 166
 Gross Ch. 535, 538, 548
 Gross M. 548
 Guéno!é, св. 493
 Gui d'Anjou, еп. Шарру 517
 Gurry d' Arras, лит. 495, 496
 Gui de Basoches 562
- Havet** J. 487
 Hérivée, архиеп. Реймса 498
 Heusler M. 540–543, 546, 547
 Hoeniger 548
 Horich, норманн 467
- Isarn**, еп. Гренобля 500
- Justellus** 378
- Lambert d'Ardres** 593
 Laverge 37
 Leo H. 206
 Lesardierre de. 392
 Liesegang 548
 Lot F. 490
- Nasse** E. 42, 43
- Olleris** A. 487
- Pertz** G. G. 338, 363, 364, 381
 Peyron A. 97
 Prou M. 566, 570, 571
- Raimond**, граф 499
 Raoul Taillefer, лит. 495, 496
 Ricula 306
 Riulf, ярл 492
- Saxo Grammaticus** 46, 57, 492
 Schultz A. 523

Seek O. 132

Seguin de Châtillon 564

Smith T. 535

Svegen 492

Taullefert 532

Terminus, миф. 78

Thibaut de Chartres 492

Vilson de la Colombière 532

Viollet P. 570

Wauters A. 535

Wendt 71

Zio, Ziu (Thio), миф. 27, 59, 60

СОДЕРЖАНИЕ

ТОМ I ВАРВАРЫ И РИМ

I. ГЕРМАНСКИЙ ИЛИ ВАРВАРСКИЙ МИР. ТАЦИТ	19
Общий характер социального быта германцев	19
Сословия	31
Экономический быт. Землевладение	35
Дружина	44
Государственный быт	47
Семейный и религиозный быт	55
II. БОРЬБА ДВУХ МИРОВ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ИМПЕРИИ	62
Маркоманнская война	62
Первый период Великого переселения народов. Первое движение. Второе движение. Готы	66
Экономическое состояние римского общества и причины падения империи	79
Реформы Диоклетиана и Константина. Происхождение колоната	87
Преемники Константина. Юлиан. Торжество христианства	110
III. БОРЬБА ДВУХ МИРОВ. ОБРАЗОВАНИЕ ВАРВАРСКИХ ГОСУДАРСТВ НА РИМСКОЙ ПОЧВЕ	128
Мирная колонизация германцев на римской территории	128
Второй период Великого переселения народов. Вестготы, гунны. Движение готов на Римскую империю	133
Другие нашествия. Аларих. Вестготское государство	140
Бургундское государство	155
Вандальское государство	162
Завоевание Британии и англосаксонские государства	166
Аттила и падение Западной империи	177
Главные произведения литературы в V веке	186
Краткий очерк истории Остготской и Лангобардской Италии	197
Примечания	212

ТОМ II ИСТОРИЯ ФРАНКСКОГО ГОСУДАРСТВА

I. Введение.	223
II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ФРАНКОВ И ИСТОРИЯ ФРАНКСКОГО ГОСУДАРСТВА В ГАЛЛИИ ДО КОНЦА ПРАВЛЕНИЯ ХЛОДВИГА	234
Франки: первоначальные сведения о них и их расселение	234
Король Хлодвиг, его политическая роль и значение	240
Право и быт франков по «Салической правде»	254
III. ВНЕШНИЕ СОБЫТИЯ В ИСТОРИИ ФРАНКСКОГО ГОСУДАРСТВА ПОСЛЕ ХЛОДВИГА	266

Первый период (511–561)	266
Второй период (561–613)	270
IV. ХРИСТИАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В V И VI ВЕКАХ	285
Монашество и миссионерская деятельность Кульдейской церкви	285
Св. Колумбан и его монашеское правило	289
Св. Бенедикт и его учение	292
Папа Григорий I	298
Просвещение Британии	305
V. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЗАПАДНОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ. КАРЛ ВЕЛИКИЙ	311
Меровингское государство с 613 по 714 год. Возвышение Каролингов.	
Карл Мартелл	311
Реформа Франкской церкви Бонифацием в связи с общей историей христианской церкви. Союз майордомов с папами	327
Карл Великий	348
Просветительная деятельность Карла Великого. Литература при Карле Великом	360
Государственное устройство при Карле Великом	383
Примечания	397

ТОМ III ИСТОРИЯ ФРАНЦИИ ПРИ ПРЕЕМНИКАХ КАРЛА ВЕЛИКОГО И ПРИ ПЕРВЫХ КАПЕТИНГАХ

I. ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ GERMAHO-РОМАНСКОГО МИРА И GERMAHO-РОМАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ МОНАРХИИ КАРЛА ВЕЛИКОГО	421
Очерк развития феодализма	423
Распад монархии Карла Великого и образование отдельных государств. Внешняя история Франции (814–843)	451
II. НОРМАННСКОЕ НАШЕСТВИЕ	466
Образование герцогства Нормандского. Первые Капетинги	474
Территория Франции при Капетингах	491
Очерк феодальных отношений	500
Франция при первых Капетингах. Рыцарство	514
III. ИСТОРИЯ КОММУНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ	533
История отдельных городов	553
IV. ТРЕТИЙ ПЕРИОД РЫЦАРСТВА	591
V. ЕРЕТИЧЕСКИЕ ДВИЖЕНИЯ XII ВЕКА	596
Положение королевской власти во Франции (конец XII–начало XIII вв.)	609
Примечания	612

Научное издание

В. Г. Васильевский

ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Главный редактор издательства *И. А. Савкин*

Дизайн обложки *И. Н. Граве*

Редактор *Л. Н. Заливалова*

Корректор *Т. В. Христич*

Оригинал-макет *Л. Г. Иванова*

ИД № 04372 от 26.03.2001 г.

Издательство «Алетейя»,

192171, Санкт-Петербург, ул. Бабушкина, д. 53.

Тел./факс: (812) 560-89-47

E-mail: office@aletheia.spb.ru (*отдел реализации*),

aletheia@peterstar.ru (*редакция*)

www.aletheia.spb.ru

Фирменные магазины «Историческая книга»

Москва, м. «Китай-город», Старосадский пер., 9. Тел. (495) 921-48-95

Санкт-Петербург, м. «Чернышевская», ул. Чайковского, 55.

Тел. (812) 327-26-37

Книги издательства «Алетейя» в Москве

можно приобрести в следующих магазинах:

«Библио-Глобус», ул. Мясницкая, 6/3, стр. 5. www.biblio-globus.ru

Дом книги «Москва», ул. Тверская, 8, стр. 1. Тел. (495) 629-64-83

Магазин «Русское зарубежье», ул. Нижняя Радищевская, 2.

Тел. (495) 915-27-97

Магазин «Гилея», Нахимовский пр., д. 56/26. Тел. (495) 332-47-28

Магазин «Фаланстер», Малый Гнездииковский пер., 12/27.

Тел. (495) 749-57-21

Магазин издательства «Совпадение».

Тел. (495) 915-31-00, 915-32-84

Подписано в печать 01.08.2008. Формат 60×88^{1/16}.

Усл. печ. л. 36. Печать офсетная. Тираж 2000 экз.

Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография “Наука” № 1»,
199034, Санкт-Петербург, В. О., 9 линия, д. 12